

A historical map of Central Europe, showing the Danube River and various cities. The map is in a sepia tone. The Danube River flows from the top right towards the bottom right. Major cities like Vienna (Вена), Budapest (Будапешт), and Zagreb (Загреб) are marked. Nationalities and regions are labeled in Cyrillic, such as 'СЛАВЯНОСЕРБОВ' and 'ГОС. СЛОВЕН. ХОРВАТ'.

ЮГОСЛАВИЯ В XX ВЕКЕ

Очерки политической истории

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ЮГОСЛАВИЯ В XX ВЕКЕ

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

МОСКВА «ИНДРИК» 2011

УДК 94(497)
ББК 63.3(4)
Ю 15

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 09-01-16092д)*

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук К. В. Никифоров (ответственный редактор),
кандидат исторических наук А. И. Филимонова
доктор исторических наук А. Л. Шемякин

Рецензенты:

кандидат исторических наук Л. В. Кузьмичева,
доктор исторических наук Е. П. Серапионова

Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Ответственный редактор К. В. Никифоров. — М.: «Индрик», 2011. — 888 с.

ISBN 978-5-91674-121-6

Книга отражает современный уровень изучения в России истории югославянских народов в XX в. В опоре на новейшую литературу и доступную источниковедческую базу прослеживается возникновение югославского государства в 1918 г., складывание его институтов и политической системы, большое внимание уделяется событиям Второй мировой войны, освещается период социалистической Югославии, который закончился так называемым югославским кризисом — распадом государства и чередой межэтнических гражданских войн.

Для историков и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-91674-121-6

© Коллектив авторов, Текст, 2011

© Издательство «Индрик», оформление, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (К.В. НИКИФОРОВ)	7
------------------------------------	---

ЧАСТЬ I

ЮГОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА В НАЧАЛЕ XX в.	11
---	----

Глава 1. Сербия (А.Л. Шемякин)	13
Глава 2. Черногория (В.Б. Хлебникова)	55
Глава 3. Македония и Косово (М.Л. Ямбаев)	71
Глава 4. Хорватские земли и Воеводина (А.И. Филимонова).....	83
Глава 5. Словенские земли (Л.А. Кирилина).....	141
Глава 6. Босния и Герцеговина (А.И. Филимонова)	157
Глава 7. Первая мировая война. Рождение Югославии (А.Л. Шемякин)	175

ЧАСТЬ II

ПЕРВАЯ ЮГОСЛАВИЯ (1918–1941 гг.)	217
--	-----

Глава 1. Королевство СХС до принятия Видовданской конституции (1918–1921) (А.А. Силкин)	219
Глава 2. Королевство СХС в 1920-е годы (А.А. Силкин)	235
Глава 3. Внутриполитическое развитие Югославии в 1930-е годы (А.А. Силкин)	265
Глава 4. Внутриполитическая сцена Югославии на рубеже 1930–1940-х годов (Л.Я. Гибианский).....	291

ЧАСТЬ III

ЮГОСЛАВИЯ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (Л.Я. ГИБИАНСКИЙ)	305
--	-----

Глава 1. Югославия в начале Второй мировой войны: баланси́рование над пропастью (сентябрь 1939 – апрель 1941 г.).....	307
--	-----

Глава 2. Катастрофа Югославии в апреле 1941 года	351
Глава 3. Раздел Югославии оккупантами и организация режимов власти ...	377
Глава 4. Развертывание Сопротивления и гражданской войны	403
Глава 5. Возникновение новой югославской государственности	445
Глава 6. Восстановление независимости Югославии	487

ЧАСТЬ IV

ВТОРАЯ ЮГОСЛАВИЯ	523
------------------------	-----

Глава 1. По советскому образцу: первые годы коммунистического правления (Л.Я. Гибианский).....	525
Глава 2. Из друзей – во враги: конфликт с Кремлем (1948–1949) (Л.Я. Гибианский).....	567
Глава 3. Югославия в 50-е годы: в поисках «аутентичного» марксизма (А.Б. Едемский)	595
Глава 4. Внешнеполитические ориентиры. Смена союзников и постановка новых задач (А.С. Аникеев)	617
Глава 5. Нормализация отношений с СССР (март 1953 г. начало 1960-х годов) (А.Б. Едемский).....	661
Глава 6. Дилемма самоуправленческого выбора (А.Б. Едемский)	683
Глава 7. Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций (Е.Ю. Гуськова)	701
Глава 8. «Карделевская Югославия» (1974–1990) (К.В. Никифоров).....	735

ЧАСТЬ V

РАСПАД ЮГОСЛАВИИ (90-е годы XX в.)	765
--	-----

Глава 1. Отделение Словении (Е.Ю. Гуськова)	767
Глава 2. Независимая Хорватия с независимыми сербами (Е.Ю. Гуськова) ..	775
Глава 3. Босния и Герцеговина: трагедия трех народов (Е.Ю. Гуськова).....	805
Глава 4. Третья Югославия и косовский вопрос (Е.Ю. Гуськова)	839
Глава 5. Геополитический аспект югославского кризиса (К.В. Никифоров).....	865

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ (К.В. НИКИФОРОВ)	871
--	-----

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	877
-------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

XX век оказался переломным и трагическим для судеб всего человечества. Однако особые испытания выпали на долю стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Кроме мировых войн многие из них оказались втянуты еще и в невиданный социальный эксперимент, также перекалевший судьбы миллионов людей и закончившийся полным крахом, распадом всех многонациональных государств – Советского Союза, Югославии и Чехословакии.

Не удивительно, что несколько лет назад Институт славяноведения РАН задумал серию работ, посвященную истории зарубежных славянских стран в XX в. С одной стороны, славянские народы оказались в центре всех политических катаклизмов, на которые оказался столь богатым минувший век. С другой стороны, влияние славянских народов на ход мировой истории в XX в. было «гораздо выше того удельного веса, который они имели в глобальном народонаселении»¹.

Это замечание справедливо и по отношению к Югославии. После Второй мировой войны страна постепенно заняла место в мире, несоизмеримо превосходившее ее реальный политический и экономический вес: родина альтернативной модели социализма, буфер между двумя враждебными блоками и даже один из лидеров третьего мира. Да и кровавый распад Югославии – повлиял не только на судьбу населявших ее народов, но и весьма существенно на складывание новой системы международной безопасности, пришедшей на смену ялтинско-потсдамскому миру. И конечно, история югославянских народов в XX в., в столетии, когда их судьба несколько раз менялась самым радикальным способом, заслуживает отдельного исследования.

«Югославия в XX веке. Очерки политической истории» – третий труд в задуманной серии. Уже увидели свет «Болгария в XX веке. Очерки политической истории» (М., 2003) и «Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории в 2 кн.» (М., 2005). В стадии написания находится последний труд серии по истории Польши.

Перед авторами труда стояло множество проблем. И первая из них – само его название. Понятно, что существование Югославии (1918–1991) даже хронологически не покрывает весь XX век. Конечно, можно было назвать период до 1918 г. «На пути к Югославии», а период после 1991 г. «На пути из Югославии». Но это было бы значительным упрощением. В частности, начало XX в. для югославянских народов вовсе не исчерпывается стремлением к созданию единого государства. Хотя авторы далеки и от другой крайности – утверждений о том, что Югославия была искусственным государством, своего рода «исторической ошибкой».

После долгих дискуссий все-таки остановились на названии, включающим слово «Югославия». Любое название достаточно условно. Но так или иначе, три четверти XX ст. югославянские народы находились в составе общего государства, которое занимает в

их истории прошлого века центральное место. К тому же давно замечено, что по своему внутреннему содержанию XX век оказался намного короче формальных хронологических рамок и фактически длился лишь от Первой мировой войны до краха коммунистической системы и распада биполярного блокового мира. А это как раз время существования Югославии.

Другая сложность – характер труда. Очерки истории Болгарии названы их авторами сборником, очерки истории Чехии и Словакии – коллективной монографией. Нашу работу мы бы определили срединной дефиницией, а именно как монографический сборник, благо такое определение уже получило хождение в научной среде. Монографический – в плане попыток глубины подходов и наличия общего замысла, сборник – так как каждый автор имел полную свободу при выборе темы и угла зрения на ту или иную проблему в заданных хронологических рамках. Точно так же авторы были полностью свободны в изложении своих взглядов и оценок. Каждый изложил только собственную точку зрения. Впрочем, очерковый характер всех трудов серии именно это и подразумевает.

Кроме того, авторам не удалось равномерно осветить все проблемы, не достигнута и полная унификация всех разделов труда, как это было бы свойственно коллективной монографии. На это влияли степень изученности в России различных периодов истории югославянских народов в XX в., наличие необходимых специалистов, состояние документальной базы и ее доступность.

Предложенная работа, естественно, отражает и степень изученности конкретной проблемы или того или иного периода новейшей истории югославянских народов в зарубежных, прежде всего национальных югославянских историографиях. В последних – много работ, посвященных различным аспектам истории народов, входивших в состав Югославии. Однако на этом фоне легко заметить, что обобщающих трудов по истории всей Югославии существенно меньше. Можно сказать, что их совсем мало. Причем многое из написанного в период существования Югославии уже безнадежно устарело, а новые работы пишутся преимущественно с национальных позиций и посвящены национальной истории отдельных народов – словенцев, хорватов, сербов, македонцев и т.п.² Историю существовавшего в XX в. общего государства еще только предстоит написать ученым с территории бывшей Югославии. Как справедливо указано в одном из последних сербских трудов – написание истории Югославии для исторической науки по-прежнему остается вызовом³.

И если с точки зрения накопленного в историографии фактического материала с первой половиной XX в. дело обстоит еще относительно терпимо, то социалистический этап в истории Югославии изучен совсем слабо. И в любом случае вся история Югославии XX в. нуждается в современном осмыслении. Это справедливо и в отношении истории Второй мировой войны на территории Югославии – казалось бы не забытой исследователями в предыдущий период. Однако новые документы и отмена цензуры заставляют нас взглянуть на многие моменты совершенно по-новому.

В отечественной историографии обобщающей работы по новейшей истории югославянских народов до сих пор не написано. Единственный труд – двухтомная «История Югославии», датированная еще 1963 г. Повествование в нем доведено лишь до 1945 г.⁴ В конце 80-х годов прошлого века в Институте славяноведения была предпринята попытка написания кратких историй стран Центральной и Юго-Восточной Европы, но по Югославии запланированный труд выйти в свет так и не успел.

В советское время заниматься послевоенной «ревизионистской» Югославией было намного труднее, чем историей других европейских социалистических стран, разреше-

ние на публикацию любой книги, связанной с современной югославской проблематикой, даже после нормализации советско-югославских отношений давалось фактически на уровне ЦК КПСС. Многим изданиям присваивался гриф «ДСП» – «для служебного пользования». А открытый доступ, по существу, ограничивался двумя коллективными монографиями Института экономики мировой социалистической системы (ныне – часть Института экономики РАН), которые так и назывались «Социалистическая Федеративная Республика Югославия»⁵.

Оживление в изучении послевоенной Югославии в отечественной исторической науке началось уже во время «перестройки» в Советском Союзе⁶, а затем и вовсе пали многие старые запреты. Однако разразившийся югославский кризис на время отвлек на себя основное внимание российских историков⁷. Теперь настало время вернуться к собственно истории Югославии в XX в.⁸, создать первый обобщающий труд. Но, естественно, авторы не претендуют на окончательные оценки, они скорее провоцируют дискуссию. Повторим, труд отражает уровень развития современной российской югославистики. Процесс познания продолжается, высказанные взгляды открыты для любых уточнений и иных точек зрения.

Книга подготовлена в Институте славяноведения РАН авторским коллективом в составе: к.и.н. А.С. Аникеев, Л.Я. Гибянский, д.и.н. Е.Ю. Гуськова, к.и.н. А.Б. Едемский, к.и.н. Л.А. Кирилина, д.и.н. К.В. Никифоров, к.и.н. А.А. Силкин, к.и.н. А.И. Филимонова, к.и.н. В.Б. Хлебникова, д.и.н. А.Л. Шемякин, к.и.н. М.Л. Ямбаев.

Идея написания серии трудов, посвященных истории славянских народов в XX в., принадлежит члену-корреспонденту РАН В.К. Волкову. Он же собрал авторский коллектив для написания работы по новейшей истории Югославии и сам собирался написать ряд разделов. К сожалению, судьба распорядилась иначе. Горько сознавать, что Владимир Константинович не увидит опубликованного труда, но этот труд – еще одно овестьственное свидетельство того, что его дела и память о нем продолжают жить.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский грант № 05–01–01297а).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Волков В.К. Российская историческая славистика на пороге XXI века: смена исследовательской парадигмы // Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 297.

2 См., например: *Bilandžić D. Hrvanska moderna povijest*. Zagreb, 1999; *Димић Љ. Историја српске државности*. Књ. 3. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001.

3 Pisati istoriju Jugoslavije. Viđenje srpskog faktora. Beograd, 2007. S. 5.

4 История Югославии в двух томах. М., 1963. Т. II.

5 Социалистическая Федеративная Республика Югославия / отв. ред. Л.А. Никифоров. М., 1975; Социалистическая Федеративная Республика Югославия / отв. ред. Л.А. Никифоров. М., 1985.

6 См., например: *Гибянский Л.Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг.* М., 1987; *Кузнецовский В.Д. Эволюция югославской концепции социализма*. М., 1990; *Каменецкий В.М. Политическая система Югославии (1950–1980 гг.)*. М., 1991; *Гиренко Ю.С. Сталин–Тито*. М., 1991.

7 См., например: *Никифоров К.В.* Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999; *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001.

8 За последние по истории Югославии в XX в. годы вышли: *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период холодной войны (1945–1957). М., 2002; *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008; *Силкин А.А.* Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре. 1918–1929 гг. СПб., 2008.

ЧАСТЬ I

ЮГОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ
И ГОСУДАРСТВА
В НАЧАЛЕ
XX В.

ГЛАВА 1

СЕРБИЯ

МАЙСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1903 г. Вступление в XX ст. явилось для Сербии не только очередным шагом по лестнице времени; события начала девятисотых, сыграв роль революции, изменили всю историю страны. И, в первую очередь, Майский переворот 1903 г. А век XIX уходил в прошлое, вместе с людьми, которые столь долго его олицетворяли: Йованом Ристичем*, митрополитом Михаилом**, экс-королем Миланом Обреновичем***. Смерть последнего (29 января 1901 г. в изгнании, в Вене) особенно символична. После нее многим стало ясно, что дни династии сочтены – не случайно, что впервые мысль о заговоре против короля Александра зародилась в головах молодых сербских офицеров в конце того же года... Но почему кончина отца послужила смертным приговором его наследнику? Для ответа на этот вопрос вернемся чуть назад, в эпоху «владановщины» (1897–1900), когда сын и родитель практически вместе управляли страной, а отношения между ними являли (по крайней мере на публике) образец гармонии, чего на самом деле не было и в помине.

* * *

В октябре 1897 г. давний и верный сторонник Обреновичей Владан Джорджевич возглавил очередное внепартийное правительство. Основой идеологии «октябрьского режима» стал лозунг: «Сербия превыше всего», что на практике означало буквальное удушение политических партий и усиление личной власти монарха¹. Тогда же Милан Обренович (закулисный архитектор нового режима) окончательно вернулся в Сербию и стал командующим регулярной армией. На этом посту он провел военную реформу, которую сербские историки считают успешной – связанные с ней позитивные нововведения не могли не проявиться в судьбоносные годы (1912–1918)².

Нас, однако, больше интересует другая сторона медали, а именно: место армии в государстве, на которое ее вознес командующий, и то, как он это сделал.

Вполне очевидно, что кроме чисто военной составляющей, в реформе сербской армии имелся и выраженный внутренний подтекст – Обренович IV строил из нее опору

* Ристич Йован (1831–1899) – премьер-министр (1873, 1878–1880 и 1887) и министр иностранных дел (1867, 1872–1873, 1875, 1876–1880 и 1887) Сербии; регент княжеского (1868–1872) и королевского (1889–1893) достоинства; многолетний лидер Либеральной партии; академик.

** Михаил (Йованович; 1826–1898) – митрополит Сербский и архиепископ Белградский (1859–1881, 1889–1898).

*** Обренович Милан (1854–1901) – князь (1868–1882) и король (1882–1889) Сербии.

трона. А это, последнее, не могло не быть в условиях тогдашней Сербии рискованным делом. Ведь еще в 1883 г., подавив с помощью армии Тимокское восстание, т.е. втянув оную в политику, он в какой-то мере превратил династию в ее заложницу.

На рубеже веков этот «внутренний» компонент только усилился. Став во главе армии, Милан (на правах отца короля) выбивал для нее из бюджета суммы, ранее и не снившиеся военным министрам. При этом ему было абсолютно безразлично, из каких иных статей изымаются средства. Было увеличено жалование; награды и всевозможные доплаты сыпались на офицеров, как из рога изобилия. Милан поднял значение военных в обществе, по сравнению со «штафирками», там даже, где этого делать не следовало. И, соответственно, милитаризация «октябрьского режима» только усиливалась, а армия становилась «государством в государстве». Королем этого теневого государства и был Милан Обренович. Его так и называли – «король армии»³. Увеличив прием в Военную академию, он сформировал многочисленный корпус лично ему преданной военной молодежи, для которой стал буквально «идолом». Значение же Александра Обреновича – настоящего короля, не вмешивавшегося в дела вооруженных сил, в глазах офицерства падало⁴.

При этом «тимокский синдром» (его продолжали сознательно культивировать) глубоко засел в сознании офицеров. «Мы – армия. Это организованная оборона страны от агрессии извне и гарант внутреннего порядка... И если нам, как военным, долг велит защищать отечество от внешних врагов, то почему нам не защищать его и изнутри»⁵, – говорили будущие заговорщики. А гарантия «внутреннего порядка», или защита трона Обреновичей, ассоциировались у них теперь с лояльностью *одному* «королю армии»⁶. «Мы обожали короля Милана»⁷, – признавались взводные и ротные командиры.

И как только пути отца и сына разошлись, армия, а точнее – молодое поколение офицеров, выпестованное и прирученное Обреновичем-старшим, сделало свой выбор.

Тому же, что они разошлись, в немалой степени способствовал сам экс-король и его неумные амбиции, которые совсем не ограничивались чином армейского генерала, придуманном специально для него. Еще до встречи с сыном в Париже осенью 1897 г., где и был решен вопрос о возвращении Милана, тот принялся выяснять «деликатный» вопрос – носил ли основатель династии, князь Милош, титул «верховного вождя», как в свое время Карагеоргий⁸... Поиски столь сомнительной легитимности при живом и законном монархе (да к тому же – родном отпрыске) были сродни mine, закладываемой в основание династии. Поскольку было очевидно, что король-сын тяготится растущим влиянием и жесткой волей родителя, который «чем увереннее и сильнее чувствовал себя в армии, тем больше стремился к доминированию над всем и вся»⁹.

Понятно, что длиться вечно такое положение не могло: мина, собственноручно заложная Миланом Обреновичем, «рванула» в июле 1900 г., когда была объявлена помолвка короля Александра с Драгой Машин – король-отец находился в то время за границей, ему запретили возвращаться в страну. Мало того, опасаясь за свою власть в случае несанкционированного возвращения Милана (а у того было немало сторонников – не только в армии, но и в политических кругах, – которые призывали его вернуться), Александр приказал пограничной страже застрелить отца в случае попытки пересечь сербскую границу.

«События 29 мая 1903 г. невозможно отделить от личности Милана Обреновича, – констатировал прекрасный знаток той эпохи Милан Йованович-Стоимирович, – ибо заговор родился в тот момент, когда разнеслась весть, что его сын дал команду убить отца, если он силой попытается перейти границу Сербии»¹⁰. То же подтвердили и сами молодые заговорщики¹¹. Причем, пока Милан Обренович был жив, они предполагали «всего

лишь» изгнать короля Александра с супругой из Сербии и вернуть отца, но после его смерти – через полгода после разрыва с сыном – судьба последнего была решена иначе. Потому-то в конце 1901 г. в белградских казармах и на конспиративных квартирах впервые и прозвучало: «Смерть королю!»*... Классик сербской исторической науки Слободан Йованович глубоко прав, утверждая: «Верные королю, пока любят, офицеры были готовы изрубить его в момент озлобления». И далее – «Обреновичи не смогли превратить королевское достоинство в святыню для офицеров, перед которой они преклоняются безотносительно к тому, кто является его носителем. Они создали армию, но без подлинно воинской идеологии»¹².

* * *

Помолвка, а затем женитьба короля Александра на Драге Машин (23 июля 1900 г.) вызвали в стране подлинный шок. Взять в супруги вдову, старше на 12 лет – было по сербским патриархальным понятиям непристойно и для простого обывателя, не говоря уже о монархе¹³. Столичные жители (особенно офицеры) к тому же доподлинно знали, что у госпожи Машин – бывшей фрейлины королевы Натальи – отнюдь не безупречное прошлое. Потому, как зафиксировал в дневнике Милан Миличевич, «протестовали все, даже те, кто еще вчера равнодушно смотрел на изгнание граждан из страны»¹⁴. Министры подали в отставку, а экс-король написал из Вены сыну: «Наша династия пережила много ударов, но твое решение стало бы для нее роковым... И ежели оно неизменно, то мне остается лишь молиться Богу за мое отечество. Тому правительству, которое бы тебя, из-за столь легкомысленного шага, выгнало из Сербии, я первый бы рукоплескал»¹⁵.

Александр отдавал себе отчет в непопулярности своей женитьбы, но он полагал возможным вернуть авторитет короне посредством изменения политического курса. В стране назревали перемены.

И уже при так называемом свадебном министерстве Алексы Йовановича был ограничен полицейский террор, а по случаю дня рождения королевы Драги объявлена амнистия радикалам, осужденным по делу об Иванданском атентате 1899 г. Но самым важным поворотом в политике Александра стало сближение с Россией. Тем более, что главный проводник австрийского влияния в Сербии – Милан Обренович – находился за границей, и по признанию монарха (в передаче российского поверенного в делах П.Б. Мансурова), «о возвращении его в Сербию и о восстановлении политического влияния не может быть и речи»¹⁶. Что, заметим, давно было главным условием Петербурга для «реанимации» нормальных отношений с Белградом. Мало того, страшась возможного противодействия отца, король обратился за помощью в Департамент полиции – русские тайные агенты, сняв в Вене квартиру напротив апартаментов Милана по *Johannes gasse*, следили за всеми его передвижениями.

Поведав Мансурову о решении вступить в брак с Драгой еще до официального о том объявления, и полагая, что ему «придется преодолеть некоторые неблагоприятные впечатления», король обратился «для полного удовлетворения народа» к императору

* Один из главных заговорщиков Дамнян Попович заявил в октябре 1910 г. во время очередного «кризиса на престоле»: «Если бы король Милан остался жив, не было бы и 29 мая» (*Жујовић Ј.* Дневник / приред. Д. Тодоровић. Београд, 1986. Т. 1. С. 204).

с просьбой сохранить по отношению к нему «преемственное право крестного отца»¹⁷. В ответ он и обещал дать своей политике новое направление: «Сохранение для нее опоры в охранительных элементах, но уничтожение при этом гнета и произвола во внутренней политике и устранение всего, что мешало бы сближению с Россией, – во внешней»¹⁸. В Петербурге снисходительно отнеслись к просьбе крестника отца императора, и 16 июля в Белград ушла телеграмма министра иностранных дел, графа В.Н. Ламздорфа – «Государю императору благоугодно было Всемилоостивейше выразить согласие на принятие, в качестве Августейшего кума, участия в бракосочетании короля Александра»¹⁹. Король был счастлив: на свадьбе Николая II представлял Мансуров. Народ же сербский увидел в том знак покровительства России. По оценке Н.В. Чарыкова, занявшего весной 1901 г. пост российского посланника в Сербии, это «было время расцвета вновь возрожденной русско-сербской дружбы»²⁰... Но медовый месяц длился, увы, недолго. Хотя сербский монарх и держал свое слово²¹.

В марте 1901 г. правительство А. Йовановича ушло в отставку – вместо него был сформирован объединенный радикально-напредняцкий кабинет во главе с умеренным радикалом Мишей Вуичем. Известно, что с конца XIX в. Радикальная партия являлась искренним союзником России, и такое возвышение Вуича было гарантией русского влияния в Сербии... Правда, король не упустил и своего интереса. Обусловив приход к власти радикалов и дарование новой конституции их альянсом («фузией»*) с преданными династии напредняками, ему удалось посеять смуту в рядах Радикальной партии, из которой выделилась группа младорадикалов, составившая основу будущей Независимой радикальной партии.

В апреле того же года король октроировал так называемый «Апрельский Устав», в котором впервые в сербской политической практике вводилась двухпалатная система – Скупщина и Сенат, что явилось воплощением давнишней идеи Напредняцкой партии, желавшей с помощью верхней палаты защитить страну от «тирании ассамблей». И уже летом состоялись выборы в обе палаты, абсолютное большинство в которых получили старорадикалы – сторонники «фузии». Об оживлении политического процесса в Сербии свидетельствует и тот факт, что осенью 1901 – весной 1902 г. было принято или заново отредактировано немало законов, в том числе – о выборах, собраниях и общественных организациях, общинах, устройстве армии, Государственном Совете, средних школах, государственных монополиях, лесах, железной дороге...

Развитие страны, как видим, возвращалось в регулярное конституционное русло, что и было обещано Петербургу. У короля возникла идея совместного с Драгой визита в Россию. Прием их русской императорской четой придал бы «сомнительной» сербской королеве искомую легитимность. Со времени свадьбы, Александр Обренович не переставал мечтать о вожденной поездке в Россию – тем более, что и русский двор поначалу был настроен весьма благосклонно.

Но в дело вмешались непредвиденные обстоятельства. В конце лета 1900 г. было объявлено, что королева Драга беременна, – хотя многие сведущие люди знали, что это в принципе невозможно. Впавший в эйфорию монарх трепетал в ожидании наследника или наследницы престола, а подданные заваливали дворец дарами – один из его покоев был буквально забит колыбелями, которых будущей матери нанесли целых 43 штуки. Но время шло, а дитяти все не было. Наконец, иностранные доктора осмотрели Драгу,

* Фузија (сербск.) – союз, альянс, объединение.

и в апреле 1901 г. вынесли вердикт: «Рождения ребенка нельзя ожидать». Беременность была признана «ложной»²²... Вспыхнул грандиозный скандал, а русский двор, с самого начала относившийся к «положению» Драги с подозрением (с подачи королевы-матери Натальи Обренович), стал откладывать уже согласованный было визит в империю.

Повторим – своей поездке в Россию король придавал огромное, если не сказать, решающее, значение. И «странные» заминки с определением ее сроков, допускаемые российскими властями, расстраивали его не на шутку. В состоянии, близком к срыву, и не надеясь больше на дипломатов, Александр Обренович пошел на прямое нарушение всяческого этикета, попросив в октябре 1901 г. отправиться в Петербург «на разведку» самого начальника русской секретной агентуры на Балканах полковника А.И. Будзиловича, которого хорошо знал со времен организации слежки за экс-королем Миланом в Вене и охраны собственного семейства в Белграде. При этом посланец короля был снабжен специальным письмом от русской Миссии²³.

Однако, это откровенное (хотя отчасти и извиняемое отчаянием) игнорирование принятого порядка ведения дел привело к прямо противоположному результату. По сообщению сербского посланника в Петербурге Стояна Новаковича, «граф Ламздорф не пожелал и говорить с прибывшим о главном предмете его вояжа», назвав сам факт вмешательства полицейского чина в сферу высшей дипломатии «impardonnable»²⁴...

Прямого отказа сербской королевской чете на поездку в Россию и на сей раз не последовало – ее продолжали держать в неведении по прежней формуле: «посещение императорского двора в принципе решено, оно состоится в удобное для того время»²⁵. 13 июня 1902 г. граф Ламздорф послал в Белград телеграмму о том, что Александр с супругой будут приняты осенью в Ливадии²⁶. Казалось, все препятствия преодолены – так, по крайней мере, считали русские дипломаты; в то же самое уверовал и король. И тут, как гром среди ясного неба, прозвучала весть о болезни императрицы Александры Федоровны, следствием чего стала отмена уже намеченного визита²⁷. А 1 октября Ламздорф в телеграмме новому посланнику в Сербии Н.В. Чарыкову привел подлинные слова государя: «О поездке четы вообще больше не может быть речи. Одного короля мы когда-нибудь примем»²⁸.

В высказывании Николая II обращает на себя внимание неприкрытая неприязнь к королеве Драге. Что и почему изменилось в его отношении к ней за два с небольшим года? Ведь в июле 1900-го (не будучи, конечно, «русской фавориткой» в буквальном смысле, как ее подчас именуют сербские авторы²⁹) она представляла известный интерес для русской политики. Не зря оценка дипломатов, что «принятое королем Александром решение сочетаться браком с православной сербской уроженкой не лишено некоторых политических преимуществ», обрела тогда высочайшее одобрение³⁰.

Уже упоминалось, что случай с ложной беременностью королевы нанес сильный удар по ее престижу – с одной стороны, открылась возможность (пусть даже не прямой умысел, а всего лишь возможность) аферы, никогда и никем в сообществе европейских монархов не прощаемой. С другой же – подтвердились слухи о бесплодии Драги, что жестко поставило вопрос о престолонаследии. А в сентябре 1902 г., в прямой связи с последним, пошли слухи о намерении короля провозгласить наследником престола ее брата – никчемного Никодия Луневицу. Вряд ли они соответствовали реальным планам Александра, но резко отрицательный настрой в обществе в отношении монаршей четы, несомненно, усилили. Российская миссия подробно извещала о том Петербург, подчеркивая, что «семья королевы Драги в Сербии крайне непопулярна, особенно мужские члены ее»³¹.

Ко всему прочему добавились интриги. При дворе Романовых имелось мощное антисербское лобби в лице пресловутых «черногорок», дочерей Николая Черногорского – Анастасии и Милицы. Постоянно интригуя, они чернили Драгу, добиваясь результата, – не случайно первой охладела к идее ее приема именно императрица³². С.Ю. Витте прямо говорил об этом: «Когда государь был в Ялте, король Александр, по-видимому, хотел приехать к нему с женой с визитом, но визит был отклонен, что произошло не без интриг черногорок». И далее о них же: «Замечательно, что когда король Александр женился на бывшей фрейлине своей матери, сделав, таким образом, *mesalliance*, то черногорка № 2 (Анастасия Николаевна. – А.Ш.) говорила, что король дурно кончит»³³.

Под влиянием Александры Федоровны (ее мнимая «болезнь» была плохо скрытым демаршем) и Николай II склонился к отказу от приема сербской четы. Тем более, что политическая заинтересованность Петербурга в Драге, которая, повторимся, в какой-то мере ощущалась в момент свадьбы, уже отсутствовала – экс-король Милан (этот, по выражению Александра III, «подлец», «мерзавец» и «скот»³⁴, гарантом невозвращения коего в Сербию и являлась новоиспеченная королева), почив в Бозе, более не беспокоил.

Несмотря на это, подчеркнем особо, – неожиданный для многих (после многомесячных-то обещаний) отказ сербам во встрече менее всего напоминал продуманную дипломатическую комбинацию; то был скорее спонтанный шаг императора, продиктованный женским капризом. Но именно он и стал роковым для династии Обреновичей...

С одной стороны, отмена визита привела к правительственному кризису – кабинет Уича подал в отставку, мотивируя свое решение тем, что «царь не благоволит к сербскому режиму». С другой – обрушилась почти до нуля авторитет Александра и Драги в народе, во многом державшийся как раз на представлении о русском покровительстве. И с третьей (все по той же причине) – окончательно развязала руки заговорщикам.

После отставки Уича к власти пришло правительство радикала Перы Велимировича, министра общественных работ в прежнем кабинете. Король делал вид, что радикально-напредняцкая «фузия» и ее программа по-прежнему пользуются его доверием. Но всем было ясно: П. Велимирович – это временная фигура. Не прошло и месяца, как Александр (20 ноября 1902 г.) назначил на пост нового премьера генерала Димитрие Цинцар-Марковича. Он возглавил «нейтральный» кабинет, что означало возвращение монарха к личному правлению. Российский посланник Н.В. Чарыков во время аудиенции во дворце открыто заявил ему – переход к реакции может иметь для династии гибельные последствия³⁵. И как в воду глядел...

7 декабря в белградском офицозе была опубликована программа нового правительства (читай – личного режима). С точки зрения внутренней политики она предполагала коренную ревизию Основного закона и роспуск Сената, что в действительности озна-

* «Личное мое впечатление, – доносил П.Б. Мансуров в Петербург сразу же после свадьбы монарха, – то, что король Александр доволен освободиться от присутствия своего отца... В этом, несомненно, поддерживает его пока королева, а в отношениях к последней короля заключается ключ настоящего положения» (АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 489 (1900 г.). Л. 64 (П.Б. Мансуров – В.Н. Ламздорфу. Белград, 1/14 августа 1900 г.)). И далее, две недели спустя, он же: «В твердости по отношению к отцу поддерживает короля, несомненно, и королева, которая заявила мне, что отказалась принять лиц, искавших обратиться к ней с ходатайством о ее посредстве к примирению короля с его отцом» (Там же. Д. 2861 (1900 г.). Л. 85 (П.Б. Мансуров – В.Н. Ламздорфу. Белград, 15/28 августа 1900 г.)).

чало желание короля отменить Устав 1901 г. и вернуть в силу конституцию 1869 г. Не менее показательны и новации в сфере внешней политики. По привычке твердя о развитии «братских связей с Россией», авторы программы главный акцент сделали все же на «важности соседских интересов», которые связывают Сербию с Австро-Венгрией, почему отношения между ними и «должны укрепляться». Поворот был налицо... Вот только внутренних сил для его поддержки не осталось. Да и внешние отнюдь не спешили жать протянутую Белградом руку. Вена, в частности, была по горло сыта внешнеполитическими кульбитами сербского монарха, чтобы снова ему поверить и взять под крыло. Она промолчала, словно ожидая чего-то³⁶.

* * *

Тем временем, заговор против королевской четы продолжал разрастаться. Его «молодые» инициаторы, предводимые капитаном Драгутином Димитриевичем-Аписом, вошли в контакт с отставными старшими офицерами: полковником Александром Машиным (брат первого мужа королевы Драги) и генералом Йованом Атанацковичем, а также с политиками, действиями коих руководил бывший министр внутренних дел и горячий сторонник экс-короля Милана Джордже Генчич. Была установлена связь и с проживавшими в Швейцарии Карагеоргиевичами.

Несколько раз в течение года заговорщики планировали покушение на монарха, но все их планы неизменно срывались – предчувствуя опасность, Александр Обренович отменил свое участие в любых публичных торжествах.

А ситуация в стране накалялась – в конце марта 1903 г. в Белграде состоялась массовая демонстрация ремесленной молодежи, переросшая в антиправительственную акцию. Причем и повод-то для нее вряд ли мог считаться серьезным – молодые люди протестовали против требований полиции клеить на их легитимации фотографические карточки. Но именно она как бы сублимировала то напряжение, в каком жила Сербия в начале девятисотых... Демонстрация напугала монарха – нервы не выдержали, и он дал команду стрелять. Пролилась кровь. А затем, в течение ночи, произвел два переворота. Первым – отменил на час конституцию, распустив скупщину, Сенат и дезавуировав ряд законов; другим – вернул ее в силу. У бельгийского посланника, пославшего отчет об этом в Брюссель, министр запросил: «В своем ли он уме?»³⁷.

То была агония... И ставка на открытую диктатуру. Начинался бег на скорость – король готовил введение осадного положения и проскрипционные списки, а столичные заговорщики вызывали из провинциальных гарнизонов своих поделльников. Обстановка достигла точки кипения. Вечером 29 мая Цинцар-Маркович подал в отставку, сохранив свое честное имя, а спустя несколько часов был разыгран финальный акт затянувшейся драмы.

Итак, в 1 ч. 15 мин. ночи отряд офицеров-заговорщиков – числом 28 человек, ведомый Драгутином Димитриевичем, двинулся быстрым шагом из Офицерского дома по

* Показательно, что после неудачи с Петербургом король Александр намеревался нанести визит в Вену – вместе с королевой Драгой, естественно. Однако император Франц-Иосиф уклонился от прямого ответа, и вопрос сей так и «не продвинулся» вплоть до Майского переворота (АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 500. Ч. 1 (1903 г.). Л. 166 (Н.В. Чарыков – В.Н. Ламздорфу. Белград, 11 марта 1903 г.).

направлению ко дворцу. Примерно в 2 ч., разоружив охрану и взорвав двери, они вломились в королевские покои, где после долгих поисков обнаружили монаршую чету. Изрешетив Александра и Драгу пулями, пьяные офицеры сбросили их тела из окна во двор. Параллельно с этим две группы отправились выполнять другую задачу – ликвидировать премьера Д. Цинцар-Марковича, военного министра генерала Милована Павловича, министра внутренних дел Велимира Тодоровича. Около 2 ч. ночи (одновременно с нападением на дворец) резня началась. Премьер и военный министр были убиты, а министр полиции тяжело ранен. Кроме них жертвами кровавой ночи стали братья королевы – Никола и Никодие Луневицы...

Заметим, что несмотря на кажущуюся «прозрачность» путча, ряд его важных деталей интерпретирован исследователями неверно, чему подтверждением служат хотя бы слова последнего живого заговорщика (в роковом мае 1903 г. – безусого подпоручика) Боривое Йовановича, сказанные им более полувека спустя: «О том, что произошло 29 мая, писалось очень произвольно и неполно. Подлинная история еще не написана. И у Драгиши Васича* немало неточностей»³⁸. Мы не будем уточнять здесь все нюансы заговора, оказавшиеся вне исследовательского интереса, – сам жанр работы не позволяет слишком углубляться в отдельные сюжеты. Однако об одном мифе (из тех многих, что густым шлейфом тянутся за всяким атентатом) нельзя не сказать. Речь идет о распространенной в сербской публицистике и мемуарах, а иногда проскальзывающей даже в серьезных научных трудах, версии о причастности России и ее представителей к организации переворота**.

Материалы российских архивов *ничем* не подтверждают данную версию – весть о путче, несмотря на все кружившие по Белграду слухи, о которых в Петербурге были

* Работа Драгиши Васича «Девятьсот третий год» (*Васић Д.* Деветсто трећа. Београд, 1925) – это единственная по сей день и самая полная монография, посвященная непосредственно перевороту.

** Так, сестра убиенной королевы Драги Обренович, Анна Миличевич-Луневица, всерьез полагала, что «Чарыков организовал даже некий „русский клуб“, где под видом изучения русского языка сербские офицеры осваивали историю заговоров». И в итоге – русским «удалось найти восемь десятков подонков, которые согласились лишить жизни короля, королеву и двух ее братьев» (*Милићевић-Луњевица А.* Моја сестра краљица Драга. Београд, 1995. С. 132–133). И супруга погибшего премьера (Д. Цинцар-Марковича) Мария тоже «ощущала» участие в трагедии «руки Петербурга». По ее утверждению, Н.В. Чарыков желал «использовать движение офицеров в интересах России» и предполагал «оказать моральную поддержку готовящейся перемене династий и свержению Обреновичей» (*Цинцар-Марковић. М.* Пред 29. мај 1903. // Политика. 1926 г. 29. октобар. Бр. 6646)... Что говорить, если такой авторитетный исследователь, как В. Казимирович, даже и не сомневался, что «Чарыков был повязан с некоторыми заговорщиками и знал, что они замышляют» (*Казимировић В.* Црна рука. Крагујевац, 1997. С. 68). Как и его старший современник – Т. Кацлерович: «Царский посланник Чарыков был ознакомлен с планом заговорщиков. 29 мая он наблюдал из окна русской миссии за происходящим в королевском дворце, ожидая, что офицерский путч ликвидирует Александра по типу былых переворотов при русском дворе» (*Кацлеровић Т.* Мартовске демонстрације и мајски преврат. Београд, 1950. С. 66). И академик М. Экмечич в своем новейшем труде указывает: «Есть вероятность, что следы убийства ведут в Петербург, но они не единственные, о которых можно говорить с уверенностью» (*Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2007. С. 320).

наслышаны, произвела эффект разорвавшейся бомбы. Действительно – не странно ли, что донесения посланника, военного агента и шефа балканской тайной агентуры в свои столичные канцелярии разнились по ряду важных деталей³⁹. Сам император Николай II назвал случившееся «неслыханной мерзостью»⁴⁰. И присовокупил – «Удивительно, как внезапно совершился этот переворот»⁴¹. Добавим и то, что еще 25 мая агент русской тайной полиции Александр Вейсман, приехав из Софии в Белград, предупредил своего тезку Обреновича о готовящемся комплоте⁴².

Насчет отношения к сербской чете высших кругов России и *действительной* для них «внезапности» случившегося, весьма наглядна запись в дневнике А.Н. Куропаткина о его беседе с графом Ламздорфом после возвращения того из балканского турне (зима 1902 г.) – внимания на него в историографии обращено почему-то незаслуженно мало. Так вот, повествуя о вынесенных им о Сербии впечатлениях, министр заметил: «Король неглуп, но растолстел, старообразен, подозрителен. Временами кажется ненормален... Драга – немолодая, полная, но все же красивая женщина. Умна. Держится России. Ее желательно приласкать». И далее, в изложении Куропаткина: «Ламздорф полагает, что какой-либо знак внимания сербскому королю, например, назначение его шефом одного из русских полков к 29 декабря*, очень бы обрадовало короля и помогло сближению с нами. Говорил о том вчера с государем. Его Величество выразил мнение, что не лучше ли это сделать на 6 мая***»⁴³.

Вполне очевидно, что и сам визит Ламздорфа в Сербию (наряду со всеми иными зонами), и столь «благоприятные» предположения, касательно ее короля и королевы, были попыткой изгладить то неприятное ощущение, что осталось у них после отказа в высочайшей аудиенции. Какое уж тут планированное убийство? Но, увы, не успели.

Вся надуманность тезиса о «руке Петербурга» особенно наглядно проявляется в бытовых мелочах. Российский военный агент, полковник Генштаба И.Н. Сысоев – сосед генерала Милована Павловича по лестничной клетке**** – проснулся в роковую ночь, по его собственным словам, «от сильнейшего шума»: это отряд заговорщиков прибыл для ликвидации министра⁴⁴... Вдумаемся, разве мог *военный человек* (предположим хоть на секунду, что он был в курсе готовящихся событий) «дождаться» их, мирно почивая в собственной постели? Вряд ли такое вообще можно представить.

И в данной связи понаблюдаем за поведением австро-венгерского посланника в Белграде, барона Константина Думбы, – а о возможном и, естественно, тайном участии Вены в событиях той ночи говорилось немало. О чем свидетельствует и статья видного научного авторитета⁴⁵. Так вот, через *десять минут* после убийства королевской четы, по признанию самого дипломата, он уже был в курсе дела. Часа не прошло, и мы видим Думбу, беседующего в дворцовом парке с главным стратегом переворота полковником

* Ср. с традиционно сербским взглядом: «Россию, между прочим, события 29 мая не удивили. Она и так имела их в виду» (*Драшковић М.* Преторијанске тежње у Србији. Београд, 2006. С. 35).

** 29 декабря 1902 г. – двадцатипятилетие освобождения Ниша сербскими войсками в ходе Сербо-турецкой войны 1877–1878 гг. В связи с данным юбилеем русский император послал королю Александру свои поздравления (*Војводић М.* Петроградске године Стојана Новаковића. Београд, 2009. С. 60).

*** 6 мая – день рождения Николая II.

**** В сербской литературе встречается утверждение, будто бы соседом М. Павловича был «русский посланник Чарыков», *естественно*, «хорошо осведомленный о том, что готовилось Александру и Драге» (*Гузина З.* Тајне Београда. Београд, 2002. С. 229).

Машиным. Получив необходимые гарантии и связавшись с австрийскими консулами в провинции, посланник успокоился⁴⁶...

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕРБИИ В 1903–1914 ГГ. ОСОБЕННОСТИ СЕРБСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА. Военный переворот 29 мая 1903 г. открыл новую страницу в истории страны. С «самодержавием» (самодурством) и австрофильством последних Обреновичей было покончено. Начиналась эпоха «конституционности и национальной внешней политики» Карагеоргиевичей. Кроме того (что, наверное, самое важное), кроваво, но завершилась-таки вековая распря двух «народных» династий – сербская версия войны Алой и Белой розы, – которая, по выражению одного из лидеров Радикальной партии Стояна Проти́ча, «отбросила Сербию на пятьдесят лет назад и затруднила консолидацию народных сил для нормального развития страны»⁴⁷.

И, действительно, вступив первой на Балканах на путь освобождения, Сербия забуксовала, теряя историческое время. Внутренняя борьба (подстегиваемая этим соперничеством, почему и окрашенная нередко в династические тона) обескровливала страну, которую просто рвали на части... И какая же сверхзадача, – спрашивается, – при этом была решена; как использовала сербская элита данный ей шанс конвертировать преимущество темпа в качество? Да почти никак, и... «народные силы» уходили в гудок внутренних склок вместо действенной работы по «нормальному развитию страны». Не зря один из умнейших людей независимой Сербии, экс-премьер Милан Пирочанац заметил летом 1886 г.: «Династия Обреновичей правит почти 30 лет без перерыва, но до сих пор не решены вопросы, которые должны были быть решены еще прошлыми поколениями»⁴⁸.

Попытаемся теперь проследить развитие *новой* страны – в условиях отсутствия роковой династической распри, когда, наконец, появилась долгожданная возможность для «консолидации народных сил».

* * *

В национальной науке этот относительно краткий период истории королевства (1903–1914) весьма часто трактуется как «золотой век сербского парламентаризма»⁴⁹. А кое-кто из авторов, уточняя данное понятие, считает, что в начале XX в. сербы вообще «создали современную (modern) систему парламентской демократии»; сама же страна в плане политическом «вплотную приблизилась к европейским образцам»⁵⁰. На первый взгляд, так оно и было – постоянно действовала демократическая конституция 1903 г., в рамках которой функционировала парламентская система, а Петр Карагеоргиевич, в отличие от последних Обреновичей, не вмешивался в политическую борьбу. Однако появился новый, и весьма значимый, антиконституционный фактор. Это – посадившие его на трон заговорщики, сильно влиявшие на ход политического процесса.

Система партий также претерпела серьезные изменения. В 1904 г. окончательно оформился раскол в среде сербских радикалов: его первые симптомы проявились еще в

* В «Новой истории сербского народа» всерьез утверждается, будто после принятия конституции 1903 г. в Сербии был «почти воплощен идеал британской демократии – двухпартийная система» (Нова историја Српског народа. Београд; Лозана, 2000. С. 188).

1901 г. Независимая радикальная партия (младорадикалы) стала на ноги, сформировав год спустя свой первый кабинет. Либеральная партия трансформировалась в Народную. В 1906 г. была реанимирована Напредняцкая партия*. Кроме того, на сцену вышли две «классовые» организации – Социал-демократическая партия и Крестьянское согласие.

Все эти трансформации внесли определенную динамику в политическую жизнь страны, однако по ряду базовых позиций ситуация оставалась прежней. Какой же? Для объяснения опять вернемся в последние десятилетия XIX в. Это нам, кстати, поможет и при ответе еще на один важнейший вопрос: превратилась ли Сербия кануна Первой мировой войны в «современное европейское государство», каким ее опять-таки видят многие сербские историки⁵¹, и что логично вытекает из тезиса (или точнее – из мифа) о «золотом веке»?.. Или правы очевидцы-иностранцы, писавшие на основании увиденного, что «парламентаризм и демократия имеют в Сербии крайне примитивный характер»⁵², поскольку «процесс усвоения европейской культуры и политических идей не мог пройти в ней безболезненно. Здесь оказалось много наносного, поверхностного, часто люди гнались за ложным блеском, увлекались самообольщением»⁵³.

Впрочем, то было едино для всех Балкан: «На странах Ближнего Востока можно во всех областях жизни проследить, как готовые европейские формы и идеи, а иногда только имена заимствуются для того, чтобы дать выражение потребностям несравненно более отсталой эпохи... Политический и идейный маскарад есть удел всех запоздалых народов»⁵⁴. И, соответственно, на каждом шагу – лишь «внешний лак цивилизации»⁵⁵, под коим живут «старые обычаи, корни которых теряются в глубоком прошлом»⁵⁶.

Кто же, в самом деле, прав? Попытаемся разобраться...

* * *

Известно, что спустя всего два с небольшим года после Берлинского конгресса, даровавшего Сербии независимость, в стране появились первые политические партии – Народная радикальная, Напредняцкая (от *сербск.* напредак – прогресс) и Либеральная. 1881-й год так и называли «годом партий»⁵⁷. Сам факт появления «современных» партий в Сербии – причем вслед за их возникновением на Западе*** – трактуется рядом авторов, как важный шаг на пути модернизации (европеизации) страны⁵⁸.

* В 1896 г. Напредняцкая партия была распущена своим руководством.

** Современник-серб писал в 1910 г. схоже: «Патриархальная среда должна была за краткое время пережить и переварить то, что формировалось на Западе веками. Она этого не могла. Все это и привело к тому, что мы сейчас, несмотря на все громкие заявления, не являемся европейским государством по сути, но только внешне» (Цит. по: *Стојановић Д.* Србија и демократија. 1903–1914. Београд, 2003. С. 378).

*** Первой партией – постоянной избирательной организацией, поставившей себе целью бороться за дело большинства под знаменем определенной идеологии, – стал Либеральный комитет в Бирмингеме во главе с Дж. Чемберленом, вокруг которого в 1877 г. (*всего* за четыре года до рождения сербских партий) сложилась Национальная либеральная ассоциация (См.: *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 678–679; *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М., 1997. С. 96–98; *Стојановић Д.* Србија и демократија... С. 247).

Линии водораздела между сербскими партиями проходили по возрастному и идеологическому принципам, которые в значительной мере переплетались⁵⁹. В момент конституирования партий либералы в среднем достигли 50-летнего возраста, напреднякам в среднем было по 41, а радикалам – по 31,5 году⁶⁰. Соответственно и идеологические предпочтения их вождей тесно соотносились с теми доктринами, что доминировали в странах, где они обучались в свое время. Либералы, учившиеся в 1850-е годы в Берлине, Гейдельберге, Мюнхене, были связаны с консерватизмом Средней Европы и национальными движениями в Италии и Германии. Отсюда их национализм и использование в своей конституционной практике государственно-правовой традиции германских монархий (в первую очередь Пруссии) – конституционных, но не парламентских, где рядом с народным представительством функционировала никак ему не подотчетная и авторитарная исполнительная власть⁶¹. Пик политического влияния либералов пришелся на 1869–1880 гг. В этот период они почти непрерывно управляли Сербией. Их главным историческим достижением стало обретение страной независимости.

Напредняки – эти «сливки» сербской интеллигенции, – получавшие образование в основном во Франции, находились под влиянием идей классического, прежде всего – французского, либерализма⁶². Более всего на свете они желали, по словам одного из их лидеров Стояна Новаковича, «сделать из сербского народа европейский народ, а саму Сербию превратить в европейское государство»⁶³. Призванное в октябре 1880 г. князем Миланом Обреновичем к власти напредняцкое правительство с Миланом Пирочанцем во главе и сделало ставку на прямое *заимствование* (а не *приспособление*, как то было у либералов Ристича), т.е. «пересадку» результатов западного опыта в местную почву⁶⁴ – причем без учета ее адаптивных способностей, что означало коренную ломку традиций собственного народа. По свидетельствам очевидцев, напредняки собирались «насадить в Сербии европейскую культуру»⁶⁵ и при этом «насиловать и подавлять население для того, чтобы ускорить путь и в короткое время приблизиться к Западу»⁶⁶.

Их правление продолжалась в Сербии до 1887 г., сопровождаясь перманентным внутренним кризисом, кульминацией которого стало знаменитое Тимокское восстание (ноябрь 1883 г.) – политика «шоковой терапии», по выражению современного автора⁶⁷, привела страну на грань гражданской войны. В основе конфликта, в который оказались втянутыми как монарх, так и широкие народные массы, лежало отношение к Европе и современной европейской цивилизации⁶⁸.

Мощное сопротивление модернизационным акциям сербских ультралибералов оказали радикалы. Они были младше напредняков на десятилетие и формировали свои взгляды уже в условиях критики либерализма в Европе, вплотную соприкоснувшись с учением русских народников, с которым познакомились в Швейцарии на рубеже 60–70-х годов XIX в.⁶⁹ В ответ на вызов властей радикалы во главе с Николой Пашичем провозгласили в качестве главной задачи защиту сербской самобытности, отождествив ее с только что обретенной свободой. Их концепция прогрессивного развития Сербии базировалась на твердом убеждении в необходимости сохранения всех важнейших институтов и норм *традиционного* уклада жизни (каковые объявлялись ценностями для сербского народа непреходящими) и соответственно на стойком неприятии пути Европы и ее образцов⁷⁰. «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, – писал в конце 1880-х годов вождь радикалов, – но, идя за модой, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы»⁷¹.

«Очередь» Радикальной партии управлять Сербией (не считая краткого периода пребывания у власти в 1889–1892 гг.) пришла после физического уничтожения династии Обреновичей в 1903 г.

Второе важное различие между партиями в Сербии состояло в неоднородности их социальной основы. В то время как либералы и напредняки объединяли городскую интеллигенцию, государственных чиновников центрального и окружного уровня, часть высшего церковного клира, а также крупнейших торговцев и богатых сельских хозяев; радикалы заручились поддержкой львиной доли крестьян, мелких чиновников, низшего духовенства, сельских учителей и врачей.

Отсюда проистекала и явно неравномерная численность партий, равно как и специфика их организации. Напредняки и либералы являлись крайне малочисленными партиями – наподобие политических клубов, которые, бывало, даже распускались (как это произошло с напредняками в 1896 г.), чтобы затем реанимироваться вновь. Они не имели серьезных организационных структур, апеллируя к личным качествам и былым заслугам своих предводителей. Если воспользоваться типологией М. Дюверже⁷², то они напоминали европейские *кадровые* партии.

В отличие от них сербские радикалы являлись типичной *массовой* партией. Ее организация, которую еще до формального основания апробировал Пашич⁷³, опиралась на жесткую иерархическую вертикаль: от первичных партийных ячеек в каждой общине, через систему срезских (уездных) и окружных отделений, до Центрального комитета – как вершины всей пирамиды. Демократические отношения между различными уровнями такой пирамиды быстро заменились отношениями субординации – в условиях строгой, почти военной, дисциплины⁷⁴. Во главе же ее находился непререкаемый лидер – вождь, кем однажды и навсегда (почти на полвека) стал Никола Пашич...

Следует подчеркнуть, что несмотря на внешне схожие условия формирования с европейскими аналогами (и здесь, и там – прямая связь с регулярным созывом высшего представительного органа), сербские политические партии серьезно отличались от них в ряде *сущностных* элементов. От чего это зависело и к чему приводило?

Во-первых, от принципиальной разницы характера обществ в развитых странах Европы, с одной стороны, и в патриархальной Сербии, с другой. Высочайшая степень социальной гомогенности сербского народа – более 87 % крестьян примерно равного имущественного состояния при фактическом отсутствии буржуазии и аристократии – давала мало простора для деятельности партий в европейском их понимании, которые по дефиниции должны были представлять интересы отдельных социальных групп или классов. «Политические партии, – подчеркивает в данной связи А.Н. Медушевский, – стали новой реальностью конца XIX – начала XX в., отразив выход на историческую арену широких народных масс, их неоднородность, рост социальных противоречий, раскол общества на слои с различными, а то и противоположными интересами, которые нуждались в особом представительстве»⁷⁵.

В Сербии «раскол общества на слои» еще не произошел, и, следовательно, почва для становления *классической* многопартийности была зыбкой. Радикалы действительно вывели «на историческую арену» крестьянство, но практически все оно, по причине нерасщепленности внутрикорпоративных интересов, оказалось под их знаменами. «Та быстрота, – отмечает Л. Перович, – с какой они покрыли всю страну сетью своих партийных комитетов, равно как и немногочисленность двух других сербских партий – Либеральной и Напредняцкой, – показывает, что гражданское общество в Сербии 80-х годов XIX в. находилось еще в зачаточном состоянии»⁷⁶.

Политическим следствием данного положения стало то, что при запуске парламентского механизма столь высокая социальная однородность общества не могла не

трансформироваться в монополию «народной партии», или радикалов, выразивших интересы подавляющего большинства населения. После принятия конституции 1888 г. все так и произошло. Несмотря на провозглашенный парламентский режим, в Сербии в 1889–1892 гг. сложилось по сути однопартийное «радикальное царство», по выражению современника⁷⁷, – типичный пример *партийного государства*, когда Корона и другие политические организации низводились до положения маргинальных придатков новой «абсолютной» власти⁷⁸.

Именно к такому типу «парламентаризма», заметим к слову, – т.е. к тотальной, вечной и ничем (даже законом) не ограниченной гегемонии победившего большинства* – соратники Н. Пашича всегда и стремились⁷⁹... Таким образом, и здесь мы солидарны с О. Попович-Обрадович, «в начальный период парламентского правления в Сербии фактически сложилась система политического монизма»⁸⁰.

И во-вторых, если согласиться с понятием парламентаризма, как неотъемлемого элемента либеральной доктрины, состоящего в признании обществом необходимости «публичной дискуссии», то в Сербии, как мы уже видели, для нее не существовало ни социальных оснований в виде отдельных общественных групп – возможных субъектов такой дискуссии, ни желания победившей партии идти хоть на какой-то компромисс с оппонентом. Отношение сербских партий (причем всех, без исключения) «к другому» в корне разнилось от того же в Европе и было связано с особенностями политической культуры.

Все дело в том, что немногочисленная сербская элита воспринимала свою роль как «миссию», и это окрашивало политический процесс в весьма специфические тона. Каждая партия (а особенно этим грешили радикалы, всерьез отождествлявшие себя со *все*м сербским народом) полагала одну лишь себя спасительницей Сербии**, относясь «к другим» не как к оппонентам, но как к непримиримым врагам. Соответственно, и политику эта партия понимала не как способ амортизации общественных противоречий (с лежащим в его основе компромиссом), но как постоянную и беспощадную борьбу с теми, кто не разделяет ее позицию⁸¹. Именно поэтому в эпоху последних Обреновичей партийная борьба и приобретала столь жестокий характер, а коалиционных кабинетов практически не существовало.

* Известный либеральный деятель Алимписе Васильевич, говоря об особенностях режима начала девяностых, точно подметил, что «радикальный кабинет предпочел силу (большинства – А.Ш.) свободе» (*Васильевич А. Моје успомене / приред. Р. Љушић. Београд, 1990. С. 155*).

** Один из вождей радикалов, Пера Тодорович вспоминал впоследствии, как в начале бурных 1880-х годов в партийной среде складывалось «убеждение, что именно в нас, радикалах, есть спасение Сербии и ее счастье. Мы – это те, кого историческое провидение выбрало, чтобы принести ей возрождение» (См.: *Тодоровић П. Ближи односи с краљем Миланом // Тодоровић П. Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана / приред. Л. Перовић. Београд, 1997. С. 275*)... С другой стороны, либералы думали с точностью наоборот. Член их руководства, профессор Панта Сречкович утверждал в разговоре с русским путешественником: «Единственно серьезный государственный человек у нас – это, бесспорно, Ристич... Пашич, конечно умный человек, но только для себя, в обыкновенных житейских делах... У него таланты не государственного деятеля, а заговорщика, ловкого агитатора. Если Сербия теперь разорена, то обязана она этим никому другому, как радикалам и отчасти напреднякам» (*Марков Е. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 337–338*). Другими словами – виноват кто угодно, только не мы.

П.А. Кулаковский с полным правом писал И.С. Аксакову в начале 1880-х годов: «Что меня больно поражало всегда в Сербии, это то, что здесь партии ненавидят друг друга больше, чем общего врага»⁸². Не он один констатировал сей факт. Сербский судейский чиновник Никола Крстич также зафиксировал в своем дневнике: «Да, у нас есть политические партии, но они готовы перерезать друг друга»⁸³. А Владан Джорджевич – экс-лидер «октябрьского режима» – с горечью вспоминал: «Тяжела была судьба ответственных политиков в семидесятые, восьмидесятые и девяностые годы XIX в. Страна тогда раздиралась борьбой вошедших друг с другом в кровавый клинч нескольких партий, каждая из которых претендовала на то, что именно она – хранитель сербского патриотизма»⁸⁴.

Все точно. К примеру, политический «террор большинства», царивший в период правления радикалов в начале 1890-х годов, сменился после их отставки не менее жестким курсом меньшинства. Не имея поддержки в народе, либеральное правительство Йована Авакумовича предприняло самые зверские меры, вплоть до расстрела неугодных, дабы вытеснить своих противников из локальных органов власти накануне «парламентских» выборов 1892 г., каковые проводились под жесточайшим прессом полиции⁸⁵.

Такие взаимоотношения «верхов» органично дополнялось действиями «снизу» – смена партийных режимов часто сопровождалась уже не политическим, а физическим террором. Так, в 1887 г., после прихода к власти либерально-радикального блока, имел место буквальный линч напредняков – «народный вздох», – когда по всей Сербии прокатились погромы, и было убито 150 человек⁸⁶. И в мае 1889 г., уже в Белграде, продолжилось «линчевание» тех же напредняков прорадикально настроенной толпой. Причем инцидент этот был благосклонно воспринят, если не санкционирован, Костой Таушановичем, новым министром внутренних дел из радикалов⁸⁷. А всего за десятилетие 1887–1896 гг. погибли 384 члена Напредняцкой партии^{88*}.

Спрашивается, как же объяснить наличие в Сербии столь жесткого внутреннего антагонизма, доходившего до неприкрытых и, порой, массовых зверств?

Ответ, думается, в первую очередь связан с тем, что на рубеже веков сербское общество во многом сохраняло традиционно-патриархальный характер. Предпринятая в начале 1880-х годов напредняцкой властью попытка прищипорить развитие страны, по сути захлебнулась, приведя к острому внутреннему кризису, завершившемуся отречением в 1889 г. Милана Обреновича. «Инстинкты массы, – писал современник, – все больше восставали против модернизации государства»⁸⁹. Сумев уловить их, артикулировать и трансформировать в форму мощного народного движения, традиционалисты-радикалы смели горстку реформаторов. Их предводитель С. Новакович позднее констатировал: «Движимые самыми благими намерениями, мы желали добиться всего быстрее, чем то соответствовало природе вещей. Потому и за результаты, которых мы достигли, было заплачено слишком дорого»⁹⁰.

А раз так, то печальная судьба сербских «западников» не кажется неожиданной. Напротив – она объективна. Согласно «диагнозу» гостя из России, «для претворения

* Не прекращались подобные «инциденты» и во время «золотого века». Димитрие Джорджевич пишет: «Сразу же после переворота начались гонения на напредняков; в провинции дело доходило до физических расправ и даже убийств их лидеров, что вызывало у членов партии страх, психоз и желание воздержаться от политических выступлений» (*Борђевић Д.* Царински рат Аустро-Угарске и Србије 1906–1911. Београд, 1962. С. 36)... Не оттого ли, предположим, и возобновили напредняки свою деятельность, как политическая партия, только в 1906 г.

формулы либерализма в жизнь в Сербии не хватало малого: среднего сословия, городов и городской культуры»⁹¹. Всего-то! Сословие же среднее – этот людской ресурс любого прогресса, имело мало шансов народиться и массово развиваться у сербов, ибо, по словам Милана Обреновича, они «уважали только три занятия – быть пандурами*, чиновниками и крестьянами»⁹². Последними, понятно, в подавляющей части. Отсюда – их негативное отношение к «урбанизации»: «Пастухи и земледельцы, сербы не видят необходимости селиться в городах»⁹³. Соответственно, и *городскую культуру* они принимали в штыки. «Крестьяне бунтят на сходках: не хотим людей в пальто», – писал очевидец в 1905 г.⁹⁴ А радикальный официоз, «Самоуправа», призывал: «Село и крестьянин еще сохраняют сербскую народную мысль, и им необходимо уничтожить влияние города, этого гнезда иноземщины»⁹⁵.

Вместе с тем, город – в представлении «заведенного» радикалами крестьянства – был не только синонимом модернизации (той самой «иноземщины»), но и средоточием государственной системы – экономически немотивированной, насильственной машины, десятилетиями державшей сербское село под тяжким надзорно-налоговым прессом. Во время Тимокского восстания 1883 г. эти антисистемные настроения низов проявились в требовании перебить всех, носящих униформу и получающих жалованье⁹⁶. Как видим, скрытая до поры до времени ненависть к «мундиру» трансформировалась чуть позже в неприятие городского костюма вообще: в 1889 г. толпа в Белграде закидывала камнями всех, чья одежда и поведение напоминали интеллигентов-напредняков. Двумя же годами ранее (на селе) селяки-радикалы в первую очередь «линчевали» представителей местных напредняцких *властей*: функционеров общин и полицейских чиновников^{97**}.

Без понимания этого исторически-негативного отношения крестьянства к любой *навязанной власти**** (а радикалы в своем отрицании *всех* правительственных новаций лишь усиливали степень его ненависти к чиновникам – представителям и проводникам государственной воли****), невозможно объяснить столь высокий градус его же антимодернизационного настроения – «закрытое общество» противилось хоть малейшей попытке приоткрыть себя, особенно если таковая предпринималась «сверху»...

Итак, первопричиной внутреннего столкновения в Сербии был идеологический конфликт, особенно обострившийся после обретения ею независимости. Он выражался в

* Пандур (*сербск.*) – стражник, полицейский.

** Русский путешественник-очевидец и видный славист П.А. Ровинский подчеркнул, что сербы «не терпят *навязывания* и особенно через полицию, которая у всех в страшной ненависти» (*Ровинский П.А.* Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II // Русские о Сербии и сербах. С. 72).

*** По мысли Р. Самарджича, несмотря на то, что «Сербское княжество, чей аппарат заменил турецкий, и означало для крестьянина достижение независимости, за которую он дрался веками», он «не желал мириться с тем, что кто-то вмешивается во внутренний уклад его жизни, причем вмешательство это шло в основном по линии возрастания, в виду потребностей государственного строительства, его же налоговых обязательств» (*Самарџић Р.* Идеје за српску историју. Београд, 1989. С. 21).

**** Накануне Тимокского восстания, во время тайного собрания радикального руководства, его член из крестьян Димитрие Катич провозгласил: «Всех чиновников – под нож!» (*Тодоровић П.* Краљ Милан и Радикална странка // *Тодоровић П.* Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана. С. 212).

дихотомии: «либеральная идея – традиция», органично перекликаясь со знаменитым русским спором «западников» и «славянофилов»⁹⁸.

Вторая причина того, что политическая культура в Сербии находилась на столь «европейском» уровне, также была связана с патриархальностью – этим основным качеством сербского социума рубежа веков. В условиях, когда *местечковая* лояльность прева-лировала над *национальной*, а «патриархальные личные связи и равенство еще не успели замениться безличными отношениями, которые порождает индустриализация»⁹⁹ (по точной дефиниции британского интеллектуала из 1918 г.), политическая партия воспри-нималась как одна семья, *parteigenossen* – как братья, а партийный лидер – как отец.

Все это придавало межпартийной борьбе характер семейных ссор, наполняло ее из-лишними эмоциями и страстями. Тем самым опрощалось, становясь слишком «фами-льярным», и отношение к государству – сам его образ переходил из сферы сакральной в область почти обыденной жизни. И в результате, находившиеся у власти партии, теряя дистанцию по отношению к нему, нередко смешивали общий и частный интерес. Го-сударство, таким образом, становилось средством реализации партийных, а кое-где и личных амбиций. И... компромисс был невозможен. Потому и сама политика, повторим, воспринималась многими не как способ «рационализации конфликта»*, но как «война всех против всех». И, как следствие такого подхода, постоянные столкновения позиций (разница между которыми была зачастую совсем не принципиальной!), хаос и неста-бильность являлись характерными чертами политического процесса в Сербии. В та-ких условиях *авторитарная* политическая культура, сопровождавшаяся насилием, не имела возможности измениться и дорасти до высот толерантности; следовательно, идея безконфликтного решения проблем была обречена на не востребованность¹⁰⁰...

Резюмируем: когда общественная дисциплина, да и весь *политический процесс*, ба-зируются на личностных, а не на формальных принципах, то чувство долга к своему ближнему кругу (родственников, земляков, друзей), как того требовал старый *обычай*, проявляется у его участников заметно сильнее, чем общегражданская ответственность, закрепленная *законом*. Это мы и наблюдаем у сербов на рубеже веков. Соответственно, «другой» в их глазах представал не как представитель *своего* сообщества, думающий по-иному, но как «чужак», отношение к которому было соответствующим. Что ж, как заметил в 1912 г. Йован Жуйович – академик и министр, – «даже у интеллигенции не всегда присутствуют основные понятия о государственной организации»¹⁰¹.

Отсюда же и различие в восприятии *права и справедливости*, присущее сербам, которые, «часто считают несправедным даже точное исполнение закона, поскольку оно не учитывает конкретные обстоятельства во всяком отдельном случае»¹⁰². Фор-мальная процедура в их разумении убивала человечность. Но это, с одной стороны. С другой – в самом таком подходе сквозило практическое отрицание права, а потому и конфликты, увы, столь частые в истории независимой Сербии, решались не в рамках юридических процессов, а в лобовых столкновениях. Почему и были так «популяр-ны» политические убийства. Вспомним хотя бы расстрел Еврема Марковича, весьма «странную» смерть в тюрьме его супруги Илки и Елены Кничанин, ликвидацию ли-

* «Образ врага», пишет В.Г. Федотова, «есть продукт отрицания легитимности других инте-ресов и результат представлений о необходимости навязать общий интерес»; в отличие от него, «рационализация конфликта» – это «согласование интересов» (Федотова В.Г. Модер-низация «другой» Европы. М., 1997. С. 161).

дера контрзаговорщического движения в армии капитана Новаковича и Салоникский процесс, когда на основании явно сфабрикованных улик был расстрелян экс-глава заговорщиков, полковник Драгутин Димитриевич. Какая «судьба!» Человек, преступивший закон и уничтоживший последних Обреновичей, сам затем пал от руки несправедливой власти.

Как видим, *насилие* в различных проявлениях (причем – и «сверху», и «снизу») являлось важнейшим фактором политического развития Сербии*. В чем, собственно, в свете сказанного выше, нет ничего удивительного...

И еще одно объяснение столь *своеобразной* культуры участников политического процесса в Сербии. Оно тесно связано с особенностями менталитета сербов.

Как известно, многовековые конфликты с Турцией привели к формированию у них *конфронтационного* сознания, и это во многом определяло специфику внутренней жизни. В условиях незавершенности процесса «освобождения и объединения сербов» (что *всегда* оставалось для той же Радикальной партии задачей первой; в том числе и после появления в 1878 г. на сербской границе Австро-Венгрии – нового врага, «сменившего» турок и занявшего Боснию и Герцеговину), такое сознание экстраполировалось и на отношение к «другому» внутри страны. Потому-то и рассматривали соратники Пашича напредняков – сторонников модернизации и проводников *проавстрийского* курса, – как новых Бранковичей, или (говоря языком более ранней эпохи), как «внутренних турок». Им радикалы отказывали даже в праве на патриотизм. «Люди, которые довели Сербию до Сливницы**», – твердил их лидер, – не могут упоминать о национальной политике, о сербском освобождении и достоинстве Сербского королевства»¹⁰³.

Этот подход также можно понять: всего за сорок с небольшим лет (1875–1918) страна пережила шесть войн и два восстания. И, соответственно, мир для ее граждан (не важно, внешний или внутренний) был по-прежнему окрашен в *черно-белые* тона: друг – враг, свой – чужой, мы – они...

* * *

После столь долгого экскурса вернемся к нашему тезису о том, что «золотой век сербского парламентаризма», несмотря на демократизацию политического процесса в результате смены династий и принятия конституции 1903 г., сохранил «родовые черты» прошлой эпохи – «по ряду базовых позиций ситуация оставалась прежней».

Во-первых, партийная разделенность в стране по-прежнему не соответствовала политическим пристрастиям граждан. На всех предвоенных парламентских выборах обе радикальные партии стабильно получали 70–75 % голосов¹⁰⁴. Народ не воспринимал старо- и младорадикалов как что-то принципиально отличное друг от друга – их раскол трактовался в его сознании всего лишь как столкновение личных амбиций в едином ра-

* В монографии Л. Перович целый раздел назван: «Насилие как константа» (см.: *Perović L. Izmedju anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI)*. Beograd, 2006. S. 384–420).

** В ноябре 1885 г. вторгшаяся в пределы Болгарии сербская армия потерпела у села Сливница сокрушительное поражение.

дикальном пространстве. Так что бывшая, сложившаяся еще при Обреновичих, раздвоенность населения страны на *радикалов* и *не-радикалов*, оставалась актуальной вплоть до 1914 г., когда младорадикалы впервые вошли в антипашичевский предвыборный блок с напредняками и Народной партией. Тем самым, начинали складываться предпосылки для *реального* политического плюрализма и перехода партии Н. Пашича в оппозицию¹⁰⁵. Однако реализации этой, имевшей, вроде бы, перспективу, тенденции помешало начало Первой мировой войны. Очередные выборы не состоялись, и еще четыре года, т.е. до конца существования независимой Сербии в 1918 г., вождь старорадикалов оставался в кресле премьера.

Во-вторых (что органично вытекает из первого пункта), разделительные линии в стране и в начале XX в. проходили по *идеологическим*, а не по *социальным* швам, как то было характерно для европейской партийно-политической практики. Сербские социал-демократы, а равно Крестьянское согласие, претендовавшие на роль классовых партий, так и остались маргинальными организациями, поскольку большинство ремесленников определилось в пользу независимых радикалов; крестьянство же, как и прежде, стояло за партию Пашича.

В-третьих, отношения большинства и меньшинства в парламенте были столь же традиционными: большинство всеми средствами стремилось навязать свою позицию; меньшинство же агрессивно демонстрировало, что по каждому поводу имеет отличный от власти взгляд*. Обструкции оппозиции с блокированием кворума (по принципу чем хуже, тем лучше), нецензурщина, оскорбления действием – вполне рядовые явления в скупшине во время «золотого века сербского парламентаризма»**. А как иначе, ведь по суждению М. Протича – одного из авторов весьма претенциозной «Новой истории сербского народа», «динамика политической борьбы, как мотор развития, есть главный

* Никола Пашич, будучи сам далеко небезгрешен (о чем мы скажем ниже), точно охарактеризовал поведение оппозиции в одной из своих речей: «Это, братья, политика упрямыя (в оригинале – *ината*). Ослепленные ненавистью к своим политическим противникам они забыли об интересах страны» (Сто говора Николе Пашића. Вештина говорништва државника / приред. Ђ. Станковић. Књ. 1. Београд, 2007. С. 326).

** Отдавал себе отчет в «специфичности» сербского *парламентаризма* и король Петр, десятилет проживший в Швейцарии и прекрасно знакомый с «классической» его моделью. По словам английского журналиста, интервьюировавшего монарха в сентябре 1903 г., тот не скрывал разочарования: «Немалая проблема состоит в том, что люди, его окружающие, не обладают подлинно парламентскими понятиями и ощущениями, а каждая партия и фракция считает, что конституционные свободы даны исключительно ей» (Посланство Краљевине Србије у Великој Британији – Министарству иностраних дела Краљевине Србије. 11/25. IX.1903. г. // Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914 / приред. А. Радевић. Београд, 1991. Књ. 1. Свеска 1. С. 496). Да и вообще «качество» сербского политического класса Петр Карагеоргиевич оценивал весьма критично – 5 апреля 1905 г. российский посланник К.А. Губастов доносил в МИД о разговоре с ним: «Перейдя к внутренним сербским делам, Его Величество откровенно заметил, что ему пришлось во многом разочароваться относительно сербских деятелей. Судя их издали, он не думал, что они были так деморализованы, поверхностны и легкомысленны. Причины эти он видит, отчасти, в самом характере сербов, но, главным образом, в печати, которая имеет на общество и на народ развращающее влияние» (АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2869 (1903–1906 гг.). Л. 133).

критерий парламентской демократии»¹⁰⁶. Дефиниция, заметим, столь же броская, сколь и мало что в политической жизни Сербии после 1903 г. объясняющая*.

Следствием же такой «борьбы» были частые роспуски парламента – ни один его состав не доработал отведенный ему по конституции срок.

И, наконец, в-четвертых, политическим гегемоном на протяжении всего периода 1903–1914 гг. оставалась старорадикальная партия во главе со своим харизматическим лидером Николой Пашичем. При этом, и вождь, и партия мало изменились как в своем «мессианстве» («Я уверен, что одна только Радикальная партия способна сохранить и усилить Сербию, а также реализовать все наши идеалы»¹⁰⁷, – писал Пашич в 1907 г.**), так и в восприятии демократии, парламентаризма, политического плюрализма и других европейских институций и идей. Так, они по-прежнему рассматривали демократию как *ничем* не ограниченное право большинства на монопольную власть, а парламентаризм как институционализацию такого права; решительно отвергая при этом плюрализацию власти и считая одних лишь себя выразителями интересов народа¹⁰⁸. И, соответственно, те, кто думал иначе, оставались для радикалов врагами, а не оппонентами, компромисс с которыми был исключен начисто. Старый концепт «партийного государства», увитый отныне в парламентский флер, по-прежнему был стержнем радикальной политической культуры^{109***}.

Что ж, народ сербский действительно поддержал претензии радикалов, каковые, правда, были далеки от *европейских* подходов. Вершителями судеб королевства стали Н. Пашич (этот, по выражению Л.Д. Троцкого, «абсолютный властитель Сербии»¹¹⁰) и

* Дефицит политической борьбы, как мы уже видели, не наблюдался в Сербии никогда. А потому, при полном отсутствии политической культуры, она и после 1903 г. не могла стать «главным критерием парламентской демократии»... Более объективные (по сравнению с авторами «Новой истории сербского народа») сербские исследователи осознали это уже давно: «Несмотря на то, что идеологических причин для острого идеологического соперничества не имелось, оно продолжалось с большой ожесточенностью. У представителей партий, особенно тех из них, кто был избран депутатом скупщины, отсутствовало (кроме редких исключений) чувство ответственности в использовании свободы политического действия, которую дает парламентская система. И вскоре стало ясно, что многие сербские политики просто не понимают, как применять систему, основанную на свободе и терпимости. Борьба между партиями, а равно и внутри них самих, часто велась с необузданной страстью, причем без особой разницы – шла ли речь о жизненных государственных интересах или второстепенных вопросах» (*Вучковић В. Унутрашње кризе у Србији и Први светски рат // Историјски часопис. Београд, 1965. Књ. XIV–XV. С. 175*).

** Важно заметить, что данная цитата взята нами из *черновика* выступления Пашича в скупщине. В самом выступлении она не прозвучала (что видно из сборника речей вождя радикалов). И следовательно, здесь мы можем говорить не о банальном демагогическом приеме, а о реальном убеждении.

*** Логика радикалов, при объяснении ими концепции «партийного государства», предельно проста. «Разве крестьянское государство может реализоваться как-то иначе, кроме единственного способа, когда государственная власть поставлена на службу крестьянской же партии?», – задавали они риторический вопрос. Но зачем в принципе это им было надо? Есть у них и на то ответ: «Такое партийное понимание государства облегчило бы примирение крестьянских масс с государственной идеей» (*Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ. 1 // Сабрана дела С. Јовановића. Београд, 1990. Т. 6. С. 108*).

его радикальная генерация, которым, следовательно, удалось нейтрализовать анархичность низов, «примилив их с государственной идеей». Таким образом, национальное согласие в стране вызревало после 1903 г. на основе чисто *традиционных* понятий о власти и ее носителях¹¹¹...

В заключение отметим, что, при вполне корректном соблюдении парламентской формы (в 1903–1914 гг. в Сербии не произошло ни одного переворота), политическое содержание институтов парламентаризма и их функционирование заметно отступали от базовых принципов (да и самой природы) классического парламентарного государства. Причина тому очевидна – и в эпоху «золотого века» сербский социум сохранял свой аграрно-патриархальный характер; в нем практически отсутствовал *средний класс*. И, следовательно, начало парламентской практики в стране предшествовало становлению в ней гражданского общества, что шло вразрез с опытом Европы, где все происходило с точностью до наоборот: там именно гражданин стоял в центре политики¹¹². А значит – «парламентская форма» и ее реальное содержание расходились весьма значительно¹¹³.

Прав А. Вебер, заявив: «Там, где отсутствуют предпосылки, парламентское правление невозможно, либо, по меньшей мере, оно действует плохо»¹¹⁴. В том же, что предпосылки эти в Сербии действительно еще не созрели, мало кто из современников-интеллектуалов сомневался. Так, в сентябре 1895 г. Никола Крстич отметил в поденных записках: «И сегодня у нас нет достаточно элементов для парламентской жизни»¹¹⁵. А Владимир Вельмар-Янкович, чуть позднее, окрестил конституционную практику своей страны «суррогатом европейского парламентаризма»¹¹⁶.

* * *

Еще одной «слабостью» сербского парламентаризма, как уже говорилось, было резкое усиление политического веса «людей в погонах», которые открыто вышли на авансцену сербской политики после Майского путча. Как утверждал Коста Стоянович, «одобрение этого события всей страной, которой надоели частые эксперименты короля Александра, окуражило заговорщиков, подтолкнув к тому, чтобы под новой династией укрепить свое положение и расширить влияние»¹¹⁷. Такое их «положение и влияние» (когда – больше, когда – меньше, но на протяжении *всего* «золотого века») проявлялось в политической борьбе, провоцируя постоянные кризисы, заставляя партии в жесткой междоусобице апеллировать к этому *внеконституционному* фактору за помощью, что не раз ставило под серьезную угрозу саму парламентскую систему.

Наряду с должностями в «революционном» правительстве Йована Авакумовича (Й. Атанацкович – военный министр; А. Машин – министр общественных работ), ликвидаторы Обреновичей заняли руководящее положение в войсках и королевской гвардии, из них был сформирован и корпус адъютантов монарха. Петр Карагеоргиевич, таким образом, оказался заложником своих «компаньонов» – как цинично выразился один из них¹¹⁸, без одобрения которых не решался ни один вопрос. Гражданские власти были вынуждены принимать меры.

И здесь следует добавить, что жестокая расправа с королевской четой вызвала нескрываемое негодование в Европе. Особенно усердствовал Лондон. Отозвав своего представителя из Белграда, он фактически заморозил с новым сербским режимом все отношения – до суровой экзекуции заговорщиков¹¹⁹. Многие другие европейские дворы

последовали его примеру. В законопослушном Старом Свете не могли примириться с тем, что Народная скупщина Сербии единодушно одобрила заговор, а кралеубийцы – вместо наказания за нарушение присяги – получили отпущение грехов, став заметными фигурами в армии, гвардии, на государственной службе... И, понятно, что, кроме правовых резонансов, имело место в той реакции и оскорбленное монархическое чувство – Александр Обренович, пусть и представлявший маленькое балканское королевство, был одним из «братьев» в единой семье венценосцев*.

Открытый дипломатический бойкот со стороны предводимых Великобританией западных стран (Россия и Австро-Венгрия не пошли на разрыв отношений с Белградом, признав вскоре новую династию) обернулся для Сербии серьезным падением внешнего престижа. Заговорщический вопрос, как видим, приобретал уже иное – *международное* – значение.

Решить его (да и то чисто внешне), дабы угодить Англию, властям удалось лишь к весне 1906 г. А до того, в течение трех лет, в стране шел процесс формирования и кристаллизации новой конфигурации политических сил; выстраивания их отношений в рамках конституционно-«парламентской» системы, сложившейся после переворота. Правительства в эти годы были слабы и недолговечны (с мая 1903 по апрель 1906-го их было *восемь*¹²⁰), а кризисы сотрясали сербский парламент с пугающей регулярностью. В основе их, несмотря на конкретные поводы, лежала неурегулированность отношений по трем линиям: скупщина – король, скупщина – кабинет, кабинет – армия¹²¹. Каждый тянул на себя... Такая ситуация усиливала активность и влияние неконституционных факторов – дворцовой камарильи и заговорщиков. И, соответственно, «разводила» оба конституционных – монарха, тесно в то время с ними связанного, и парламент.

В апреле 1906 г. обстановка несколько стабилизировалась – Пашич смог сформировать гомогенный радикальный кабинет, обладавший серьезной поддержкой, и убедить короля Петра отправить пятерых заговорщиков из старших офицеров (Дамняна Поповича, Александра Машина, Луку Лазаревича, Петра Мишича, Джордже Костица) в отставку, которую новое правительство «сопроводило» щедрыми отступными. В ответ на это английский двор посчитал кризис в британо-сербских отношениях исчерпанным. И, как следствие, в Белград возвратился посланник Эдуарда VII.

Заметим, что эту свою работу по консолидации *парламентского* фактора Пашич начал значительно раньше. И путем ряда закулисных комбинаций, на какие он был редкостный мастер, ему удалось вывести монарха из-под влияния так называемой «камарильи», заглавные роли в которой играли Живоин Балугджич – личный секретарь короля, и Яков Ненадович – близкий родственник, представлявший до переворота 1903 г. его интересы в Вене. Оба являлись откровенными австрофилами, и, случалось, что в Вене о решениях белградского

* Показательный пример – находясь в 1916 г. в Париже, принц-регент Александр Карагеоргиевич (военный предводитель героической Сербии!) не был принят своим «союзником» – бельгийским королем Альбертом. Не странно ли? Раймон Пуанкаре записал 28 марта в дневник: «Я спросил Броквилля, может ли он мне частным образом сказать, почему король отказался от визита сербского принца? „Я не знаю причины, – ответил Броквилль, – но догадываюсь о ней. Когда бельгийское правительство сочло нужным наградить принца военным крестом, король не дал на это своего согласия, и я понял, что он возлагает на нынешнюю династию вину в убийстве короля Александра“» (Пуанкаре Р. На службе Франции. М., 1936. Т. 2. С. 294).

правительства узнавали раньше, чем они доводились до сведения органов власти внутри страны. Потеря такого источника информации (король по настоянию Пашича отставил обоих уже в 1905 г.) была для Балль-Платца серьезным ударом.

И прежде всего потому, что межгосударственные отношения Сербии с Австро-Венгрией после переворота стали неуклонно ухудшаться, чему причиной было резкое сужение базы политического австрофильства в самой стране. С ликвидацией династии Обреновичей и самороспуском напредняков она, словно шагреновая кожа, ужалась до минимума. Новые центры влияния (заговорщики и представленные в скупшине партии – в первую очередь, националисты-радикалы) отличались антиавстрийским настроением. Таким образом, в Вене явно ошиблись, рассчитывая на внешнеполитическую лояльность короля Петра, который, кстати, чем дальше – тем больше царствовал и меньше правил.

Дело, порой, доходило до прямой конфронтации – так было с вопросом о крупном займе Сербии, когда Австрия желала обеспечить преимущества своих банкиров, или в дискуссиях о новом торговом договоре, где Белград стремился эмансипироваться от ее былой опеки. И, наконец, в знаменитом споре о покупке артиллерийских орудий. Отказ правительства радикалов закупать пушки у чешской «Шкоды» и размещение заказа во Франции (на фирме «Шнейдер-Крезю») привели к началу так называемой «Таможенной войны» 1906–1911 г... Мы не будем здесь углубляться во внешнеполитические сюжеты, сделав это позже, подчеркнем лишь одно – сколь тесно переплетались в политической жизни страны внутри- и внешнеполитические аспекты.

И уже следующий *международный* кризис имел далекоидущие для *внутренней* истории Сербии последствия. Проведенная Веней в 1908 г. аннексия Боснии и Герцеговины способствовала новой активизации экс-заговорщиков. Правда, на сей раз – в основном «молодых». Под неформальным началом Д. Димитриевича-Аписа, они еще весной 1906 г. проявили себя более национально зрелыми, когда поддержали увольнение старших товарищей, считая, что те участвовали в перевороте из личных побуждений и корысти. Их самих уже тогда занимал глобальный вопрос: судьба всего сербства. В соответствии с балканскими традициями, они организовали в 1911 г. тайное общество «Объединение или смерть» – знаменитую «Черную руку»¹²². В центр ее деятельности было поставлено (как явствует из названия) объединение сербского и других югославянских народов в единое государство.

И уже сама эта, столь радикально заявленная, цель новой организации не могла не привести к столкновению с властью, которая стремилась соотносить национальную политику с реальными международными условиями. Разочаровавшись в институциях и принципах парламентского государства, не дававших, как они полагали, возможности скорого решения сербского национального вопроса, и видя в них один лишь источник перманентных межпартийных склоков, основатели «Черной руки» выступали с позиций централизма, милитаризма и авторитарного национализма и, чем дальше – тем больше, становились угрозой гражданскому правлению. Их печатный орган (газета «Пьемонт») в первом же номере от 3 сентября 1911 г. обвинил все без исключения партии «в аморализме, бескультурье и непатриотизме». Единственным лекарством объявлялся «централизм» – с опорой на армию¹²³. Особо жесткие филиппики доставались от газеты правящим старорадикалам и их лидеру Пашичу... Перед нами – очередной пример столь привычного для политической культуры Сербии «мессианства». Проявившегося, кстати, и в отношении «заговорщиков» к династии и монарху. В 1909 г. они высказали намерение добиваться «смены» теперь уже Карагеоргиевичей!¹²⁴ А годом позже Апис

выступил за отречение короля Петра под предлогом того, что радикалы, якобы, «ведут страну к полному краху, а у него не хватает сил, чтобы отстранить их от власти»¹²⁵. Как видим, единожды нарушив присягу, харизматичный офицер был готов и далее свергать «неугодных» королей...

Итак, как справедливо заметил Я.В. Вишняков, «после основания „Черной руки“ интересы правящей партии и заговорщиков окончательно разошлись»¹²⁶. Слишком разному (при единстве стратегического курса на освобождение и объединение сербов и общей же прорусской ориентации) смотрели военные и гражданские на тактические и функциональные задачи власти. Внутренний кризис в стране нарастал, разразившись после балканских войн (1912–1913) и обнажив всю объективную слабость сербского парламентаризма.

Поводом к эскалации конфликта стал знаменитый «спор о приоритете» в новых (т.е. вошедших в состав королевства в 1913 г.) областях. Указ «О старшинстве в Новой Сербии гражданских властей над военными», изданный по инициативе С. Протица – министра внутренних дел и старого друга Пашича, предполагал введение «первенства» гражданских чинов во всех торжественных случаях; и, бывало, что, при явном нежелании «элитного» чиновничества ехать на службу в Богом забытую «новую» глушь, какой-нибудь срезский (уездный) начальник лет 25–28 оказывался там на разных церемониях старше полкового командира в штаб-офицерском звании. И все это в условиях действия осадного положения. Такая ситуация в *конкретных* проявлениях, действительно, была нетерпимой. Однако, «заговорщики» решили использовать ее для лобовой атаки на правительство.

Тем более, что во время и после балканских войн офицерство стало вести себя в Старой Сербии и Македонии крайне независимо. По словам русского военного агента, полковника В.А. Артамонова, «военные, реабилитированные войной, высоко подняли голову»¹²⁷. Настолько высоко, что, когда во время кризиса в отношениях с Болгарией по поводу раздела территорий, захваченных у турок в ходе Первой балканской войны, раздался слух, будто Пашич готов отдать их часть Софии, они открыто пригрозили кабинету¹²⁸, а член «Черной руки», Люба Йованович-Чупа, *от имени организации*, высказал премьеру, что «они изрубят его в куски на Теразиях, если он хоть что-то уступит болгарам»¹²⁹.

Воспользовавшись очередной такой ссорой (на сей раз возвращенного из отставки командира Вардарской дивизии Дамняна Поповича с окружным начальником за право на первое место в церкви, завершившейся демонстративной отставкой комдива), после чего, собственно, и был выпущен указ «О старшинстве», заговорщики потребовали его отмены и предоставления сатисфакции «униженным» офицерам. Пашич отказался идти на уступки. В ответ те вступили в альянс с парламентской оппозицией (независимыми радикалами) с целью *любой ценой* – вплоть до переворота – сместить премьеря. В своих личных амбициях и эгоистичных резонах независимцы пошли на этот тайный сговор с «Черной рукой», тем самым компрометируя и ставя под удар всю гражданскую систему власти. «Сербский парламентаризм, – подчеркнул В. Вучкович, – оказался перед опасностью разрешения его латентного кризиса насильственным путем»¹³⁰.

Кульминацией далеко зашедшего «спора о приоритете» стали роспуск скупщины и объявление новых выборов. Пашич подал в отставку, но король, после консультаций с оппозицией, 29 мая 1914 г. возвратил ему мандат на власть – для их организации. А 11 июня обнародовал указ о перенесении монарших прерогатив на престолонаследника Александра, «в связи с болезнью». Что фактически явилось его скрытым отречением.

Решающую роль в таком разрешении кризиса сыграл российский посланник Н.Г. Гартивг. Именно он настойчиво рекомендовал монарху оставить Пашича у власти. Тот подчинился, не желая противостоять России, и дипломатично удалился в политическую тень, не сумев выполнить данного военным обещания. Как видим, в борьбе с «Черной рукой» – этим мощнейшим *антиконституционным* участником сербской политики – «парламентский» режим формально устоял, но... при поддержке другой *нелигитимной* силы – российской императорской миссии. Что, впрочем, было характерно для всей истории независимой Сербии, на протяжении которой, по дефиниции С. Йовановича, Петербург и Вена «являлись такими же факторами нашей политической жизни, как и „домашние“ партии»¹³¹.

А, тем временем, начиналась новая предвыборная кампания – увы, всего за две недели до выстрела в Сараево...

Внешняя политика Сербии в 1903–1914 гг. «Человек вечной войны». 1903 год, как уже отмечалось, стал водоразделом в международной политике Сербии. Устранив австрофилов Обреновичей и добившись «демократизации» внутреннего порядка, новым властям предстояло «переложить руль» и заняться делами национальными – чем реанимировалась «прадедовская задача сербского освобождения и объединения»¹³², оказавшаяся на время в тени. Ее решение стало основным смыслом всей политической деятельности Радикальной партии и ее лидера Николы Пашича.

О «смене вех» высказался и сам Пашич в разговоре с влиятельным священником из города Ужице, радикальным ветераном Миланом Джуричем вскоре после переворота. «Вот, Никола, мы завершили все дела – завоевали свободу, гарантировали влияние Народной скупшине, посадили на престол короля Петра. А сейчас мы можем отойти в сторону и провести остаток жизни в спокойствии», – подводил итог борьбе с Обреновичами поп Джурич. «Э, нет, – последовал ответ, – все, что мы сделали, само по себе еще ничего не значит. Это только предпосылка для нашего самого главного и грандиозного дела – национального освобождения и объединения. И теперь мы должны целиком посвятить себя ему»¹³³. Такой «поворот» был сделан, а значит – приоритетами в государственной политике становились задачи внешнеполитического, психологического и технического обеспечения сербских национальных амбиций; подготовки страны к маячившим пока в отдалении решающим событиям. А в том, что они грядут, сомнений у Пашича не было никогда.

Важнейшим же внутренним смыслом «поворота» оказался решительный переход к русофильству в политике, что органично корреспондировало с ее новой *национальной* парадигмой. Еще в далеком 1887 г., в письме соратнику, Пашич расставил все нужные акценты: «Боснию и Герцеговину, а также другие сербские земли в Австро-Венгрии, мы не сможем вернуть самостоятельно, т.е. без помощи России, но Македонию мы в состоянии спасти для Сербии и без военного содействия России»¹³⁴. В конечном итоге, так и случилось...

Приход к власти в Сербии пророссийски ориентированных элементов не мог не привести к ухудшению ее отношений с Австро-Венгрией, которая крупно обманулась, сделав ставку на короля Петра, не игравшего, повторим, заметной политической роли. В ответ, со стороны Вены последовала настоящая (хотя и явно запоздалая) «газетная» атака с жесткой критикой Белграда по поводу Майского переворота. И уже в сентябре 1903 г. посланник К. Думба констатировал в одном из донесений, что ситуация в сербо-австрийских отношениях «настолько плоха, насколько это может быть»¹³⁵.

Новые сербские власти пытались эмансипироваться от тесной опеки Дунайской монархии двумя путями. С одной стороны, Белград активизировал свои отношения с соседями и, в частности, с Болгарией, пойдя на заключение с ней в 1905 г. секретного таможенного союза (что было своеобразным прологом Балканского союза 1912 г.). Это стало для Вены, дотоле практически полностью контролировавшей внешнюю торговлю Сербии, полнейшей неожиданностью. Она приняла меры, пригрозив распространением своего ветеринарного законодательства на сербский скот – основу экспорта страны. То было давней и проверенной практикой; не зря же говорилось: чтобы победить Сербию, «Австрии надобно всего лишь мобилизовать своих ветеринаров». И... угроза возымела действие – в марте 1906 г. правительство Н. Пашича смягчило свою позицию, отодвигая на второй план положения таможенного союза с Болгарией и стимулируя переговоры с Веней о заключении торгового договора¹³⁶. Такую «покладистость» можно объяснить и тем обстоятельством, что именно тогда Россия, потерпев поражение в Японской войне и пребывая в состоянии внутренней смуты, ослабила свое присутствие на Балканах.

Но в этот самый момент новая проблема осложнила австро-сербские отношения. Яблоком раздора явился крупный заказ на артиллерийские орудия, который Белград разместил во Франции, а не (как всегда ранее) в Чехии. Пытаясь удержать Сербию под контролем, Австро-Венгрия оказывала на нее сильнейшее давление с целью обеспечить размещение заказа на собственных заводах, угрожая при негативном ответе закрытием венгеро-сербской границы. Пашич – глава кабинета, инициировавшего вопрос о закупке пушек, – без колебаний ответил отказом*, хотя и осознавал, что такое решение грозит стране таможенной войной. Парламентская оппозиция, из опасения закрытия границы, требовала от радикального правительства уступок, но их не последовало. Отдать заказ на вооружение Вене значило для сербского премьера лишь одно – стать ее заложником. И он был оставлен французам... Австро-Венгрия закрыла границу с Сербией. Началась таможенная война, длившаяся вплоть до 1911 г.

Вене, однако, не удалось заставить Белград капитулировать, в чем сказалась его новая внешнеполитическая ориентация. Ведь, привязав «маленький сербский плот (как тогда говорили) к мощному русскому кораблю», Пашич тем самым сумел подтянуть его и к могучей эскадре под названием «Антанта».

С помощью Франции была модернизирована пищевая промышленность – основа экономики страны. Возводились бойни, холодильники, консервные заводы. Свой скот сербы начали сбывать не в живом (как раньше в Австро-Венгрии), а в готовом виде. И покупатели нашлись. Сербской тушонкой, к примеру, снабжались британские базы в Египте и на Мальте – даже Германия допустила ее на свой рынок... Соответственно, убытки Сербии оказались во много раз меньше, чем полагали внутренние и внешние оппоненты. Она в значительной степени освободилась от экономической зависимости от Австро-Венгрии, куда теперь вывозила лишь 30 % своего экспорта, в отличие от 80–90 % в «предвоенные» годы.

Похожая ситуация сложилась и в вопросе о государственном займе, из средств которого предполагалось финансировать закупку орудий и постройку железных дорог.

* Австро-венгерская дипломатия прекрасно понимала все «значение» Пашича при решении вопроса о сербском вооружении в ее интересах – еще в январе 1905 г. посланник Думба писал в Вену, министру Голуховскому: «Если мы вообще хотим сделать что-то для „Шкоды“, то прежде всего должны свалить Пашича» (Цит. по: *Ђорђевић Д.* Царински рат Аустро-Угарске и Србије. 1906–1911. С. 67).

После изнурительной – как скрытой, так и явной, вплоть до рукоприкладства, – борьбы деньги (95 млн. фр.) были в конце 1906 г. получены от финансовой группы, главную роль в которой играли французские банки. На них сербы купили у «Шнейдер-Крезю» 49 полевых и 15 горных батарей, а также по 280 снарядов на каждый ствол¹³⁷...

Таможенная война была для Сербии тяжелым испытанием, но еще более тяжким стал Боснийский кризис, связанный с аннексией в 1908–1909 гг. Боснии и Герцеговины. Целью ее было стремление Вены укрепить свою гегемонию на Балканах и в восточной Адриатике, а также переориентировать собственное югославянское движение, отдавая себе отчет в том, что Белград становился для последнего все более притягательным. Аннексия была ускорена и из-за Младотурецкой революции в Стамбуле, которая вернула в силу конституцию 1876 г., – ее действие формально распространялось на территорию всей империи, включая оккупированную провинцию. Вместе с тем Австро-Венгрия вывела свои гарнизоны из Новипазарского санджака (Рашки), возвратив его Турции, – так было легче сохранить буферную зону, разделявшую Сербию и Черногорию.

В Сербии аннексия вызвала мощную волну протестов. Общество всколыхнулось – в стране создавались пункты записи добровольцев, готовых сей же час отправиться в Боснию на защиту «сербского дела». Правительство требовало предоставления Боснии и Герцеговине автономии и раздела Новипазарского санджака между двумя сербскими королевствами. Одновременно оно обратилось к России, вставшей на сторону сербов. Однако, в марте 1909 г., принимая во внимание неготовность России к войне, Германия ультимативно потребовала от нее санкционировать акцию Австро-Венгрии, дав понять, что отрицательный ответ повлечет за собой вооруженное вторжение Вены в Сербию, при содействии Берлина. Угроза опять-таки подействовала – Петербург был вынужден отказаться от поддержки Белграда и посоветовать ему признать новый status-quo¹³⁸.

Сербия отступила. Но отступление было временным. В отблесках последнего триумфа Габсбургов уже являлась тень древнего царя Пирра.

Наглядна позиция Пашича, который во время Боснийского кризиса не входил в правительство. Он выступил за жесткий отпор аннексии, говоря о возможной защите сербских национальных интересов и с оружием в руках. Так, на закрытой сессии скупщины 10 октября 1908 г. он прямо высказался за войну с Австро-Венгрией¹³⁹, чем проявил себя как прекрасный психолог. С одной стороны, его решительный «частный» настрой импонировал общественному мнению, оскорбленному в национальных чувствах. С другой же, – когда чуть позднее министр иностранных дел Милован Милованович, с подачи дипломатов Антанты, начал задумываться о территориальных компенсациях за аннексию (на что бы Вена, может быть, и пошла) он решительно восстал против любых сделок. «Пусть на теле сербского народа останется живая рана!», – подчеркнул Пашич, желая сохранить высокий национальный тонус сербов для будущего реванша.

Кто знает, возможно, он вспоминал тогда площадь в Париже, где стояли статуи женщин по числу провинций Франции, две из которых, олицетворявшие Лотарингию и Эльзас, без малого сорок лет были укутаны черным крепом – в напоминание французам об отторгнутой части Отечества.

Должно отметить, что о «реванше» Пашич не забывал никогда. Даже в моменты унижений. Побывав в конце 1908 г. с чрезвычайной миссией в Петербурге и не получив там ожидаемой поддержки, он подошел к своему делу с другой стороны – договорился о визите в Россию короля Петра, никогда еще не посещавшего мировых столиц. Такой визит состоялся в 1910 г. и имел весьма позитивные для отношений двух стран последствия.

Короля и сопровождавшего его Пашича встречали в Киеве, Москве и Петербурге почти по-родственному¹⁴⁰. А спустя год в Петергофе состоялась свадьба королевы Елены Петровны и князя императорской крови Иоанна Константиновича – сына известного поэта и многолетнего президента Академии наук К.Р.* Пашич мог быть доволен – русский и сербский дворы породнились. По точной оценке Л.В. Кузьмичевой, «брак этот был символическим – признание равнородности династий Карагеоргиевичей и Романовых знаменовало русскую поддержку Сербии и ее короля»¹⁴¹. Петербург и Белград стали еще ближе. В том числе и политически.

Боснийский кризис имел рубежное значение для балканских стран. Во-первых, он похоронил возможность в принципе близких отношений Белграда и Вены, сделав их окончательно неприятелями. Во-вторых, в условиях дальнейшего ослабления Турции, привлек внимание к Балканам великих держав, стремившихся укрепить свои позиции в отдельных государствах региона, которому придавалась важная роль в стратегических раскладах как Тройственного союза, так и Антанты. И, наконец, исходя из первых двух посылок, подтолкнул балканских политиков к сотрудничеству друг с другом – в целях защиты от Австро-Венгрии, с одной стороны, и освобождения христианских областей Европейской Турции, с другой¹⁴².

Завязались тайные переговоры, и в октябре 1912 г. Сербия, Греция, Болгария и Черногория, заключив соглашение, объявили войну Турции. Главным стержнем нового Балканского союза был сербо-болгарский союзный договор, подписанный 13 марта, по которому предусматривалось их совместное выступление против турок и последующий раздел Македонии. С другой стороны, в случае нападения на Сербию Австро-Венгрии, болгары обязывались предоставить в помощь Белграду армию в 200 тыс. штыков¹⁴³. Но последнего не случилось, ибо союзники разыграли «Турецкий гамбит».

К началу войны Сербия имела сильную, хорошо и *вовремя* вооруженную армию, а моральный дух народа был как никогда высок. Многолетний заместитель Пашича по финансам и близкий его друг еще с 70-х годов XIX в. Лаза Пачу говорил Л.Д. Троцкому, обозревавшему в качестве корреспондента военные коллизии тех лет: «Наши финансы в прекрасном состоянии. Мобилизация обходится нам в миллион динаров ежедневно. Мы сделали значительные запасы золота и спокойно смотрим навстречу завтрашнему дню. На шесть месяцев нас хватит»¹⁴⁴. Словом, каждый *спокойно* делал свою работу*. И даже конституционный режим, в отличие, скажем, от Болгарии, на время войны не был отменен.

Плоды такой подготовки оказались впечатляющими. Сербские войска выиграли ряд крупных сражений Первой балканской войны: при Куманово, Битоле, Прилепе и т.д. Особенно в них отличились артиллеристы, вооруженные теми самыми орудиями, за ко-

* Великий князь Константин Константинович Романов (1858–1915) – внук Николая I и племянник Александра II.

** «Белград был спокоен, – писал русский очевидец. Не слышно не криков, ни песен, ни пьяных разглагольствований. Каждый занят – занят так сильно, что для страха за исход войны, для тревоги за близких, даже если и чувствуются они где-то в глубине души, не остается уже времени. Бояться некогда – некогда и скорбеть... Война так реальна, настолько захватывает все сферы жизни, что из кровавой трагедии она превратилась в громадную общественную работу... Эта простота, эта сосредоточенность и деловая напряженность импонируют больше, чем какие бы то ни было речи, демонстрации и песни» (*Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. С. 536–537).

торые в свое время «на смерть» бился Никола Пашич. Однако не все оказалось гладко – пробившиеся на побережье и занявшие порты Алесслио и Дураццо (без выхода к морю Сербия просто задыхалась) сербские части были вынуждены их оставить – из-за угрозы Австро-Венгрии, которая объявила частичную мобилизацию. Это привело, по мнению политиков и военных, к необходимости частичного пересмотра договора с Болгарией и, в частности – сохранения за Сербией долины Вардара (занятой сербами, но по договору должной отойти к болгарам), как единственного удобного пути к порту Салоники. Болгары же, не выполнившие, кстати, ряд положений договора, встретили предложение о ревизии его текста в штыки¹⁴⁵. При этом сами выдвинули территориальные претензии к грекам – относительно Салоник и юго-восточной Македонии. Напряжение в отношениях между союзниками росло. Надвигалась гроза.

Она и разразилась в ночь на 30 июня 1913 г., когда болгарские войска атаковали сербские позиции на реке Брегалница. Началась Вторая балканская война. Болгарии в ней, кроме Сербии и Греции, противостояли Румыния и недавно побежденная Турция. Боевые действия закончились быстро. И в результате – София потеряла почти все, что приобрела накануне. Бухарестский мирный договор от 10 августа 1913 г., юридически закрепивший итоги обеих войн, признал за Сербией Вардарскую Македонию и Старую Сербию (нынешние Косово и Метохию и часть Рашки)... Таким образом, южный «аспект» сербского национального вопроса, в том виде, как его понимало руководство страны, был решен.

После громких сербских побед на полях балканских войн конфликт Вены с Белградом становился *в перспективе* неизбежен. Австро-Венгрия не желала терпеть у своих границ усилившееся королевство, само существование которого пробуждало у ее югославянских подданных центробежные настроения. Целостность двуединой монархии во многом зависела теперь от того, сможет ли она сломить резко возросшую сербскую силу и нейтрализовать ее влияние. Заручившись поддержкой Германии, Вена ожидала повода для «похода на юг». Сараевский атентат показался ей довольным...

* * *

А теперь зададимся вопросом: в чем был секрет этих столь впечатляющих побед? В принципе, ответ очевиден.

Говоря о состоянии умов в Сербии накануне балканских войн, мы упомянули, что «моральный дух народа был как никогда высок». И, действительно, мобилизация армии завершилась «в рекордные сроки и при идеальном порядке»¹⁴⁶, причем на призывные пункты, по словам наблюдателя, «явились все, кто только мог передвигать ноги, – призываемые и *непризываемые*». «В течение трех дней, – подводил он итог, – явилось 95 % призывных, через неделю их было 98 %; лишь 2 % оказалось больными, но и из этих многие явились, прося их взять, в надежде поправиться в дороге»¹⁴⁷. Повсюду в стране мобилизация вызвала всеобщее ликование¹⁴⁸. «Все три призыва мобилизованы, – писал очевидец событий из сербов, – начинается радость и взаимные приветствия; невозможно замыслить, что речь идет об отправке на фронт, где кладутся жизни, а не на сватовство»¹⁴⁹. И зоркий русский глаз подметил сей же факт: «На всех станциях было много резервистов... Настроение у всех очень бодрое, а, главное, совершенно спокойное, как будто они ехали на самое обычное дело»¹⁵⁰. «Вы думаете, что слышен был плач матерей,

жен, сестер, отправляющих своих близких на возможную смерть, – вторил ему соотечественник. Нет, если какая-нибудь баба и проливала тихо невольные слезы, ее сейчас останавливали, пристыжая: „Как не стыдно плакать – такое святое дело“. Устыженная отвечала: „Я не плачу, что жалею, а плачу от умиления, что с такой радостью идут все освобождать наших братьев; плачу от того, что дождалась это увидеть“¹⁵¹.

Как видим, война и впрямь пользовалась «необыкновенной популярностью»¹⁵², что, впрочем, было предсказано давно – в период Боснийского кризиса Никола Пашич заявил: «Война будет популярна и бестрепетна к жертвам»¹⁵³. И неважно с кем – с австрийцами или с турками... И так – «война, которую желали все»¹⁵⁴, как выразился современный автор. Но снова вопрос – в чем же причина таких настроений?

В своей известной работе академик М. Экмечич утверждает, что после смены династий в 1903 г. в Сербии произошел «переход элитарного типа национализма в массовый»¹⁵⁵. Аргументацию своему заключению он черпает в том, что, на основании демократической конституции 1903 г. и избирательного права, большинство мужского населения получило возможность участвовать «в элементарной политике» – а это является одним из необходимых условий для «эволюции национального движения в массовый тип». Другое условие – грамотность, *как минимум*, трети населения. И хотя, как известно, число грамотных накануне балканских войн не превышало 30 %, историк полагает, что «в действительности читать могло даже более трети населения, а потому „читательская революция“, как это условие названо в литературе, в Сербии после 1903 г. имела место». И в результате – «современный человек, вдохновленный национальной идеей, воспринимает такую эволюцию как участие в жизни суверенного государства, которое зависит и от него. Он больше не является пассивным наблюдателем»¹⁵⁶.

Что касается массового участия мужского населения «в элементарной политике», то выше мы постарались показать чисто *традиционное* «качество» такого участия, как, впрочем, и самой политики.

Относительно же более чем трети грамотного населения и особенно «свершения» в сербском обществе «читательской революции», следует заметить, что и цифра 30 % кажется нам завышенной, поскольку в аграрной, патриархальной Сербии мотивация для получения образования еще *не созрела* – традиционный образ жизни предполагал, что большинство детей проследует путем своих родителей, наследуя их занятия и обычаи*. Для чего «домашнее воспитание» было куда важнее полученного на стороне (в школе) абстрактного знания, которое весьма «мало соображалось с нуждами народа, его нравами и условиями жизни»¹⁵⁷ и, соответственно, – не применялось на практике. Будучи невостребованным, оно не являлось повседневной необходимостью, что, в свою очередь, не могло не повлиять на судьбу *номинально* грамотных людей. Речь здесь идет о типичном для всех традиционных обществ феномене «вторичной неграмотности»¹⁵⁸. Проиллюстрируем нашу мысль.

Так, в 1908 г. члены Шумадийского учительского общества опрашивали в окрестностях Крагуеваца сельскую молодежь, десять лет назад окончившую начальную школу. И были вынуждены констатировать, что «у огромного большинства парней и девушек исчезло поч-

* «Зафиксированная и аккумулированная в бесписьменной народной культуре, хранимая в живой памяти и передаваемая механизмами неукоснительных традиций, ограниченная совокупность знаний и навыков вполне обеспечивала хозяйственный процесс» (Кузьмин М.Н. Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 60).

ти все полученное в школе знание, а многие вообще разучились читать и писать, поскольку за время, прошедшее после школы, не написали ни единого слова и ничего не прочли». Но то, что «они были в состоянии, мучительно и обливаясь потом, вывести свой автограф, переводило их в категорию грамотных»¹⁵⁹. Таковы были критерии, определяющие *качество* «читательской революции»... Важно подчеркнуть, что указанный «феномен» отличался в Сербии стабильностью: мы можем наблюдать его со времени первых поездок русских путешественников в 60-е годы XIX в.¹⁶⁰ и далее – на рубеже веков¹⁶¹. Следовательно, и в самом сербском социуме к началу балканских войн *по сути* мало что изменилось.

Поэтому, как нам представляется, объяснять «необыкновенную популярность» войны у сербов, прибегая к категориям и значениям *современного* (modern) общества (а «массовый национализм» к таковым, несомненно, относится) не совсем корректно. Разгадку ее следует искать в стереотипах *традиционного* мышления.

Начнем с его носителей. Напомним, что до Первой мировой войны доля крестьянства в структуре населения Сербии никогда не опускалась ниже 87 %¹⁶². При этом оно было наделено землей достаточно равномерно, вследствие чего разделение интересов в его среде протекало крайне медленно. К тому добавим и неполную социальную структуру. Сербское общество было лишено аристократии и буржуазии. В нем имелось как бы два полюса: малочисленная (вышедшая из «низов») элита и однородная крестьянская масса – главный хранитель ценностей традиционного сознания.

Городские жители, доля которых в населении Сербии составляла 12 %, так и не смогли консолидироваться в мещанское сословие – стать носителями буржуазности**, но на протяжении всей эпохи независимости оставались весьма размытой категорией. «Как трудно было сказать, где кончается сельская тропа и начинается городская улица, – пишет тот же М. Экмечич, – так же мало кто мог определить, где проходит граница между крестьянином и жителем города»¹⁶³.

Согласно принятому в 1873 г. «Закону о народном благосостоянии», вводился гарантированный и никем не отчуждаемый аграрный минимум, определявшийся количеством земли, которое крестьянин был в состоянии вспахать за шесть дней своего труда. Данный принцип существовал и позднее – в 1907 г. радикальное правительство Пашича в очередной раз продлило действие закона об аграрном минимуме, защищавшего крестьянина от угрозы пауперизации, ограничивая возможность земельных спекуляций и концентрации земли в немногих отдельно взятых руках***. Тем самым, он затруднял рас-

* Этот пример подтверждает типологически емкий вывод Э. Геллнера – «Аграрное общество не обладает ни ресурсами, ни мотивами, необходимыми для того, чтобы грамотность распространялась широко, не говоря уже о том, чтобы она стала всеобщей» (Геллнер Э. Пришествие национализма // Нации и национализм. М., 2002. С. 150).

** По словам наблюдателя из России, «серб остается по преимуществу земледельцем и свинопасом, а если судьба выбрасывает его из обычной сферы родительского дома, то он охотнее всего обращается к чиновничьему или военному делу. Собственно мещанское сословие поэтому вполне чуждо сербскому народу» (Вейнберг Е. Сербия и сербы. Этнографический очерк // Русские о Сербии и сербах. С. 473).

*** Радикалы всегда высоко оценивали этот закон. По мнению Аврама Петровича, «им обеспечено само существование нашего, в основном земледельческого, народа. И следовательно, в Сербии не может быть бездомных, которых есть немало во всех других странах» (Петрович А. Успомене / приред. Л. Перовић. Горњи Милановац, 1988. С. 43).

пространение в Сербии капитализма и становление соответствующего ему типа мышления¹⁶⁴. И в результате, как констатировал русский ученый в 1915 г., «Сербское королевство может быть названо и донныне страной почти исключительно мелкого и среднего землевладения»¹⁶⁵.

Эта патриархальная модель общества (согласно старой формуле: *сербский народ – общество равных*) не была для соратников Пашича некоей самоцелью. В условиях незавершенности процесса всесербского освобождения и объединения она становилась средством и формой консолидации сербов королевства, поскольку малая расщепленность интересов внутри социума позволяла сохранять единство народного духа – важнейшую внутреннюю предпосылку будущего освобождения. Социальное равенство, как видим, отождествлялось в глазах радикалов с национальным единством... И эта их политика в нужное время увенчалась полным успехом – объясняя подоплеку всеобщего подъема, захлестнувшего Сербию в начале Первой балканской войны, русский корреспондент писал: «В ряду причин того удивительного объединения, которое приходится наблюдать здесь, следует, разумеется, отметить и сравнительную неразвитость социальных отношений, а, следовательно, и социальных антагонизмов. Личность не успела еще выделиться из коллектива, а экономическое развитие не успело вырыть психологической пропасти между управляющими и управляемыми»¹⁶⁶.

Теперь о самом мышлении. Известно, что одной из базовых традиционалистских установок является идея *преемственности*, т.е. «солидарности поколения живущего с поколениями умершими»¹⁶⁷, или «участия минувших поколений в современности»¹⁶⁸.

Особо наглядно оно проявлялось в подходе родителей к воспитанию детей, когда, по наблюдению П.А. Ровинского, отцы заставляют своих чад «выучивать в виде катехизиса историю падения сербского царства на Косовом поле, причем делают такие выводы, что Милошу Обиличу – на вечные времена слава, Вуку Бранковичу – проклятие, а турку и швабу нужно посечь голову»¹⁶⁹. И снова следует подчеркнуть, что с течением времени в данной системе воспитания мало что изменилось. Спустя почти полвека после путешествия Ровинского другой русский автор констатировал: «Когда старый дед учит внука владеть саблей или кинжалом, тогда жилище серба наполняется избытком высокого наслаждения и удовольствия... Преемственно, от поколения к поколению, передаются имена освободителей народа от турецкого ига, и в честь их слагаются песни»¹⁷⁰.

Образованные сербы, признавая явный перекося «героического» воспитания, тем не менее объясняли его необходимость: «Видите, в каком мы положении: мы должны из наших детей готовить вместо гуманных граждан – диких солдат, потому что нам еще грозит война с турками, ... с которыми нужно мериться тем же оружием, каким и они пользуются против нас»¹⁷¹. Этот мотив грядущей войны и необходимости подготовки к ней с самого «нежного» возраста тиражировался на всех уровнях. Уже известный поп Милан Джурич с *парламентской трибуны* требовал от учителей так воспитывать детей, «чтобы они знали заветную мысль (об освобождении и объединении сербства. – А.Ш.), знали о косовских героях и в будущем, став гражданами, отомстили бы за Косово». Или другой его пассаж – «Мать пасет овец или жнет ячмень и пшеницу, но при этом поет сыну песню и готовит его к отмщению Косова»¹⁷².

Как видим, *героическое* начало закладывалось в сербских детей с младых ногтей, что не могло не сказаться на формировании их мироощущения, какое всегда оставалось сугубо конфронтационным, в рамках оппозиции свой–чужой. И когда *чужие* менялись, т.е. когда к туркам после 1878 г. добавились «соседи» из-за Савы и Дуная, отношение к

ним оставалось столь же жестким и одномерным. В «Катехизисе для сербского народа» читаем: «Кто неприятель сербов? – Самый главный враг сербов – Австрия... Что нужно делать? – Ненавидеть Австрию, как своего самого главного врага... Кто друг сербов и Сербии? – Единственный искренний и надежный друг сербов, который был и есть – это великая и мощная Россия. В чем же долг каждого серба? – Любить свое отечество и монарха и умирать за них, уважать своих друзей и ненавидеть врагов»¹⁷³.

Такой подход проявляет себя особенно контрастно в сравнении с другим – как раз *современным* – типом мышления. Иллюстрации ради, приведем диалог Владана Джорджевича (воспитанного в Европе и отнюдь не фанатика-радикала, вроде М. Джурича) с чешским национальным деятелем Франтишеком Ригером. На замечание Ригера о том, что «австрийское ярмо становится для чешского народа слишком тяжелым», собеседник задал естественный для *всякого* серба вопрос: «Почему же тогда чешский народ не сбросит его?». На что был получен характерный ответ: «Народ, у которого почти в каждом втором доме стоит пианино, не поднимает революций»¹⁷⁴. Перед нами – два наглядных проявления двух систем мышления*, когда вторая «стремится приспособить идеал к реальности», а первая – «осуществить на практике неосуществимый идеал»¹⁷⁵.

Кстати, о фортепиано. В 1898 г. (двадцать лет спустя после беседы Джорджевича и Ригера) в старой сербской столице Крагуеваце имелось одно-единственное пианино, принадлежавшее переселенцам из Срема¹⁷⁶. Музыкальные запросы сербов из королевства были иными – героические песни, исполняемые на гусях, помогали им усиливать «участие минувших поколений в современности». Современник так описал финал исполнения одной из них: «А когда дело дошло до Вука Бранковича, что выдал царя на Косове, и пропел ему певец: „Проклят будь и род его и племя!“ – „Проклят!“, крикнули все и повскачили с мест, как будто ища изменника, предавшего сербство»¹⁷⁷.

И, как вполне закономерный итог, – страна производит «впечатление какого-то полувоенного лагеря», что все в ней «временное, неустановившееся, все в каком-то ожидании чего-то, что вся она живет *накануне*, вся в каком-то воинственном настроении»¹⁷⁸. В результате – «во имя постоянно грозящей войны Сербия жертвует своими истинно человеческими интересами», ибо «на такой почве трудно ожидать, чтоб могли пустить глубокие корни гуманизм и гражданственность»¹⁷⁹.

* Прошли десятилетия, но в мышлении одних и других опять же ничего не изменилось. В начале рокового 1914 г. оказавшийся в сербской столице русский турист писал: «Белград делает сейчас заем в 40 миллионов франков, из которых 20 миллионов предназначено на постройку общественных зданий... Многие находят, что для Белграда это расход чрезмерный», утверждая, «что украшать город хорошо, ... но, что пушки, пожалуй, надежнее. Не лучше ли иметь лишних 20 скорострельных пушек, чем построить один дом». В ответ на это, гость вспомнил о своей встрече с мэром города Праги, «когда он показывал народный банк, который обошелся чуть ли не в четыре миллиона франков. Я спросил, как может маленькая Чехия возводить такие дворцы, которые считались бы роскошью даже в России или во Франции. Он ответил, что положение России и Чехии несравнимо... Чешский крестьянин знает, что он окружен со всех сторон немцами, которые хотят задавить его самосознание, ему тяжело, его надо подбодрить. Вот и строятся дворцы для обслуживания народных нужд, чтобы показать народу его силу и мощь его единения. Каждая такая постройка есть новая крепость, она придает крестьянину веру в самого себя, в свои силы и укрепляет его дух» (Комаров Г.В. В Белград на Пасху // Русские о Сербии и сербах. С. 575).

И, действительно, коллективный портрет серба второй половины XIX – начала XX в. вполне можно было подписать – Homo Militans¹⁸⁰, или «человек вечной войны», как его окрестили русские очевидцы¹⁸¹. Явления такого рода (Humanitas Heroica) свойственны культурам «пограничья», каковым издавна были Балканы, формируя своеобразную этику поведения и идеалы героизма. Характерными чертами «образцового» защитника своего этноса и культуры в условиях *иноцивилизационного* соседства являются те, которые объединены «драматизмом мученичества»¹⁸².

Именно здесь, как представляется, корни «популярности» войны у сербов*.

Поэтому-то, когда настала пора решающих схваток – во имя *отмщения Косова*, – они (словно доказывая мысль В.О. Ключевского, что «цементирующая сила – традиция и цель»¹⁸³), как один, пошли в бой, да так, что выдавшие виды русские дивились: «Здесь узловой пункт. Нет шума, нет пьяных, нет плачущих женщин. Вообще ничего похожего на наши родные картины при отправке на войну запасных». И в глазах провожающей сына матери «ни единой слезинки». В них только одно: «Напред, сине, с Богом!»^{184**}.

Как и несколько лет спустя, во время Первой мировой войны, только сербская женщина, думается, могла написать сыну, оказавшемуся в австрийском плену: «Я все мыслю, что, если тебя все же пленили, то ты, наверное, был ранен и не мог защищаться. Но, сынок, если ты сдался сам и при том даже не был ранен, домой не возвращайся. Ты осрамишь наше село, которое возложило на алтарь отечества жизни восьмидесяти трех героев из ста двадцати, призванных в армию. Твой брат Милан погиб у Рудника. Должно быть, он был счастлив, когда видел, как его старый король стреляет из первых рядов»¹⁸⁵.

* * *

В заключение, возвращаясь к поставленному вопросу о степени «европейскости» Сербии, сошлемся на мнение Л.В. Кузьмичевой, которая с полным правом констатирует, что «неопределенность сроков решения задач расширения государственных границ (и

* Сербский историк Б. Глигориевич в книге о короле Александре Карагеоргиевиче привел свидетельство литератора Велько Петровича, который накануне балканских войн писал, что «Сербия возжелала войну, покольку ее уже не было больше тридцати лет. За это время выросли новые поколения, уже не помнившие войны, но только слышавшие о ней от стариков. А в рассказах тех звучали и упреки молодым за недостаток патриотизма и слабость к западной культуре с ее комфортной жизнью без жертв» (*Глигоријевић Б. Краљ Александар Карађорђевић. Београд, 2002. Т. I. У ратовима за национално ослобођење. С. 76*)... На эти упреки «новые поколения» сербов и ответили осенью 1912 и летом 1913 гг. Причем в чисто «традиционном» ключе – как завещали старики.

** В 1912 г. супруга российского посланника в Сербии Н.Г. Гартвига сообщала из Белграда в Москву: «Только что хоронили чиновника министерства иностранных дел Ковачевича, тело которого привезли в кусках из-под Куманова. Старик-отец перед прощанием обратился к сыну со словами: „Прощай, юнак, ты видишь, я не плачу, ступай с миром к престолу Всевышнего и скажи царям Душану и Лазарю, что Косово поле освобождено“. Это был единственный сын старика» (Центральный исторический архив Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3017. Л. 31; *Козлов В.Ф. Москва – Сербии. Из истории русско-сербских связей XVII – начала XX в. М., 2001. С. 51*).

постоянная готовность к тому. – А.Ш.) – это один из главных тормозов движения Сербии по пути европеизации и модернизации внутригосударственной жизни»¹⁸⁶.

Добавим лишь, что наиболее проницательным современникам такой диагноз был ясен сразу. Осенью 1880 г. П.А. Кулаковский делился с Ап.А. Майковым: «„Царство Душана не дает сербам спать“, – недавно где-то я читал, и это правда: не было бы вредно, если бы этим историческим славным воспоминанием сербы поддерживали свой дух, но беда-то в том, что это историческое воспоминание заставляет их разыгрывать роль, им не подходящую, заставляет их обманывать и нас, и себя; заставляет их больше мечтать и меньше делать... Как хотите, но это печально в том государстве, которое находится в таком трудном положении как Сербия, которое должно прежде всего воспитывать характеры деловые и людей, работающих здраво и аккуратно»¹⁸⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. 2 // Сабрана дела С. Јовановића. Београд, 1990. Т. 7. С. 13–17. См. также: *Рајић С.* Владан Ђорђевић. Београд, 2007.

2 *Милићевић М.* Реформа војске Србије. 1897–1900. Београд, 2002. С. 163–166.

3 Там же. С. 12.

4 См., например: *Младеновић Б.* Српске династије у мемоарима пуковника Павла Блажарића // Нововековне српске династије у мемоаристици. (Зборник радова). Београд, 2007. С. 367–368.

5 Рукописно одељење Матице Српске (далее – РОМС). Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.426. «Заверенички разлози».

6 *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. 2. С. 326. См. также: *Милићевић М.* Реформа војске Србије... С. 21.

7 РОМС. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.426. «Казивања Боре-Буки Јовановића о 29. мају 1903.».

8 *Милићевић М.* Реформа војске Србије... С. 8, 59; *Новаковић С.* Двадесет година уставне политике у Србији. 1883–1903. Београд, 1912. С. 71.

9 *Каљевић Љ.* Моје успомене. Београд, 1908. С. 55.

10 РОМС. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.426. «Краљ Милан од Ивањданског атентата до смрти и непосредно после ње».

11 Там же. «Казивања Боре-Буки Јовановића о 29. мају 1903.».

12 *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. 2. С. 365.

13 *Младеновић Б.* Српске династије у мемоарима пуковника Павла Блажарића... С. 368.

14 Архив Српске академије наука и уметности (далее – АСАНУ). Бр. 9327. Свеска XVI (2). Дневник Милана Милићевића (запись от 6 и 7 июля 1900 г.).

15 Там же... Подробнее о реакции Милана Обреновича на помолвку сына см. *Крестић П.* Кнез и краљ Милан у мемоаристици // Историјски часопис. Београд, 2007. Књ. LIV. С. 207–208.

16 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 2861 (1900 г.). Л. 85 (П.Б. Мансуров – В.Н. Ламздорфу. Белград, 15/28 августа 1900 г.).

17 Там же. Л. 10 об. – 11 (П.Б. Мансуров – В.Н. Ламздорфу. Белград, 6 июля 1900 г.).

18 Там же. Л. 34 (П.Б. Мансуров – В.Н. Ламздорфу. Белград, 13/25 июля 1900 г.).

19 Там же. Л. 46 (В.Н. Ламздорф – П.Б. Мансурову. Петербург, 16 июля 1900 г.).

20 *Charykow N.* Glimpses of High Politics. Through War & Peace. 1855–1929. London, 1931. P. 232.

- 21 Поповић Н. Србија и царска Русија. Београд, 2007. С. 45.
- 22 Столић А. Краљица Драга Обреновић. Београд, 2009. С. 155–166.
- 23 Архив Србије (далеко – АС). Фонд Стојана Новаковића. Бр. 1245 (М. Вујић – С. Новаковићу. Београд, 20. октобра 1901.). См. такође: *Војводић М.* Петроградске године Стојана Новаковића (1900–1905). Београд, 2009. С. 25–26; *Столић А.* Краљица Драга Обреновић. С. 173–174.
- 24 АС. Фонд Стојана Новаковића. Бр. 172 (С. Новаковић – Александру Обреновићу. Петроград, 12. новембра 1901.).
- 25 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 492. Ч. III (1901 г.). Л. 131 об. (Н.В. Чарыков – В.Н. Ламздорфу. Белград, 21. новембра 1901 г.).
- 26 Там же. Д. 495. Ч. II (1902 г.). Л. 51 (В.Н. Ламздорф – Н.В. Чарыкову. Петербург, 13. јуна 1902 г.).
- 27 Там же. Л. 161 (В.Н. Ламздорф – Н.В. Чарыкову. Петербург, 4. септембра 1902 г.).
- 28 Там же. Ф. Канцеларија. Д. 13 (1902 г.) Л. 397 (В.Н. Ламздорф – Н.В. Чарыкову. Петербург, 24. септембра 1902 г.).
- 29 См.: *Столић А.* Краљица Драга Обреновић. С. 175; *Казимировић В.* Црна рука. Крагујевац, 1997. С. 146.
- 30 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2861 (1900 г.). Л. 2.
- 31 Там же. Д. 492. Ч. III. Л. 11–12 об. (Б.Н. Евреинов – В.Н. Ламздорфу. Белград, 17. септембра 1901 г.).
- 32 *Столић А.* Краљица Драга Обреновић. С. 172–173.
- 33 *Витте С.Ю.* Воспоминания. Таллинн; М., 1994. Т. 2. С. 254.
- 34 См.: *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 37, 39, 45 (записи от 3, 6 и 20. фебруара 1894 г.).
- 35 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 496 (1902 г.). Л. 248 об. – 249 (Н.В. Чарыков – В.Н. Ламздорфу. Белград, 5. новембра 1902 г.).
- 36 См.: *Војводић М.* Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1988. С. 455–457.
- 37 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 499 (1903 г.). Л. 101 об.
- 38 РОМС. Заоставштина Милана Јовановића-Стојимировића. Бр. М.13.426. «Казивања Боре-Буки Јовановића о 29. мају 1903.».
- 39 См.: *Шемякин А.Л.* Убиение генерала Павловича. Как в Белграде расстреливали георгиевского кавалера // Родина. 2007. № 9. С. 67.
- 40 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 500. Ч. I (1903 г.). Л. 337.
- 41 Там же. Л. 367.
- 42 *Семиз Д.* Један руски савремени докуменат о 29. маја // Нова Европа. Књ. XVI. Бр. 7. 11. октобра 1927. С. 228; *Вишняков Я.В.* «Котел с расплавленным металлом». К чему привел сербов Майский переворот 1903 г. // Родина. 2003. № 10. С. 82.
- 43 Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010. С. 93 (запис от 25. децембра 1902 г.).
- 44 Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 4. Д. 313. Л. 30 (И.Н. Сысоев – В.П. Целебровскому. Белград, 4. јуна 1903 г.).
- 45 См.: *Екмецић М.* Аустро-Угарска обавештајна служба и Мајски преврат // Историјски часопис. Београд, 1985. Књ. XXXII. С. 141–168.
- 46 *Казимировић В.* Црна рука. С. 15–16.
- 47 См.: *Један новинар (С. Протић).* Политичка размишљања из историје наших дана // Дело. Београд, 1894.

- 48 *Пироћанац М.* Белешке / приред. С. Рајић. Београд, 2004. С. 292.
- 49 *Поповић М.* Борбе за парламентарни режим у Србији. Београд, 1939. С. 89; *Чубриловић В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1982. С. 282–283; *Историја Српског народа.* Београд, 1983. Књ. 6. Т. 1. С. 92; *Екмечић М.* Стварање Југославије. Београд, 1989. Књ. 2. С. 546; *Живојиновић Д.* Краљ Петар I Карађорђевић. Београд, 1990. Књ. 2. С. 115; *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). Београд, 1990. С. 17; *Исти.* Успон и пад српске идеје. Београд, 1995. С. 27; *Исти.* The Serbian Radical Movement 1881–1903. A Historical Aspect // *Balkanica.* Vol. XXXVI. Belgrade, 2006. P. 131, и др... Схожие оценки популярны и в мировой литературе. См., например: *Dragnich A.* Serbia, Nikola Pasic and Yugoslavia. Rutgers University Press. New Branswick, New Jersey, 1974. P. 70; Балканы в конце XIX – начале XX века. Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 20–22; *The Serbs and their Leaders in the Twentieth Century.* Ashgate Publishing Limited. Aldershot, Brookfield, 1997. P. 2; *Павловић С.* Србија. Историја иза имена. Београд, 2004 (перевод с английского оригинала). С. 98, и др.
- 50 *Протић М.* Српске политичке странке после уједињења (1918–1919) // Србија на крају Првог светског рата. Београд, 1990. С. 137... Весьма близкое мнение содержится и в: *Dragnich A.* The Development of Parliamentary Government in Serbia. New York, 1978. P. 106.
- 51 См.: *Батаковић Д.* Успомене Панте Драшкића у српској мемоарској литератури // *Драшкић П.* Мемоари / приред. Д. Батаковић. Београд, 1990. С. 19; *Љушић Р.* Милан Обреновић // *Љушић Р.* Србија 19. века. Изабрани радови. Београд, 1994. С. 142; *Нова историја Српског народа.* Београд; Лозана, 2000, и др.
- 52 *Троцкий Л.Д.* Балканы и Балканская война // *Русские о Сербии и сербах.* СПб., 2006. С. 526.
- 53 *Погодин А.Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915. С. 337.
- 54 *Троцкий Л.Д.* Балканы и Балканская война... С. 510.
- 55 *Мале А.* Дневник са српског двора. 1892–1894 / прев. и приред. Љ. Мирковић. Београд, 1999. С. 204.
- 56 *Дарам М.* Кроз српске земље (1900–1903) / прев. и погов. написао В. Милановић. Београд, 1997. С. 140.
- 57 *Тодоровић П.* Крвава година / приред. Л. Перовић. Београд, 1991. С. 90.
- 58 См.: *Протић М.* Српске политичке странке после уједињења (1918–1919)... С. 137; *Нова историја Српског народа.* С. 188, и др.
- 59 *Љушић Р.* Политичке генерације у Србији // Српске политичке генерације. 1788–1918. Београд, 1998. С. 9–35; *Столић А.* Страначка генерација 1878–1903 // Там же. С. 105–113.
- 60 *Stokes G.* Politics as Development. The Emergence of Political Parties in Nineteenth-Century Serbia. Durham; London, 1990. P. 201.
- 61 См.: *Јовановић С.* Влада Милана Обреновића. Београд, 1926. Књ.1. С. 25; *Протић М.* Успон и пад српске идеје. С. 109; *Вебер А.* Идеи к проблемам социологији государства и культуры // *Вебер А.* Избранное: кризис европейской культуры. М., 1999. С. 86–89.
- 62 *Stokes G.* Politics as Development... P. 297; *Согрин В.В., Патрушев А.И., Токарева Е.С., Фадеева Т.М.* Либерализм Запада. XVII–XX века. М., 1995. С. 66.
- 63 АС. Фонд Стојана Новаковића. Бр. 548. Л. 1.
- 64 О реформаторској деятельности напредняков подробнее см.: *Petrovich M.B.* A History of Modern Serbia. 1804–1918. New York; London, 1976. Vol. 2. P. 416; *Трифунувић М.* Историја Радикалне странке (Од постанка до 1903.). Београд, 1995. С. 84; *Батаковић Д.* Србија на Западу: о француским утицајима на политички развој модерне Србије // Сусрет или сукоб

цивилизација на Балкану. Београд, 1998. С. 317; *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији. 1903–1914. Београд, 1998. С. 59; *Шемякин А.Л.* Србија на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880-е годы) // Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.К. Волкова. М., 2000. С. 228–255; *Перовић Л.* Милан Пироћанац – западњак у Србији 19. века // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века. Београд, 2003. Књ. 3. Улога елита. С. 11–72.

65 *Овсяный Н.Р.* Србија и сербы. СПб., 1898. С. 90.

66 *Лавелз Э. де.* Балканский полуостров. М., 1889. Ч. 1. С. 204.

67 *Павловић С.* Србија. Историја иза имена. С. 86.

68 Подробнее об этом см.: *Перовић Л.* Српски социјалисти XIX века. Београд, 1995. Књ. 3. С. 10; *Шемјакин А.Л.* Либерална идеја и традиција: унутрашња борба у Србији у првој деценији независности // Српска политичка мисао. 1997. Бр. 1–2; *Деспотовић Љ.* Српска политичка модерна. Србија у процесима политичке модернизације 19. века. Нови-Сад, 2003. С. 193.

69 См.: *Перовић Л.* Српски социјалисти XIX века. Књ. 3; *Шемякин А.Л.* Никола Пашич и русские социалисты в Цюрихе (1868–1872) // Токови историје. Београд, 1997. Бр. 1–2; *Трговчевић Љ.* Планирана елита. Београд, 2003.

70 Об идеологији Радикалној партији подробнее см.: *Перовић Л.* Српски социјалисти XIX века. Књ. 3; *Поповић-Обрадовић О.* О идеолошком профилу радикала 1903–1914. // Токови историје. 1994. Београд, 1995. Бр. 1–2. С. 59–76; *Мијатовић Б.* Основни погледи напредњака и радикала током 80-их година XIX века // Српска политичка мисао. 1996. Бр. 1–4. С. 241–259; *Шемякин А.Л.* Идеологија Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998; *Мишкова Д.* Сърбският радикализъм през XIX в.: страници от историята на балканския популизъм // Токови историје. Београд, 1999. Бр. 1–4. С. 36–68; *Деспотовић Љ.* Српска политичка модерна...; *Стојановић Д.* Србија и демократија. 1903–1914. Београд, 2003.

71 АСАНУ. Пашићеве хартије. Бр. 14615–1–27.

72 См.: *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000. С. 116–122.

73 *Шемякин А.Л.* Идеологија Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). С. 165–167.

74 *Јанковић Д.* Рађање парламентарне демократије. Политичке странке у Србији XIX века. Београд, 1997. С. 428.

75 *Медушевский А.Н.* Проблемы современной демократии // *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М., 1997. С. 11.

76 *Перовић Л.* Српски социјалисти XIX века. Књ. 3. С. 120.

77 *Тодоровић П.* Огледало. Знаке из прошлости / природ. Л. Перовић. Београд, 1997. С. 206.

78 Подробнее о функционирању «радикалног режима» в 1889–1892 гг. см.: *Шемякин А.Л.* Обреченная конституция: сербский Устав 1888 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 64–81.

79 См.: *Поповић-Обрадовић О.* Идеја и пракса уставности у Србији 1869–1914: између либералне и народне државе // Русија, Србија, Црна Гора. Хелсиншке свеске. Београд, 2000. С. 43; *Шемякин А.Л.* Традиционално общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.) СПб., 2004. С. 33–35; *Стојановић Д.* Србија и демократија... С. 322–347; *Иста.* Уље на води: политика и друштво у модерној историји Србије // *Димић Љ., Стојановић Д., Јовановић М.* Србија 1804–2004. Три виђења или позив на дијалог. Београд, 2005. С. 133.

80 *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији... С. 48.

- 81 *Стојановић Д.* Уље на води: политика и друштво у модерној историји Србије... С. 130–132.
- 82 Отдел рукописей Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома). Ф. 572. Д. 44. Л. 27 об. (Белград, 3 марта 1882 г.).
- 83 *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. IV / приред. М. Јагодић. Београд, 2007. С. 267 (запис од 12 новембра 1895 г.).
- 84 РОМС. Бр. М.14.045. *Борђевић В.* Успомене: културне скице из XIX века. Књ.3. «У војсци». XI.
- 85 См.: *Маријан В.* Влада Јована Авакумовића. Покушај сузбијања радикализма у Србији. Београд, 1996.
- 86 *Антић Ч.* Кратка историја Србије. Београд, 2004. С. 83.
- 87 Подробнее об этом см.: *Трифунковић М.* Историја Радикалне странке (Од постанка до 1903.). С. 198–200.
- 88 См.: *Марковић С.* Гроф Чедомил Мјатовић. Викторијанац међу Србима. Београд, 2006. С. 172.
- 89 *Николајевић Д.* Краљ Милан и Тимочка буна. Београд, 1927. С. 70.
- 90 *Новаковић С.* Бугарско-српски рат и оновремене кризе. 1885–1886. Мемоарски листићи. Београд, 1907. С. 2.
- 91 *Троцкий Л.Д.* Балканы и Балканская война... С. 510.
- 92 См.: *Вуксановић-Анић Д.* Са капетаном д'Ормесоном 1877. 22 дана у двоколицама кроз Србију. Београд, 1980. С. 34.
- 93 *Вейнберг Е.* Сербия и сербы. Этнографический очерк // Русские о Сербии и сербах. С. 473.
- 94 АСАНУ. Бр. 12877. См. также: *Жујовић Ј.* Дневник / приред. Д. Тодоровић. Београд, 1986. Т. 1. С. 246.
- 95 Политички елементи у Србији пре 60. година // Самоуправа. 1941. 20. јануар. Бр. 1144.
- 96 Тимочка буна 1883. Грађа / приред. Д. Тодоровић и Љ. Поповић. Београд, 1986. Т. VI. С. 154 (документ 899).
- 97 Приватни живот код Срба у деветнаестом веку / приред. А. Столић и Н. Макуљевић. Београд, 2006. С. 74.
- 98 *Perović L.* Između anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelomu vekova (XIX–XXI). Beograd, 2006. S. 393.
- 99 *Лафан Р.* Срби – чувари капије. Предавања о историји Срба. Београд, 1994. С. 271.
- 100 *Стојановић Д.* Уље на води: политика и друштво у модерној историји Србије... С. 130.
- 101 *Жујовић Ј.* Дневник. Т. 1. С. 226.
- 102 *Јовановић С.* Осећање правде у динараца // *Јовановић С.* Један прилог за проучавање српског националног карактера. Виндзор, 1964. С. 43.
- 103 *Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872–1891) / приред. Л. Перовић и А. Шемјакин. Београд, 1995. С. 333.
- 104 См.: *Поповић-Обрадовић О.* Политичке странке и избори у Краљевини Србији 1903–1914. Прилог историји страначког плурализма // Србија у модернизацијским процесима XIX–XX вв. Београд, 1994. С. 333–348.
- 105 Там же. С. 344; *Стојановић Д.* Србија и демократија... С. 300.
- 106 Нова историја Српског народа. С. 189.
- 107 АСАНУ. «Pasic collection». Бр. 14924/22.
- 108 *Стојановић Д.* Србија и демократија... С. 259–267.
- 109 *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији... С. 425.
- 110 *Троцкий Л.Д.* Балканы и Балканская война... С. 517.

- 111 См.: *Шемякин А.Л.* Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005. С. 191–196.
- 112 *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији... С. 422.
- 113 *Никифоров К.В.* Парламентаризм в Сербии в XX веке // Славяноведение. 2004. № 3. С. 10.
- 114 *Вебер А.* Идеи к проблемам социологии государства и культуры... С. 91.
- 115 *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. IV. С. 262 (запись от 17 сентября 1895 г.).
- 116 *Велмар-Јанковић В.* Поглед са Калемегдана. Оглед о београдском човеку. Београд, 1992. С. 101.
- 117 АСАНУ. Бр. 10133. *Стојановић К.* Слом и васкрс Србије. С. 231.
- 118 *Казимировић В.* Црна рука. С. 151.
- 119 Подробнее о кризисе в англо-сербских отношениях см.: *Растовић А.* Велика Британија и Србија. 1903–1914. Београд, 2005.
- 120 См.: *Владе Србије (1805–2005).* Београд, 2005. С. 201–214.
- 121 *Борђевић Д.* Парламентарна криза у Србији 1905. године // Историјски часопис. Београд, 1965. Књ. XIV–XV. С. 158.
- 122 Подробнее об истории тайной организации «Черная рука» см.: *Казимировић В.* Црна рука; *Вишняков Я.В.* Балканы: хватка «Черной руки» // Военно-исторический журнал. 1999. № 5. С. 34–47.
- 123 *Батаковић Д.* Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна рука» // Никола Пашић. Живот и дело. Београд, 1997. С. 316–317.
- 124 *Љушић Р.* Историја српске државности. Нови Сад, 2001. Књ. 2. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. С. 223; *Жујовић Ј.* Дневник. Т. 1. С. 179–186.
- 125 Цит. по: *Батаковић Д.* Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна рука»... С. 316–317.
- 126 *Вишняков Я.В.* Майский переворот 1903 г. и развитие сербской государственности // Двести лет новой сербской государственности. С. 210.
- 127 Цит. по: *Винокуров В.С.* Политическая активность офицерства в Сербии (начало XX века) // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX вв.). СПб., 2006. С. 251.
- 128 *Батаковић Д.* Изазови парламентарне демократије – Никола Пашић, радикали и «Црна рука»... С. 318.
- 129 *Жујовић Ј.* Дневник. Београд, 1986. Т. 2. С. 32.
- 130 *Вучковић В.* Унутрашње кризеу Србији и Први светски рат // Историјски часопис. Београд, 1965. Књ. XIV–XV. С. 188.
- 131 *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Књ. 2. С. 352.
- 132 *Терзић С.* Јован Ристић и «заветна мисао српска» (1868–1876) // Историјски часопис. Београд, 1987. Књ. XXXIV. С. 281.
- 133 Цит. по: *Игњић С.* Народни трибун прота Милан Ђурић. Ужице, 1992. С. 156.
- 134 Цит. по: *Митровић Ј.* Никола Пашић о основним питањима унутрашње и спољне политике Србије после Сливнице // Историјски гласник. Београд, 1971. Бр. 1. С. 128.
- 135 В «пороховом погребу Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 375.
- 136 Там же. С. 379.
- 137 *Борђевић Д.* Царински рат Аустро-Угарске и Србије. 1906–1911. Београд, 1962. С. 270; *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба. 1845–1926. Београд, 1990. Књ. 2. С. 70.
- 138 В «пороховом погребу Европы»... С. 381–382.
- 139 *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба... Књ. 2. С. 105.

140 См. *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 345; *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Кн. 1. С. 477–479; *Поповић Д.* Пашић и Русија (Из мојих личних сећања) // Годишњица Николе Чупића. Београд, 1937. Књ. XLVI. С. 144; *Раденковић Ђ.* Пашић и Србија. Београд, 1997. С. 445.

141 *Кузьмичева Л.В.* Балканские принцессы в семье европейских монархов (К вопросу о признании равнородности черногорской и сербской династий) // Человек на Балканах. Социокультурные измерения модернизации на Балканах. СПб., 2007. С. 361.

142 В «пороховом погребке Европы»... С. 382.

143 Подробнее о заключении сербо-болгарского союзного договора от 13 марта 1912 г. см.: *Ђорђевић Д.* Милован Миловановић. Београд, 1962.

144 *Троцкий Л.Д.* Балканы и Балканская война... С. 508.

145 Подробнее о невыполнении болгарскими условиями договора см.: *Степанова Е.А.* Ни мира, ни войны: МИД России и сербо-болгарский спор (1913) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. IV. М., 2007. С. 157–169.

146 *Шtrandман В.* Балканске успомене. Београд, 2009. С. 195.

147 *Пастухов А.* Балканская война 1912–1913 гг. // Малые войны первой половины XX века. Балканы. М.; СПб., 2003. С. 283–284.

148 *Барби А.* Српске победе. Београд, 1913. С. 11–12; *Шtrandман В.* Балканске успомене. С. 195.

149 Цит. по: *Милошевић К.* Од савезништва до непријатељства. Србија у Балканским ратовима 1912–1913. Београд, 2007. С. 38.

150 *Мартынов Е.И.* Сербы в борьбе с царем Фердинандом. Заметки очевидца // Русские о Сербии и сербах. С. 556.

151 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1348 (*Табурно И.П.* Доклад о ходе Балканской войны и ее результатах. С. 9–10).

152 *Мартынов Е.И.* Сербы в борьбе с царем Фердинандом. Заметки очевидца... С. 558.

153 *Амфитеатров А.В.* Славянское горе // Русские о Сербии и сербах. С. 466.

154 *Глигоријевић Б.* Краљ Александар Карађорђевић. Београд, 2002. Т. I. У ратовима за национално ослобођење. С. 75.

155 *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2007. С. 302. См. также: *Радојевић М.* Научник и политика. Политичка биографија Божидара В. Марковића (1874–1946). Београд, 2007. С. 78.

156 *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања... С. 302–303; 306.

157 *Водовозова Е.Н.* Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы // Русские о Сербии и сербах. С. 371.

158 См.: Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. М., 2001. С. 330–331.

159 Цит. по: *Исић М.* Писменост у Србији у 19. веку // Образовање код Срба кроз векове. Београд, 2003. С. 78.

160 *Ровинский П.А.* Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. // Русские о Сербии и сербах. С. 90.

161 *Димитријевић Л.* Како наш народ живи. Белешке једнога окружног лекара. Београд, 1893. С. 24–25.

162 *Ђорђевић Д.* Српско друштво 1903–1914. // Марксистичка мисао. Београд, 1985. Бр. 4. С. 126.

163 *Екмечић М.* Стварање Југославије... Књ. 2. С. 67.

164 См.: *Ђорђевић Ж.* Земљишни минимум и земљишни максимум као ограничења развоја Србије у ново доба // Србија у модернизацијским процесима XIX–XX вв. С. 113–121.

- 165 *Погодин А.Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. С. 348.
- 166 *Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. С. 538.
- 167 *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990. С. 230.
- 168 *Манхейм К.* Консервативная мысль // *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 610.
- 169 *Ровинский П.А.* Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. ... С. 109.
- 170 *Кожухов А.Н.* Сербия и сербы // Русские о Сербии и сербах. С. 585.
- 171 *Ровинский П.А.* Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II // Русские о Сербии и сербах. С. 74–75.
- 172 Цит. по: *Поповић-Обрадовић О.* Војна елита и цивилна власт у Србији 1903–1914. године // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века. Књ. 3. Улога елита. С. 204.
- 173 Катехизис за народ српски // Златибор. Народни лист. Ужице. 17 априла 1888 г. Бр. 17.
- 174 РОМС. Бр. М.14.045. *Борђевић В.* Успомене: културне скице из XIX века. Књ.3. «У војсци». XXVIII.
- 175 *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // *Лотман Ю.М.* Семиосфера СПб., 2000. С. 142.
- 176 *Каниц Ф.* Србија. Земља и становништво. Београд, 1985. Књ. 1. С. 301.
- 177 *Ровинский П.А.* Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. ... С. 92.
- 178 Там же. С. 109.
- 179 *Ровинский П.А.* Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II ... С. 74–75.
- 180 О происхождении этого термина и его изначальном значении см.: *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979. С. 154–155.
- 181 *Ровинский П.А.* Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II ... С. 75.
- 182 См.: *Angyal E.* Swiat slowian'skiego baroku (перевод с венгерского оригинала на польский язык). Warszawa, 1972. S. 327–331.
- 183 *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 67.
- 184 *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 23, 28.
- 185 Цит. по: *Лафан Р.* Срби – чувари капије... С. 275.
- 186 *Кузьмичева Л.В.* Сербия между Западом и Востоком (поиски пути государственного строительства в XIX веке) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX вв. К 60-летию профессора Московского университета Г.Ф. Матвеева. М., 2003. С. 76.
- 187 ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 8–8 об. (П.А. Кулаковский – Ап.А. Майкову. Белград, 18 октября 1880 г.).

ГЛАВА 2

ЧЕРНОГОРИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА. Многие процессы, протекавшие в начале XX в. в Черногорском княжестве, имели, с одной стороны, общий для Балканского полуострова характер, а с другой, были окрашены в особые тона, не свойственные ни одной стране региона или Европы в целом. Специфика исторического развития Черногории связана с ее племенным укладом, который в начале XX в. все еще давал о себе знать. Несмотря на то, что страна втягивалась в экономические связи с соседями, она по-прежнему была довольно замкнута и изолирована от развитых держав. Только после Берлинского конгресса исчезли внешние препятствия, мешавшие модернизации черногорского общества. 70–90-е годы XIX в. стали временем, когда война не отвлекала силы от мирного строительства, а международную ситуацию можно было назвать почти благоприятной. За этот период княжество заметно продвинулось вперед в экономическом и государственно-политическом отношении, но тогда же определились проблемы, без успешного решения которых нельзя было добиться процветания Черногории.

В экономике это были задачи подъема сельского хозяйства и обеспечения страны продовольствием, развития ремесла и промышленности, которых фактически не было до освобождения, создания полноценной финансовой системы, включая введение национальной валюты для развития торговли. В государственном строительстве нужно было заниматься созданием эффективного управленческого аппарата, для него требовались квалифицированные кадры. В социальной сфере самой острой была проблема бедности. Очень низкий материальный уровень жизни черногорцев накладывался на почти поголовную безграмотность и неразвитую систему образования, на отсутствие необходимой медицинской помощи. Наконец, в последней трети XIX в. черногорское государство должно было переключиться с прежнего внешнеполитического курса, суть которого борьба за свободу, на новый, обеспечивающий мирное сотрудничество с соседними странами. Сделать это было нелегко из-за того, что Османская империя и Австро-Венгрия в той или иной мере продолжали угрожать суверенитету молодых государств региона. С этим багажом княжество вступило в XX век.

В 1909 г. в Черногории проживало около 222 тыс. жителей, из них только 15,57 % в городах, сельское население абсолютно преобладало¹. В аграрном секторе в начале XX в., несмотря на интеграцию вновь присоединенных к княжеству областей и перераспределение скудного земельного фонда (от турок-землевладельцев к черногорцам), дела шли тяжело. Из-за неурожаев и примитивной техники обработки пашен 1900, 1903, 1904, 1911, 1913 годы были голодными². Княжеское правительство заключало займы за границей, пыталось вести общественные работы, чтобы дать возможность заработать голодающим. Сами черногорцы выход из ситуации видели в эмиграции, которая приобрела широкий размах.

Попытки интенсификации сельского хозяйства в начале XX в. были очень скромными. В 1909 г. сдвинулось с мертвой точки строительство мелиоративных сооружений в окрестностях Скадарского озера. Болотистую местность предстояло осушить, и сделать пахотными 4 тыс. гектаров земли³. Работой руководил российский военный инженер Болотов, которому пришлось приложить максимум усилий, чтобы преодолеть и сопротивление турецких пограничных властей, и непонимание со стороны черногорских чиновников, не столько помогавших, сколько мешавших ходу строительства. Этот проект был единственным крупным начинанием черногорской администрации в земледелии. В другой аграрной отрасли, скотоводстве, также был застой. Традиционно черногорцы торговали скотом с соседями, турками и австрийцами. Однако на приграничную торговлю влияла политическая ситуация. Австрийские чиновники нередко чинили помехи старинным связям, давая понять княжескому правительству, насколько все зависит от расположения Австро-Венгрии. Это заставило черногорцев искать выходы на другие рынки, находить покупателей во Франции и Италии.

Но все же самыми уязвимыми местами черногорской экономики являлись ремесло и промышленность. Несмотря на то, что в начале XX в. относительно быстро развивались Цетинье, Даниловград, Подгорица и другие городские поселения, их было трудно назвать ремесленно-промышленными центрами. Большая часть жителей, по-прежнему, пренебрежительно относилась к ремеслу и рабочим профессиям. Старинные предрассудки мешали малообеспеченным горожанам искать применения своим силам в ремесленных мастерских и на фабриках, этим, по мнению черногорцев, должны были заниматься представители других народов. Для себя они считали престижным только военную профессию или чиновничью должность. Вместе с тем ремесленник или квалифицированный рабочий мог обеспечить своей семье сносное существование, а чиновник нижнего ранга или младший офицер должен был жить на очень скромное жалование, которое часто не выплачивали в срок. Тем не менее, черногорцы отказывались на родине заниматься тем, чем они поголовно занимались в эмиграции – наемным фабричным трудом. В самом княжестве промышленные предприятия были малочисленными и небольшими. Пивоваренный завод в Никшиче, табачная фабрика в Подгорице, несколько паровых мельниц и лесопилен не играли определяющей роли в хозяйственной жизни страны.

Власти Черногории, не располагая капиталами, которые можно было направить на подъем промышленности, постарались привлечь иностранные инвестиции. В первую очередь надеялись на российских предпринимателей, но эти надежды не оправдались из-за отдаленности черногорских рынков от России. Ближайшим партнером могла стать Австро-Венгрия, однако австрийцы рассматривали Черногорию только в качестве места сбыта своих собственных промышленных товаров. Единственный сосед, пожелавший вложить деньги в черногорское хозяйство – Италия. В начале XX в. итальянцы выразили готовность построить железную дорогу от Вирпазара до Бара. Одновременно в Баре шло строительство портовых сооружений. К 1906 г. было налажено регулярное морское сообщение между Италией и Черногорией. Железная дорога и порт стали приносить итальянцам солидные доходы⁴.

За свои услуги итальянцы попросили у черногорского князя Николы Петровича передать им концессию на монопольное производство и реализацию всего черногорского табака. Князю было обещано, что скоро будет выстроена большая табачная фабрика, которая даст работу нуждавшимся и увеличит поступление денег в черногорскую казну. В результате синдикат Дж.Вольпи получил право монопольно устанавливать цены на

производимый в княжестве табак. Эти цены были такими разорительными, что многие черногорцы предпочитали уничтожить выращенный табак, чем за бесценок сдать его синдикату. Наряду с пассивной формой протеста имели место и активные действия, потасовки и физические расправы. При этом оказалось, что член княжеского правительства, министр финансов Л. Миюшкович, назначенный посредником между итальянцами и черногорцами, был заранее введен хозяевами синдиката в административный совет компании. Подкупались и местные власти. Российский дипломат П.А. Лобачев сообщал, что «дельцы-итальянцы..., покупая табак у какого-нибудь главаря, оплачивают его гораздо выше, чем табак, получаемый от простого черногорца»⁵. То, с каким особым рвением чиновники грозили нарушителям монополии штрафами и арестами, наводило на мысль о коррупции. К тому же спустя несколько лет выяснилось, что обещанные прибыли так и не поступили в казну. Княжеское правительство сочло, что слишком доверчиво отнеслось к итальянским партнерам и из-за неопытности не смогло составить концессионный договор так, чтобы в любом случае защитить свои интересы⁶.

Несомненной заслугой князя Николы и его администрации можно считать быстрое дорожное строительство, без которого невозможно было поднимать экономику. К началу XX в. было построено 464 км дорог. Развитие транспортной сети способствовало оживлению внутренней торговли, в 1907 г. основано крупное по меркам Черногории акционерное торговое общество в Никшиче, обороты которого ежегодно возрастали. Однако складывалась парадоксальная ситуация, когда в черногорских городах царил дороговизна, трудно было купить самое необходимое, а сельские жители не желали поставлять в города свою продукцию, например, мясо и молоко⁷. Дело было в патриархальных взглядах, в предубеждении против мирного труда и торговли, которые веками в воинственной стране считались занятием второго сорта.

Власти старались развивать и международную торговлю, заключив торговые договоры со многими странами, но большей частью эти соглашения оставались на бумаге. Не совсем удачной, по мнению современников, была таможенная политика властей, так как установленные по иностранным образцам тарифы не столько поощряли, сколько стесняли черногорских купцов. К тому же тарифы постоянно росли, влияя на рост внутренних цен, и без того высоких. Покупательская способность простых черногорцев, напротив, почти не увеличивалась. Население было вынуждено нарушать установления правительства. В начале XX в. наблюдался рост контрабандной торговли⁸.

Торговая и таможенная политика была неразрывно связана со становлением собственного денежного обращения. Еще в конце XIX в. в стране ходили иностранные, в основном, австрийские деньги. Долгое время Австро-Венгрия мешала черногорцам узаконить собственную валюту, но князь Никола проявил настойчивость и добился заключения в 1911 г. монетарной конвенции, по которой австрийцы признали право использовать черногорскую валюту на рынках империи⁹. Правда, австрийцы пытались подорвать ее курс, скупая черногорские золотые монеты и переливая их в собственные деньги, но в 1912 г. (последний мирный год для Черногории) денежный курс королевства оставался относительно стабильным. Усилия властей в этой сфере способствовали возникновению банков и сберегательных обществ в Цетинье, Подгорице, Никшиче и других городах.

Если хождение национальной валюты хоть и с трудом, но удалось наладить, то проблема улучшения финансового положения страны и избавления от огромного внешнего долга оказалась непосильной. К началу XX в. положение в финансовой сфере было

катастрофическим. Российский министр-резидент К.А. Губастов доносил в Петербург: «Все решительно, начиная с княжеской семьи и до последнего писаря, живут в долг, не платя ни одного, даже самого ничтожного счета... Мне трудно даже представить... картину того, неподдающегося описанию бедственного положения, в котором находятся в настоящее время здешние финансы»¹⁰. Поскольку доходы княжества складывались, в значительной степени, из российских субсидий, российскому министерству финансов пришлось командировать в Черногорию специалиста, который должен был разобраться в причинах этого кризиса. Выводы, сделанные инспектором из России, сводились к тому, что в княжестве не было бюджета, единой кассы и эффективного контроля за тем, как тратятся деньги. Министерство финансов Черногории, в сущности, не управляло этой сферой, а просто выполняло приказы князя Николы, который расходовал гораздо больше, чем позволяли доходы страны. Наделав немало долгов, черногорский двор был вынужден действовать по такой схеме: когда подходил срок выплаты процентов по займам, а денег в казне не было, срочно заключался новый заем, часто на самых тяжелых условиях. Текущие проценты погашались, но общая сумма долга стремительно росла.

По настоянию России в 1901 г. началась финансовая реформа, был издан закон о государственном бюджете, в котором говорилось не только о принципах расходования средств, но и об условиях получения кредитов. Также был принят закон о Главном государственном контроле, обязанностью которого было наблюдение за исполнением бюджета. Однако практика осталась прежней, княжеское семейство продолжало бесконтрольно залезать в казну. По утверждению тогдашнего министра финансов Черногории Л. Миюшковича, в 1903 г. на содержание двора ушла четверть всех государственных средств¹¹.

Финансовые трудности стали настолько очевидными, что дело дошло до неслыханного. Из отдаленных областей к князю пришла делегация старейшин, задавших убийственный вопрос: почему в стране постоянно нет денег и происходят задержки жалования чиновникам, если народ исправно и вовремя платит немалые налоги?¹² Еще более остро встал этот вопрос в первой черногорской Скупшине, отправившей в отставку правительство и вскоре распущенной князем. Скупщина успела внести поправки в закон о бюджете и постаралась ужесточить финансовую дисциплину, но не смогла принципиально изменить ситуацию. До начала Первой мировой войны закон о бюджете постоянно нарушался, внешние долги росли, казна оставалась пустой.

В 1902 г. князь Никола собрал в своем дворце крупнейших чиновников и старейшин, также были приглашены иностранные представители. Монарх торжественно объявил о начале «государственных реформ», после чего были приняты законы о Госсовете, Совете министров, Великом суде, порядке престолонаследия, государственной службе, налогах и сборах, госбюджете, Главном государственном контроле и др. Строго говоря, в это время перестройка госорганов уже шла полным ходом. Началась исключительно важная для Черногории административная реформа, которая должна была покончить с остатками племенного сепаратизма. Вместо старых племенных границ вводилась новая система управления на местах, в основе которой лежало разделение страны на области и округа, а самыми мелкими административными единицами становились города и села. Во главе области стоял губернатор, округа – капетан (окружной начальник). В города князь назначал градоначальников, а в селах выбиралась общинная управа. Реформа местного управления оказалась удачнее всех прочих начинаний правительства, но не покончила с племенными различиями окончательно.

Одновременно с органами управления менялась судебная система страны. Создавались областные и окружные суды, высшей судебной инстанцией стал Великий суд, состав которого полностью зависел от князя¹³. К тому же, черногорский правитель часто вмешивался в полномочия судебных органов, лично пересматривал те или иные вопросы, по которым уже было вынесено решение в установленном законом порядке. Понятно, почему многие не доверяли суду и были уверены, что все будет так, как скажет князь. Патриархальный патерналистский взгляд на правосудие, свойственный черногорцам, подрывал доверие к только что реформированной судебной системе. В эти же годы под руководством российских офицеров шла военная реформа, цель которой состояла в том, чтобы превратить народное ополчение в современную армию¹⁴.

Не успела страна привыкнуть к новым органам власти и управления, как княжество сделало еще один шаг вперед. 18 октября 1905 г. было объявлено о введении конституционного строя. Готовясь к этому, князь Никола поручил некоторым членам правительства изучить сербские конституционные акты. 19 октября был опубликован специальный избирательный закон. 14 ноября 1905 г. прошли выборы в своего рода учредительное собрание, особую скупщину, которая должна была одобрить дарованную монархом конституцию. Во время работы скупщины некоторые депутаты выразили определенное недовольство положением дел в княжестве и сделали попытку обсудить текст основного закона, но князь решительно воспротивился этим попыткам. 6 декабря 1905 г. октроированная конституция вступила в силу.

Черногория провозглашалась наследственной конституционной монархией. Князь обладал высшей властью, неприкосновенностью, никому не подчинялся и не должен был давать отчет в своих действиях (ст. 2). Он объявлялся верховным главнокомандующим (ст. 5), представлял Черногорию на международной арене (ст. 7), назначал и смещал членов высших органов власти (ст. 8). Несколько статей конституции определяли правовой статус членов княжеской семьи. Законодательную власть монарх делил с парламентом, из которого все законопроекты должны были поступать на утверждение к князю, ему же принадлежало право обнародовать законы. Князь собирал и распускал скупщину, которую предстояло выбирать каждые четыре года (ст. 17, 42, 43). Вводились прямые выборы, каждая административная единица имела право прислать в парламент одного депутата. В выборах принимали участие все совершеннолетние мужчины, независимо от размера уплачиваемого налога (ст. 46, 47, 48). Пассивное избирательное право было таким: депутатом мог быть только подданный Черногории, достигший 30 лет, постоянно проживающий в стране и выплачивающий определенную сумму налога (ст. 53). Кроме выбранных народом депутатов, в скупщине должны были заседать главы трех конфессий княжества (митрополит, муфтий, архиепископ), члены Госсовета, председатели Великого суда и Главного государственного контроля, а также три названных князем военачальника (ст. 43–45). Видимо, эти высокопоставленные лица, введенные в скупщину «по положению», должны были компенсировать отсутствие в черногорском парламенте верхней палаты. Князь имел право отложить созыв скупщины, но не больше, чем на три месяца; мог досрочно распустить парламент. В вопросах, связанных с государственной безопасностью, князь располагал особыми полномочиями. Он мог лично принять решение, имеющее силу закона, если скупщина распущена или еще не собралась. Работа скупщины заключалась, главным образом, в формировании бюджета и налогообложения (ст. 75, 77). Если скупщина распускалась до принятия нового бюджета, автоматически продлевалось действие прежнего¹⁵.

В конституции 1905 г. говорилось не только об избирательных правах населения, но и о неприкосновенности жилища, свободе слова, отмене цензуры, тайне переписки, праве на проведение собраний и создание общественных организаций, о праве граждан подавать петиции. Объявлялась свобода всех вероисповеданий и защита всех религий (ст. 6). Привлечение к уголовной ответственности могло производиться только на основании закона. Вводилась презумпция невиновности и состязательный судебный процесс. Уголовное наказание должно было назначаться только в строгом соответствии с законом. Смертная казнь отменялась, исключение делалось только для военных преступников и тех, кто станет покушаться на жизнь князя и членов его семьи (ст. 196–199, 200, 201 и др.). В целом, эта конституция вполне соответствовала духу октроированных европейских конституций второй половины XIX – начала XX вв., ее можно сравнить, например, с Основными государственными законами Российской империи 1906 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА. В начале 1906 г. шла подготовка к выборам в первую законодательную скупщину. В стране еще не было политических партий, которые могли бы предложить избирателям предвыборные программы. Поэтому правительство стало использовать газету «Уставност» («Конституционность»), на страницах которой разъяснялись основы конституционного порядка. Там же имитировались политические споры с несуществующей оппозицией, таким образом черногорцы приучались к мысли о необходимости принимать участие в политической жизни княжества. При этом правительство предполагало, что народ полностью его поддерживает и одобряет. Однако это заблуждение быстро исчезло.

В сентябре 1906 г. в Никшиче представители немногочисленной черногорской интеллигенции начали выпускать газету «Народна мисао» («Народная мысль»), которая стала настоящим, а не вымышленным оппонентом правящей элиты. Редколлегия «Народной мысли» обращала внимание читателей не только на просчеты и упущения властей, но и на то, что, не дождавшись открытия парламента, правительство наспех приняло несколько важных законов (например, о деятельности итальянских компаний), серьезно затрагивавших интересы населения. То есть, «Народная мысль» стремилась укрепить авторитет будущего парламента и заставить избирателей ответственно подойти к вопросу о том, кто достоин чести работать в законодательном органе. По мнению современников, сравнивших два издания, интереснее и содержательнее выглядела «Народная мысль»¹⁶.

Появившейся критикой встревожился сам князь Никола. Он совершил поездку в Никшич и соседние населенные пункты, выступил перед народом и призвал «не поддаваться наущениям недовольных; пуще всего остерегаться школьных учителей, литераторов и журналистов, и горячо советовал производить выборы из сословия чиновного – блюстителя законности и порядка, и военного – носителя боевой славы страны и оплота ее безопасности»¹⁷. Такие же поездки предприняли члены правительства.

14 сентября 1906 г. прошли выборы в парламента. Из 67 депутатов почти три четверти оказались действующими или бывшими чиновниками. Казалось, скупщина будет послушным инструментом в руках исполнительной власти. Но социально-экономическая и политическая ситуация в княжестве была настолько тяжелой, что даже этот социально однородный депутатский корпус оказался расколотым на два враждебных политических лагеря – сторонников и противников правящего режима.

Начало работы первого полноценного черногорского парламента совпало по времени с судебным разбирательством, которое затеяло правительство против черногорских студентов, обучавшихся в Сербии. Молодые люди позволили себе опубликовать брошюру, в которой содержалась острая критика действий официальных властей, обвинения в коррупции и злоупотреблениях. Ход судебных заседаний ярко описан П.А. Ровинским, который показал, как удачно студенты построили свою защиту, зачитав на процессе выдержки из писем члена действующего кабинета, в которых выражения и оценки были еще резче, чем в студенческом памфлете. Неприятным для обвинителей обстоятельством было и то, что открывшаяся скупщина получила много обращений из-за границы, от черногорских студентов, учившихся в разных европейских странах, но требовавших одного и того же – полного оправдания авторов брошюры. Суду пришлось ограничиться формальным выговором и отпустить обвиняемых. Их встретила толпа сочувствовавших, которые устроили манифестацию под окнами княжеского дворца. Демонстранты выкрикивали лозунги: «Да здравствует правосудие!», «Да здравствует князь!». А монарху пришлось выйти к народу и провозгласить: «Да здравствует молодежь!»¹⁸.

Этот эпизод показал, до какой степени накалились политические страсти в стране еще до того, как скупщина приступила к обсуждению животрепещущих проблем. Также этот случай характеризует князя Николу, как опытного и хитроумного политика, умевшего даже поражение делать своей победой.

Скупщина с первых дней работы продемонстрировала свой решительный настрой. С одной стороны, она подвергла сокрушительной критике действия министров и отправила кабинет в отставку. С другой, некоторые депутаты заговорили о необходимости уточнить ряд положений конституции. Они не соглашались со статьями, разрешавшими заседать в парламенте неизбранным лицам, а также настаивали на том, что членами правительства должны быть люди, пользующиеся поддержкой скупщины, а значит, народа. Как видим, идея ответственного кабинета буквально витала в воздухе, хотя и не была облечена в точную юридическую формулировку. В ходе парламентских прений зародилась первая политическая партия Черногории, которая стала называть себя Народной (Народна странка). Странники партии основали самый первый политический клуб (парламентскую фракцию) в княжестве, за что в народе были прозваны «клубаши».

Процесс партийного строительства Народной партии оказался нелегким, так как в ее рядах оказались очень разные политики. Одни когда-то уже были министрами и оказались в отставке по различным причинам. Резко критикуя кабинет, эти люди забывали, что сами в свое время поступали также. Они не гнушались обманом, спекулировали на том, что якобы только им будет оказана российская помощь, по словам российского министра-резидента П.В. Максимова, умышленно разжигали страсти¹⁹. Скупщина и Народная партия для этих деятелей были только инструментом борьбы за власть в личных целях.

Другие сторонники партии – это учителя, литераторы и журналисты, против которых был так настроен князь Никола. Отличительной чертой таких депутатов была искренняя вера в возможность демократического развития Черногории, в силу народного представительства, в нерушимость конституционных свобод. Именно эти члены Народной партии настояли на проведении парламентского расследования злоупотреблений правительства. Они же сформулировали основные положения политической программы Народной партии, опубликованной в газете «Народная мысль». Программа имела демократический характер, в ней содержались требования подъема экономики и улучшения жизненного уровня населения за счет реформ сельского хозяйства и финан-

сов, развития общинного самоуправления, народного начального и профессионального образования. Во внешней политике Народная партия выступила за прочную дружбу с Россией и Сербией. Несмотря на преследования, которым «клубаши» подвергались с 1907 г., партия постоянно совершенствовала свою программу, включая в нее новые актуальные задачи, например, борьбу против повальной эмиграции и оттока из страны самых молодых и энергичных сил.

Вторая политическая партия, появившаяся чуть позже, стала называть себя Истинная народная партия. Ядром партии стали те официальные лица, которые вошли в скупщину «по положению», видимо поэтому черногорцы прозвали их «вирилцы». Создателем партии в первую очередь следует считать самого князя Николу. В отличие от членов правительства, совершенно растерявшихся в столкновениях с оппозицией и неумело оправдывавшихся, черногорский монарх не медлил ни одного дня. Он провел беседы с теми представителями оппозиции, которые не до конца определились в своих взглядах, и быстро переманил их в ряды «вирилцев». Как писал П.В. Максимов, князь «очень умело, отчасти увещеваниями, а отчасти угрозами, не более как в три недели перевел из рядов Народной партии все недостаточно сплотившиеся с нею элементы на сторону вирильцев, так что Скупщина явилась разделенною на два почти равных лагеря»²⁰.

После этого Истинная народная партия стала бойкотировать заседания парламента, лишив его кворума. Так и не выступив с ясными программными требованиями, правительственная партия настолько дезорганизовала работу скупщины, что вскоре князь объявил о роспуске парламента и назначил на октябрь 1907 г. новые выборы. В эти же дни произошел разгром редакции оппозиционной «Народной мысли», в котором приняли участие монархически настроенные офицеры армии. Во время предвыборной кампании 1907 г. Истинная народная партия сосредоточилась на разоблачениях Народной партии, изображая соперницу послушным орудием в руках сербского короля Петра Карагеоргиевича, который, якобы, решил расправиться с династией Петровичей и погубить черногорскую свободу. Внутренние проблемы княжества «вирилцы» старались обходить молчанием.

Период со второй половины 1907 г. до конца 1909 г. стал трагическим в политической истории Черногории. В ходе избирательной кампании преследования Народной партии приняли самый жестокий характер. Аресты, отказ в регистрации в качестве кандидатов, угрозы физической расправы ослабили оппозицию²¹. Новая скупщина стала относительно послушной, а правительство, которое возглавил Л. Томанович, никто иначе, как безликим не называл. Не смирившись с изгнанием Народной партии из парламента, черногорские студенты, учившиеся в Белграде, решили свергнуть режим князя Николы. Они привезли из-за границы бомбы и предприняли попытку составить политической заговор с целью убийства правителя. Полиция быстро обнаружила бомбы и арестовала несостоявшихся террористов. В мае 1908 г. суд вынес шесть смертных приговоров, остальные участники заговора были осуждены на каторгу, тюремное заключение и т.д.²² Позже смертную казнь заменили каторгой.

Процесс о бомбах не только усилил политическую реакцию в Черногории, но и привел к международным осложнениям. Черногорский двор обвинил в подготовке покушения официальные круги Сербии, отношения двух близких государств были разорваны. Только разразившийся в октябре 1908 г. аннексионный кризис положил, по крайней мере формально, конец распри двух династий.

Однако внешнеполитические вопросы не могли полностью заслонить внутривнутриполитических проблем. Положение в княжестве никак не напоминало те конституци-

онные порядки, которые были обещаны в 1905 г. Поэтому решительно настроенные противники режима создали во второй половине 1908 г. подпольную организацию в Подгорице. Ее Центральный комитет разработал настоящий план вооруженного восстания. Этот план предусматривал захват средств связи и путей сообщения, а также правительственных зданий, арест правительства и обращение к народу с манифестом, в котором предполагалось объявить о свержении Николы, сделать правителем Черногории его старшего сына Даниила, освободить политзаключенных и т.д. Хотя молодые конспираторы надеялись создать свои ячейки по всей Черногории, позже в своих мемуарах они признавали, что их круг был слишком узким, чтобы добиться успеха. Тем не менее, несколько членов организации на свой страх и риск, не поставив в известность остальных, сделали попытку захватить военный арсенал недалеко от городка Колашин. Эта «колашинская афера» спровоцировала новый виток правительственно-го террора осенью 1909 г.²³

Расправы над членами Народной партии, парламентской оппозицией, подпольными молодежными организациями не только показали, до какой степени формальный характер носила черногорская конституция, но и обострили общественные противоречия в княжестве. Ни либеральные начинания в духе конституционной монархии, ни репрессии против инакомыслящих не сняли с повестки дня насущные проблемы народа – бедность, непосильные налоги, невозможность получить образование и применить свои силы в отечестве, застой в социальной сфере. Черногорцы продолжали «голосовать ногами», в массовом порядке уезжая за границу. Масштабы эмиграции вызвали тревогу даже в России, которая щедро финансировала военную реформу в княжестве, рассматривая черногорскую армию как свой резерв на Балканах. Уже в 1906 г., по сведениям российской дипломатической миссии, из страны выехало около 10 тыс. человек. Понятно, что после казней и расправ 1908–1909 гг. эта цифра выросла²⁴.

Чтобы укрепить пошатнувшийся авторитет, черногорский монарх затеял грандиозные и непозволительные с точки зрения княжеских финансов юбилейные торжества в честь 50-летия своего правления в августе 1910 г., во время которых провозгласил себя королем. Эта акция по-разному оценивалась и за рубежом, и в самой Черногории. Внешне празднества прошли красиво, в них приняли участие представители разных династий и дипломаты Великих держав. Однако по сути эти мероприятия не улучшили политический климат новоявленного королевства. Противники Николы считали, что королевский титул не сулит народу ничего, кроме увеличения трат на содержание двора. Многие современники, посетившие Черногорию в 1910 г. обратили внимание на тягостную атмосферу, сложившуюся в стране.

Во внутривполитической жизни королевства наступило затишье, продолжавшееся до 1913 г. Выборы в скупщину 1911 и 1913 гг. прошли на безальтернативной основе, в бюллетени для голосования вносились только фамилии кандидатов, выдвинутых правительством. Накануне выборов местные власти должны были вести активную предвыборную агитацию. Чиновникам, пренебрегавшим этой обязанностью, грозило увольнение. С каждым избирателем, проявившим недовольство официальным кандидатом, проводились «разъяснительные» беседы; в сущности, это было настоящее давление и запугивание. Так как у избирателей не осталось никаких способов повлиять на исход голосования, некоторые недовольные правительством черногорцы призывали бойкотировать выборы. На это правительство ответило тем, что спустило местным чиновникам строжайшие инструкции, в которых говорилось, какое число избирателей обязательно

должно опустить свои бюллетени в урны²⁵. Такие предвыборные технологии на время обеспечили королю Николе лояльность со стороны парламента.

Однако эта относительная политическая стабильность продолжалась очень недолго. В 1913 г. система «официальных кандидатов» дала сбой. В роли оппозиционера неожиданно выступил крупный государственный деятель Йован Пламенац. Именно он, будучи министром внутренних дел, принимал активное участие в расправах над членами Народной партии в 1908–1909 гг. В разные годы Пламенац занимал высокие посты в государстве, в 1913 г. был членом Госсовета. Правительство, выдвигая такого человека кандидатом в депутаты скупщины, было уверено в его лояльности. И вдруг член Истинной народной партии Пламенац обратился к избирателям с программой, которая почти дословно повторяла требования Народной партии. В ней говорилось о необходимости внести поправки в конституцию с целью улучшения работы парламента, предлагалось разработать продуманную стратегию социально-экономического, в первую очередь аграрного развития Черногории. Также ставилась задача сократить масштабы эмиграции, снизить налоги, усовершенствовать работу судов и администрации, бросить все силы на подъем народного образования и т.д.

Реакция двора была незамедлительной. Председатель правительства потребовал уволить Пламенаца с госслужбы, уже отпечатанное обращение к избирателям было конфисковано²⁶. Казалось, возрождавшаяся оппозиция задушена в зачатке. Состав последней скупщины был таким, каким его хотел видеть монарх, из 62 депутатов 44 человека – чиновники. А на деле парламента все же был оппозиционным. Только 16 депутатов составили придворную партию («вирилцы»). 17 депутатов были членами Истинной народной партии, которая перешла на позиции Народной партии, 25 избранных прямо назвали себя членами Народной партии, пять человек заявили, что являются участниками молодежного движения («Омладина») и выступили с теми же заявлениями, которые содержались в студенческой брошюре 1907 г.²⁷

Последний черногорский парламента накануне Первой мировой войны попытался начать социальные преобразования, приняв законы о помощи инвалидам войны и семьям тех, кто погиб при исполнении служебных обязанностей, о пенсиях для госчиновников и учителей и др. Война помешала этой работе. Черногория была оккупирована, король Никола и его правительство бежали, встал вопрос об объединении черногорцев с другими югославянскими народами в одно государство. Политическая история династии Петровичей-Негошей закончилась.

Новое качество внешней политики. На описанные выше внутриполитические процессы большое влияние оказывала внешняя политика, проводимая Черногорией в начале XX в. Целью черногорской дипломатии в это время было активное участие во всех важных процессах, протекавших на Балканском полуострове, и установление самых широких связей на международной арене. С 1900 по 1914 г. черногорское правительство заключило около ста двухсторонних и многосторонних экономических, политических, военных, культурных и проч. соглашений²⁸. Правда, иногда складывается впечатление, что черногорские дипломаты чрезмерно увлеклись самим процессом подписания договоров, внешней юридической формой, но не всегда подкрепляли ее практическим содержанием. Вместе с тем, некоторые направления внешней политики княжества никогда не носили «бумажного» характера и были исключительно актуальными. Действия, пред-

принятые в этих направлениях, динамично менялись под воздействием международной обстановки. В первую очередь это относится к двухсторонним связям Черногории и России.

В 1900 г. размер русских субсидий княжеству и черногорских долгов империи был таков, что российские руководители не допускали мысли о возможной самостоятельности союзника на международной арене. «Наш боевой отряд на Балканах», «возможный резерв русской армии», – такими эпитетами наделяли Черногорию представители официальной России. Между тем, уже в 1901 г. министр-резидент П.М. Власов сообщал в Петербург, «что князь Николай стал постепенно уклоняться от откровенных объяснений ...по таким делам, где голос русского представителя мог бы иметь... существенное значение»²⁹. Тогда в МИД России сочли, что сам Власов проявил чрезмерную резкость в своих суждениях о положении дел в княжестве и княжеском семействе. На смену П.М. Власову прислали А.Н. Щеглова, снабдив его инструкциями, в которых настоятельно призывали облекать любые советы «в подобающую форму».

Подобная рекомендация сочеталась со следующей оценкой черногорской ситуации: «Неурядицы во внутреннем управлении княжества; расстройство денежного его хозяйства, вызванное главным образом отсутствием сколько-нибудь правильного контроля, а также и непосильными для страны расходами княжеского двора; чрезмерная задолженность, в связи с природной бедностью края и отсутствием у населения его капиталов и промышленной предприимчивости – все это создает для Черногории в высшей степени тяжелое финансовое положение, нередко угрожающее княжеству потерей экономической самостоятельности. Так, в 1900 г. лишь великодушная помощь, оказанная по высочайшему повелению черногорскому правительству выдачей ему ссуды в 750.000 рублей, спасла княжество от закабаления его западноевропейскими капиталистами. В истекшем 1901 г. его императорскому величеству благоугодно было вновь прийти на помощь княжеству, повелев не требовать возврата означенной ссуды и отпускать в субсидию Черногории вместо прежде выдававшихся 222 тысяч по 500.000 рублей в год»³⁰.

Однако ни щедрость царя, ни повышенная тактичность российских дипломатов не убедили черногорского монарха следовать внешнеполитическим курсом XIX в. Во всех донесениях российской миссии начала XX в. отмечалось стремление князя «оказать всевозможные любезности» западным странам, в первую очередь Италии и Австро-Венгрии. Такое, «кокотничание», по мнению российских дипломатов, было связано, во-первых, с тем, что правительство России попыталось поставить определенные границы, за которые русская денежная помощь княжеству не должна выходить. Во-вторых, неудовольствие князя Николы вызвали попытки российских официальных лиц проверить, насколько эффективно расходуются средства, отпущенные из русской казны на вполне определенные цели государственного и военного строительства в Черногории. В-третьих, охлаждение пылкой любви черногорской камарильи «к матери-России» было связано с неудачами Российской империи в Русско-японской войне, которые черногорский двор «был склонен преувеличивать»³¹.

Понимая горечь тех, кто немало потрудился над укреплением российско-черногорской дружбы, приходится все же заметить, что лавирование и игра на противоречиях Великих держав, которую черногорское правительство позволяло себе в начале XX в., говорит о новом качестве внешней политики княжества. Небольшая балканская страна выросла из роли послушного ученика и стремилась быть самостоятельной во всем. Поскольку собственные возможности Черногории были минимальными, ее правители

научились жить за чужой счет, извлекать материальную выгоду из стремления ведущих европейских держав держать под своим контролем балканский регион.

Каждый визит черногорского монарха за границу приносил ему немалую пользу, независимо от того, посещал он Россию, Австро-Венгрию или Османскую империю. Во время этих поездок князь Никола почти всегда добивался помощи в тех или иных делах. Также успешно он использовал для достижения своих целей представителей Великих держав, работавших в Цетинье. Приближая к себе то одного, то другого дипломата, давая понять, что именно этому человеку готов доверить решение насущных черногорских проблем, Никола добивался того, что в Вену, Рим, Петербург или Париж шли депеши, в которых содержались развернутые планы помощи черногорцам.

Вместе с тем, ситуация на Балканах была такой напряженной, что никаких дипломатических талантов не хватило для того, чтобы положить конец аннексионным планам Австро-Венгрии в отношении славянских земель или убедить турецкие власти добровольно освободить Старую Сербию. Когда дело доходило до принципиальных вопросов балканской политики, интересы России и Черногории объективно совпадали, две страны оказывались вместе в одном военно-политическом лагере. Причем княжество играло роль застрельщика в борьбе за окончательное освобождение югославян, а Российская империя – роль главнокомандующего, решавшего, когда проявить сдержанность и осторожность, а когда идти в бой. Так было в 1908 г. во время аннексионного кризиса, в 1910 г. во время подписания русско-черногорской военной конвенции, в 1912–1913 гг. во время балканских войн. Словом, несмотря на все трения и ссоры, имевшие место в начале XX в., российско-черногорские отношения были союзническими.

Напротив, никакие ухищрения князя Николы не могли сделать Австро-Венгрию менее опасной для соседей-славян, в том числе и для Черногории, треть территории которой граничила с монархией Габсбургов. До 1904 г. отношения соседей были крайне напряженными, так как Австро-Венгрия требовала от черногорских властей выдать ей боснийцев и герцеговинцев, принявших участие в антиавстрийских выступлениях и укрывшихся на территории княжества. Короткие периоды смягчения этой напряженности сменялись новыми конфликтами и угрозами со стороны австрийского правительства.

Современные черногорские исследователи считают, что после начала Русско-японской войны Австро-Венгрия начала концентрировать свои войска на границе со славянскими странами и что именно эти приготовления заставили князя Николу сделать несколько дружественных шагов навстречу Вене, например, пригласить в Цетинье начальника австрийского генерального штаба барона Бека, совершавшего инспекционную поездку в Боку Которскую³².

Чем хуже шли у России дела на Дальнем Востоке, тем приветливее к австрийцам становился черногорский правитель. В 1905 г. он посетил Берлин, в 1906 г. Вену. Эти попытки сближения со странами Тройственного союза вызвали резкую критику и со стороны России, и со стороны черногорской общественности. Дело шло к тому, что российское правительство было готово прекратить финансирование черногорской армии, а Австро-Венгрия, наоборот, вынашивала амбициозный план строительства железнодорожного пути от Боснии и Герцеговины через Черногорию в Косово.

Однако князь Никола не собирался быть послушным инструментом и в руках австрийского двора. Немного обнадежив австрийских дипломатов, он вскоре (март–апрель

1908 г.) посетил Петербург, был принят Николаем II, убедил своих российских покровителей, что австрийские планы ему претят, что вооруженные силы Черногории крайне необходимы России, и что военную субсидию нужно увеличить почти в три раза (с 331 тысячи рублей до миллиона). Субсидию увеличивать не стали, но поставки оружия из России в Черногорию заметно возросли³³.

Аннексия Боснии и Герцеговины в октябре 1908 г., казалось, свела на нет любую возможность улучшения отношений Черногории и Австро-Венгрии. Но уже в 1910 г. черногорский монарх возобновил дипломатические маневры. Накануне торжества в честь 50-летнего юбилея своего правления Никола организовал визит австрийского военно-морского флота в черногорский порт Бар. Провозгласив себя королем, он делал вид, что никак не может решить, Петербург или Вена он посетит сначала в новом качестве.

Маленькие хитрости принесли большой успех. В ноябре 1910 г. была подписана русско-черногорская военная конвенция, в соответствии с которой русская военная субсидия была увеличена до 600 тыс. руб., а черногорское правительство взяло на себя обязательство «не предпринимать своей армией никаких наступательных действий без предварительного соглашения с императорским правительством»³⁴. Российские политики считали, что одержали дипломатическую победу над австрийцами и укрепили свое влияние на Балканах. На самом деле победу одержал король Никола, который добился дополнительного финансирования своей армии, но не собиравшись отказываться от собственных замыслов в угоду союзникам из России. В 1913 г. он без колебаний нарушил конвенцию и, несмотря на протесты русского правительства, захватил албанский город Скадар (Скутари, Шкодер), считая, что Черногория имеет право на эти земли.

Несколько неожиданным для России и Австро-Венгрии было укрепление черногорско-итальянского экономического и политического сотрудничества в начале XX в. Первые признаки беспокойства по поводу наметившегося итальянского влияния сотрудники русской миссии в Цетинье проявили уже в 1903 г., когда в одной из школ Подгорицы по желанию князя Николы стали преподавать итальянский язык. Тогда же вернувшийся из поездки по Черногории драгоман миссии П.А. Ровинский сообщал, что «страна кишит итальянскими „изыскателями“»³⁵. Вслед за экономическим сотрудничеством наметилось и сближение в военной области. В 1906 г. итальянский король подарил Черногории несколько пушек, а министр-резидент П.В. Максимов подозревал, что черногорский двор не скрывает от итальянцев подробности русских военных планов в Черногории. Но экономическое сотрудничество и политическое сближение оказались недолгими и не удовлетворили черногорское правительство. Итальянские концессии в Черногории обогатили самих итальянцев, но не принесли тех доходов в казну, о которых мечтал князь Никола. В 1907 г. черногорско-итальянские отношения вообще разладились из-за семейного конфликта между старшим сыном князя Николы Даниилом и итальянским двором³⁶.

Исключительно важное место во внешней политике Черногории занимала Сербия, связи с которой носили неоднозначный и иногда непредсказуемый характер. В конце XIX в. многие в этих странах верили в идею объединенного сербского государства. Однако между ними лежал Новипазарский санджак, оставшийся под властью Османской империи и находившийся под неослабным контролем Австро-Венгрии, сделавшей все возможное, чтобы уничтожить перспективу слияния двух стран. Ситуация осложня-

лась острым политическим соперничеством правящих династий Карагеоргиевичей и Петровичей. Несмотря на близкое родство, король Петр Карагеоргиевич и князь Никола Петрович не скрывали подозрительного и даже враждебного отношения друг к другу. Конфликт двух династий достиг своего апогея в 1907–1909 гг., когда правительство Черногории обвинило сербские власти во вмешательстве в политическую борьбу в княжестве и в покушении на жизнь черногорского монарха. Разгорелся дипломатический скандал, замять который российским дипломатам удалось нескоро и с большим трудом.

Между тем, ситуация на Балканском полуострове требовала совместных усилий двух государств в борьбе против реальной угрозы, исходившей от Австро-Венгрии. В 1908 г. после аннексии Боснии и Герцеговины Сербия и Черногория заключили договор, в соответствии с которым решили вместе защищать свои права и интересы, если понадобится, то и вооруженными средствами³⁷.

В 1909 г. на передний план опять вышли династические споры, снова во внутренних событиях черногорские власти увидели сербский след, а сербская периодика публиковала статьи, в которых описывала политический террор династии Петровичей в самом критическом духе. Провозглашение князя Николы королем в 1910 г. в Сербии оценили как удар по делу объединения.

Все эти разногласия и взаимные обвинения пошли на спад только тогда, когда на Балканах в очередной раз обострилась политическая ситуация и встал вопрос о войне против Турции. В 1912 г. был заключен знаменитый Балканский союз, важной составной частью которого была сербско-черногорская военно-политическая конвенция. Начались балканские войны, в ходе которых у Сербии и Черногории, наконец, появилась общая граница.

К началу Первой мировой войны сербско-черногорские отношения оставались союзническими. Но застарелая вражда двух династий дала о себе знать в самый неподходящий момент, летом 1915 г. Без согласования с Сербией, король Никола начал наступательную операцию в Северной Албании, между тем австро-венгерские войска вместе с союзниками (немцами и болгарам) готовились к большому наступлению. В результате и Сербия, и Черногория были оккупированы, их правительства оказались в эмиграции. История соперничества подошла к концу, в 1918 г. появилось новое государство – Королевство сербов, хорватов и словенцев, а Черногория вошла в его состав.

Как видим, итог внешней политики, проводимой черногорским правительством в начале XX в. был неоднозначным. С одной стороны, княжество смогло занять такое место в системе международных отношений, которое было явно непропорциональным его внутреннему потенциалу. «Почему-то сочли нужным устроить свое представительство в Черногории даже такие державы, которые, как Франция, Англия, Америка и Германия, не имеют к ней абсолютно никаких коммерческих или иных реальных интересов», – удивлялся российский дипломат в 1906 г.³⁸ Несомненно, далеко не каждому маленькому европейскому государству удалось оставить такой заметный след в истории дипломатии начала XX в. Это был очевидный успех на международной арене.

С другой стороны, во внешней политике Черногории обнаружились слабые места, например, стремление решать свои проблемы, опираясь не на собственные силы, а за счет Великих держав; неумение находить компромисс с соседями, соперничество с которыми мешало решению стратегических задач, стоявших перед балканскими странами; эгоизм придворной камарильи, корыстные побуждения которой иногда брали верх над

национальными интересами. Видимо этим и объясняется падение авторитета правящей черногорской династии в глазах самих черногорцев и всех югославян к началу Первой мировой войны. В 1918 г. на так называемой Подгорицкой скупщине народ Черногории принял решение о детронизации Николы Петровича и об объединении с Сербией в одно государство под эгидой Карагеоргиевичей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Булајић Ж. Аграрни односи у Црној Гори (1878–1912). Титоград, 1959. С. 16.
- 2 Државни музеј – Цетиње. Архивско одељење. Ф. Књаза и краља Николе. Ф. Приновљени рукописи. Историјски институт Црне Горе. Архивска грађа.
- 3 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3371. Л. 29 об.
- 4 Там же. Д. 3370. Л. 223.
- 5 Там же. Л. 128 об.
- 6 Вуковић Г. Мемоари. Из дипломатских односа Црне Горе. Цетиње; Титоград. Б.г. Ч. 3. С. 118; АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3370. Л. 130.
- 7 Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1915. Т. III. С. 434–438.
- 8 Там же. С. 86, 125.
- 9 Монетарна конвенција између Црне Горе и Аустро-Угарске са изјавом, Цетиње 13 / 26. септембар 1911. // *Перазиић Г., Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе 1878–1918. Зборник докумената са коментаром. Подгорица, 1992.
- 10 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3350. Л. 2.
- 11 Там же. Д. 3334. Л. 193 об.
- 12 Там же. Д. 1561. Л. 57–58.
- 13 *Р-ц (Ровинский П.А.)* Реформы в Черногории // Славянские известия. 1904, № 4–8.
- 14 *Хлебникова В.Б.* Черная дыра. Как Россия пыталась реформировать черногорскую армию // Родина. 2006. Специальный выпуск.
- 15 Устав за књежевину Црну Гору. Цетиње, 1905.
- 16 Донесение № 52 поверенного в делах Е.Ф. Штейна министру иностранных дел от 20.09.1906 г. Државни музеј – Цетиње. Архивско одељење. Ф. Приновљени рукописи (далее – Ф. Прин.рук.). Фас. LIVБ, 1906.
- 17 Там же, донесение Е.Ф. Штейна № 49 от 10.09.1906.
- 18 *Ровинский П.А.* Черногория... С. 111–117.
- 19 Ф. Прин. рук. Фас. LVIX, 1907. Дешеша № 20 министра-резидента П.В. Максимова министру иностранных дел от 12.04.1907.
- 20 Там же, донесение П.В. Максимова № 17 от 31.03.1907.
- 21 Прибильешке о Црној Гори. Рад Спасоја Пилетића. Архивска грађа Историјског института Црне Горе. Фас. 266. С. 68–71.
- 22 *Јанко Тошковић.* Мемоари. Биљешка из уставне владавине краља Николе и њеног трагичног свршетка од 1905. до 1918. године. Цетиње, 1974. С. 67–68.
- 23 Там же. С. 72–89.
- 24 Ф. Прин. рук. Фас. LIVБ, 1906.
- 25 Извештај о досадашњем раду и изгледу за избор народних посланика у Никшичкој области. 4.09.1911. Архивска грађа Историјског института Црне Горе. Фас. 99.
- 26 Там же. Фас. 81.

27 *Јагош Јовановић*. Стварање Црногорске државе и развој црногорске националности-Историја Црне Горе од почетка VIII вијека до 1918. године. Цетинье, 1948. С. 407.

28 *Перазих Г., Распоновић Р.* Међународни уговори...

29 Ф. Прин. рук. Фас. XLIX. Д. 1. 1901. Письмо министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа П.М. Власову от 11 июля 1901 г.

30 Ф. Прин. рук. Фас. L. Д. 1, 1902. Министр иностранных дел В.Н. Ламздорф А.Н. Щеглову 2 октября 1902 г.

31 Ф. Прин. рук. Фас. LII-A. 1904. Доверительное письмо графа Капниста из Вены 1/14 ноября 1904 г.

32 *Распоновић Р.* Дипломатија Црне Горе 1711–1918. Подгорица – Београд, 1996. С. 434.

33 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3355.

34 Военное между Россией и Черногорией соглашение. СПб., 2.12.1910, Цетинье 17.11.1910. // *Перазих Г., Распоновић Р.* Међународни уговори... С. 624–628.

35 Ф. Прин. рук. Фас. LI A. 1903, доверительная депеша А.Н. Щеглова № 30 от 21 мая 1903 г.; черновик письма А.Н. Щеглова от 7 августа 1903 г.

36 Ф. Прин. рук. Фас. LI A. 1907 (I), донесение министра-резидента П.В. Максимова министру иностранных дел № 29 от 19 июня 1907 г.

37 Уговор између Србије и Црне Горе склопљен 24.10–1908. // *Перазих Г., Распоновић Р.* Међународни уговори ... С. 569.

38 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 265 об.

ГЛАВА 3

МАКЕДОНИЯ И КОСОВО

В начале XX в. в составе Османской империи по-прежнему оставались историко-географические области Македония, Косово и Метохия, Новипазарский санджак (Рашка).

Территория Косово ограничивается хребтами Шар-Планина на юге и Капаоник на севере и разделена на две равнины – Метохия (вдоль реки Белый Дрим) и собственно Косово вдоль реки Ситница. В административном отношении Косово и частично Македония входили в состав Косовского вилайета Османской империи со столицей в городе Ускюб (современное Скопье).

Восточную географическую границу Македонии составляет река Нестос (Места), северную – междуречье рек Моравы и Вардара и гора Шар, западную – линия от горы Шар до реки Альякмон (Бистрица), южную – побережье Эгейского моря от реки Альякмон до реки Нестос. Территорию Македонии охватывали Салоникский (Солунский) вилайет со столицей в Салониках, Битольский или Монастирский вилайет со столицей в Битоле (Манастире) и частично Косовский, в частности, Ускюбский санджак данного вилайета.

Согласно Сан-Стефанскому прелиминарному мирному договору, заключенному 19 февраля (3 марта) 1878 г., в состав автономного Болгарского княжества вошла большая часть Македонии. Но по итогам Берлинского конгресса, пересмотревшего результаты Сан-Стефанского договора, Македония была возвращена Османской империи с условием проведения там реформ (ст. 1 и ст. 23 Берлинского договора). Турции поручалось провести реформы во всех своих европейских вилайетах¹.

Невероятная этническая чересполосица Косово и Македонии, вызванная как объективными историческими причинами, так и сознательной переселенческой политикой Османской империи², предопределила им судьбу конфликтной зоны. Эти территории становились также балканским «яблоком раздора», поскольку на них претендовали многие соседние государства.

В частности, территории Косово и Метохии и северо-западной Македонии (вместе с южными районами современной Сербии и Новипазарским санджаком известные после Первого сербского восстания под именованием Старой Сербии³) стали одним из главных приоритетов внешней политики Сербского государства. Это произошло после оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Планы присоединения населенных сербами районов Боснии наткнулись на непреодолимое препятствие. Руководящие круги Сербии занялись поисками возможностей для продвижения влияния и господства на юго-восток. Тем более что это направление обещало выход к морю по долине реки Вардар через греческий порт Салоники⁴.

Сербия, испытавшая поражение в недолгой войне с Болгарией в 1885 г., в последние годы XIX в. основной акцент сделала на пропагандистской и дипломатической работе на юго-восточном направлении. После заключения в 1886 г. сербско-турецкой консуль-

ской конвенции были открыты сербские консульства – в Ускубе и в Солуни, в 1888 г. в Битоле, в 1889 г. в Приштине. Деятельность консульств координировалась Политико-пропагандистским отделением МИД Сербии. В 1893 г. Сербия получила разрешение турецкого правительства открывать сербские школы там, где местное население признавало себя сербами.

В ноябре 1901 года вопрос о Старой Сербии был вынесен на заседание Королевского сената, которое было целиком посвящено данной теме. В результате прений по данному вопросу Сенат принял постановление, поддерживающее активные действия правительства Сербии. Однако, приняв эту одобрительную резолюцию, Сенат так и не смог принять или выразить четкой программы по проблеме Старой Сербии⁵.

Вместе с тем сербские интересы в Старой Сербии простирались весьма далеко. Об этом свидетельствует следующий факт. В декабре 1902 г. генконсул Сербии в Солуни Ненадович в частной беседе с русским генконсулом А.А. Гирсом признался, что хотя в этом городе и ряде других пунктов Солунского вилайета открыты сербские гимназии и школы, в указанном регионе «настоящих сербов не имеется»⁶.

Хорошо известно высказывание Н. Пашича: «История показывает, что тот, кто владел Македонией, всегда был первым на Балканах»⁷. На Македонию в той или иной мере претендовали, кроме Сербии, Болгария и Греция. История этих стран, так или иначе, была связана с Македонией. Проблема осложнялась спорами о национальной принадлежности славянского населения Македонии⁸. Русский консул в Битоли доносил в ноябре 1885 г., что «македонские болгары никогда не делали разницы между болгарами и сербами»⁹. Русский военный корреспондент П.А. Риттих, посетивший Македонию летом 1901 г., писал: «Турки не делят македонцев по национальности, а лишь по вероисповеданию, которое с точки зрения мусульманской гораздо важнее и существеннее»¹⁰. По сути, в начале XX в. Македония являлась не только настоящим «яблоком раздора» Балкан, но стала «гордиевым узлом» Балканского полуострова, «разрубленным» в ходе Балканских войн.

Пункт Сан-Стефанского договора о вхождении в состав автономного Болгарского княжества большей части Македонии имел для Болгарии судьбоносное значение. «Сан-Стефанская Болгария» стала национально-государственным идеалом болгарских граждан, воплощавшим идею «Великой Болгарии», которая объединяла бы в своих границах всех болгар Балканского полуострова¹¹. Как справедливо заметил Г.Н. Трубецкой, русский посланник в Сербии в 1914–1917 гг., Сан-Стефанский договор «поставил ясную определенную цель перед Болгарией, и освятил народный идеал высшим признанием его Россией-освободительницей. Для достижения этого идеала болгарский народ уже имел в своем распоряжении мощное орудие в лице такой организации, как Экзархия»¹².

Болгарский Экзархат (Экзархия) был учрежден султанским указом в 1870 г. В состав Экзархата были включены две епархии не только с болгарским, но и с сербским населением (Пиротская и Нишская) и часть Македонии. Предусматривалось, что к Экзархату могут присоединиться и другие епархии, в которых 2/3 православного населения выступают за присоединение¹³. Уже через два года после этого к Экзархату присоединились Скопская и Охридская епархии, и ряд сел в смешанных епархиях признали его власть.

В октябре 1893 г. в городе Салоники были заложены основы Внутренней македонской революционной организации, созданной болгарами – выходцами из Македонии. После долгих дискуссий целью организации было провозглашено «осуществление Берлинского договора», т.е. реализация его 23-й статьи.

В первые месяцы 1894 г. цель Организации была конкретизирована – достижение автономии Македонии. Один из основателей организации Х. Татарчев вспоминал, что ее основоположники не могли провозгласить своей целью «непосредственное присоединение Македонии к Болгарии», так как осознавали, что это вызовет множество дополнительных осложнений из-за противодействия великих держав и амбиций соседних государств. Они решили, что автономной Македонии в будущем будет проще объединиться с Болгарией, а если это станет недостижимым, то Македония «может послужить объединительным звеном федерации балканских народов».

Существенным является признание основателями Организации того факта, что непосредственным толчком к ее созданию стало усиление иностранной, особенно, сербской пропаганды в Македонии. Так, по воспоминаниям еще одного из первых болгаро-македонских революционеров, Д. Груева, еще в 1891 г., когда группа студентов из Македонии задумывала в Софии создать революционную организацию, они имели в виду необходимость противодействия сербской пропаганде*, необходимость поставить на повестку дня идею освобождения Македонии, «прежде чем сербская пропаганда усилится и раздробит народ»¹⁴.

До 1896 г. организация, созданная в Салониках, носила название Македонской революционной организации, затем, до 1902 г. называлась Болгарские македонско-одринские** революционные комитеты, с 1902 г. по 1905 г. Тайная македонско-одринская революционная организация, а в 1905 г. получила название Внутренней македонско-одринской революционной организации (ВМРО)¹⁵.

В Софии находился Верховный македонский комитет (ВМК), созданный выходцами из Македонии. В разные исторические периоды взаимоотношения между ВМК и революционной организацией складывались по-разному – от теснейшего сотрудничества до силового противостояния.

В 1899 г. ЦК Организации постановил, что во всех районах Македонии должны быть созданы небольшие четы из революционных деятелей, находящихся на нелегальном положении. В 1897–1899 гг. действовало более 20 чет под руководством революционных деятелей-нелегалов, или под командованием бывших разбойников (харами), перешедших на сторону Организации¹⁶. От деятельности таких чет страдало прежде всего мирное сельское население и христианское, и мусульманское. Об этом свидетельствует множество фактов из консульских донесений. Кроме того, четы усердно избегали столкновений с регулярными частями турецкой армии и полиции. Видимо, деятельность чет была ни чем иным, как одной большой провокацией, призванной разбудить мусульманский фанатизм и вызвать резню христиан в Македонии и тем самым привлечь внимание международной общественности к положению дел в этой области, заставить Европу воздействовать на Турцию, чтобы та ввела автономию Македонии.

Рубеж XIX–XX вв. в Старой Сербии ознаменовался заметным усилением албанской активности. Несомненное влияние в этом отношении оказала греко-турецкая война 1897 г. Например, за одну майскую неделю 1897 г. в Ускюб прибыли возвратившиеся с греко-турецкой войны 4800 албанских добровольцев. Они привезли с фронта множес-

* В Сербии только летом 1902 г. была создана четническая революционная организация, под руководством Главного совета (комитета), аналога ЦК македонской революционной организации, но ее деятельность проявилась уже после Илинденского восстания 1903 г.

** От болгарского названия Адрианопольского вилайета Османской империи – Одрински.

тво оружия, и свободно продавали его в городе¹⁷. В январе 1898 г. русский консул в этом городе докладывал в Константинополь об участвовавших «в последнее время» «гонениях и угнетениях» албанцами христиан, что вызвано победой Турции над греками в 1897 г. и «Виницким делом».

Побывавший в начале XX в. на Балканах известный русский литератор А.В. Амфи-театров так отзывался об албанцах: «Самые отвратительные подданные [Османской империи], самая восхитительная орда»¹⁸. С молчаливого согласия Порты и при подстрекательстве Австро-Венгрии албанцы терроризировали неалбанское население Старой Сербии и Македонии, которое, опасаясь убийств и грабежей, оставляло родные места.

Тогда же, в начале XX в. русский консул в Ускюбе В.Ф. Машков в донесении в российское посольство в Константинополе с горькой иронией отмечал: Старую Сербию «вследствие поразительно быстрого разжижения славянского элемента и замещения его арнаутским, уже давно правильнее было бы называть Новой Албанией»¹⁹. Машков описывал сложившуюся в крае ситуацию: «Предоставленные самим себе арнауты повели дело так, что еще живущие между ними христиане стали их бесправными рабами... Всякий... самый негодный из арнаутов может невозбранно отобрать и дом, и имение, и скот, и дочь, и жену, и детей христианина. Люди, почему-либо имеющие несчастье не понравиться тому или иному арнауту, а, тем более, осмеливающиеся протестовать против насилий, безжалостно исчезают с лица земли... Благодаря такому ужасному положению, православное население Старой Сербии поразительно быстро редет, и уже теперь эта исконно славянская земля остается славянской лишь по имени. Еще десять, много – два десятка лет такого режима, – и христиане останутся лишь по городам.

Огромное значение в поддержании анархии играет и то обстоятельство, что арнауты вооружены, как говорится, до зубов. Эта постоянная близость оружия, при полной уверенности в безнаказанности, естественно ведет к слишком поспешному и частому его употреблению, как в счетах между собой, а особенно против христиан, так даже и против правительства. Правом ношения оружия пользуются и католики. И лишь одно православное население обездолено в этом отношении, хотя в Старой Сербии и на западной периферии Македонии существование без оружия прямо-таки невыносимо. Тут и женятся, и крестят детей, и пахут землю, – все с ружьем под рукой. Но лишь арнауты узнают, что такой-то христианин обзавелся не капсульным ружьем, а „доброй пушкой“, т.е. „Мартинкой“^{***}, – на него тотчас устраиваются форменные облавы, он травится наравне с дикими зверями. Еще памятливы всем здесь события 1901 года в Колашине²⁰, когда власть и простые, не имеющие никакого официального положения арнауты в трогательном согласии ополчились против 43-х сербских сел, возымевших величайшую дерзость обзавестись полуторасотней „мартинок“, безусловно необходимых для самозащиты. Каких тогда только жестокостей и издевательств не чинилось – до катаний заповязей^{***} и арнаутов на православных старцах-попах включительно! Не помогло тогда и вмешательство Императорского правительства, добившегося было от султана формально, но затем не исполненного, обещания оставить христианам ружья... и даже наказать арнаутов»²¹.

* В 1897 г. турецкие власти обнаружили в македонском селе Виница склад оружия, устроенный членами македонской революционной организации.

** Винтовка системы Мартини.

*** Турецкие жандармы.

Да и сами албанские племена враждовали между собой. Очередное обострение ситуации в Старой Сербии произошло в 1902 г. в связи с междоусобными албанскими конфликтами в Призрене²².

В Македонии обстановка также постепенно накалялась – не в последнюю очередь благодаря деятельности македонских революционеров. А осенью 1902 г. ВМК отправил в район Горна-Джумаи несколько сот четников, втянувших в «восстание», названное Горноджумайским, несколько десятков приграничных сел. Достаточно быстро выступление было подавлено, но оно привело к сотням жертв среди мирного населения. Три тысячи человек оказались беженцами в Болгарии.

Сам факт «восстания» и, особенно, его подавление вызвали широкий резонанс в европейских столицах и привлекли внимание дипломатии России и Австро-Венгрии^{*}. Султан в конце 1902 г. объявил о намерении провести реформы в европейских владениях. В конце концов, в феврале 1903 г. послы России и Австро-Венгрии в Константинополе вручили турецкому правительству ноту, с перечислением реформ (одобренных всеми великими державами), которые Турция должна была реализовать. Программа предполагаемых реформ получила название «Венской». Среди основных мер, предусмотренных реформами, были следующие – допуск христиан в полицию и жандармерию, политическая амнистия, назначение сельских сторожей (полевых стражников) в христианских селах из числа христиан, замена десятины поземельным налогом, учреждение для македонских вилайетов поста специального Генерального инспектора (его занял Хильми-паша) и т.д.

В сущности, эта программа так и не была реализована (только политзаключенные были освобождены) из-за противодействия албанцев, саботажа местных властей и подстрекательства революционных комитетов. 1 марта 1903 г. в Ипек^{**} состоялось собрание представителей от всех албанских племен, решительно высказавшихся против реформ. По Старой Сербии прокатились албанские беспорядки. Наряду с сербами их жертвой пал и русский консул в Косовско-Митровице Г.С. Щербина.

Оживление европейской дипломатии после Горноджумайского «восстания», в частности, активизация России и Австро-Венгрии в деле принуждения Турции к проведению реформ, создало у болгаро-македонских революционеров впечатление, будто складывается благоприятная обстановка для нового «восстания», которое заставит европейские державы еще активнее вмешаться в македонский вопрос и вынудить Турцию ввести автономию Македонии.

В январе 1903 г. в Солуни прошел съезд Революционной организации, принявший решение о восстании. Присутствовали 17 делегатов, на деле плохо осведомленных о реальной обстановке на местах. Восстание было назначено на весну текущего года²³.

Между тем, серьезное сопротивление противников восстания заставило инициаторов несколько изменить постановление съезда. В итоге, было решено, что «восстание»

* Еще в 1897 году обе державы заключили соглашение, предусматривающее поддержание status quo на Балканах. Соглашение представляло собой обмен нотами, имевшими значительные расхождения, открывавшими пути для различной трактовки подписанных договоренностей.

** А. Амфитеатров: «Арнауты – всюду разбойники и своевольцы, но Ипек – гнездо их буйств, очаг и центр анархии». (Амфитеатров А. Страна раздора. Балканские впечатления. СПб., 1907. С. 92.)

будет «массовым» только в Битоляском революционном округе (он был разделен на семь повстанческих районов), а в остальных округах ограничится лишь акциями четников (то есть – терактами). Сроки восстания отодвигались на несколько месяцев.

Много позже, в 1925 г. новые лидеры ВМРО признают: «Даже Илинденское восстание в 1903 г., самое большое и массовое, не могло рассчитывать само завоевать свободу Македонии, а имело целью принудить общеевропейское общественное мнение и международную дипломатию разрешить македонский вопрос»²⁴. Естественно, такое «восстание» было обречено.

Что говорить о каких-то перспективах восстания, если по некоторым данным, имеющимся по 73 четам в период с 1897 по 1903 гг., только 22,55 % из них были вооружены современным оружием, а остальные устаревшим, уже не применяемым в армии. Только после восстания встал вопрос о перевооружении²⁵.

Восстание началось вечером 20 июля (2 августа, Ильин день) 1903 г. в Битоляском вилайете. Повстанцы напали на турецкие части, расположенные в селах и небольших городках, взорвали телеграфные линии и железнодорожные пути. Русское консульство в Битоли доносило в Константинопольское посольство: «Все население с трепетом ждало 20 июля, которое, однако, прошло спокойно, но в ночь на 21-е инсургенты перерезали все телеграфные провода... и банды напали на мусульманские села... жители коих пользовались... дурной репутацией. Нападения эти не увенчались особенным успехом... Дороги шоссейные разрушены, мосты взорваны»²⁶.

В Декларации ЦК Революционной организации, врученной дипломатическим агентам великих держав в Софии и опубликованной в печати, были изложены требования повстанцев: автономное правление Македонии, во главе которой должен стоять управляющий-христианин, не служивший в турецкой администрации и независимый от Турции в исполнении своих обязанностей, учреждение международного контроля за проведением реформ.

В сентябре Главный штаб восстания обратился к Болгарии с просьбой о помощи путем прямого военного вмешательства. Болгарское руководство осознавало военную слабость страны и сложность международной обстановки, поэтому никакого ответа на призыв Главного штаба не последовало. Собственно, в Штабе знали, что болгарское правительство не в состоянии прийти на помощь. А потому через два дня после упомянутого обращения Штаб принял решение прекратить восстание²⁷. Но столкновения между повстанцами и турецкими войсками длились еще два с половиной месяца.

В Битоляском вилайете за время восстания произошло 150 боевых столкновений между повстанцами и турецкой армией. Погибли 746 четников. В Солунском вилайете – 38 столкновений, 109 погибших. В Косовском вилайете – 15 столкновений, 93 убитых. В результате турецких репрессий, только в Битоляском вилайете было полностью или частично сожжены 122 села с 8646 домами. Без крова осталось 51 606 человек. Убиты 1779 сельских жителей. Всего же было сожжено более 200 сел, число убитых составляло несколько тысяч, а беженцев – около тридцати тысяч²⁸.

В ноябре 1903 г. Россия и Австро-Венгрия заключили в австрийском Мюрцштеге соглашение, предусматривавшее расширенную программу реформ для Македонии. Данный проект предполагал прикомандирование сроком на два года двух гражданских агентов из России и Австро-Венгрии к главному турецкому инспектору Хильми-паше, реорганизацию турецкой жандармерии, новое административное деление Македонии, преобразование административных и судебных учреждений в крае и т.д. Осуществле-

ние Мюрцштегской программы реформ началось в январе 1904 г., и поначалу были достигнуты некоторые результаты – освобождены политические заключенные, в родные места вернулись до шести тысяч беженцев, частично реформирована жандармерия. Но постепенно местное население стало разочаровываться в реформах из-за низкой эффективности действий органов иностранного контроля и их ограниченных полномочий. В 1905 г. ВМРО начала дискредитировать программу реформ и призвала население к саботажу²⁹.

Включению Косово в сферу действия реформ активно противодействовали албанцы, поощряемые Австро-Венгрией. В отношении Старой Сербии Габсбургская монархия строила те же планы, которые сумела осуществить после Берлинского конгресса в Боснии и Герцеговине. Австрийская дипломатия настояла на том, чтобы албанские и старосербские округа были изъяты из Мюрцштегской программы реформ³⁰.

Особенно сложным было положение дел в северо-западной части Старой Сербии – Санджаке (Рашке). Здесь сербы оказались меж двух огней. С одной стороны – турки и потурченцы, а с другой – австрийцы, пытавшиеся склонить сербское население на свою сторону. По условиям Мюрцштегских соглашений, Австро-Венгрия могла произвести здесь военную интервенцию в случае возникновения беспорядков. Тогда бы Рашку ждала участь Боснии и Герцеговины. Поэтому в крае активно действовали австрийские агенты, выдававшие себя за представителей сербского правительства, пытавшиеся спровоцировать местных сербов на восстание. Сербским дипломатам приходилось прилагать немало усилий для умиротворения сербского населения, уже отказывавшегося платить налоги и готового взяться за оружие³¹.

Несмотря на «введение» реформ ситуация в Македонии после подавления восстания приобретала все более запутанный характер. Этому отчасти способствовало положение Мюрцштегской программы о новом административном делении Македонии с учетом расселения национальностей, которое Афины, София и Белград «истолковали весьма расширительно». Предполагая грядущий раздел Македонии по этнографическим границам, противоборствующие стороны интенсифицировали формирование вооруженных отрядов, которые должны были расширять сферы влияния³².

Болгарская сторона все еще не оправилась от потерь в ходе Илинденского восстания. Случаи проникновения на македонскую территорию греческих и сербских отрядов заметно участились. Греческое правительство направило в феврале 1904 г. в Македонию специальных агентов-офицеров для ознакомления с обстановкой на месте с целью изучения перспектив подготовки нового – греческого восстания – антитурецкого и антиболгарского одновременно. Вернувшись, греческие офицеры рекомендовали правительству создавать отряды добровольцев под командованием кадровых военных для засылки в Македонию.

Греческое правительство стало содействовать созданию партизанских (андартских) отрядов, деятельность которых охватила практически всю территорию Центральной и Южной Македонии (т.е. вплоть до линии Охрид – Горна-Джумая). В 1905 г. только в Битольском вилайете действовало от 800 до 1000 андартов. По сведениям австро-венгерского гражданского агента в Македонии, с 14 марта 1906 г. по 14 марта 1908 г. андарты убили 531 и ранили 175 македонских славян³³. Греческие отряды придерживались той же тактики, что и болгарские – они старались избегать стычек с подразделениями турецкой армии и полиции. Если болгарские четы заставляли села, находящиеся под ведомством Константинопольского патриархата переходить под начало Болгарского экзархата, то андарты заставляли «экзархистов» записываться в «патриархисты».

В 1905 г. греческое правительство предприняло ряд шагов в Константинополе, убеждая турецкие власти в том, что деятельность андартов направлена исключительно против болгар и «не посягает на целостность османских владений в Македонии». В ответ турецкое правительство уведомило Афины, что турецкие войска будут стараться избежать столкновений с греками³⁴. В результате, греческим отрядам удалось прочно утвердиться в южных и некоторых центральных районах Македонии.

Начиная с 1904 г. в северные районы Македонии сербские четы стали проникать чаще. В 1906 г. сербы прочно утвердились в районах Куманова, Прилепа, Велеса и др. В период 1903–1908 гг. в ведение Патриархии перешли 152 села, «признавшие себя» греческими или сербскими³⁵.

Россия и Австро-Венгрия направили в середине 1907 г. Афинам, Белграду и Софии тождественную ноту с требованием прекратить раздувание междоусобной войны в Македонии.

Главным препятствием для сербского руководства на пути разрешения вопроса о Старой Сербии в период до 1904 г., было отсутствие политической воли и последовательности в действиях. Смена состава правительства приводила к замене даже мелких чиновников на местах. Новые чаще всего не ориентировались в порученном им направлении деятельности³⁶. Серьезные изменения в политике Сербии в Косово и в Македонии произошли после 1903 г., когда в самом королевстве был совершен Майский переворот, в Македонии произошло Илинденское восстание, а Россия и Австро-Венгрия приняли Мюрцштегскую программу реформ. Уже в октябре 1903 г. в Белграде был сформирован Главный комитет помощи сербам в Старой Сербии и Македонии. В 1905 г. при МИД Сербии создается специальный отдел пропаганды, а в 1906 г. вся деятельность в этом направлении сосредотачивается в Центральном совете сербских организаций. Усиливается и экономическое проникновение Сербии в Македонию.

Выше упоминалось о создании в 1902 г. в Сербии Главного комитета четнической организации. Его деятельность стала активно проявляться с 1904 г. По методам она ничем не отличалась от деятельности болгаро-македонских революционеров, с некоторыми из которых Главный комитет ненадолго установил контакты на рубеже 1903–1904 гг. Четники пользовались такой же поддержкой сербского правительства, как комитаджии (члены ВМОРО) болгарского. Сербские консулы в Старой Сербии и Македонии помогали четникам деньгами и оружием. Сербские четники, так же как и члены ВМОРО, вершили суд в селах, ликвидируя неугодных им лиц, невзирая ни на их вероисповедание, ни на национальность³⁷.

В июне 1908 г. в городе Ревель состоялась встреча императора России Николая II и короля Великобритании Эдуарда VII, на которой они согласовали новую программу реформ для Македонии, направленную на ее «автономизацию» под усиленным контролем Великих держав, что фактически означало отторжение провинции от Османской империи.

Дабы предотвратить подобное развитие событий – потерю европейских владений и вообще вмешательство европейских государств в дела Турции – в июле 1908 г. члены младотурецкого комитета «Единение и прогресс» свергли абсолютистский режим в Константинополе, восстановили конституцию 1876 г. и провозгласили равенство всех народов империи.

В октябре 1908 г., в одностороннем порядке нарушив Берлинский договор, Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину. Действия Вены дестабилизировали Балканский полуостров. Воспользовавшись этим прецедентом, Болгария провозгласи-

ла себя царством, полностью независимым от Турции. В Софии и Белграде активизировалось руководство революционных организаций, действующих в европейской Турции. Аннексия Боснии и Герцеговины окончательно закрыла для Сербии выход к Адриатике и заставила ее бросить все силы на юг – в Македонию. Болгария стремилась добиться автономии Македонии, а затем ее полного присоединения. Белград (как и Афины) настаивал на разделе провинции. Проводимая младотурками политика централизации и оттоманизации также способствовала подъему национальных движений в Македонии и Старой Сербии. Албанцы проявляли недовольство в связи с тем, что их заставляли платить налоги, а некоторые христиане даже получили право носить оружие.

В 1911 г. восставшие албанцы потребовали административно-территориальной автономии. Данное требование нашло поддержку у Англии. Кроме того, Австро-Венгрия поддержала стремление албанцев включить в границы своей автономии Старую Сербию и значительную часть Македонии. И хотя после ряда уступок и льгот албанцам со стороны Турции вопрос об автономии был тогда снят, призрак большой Албании своей вполне реальной материализацией пугал и Сербию, и Болгарию.

В октябре 1911 г. начались сербо-болгарские переговоры о союзном договоре. Весной 1912 г. договор был подписан, к нему присоединилась Греция. После этого косовские албанцы восстали вновь, требуя признания своих старинных обычаев, албанского языка в качестве официального, несения воинской службы в пределах Косовского вилайета и назначения туда только чиновников-албанцев. Начавшиеся переговоры с турецким правительством затягивались. Восставшие захватили Косовско-Митровицу, Печ, Джаковицу, Ораховац, Призрен, Суву-Реку, Приштину, Лаб, Урошевац и Качаник. Албанские отряды двинулись на Вардарскую Македонию, заняли Ускюб и Тетово. Готовился поход на Салоники. Но после согласия Турции на удовлетворение большинства требований албанцев, подкупа их вождей и угроз Балканского союза мятежники оставили Ускюб³⁸.

В августе 1912 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии Бертольд выступил с новыми инициативами по утверждению албанской автономии. Сербия и ее балканские союзники решили взять инициативу в свои руки, и перешли к активным действиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 192, 205–206.

2 Например, русский консул в Ускюбе В.Ф. Машков отмечал в январе 1900 г.: «Турецкое правительство после войны 1878 г. задалось целью переорганизовать западные и центральные вилайеты Балканского полуострова таким образом, чтобы административные границы ни одного из них не совпадали бы с этнографическими пределами населяющих их народностей. Этим, по-видимому, путем имелось в виду затруднить применение разных реформ и частичных автономий, а может быть и способствовать расселению арнаутов (вошедших в каждый из тогда реформированных вилайетов) и по таким местностям, где христианское население до сих пор оставалось более или менее сплошным». АВПРИ. Ф. 151. Д. 1472. Л. 8–9.

3 Авторитетный сербский историк Д. Батакович пишет: «Под Старой Сербией в XIX в. сербские писатели и ученые подразумевали земли, на которых возникла, развивалась и откуда начала распространяться вширь средневековая сербская государственность». После Первого сербского восстания 1804 г. «все территории,.. входившие когда-то в Сербию, но

остающиеся под турецкой властью, со временем стали называться Старой Сербией. Судя по всему, первым это название употребил Вук Стефанович Караджич в 1818 г.» (*Батаковић Д. Предговор // Савременици о Косову и Метохији. 1852–1912. Београд, 1988. С. VII.*)

4 Подробнее о сербских планах см.: *Тимофеев А.Ю.* Крест, кинжал и книга: Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912). СПб., 2007.

5 *Тимофеев А.* Истоки косовской драмы. М., 1999. С. 89, 93.

6 АВПРИ. Ф. 180. Д. 2298. Л. 117–117 об.

7 Цит. по: *Шатилова Л.В.* Македонский вопрос в период балканских войн 1912–1913 гг. и политика России // Балканские исследования. Россия и славяне. М., 1992. Вып. 15. С. 189.

8 По болгарским данным, собранным в 80–90-е годы XIX в. и опубликованным в 1900 г., в Македонии проживало 2 258 224 человека. В том числе: болгар – 1 181 336 чел., греков – 228 702 чел., сербов – 700 чел., влахов – 80 767, албанцев – 128 711, турок – 499 204, евреев – 67 840 чел. и т.д.

Согласно сербской статистике 1889 г. (учитывавшей население «Старой Сербии», т.е. Македонии, Косово и Метохии), в Македонии проживало 2 870 620 человек. Из них: сербов – 2 048 320 чел., болгар – 57 600 чел., греков – 201 140, албанцев – 165 620, турок – 231 400, влахов – 69 665, евреев – 64 645 чел. и т.д.

По греческим данным, опубликованным в 1904 г., в Македонии (без Косовского вилайета) насчитывалось 1 724 818 человек. Из них: греков – 652 795 чел., болгар – 332 162, турок – 634 017, влахов – 25 101, евреев – 53 147 чел. и т.д.

(См.: Report of the International Commission To Inquire into the Causes and Conduct of the Balkan Wars. (Доклад международной комиссии по расследованию причин и ведения балканских войн. Вашингтон, 1914.) Р. 28–30.)

9 АВПРИ. Ф. 180. Д. 1437. Л. 202–203.

10 *Риттих П.А.* По Балканам. Путевые впечатления военного туриста. СПб., 1909. С. 141.

11 «Политическим идеалом болгарина после Освобождения, – пишет болгарский историк Д. Вечев, – независимо от задач конкретного момента, была Сан-Стефанская Болгария, разрушенная решениями Берлинского конгресса» (Русия и българският национален въпрос в края на XIX и началото на XX век // България 1300. Институции и държавни традиции. София, 1983. Т. 3. С. 223).

12 *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 38–39.

13 *Мартыненко А.К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967. С. 188.

14 *Пандев К.* Националноосвободителни борби на българите в Македония и Одринско след Берлинския конгрес от 1878 // Борбите в Македония и Одринско. 1878–1912. Спомени. София, 1981. С. 9; *Он же.* Националноосвободителното движение в Македония и Одринско. 1878–1903. София, 1979. С. 67–70; *Силянов Х.* Освободителните борби на Македония. Т. 1. София, 1983. С. 39–40.

15 *Пандев К.* Националноосвободителното... С. 77, 129, 204.

16 *Петров Т.* Нелегалната армия на ВМОРО в Македония и Одринско (1899–1908). София, 1993. С. 25–26.

17 АВПРИ. Ф. 151. Д. 1469. Л. 32.

18 *Амфитеатров А.* Страна раздора. Балканские впечатления. СПб., 1907. С. 90.

19 АВПРИ. Ф. 180. Д. 2021. Л. 107.

20 См. подробнее об этом: *Батаковић Д.* Истрага оружја у Ибарском Колашину 1901. године // Косовско-метохијски зборник. Београд, 1990.

- 21 АВПРИ. Ф. 180. Д. 2021. Л. 165–167 об.
- 22 Тимофеев А. Истоки косовской драмы. С. 52.
- 23 Пандев К. Националноосвободителни... С. 18–19.
- 24 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. М., 2000. Ч. 1. С. 272.
- 25 Петров Т. Ук. соч. С. 97–99.
- 26 Струкова К.Л. Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г. (Из донесений русских консулов) // Славянский архив. М., 1963. С. 272–273.
- 27 Владева Л. Официална България и Илинденско-Преображенското въстание 1903 г. // 90 години Илинденско-Преображенско въстание. София, 1994. С. 81.
- 28 Силянов Х. Указ. соч. С. 409, 425.
- 29 Подробнее см.: Исаева О.Н. Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония: вопросы истории и культуры. М., 1999. С. 72–99.
- 30 Исаева О.Н. Проблема Косово и Россия в начале XX века // Новая и новейшая история. Саратов, 2000. Вып. 19. С. 137.
- 31 Тимофеев А.Ю. Сербские четы в Старой Сербии (1904–1912) // Югославянская история в новое и новейшее время. М., 2002. С. 164–165.
- 32 Исаева О.Н. Мюрцштегский опыт... С. 90–91.
- 33 Австриски документи за историјата на македонскиот народ 1907–1908. Скопје, 1981. Т. 2. С. 110–111.
- 34 Цехмистренко С.П. Греция и македонский вопрос // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 206–208.
- 35 Петров Т. Указ. соч. С. 170–174, 176.
- 36 См., например: Тимофеев А. Истоки косовской драмы. С. 70. См. также: Ямбаев М.Л. Сербская политика в Македонии на рубеже XIX–XX вв. глазами русских консулов // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005. С. 214–222.
- 37 «Кроме вооружения сербских чет чиновники МИД в Косовском вилайете использовали сербских четников как одно из средств в борьбе за поддержание сербского населения в Старой Сербии. Благодаря этому сербский консул получал колоссальную неофициальную власть», – пишет А.Ю. Тимофеев (см.: Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга: Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912). СПб., 2007. С. 105).
- 38 Исаева О. Проблема... С. 142–144.

ГЛАВА 4

ХОРВАТСКИЕ ЗЕМЛИ И ВОЕВОДИНА

Хорватия и Славония. Во второй половине 60-х годов XIX в. югославянские территории империи Габсбургов в результате заключения двух договоров претерпели коренную политическую и административно-территориальную трансформацию. По австро-венгерскому соглашению 1867 г., превращавшему Австрийскую монархию в Австро-Венгрию, в состав Венгерского королевства (Транслейтании) помимо Венгрии вошли территории Трансильвании, Хорватии и Славонии, Воеводины, Закарпатской Украины и город Риека. Австрийскую часть монархии (Цислейтанию) составили Верхняя и Нижняя Австрия, Штирия, Каринтия, Тироль, Зальцбург, Форарльберг, Крайна, Горица и Градишка, Триест, Истрия, Далмация, Богемия, Моравия и Силезия, Галиция и Буковина.

Королевство Хорватия и Королевство Славония, независимые друг от друга административные единицы венгерской части Австрийской империи, по венгерско-хорватскому соглашению 1868 г. объединялись в новое Королевство Хорватия-Славония короны св. Стефана*. Королевство Хорватия-Славония состояло из Гражданской Хорватии (или банская Хорватия, находившаяся под управлением бана) и включала три округа (Загребский, Вараждинский и Крижевацкий), и Гражданской Славонии (Вировитицкий, Пожегский и Сремский округ). Территориально Хорватия и Славония не были еди-

* Хорватские территории сохраняли очень скромные атрибуты государственности: территорию, границы и, на местном уровне – законотворчество и управление внутренними делами. Исполнительной властью для Хорватии являлись венгерские министерства, полностью контролировавшие хорватскую экономику. Зависимость всех сфер внутривнутриполитического жизни от венгерского правительства и венгерского министра-председателя была настолько велика, что хорватско-славонские отделы в совместных министерствах, предусмотренных соглашением, вскоре прекратили свое существование. Автономные права Хорватии и Славонии выражались в том, что главой правительства Хорватии являлся бан, назначаемый императором по представлению венгерского премьер-министра. Он мог обращаться к австрийскому императору, но только при посредничестве венгерского министра по хорватским делам. Статья 52 австрийской конституции власть бана определяла как исключительно гражданскую (т.е. она не могла соединяться с военной властью). Хорватия и Славония были практически полностью исключены из участия в законодательных и исполнительных органах власти Австрийской империи: в состав венгерской делегации (60 депутатов) в имперский парламент – рейхсрат – входили только пять депутатов от Хорватии и Славонии, причем избирал их не парламент Банской Хорватии – сабор, а венгерский парламент. Хорватский сабор должен был практически без обсуждения принимать законопроекты венгерского парламента.

ны, их разделяла Военная Граница*. Хорватия получила возможность соединиться со Славонией после издания императорского рескрипта от 8 января 1881 г., согласно которому территория демилитаризованной Военной Границы объединялась с Хорватией и Славонией в венгерскую административно-территориальную единицу Королевство Хорватия и Славония. Таким образом после ликвидации Военной Границы Королевство Хорватия и Славония было расширено на значительную часть сербского пространства, поскольку население Военной Границы на 90 % состояло из сербов¹.

В конце XIX – начале XX вв. Королевство Хорватия-Славония являлось гетерогенным в национальном отношении территориями без выраженного хорватского характера населения в славонской и сремской части. В 1890 г. население Загреба составляло 40 000 человек, из которых четверть приходилась на иностранцев, в первую очередь, немцев. Немецкий язык был доминирующим в употреблении даже на бытовом уровне семей, не являвшихся по происхождению немцами.

В австрийской монархии перепись населения проводилась каждые десять лет, но этническими показателями являлись вероисповедание и родной язык. В 1890 г. население Королевства Хорватии-Славонии составляло 1 841 000 человек, в 1910 г. более 2 600 000, из них римокатоликов различного национального состава было 1 863 847 (с 1869 по 1910 г. отмечается увеличение католического населения на 600 000 чел.), римокатоликов-славян (сербов, буневцев, шокцев и хорватов) – 1 550 000, православных – 649 453 чел. Особенно увеличилось венгерское население: если по переписи 1880 г. венгров насчитывалось 41 417, 1890 г. – 68 794, 1900 г. – 90 180, то в 1910 г. уже 103 000². Население Хорватии и Славонии на 84 % было крестьянским (наивысший процент в монархии), и после Истрии эти земли являлись наиболее отсталыми в экономическом отношении³.

После заключения венгерско-хорватского соглашения венгерское правительство развернуло систематическое политическое и экономическое наступление с целью подрыва его положений и интеграции хорватских территорий. В 1882 г. началась реорганизация финансового управления Королевства Хорватии-Славонии, включающая введение, помимо хорватских, венгерских символов (герба) и двуязычных надписей на вывесках зданий финансового управления. Кроме того, составной частью венгерской политики в отношении хорватского населения было немилосердное опустошение его карманов: так, например, за период с 1873 по 1883 гг. налоги выросли на 82 %⁴.

Меры венгерской власти вызвали массовые демонстрации протеста, показавшие, что венгерскую гегемонию хорваты воспринимают как тяжкое бремя, а нарушение условий соглашения – и без того несправедливого – как незаконное и насилие. Движение охватило практически всю банскую Хорватию, причем не только городские, но и широкие слои сельского населения. Из политических партий наиболее заметную роль в народ-

* К Военной Границе (Военной Крайне) принадлежали географические регионы Лика, часть Горского котара, Кордун, Бания, Крижевцы, Джурджевац с окрестностями и присавский пояс до Земуна. Военная Граница начала формироваться в XV в. в период продвижения турок на Балканы – к Славонии и Хорватии, находившихся под австрийским (венгерским) управлением. Задачей граничар была защита Австрийской монархии от Турции, взамен они объявлялись свободными от феодально-кметских повинностей. С 1630 г., когда император Фердинанд II даровал граничарам Диплом, территория Военной Границы находилась под прямым управлением Вены (до 1881 г.). (См. Илић Ј., Николић Д., Влаховић П., Кицишев С... Срби у Хрватској: населјаванје, број и територијални размештај. Београд, 1993. С. 26.).

ных волнениях сыграли сторонники Партии права (праваши)*. Волнения перешли в широкое крестьянское антивенгерское движение. Крестьяне протестовали против высоких налогов, принудительных мер изъятия задолженностей, ростовщичества, коррупционности чиновников, а также против венгров вообще. Его подавление стало главной задачей венгерской власти – для этого на хорватских территориях был назначен военный комиссар – генерал Х. Рамберг, силами армии справившейся с народными бунтами.

Упомянутые события повлекли за собой изменения на хорватском политическом поле. Прежние баны, И. Мажуранич (1873–1880) и Л. Пеячевич (1880–1883) не являлись прямыми экспонентами венгерского правительства, они были связаны с хорватскими политическими силами и посредством правящей Народной партии, несмотря на вынужденные уступки, доступными средствами пытались сохранить хорватскую автономию. Новый же бан Куэн-Хедервари (1883–1903) был проводником исключительно интересов Венгрии (также он пользовался особым доверием австрийского императора). Идеологической основой правления бана Куэна служили два тезиса: сильное, единое и неделимое венгерское государство может существовать лишь в рамках Габсбургской монархии как великой державы; венгерской политической элите необходимы поддержка австрийского двора и австро-германских правящих кругов.

Для сохранения системы дуализма Куэн-Хедервари на хорватских территориях использовал такие методы, как борьба с национальными политическими движениями административно-полицейскими мерами (вне закона объявлялась любая оппозиционная, по сути, политическая деятельность); допускалась лишь активность в культурно-просветительной сфере, но и она рассматривалась как потенциально опасная для власти, поскольку была неотделима от процесса национального возрождения. В практическом плане Куэн-Хедервари своей задачей считал не допустить присоединения Далмации к Хорватии-Славонии и способствовать обособлению Славонии.

Основой работы Куэна-Хедервари стал лозунг «сильное управление» – т.е. формирование административной системы, позволяющей осуществлять неуклонное наступление на автономные права Хорватии-Славонии, а также принцип «разделяй и властвуй», который нашел отражение в мерах по разделению сербов и хорватов путем некоторых уступок и обещаний первым. Итогом должна была стать денационализация Хорватии-Славонии, сведение хорватского национального самосознания до географического уровня и превращение Хорватии-Славонии в несколько областей единого венгерского государства.

Куэн-Хедервари развернул систематическое наступление на Соглашение 1868 г. В период с 1884 по 1887 гг. был проведен ряд законов (о реорганизации судебной системы и управления, об отмене суда присяжных для типографских правонарушений, новый регламент работы сабора и закон о выборах), в результате которых, во-первых, чиновничий аппарат превращался в дисциплинированную армию, которая на всех уровнях –

* Формирование политических партий в Хорватии-Славонии началось в начале 60-х годов XIX в., и до конца XIX – начала XX вв. на ее политическом пространстве появились Народно-конституционная партия (Narodno-ustavna stranka, 1861–1873), Народно-либеральная партия (Narodno-liberalna stranka, 1861–1873), Самостоятельная народная партия (Samostalna narodna stranka, 1863–1866), Партия права (Stranka prava, 1861–1895), Народная партия (Narodna stranka, 1873–1906), Независимая народная партия (Neodvisna narodna stranka, 1880–1903), Сербская народная самостоятельная партия (Srpska narodna samostalna stranka, основана в 1881).

от сабора до органов общинного самоуправления – выполняла задачу подавления оппозиционной активности. Во-вторых, зависимые от власти суды превратились в средство для расправы с оппозиционными изданиями – в результате оппозиция открыто могла проявить себя лишь в саборе. В-третьих, Куэн-Хедервари установил свои правила и в саборе, поскольку новый регламент передал в руки председателя сабора абсолютную власть, который с помощью проправительственной партии не допускал проявлений оппозиционных настроений. Кроме того, Народную партию Куэн превратил в послушный инструмент своего режима и, по сути, она прекратила существование как партия. Таким образом в хорватском саборе оказался мощный административный ресурс венгерской власти, подпитываемый ее благосклонным вниманием в виде включения в систему управления и предоставления экономических привилегий вплоть до сотрудничества с собственным банком Куэна-Хедервари. В результате он настолько преуспел в плане создания системы административного давления и коррупции, что Народная партия утратила следы самостоятельной позиции.

В-четвертых, по новому закону о выборах формировалось саборское большинство, послушное инструкциям бана. Высокий ценз и другие меры привели к тому, что правом голоса располагали всего 2 % населения, что стало своеобразным антирекордом в Европе. При этом правом голоса обладали и чиновники венгерских учреждений, которые наряду с собственно хорватскими чиновниками составляли значительную часть избирателей. Более того, Куэн-Хедервари применил систему «выборной геометрии» – территориальной реорганизации избирательных округов в ущерб тем регионам, в которых предположительно победу могла одержать оппозиция. Избирательный срок продлевался с трех до пяти лет, голосование было открытым – т.е. сторонник оппозиции тут же становился известен.

В экономическом плане в 1889 г. квота в 45 %, определенная соглашением 1868 г. от суммы прямых и косвенных налогов, предназначенная Хорватии-Славонии для покрытия собственных нужд, сокращалась до 44 %. Это положение сохранилось до распада монархии⁵.

С 80-х годов XIX в. на политическом поле Хорватии-Славонии основными являлись три хорватские политические партии – Народная партия, Независимая народная партия и Партия права, а также Сербская народная самостоятельная партия.

Духовными вождями Народной партии Хорватии были видные представители римско-католического духовенства – джаковский архиепископ Йосип Юрай Штроссмайер и историк, каноник Франьо Рачки. Паства архиепископа насчитывала около 300 000 верующих, под его управлением находились приходы с общим доходом более 1 млн форинтов ежегодно, так что джаковский владыка мог оказывать партии не только моральную, но и солидную материальную поддержку. Штроссмайер утверждая, что культура является основой успешной политической работы, что нет и не может быть политического единства народа без необходимой предпосылки – культурной общности⁶, финансировал ряд культурных учреждений – Югославянскую академию наук и искусств, университет и Галерею искусств. Его целью было превратить Загреб, а не Белград, в культурно-политический центр «народного единства югославян»⁷.

По структуре Народная партия не была гомогенной: оппозиционный блок в ее составе (неоформленный официально), представляли «староунионисты»* – в основном это была оппозиция одиночек, неудовлетворенных вторыми ролями в политической

* Унионистами назывались сторонники Народно-конституционной партии, которыми в основном являлись крупные землевладельцы, выступающие за союз с Венгрией.

жизни. Лидером «староунионистов» являлся известный публицист М. Маканц, подвергавший резкой критике политику Народной партии за отказ от концепции федерализма в рамках монархии и также разнородную структуру партии, объединявшую людей с разным политическим прошлым и настолько различными представлениями о будущем хорватского народа, что он ставил под сомнение право партии представлять хорватский народ и именовать себя «народной».

Независимая народная партия появилась в 1880 г. в результате раскола в Народной партии в связи с разногласиями в отношении политики мадьяризации хорватского пространства. Печатным рупором «независимцев» стала газета «Obzor» («Обзор»), в связи с чем членов партии именовали также обзорашами. Среди лидеров партии были такие видные общественно-политические деятели, как М. Мразович, К. Войнович, Ф. Врбанич, к которым вскоре присоединился и Ф. Рачки. Партию поддерживал также архиепископ Штроссмайер, в этой связи партия привлекла в ряды своих сторонников круги интеллигенции, разделяющие идеи Штроссмайера, а также римско-католическое духовенство. В целом партия носила умеренный оппозиционный характер. Ее программа содержала пункты о полной автономии Хорватии, Далмации и Риеки в рамках венгерской части монархии, борьбе против мадьяризации хорватских органов власти и общественных институтов и, по сути, являлась переходной ступенью от дуализма к триализму (формирование третьей, югославянской, государственной единицы Габсбургской монархии). Партия не отказывалась от сотрудничества с другими политическими силами и не впадала крайность беспредельной уступчивости венгерскому правительству, подобно Народной партии. Однако массовой, широкой поддержки народа эта партия не снискала. Со временем отчетливо проявилось ее стремление к сотрудничеству с Партией права (однако против этого был лидер Партии права А. Старчевич, находящийся в остром конфликте со Штроссмайером, Старчевич вообще предпочитал не сотрудничать с другими политическими организациями).

Превращение Народной партии в средство реализации политики Куэна-Хедервари лишило хорватское политическое поле силы, защищающей хорватскую автономию хотя бы на базе соглашения 1868 г. В 1885 г. была создана центристская политическая группа – Центрум – во главе с И. Драшковичем, выступающая за соблюдение соглашения и за реализацию национальных прав хорватов в его рамках. Опираясь Центрум на венский двор, рассчитывая на покровительство императора Франца Иосифа. Практически все депутаты Независимой народной партии перешли в лагерь Центрума, партия практически перестала существовать, но и Центрум, не получив столь ожидаемого содействия императора, который, напротив, поддерживал Куэна-Хедервари, распался через год после своего создания.

Ключевым вопросом хорватской национальной политики в конце XIX в. являлась проблема объединения территорий. На путях к поиску путей осуществления задач территориального единства и создания единого хорватского государства перед хорватскими политическими кругами сразу же возникла главная дилемма: способны или нет хорваты разрушить монархию или, по крайней мере, переустроить ее на основе федерализма? Перспектива федерализации Австро-Венгрии выглядела более реалистично, нежели ликвидация монархии как таковой. Лидеры Партии права Анте Старчевич и Эуген Кватерник осью своей политической деятельности избрали идею реализации хорватских интересов посредством «огосударствления» хорватской нации на основе «хорватского исторического государственного права»⁸. По венгерскому примеру, когда на территории

Венгрии признавалось существование лишь одной, венгерской «политической нации», Старчевич и Кватерник сформировали доктрину о существовании «одного-единственного хорватского политического народа». Теория государственного права хорватов с течением времени стала представлять большую опасность для сербского населения, составлявшего в Хорватии-Славонии и Далмации от одной трети до почти половины населения, особенно в Военной Границе, где сербов было подавляющее большинство⁹.

Идеологию хорватского национализма в публицистических трудах сформулировал А. Старчевич – культовая фигура хорватской национально-политической жизни. Политическая идеология Старчевича – противника западной цивилизации, анархии, революции и абсолютной демократии – основывалась на простых и ясных формулах. Таковыми являлись тезисы «свободная, независимая, объединенная Хорватия», «Бог и хорваты», «восстановление хорватского исторического государственного права», «в Хорватии существует лишь один политический народ», «ни с Веной, ни с Пештом, но с законным хорватским королем», «в Хорватии не признается ни сербская национальность, ни сербское имя», «самый большой враг Хорватии – Австрия», «хорваты должны позаботиться о себе, славянство их не касается» и т.п. Его национализм сводился к отрицанию всего того, что, по его мнению, не является национальным, он хотел «защитить хорватский дух от всего чуждого» и создать свой идеал «хорвата-гражданина» (Старчевич в определенном смысле стал творцом «*civis croatus*»).

Спецификой основанного им правашского движения стало соединение в его идеологии государственно-правового историзма, национализма (вплоть до шовинизма) и легитимизма¹⁰. Идеологию, ориентированную на славянство или «славянское братство», Старчевич осуждал самым решительным образом, полагая, что «это пустые слова, у этих фантазий нет никаких оснований в прошлом и перспектив в будущем». Он утверждал, что все южные славяне, соответственно, и сербы в Сербии, являются хорватами¹¹ и ввел в политический оборот термин «славосербы» (от лат. «*sclavus*» и «*servus*»). Оспаривая этнический характер наименования сербского народа и с претензией на серьезный исторический труд он пытался в ином свете объяснить историю хорватского народа, отстаивая право хорватов на «реставрацию прежней исторической государственности», в ходе создания которой был подчинен и с помощью христианства «абсорбирован» народ – «раб-пленник-кмет» (т.е. сербы). В целом характер правашского движения был непримиримо антисербским, сам Старчевич стал основоположником хорватского эксклюзивизма, генетически обусловившего возникновение впоследствии фашистского усташского движения. В свете событий Второй мировой войны зловещим предзнаменованием выглядят слова Кватерника: «Ах эти сербы – нож в горле моего народа!»¹². Являясь рассадником идеологии хорватской национальной исключительности, Партия права ознаменовала собой поворот к идеологии построения этнически чистого хорватского государства. Под последним правашами подразумевали территорию практически всего югославянского пространства, где сербам, словенцам и мусульманам Боснии и Герцеговины предстояло, по представлениям идеологов партии, ассимилироваться в хорватов¹³.

Правашское течение времени Старчевича не было политической партией в полном смысле, скорее оно являлось общественно-значимым национальным явлением, движением национальных традиций и национальных ожиданий. Партии так и не удалось четко сформулировать свою программу, ее лидеры оставались верны двум основным столпам своей политической идеологии – хорватской национальной идее и отрицанию существующей государственно-правовой системы.

Социальную программу партия практически игнорировала, в том числе и острый аграрный вопрос, не рассматривая возможность проведения земельной реформы с наделением крестьян землей. Она концентрировалась лишь на национальной и государственно-правовой сфере. Однако Старчевич говорил об экономической отсталости хорватских территорий, росте налогообложения и общем обнищании населения. Идеология партии включала также пункты о сохранении традиционного социального порядка (семейной задури), сопротивлении индустриальной цивилизации и учениям социалистического толка, недопущении раскола нации в виде классовой борьбы, расширении гражданских свобод, введении всеобщего избирательного права, самоуправлении общин и выборов приходского духовенства и епископов.

Интересна позиция Старчевича относительно роли и места римско-католической церкви в жизни хорватского народа. С одной стороны, в его идеологии ясно прослеживается антиклерикальная линия, он полагал, что «всем своим несчастьям хорваты обязаны попам»¹⁴. С другой – как бывший священник он оставался убежденным католиком, и в его идеях особенно важной представляется обоснование исторической миссии римско-католической церкви в «растворении с ее помощью в хорватской среде пришлого сербского населения».

Политическая борьба осложнялась тем, что на выборах в сабор административный ресурс власти бросался на поддержку кандидатов проправительственной Народной партии, а в отношении избирателей применялись методы прямого запугивания и подкупа. Это приносило результаты: силы хорватской оппозиции в парламенте были значительно ослаблены. Следствием стал выход правашей за стены сабора: идеи Партии права о независимом хорватском государстве и суверенности хорватского народа получили распространение среди мелкой буржуазии, а также молодежи. Появление на хорватском политическом поле «правашской молодежи» (правашская оmlадина), которая активно заявила о себе в ходе Народного движения 1883 г., привнесло в жизнь хорватов новый дух и острый интерес к актуальным общественно-политическим вопросам современности.

В 1881 г., после присоединения Военной Краины, в Хорватии и Славонии с целью защиты сербской национальной индивидуальности и равноправия сербов и хорватов, католической и православной церковью, была основана Сербская народная самостоятельная партия. Сербская оппозиция сгруппировалась вокруг газеты «Србобран», выдвинув требование предоставления сербам церковно-школьной автономии и ревизии венгерско-хорватского Соглашения. Партия поддерживала требование хорватских политических кругов об объединении Хорватии и Славонии с Далмацией, однако позиции сербских и хорватских политических сил в Хорватии-Славонии разошлись по ряду вопросов – оккупации Боснии и Герцеговины, школьной реформы бана Мажуранича и антисербской пропаганды правашей. Югославизм Независимой народной партии также вызывал у сербской общественности недоверие, в том числе в связи с влиятельным положением в ней римско-католической иерархии, воспринимавшейся как угроза политической и экономической основе жизни сербского народа – церковно-школьной автономии. Опасность заключалась и в политике мадьяризации территории Хорватии-Славонии. Однако, несмотря на совпадение интересов сотрудничества Сербской народной самостоятельной партии с хорватскими политическими силами не получилось – хорватские претензии на Боснию и Герцеговину привели к отказу сербской партии от идеи присоединения Далмации к Хорватии-Славонии и сосредоточении исключительно на сербских интересах. В этом направлении в 1884 г. сабор принял закон о церковно-школь-

ной автономии (самостоятельное решение вопросов, касающихся церкви и школьного образования, на церковных соборах, финансирование православных церкви и школы из бюджета, равноправие кириллицы и латиницы). В том же году сербские депутаты сабора в целом поддержали экспозитуру Куэна-Хедервари – Народную партию. Сложившийся расклад политических сил сохранялся до окончания правления Куэна-Хедервари в практически неизменном виде¹⁵.

Давление Куэна и – во внешнеполитическом плане – ослабление позиции России на Балканах привели практически к исчезновению идеи общей хорватско-сербской борьбы против монархии под российским патронатом и к значительному подрыву сил хорватской оппозиции в саборе. На выборах 1887 г. праваша потерпели поражение. Фактически с хорватской оппозицией венгерская власть справилась, превратив ее в неопасную для режима группу.

После падения в 1890 г. венгерского правительства К. Тиссы, а спустя три года – австрийского правительства Э. Таафе в монархии наступил период внутренних кризисов. Кризис дуализма охватил период с 1890 по 1903 гг., барьером, отделившим нестабильность от тяжелых потрясений, стал 1895 г. С одной стороны, в Венгрии на власть остро нападала Независимая партия, с другой – ситуацию усугубляли австро-германские столкновения. Общественно-политическая жизнь Хорватии-Славонии в 90-х годах XIX в. в целом ознаменовалась конфликтом между сербскими и хорватскими политическими элитами, в ходе которых в ход шли все средства – отрицание существования сербского/хорватского народов, приписывание культурных достижений лишь одному из них, взаимные распри, претензии и т.д.

В 1892 г. бан Куэн-Хедервари создал финансовую основу для своего режима: при помощи венгерского и германского капиталов был основан Ипотечный банк, находящийся под контролем венгерского правительства и получивший статус привилегированного относительно местных банков. Более того, он являлся монополистом на ипотечное кредитование, составляющее основу банковских операций в аграрной стране. Кроме того, фонды всех местных органов власти Хорватии-Славонии направлялись исключительно в Ипотечный банк. Свое монопольное положение он сохранил до 1907 г.

Кризис дуализма и рост социальной дифференциации (рост числа торговцев и ремесленников, отмежевавшихся от крестьянства и в большинстве своем выдающих займы под проценты) привели к сужению социальной основы сторонников правашей. Утверждение о том, что Партия права представляет интересы всего народа, стало беспочвенным. Изменение социально-экономической ситуации привлекло в ряды правашей римско-католическое духовенство, в основном, молодого возраста, старшее поколение больше поддерживало Независимую народную партию. Почти все католическое духовенство, кроме верхушки, зависимой от власти, находилось в оппозиции – связано это было с усилиями венгерского правительства по проведению церковной реформы, прежде всего, по введению гражданского брака. Опасения, что реформы затронут хорватские территории, способствовало оппозиционным настроениям духовенства¹⁶.

Партия права, продолжавшая отстаивать идею создания самостоятельного хорватского государства (не связывая при этом его существование с монархией Габсбургов) рассматривалась в Вене как «изменническая». Ярлык, приклеенный властью, принес партии дополнительные сложности в ее деятельности. Тогда группа правашей, сторонников так называемого современного правашства, выдвинула инициативу приспособле-

ния Партией права ее политической программы к существующей политической ситуации и избавления, таким образом, от характеристики «изменников».

С 1891 г. особенно активно эту идею проводили в жизнь Фран Фолнегович и Йосип Франк, каждый на свой манер. Фолнегович прилагал все силы для трансформации партии и превращения ее в мощную и твердо организованную всенародную партию. И небезуспешно – партия действительно расширила свои ряды среди хорватского народа, включая Далмацию и Истрию. Тогда Фолнегович считал, что настало время «реальной политики» и попытался наладить контакт с правящими кругами Вены, чтобы «изнутри монархии» работать над осуществлением идеала единой Хорватии. Последняя, по его мнению, отвечает жизненно важным интересам империи Габсбургов, поэтому Хорватия должна стать опорой династии против итальянцев и сербов¹⁷.

Одновременно в партии появился человек, полностью изменивший ее идеологию и политическую практику – Йосип Франк*. Его вхождение в партийные ряды было связано с экономическими мотивами – он обещал поправить тяжелое материальное положение изданий партии, и руководство решило передать главный печатный орган партии, газету «Hrvatska» («Хрватска»), в его руки, т.е. доверили газету человеку, не разделявшему идеи Партии права. Именно тогда, в 1890 г., начался процесс превращения Партии права в свою полную противоположность – франковскую партию (франковцы). При этом Франк использовал имя и авторитет Старчевича, подчинив его, уже к тому времени тяжело больного и пожилого человека, своему влиянию. Таким образом Франк не только фактически уничтожил изначальную Партию права, но, более того, ему удалось убедить большинство членов партии и ее сторонников в том, что именно он отстаивает «чистоту» идей Старчевича.

Франк также стремился убедить правящие круги Австрии, что партия является продинастической и может быть полезной монахи, а ее деятельность не противоречит интересам ни Австрии, ни Венгрии (Старчевич всегда выступал категорически против подобного подхода, полагая, что государственно-правовые изменения в монархии после 1848 г. являются незаконными). С этого времени от прежнего правашства остались лишь формальные лозунги. Франк утвердил новое направление развития Хорватии – «стать мостом, по которому Австрия вступит на Балканы». Он также инициировал систематическую антисербскую пропаганду и антисербскую деятельность Партии права.

Изменения в идеологии партии заключались в том, что от ультрарадикальной антидуалистической оппозиции партия трансформировалась в «мягкую» оппозицию Куэну-Хедервари. «Современные» праваша взяли курс на объединение с обзорашами (реанимировавшими себя как партия после распада Центрума Драшковича), переговоры

* Йосип Франк – адвокат, независимый депутат сабора с 1884 г., известный в промышленно-финансовых хорватских кругах как специалист по финансовым отношениям Венгрии и Хорватии. Он отстаивал тезис о финансовой самостоятельности хорватских территорий, но его идеи не имели ничего общего с Партией права, он был сторонником Центрума И. Драшковича, его доктрины «чистоты Соглашения 1868 г.» и необходимости формирования хорватского правительства из числа лояльной династии хорватской аристократии. Франк был одержим идеей политического лидерства и потому присоединился к самой популярной на хорватских территориях партии. Если еще в 1889 г. он остро нападал на Старчевича, то уже в следующем году он стал членом его партии (Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskog naroda g. 1860–1914. Zagreb, 1968. S. 145.)

с которыми закончились в 1894 г. принятием общей программы. В качестве основного принципа деятельности она декларировала «хорватское государственное право», а своей главной задачей ставила использование законных средств для того, чтобы хорватский народ, проживающий в Хорватии, Славонии, Далмации, Риеке с окрестностями и Междумурье, Истрии и Боснии и Герцеговине, объединился в единое государственное образование в рамках Габсбургской монархии. Это было компромиссное решение: обзорши перешли на позицию правашей относительно предполагаемых границ хорватского государства, правашаи, в свою очередь, согласились решать хорватский вопрос в рамках монархии. Однако именно в этот момент Франк неожиданно выступил против, положив начало острым дискуссиям, перешедшим в серьезные столкновения двух партий. Так была ликвидирована опасность для режима Куэна-Хедервари со стороны так, по сути, и не сложившейся объединенной хорватской оппозиции. Сама же программа, нечто среднее между дуализмом и триализмом, являлась основой деятельности хорватских оппозиционных групп вплоть до ликвидации монархии.

В июне 1894 г. была предпринята попытка создания единой Партии права «всех хорватских территорий», однако реализации этих планов неизменно противостоял Франк, взявший в свои руки руководство партией в Загребе. Внутренние конфликты привели к попытке Фолнеговича, а также далматинской и истринской группы правашей отстранить Франка от руководства. Однако именно в это время произошло событие, использованное Франком для контрнаступления. В ходе визита австрийского императора Франца Иосифа в Загреб в сентябре 1895 г. загребская молодежь, в основном студенты, провела акцию сожжения венгерского флага (перед памятником бану Елачичу), чтобы продемонстрировать то, что Хорватия не является покорной венгерской провинцией*. Хорватская общественность студенческую акцию приветствовала единодушно, хотя сами ее участники подверглись репрессиям со стороны властей – арестам и исключению из университета. Правда, большинство исключенных студентов затем продолжило обучение в Пражском университете, впитав там еще более радикальные политические идеи**.

Фолнегович, исходя из опасений, что акция протеста подорвет его усилия по приходу партии к власти на основе умеренной оппозиционной платформы и в целом по созданию продинастического образа, выступил с осуждением действий молодежи. В результате в рядах партии в 1895 г. произошел раскол: из ее рядов вышли Франк, А. Старчевич, М. Старчевич и Э. Кумичич, основавшие клуб Чистой (Истинной) партии права, а затем создавшие новую – Чистую партию права (ЧПП или франковцы, 1895–1910)¹⁸. Эта партия встала на наиболее экстремистскую позицию в отношении сербского народа и создания «единого независимого хорватского государства, объединяющего все принадлежащие хорватам на основе исторического права территории». ЧПП стала издавать газету «Hrvatsko pravo» («Хорватское право»), оставившая

* Этой акции предшествовали антисербские демонстрации, вызванные появлением сербского флага на здании православной церковной общины.

** Самый глубокий след оставили идеи чешского профессора Т. Масарика, который предложил заменить революционные меры умеренной оппозицией, «большую политику» – теорией «малых дел», полагая залогом успеха национально-политической борьбы кропотливую, каждодневную социально-культурную работу в народной среде. Также одной из основных концепций Масарика было выдвижение идеи славянской солидарности в противовес германскому «Drang nach Osten».

за собой прежнее название – Партия права (1895–1903), которую возглавил Фолнегович – газету «Хорватское отечество» («Hrvatska domovina»), в связи с чем за последними закрепилось название домовинаши.

Между двумя группами правашей разгорелась беспощадная борьба, в которой каждое крыло пыталось присвоить себе авторитет А. Старчевича. При этом франковцы вначале склонились к либеральному направлению, а домовинаши – к клерикальному. С течением времени сильнее всего проявило себя клерикальное направление, на сторону которого постепенно перешел и Франк¹⁹.

В феврале 1896 г. умер Анте Старчевич. Правашские партии, существовавшие после 1895 г., представляли собой взаимно конфликтующие течения, ни одному из которых не удалось приблизиться к его влиянию и авторитету. Дальнейшая идейная эволюция франковцев и домовинашей заключалась в том, что Фолнегович постепенно склонялся к дуализму, а Франк уверенно дрейфовал к безусловному подчинению Вене. Со временем бановинское правашство свелось только к франковскому движению.

Период 1883–1903 гг. стал временем крайнего обострения сербско-хорватских отношений. В Хорватии сербские политические факторы во многом поддерживали Куэна-Хедервари, который, в свою очередь, старался превратить их в послушный инструмент своего режима. Хорватские правашские круги изображали сербов как «врагов свободы хорватов», сербы в ответ на усиление хорватской политики в Боснии и Герцеговины и в Приморье видели «руку Вены» и обвиняли хорватов в «прислуживании Австрии»²⁰.

Начало XX в. в монархии ознаменовалось резким обострением политической ситуации. Тяжелый внутренний кризис вызвали национальные столкновения в Чехии, конфликт австро-германских с венгерскими правящими кругами, новый виток мадьяризации, вторгшейся в культурно-просветительную сферу невенгерских народов, а также экономическое и политическое усиление Германии (вплоть до появления в монархии течения, нацеленного на распад монархии и присоединение к Германии немецких и славянских территорий).

В начале столетия Королевство Хорватия и Славония являлось одной из наиболее экономически отсталых территорий Австро-Венгерской монархии. Несмотря на то, что в первом десятилетии число индустриальных рабочих на его землях выросло на 90 тыс. чел., основой экономики оставалось сельское хозяйство²¹. Главная проблема заключалась в невозможности для крестьян приобрести землю, основную прибыль из сельхозпроизводства извлекали банки и иностранцы, в их руках оказались практически все значительные земельные владения. Население в основной массе беднело, крестьянство «увязало в векселях и ипотеках», становясь «рабами капиталистических банков и ростовщиков»²². Публицисты того времени отмечали: «иностранец, заклятый враг нашего рода, надменный венгр или лукавый немец, скупает земли наших крестьян и заселяет их, строит себе школы и вытесняет хорватов из Хорватии»²³. Слаборазвитая индустрия, большая часть которой состояла из иностранных предприятий с венгерским капиталом, не могла вместить всех нуждающихся в заработках. В результате около одной десятой части населения вынуждено было переселиться в более развитые страны. В целом в период с 1900 по 1914 гг. из Хорватии и Славонии за границу (преимущественно в США) переселилось около 230 000 чел.²⁴

На фоне сокрушительного поражения оппозиции на выборах 1901 г. на политическом пространстве Хорватии-Славонии наступили значимые перемены: политические процессы получили развитие в двух направлениях – образование новых партий и дви-

жений и слияние прежних политических групп; политически активные слои хорватского общества раскололись на два основных противоборствующих фланга – либерально-демократический и консервативно-клерикальный.

Новые идеи, вызревшие в среде весьма воинственно настроенной прогрессивной молодежи (напредна омадина, 1897–1903) выразились в отречении от правашской доктрины об исключительно хорватском характере хорватского пространства, выдвинув вместо нее тезис о единстве хорватов и сербов; взамен католической направленности хорватской культуры они обратились к критике римско-католической церкви и обличению клерикализма; отвергли прежнее культурное наследие и мировоззренческие ценности как «устаревшие» и обратились к их источнику за хорватскими пределами – к идее общеславянского единства или к либеральной идеологии²⁵. В 1896 г. была основана организация «Объединенная хорватская и сербская омадина». Печатным рупором ее идей стал альманах «Narodna misao» («Народная мысль»), на переломе веков выступивший с критикой существующей политической ситуации, основное внимание уделяя актуальной общественно-политической проблематике, но не обходя вниманием области науки, культуры и искусства.

Организационно прогрессивная молодежь оформилась в 1901 г. Через год домови-нашская Партия права и обзоршская Независимая народная партия соединились под именем Хорватская оппозиция, которая постепенно смягчила свое прежде неприязненное отношение к омадине. В 1903 г. Хорватская оппозиция продолжила деятельность под именем Хорватская партия права (Hrvatska stranka prava, 1903–1910) – так была оформлена партия, объединившая домови-нашеш, обзоршеш и омадину. Таким образом впервые после десятилетнего перерыва хорватская оппозиция было консолидирована (однако на очень краткий период).

Новая волна развития омадинского движения появилась в условиях борьбы хорватских городов против венгерского доминирования, развернувшейся в 1903 г. Тогда о своем протесте, как следует из донесений чиновников о волнениях в Загребе, заявили «не только студенты университета, но и дети в возрасте 10–14 лет, выступившие впереди всех, разбивая окна при поддержке интеллигентных слоев населения и журналистов». Среди агитаторов в донесениях как «особо агрессивный и опасный» отмечался С. Радич²⁶.

В том же 1903 г. в Хорватии-Славонии была создана Сербская народная радикальная партия (Srpska narodna radikalna stranka). Весной 1904 г. лидеры прогрессивной молодежи приступили к изданию собственной газеты «Pokret» («Движение»), тем самым продемонстрировав нежелание продолжать деятельность в рамках Хорватской партии права. В декабре 1904 г. была создана их собственная Прогрессивная партия (Napredna stranka или напредняки, 1904–1906), ставшая впоследствии главным союзником политики «нового курса» в Далмации. Тогда же, в декабре 1904 г. была основана и Хорватская народная крестьянская партия (ХНКП, Hrvatska pučka seljačka stranka) под руководством братьев Антуна и Степана Радичей.

Хорватская народная крестьянская партия отличалась и от «старых» партий, и от омадинского движения. Основы ее идеологии сформулировал А. Радич: основу народа составляет крестьянство; народную культуру следует поднять до уровня современной цивилизации; крестьянство должно стать главным политическим фактором; народная культура должна включить интеллигенцию, образованную в чуждом духе; основой народной крестьянской культуры является римско-католическая религия; между южными славянами следует развивать идеи братства и солидарности. В 1899 г. А. Радич

основал газету «Дом» («Дом»), сыгравшую важную роль в идейном оформлении ХНКП. В то время как Антун являлся идеологом партии, его младший брат Степан возглавил практическую политическую и пропагандистскую деятельность.

В национальном вопросе Радичи не поддерживали Соглашение 1868 г., выступали за федеративное переустройство Австро-Венгрии с созданием пяти бановин: альпийской (немецкой), польской, чешской, галицийской и хорватско-сербско-словенской. Центром последней бановины предполагался Загреб.

Расхождения С. Радича с омлидиной было обусловлено различным подходом к ряду вопросов: в то время как омладина уделяла значительное внимание социальной проблематике, Радичи относились к ней скорее негативно, осуждая социалистическое учение и идею революционных изменений общественных отношений, предпочитая мирную эволюцию и культурно-экономический прогресс народа. Тем не менее в целом братья Радичи выступали против имущественного расслоения в хорватском обществе и подвергали критике крупный капитал (особенно иностранный), считая необходимой проведение аграрной реформы с ограничением земельных владений до 300 га с выплатой компенсаций для тех, у кого излишки земли пришлось бы отрезать.

Объединяли Радичей с омладиной требования демократизации общественной жизни, осуждение политики оппозиции в «государственно-правовом направлении» и поддержка идеи хорватско-сербского единства²⁷. Так, ХНКП выдвигала требование о введении всеобщего голосования и была пронизана «народническими настроениями». Ее социальная опора – крестьянство – была несравнимо более сильной, нежели у напредняков, однако ее политическая деятельность была ограничена избирательным правом, исключавшим широкие народные массы из процесса участия в выборах. Именно в связи с ограниченной избирательной активностью населения взлет партии начался после реформы избирательной системы 1910 г., а в общем югославянском государстве, созданном в 1918 г., ХНКП стала ведущей политической силой хорватов²⁸.

Социал-демократическое движение получило развитие на территории Срема, восточной Славонии и Хорватского Загорья. Оно выразилось в создании осенью 1894 г. Социал-демократической партии Хорватии и Славонии, первой югославянской социалистической партии. В 1895 г. был проведен первый конгресс Социал-демократической партии Хорватии и Славонии, принявший проект программы партии. В основном он базировался на Эрфуртской программе германской социал-демократии, но в отличие от нее включал требования о легализации профсоюзов, а также национальную и аграрную программы. Кроме того, процесс перехода от капиталистической к социалистической стадии развития предполагался не революционным путем, а исключительно легальными средствами. В национальном аспекте проект содержал пункты о расширении хорватской автономии, необходимости культурного единства югославян и отрицал какое бы то ни было национальное или религиозное доминирование одного народа. Социалисты были единственными, кто последовательно отстаивал идею хорватско-сербского сотрудничества. Программа была принята на втором конгрессе партии в 1896 г. и оставалась в силе до 1914 г.²⁹

Примечательно, что Й. Франк попытался взять под свой контроль и социалистическое движение в Хорватии-Славонии. Так, в 1895 г. он основал альтернативную, националистическую организацию хорватских рабочих, целью которой была, во-первых, борьба с социалистами, а во-вторых, превращение движения в еще одну франковскую организацию. В противовес Франку домовинаши, влияние на которых оказало римско-

католическое духовенство, основали христианско-социальную организацию по примеру схожих объединений в Австрии и Словении. Также противниками социалистической идеи выступала прогрессивная молодежь.

В 1895 г. возникло крестьянское социалистическое движение в Среме, определяющую роль в котором сыграл известный сербский социалист Васа Пелагич. Однако власть Куэна-Хедервари беспощадно расправилась с социалистическим движением в Хорватии-Славонии посредством проведения судебных процессов («митровский процесс») над членами загребского руководства социалистов. Хотя обвинению не удалось доказать ни одного пункта обвинительного заключения, обвиняемые, включая лидеров движения И. Анцела и В. Корача, были осуждены на тюремное заключение.

Политическая деятельность католической церкви. Принципиально новым явлением в общественно-политической жизни Хорватии стал клерикализм – стремление высшей римско-католической церковной иерархии получить доступ к контролю и управлению общественно-политическими процессами. Начало этому новому политическому явлению положил 1897 г., когда в рамках домовинашко-обзорашской коалиции с целью противостояния напреднякам и социалистам была сформирована самостоятельная клерикальная организация.

Несмотря на выдвижение к началу XX в. на первый план общественно-политической жизни светской интеллигенции, роль духовенства по-прежнему оставалась решающей. Клир контролировал такие сферы, как национальное просвещение, политическую борьбу в ходе избирательных кампаний и организации национального характера³⁰. Таким образом, единственным влиятельным представителем политических интересов хорватского народа в тот период, как подчеркивает современный хорватский историк Ю. Кришто, являлась католическая церковь, представители которой успешно отбивали критику, утверждая, что недовольство народа обусловлено либо бюрократией, либо коррупцией. Либеральные же круги выражали уверенность в «оглуплении» народа духовенством и его «противодействии прогрессу», церковные иерархи, напротив, были уверены в том, что «прогресс несет в себе неминуемую гибель»³¹.

Однако в целом распространение к началу XX в. либерализма и неразрывно связанного с ним антикатолицизма (и – более широко – антихристианства) на хорватских землях заметно ослабили положение католической церкви. Большинство представителей клира, столкнувшись с этим явлением, не знали и не могли знать, как следует реагировать на это новое явление. Однако римско-католическая церковь не осталась сторонним наблюдателем попыток низвести ее влияние в обществе. Охарактеризовав либеральные движения «изошренными спекуляциями идеальными понятиями просвещения, прогресса и свободы»³², представители католической иерархии предприняли «контрнаступление» с целью расширения общественно-политического, социального и культурного влияния церкви. Новые идеи должны были обрести практическое применение, и этой цели был подчинен Первый общехорватский католический конгресс (Загреб, 3–5 сентября 1900 г.).

Конгресс стал точкой отсчета в организационно-идеологическом оформлении хорватского католицизма и получил как у современников, так и у последующих исследователей характеристику создателя «клерикальной программы на весь XX в.»³³. Принци-

пиальным отличием деятельности клира в XX в. от предыдущего периода стал выход из рамок политических партий, самостоятельная общественно-политическая деятельность вплоть до усилий по постановке политических партий под свой контроль.

Боснийский архиепископ Йосип Штадлер, определивший путь развития хорватского национального движения в Боснии и Герцеговине, сформулировал основные цели клерикальной деятельности – закрепление консервативного клерикального компонента в идеологии хорватского национального движения. Аргументируя необходимость проведения католических съездов, Штадлер указывал, что «поздно готовиться к войне, когда она уже идет, если хочешь стать героем в войне, готовься к ней во время мира... Католические конгрессы – это боевые учения для подготовки к войне»³⁴. Он, приняв на себя роль флагамена хорватского национального движения, взял курс на слияние политического клерикализма и общественно-политической жизни, при этом вся последующая религиозно-политическая деятельность боснийского архиепископа стала носить ярко выраженный воинствующий характер.

Для участия в работе Первого общехорватского католического конгресса в небывалом количестве собрались хорватские прелаты: Загребский архиепископ Юрай Посилович, Джаковский архиепископ Йосип Юрай Штроссмайер, епископ острова Крка Антун Махнич, Люблянский епископ Антун Еглич, епископ Дубровника Йосип Марцелич, Боснийский архиепископ Йосип Штадлер и др. На первом торжественном заседании присутствовало 5 тыс. человек³⁵.

На конгрессе были поставлены три основные задачи: отделение католиков от «гибельных» либеральных и революционных течений, определение религиозно-национальной программы хорватского народа и поиск наиболее эффективных методов ее реализации. В целом была сформулирована общая парадигма общественно-политической практики римско-католической церкви на югославянском пространстве.

Так, для решения вопроса о территориальных границах хорватов выстраивалась сложная схема. Вначале следовал вывод о том, что обязательной предпосылкой для выполнения хорватским народом миссии, возложенной на него римско-католической церковью, является появление устойчивого хорватского национального сознания. Затем этническое самосознание должно укрепиться и распространиться «среди близких хорватам народов», «на хорватских территориях». Относительно конкретных национальных целей архиепископ боснийский Й. Штадлер провозгласил «Да здравствует боснийская Хорватия!»³⁶.

В результате работы конгресса был принят ряд резолюций. Одной из наиболее значительных является резолюция относительно перспектив развития католической жизни. Ее пункты утверждали необходимость воспитания мирян католической церкви в Хорватии в направлении рационального знания догматов, прав, устройства и истории церкви с целью ее защиты наряду с духовенством и под руководством епископата. Также предполагалось основание в Загребском университете Католического союза для студентов-католиков. Католикам предписывалось исполнять гражданские права и обязанности согласно церковному закону, но в случае противоречия государственных постановлений им следовало под руководством епископата использовать все моральные и правовые средства с целью упразднения законов, противоречащих церковным³⁷. В рамках борьбы за права церкви на территориях с достаточно развитой системой политических партий выраженного христианского характера не рекомендовалось создавать отдельные католические партии, поскольку они могут расколоть,

ослабить ряды католиков и воспрепятствовать доступу католикам, имеющим иные политические взгляды.

Последняя часть работы конгресса была посвящена социальному вопросу. В развернувшейся дискуссии авторитетный священник Ф. Иванишевич выделил основные препятствия для развития благосостояния хорватских земледельцев: практически непреодолимые барьеры в получении кредитов, отсутствие средств для рационализации хозяйствования, плохо развитое транспортное сообщение и т.п. Картина, нарисованная Иванишевичем, отражала тяжелые условия борьбы за существование хорватских крестьян. В частности, он отметил бесполезность взывания к чувству христианского милосердия богаташей, владельцев значительных земельных угодий, которые, за редким исключением, стремятся не облегчить жизнь крестьян, но, напротив, всеми правдами и неправдами отнять у них последнее имущество, прежде всего, землю. Для этого использовались различные средства, в том числе предоставление займов под высочайшие проценты и на очень короткий срок. В этом случае неурожай или стихийное бедствие приводили к продаже с молотка земли крестьянина в счет погашения долга. Патриотично настроенный католический священник, указывал Иванишевич, не может равнодушно наблюдать за подобными случаями бессмысленного и неоправданного «сдирания трех шкур» с плеч несчастных землепашцев. Выходом из порочной системы отношений, по его мнению, является пример организации крестьянских сберегательных касс и касс взаимопомощи в Германии, Бельгии, Франции, Италии и даже в различных частях Австрийской империи – Чехии, Тироле, Истрии, Каринтии и Крайне. Проблема хорватских крестьян и их пастырей, по мнению Иванишевича, заключается в разрозненности и отсутствии единого долгосрочного плана действий, в оторванности центров хорватской национальной жизни – городов, где сконцентрирована интеллектуальная и финансовая элита, от основной массы населения.

Иванишевич был одним из немногих, кто критиковал устроителей конгресса за стремление «скроить великую Хорватию на основе великих программ», при этом совершенно выпуская из вида самую большую часть населения – крестьян. В результате «пропадают целые села, одно за другим», земледельцы разоряются, они вынуждены искать лучшей доли в чужих краях, «на их место приходят иностранцы, скупают собственность, поселяются на хорватских землях и уничтожают хорватский дух и католическую веру». Основание под руководством священников нескольких сотен задруг, работа духовенства в школах с целью развития и укрепления среди населения христианского духа позволит, по убеждению Иванишевича, во главе с римско-католической иерархией создать «великую организованную армию хорватских крестьян, обороняющих и сохраняющих католическую веру и хорватское отечество»³⁸.

Тем не менее резолюции по наиболее насущному социальному вопросу напоминали печальную формулу «разговоров в пользу голодающих»: в них рекомендовалось улучшение гигиенических и жилищных условий рабочих³⁹. Таким образом, на конгрессе выявилось несоответствие между уровнем поставленных задач (борьба «по всей линии фронта» с наступающим капитализмом в социально-экономической области и либерализмом в сфере идеологии) и способами их реализации (не изменяя существующего положения вещей укрепить традиционными средствами влияние римско-католической церкви и принципы католицизма в общественном сознании)⁴⁰.

На конгрессе также был поставлен вопрос: угрожает ли способствует развитию национальных и патриотических чувств универсальная католическая церковь? Ответ

неожиданно прозвучал как программная установка: «римская церковь давно признает важность национальности, которая для отдельных народов является даже более широким понятием, нежели родина», «отечество может перестать существовать с ликвидацией государственных границ, в то время как некоторые национальности охватывают собой несколько государств и создают в этом веке свои государства, невзирая на географические границы государств, основываясь на силе своего культурного единства». На основании данного посыла был сделан вывод о бессмысленности для хорватов стремиться к созданию независимой национальной католической церкви⁴¹.

Таким образом, главной целью, заявленной на конгрессе, стала консолидация хорватского общества во главе с римско-католической церковью как наиважнейшим национальным институтом и на основе разветвленной системы католических обществ, направленных на развитие национального сознания. Подчеркивалось, что у хорватского народа особая историческая миссия как «оплота христианства» («Antemurale Christianitatis»). После окончания Загребского конгресса на хорватских землях отмечается возникновение «организованного католицизма». По итальянской, австрийской и германской моделям параллельно друг другу стали развиваться христианская демократия, Хорватское католическое движение и Социальный католицизм (позднее оформившийся в так называемый L'Azione Cattolica – Католическую акцию*), с четко выраженными общественными и политическими целями, где смешивалось «временное земное» и «вечное духовное». Путаница между этими течениями зачастую возникла вследствие того, что всеми тремя направлениями зачастую руководили одни и те же люди⁴².

Хронологически Хорватское католическое движение (ХКД) охватывает период с 1900 по 1941 гг., подразделяясь на три главных этапа: 1900–1918, 1919–1929 и 1929–1941 гг., каждый, в свою очередь, содержит собственные внутренние фазы развития. Так, на первом этапе Хорватского католического движения можно выделить следующие периоды: 1900 по 1910 гг. – «время Махнич», характеризующееся появлением первых лидеров, определением целей и формированием программы и основных участников. Вторая фаза (1910–1912 гг.) являлась «золотым периодом» католического движения, когда деятельность католической церкви в разных сферах общественной жизни получила мощное развитие. На третьей фазе (1913–1918 гг.) Хорватское католическое движение характеризовалось «духовной метаморфозой», в ходе которой «взрывные» подъемы активности сменялись полной стагнацией. В это время авангард движения развил идеологию ХКД привнесением трех новых идей: о национальном единстве хорватов, сербов и словенцев, о церковной унии с использованием кирилло-мефодиевской традиции и о необходимости смягчения антагонизма католической церкви с «либералами» ради сохранения целостности доктрины национального единства южных славян. Однако все указанные идеи и методы их реализации относились не столько к церковной, сколько

* Термин «Католическая акция» означал, что католическая церковь поставила задачу активно расширять сферу своего влияния на все слои общества – интеллигенцию, крестьян, рабочих и молодежь. Католическая акция была разделена на несколько направлений, включавших активизацию усилий по укреплению и распространению католической веры, создание католических культурно-просветительных и политических организаций, усиление контроля над прессой, образованием и искусством. Реализация того или иного направления зависела от места и времени осуществления конкретной задачи, поставленной Ватиканом.

к политической сфере, что и обусловило поворот лидеров ХКД к данной области общественной жизни⁴³.

На первом этапе ХКД формировалось без четкой программы или плана действий, его базовые идеи и методы вырабатывались на практике. Священник Б. Перович, один из видных активистов ХКД, в своих мемуарах отмечал, что до начала Первой мировой войны оно развивалось на основе принципов и норм европейской христианской демократии и постепенно охватывало разные области общественной жизни, преуспев на религиозно-образовательном, просветительском, информационном, культурном, социальном и экономическом фронте деятельности. Это было, как он указывает, время пробуждения национального самосознания, понимания необходимости объединения хорватских земель для образования современной нации, прежде всего территорий, находящихся в составе разных государственных образований с различной политической и общественной системой и иным религиозным и культурным менталитетом⁴⁴.

Первостепенной задачей ХКД стало построение общества, пронизанного католическими христианскими ценностями, второстепенной – борьба с либеральными и революционными течениями. Католическая паства, «не позволяя запереть себя в гетто», «вступила в открытый диалог с современным обществом, разговаривая с ним универсальным языком, охватывающим и объясняющим прошлое и будущее, понятным как широким слоям населения, так и образованным людям»⁴⁵.

Поставленные задачи с успехом начал выполнять епископ А. Махнич (1850–1920), профессор богословия Горицкой семинарии. Именно он стал вождем католического движения на хорватском пространстве, где сыграл одну из ключевых ролей как в истории католической церкви, так и в хорватской общественно-политической жизни. Прибыв в 1896 г. из Словении в Хорватию, он принял одну маленькую и бедную епископию на о. Крка. Тогда никто не расценил это как значимое событие. Более того, духовенство банской Хорватии, крайне чувствительное к «национальному вопросу», было изначально не особо доброжелательно настроено к епископу-«чужаку» и с глубоким недоверием отнеслось к появлению под его руководством молодежного католического движения. Однако новый епископ очень быстро зарекомендовал себя как человек, ревностно отстаивающий национальные интересы своей новой паствы. В 1899 г. Махнич основал типографию и приступил к изданию газеты «*Pučki prijatelj*» («Народный друг»). Под его руководством началось формирование хорватского молодежного католического движения с целью «очищения» хорватского католицизма и общественно-политической жизни от «либеральных примесей». Первой мерой, от которой ведет свой отсчет Хорватское католическое молодежное движение, стал призыв А. Махнича к духовному обновлению и развитию массовой просветительской деятельности в народе. На его призыв откликнулось духовенство Крка, Сеня, Сплита и Осиека – И. Бут-

* Еще в бытность свою в Словении Махнич основал газету «Римский католик», ставшую рупором его идей и средством агитации населения за идеи «всеобщего обновления во Христе» и объединения в различного вида католические организации. Уже тогда он отстаивал мысль о твердом определении всех верующих католиков своей позиции: либо они вместе с Богом и римско-католической церковью, либо они на стороне Дьявола и либералов. Однако позиция и методы его работы были настолько радикальны, что австрийские власти вынуждены были запретить издание. Для того, что вывести словенское население из-под влияния Махнича, его и назначили епископом за пределы Словении (*Krišto J. Dalekosežne posledice... S. 11.*)

кович, А. Алфиревич, М. Павелич и М. Маньянич, немного позднее – загребский, боснийский и джаковский клир⁴⁶.

В Хорватии, соответствии с принятыми на Первом общехорватском католическом конгрессе решениями в 1900 г. в Загребском университете был основан Католический союз, объединяющий студентов-католиков и ряд «академических» (студенческих) обществ религиозно-просветительного характера. Основателями студенческого католического движения стали И. Буткович и Л. Маракович, в период обучения в Вене создавшие в 1903 г. общество «Хорватия» («Hrvatska»), ставшее примером организации студенческих католических обществ и в других университетах империи.

На создание клерикального хорватского течения повлиял внешний фактор – в 1903 г. с изменением на папском престоле (наследником Льва XIII стал Пий X) отношения между Ватиканом и Австро-Венгрией значительно улучшились.

В мае 1904 г. под эгидой епископата была основана Хорватская католическая типография, издававшая газету «Хорватство» («Hrvatstvo»). В 1907 г. в Загребе был основан хорватский католический студенческий клуб «Домагой», ставший центром католического движения Хорватии⁴⁷. Кроме того, появились общества «Препород» в Граце, «Качич» в Инсбруке, «Дан» в Белграде, «Крек» в Праге, «Антунович» в Будапеште и «Бакула» в Далмации. Члены этих обществ проводили совещания с теологами и организовывали в период каникул лекции среди населения. С этой целью были созданы также особые «каникулярные» молодежные организации, как «Павлинович» в Сплите и Задаре, «Добрила» в Пазине, «Мартич» в Сараеве, «Штросмайер» в Джакове и «Качич» в Загребе. В 1910 г. в Загребе был создан единый «Хорватский католический студенческий союз», хорватские литераторы объединились в «Литературное общество Св. Иеронима», издававшее свой «Вестник» (в 1913 г. это общество насчитывало 35 тыс. чел.). Между католическими организациями существовала тесная дисциплинарная, организационная и идейная взаимосвязь. Каждое создаваемое общество было обязано иметь соответствующую финансовую основу⁴⁸.

В первом периоде развития ХКД кроме уже существующих католических изданий «Dan» («День»), «Vrhbosna» («Вся Босния»), «Katolički list» («Католическая газета») и др. был предпринят выпуск католических изданий «Hrvatska straža» («Хорватский страж»), «Jutro» («Утро») и «Hrvatstvo» («Хорватство»), отстаивавших положения конгресса и идею всеобщей католицизации Хорватии как форпоста христианства. Затем появилось еще около 20 газет, ориентированных на учащихся и студентов, а в 1913 г. епископ Махнич основал газету книжного обозрения «Hrvatska prosveta» («Хорватское просвещение»), ставшую центром хорватской католической литературы и мощным фактором развития хорватской культуры.

В частности, в «Хорватском страже», редакторами которого были иезуиты А. Алфиревич и Ф. Бинички, цель деятельности декларировалась как поддержка созданной папой Львом XIII организации «Praeservatio fidei» для сохранения и защиты католической веры. «Хорватский страж» являлся «хранителем» хорватского народа от проникновения «либеральной заразы», защитником католицизма. Но защитником «любой ценой» всего того, что сам епископ Махнич считал католическим⁴⁹. Он полагал, что одним из основных преимуществ римско-католической церкви является ее способность быть «воинствующей», поэтому неудивительно, что в идеологической системе епископа так часто встречается армейская терминология: верующих он отождествлял с войском, а положение и роль церкви в обществе – с боевой диспозицией. Радикализм Махнича и его

журнала заключался в абсолютной недопустимости иных взглядов даже не на церковные или национальные, а на философские и культурные вопросы, за что его упрекали другие церковные иерархи⁵⁰.

На первом этапе деятельности ХКД был создан Сеньорат, верховный орган движения. Махнич решил предоставить право руководства движением особой «коллегии» студентов, завершивших обучение. Именно они имели право называться «сеньорами», в их компетенцию входило определение направлений деятельности всего Хорватского католического движения.

Среди крестьян предпринимались попытки создания молодежных католических обществ, однако основными организациями католической церкви на селе оставались организации Католической акции – «Мариинские конгрегации». Созданные иезуитами еще в XVI в., в 1855 и 1910 гг. они были реформированы (энциклика «Regale comuni»). В Хорватии, Славонии, Далмации, Боснии и Герцеговине в 1910 г. их насчитывалось около 80, позднее это число значительно выросло. В рамках «Мариинских конгрегаций» создавались ячейки с разделением по полу, возрасту, профессии и месту проживания (самой ответственной считалась категория юношей и девушек от 14 до 25 лет). «Мариинские конгрегации», задуманные как «апостолат мирян», кроме социального и национального воспитания, выполняли и вполне определенные политические задачи. Под контролем священника на заседаниях конгрегаций обсуждались актуальные жизненные проблемы в соответствии с учением католической церкви. В предвыборный период проводились отдельные заседания обществ, где осуществлялась агитация в пользу клерикальных кандидатов и осуждались свободомыслящие политики, т.е. в конгрегациях епископы напрямую обращались к населению с указаниями, за кого надо голосовать. Кто впоследствии не голосовал за католических кандидатов, исключался из конгрегации «в связи с нехристианским образом жизни»⁵¹.

Среди рабочих была предпринята попытка создания «Хорватского христианского рабочего союза». Его целью было оказание рабочим помощи в борьбе против капитализма, но в связи с тем, что до 1914 г. на хорватских территориях практически не было рабочего класса, деятельность церкви в этом направлении особым успехом не увенчалась.

Первые годы работы ХКД показали, что хорватское духовенство в своих общественно-политических воззрениях не однородно. Оно разделялось на сторонников Й.Ю. Штроссмайера, А. Старчевича, приверженцев группы «Хорватство» и ее противников и т.д. Кроме того, «старшее» поколение духовенства, в основном в той или иной форме включенное в деятельность политических партий, тезис Махнича о культурно-просветительной борьбе в молодежной среде стало воспринимать крайне негативно, полагая, что она только усиливает, а не ослабляет «безбожные настроения молодежи», в то время как участие католиков, особенно церковных иерархов, в политических партиях необходимо. Разгоревшаяся полемика Махнича и его последователей с прогрессивной молодежью с одной стороны и «старым духовенством», с другой, привели к обратному результату: большая часть интеллигенции (ученые, преподаватели, студенты и даже учащиеся гимназий) перешла на отстраненную позицию, которой в равной степени был чужд как радикальный католицизм движения Махнича, так и атеизм напредняков⁵². Прекращение выхода газеты «Хорватство» в 1910 г. и общее ослабление антикатолической агитации на хорватских территориях закрыло первую фазу истории ХКД.

Далмация и Истрия. Далмация* по Кампоформийскому миру (1797) была передана Австрии и находилась под ее непосредственным управлением вплоть до 1918 г. (За исключением 1805–1813, когда Далмация, захваченная Наполеоном, входила в состав Иллирийских провинций). Практически все основные политические силы Королевства Хорватия-Славония жизненно важным считали «далматинский вопрос» и благоприятное его разрешение (в нужном для хорватов направлении) называли важнейшей стратегической задачей хорватской национальной политики. Требование о присоединении Далмации к Хорватии-Славонии было выдвинуто политическими силами банской Хорватии сразу после обновления политической жизни в 1860–1861 гг. В «территориальной целостности Триединого Королевства Хорватии-Славонии-Далмации» они видели основу для его стабильного положения в монархии и ведущей роли среди остальных югославянских территорий.

Вслед за началом формирования политических партий в банской Хорватии в Далмации в 1861 г. была основана Народная партия (народняки)**, у истоков которой стояли видные хорватские и сербские общественно-политические лидеры. Первоначально далматинская Народная партия являлась единым фронтом сербских и хорватских политических сил, она способствовала смягчению сербско-хорватских противоречий, ее сторонники говорили на общем, «югославянском», «сербско-хорватском» языке⁵³. Основной формой сопротивления политике Вены являлись усилия по расширению использования национального языка*** вместо итальянского и немецкого в системе местно-

* В состав Австрийской Далмации, появившейся в начале XIX в., были включены прежде разрозненные территории: «узкая» Далмация (Венецианская Далмация от реки Зрмани до Неретвы), область Дубровника (бывшая Республика Дубровник) и Бока Которская. Управление осуществлялось по модели, созданной в период французского правления (1805–1813). Территория не делилась на много административно разделенных областей, все управление было сосредоточено в административном центре – Задаре, где находился губернатор. По переписи 1857 г. население Далмации составляло 415 628 чел. Официальным языком являлся итальянский, несмотря на небольшую долю итальянского населения – 15 000 чел. (в 1900 г.). С 1861 г. начал работу собственный сабор. Далмацию в экономическом аспекте отличало практически полное отсутствие промышленности, экономическая деятельность ограничивалась производством и продажей сельскохозяйственной продукции. В социальном плане в далматинском обществе существовало глубокое разделение на городские (образованные и проникнутые итальянской культурой слои) и обездоленное крестьянское население, которое могло получить образование и определенное положение в обществе лишь выбрав стезю священника. В этой связи в Далмации было значительное число римско-католического духовенства. В 1857 г. его число было практически равно количеству священнослужителей в значительно большей по территории банской Хорватии. В аграрном секторе доминировала система колоната, кметства и различного вида долговой зависимости. Также Далмацию отличала практически полная изолированность от остальных югославянских территорий, выраженный средиземноморский характер и наличие большого числа населенных пунктов городского типа (14), хотя и с малочисленным населением.

** Narodna stranka (1881–1889), с 1889 г. Народная хорватская партия (Narodna hrvatska stranka, 1889–1905).

*** Хорватский сабор в 1866 г. принял закон, по которому хорватско-сербский язык приобрел статус официального на территории Хорватии и Славонии. В конце 1860-х годов австрийское правительство издало закон, по которому государственные чиновники Далмации кроме итальянского должны владеть «иллирско-далматинским языком». «Хорватский или сербский» язык стал официальным языком далматинского сабора в 1883 г.

го далматинского управления и образования. Это была борьба за просвещение и культуру, в широком смысле – борьба за консолидацию народа на культурной основе.

С момента своего создания партия должна была выработать позицию применительно к острым общественно-политическим проблемам и вызовам – присоединение Далмации к Хорватии (главный пункт в программе партии), отношение к власти, сербско-хорватские взаимоотношения, югославянская политика, столкновение либерального и клерикального течений. По всем этим аспектам расхождения наблюдались не только между хорватской и сербской частями, но и внутри каждой из них, в этой связи политика партии зачастую характеризовалась колебаниями, непоследовательностью и внутренними кризисами.

Хорватскую часть возглавили М. Павлинович*, М. Клаич, К. Войнович, установившие тесные политические связи с Народно-либеральной партией банской Хорватии и солидаризировавшиеся с политическими концепциями круга Штроссмайера. Идеология Народной партии, не оформленная в системном виде, тем не менее, была достаточно полно представлена в публицистических работах ее лидеров и охватывала общественно-политическую, национальную и культурную области. Главная цель определялась как развитие нации, но для этого необходимо формирование национального сознания – в этом аспекте идеологи Народной партии разделились на два лагеря, в зависимости от того, к какому сословию они принадлежали.

Народники-представители городской интеллигенции получили образование и говорили на итальянском языке, были воспитаны на итальянской культуре, а свой родной язык должны были учить (однако далеко не все из них это делали), поэтому их мировоззрение отличала определенная идейная двойственность. Центром национально-культурной деятельности они считали город, полагая, что с него следует стереть печать векового итальянского влияния, но при этом соблюдали пиетет к традициям итальянской культуры, признавали ее заслуги в развитии Далмации и считали, что итальянские культурные достижения должны остаться в Далмации. Национальное возрождение народники-горожане советовали проводить постепенно и без потрясений, но необходимость просвещения народа и достижения общего социально-экономического прогресса они рассматривали исходя из общеевропейских либеральных принципов. Процесс национальной интеграции они видели в рамках югославянской идеи.

Социальную опору партии на селе составляло, в основном, духовенство, в подавляющем большинстве принадлежащее к ордену францисканцев⁵⁴. Представители народников, принадлежащих к сельской интеллигенции (прежде всего, А. Матас – директор францисканской гимназии и М. Павлинович – приходской священник) противопоставляли свое течение городскому. Павлинович горожан именовал «представителями убогого народа, лишенного возможности собственного культурного прогресса», а итальянский язык – «оковами, угрожающими основам нашего существования». В противовес народникам-горожанам была выдвинута консервативная доктрина, основу которой составляли тезисы о том, что формировать национальное сознание следует не под влиянием города, а на основе собственных культурных ценностей народа; активная роль церкви в обществе является залогом идейного, общественно-политического и социаль-

* М. Павлинович (1833–1887) – священник и политик, практически бессменный депутат далматинского сабора, знаковая фигура всей хорватской общественно-политической жизни, идеолог и лидер Народной партии в Далмации.

ного прогресса. Раскол между католической и православной церквями Павлинович и его сторонники считали наибольшим препятствием для национальной деятельности, выдвигая идею обновления церковного единства. В идеологии народняков-представителей сельской интеллигенции консервативная религиозная доктрина составляла единый комплекс с национальной. Тезис о единстве веры и национальности Павлинович публично высказал еще в 1860 г., позднее сведя свою национальную программу к формуле «хорват и католик». Успех национальной интеграции они обуславливали, в отличие от народняков-горожан, отказом от югославянской национальной идеи и смещением центра тяжести национальной деятельности в сторону формирования хорватского национального сознания⁵⁵.

В итоге Павлинович в своих идеологических построениях остановился на двух главных требованиях: соединение с Хорватией (на основе государственного права, понимаемого как хорватское государственное право) и «хорватизация» системы общинного управления и школьного образования⁵⁶. Он разработал доктрину «хорватского политического народа», согласно которой «сербы в Хорватии могут быть лишь хорватами восточной церкви», расширяя хорватское государственное право на четыре категории – географическую, этнографическую, историческую и государственно-правовую. «Мы хотим, – писал Павлинович, – Хорватию, национально-государственно целостную и единую», под именем «Триединого королевства Хорватии-Славонии-Далмации мы понимаем единое Хорватское королевство», носителем суверенитета и государственного права которого является хорватский народ⁵⁷. В число хорватских территорий он включил Хорватию, Славонию, Далмацию, Истрию, Междумурье, Боснию и Герцеговину⁵⁸.

Несмотря на то, что Павлинович являлся убежденным противником системы венского централизма, отстаивавшим идеи децентрализации австрийской империи и образования на ее пространстве ряда автономных территорий, относительно хорватских земель он был бескомпромиссным сторонником их территориальной целостности, не допуская, в частности, возможности выделения территорий Военной Границы⁵⁹. Существование сербского народа, в отличие от А. Старчевича, он признавал, но строго в границах собственно Сербии: «Поскольку сербы и хорваты – один народ, поэтому имена серб и хорват – два различных наименования не по национальности, а только по государству... если одно государство называется Сербия, а другое – Хорватия, значит, кто находится в государстве сербском – тот серб, а кто в хорватском – тот хорват», – писал Павлинович⁶⁰.

Однако в целом оба хорватских варианта идеологии Народной партии предоставляли далматинскому обществу возможность включиться в хорватской национальной простор, соответственно, они являлись вариантами хорватской национальной интеграционной идеологии.

В противовес Народной партии, Автономистская партия (*Autonomistička stranka*, автономаша), основанная в 1861 г., выступала против соединения Далмации с Хорватией и Славонией, отстаивая право края на автономию в рамках монархии. Автономаша собралась вокруг себя, в основном, городское население, чиновников и часть интеллигенции. Лидер автономашей – градоначальник Сплита А. Баямонти – и его сторонники придерживались тезиса «все мы, итальянцы или славяне, – далматинцы»⁶¹. Но с течением времени Баямонти определился в сторону итальянского характера Далмации. Со второй половины 1860-х годов автономисты вышли на новый уровень борьбы с Народной партией и начали развертывание массовых демонстраций, которые стали повседневным явлением в жизни далматинских городов.

Особенностью развития правашского движения в Далмации было то, что на ее территории так и не появились правашские идеи в их первоизданном, старчевичевском, виде, прежде всего, относительно единых хорватских земель вне Австрии и Венгрии. Далматинские праваша с самого своего появления (спустя двадцать лет после начала деятельности правашей в Хорватии) твердо придерживались промонархических взглядов.

Так, правашская группа Иво Продана, ученика Павлиновича, была организационно оформлена в 1883 г. и просуществовала до 1894 г. Продан был редактором газеты «Католическая Далмация („La Dalmazia cattolica“)\», печатного органа римско-католического духовенства, в которой нашли отражение как идей Павлиновича, так и правашей Хорватии. Лозунгом Продана стал тезис «Сначала Бог и вера, а потом – отечество», одной из основ его идеологии было отрицание существования сербской нации. По сути, Продан стремился к основанию хорватской католической партии, однако за ним не стояли влиятельные круги римско-католической иерархии. Павлинович, вопреки ожиданиям, не поддержал свое духовное чадо, поскольку, в отличие от Продана, терпеть не мог Старчевича и его идеи, к которым тот постоянно апеллировал. Он считал, что лишь созданная им идеология является истинно правашской, к которой Старчевич не имеет никакого отношения. Особой критике Павлиновича подверглись тезисы Старчевича о необходимости ликвидации Соглашения 1868 г. и в целом «старчевичевский антмонархический бунт», а также антиклерикализм и ненависть Старчевича к Штроссмайеру⁶².

Так как социальной опорой и сторонниками групп Продана и Павлиновича был римско-католический клир, с ужесточением борьбы между этими двумя политиками духовенство Далмации раскололось на две части. В 1884 г. между Павлиновичем и Проданом произошло очередное острое столкновение, обусловленное расхождением во взглядах при выработке национально-политической программы. Дело в том, что Продан обнаруживал «узкую» программу «клерикально-правашского» толка. Проект Павлиновича предполагал большее – объединение хорватской идеологии государственного права и югославянской мысли, последняя трактовалась как широкое сотрудничество и «собираение» южнославянских (именно южнославянских, т.е. включая и болгар) народов в конфедеративный союз⁶³. Югославизм понимался Павлиновичем не более чем в этно-лингвистической и географической категориях, ни в коем случае не определявших вектор национального развития.

В результате в Народной партии одержало верх течение Павлиновича, характеризующееся тяготением к хорватской национальной исключительности. Хорватская политическая идеология была пронизана его доктриной о создании в рамках Австро-Венгрии единого, независимого хорватского государства на основе хорватского исторического государственного права, в котором «существует один-единственный политический народ, одна-единственная политическая индивидуальность»⁶⁴. Под его влиянием Народная партия в 1889 г. изменила название на Народную хорватскую партию и приняла программу на основе хорватского государственного права.

Появление в Нови-Саде (Воеводина) «Заставы» С. Милетича и «Объединенной омалядины сербской» также под его руководством, отстаивающие национально-государственную сербскую идеологию, а также развитие сербского национального сознания в целом, послужили импульсом для выделения далматинских сербов во главе с Л. Томановичем из совместных с хорватами организаций. Катализатором окончательного раскола Народной партии явилась оккупация Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией в

1878 г. Хорватская часть партии одобрила это событие. Павлинович выразил убеждение, что «Спасение и процветание Боснии заключается только в союзе с Хорватией, как и для Далмации нет истинного прогресса, ни государственного, ни национального, ни экономического, без союза с Боснией»⁶⁵.

В 1879 г. сербы создали Сербскую партию (Српска странка) с целью поддержки сербского национального сознания в Далмации и отказались от идеи объединения Далмации с Хорватией и Славонией. В Задаре С. Беланович начал издавать «Српски лист» («Сербскую газету»), ставшую рупором сербского движения в Приморье. Так был завершен процесс дифференциации далматинской политики на хорватскую и сербскую.

Сербская партия представляла скорее группу единомышленников, нежели политическую партию с четкой организацией. Она выражала интересы всего сербского населения в Далмации, ее сторонники объединялись вокруг «Сербской газеты» (с 1888 г. «Српски глас»), бесспорным лидером партии являлся С. Беланович. Однако с момента появления на далматинской политической сцене в партии выделилось два лагеря. К первому относилась либерально настроенная интеллигенция с Белановичем во главе, в состав второго входило православное духовенство под руководством епископа Н. Милаша. Сторонники Белановича придерживались тезиса «сербы трех вероисповеданий», единомышленники Милаша полагали православие единственным хранителем сербского национального сознания.

В 1903 г. с принятием новой программы завершилось идейное и организационное оформление Сербской партии в Далмации. Программа состояла из шести пунктов: приверженность национальному принципу, сопротивление угрозам сербскому национальному развитию и поддержка праведной борьбы славян монархии, неприятие попыток объединения Далмации с Хорватией и Славонией, поддержка принципа «Балканы – балканским народам», признание трех вероисповеданий сербского народа наряду с принципом религиозной толерантности в деятельности партии, активизация усилий партии в экономическом и просветительском направлении. Председателем партии стал А. Пулези, заместителем – У. Де-сница. Таким образом единство партии было восстановлено.

Сербская партия выступала против соединения судеб сербского и хорватского народов в рамках Австро-Венгерской империи и в целом не поддерживала югославянскую идею. Целью лидеров партии являлось создание не югославянского, а сербского государства, объединяющего все сербское население юга Балканского полуострова⁶⁶. В то время как партия Й.Ю. Штроссмайера в банской Хорватии и партия М. Павлиновича в Далмации подчеркивали, что сербы и хорваты – один народ, Беланович выявлял скрытый смысл подобного утверждения, отмечая, что «Сербы и хорваты – один народ, однако сербы должны стать хорватами и проводить хорватскую политику – в Хорватии слушать Штроссмайера, в Далмации – Павлиновича... сербы не хотят в такие братские объятия..., они хотят заключения ... договора, удовлетворяющего требованиям двух сторон, который эти стороны бы соединил, сохранив при этом характер и той, и другой. Но в ответ хорваты запевают старую песню: мы, хорваты, признаем сербов только на Дрине, разговаривать с сербами будем только на Дрине. Но пока хорваты будут вытеснять сербов на Дрину... сербы всегда будут доказывать, что и по другую сторону Дрины сербов едва ли не больше, чем по эту, и на Дрине разговора не будет!»⁶⁷. Сербские лидеры не признавали Хорватию в качестве Пьемонта югославянского объединения, считая ее не более чем провинцией Венгрии, носящей к тому же ярко выраженный немецкий характер, «поскольку в Загребе население в основном говорит на немецком языке»⁶⁸.

Практическая политика Народной партии, соответствующая формуле «услужливость Вене во всем в надежде на крошечку уступок» не смогла защитить Далмацию от экономической катастрофы, поставившей регион на грань выживания. В 1891 г. между Австро-Венгрией и Италией был заключен торговый договор, одна из статей которого («винная клаузула») разрешала ввоз в монархию итальянского вина при минимальной таможенной пошлине. Таким образом на внутреннем рынке* монархии кроме венгерских вин, конкурентной борьбы с которыми практически не выдерживали далматинские производители, прибавились итальянские, не менее качественные. Тем самым под удар была поставлена одна из основных экономических отраслей Далмации – виноградарство.

Экономический кризис повлек за собой политические изменения. Непосредственно перед заключением торгового договора с Италией появилась новая группа правашей, представленная молодыми политиками – дубровчанином Анте Супило и сплитским адвокатом Анте Трумбичем (группа Трумбич–Супило, 1890–1894). Их идеология базировалась на «трех китах» – идеях Павлиновича, частично правашской идеологии Хорватии и традициях Народной партии Далмации. Соединение этих концепций создало далматинский вариант правашского течения, вступивший в борьбу с бесплодной дуалистической политикой Народной партии. Кроме того, идеология далматинских правашей включала в себя оригинальные идеи Супило о соединении славянской и югославянской традиции Народной партии с правашской «чисто хорватской» доктриной. Супило стал редактором газеты «Crvena Hrvatska» («Красная Хорватия»), в которой он пропагандировал «хорватскую политическую мысль» – объединение хорватских земель на основе национального и государственного права и борьбы против сербской исключительности (но не против сербского национального имени).

Однако главный курс хорватской политике задавали не молодые правашаи, а «Хорватский клуб» (Hrvatski klub, 1892–1894) либерального священника Юрая Бьянкини**, оставившего ряды Народной партии и ставшего после смерти М. Павлиновича в 1887 г. наиболее активным проводником хорватской национально-политической идеи. Суть его деятельности заключалась в консолидации и усилении Партии права в Далмации. В этой связи он также, как и Продан, отрицал существование сербской нации, также как и Павлинович толерантно относился к деятельности Франка, лишь бы единство правашей не было поставлено под угрозу. Его усилия привели к формированию единой далматинской Партии права. В 1894 г. на основе идеологии Павлиновича путем слияния трех политических групп – Бьянкини, Продана и Супило – была создана Партия права (Stranka prava, 1894–1905), продолжавшая требовать объединения Далмации с банской Хорватией и отрицать обоснованность сербских национальных требований и вообще существование сербского народа в Далмации. Социальную основу партии составила интеллигенция и духовенство. Правашаи – как в банской Хорватии, так и в Далмации – в соответствии со своей программой вплоть до начала Первой мировой войны требовали переустроить монархию на принципах триализма.

С этого момента тон политической жизни Далмации начала задавать Партия права, в то время как Народная хорватская партия постепенно сдавала позиции. Она еще доминировала в далматинском саборе, а в местном управлении реализовывалось сотрудни-

* На внешнем рынке еще в 1880-х годах Франция для защиты своих виноградников поставила таможенные барьеры для ввоза иностранного вина.

** Ю. Бьянкини, редактор газеты «Narodni list» («Народная газета»), депутат от Далматинского сабора в имперский парламент.

чество с правами (ситуация, невозможная в банской Хорватии). Но после изменения в руководстве Народной хорватской партии (смерти ее лидеров – в 1896 г. М. Клаича и в 1900 г. Г. Булата) во главе партии стал Перо Чингрия, симпатизировавший Партии права. И тогда инициатива полностью перешла в руки правашей⁶⁹.

В социалистическом движении самой сильной организацией в Далмации была Итальянская социалистическая партия. Первой попыткой формирования хорватских организаций стал созданный в 1897 г. первый социалистический рабочий профсоюз «Общество рабочих и работниц», однако он просуществовал всего год вследствие отсутствия экономической основы для деятельности и организованного отпора со стороны австрийской власти, буржуазии, но, прежде всего – церковных кругов.

В Истрии^{*}, по переписи 1857 г. насчитывавшей 234 872 чел., в 1861 г. начал работать собственный сабор. Его заседания проводились в Порече, до падения монархии в 1918 г. являвшемся административным центром. Однако центрами экономического развития являлись три других города – Триест (экспортно-импортный порт имперского значения), Пула (военный порт Австрии, там же находился крупный военный арсенал) и Риека (крупный торговый порт). Характерно, что помимо депутатов, избравшихся на основе куриальной системы, характерной для всей западной части монархии, в сабор в качестве вирилистов (членов парламента по положению или происхождению, а не по выбору) входили все три истринских епископа – Триестско-копарский, Поречско-пульский и Крчский. Правом голоса располагали всего 8 % населения, преобладание среди депутатов городского и итальянского населения приводило к тому, что в работе первого сабора, например, принимал участие лишь один депутат-хорват. Официальным языком был итальянский.

Истрия являлась экономически отсталой территорией, тем не менее социальные отличия между городом и селом были ярко выражены, приобретая отчетливый этнический характер. Так, городское население было преимущественно итальянским, соответственно, оно доминировало в политическом и экономическом плане, в то время как словенцы (в основном проживающие к северу от реки Драгоны) или хорваты были в основном крестьянами.

С конца XIX в. в Истрии возник конфликт между хорватским и итальянским политическими движениями, подогреваемый социальным кризисом. Хорваты и словенцы развернули борьбу за национальное равноправие с итальянцами, их интересы представляла Хорватско-словенская народная партия, доминировавшая в основном в восточной Истрии.

Хорватскую интеллигенцию вплоть до конца XIX в. составляло исключительно духовенство, и лишь на рубеже веков начала появляться светская интеллигенция в лице врачей, учителей и юристов, окончивших Пражский, Загребский или другие университеты империи⁷⁰. В этой связи движение за хорватское национальное возрождение развертывалось на страницах газеты «*Naša sloga* („Наше единство“») – первой хорватской (католической) газеты в Истрии, выходившей с 1870 по 1915 гг. Организатором и финансистом ее выхода в свет был епископ Добрила, в 1874 г. он учредил «Братство хорва-

* Истринский округ (1825–1860), затем маркграфство Истрия (1860–1918) или просто австрийская область Истрия охватывала территорию прежней венецианской и австрийской Истрии и Кварнейских островов. Вместе с Триестом и Горицей Истрия составляла часть административной единицы – Австрийского Приморья.

тов Истрии» с целью оказания помощи хорватским учащимся в Истрии. В дальнейшем все акции, связанные с процессом укрепления и расширения национального хорватского движения в Истрии связаны с именем епископа Добрилы (вплоть до его смерти в 1882 г.). Деятельность хорватского духовенства обуславливалась несогласием с идеей итальянского характера Истрии на основании данных переписей XIX в., согласно которым славянское население этого региона являет собой значительно преобладающее большинство⁷¹.

Проблема разделения истринского общества по национальному, социальному и идейному критериям не оставила в стороне никого, начиная от высокопоставленных иерархов до обычных верующих-мирян. В условиях столкновений с итальянским национально-политическим движением вопрос защиты национальной идентичности хорватскими церковными прелатами был поставлен на один уровень с обороной идентичности религиозной. Подчеркивалась неразрывная связь и взаимозависимость религиозного и национального компонента вплоть до выдвигания тезиса о том, что «лишь добрый католик может быть добрым хорватом». Однако хорватский клир взял на вооружение более результативную методику борьбы за национальные права истринских хорватов «на основе Евангелия», т.е. нерушимой связи церкви и нации, в то время как итальянские иерархи предпочитали не акцентировать внимание на национальной идентичности, что в итоге привело к потере доверия даже к их религиозным акциям.

Территориально итальянское католическое движение ограничилось северо-западными районами Истрии, в то время как хорватское охватило все остальные области, делая главный упор на упрочении католических ценностей и прочно связывая их с национальными приоритетами – проблемами «выживания» хорватов в Истрии⁷².

Так, одна из основных социальных проблем истринского крестьянства заключалась в порочном круге задолженности ростовщикам, «расползшимся по селам» и взимающих до 20 % годовых, а также проценты под проценты и т.п., в результате зачастую дело доходило до продажи крестьянских земель с молотка за неуплату долга. В этой сфере хорватские прелаты совместно с хорватскими общественными лидерами приложили много сил для спасения положения крестьян.

Выход был найден в основании кредитных задруг – производственно-потребительских кооперативов и касс взаимопомощи. В Истрии создавалось два типа кооперативов – «деличевки» и «райффайзенки», получивших наименование в честь немецких экономистов Германа Шульца из Делича и Фридриха Райффайзена. «Деличевки» являлись обществами с ограниченной ответственностью, объединявшими, в основном, ремесленников и торговцев в городах, а «райффайзенки» – обществами с неограниченной ответственностью, в которые, в основном, входили крестьяне. Основателями и руководителями обществ райффайзенковского типа, в основном, стали приходские священники. Деятельность по решению социальных проблем истринских крестьян в итоге принесла и политические результаты: победа Хорватско-словенской партии на выборах в имперский парламент в 1907 г. современники трактовали как прямое следствие социальных акций⁷³.

Рабочий вопрос остро проявился только в Пуле, где располагался арсенал, в начале XX в. насчитывающий несколько тысяч рабочих. Рабочие арсенала, бывшие крестьяне, ставшие пролетариатом буквально в одночасье, не смогли избежать соблазнов жизни в современном городе. Беспокорство вызывало то, что эти социальные явления отдаляли столь значительную часть населения от церкви. Тогда пульский приходской священник А. Занетти в 1904 г. основал в Пуле «Католическое рабочее общество»⁷⁴.

В результате хорватское духовенство в Истрии заняло лидирующую позицию на общественно-политической арене и с этого времени стало играть решающую роль в национальном хорватском движении Истрии. Итальянскому духовенству взять на себя подобную роль не удалось, во главе итальянского национального движения стали буржуазия и интеллигенция. В среде итальянских католиков представления о необходимости соединения религиозного и национального компонентов в национальном самосознании утвердились лишь к 1914 г.⁷⁵

Хорватско-словенская народная партия, со своей стороны, развернула борьбу за общины (здесь результат был успешным, к 1890-м годам удалось взять под контроль практически все общины юго-восточной и центральной Истрии, а в начале XX в. все общины восточной Истрии), за народное просвещение (в 1886 г. был основан первый хорватский Народный дом), за политическое укрепление (в 1884 г. в истринском саборе был основан Хорватско-словенский клуб, программа которого подразумевала возрождение и сохранение национального сознания, борьбу за равноправие с итальянцами в отношении языка и управления, улучшение экономических условий для хорватских и словенских крестьян). Перепись населения 1890 г. показала, что процесс итальянизации истринского пространства был приостановлен. Число хорватов и словенцев пропорционально числу итальянского населения выросло соответственно на 18 981, словенцев – 44 418, а итальянцев – на 3 737 чел.⁷⁶

В конце столетия на политической сцене Истрии произошли изменения: «старое» поколение, начавшее в 1860-х годах политическую борьбу за возрождение национального сознания в Истрии, уступило место молодой смене. Новое поколение истринских политиков представили М. Мандич, М. Лагиня и В. Спинчич. Но общей чертой между двумя поколениями хорватских общественно-политических лидеров оставалось доминирование в их среде представителей римско-католического клира. В основном образование они получили в хорватских школах Риеки и Сеня, придерживались системы идейных воззрений правашей, были противниками дуализма, их политическим идеалом являлось присоединение Истрии к Хорватии. Однако жесткая правашская доктрина о хорватском государственном праве была смягчена. Отличие от правашей Бановины заключалось, во-первых, в ином отношении к Австрии – для славянского населения Истрии она являлась барьером на пути итальянских притязаний. Во-вторых, в стремлении к сотрудничеству со словенскими партиями. Поскольку для хорватов словенцы являлись естественными союзниками, то у последних не отрицалось право на собственное национальное имя в противовес правашам Бановины, считавших словенцев «горными хорватами». В-третьих, требование о присоединении Истрии к Хорватии выдвигалось не столько на основе хорватского государственного права, сколько на основе «права естественного» – т.е. принципа национальности⁷⁷.

Политическая борьба сконцентрировалась на введении хорватского и словенского языков в общественную сферу и на установлении равноправия с итальянским языком. Однако в последней четверти XIX ст. итальянские политические круги в Истрии изменили тактику. После Берлинского конгресса для Италии исчезли надежды на компенсации за оккупацию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Оккупация Туниса Францией привела к заключению Италией в 1882 г. соглашения с Германией и Австро-Венгрией (Тройственный союз). С одной стороны, доминирующая среди итальянского населения Истрии Итальянская либеральная партия не могла больше рассчитывать на итальянское правительство и его помощь в борьбе за расширение и укрепление итальянского

национального сознания в этом регионе. С другой – итальянские католики проявляли особенное недовольство культурно-просветительской и хозяйственной политикой Австрии в отношении итальянцев Истрии. Нарекания, прежде всего, относились к относительно большому количеству немецких средних школ по сравнению с итальянскими. В ранг первоначальных задач в области образования ставилось открытие учебных заведений по подготовке учителей, основание педагогического университета, в сфере экономики – железнодорожное сообщение Триеста с северо-западной Истрией⁷⁸. В 1884 г. была создана политическая организация «Società politica istriana» с центром в Пазине, программа которой включала пункты о «расширении итальянской национальности, цивилизации и культуры». На ниве итальянизации (в частности, основания итальянских школ) трудилась и организация «Pro patria».

В конце XIX ст. национальная борьба обострилась. Хорватские круги, в основном под руководством В. Спинчича и М. Лагини, единственное спасение видели в реализации правашской программы – т.е. присоединении Истрии и словенских территорий к Хорватии. Спинчич и Лагиня в 1892 г. основали Клуб независимых хорватских и словенских депутатов (всего пять человек, ни одного словенца среди них не было). В свою очередь в имперском парламенте в 1893 г. был создан оппозиционный Клуб хорватских и словенских депутатов.

На переломе веков на истринской политической сцене возник ряд принципиально новых явлений. Первым из них стало усиление клерикализма: с итальянской стороны он был представлен Итальянской христианско-социальной партией, получившей преимущественное влияние среди крестьян западной части Истрии. Среди хорватов клерикальная линия нашла отражение в деятельности епископа А. Махничича и основанного им католического движения.

В целом католическое движение в Истрии начала XX в. среди хорватской части населения следовало общему курсу католического движения в банской Хорватии при наличии местной специфики, обусловленной менее развитой системой общественно-политических отношений и столкновением итальянских и хорватских национальных идеологий и движений. Начало ХКД в Истрии не было отмечено какими-то определенными событиями. Идеиный барьер проходил по линии сторонников католического и либерального течений. За десять с лишним лет до начала Первой мировой войны формирование идеологии ХКД и ее практическое воплощение проявилось созданием организаций на католических принципах. Первым в 1893 г. в Истрии появилось «Общество св. Кирилла и Мефодия в Истрии», целью своей ставившее содействие в открытии хорватских и словенских школ на католическо-национальной основе, однако католическая ориентация в его функционировании не являлась определяющей. Академическое каникулярное общество «Истрия» в своем статуте указывало, что свою работу оно базирует на чисто национальном принципе. В период с 1897 по 1900 г. с помощью «Общества св. Кирилла и Мефодия в Истрии» были основаны 10 читален и просветительно-культурных обществ, народный дом, 15 обществ экономической взаимопомощи, шесть торгово-экономических обществ и т.д., открыты четыре основных школы, Народная типография и первая хорватская гимназия в Пазине. В 1901 г. в Истрии была проведена перепись, по которой ее население состояло из 136 191 итальянца, 143 057 хорвата и 47 717 словенца. Перепись показала, что число итальянцев выросло на 18 064 чел., в то время как словенцев – всего на 3 299, а хорватов – на 2 334 чел.⁷⁹

Условной датой начала ХКД можно считать 22 августа 1908 г., когда в Истрии было основано академическое каникулярное общество «Добрила», выделившееся из «Истрии», в программе которого впервые четко указывалось, что основой его деятельности являются религиозные католические принципы⁸⁰.

Вторым новшеством стало появление локального движения за «истринскую идентичность», инициатором которого был И. Крстич. Примечательно, что сам он получил высшее образование сначала в Загребе, затем в Риеке, и зарекомендовал себя как человек с сильным чувством хорватского патриотизма. Далее он был вынужден оставить Риеку в связи с беспорядками и, как отмечает современный хорватский исследователь С. Трогрлич, вероятно, уже тогда начал получать деньги от итальянских либералов, выдвинув идею об отсутствии хорватского этнического элемента в Истрии, а те, кто себя таковыми именуют, в действительности являются истринцами. В 1892 г. он основал газету «Prava naša sloga» («Наше истинное единство»), а наибольшую политическую активность развил в период выборов 1897 и 1901 г., объезжая села и «сребренниками, полученными от своих хозяев, покупал у бедных крестьян согласие с идеей истринства» и бесплатно раздавал им номера своей газеты⁸¹.

Третьим стало поражение Хорватско-словенской народной партии, против которой мощную пропагандистскую кампанию развернула Итальянская либеральная партия, муссировавшая тезисы о том, что та не учитывает интересы истринского населения, а лишь борется за присоединение Истрии к Хорватии. Особенно сильное давление на хорватские и словенские силы Итальянская либеральная партия стала оказывать в ходе выборов в имперский парламент весной 1897 г. Именно тогда в связи с выходом нового избирательного закона* в предвыборную борьбу включились широкие народные массы. Она приняла столь острый характер, что в ряде общин западной Истрии было введено осадное положение. Несмотря на то, что в итоге два лидера Хорватско-словенской народной партии – Спинчич и Лагиня – получили два депутатских мандата, в новой курии убедительную победу одержала Итальянская либеральная партия.

Для умирения волнений австрийская власть приняла решение переместить истринский сабор из Пореча. Однако перенос его деятельности сначала в Пулу, а потом в Копар ситуацию не улучшил. Не только оказалось невозможным взаимодействие двух главных партий в Истрии в рамках сабора, но их противостояние вылилось и на улицы – демонстрации итальянского населения под руководством Итальянской либеральной партии против хорватских и словенских депутатов продолжались. Тогда депутаты от Хорватско-словенской народной партии в 1899 г. приняли решение больше не участвовать в работе истринского сабора. Выборы 1900 и 1901 гг. показали углубление кризиса и ослабление позиций Хорватско-словенской народной партии.

В этих условиях руководство Хорватско-словенской народной партии, во-первых, приняло решение приступить к работе в широкой народной среде. Практическим воплощением активизации партии стала кампания против движения Крстича, развернутая на страницах выпускаемой с целью подавления «истринского патриотизма» газеты «Narodni list» («Народная газета»). В результате предпринятых усилий движение Крстича в 1903 г. перестало существовать. Вторым стало решение о реорганизации партии:

* По новому избирательному закону создавалась еще одна курия, в которой правом голоса располагали мужчины, достигшие 24 лет.

в 1902 г. она основала свою собственную политическую организацию, независимую от триестского «Единства» (в составе которой она действовала до тех пор) – Политическое общество хорватов и словенцев Истрии⁸².

Первой социалистической организацией Истрии стала сформированная в 1895 г. итальянская социал-демократическая организация, трансформированная через два года в Итальянскую социал-демократическую партию.

Воеводина. После австро-венгерского Соглашения 1867 г. Воеводина (южные комитаты Венгрии – Бачка, Баранья и Банат), осталась в Венгрии*. Воеводина была центром политической жизни сербского народа в австрийской монархии и самым развитым в экономическом отношении югославянским регионом Габсбургской монархии.

Воеводинские сербы не располагали административной автономией и правом политического представительства. Лишь на нерегулярных церковных соборах, которые, за исключением Благовещенского собора 1861 г., не носили политически значимого характера, они могли выбирать авторитетных общественных представителей, которые занимались церковными и образовательными вопросами. После некоторых изменений с 1871 г. на 25 духовных лиц при выборах в собор приходилось 50 мирян⁸³.

С введением системы дуализма положение невенгерских народов Венгрии значительно ухудшилось. Несмотря на то, что формально закон о национальностях (1868) гарантировал применение родного языка в школах, церкви и управлении, признавался лишь один политический народ – венгерский. Соответственно, общественно-политическая жизнь стала приобретать ярко выраженный венгерский характер. После того, как премьер-министром Венгрии стал К. Тисса, власть которого продержалась 15 лет, мадьяризация невенгерских народов стала основным направлением деятельности венгерской политической элиты.

В 1869 г. на конгрессе в Бечкереке была окончательно оформлена первая политическая партия Воеводины – Сербская народная свободная партия (либералы) под руководством Светозара Милетича, знаковой фигуры в общественно-политической жизни Воеводины, одного из основных идеологов сербского народа, определившего стратегию национального развития на долгие десятилетия вперед. Сербский писатель-патриот Милетич, долгое время возглавлявший партию и сербскую оппозицию в венгерском парламенте, в 1866 г. в Пеште основал лучшую политическую газету сербов «Застава» («Знамя»), перенесенную затем в г. Нови-Сад.

Программа партии отрицала австро-венгерское Соглашение, как не учитывавшее жизненно важные интересы славянских народов монархии, и предусматривала создание автономной сербской Воеводины в союзе с румынами, русинами и словаками на равноправной основе. В связи с обострением Восточного вопроса программа поддерживала идею южнославянского братства и балканской солидарности, необходимости начала национально-освободительной борьбы угнетенных народов против турецкой тирании вплоть до создания Балканской конфедерации⁸⁴.

* С ликвидацией сербской Воеводины к хорватским землям были присоединены илокский и румский котар, что позволило обновить Сремскую жупанию. Однако в значительной мере эти территориальные изменения способствовали ухудшению сербско-хорватских отношений.

Партия развивала идеи о самоуправлении («Восточная Швейцария») и югославянской федерации. Милетич не поддерживал тезис Народной партии в Хорватии об объединении Хорватии, Далмации и Словении в единую политическую единицу, которая на федеративном принципе заключит реальную унию с Венгрией. Лидер воеводинских сербов опасался, что усиленной таким образом Австрии будет открыт путь на Балканы, что не позволит Сербии стать центром югославянского объединения⁸⁵. Милетич критиковал идею о федерации в рамках монархии, как и конфедерацию с венграми. Он считал, что объединенная Хорватия «не может быть точкой кристаллизации южного славянства»⁸⁶.

Партии Милетича противостояло консервативное движение воеводинских сербов, опиравшихся на церковь и сербские традиции. Первоначально главой движения стал генерал Джордже Стратимирович. В борьбе против венгерской политики это движение (иногда именуемое «калуджерской партией»), считала необходимым установление связей с венским двором⁸⁷.

Постепенно в Сербской народной свободной партии выделился ряд течений, что привело к расколу партийных рядов и перегруппировке политических сил. Оппозиционные Милетичу течения представляли «нотабилитеты» во главе Н. Максимовичем и С. Касапиновичем, выступавшие за прекращение борьбы с дуализмом; «новая оmlадина» под руководством Я. Томича и Л. Нанчича, требовали, наоборот, расширения борьбы с дуализмом в общественной и экономической сфере; «умеренные либералы» во главе с М. Полит-Десанчичем и М. Димитриевичем были против изменения политики партии, утвержденной Бечкерекской программой 1869 г. В результате возникших разногласий в 1887 г. партия распалась, и на ее осколках образовались Либеральная и Радикальная партии.

Либеральное крыло отбросило программу Милетича и приняло так называемую Кикиндскую программу (1884), перейдя на позицию поддержки австро-венгерского Соглашения и необходимости сотрудничества с венграми. Круг Полит-Десанчича и Димитриевича основал новую газету «Браник».

Группа во главе с Я. Томичем взяла в свои руки партийную газету «Застава» и в 1887 г. создала новую Сербскую народную радикальную партию с определенной социалистической направленностью. Политику радикалов определяла неукротимая, фанатичная натура Яши Томича*, не принимавшего никаких компромиссов с венгерским режимом. Воеводинские радикалы дополнили Бечкерекскую программу социально-экономическими требованиями и вскоре стали ведущей партией Воеводины. Программы партии 1903 и 1904 г. требовали установления равноправия сербского народа с хорватами в Хорватии и Славонии, открытия сербских православных школ, ликвидации унии Австрии с Венгрией и развития отечественной промышленности. Радикальная партия победила на выборах 1902 г. в Церковно-народный сабор и сохранила ведущие позиции вплоть до 1910 г.

По переписи 1910 г. в Воеводине проживало 38,6 % славян, 31,7 % венгров, 22,7 % немцев и 6 % румын. Венгерские власти здесь, как и в Хорватии и Славонии, проводили политику усиленной мадьяризации. Так, в 1910 г. венгерских основных школ было 560, сербских – 157, немецких – 120, румынских – 41⁸⁸. Решающие удары по автономии серб-

* В 1889 г. Томич в пылу журналистской полемики, принявшей характер личного конфликта, убил своего политического противника Димитриевича, за что был осужден на каторжные работы, а после их отбытия в 1896 г. вернулся к политической борьбе.

ского народа в Воеводине венгерское правительство нанесло в 1878 г. принятием закона об обязательном изучении венгерского языка в школах (закон был расширен в 1893 и 1907 г.) и ликвидацией в 1912 г. сербской церковно-школьной автономии.

Политика «нового курса» и хорватско-сербская коалиция. В начале XX в. Далмация как составная часть Австрийской монархии подверглась германизации и централизации. Немецкий язык проникал не только в органы управления, но и в систему образования. Опасения далматинцев перед германским «Натиском на Восток» усилились после получения Германией в 1902 г. от Турции концессии на строительство багдадской железной дороги. Кроме того, австрийские правящие круги ясно дали понять, что далматинцам не приходится рассчитывать на выделение кредитов, с помощью которых можно было бы решить насущные социально-экономические проблемы региона.

Весной 1903 г. по финансовому вопросу обострились отношения между Хорватией и Венгрией. Бюджет Хорватии-Славонии на протяжении шести лет не увеличивался, система управления оказалась перед лицом банкротства. В марте 1903 г. в Загребе, Осиеке и других городах начались многотысячные демонстрации и митинги протеста, движение в основном носило стихийный, неорганизованный характер. Дело дошло до кровопролития и применения армии для подавления народного движения. Бан Куэн-Хедервари оставил свой пост, однако это было связано с решением австрийского императора отправить его как человека, пользовавшегося особым доверием императора, для разрешения венгерского кризиса.

Хорватская оппозиция в основном оставалась в стороне, в связи со своей «государственно-правовой политикой», далекой от народа, слабой организацией и страха перед репрессиями власти. Новый бан Теодор Пеячевич отказался от применения силы, более того, смягчил гонения на прессу и выпустил из-под ареста ряд оппозиционных лидеров. Но систему управления, созданную Куэном-Хедервари, он оставил в неприкосновенности.

В 1903 г. Венгрию охватил острый политический кризис. Осенью далматинские политические лидеры выдвинули доктрину «нового курса». Появление этой политической концепции именно в Далмации было не случайным. Ущерб экономике, нанесенный «винной клаузулой», привел в начале 1903 г. к массовому голоду среди населения, среди которого усиливались настроения против Вены и политики германизации (в Бановине особенно остро ощущалась политика мадьяризации – поэтому национально-политическая борьба была направлена в первую очередь против Пешта). Кроме того, сербско-хорватские отношения здесь были значительно лучше, чем в Бановине.

Политика «нового курса» начала реализовываться под лозунгом Трумбича «от Альп до Марицы на оборону против германизма», при этом он полагал возможным не только сербско-хорватское сотрудничество, но и союз с итальянцами и венграми⁸⁹. Программа максимум подразумевала создание независимого югославянского государства посредством использования кризиса в монархии, сотрудничество хорватов и сербов, а также всех народов, подвергающихся угрозе своему национальному существованию со стороны германского «Натиска на Восток», т.е. с венграми и итальянцами. Расчет заключался в том, что общая поддержка венгерских правящих кругов со стороны югославян в их борьбе за персональную унию будет оценена и взамен те позволят прийти к власти в Хорватии хорватской политической элите. План борьбы включал в себя пункты оздоровления экономической ситуации в Далмации и введения в качестве официального языка на ее

территории хорватско-сербского. Программа-минимум заключалась в присоединении Далмации к Хорватии-Славонии. Этапы борьбы подразумевались следующие: ревизия Соглашения 1868 г., обретение финансовой самостоятельности Хорватии-Славонии, соединение Далмации с Хорватией и как итог – создание независимого югославянского государства.

Летом 1904 г. в венгерском парламенте начались дебаты по поводу репрессий министра-председателя Тиссы против оппозиции, в результате которых парламент был распущен. На новых выборах победу одержала оппозиция, среди которой наиболее влиятельной была Независимая партия, а всю Венгрию охватили волнения. В 1905 г. разразился венгерский конституционный кризис, вызванный стремлением венгерской коалиции оппозиционных партий под руководством Ференца Кошута к независимости Венгрии, создания собственной венгерской армии и права на самостоятельные международные отношения. У хорватского народа обоснованные опасения вызывали пункты программы венгерской оппозиции под обобщенным названием «мадьяризация», понимаемая как установление превосходства венгерского языка и культуры среди невенгерских народов⁹⁰.

Весной 1905 г. слиянием Народной хорватской партии и Партии права была создана единая Хорватская партия (Hrvatska stranka), выступавшая за объединение Далмации с Хорватией и Славонией и укрепление хорватского самосознания в Далмации. Вне ее рамок остались три правашские группы: в Задаре, в Дубровнике и Шибенике. В августе 1905 г. Й. Смодлака основал хорватскую Демократическую партию (Demokratska stranka 1905–1906) и одновременно в Сплите предпринял издание ее печатного органа «Sloboda» («Свобода»). Программа партии включала пункты о принадлежности хорватов и сербов одному народу «с двумя равноправными национальными наименованиями» и об отделении церкви «на основе принципа свободная церковь в свободном государстве»⁹¹.

Мнения хорватской политической элиты разделились по поводу того, как использовать кризис дуализма: опереться на Вену против Пешта или наоборот? Хорватская партия права и франковцы высказались в пользу Вены. Далматинские лидеры «нового курса» – Ф. Супило, Й. Смодлака, А. Трумбич и П. Чингрия – в реализации своих целей планировали опереться на оппозиционную австрийской власти Независимую партию Кошута, способную, по их мнению, в случае прихода к власти, улучшить положение в банской Хорватии и, главное, присоединить к ней Далмацию.

Политики «нового курса» были против как федерализма, так и триализма, полагая, что и в первом, и во втором случае хорваты останутся подчиненным народом. Единственный выход они видели в поддержке внутренних и внешних течений, ослабляющих властную вертикаль, основываясь на принципе «интересы монархии и хорватов являются взаимоисключающими». Германизм рассматривался ими как основной исторический противник хорватского, венгерского и остальных балканских народов. Отделение Венгрии воспринималось как единственный выход, позволяющий создать вместе с венграми «единый фронт обороны»⁹².

Таким образом, политики «нового курса» предлагали перебросить решение хорватского вопроса с австрийских на венгерские плечи. Смысл хорватской национальной политики они видели в соединении хорватского национального вопроса с венгерским для победы над Австрией, «живущей за счет хорватов и венгров». Совместная борьба с Австрией хотя бы на краткий момент выводила хорватов из статуса подчиненного народа, ставя их в равное положение с венграми. Два главных представителя политики «нового

курса» – Супило и Трумбич – исходили из представления о том, что без поддержки Австрии венгерские правящие круги потеряют прежнюю политическую и экономическую мощь, что приведет к изменению общественно-политической и экономической ситуации в регионе. Кроме того, Супило обосновывал политику «нового курса» «невероятным размахом клерикализма на хорватских территориях»⁹³.

В итоге далматинские представители «нового курса» убедили политических лидеров Хорватии поддержать сотрудничество с венгерской оппозицией.

Политика «нового курса» была подтверждена в октябре 1905 г. двумя резолюциями – Риекской и Задарской. 3 октября 1905 г. в Риеке состоялось совещание большинства хорватских депутатов из Хорватии и Далмации, на котором была подписана Риекская резолюция в поддержку венгерской оппозиции и ее борьбы за государственную независимость – персональную унию. Национально-политические цели хорватской политики определялись как проведение совместной с венграми борьбы «за реализацию государственных прав и свобод» и объединение Далмации с Хорватией и Славонией⁹⁴.

Противниками Риекской резолюции сразу же заявили себя Чистая партия права Далмации, старчевичева Хорватская партия права и Хорватская народная крестьянская партия в банской Хорватии. Примечательно, что С. Радич в 1902–1905 гг. поддерживал политику «нового курса» и сотрудничал с Ф. Супило, но с лета 1905 г. он стал весьма критично относиться к попыткам сотрудничества с итальянскими политическими силами и тем более – к идее содействия Венгрии в ее борьбе с династией. Братья Радичи полагали, что резолюция лишь переводит сербско-хорватское сотрудничество в русло следования мажаронским интересам, а хорватские представители ее подписали «из-за своей немощи, поскольку тридцать лет тщетно боролись против венгерской политики». С. Радич, обращаясь к общественности, заявлял о расхождении национально-государственных задач хорватов и венгров, указывая на такие факты, как тяготение Венгрии к созданию своей империи от Карпат до Адриатики, включая Боснию и Герцеговину, к мадьяризации и ассимиляции невенгерских народов – об этом свидетельствует повсеместное внедрение венгерского языка и резкое увеличение числа венгерских чиновников в банской Хорватии⁹⁵.

Кроме того, тактика раскачивания «габсбургской лодки», т.е. усугубления кризиса в монархии путем присоединения к венгерской оппозиции встретила серьезный отпор со стороны австрийских немцев, в первую очередь, сторонников идеи создания «Великой Австрии» и венгерской правящей Либеральной партии.

Сербская народная самостоятельная партия в банской Хорватии (ее председателем являлся Богдан Медакович) выступила с инициативой съезда сербских политических партий в Задаре. На съезде, начавшем работу 16 октября 1905 г., присутствовали представители Сербской народной независимой партии из банской Хорватии, Сербской народной радикальной партии и Сербской народной партии Далмации. Автором резолюции, обнародованной 17 октября, стал комитет, в состав которого вошли С. Прибичевич, В. Крайнович, Ж. Миладинович, М. Бабич, А. Пуглиеси и У. Десница.

Если по Риекской резолюции хорватские оппозиционные партии оправдывали требования венгерской стороны в отношении Вены и одновременно от венгерских властей требовали признания тех же самых политических прав за Хорватией, то Задарская резолюция подразумевала создание союза югославянских народов на гораздо более широкой основе. Сербские политические партии, позитивно оценив значение Риекского документа, в собственной резолюции поставили проблему предоставления и соблюдения

соответствующих венгерским и хорватским требованиям сербских национальных прав и интересов. Они не согласились ограничиться лишь соблюдением прав своего народа как «национального меньшинства», выдвинув на первый план требование паритетных с хорватами отношений, т.е. введения сербско-хорватского государственного суверенитета вместо исключительно хорватского.

Кроме того, в отличие от прежней сербской позиции, Задарская резолюция одобряла включение Далмации в состав банской Хорватии и Славонии, одновременно выдвигая главное условие – обязательное равноправие на объединенной территории сербов и хорватов.

Переговоры между сербской и хорватской сторонами прошли почти месяц спустя, и в результате было достигнуто соглашение, которое подписала Хорватская партия. В договоре главным являлся пункт о сербско-хорватском сотрудничестве и солидарности. В частности, в нем указывалось, что язык должен называться «хорватским или сербским», в школах следует преподавать равно хорватскую и сербскую историю, латиницу и кириллицу, сербский и хорватский флаги следует вывешивать вместе там, где в общинные веча входит, по крайней мере, треть сербов или в общинах проживает значительное количество сербского населения.

Хорватско-сербское соглашение, достигнутое на заседании сабора в ноябре 1905 г., было поддержано практически всеми хорватскими политическими силами, кроме Продана, заявившего, что он не видит оснований, «с чего бы сербы имели особые права в плане названия языка, вывешивания флагов и преподавания сербской истории, раз они с хорватами – один народ»⁹⁶. Достижение единства сербов и хорватов сдержанно, но последовательно отрицали также Чингрия и Трумбич, выступившие против вывешивания сербских флагов в общинах со смешанным составом населения и, в широком смысле, выдвинув стержневой тезис политики Хорватской партии и Риекской резолюции – объединение хорватского народа⁹⁷. На Задарскую резолюцию и последовавшее за ней соглашение весьма болезненно отреагировал С. Радич. В декабре 1905 г. в газете «Hrvatska misao» («Хорватская мысль») политику «нового соглашения» он подверг резкой критике, поскольку «хорватско-сербский спор не только не решен, но еще больше обострился», а «в пользу венгерского империализма, и в будущем – в пользу несчастным образом задуманной и еще более несчастным образом проводимой все-сербской мысли на Балканах – происходит отрицание хорватского государственного права и хорватского национального единства»⁹⁸.

В декабре 1905 г. в банской Хорватии была создана Хорватско-сербская коалиция, в составе Хорватской партии права, Прогрессивной партии, Сербской народной самостоятельной партии, Сербской народной радикальной партии, отдельных беспартийных политиков и, временно, Социал-демократическая партия. Хорватская народная крестьянская партия в состав коалиции не вошла. Политической программой коалиции стала доктрина хорватской политики «нового курса», оформленная Риекской и Задарской резолюциями. Она включала в себя такие пункты как: борьба за демократизацию общественно-политической жизни (прежде всего, введение всеобщего избирательного права и других демократических свобод), социальные положения (защиты крестьянских наделов и введения рабочего законодательства), национальные требования повторяли программные установки «нового курса» – обретение финансовой самостоятельности Хорватии-Славонии и присоединение Далмации к Хорватии, но при этом подчеркивался принцип равноправия сербского и хорватского народов.

Летом 1905 г. престолонаследник Франц Фердинанд получил военную канцелярию, и христианские социалисты передали в его распоряжение свою газету «Reichspost», транс-

формируясь, таким образом, в партию престолонаследника. Далее христианские социалисты приступили к разработке планов государственного переустройства монархии Габсбургов. Главной задачей Франца Фердинанда было сломить венгерское сопротивление, остановить углубление кризиса государственного аппарата, установить власть Вены над всей территорией монархии посредством ликвидации системы дуализма. Осознавая, какой отпор придется встретить со стороны негерманских народов империи попыткам создания единого централизованного государства, Франц Фердинанд предложил проект создания федеративной Великой Австрии. Христианские социалисты в сентябре 1905 г. провели конгресс, на котором поддержали великоавстрийскую программу. В период подготовки к конгрессу, летом 1905 г. «Reichspost» развернул широкую пропагандистскую кампанию, поддержанную хорватскими изданиями (прежде всего, газетой «Narodni list») о том, что в существующих условиях хорватские и венгерские интересы находятся под угрозой, обеспечить их должное соблюдение под силу лишь центральному, венскому правительству. Конкретно относительно хорватских территорий в этих изданиях был обнародован проект объединения Далмации, банской Хорватии, Славонии, Боснии и Герцеговины в отдельную административную единицу. Боснии и Герцеговине, соответственно, перспектива «национального развития» может быть обеспечена исключительно посредством аннексии ее территории Австрийской монархией с последующим объединением ее с Далмацией и банской Хорватией. Таким образом предполагалось создание политического союза территорий, единых «в национальном и экономическом отношении». В Боснии и Герцеговине, несмотря на явный проигрыш хорватского элемента по сравнению с сербами и мусульманами, значительно превышающих их в количественном отношении, тем не менее реализацию принципа «свободного самоопределения» предлагалось провести на основе «свободного голосования»⁹⁹. Однако подобные реверансы в сторону Хорватии являлись, прежде всего, инструментом в борьбе против «нового курса» и основой для консолидации его противников.

Политического сотрудничества хорватов с венграми в итоге не получилось. Венгерская коалиция пришла к власти в 1906 г. и венгерское правительство в середине 1907 г. ввело венгерский язык как единственное средство коммуникации на железных дорогах Венгрии (соответственно, и на хорватских территориях), положив, таким образом, конец договорной политике с хорватами. Хорватский и венгерский Комитеты по выполнению Риекской резолюции не провели ни одного совместного заседания, и вскоре вообще перестали существовать. Так безрезультатно завершились попытки сближения и сотрудничества хорватских и венгерских политических кругов. При этом Хорватско-сербская коалиция неизменно побеждала на всех выборах в хорватский сабор, приобретая все больше сторонников среди хорватских политиков, переходивших на точку зрения «хорваты и сербы – единый народ».

С приходом к власти в Венгрии Венгерской коалиции во главе с Независимой партией была распущена правящая Либеральная партия, довеском которой являлась кузновская Народная партия. В 1906 г. прошли новые выборы, на которых победу одержала Хорватско-сербская коалиция*.

В том же 1906 г. далматинская Демократическая партия и Прогрессивная партия банской Хорватии были объединены. Новая партия получила название Хорватская на-

* На выборах 1906 г. хорватско-сербская коалиция получила из 88 депутатских мест Хорватского сабора 43.

родная прогрессивная партия (Hrvatska pučka napredna stranka), однако каждая часть сохранила самостоятельное положение. Их объединенное существование продлилось до осени 1910 г., когда банская часть партии соединилась с Хорватской партией права в рамках также новосозданной партии в банской Хорватии – Хорватской самостоятельной партии (Hrvatska samostalna stranka). Далматинская Хорватская народная прогрессивная партия продолжила деятельность под своим прежним названием¹⁰⁰.

Главной личностью в Коалиции стал Ф. Супило, избранный депутатом в сабор, однако его политическая тактика основывалась на теории «малых дел» – достижении мелких успехов, на использовании противоречий Вены и Пешта с целью ослабления дуализма и – как итог – самой монархии. Однако сама коалиция являлась неоднородным образованием, в котором постепенно усиливались противоречия между отдельными ее частями.

К тому времени роль великоавстрийских кругов в политической жизни монархии значительно возросла: осенью 1906 г. на ключевые посты монархии получили назначение два доверенных лица Франца Фердинанда (главой Генштаба стал Ф. Конрад, министром иностранных дел – А. Эренталь), повлиявшие и на развитие общественно-политической жизни Хорватии. В конце 1906 г. в Австрии был принят закон о всеобщем и равном праве голосования при выборах в австрийский парламент (но не в региональные саборы – непримиримое сопротивление венгерских правящих кругов не позволило ввести его в выборы в хорватский сабор). Соответственно, Хорватско-сербская коалиция не получила возможности увеличить число своих депутатов в саборе.

Ослаблению позиции Хорватско-сербской коалиции в немалой степени способствовал Й. Франк. Его группа в начале 1907 г. приступила к обструкции сербского национального наименования, что на время парализовало работу сабора. В результате весна 1907 г. принесла с собой падение правительства Коалиции и крушение политики «нового курса».

Правящие круги монархии обнародовали так называемую железнодорожную прагматику, согласно которой ужесточались санкции за проведение забастовок и создание организаций железнодорожников, а также регулировалась их заработная плата. Но главным была отмена положения об употреблении хорватского языка на железных дорогах: служащий-железнодорожник должен быть венгерским подданным и владеть венгерским языком, таким образом, прагматика вводила венгерский язык в качестве официального на железных дорогах и в Хорватии. Это противоречило венгерско-хорватскому Соглашению 1868 г., согласно которому официальным языком государственных учреждений (в том числе и на железной дороге) в Хорватии-Славонии является хорватский. Венгрия же, следуя логике своей экспансии на Адриатику и Балканы, рассматривала железные дороги как оплот мальяризации. Император Франц Иосиф, утвердив «железнодорожную прагматику», тем самым открыл путь для введения абсолютистского режима в Хорватии-Славонии. Хорватским баном, ко всеобщему огорчению, был назначен С. Ракоци, а политика «нового курса» потерпела полное поражение¹⁰¹.

ПЕРИОД АННЕКСИОННОГО КРИЗИСА 1908–1909 гг. В октябре 1908 г. было заключено новое австро-венгерское финансовое соглашение, ликвидировавшее внутреннее препятствие для реализации экспансионистских планов Австрии относительно Балкан. Первым их пунктом являлась аннексия Боснии и Герцеговины. Во внешнем плане развившаяся в июле 1908 г. младотурецкая революция теоретически могла создать основу для возвращения Боснии и Герцеговины в состав Турции. Монархия вступила в фазу

реализации и оправдания аннексии на дипломатическом и внутривластном уровне, однако она требовала пропагандистской подготовки с тем, чтобы представить ее как акт необходимой самообороны монархии от «великосербской опасности», т.е. якобы от стремлений Сербии посредством деятельности своих «агентов» на югославянских территориях империи Габсбургов поставить под угрозу существование последней.

Для подготовки аннексии было необходимо введение в Хорватии режима абсолютистского правления; ослабление югославянского элемента в монархии; отстранение Хорватско-сербской коалиции от власти; консолидация хорватских политических групп, на которые могла бы опираться Вена; провоцирование сербско-хорватских столкновений; «выявление государственных изменников» среди сербов и хорватов монархии.

Для выполнения этих задач хорватский сабор, в котором Коалиция составляла большинство, был распущен, и в январе 1908 г. баном был назначен П. Раух, ставший создателем модели абсолютистского дуалистического режима. Его главными отличительными чертами стала опора внутри монархии на Вену, а не на Пешт, а внутри Бановины – на партию Франка. В печати монархии была развернута антисербская кампания и сфабрикован ряд фальсифицированных документов о связях сербского руководства с хорватскими и сербскими политическими кругами монархии.

Так после революции младотурок была опубликована брошюра австро-венгерского агента Джорджа Настича «Финал», обвинившая сербов в подготовке революции с целью присоединения югославянских территорий монархии к Сербии. В августе прошли аресты 53 членов Сербской народной самостоятельной партии, обвиняемых в попытке проведения революции с целью создания Великой Сербии во главе с династией Карагеоргиевичей. Как выяснилось позднее, обвинение было выдвинуто на основании записей франковца И. Кшняви, утверждавшего, что в Хорватии нет сербов как таковых, и лишь благодаря великосербской пропаганде, развернутой на хорватских территориях Сербией, в Хорватии появилось сербское национальное имя и кириллица. Из хорватских политических кругов антисербскую кампанию поддержали франковцы и клерикальная группа, развернувшие наряду с прессой Австрии и Венгрии мощную информационную кампанию против сербов. Целью сфабрицированного процесса было создание антисербской атмосферы, и она была выполнена настолько «успешно», что, казалось, до войны с Сербией и изгнания сербов из Хорватии – всего один шаг. Однако завершение процесса практически совпало со временем окончания аннексионного кризиса. Главные обвиняемые – Адам и Валериан Прибичевичи (братья одного из лидеров сербских самостояльцев С. Прибичевича) получили по 12 лет заключения.

Группа Франка по директиве главы Генштаба Австро-Венгрии Конрада – главного инициатора войны с Сербией, приступила к формированию «хорватских легионов» с целью борьбы против «сербских и черногорских банд», однако послужившие средством для борьбы и с противниками Франка – членами Коалиции, социалистами, старчевичевцами и сторонниками Радичей. Поддержку великоавстрийскому курсу выразил Степан Загорац, возглавлявший группу римско-католического духовенства в Хорватской партии права, которая вышла из Коалиции и присоединилась к противнику старчевичевцев Франку. Немного позднее их примеру последовал будущий Загребский архиепископ Анте Бауэр.

Однако даже среди франковцев вопрос об отношении к сербам был поставлен настолько остро, что вызвал раскол партии. От Франка в 1908 г. отделилась группа во главе с Миле Старчевичем (племянником А. Старчевича). Он осудил Франка за подчиненность интересам австрийских и венгерских правящих кругов и выступил за сотруд-

ничество с Хорватско-сербской коалицией. Группа М. Старчевича приняла название Старчевичевская партия права (Starčevićeva stranka prava или милиновцы).

6 октября 1908 г. была провозглашена аннексия Боснии и Герцеговины. В монархии проведена частичная мобилизация, пожар европейской войны мог разгореться в любой момент. Период неизвестности продлился до 25 марта 1909 г., когда российское правительство, убедившее Сербию последовать своему примеру, признало аннексию. Перед тем Турция и Австро-Венгрия заключили договор о компенсации Порте за отказ от сюзеренитета над Боснией и Герцеговиной. Однако присоединение Боснии и Герцеговины вызвало правовую дилемму: она не могла быть присоединена ни к Австрии, ни к Венгрии, поскольку ни одна, ни другая сторона не могла согласиться на усиление другой половины империи. В результате Босния и Герцеговина была аннексирована как «территория империи», т.е. особая часть, принадлежащая всей монархии и находящаяся под управлением министра финансов Австро-Венгрии, как то было и в период оккупации. Переходное, временное управление Боснией и Герцеговиной вновь возродило мечты о возможном присоединении Боснии и Герцеговины к Хорватии, о триализме, о том, что Вена согласится решить актуальный югославянский вопрос.

Однако переустройство монархии на принципах триализма было невозможно. Во-первых, из-за сопротивления венгерских правящих кругов; политических элит других славянских земель монархии, которым триализм мог бы помешать в осуществлении их собственных национальных устремлений; правящих кругов монархии, опасавшихся кризиса и распада империи в связи с реорганизацией, а также великоавстрийских кругов, тяготеющих к Германии и отстаивающих интересы германской политической и экономической элиты, которая не могла допустить, чтобы словенские территории, Истрия и Далмация отошли бы к югославянской части и отрезали бы монархию от Адриатики.

Не успели чернила просохнуть на обвинительном приговоре по процессу «53-х», как венский историк Хайнрих (Генрих) Фридьонг по директиве Эренталя в конце марта 1909 г. на основе сфальсифицированных документов (якобы переведенных на немецкий оригинальных документов на сербско-хорватском языке) опубликовал в венской прессе серию статей, в которых уверял, что Хорватско-сербская коалиция находится в сговоре с сербским правительством, поэтому будущая оккупация Сербии австро-венгерской армией вполне оправдана. Демарш Фридьонга являлся частью пропагандистской кампании против Коалиции.

Однако Коалиция обвинила Фридьонга в клевете, и на судебном процессе, состоявшемся лишь в декабре 1909 г., было убедительно доказано, что все документы являются подлогом, изготовленным в австро-венгерском представительстве в Белграде и переданным в Министерство иностранных дел¹⁰². Разразился европейский скандал, так как на суде перед европейской общественностью открылся истинный смысл «процесса о государственной измене» и методы австрийской дипломатии. Оказался подорванным и престиж династии, и авторитет Франца Фердинанда, и его политика в Хорватии. В правовом смысле процесс завершился обвинительным приговором, а в политическом смысле – определенным компромиссом между Францем Фердинандом, Эренталем и Хорватско-сербской коалицией. Первые гарантировали фальсифицированные документы против Коалиции более не использовать и согласились ликвидировать абсолютистский режим Рауха в Хорватии.

В 1910 г., когда после аннексии во внутривнутриполитическом плане в монархии наступила стабилизация, клерикально настроенное духовенство послужило оружием для пе-

реориентации правашей, прежде всего, далматинских, в кильватер австрийских интересов. Выполнению этой «миссии» послужили австрийские христианские социалисты, после завершения аннексионного кризиса направленные в Хорватию, Далмацию (здесь с визитом побывал сам лидер христианских социалистов Карл Льюгер) и Боснию и Герцеговину¹⁰³.

Далмация и Истрия в период аннексионного кризиса. Австрийское правительство не только не выполнило обещания об улучшении экономического положения Далмации, но, более того, завило о невозможности присоединения Далмации к Хорватии. Политическая жизнь Далмации в период аннексионного кризиса и до начала 1912 г. была сведена к локальным политическим конфликтам. Хорватскую партию ослабили выход из ее рядов одного из инициаторов «нового курса» Чингрии и его сторонников и сближение другого его «отца-основателя», Трумбича, с правительственными кругами. Не ослабевали противоречия между Хорватской партией и Хорватской народной прогрессивной партией; в Сербской партии усиливались противоречия между консерваторами и демократами.

Далматинская Партия права (*Stranka prava*, 1908–1910), возникшая в результате объединения всех правашских групп, рамки монархии не упоминала и тем самым нарушила расчет великоавстрийских кругов на формирование единого антисербского правашского блока. На практике правашаи в целом ориентировались на Вену, однако ее надежным инструментом являлась партия Франка.

Среди хорватских политических групп Далмации в то время значительно усилилась Хорватская народная прогрессивная партия, особенно в Сплите и его окрестностях – там особую остроту приобрел вопрос ликвидации колонатских отношений. Феодальные пережитки и сопротивление собственников земли аграрной реформе были настолько сильны, что существующая система отношений сохранилась вплоть до ликвидации монархии. Единственным средством спасения для крестьян Далмации, как и Бановины, стало бегство, преимущественно, в США. Соответственно, проблема миграции являлась одной из основных социально-экономических проблем этих территорий в предвоенный период¹⁰⁴. Аграрный вопрос стал камнем преткновения в борьбе напредняков с Хорватской партией, поскольку та отстаивала интересы землевладельцев.

Процессы о «государственной измене» и процесс по делу Фридьюнга вызвали пристальное внимание и политические дебаты в Далмации, однако давление власти не позволило развиваться значительным политическим акциям. Далматинский сабор не созывался в течение двух лет, он начал работу лишь после стабилизации внутривнутриполитической ситуации в монархии после аннексии, осенью 1909 г. Единственной уступкой власти стало принятие законов о языке, опубликованных еще в апреле 1909 г., но вступивших в силу лишь в январе 1912 г. – по ним официальным языком Далмации признавался сербско-хорватский. Так австрийская власть попыталась отвлечь внимание нищающих крестьян Далмации от острых социально-экономических проблем¹⁰⁵.

В Истрии определяющим на общественно-политическом поле оставался острый конфликт между итальянским и хорватско-словенским национальными движениями. Примечательно, что здесь политика «нового курса» практически не получила развития. Это было связано, во-первых, с тем, что Хорватско-словенская народная партия относительно быстро справилась с внутренним кризисом конца XIX ст. и перешла в решитель-

ное наступление. Во-вторых, демократизация системы выборов в Австрии оказала благотворное воздействие на усиление общественно-политической активности хорватов и словенцев. В-третьих, Вена с большим подозрением отнеслась к усилиям Италии по сближению с Францией и возрастающим итальянским амбициям относительно Балкан. В этой связи в конце 1904 г. наместником Триеста был назначен принц Гогенцоллерн, преданный престолонаследнику Францу Фердинанду. Опорой его политики в противовес Итальянской либеральной партии стали хорваты и словенцы, а также итальянская Христианско-социальная и итальянская Социал-демократическая партии. Причем появление двух последних партий на выборах в австрийский парламент 1907 г. не только нарушила монополию итальянской Либеральной партии, но и обострила отношения между всеми тремя партиями.

Истринский сабор прекратил работу с того времени, как представители большинства – Итальянской либеральной партии, не желая уступать требованиям хорватов и словенцев, бойкотировали заседания. Власть, стремясь урегулировать ситуацию с противоборствующими партиями, со своей стороны, провела компромиссную (но более выгодную итальянской стороне) выборную реформу, согласно которой Истрия делилась на шесть выборных округов – три итальянских, один словенских и два хорватских. На выборах 1907 г. убедительную победу одержала Хорватско-словенская народная партия, которая отныне стала самой влиятельной партией Истрии. Газета «Народный друг» епископа Махничя, комментируя прошедшие выборы, с едким сарказмом отмечала, что «по итальянской Либеральной партии, нашему идейному и национальному противнику, пора читать отходную молитву... провозглашая принцип свободы, а не божественные и церковные заповеди как верховный критерий, либерализм окончился ложью, а его история вся написана кровью»¹⁰⁶.

Однако под давлением правительства в марте 1908 г. сабор вынужден был утвердить законопроект о новом порядке выборов в Истрии, и выборы, проведенные в ноябре 1908 г., показали результаты, прямо противоположные ожидаемым с хорватско-словенской стороны. Компромиссная формула нового закона позволила Итальянской либеральной партии оправиться от поражения, под лозунгом «единство ради сохранения итальянской национальности» сплотить вокруг себя подавляющее большинство итальянского населения Истрии и восстановить свои прежние позиции. Между двумя партиями в июле 1909 г. было заключено соглашение, по которому они обязывались отложить общинные выборы на время реорганизации общин (самое большое на шесть лет). Однако на практике соглашение продлило власть Итальянской либеральной партии над общинами со славянским большинством¹⁰⁷.

Поскольку Хорватско-словенской партии не удалось не то, чтобы обогнать, но и приблизиться к Итальянской либеральной партии, то в ее рядах произошли серьезные конфликты. Кроме того, на истринской политической сцене усилились позиции клерикалов. Инициатива политических акций исходила, в подавляющем большинстве случаев, от представителей самого верха католической иерархии. Так, Тршчанско-копарский епископ Ф. Наггл (немец по происхождению) введением латинского языка в богослужение вытеснил глаголицу, следуя папскому декрету «Acres de liturgico», предусматривающего отстранение от должности за инновации в литургии. Следующим важным шагом Наггла было развитие организованного наступления католической церкви в политической и социальной сфере. Так, в 1908 г. он писал, что «католической церкви сейчас необходимо всеми силами бороться за католическую акцию при помощи печати, проведения кон-

ференций, организаций обществ по экономическому и социальному развитию, чтобы показать народу, кто является его истинным другом. Наши опоры незыблемы, если они опираются в фундамент католицизма, и тот, кто отказывается вместе с нами укреплять наш фундамент, должен быть отвержен»¹⁰⁸.

Идейное расхождение в умах хорватской интеллигенции в Истрии между католиками и либералами в первом десятилетии XX в. постепенно нарастало и вылилось в создание параллельных (либеральных и католических) организаций гимназистов, студентов и преподавателей. Духовенство также разделилось на сторонников так называемого либерального католицизма (нацеленного на сотрудничество с либералами) и их противников – последователей Махничя, «радикальных католиков», в число которых, в основном, вошли студенты. Идеологические противоречия между «умеренными либералами» и «радикальными католиками» оформились в организационном виде. Истринские преподаватели (учителя и профессура), настроенные в либеральном духе, объединились в обществе «Народное просвещение» (1899) с одноименной ежемесячной газетой, выходившей с 1905 г. Его программа указывала, что политика не является сферой приложения сил участников общества, а ставит своей целью повышение уровня знаний профессорско-преподавательского состава хорватской части Истрии.

Реакция интеллигенции на расширение католического движения под руководством Махничя была, в основном, протестной. 27 мая 1911 г. в Пуле состоялся съезд общества «Народное просвещение», на котором его участники отстаивали право учителей работать с учащимися автономно, без опоры на духовенство. В ответ «радикальные католики» под руководством Й. Бачича спустя несколько месяцев (декабрь 1911 г.) основали католическое общество учителей Истрии «Хорватская школа», организовав выход одноименной газеты в начале 1912 г. «Хорватская школа» за время своего существования (1912–1914) по решительному выдвижению принципов католицизма и демонизации своих противников стала весьма схожей с изданием Махничя «Народный друг». Особо эта организация преуспела в воспитании твердого католического духа у населения с самого раннего возраста, так, даже в детских садах создавались клубы воспитателей с многозначительным названием «Боголюб». Идейный раскол в воспитательно-образовательной области хорватского общества проявился на всех уровнях от детского сада до университета¹⁰⁹. В 1909–1910 гг. был основан еще ряд клерикальных обществ – «Народное село» (1909), «Оборона» (1910), а в 1911 г. переехала с о. Крка редакция «Народного друга».

Глубокий идеологический раскол в среде духовенства пролегал по линии, с одной стороны, «старого духовенства», придерживающегося принципов национального единства применительно ко всей общественно-политической деятельности, полагая невозможным прагматичное использование религиозных начал в национально-политической сфере. Их противники, преимущественно молодое духовенство – сторонники Махничя – полагали, что борьба за утверждение религиозных принципов во всех сферах жизни и деятельности общества является стратегическим, а не тактическим вопросом. Таким образом, деятельность епископа Махничя с одной стороны, способствовала развитию диалога и широкой полемики с либеральными кругами (в том числе с прогрессивной молодежью), однако, с другой стороны, она явно способствовала поляризации общественных сил: воспринимая жизнь в черно-белых тонах, выискивая малейшие проявления «зла», он безжалостно и радикально осуждал любое отклонение от утвержденных

церковью норм и правил. В результате Махнич привел хорватское национальное движение в Истрии к глубокому расколу¹¹⁰.

Предвоенные годы. В предвоенный период трудности общественно-политического и социально-экономического развития Хорватии-Славонии обуславливались мировым финансовым кризисом, разразившимся в конце 1907 г.; аннексионным кризисом и опасностью войны, угрожавшей монархии. Ситуация не улучшилась и после окончания таможенной войны Австро-Венгрии с Сербией в 1906–1911 гг., так как уже в следующем 1912 г. началась Первая балканская война. Абсолютистский режим Рауха в Хорватии и сосредоточение рычагов экономического и финансового управления в руках венгерского правительства не позволяли Хорватии-Славонии совершить рывок в экономическом развитии, более того, началась новая волна эмиграции.

Баном Хорватии, под влиянием ставшего министром-председателем Венгрии Куэна-Хедервари был назначен его доверенный представитель Никола Томашич – один из лидеров Народной партии и управленец подконтрольных Куэну банков. Целью по-прежнему являлось устранение Хорватско-сербской коалиции с политической арены Хорватии, но средства Куэн-Хедервари предпочел избрать не те, что использовало австрийское правительство в период аннексионного кризиса, а вернуть «проверенные методы» своего прежнего управления Хорватией. Коалиция в это время перешла на политику крайних уступок в аспекте реализации национальных требований и постановке на повестку дня далеко не самых актуальных вопросов политической жизни (возобновление судебного процесса над «государственными изменниками» с целью продемонстрировать несостоятельность обвинения, отставка ряда чиновников-ставленников Рауха, расширение избирательного права и т.д.). Однако и для их реализации условий практически не существовало. Пассивность Коалиции привела к заключению соглашения с Томашичем, который намеревался сделать из нее послушную партию, поддерживающую Соглашение 1868 г., аналог Народной партии, ликвидированной в 1906 г. победой Коалиции. Однако и сам Томашич скоро стал препятствием для венгерских правящих кругов в связи с тем, что перешел в православие.

В Хорватии единственной мерой, на которую согласилась Венгрия, стало проведение избирательного закона, однако и он отвечал интересам Куэна-Хедервари в борьбе против венгерской оппозиции. Реформа ничего не меняла по сути существующей системы выборов, единственно снижением избирательного ценза увеличивала право голоса с 2 % населения до 6 %. Проведенные в июне выборы в Венгрии увенчались для Куэна успехом – полным сокрушением оппозиции. Одновременно в Хорватии, несмотря на настояния оппозиции, бан Томашич под давлением Вены и Пешта отказался от выполнения условий соглашения с Коалицией, а венгерское правительство распустило сабор, в котором Коалиция располагала большинством депутатских мандатов¹¹¹.

После этого началась реорганизация Коалиции: Хорватская народная прогрессивная партия отказалась от национальной политики и своих демократических требований и приняла программу Хорватской партии права – так в октябре 1910 г. возникла новая Хорватская самостоятельная партия (Hrvatska samostalna stranka). Новая партия поспешила завить о своей лояльности австрийским правящим кругам, высказалась за сильную Габсбургскую империю и «чистоту» Соглашения, намекнула на возможность триалистического переустройства призывом к объединению всех территорий монархии, на

которых проживают хорваты и сербы. Вслед за хорватскими и далматинские народняки во главе со Смодлакой перешли на позиции улучшения отношений с Веней, т.е. отказались от принципов Риекской резолюции, а также выдвинули требование демократической реорганизации монархии на принципах триализма. Однако новая тактика была обречена на провал. Правящие круги монархии требовали большего – ярко выраженной антисербской политики – в связи с чем и приступили к формированию клерикально-правашского течения. Народняки, по сути, оставшиеся не у дел, постоянно колебались и постоянно возвращались к тезису о необходимости проведения единой политики во всех югославянских землях империи и сербско-хорватской солидарности¹¹².

Выборы, проведенные осенью 1910 г., показали, с одной стороны, что Коалиция все еще остается самой многочисленной группой, однако она потеряла треть мандатов, с другой стороны, выборы продемонстрировали значительное усиление партии С. Радича. В начале 1911 г. из состава коалиции вышел ряд депутатов Славонии, основавших собственный Независимый центральный клуб, который наряду с Внепартийным клубом и пытавшейся реанимироваться Народной партии составили делегацию в венгерский парламент, выступающую с требованиями «чистоты» Соглашения и отмены «железнодорожной прагматики». Однако «славонская группа» выдвинула серьезные экономические требования в пользу хорватско-славонской экономики, в том числе – выделения субсидий для развития промышленности. В связи с отклонением Томашичем и Куэном требований «славонской группы» летом 1911 г. она отказалась, в свою очередь, от сотрудничества с баном и основала собственную Партию народного прогресса (*Stranka narodnog napretka*). В итоге политических дебатов и коллизий сабор в конце 1911 г. вновь был распушен¹¹³.

С 1910 г. политические процессы в Хорватии и Далмации стали развиваться в направлении создания единого правашско-клерикального движения. Тогда же Хорватское католическое движение вступило во второй этап своего развития – «молодежь Махнич», ставшая опорой католического движения, утверждала его принципы в сфере просвещения, культуры, общественно-политической и национально-оборонительной деятельности. Посредством воспитания католических интеллектуалов как «апостолов практического христианства» влияние католических организаций распространилось далеко за пределы Загреба. Внимание акцентировалось на задачах и обязанностях «объединенной молодежи» – в «политическом и культурном отношении делать все... для великой борьбы за победу национальной идеи»¹¹⁴. Постепенно католическое движение под руководством Махнич стало одним из самых мощных в Европе¹¹⁵. Так, например, по поводу 70-летия епископа загребская «*Katolički list*» («Католическая газета») писала: «Епископ Махнич знаменовал собой целое явление в истории хорватских земель, особенно для развития католического движения в Словении и Хорватии, он уберег Словению от либерализма в то время, когда тот набрал силу в Австрии, он первым стал пробуждать дух Хорватии и отделять католиков от либерализма ... самым большим утешением для Махнич должно служить осознание того, что в Хорватии сильно развито католическое движение, которое из маленького круга студентов-католиков приобрело характер всеобъемлющей организации, охватывающей все области духовной и материальной культуры»¹¹⁶.

К тому времени Партия Франка настолько дискредитировала себя в глазах общественности безусловной покорностью Вене и венгерскому правительству, что в Вене было принято решение сменить их на клерикальные группы, также преследующие австрийские интересы, но не дискредитированные в такой степени, как Франк. В сентябре

произошло историческое совещание лидеров Партии права с представителями высшего римско-католического духовенства в Шибенике, на которой был провозглашен курс на слияние католицизма и хорватства, консолидацию католического населения и фактически объявлялась война тем, кто окажет сопротивление намерениям церкви. Одной из главных составляющих клерикальной акции являлась антисербская направленность.

В результате, в 1910 г. произошло слияние партии Франка с клерикальной группой, объединенной вокруг газеты «Хорватство». Так возникла новая партия клерикальной направленности – Христианско-социальная партия права (Kršćanska-socijalna stranka prava), политическим партнером которой стали боснийские клерикалы под руководством Сараевского архиепископа Й. Шталера. Главной целью являлось создание «католического хорватства», направленного против «грековосточного сербства», основой своей программы новая партия провозгласила триализм и возвращение к принципам Анте Старчевича (несмотря на их противостояние великоавстрийским тенденциям). В Далмации и Истрии эмиссары духовенства обратились к правашам с целью заключения соглашения, согласно которому представителям клира будет обеспечен широкий доступ в правашские ряды. Более того, предложение заключалось в прямом присоединении Партии права к словенским клерикальным организациям (оно, правда, не было принято). Тем не менее «массовое вливание» духовенства в ряды правашей привнесло с собой выдвижение на первое место интересов династии и клерикализма (проводником клерикального курса на югославянских землях монархии был самый влиятельный югославянский политик, лидер клерикальной Словенской народной партии, Иван Шуштершич). Особую опасность клерикальная акция несла тем, что правашаи включались в югославянскую политику.

Летом 1911 г. представители правашей Хорватии, Далмации, Истрии и Боснии и Герцеговины объявили о создании всеправашской организации под руководством Миле Старчевича, с опорой на словенских клерикалов. Затем последовало объединение старчевичевцев и франко-клерикалов в Хорватии в единую Партию права. Таким образом, католический клир служил для великоавстрийских кругов орудием реализации двух практических задач – превращения правашских групп в опору своей политики и отдаление их от решения национальных проблем хорватского народа и одной геополитической – формирование централизованной германской Великой Австрии. В практическом плане основывались задруги во главе с духовенством, клерикальные газеты и кредитные организации, а также развернута мощная пропаганда против демократической и антиклерикальной политики.

В начале 1912 г. далматинский наместник Никола Нарделли, далматинец по происхождению и противник правашей, был смещен со своего поста и заменен на австрийского немца М. Аттемса. Он не знал сербско-хорватского языка, зато безусловно исполнял директивы Франца Фердинанда и координировал свою политику с клерикальными кругами под руководством Шуштершича.

Правашаи, рассчитывая консолидацией рядов реализовать свою традиционную идею – переговоров единой и мощной Партии права с Веной о решении хорватского национального вопроса, просчитались. В январе 1912 г. состоялся всеправашский съезд, на котором был выработан меморандум, врученный императору и престолонаследнику. В меморандуме содержались требования о созыве в Загребе хорватского сабора представителей всех хорватских земель и Боснии и Герцеговины с целью совместной с императором выработки новой основы взаимоотношений Хорватии с монархией. Также

подчеркивался суверенитет и государственная независимость Хорватии. Ответом стало заявление Куэна-Хедервари, что Франц Фердинанд выбросит меморандум в корзину, а практическим ответом стало назначение нового бана Славко Цувай и переход к открытой абсолютистской политике¹¹⁷.

Цувай, в отличие от Рауха – человека Вены, был доверенным лицом венгерского правительства. В Хорватии вводилась система абсолютизма, под запретом оказалась почти вся пресса, сабор был распущен. В знак протеста в Загребе начались демонстрации, 12 марта прошли массовые студенческие волнения, охватившие не только Хорватию, но и Далмацию, и Боснию и Герцеговину. Школьники, гимназисты и студенты с патриотическими песнями вышли на улицы в знак протеста против «тирании». Репрессии властей, народное сопротивление и общее ухудшение ситуации были настолько сильны, что оппозиционные партии, прежде непримиримые друг с другом, решились на сотрудничество. В марте 1912 г. Хорватско-сербская коалиция и Партия права заключили соглашение, включающее требования об установлении экономической самостоятельности Хорватии, проведении новых выборов и введении всеобщего права голосования.

Однако ответ венгерской власти, которая сама переживала период острого кризиса, был суров – в начале апреля был введен режим комиссариата, военным комиссаром Хорватии стал сам Цувай. Первым делом был отменен закон о свободе собраний, затем в Бановине постепенно была ликвидирована любая общественно-политическая деятельность. Далматинский сабор прервал заседания в знак солидарности с Хорватией. Далматинские лидеры попытались возглавить сопротивление репрессиям, творимым на юге монархии. Далматинский клуб имперского парламента (Хорватская, Прогрессивная и Сербская партии) попытались устроить обструкцию с целью отмены комиссариата. Однако Хорватско-словенский клуб австрийского парламента (праваша Далмации и словенские клерикалы) под руководством Шуштершича воспрепятствовали этой акции. Более того, они проголосовали за проведение военной реформы в монархии, целью которой являлась увеличение военного потенциала империи. Именно тогда у далматинских правашей возникли обоснованные сомнения в необходимости сотрудничества с клерикальными кругами, которое направлено исключительно на антисербскую деятельность, но никак не на решение насущных социально-экономических проблем самого хорватского народа. С началом Первой балканской войны в Партии права появилось течение, выступающее за активизацию сотрудничества с сербами¹¹⁸.

Против Цувая развернулось молодежное движение, продолжающее традицию прогрессивной молодежи, влившейся в состав Прогрессивной партии. Центром нового хорватского молодежного движения стал Загребский университет. Движение прошло несколько этапов своего развития: первую (но в целом безуспешную) попытку сделать самостоятельным хорватское оmlадинское движение предпринял Юрислав Янушич в 1907 г., основав собственную молодежную организацию. Однако лишь после аннексии Боснии и Герцеговины сложились условия для его независимого от политических партий функционирования.

Предвоенное молодежное движение представляло собой реакцию на давление Вены в период аннексионного кризиса и на клерикальные организации, старающиеся вовлечь хорватскую молодежь в ряды организаций римско-католической церкви. Его отличала деятельность в культурной сфере, но с ярко выраженной югославянской направленностью. Так, существовал союз молодых представителей искусства «Лада» (1904), объединяющий сербов, хорватов, словенцев, а также болгар. В 1908 г. союз был трансформиро-

ван в организацию «Медулич», выступающую с национальных позиций. Настоящими выразителями общих национальных чаяний югославянских народов стали культовый скульптор И. Мештрович, писатели В. Черина и Т. Уевич.

После слияния в 1910 г. Прогрессивной партии с Хорватской партией права в Хорватскую самостоятельную партию прогрессивное движение, по сути, отреклось от своих прежних демократических и антиклерикальных позиций. Крушение напредняков привело к выделению группы далматинской молодежи, настроенной в югославянском духе, т.е. считающей, что существует единая югославянская нация, которая на обломках Габсбургской монархии должна объединиться в единую независимую республику. В 1911 г. эта группа, оформленная под названием «Хорватско-сербская прогрессивная молодежь» в Сплите представила свою программу, главной целью которой провозглашалась борьба с клерикализмом, достижение сербско-хорватского национального единства, включая создание общих организаций культурно-просветительного, а также экономического характера. Эта группа издавала в Загребе самую популярную молодежную газету «Вал».

Репрессивные меры властей вызвали появление в хорватской общественно-политической практике теорий об индивидуальном терроре. Осудив «малые дела» представителей прежней прогрессивной молодежи, парламентаризм, который в условиях абсолютизма являлся не более чем «комедией», хорватские оmlадинцы приступили к решительным действиям. Еще в 1910 г. их сербский соратник Богдан Жераич совершил покушение на губернатора Боснии и Герцеговины генерала М. Варешанина. Возникла группа «Млада Босна», взявшая курс на революционно-национальные акции. Сербский радикализм отозвался хорватским радикализмом – Л. Юкич в июне совершил покушение на Цуваю, смертельно ранив сидевшего с ним в одном автомобиле чиновника. Власть отреагировала волной репрессий – в Задаре, Сплите, Дубровнике прошли массовые аресты оmlадинцев. На судебном процессе Юкичу был вынесен приговор – смерть через повешение, замененный впоследствии на пожизненное заключение. Остальные 12 обвиняемых получили от 15 до 25 лет тюрьмы. По стопам Юкича попытался пойти И. Планиншчак, совершивший новое и столь же неудачное покушение на Цуваю, и по примеру Жераича сразу после того покончил жизнь самоубийством.

Аресты и гонения на печать создали в обществе атмосферу недовольства и благоприятные условия для роста оmlадинского движения. В Далмации начался процесс сближения различных оmlадинских групп, включая сербскую и правашскую оmlадину, в единую организацию «Младохорваты», противостоящую клерикальной и антисербской политике Партии права.

«Объединенная националистическая оmlадина», созданная накануне Первой балканской войны, провозгласила целью унитаристский национализм – национальную идентификацию сербов, хорватов и словенцев, борьбу с национальным эксклюзивизмом, клерикализмом и подчинением Вене. Она отстаивала идею унитарного югославизма (сербы, хорваты и словенцы – одна нация)¹¹⁹.

В период балканских войн Цувай получил отставку, а управление Хорватией было доверено Д. Ункельхезеру – чиновнику, далекому от «большой политики». Так, с одной стороны, режим комиссариата сохранялся, а с другой, монархия смягчала напряженную ситуацию. Однако проведение манифестаций, собраний, индивидуальных политических акций, равно как и любые проявления вольнодумства в печати находились под строжайшим запретом. Тем не менее в хорватском обществе царила атмосфера воодушевления победами балканских союзников. Еще больший энтузиазм проявился в

Далмации – там практически все политические организации – от омолодних групп до правашей – поддержали «братьев далматинцев сербского и хорватского имени», национальную солидарность югославян, а войну как «национальную, справедливую и святую». По далматинским городам прокатилась волна демонстраций в поддержку Балканского союза под сербскими, хорватскими и словенскими флагами. С началом Второй балканской войны, прежде всего, сербско-болгарского конфликта, все хорватские политические силы, кроме франковско-клерикальных, встали на сторону Сербии – именно тогда под грохот пушечных кононад на югославянских землях монархии рождался «югославянский национализм»¹²⁰.

Против всеобщего воодушевления и поддержки балканских союзников выступили словенские клерикалы и хорватские правашаи, собравшиеся в конце октября 1912 г. на совместный съезд, резолюции которого утверждали «единство хорватско-словенского народа в границах Габсбургской монархии». Несмотря на то, что не все правашаи разделяли верноподданнические взгляды и, более того, стремились получить поддержку Сербии в борьбе за независимое хорватское государство, им пришлось принять данную резолюцию – причем в тот момент, когда в Хорватии применялись исключительные меры репрессивного характера. После люблянского съезда была создана хорватско-словенская всеправашская организация с задачей безусловного проведения интересов династии. Однако, несмотря на провозглашение проавстрийского курса, съезд Партии права, проведенный в марте 1913 г., принял резолюцию о том, что победа балканских союзников будет являться стимулом для хорватов и словенцев усилить борьбу за хорватское государственное право.

В начале 1913 г. Партия права распалась на правашские группы Бановины, Далмации и Боснии и Герцеговины. Камнем преткновения стал вопрос о преданности династии – следует ли рассчитывать на монархию или нет при решении хорватского вопроса. В Далмации правашаи Шибеника во главе с Дринковичем разошлись с далматинской же Партией права во главе с Проданом, а также со старчевичевцами. Франко-клерикалы Загреба перешли в наступление против старчевичевцев, выдвигая доктрину хорватско-католической исключительности, антисербскую направленность и преданность династии. Партия права предприняла контр наступление. «Великое вече» партии в Триесте поддержало старчевичевцев и подтвердило, что лидером партии и далее остается М. Старчевич, который взял курс на заключение соглашения с Хорватско-сербской коалицией. В конце 1913 г. франко-клерикалы были исключены из Партии права¹²¹.

Окончание Первой балканской войны привело венгерское правительство к мысли о взаимодействии с Коалицией. Последняя стояла на своей прежней позиции ревизии Соглашения, особенно ликвидации «железнодорожной прагматики» и нарушений административных положений Соглашения, а также выполнения экономических требований хорватских финансово-промышленных кругов, но в целом заявления ее лидеров того периода не выходили за рамки существующего Соглашения 1868 г., т.е. преследовали унионистскую тактику. Летом 1913 г. комиссаром Хорватии был назначен Н. Скерлец. В стремлении прийти к власти Коалиция показала готовность к уступкам Венгрии, что привело к ее выходу из соглашения с Партией права (1912) и с партией Радича.

В декабре 1913 г. прошли переговоры министра-председателя Тиссы и Коалиции, в ходе которых последняя приняла обязательство, как будущее большинство в хорватском саборе, не поднимать острых и спорных вопросов, т.е. не действовать в направлении изменения Соглашения и, по сути, не противодействовать систематическим нарушениям ее

положений со стороны венгерского правительства. В ответ Тисса обещал несколько изменить «железнодорожную прагматику», но только следующим образом: венгерский язык и далее остается официальным языком на железных дорогах, но самым низшим службам будет разрешено принимать на работу тех служащих, кто говорит только на сербско-хорватском. Хорватский кризис был «урегулирован» таким образом, что все наиболее актуальные вопросы взаимоотношений Хорватии и Венгрии остались нерешенными.

В декабре 1913 г. комиссариат был отменен, но Скерлец назначен баном. Затем были проведены выборы в сабор, на которых Коалиция с помощью административного ресурса венгерской власти получила абсолютное большинство голосов. Все остальные партии потерпели серьезное поражение. Праваши (старчевичевцы и франко-клерикалы) находись во взаимном конфликте, партия Радича потеряла популярность из-за своих колебаний – сотрудничества то с режимом, то с оппозицией, а социалисты по определению не могли быть союзниками Коалиции.

В саборе Коалиция свои обязательства перед венгерским правительством выполнила: провела голосование о продлении финансового соглашения с Венгрией до конца июня 1915 г. И Тисса свою часть договора исполнил – в отсутствие оппозиции венгерский парламент единогласно проголосовал за изменение «железнодорожной прагматики», которое ничего не меняло в ситуации с доминированием венгерских чиновников на железных дорогах Хорватии. Однако несмотря на удовлетворение интересов венгерских властей, Коалиция не пользовалась его полным доверием, поэтому не могла сформировать правительство. Более того, с этого момента Венгрия развернула новое наступление на права хорватской автономии: закон об изъятии морского побережья предусматривал экспроприацию владений частных лиц на побережье, которые могли быть использованы в целях морского судоходства – заливы, гавани и т.д. Это был первый шаг венгерского правительства в присвоении Хорватского приморья. В ответ прошли массовые демонстрации протеста, организованные оmlадиной, партией Радича и социалистами. Коалиция стала на позицию защиты этого закона¹²².

В Далмации приход к власти Коалиции сопровождался столкновениями народняков и оmlадины, первые остро критиковали уступчивость Коалиции. Успешное сотрудничество народняков с Хорватской партией привело к тому, что они исключили из своей программы требование об отделении церкви от государства и введении гражданского брака. В целом общественно-политическую атмосферу Далмации накануне Первой мировой войны характеризовали волнения и демонстрации протеста против политики австрийской власти.

* * *

В Истрии в предвоенный период отношения между Хорватско-словенской и Итальянской либеральной партиями значительно не улучшились, хорватские депутаты по-прежнему требовали установления равноправия языков, итальянцы соглашались, но обуславливали языковое равноправие заключением соглашения относительно общин. В частности, Итальянская либеральная партия требовала создания в центральной Истрии, где преобладали хорватские и словенские села, изолированных итальянских населенных пунктов. Хорваты и словенцы в свою очередь соглашались с итальянским требованием, но в ответ просили предоставить в

их самостоятельное управление славянские общины, что итальянцы решительно отвергали. Кроме того, хорваты и словенцы требовали перераспределения доходов, когда на долю итальянской части приходилось $\frac{4}{5}$, а на удовлетворение нужд славянского населения – всего лишь $\frac{1}{5}$ средств. Однако и здесь итальянская часть оказала решительное сопротивление.

Когда в 1910 г., вопреки сопротивлению Хорватско-словенского клуба был создан сабор, хорватские депутаты снова подверглись обструкции со стороны депутатов-итальянцев, а председатель сабора по-прежнему отказывался давать ход хорватским запросам. В результате усиления конфликтов и столкновений сабор вскоре был распущен. В истории взаимоотношений двух партий начался период глубокого кризиса, который нашел отражение на всех уровнях управления – в администрации провинции и общин – при этом итальянские чиновники решали все так, как будто хорватских и словенских представителей во властных структурах не существует вовсе. Дело зашло настолько далеко, что Спинчич поставил вопрос перед австрийским парламентом. В апреле 1911 г. австрийское правительство, в преддверии выборов в австрийский парламент, вызвало представителей Итальянской либеральной и Хорватско-словенской партий в Вену на переговоры. В результате был принят протокол («венский протокол»), согласно которому в пятилетний срок должен быть решен вопрос о словенских и хорватских школах и проведен общинный «перерасчет». После подписания этого протокола отношения между итальянской и славянской частями Истрии постепенно начали нормализовываться.

В этот период единство Хорватско-словенской народной партии ослаблялось борьбой между клерикальной и либеральной частями, а в партийной среде усиливалось разочарование политикой руководства из-за ощущения, что решительными действиями можно было бы достичь больших успехов. Одновременно Итальянская либеральная партия продолжала консолидировать итальянское население, угрожая опасностью славянизации, которая, помимо прочего, заключается в триализме – в этом случае третьей, югославянской единице, отойдет и Истрия.

На выборы в австрийский парламент, которые впервые после переломного 1907 г. прошли в июне 1911 г., вышли четыре итальянские партии: Национальная либеральная, Социал-демократическая, Христианско-социальная и Демократическая и одна славянская – Хорватско-словенская народная партия. Югославянская социал-демократическая партия выступила совместно с Итальянской социал-демократической партией. Однако Хорватско-словенская народная партия получила голосов меньше, чем в 1907 г., депутатами стали Лагиня, Спинчич и Мандич. Итальянская национальная либеральная партия получила голосов значительно больше, Христианско-либеральная партия вступила в период упадка, а итальянские социал-демократы продвинулись, в основном, за счет славянских рабочих.

Итало-турецкая война 1911 г. была встречена итальянской частью населения Истрии с большим воодушевлением, Итальянская либеральная партия менее чем обычно проявляла стремление к взаимодействию с хорватами и словенцами, более того, на волне националистического воодушевления открыто стала демонстрировать недоверие также и к австрийской власти. Австрийско-итальянские отношения в Истрии обострились настолько, что власть прибегла к Хорватско-словенской народной партии и с ее помощью ослабила позиции Итальянской либеральной партии. Однако с началом Первой балканской войны, особенно в момент продвижения сербской армии к морю через Албанию выяснилось, что расширение Сербии на Адриатику столь же противоречит интересам

Италии, сколь и Австро-Венгрии: в результате в 1912 г. был продлен договор о Тройственном союзе.

Победа балканских союзников в Истрии, как и на остальных югославянских землях, была встречена с большим воодушевлением. Следствием стало усиление пропагандистской активности югославянской националистической омладины, развернувшей наступление против итальянской автономии и политики австрийской власти. В акциях всеправашской организации участвовало лишь руководство партии во главе с Лагиней, в то время как большая часть партии перешла на точку зрения о необходимости расширения сотрудничества не с правашами Хорватии и Далмации, а со Словенской народной партией (клерикалами), хотя и не во всем разделяя позицию последней о следовании интересам династии и церковной иерархии.

В начале 1913 г. власть настолько встала на сторону Итальянской либеральной партии, что от ее действий дистанцировался даже наместник Гогенцоллерн. Но антиславянские настроения в итальянских рядах были так велики, что уступки Австрии не были оценены по заслугам, ее все больше обвиняли в политике «фаворизации славян». В июне-июле 1914 г. прошли выборы в истринский сабор, победителем на которых вышла Хорватско-словенская народная партия. Однако и Итальянская либеральная партия усилила свои позиции (потери понесли Итальянская социал-демократическая и Югославянская социал-демократическая и Христианско-социальная партии). Таким образом истринская арена политической борьбы была расчищена: на ней остались два главных и абсолютно непримиримых противника. Отныне компромисс и договоры были невозможны, каждая сторона с началом Первой мировой войны ожидала полного удовлетворения своих национальных устремлений¹²³.

ГОНЕНИЯ НА СЕРБОВ. Сараевское убийство стало отправной точкой в развязывании масштабных антисербских акций на югославянских землях Австро-Венгрии. 16 июля 1914 г. австрийский начальник генштаба Конрад фон Гетцендорф провел совещание с лидерами франковской группы в Боснии и Герцеговине А. Хорватом и Й. Франком, на которой были выработаны меры против сербского народа в Боснии и Герцеговине и в Хорватии. В частности, кириллица была запрещена в использовании вплоть до средних школ, запрету подверглись вывешивание сербских флагов, празднование религиозных праздников (сербской «Славы») и т.д.

Тем временем франковские издания перешли к прямой пропаганде геноцида сербов. Франковцы и хорватские клерикалы сыграли главную роль в антисербских погромах в июле и августе 1914 г. Франковские легионеры совершали нападения не только на сербов, но и на хорватов, мнение которых не совпадало с декларируемой партией политической программой¹²⁴. Но все же главной целью франковцев оставалось сербское население, которое они обвиняли в государственной измене, в «вероломстве», утверждалось, что примером для них служат «король Петр Карагеоргиевич и Никола Пашич»¹²⁵.

И. Рибар, современник тех трагических событий, вспоминал: «Никогда не забуду ужасную картину вечера первого мобилизационного дня, когда я ... и увидел на рынке ... громадный огонь, в котором сгорало имущество, вынесенное из лавок и домов загребских сербов. Около огня галдела группа франковцев, с энтузиазмом приветствуя все, что приносилось и бросалось в огонь, а за ними благодарили толпу за ревностную службу отечеству дирижеры и организаторы кровавых демонстраций и разбойничьих погро-

мов. По их команде галдеж и скандирование „Серба – на вербу!“ на время прекратились для пения обязательного имперского гимна». Рибар писал, что франковский легион со своим штабом продолжал организовывать насилия против сербов и после начала мировой войны, более того, их представители вошли в состав властных структур и на протяжении всего периода войны продолжали осуществление своей антисербской и антиправославной политики¹²⁶.

В течение войны хорватская национальная общественно-политическая деятельность была весьма ограничена. Политические партии и газеты (последние вследствие прямого запрета или строгой цензуры) практически прекратили функционировать, общественные организации были распущены, в ряде общин введены полицейские комиссары, большее число политически активных деятелей перед началом войны арестованы и подвергнуты либо тюремным заключениям, либо иным видам преследований.

Далматинские политики – Ф. Супило, А. Трумбич, И. Мештрович и др., – опасаясь суровых репрессий со стороны габсбургской власти, эмигрировали, в основном, в Италию, где был создан центр хорватской политической эмиграции. На первых совещаниях политических эмигрантов была выработана основная цель дальнейшей национально-политической борьбы: деятельность против Австро-Венгрии для реализации освободительных устремлений югославыян.

22 ноября 1914 г. во Флоренции состоялось совместное совещание хорватско-словенско-сербских эмигрантов, на котором был заключен договор об основании Югославянского комитета. Через несколько месяцев, 30 апреля 1915 г., комитет был окончательно оформлен в Париже, во главе его стал Анте Трумбич, в качестве места расположения главного штаба комитета был избран Лондон, отделения действовали в Париже, Женеве, Петрограде и Вашингтоне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V. Istorija Jugoslavije. Beograd, 1972. S. 227.

2 Жумић Н. Срби римокатолици такозвани Хрвати. Београд, 2006. С. 55.

3 Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V. Op. cit. S. 286–287.

4 Perić I. Hrvatska državotvorna misao u XIX i XX. stoljeću. Zagreb, 2002. S. 300.

5 Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskog naroda g. 1860–1914. Zagreb, 1968. S. 120–124.

6 Pavlinović M. Mihovil Pavlinović i narodni preporod u Dalmaciji od godine 1848. 1887. u svijetlu nepoznatih izvora. Zagreb, 1936. S. 85.

7 Bataković D. Tipovi nacionalizma kod Hrvata i Srba u Hrvatskoj: Sličnosti i razlike. Dialog povjesničara-istoričara. Zagreb, 2000. Knj. 2. S. 210; Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V. Op. cit. S. 310.

8 Krišto J. Dalekosežne posljedice netočnog pridijevanja: Je li bio klerikalizma u Hrvata? // Časopis za savremenu povijest. Zagreb, 1993. № 25 (2–3). S. 3.

9 Bataković D. Op. cit. S. 208.

10 Марјановић М. Савремена Хрватска. Београд, 1913. С. 224–225.

11 Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Op. cit. S. 49, 168.

12 Ekmečić M. Срби на историјском раскршћу. Београд, 1999. С. 182.

13 Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V. Op. cit. S. 311.

- 14 Цит. По: *Perić I.* Op. cit. S. 104.
15 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Op. cit. S. 132.
16 Ibid. S. 138–144.
17 *Марјановић М.* Указ. соч. С. 239.
18 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Op. cit. S. 145–148.
19 *Марјановић М.* Указ. соч. С. 152.
20 Там же. С. 147.
21 *Vožić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V.* Op. cit. S. 356.
22 *Kovačić I.* Senj u hrvatskom narodnom pokretu godine 1903/4. // *Senjski zbornik.* Senj, 1993. № 20. S. 140.
23 Цит. по: *Берућ Д.* Хрватско праваштво и Срби. Нови Сад, 2005. Књ. 1. С. 78.
24 *Vožić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V.* Op. cit. S. 356.
25 *Perić I.* Op. cit. S. 325–327.
26 Hrvatski državni arhiv. Fond 78 Zemaljska vlada (Hrvatsko-dalmatinska Zemaljska vlada).
Kutija 1.
27 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Op. cit. S. 157.
28 *Vožić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V.* Op. cit. S. 357.
29 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Op. cit. S. 201–202.
30 *Trogrljić S.* Katolička crkva u Istri pred izazovom nacionalnih, socijalnih i idejnih podjela (kraj 19. i početkom 20. stoljeća) // *Časopis za suvremenu povijest.* Zagreb, 2002. Br. 2. S. 476.
31 *Krišto J.* Dalekosežne posljedice netočnog pridijevanja: Je li bio klerikalizma u Hrvata? // *Časopis za suvremenu povijest.* Zagreb, 1993. № 25 (2–3). S. 7.
32 *Korenić S.* Prvi hrvatski katolički sastanak održan u Zagrebu dne 3., 4. i 5. rujna godine 1900. Zagreb, 1900. S. IX–XI.
33 Архив Српске академије наука и умјетности. Заоштавштина В. Новака. Бр. 14474.
34 *Korenić S.* Op. cit. S. XXI–XXIII.
35 Ibid. S. 9–15.
36 Ibid. S. 19.
37 Ibid. S. 97–98.
38 Ibid. S. 146–147, 155.
39 Ibid. S. 164–165.
40 Ibid. S. 145–153.
41 Ibid. S. 306–308.
42 *Perović B.* Op. cit. S. 35.
43 *Krišto J.* Katoličko priklapanje jugoslovenstva // *Časopis za suvremenu povijest.* Zagreb, 1992. № 24 (2). S. 27.
44 *Perović B.* Op. cit. S. 36.
45 Ibid. S. 16–17.
46 *Жутић Н.* Римокатоличка црква и хрватство... С. 150.
47 *Perović B.* Op. cit. S. 47.
48 *Екмечић М.* Стварање Југославије... Т. 2. С. 514–515.
49 Цит. по: *Krišto J.* Dalekosežne posljedice... S. 2.
50 *Perović B.* Op. cit. S. 16.
51 *Екмечић М.* Стварање Југославије... Т. 2. С. 516.
52 Цит. по: *Trogrljić S.* Katolička crkva u Istri pred izazovom... S. 482–483.
53 *Vožić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V.* Op. cit. S. 270.

- 54 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Op. cit. S. 60.
- 55 *Stančić N.* Hrvatska nacionalna ideologija preporodnog pokreta u Dalmaciji (Mihovil Pavlinović i njegov krug do 1869). Zagreb, 1980. S. 152–162.
- 56 *Pavlinović M.* Mihovil Pavlinović i narodni preporod u Dalmaciji od godine 1848. 1887. u svijetlu nepoznatih izvora. Zagreb, 1936. S. 134–135.
- 57 Ibid. S. 158, 325.
- 58 *Божих С.* Политичка мисао Срба у Далмацији. Београд, 2001. С. 33.
- 59 *Grižak Z.* Teologija povesti ili klerikalizam: Odnos vere i politike u Mihovila Pavlinovića // *Časopis za suvremenu povijest.* Zagreb, 1993. Br. 2–3. S. 50–51.
- 60 *Pavlinović M.* Op. cit. S. 166.
- 61 *Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V.* Op. cit. S. 310.
- 62 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Povijest hrvatskog naroda g. 1860–1914. Zagreb, 1968. S. 168–169.
- 63 *Grižak Z.* Povijest hrvatskog naroda g. 1860–1914. Zagreb, 1968. S. 57.
- 64 Цит. по: *Божих С.* Указ. соч. С. 75.
- 65 Цит. По: *Pavlinović M.* Op. cit. S. 175.
- 66 *Божих С.* Указ. соч. С. 108.
- 67 Там же. С. 108.
- 68 Там же. С. 122.
- 69 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Op. cit. S. 172–178.
- 70 *Trogrljić S.* Katolička crkva u nacionalno-političkim i idejnim previranjima 1900–1914 // *Časopis za suvremenu povijest.* Zagreb, 1996. Br. 3. S. 288.
- 71 *Trogrljić S.* Katolička crkva u Istri pred izazovom nacionalnih, socijalnih i idejnih podjela (kraj 19. i početkom 20. stoljeća) // *Časopis za suvremenu povijest.* Zagreb, 2002. Br. 2. S. 475.
- 72 *Trogrljić S.* Katolička crkva u nacionalno-političkim... S. 301.
- 73 *Trogrljić S.* Katolička crkva u Istri... S. 480.
- 74 Ibid. S. 478.
- 75 Ibid. S. 475.
- 76 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Op. cit. S. 184.
- 77 Ibid. S. 182.
- 78 Цит. по: *Trogrljić S.* Katolička crkva u Istri... S. 475.
- 79 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Op. cit. S. 191.
- 80 *Trogrljić S.* Katolička crkva u nacionalno-političkim... S. 295.
- 81 Ibid. S. 287–288.
- 82 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Op. cit. S. 191.
- 83 *Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V.* Op. cit. S. 302.
- 84 Архив Српске академије наука и умјетности. Бр. 14 138.
- 85 *Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V.* Op. cit. S. 282.
- 86 Ци. По: *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V.* Op. cit. S. 45.
- 87 *Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V.* Op. cit. S. 273.
- 88 Ibid. S. 364.
- 89 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D.* Op. cit. S. 218.
- 90 *Matković S.* Odnos braće Radić prema politici “novoga kursa” na primjeru Riječke i Zadarske rezolucije // *Časopis za suvremenu povijest.* Zagreb, 1994. № 3. S. 475–478.
- 91 *Perić I.* Op. cit. S. 332.

- 92 Цит. по: *Ganza-Aras T. Zadarska rezolucija (1905.) i idejno-politička strujanja u vezi s krizom dualizma (u povodu 90. godišnjice) // Zadarska smotra. Zadar, 1997. № 1–3. S. 46.*
- 93 Цит. по: *Krišto J. Dalekosežne posljedice... S. 10.*
- 94 Цит. по: *Perić I. Op. cit. S. 332.*
- 95 *Engelsfeld N. Riječka rezolucija i Hrvatska seljačka stranka // Zbornik pravnog fakulteta sveučilišta u Rijeci. Rijeka, 2001. Br. 1. S. 334–335.*
- 96 Цит. по: *Ganza-Aras T. Zadarska rezolucija (1905.) i idejno-politička strujanja u vezi s krizom dualizma (u povodu 90. godišnjice) // Zadarska smotra. Zadar, 1997. № 1–3. S. 55.*
- 97 *Ibid. S. 57.*
- 98 Цит. по: *Matković S. Odnos braće Radić... S. 481.*
- 99 Цит. по: *Ganza-Aras T. Op. cit. S. 43.*
- 100 *Perić I. Op. cit. S. 331.*
- 101 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Op. cit. S. 231–234.*
- 102 *Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V. Op. cit. S. 359.*
- 103 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Op. cit. S. 238–245.*
- 104 *Ibid. S. 252–253.*
- 105 *Ibid. S. 253–254.*
- 106 Цит. по: *Trogrljić S. Katolička crkva u nacionalno-političkim... S. 296.*
- 107 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Op. cit. S. 236–237 256.*
- 108 Цит. по: *Trogrljić S. Katolička crkva u nacionalno-političkim... S. 292.*
- 109 *Ibid. S. 299.*
- 110 *Ibid. S. 299.*
- 111 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Op. cit. S. 260, 266–268.*
- 112 *Ibid. S. 270.*
- 113 *Ibid. S. 272–273.*
- 114 Цит. по: *Perić I. Op. cit. S. 338.*
- 115 Архив Српске академије наука и умјетности. Заоставштина В. Новака. Бр. 14474. Л. 10.
- 116 Цит. по: *Perović B. Op. cit. S. 45.*
- 117 *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Op. cit. S. 273–276.*
- 118 *Ibid. S. 276–279.*
- 119 *Ibid. S. 279–284.*
- 120 *Ibid. S. 285–286.*
- 121 *Ibid. S. 288.*
- 122 *Ibid. S. 289–292.*
- 123 *Ibid. S. 293–296.*
- 124 *Патковић М. Антисрпски и антијугословенски погроми у лето 1914. године // Зборник о Србима у Хрватској. Београд, 1991. Књ. IV. С. 115.*
- 125 Там же. С. 286.
- 126 Там же. С. 304–305.

ГЛАВА 5

СЛОВЕНСКИЕ ЗЕМЛИ

Политическая жизнь. Последние десятилетия XIX ст. австрийские владения переживали тяжелейший экономический кризис. В словенских землях он протекал мучительно, множество крестьян разорились. До середины 1890-х годов из словенских земель эмигрировали около 100 тыс. чел. Результаты переписи населения 1900 г. потрясли словенскую общественность – Крайна оказалась на первом месте среди всех австрийских областей по эмиграционным потерям¹. Отток словенского населения за границу продолжался и в начале XX в. Экономическая депрессия была преодолена лишь к середине 1890-х годов, и начался экономический подъем, продолжавшийся вплоть до начала Первой мировой войны.

Постепенно менялись и формы политической жизни. С 1879 по 1893 г. венское правительство возглавлял консерватор Э. Таафе. В противовес либералам он стремился обеспечить себе поддержку национальных славянских партий Цислейтании. Национальное положение словенцев в этот период существенно улучшилось: они получили ряд правительственных концессий, словенский язык все больше укреплял свои позиции в школах и учреждениях. Весь период правления Таафе словенцы поддерживали правительство, официально отказавшись ради сохранения согласия от требования создания Объединенной Словении.

Падение правительства Таафе положило конец коалиции словенцев с немецкими консерваторами в австрийском рейхсрате. Когда австрийские немецкие буржуазные партии в 1899 г. решительно выступили против идеи национального и языкового равноправия, словенско-немецкие отношения обострились как в рейхсрате, так и в словенских землях. Немецкая пресса открыто писала, что не отдаст славянам «своих земель» и выхода к морю. Германизаторский натиск особенно усилился в Штирии и Каринтии, причем в Каринтии положение словенцев было наиболее тяжелым. Из всех областей со словенским населением немцы ощутимо теряли свои позиции только в Крайне. Это была практически полностью словенская область, словенцы составляли 90 % ее населения. Иная национальная ситуация сложилась в Приморье – процесс италянизации там постепенно затухал, в Триесте и Горице усиливался славянский элемент.

Возросшая угроза германизации словенских земель, общее обострение политической обстановки в монархии, экономический кризис – все эти факторы послужили катализатором развития словенского национального движения, оформления в нем политических партий. Как реакция на создание словенских буржуазных партий, была организована Немецкая партия, объединившая в своих рядах крайних немцев от консерваторов до радикалов.

В 1890 г. в Любляне было основано Католическое политическое общество, энергично занявшееся организацией массовых собраний по всей Крайне. С 1895 г. оно стало назы-

ваться Католической национальной партией (с 1905 г. Словенской народной партией). Ее печатным органом стала газета «Словенец».

Либералы также оформили свою политическую организацию, объявив в 1894 г. об образовании Национальной партии (с 1905 г. Национально-прогрессивная партия). Характерно, что ее первый съезд задумывался организаторами как попытка обновления сотрудничества с консерваторами. Однако представители католической партии на обновление сотрудничества не пошли. Национальная партия оформилась как чисто либеральная и крайнская². Печатным органом либералов стала газета «Словенски народ». Политический раскол и образование партий произошли и в других словенских областях, но уже позднее – в 1906–1907 гг.

Наиболее массовой и влиятельной в словенских землях стала Католическая партия. В своей деятельности словенские католики во многом следовали примеру австрийских и чешских христианских социалистов. Организационным ядром партии были представители духовенства, однако число их быстро пополнялось сторонниками из рядов светской интеллигенции. Особую популярность завоевала Католическая партия среди крестьян, самого многочисленного класса словенского общества (около 80 % населения).

Программа Католической партии была основана на трех пунктах, сформулированных консервативным католиком, ярким противником либерализма и социализма Кркским епископом А. Махничем: «Во-первых, социально-экономическая реформа; во-вторых, религиозное воспитание до университета включительно; в-третьих, национальные права на основе равноправия»³. Католики выступали за реформирование социального и экономического законодательства в пользу крестьян и рабочих, организовывали кооперативы для крестьян, ремесленников и рабочих, просветительские организации. Их национальными требованиями были равноправие языков и открытие словенского университета.

В то же время в Католической партии не было внутреннего единства. Назревал конфликт между ее старым консервативным крылом и новым течением христианских социалистов. Виднейшим представителем консервативных католиков был Карел Клун, первый председатель Католического политического общества. Главным идеологом и организатором христианско-социалистического движения стал Янез Евангелист Крек. Христианские социалисты выступали за неотчуждаемость крестьянских наделов, за отмену оставшихся долгов, ограничение процентов при займе, создание ссудно-сберегательных и закупочных кооперативов (задруг) для крестьян, ремесленников, рабочих, за повышение заработной платы рабочим, сокращение рабочего дня, страхование и принятие справедливого рабочего законодательства. В 1913 г. в словенских землях благодаря их деятельности функционировало уже 462 католических общества рабочих и 682 крестьянских кооператива.

Деятельность христианских социалистов оказала мощное содействие адаптации крестьян, рабочих, ремесленников к капиталистическому укладу, в который они так долго и мучительно не могли вписаться. Приостановился распад старых ремесел, постепенно улучшалось положение крестьян, преодолевалась прежняя экономическая отсталость. Кооперативы нанесли мощный удар по ростовщичеству, они способствовали сплочению крестьян и их взаимопомощи, вместе с открытыми Креком профессиональными школами содействовали модернизации труда крестьян и ремесленников, внедрению прогрессивных методов в различные отрасли сельского хозяйства и ремесла. Эмиграция крестьян из словенских земель резко сократилась. Профсоюзы и просветительские общества, созданные среди рабочих, способствовали росту их самосознания, помогали в борьбе за права. Христианские социалисты фактически оттягивали голоса

избирателей от Национально-прогрессивной и Социал-демократической партий. Перед Первой мировой войной в католических профсоюзных организациях было приблизительно столько же рабочих, сколько в социал-демократических⁴.

Начинания Крека и его единомышленников казались консервативным католикам чрезмерно революционными. Однако консерваторы воздерживались от открытого противодействия им, поскольку они способствовали расширению социальной базы партии и увеличивали ее политический вес. До конца жизни Крек оставался в католической партии, был в ее руководстве, избирался депутатом Крайнского ландтага и австрийского рейхсрата, являлся редактором католической газеты «Словенец». В предвоенные годы, когда во главе партии стоял адвокат Иван Шуштершич, осторожный политик и способный организатор, далекий от идей христианского социализма, отношения между двумя течениями обострились, но до открытого разрыва дело так и не дошло.

Лидерами Национально-прогрессивной партии были бывшие радикалы И. Тавчар и И. Хрибар. В ней объединились, в основном, представители словенской либеральной буржуазии. В городах ее поддерживала либеральная интеллигенция и мелко-буржуазные слои. В деревнях – зажиточные крестьяне и учителя. Главный акцент в программе либералов делался на национальный вопрос, прежде всего на требование национальной автономии (под ней подразумевалась Объединенная Словения, но открыто выдвинуть лозунг ее создания либералы не решались). Как и католики, либералы считали, что словенский народ должен развиваться на основах католической религии, однако резко выступали против клерикализма, считая, что вера – дело личное, к политике отношения не имеющее.

В отличие от консерваторов, либералы не смогли предложить сколько-нибудь действенных мер для решения социального вопроса и преодоления экономического кризиса. Самостоятельной экономической и социальной программы у них не было. Либералы также основывали крестьянские кооперативы и рабочие профсоюзные организации, однако своей главной задачей они считали поддержку средней буржуазии, богатых крестьян, и кооперативы основывали для них. Сначала либералы приветствовали начинания христианских социалистов, но скоро стали резко выступать против них, поскольку кооперативы Крека пользовались значительно большей популярностью, чем их собственные. В 1899 г. И. Тавчар даже потребовал, чтобы крайские власти запретили создание кооперативов христианскими социалистами⁵.

Из боязни, что введение всеобщего и равного избирательного права будет на руку Католической партии, окончательно закрепит ее перевес, либералы в начале XX в. выступали против проведения избирательной реформы, заняв в этом вопросе более реакционную позицию, чем консерваторы. Чтобы не допустить к власти в Крайне католическую партию, словенские либералы заключили союз с Немецкой партией, и эта словенско-немецкая либеральная коалиция действовала эффективно более 10 лет, она сохраняла большинство в крайском ландтаге вплоть до 1908 года. Такого рода действия либералов вызывали негативную реакцию у большей части словенской общественности.

Либеральное движение, так же, как и католическое, не было единым. Еще в конце 1880-х гг. в нем выделилась группа русофилов, объединившаяся вокруг газеты «Словански свет». Издавал ее горицкий либерал Ф. Подгорник, являвшийся наиболее ярким представителем этого направления. Он был последовательным сторонником программы Объединенной Словении, которая, по его замыслу, должна была стать самостоятельной политической единицей в составе преобразованной в федерацию Австрийской империи. Русофилы призывали словенцев опираться в области культуры на исконно славян-

ские ценности – православную церковь, кириллическую азбуку, общеславянский язык, которым должен стать русский⁶. Для русофилов была характерна идеализация России и ее порядков, однако сближение с ней они мыслили в культурной, а не в политической сфере. Идеи Подгорника воодушевили часть словенской студенческой молодежи, среди политиков он единомышленников не нашел. В начале XX в. русофильское движение в словенских землях практически сошло на нет.

В Крайне и Горице в либеральном лагере возникло особое, крестьянское движение. Крестьянские либералы делали акцент на удовлетворении крестьянских интересов и потребностей. Они не называли себя «Либералами», и отреклись от каких-либо связей с дискредитировавшей себя либеральной партией. Если в конце XIX в. в Крайне либерально ориентированные крестьянские кандидаты на выборах выступали как представители Национально-прогрессивной партии, то уже в начале XX ст. они позиционировали себя в качестве «независимых крестьянских кандидатов». Со времени выборов в Крайнеское провинциальное собрание в 1908 г. и вплоть до Первой мировой войны Национально-прогрессивная партия выдвигала своих кандидатов только в городах.

Либеральные студенты, учившиеся в Граце, Праге и Вене, разочарованные политикой Национально-прогрессивной партии, в начале XX в. отделились от нее. Ведущую роль в движении «национальных радикалов» играло венское общество «Словения», руководителями его стали Грегор Жерьяв и Владимир Равнихар. Их печатным органом была академическая газета «Омладина» («Молодежь»), а главным лозунгом «из народа за народ». Студенты выступали против клерикализма, в их программу были включены и социально-экономические требования. В национальном вопросе они поддерживали программу культурно-национальной автономии, а в 1912 г. выдвинули на первый план борьбу за создание Объединенной Словении. Движение «национальных радикалов» приобрело наибольший размах в 1905–1907 гг. Радикалы организовывали хозяйственные кооперативы, объединившиеся в 1907 г. в Союз словенских кооперативов, передвижные библиотеки и т.д. Однако явный перевес католиков в Крайнеском ландтаге и рост влияния социал-демократов побудил «национальных радикалов» объединиться с либералами. В 1912 г. они вновь вошли в состав либеральной партии, оформив в ней «младолиберальное» крыло, и в дальнейшем придерживались ее политики.

Социалистическое движение зародилось в словенских землях еще в 1870-е годы, в 1896 г. была создана Югославянская социал-демократическая партия (ЮСДП). Руководителем партии до Первой мировой войны был писатель и публицист Этбин Кристан. С 1898 по 1911 г. ее печатным органом была газета «Красное знамя», в 1911–1914 гг. «Заря». Резиденция партии сначала находилась в Любляне, потом в Триесте (где концентрация словенских рабочих была наибольшей).

Хотя руководители социал-демократической партии ставили перед собой задачу объединить всех «югославянских бедняков» в империи, партия была все же преимущественно словенской (организационной связи с Хорватией так и не удалось достичь, а в Далмации и Истрии рабочее движение было слабо развито). Центрами словенского социал-демократического движения стали города с развитой промышленностью (Триест, Горица, Идрия, Любляна, Целье, Марибор, Целовец), в Каринтии его поддерживали также сельские рабочие. В ряде национально смешанных областей словенские рабочие входили в состав немецко-австрийской и итальянской социал-демократических партий.

ЮСДП строила свою программу и практическую деятельность, опираясь на пример австрийской социал-демократии. В качестве долгосрочной цели провозглашалось уничтожение капитализма и частной собственности на средства производства и образование нового, справедливого, общественного строя. Эту задачу должен осуществить путем классовой борьбы сознательный и организованный в партию пролетариат. О крестьянских проблемах в программе речи не было, считалось, что крестьянские требования должны совпадать с требованиями рабочих, и крестьянин сможет стать союзником пролетариата, когда преодолеет свою привязанность к частной собственности. Социал-демократы выступали за демократизацию политической жизни в Австрии, за всеобщее и равное избирательное право, за отделение церкви от государства, за бесплатное и светское образование, за осуществление требований рабочих. В своей деятельности партия опиралась на рабочие профсоюзы, организовывала рабочие собрания, забастовки, создавала кооперативы.

ЮСДП выступала с интернациональных позиций за братство всех югославянских народов, за право наций на самоопределение. Теоретиком словенских социал-демократов по национальному вопросу был Э. Кристан. Он первым среди австрийских социал-демократов выступил с программой культурно-национальной автономии, которую подробно изложил еще в августе 1898 г. в пражском журнале «Академия»⁷. Кристан выступил против всех государственно-правовых буржуазных программ австрийских славян – и Объединенной Словении, и Триединого королевства, и чешского исторического права. Он не делал различий между той или иной формой государства, будь то самодержавие, конституционная монархия или республика. По его мнению, в любом государстве народы должны иметь равные права и свободно развивать свою культуру. Проведение принципа национального равноправия в жизнь приведет к исчезновению государств и границ, и произойдет это благодаря культурному объединению всех представителей того или иного народа вне зависимости от того, где они проживают. Национальный вопрос – часть социального, и решение его невозможно без социалистической революции в Австро-Венгрии. Когда же национальное равноправие осуществится, он будет иметь исключительно культурное значение.

В начале XX в. к социал-демократам присоединилась группа молодых интеллигентов, учившихся в Праге и воодушевленных идеями Т.Г. Масарика, профессора Пражского университета, возглавлявшего леволыберальную чешскую партию реалистов. Масариковцы ратовали за развитие буржуазно-демократических институтов, введение правительством демократических свобод⁸. Они отрицательно относились к клерикализму, осуждали равнодушные либералов по отношению к проблемам крестьян и рабочих. В целом они поддержали политические и социальные требования социал-демократов, считая, однако, что реформа общественного строя должна осуществляться постепенно и продуманно. Печатным органом масариковцев был журнал «Наши записки» (1902–1914). Возглавляли движение Антон Дермота и историк Драготин Лончар.

Обе словенские буржуазные партии – и католическая и либеральная – решительно отвергали принципы и деятельность социал-демократов и призывали к борьбе против тех, «кто ничего не имеет, и все хватает жадными руками». Однако настоящим конкурентом буржуазных партий в политической борьбе социал-демократы стать не смогли – их движение было еще слишком слабым. Крестьяне, да и большинство рабочих поддерживали христианских социалистов.

В 90-х годах XX ст. югославянская направленность стала составной частью политики словенских партий, искавших союзников на востоке: католики среди хорватов, либералы и социал-демократы – также и среди сербов, и даже болгар. Эта тенденция в разные годы проявлялась то сильнее, то слабее, но вообще интерес к югославянской идее был характерен для достаточно узкого слоя интеллигенции и национально активной буржуазии.

Католическая партия в 1898 г. вступила в союз с хорватскими правашами, группировавшимися вокруг газеты «Домовина». Инициатором заключения этого союза был Я. Крек, он и два других делегата от Католической партии, которые тоже были христианскими социалистами, приняли участие в съезде правашей в Трсате⁹. Там была принята совместная «триалистическая программа», согласно которой словенские земли должны были объединиться с хорватскими (Хорватией, Далмацией и Боснией) на основе трех принципов: христианства, хорватского государственного права и создания экономических организаций для народа. Прекмурье, Приморье и Венецианская Словения, однако, в этот проект не были включены вовсе. Либералы, выказывавшие симпатии как к хорватам, так и к сербам, не составили сколько-нибудь определенной югославянской программы. Социал-демократы видели в сближении с другими югославянами первый шаг на пути к постепенному культурному и языковому объединению словенцев, хорватов, сербов и болгар.

На рубеже веков возрос интерес словенской общественности к событиям в Хорватии, Боснии, Сербии, Македонии и в других балканских землях. С сожалением восприняли словенские национальные деятели обострение хорватско-сербских отношений в конце XIX в., а позже с радостью приветствовали их примирение и образование политической коалиции хорватских и сербских партий в 1906 г. С симпатией писала словенская пресса о государственном перевороте в Сербии в 1903 г., в результате которого на престол взошли Карагеоргиевичи, и об Илинденском восстании в Македонии (в Любляне тогда даже был основан «македонский комитет»).

Революция в России, правительственный кризис в Венгрии, многочисленные народные демонстрации вынудили правительство империи провести избирательную реформу. В 1907 г. было введено всеобщее (для мужчин), равное, прямое, тайное голосование. Мандаты распределялись уже не по численности населения, а по национальностям, с учетом их налогового бремени. Эта система сохраняла определенные преимущества немцев, но все равно улучшала положение словенцев, которые послали в рейхсрат 24 депутата, что соответствовало доле словенского населения в Австрии¹⁰. Больше всего мандатов получили словенцы Крайны – 11, самым маленьким было представительство каринтийских словенцев, получивших всего один мандат¹¹.

Проведение избирательной реформы привело к перераспределению политических сил в словенских землях. Расширение избирательных прав дало явные преимущества Словенской народной партии (СНП) и ухудшило положение либералов. На выборах в австрийский рейхсрат 1907 г. в Крайне, Штирии и Горице депутаты от СНП получили 17 мандатов, а либералы всего четыре, остальные три депутата от Каринтии, Триеста и Истры были общими. Результаты выборов 1911 г. оказались для либералов еще хуже – они получили всего два мандата, а католики – 19¹². Если в рамках Цислейтании избирательные реформы принесли наибольшую выгоду социал-демократам, которые в 1907 г. стали второй по значимости партией в австрийском рейхсрате, то в словенских землях позиции социал-демократов были еще слишком слабы – им не удалось провести в рейхсрат ни одного своего кандидата.

Итак, накануне 1914 г. католическое движение занимало преобладающие позиции во всех словенских землях, кроме Триеста, Истрии и Горицы. С 1908 г. Словенская народная партия получила большинство в Крайном ландтаге, правлению немецко-словенской либеральной коалиции в области пришел конец. В 1909 г. католические партии Крайны, Штирии и Горицы объединились во Всесловенскую народную партию (ВНП). Через год к ней присоединились и каринтийские католики. Казалось, что либералы окончательно повержены, католики одержали полную победу, в предвоенный и военный период они играли ведущую политическую роль в словенских землях.

Национальный вопрос. Центральным пунктом словенской политики перед Первой мировой войной стал национальный вопрос. Усиление германизаторских тенденций в австрийской политике, обострение межнациональных отношений в империи вынуждали партии яснее определить свои позиции по национальному вопросу. Однако их национальные требования и ожидания по-прежнему оставались расплывчатыми. И католики, и либералы говорили о языковом равноправии и национальной автономии, иногда упоминая при этом об Объединенной Словении, но больше всего занимались практическими вопросами культурного развития словенского народа, роста его образованности, создания культурно-образовательных учреждений. Социал-демократы считали, что национальная автономия – дело личного самоопределения, каждый человек имеет право определить, к какой национальности он относится. В этом отношении взгляды социал-демократов смыкались с позицией немецких либералов. Католики и либералы придерживались традиционных представлений о том, что национальность определяют «кровь» и «язык», и тот, кто отказывается от своего народа, является предателем.

В последнем предвоенном десятилетии словенско-немецкие отношения, особенно в Каринтии и Штирии, обострились еще больше. И немецкие, и словенские политики вели жесткую полемику в печати, организовывали митинги и собрания, стремясь привлечь общественность на свою сторону. В 1908 г. немецкие националисты в Целоваце (Клагенфурт) устраивали демонстрации с требованием использовать в учреждениях только немецкий язык. Немцы объявили ряд южноштирийских городов исконно немецкими поселениями. В 1908 г. Общество св. Кирилла и Мефодия организовало митинг в Птуе с целью продемонстрировать принадлежность этого города словенцам. Местные немцы устроили вооруженное нападение на митингующих. Через несколько дней в ответ на события в Птуе в Любляне состоялась крупная антинемецкая демонстрация, для разгона которой крайнский губернатор направил войска. Тогда, 20 апреля 1908 г., единственный раз за историю Габсбургской монархии в словенских землях во время народной демонстрации были убиты два человека¹³.

Обострение словенско-немецких отношений достигло своего пика. Как считали словенские национальные деятели, тысячелетнее славяно-германское противостояние вступило в решающую фазу, и окончательная победа славянства была уже не за горами. В словенских землях ширилось неославистское движение. Оно развивалось во многом под влиянием аналогичного течения в Чехии и идей Крамаржа.

Неославизм, который лидер младочешской партии Карел Крамарж стал активно пропагандировать после 1905 г., являлся одной из разновидностей австрославизма, в основе его лежала боязнь растущего политического и экономического влияния Германии. В единстве всех славян неослависты видели гарантию признания империей их политических и наци-

ональных прав. Крамарж выступал за тесное сотрудничество с Россией, считая, что она должна стать главным политическим и экономическим союзником Австрии. Он видел в ней единственную силу, способную поставить преграду немецкому натиску и защитить славянские народы. Неославистское течение не делало различий между австрийскими и неавстрийскими славянами, призывало к сотрудничеству всех, кому была близка общеславянская идея. Углубления в политические вопросы неослависты избегали, стремясь к созданию культурного, научного и экономического союза всех славян. Такой союз, по их мнению, смог бы превратить австрийских славян в мощную силу, требования которой монархия уже не сможет игнорировать. Неавстрийским славянам сближение с австрийскими и с Россией могло бы освободиться от турецкого влияния¹⁴.

Наиболее последовательным сторонником неославизма среди словенцев был либерал Иван Хрибар. Он участвовал в подготовке и проведении всех неославистских мероприятий, пропагандировал это течение в прессе, пояснял его цели и мотивы. В успехе неославистского движения он видел единственную возможность создания славянской Австрии, выступал за переориентацию австрийской политики с Германии на Россию, что способствовало бы усилению роли славян в империи. Обладая политическим влиянием и занимая пост жупана Любляны (1896–1910), Хрибар имел достаточно возможностей для организации различных мероприятий, способствовавших развитию межславянских связей. Так, благодаря стараниям Хрибара и его единомышленников, в 1908 г. в Любляне состоялся 8-й Всеславянский конгресс журналистов¹⁵. Хрибар организовывал ознакомительные поездки русских учителей по словенским землям, активно содействовал развитию культурных связей словенцев с русскими и другими славянами. Он уделял большое внимание развитию экономического сотрудничества славян. На встречах с русскими неославистами в России в 1908 г. он предлагал создать Славянский банк для поддержки промышленности славянских стран и развития торговых связей между ними. Хрибар считал, что было бы полезно посылать русских крестьян в славянские земли Австрии для обучения их новым методам хозяйствования¹⁶.

В среде словенской интеллигенции было немало людей, проявлявших интерес к русским и другим славянам, завязывавших с ними разнообразные связи, учивших славянские языки. Некоторые из них даже вели переписку на кириллице. Идеи славянской взаимности были популярны не только среди либералов. Не чужды славянской идее были католики, но сотрудничество между славянами они мыслили на основе католической веры. Неославистского течения (преимущественно либерального) они не поддерживали. Одним из немногих членов католической партии, подчеркивавших важность связей с Россией, был Я. Крек, вообще занимавший достаточно широкую и непредвзятую позицию в вопросе славянского сотрудничества.

После аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г. неославистское движение пошло на спад. В связи с обострением немецко-словенских отношений оно вызывало все большее недовольство властей. В 1910 г., когда Хрибар в шестой раз был избран жупаном Любляны, император не санкционировал его избрания – из-за его неославистских взглядов и недавних поездок в Петербург и Белград¹⁷.

В то же время югославянская идея в словенских землях еще больше актуализировалась. В объединении с южными славянами словенцы видели более близкую и реальную возможность решения национальных проблем, чем во всеславянском сотрудничестве. Так, Б. Вошняк, еще в 1908 г. симпатизировавший неославизму, в 1910 г. писал: «Между словенцем и славянином стоит югослав»¹⁸.

Прежде всего речь шла об объединении южнославянских земель Австро-Венгрии. Именно поэтому словенские политики с воодушевлением восприняли аннексию Боснии и Герцеговины. В январе 1909 г. крайнее провинциальное собрание приветствовало это событие, и выразил надежду, что оно будет «первым шагом к объединению всех южных славян нашей монархии в самостоятельный государственный организм под жезлом Габсбургской династии»¹⁹. Шуштершич выступил за объединение всех южных габсбургских земель от Триеста до Дрины, Крек – за реформирование монархии и образование в ней автономной югославянской единицы.

Таким образом, словенские политики, за исключением некоторых радикалов, по-прежнему не мыслили своего будущего вне рамок Габсбургской монархии. Казалось, тысячелетняя империя вечна. Недовольство политикой властей и рейхсрата вовсе не умаляло веры в императора и династию. Провозглашение престолонаследником эрцгерцога Франца Фердинанда оживило надежды на возможность скорых преобразований. Было известно неприязненное отношение эрцгерцога к венграм, ходили слухи о его благожелательном отношении к идее триализма. Франц Фердинанд планировал восстановить единостороннюю Австрийскую империю и разделить ее на три автономные единицы, в которых будет обеспечено свободное развитие национальных культур: Австрию, Венгрию и Югославию. В состав Югославии предполагалось ввести Хорватию, Боснию, Герцеговину, Далмацию и Приморье с Триестом. Учет ли престолонаследник при этом разделе интересы словенцев, оставалось под вопросом.

Возглавлявший Словенскую народную партию И. Шуштершич предпринимал немало усилий, чтобы войти в круг лиц, приближенных к престолонаследнику (так называемый «Бельведерский круг»). В 1909 г. он послал Францу Фердинанду меморандум, в котором утверждалось, что для сохранения своего преобладающего положения на Балканах империя должна объединить югославянские земли в третью государственную единицу. По Шуштершичу, в югославянскую часть монархии должны войти Хорватия и Славония, Босния и Герцеговина, сербские области Венгрии, «хорватские и словенские земли Цислейтании: Далмация, Приморье, Крайна, заселенные словенцами части Штирии и Каринтии»²⁰. Престолонаследник подтвердил факт получения меморандума и отметил, что «читал его с большим интересом».

Перед Первой мировой войной идеи образования югославянского союза находились в центре внимания словенских политиков. И католики, и либералы говорили о триализме и федерализме, выступали за образование особой югославянской государственно-политической единицы в рамках империи, но их позиции в отношении возможных хорватских и сербских союзников сильно различались.

В 1911–1912 гг. Всесловенская народная партия обновила союз с хорватской Партией права, и в 1912 г. была создана объединенная Хорватско-словенская партия права. Горячим сторонником ее был Шуштершич, видевший в этом объединении возможность укрепить позиции словенцев (он опасался, что иначе при составлении правительством югославянских проектов интересы словенцев могут вообще не принять во внимание). При объединении Всесловенская народная партия не ставила никаких условий и не упоминала католичество в качестве основы нового союза. В общей резолюции было отмечено, что «хорваты и словенцы являются единым национальным организмом» и что обе партии будут «совместно действовать в духе и направлении программы партии права».

Надежды, которые словенские католики связывали с этим объединением, были иллюзорны. Абсолютное большинство голосов в хорватском саборе имела либеральная

хорватско-сербская коалиция, без нее и речи не могло идти о единой хорватско-словенской политике. В 1913 г. в хорватской Партии права произошел раскол, из нее вышли «чистые праваше» Й. Франка, и словенские католики продолжали сотрудничество с оставшейся группой правашей под руководством М. Старчевича. Одним из немногих эффективных результатов этого объединения стало сотрудничество словенских и хорватских депутатов в Хорватско-словенском клубе (фракции) в рейхсрате, продолжавшееся вплоть до начала Первой мировой войны.

Словенские либералы, напротив, стремились к сближению с хорватско-сербской коалицией, к установлению более тесных контактов с сербами и болгарами. После прихода к власти династии Карагеоргиевичей либеральные газеты писали, что одни сербы являются «истинными югославянскими революционерами». Либералов не смущало православие сербов, некоторые из них даже доказывали, что православная церковь имеет преимущества перед католической, так как менее деспотична и теснее связана с народом.

Однако поиски либералами союзников среди сербов и хорватов также оказались не слишком успешными. Хорватско-сербская коалиция не проявила интереса к сотрудничеству со словенцами, ее концепция триализма вообще не предусматривала включение словенцев в югославянскую часть империи. Югославянские представления большинства хорватских партий базировались на признании того, что сербы (не только в Сербии, но и австро-венгерские) являются самостоятельным народом. Именно в сербах они видели важнейших союзников, связям со словенцами большого значения не придавалось. Хорватских либералов настораживала влиятельность католической партии в словенских землях, к тому же сомнения вызывал сам вопрос о возможности дальнейшего самостоятельного существования столь малого народа. Ведя переговоры с итальянскими ирредентистами о разделении границ, они соглашались на передачу Триеста и Горицы Италии, игнорируя интересы словенцев.

Несколько больших успехов в установлении связей с другими югославянами достигла ЮСДП. В 1905–1907 гг. она стала массовой партией, во многом благодаря своей энергичной борьбе за введение всеобщего избирательного права. В 1909 г. в Любляне ЮСДП организовала проведение югославянской социал-демократической конференции, посвященной в основном национальному вопросу. В ней участвовали представители социал-демократических партий Хорватии, Боснии, Сербии, а также немецких и итальянских социал-демократов Австро-Венгрии²¹. На основании доклада Э. Кристана была принята Тиволийская резолюция, в которой провозглашалась цель объединения всех югославян Австро-Венгрии, независимо от их «диалектов, письменности, религии и территориальных границ». Эта резолюция носила абстрактный характер, и направления дальнейших конкретных действий не указала, а посему и серьезных политических последствий не имела²².

В 1912–1913 гг. произошла Первая балканская война. Победа малых балканских государств – Сербии, Болгарии, Черногории и Греции над Турцией воодушевила словенцев. В Любляне был создан благотворительный комитет в поддержку антитурецкой коалиции, словенские добровольцы отправлялись воевать в Сербию. Выступление Болгарии против Сербии, Черногории и Греции во время Второй балканской войны (1913 г.) вызвало сильное разочарование словенской общественности. Симпатии к Болгарии сошли на нет, зато сильно возрос авторитет Сербии, окруженной теперь ореолом победительницы балканских войн.

Однако и во время балканских войн просербских позиций придерживались лишь немногие словенские радикалы. Единственной политической группой, выступившей

еще до Первой мировой войны с антиавстрийских позиций за образование югославянского государства вне рамок империи, были препородовцы – гимназисты, издававшие в 1912–1913 гг. в Любляне газету «Препород» («Возрождение»). К этому движению присоединились гимназисты ряда других словенских городов, некоторые студенты в Вене и Граце. Возглавляли его Ф. Фабиянчич, Л. Клеменчич, А. Енко. Взгляды препородовцев на социальные проблемы были близки социал-демократическим, главное же внимание они уделяли национальному вопросу. Препородовцы считали, что сербы, хорваты и словенцы являются единым народом, насильственно разделенным историей, и их будущее – не только политическое объединение, но и постепенное слияние языков и культур. Препородовцы установили связи с рядом других радикальных организаций империи, в том числе и с «Млада Босной». Идеи препородовцев не нашли поддержки практически ни у кого из словенских национальных деятелей, воспринимавших их как незрелые мечтания подростков.

Однако сама мысль о том, что югославяне являются единым народом, либо станут им раньше или позже, в последнем предвоенном десятилетии пустила корни в умах некоторых представителей словенской интеллигенции и политиков всех направлений. Обосновывалась она ими по-разному, но в основе было одно – сомнения в силах и жизнеспособности своего маленького народа, боязнь, что сербы и хорваты заключат союз без словенцев, а без поддержки более сильных славянских народов словенцы обречены. В среде либеральной интеллигенции в то время зародилось движение неоиллиризма, вождем и идеологом которого стал историк Фран Илешич. Он был убежденным сторонником языкового и культурного сближения югославян. Целью словенцев, по мнению Илешича, должно быть «полное объединение» с хорватами, так как сами по себе словенцы «ничего не значат»²³. Однако Илешич не считал, что словенцы должны полностью отказаться от своего языка, и предлагал использовать сербохорватский прежде всего в научных трудах. Сходных взглядов придерживались и некоторые социал-демократы, и даже католики.

Перед Первой мировой войной сторонников объединения с сербами и хорватами среди словенцев еще было немного. Широкие массы народа мало знали о сербах и хорватах. Для большинства национальных политиков югославянская направленность подразумевала в первую очередь поиски союзников против немцев и итальянцев, при поддержке которых смогла бы воплотиться в жизнь идея Объединенной Словении – национальной автономии в рамках Австро-Венгрии. Крестьянам ближе всего была позиция Всесловенской народной партии, лидеры которой, и Шуштершич, и Крек, несмотря на различия во взглядах, оба ратовали за триализм, за создание словенско-хорватского государственного объединения в составе империи. Депутаты этой партии (т.е. большинство словенских депутатов) выступали с данными требованиями в австрийском рейхсрате с 1908 г.

После распада консервативного клуба Гогенварта в австрийском рейхсрате словенские депутаты еще очень недолго находились в общем клубе, с 1901 по 1917 г. они выступали раздельно, лишь изредка заключая временные союзы. В результате выборов 1907 г. в венском рейхсрате из 516 депутатов от Цислейтании было 17 словенских депутатов-католиков и семь либералов²⁴. С 1911 г. Шуштершич возглавлял Хорватско-словенский клуб 27 депутатов, в котором словенские католики объединились с далматинскими правашами и депутатами из Истрии. К 1912 г. в его руках сконцентрировались все важнейшие политические функции: он был председателем Всесловенской народной партии, главой Хорватско-словенского клуба в рейхсрате и вдобавок занял

должность крайнского губернатора. Шуштершича называли «некоронованным герцогом Крайнским», а христианских социалистов беспокоили диктаторские тенденции в его политике. В 1912 г. Шуштершич ушел с поста главы клуба. В 1914 г. при активном содействии Крека Хорватско-словенский клуб возглавил его сторонник священник Антон Корошец²⁵, вскоре ставший третьим по значимости лидером Всесловенской народной партии.

Убийство в Сараеве австрийского престолонаследника эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 г., послужившее поводом к Первой мировой войне, явилось потрясением для словенцев. Они видели в покушении Гаврилы Принципа руку Белграда. Рухнули надежды на реформы, проект которых готовился Францем Фердинандом, югославянскому движению в империи был нанесен тяжелый удар, его позиции ослабли, и положение словенцев в империи стало еще более шатким. Словенские консервативные и либеральные политики резко осудили сараевское убийство. Шуштершич на собрании Всесловенской народной партии 5 июля 1914 г. в Любляне открыто обвинил в убийстве престолонаследника Сербию. Более умеренно выступили Крек и Корошец, выразив сожаление по поводу случившегося и подтвердив верность династии. Социал-демократы не высказали четко своего отношения, среди них преобладало мнение Х. Тумы о том, что партия не имеет ничего общего с австрийскими престолонаследниками и немецкими националистами.

Война. Объявление Австро-Венгрии войны Сербии 28 июля 1914 г. вызвало протест не только у социал-демократов, но и у либералов. Шуштершич и его сторонники поддерживали правительство, вновь подтвердив свою полную лояльность Габсбургам. Шуштершич развязал активную антисербскую кампанию, призывая словенцев к войне за «справедливое дело Австрии». Христианские социалисты во главе с Креком и Корошецем антисербские позиции Шуштершича не поддержали.

Началась воинская мобилизация. Словенцы входили в состав 50 австрийских полков из 141. Среди них было немало добровольцев. Многие словенские воины, посланные в Галицию, уже осенью 1914 г. оказались в русском плену. Некоторые словенцы вступили добровольцами в сербскую армию. В словенских землях, как и во всей империи, было введено военное положение. Хотя правительство официально не распустило политические партии, деятельность их была ограничена исключительно внутрипартийными делами. Были запрещены многие газеты и общества, занимавшие антиправительственные позиции либо просто имевшие югославянскую направленность. Аресту или высылке подверглись многие национальные деятели словенцев, среди них писатель Иван Цанкар. В декабре 1914 г. состоялся суд над препородовцами, весной 1915 г. в Любляне был введен военный трибунал.

В мае–июне 1915 г. военные действия переместились на словенскую территорию. Итальянцы заняли западную часть Горицы и Посочье. Около 80 тыс. чел. тогда бежали с захваченных территорий в Крайну, Штирию, в австрийские лагеря беженцев. В августе 1916 г. итальянцами была захвачена вся Горица. Во время боев у Сочи, длившихся почти два с половиной года, до октября 1917, погибли около 200 тыс. чел. Всего за время Первой мировой войны погибли около 35 тыс. словенцев²⁶.

Война застала словенских политиков врасплох. Политическая активность либералов и социал-демократов практически сошла на нет из-за правительственных репрессий. Только Всесловенская народная партия благодаря своей прогабсбургской ориентации

могла как-то функционировать. Заседания австрийского рейхсрата не проводились с весны 1914 г., и словенские национальные деятели неоднократно (и безуспешно) выступали с требованиями возобновить его работу. Лидеры католиков вместе с хорватскими правашами по инициативе А. Махнича весной 1915 г. даже обратились к римскому папе с просьбой защитить интересы хорватов и словенцев на будущей мирной конференции. Ватикан ответил отказом.

Итальянская оккупация Горицы настолько привела в смятение лидеров Всесловенской народной партии, что какое-то время они даже готовы были отказаться от своих триалистических проектов, признать немецкий язык в качестве государственного, поддержать централизаторские проекты реформ австрийской военной верхушки. От правительства в 1915 г. они требовали только признания словенской национальной школьной автономии.

После начала войны разногласия между двумя течениями во Всесловенской народной партии обозначились еще резче, а в 1916 г. дело дошло до раскола. И. Шуштершич и его единомышленники были настроены проавстрийски и антисербски. Второе направление, возглавлявшееся Креком и Корошецем, придерживалось югославянских взглядов (в рамках австрославизма) и ориентировалось на государства Антанты²⁷. К концу 1916 г. общая политическая линия Корошец-Крек окончательно оформилась. Для нее были характерны идеи югославизма в том виде, в каком они были сформулированы через несколько месяцев в Майской декларации.

Только словенские эмигранты, бежавшие в Западную Европу, продолжали в первой половине войны открыто выступать с югославянскими идеями. Четверо словенцев (Б. Вошняк, Й. Едловский, Н. Жупанич и Г. Грегорин) стали членами Югославянского комитета, основанного в 1915 г. в Париже по инициативе хорватских эмигрантов. Комитет выдвигал цель освобождения югославян из-под австро-венгерского ига и их объединение с Сербией и Черногорией. Деятельность комитета поддержали и словенские эмигранты в США.

После смерти Франца Иосифа осенью 1916 г. на престол вступил император Карл. Внутриполитическое давление в империи уменьшилось. Весной 1917 г. снова был созван рейхсрат. За день до его открытия 33 словенских, хорватских и сербских депутата австрийской части империи и Далмации объединились в Югославянский клуб (фракцию). 30 мая 1917 г. его председатель А. Корошец огласил Майскую декларацию, призывавшую к объединению словенцев, хорватов и сербов на основе национального принципа и хорватского государственного права в самостоятельное демократическое государственное образование под габсбургским жезлом.

И. Шуштершич, до конца остававшийся на австрославистских позициях лояльности империи и резко осуждавший деятельность югославянских депутатов, после обнародования Майской декларации стремительно терял политическое влияние. В ноябре 1917 г. он вышел из Югославянского клуба, а через несколько дней распустил Всесловенскую народную партию и основал Словенскую крестьянскую партию. Однако Всесловенская народная партия и не подумала распускаться. В декабре состоялось общее собрание ее членов, признавшее действия Шуштершича незаконными и избравшее своим председателем А. Корошеца, ставшего после неожиданной смерти Я. Крека в октябре 1917 г. бесспорным лидером словенской политики. Им он и оставался на протяжении всей дальнейшей жизни (до 1940 г.).

Движение в поддержку Майской декларации достигло своего пика 24 марта 1918 г., когда в Любляне состоялось торжественное вручение А. Корошецу 200 тыс. подписей

сторонников этого меморандума. Большинство подписчиков, впрочем, полагали, что решение югославянского вопроса произойдет в рамках империи. Социал-демократы не поддерживали политики Югославянского клуба, отвергая сотрудничество с буржуазными партиями. Такая позиция вызывала недовольство у некоторых членов партии. Группа молодежи покинула ее ряды и весной 1918 г. присоединилась к югославянскому движению.

В империи ширилось антивоенное движение. В феврале 1918 г. вспыхнуло восстание матросов в Боке Которской, в мае – военнослужащих в Юденбурге, Мюрее и Радгоне. В них приняли участие и словенские солдаты. В мае 1918 г. правительство запретило агитацию в поддержку Майской декларации и подтвердило немецким партиям свою решимость сохранить за немцами доступ к Адриатике. После такого заявления правительства даже социал-демократы изменили свою точку зрения и присоединились к Майскому движению. Либералы, до тех пор еще не имевшие общесловенской организации, в середине 1918 г. объединились в Югославянскую демократическую партию. Началось формирование надпартийного органа национального представительства. Им стал Национальный комитет словенских земель и Истрии, образованный в Любляне 17–18 августа 1918 г. В него вошли представители всех словенских партий. В Загребе 6 октября 1918 г. было установлено Народное Вече Словенцев, Хорватов и Сербов как верховный орган южных славян империи. Председателем обоих органов стал Антон Корошец.

Так накануне распада Австро-Венгрии уже возникли первые органы автономной словенской и югославянской власти, хотя никто еще не имел четкого представления о будущей Югославии и ее государственном устройстве. Существовали и проекты объединения с Сербией и Черногорией, но словенские политики не сформулировали никаких концепций регулирования межнациональных отношений в будущем государстве. Большинство словенцев мало что знали о сербах, да и сам их лидер Корошец никогда не бывал в Сербии и не мог себе реально представить ситуацию в ней. Обсуждение важнейших вопросов, касавшихся будущего государства, было в начальной стадии, когда тысячелетняя империя прекратила свое существование. Это событие застало словенских политиков врасплох. Распад империи встретили в Любляне с воодушевлением, славили Югославию, американского президента Вильсона и «самоопределение». О Карагеоргиевичах никто и не упоминал.

Ни одна из распространенных среди словенцев перед Первой мировой войной югославянских программ не ориентировалась на отделение словенских земель от Австро-Венгрии. Ни одна из политических партий не была готова к образованию Югославии, не имела разработанного проекта основ будущего государственного объединения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Pleterski J.* Nekaj vprašanj slovenske zgodovine v desetletju 1894–1904 // *Zgodovinski časopis* 31. Ljubljana. 1977. N 1–2. S. 7–8.

2 *Ibid.* S. 8–9.

3 *Vodopivec P.* Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. Stoletja do konca 20. Stoletja. Ljubljana. 2006. S. 114.

4 *Pančur A.* Nastanek političnih strank // Slovenska novejša zgodovina Zv. 1. 1848–1992. S. 34.

5 *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1973. S. 281.

6 Чуркина И. В. Национальный вопрос в программах словенских партий накануне Первой мировой войны. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997. С. 273–275.

7 *Gestrin F., Melik V.* Op. cit. S. 305; Чуркина И. Национальные программы словенских партий накануне первой мировой войны. // Европейська політика: від регіональних конфліктів до Першої світової війни. Чернівці, 1995. С. 49–50.

8 *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М. 1984. С. 29.

9 *Pleterski J.* Op. cit. S. 20–21.

10 *Vodopivec P.* Op. cit. S. 119.

11 *Pančur A.* Politično življenje po volilnih reformah // Slovenska novejša zgodovina Zv. 1. 1848–1992. S. 40.

12 Ibid. S. 41.

13 *Vodopivec P.* Op. cit. S. 148.

14 *Gantar Godina I.* Neoslavizem in Slovenci. Ljubljana. 1994. S. 11–12.

15 Ibid. S. 133–143.

16 Чуркина И.В. Образование партийно-политической системы в Словении (90-е гг. XIX в. – 1914 г.) // Человек на Балканах. Государство и его институты. Гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). СПб., 2006. С. 95.

17 *Melik V.* Ivan Hribar in njegovi spomini. In: Ivan Hribar. Moji spomini. Ljubljana, 1984. II. Del. S. 637.

18 *Gantar Godina I.* Op. cit. S. 175.

19 *Vodopivec P.* Op. cit. S. 147.

20 *Vodopivec P.* Op. cit. S. 149.

21 *Gestrin F., Melik V.* Op. cit. S. 318.

22 Ibid. S. 323.

23 *Vodopivec P.* Op. cit. S. 153.

24 *Vodopivec P.* Op. cit. S. 154.

25 *Rahten A.* Zadnji slovenski avstrijakant: Prispevek k politični biografiji dr. Ivana Šusteršiča // Zgodovinski časopis 53. 1999. N 2. S. 198.

26 *Vodopivec P.* Op. cit. S. 159.

27 *Rahten A.* Op. cit. S. 198–200.

ГЛАВА 6

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА

Оккупационный режим. Международно-правовыми документами, регламентирующими статус Боснии и Герцеговины (БиГ) после 1878 г., являлась ст. 35 Берлинского трактата, определившая рамки австро-венгерского оккупационного мандата как право занятия и владения ее территорией, и так называемая Новипазарская конвенция (21 апреля 1879 г.), разрешавшая Австро-Венгрии разместить свои гарнизоны в Новипазарском санджаке.

В период от оккупации до аннексии (1878–1908) государственно-правовой статус БиГ был «правовой аномалией»: формально она оставалась османской провинцией, султан и далее являлся ее легитимным сюзереном, в то время как реальная власть принадлежала Австро-Венгрии. В формально-правовом поле Габсбургской монархии Босния и Герцеговина не вошла ни в состав Цислейтании (Австрии), ни в состав Транслейтании (Венгрии), а была выделена в особую, третью единицу империи, принадлежащую короне Габсбургов и управлявшуюся совместно правительствами Австрии и Венгрии (от их имени административные функции исполняло министерство финансов монархии). Правовая система БиГ не являлась ни австрийской, ни венгерской, жители также не стали ни австрийскими, ни венгерскими подданными. До принятия Конституции 1910 г. БиГ не располагала никакими правами автономии и не участвовала в исполнительной власти монархии¹.

В середине XIX в. население БиГ составляло около 1 070 000 чел., из них сербов православного вероисповедания – около 400 000, 328 000 мусульман, около 178 000 римокатоликов и 2 000 евреев-сефардов (проживающих, в основном, в Сараево)².

Ко времени австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины национальное сознание сербского народа, проживающего на этой территории, уже было оформлено в полной мере. У хорватов процесс национального становления проходил со значительным запозданием. Кроме сербов и хорватов, на территории БиГ после османского завоевания появился еще один тип национального сознания, сформировавшегося сначала как мусульманская религиозная общность, переросшая затем в этническую.

В конце XIX в. национально-культурная борьба сербского народа сконцентрировалась на требовании предоставления церковно-школьной автономии, она носила лояльный характер, ограничиваясь в основном меморандумами к императору (1896, 1897, 1901 и 1902 гг.). Однако на переломе веков культурно-просветительное направление получило новый импульс, когда после обучения в различных университетах империи в БиГ начали возвращаться выпускники – новая сербская интеллигенция. Привнесенные ею идеи получили распространение в сербском обществе, особенно они ощущались в Сараево. Кроме того, активно участвовал в основании различных национально-культурных обществ усиливавшийся торгово-предпринимательский слой сербского народа.

В начале XX в. сербское национальное движение охватило политическую, экономическую и просветительно-культурную сферы³.

Австрийские власти проводили политику, направленную на увеличение католического населения Боснии и Герцеговины. До 1914 г. было создано около 20 колоний католических переселенцев, прежде всего, из Германии и Галиции. Было переселено от 180 000 до 200 000 чел., что было особенно заметно на фоне отъезда местного, преимущественно мусульманского, населения (около 140 000 чел.). В результате переселений количество католического населения выросло с 1879 г. по 1910 г. с 18,08 % до 22,7 %, мусульман – уменьшилось с 38,73 % до 32,25 %, число православных, благодаря стабильности естественного прироста населения, возросло с 42,88 % до 43,49 %⁴. Сараево в результате переселений превратился в город-космополит: по переписи 1910 г. сербский или хорватский язык считали родным 36 400 жителей, немецкий – 5 246, испанский – 4 875, чешский – 1 702, венгерский – 1 393, словенский – 789, польский – 592, итальянский – 465, албанский – 103, цыганский – 100, румынский – 59, греческий – 39, словацкий – 35, русинский – 34, турецкий – 31, венгерский – 17, английский – 12, арабский – 1 и «иной» – 1 человек⁵. В школах не было редкостью, когда при общем числе учеников в 40–50 чел. они принадлежали к десяти национальностям и пяти конфессиям.

Еще одной важной мерой австрийской власти стал «закон об обороне» от 4 ноября 1881 г., по которому все мужское боснийско-герцеговинское население, достигшее 20 лет, обязывалось служить три года в регулярной армии*. Закон вызвал недовольство мусульманского и сербского населения.

Наконец, австро-венгерские власти потеряли доверие к францисканскому ордену, поскольку тот действовал относительно независимо. В результате заключенного с Ватиканом конкордата францисканцы теряли привилегированное положение – исключительное право на католическую паству БиГ. Теперь на ее территории учреждалась католическая иерархия с архиепископом и кафедральным капитулом в Сараево. Первым сараевским (общесербским) архиепископом в 1881 г. император назначил Й. Штадлера, профессора теологического факультета в Загребе, иезуита. Штадлер прибыл в Сараево 14 июня 1882 г. и оставался там до своей смерти в 1918 г.⁶

Архиепископия, главой которой был назначен Штадлер, поначалу существовала только на бумаге, и первой мерой архиепископа было создание ее материального благосостояния, что и было с блеском выполнено: к 1918 г. она стала одной из богатейших на югославянском пространстве Балканского полуострова. Относительно поддержки властью католической церкви показателен пример распределения средств (в 1907 г.). Для трех религиозных объединений государство выделяло ежегодный бюджет в совокупности в 265 465 крон. Из этой суммы православные получили 78 765, мусульмане – 48 000 (вместе – 126 765), а остаток в 138 700 крон предоставлялся католической церкви, в численном отношении значительно меньшей. В результате развития иезуитских и францисканских гимназий приток детей в государственные школы значительно снизился⁷. Штадлер ежегодно получал плату в 16 000 крон, однако он приобрел 17 зданий для развития общественной деятельности общей стоимостью в 91 783 крон. Средства для сараевской архиепископии, помимо австро-венгерского финансирования, поступали и от различных европейских католических организаций⁸.

* В 1912 г. был издан новый закон о воинской повинности, соответствующий австро-венгерскому.

Второй мерой, к осуществлению которой Штадлер приложил всю свою неукротимую энергию, была католицизация православного и мусульманского населения, что вызывало бурные протесты последних и многочисленные демарши Порты в защиту мусульманского населения, нисколько, впрочем, боснийского архиепископа не смущавшие и не препятствовавшие ему в осуществлении поставленной задачи. Католическое духовенство в Боснии и Герцеговине, действовавшее совместно с иезуитами и францисканцами, проводило политику вытеснения чувства национальной принадлежности, особенно это относилось к сербам-католикам.

4 июня 1882 г. союзным министром финансов, принявшим непосредственное управление пространством Боснии и Герцеговины, был назначен Беньямин Каллай, на которого император Франц Иосиф возлагал особые надежды. Каллай, по сути, превратил оккупированную территорию в составную часть монархии. Одним из магистральных направлений его деятельности стала замена феодальной турецкой администрации на модернизированную австрийскую, отличавшуюся, прежде всего, развитой системой народного образования и бюрократии (в боснийском обществе сразу же появилось значительное количество учителей и чиновников). Бюрократическая абсолютистская система существовала независимо от населения. Управление, финансы и суд были организованы по австрийскому примеру, немецкий язык стал общеупотребительным как официальный язык системы внутреннего управления в БиГ. Население провинции общалось на «народном языке», определявшемся в официальных документах 1879 г. как «боснийский язык», «сербско-хорватский язык» или «хорватский язык» (последнее, по определению современного боснийского ученого Д. Юзбашича, являлось проявлением рецидива прохорватской агитации клерикальных кругов БиГ⁹).

Основным инструментом достижения поставленных целей Каллай считал высокообразованное и прошедшее строгий отбор чиновничество. Если османы в управлении Боснийского вилайета обходились 120-ю чиновниками, то у Австро-Венгрии в 1881 г. их было 600, в 1897–7379, во время аннексии их число достигло 9539¹⁰. Так новое владение Австро-Венгрии постепенно превращалось в колонию, в которой правили чиновники. Если до 1878 г. доминирующими представителями общественно-политической и культурной элиты всех национальных сообществ БиГ являлось духовенство, то после ее подчинения Австро-Венгрии и проникновения буржуазно-либеральных идей роль духовной иерархии начала падать: образованные чиновники и преподаватели занимали главные места в администрации и просветительно-образовательных учреждениях. В первую очередь вытеснялось мусульманское (ислам постепенно терял привилегированный статус) и православное духовенство. Католицизм, напротив, приобретал позиции государственного вероисповедания.

Внушительный слой бюрократии позволил Каллаю перейти к реализации концепции просвещенного абсолютизма: править без народа, одновременно, сообразуясь с интересами монархии и возможностями боснийских финансов, сближая социально-экономические условия БиГ с общеимперскими, подготавливая тем самым почву для перехода от оккупации к аннексии.

Тогда было определено новое направление деятельности, связанное с изменением самосознания местного населения. Сербов в БиГ насчитывалось явное большинство (первая австро-венгерской перепись 1879 г. показала, что из 1 158 164 чел., населяющих БиГ, православные сербы составляют большинство – 496 485 чел.¹¹), и под руководством Каллая все усилия австро-венгерской власти направлялись на создание интерконфесси-

ональной «боснийской нации», которая бы под одним названием объединила все три религиозно-этнические группы БиГ. Единственным «успехом» на этом поприще можно отметить тот факт, что газета «Бошняк», редактором которой был Мехмед-бег Капетанович, в 1891 г. перешла на позиции отстаивания особой общепоснийской национальной идеи. Однако Капетанович встретил шквал критики со стороны сербских и хорватских печатных изданий не только в Боснии и Герцеговине, но и в Сербии, Воеводине, Хорватии и Далмации. Мусульманское население БиГ также не принимала идеи Капетановича, считая его «коллаборационистом», а молодая мусульманская интеллигенция и вовсе отказалась от какого бы то ни было сотрудничества с ним. Так бесславно в конце XIX в. закончилась попытка австрийской власти создать в Боснии альтернативу прежде всего сербскому национальному движению.

Несмотря на поражение, Каллай не уменьшил давление на сербов, продолжив наступление на права православной общины, унаследованные ею от османских времен. Сербы в БиГ, со своей стороны, в 1896 г. развернули движение за свою церковно-школьную автономию. Во главе движения стал неформальный комитет, членами которого были Г. Ефтанович, В. Шола, В. Радович, Л. Йованович, П. Дрляча и К. Куянджич. В 1898 г. они составили проект устава церковной и школьной автономии сербского православного народа в БиГ и вручили его Каллаю и Вселенскому патриарху в Цариграде.

Однако лишь в августе 1905 г. церковно-школьная автономия сербов в БиГ стала законом. На этом завершился первый период национально-политического движения боснийских сербов. После этого политическая активность сербского народа в БиГ в основном сконцентрировалась вокруг начавших выходить, благодаря смягчению цензуры (после смерти Каллая в 1903 г.), газет «Српска реч», «Народ» и «Отаджбина». «Српска реч» акцентировала внимание на сербской политике, отстаивая идею автономии БиГ, выступала как против ультраклерикализма Штадлера, так и югославянского движения. «Народ», напротив, поддерживал югославянское направление (по сути, идею объединения БиГ с Сербией и Черногорией). «Отаджбина» (ярким лидером этой группы сербских интеллектуалов из Боснийской Краины являлся Петар Кочич) выступала за справедливое решение аграрного вопроса и сотрудничество всех народов юга Балканского полуострова, отстаивая также идею принадлежности БиГ в историческом и этническом плане сербскому народу¹².

К этому времени сербское общество «Просвета» стало подлинным центром сербского просвещения. Оно включало сеть читален, благотворительных товариществ «Српкиня», сербские сельскохозяйственные артели, торговые и ремесленные общества, сербские организации «соколов» и др. Девизом общества было утверждение, что «народ тогда является культурным, когда культурны и образованы все его слои, когда все умеют солидарно работать в интересах народа»¹³.

После оккупации Боснии и Герцеговины боснийские мусульмане попали под власть европейской католической державы, потеряв прежнее привилегированное положение. Процессы европейской модернизации, привнесенные австро-венгерской властью, вызвали глубокие кризисные явления во всех слоях мусульманского общества и обусловили переселение части боснийских мусульман в Турцию, прежде всего малоимущих крестьян, а также пауперизированных ремесленников и торговцев¹⁴.

В 1895 г. императору и султану была подана коллективная жалоба мусульман округов Сараево и Травника, в которой они указывали на значительный материальный ущерб, причиняемый мусульманскому сообществу от австрийского управления вакуфами и

меарифами. Австрийская власть на жалобы не реагировала. В 1899 г. поводом для недовольства послужила агрессивная католическая пропаганда, навязывающая мусульманам переход в католицизм. Возмущенные мусульмане этого города сформировали комитет во главе с муфтием Джабичем. Этот комитет потребовал, по сути, формирования автономных исламских институтов с широкими полномочиями¹⁵. Власть это требование отвергла, в 1900 г. сместила муфтия Джабича, закрыла мостарскую читальню как сборный пункт оппозиции, а ее секретаря – Ш. Арнаутовича – уволила со службы. Но последствия оказались более серьезными: недовольство мусульман распространилось на всю Боснию, в которой Травник стал центром волнений подобно герцеговинскому Мостару.

Весной 1900 г. в Будапешт для привлечения внимания австро-венгерского парламента к проблеме боснийских мусульман отправилась делегация во главе с Джабичем. Ей удалось установить связь с венгерскими оппозиционными кругами, игнорировать мусульманское движение за автономию далее было невозможно. В начале 1901 г. между Каллаем и комитетом Джабича начались переговоры, в ходе которых первый, впрочем, по ключевым вопросам отказался идти на уступки. Джабич принял решение отправиться в Стамбул с целью поиска поддержки на высшем исламском форуме. В ответ Вена объявила его эмигрантом, которому запрещено возвращаться.

Еще перед отъездом Джабича в августе 1901 г. состоялось тайное совещание сербских и мусульманских лидеров в Киселяке с Ефтановичем и Джабичем во главе с целью заключения соглашения о сотрудничестве. В проекте договора содержались пункты о предоставлении БиГ автономии под сюзеренитетом султана. Мусульманская сторона договор не подписала в связи с несогласием по поводу решения аграрного вопроса, названия языка в Боснии и Герцеговине как «сербский» и планов по введению кириллицы в общественных и образовательных учреждениях. Проект так и остался проектом, однако определенное сербско-мусульманское сотрудничество продолжалось до 1910 г.

Взлет хорватской национальной политики в БиГ произошел в конце XIX в. и стал возможным благодаря поддержке оккупационного режима. Хорватское движение охватило многие слои католического городского населения – чиновников, торговцев, ремесленников. На развитие хорватского национального движения в БиГ, надолго определив путь его дальнейшего развития, большое влияние оказала деятельность боснийского архиепископа Й. Штадлера.

Штадлер являлся не только инициатором, разработчиком и организатором католического движения, но и его идеологом, создавшим идейную базу – основные теоретические постулаты и долгосрочную программу деятельности. Сам он называл эти принципы «акции католического движения» – «фундаментальными законами нашей организации», «являющимися обязательными для каждого ее члена» и которых «никто не смеет менять»¹⁶. Основание католического движения Штадлер расценивал как «начало великого дела», сцелью «пустить корни во всех сферах духовной и общественной жизни» Боснии¹⁷.

На Первом общехорватском католическом конгрессе пространство БиГ было включено в орбиту национальных хорватских интересов, и с этого времени целью религиозно-политической борьбы католической церкви стали хорватизация и католицизация ее населения. Решающая роль в выполнении стратегических задач, поставленных Св. престолом в Боснии и Герцеговине, принадлежала наднациональным структурам римско-католической церкви – орденам францисканцев и иезуитов.

После смерти Каллая союзный министр финансов Австро-Венгрии И. Буриан (1903–1912) инициировал новый национально-политический курс. Распоряжением правительства БиГ от 4 октября 1907 г. язык на пространстве БиГ получил наименование «сербско-хорватский», что вызвало бурные протесты со стороны Мусульманского населения. Распоряжение по языку было воспринято мусульманами как приказ «креститься, каким хотите крестом – православным или католическим»¹⁸.

Несмотря на то, что «бошняштво» так и не смогло утвердиться как национальная идеология мусульман в БиГ, они продолжали настаивать на названии языка как «боснийский». Проблема названия языка не была для власти столь актуальной, тем не менее, она 29 ноября 1907 г. «в устной форме» (неформально) разрешила мусульманам называть свой язык боснийским, но только в рамках мусульманских национально-просветительных институтов. На всех уровнях государственных учреждений язык оставался «сербско-хорватским». Мусульманские лидеры отмечали, что «ни тогда, ни в будущем» мусульмане не желают быть ни с сербами, ни с хорватами», но с сербами они «вынуждены в союзе бороться с властью, поскольку она с одинаковой жесткостью относится и к ним, и к мусульманам»¹⁹.

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. После 1903 г. национально-политические движения народов в БиГ приступили к организационному оформлению своих партий. Первой мусульманской партией стала Мусульманская народная организация (МНО), основанная 3 декабря 1906 г., ее председателем являлся Алибег Фирдус. Руководство партией состояло из крупных землевладельцев, получивших от муфтия Джабича документальные подтверждения своих полномочий. На первый план в новой фазе мусульманского движения выдвигался аграрный вопрос. Партия требовала вакуфной автономии и, в широком смысле, государственно-правовой автономии БиГ под сюзеренитетом султана. МНО пользовалась поддержкой подавляющего большинства мусульманского населения. До аннексионного кризиса организация несколько раз безрезультатно обращалась с меморандумами в Вену и Стамбул. После завершения кризиса вопрос религиозной автономии боснийских мусульман для австро-венгерской власти потерял остроту. В итоге 15 апреля 1909 г. был принят Статут об автономном управлении исламскими религиозными и вакуфно-меарифскими делами, по которому все религиозные и вакуфные органы получали самоуправление²⁰.

МНО противостояла группа, именовавшая себя «прогрессивные мусульмане», объединявшая прорежимно настроенных мусульман, интеллектуалов и государственных чиновников. Эта группа основала Мусульманскую прогрессивную партию (МПП) под руководством Адем-аги Мешича, крупного торговца. По основным пунктам программа МПП практически не отличалась от доктрины Мусульманской народной организации, но в национальном аспекте она придерживалась прохорватских позиций, в связи с чем не пользовалась поддержкой широких слоев населения. В 1910 г. руководство партии пересмотрело позиции в национальном вопросе, отказалось от прохорватских взглядов и изменило название партии на Мусульманскую независимую партию (МНП). В этом же году две указанные партии предприняли попытку объединения, но она оказалась безуспешной в связи с амбициозной и неуступчивой позицией партийных лидеров.

В 1910 г. из МНО выделилось крыло просербски настроенных политиков, основавших газету «Самоуправа» и ориентировавшихся в большей степени на социальные и

культурные проблемы мусульманского населения, прежде всего крестьян. Официально неоформленная в партию, эта группа называла себя «мусульманские демократы». Она имела также влияние на позицию журнала «Гайрет» (редактор – Осман Джикич), выступая за национальное определение мусульман «в сербском смысле». «Гайрет» до начала Первой мировой войны пропагандировал идеи равноправного использования двух написаний – кириллического и латинского, отдавая предпочтение кириллице²¹. На первые выборы в сабор БиГ группа выставила своего кандидата – О. Джикича, который, однако избран не был. Мусульманскими демократами, кроме Джикича, руководил Смаил-ага Чемалович из Мостара.

Сербская народная организация (СНО) была сформирована на скупщине сербских политических сил в Сараево 10–14 октября 1907 г. (Митровданская скупщина). Тогда произошло объединение всех сербских политических групп, существовавших в БиГ в единую организацию. В состав СНО вошла и группа под руководством Г. Ефтановича и В. Шолы (к ним присоединился сербский интеллектуал М. Сршкич), выступавшая за автономию БиГ. В 1905 г. «автономисты» основали газету «Српска реч», посвященную политическим, культурным и экономическим проблемам. «Автономистам» противостояла группа молодой сербской интеллигенции, требовавшая перейти от требований предоставления церковно-школьной автономии к политической борьбе. Своим центром молодые интеллектуалы избрали Мостар, где основали газету «Народ» под редакцией Р. Радуловича и В. Грджича. Мостарская группа пользовалась наибольшей поддержкой сербской интеллигенции на территории всей Боснии и Герцеговины. Третья группа объединялась вокруг П. Кочича и В. Груберовича, издававших газету «Отаджина» в Боснийской Крайне и объединявших небольшую часть сербских интеллектуалов. Эта группа отбросила идею о самостоятельной роли интеллигенции, полагаясь в первую очередь на крестьянство и борясь в этой связи за решение аграрного вопроса²².

В мае 1907 г. сараевский врач Л. Димитриевич, с 1905 г. издававший журнал «Дан», основал Сербскую народную независимую партию (СННП), отстаивавшую идеи радикального решения аграрного вопроса. Партия остро критиковала руководителей «автономистского направления», полагая, что развитие БиГ должно проходить целиком в общемонархическом русле. Однако после провала на выборах 1910 г. СННП постепенно сошла с политической сцены.

По поводу названия языка и использования письменности сербская сторона бескомпромиссно настаивала на названии языка как «сербский» и кириллическом написании, что нашло отражение в Проекте договора между мусульманским и сербским руководством (1900–1901 гг.) и в программе сербских политиков в рамках подготовки издания газеты «Српска реч» (1904 г.), в которой требовалось «прекратить попытки искусственного разделения сербского народа на несколько национальностей»²³. Именно Сербская народная организация на Митровданской скупщине 1907 г. выдвинула программный тезис о введении сербского языка в сферу внешних связей и внутреннего управления. Требования об исключительно сербском характере пространства БиГ и, соответственно, сербском названии языка, являлись реакцией на политику оккупационной австро-венгерской власти в отношении сербского народа (в частности, запрета кириллицы). «Српска реч» считала, что в БиГ, кроме православных сербов и мусульман проживают

* Это требование австро-венгерская власть удовлетворила (правда, исходя из собственных интересов), утвердив наименование языка БиГ как «сербско-хорватский».

католики различных национальностей (необязательно хорваты). В том же направлении писала и «Отаджбина», отмечая, что «сербское наименование в БиГ никому не навязывается» в отличие от хорватского, «которое является инструментом и творением австрийской политики»²⁴. Точку зрения о неизбежном растворении католиков в хорватской национальной среде и о необходимости поиска путей мирного сотрудничества со всеми, в том числе и с хорватами, выражала группа сербских интеллектуалов (Уроша Круля). В целом Сербская народная организация выступала за предоставление Боснии и Герцеговине полной автономии и поддерживала идею сотрудничества с МНО. По отношению к хорватам вопрос оставался открытым.

Перед аннексией сербская и мусульманская оппозиция выступила с совместным требованием введения конституции без изменения государственно-правового статуса Боснии и Герцеговины. Соответствующий совместный меморандум сербско-мусульманская делегация 7 сентября 1908 г. передала австро-венгерскому министру финансов И. Буриану. Автором меморандума, помимо сербских и мусульманских политиков БиГ, являлся Яша Томич, лидер Сербской народной радикальной партии в Воеводине, кроме того, меморандум был одобрен Б. Медаковичем, председателем хорватского сабора и Сербской самостоятельной партии в банской Хорватии и Й. Баняниним, редактором газеты «Нови Србобран» и депутатом от той же партии в саборе.

В первом десятилетии XX в. хорватское национально-политическое движение четко разделилось на два течения: либерально-буржуазное и клерикальное. С инициативой создания единой хорватской политической организации в БиГ выступило либерально-буржуазное движение, которое поддержали францисканцы. В начале 1908 г. было создано Хорватское народное содружество (ХНС) под председательством Н. Мандича, но главным организатором и идеологом Содружества являлся тузлинский адвокат Иво Пилар. Центральным утверждением программы ХНС являлся тезис о принадлежности БиГ по «государственному праву» хорватам, соответственно, самым естественным является присоединение края к хорватским территориям. В основе политической стратегии ХНС лежало убеждение в малочисленности хорватов в БиГ и уязвимости хорватского самосознания в связи со значительным количеством переселенцев-католиков разных национальностей. Содружество выдвинуло принцип интерконфессиональности, рассчитывая привлечь на сторону хорватской национальной идеи мусульман. В общем, для ХНС мусульмане также являлись хорватами, язык должен был именоваться «хорватским», а письменность быть исключительно латинской²⁵.

Сараевский архиепископ Штадлер, напротив, считал, что основная задача хорватской политики в БиГ – объединить всех католиков без учета национальности. Безуспешные попытки взять в свои руки руководство ХНС привели Штадлера к выводу о необходимости создания собственной партии, что и было сделано в начале 1910 г. Им было сформировано Хорватское католическое объединение (ХКО), проводившее, при поддержке австрийских социалистов и словенских клерикалов, ультраклерикальную политику. Хорватское католическое объединение утверждало, что Босния и Герцеговина является этническим и государственно-правовым пространством хорватского народа. Штадлер поддерживал идею триалистического переустройства монархии, в ходе которого «на основе принципа национальностей и государственного права» БиГ, наряду со словенскими землями, была бы присоединена к Хорватии. Отождествляя католицизм и хорватскую национальность, ХКО не являлась сторонником сотрудничества с босний-

скими мусульманами. Как и ХНС, ХКО выступало за то, чтобы язык назвался «хорватским» и использовалось исключительно латинское письмо²⁶.

В начале XX в. в хорватской национальной политике в БиГ сильное влияние приобрела ультраклерикальная Чистая партия права Й. Франка, выдвигающая тезис об исключительно хорватском характере пространства БиГ, в котором проживает хорватский народ различных вероисповеданий. Встретив непримиримое сопротивление сербов, франковские лидеры сосредоточились на мусульманах, настаивая на их хорватской этнической принадлежности. Франковцы пропагандировали идею присоединения БиГ к Хорватии и объединения хорватских земель в монархии. Праваша БиГ сгруппировались вокруг «Гласа херцеговаца» в Мостаре и герцеговинских францисканцев, находясь в состоянии перманентного конфликта с иезуитами и кругом архиепископа Штадлера²⁷.

Если в XIX в. в политике францисканцев в БиГ можно было обнаружить югославянские мотивы, то после ее оккупации их курс изменился. Новая доктрина францисканцев включила в себя пункты, направленные на создание «единой Великой Хорватии», в состав которой должна была войти БиГ. Однако ХКО Штадлера, собирая всех католиков «под хорватский покров», добилось к тому времени значительных результатов по привлечению иностранцев, чиновников и переселенцев в БиГ, которые перенимали хорватскую национальную идею²⁸. В результате некогда влиятельный в БиГ орден францисканцев практически растворился в борьбе со Штадлером и иезуитами, часть его руководства впоследствии присоединились к правашам²⁹.

Тем не менее до Первой мировой войны, несмотря на междоусобную борьбу, обе организации – францисканское Хорватское народное содружество и штадлеровское Хорватское католическое объединение – в той или иной степени способствовали сохранению и развитию хорватской конфессиональной и этнической индивидуальности³⁰.

Каждая политическая партия, сформированная в БиГ в начале XX в., имела не только детальную национально-политическую программу, но и финансовое обеспечение. Практически каждая политическая организация имела свой собственный (иногда и не один) банк. Так, например, слияние Независимой мусульманской партии с Мусульманской народной организацией и создание Объединенной мусульманской организации в 1911 г. сопровождалось одновременным основанием Мусульманского центрального банка, в руководство которого вошли лидеры двух прежних организаций³¹. У сербов существовал Сербский народный банк и Сербский центральный банк. Основание Сербской народной партии в 1913 г. сопровождалось созданием Сербского экономбанка в марте 1914 г. Обе хорватские группы – Хорватское народное содружество и Хорватское народное объединение, несмотря на острые разногласия, нашли в себе силы основать в 1909 г. Хорватский кооперативный банк БиГ. Председателем банка был Н. Мандич – лидер ХНС, он же являлся председателем Хорватского центрального банка БиГ, основанного на год раньше, в 1908 г.³²

Партийную мозаику дополняла Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины. Она выросла из профсоюзного движения и была организационно оформлена на съезде в Сараево в июне 1909 г. Ее официальным рупором стала выходившая в боснийской столице газета «Глас слободе». В период балканских войн 1912–1913 гг. малочисленная группа членов СДП в Сараево и Мостаре откололась от партии и основала газету «Звоно», сторонники которой именовались «звонаши» и настаивали на установление более прочной связи с группой Кочича. Они связывали интересы рабочего класса в БиГ с сербскими национальными интересами.

Аннексия. Аннексия Боснии и Герцеговины была объявлена Австро-Венгрией 7 октября 1908 г. и вызвала европейский дипломатический кризис. Великобритания и Франция ограничились риторическими протестами против изменения Берлинского трактата. Италия, Россия, Сербия, Черногория и Турция отреагировали крайне негативно и резко. Решающей была позиция Германии, поддержавшей Австро-Венгрию. В результате действий германской дипломатии Турция 26 февраля 1909 г. признала аннексию. Одновременно Австро-Венгрия отказалась от размещения своих гарнизонов в Новипазарском санджаке, выплатила Порте 2,5 млн фунтов стерлингов компенсации, обязалась предоставить ей концессии и обеспечить полную религиозную свободу мусульманам в БиГ. Германия 21 марта 1909 г. передала российскому правительству в Петрограде ультиматум с требованием незамедлительного признания аннексии (что Россия и сделала). 5 апреля 1909 г. Сербия и Черногория также были вынуждены согласиться со свершившимся фактом.

В период аннексионного кризиса габсбургские власти приступили к созданию отрядов, сформированных на добровольческой основе, состоящих из местных католиков и мусульман («Schutzcorps»), необходимых для подавления возможного восстания сербского населения. Именно тогда возникло выражение «Хорватские народные усташи», а одна из добровольческих единиц называлась «Черный легион».

Хорватские политические круги в БиГ аннексию поддержали сразу же, сербские и мусульманские организации упорно отказывались последовать их примеру. Дольше всех держались мусульмане, кроме всего прочего выразившие свой протест массовым переселением в Турцию. Мусульманская народная организация признала аннексию 8 февраля 1910 г., перед самым принятием конституции, и то лишь потому, что мусульманам, как и всем остальным политическим силам, было необходимо легитимное основание для продолжения политической деятельности.

Аннексия БиГ стала поводом для укрепления, прежде всего в Хорватии, надежд на триалистическое переустройство монархии. Хорватская общественность после аннексии требовала «объединения Боснии и Герцеговины с Хорватией, Славонией и Далмацией в единую государственно-правовую единицу». Хорватское католическое объединение и Чистая партия права под руководством Франка в свои программы в качестве главной цели включили положения о воспрепятствовании росту и влиянию сербского национального движения в БиГ. Однако планы хорватских кругов на триалистическую трансформацию были лишены каких бы то ни было оснований: император Франц Иосиф оставался непоколебимым сторонником дуалистической системы. В послепослеаннексионный период БиГ превратилась в *corpus separatum* короны Габсбургов с собственной конституцией и сабором³³.

17 февраля 1910 г. Франц Иосиф провозгласил конституцию Боснии и Герцеговины (октроированная конституция). Гражданам предоставлялись минимальные конституционные права с законодательной гарантией их постепенного расширения. Концепция «ограниченной конституционности» являлась, по мысли австро-венгерской власти, «логичным следствием культурной отсталости народов Боснии и Герцеговины». Верховное управление, тем не менее, оставалось в компетенции министерства финансов Австро-Венгрии и прежней имперской администрации в Сараево. Конституция, по сути, лишь узаконила уже существовавшие гражданские права и то с оговорками, что в чрезвычайной ситуации они могут быть ограничены или отменены. Однако, несмотря на все ограничения боснийско-герцеговинской автономии,

она ввела в обиход политической жизни БиГ три новых института: сабор, правительственный совет и котарские (областные) веча.

Сабор не имел никакого влияния на исполнительную власть, не мог даже ставить вопросы и обсуждать ее деятельность. Законодательная власть и далее оставалась у императора и правительства в Вене и Будапеште. Законодательная функция сабора в БиГ ограничивалась исключительно местными вопросами³⁴.

Сабор состоял из 92 человек, из которых 20 человек (одна пятая часть) входили в него «по положению» (так называемые «вирилисты»). Они состояли из церковных и светских «высоких представителей»: рейс-ул-улема (главный муфтий), вакуфно-меарифский управляющий, сараевский, мостарский и другие наиболее авторитетные муфтии, четыре сербско-православных епископа, митрополит и заместитель председателя Совета сербской православной церкви, римско-католический архиепископ, два провинциала францисканского ордена, сефардийский раввин, председатель Верховного суда, председатель Коллегии адвокатов Сараево, городской глава Сараево, председатель Торгово-ремесленной коллегии Сараево. Из 72-х избранных на пять лет депутатов 16 были католиками, 24 – мусульманами, 31 – православными и один мандат предоставлялся евреям. Избиратели не могли отзывать своих депутатов. Председателя и заместителя председателя сабора назначал император. Выборы проходили на основе куриальной системы: граждане в зависимости от конфессиональной принадлежности делились на три курии, в каждой выделялись социальные группы – городская, сельская, крупных землевладельцев и интеллигенции. Депутатские места в саборе предоставлялись пропорционально национально-конфессиональному соотношению³⁵.

Первые выборы в сабор прошли в мае 1910 г., на которых Сербская народная организация получила из 31 возможных 31 мандат, Мусульманская народная организация – также из 24 возможных – 24, из имеющихся 16 католических мандатов Хорватское народное содружество получило 12, а Хорватское католическое объединение – 4.

Социал-демократическая партия не получила ни одного мандата. Индустриальное развитие БиГ находилось на низком уровне, концентрация рабочего класса была небольшой, а на крестьянские массы основное влияние оказывало духовенство. В результате ни один представитель социал-демократии не вошел не только в состав сабора, но даже и в общинные органы самоуправления городов.

В функции правительственного совета входило сообщение сабора с остальными органами власти.

Котарские веча представляли собой выборные органы местного самоуправления, избиравшиеся также на основе конфессионального соотношения населения БиГ, но их компетенция строго ограничивалась местными, преимущественно, хозяйственными, вопросами, не оставляя места для общественно-политической деятельности. Гражданские права, предоставленные конституцией, означали введение всеобщего равенства перед законом, гарантировались свобода веры и совести, неприкосновенность имущества (в том числе запрещалась его конфискация), тайна переписки, свобода печати, собраний и организаций, не противоречащих существующему законодательству. Всем гражданам гарантировалось сохранение национальных особенностей и языка³⁶.

В саборе сложилось конструктивное сотрудничество между Сербским клубом (фракцией) депутатов и Хорватским народным содружеством, которое представителям Хорватского католического объединения не удалось разрушить в течение 1910 г. Однако дискуссии по поводу аграрного вопроса изменили существовавший расклад политичес-

ких сил. Сербско-хорватский союз распался, уступив место мусульманско-хорватскому блоку (ставшему проправительственным большинством). Мусульманская и хорватская часть депутатов договорились о совместном голосовании (мусульmano-хорватский пакт) за исключением пятерых депутатов МНО, сформировавших в саборе собственную фракцию. Накануне заключения пакта две мусульманские партии – МНО и МСС создали Объединенную мусульманскую организацию.

Клуб (фракция) депутатов-мусульман (его председателем стал Рифатбег Сулейманпашич), совместно с руководством Мусульманской народной организации с одной стороны, и Хорватским народным содружеством и Хорватским католическим объединением, с другой, 31 марта 1911 г. заключили пакт о политическом сотрудничестве. Первыми пунктами договора указывалось стремление мусульман добиваться предоставления БиГ автономии в государственно-правовом союзе монархии в любом виде (это означало, что мусульмане не возражают против хорватского тезиса о триалистическом переустройстве империи Габсбургов) и обязывались поддержать хорватский проект относительно названия языка. Хорваты, со своей стороны, обязывались голосовать за правительственное предложение о предоставлении займов для добровольного выкупа кметов³⁷. Однако уже тогда шесть мусульманских депутатов отказались от сотрудничества с хорватами, заявив, что они не желают делать из сербов врагов (поскольку это может настроить против мусульман кметов) и вышли в знак протеста из клуба депутатов-мусульман. Эта группа, во главе с Дервиш-бегом Миралемом, состоявшая из видных мусульманских политиков, продолжила политическое сотрудничество с сербами. Группа Миралема в отношении официального названия языка предлагала просто присоединиться к тому, о чем договорятся сербы и хорваты³⁸.

Выделение группы Миралема привело к сближению двух партий – Мусульманской народной организации и Мусульманской независимой (прежде прогрессивной) партии. Их объединение произошло в августе 1911 г. под названием Объединенная мусульманская организация (ОМО). При этом из МНП в знак протеста вышла группа Кулович-Храшницы, продолжавшая (без особого успеха) функционировать под названием Мусульманская независимая партия. Программа ОМО по-прежнему отстаивала автономию БиГ без учета, к какому государству она принадлежит, но четко подчеркивала, что не считает возможным ее включение в дуалистическую или триалистическую систему, т.е. присоединение либо к Венгрии, либо к Хорватии. Последнее вызвало громадное разочарование хорватских политиков, поддержавших слияние мусульманских партий.

Сама группа Миралема оформилась в отдельную саборскую фракцию, используя прежнее название – Мусульманская народная организация. Эта группа начала издание газеты «Нови Мусават» как своего печатного органа. Миралем считал заключивших пакт с хорватами отступниками, уступившими Штадлеру, и выступал за продолжение сотрудничества с сербами.

Сближение с мусульманами снова возродило у хорватов нереальные мечты об их хорватизации в духе идей А. Старчевича о мусульманах как самой древней и чистой части хорватского народа, которых необходимо вернуть к их истинным корням. Тогда же епископ И. Шарич ультимативно потребовал введения хорватского языка в качестве официального и заявил, что главной целью ХКО является присоединение Боснии к Хорватии. По мнению Шарича, «это будет являться спасением как для хорватов, так и для мусульман, и для сербов», отметив попутно, что «в Королевстве Хорватия не будет признаваться никакого другого названия народа или символов, кроме хорватских»³⁹. Это заявление

вызвало бурю возмущения в саборе. Дервиш-бег Миралем заявил, что мусульмане не желают, чтобы «им читали лекции о том, к какому народу они принадлежат», и выступают против «всевозможных устремлений присоединить Боснию к Хорватии или к какой бы то ни было другой стране», а отстаивают тезис «Босния – боснийцам!»⁴⁰. От имени клуба сербских депутатов П. Стоканович выразил нежелание вообще поддерживать парламентские отношения с ХКО, пока оно не аннулирует сделанного Шаричем заявления.

В то же время в 1911 г. изменилось отношение к сербам представителей другой хорватской партии – ХКО. Его председатель Й. Ванцаш заявил, что «объединенное и сильное хорватское государство в рамках Гасбургской монархии принесет великую пользу не только хорватам, но и остальным славянам. Представители других национальностей в Хорватии будут пользоваться теми же правами, что и хорваты», но при этом «все они в первую очередь должны быть хорватскими гражданами, подобно тому, как венгры, словаки, сербы, румыны и т.д. венгерские граждане»⁴¹.

ХКО, оказавшись в изоляции не только от мусульман и сербов, но и войдя в состояние затяжного конфликта с ХНС, остро нуждалась в изменении политической тактики. Сначала последовало примирение с ХНС, а в середине 1912 г. две хорватские организации слились в одну. Чуть раньше, осенью 1911 г. в Хорватии и БиГ появилась единая правящая организация.

Напротив, в Сербской народной организации БиГ произошел раскол. Сначала 12 депутатов от группы «Српска реч» во главе с Ефтановичем голосовала вместе с мусульmano-хорватской коалицией за правительственный проект закона по аграрному вопросу. Ефтанович постоянно колебался между проправительственной позицией и оппозицией. В итоге 12 депутатов его группы были отвергнуты и правительством, и оппозицией, и сложили депутатские полномочия. Затем выделилась группа Петра Кочича, оформившаяся в отдельную фракцию «Отаджбина» и основавшая одноименную газету. Своей программой она провозгласила предвыборную платформу Сербской народной организации 1910 г. (автономия БиГ со всеми конституционными и парламентскими атрибутами). Несмотря на резкие высказывания на страницах своей газеты, группа Кочича выражала умеренную политическую линию, отличавшуюся религиозной и национальной толерантностью. Главным ее тезисом был обязательный выкуп кметов, и в этом вопросе Кочич бескомпромиссно боролся с мусульманскими крупными землевладельцами, называя проблему «не национальной, не религиозной, а исключительно социальной». Он боролся с землевладельцами – бегами и агами «независимо от того, кто они – мусульмане, православные или католики»⁴².

«Сепаратисту» Кочичу и его «Отаджбине», ставившим на первое место интересы сербского крестьянства, противостоял сербский клуб и газета «Народ» (начавшая после перерыва выходить вновь в ноябре 1911 г.), отстаивавшие единство сербской политики. Политики этой группы до начала Балканских войн считали необходимым продолжать сотрудничество с мусульманами даже ценой уступок в аграрном вопросе. Но дальнейшее расширение югославянского движения, узконациональная направленность хорватской политики в монархии, и в целом проавстрийская и протурецкая ориентация консервативных мусульманских политиков привели к тому, что сотрудничество с мусульманами потеряло для сербов прежнюю актуальность.

Можно сказать, что до появления мусульmano-хорватского блока сербы в саборе следовали единой политической линии, выразителем которой являлась Сербская народная организация. Однако появление мусульmano-хорватской коалиции положило

конец единой сербской политике и привело к распаду сербского депутатского клуба и, как следствие, Сербской народной организации.

В начале 1914 г. боснийский сабор начал работу последнего года своего созыва и мирно трудился над преимущественно вопросами официального языка и аграрной политики. Это происходило вплоть до 28 июня 1914 г., до известия об убийстве престолонаследника Франца Фердинанда. Дальнейшее обсуждение всех вопросов было прервано с началом Первой мировой войны, когда сабор был распущен, права граждан значительно урезаны, а политическая жизнь практически остановлена.

Таким образом, к началу Первой мировой войны османская феодальная система осталась практически без изменений, аграрный вопрос – неразрешенным: статус вакуфных владений так и не был определен, имения бегов разорялись, число кметов практически не уменьшалось. Австро-Венгерская власть согласилась лишь на компромиссную меру – «добровольный постепенный выкуп кметов». Займы на освобождение кметы могли получить в банках. Наибольших привилегий добился венгерский Привилегированный аграрный банк, однако предоставлявший займы под столь высокие проценты, что это вызвало волнения в ряде сел. Кроме того, владельцы земель не горели желанием продавать кметам свою землю, приносящую ежегодный доход в 12,4 %. Увеличивалось число и сербских банков, также под высокий процент предоставляющих займы кметам для выкупа. К 1914 г. их стало уже 26⁴³. Сербские торговцы скупали у мусульманских бегов земли вместе с кметами (согласно статистическим данным 1910 г. из общего числа землевладельцев в Боснии и Герцеговине мусульмане составляли 12 550 человек, православные – 1 393, католики – 725 и 66 – «остальных»)⁴⁴.

Война, начавшаяся в Боснии. 28 июня Гаврило Принцип, член национально-революционной сербской организации «Молодая Босния» застрелил в Сараево престолонаследника Франца Фердинанда. После покушения в Сараево, Завидовичах, Мостаре, Шамаце, Добое и других местах Боснии и Герцеговины прокатилась волна антисербских выступлений.

В ходе массовых антисербских погромов, организованных Чистой партией права Франка, уничтожались сербские церкви, православные святыни, имущество сербских граждан (дома, культурные и общественные учреждения, типографии, редакции газет и т.д.). От погромов на территории БиГ пострадала практически каждая сербская семья. Сербы изгонялись из родных мест, особенно проживавшие вдоль границы с Сербией и Черногорией⁴⁵.

Босния и Герцеговина так и вступила в войну с неурегулированным правовым положением. Намерения австрийских властей использовать ее пространство как яблоко раздора между сербами и хорватами и препятствие в югославянском сближении оказались провальными. С началом Первой мировой войны югославянский вопрос как проблема освобождения и объединения югославянских народов в одном государстве приобрел еще большую остроту и актуальность. Его решение виделось в двух вариантах. Первый отражал возможность триалистического переустройства монархии, при котором объединенные Босния и Герцеговина, банская Хорватия, Далмация, Истрия и словенские земли в рамках империи Габсбургов создали бы третью государственно-правовую единицу как противовес Австрии и Венгрии. По мере рассеивания иллюзий относительно

изменения государственного устройства монархии на основах федерализма усиливалось тяготение ко второму варианту – объединение югославянских народов Австро-Венгрии с Сербией и Черногорией вне рамок Габсбургской монархии.

Политическая жизнь югославянских народов Австро-Венгрии, практически замершая с началом войны, оживилась после смерти Франца Иосифа (1916). В БиГ актуализировался вопрос о ее государственно-правовом положении. Новый император Карл I в прессе неоднократно заявлял о своем стремлении создать под своим скипетром южнославянское королевство, включающее Хорватию, словенские земли, БиГ, Сербию, Черногорию и Албанию⁴⁶. Большинство сербских политиков БиГ, вынужденные с началом войны эмигрировать (в первую очередь, в США), оповещали американскую и мировую общественность о тяжелом экономическом положении и терроре австро-венгерской власти против боснийских сербов.

Ш. Арнаутович, один из наиболее влиятельных лидеров Объединенной мусульманской организации, 17 августа 1917 г. выступил с меморандумом, в котором предложил урегулировать вопрос о государственно-правовом положении БиГ путем присоединения ее территории к Венгрии и предоставления автономии. Арнаутович подчеркивал, что при османской власти боснийский язык, являющийся «самым чистым языком славянского юга», стал государственным языком, сформировалась особая социальная структура провинции, выдающиеся боснийцы становились великими визирями (Мехмед-паша Соколович – «славнейший помощник Сулеймана Великого») – все это, по мнению автора меморандума, даже несмотря на ряд конфликтов с турецкой властью, свидетельствует об уникальности ситуации в БиГ, где существует один в этнографическом плане народ, но разделенный на три вероисповедания и три культуры. Соответственно, наиболее близкий пример Швейцарии (которую не стремятся присоединить к себе ни немцы, ни французы, ни итальянцы) показывает, что «единство истории и традиции важнее единства языкового и этнографического», выразив убеждение, что «боснийско-герцеговинские мусульмане считают бесполезным и вредным объединение», которое «им принесет один лишь вред»⁴⁷.

В начале сентября 1917 г. А. Корошек прибыл в БиГ и провел ряд встреч с мусульманскими лидерами, на которых рейсул-улем Чаушевич, Дервиш-бег Миралем и Сайфутдин Хусейнагич (как представитель Адем-аги Мешича) высказались против предложения Арнаутовича о присоединении БиГ к Венгрии, поддержав идею сотрудничества и объединения южных славян. Молодые боснийские интеллектуалы, прежде всего, Хусейнагич, выступили за возвращение конституции и предоставление БиГ автономии, за сотрудничество с «братьями по крови» – сербами и хорватами, за создание югославянского государства под скипетром Габсбургов. Секретарь Торгово-ремесленной коллегии Сараево М. Спахо заявил, что мусульманская интеллигенция БиГ и широкие народные слои видят свое спасение в единстве сербов, хорватов и словенцев, триалистическом переустройстве монархии и решении югославянского вопроса на основах Майской декларации. Чаушевич добавил: «Делайте что хотите... хватит с нас турецкой и немецкой власти»⁴⁸.

Хорватские политические круги, в том числе и католическая иерархия (кроме Штадлера), и боснийские францисканцы, всецело были на стороне Майской декларации Югославянского клуба. Штадлер от имени духовенства и светских граждан Сараево резко раскритиковал декларацию, в содержании которой он указал на тройную опасность: для хорватских национальных интересов, католической церкви и монархии. Для хорва-

тов угроза, по его мнению, заключалась в утрате своего суверенитета, для католицизма – в возможности «растворения в православии», для монархии – в исчезновении⁴⁹.

Сербские политики выразили свою позицию в отношении Майской декларации в ноябре 1917 г., заявив старчевичевской газете «Хрватска држава», что они «не принимают и не поддерживают Майскую декларацию»⁵⁰.

Однако когда в октябре 1917 г. в венском парламенте Югославянскому клубу австро-венгерская власть объяснила, что она не стремится к югославянскому объединению, позиция хорватских политиков в отношении Майской декларации начала меняться. Под влиянием внутренних и внешних факторов (Октябрьская революция в России) все больше сторонников приобретала Корфская декларация. Против обеих деклараций выступили только франковцы. 3 марта 1918 г. в Загребе состоялось совещание хорватских, сербских и словенских политиков, на котором по инициативе старчевичевской Партии права (во главе с М. Старчевичем) была принята резолюция о создании основанного на демократических началах (принципах Корфской декларации) нового государства словенцев, хорватов и сербов. Резолюцию со стороны представителей БиГ подписали Д. Димович, Дж. Джамония, К. Майкич, Й. Сунарич и В. Шола⁵¹.

В период с марта по май 1918 г. происходил процесс консолидации политических партий и общественно-политических лидеров из Хорватии, Славонии, Далмации, Истрии, Междумурья, Боснии и Герцеговины. Началось создание «народных веч» как представительных политических органов различных регионов. Прорыв Салоникского фронта в середине сентября 1918 г. явился катализатором распада Австро-Венгрии.

29 октября 1918 г. хорватский сабор провозгласил отделение Хорватии от Австро-Венгрии и создание нового Государства словенцев, хорватов и сербов, верховным органом власти которого объявлялось Народное вече. Через несколько дней оно сформировало региональные органы управления в Словении, Далмации и БиГ. В состав Пленума Народного веча СХС от Боснии вошли 18 представителей. Затем был сформирован и Главный комитет Народного веча СХС в БиГ. Его председателем стал Г. Ефтанович, заместителями – Й. Сунарич и Х. Красница. 3 ноября было назначено первое Народное правительство БиГ (председатель – А. Шола, Д. Димович возглавлял сферу правосудия, М. Спахо – торговлю, ремесло, почту и телеграф, В. Елаич – здравоохранение, Т. Алаупович – религию и просвещение, С. Жакула – пищевую промышленность, В. Ристич – финансы, В. Грджич и Ш. Грджич – организацию народных веч и оборону)⁵².

Ситуация в Государстве СХС осложнялась внутренними и международными обстоятельствами: во внутреннем плане нарастали крестьянские и революционные бунты, во внешнем – итальянская армия захватывала Истрию, Риеку, части Словении и Далмации. Власть Государства СХС показала полную неспособность навести порядок в разбушевавшейся стихии беспорядков. 4 ноября 1918 г. в Вышеграде состоялось совещание представителей Главного комитета Народного веча СХС в БиГ с командующим Второй сербской армии С. Степановичем, на котором было принято решение о вхождении ее частей на территорию БиГ с целью восстановления мира и порядка. 6 ноября 1918 г. началось вступление сербских подразделений сначала в Сараево, где сербскую армию встречали как освободителей, приветствуя криками «Да здравствует Югославия!». Командующего сербской армией посетили митрополит Евгений Летица, рейс-ул-улема Чаушевич, боснийский архиепископ Штадлер и еврейский раввин Самуэль Весели с выражением благодарности сербской армии за освобождение и обеспечение мира и безопасности⁵³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Halilagić R.* Bosna i Hercegovina i Crna Gora (1790–1918.). Teritirijalno formiranje u svjetlu međusobnih političkih odnosa. Sarajevo, 2001. S. 172–173.
- 2 *Bataković D.* Etnički i nacionalni identitet u Bosni i Hercegovini (XIX–XX vek). Jezik, vera, identitet // Dialog povjesničara-istoričara. Zagreb, 2001. Knj. 3. S. 68.
- 3 *Жутућ Н.* Просвјетин либерализм и национализам // Часопис Архива Србије и Црне Горе. Београд, 2003. № 1–2. С. 99.
- 4 *Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V.* Istorija Jugoslavije. Beograd, 1972. S. 325–326.
- 5 *Halilagić R.* Op. cit. S. 176.
- 6 *Imamović M.* Historija države i prava Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2003. S. 233.
- 7 *Kraljačić T.* Kalajev režim u Bosni i Hercegovini (1882–1903). Sarajevo, 1987. S. 295–309.
- 8 *Ekmečić M.* Стварање Југославије 1790–1918. Београд, 1989. Т. 2. С. 517.
- 9 *Juzbašić Dž.* Nacionalno-politički odnosi u Bosanskohercegovačkom saboru i jezičko pitanje (1910–1914). Sarajevo, 1999. S. 11–12.
- 10 *Imamović M.* Op. cit. S. 222.
- 11 *Bataković D.* Op. cit. S. 75.
- 12 *Pejić R.* Političari iz Bosne i Hercegovine o ideji ujedinjenja jugoslovenskih naroda tokom Prvog svetskog rata // Jugoslovenski istorijski časopis. Beograd, 1997. № 2. S. 51–52.
- 13 *Жутућ Н.* Указ.соч. С. 100–101.
- 14 *Juzbašić Dž.* Op. cit. S. 27.
- 15 *Imamović M.* Op. cit. S. 241–242.
- 16 Цит. по: *Đaković L.* Političke organizacije bosanskohercegovačkih katolika. Zagreb, 1985. S. 182.
- 17 Ibid. S. 183.
- 18 *Juzbašić Dž.* Op. cit. S. 27.
- 19 Ibid. S. 29.
- 20 *Imamović M.* Op. cit. S. 235–245.
- 21 *Juzbašić Dž.* Op. cit. S. 23–32.
- 22 *Imamović M.* Op. cit. S. 248–249.
- 23 Цит. по: *Juzbašić Dž.* Op. cit. S. 22.
- 24 Ibid. S. 21.
- 25 *Imamović M.* Op. cit. S. 250.
- 26 Ibid.
- 27 *Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V.* Op. cit. S. 312.
- 28 *Krišto J.* Katoličko priklapanje jugoslovenstva // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1992. № 24 (2). S. 39.
- 29 *Živojinović D., Lučić D.* Varvarstvo u ime Hristovo: Prilozi za Magnum Crimen. Beograd, 1988. S. 30–33.
- 30 *Imamović M.* Op. cit. S. 234.
- 31 *Juzbašić Dž.* Op. cit. S. 45.
- 32 Ibid. S. 46.
- 33 *Imamović M.* Op. cit. S. 257.
- 34 *Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V.* Op. cit. S. 362.
- 35 *Juzbašić Dž.* Op. cit. S. 40.
- 36 *Imamović M.* Op. cit. S. 261.
- 37 *Juzbašić Dž.* Op. cit. S. 85–86.

38 Ibid. S. 89.

39 Ibid. S. 65.

40 Ibid. S. 66.

41 Ibid. S. 81.

42 Ibid. S. 94.

43 *Božić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V.* Op. cit. S. 362.

44 *Imamović M.* Op. cit. S. 228.

45 Цит. по: *Патковић М.* Антисрпски и антијугословенски погроми у лето 1914. године // Зборник о Србима у Хрватској. Београд, 1991. Књ. II. С. 301.

46 *Pejić R.* *Političari iz Bosne i Hercegovine o ideji ujedinjenja jugoslovenskih naroda tokom Prvog svetskog rata* // *Jugoslovenski istorijski časopis.* Београд, 1997. № 2. С. 52.

47 *Halilagić R.* Op. cit. S. 192–195.

48 *Pejić R.* Op. cit. S. 55.

49 Цит. по: *Kristo J.* Op. cit. S. 38.

50 *Pejić R.* Op. cit. S. 53.

51 Ibid. S. 56–57.

52 Ibid. S. 279–280.

53 *Pejić R.* Op. cit. S. 57.

ГЛАВА 7

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. РОЖДЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ

НАКАНУНЕ. Национальная программа Сербского королевства накануне Первой мировой войны включала в себя два основных компонента. Во-первых, ставилась задача решения сербского национального вопроса в том виде, как его понимало руководство страны. Опираясь на традиции знаменитого «Начертания» Или Гарашанина (1844), сербские политики считали своей целью освобождение всех территорий, населенных сербами и находившихся под властью Турции и Австро-Венгрии. В первую очередь речь шла о Старой Сербии (Косово и Метохия, Рашка), части Македонии и Боснии и Герцеговине. Это направление национальной политики – воплощение «заветной мысли сербской» – имело для руководства Сербии приоритетный характер.

Второй компонент программы был окрашен в югославянские тона. Поворотным пунктом ее эволюции в сторону «югославизма» стали балканские войны (1912–1913). Санкционированное Бухарестским мирным договором (август 1913 г.) присоединение к королевству Вардарской Македонии и Старой Сербии* означало частичное решение сербского национального вопроса (южного его «фланга»), что не могло не повлиять на состояние умов в стране. Именно в этот момент претерпевают определенные изменения национальные предпочтения Радикальной партии. Акценты в них смещаются с юга на север, начинают явственно звучать «интегралистские» мотивы.

Наглядной иллюстрацией тому могут служить острые дебаты, развернувшиеся на заседании клуба (фракции) радикальных депутатов Народной скупщины 27 июня 1913 г. На нем обсуждались варианты развития отношений с Софией по поводу занятой сербами Вардарской Македонии (сербская армия во время Первой балканской войны освободила обширные территории в Македонии, часть из которых, согласно сербско-болгарскому договору от 13 марта 1912 г., должна была отойти к Болгарии). Руководство партии – премьер Никола Пашич, министр финансов Лаза Пачу, министр внутренних дел Стоян Протич – предложили передать спорный вопрос на арбитраж Николая II, высказав готовность подчиниться решению императора. При этом никакими гарантиями в положительном для Сербии исходе дела они, естественно, не располагали. Значительная часть членов радикальной фракции смотрела на ситуацию другими глазами. Они отказывались даже слышать о каких-либо переговорах, выступая за немедленную аннексию всех занятых сербскими войсками земель, невзирая на опасность военного столкновения с Болгарией и полагаясь исключительно на военную силу.

* Территория Новипазарского санджака (Рашки) была разделена между Сербией и Черногорией.

В разгар дискуссии слово взял Л. Пачу. Он назвал глубоким заблуждением слова иных коллег о том, что с присоединением Старой Сербии и части Македонии королевство полностью выполнило свою национальную задачу. Именно теперь, по его мнению, перед Сербией встала новая глобальная задача национального объединения с братьями – югославянами Австро-Венгрии... Впечатление от речи министра финансов было велико. По свидетельству участника заседания, профессора Лазара Марковича, «национальный горизонт Сербского королевства вмиг расширился, и взоры всех присутствовавших обратились к Адриатике, Воеводине, Хорватии, Словении»¹. И в результате, клуб радикальных депутатов огромным большинством голосов поддержал предложение правительства о передаче спорных вопросов на арбитраж Петербурга, что было равносильно одобрению его скупщиной, где радикалы имели большинство. К этому лишь добавим, что до выполнения этого решения дело, однако, не дошло, ибо два дня спустя болгарская армия напала на позиции недавних союзников – сербов и греков – у местечка Брегалница. Так началась Вторая балканская (или Межсоюзническая) война, в которой Болгария потерпела сокрушительное поражение.

Говоря о новых мотивах, зазвучавших в национальной программе правящей Радикальной партии примерно с 1913 г., должно сказать, что в сербском общественном мнении югославянская идея, согласно которой сербы, хорваты и словенцы объявлялись «тремя племенами одного народа», начинает пользоваться популярностью уже после «майской революции» 1903 г. Особый отклик мысль о единстве югославян нашла в среде учащейся молодежи и интеллектуалов, главным рупором которых стал журнал «Српски Книжевни Гласник» («Сербский литературный вестник»), возглавлявшийся известным литературным критиком и общественным деятелем Йованом Скерличем. Скерлич и его единомышленники, полагая главным критерием любой нации наличие единого языка, рассматривали все населенные югославянами территории на Балканах (несмотря на разделяющие их государственные границы) единым национально-языковым пространством, где обитал единый же «трехименный народ»². Эта «языковая» теория нации вела свое начало еще от Досифея Обрадовича – известного сербского просветителя конца XVIII – начала XIX в.

Однако, несмотря на популярность югославянской идеи в «образованных слоях» сербского общества, в партийно-политических кругах она довольно долго не встречала особых симпатий. Программные документы большинства партий пестрели заклинаниями о необходимости решения «прадедовской задачи сербского освобождения и объединения». Лишь в программе Независимой радикальной партии*, принятой в 1905 г., упоминалось о важности «поддерживать дух югославянского единства»³. Военные успехи Сербии и ее территориальные приобретения в 1912–1913 гг., как уже говорилось, во многом изменили обстановку в стране. Теперь и ее политический истеблишмент, а не только общественные круги, стал задумываться о судьбе «братьев с того берега Савы, Дрины и Дуная».

Вместе с тем, не стоит абсолютизировать и переоценивать значение такого «поворота» сербских политиков. Югославянский аспект сербской национальной программы (при существовании-то Австро-Венгрии) носил идеальный характер и не имел «ничего общего с конкретной государственной политикой»⁴. Накануне Первой мировой войны в белградских коридорах власти о нем не было принято говорить вслух. Приоритет от-

* К ее руководству принадлежал и Й. Скерлич.

давался более жизненным целям*. В новых же, сложившихся после балканских войн, условиях в разряд таковых выдвигались задачи освоения и обустройства только что присоединенных областей. А это требовало времени. «В наших интересах, – говорил Н. Пашич после заключения Бухарестского мира, – чтобы Австро-Венгрия просуществовала еще лет 25–30, дабы мы смогли так „переварить“ наши новые территории на юге, что вопрос об их принадлежности уже никогда и никем не мог быть поставлен заново»^{5**}.

Кроме того, немалое значение для руководства Сербии имели отношения с Черногорией. Поделив между собой освобожденные пределы Новипазарского санджака (Рашки), два сербских королевства наконец-то соприкоснулись своими границами. В начале 1914 г. между ними, в тайне от Австро-Венгрии и при одобрении России, начались переговоры о более тесном сотрудничестве в военной, финансовой и дипломатической областях. О том же, насколько важнейшим для Пашича в тот момент был диалог о реальном сближении Сербии и Черногории в сравнении с довольно абстрактными лозунгами югославянского единства, свидетельствовал и российский посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг. Донося 7 апреля в российский МИД об установленном контакте, он сообщал: «Пашич находил желательным оставить ныне в стороне все заботы о „неосвобожденных еще сербских братьях и целом югославянстве“, а подумать о мероприятиях, которые на деле скрепили бы узы единокровных народов (т.е. сербов и черногорцев. – А.Ш.)»⁶.

* В литературе есть, однако, и другая точка зрения: «После дворцового переворота 1903 г. и избавления от экономической и политической зависимости от Австро-Венгрии внешняя политика Белграда становилась все более энергичной и направленной на объединение всех южных славян под властью династии Карагеоргиевичей» (Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003. С. 454)... Вряд ли с ней можно согласиться, а особенно с упоминанием про «всех южных славян».

** В свете данного и аутентичного высказывания Пашича, весьма конъюнктурными выглядят утверждения одного из современных авторов: «Первая мировая война началась конфликтом монархии и независимой Сербии (провоцировавшей Габсбургов в расчете на поддержку России)». И снова: «Сербия постоянно (выделено нами. – А.Ш.) провоцировала Вену в надежде на „русский штык“» (Романенко С.А. Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М., 2000. С. 35, 314)... Однако, никаких фактических доказательств, подкрепляющих эти пассажи, в работе нет. Ее мы коснемся еще не раз, а здесь приведем свидетельство очевидца, подтверждающее тезис сербского премьер-министра: «Все политические партии соглашались с тем, что, в первую очередь, необходимо выиграть время – для того, чтобы Сербия, хотя и увеличенная, но крайне ослабленная в балканских войнах, смогла прийти в себя и реорганизоваться. Все со страхом смотрели на Вену и Будапешт, где все отчетливее звучали призывы решить балканскую проблему в этот тяжелейший для Сербии момент, пока Россия, как о том откровенно говорилось в Думе, была еще не готова к войне» (Штрэндман В. Балканске успомене. Београд, 2009. С. 242). Потому Пашич и давал понять В.Н. Штрэндману, что «в своей уступчивости перед австрийскими требованиями Сербия пойдет значительно дальше, чем те пределы, о которых друзья ее могли смело и открыто ей говорить». Так и произошло – «сделанная Европой оценка сербского ответа на ультиматум говорит сама за себя». И, думается, уже одно это ясно доказывает, что Пашич «искренне не хотел войны, а Сербия ее боялась, не будучи вовсе подготовленной» (Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Д. 532 (1914 г.). Л. 311–311 об. (В.Н. Штрэндман – С.Д. Сазонову, 26 июля 1914 г.)).

Итак, очевидно, что даже в условиях югославянского *идейного* «крена» Н. Пашич – этот (вспомним оценку Л.Д. Троцкого) «абсолютный властитель Сербии»⁷ – продолжал в своей *реальной политике* отдавать приоритет решению насущных «внутрисербских», назовем это так, задач. Югославянская же перспектива лежала для него далеко за сербским горизонтом. И вряд ли вообще предполагал старый сербский премьер, которому в год начала войны исполнилось 70 лет, что он и современное ему поколение политиков окажутся не только свидетелями, но и действенными участниками югославянского объединения. Саму возможность реализации этой идеи он, казалось, добровольно «отдавал» в руки будущих поколений. Но история распорядилась по-иному. Сараевский выстрел зажег европейский пожар*. Все смешалось...

ПРОБА ПЕРА. НИШСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ. С началом войны «югославянский вопрос» был открыто поставлен сербским правительством, что нашло свое отражение в Нишской декларации, принятой Народной скупщиной 7 декабря 1914 г.** В документе торжественно провозглашалось: «С непоколебимой уверенностью в решимость всего сербского народа до конца отстаивать свое Отечество и свободу, королевское правительство в настоящий судьбоносный момент считает своей главной и единственной задачей – способствовать успешному завершению этого великого вооруженного противостояния, которое с самого начала стало одновременно и борьбой за освобождение и объединение всех наших еще несвободных братьев сербов, хорватов и словенцев»⁸.

По мнению ряда историков, Нишская декларация явилась следствием тех интегралистских тенденций, которые проявились в политической жизни Сербии еще в предвоенные годы, а также отражением настроений самого Пашича и руководства Радикальной партии⁹. Несомненно, в таких утверждениях имеется доля истины, однако для более глубокого проникновения в суть югославянской программы сербских властей во время Первой мировой войны есть смысл обратиться к иным, а не только чисто идеологическим, мотивам ее обнародования, а также реконструировать тот военно-политический и дипломатический «расклад сил» в Европе и на Балканах в первый период противостояния, на фоне которого и шла работа по ее выработке...

Уже 5 августа, т.е. буквально через несколько дней после трансформации «локального» австро-сербского конфликта в общеевропейскую войну, министр иностранных дел России С.Д. Сазонов посоветовал Пашичу пожертвовать известными территориями в сербской Македонии (восточной ее частью до реки Вардар) в пользу Болгарии для обеспечения хотя бы благожелательного нейтралитета последней в войне. По свидетельству поверенного в делах России в Сербии В.Н. Штрандтмана, премьер соглашался на некоторую коррекцию сербско-болгарской границы, полагая возможным провести ее «по ближайшему к Вардару с восточной стороны водоразделу». Мало того, из разговора с

* Приведем еще один пример явной натяжки, подчиненной современной конъюнктуре: выстрел Гаврилы Принципа в Сараево представлен в одной из работ «актом международного терроризма» (Вяземская Е.К. Босния и Герцеговина: их место и роль в европейских конфликтах начала XX в. // В «пороховом погребе Европы». М., 2003. С. 353).

** С началом войны король, правительство и Народная скупщина переехали в город Ниш, ставший временной столицей Сербии.

ним дипломат вынес убеждение, что «в случае получения Сербией Боснии и выхода к Адриатике она в своих уступках пойдет дальше»¹⁰.

Давление союзников, их требования территориальных уступок «соседке» заставили сербских политиков задуматься и о собственных контрпретензиях. 29 августа заместитель Пашича по министерству иностранных дел Йован Йованович подчеркнул настоятельную необходимость разработки целостной программы, «в связи с вопросом о компенсации Болгарии». Когда же сутки спустя в адрес сербского кабинета последовал уже совместный англо-русско-французский демарш аналогичного содержания (уступки Болгарии в Македонии с обещаниями возмещения в другом месте), Пашич в ответ заявил, что «Сербия была бы расположена уступить часть своей территории после победоносной войны держав Тройственного соглашения, когда они диктовали бы условия мира и дали бы возможность получить сербо-хорватские территории с прилегающим побережьем»¹¹. Налицо, как видим, известная подвижка в сторону возрастания территориальных требований (по сравнению с претензиями только на Боснию и Герцеговину с выходом к морю), но это еще не всеюгославянский формат.

Таким образом, можно заключить, что поначалу сербское правительство в принципе было готово обменять часть своей Македонии на территориальные приращения на западе и севере – т.е. в Боснии и Герцеговине и Хорватии, но обязательно с гарантированным выходом на Адриатическое побережье. С точки зрения геополитики, здесь все ясно и логично. Сербия – это единственное на Балканах государство, не имевшее свободного выхода к морю, что делало его положение крайне уязвимым, – изо всех сил держалась за долину реки Вардар, представлявшую собой единственный удобный выход к эгейскому порту Салоники. В условиях же активизации попыток дипломатии стран Антанты привлечь нейтральную Болгарию к участию в войне на своей стороне и обещаний ей обширных компенсаций в Македонии, что сопровождалось усилением давления на Сербию, в Нише выдвигали свои контрпретензии – обеспечить протяженный выход к Адриатике. Разница между болгарскими и сербскими «аппетитами» заключалась в том, что для удовлетворения Болгарии требовалось согласие Сербии, для сатисфакции же последней – окончательная победа держав Антанты в войне, поскольку Сербия претендовала уже на австро-венгерские владения – Боснию и Герцеговину, Хорватию, Далмацию. Потому и соглашались сербы на этот «обмен» только после победоносной войны, хотя союзники настаивали на немедленном согласии Ниша на передачу вождельных македонских земель Софии.

Интересны объемы компенсационных притязаний Сербии в первый месяц войны – они неопределенны, весьма противоречивы и неполны (то Босния, то сербо-хорватские территории Австро-Венгрии, но и то, и другое с побережьем – это главное; о словенских землях упоминаний вообще пока нет). Оно и понятно, ведь интегральная югославянская программа только разрабатывается – для ее подготовки и аргументации правительство привлекло крупных специалистов в сфере этнографии, лингвистики, истории: Йована Цвийича, Александра Белича, Йована Радонича, Слободана Йовановича¹²...

А тем временем представители Антанты вели активные переговоры с другим кандидатом в союзники – Италией, о позиции которой следует сказать особо, имея в виду ту роль, какую «итальянский фактор» сыграет в истории объединительного движения югославян в годы войны.

Как известно, после открытия военных действий в Европе Италия не выступила на стороне своих «партнеров» по Тройственному союзу (Германии и Австро-Венгрии), а

объявила о нейтралитете, искренность которого мало кого могла обмануть, ведь статус нейтральной державы позволял ей, выждав время, выяснить у воюющих сторон, какую цену готова предложить каждая из них за сохранение нейтралитета или потенциальное военное содействие. Опираясь на провозглашенный принцип «*sacro egoismo*» («священный эгоизм»), итальянское правительство в первые же дни войны вступило в параллельные переговоры как с представителями государств Антанты, выговаривая себе лучшие условия для возможного вступления в войну, так и со своими номинальными союзниками – Центральными державами – о будущих компенсациях за нейтралитет (согласно статьи VII Тройственного союзного договора от 1887 г.)... Начиналась долгая и рутинная «игра» в нейтралитет, что и понятно, поскольку ставки были слишком высоки, чтобы ошибиться или продешевить, – именно со вспыхнувшей войной в Риме связывали все надежды не только на осуществление своих национальных стремлений, но и на удовлетворение широких геополитических вожделений.

Как вспоминал Антонио Саландра (премьер-министр Италии в 1914–1916 гг.), «мы были убеждены в том, что не должны пропустить благоприятный случай, какой в течение столетий больше не повторится, чтобы вернуть себе всю нашу национальную территорию, создать сухопутные и морские границы, закрытые для обычных вторжений, возвысить Италию до настоящей великой державы, что означает нечто иное, чем приобретение скромного клочка земли, с границами, плохо обозначенными в географическом и языковом отношении»¹³.

Речь шла о присоединении к Италии Трентино (Южного Тироля) и Триеста – областей с преимущественно итальянским населением и более того о создании «сухопутных и морских границ, закрытых для обычных вторжений» (расшифровать подобную казуистику можно так: претензии на Истрию, Далмацию и часть албанского побережья), что превратило бы Адриатику, как в достопамятные времена римских императоров, в итальянское «*mare nostrum*». А поскольку на пути завершения процесса национальной консолидации итальянских земель стояла Австро-Венгрия, то вектор стратегического выбора Рима предугадать было нетрудно. Тот же Саландра писал: «Италия никогда не получит такой благоприятной okazji для сведения счетов с Австро-Венгрией»¹⁴.

И выбор был сделан. Причем довольно скоро. Решение примкнуть к Антанте Консульта приняла во второй половине сентября 1914 г. Но это было лишь принципиальное решение, не более. Впереди союзников ждали долгая «торговля» и многочисленные согласования в четырехугольнике Рим–Париж–Лондон–Петроград относительно конкретных условий его «материализации». В такой ситуации вопрос о будущей принадлежности югославянских территорий Австро-Венгрии (словенских земель, Истрии, Хорватии, Далмации) становился центральным в различных дипломатических комбинациях.

Сама Италия, наряду с требованием обеспечить себе решающее преобладание на северном и особенно восточном побережье Адриатики, уже в сентябре 1914 г. выдвинула идею автономии или независимости Хорватии, что создало бы, по мнению ее авторов, идеальные условия для единоличного господства Рима в своем «внутреннем море». «Мы не можем, – писал за месяц до смерти (16 октября 1914 г.) министр иностранных дел Антонио Сан-Джулиано, – переменить кошмар австрийской угрозы на кошмар славянской угрозы, и для этого нам нужны твердые гарантии»¹⁵. В качестве таковых и предполагалось создание «независимого» Хорватского государства и сужение до минимума уже обещанного союзниками Сербии выхода к морю.

Миланская газета «Secolo» подчеркивала по этому поводу: «Лучше иметь в качестве соседей два маленьких государства (т.е. Сербию и Хорватию. – А.Ш.), чем одно, которое включает оба маленьких. При наличии преимущественно антиславянской Албании, с одной стороны, и католической антисербской Хорватии – с другой, мы установили бы выгодное равновесие в Восточной Адриатике»¹⁶. Геополитические мотивы итальянского правительства очевидны – не допустить возможного объединения югославянских областей Австро-Венгрии, в крахе которой в Риме были кровно заинтересованы, с родственной по языку Сербией, чьи притязания на выход к Адриатике объявлялись «славянской угрозой».

Чрезвычайно показательным и весьма значительным для характеристики поведения Италии является то обстоятельство, что ее откровенное стремление стать единственной региональной сверхдержавой, сопровождаемое политикой раскола, по выражению той же газеты, «империалистического сербского блока», мирно уживалось с инструкциями Сан-Джулиано своим дипломатам в столицах государств Антанты... «получить гарантию, что Сербия будет вместе с Италией продолжать войну против Австро-Венгрии вплоть до ее гибели»¹⁷. Что ж, политика «священного эгоизма» набирала силу. Своего пика она достигнет весной 1915 г., в момент самой интенсивной «торговли» Италии с новыми союзниками, но основные ее контуры без труда прослеживаются уже спустя два месяца после начала войны.

* * *

Слухи о переговорах Италии с Антантой, а также идея Рима о независимости Хорватии вызвали у сербского руководства немалое беспокойство. Потому-то и поторапливал все тот же Й. Йованович маститых ученых с выработкой программы югославянских притязаний Сербии, ибо, по его словам, «в некоторых дипломатических кругах, с подачи Италии, уже начинают говорить об автономной Хорватии, в состав которой вошли бы собственно хорватские земли, Словения и часть Далмации, а, может быть, и какая-то часть Боснии»¹⁸. В тех условиях искомая программа должна была стать серьезным контраргументом сербского правительства в его дипломатической борьбе с претензиями Италии в столицах союзных держав.

3 октября 1914 г. сербская королевская миссия в Петрограде представила в российский МИД памятную записку – телеграмму Пашича от 28 сентября того же года. «Хотя еще не наступило время обсуждать вопрос о том, какому государству какая часть территории должна принадлежать после окончательной победы над неприятелем, – писал премьер сербскому посланнику в Петрограде Мирославу Спалайковичу, – все-таки считаю нужным заблаговременно обратить ваше внимание на наши претензии, дабы вы могли руководствоваться ими для себя лично в разговорах в дипломатических кругах о претензиях других государств (прежде всего Италии и отчасти Румынии. – А.Ш.). Теперь я это делаю вкратце, а позже пришлю вам более подробные инструкции с историческими данными о сербо-хорватских землях, на которые претендуем. Если война закончится так, как мы предполагаем, и Австро-Венгрия будет окончательно побеждена, то...». И далее он рисует границы государства, в состав которого должны войти Воеводина, Славония, Хорватия, Далмация и Словения, т.е. все югославянские земли Дунайской монархии, без Триеста и Истрии, которую «можно было бы поделить с Италией, если бы последняя немедленно выступила против Австро-Венгрии»¹⁹.

Итак, перед нами программа югославянского объединения (правда, пока еще как бы «для служебного пользования»), абсолютно идентичная той, что будет официально обнародована два месяца спустя в Нишской декларации.

Вместе с тем следует заметить, что Пашич отнюдь не являлся столь наивным политиком, чтобы всерьез полагать, будто, сформулировав программу югославянского объединения, Сербия тем самым прочно обезопасила себя от итальянских претензий на Восточно-Адриатическое побережье. Он хорошо понимал, что Италия для государств Тройственного согласия была фактором стратегическим, а потому отдавал себе отчет в том, что желая «купить» военное содействие Рима для усиления своих позиций против Вены, Лондон, Париж и Петроград вполне могли пойти навстречу его геополитическим притязаниям. Допуская такую возможность, сербский премьер подготовил «запасной вариант». И в случае, если державы Антанты поддержали бы предложение Италии о создании буферного хорватского государства, он потребовал бы включить в состав Сербии Боснию и Герцеговину, Далмацию, а также Срем, Славонию и Лику (т.е. часть Воеводины и населенные в основном сербами области Хорватии)²⁰. Как видим, выход к морю был бы обеспечен Сербии и в этом случае...

Здесь остановимся и зададимся вполне резонным вопросом – что же произошло за те два с небольшим месяца, с сентября по декабрь 1914 г., т.е. с момента выработки сербским правительством программы югославянского объединения до ее официального обнародования в Нише.

Ноябрь 1914-го был отмечен для Сербии коренным ухудшением ситуации на военном и дипломатическом фронтах. Австро-венгерские войска под командованием генерала Оскара Потioreка в середине месяца перешли в наступление, заставив сербов отступить. Началась Колубарская битва (17 ноября – 15 декабря), крупнейшее сражение на Балканах в годы Первой мировой войны. Военное положение королевства из-за огромного дефицита боеприпасов становилось критическим – солдатам нечем было отвечать на шквал артиллерийского огня противника. Сербы оставили Валево, Обреновац; к концу месяца пал Белград. Параллельно союзная дипломатия усиливала давление на Пашича, склоняя его пойти-таки на территориальные уступки Софии и заручиться ее помощью. Сербское правительство отказалось вознаградить «изменницу славянской солидарности Болгарию в тот момент, когда Сербия истекает кровью в борьбе за победу славянского дела»²¹. О критичности момента свидетельствовал и тот факт, что начальник Главного штаба сербской армии воевода Радомир Путник предложил правительству подумать о возможности заключения сепаратного мира с Веней (если только это «предложение» не оказалось искуснейшей интригой многоопытного Пашича с целью оказания теперь уже контрдавления на союзников)...

В Париже, Лондоне и Петрограде «встрепенулись» – снаряды через Грецию и ту же Вардарскую долину начали поступать в Сербию. Особую роль в деле помощи Нишу сыграла Экспедиция особого назначения во главе с капитаном первого ранга М.М. Веселкиным – русские транспорты доставили по Дунаю десятки тысяч зарядов для сербской полевой артиллерии²²... Медленно до того отступавшие сербы, реорганизованные и

* Приведем здесь любопытный факт, показывающий объемы русской помощи сербам по Дунаю – полугодовой опыт перевозок показал, что количество грузов, переброшенных транспортом Экспедиции, значительно превышал перевалочные мощности сербского порта Прахово, как и вывозные возможности железнодорожной ветки оттуда в глубь Сербии (однаколейка Прахово – Заечар) (см.: Черников И. Гибель империи. М., 2002. С. 603–604).

снабженные всем необходимым, вдруг, на противоходе, перешли в контрнаступление, прорвав вражеский фронт. Этот успешный прорыв, начавшийся 3 декабря, завершился 15-го числа освобождением Белграда. Второе с начала войны австро-венгерское вторжение в Сербию было отбито.

И вот в разгар самых ожесточенных боев с неприятелем, 7 декабря, сербский парламент принимает документ о необходимости освобождения и объединения всех сербов, хорватов и словенцев. Одно это обстоятельство, как представляется, уже свидетельствует о том, что характер принятого решения не мог не зависеть от военно-политической конъюнктуры. Не секрет ведь, что в противоборстве с Австро-Венгрией сербский премьер рассчитывал на югославян Габсбургской монархии как на своих потенциальных союзников, национальное движение которых неминуемо привело бы к ее внутреннему ослаблению.

По воспоминаниям очевидца, декларация о военных целях королевства приобрела общегославянскую «упаковку» лишь после того, как Пашича убедили в том, что «это поможет Сербии в войне, ибо вызовет выступление югославянских и иных славянских народов Австро-Венгрии»²³. По оценке сербского исследователя С. Скоко, югославянская программа сербского правительства, содержащаяся в Нишской декларации, – это «прежде всего мина для разрушения Австро-Венгерской монархии, заложенная в тот момент, когда никто в мире еще и не помышлял о возможности ее распада»²⁴.

Кстати говоря, такая трактовка знаменитого документа особой популярностью в сербской исторической литературе не пользовалась. Мы уже отмечали, что Нишская декларация рассматривалась многими авторами как логичное политическое воплощение тех югославянских тенденций, «какие еще до войны проявились в политической жизни Сербии и, в частности, – в верхах правящей Радикальной партии»²⁵. С этим, однако, не вяжется тот известный факт, что в первоначальном проекте декларации отсутствовало всякое упоминание о «словенском племени»; оно было внесено в документ буквально в самый последний момент, после вмешательства известного словенского интеллектуала и поборника югославянского единства Нико Жупанича и его разговора с Пашичем...

Подведем промежуточный итог. К концу 1914 г. интегральная югославянская программа королевства была сформулирована. Нишская декларация, несмотря на все явные и скрытые мотивы ее одобрения, стала «краеугольным камнем» официальной юнионистской политики Сербии военного времени. Однако сразу же следует указать и на одну ее особенность чисто утилитарного свойства. Политика эта, по крайней мере в начальный период войны, в немалой степени являлась: во-первых, средством «защиты» сербского руководства от давления союзников – чем больших уступок требовала Антанта в пользу болгар в Македонии, тем дальше на северо-запад, «к заветному морю», простирались контрпретензии сербов; во-вторых, геополитическим «противовесом» Сербии панадриатическим устремлениям Италии, наглухо запирающим ей выход к побережью; и, наконец, ее военно-пропагандистским инструментом в условиях прямого противоборства с Дунайской монархией.

АПОФЕОЗ «СВЯЩЕННОГО ЭГОИЗМА» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ. Тем временем наступал 1915 год – год вступления в войну Италии, Болгарии и крушения Сербии. Год, показав-

ший всю тщетность надежд на скорый конец боевых действий и лишь разогнавший обороты европейской мясорубки. Однако начало его застало сербов в обманчивом ожидании близкого мира. Блестящая зимняя победа, одержанная ими в Колубарской битве, в совокупности с военными успехами союзников на других фронтах, давали, как казалось в Нише, основания верить в скорое окончание войны.

Ожидая его, Сербия по-прежнему была готова уступить требованиям союзников – в смысле удовлетворения болгарских притязаний в Македонии – в обмен на гарантию будущего решения проблемы югославянских земель Австро-Венгрии в благоприятном для себя духе. Британский ученый и общественный деятель, поборник «югославянского дела», Джордж Тревельян писал в январе 1915 г. на родину из Софии о своем (вместе с Генри Уикхем-Стидом) пребывании в Нише и контактах с сербским руководством: «Вообще, мы можем сказать на основании многочисленных переговоров с сербами, начиная от наследника престола и до менее высокопоставленных лиц, что, чем больше заходит речь об экспансии в сторону Адриатического побережья и образования Югославии, тем более готовы сербы уступить Македонию – и последнее лишь по дружественному настоянию великих держав, являющихся ее союзниками»²⁶.

А ситуация в Европе, между тем, в корне менялась, и Сербию ожидал отнюдь не скорый мир, а тяжелейшие испытания.

К февралю военные приготовления Италии продвинулись настолько вперед, что начальник Генерального штаба генерал Луиджи Кадорна мог заверить правительство, что уже к середине апреля итальянская армия будет достаточно подготовленной для участия в войне. Оно, в свою очередь, сочло момент благоприятным для обращения к государствам – членам Тройственного соглашения с предложением военного содействия, тем более что русские победы в Карпатах, как казалось, предвещали окончательный разгром австро-венгерских войск, а подготовка союзников к форсированию Дарданелл зашла достаточно далеко. Опасаясь, что Антанта сама, без помощи Италии, покончит и с Турцией, и с Австро-Венгрией, в Риме решили не терять времени и «впрячься» в союзническую военную колесницу.

В союзных столицах (в Петрограде, правда, в меньшей степени, чем в Лондоне и Париже) весьма благосклонно встретили предложение Рима о военном сотрудничестве, и переговоры об условиях вступления Италии в войну начались. 9 марта 1915 г. посол Италии в Лондоне маркиз Имперали вручил сэру Эдуарду Грею меморандум с требованиями своей страны. В части, нас касающейся, документ предусматривал передачу ей почти всей Далмации до реки Нарента (Неретва) и островов к северу и западу от нее. Вопрос о будущей принадлежности адриатического побережья Хорватии и Герцеговины Рим требовал передать после войны «на решение Европы». К данным территориям, судьба которых должна была решиться позднее, меморандум относил: «В нижней Адриатике – все побережье от реки Нарента до реки Дрина, в верхней Адриатике – все побережье между бухтой Волоски на границе Истрии и северной границей Далмации»²⁷.

При соблюдении этих условий правящие круги Италии милостиво соглашались «не возражать» против раздела Северной и Южной Албании (из Центральной с портом Дуррес (Дураццо) предполагалось создать квази-независимое мусульманское государство, а порт Влеру (Валону) с прилегающим хинтерландом просто аннексировать) между Сербией, Грецией и Черногорией, причем все потенциальное сербско-черногорское побережье подлежало бы демилитаризации²⁸.

Такие территориальные «прикидки» римского кабинета находились в вопиющем противоречии с принципом самоопределения наций, главным поборником которого, по словам Саландры, Италия считала себя²⁹. Население Далмации насчитывало примерно 633 тыс. человек; из них итальянцев было всего 18 тыс. За исключением Задара (*итал.* Зара) там не было ни одного города с итальянским большинством. Однако все это мало смущало итальянских политиков, страстно желавших воплотить в жизнь план «полного господства» в Восточной Адриатике, что исключило бы всякую возможность овладения «австрийским побережьем какой-либо другой морской державой»³⁰. Что ж, не так уж и не права была русская дипломатия, быстро разгадавшая «тенденции римского кабинета заменить Австрию на Балканах»³¹. Как видим, геополитика властно диктовала свою волю принципам, повсюду торжествовал «двойной стандарт».

Что означали эти притязания Италии для Сербии и югославян Австро-Венгрии? Ответ на сей вопрос содержался в ответном меморандуме союзных правительств от 20 марта, в котором они советовали Риму пересмотреть объем своих претензий на восточное побережье Адриатического моря, поскольку «требование Италии о присоединении к ней Далмации, сопровождаемое предложением нейтрализовать значительную часть восточного адриатического побережья, и притязания на острова ... оставляют Сербии весьма ограниченные возможности для выхода к морю и запирают южнославянские провинции, которые имели основания рассчитывать, что настоящая война облегчит им осуществление их законных стремлений к расширению и развитию, чего они до сих пор были лишены»³². Как видим, удовлетворение итальянских требований поставило бы под серьезное сомнение саму возможность Сербии вырваться из геополитической «мышеловки», уже гарантированную ей державами Антанты*.

Вокруг требований Италии по вопросу о Далмации завязалась дипломатическая борьба. Западные державы (особенно Британия), полагавшие, что вступление в войну нового союзника с Аппенин станет ее поворотным пунктом, сняли свои возражения, высказанные в меморандуме от 20 марта. С целью добиться согласия России на условия Рима они начали оказывать на С.Д. Сазонова, твердо поначалу стоявшего на защите интересов югославян в регионе, сильнейшее давление. 11 марта последовала нота союзников об отсутствии у них принципиальных возражений по поводу заявления Николая II, что Константинополь и проливы должны принадлежать России. В ответ – в Лондоне и Париже ожидали встречных шагов Петрограда, и прежде всего достижения соглашения с Римом.

Сазонов, который, по свидетельству очевидца, «был буквально ослеплен константинопольским вопросом и считал адриатический второстепенным для России»³³, под давлением союзников начал отступать... В конечном итоге, российское правительство было вынуждено пойти навстречу интересам Италии, оговорив, правда, при этом некоторые уступки в пользу Сербии. Сам Сазонов писал впоследствии: «Мне стоило большого уси-

* Российский поверенный в делах в Нише В.Н. Штрэндман вспоминал: «Сербам были хорошо известны итальянские претензии на побережье Далмации, а также то, что Италия не выступит на стороне Антанты без убедительных гарантий относительно ее требований. Для Сербии это означало потерю надежды хоть когда-нибудь выйти к морю. По словам Пашича, „предполагалась всего лишь замена одного тюремщика другим“, т.е. вместо Австро-Венгрии в той же роли появлялась Италия. Такая „рокировка“, по сути дела, ничего не меняла и не улучшала» (*Штрэндман В.* Балканские воспоминания. С. 379–380).

лия над собой, дабы ради выгод итальянского союза пожертвовать интересами сербского народа. Выход к морю был, во всяком случае, обеспечен Сербии, но значительная часть сербского населения лишалась возможности присоединиться к объединенной родине»³⁴. Окончательное соглашение союзников с Италией об условиях и сроках ее вступления в войну на стороне Антанты было закреплено в Лондонском четырехстороннем договоре, подписанном 26 апреля 1915 г. Договор предусматривал присоединение к Италии, кроме итальянских областей Австро-Венгрии, также Истрии и Далмации. Сербии гарантировался выход к морю в Южной Далмации (узкий, неудобный и демилитаризованный, о котором Пашич с иронией говорил, что это, должно быть, и есть тот самый «широкий выход», каким союзники «соблазняли» сербов, оказывая на них давление³⁵) и обещалась Босния и Герцеговина. Хорватию предполагалось объявить независимой как от Австро-Венгрии, так и от Сербии.

Дальнейшие события показали, однако, что такой расклад не нашел поддержки не только в Нише, но и среди политиков из Хорватии, Далмации, Словении...

* * *

Начнем с позиции Сербии.

В Нише слухи о территориальных претензиях Италии вызвали резко негативную реакцию. По словам российского посланника в Сербии князя Г.Н. Трубецкого, регент Александр Карагеоргиевич в разговоре с ним «поделился серьезной заботой, которую внушают ему и сербскому правительству притязания Италии на часть далматинского побережья». Он возложил «все надежды на Россию», полагая, что она «не дозволит сделку, которая передала бы власть над значительным славянским населением из рук Австрии Италии и сделала бы неизбежной новую войну в ближайшем будущем»³⁶. Но перед Россией, вернее перед глазами ее сановников, уже мерещились миражи Святой Софии, почему и надеяться на решительное противодействие Петрограда союзникам в адриатическом вопросе было довольно наивным. Неприятности для сербов на этом не заканчивались – союзники и в начавшемся году продолжали оказывать на Сербию давление, вынуждая ее пойти-таки на уступки Болгарии в Македонии. И мало того, давление это постоянно усиливалось, так как страны Антанты поставили целью во что бы то ни стало втянуть Софию в войну на своей стороне.

Сербия, таким образом, оказалась меж двух огней. С одной стороны, союзники требовали от нее передачи Македонии болгарам, причем с Вардарской долиной – этой единственной, как уже говорилось, удобной артерией, связывавшей королевство с морем. А с другой, – соглашаясь на большинство требований Италии, в отношении Ниша они ограничивались туманными обещаниями «обширных территорий и выхода на Адриатическое море»³⁷. В такой ситуации позиция сербского руководства не могла не измениться – Пашич в беседе с Трубецким заявил, что «многие в Сербии предпочтут сохранить старое, чем приобрести новое»³⁸. Югославянская программа, как видим, начинала «трещать».

Российский посланник с тревогой сообщал в Петроград об ужесточении позиции Ниша по отношению к возможным уступкам Болгарии, подчеркивая, что «теперь едва ли можно будет добиться от сербов таких уступок болгарам, как прежде, и что какое-либо слишком решительное представление держав имело бы, вероятно, результатом толь-

ко смену кабинетов, но не согласие»³⁹. И он был прав – в воздухе действительно запахло правительственным кризисом. 4 мая 1915 г. престолонаследник доверительно сообщил ему, что «Пашич высказал желание при таких условиях покинуть власть». Что касается самих условий, то королевич не стал скрывать их от своего собеседника. Заметив, что он вполне разделяет единодушное «чувство оскорбленного достоинства по поводу того, что союзники не считаются с сербами», Александр Карагеоргиевич заявил, что Сербия «не заслужила такого отношения своей лояльностью, ибо со всеми нейтральными (странами. – А.Ш.), которые до сих пор одинаково, если не более, помогали нашим врагам, чем нам, разговаривают и позволяют торговаться за счет Сербии, и только с последней не считают нужным церемониться»⁴⁰.

Что ж, как представляется, в горьких словах молодого сербского принца содержалась немалая доля истины. Сербия уже сделала свой выбор, подняв памятным летом 1914 г. брошенную Веней перчатку, и с честью подтвердила его, дважды (в августе и декабре) послав «в нокадаун» сильнейшего на порядок противника. С ее же соседями – в первую очередь Болгарией и Румынией – страны Антанты только вели «торговлю». И разменной монетой в ней были сербская Македония для Болгарии и заселенный в значительной степени сербами Банат для Румынии. Об Италии в данном контексте упоминать не стоит, о ней речь уже шла.

Тем не менее, союзники продолжали давление – уж слишком велик был соблазн втянуть в войну Софию. По мысли официального Петрограда, «выступление Болгарии при настоящих условиях важнее вероятного ухода Пашича и возможного временного возбуждения в Сербии»⁴¹. И вскоре последовал очередной совместный демарш (теперь уже от имени четырех держав) с требованием уступить Македонию. Но Пашич наотрез отказался приступить к подготовке общественного мнения своей страны в нужном для союзников духе, полагая это их требование «неприемлемым». «Сербию распинают, в самую критическую минуту ее ампутируют»⁴², – заявил он поверенному в делах России В.Н. Штрандтману. И, думается, сербский премьер имел право на столь эмоциональное и «неполитичное» заявление, ибо какое у него еще могло сложиться впечатление, если «уступка, требуемая в пользу Болгарии, вполне определена, тогда как от Сербии дружественные державы скрывают содержание соглашения с Италией (по требованию последней. – А.Ш.) и не посвящают ее в переговоры с Румынией»⁴³.

Логичность и внутреннюю правоту непреклонной позиции Пашича признавали даже некоторые политики Антанты. Так, Дэвид Ллойд Джордж писал в феврале 1915 г. Э. Грею: «Я полагаю, что позиция сербского премьер-министра останется неизменной. Я сомневаюсь, чтобы он мог согласиться отдать значительную часть сербской территории заранее, не получив взамен ничего определенного. Это произвело бы такое расхолаживающее впечатление на сербскую армию, что парализовало бы ее действия. Сербская армия так блестяще сражалась, что это было бы для нее несчастьем»⁴⁴. Прав оказался будущий премьер Великобритании – позиция сербского лидера так и осталась неизменной.

Когда 3 августа державы представили Пашичу новую, Бог весть какую по счету, ноту аналогичного содержания, с некоторыми, правда, нюансами, тот заявил русскому посланнику, что «Сербии остается бороться из последних сил не только с Австрией, но и с собственными союзниками за защиту родной земли и кровных интересов». Выразив свою благодарность России за то, что «она все сделала, что могла», сербский премьер был непоколебим в главном – «требовать от нас невозможного она не может». Когда же Г.Н. Трубецкой, по его собственным словам, «обратил внимание Пашича на опасность,

добиваясь всего (а речь шла о нежелании держав дать какие-то гарантии в отношении Хорватии, их „молчании“ о словенских землях, а также о нейтрализации и того куцего участка побережья, который „выделялся“ Сербии. – А.Ш.), ничего не получить, и на то, что сербам предстоит сделать выбор между Македонией и южным славянством», тот ответил: «Мы выбираем Македонию!»⁴⁵.

В официальном ответе, понятно, он не мог пользоваться столь прямолинейным слогом. Выраженный в иной форме, сербский демарш, однако, мало что менял по сути – Сербия соглашалась с уступкой Македонии болгарам при условии «формального обещания союзных держав в том, что Хорватия с городом Риекой будут объединены с Сербией, что словенские земли будут освобождены и получают право на свободное самоопределение, что к Сербии будет присоединена западная часть Баната, совершенно необходимая для обороны столицы и долины Моравы*». Передача македонских земель предполагалась сразу же, «как только Сербия вступит во владение обещанными ей территориями, а равно теми, которые упомянуты выше»⁴⁶.

Такое «согласие» не могло, естественно, удовлетворить союзников, желавших получить от сербов все и немедленно. Те же стояли на своем твердо, готовые скорее «с честью погибнуть, чем идти на самоубийство»⁴⁷. Ситуация складывалась тупиковая, напоминавшая затишье перед бурей, и она не замедлила разразиться грозой – в октябре 1915 г., после начала третьего, теперь уже совместного австро-мадьяро-германского, вторжения в королевство, под командой немецкого генерал-фельдмаршала Августа фон Маккензена, Болгария вступила в войну на стороне Центральных держав и немедленно напала на Сербию.

Это было жестоким поражением союзной дипломатии, в чем в немалой степени повинен лично С.Д. Сазонов, с порога отменявший все предостережения сербов и князя Трубецкого в отношении болгар, которые уже с лета проводили неприкрытые военные приготовления. С какой целью – понимали все, кроме, увы, русского министра. В самой категорической форме запретив Пашичу какие-либо превентивные меры против Софии, Сазонов, по словам очевидца (чьи мемуары мы уже цитировали), был крайне удивлен, когда «Болгария не испугалась угрозы войны с Россией и сама напала на Сербию».

И, как полагал тот же очевидец, занимавший в годы Первой мировой войны ответственный пост в здании на Певческом мосту, «вся последующая трагическая и драматическая эпопея сербской армии, прошедшей с огромными потерями через Албанию, все ужасы голода и истощения, занятие Сербии неприятельскими войсками – все это, несомненно, последствия несчастного решения Сазонова воспрепятствовать нападению Сербии на Болгарию»⁴⁸. Тяжелейшее отступление, которое народ прозвал «Сербской Голгофой», завершилось в начале 1916 г., когда остатки армии, вместе с тысячами беженцев, были эвакуированы с албанского побережья на остров Корфу, ставший отныне резиденцией сербского правительства.

Подлинное – т.е. когда уже нечего требовать – отношение западных союзников к Сербии особо наглядно проявилось как раз во время арьергардных боев сербов на двух фронтах. Все просьбы сербского руководства о помощи остались гласом вопиющего в пустыне. Реальной поддержки не последовало. И, действительно, зачем ее оказывать –

* О том, что последнее требование являлось для сербов жизненно важным, говорит тот факт, что их столицу Белград и пограничный австро-венгерский городок Земун разделяла лишь река Сава.

как заметил еще в начале войны британский посол в Париже лорд Берти, «сербский вопрос не таков, чтобы сражаться из-за него»⁴⁹. Тот же Ллойд Джордж констатировал: «Сербия была оставлена союзниками на произвол судьбы»⁵⁰.

Но наибольший цинизм во время «Сербской Голгофы» в отношении гибнущих сербов проявили «новые друзья» – итальянцы, которые, как мы помним, желали «получить гарантию, что Сербия будет вместе с Италией продолжать войну против Австро-Венгрии вплоть до ее гибели». Так вот, когда обескровленные остатки сербской армии появились на албанском побережье, то обещанной итальянскими «союзниками» продовольственной помощи и кораблей для эвакуации не было. Мало того, Консульта откровенно оттягивала их предоставление⁵¹. И это – когда австро-венгерские войска, после капитуляции Черногории, стремительно настигали сербов. В январе 1916 г. генерал Жозеф Жоффр писал Аристиду Бриану, что «препятствия всякого рода, чинимые итальянским правительством эвакуации сербских войск, могут привести к потере части этой армии»⁵². Не того ли в тайне и желали в Риме, полагая ее опасной для своих интересов в Албании и Далмации? Так, по крайней мере, рассуждал сербский посланник в Петрограде Мирослав Спалайкович⁵³. А генерал Пиарон де Мондезир на полном серьезе поинтересовался у генерала Бертолли: «Ваше превосходительство, объясните – вы за сербов или против них»⁵⁴.

Ситуация складывалась катастрофическая, и тогда 5 января генерал М.В. Алексеев подал Николаю II записку: «Сербский военный агент сейчас передал мне телеграмму». Она «хорошо характеризует положение остатков сербской армии и отношение к ним Италии, затаенные мысли этой державы, объясняющие ее действия. Дипломатия Согласия бессильна что-либо сделать, чем-либо помочь. Спасти доблестные остатки сербской армии, которая еще сослужит великую службу Союзу, может только державное, настойчивое слово Вашего Императорского Величества президенту Французской республики и английскому королю. Гибель сербских солдат ляжет позором на Францию и Англию, в руках коих были все средства, но не было желания, или было много веры в одного из союзников – Италию, который этой веры не заслуживал»⁵⁵.

Такое «державное и настойчивое слово» императора (причем, не без скрытой угрозы) прозвучало и положило-таки конец столь откровенному рецидиву «священного эгоизма» – итальянские и другие союзные корабли начали перевозить сербов на Корфу⁵⁶...

Здесь снова остановимся и постараемся обобщить сказанное.

Итак, в 1915 г. союзники, вместе с Сербией, потеряли Балканы. Историография СССР упрекала за то «крайнего шовиниста» Н. Пашича, который сорвал все усилия по вовлечению в войну Болгарии (профессор Ф.И. Нотович)⁵⁷. Современная отечественная литература гораздо более взвешенна. «Предполагаемая комбинация была для Сербии неприемлемой, а потому и мертворожденной»⁵⁸, – совершенно справедливо утверждает

* Отношение сербов к «новым союзникам» было соответствующим. Д. Ллойд Джордж вспоминал о конференции мира в Версале и пребывании на ней Н. Пашича: «Он относился к итальянцам с глубокой неприязнью и недоверием. Враждебность Соннино к югославам полностью оправдывала Пашича. Когда в разговоре с ним об итальянских претензиях на Далмацию я указал на жертвы, которые понесла Италия, и на ее тяжелые потери в борьбе с Австрией, Пашич ответил своим спокойным и приятным голосом: „В сражении убивают больше людей когда они бегут, чем когда они дерутся“» (Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 2. С. 44).

профессор В.Н. Виноградов. И соответственно – «антантовская дипломатия безнадежно запуталась в межбалканских противоречиях и выглядела пассивной, будучи не в силах сдвинуться с мертвой точки»⁵⁹. Именно она и есть главный виновник поражения. Но спрашивается, был ли хоть какой-нибудь выход из тупика? Думается, что все-таки был. И находился он в прямой связи с югославянской программой сербского правительства, точнее – с возможностью ее реализации.

Сама же эта программа, по крайней мере в первый период войны, носила более геополитический, чем идеологический характер и была тесно связана с «македонским вопросом». До тех пор, пока у сербского руководства теплилась надежда на то, что при определении дальнейшей судьбы югославянских территорий Австро-Венгрии (прежде всего побережья) союзники учтут интересы Сербии, оно было готово пойти навстречу настойчивым просьбам из Лондона, Парижа и Петрограда и уступить часть Македонии Болгарии. Но как только римский кабинет выдвинул претензии почти на все восточно-адриатическое побережье, и, что самое главное, Антанта в Лондонском договоре с ним согласилась, сербское правительство резко изменило ориентацию и дезавуировало свои прежние обещания. «Мы выбираем Македонию!» – стало лозунгом его новой линии, с которой оно не свернуло вплоть до трагических дней октября 1915 г. Югославянская программа на время потеряла для него свою актуальность. Мотивы столь радикального поворота от готовности территориального «обмена» к ставке на сохранение status-quo лежали в сфере геополитики. Как инструктировал Пашич своих диппредставителей за границей в июне 1915 г., согласие на передачу Македонии в настоящий момент чревато тем, что «для нас был бы закрыт путь в Салоники, ... и в этих условиях любое болгаро-итальянское соглашение легко могло бы лишить нас свободного выхода к морю и контакта с другими народами»⁶⁰.

Таким образом, совершенно очевидно, что, именно бескомпромиссность Италии в геополитических амбициях, ее стремление добиться максимального их удовлетворения порождали столь же бескомпромиссную позицию сербского руководства в отстаивании «своей» Македонии. «Чем больше Адриатическое побережье подпадет в руки Италии, тем крепче сербы будут стоять за сохранение сообщений с Салониками»⁶¹, – пророчески писал князь Трубецкой еще в декабре 1914 г. И далее резюмировал: «Если Италия почувствует себя вполне свободной в своих действиях, она может создать положение, которое значительно осложнит наши непосредственные задачи умиротворения на Балканах»⁶². Политика «священного эгоизма», провозглашенная А. Саландрой, явилась, следовательно, главной причиной провала всех попыток союзной дипломатии привлечь Болгарию к войне на стороне Антанты*.

О том, что это было именно так, свидетельствует тот же Трубецкой. «Со своей стороны убежден, – доносил он Сазонову, – что удовлетворение притязаний Италии на Далматинское побережье не отвечало бы жертвам и задачам нынешней войны. Если же нам удалось бы ограничить компенсации Италии до Пола (*хорватск.* Пула, город-порт

* Современный исследователь также подчеркивает, что «Лондонский договор значительно усложнял дипломатический торг держав Антанты с Болгарией, которую старались во что бы то ни стало удержать от вступления в войну на стороне австро-германского блока» (Фисанов В.П. Проблема национально-территориального устройства Центральной Европы в «Четырнадцати пунктах» президента США Вудро Вильсона // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. М.; Ставрополь, 2007. Вып. 3. С. 153).

на полуострове Истрия. – А.Ш.) и соответственно расширить приобретения Сербии, то, несомненно, мы могли бы поставить ценой этого требование земельных уступок Болгарии»⁶³. И это требование, как представляется, в конечном итоге было бы исполнено.

Для усиления нашего предположения обратимся к Пашичу. В начале августа 1914 г. он говорил, что «сербское правительство станет уступчивее, если получит обещание о выходе страны к Адриатике»⁶⁴. Полгода спустя, в феврале 1915-го, сербский премьер еще более категоричен: «Пашич сказал, между прочим, что на линию Вардара сербы согласны, *но что можно было бы пойти и дальше* (выделено нами. – А.Ш.), если бы болгары облегчили задачу уступок, и если также сербы получают возможность направить общественное мнение в сторону будущих расширений на менее неопределенных, чем доселе, основаниях, особенно, что касается Далматинского побережья»⁶⁵. Что, собственно, и требовалось доказать...

Кстати, говоря о позиции Италии в вопросе о принадлежности адриатического побережья, стоит упомянуть о прелюбопытной беседе, состоявшейся в феврале 1915 г. в здании на Певческом мосту между послом Италии в Петрограде маркизом Карлотти и директором Канцелярии МИД бароном М.Ф. Шиллингом. В ответ на заявление посла о том, что «для Италии создание большого и сильного южно-славянского государства на берегах Адриатики едва ли было бы приемлемо», российский дипломат заметил: «Даже с точки зрения противостояния сербо-хорватскому слиянию, Италии следовало широко отнестись к законным требованиям Сербии о выходе к Адриатике, так как если Италия в то же самое время поставит себя во враждебные отношения к хорватам, стремясь овладеть частью их земель, и возбудит против себя сербов, препятствуя обеспечению их жизненных интересов путем приобретения достаточной части побережья, то этим самым Италия сама толкнет хорватов и сербов в объятия друг другу, заставит их забыть разногласия для объединения в одном, а именно в общей борьбе против Италии»⁶⁶. Как в воду глядел проницательный Маврикий Фабианович – по этому сценарию и будут развиваться взаимоотношения сербских, хорватских и словенских политиков. Всех их сплотит на время общая борьба против итальянских амбиций.

И здесь мы подходим к анализу планов и концепций политических эмигрантов из Хорватии, Далмации, Словении, Боснии и Герцеговины, образовавших в мае 1915 г. в Лондоне так называемый Югославянский комитет, который стал вторым важнейшим политическим фактором развернувшегося в годы Первой мировой войны юнионистского движения югославян.

Планы югославянской эмиграции. С началом войны немалое число политиков из Словении, Хорватии, Далмации, Боснии и Герцеговины оказалось в эмиграции, где ими был основан Югославянский комитет. В него вошли Анте Трумбич, Франо Супило, Иван Мештрович, Франко Поточняк, Нико Жупанич, Богумил Вошняк и другие. Председателем новой организации стал адвокат из Сплита, бывший депутат далматинского земельного парламента А. Трумбич. В 1916 г. Югославянский комитет имел своих представителей в Париже, Женеве, Петрограде, а также в США и Южной Америке, где находились многотысячные колонии югославян-переселенцев.

Опираясь на идею «народного единства» сербов, хорватов и словенцев, члены Комитета выступали за поражение Австро-Венгрии в войне, объединение всех ее югославянских областей с Сербией и образование единого югославянского государства. Главным

мотивом такого стремления была весьма осязаемая опасность германизации и мадьяризации югославян империи, а также желание объединить в рамках этого государства все до того расчлененные хорватские и словенские земли. В меморандуме Комитета, переданном 6 мая 1915 г. французскому правительству, оба эти мотива (для хорватских земель) представлены особенно наглядно: «Хорватия и Словения веками боролись за свою самостоятельность как против германизации и австрийского централизма, так и против мадьяризации. Для Хорватии нет более естественного места, чем в составе Югославии кроме всего прочего еще и потому, что хорватский Сабор* постоянно выступал за территориальную целостность Хорватии», ведь «Далмация всегда была составной частью хорватского государства»⁶⁷.

В феврале 1915 г., находясь проездом в Нише, Ф. Супило открыто агитировал Пашича за осуществление своей заветной мечты – «объединения юго-западных славян под эгидой Сербии»⁶⁸. Эту задачу Супило считал настолько важной, что, как сообщал Сазонову российский посланник в Черногории А.А. Гирс, «в случае, если не удастся прийти к соглашению (с сербами, касательно объединения с хорватами и словенцами. – А.Ш.), он намеревался «убедить нас (Россию. – А.Ш.) в необходимости навязать свое властное решение»⁶⁹. Для того же, чтобы проект такого объединения был благосклонно воспринят в столицах государств Антанты, Супило предлагал Пашичу пойти навстречу союзникам и «отказаться от Македонии в пользу Болгарии». «Судьба присоединения Далмации к Сербии, – уверял он сербского премьера, – зависит от уступчивости последней относительно Македонии»⁷⁰.

По словам князя Трубецкого, «для католика-далматинца (Супило. – А.Ш.) Македония – это прошлое не сербского народа, а Сербского королевства, причем прошлое, к которому вовсе не лежит его сердце. Стремление Сербии на юг он считает печальной необходимостью, в которую она была поставлена, не имея выхода на запад к морю, отрезанная на севере от своих соплеменников. Народное, экономическое и государственное развитие должно быть направлено в сторону Адриатики, а не к Эгейскому морю»⁷¹. Весьма любопытно замечание российского посланника о том, что «эти взгляды Супило стеснялся выражать здесь»⁷². Еще бы, ведь сербы могли не так его понять. В разговорах же со своими собеседниками в Нише посланец хорвато-далматинской эмиграции говорил о другом. Не жалея красок, он расписывал «картину будущего развития Сербии на берегах Адриатики с богатыми коммерческими гаванями, со своей „Ривьерой“ у Рагузы (ныне хорватский Дубровник. – А.Ш.), которая славится красотой местоположения, может быть, с военно-морскими портами, в коих население – природные моряки, являющиеся лучшим элементом австро-венгерского флота». На сербов все это, как доносил в Петроград со слов Супило Трубецкой, «производило сильнейшее впечатление»⁷³.

Вместе с тем, важно заметить, что давление, которое Супило оказывал на Пашича, пытаясь склонить его «страхнуть македонский прах» со своих ног и обратиться на северо-запад – к Адриатике, объяснялось, как представляется, не только желанием «подыгрывать» союзникам в македонском вопросе и заручиться их поддержкой в деле возможного сербо-хорвато-словенского объединения. Стратегическая цель Супило здесь иная (что хорошо видно из его конфиденциальной беседы с Трубецким, отрывки из которой мы приводили), а именно – «перетянуть» Сербию, так сказать, из Азии в Европу, перевести

* Местный представительный орган в Загребе. Хорватия пользовалась ограниченной автономией в рамках Венгерского королевства.

вектор ее цивилизационного развития с Востока на Запад. А что же дальше?.. А дальше, как подчеркнул Супило в разговоре с советником 2-го Политического отдела МИД России К.Н. Гулькевичем, слияние хорватов с сербами «должно принять форму, обеспечивающую перевес культурного миросозерцания хорватов над нынешними стремлениями сербов». По словам российского дипломата, «Супило подчеркнул при этом европейский оттенок цивилизации хорватов в противоположность культуре сербской»⁷⁴.

И в других союзных столицах посланники Комитета развивали эту же мысль. Д.Ллойд Джордж вспоминал, что в меморандуме британского Форин оффис о возможном территориальном переустройстве в Европе (подготовленном осенью 1916 г.) – в части, касающейся будущего югославян Австро-Венгрии, констатировалась: «Цель, которую поставили себе югославяне, – это освобождение всех сербов, хорватов и словенцев от власти Австро-Венгрии или другой державы и объединение их в едином государстве. Они желают, однако, свободного и добровольного объединения, а не такого, которое было бы навязано им извне и предполагало подчинение одной части другой. Хорваты и словенцы, без сомнения, восхищаются боевыми успехами Сербии и надеются, что она поможет им освободиться; но, с другой стороны, они считают себя выше сербов по своей культуре и образованности и полагают, что это превосходство обеспечит за ними руководящую роль в будущей конфедерации южных славянских государств»⁷⁵.

Итак, мотивы объединительных стремлений хорватской эмиграции вроде ясны – консолидировать все хорватские и словенские земли в рамках единого югославянского государства и обеспечить преобладание в нем «европейского» мировоззрения тех же хорватов и словенцев. Очень точно данную тенденцию подметил российский консул в американском Питтсбурге Г.В. Чирков в своем обширном и компетентном донесении о состоявшемся там 29–30 ноября 1916 г. Втором югославянском конгрессе*. «Возможно, – писал он, – что компактная католическая группа югославян в лице кроато-словенцев, не чуждая собственных национальных амбиций, питаемых сознанием интеллектуального превосходства западно-католической культуры над православно-восточнославянской, будет использована именно в видах сокращения „Великой Сербии“ (под чем имеется в виду уменьшение влияния сербского элемента в рамках „единого отечества“). – А.Ш.),

* 10–11 марта 1915 г. в Чикаго состоялся Первый югославянский собор, на котором присутствовало 563 делегата от большинства югославянских эмигрантских организаций США и Канады. Инициаторами Собора в Чикаго выступили будущие члены Югославянского комитета. Он стал первым масштабным и репрезентативным выступлением переселенцев из югославянских земель в поддержку юнионистского движения. Резолюция Собора, принятая после программной речи Ф.Поточняка, содержала в себе три основные идеи. Первая – о народном единстве сербов, хорватов и словенцев. Вторая – о полном разрыве всех связей с Австро-Венгрией. И третья, что логически проистекала из первых двух, – о необходимости объединения всех югославян в одно общее государственное сообщество ... Второй югославянский конгресс в Питтсбурге собрал 615 делегатов, представлявших все крупные объединения хорватских, словенских и сербских эмигрантов Северной Америки. Его решения развивали и уточняли идеи, высказанные в Чикаго в общем виде. Имели место на нем и серьезные разногласия – в основном между сербами и хорватами (см.: Лобачева Ю.В. Югославянское движение в США в 1914–1916 гг. // Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева. М., 2002. С. 167–176).

с которой большинство хорватов-националистов ныне мирится постольку, поскольку пансербские домогательства представляются им меньшим злом, чем мадьярский шовинизм»⁷⁶. Любопытно, что сербы, кому была уготована роль «учеников» в едином с хорватами и словенцами государственном сообществе, по свидетельству Трубецкого, хорошо понимали, что «новые пришельцы принесут с собой новые навыки и понятия», и именно это «отчасти заставляет их дорожить православным населением Македонии, дабы иметь ядро однородного населения»⁷⁷.

Как видим, между сербами, с одной стороны, и хорватами и словенцами, с другой, при ясно выраженной политической и геополитической воле к объединению, с самого начала ощущалось до поры до времени скрытое соперничество по вопросу: кто будет гегемоном объединения. Это соперничество, имевшее, кстати, весьма глубокие корни, выплеснулось наружу в начале 1916 г., когда Сербия была занята австро-германскими и болгарскими войсками, а правительство и король находились в изгнании – на острове Корфу...

О возросших амбициях хорватской и словенской эмиграции свидетельствует «Дополнительный меморандум Югославянского комитета», переданный французскому правительству 13 марта 1916 г.

По мысли его руководства, поскольку оккупированная Сербия и югославянские области Австро-Венгрии сравнялись в своем политико-юридическом статусе («абсолютно все югославянские земли без исключения теперь находятся под властью неприятеля»⁷⁸), то сербское правительство должно потерять свое положение монопольного политического фактора юнионистского движения и единственного «официального» защитника и пропагандиста в союзных столицах «общей» воли «всех трех племен одного народа». На практике это означало стремление хорватских политиков добиться признания Европой Югославянского комитета в качестве политического органа, равного по значению и весу сербскому правительству. С другой же – содержательной – стороны, имела место попытка лидеров Комитета «лишить» Сербию роли «единственного» Пьемонта, т.е. объединителя югославянских земель (каковая идея ранее ими, заметим, разделялась), и объявить теперь уже Хорватию первым претендентом на роль «собирателя» югославян. Этот новый «крен» крайне отчетливо прослеживается в указанном документе.

«В югославянской проблеме, – утверждалось в нем, – хорватский вопрос играет ключевую роль. Хорватия – это одно из древнейших королевств в Европе... Хорватия со своей столицей Загребом является главным культурным центром югославян Австро-Венгрии... Вот почему главным залогом объединения югославян является вхождение Хорватии в состав единого государства. Если Хорватия станет центром „собрания“ югославян, то все остальные югославянские земли (включая, естественно, и Сербию. – А.Ш.) будут идти в ее фарватере. И, действительно, она ведь является естественным „связующим звеном“: на востоке с Сербией, на западе со словенскими землями, на юге с Боснией и Герцеговиной. Срединное географическое положение повышает значение Хорватии в контексте общегославянской проблемы»⁷⁹. И т.д., и т.п., и пр.

Присовокупим к тому и деятельность Комитета в Америке, который с помощью американских югославян намеревался не только обосновать «программу объединения», но и (как малая группа эмигрантов) обрести массовый источник своей легитимности, а также обеспечить *постоянную* финансовую поддержку, что значило бы – выйти из-под опеки сербов; сформировать отдельные добровольческие части для участия в войне на стороне Антанты, каковые в будущем могли бы стать фундаментом его «собственной»

армии, а сам бы он получил признание союзных держав как временное правительство созданного на землях бывшей Австро-Венгрии югославянского государства⁸⁰...

Такие амбиции хорватских и словенских деятелей не радовали сербский кабинет, который трактовал роль Югославянского комитета (основанного, кстати, по инициативе сербов и на сербские же деньги⁸¹) совсем по-иному. Премьер Сербии Пашич не желал признавать эту эмигрантскую организацию в качестве единственного представителя австро-венгерских югославян. Полагая «попечительство» над сербами, хорватами и словенцами Дунайской монархии прерогативой исключительно своего правительства, он пытался низвести Комитет до роли всего лишь одной из его внешнеполитических (пропагандистских) структур. Да и Европа на сей раз отказалась признать полномочия «нелигитимного» органа, поддерживая официальные связи с сербскими политиками на Корфу.

Несмотря на провал попыток Югославянского комитета выйти в политико-организационном плане «из тени» сербского правительства, данный «инцидент» четко высветил разницу в подходах к югославянскому объединению сербов королевства, с одной стороны, и хорватов и словенцев, с другой. Эта разница проявилась хотя бы в проектах политического устройства будущей «общей родины». Если сербы выступали за единое и унитарное государство с областным самоуправлением, то хорваты и словенцы требовали его глубокой федерализации и даже дуализации (по типу австро-венгерской модели). Подобного рода различия «отравляли» отношения между обоими политическими факторами юнионистского движения и, кроме того, свидетельствовали о двух совершенно отличных друг от друга трактовках идеи «народного единства» или «югославизма».

Эта идея «работала», осмелимся утверждать, только при наличии общего врага – Вены или Будапешта. В условиях же отсутствия конфронтации с внешним неприятелем она теряла свой позитивный заряд, превращаясь в утопию – слишком уж по-разному видели политические представители сербов и хорватов со словенцами место своих народов в будущей совместной и свободной «упряжке». Да и на саму эту «упряжку» они смотрели нередко совершенно разными глазами.

По словам того же Чиркова, «вопрос о создании „Великой Югославии“ рисуется в представлении многих государственных и политических деятелей Сербского королевства „Великой Сербией“, в то время как значительная часть хорватов, *безусловно, играющих передовую роль в пропаганде раскрепощения южных славян* (выделено нами. – А.Ш.), готова видеть в Сербии лишь благоприятный, в настоящее время, этап для осуществления своих собственных национальных домогательств»⁸². Подобную мысль подчеркивал и другой весьма компетентный эксперт – князь Трубецкой: «Несомненно, что тяготение некоторых частей Австро-Венгрии к Сербии обуславливалось, главным образом, ненавистью к венскому правительству. Как только последнее сойдет со сцены, вместо тяготения к Сербии может возникнуть присущее каждому маленькому племени стремление утвердить свою самостоятельность»⁸³. Как видим, «мина замедленного действия» была заложена под здание единой Югославии еще до ее появления на политической карте Европы...

Итак, можно констатировать, что наличие общего «внешнего врага» и было тем важнейшим фактором, который «цементировал» единое определение как сербов, так и хорватов со словенцами, в пользу югославянского объединения, а также делал «югославизм» притягательной вроде бы для всех идеологией... Весной 1915 г. таким «внешним неприятелем» становится Италия, и именно она (а точнее – ее глобальные геополити-

ческие притязания) не только способствовали укреплению на время войны единого сербо-хорвато-словенского блока, но и, осмелимся предположить, вообще сделали возможным то, что произошло в Белграде 1 декабря 1918 г.

* * *

О позиции сербов в отношении итальянских претензий речь уже шла. Здесь следует остановиться на реакции на них хорватской и словенской эмиграции, да и вообще югославянского населения Австро-Венгрии. Она была однозначно негативной, если не сказать враждебной. В доказательство чего приведем ряд свидетельств.

Так, в поденной записке Министерства иностранных дел России за 25 марта 1915 г. беспристрастный канцелярист оставил следующие строки: «Министр иностранных дел (С.Д. Сазонов. – А.Ш.) принял хорватского деятеля Супило и не скрыл от него, что, вероятно, державам придется пожертвовать в пользу итальянских притязаний многими надеждами славянского населения на Адриатическом побережье. Слова эти, – читаем далее, – произвели на Супило удручающее впечатление, и он приложил все старания для того, чтобы разъяснить министру обоснованность словенско-хорватско-сербских вождедений»⁸⁴.

3 апреля того же года посол России в Риме А.Н. Крупенский сообщал в Петроград: «Прямые сообщения и прибывший в Рим доктор Мандич (Анте Мандич – член Югославянского комитета. – А.Ш.) извещают о сильном движении, вызванном в южном славянстве полемикой печати по адриатическому вопросу». При этом, по словам посла, «южные славяне заявляют, что могут допустить лишь уступку отдельных пунктов или побережья Венецианского залива, но не целых территорий со славянским населением»⁸⁵.

И, наконец, 28 апреля посланник Сербии в Петрограде М. Спалайкович ознакомил российского министра с телеграммой Пашича, полученной накануне. «С тех пор, – писал сербский премьер, – как нам стало известно, что значительная часть наших соплеменников и их земли будут жертвованы Италии, я стал получать весьма серьезные сведения о том, что среди сербов, хорватов и словенцев в Австро-Венгрии царит большое возбуждение. Их предводители просили меня самым энергичным образом протестовать против этого и поставить в известность заинтересованные державы, что эти народы охотнее согласятся остаться под властью Австро-Венгрии, чем быть присоединенными к Италии. Далее эти народные предводители, – подчеркнул в заключение Пашич, – поклялись организовать и вести жестокую борьбу с итальянской армией, если она явится к ним в виде завоевательницы»⁸⁶. Вот так – не больше, не меньше. И подобных примеров можно привести массу.

Встает, однако, вопрос – откуда такое озлобление против Италии, и почему, как явствует из телеграммы Пашича, югославяне Австро-Венгрии охотнее остались бы под властью Вены и Будапешта – своих давних «угнетателей», чем перешли бы под власть Рима. Парадокс какой-то? Между тем, парадокса здесь нет и тени, все предельно ясно и логично.

Дело в том, что основной целью хорватов и словенцев, как мы уже не раз упоминали, было объединение в единое целое хорватских и словенских земель, чего они, решись «адриатический вопрос» в духе планов Рима, добиться вряд ли смогли бы. Вспомним

содержание Лондонского договора в части нас интересующий: «независимая» Хорватия без Далмации, подлежавшей включению в состав Италии, и даже без своего, хорватского, приморья*. Вопрос же о каком-либо самоопределении словенских земель в документе вообще не ставился. Для хорватов и словенцев, таким образом, реализация договора означала бы консервацию того национально-территориального расчленения их земель, против которого они со всей страстью боролись. Причем в новых условиях земли эти рассекались бы уже государственными границами, а отнюдь не внутренними, как в Австро-Венгрии, – здесь они все же входили в состав одного, хотя и построенного на принципе дуализма, государства**.

Как видим, прежний их статус представлялся многим югославянским политикам «меньшим злом» по сравнению с грозившей итальянской оккупацией. Не зря тот же А.Н. Крупенский доносил из Рима Сазонову: «Планы Супило ... и вообще славянская идея имеют для них (югославян. – А.Ш.) смысл лишь под условием недробления словенских и хорватских земель, иначе большинство населения решительно станет за временное господство Австрии и даже Венгрии, приняв добровольное участие в борьбе против Италии»⁸⁷.

И консул Чирков в своей депеше также отмечал: «Югославянский комитет полагает, что всякое расчленение югославянских национальных территорий не только задерживало бы развитие югославянского единения, но возвратило бы стремящиеся к нему народы к австрийской системе плачевного существования и лишь бы дало новый повод к бесконечным конфликтам и международным осложнениям»⁸⁸. Он сообщал и о своих попытках сгладить антиитальянские настроения участников Второго югославянского конгресса, призвать их к умеренности в оценке адриатических планов Италии – члена антигерманской коалиции, как ни как. В какой-то степени это ему удалось, и «весьма жгучий для югославян итальянский вопрос не был включен в текст резолюции съезда». Вместе с тем, «обойти этот вопрос в речах делегатов югославянских организаций не представилось возможным, ибо в виду наличия у Комитета (Югославянского. – А.Ш.) уверенности в конечной и недалекой уже победе России и ее союзников, австрийское засилье не представляется столь угрожающим их единению как итальянские aspirations на Адриатическом побережье»⁸⁹.

Итак, очевидно, что геополитические претензии Рима оставались на протяжении всей войны сильнейшим «раздражителем» не только для политиков – югославян, но и для хорватского и словенского общественного мнения как за океаном, так и на родине – в Австро-Венгрии. Необходимость защиты населенных соплеменниками территорий от притязаний Италии настоятельно толкала хорватских и словенских деятелей к союзу с

* Ф. Супило говорил А. Трумбичу, что «если Хорватия останется изолированной (т.е. независимой. – А.Ш.), то Италия проглотит нас как макароны» (Цит. по: *Митровић А.* Србија у Првом светском рату. Београд, 1984. С. 171).

** Кроме территориального аспекта, надо иметь в виду и то, что по австрийской конституции 1867 г. признавалось равноправие народов в сфере культуры и языка. Австрия была официально провозглашена *многонациональным* государством, и ее славянским народам удалось добиться немало – от печати на родном языке до, минимум, школ, а кое-где гимназий и даже высших учебных заведений... Италия же являлась *моноэтническим* государством и не пошла бы на такие уступки славянам. В том была еще одна из причин «италофобии» далматинцев (хорватов и сербов) и словенцев.

Сербией и укрепляло их определение в пользу *всеюгославянского* проекта. В создании «Югославии» они видели единственную возможность для завершения процесса национально-политической консолидации хорватских и словенских земель и гарантию таковой. Не зря центральный пункт резолюции конгресса в Питтсбурге звучал более чем определенно: «Объединение югославян должно являться главной жизненной целью каждого серба, хорвата и словенца, ... причем всякого, кто под каким-либо предлогом стал бы препятствовать этому единению, должно рассматривать как врага славянского народа»⁹⁰. Последний намек достаточно прозрачен... Италия, таким образом, сама того не желая, становилась важнейшим внешним катализатором юнионистского движения югославян.

Вместе с тем, подчеркнем еще раз существеннейшую деталь – союз хорватских и словенских политиков с сербскими властями носил объективно временный характер, чему очередное свидетельство мы находим в записке Чиркова. Так, характеризуя члена Югославянского комитета из американских хорватов Анте Бьянкини, «как убежденного и весьма деятельного поборника идеи освобождения югославян от австро-мадьярской опеки», консул, тем не менее, вынес из бесед с ним «неизгладимое впечатление весьма существенного перевеса его убеждений в сторону, заметно уклоняющуюся от принципа полного единения югославян под сербским началом», а именно – в сторону «крайне национальных собственных стремлений хорвата-словенской группы»⁹¹. Зоркий глаз российского наблюдателя подметил также и общее «сдержанное отношение к Сербии, доминирующее в здешнем (северо-американском. – А.Ш.) югославянском движении», равно как и отрицательную реакцию на него «местных сербов», полагающих, что эту «сдержанность» надобно приписать «исключительно давлению хорвата-далматинцев, делающих удачную ставку на Сербию»⁹².

К впечатлениям Чиркова присовокупим и отрывок из донесения российского посланника в Буэнос-Айресе Е.Ф. Штейна от 21 ноября 1916 г., где он сообщал об опасности раскола в югославянской ассоциации Аргентины, поскольку многие ее православные члены «подозревают Центральный, направляющий все всесербское движение, Югославянский комитет в Лондоне в своекорыстных планах в пользу одной лишь Хорватии и вообще католических австро-венгерских земель, и в некоторой игре в прятки с нынешним законным сербским правительством»⁹³. Что ж, русский дипломат абсолютно прав. Как мы уже видели, имели место и «игра в прятки», и «своекорыстные планы», ради выполнения которых она, собственно, и затевалась.

Так, заглушаемая «трескотней» официальной риторики и взаимных заверений в «братстве-единстве», неслышно тикала та самая мина хорвата-сербских противоречий, которая, после более чем семидесятилетних тщетных попыток ее разрядить, рванула на наших глазах. Но это случилось спустя три четверти века после описываемых событий. Тогда же, при наличии внешнего неприятеля, объединительный процесс удалось-таки довести до конца – о чем мы скажем чуть позже, а пока обратимся к политике сербского правительства в изгнании и его взаимоотношениям с Югославянским комитетом.

МАНЕВРЫ СЕРБОВ. Военная катастрофа, постигшая Сербию, заставила Н. Пашича внести в сербскую национальную доктрину соответствующие коррективы. В новых условиях на первый план выдвигалась задача освобождения страны от оккупантов, а также сохранения ее территориальной целостности (в прежних границах) при любом исходе

войны. В телеграмме в МИД от 12 декабря 1915 г. князь Трубецкой писал, что «Пашич высказал убеждение, что союзники не бросят Сербии, которая решила связать свою судьбу с державами Согласия, и что лично он верит в победу последних. Но даже если бы, как некоторые думают, война закончилась вничью, он надеется, что в этом случае Сербия сохранит свою территорию*, а союзники возьмут на себя ее долги (за поставки военных материалов. – А.Ш.)»⁹⁴.

Параллельно с этим реанимировались и «прежние» югославянские лозунги. По словам сербского историка Н. Поповича, «если в предыдущий период (1914 – октябрь 1915 г.) о сербском или югославянском вопросе размышляли и рассуждали в контексте борьбы за новых союзников, то теперь сербское руководство открыто и недвусмысленно поставило его перед правительствами союзных держав – причем самым непосредственным образом и на высшем уровне⁹⁵». «Возвращаясь» к политике «югославизма» и не желая делить с кем-либо руководство юнионистским движением, сербское правительство, как уже отмечалось, весьма ревниво отнеслось к стремлению Югославянского комитета играть в нем самостоятельную политическую роль, равно как и к настойчивым попыткам ряда его членов наделить теперь уже Хорватию «правом» считаться новым югославянским Пьемонтом («столицей будущей Югославии, – подчеркивалось в памятном *мартовском* „меморандуме“ Комитета, – должен стать Загреб, а не Белград»⁹⁶).

20 апреля 1916 г. в своей первой публичной речи престолонаследник (и верховный главнокомандующий) Александр Карагеоргиевич по-военному прямолинейно обрисовал амбиции сербской стороны: «Мы будем бороться за Великую Сербию, которая объединит всех сербов и югославян». Столь значительная разница в подходах заставляла сербских политиков весьма длительное время воздерживаться от каких бы то ни было официальных шагов в сторону Югославянского комитета.

* Относительно надежд Пашича на то, что союзники «не бросят Сербии», и она сможет «хотя бы» сохранить свою территорию, Раймон Пуанкаре записал 28 декабря 1915 г.: «Бриан докладывает совету министров, что Веснич (Миленко Веснич – посланник Сербии в Париже. – А.Ш.) несколько раз обращался к союзникам с просьбой обещать Сербии ее независимость и целостность ее территории. Но Англия и Италия не обнаруживают склонности дать последнюю гарантию; они желают выждать событий и щадить Болгарию» (*Пуанкаре Р.* На службе Франции. Воспоминания. М., 1936. Кн. 2. С. 202). И это *уже* во время «Сербской Голгофы»! О политике Рима, в свете сказанного выше, говорить не приходится – от него вряд ли можно было ожидать чего-то иного. Лондон же «щадил Болгарию», несмотря на провозглашенные им «первоначальные цели войны», в числе которых предполагалось «полное восстановление национальной независимости и целостности Бельгии и Сербии» (см.: *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 1. С. 33)... К слову заметим, что Россия и Франция целостность Сербии гарантировали сразу.

** Именно этот вопрос был главным предметом переговоров Пашича и принца-регента Александра Карагеоргиевича в Париже и Лондоне, а затем одного премьера в Петрограде. Визиты сербских лидеров во Францию, Англию и Россию состоялись сразу же по завершении эвакуации разбитых сербов на остров Корфу, весной 1916 г.

*** Некоторые авторы, однако, считают, что только «в конце 1916 г. глава Югославянского комитета Анте Трумбич... обратился к Англии, Франции и Италии с заявлением о том, что Хорватия имеет такое же, как и Сербия, право стать „Вторым Пьемонтом“» (см.: *Романенко С.А.* Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. С. 323).

И лишь более года спустя (20 июля 1917 г. на острове Корфу) представителями сербского правительства и Югославянского комитета была подписана компромиссная Корфская декларация, в которой стороны однозначно высказались за создание единого государства сербов, хорватов и словенцев. Почему же только теперь Пашич пошел на сближение с Комитетом и установил с ним официальные контакты?

Все дело в том, что самым коренным образом изменились внешнеполитические обстоятельства. Речь идет о крахе в феврале–марте 1917 г. царской России – главного союзника и опоры Сербии. До Февральской революции Пашич, предполагавший, что именно Россия сможет в конце войны поставить перед союзными державами австро-венгерский вопрос во всем его объеме (быть или не быть монархии Габсбургов, а если быть, то в каком виде) и защитит при этом жизненные интересы королевства, не желал связывать себя какими-то посторонними обязательствами. Когда же Россия фактически «вышла из игры», то есть «с тех пор, как русский голос потерял свой вес и значение в решении международных проблем, стало очевидным, – писал он престолонаследнику в начале августа 1917 г., – что остальных наших союзников – Францию, Англию, а тем более Италию, меньше всего заботят сербские интересы»⁹⁶.

Что же сербам оставалось делать в такой ситуации? Только одно – последовать рекомендации военного представителя при главнокомандующем французской армии, генерала Михайло Рашича тому же Александру Карагеоргиевичу от 20 марта 1917 г.: «Не надо себя обманывать, Ваше Высочество. Сейчас, когда мы потеряли опору в лице русского императора Николая, нам надо действовать самим»⁹⁷. И Пашичу пришлось перестраиваться на ходу: в лице Югославянского комитета был найден новый союзник, а Корфская декларация имела целью поставить перед правительствами стран Антанты австро-венгерский вопрос теперь уже от имени нового политического тандема. Кстати, в октябре 1918 г., в беседе с Г. Уикхем-Стидом сербский премьер прямо заявил, что «он подписал Корфскую декларацию только для того, чтобы произвести впечатление на европейское общественное мнение»⁹⁸.

Следует также отметить, что Корфская декларация сербского правительства и Югославянского комитета явилась своеобразным ответом на так называемую Майскую декларацию Югославянского клуба австрийского рейхсрата, принятую 30 мая 1917 г. В документе, зачитанном председателем Клуба, одним из лидеров Словенской народной партии Антоном Корошцем, ставилась задача объединения всех территорий империи, населенных словенцами, хорватами и сербами, в самостоятельный государственный организм с теми же правами, какими располагали Австрия и Венгрия под скипетром Габсбургов (подробнее о его содержании будет сказано ниже)... А, кроме того, не была ли Корфская декларация и неким превентивным шагом. Ведь в начале 1917 г. упорно ходили слухи о предстоящей в Сараево коронации молодого императора Карла I Габсбурга югославянским королем. Опасаясь, как бы со сменой монархов* дело не дошло до преобразований, повышающих внутренний статус югославянских областей, сербское руководство стремилось сыграть на опережение.

Как бы то ни было, заявление, сделанное на Корфу, стало для Пашича не более чем следствием изменившейся политической конъюнктуры. Далее него он не пошел, но продолжал маневрировать. А потому не кажется чем-то удивительным резкий «выраж» сербского премьера в сторону от «согласованной» с югославянами линии в начале

* 21 ноября 1916 г. на 86-м году жизни скончался император Франц-Иосиф I.

1918 г., когда США и Великобритания высказались за сохранение Австро-Венгрии (речь Д.Ллойд Джорджа в Палате общин 5 января и знаменитые «Четырнадцать пунктов» Вудро Вильсона⁹⁹). Реагируя на этот шаг, Пашич срочно дал команду сербским дипломатическим представителям в Лондоне и Вашингтоне поднять вопрос о Боснии и Герцеговине, дабы обеспечить Сербии хоть что-нибудь в той ситуации. «Если наши союзники требуют исправить ошибку Германии от 1871 г. по Эльзасу и Лотарингии, – писал он 22 января посланнику в США Любе Михайловичу, – то имеются еще более веские причины требовать отмены аннексии Боснии и Герцеговины и предоставления сербскому народу права на самоопределение. Как можно поддерживать восстановление справедливости для Франции и молчаливо не замечать ту несправедливость, с которой поступили по отношению к сербскому народу в Боснии и Герцеговине, и оставлять его в рабстве... В рамках такого подхода постарайтесь убедить американское руководство, чтобы оно выступило по крайней мере за наказание нарушителя Берлинского трактата, если все же полагает, что монархию Габсбургов следует сохранить... Данный разговор постарайтесь провести так, чтобы всем было ясно, что это только ваше личное мнение и чтобы о нем не разнеслись слухи, так как наши братья могут вознегодовать, услышав, что Босния и Герцеговина может освободиться, а они будут вынуждены оставаться под Австрией... Наши братья стоят на позиции – все или ничего. Эта позиция эгоистична, поскольку требует, чтобы и другие страдали, когда страдают они»¹⁰⁰.

Югославянские же деятели, считавшие, что отделение Боснии и Герцеговины от Австро-Венгрии привело бы лишь к резкому ослаблению в ней славянского элемента и, следовательно, к уменьшению шансов на благоприятный исход в борьбе за автономию югославянских областей в рамках империи (в случае ее сохранения), упрекали Пашича за то, что, качнувшись в сторону «Великой Сербии»*, он нарушил югославянскую солидарность¹⁰¹. Для того же такая постановка вопроса являлась чистой абстракцией. Отнюдь не «Великая Сербия» или «Югославия» была той главной дилеммой, стоявшей перед сербским правительством и его премьером в условиях войны – особенно после выхода из нее России, как об этом нередко утверждается в исторической литературе. Сохранится (а если да, то в какой форме) или распадется Австро-Венгрия – вот как она формулировалась. А это, естественно, зависело от общего хода военных действий и от решимости союзников.

Не случайно на заседании сербского кабинета 14 июля 1917 г. констатировалось: «От успехов союзных войск зависит, сможем ли мы выполнить три пункта нашей программы – во-первых, сохранить Сербию; во-вторых, объединить все сербские земли; в-третьих, объединить все югославянские земли»¹⁰². По точной оценке Н. Поповича, эти три

* Термин *Великая Сербия* многозначен. Здесь под «Великой Сербией» и «великосербством» мы подразумеваем *всесербскую разновидность* национальной программы руководства Сербии, т.е. вариант присоединения к королевству только сербских (или считавшихся тогда таковыми) территорий Австро-Венгрии. В данном случае – это Босния и Герцеговина. Термин же «Великая Сербия» в югославянском контексте (вспомним высказывания Г.В. Чиркова и Александра Карагеоргиевича) следует понимать как стремление к реализации лозунга «Сербия – Пьемонт югославян», т.е. к созданию единого и унитарного югославянского государства с центром в Белграде... Обширный материал о происхождении и значениях понятия «Великая Сербия», а также злоупотреблениях им в политических целях, представлен в сборнике научных трудов «Велика Србија. Истине, заблуде, злоупотребе» (Београд, 2003).

пункта прямо соотносились с тремя возможными исходами войны – поражением, половинчатым успехом и полной победой¹⁰³... Еще в апреле 1916 г., во время визита Н. Пашича в Петроград, кадетская «Речь», затронув вопрос «о границах и пределах будущей сербской территории», указывала: «Насколько ясно принципиальное решение этого вопроса – в широких рамках этнографического расселения сербского племени, настолько же неясно его практическое решение. Оно всецело зависит от меры нашего военного успеха, прежде всего общего, а затем и частного – на Балканах»¹⁰⁴.

Верил ли Пашич в то, что Австро-Венгрия обязательно развалится, и что победа будет полной? Вряд ли*. Отсюда – и его мгновенная реакция на ход англо-американской дипломатии. Когда же союзники, наконец, определились в своем решении «разменять» Дунайскую монархию на несколько (много)национальных государств, сербский премьер вернулся к своему «югославизму». Как видим, его линия была очень гибкой. Стремясь при любом «раскладе» обеспечить прежде всего интересы Сербии и сербского народа, он в зависимости от изменений международной обстановки колебался от «великосербства» до «югославизма» (вспомним здесь и его более раннюю подстраховку – разрабатывая в конце сентября 1914 г. интегральную югославянскую программу в противовес панадриатическим замыслам Италии, Пашич, как было показано, готовил и «запасной» – всесербский вариант)...

Оценивая деятельность Николы Пашича на завершающем этапе Первой мировой войны, приведем мнение авторитетнейшего сербского историка С. Йовановича – автора блестящего эссе о нем: «После краха царской России он пришел к заключению, что без сотрудничества с югославянами империи Сербия сама не в состоянии поднять австро-венгерский вопрос. Пойдя же в этом направлении, он все более убеждался в том, что единства всех сербов нельзя добиться ни в какой другой форме, кроме Югославии. Его попытка поставить вопрос о Боснии и Герцеговине объяснялась дипломатической ситуацией, которая объективно способствовала сохранению Австро-Венгрии и делала весьма сомнительной возможность югославянского объединения. Но как только все изменилось, и обстановка стала благоприятствовать объединению, Пашич поспешил к ней приспособиться»¹⁰⁵.

Кстати, забегая вперед, должно заметить, что упрекавшие сербского премьера в нарушении так называемой «югославянской солидарности» деятели Лондонского комитета сами были отнюдь не безгрешны. Так, 14, 24 и 30 октября 1918 г. Анте Трумбич, через британскую военную миссию, направил тайные инструкции активисту югославянского Народного веча в Вашингтоне дону Нико Гршковичу, где требовал издействовать... ин-

* К примеру, в конце июля 1917 г. Пашич писал престолонаследнику из Парижа: «Мы не должны упускать из вида в нашей национальной работе следующее... Во время всех своих встреч, которые я имел с видными личностями, замечается сильная депрессия духа, и, соответственно, все избегают говорить о вопросах, не стоящих непосредственно в повестке дня. Сейчас никто не размышляет о том, что будет с Австрией – исчезнет ли она окончательно или только уменьшится в размерах. Ранее я никогда не слышал от французских политиков иного мнения, чем то, что Австрию следует уничтожить. Теперь же раздаются голоса о сохранении Австрии и „равновесии“ европейских держав, как мне говорил глава Национального собрания Дешанель. Ситуации в данный момент такова – вера в полную победу над Германией ослабла, но надежда на то, что она все-таки будет просить мира у наших союзников, сохраняется» (Дипломатска преписка српске Владе. 1917. Крагујевац, б/г. С. 193).

тервенцию США, вкупе с последующей оккупацией ими «главных пунктов в Далмации, Истрии, Хорватии и Словении. При этом важно, чтобы ни итальянские, ни сербские войска не были употреблены, чего можно добиться только авторитетом Соединенных Штатов»¹⁰⁶. Где же здесь «принципы Корфу»? Перед нами – все те же «игры в прятки» с сербами, подтверждающие тщательно скрытую за «югославянской» ширмой одну из *констант* в стратегии Комитета: желание до поры до времени их использовать («удачная ставка на Сербию») для дальнейшей реализации «собственных крайне национальных стремлений хорвато-словенской группы», как, помнится, подчеркивали русские дипломаты. Но, это к слову.

Маневры югославян Австро-Венгрии**. Основанный в эмиграции из югославянских подданных Австро-Венгрии Югославянский комитет до декабря 1915 г., главным образом, опирался на сербское правительство, однако после его эвакуации на Корфу, хорватская часть комитета резко поменяла позицию: теперь главным было решение хорватского вопроса. Супило еще в июне 1915 г. предлагал Трумбичу переименовать Югославянский комитет в Хорватский комитет.

В связи с возникновением и усилением политической активности эмигрантских кругов католические иерархи буквально бросили клич «В эмиграцию!». Видному хорватскому священнику и теологу Франу Барацу, осуществлявшему связь между представителями политических партий Хорватии, членами Югославянского комитета и главой сербского прессбюро в Женеве, удалось добиться большего успеха в этом направлении.

В конце августа 1915 г. Барац впервые прибыл в Швейцарию и провел переговоры с членами Комитета. Он подчеркнул, что Партия права А. Старчевича считает абсолютно необходимым рассчитаться с Австро-Венгрией и обратить симпатии к Сербии. Тогда же Барац выразил позицию хорватского католического духовенства: по его словам, «кроме нескольких иезуитов, которые сами не являются хорватами, все хорватское духовенство мыслит национально». Он особо отметил, что «прогрессивные» представители католического клира объединились и с помощью загребского священника С. Риттига влияют на архиепископа в национальном направлении¹⁰⁷.

Затем на встрече с главой сербского пресс-бюро Б. Марковичем Барац выдвинул два требования, «важных для хорватского народа»: коронация Петра Карагеоргиевича в Загребе как хорватского короля, второе – «увеличение значимости хорватского бана назначением его из числа королевской династии с титулом „прорекс“ и всеми соответствующими прерогативами». По вопросу внутреннего устройства будущего государства Барац требовал возможности создания в нем наряду с единым центральным парламентом областных саборов и областных правительств. Маркович, напротив, высказался за «широкую компетенцию центрального парламента с тем, чтобы у государства была широкая унитарная база». Тем не менее, из этой беседы Барац вынес убеждение, что «сербы в новом государстве не будут стремиться к доминированию», «все спорные вопросы будут решаться на основе договоренностей», а «государство будет устроено на федератив-

* Очевидно, что приведенные данные противоречат утверждению немецкого историка Х. Зюндхаузена, будто «Трумбич видел в Корфской декларации „Магна харту“ югославянского объединения» (Зюндхаузен Х. Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2009. С. 253).

** Параграф написан А.И. Филимоновой

ных принципах, в нем будет уважаться хорватская традиция», «хорватский суверенитет и право на самоопределение»¹⁰⁸.

На завершающем этапе Первой мировой войны судьбу югославянской идеи решали три фактора: сербское правительство на Корфу, Югославянский комитет в Лондоне и Югославянский клуб австрийского парламента в Вене.

Первое заседание имперского парламента в Вене в период войны состоялось в конце мая 1917 г. Всего число югославянских депутатов в венском парламенте составляло 37 человек, из них 23 были словенцы, 12 хорватов и 2 серба. Депутаты Далмации, Истрии и словенских земель, сразу после прибытия в Вену для участия в работе первого заседания, основали Югославянский клуб. 30 мая 1917 г. этот клуб обнародовал документ, известный под названием Майская декларация Югославянского клуба. В декларации указывалось, что «нижеподписавшиеся народные представители, объединившиеся в Югославянском клубе заявляют, на основании принципа национальностей и хорватского государственного права, о своем стремлении к объединению всех земель в монархии, населенных словенцами, хорватами и сербами в единое самостоятельное, свободное от господства любых иностранных народов и основанное на демократических принципах государственное образование под скипетром Габсбургско-Лотарингской династии»¹⁰⁹. Декларацию подписали: А. Корошек, М. Лагиня, К. Верстовшек, В. Спичич, О. Рибарж, В. Равнихар, Е. Ларц, И. Продан, Й. Гостинчар, М. Бречич, Й. Погачник, Л. Погачник, М. Чингрия, А. Грегорчич, Я. Крек, Ф. Янкович, И. Шуштершич, А. Дулибич, Й. Бьянкини, А. Трешич-Павлович, Ф. Демсар, Й. Перич, Й. Смодлака, Ф. Яклич и др.

Еще не так давно многие ученые расценивали Майскую декларацию как качественно новую ступень в борьбе за решение национального вопроса югославянских народов Австро-Венгрии, подчеркивая, что «она преодолела прежнюю великохорватскую концепцию и своей югославянской программой на базе триализма ставила под вопрос всю дуалистическую организацию монархии». Поэтому в условиях 1917 г. Майская декларация, якобы, означала крупный вклад в идею югославянского объединения и являла собой начало движения, завершившегося созданием Государства СХС 29 октября 1918 г.¹¹⁰ Считалось, что для большинства подписавших Майскую декларацию формула «под скипетром Габсбургско-Лотарингской династии» оставалась «только фразой, не наполненной конкретным политическим содержанием и использовавшейся для агитации широких масс населения, так, чтобы избежать преследования властей» (к этой группе относились священники В. Спинчич, Ю. Бьянкини, политики О. Рибар, В. Равнихар, Й. Смодлака)¹¹¹.

Однако Майская декларация, по сути, предусматривала растворение сербского населения в составе хорвато-словенского католического объединения. Статус православной церкви и сербского народа при объединении католических народов в рамках Австро-Венгрии в декларации не оговаривался, принцип равенства народов и вероисповеданий не упоминался. Не случайно лидер Партии права А. Павелич назвал Майскую декларацию «победой хорватской государственной идеи с точки зрения восстановления древнего хорватского государства на территории от Сочи до Беяка, Дрины и Земуна на востоке» в противовес «югославянству, которое является лишь сном, грезой, фантазией»¹¹².

Сербская народная радикальная партия в Хорватии в заявлении от 14 января 1918 г. дистанцировалась от Майской декларации. Один из ее лидеров, Джордже Красоевич, от имени партии провозгласил необходимость сохранения национального названия и всего, что свято для каждого народа, при этом радушно приветствовал деятельность по

созданию югославянского государства. Боснийско-герцеговинские сербы также не проявили большого воодушевления по поводу Майской декларации. Вместо того, чтобы увлекаться «туманными идеологическими схемами сербы искали реальные политические решения, соответствующие сербским национальным интересам»¹¹³.

Программа Хорватской народной крестьянской партии, по сути, отражала положения декларации. Наконец, Сербско-хорватская коалиция, направляемая твердой рукой С. Прибичевича, предпочла в основном воздержаться от выражения своей точки зрения, хотя два ее члена, С. Будисавлевич и В. Прибичевич, оставили ряды коалиции именно из-за согласия с Майским документом.

Как уже упоминалось, в июне–июле 1917 г. на о. Корфу прошли переговоры между Югославянским комитетом и сербским правительством, завершившиеся подписанием 20 июля Корфской декларации. В ней стороны выразили свое согласие с объединением сербов, хорватов и словенцев в единое государство, которое будет «конституционной, демократической и парламентарной монархией во главе с династией Карагеоргиевичей». Неотъемлемой частью обсуждения и дискуссий стал религиозный вопрос. В конечном варианте Корфская декларация содержала положения о равноправии православного, католического и мусульманского вероисповеданий и их равенстве перед государством, запрет религиозного прозелитизма в какой бы то ни было форме и любых акций, нарушающих религиозный мир. Сербские государственники выразили готовность не включать в конституцию статьи, препятствующие реализации принципа равноправия вероисповеданий. Раздел, касающийся воспитания и образования молодежи, не был включен в декларацию, поскольку предполагалось оставить эти сферы под контролем государства. Религиозное обучение и подготовка священников к принятию сана были отнесены к компетенции той или иной церкви¹¹⁴.

В отличие от двух первых военных лет (1914 и 1915 гг.), когда режим проводил политику суровых репрессий, ограничивая любую личную и общественную активность, в последние два года войны (1917 и 1918 гг.) монархия постепенно ослабляла ограничения на участие в общественной деятельности. 2 июля 1917 г. император Карл I объявил амнистию всех арестованных и осужденных по политическим мотивам.

Упомянувшийся священник Ф. Барац во второй раз отбыл в Швейцарию в августе 1917 г. после проведения ряда политических совещаний с широким кругом хорватских политиков (в основном старчевичевцами) и с председателем Югославянского клуба в венском парламенте А. Корошцем. На загребских совещаниях была выработана хорватская политическая доктрина, которую Барацу предстояло сообщить Югославянскому комитету и сербскому правительству: в рамках югославянского государственного союза оформление самостоятельного хорватского государства, заключение им реальной унии с Сербией и Словенией, разграничение с Сербией в соответствии с территориальной преемственностью на спорных территориях¹¹⁵. Однако на встрече с Трумбичем в Лозанне главе Югославянского комитета удалось убедить Бараца заменить программу обновления хорватского государства на законодательную и административную децентрализацию в союзном югославянском государстве¹¹⁶.

После встречи с Трумбичем тот же круг вопросов Барац обсудил с Б. Марковичем, и затем перешел в стан сторонников Корфской декларации, убежденный в том, что при объединении югославянских народов не будет никаких препятствий для выработки общенародной скупщиной такой формы государственного устройства, при которой хорватская автономия будет сохранена. Партия права при таком условии, по его мнению, продолжит деятельность в направлении сближения с югославянской идеологией.

2 июля 1918 г. в Сплите прошел всеобщий съезд политических лидеров. На нем было принято решение о прекращении существования всех довоенных политических партий и о создании вместо них Народной организации во главе с центральным комитетом, включающим 16 человек. Она должна была принять на себя руководство политическим движением в Далмации с задачей подготовить участие ее представителей в работе будущего Народного веча. Итоговая резолюция съезда подчеркивала, что словенцы, хорваты и сербы Австро-Венгрии имеют «неотъемлемую обязанность» посредством права на самоопределение создать «собственное единое независимое государство»¹¹⁷. На следующем совещании 14 июля 1918 г. в Сушаке была основана Народная организация словенцев, хорватов и сербов с компетенцией на территории Хорватского Приморья и Истрии. Подобная организация – Народни свет – была основана и в Словении с филиалами в Каринтии, Штирии и других областях.

В процессе консолидации политических сил приняли участие четыре партии банской Хорватии – Партия права А. Старчевича, Хорватская народная крестьянская партия, Сербская народная радикальная партия и Социал-демократическая партия, объявившие 24 сентября 1918 г. об объединении с далматинской Народной организацией и словенским Народным светом. Представители этого политического объединения 5 октября 1918 г. в Загребе основали Народное вече словенцев, хорватов и сербов, ставшее «политическим представителем всех словенцев, хорватов и сербов, проживающих в Хорватии-Славонии с Риекой, в Далмации, Боснии и Герцеговине, Истрии, Триесте, Крайне, Горице, Штирии, Каринтии, Бачке, Банате, Баранье, Междумурье и остальных краях юго-западной Венгрии» с задачей реализации «объединения всех словенцев, хорватов и сербов в народное, свободное и независимое государство словенцев, хорватов и сербов, основанное на демократических принципах». Через три дня, 8 октября 1918 г. к Вечу присоединилась Хорватско-сербская коалиция. Пленум Народного веча СХС состоял из 80 человек (28 из банской Хорватии и Риеки, 7 из Далмации, 3 из Истрии, 14 из словенских земель, 18 из Боснии и Герцеговины, 10 из Бараньи, Бачки и Баната); Центральный комитет – из 30 человек. Президиум ЦК (председатель – Антон Корошец, заместители – Анте Павелич и Светозар Прибичевич, секретари – М. Дринкович, И. Лоркович и С. Будисавлевич) одновременно являлся Президиумом Народного веча СХС.

16 октября 1918 г. император издал манифест «Моим преданным народам монархии», в котором провозглашал трансформацию монархии в союзное государство – это была последняя судорожная попытка спасти империю. Хорватский народ подобная мера не могла удовлетворить, поскольку император не предполагал «нарушать целостность венгерского государства»¹¹⁸.

Тем временем события на юге монархии развивались стремительно. В Хорватии и Среме в конце войны сформировалась настоящая «зеленая армия» из дезертиров, бежавших с фронта с оружием в руках и обосновавшихся в лесах, откуда удобно было совершать вылазки на помещиков и богатых торговцев. К концу войны подобных вооруженных «лесных братьев» насчитывалось около 50 000 чел.¹¹⁹

Народное вече словенцев, хорватов и сербов выступило с манифестом, в котором объявляло о переходе в его руки руководства всей народной политикой и требовало «объединения нашего совокупного народа словенцев, хорватов и сербов»¹²⁰. 22 октября в Загребе прошли манифестации в знак массовой поддержки Народному вечу. Голоса протеста франковцев утонули в общем хоре радостных эмоций по поводу ликвидации

Австро-Венгерской монархии и ожидания светлого будущего в новом едином государстве. Спустя всего несколько дней франковцы и городская администрация Загреба присоединились к Народному вече, что вызвало горячее одобрение архиепископа Бауэра, поспешившего, в свою очередь, издать циркуляр духовенству об оказании поддержки Народному вече. Даже иезуиты, снова изгнанные из Загреба как «габсбурговцы», 6 ноября поспешили отдать свой голос «за югославянское государство»¹²¹. В состав Народного вече вошли несколько священников: С. Банич, Ф. Рожич, Ф. Барац, С. Риттиг, Л. Галич, К. Шевгич и Д. Бунтич. Я. Шимрак оказался в Центральном комитете.

Итак, католические круги поддержали проект создания югославянского государства и приняли участие в его реализации. Представители клира, перешедшие на сторону югославянского движения, таким образом, в качестве опоры отказывались от Австрии и Венгрии, равно как и от плана А. Старчевича по обретению независимости без помощи какого бы то ни было внешнего фактора и выбрали Сербию для осуществления задач объединения хорватских земель и обретения ими полного суверенитета¹²².

Центральный комитет Народного вече СХС 19 октября 1918 г. в своей Декларации отклонил императорский манифест и потребовал создания абсолютно самостоятельного и независимого югославянского государства. По предложению президиума хорватского сабора 29 октября 1918 г. было созвано срочное, 256 по счету, заседание хорватского парламента последнего созыва. В приветственной речи председатель сабора Б. Медакович определил задачу настоящего заседания – «решительно, но мирно» ликвидировать существующие государственно-правовые отношения и оформить переход хорватского народа в «новое независимое государство, которому не требуется ни наставник, ни покровитель»¹²³.

Предложение большинства депутатов сабора заключалось в ликвидации всех прежних государственно-правовых отношений и связей Королевства Хорватии, Славонии и Далмации с одной стороны, и Королевства Венгрии и Австрийской империи, с другой, аннулировании хорватско-венгерского соглашения 1868 г. и всех поправок и дополнений к нему. Далмация, Хорватия и Славония с Риекой провозглашались «в отношении Венгрии и Австрии на основании современного права национальностей и народного единства словенцев, хорватов и сербов независимым государством», приступающим к созданию «объединенного народного суверенного государства словенцев, хорватов и сербов на совокупном этническом пространстве этого народа без учета каких бы то ни было территориальных и государственных границ, в которых народ словенцев, хорватов и сербов сегодня проживает»¹²⁴.

Сабор принял предложение и резолюцию о признании Народного вече словенцев, хорватов и сербов верховной властью. На заседании сабора присутствовал бан Антун Михайлович, который, получив слово, выразил согласие с только что принятыми решениями сабора и всю полноту своей власти передал в распоряжение Народного вече. Заключение хорватского сабора от 29 октября 1918 г. носило судьбоносное значение: с этого момента прекратили существование государственно-правовые отношения между Хорватией и Венгрией, установленные в 1102 г. и государственно-правовые отношения между Хорватией и Австрийской империей, ведущие отсчет с 1527 г. Таким образом, была закрыта венгерско-австрийская страница в истории хорватского народа.

29 октября 1918 г. на югославянских территориях бывшей Австро-Венгерской империи было создано Государство словенцев, хорватов и сербов (ГСХС), в состав которого вошли югославянские территории монархии. Столицей Государства СХС был избран

Загреб. Во главе ГСХС находился Президиум Народного веча СХС. Управление территориями Хорватии и Славонии состояло из 11 отделов, во главе стал А. Михайлович (сохранивший титул бана), Далмацию возглавил И. Крстель, Боснию и Герцеговину – А. Шола, Словению – Й. Погачник.

Первой внешнеполитической акцией Президиума Народного веча СХС явилась вербальная нота, адресованная правительствам США, Франции, Великобритании, Италии и Сербии от 31 октября 1918 г. с извещением о том, что Государство СХС, составленное из югославянских территорий бывшей Австро-Венгерской монархии, более не находится с ними в состоянии войны, рассматривает их как дружественные и выражает готовность вступить в объединенное государство с Сербией и Черногорией. В тот же день Президиум Народного веча СХС известил лондонский Югославянский комитет о содержании ноты и уполномочил Комитет представлять интересы Государства СХС за границей.

Одновременно с территориями Баната, Бачки, Бараньи, Боснии и Герцеговины и Далмации стали поступать обращения к сербскому правительству с просьбой о присоединении к Сербии и введении сербской армии в эти регионы.

24 ноября 1918 г. комитет Народного веча принял решение провозгласить объединение Государства СХС с Королевствами Сербией и Черногорией в единое государство, которое будет называться Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС). Одновременно избирался комитет Народного веча, состоящий из 28 человек, которые должны были приступить к организации государства. В комитет вошли три клерикала – А. Корошец, Я. Шимрак и Ф. Барац.

Между тем, Партия права обратилась к хорватскому народу с манифестом, в котором осудила создание союзного югославянского государства как «антиконституционный акт, противный праву наций на самоопределение, передающий хорватский суверенитет сербскому королю». Праваша аргументировали свою позицию отсутствием процедуры всенародного избрания делегации Народного веча, вследствие чего «они не имели права навязывать хорватскому народу новое государство и новую династию»¹²⁵.

Тем временем из Баната, Бачки, Боснии и Герцеговины, Далмации все настойчивее стали поступать требования об ускорении объединения с Сербией. В этих условиях Центральный комитет Народного веча, дабы не оказаться вместе с правашами снесенным на обочину исторического процесса, был вынужден 23 и 24 ноября 1918 г. в отсутствие председателя – А. Корошеца – провести заседание под руководством С. Прибичевича и вынести кардинальное решение относительно «широкого» объединения югославян. На заседании присутствовал делегат от сербского правительства Момчило Нинчич.

На улицах Загреба возникали стихийные народные демонстрации, скандировавшие приветственные лозунги в честь династии Карагеоргиевичей, короля Петра и регента Александра, в поддержку монархического способа правления, вплоть до угроз физической расправы с С. Радичем и членами Центрального комитета, выступавших за республику.

Дебаты на заседании комитета завершились принятием 24 ноября 1918 г. двух судьбоносных решений: провозглашением Народным вечем СХС объединения Государства СХС с Королевствами Сербией и Черногорией и избранием особого комитета из 28 человек (А. Корошец, С. Прибичевич, А. Павелич, И. Лоркович, С. Радич, Й. Смодлака, А. Трумбич, М. Дринкович и др.), которому предстояло вместе с представителями Сербии и Черногории провести объединение и сформировать единое государство.

Народное вече передавало комитету свои «напутствия», основные положения которых сводились к следующему: конечное решение о форме будущего югославянского государства должна вынести Учредительная скупщина большинством в две трети голосов, до того времени законодательная власть передается Государственному вечу, составленному из представителей Народного веча СХС, Югославянского комитета, Королевства Сербии и Королевства Черногории; Государственное вече на своем первом заседании определит временный государственный и морской флаг; до вынесения решения Учредительным собранием исполнительную власть будет осуществлять сербский престолонаследник Александр, который принесет присягу Государственному вечу и назначит правительство, одобренное Государственным вечем; будет вынесено согласованное решение о месте расположения центрального правительства и Государственного веча; выборы в Государственное вече пройдут на основе всеобщего, равного и тайного голосования; правительство будет состоять из министров всех областей общественного управления и семи региональных секретарей – по одному для Сербии, Хорватии и Славонии, Боснии и Герцеговины, Словении, Бачки, Бараньи и Баната, Черногории; в компетенцию центрального государственного правительства будут включены такие сферы, как внешняя политика, армия, флот, финансы, почта и телеграф, а все остальные функции будут исполнять региональные или областные власти; контроль над деятельностью региональных органов власти будут осуществлять региональные саборы, во главе хорватской администрации будет находиться бан, назначенный королем по предложению хорватского сабора; центральное правительство будет распределять необходимые средства по регионам и областям; временно остаются в силе все региональные законы и административное устройство¹²⁶.

По прибытии в Белград члены комитета Народного веча 1 декабря 1918 г. были приняты регентом Александром. Анте Павелич зачитал приветственное обращение (адрес Народного веча, в ответ регент Александр от имени своего отца, короля Петра I, провозгласил «объединение Сербии с территориями независимого Государства словенцев, хорватов и сербов в единое Королевство сербов, хорватов и словенцев.

«БРАК ПО РАСЧЕТУ». Таким образом, 1 декабря 1918 г. Государство СХС объединилось с независимыми ранее Сербией и Черногорией* в единое Королевство сербов, хорватов и словенцев. Но остается вопрос, почему все же Государство со «столицей»

* 26 ноября 1918 г. собравшаяся в Подгорице «Великая народная скупщина сербского народа Черногории» приняла решение о том, что «Черногория объединится в единое государство с братской Сербией под скипетром династии Карагеоргиевичей и, как единое с ней целое, вступит в объединенное государство трехплеменного народа – сербов, хорватов и словенцев». Скупщина низложила династию Петровичей-Негошей и запретила эмигрировавшему во Францию королю Николе возвращаться в страну. Она избрала Исполком временного управления Черногорией до того, как начнет функционировать госаппарат единого королевства. Из Подгорицы в Белград была отправлена делегация из 12 человек для вручения соответствующего заявления королю Петру Карагеоргиевичу (см.: *Бојовић Ј.* Подгоричка скупштина 1918. Документа. Горњи Милановац, 1989; *Дашић М.* О дилеми да ли је Велика народна скупштина у Подгорици била легална и легитимна // *Дашић М.* Огледи из историје Црне Горе. Подгорица, 2000. С. 323–338).

в Загребе просуществовало всего лишь чуть больше месяца? И что случилось с ним за это время?

Вопрос этот отнюдь не праздный (хотя и был уже рассмотрен не единожды), поскольку в современной литературе мы обнаруживаем такие утверждения: «В 1918 г. возникло Королевство сербов, хорватов и словенцев, и к Сербии были присоединены не только хорватские, словенские, боснийские земли, отделившиеся от Австро-Венгрии и доставшиеся Белграду как победителю, но и независимая до того момента Черногория»¹²⁷.

О Черногории, а точнее о том – как она была «присоединена» к Сербии, мы уже упомянули. Сейчас на очереди другие перечисленные области.

В начале ноября 1918 г. Италия, желая получить территории, обещанные ей по Лондонскому договору, приступила к оккупации Далматинского побережья, а также некоторых районов Хорватии и Словении. В связи с отсутствием у Государства СХС собственных вооруженных сил ситуация складывалась угрожающая. Великие державы, несмотря на все просьбы Загреба о международном признании, отнюдь не спешили и откладывали этот вопрос до мирной конференции. А время не ждало. Внутренний хаос, отсутствие армии и государственного аппарата, фактическая итальянская интервенция* угрожали «новорожденному» Государству распадом и требовали кардинальных шагов.

16 ноября областное правительство Далмации известило президиум Народного веча о своем намерении в ближайшее же время обратиться к Сербии с предложением о присоединении области к ней, мотивируя это решение отсутствием собственных сил для борьбы против итальянской экспансии... «Письмо из Сплита» произвело сильное впечатление в Загребе, Любляне, других крупных центрах Государства СХС. 23 ноября состоялось решающее заседание Народного веча, посвященное обсуждению вопроса о будущем страны. В ответ на критику «Письма» со стороны деятелей ряда хорватских и словенских политических партий, представители Далмации и Боснии и Герцеговины прямо заявили, что обе эти области примут самостоятельное решение об объединении с Сербией. Именно угроза развала Государства СХС и заставила противников югославянской интеграции снять свои возражения. «Перед нами, – вспоминал лидер Старчевичевской партии права Анте Павелич, – стояла дилемма: либо сохранить самостоятельную Хорватскую республику, состоящую всего из четырех областей вокруг Загреба, либо присоединиться к Сербии»^{128**}.

«Республика» же эта в тех условиях вряд ли обладала жизнеспособностью, что хорошо понимали сами хорваты. Газета «Hrvatska država» («Хорватское государство») писала: «Если посмотреть на географическую карту, то легко заметить, что территории, на которые претендуют хорваты, вряд ли подходят для создания сильного государства. Сербы, которых в Хорватии живет 20 процентов, с правом желали бы объединиться с

* В середине ноября итальянские войска начали продвижение к Любляне. Наряду со словенскими ополченцами, сопротивление им оказали вооруженные отряды, сформированные посланцем сербского правительства полковником Душаном Симовичем (впоследствии – главой переворота 27 марта 1941 г.) из числа оказавшихся в Австрии бывших военнопленных сербов.

** И католический епископ Любляны Антон Еглич Бонавентура записал в дневнике, что иного пути, кроме как идти с Сербией, тогда не было (См.: *Поповић Н.* Срби у Првом светском рату. Београд, 1998. С. 114).

Сербией*. Итальянцы бы требовали выполнения решений Лондонского договора, и мы, таким образом, попали бы между итальянцами и Сербией, какая, по правде говоря, едва ли имела веские причины рисковать ради нас столкновением с Италией». И, как вывод – «Если бы Сербия не желала объединения, то мы, хорваты и словенцы, должны были бы его требовать сами, поскольку оно было в наших интересах»¹²⁹. Последнее замечание весьма рационально – войдя в 1918 г. в единое югославянское государство, Хорватия и Словения приобрели значительно больше, чем могли бы потерять при ином решении хорватского и словенского вопросов в той конкретной ситуации.

Выделим основные «обретения».

Во-первых, объединившись с Белградом, Загреб и Любляна «перешли» в лагерь победителей. Статус же побежденного неприятеля (как части бывшей Австро-Венгрии) не сулил им никаких радужных перспектив. Хорватская печать писала: «Мы должны были или опираться на Сербию, которая являлась членом Антанты и пользовалась в ней уважением, или ожидать, что Антанта сможет поступить с нами – представителями враждебной стороны – как ей вздумается». И опять – то же самое резюме: «Нам были нужны сербы, а не мы им»¹³⁰. Во-вторых, в составе Югославии Хорватия и Словения (по большей части) смогли защитить свои этнические территории, что вряд ли бы им удалось в одиночку. И, в третьих (касательно Хорватии), – только в *едином с сербами* государстве она завершила процесс национально-политической консолидации – Загреб и Сплит, наконец, оказались «под одной крышей». В случае независимости Хорватии, часть Далмации была бы непременно аннексирована Италией, как то и предполагалось Лондонским договором, а часть бы отошла к Сербии...

Итак, вполне очевидно, что и в случае с югославянскими территориями бывшей Австро-Венгрии, в момент принятия их полномочными представителями решения о политическом самоопределении, именно внешний фактор (в разных его проявлениях) сыграл определяющую роль. Логика событий настоятельно толкала политиков Загреба и Любляны к союзу с Сербией и Черногорией, несмотря на откровенное нежелание многих из них. 24 ноября 1918 г. Народное вече приняло декларацию об объединении с Белградом. Государственное же устройство будущей «общей родины» предполагалось

* На самом деле сербов в Хорватии было гораздо больше. По данным *венгерского* правительства, хорватов там проживало 1 млн 650 тыс., а сербов – 670 тыс. чел. В Далмации на полмиллиона хорватов приходилась 101 тыс. сербов (*Храбак Б.* Югословенско питање на седницама аустро-угарског заједничког министарства 1914–1918 године // *Историјски записи*. Титоград, 1969. Књ. XXVI. Св. 4. С. 570–571). Весьма рациональное предположение о желании хорватских сербов присоединиться к Сербскому королевству, которое, как видим, в 1918 г. разделялось хорватами как вполне легитимное, поддерживал и Н. Пашич, заявивший как А. Трумбичу, так и иностранцам, что в первую очередь Сербия желает освободить австро-венгерских сербов, «которые открыто выступают за присоединение к ней, не обращая внимания на то, что собираются делать хорваты. Сербия имеет право освободить этих людей, а если хорваты и словенцы хотят решать свою судьбу иным способом, то они в праве делать все, что посчитают нужным» (*Јанковић Д., Кризман Б.* Грађа о стварању Југословенске државе. Београд, 1964. Т. 1. С. 346; *Храбак Б., Јанковић Д.* Србија 1918. Београд, 1969. С. 75)... Эти вполне законные требования кое-кто из современных историков считает «территориальными притязаниями Сербии» (*Романенко С.А.* Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. С. 57).

обсудить на Учредительном собрании – кроме вопроса о династии Карагеоргиевичей, которая изначально признавалась правящей в новом объединенном королевстве.

Именно в вопросе внутреннего устройства единого государства и столкнулись вскоре унитаризм сербской элиты и федерализм (нередко на грани откровенного сепаратизма) элиты хорватской, что незамедлительно привело к появлению первых трещин в фундаменте единого «югославянского дома». Попытка Белграда воплотить в жизнь идею «одного народа» в виде модели «интегрального югославизма» – с целью сцементировать новое государственное образование, в конечном итоге потерпела крах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Марковић Л.* Југословенска држава и хрватско питање. Загреб, 1935. С. 9.

2 *Екмечић М.* Стварање Југославије. Београд, 1989. Књ. 2. С. 670.

3 *Крестић В., Љушић Р.* Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991. С. 322.

4 *Марковић Л.* Југословенска држава и хрватско питање. С. 3. См. также: *Станковић Ђ.* Никола Пашић и југословенско питање. Београд, 1985. Књ. 2. С. 11–12.

5 Никола П. Пашић (10.12.1926–10.12.1936). Београд, 1937. С. 247.

6 Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 (далее – МОЭИ). М.; Л., 1933. Серия III. Т. 2. С. 220 (Н.Г. Гартвиг – С.Д. Сазонову).

7 *Троцкий Л.Д.* Балканы и Балканская война // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 517.

8 Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. 1914–1919 / sabrao F. Šišić. Zagreb, 1920. S. 10.

9 *Јанковић Д.* Нишка декларација (Настајање програма југословенског уједињења у Србији 1914 г.) // Историја XX века. Зборник радова. Београд, 1969. Књ. X. С. 105; *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба. 1845–1926. Београд, 1990. Књ. 2. С. 307 и др.

10 МОЭИ. М.; Л., 1935. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 18–19 (В.Н. Штрандтман – С.Д. Сазонову, 6 августа 1914 г.); *Штрандтман В.* Балканске успомене. Београд, 2009. С. 372.

11 Там же. С. 198 (В.Н. Штрандтман – С.Д. Сазонову, 1 сентября 1914 г.).

12 См.: *Трговчевић Љ.* Научници Србије и стварање Југословенске државе. 1914–1918. Београд, 1986. С. 30.

13 Цит. по: *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М.; Л., 1947. Т. I. С. 394.

14 Там же.

15 Цит. по: *Готлиб В.В.* Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М., 1960. С. 459–460.

16 Там же. С. 462.

17 *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. С. 399.

18 Цит. по: *Митровић А.* Србија у Првом светском рату. Београд, 1984. С. 142.

19 МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 356–357.

20 *Шенић Д.* Италија, савезници и југословенско питање. Загреб, 1970. С. 93, 100.

21 МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 2. Документ 496 (Из личного послания Александра Карагеоргиевича Николаю II от 10 ноября 1914 г.).

- 22 См.: *Айрапетов О.Р.* «В них почти нет славянской крови». Россия между Сербией и Болгарией в годы Первой мировой войны // *Родина*. 2003. № 10. С. 88–91.
- 23 *Милојевић П.* О људима и чудима. Београд, 1982. С. 42.
- 24 Србија 1918. године и стварање Југословенске државе. Научни скуп. Београд, 1989. С. 428.
- 25 *Јанковић Д.* Нишка декларација (Настајање програма југословенског уједињења у Србији 1914 г.)... С. 105.
- 26 Цит. по: *Ллојд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1934. Т. 1–2. С. 280.
- 27 *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. С. 439.
- 28 Там же.
- 29 *Готлиб В.В.* Тайная дипломатия во время первой мировой войны. С. 460.
- 30 Там же. С. 458–459.
- 31 МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 2. С. 356 (А.А. Савинский – С.Д. Сазонову, 11 января 1915 г.); С. 357 (Г.Н. Трубецкой – С.Д. Сазонову, 11 января 1915 г.).
- 32 *Нотович Ф.И.* Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. С. 447–448.
- 33 *Михайловский Г.Н.* Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 1. С. 99.
- 34 *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 325.
- 35 *Штрандман В.* Балканске успомене. С. 421.
- 36 МОЭИ. Серия III. Т. 7. Ч. 2. С. 64 (Г.Н. Трубецкой – С.Д. Сазонову, 31 марта 1915 г.).
- 37 Там же. М.; Л., 1936. Т. 8. Ч. 1. С. 14 (С.Д. Сазонов – В.Н. Штрандтману, 26 мая 1915 г.).
- 38 Там же. Т. 7. Ч. 2. С. 296 (Г.Н. Трубецкой – С.Д. Сазонову, 29 апреля 1915 г.).
- 39 Там же.
- 40 Там же. С. 346 (Г.Н. Трубецкой – С.Д. Сазонову, 4 мая 1915 г.).
- 41 Там же. Т. 8. Ч. 1. С. 57 (В.Н. Штрандтман – С.Д. Сазонову, 30 мая 1915 г.) Сазонов вполне согласился с этим мнением Штрандтмана.
- 42 Там же. С. 48 (В.Н. Штрандтман – С.Д. Сазонову, 29 мая 1915 г.); *Штрандман В.* Балканске успомене. С. 419.
- 43 Там же. С. 162 (В.Н. Штрандтман – С.Д. Сазонову, 10 июня 1915 г.).
- 44 *Ллојд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. 1–2. С. 287.
- 45 МОЭИ. Серия III. Т. 8. Ч. 2. С. 87 (Г.Н. Трубецкой – С.Д. Сазонову, 16 августа 1915 г.).
- 46 Там же. С. 191 (Г.Н. Трубецкой – С.Д. Сазонову, 1 сентября 1915 г.).
- 47 Там же. Т. 8. Ч. 1. С. 555 (В.Н. Штрандтман – С.Д. Сазонову, 4 августа 1915 г.).
- 48 *Михайловский Г.Н.* Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 1. С. 130.
- 49 *Лорд Берти.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914–1919. М., 1927. С. 18.
- 50 *Ллојд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. 1–2. С. 339.
- 51 *Трипковић Ђ.* Српска ратна драма. Београд, 2001. С. 91–106.
- 52 *Пуанкаре Р.* На службе Франции. Воспоминания. М., 1936. Кн. 2. С. 239.
- 53 *Поповић Н.* Србија и царска Русија. Београд, 2007. С. 131.
- 54 Там же.
- 55 Государственный Архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 652. Л. 1–1 об.
- 56 *Поповић Н.* Србија и царска Русија. С. 132–133.
- 57 *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. С. 626, 636–638, 641, 647, 655, 683.

- 58 Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. С. 241.
- 59 Там же. С. 242.
- 60 Российский Государственный военный архив. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 92. Л. 397 об. (Н. Пашић – М. Веснићу, 7 јун 1915 г.).
- 61 Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Д. 532 (1914 г.). Л. 486 (Г.Н. Трубецкой – С.Д. Сазонову, 29 декабря 1914 г.).
- 62 Там же. Л. 487.
- 63 МОЭИ. Серия III. Т. 7. Ч. 2. С. 65 (Г.Н. Трубецкой – С.Д. Сазонову, 31 марта 1915 г.).
- 64 Цит. по: *Писарев Ю.А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 132.
- 65 МОЭИ. Серия III. Т. 7. Ч. 1. С. 266 (Г.Н. Трубецкой – С.Д. Сазонову, 2 февраля 1915 г.).
- 66 Там же. С. 459–460 (поденная запись министерства иностранных дел. 12 марта / 27 февраля 1915 г.).
- 67 Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca... S. 28.
- 68 МОЭИ. Серия III. Т. 7. Ч. 1. С. 264 (Г.Н. Трубецкой – С.Д. Сазонову, 15 февраля 1915 г.).
- 69 Там же. (А.А. Гирс – С.Д. Сазонову, 26 января 1915 г.).
- 70 Там же. С. 259 (Г.Н. Трубецкой – С.Д. Сазонову, 13 февраля 1915 г.).
- 71 Там же. С. 265 (Г.Н. Трубецкой – С.Д. Сазонову, 15 февраля 1915 г.).
- 72 Там же.
- 73 Там же. С. 266.
- 74 Там же. С. 479 (разговор советника 2-го Политического отдела Гулькевича с уполномоченным сербо-хорватской коалиции Супило, 14 марта 1915 г.).
- 75 *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. 1. М., 1957. С. 38, 43–44.
- 76 «Главнейшие задачи юго-славян». Донесение российского консула в Питтсбурге Г.В. Чиркова в посольство России в Вашингтоне. 1916 г. (Публикация А.Л. Шемякина) // Исторический архив. 1994. № 3. С. 106.
- 77 МОЭИ. Серия III. Т. 7. Ч. 1. С. 114 (Г.Н. Трубецкой – С.Д. Сазонову, 26 января 1915 г.).
- 78 Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca... S. 50.
- 79 Ibid. S. 54–55.
- 80 См.: *Лобачева Ю.В.* Сербия, Югославянский комитет и сербо-хорвато-словенская эмиграция в Америке в 1914–1916 годах // Славяноведение. 2007. № 4. С. 12–28.
- 81 *Стојановић Н.* Југословенски одбор (Чланци и документи). Загреб, 1927. С. 11; *Станковић Ђ.* Никола Пашић и југословенско питање. Књ. 2. С. 18–19; *Екмечић М.* Стварање Југославије. Књ. 2. С. 743.
- 82 «Главнейшие задачи юго-славян». Донесение российского консула в Питтсбурге Г.В. Чиркова... С. 105.
- 83 МОЭИ. Серия III. Т. 7. Ч. 1. С. 112 (Г.Н. Трубецкой – С.Д. Сазонову, 26 января 1915 г.).
- 84 Там же. Т. 7. Ч. 2. С. 19.
- 85 Там же. С. 77 (А.Н. Крупенский – С.Д. Сазонову, 3 апреля 1915 г.) См. также: *Mandić A.* Fragmenti za historiju ujedinjenja. Zagreb, 1956. S. 159–160.
- 86 МОЭИ. Серия III. Т. 7. Ч. 1. С. 346.
- 87 Там же. С. 77 (А.Н. Крупенский – С.Д. Сазонову, 3 марта 1915 г.).
- 88 «Главнейшие задачи юго-славян». Донесение российского консула в Питтсбурге Г.В. Чиркова... С. 108.
- 89 Там же. С. 111.

- 90 Там же. С. 110.
- 91 Там же. С. 113.
- 92 Там же.
- 93 ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО (1916 г.). Д. 231. Т. 2. Л. 200.
- 94 МОЭИ. М.; Л., 1937. Серия III. Т. 9. С. 665 (Г.Н. Трубецкой – С.Д. Сазонову, 12 декабря 1915 г.).
- 95 *Поповић Н.* Србија и царска Русија. С. 293.
- 96 Дипломатска преписка српске Владе. 1917. Збирка докумената. Крагујевац, б/г. С. 193.
- 97 Там же. С. 128.
- 98 *Јанковић Д., Кризман Б.* Грађа о стварању Југословенске државе. Београд, 1964. Т. I. С. 364.
- 99 См.: *Фисанов В.П.* Проблема национально-территориального устройства Центральной Европы в «Четырнадцать пунктов» президента США Вудро Вильсона // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. М.; Ставрополь, 2007. Вып. 3. С. 147–157.
- 100 *Јанковић Д., Кризман Б.* Грађа о стварању Југословенске државе. Т. I. С. 44–45.
- 101 *Храбак Б., Јанковић Д.* Србија 1918. Београд, 1968. С. 69–70.
- 102 Записници седница Министарског Савета Србије. 1915–1918 / приред. Д. Јанковић и Б. Храбак. Београд, 1976. С. 430.
- 103 *Поповић Н.* Да ли су постојали «велики» и «мали» програми Николе Пашића (1914–1918)? // Србија 1918 године и стварање Југословенске државе... С. 211.
- 104 Речь. 16 апреля 1916 г. № 103.
- 105 *Јовановић С.* Никола Пашић // *Пашић Н.* Моја политичка исповест. Београд, 2006. С. 211.
- 106 См.: *Leontić Lj.* Simpozijske teze (Neka zapažanja iz istorije ujedinjena jugoslovenskih naroda) // Југословенски народи пред Први светски рат. Београд, 1967. С. 494.
- 107 Цит. по: *Zvonar I.* Prinos politickog djelovanja dr. Frana Varca // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 2002. № 2. S. 415.
- 108 Цит. по: *ibid.* S. 416.
- 109 *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988: Zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 84.
- 110 *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба 1845–1926. Књ 2. С. 428.
- 111 *Čulinović F.* Državnopravna historija jugoslavenskih zemalja XIX i XX vijeka. Zagreb, 1954. Књ. 2. S. 271–274.
- 112 *Ibid.* S. 94–96.
- 113 *Kristo J.* Katoličko priklapanje jugoslavenstva... S. 39.
- 114 *Šišić F.* Dokumenti o postanku kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca... S. 96–99.
- 115 Цит. по: *Zvonar I.* Prinos političkog djelovanja... S. 418.
- 116 *Ibid.* S. 420.
- 117 Цит. по: *Perić I.* Op. cit. S. 352.
- 118 Цит. по: *Kristo J.* Katoličko priklapanje... S. 43.
- 119 *Vožić I., Čirković S., Ekmečić M., Dedier V.* Op. cit. S. 400.
- 120 *Šišić F.* Dokumenti o postanku... S. 179–180.
- 121 Цит. по: *Kristo J.* Katoličko priklapanje... S. 43.
- 122 *Ibid.* S. 44.
- 123 Цит. по: *Perić I.* Op. cit. S. 354.
- 124 Цит. по: *ibid.* S. 355.
- 125 Цит. по: *Zvonar I.* Prinos političkog djelovanja... S. 423.

126 *Perić I.* Op. cit. S. 366.

127 *Романенко С.А.* Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М., 2000. С. 257.

128 Цит. по: *Писарев Ю.А.* Образование Югославского государства. М., 1975. С. 346. См. также: *Поповић Н.* Срби у Првом светском рату. Београд, 1998. С. 114.

129 Цит. по: *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба. Књ.2. С. 510.

130 Там же. С. 510–511.

ЧАСТЬ II

ПЕРВАЯ ЮГОСЛАВИЯ
(1918–1941 гг.)

ГЛАВА 1

КОРОЛЕВСТВО СХС

ДО ПРИНЯТИЯ ВИДОВДАНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ (1918–1921)

С точки зрения государственного развития время с момента провозглашения объединения югославян 1 декабря 1918 г. и до принятия Видовданской конституции 28 июня 1921 г. характеризуют противоречивые результаты. С одной стороны, были заложены правовые основы Королевства сербов, хорватов и словенцев, служившие на внутри- и внешнеполитической арене подтверждением его легитимности. С другой стороны, конец обозначенного периода отмечен кризисом отношений политических представителей сербов, хорватов и словенцев, ставившим под сомнение жизнеспособность югославистской идеологии, на которой во время Первой мировой войны основывался весь объединительный процесс. Если в конце 1918 г. по обе стороны Савы, Дрины и Дуная Югославия провозглашалась «землей обетованной» для всего «трехименного народа», то в июне 1921 г. решение о судьбе основного закона страны принимали исключительно сербские политические партии.

Бойкот представителями католического населения страны голосования по вопросу принятия конституции наталкивает на мысль о том, что истоки деструктивных процессов, предопределивших судьбу первой Югославии, следует искать, в том числе, и в событиях первых двух с половиной лет существования страны.

* * *

С момента появления на карте Европы Королевство сербов, хорватов и словенцев было неоднородным территориально-государственным образованием. Излишне перечисление всех исторических, религиозных, национальных и экономических признаков, разделявших югославян. Достаточно сказать, что они платили налоги в соответствии с пятью разными фискальными системами¹. И после 1918 г. в стране продолжали действовать правовые нормы довоенной Сербии, Черногории и Австро-Венгрии. Территория Югославии была разделена на шесть так называемых «правовых областей»: Сербия, Черногория, Банская Хорватия со Славонией, Ликой, Кордуном и частью Срема, Воеводина с Меджимурьем и Прекомурьем, Словения с Далмацией и частью Истрии, Босния и Герцеговина². Объединяло сербов, хорватов и словенцев избирательное право Сербского королевства, приобретшее общегославский характер в 1919 г.

По аналогии с ситуацией в правовом пространстве, новое и старое сосуществовало и в деятельности исполнительной власти. Наряду с центральным кабинетом министров в Хорватии, Славонии и Среме, Боснии и Герцеговине, Далмации продолжали функционировать областные правительства – рудименты автономии, которой пользовались эти регионы в Австро-Венгрии.

Новосозданное государство, первоначальный правовой облик которого был описан в Акте объединения от 1 декабря 1918 г., должно было основываться на трех столпах: династии, народном представительстве, и происходящем из его состава правительстве³. Однако *de facto* к моменту создания Королевства СХС из трех государственных институтов существовал лишь первый из перечисленных. В результате именно монархья воля дала импульс к формированию законодательной власти и правительства⁴. Указом регента Александра Карагеоргиевича от 20 декабря 1918 г. образован Совет министров, с приоритетной задачей созыва Временного народного представительства (ВНП), первое заседание которого состоялось в Белграде 1 марта 1919 г.*

Временное народное представительство было не в состоянии преодолеть вышеописанный правовой хаос, как в силу краткости отведенного ему срока существования (до октября 1920 г.), так и по причине его неполноценности как законодательного органа. Легитимность ВНП не была подтверждена конституционными нормами, поэтому оно на всем протяжении периода до принятия конституции не могло определять персональный состав правительства или контролировать его деятельность. Наоборот, от исполнительной власти зависели prerogatives ВНП и распорядок его работы. Более того, во время так называемого провизорного переходного периода правительство издало около 800 распоряжений, указов и подзаконных актов, чем в значительной степени присвоило себе роль законодателя.

Несоответствие Временного народного представительства как своему законодательному предназначению, так и идеальной модели взаимоотношений парламента и исполнительной власти объясняется в значительной степени тем, что оно стало площадкой партийного строительства, – бурного процесса, в который оказались вовлечены организации, представлявшие все области Королевства СХС. Главным результатом этого процесса стало образование Демократической партии (ДП), в состав которой вошли «сербийские» Самостоятельная радикальная, Либеральная и Прогрессивная партии, с начала XX в. перманентно пребывавшие в оппозиции правящей Народной радикальной партии (НРП). Лидером ДП** стал Светозар Прибичевич – деятель загребской Хорватско-сербской коалиции. Во временном парламенте партия была представлена фракцией в 115 человек. Второе место по численности депутатов (55) занимала НРП, увеличившаяся за счет присоединения группы единомышленников из Воеводины во главе с Яшей Томичем.

Крупнейшей хорватской организацией в ВНП был Народный клуб – фракция (30 депутатов) партии Хорватское объединение (ХО), образованной из Старчевичевской

* Состав ВНП был сформирован из депутатов Народной скупщины Сербии, загребского Народного вече СХС, воеводинской Великой народной скупщины в Нови Саде, черногорской Великой народной скупщины в Подгорице. В территориальном плане в состав ВНП вошли 62 депутата из Хорватии и Славонии, 16 – из Истрии и Далмации, 32 – из Словении, 42 – из Боснии и Герцеговины, 84 – из Сербии, 24 – из Воеводины, 12 – из Черногории, 24 – из Македонии, Косово и Санджака.

** Официальным председателем ДП был Л. Давидович, бывший глава Самостоятельной радикальной партии. Реальным лидером партии с момента ее создания был Прибичевич. Желание Давидовича реализовать на практике свой формальный статус и идеологические расхождения с Прибичевичем привели сначала к фактическому распаду ДП на «давидовичевцев» и «прибичевичевцев», а в 1924 г. и к официальному разделу организации. Прибичевич и его сторонники образовали Самостоятельную демократическую партию.

партии права, Прогрессивно-демократической партии, Хорватского народного объединения из Боснии и Герцеговины и т.д.

Словенцы были представлены Словенской народной партией (СНП), чья фракция называлась Югославянский клуб (19), возглавляемый Антоном Корошцем.

Перечисленные партии, а также менее значительные группы депутатов стали участниками жесткой борьбы, в процессе которой образовались два соперничавших парламентских блока. Результатом противостояния стала отставка 16 августа 1919 г. первого югославского правительства – так называемой концентрации*, образованной 20 декабря 1918 г. и возглавляемой радикалом Стояном Протичем. Новый кабинет Любомира Давидовича представлял парламентскую коалицию ДП и Социал-демократической партии. Объединение демократов и социал-демократов продержалось у власти до февраля 1920 г., когда ему на смену пришло Парламентское объединение, ядром которого стали сербская, хорватская и словенская партии: НРП, ХО и СНП. Второе правительство С. Протича в свою очередь пало в мае 1920 г.

Неспособность соперничавших группировок находиться у власти длительное время была предопределена паритетом их сил в ВНП. Численности коалиций не хватало для формирования прочного правительственного большинства, но было достаточно, чтобы путем так называемой абстиненции – бойкота заседаний – доказать парламентскую нелегитимность «вражеского» кабинета. В результате, как пишет сербский исследователь межвоенного парламентаризма Б. Глигориевич, из 20 месяцев существования ВНП только на протяжении 10 оно имело возможность заниматься законодательной деятельностью⁵. Остальное время депутаты проводили в вынужденных парламентских каникулах, так как правительство, возглавляемое попеременно то демократом, то радикалом, распускало недостаточно лояльное для его партии ВНП.

Сложившаяся патовая ситуация грозила молодой стране параличом государственной власти. Осознание этой опасности принудило оба парламентских блока к поиску компромисса. Его воплощением стало концентрационное правительство Миленко Веснича, бывшего посла Королевства СХС во Франции. Условием участия партий в «концентрации» стало подписание Протокола соглашения, согласно которому правительству от имени всех представленных в нем организаций предстояло подготовить единый проект конституции, предлагаемый на рассмотрение Конституционного собрания. Наряду с принятием избирательного закона** проведение первых парламентских выборов стало главным достижением кабинета Веснича, остававшегося у власти до 1 января 1921 г.

Это время отмечено новой перегруппировкой политических сил. Определение каждой из партий собственной позиции по вопросу национально-территориального устройства страны после предстоящих выборов и принятия конституции привело к взаимному отчуждению прежних союзников и сближению Радикальной и Демократической партий. Переход Словенской народной партии и Хорватского объединения в оппозицию вывел их представителей из состава правительства Веснича, превратившегося в коалицию ДП и НРП.

Объективным фактором изменений на политической арене, в том числе и в правительстве стали итоги выборов, состоявшихся 28 ноября 1920 г. Хорватское объедине-

* «Концентрационное правительство» формируют члены всех крупных партий, представленных в парламенте.

** Закон установил в стране всеобщее избирательное право, которого, впрочем, были лишены женщины и военнослужащие.

ние, получив всего три депутатских мандата, утратило право считаться политическим представителем хорватских областей. Место ХО было занято Хорватской народной крестьянской партией (ХНКП) во главе со Степаном Радичем, популярность которого принесла его партии 50 мест в скупщине. 24 мандата получила Югославянская мусульманская организация (ЮМО), социальной базой которого были мусульмане Боснии и Герцеговины. Словенская народная партия с 27 депутатами сохранила право представлять Словению. «Неожиданностью» стал результат, достигнутый Коммунистической партией Югославии (КПЮ) – 58 мандатов.

Электоральный успех противников государственного строя Югославии – КПЮ и партии Радича – стал дополнительным мотивом укрепления союза «государствообразующих» партий, – радикалов и демократов, – делегировавших в скупщину по 91 и 92 депутатов соответственно. Детищем правительственной коалиции НРП – ДП*, просуществовавшей до конца 1922 г., стала конституция, принятая 28 июня 1921 г. усилиями двух партий. За принятие проекта конституции проголосовало 223 депутата. Против – 35. Бойкотировал голосование 161 депутат.

Принятие конституции, названной Видовданской, привело к поляризации участвовавших в создании Югославии сил. Если на завершающем этапе войны и позже, вплоть до выборов в Конституционное собрание, политическая практика являла примеры союзничества организаций, представлявших различные югославянские народы, то с конца 1920 г. интересы сербов, которых представляла коалиция НРП – ДП, и хорватов со словенцами, в лице ХО, ХНКП и СНП, разделяли все более отчетливые и трудно преодолимые противоречия.

* * *

В публичной политической жизни Королевства СХС в период до принятия Видовданской конституции боролись два течения, которые можно назвать умеренно-компромиссным и экстремистским. Принадлежность политических партий к первому определялась готовностью в процессе формирования облика нового государства учитывать особые интересы других организаций, особенно представляющих иные югославянские народы. Пути решения государственных проблем умеренные видели в соблюдении писанных и неписанных правил взаимоотношений ветвей власти и норм парламентской жизни.

В свою очередь деятелей, относившихся ко второму лагерю, отличала приверженность сугубо конфронтационной тактике достижения политического превосходства. Во взаимоотношениях с политическими оппонентами экстремисты не считали себя ограниченными какими-либо парламентскими нормами. Их несоблюдение оправдывалось ссылками на собственное предназначение защищать, часто от всех остальных участников политической жизни, некие высшие интересы. Если умеренные стремились к нейтрализации взаимного отчуждения бывших военных противников, то для экстремистов оно было предметом политических спекуляций.

В идеологическом плане приверженцев двух течений разделяло различное отношение к идеологии национального унитаризма. Экстремистов отличал бескомпромиссный

* В период с 1 января 1921 г. по 16 декабря 1922 г. коалиционное правительство возглавлял бессменный председатель НРП Никола Пашич. Демократам принадлежал ключевой портфель министра внутренних дел.

подход, – одни видели в ней категорический императив, другие полностью ее отвергали. Приверженцы компромиссной линии, признавая, по крайней мере, официально, верность учения о существовании «трехименного сербско-хорватско-словенского народа», не считали его догмой или побуждением к насильственной политической и государственной унификации.

Члены Народной радикальной партии, в политике которой прослеживались черты умеренности, не желали лишать свою программу национальной сербской окраски и не считали пережитком прошлого «племенные» национальные особенности югославянских народов. Их сохранение, по мнению С. Протича, осуществлявшего руководство партией во время отъезда ее бессменного лидера Николы Пашича на Парижскую мирную конференцию, «было основной предпосылкой стабильности государственного объединения»⁶. Эта позиция крупнейшей сербской партии сделала возможным ее партнерство с политическими представителями католического населения – Хорватским объединением и Словенской народной партией. Для них восприятие идеологии Объединения было мотивировано не столько убежденностью в ее верности, сколько практическими соображениями: ее постулаты лежали в основе «Перводекабрьского акта», гарантировавшего сохранение автономного положения «пречанских»* областей вплоть до принятия конституции.

Представителями экстремистского лагеря следует считать Демократическую партию и Хорватскую народную крестьянскую партию (ХНКП), не признававшую легитимность Объединения и стремившуюся добиться привлекательности в глазах народных масс путем жесткого противостояния с официальным Белградом – «виновником» всех социальных и экономических неурядиц послевоенной Хорватии. В рассматриваемый период ХНКП, официально не запрещенная, находилась на полуподпольном положении.

Конфликтность же ДП была предопределена интересами ее создателей. Инициатива образования партии исходила от Александра Карагеоргиевича, не имевшего возможности активно действовать на публичной политической арене. Новая партия была необходима ему в качестве инструмента реализации властных амбиций, выходявших далеко за рамки, определенные законом и политическими традициями довоенной Сербии. ДП должна была способствовать ослаблению традиционных политических представителей сербов, хорватов, словенцев и мусульман, чьим интересам противоречило усиление власти монарха. Главным противником Александра была Радикальная партия, не первый год доминировавшая на сербском политическом Олимпе.

В роли союзника принца-регента выступал С. Прибичевич, чей организаторский талант позволил ему сплотить вокруг себя и разрозненных оппонентов Н. Пашича из числа сербской оппозиции, и югославянски ориентированные группировки из новоприсоединенных областей. Кроме того, особые надежды возлагались на способности лидера демократов противодействовать центробежным тенденциям, набравшим силу в «пречанских» регионах. В свою очередь для Прибичевича новая крупная партия представляла возможность с позиции силы диктовать свою волю многолетним политическим конкурентам в Хорватии. А сотрудничество с сербскими оппозиционерами открывало перспективу распространения деятельности на Сербию. Кроме того, Прибичевич, как и его новые партнеры, «имел зуб» на радикалов. Те не только «противодействовали

* Термин «пречанин» используется нами не в узком оригинальном его смысле (серб из Австро-Венгрии), а в широком – для обозначения югославян новоприсоединенных территорий в целом.

распространению его влияния на области, которые Радикальная партия считала своей сферой интересов»⁷, но и жаждали освоить «пречанские» территории, привлечь на свою сторону тамошнее сербское население – традиционный прибреживичевский электорат.

Сербскую оппозицию времен Первой мировой войны с Прибичевичем и престолонаследником объединяли общие антипатии. Как показал опыт Женевской конференции ноября 1918 г., в целях борьбы с НРП оппозиция была готова к созданию самых неожиданных альянсов. Тогда она поддержала «конфедералистскую» позицию Югославянского комитета, а, вступив в союз с двором и лидером Хорватско-сербской коалиции, перешла на сторону ультра-централистов.

Прибичевичу принадлежала заслуга создания идеологии партии. ДП, как и большинство представленных в ВНП объединений, придерживалась принципов «народного единства сербов, хорватов и словенцев», логическим следствием которого было централистское государственное устройство. Однако, по мнению лидера демократов, только возглавляемая им организация была способна последовательно воплощать в жизнь идеи Объединения и защищать югославянское государство от внешних и внутренних угроз: «Единственная партия всех племен, всех религий и всех сословий в нашей стране. Демократическая партия основана на возвышенных идеалах народного единства, политических свобод, гражданского равноправия и экономической справедливости». Если ДП, по его убеждению, состояла из групп, формально представлявших все части «сербско-хорватско-словенского народа» и объединенных общегославянской надплеменной идеологией, то остальные партии, возникшие в тот период, когда «трехименный народ» был насильственно разделен, являлись не более чем анахронизмом, сербскими, или, еще того хуже, австрийскими пережитками⁸.

Союз ДП и двора методом борьбы со своими противниками выбрал ослабление, или прямое упразднение тех правовых и государственных институтов, в рамках которых они могли угрожать его могуществу. В этом контексте, в первую очередь, следует рассматривать уменьшение роли временного парламента, – трибуны политических оппонентов демократов – радикалов, Хорватского объединения и Словенской народной партии. Вторым объектом демократическо-династической агрессии стали институты хорватской автономии, унаследованные от Австро-Венгрии. Созыв хорватского сабора, целью которого должна была стать ратификация Объединения, был запрещен Прибичевичем, занимавшим пост главы МВД в течение всего 1919 г. Кроме того, в целях приведения внутреннего государственного устройства страны в соответствие с принципом народного единства были распущены местные органы самоуправления – городские представительства и муниципальные комитеты. Уменьшились полномочия областных правительств, была упразднена их ответственность перед представительными органами.

Обосновывая подобные меры, Прибичевич преподносил конфликт двора и демократов, с одной стороны, и Парламентского объединения, с другой, как революционную борьбу сторонников «идеи единого государства с сепаратистскими сербскими и хорватскими элементами»: «Всякая революция противоречит законам... Мы проходим период созидания. И государство должно употребить все средства для поддержания общественной безопасности и порядка. Мы не можем обращать внимания на формальности»⁹.

Понимание необходимости противодействия вышеописанной политике стало главным мотивом объединения умеренных сил, среди которых главная роль принадлежала Радикальной партии. Отношения партнеров по Парламентскому объединению не были безоблачными. Их обременяли многолетние противоречия, различия во взглядах на

национальные отношения и на ход объединительного процесса. Во время войны и в первое время после нее хорватские и словенские политики искали сближения вовсе не с радикалами, а с сербской оппозицией, с которой они так успешно сотрудничали во время Женевской конференции. Однако первые месяцы существования Королевства СХС показали ошибочность пристрастий «пречан». Руководство НРП оказалось их единственным союзником перед лицом прибичевичевской «революции».

В целях сближения с радикалами Народный клуб, громогласно выступавший за сохранение хорватской автономии, свою позицию по проблеме внутреннего устройства страны привел в соответствие с теорией «национального унитаризма», которой он официально придерживался:

«1. Наше молодое государство должно быть конституционной и парламентской монархией во главе с династией Карагеоргиевичей и со столицей в Белграде.

2. Оно должно иметь одну государственную власть для всего королевства.

3. Оно должно иметь только один единственный парламент.

4. Этот парламент должен будет принимать законы для всего королевства»¹⁰.

В свою очередь руководство НРП согласилось на требования своих союзников в случае формирования кабинета Парламентского объединения обеспечить им властные позиции в органах хорватской автономии и восстановить утраченные ею по воле Прибичевича полномочия. Возможность реализации взаимных обязательств представилась членам ПО в феврале 1920 г., когда демократа Л. Давидовича на посту главы правительства сменил радикал С. Протич.

Временно возглавлявший НРП Протич был движущей силой Парламентского объединения и главным идеологом «умеренной» политики. В отличие от большинства современников ему с первых дней существования Королевства СХС было присуще понимание приоритетной важности компромиссного пути решения национально-территориального вопроса для судьбы государства, в целом, и сербского народа, в частности. Протич, как и его соратники по Радикальной партии, в создании Югославии видел один из двух возможных путей объединения всех сербов. Однако, если мононациональное «общее государство всех сербских земель» само по себе было бы воплощением интересов сербского народа, то в Королевстве СХС необходимым условием их реализации стало достижение согласия с двумя остальными титульными «племенами», имевшими свое представление о собственных «исторических и государственных правах». «Было бы опасно, – говорил Протич, – не принимать в расчет мнение тех частей нашего народа, которые веками жили отдельно от нас»¹¹.

По Протичу, «философией» Королевства СХС должна была стать «гармония беспрепятственного правильного развития и индивидуальности, и государственного, общественного целого». Путь к ее достижению политик видел во внутреннем административном разграничении страны, приемлемом и для хорватов со словенцами, стремившихся к автономному национальному развитию в «исторически сложившихся областях», и для сербов, заинтересованных в сохранении суверенитета центральной государственной власти. Основным принципом взаимоотношений Белграда с «пречанами» Протич считал четкое следование документам, положенным в основание Королевства СХС. К таковым он причислял, Перводекабрьский акт объединения и более раннюю Корфскую декларацию, предусматривавшую принятие конституции квалифицированным большинством.

Препятствием на пути достижения «гармонии» была осуществляемая Прибичевичем политика «государственного единства, понимаемого им в наигрубейшей централист-

ской форме», – как «растворение всех индивидуальностей, всех региональных и исторических традиций»¹². Такого образного определения удостоились действия по «борьбе с антигосударственными элементами» в «пречанских» регионах и планы разделения страны на области в соответствии с «экономико-географическими обстоятельствами». «Сербы не должны считать, что могут сохранить это государство и находиться в состоянии войны с почти половиной нашего народа – с хорватами и словенцами... Невозможно, опираясь на штыки, править на благо народа... Было бы лучше, разумнее и для государства полезнее отделиться от своих братьев, чем опираться в этом вопросе на силу», – говорил Протич. Перманентная межнациональная конфронтация делала невозможной воплощение в жизнь замыслов создателей Королевства СХС, само существование которого становилось бессмысленным.

Воплотить в жизнь идеи Протича должно было принятие проекта конституции, предоставлявшего гарантии автономии щепетильным в отношении своих прав католическим «племенам». По проекту Протича Королевство СХС становилось бы парламентской монархией с двухпалатным законодательным органом. Согласно проекту страну следовало разделить на девять областей: 1) Сербию, 2) Старую Сербию с Македонией, 3) Хорватию со Славонией, Риекой, Истрией и Меджимурьем, 4) Боснию, 5) Черногорию с Герцеговиной, Бокой и Приморьем, 6) Далмацию, 7) Срем и Бачку, 8) Банат, 9) Словению с Прекомурьем. Самоуправление областей осуществляли бы местные законодательные органы – областные скупщины и избираемые из их среды исполнительные – комитеты. Согласно норме, определявшей характер взаимоотношений местных и центральных властей, областные законы не могли «противоречить конституции и государственным законам»¹³. Другими словами, «одно государство – один суверенитет»¹⁴. За его соблюдением надлежало следить Государственному совету и стоящему во главе области «наместнику», назначаемому королем по предложению премьер-министра.

Реализации собственного проекта внутреннего устройства страны Протич добивался, возглавляя правительство во второй раз (19.02–17.05.1920 г.), а также участвуя в качестве «министра, ответственного за созыв Уставотворной скупщины» в кабинете М. Веснича (до 18.8.1920 г.). Однако, несмотря на первоначальную поддержку соратников по НРП и хорватско-словенских участников ПО, протичевский план остался не востребованным ни теми, ни другими. Таким образом, основа «умеренной» политики – общность позиций по наиболее значительной государственной проблеме Королевства СХС – оказалась весьма недолговечной. Причины, по которым радикалы отошли от «средней линии», разнообразны. На поверхности лежат сиюминутные соображения членов НРП, не до конца удовлетворенных результатами сотрудничества с остальными членами Парламентского объединения.

В первую очередь, союз с ХО и СНП не принес радикалам явного перевеса над демократами, продолжавшими пользоваться поддержкой Александра Карагеоргиевича. В рядах НРП росла убежденность в том, что политическая «ликвидность» сложного плана Протича весьма неочевидна. Под воздействием Пашича, вернувшегося в страну летом 1920 г. с Парижской мирной конференции, возобладало мнение, что государственная централизация, хоть и не такая жесткая, какой ее видел Прибичевич, – более эффективный метод как претворения в жизнь интересов сербов, то есть сохранения государственного единства, так и обеспечения руководящей роли партии. Кроме того, в преддверии выборов в Конституционное собрание, могущественную ДП и ее покровителя спокой-

нее было видеть в качестве союзников, чем оппонентов. Принятие НРП централистской программы открывало дорогу партнерству двух непримиримых врагов.

В результате автором совместного проекта Радикальной и Демократической партий, положенного в основу Видовданской конституции, стал не Протич, а другой член НРП – Лазар Маркович. В плане определения государственного облика оба проекта «имели в основе сербскую конституцию 1903 г.» Однако в отличие от Протича Маркович и Пашич не принимали в расчет пожелания католического населения Королевства СХС. Как писал Слободан Йованович, «вместо протичевских девяти больших краев предусмотрено 35 областей с населением от 200 до 600 тысяч жителей. Внутреннее управление, в отличие от варианта Протича, не все находится в руках органов самоуправления, а... поделено между органами государственными и самоуправленческими»¹⁵.

Среди других не столь явных причин поворота политики радикалов, в результате которого они, по выражению одного из лидеров ХО Мате Дринковича, приняли «демократическое евангелие», – отсутствие доверия к хорватским участникам ПО, которое было одним из проявлений многолетних противоречий Белграда и Загреба, изначально определявших ход развития югославской политической системы. Логика перерождения хорватских «умеренных» из национально-государственных унитаристов в «конфедералистов» во многом раскрывает суть этих противоречий.

В череде событий, знаменовавших размывание умеренной политической линии, отказ Народного и Югославянского клубов (ХО и СНП) накануне выборов от своей прежней программы, основанной на принципах государственного и национального унитаризма, был одним из наиболее значимых. Еще в августе 1920 г. обе организации подписали так называемый Протокол соглашения, а уже через несколько месяцев, незадолго до выборов в Конституционное собрание, из политического лексикона и ХО, и СНП исчезли такие слова как «народное единство» и «трехименный народ». В своих обращениях к избирателям они выступали сторонниками «федерализма». В реальности их конституционные проекты были направлены на сохранение границ, отделявших довоенную Сербию от югославянских земель, входивших в состав Австро-Венгрии, и, следовательно, дробивших сербский народ надвое.

По проекту Хорватского объединения, страна должна была быть разделена на шесть частей: «1) Сербия со Старой Сербией и Македонией, 2) Хорватия, Славония и Далмация с Меджимурьем, Истрией и островами, 3) Черногория, 4) Босния и Герцеговина, 5) Воеводина (Бачка, Банат и Бараня), 6) Словения». Основной идеей проекта было максимальное ослабление центральной власти, которая ставилась в полную зависимость от областной администрации. Как писал С. Йованович, «законодательная власть поделена между государством и областями... В спорных случаях приоритет имеет областное законодательство». Государство утрачивало возможности следить за исполнением тех законов и осуществлением тех функций, которые находились в его компетенции. «Определенно сказано, что у него нет ни таможни, ни налоговой службы. Все это находится в ведении областей. Точно также отсутствует и государственная полиция. Если бы государство имело на местах свои собственные органы, в них могли бы работать только «уроженцы этих областей»... государство не имеет никаких прав принудить области к исполнению государственных законов, если они отказываются это делать»¹⁶.

Появление подобного проекта, вызвавшего однозначную реакцию у сербских политиков, свидетельствовало о том, что «умеренные хорваты» перестали быть конструктивной оппозицией политике централизации и встали на путь сепаратизма. По словам

Л. Марковича, «эта программа ушла так далеко в разъединении нашего государства, что мы (радикалы. – А.С.) не могли себе объяснить, как вообще такую программу можно выносить на обсуждение... В том проекте говорится в первой статье, что Югославия неделимое государство, а затем сразу королевство разделяется на 6 государств»¹⁷.

В результате, осознав неуспех своей конституционной инициативы, М. Дринкович от имени ХО «отказал Уставотворной скупшине в законности ее деятельности и в праве принимать конституцию для Хорватии и хорватского народа»¹⁸. Переориентация ХО последовала как реакция на кризис его взаимоотношений с сербским политическим руководством.

Следует отметить, что отношения хорватских умеренных с сербскими партнерами были изначально отягощены характерными чертами первых. К таковым, в первую очередь, относится ограниченный политический кругозор, сформировавшийся в узких рамках автономии в границах Австро-Венгрии. Поэтому, по мнению обозревателя «Новой Европы» Ивана Херцога, «пречанство» не могло дать Югославии «умов, способных к созидательной организационной деятельности»¹⁹. Того же мнения придерживался и Й. Хорват: «Пречанских политиков можно было отчасти сравнить с работниками одного большого предприятия, на котором они приобрели знания и навыки только в отдельных областях государственного управления, в то время как политики из Сербии были на руководящих постах маленького, но зато своего собственного предприятия»²⁰.

Невежество «хорватской интеллигенции, из которой вышел руководящий политический слой 1914–1919 гг.», в вопросах государственной деятельности было предопределено системой Хорватско-венгерского соглашения 1868 г., в соответствии с которой все наиболее важные решения, касавшиеся судьбы Хорватии, «находились вне компетенции местных деятелей» и принимались в Будапеште. В результате, политический взлет «местечковых» лидеров до министерских постов в Загребе и Белграде в конце 1918 г. начале 1919 г. был сродни назначению подсобных рабочих на руководящие должности в крупной компании. Соответствующим был и уровень представлений руководителей ХО о насущных проблемах страны. Свидетельством служат воспоминания Й. Хорвата о том, как создавалось Хорватское объединение. «Разговоры были бесконечными, как болтовня в кафане. Дискуссии по поводу будущей конституции и внутреннего государственного устройства напоминали обсуждение какого-то семинара по истории и были абстрактными и бесцельными. Государственно-правовые понятия были ясны далеко не всем»²¹.

Наиболее выпукло слабости «пречан» проявились в их контактах с сербскими партнерами в ходе войны и в первое послевоенное время. Руководители эмигрантских организаций, деятели хорватских, формально автономных, органов внутри страны преподносили себя как лиц, по словам А. Трумбича, «ответственных перед народом» – перед всеми югославянами Австро-Венгрии²². Притязания на представительство «областей, в два раза больших Сербии», во взаимоотношениях сначала Югославянского комитета, а позднее Хорватского объединения с сербским правительством принимали форму пренебрежения к его роли в процессе Объединения и строительства Королевства СХС. Как говорил в начале 1920-х годов редактор «Новой Европы» Милан Чурчин от имени югославянки настроенной заградской интеллигенции, «...этому, в самом деле, жалкому сербскому, а теперь югославскому правительству (во главе с Н. Пашичем. – А.С.) мы... ничем решительно не обязаны»²³.

В отечественной исторической литературе получила подробное описание борьба Анте Трумбича с Николой Пашичем за признание его организации «в качестве поли-

тического органа, равного по значению и весу сербскому правительству»²⁴. Впрочем, равноправие дело не ограничивалось. Программой-максимум политэмигрантов было лишение Сербии, в пользу Хорватии, роли «югославянского Пьемонта». Для Сербии это означало ликвидацию ее государственности, или, по образному выражению одного из авторов «Новой Европы», – «разрушение старого сербского дома и создания нового югославянского, более просторного, удобного, здорового».

Амбициозные планы «пречанских» геополитиков, не способных что-либо противопоставить военному и дипломатическому авторитету сербского правительства, остались без осуществления. Пашич добился «сохранения здания предвоенной Сербии и достройки двух крыльев – хорватского и словенского». «Хотя договоренности на Корфу, в Париже, в Женеве служили залогом построения югославского здания, победила великосербская тенденция. Не получилось пожертвовать... сербской хижинкой. Так мы получили не заново основанное государство, а увеличенное старое»²⁵.

Тем не менее, временные неудачи не смогли умерить стремления хорватов занять «подобающее» место в политической иерархии новой страны. Перу М. Чурчина, принадлежит реконструкция размышлений хорватов-югославов: «Может быть, сербы сильнее физически... но при строительстве современного европейского государства не все решает физическая сила... Культурно отсталым сербам следует идти за нами хорватами... Мы должны, опираясь на западную культуру, придать этому государству черты нашей цивилизации»²⁶.

Политическая практика первых месяцев «временного периода» явила продолжение борьбы хорватских деятелей с главным, по их мнению, конкурентом – Радикальной партией, которая воплощала для них все отрицательные черты великосербской политики. В устранении сербиянцев с наиболее главных государственных постов – в этом, по мнению Й. Смодлаки, основа будущего благополучия государства, гарантия от «неограниченной власти Пашича и, вообще, гегемонии Сербии». Заложить эту основу делегация Народного Вече СХС и подававший ей из Франции советы А. Трумбич попытались уже при формировании первого югославского правительства.

По словам Й. Смодлаки, «представители пречан, желавшие, чтобы в нашем первом правительстве были представлены все части нашего народа «в справедливой пропорции», не могли согласиться на то, чтобы представители Сербии получили половину всех портфелей, включая наиболее важные»²⁷. Высшие соображения не позволяли допустить выходца из Сербии до управления внутренними и внешними делами: «В таких значительных вопросах, от которых зависит... судьба государства, не разбирается ни один сербиянец». Смодлаке вторил Трумбич: «Если бы министр иностранных дел был из Сербии... наше государство не было бы признано, и наш народ и дальше остался бы в бесправном положении»²⁸. В результате «министром полиции» стал С. Прибичевич, которому предназначалось служить «мостом между сербами и хорватами», доверие которых он заслужил своей прежней деятельностью. Необходимость назначения А. Трумбича на пост министра иностранных дел состояла «в предоставлении за границей доказательств нашей народной солидарности и политической зрелости»²⁹. Назначить А. Корощеца заместителем премьера нужно было только потому, что он стоял во главе одной из «народных организаций».

Сколь ущербной была логика подобных назначений, столь плачевными были их последствия. Показательна безуспешность дипломатической карьеры А. Трумбича. Уступка ряда южнославянских регионов Италии стала предметом яростной критики, которой первый министр иностранных дел подвергся со стороны и сербов³⁰, и хорватов³¹.

Особые надежды в Загребе связывали с деятельностью Прибичевича на посту руководителя МВД. Однако первый министр внутренних дел стал не хорватским агентом в Белграде, а, наоборот, – проводником жесткой централизаторской политики Александра Карагеоргиевича. Смодлака недоумевал: «Как только он пришел к власти в Белграде, стал проводить политику совершенно противоположную той, которую мы от него ожидали»³². Схожим образом повел себя и Корошеч, чье умение играть на сербохорватских противоречиях сделало его в глазах хорватов едва ли не самым главным источником всех их бед.

Таким образом, первые же послевоенные месяцы показали хорватским политикам безосновательность их властных амбиций, реализации которых воспрепятствовало не столько нежелание сербского руководства уступать им свои позиции, сколько политический дилетантизм, выразившийся в полном отсутствии мало-мальски внятных рецептов решения многочисленных проблем Королевства СХС и, в частности, своей «домовины».

Поражения представителей заградской буржуазной интеллигенции на внутреннем и внешнеполитическом фронтах ускорили утрату ими роли самопровозглашенных эксклюзивных делегатов от Хорватии, которую друг у друга стали оспаривать прибичевичевские ультрацентралисты-демократы и сепаратисты радичевцы. В этих условиях хорватские умеренные потеряли и волю, и заинтересованность в том, чтобы проявлять организационную и идеологическую стойкость. В частности, Хорватское объединение раскололось на немногочисленных сторонников продолжения конструктивного диалога с официальным Белградом и на тех, кто перешел в лагерь сепаратистов, вступив в Хорватский блок.

Среди причин идейной метаморфозы – несбывшиеся ожидания от объединения с Сербией. Большая часть хорватских политиков готова была сохранять лояльность в отношении официальной идеологии и государственной власти Королевства СХС только до тех пор, пока занимала в ней ведущие позиции. Во время войны и в первое время после нее приверженность национальному унитаризму предоставляла удобную возможность критики главного конкурента, которого всегда можно было обвинить в «великосербском» уклонизме.

Югославизм как идеология, положенная в основание Королевства СХС, в силу различий его понимания в Загребе и Белграде скорее разделял, чем сплачивал участников объединительного процесса. И до, и во время Первой мировой войны военные и дипломатические завоевания Сербии многими хорватскими политиками с репутацией «югославян» воспринимались с плохо скрываемым раздражением³³. Не мудрено, что, не выдержав соперничества и с более удачливыми и последовательными «пророками» народного единства, и с теми, кто вовремя определил истинные настроения широких масс хорватского народа, заградские политики не замедлили освободиться от балласта прежних убеждений и «броситься в объятия» Степана Радича.

* * *

Стремительный переход «трезвых хорватов» в непримиримую оппозицию Белграду сербиянцы объясняли несколькими факторами, наличие которых определяло умонастроения «освобожденных братьев» в целом. Среди них – «априорно враждебное отношение к власти»³⁴. Ранее хорваты занимали «антигосударственную позицию по отношению к венграм, а теперь по отношению к своему собственному государству». Эта «родовая

травма» пречан была усугублена военной катастрофой, похоронившей Австро-Венгерскую монархию и вызвавшей во всех ее пределах социально-экономический кризис, в своих проявлениях стандартный для большинства понесших поражение в войне стран. В первые годы существования Королевства СХС сербские политические обозреватели открыто говорили о «больной психике», «нарушении моральных устоев»³⁵ хорватского общества, проявившемся в широком распространении антимилиитаристских, коммунистических, анархических, атеистических идей.

Более весомой причиной кризиса взаимоотношений хорватских умеренных с официальным Белградом, по сравнению с их «детскими болезнями» – политическим инфантилизмом и «левый уклонизмом», была так называемая «австриянка», выражавшаяся в высокомерии и двурушничестве. Сербь считали ее недугом всего хорватского общества, находившегося под воздействием австро-венгерской пропаганды, направленной на углубление национально-религиозных противоречий между сербами и хорватами, в расчете на военное рвение последних сулившей им создание максимально автономной Великой Хорватии в границах монархии. По словам Анте Тресича-Павичича, бывшего депутата венского парламента, арестованного в 1914 г. за свою просербскую позицию, «Загреб всегда мечтал о том, чтобы стать столицей южных славян в Триалистической монархии, радовался безумным обещаниям, и до последнего момента во сне не мог себе представить, что произойдет то, что произошло»³⁶.

И деятели Югославянского клуба, и крестьяне-республиканцы, и загребские буржуазные интеллигенты для большей части сербских политиков были «одним миром мазаны». Все они считались настроенными враждебно по отношению к сербам и к новому государству. Эта точка зрения объединяла и ярых унитаристов, и радикалов, и толерантных деятелей сербской Республиканской партии. Ее лидер Любомир Стоянович констатировал: «Венская печать выставяла нас грубым и некультурным народом... В то время как во всем мире представление о нас изменилось, хорваты продолжают смотреть на нас так, как их научила Австрия. Простой католический мир видит в нас только «схизматиков ... А хорватская интеллигенция страдает от мегаломании. Они только себя считают европейцами и западниками, а мы – „балканцы“, нуждающиеся в окультуривании и просвещении»³⁷.

Проявлением «австриянки» сербы считали внезапный отказ Хорватского объединения от идеалов «народного единства» и требование сохранения «исторических границ областей». Как красная тряпка на быка действовали на большинство сербских политиков ссылки бывших верных подданных Габсбургской монархии на свое «государственное историческое право». По словам Н. Пашича, «Сербия вела войну под знаменем объединения нашего трехименного народа. Она вела ее против всех исторических прав, которые противоречили праву свободного народного самоопределения, и согласно которым в духе габсбургско-венгерской политики создавались разные провинции и совершались переделы»³⁸.

Таким образом, «сербиянцам», интересы большей части которых представляла Радикальная партия, тяжело было себе представить, что при определении внутреннего облика страны возможно достижение согласия с теми, кто «был воспитан в духе ненависти по отношению к Сербии и вообще по отношению к сербской части нашего народа»³⁹. Любые маломальские уступки грозили девальвацией давшихся дорогой ценой завоеваний.

Подобная позиция была несовместима с принципами «компромиссной» политики, которые исповедовал Стоян Протич, к моменту созыва Конституционного собрания оставивший ряды НРП. Невзирая на пороки современной «пречанской» политической

элиты, он считал необходимым, прежде всего для реализации интересов сербов, создание такой системы их взаимоотношений с «освобожденными братьями», при которой тем предоставлялась ограниченная суверенитетом центральной власти возможность реализации собственных национальных амбиций. Однако белградскому политическому бомонду гораздо больше импонировала мысль Н. Пашича о недопустимости разделения ответственности за будущее страны с «черно-желтыми».

Централистское устройство страны преподносилось как панацея от всех угроз единству «сербства». Поэтому приоритетной задачей было принятие любой ценой конституции, впоследствии названной Видовданской, а вовсе не следование принципам парламентаризма, уставным нормам и соблюдение собственных обязательств, тем более взятых перед «пречанами». Голоса поддержавших правительственный проект конституции депутатов от Югославской мусульманской организации и Джемиета были оплачены денежными компенсациями феодалам-мусульманам при проведении аграрной реформы. Кроме того, НРП дезавуировала содержащееся и в Корфской декларации, и в партийной программе от октября 1920 г. положение о принятии конституции квалифицированным большинством.

* * *

Завершение переходного «провизорного периода» ознаменовано политическим кризисом. Принятие конституции, во время войны и в первое послевоенное время рассматриваемое как торжественный финальный акт «братского» воссоединения, продемонстрировало антагонистические противоречия сербских и «пречанских» политиков.

С первых дней существования Королевства СХС вопрос его будущего национально-территориального и политического устройства приобрел особую остроту. В Белграде стремились к стиранию внутренних рубежей, отделявших «сербиянцев» от «сербов-пречан». В то время как в Загребе и Любляне в сохранении сербско-австро-венгерской границы, разумеется, в ином виде, видели гарантию беспрепятственного национального развития. При этом нельзя сказать, чтобы сербские, хорватские и словенские партии с самого начала имели четкое представление о внутреннем облике, который должна была приобрести Югославия в результате их совместных усилий.

С конца 1918 г. организации с ярко выраженными «племенными» чертами – Радикальная партия, Югославянский клуб (Словенская народная партия), будущее Хорватское объединение – подверглись жесткому внепарламентскому давлению со стороны двора и созданной по инициативе регента Александра Демократической партии, претендовавшей на роль единственного пророка учения о «народном единстве». Общая угроза быть вытесненными с политической арены стала основой коалиции трех вышеперечисленных организаций, сформировавших Парламентское объединение.

Публично продемонстрированное единство мнений союзников по поводу принципов взаимоотношений государственного центра и регионов, казалось, открывало перспективу «конституционного решения национального вопроса»⁴⁰. Однако, ко времени выборов в Уставотворную скупщину от согласия не осталось и следа. Конституционные проекты Хорватского объединения и Словенской народной партии рисовали картину не единого государства и даже не «союзного государства», а аморфного объединения «малых государств»⁴¹. Положение совместного проекта радикалов и демократов о разделе-

нии страны на 35 областей свидетельствовало об их решимости не принимать в расчет мнение хорватов и словенцев.

Прекращение сотрудничества НРП и представителей югославян-католиков было предопределено несколькими причинами. Во-первых, – конъюнктурными соображениями. Большая часть радикалов полагала, что остаться у руля государства будет гораздо легче, имея союзниками могущественного принца-регента и его фаворита С. Прибичевича, а не их оппонентов с репутацией «племенных сепаратистов». В свою очередь «заедничары» и словенские клерикалы предпочли не идти наперекор настроениям антисербски настроенных масс своих избирателей.

Второй причиной было непреодоленное взаимное отчуждение «сербиянских» и «пречанских» политиков, имевших со времен войны различные, часто противоположные представления о смысле югославянского объединения и о той роли, которую им и их визави следовало бы играть в новом государстве. Чем сильнее действительность расходилась с их ожиданиями, тем шире становилась пропасть между ними.

Политические коллизии «провизорного периода» оказали определяющее влияние на развитие страны. Видовданская конституция не заложила устойчивой основы сосуществования югославянских народов, центра и регионов. Пожалуй, только на протяжении короткого времени, что длилось так называемое «сербскохорватское согласие», борьба за и против ревизии конституции не была основным сюжетом югославской политики. Принимая во внимание результат существования Королевства СХС, поистине пророческими выглядят слова Протича, обращенные к депутатам Уставотворной скупщины в январе 1922 г.: «Вот вам, приняли конституцию, а не станет ни легче, ни лучше... Сразу после принятия конституции перед вами встанет вопрос ее ревизии. Может, вы ее и не хотите, но вам ее не избежать. И что еще хуже, вы встанете перед дилеммой – либо вы осуществите ревизию конституции, либо вам придется ее упразднить»⁴².

По прошествии первых двух с половиной лет существования Королевства СХС стало очевидно, что все участники политической жизни в своих взаимоотношениях с оппонентами не считают себя ограниченными какими-либо «добрыми обычаями» или установленными юридическими нормами: обязательствами перед союзниками и избирателями, принципами парламентаризма, положениями партийных программ и даже конституции. У каждого коллективного или индивидуального субъекта политической жизни существовала собственная определявшая его действия мораль – «родолюбивая» патриотическая (она же «узкоплеменная сепаратистская»), государственническая «югославистская» (она же «авторитарная шовинистическая») и т.д. В результате конфронтация как политический метод вытеснила из обихода готовность к компромиссу и умеренность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. I. Beograd, 1988. S. 62.
- 2 *Janković D., Mirković M.* Državnopravna istorija Jugoslavije. Beograd, 1982. S. 385.
- 3 *Šišić F.* Dokumenti o postanku Kraljevine Srba Hrvata i Slovenaca. 1914–1919. Zagreb, 1920. S. 283.
- 4 Записници са седница Министарског савета Краљевине Југославије 1929–1931 / приред. Љ. Димић, Н. Жутић, Б. Исаиловић. Београд, 2002. С. VIII.
- 5 *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919–1929. Beograd, 1979. C. 63.
- 6 *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke... S. 39.
- 7 *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 158.

- 8 Проглас Демократске странке // Политика. 1923 г. 16 Јануар.
- 9 Цит. по: *Glorigorijević B.* Demokratska stranka... S. 109, 94, 130.
- 10 Цит. по: *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 194.
- 11 *Протић Ст. М.* Наша спољна и унутрашња ситуација... Београд, 1920. С. 31.
- 12 Там же. С. 24, 31.
- 13 Цит. по: *Petranović B., Zečević M.* Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. Prvi tom. 1914–1943. Beograd, 1987. S. 100.
- 14 Цит. по: *Казимировић В.* Србија и Југославија 1914–1945. Крагујевац, 1995. Књига друга. С. 423.
- 15 *Јовановић С.* Уставно право Краљевине СХС. Београд, 1924. С. 36.
- 16 Там же. Београд, 1924. С. 40–42.
- 17 Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XVIII редовни састанак. С. 14; См. такође: *Marković L.* Odgovor na kritike Ustavnog nacрта // Jugoslovenska država i hrvatsko pitanje (1914–1929). Beograd, 1991. С. 185.
- 18 Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. I. Београд, 1921. XXIX редовни састанак. С. 15.
- 19 *Hercog I.* Patološka politika (Politički pregled) // Nova Europa (далеке НЕ). Књига III. Br. 10. S. 312. 11 Novembra 1921.
- 20 *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 142.
- 21 *Horvat J.* Živjeti u Hrvatskoj 1900–1941 (zapisci iz nepovrata). Zagreb, 1984. S. 222–227.
- 22 Цит. по: *Čulinović F.* Jugoslavija između dva rata. I. Zagreb, 1961. S. 155.
- 23 *Društveni pregled* // НЕ. Књ. 10. Br. 2. S. 53. 11 Јула 1924.
- 24 *Шемякин А.Л.* Первая мировая война. Рождение Югославии. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XIX вв. М., 1997. С. 365.
- 25 *Mitković Dr.* Naš politički život. // НЕ. Књ. 6. Br. 2. S. 46. 11 Septembra 1922.
- 26 *С.* Tri koncepcije jugoslovenstva. // НЕ. Књ. 10. Br. 2. S. 35. 11 јула 1924.
- 27 Цит. по: *Станковић Ђ.* Никола Пашић и Хрвати (1918–1923). Београд, 1995. С. 341–342.
- 28 Цит. по: *Čulinović F.* Op. cit. S. 155.
- 29 Цит. по: *Станковић Ђ.* Никола Пашић... С. 338.
- 30 *Stojadinović M.* Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970. S. 143.
- 31 Цит. по: *Matković H.* Hrvatska Zajednica... S. 127.
- 32 Цит. по: *Станковић Ђ.* Никола Пашић... С. 341.
- 33 *Ćurčin M.* Smrt Ivana Lorkovića // НЕ. Књ. 13. Br. 5. S. 132. 11 Marta. 1926.
- 34 *Прибићевић А.* Селачки немири у Хрватској // Српски књижевни гласник. (далеке – СКГ). Књига I. Br. 3. С. 205–208. Београд. Септембар – Децембар 1920.
- 35 *Десница У.* Анкета о српско-хрватским односима // СКГ. Књ. VI. Br. 2. С. 118–119; 2–16 мај 1922; *Прибићевић А.* Указ. соч. С. 205–208.
- 36 *Тресић-Павичић А.* Анкета о српско-хрватским односима // СКГ. Књ. 7. Br. 2. С. 129–134. 16 Септембра. 1922.
- 37 *Стојановић Љ.* Хрватска «аустријанштина» // СКГ. Књ. 17. Br. 5. С. 360–361. 1 март 1926.
- 38 Цит. по: *Станковић Ђ.* Никола Пашић... С. 407.
- 39 Цит. по: *Станковић Ђ.* Никола Пашић... С. 424.
- 40 *Роровић О.* Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Beograd, 1988.
- 41 *Јовановић С.* Уставно право Краљевине СХС. Београд, 1924. С. 43.
- 42 Стенографске белешке Народне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Редован сазив за 1921/22 годину. I. XVII редовни састанак. 21 јануар 1922. С. 165.

ГЛАВА 2

КОРОЛЕВСТВО СХС В 1920-Е ГОДЫ

ХАРАКТЕР ЮГОСЛАВСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА. Период действия Видовданской конституции характеризуют деструктивные процессы, определившие и направление государственно-правового развития Королевства сербов, хорватов и словенцев, и эволюцию межнациональных отношений. Речь идет о междоусобной борьбе двора и политических партий, прежде всего, сербских, за доминантное положение на югославском политическом Олимпе, а также о конфликте представлявших различные народы организаций, проявившемся в обострении так называемого «хорватского вопроса».

Невозможно провести четкую «линию фронта» между участниками политической междоусобицы 1920-х годов. Каждого из югославских политиков, включая монарха, связывали со всеми прочими и узы союзничества, и, в то же самое время, смертельная вражда. Однако на поверхности лежит основная политическая тенденция – постоянное уменьшение влияния парламентских институтов и все увеличивающаяся роль короля Александра, в конце концов, узурпировавшего всю власть в стране в результате переворота 6 января 1929 г. Взглянем через эту призму на политические перипетии 1920-х годов

Участие политических партий в парламентских выборах

	Выборы в Уставотворную скупщину 28.XI. 1920 г.	Выборы 18.III.1923 г.	Выборы 8.II.1925 г.	Выборы 11.IX.1927 г.
Демократическая партия	92 мандата	51 мандат	37 мандатов	61 мандат
Радикальная партия	91	108	143	112
Коммунистическая партия Югославии	58	–	–	–
Хорватская республиканская крестьянская партия	50	70	67	61
Словенская народная партия	27	24	21	21
Союз земледельцев	39	11	3	9
Югославянская мусульманская организация	24	18	15	18
Самостоятельная демократическая партия			21	22

В конце переходного времени* король снял опалу с Радикальной партии и инициировал в январе 1921 г. создание коалиции НРП и ДП во главе со старым-новым премьер-министром Николой Пашичем. Дипломат и министр двора Милан Антич вспоминал: «Пашич вернулся из Парижа. Александр долгое время не хотел его принимать. Веснич, намеревавшийся оставить премьерский пост и вернуться в Париж, ходатайствовал перед королем. Наконец, тот принял Пашича и беседовал с ним три часа. Пашич получил мандат на формирование нового правительства... Возможно, Пашич стал премьером, потому что вместе с королем выступал за централистское государство. После этого, до принятия на Видовдан 1921 г. конституции, реализовывалась только эта программа»¹.

До конца 1922 г. правительство формировалось силами коалиции НРП и ДП. Отношения двух «государствообразующих» партий характеризовала непрерывающаяся борьба, предметом которой были министерские посты, а также партийный контроль над органами государственной власти в центре и на местах. Отставки кабинетов Н. Пашича в декабре 1921 и 1922 гг. два этапа наступления пользовавшихся поддержкой короля радикалов на позиции своих постылых союзников. Целью первого было отчуждение у ДП портфеля министра внутренних дел и изменение в свою пользу пропорции распределения чиновничьих постов. До этого она была 9:7 в пользу ДП. Получить в свои руки МВД НРП не удалось. С. Прибичевича сменил его товарищ В. Маринкович. Вторая отставка, знаменовавшая распад коалиции НРП–ДП, позволила радикалам, с санкции Александра Карагеоргиевича, сформировать так называемое «гомогенное» правительство (без демократов, с незначительным участием ЮМО), а также получить высочайшее соизволение на проведение новых скупщинских выборов. Причиной такой поддержки королем радикалов можно считать его разочарование в ДП, которая разделилась на приверженцев идей государственного централизма и национального унитаризма (С. Прибичевич), и на тех, кто, как Л. Давидович, склонялся к ревизии воплощавшей эти идеи Видовданской конституции.

* * *

На протяжении года** – до марта 1924 г. у власти находилось однопартийное правительство НРП, не имевшее большинства в парламенте. Живучести кабинета способствовала не только поддержка «второго конституционного фактора», но и бойкот парламента хорватскими депутатами из ХРКП, не признававшей легитимности Королевства СХС, но участвовавшей в выборах.

* 26.III.–24.XII.1921 г. – второе правительство Николы Пашича (НРП–ДП);
24.XII.1921 г.–5.1.1922 г. – третье правительство Николы Пашича (НРП–ДП);
5.1.–16.12.1922 г. – четвертое правительство Николы Пашича (НРП–ДП);
16.12.1922 г.–2.5.1923 г. – пятое правительство Николы Пашича (НРП);
18 марта 1923 г. – вторые парламентские выборы.

** 2.5.1923 г.–27.3.1924 г. – шестое правительство Николы Пашича (НРП);
27.3.–21.5.1924 г. – седьмое правительство Николы Пашича (НРП–СДП);
21.5.–27.7.1924 г. – правительство Николы Пашича (НРП–СДП);
27.7.–6.11.1924 г. – правительство Любомира Давидовича (ДП, СЛС, ЮМО);
6.11.1924 г.–29.4.1925 г. – правительство Николы Пашича (НРП–СДП);
8 февраля 1925 г. – третьи парламентские выборы;
29.4.–18.7.1925 г. – правительство Николы Пашича (НРП–СДП).

С конца марта 1924 г. по июль 1925 г. в роли партнеров радикалов по представлявшей парламентское меньшинство правительственной коалиции выступала Самостоятельная демократическая партия, во главе со Прибичевичем, разорвавшим отношения с сербскими демократами Давидовича. Только на три месяца (конец июля – начало ноября 1924 г.) правление так называемого Национального блока НРП и СДП прервал кабинет парламентского большинства. К последнему относились демократы – сторонники Давидовича, – а также Югославянская мусульманская организация, Словенская народная партия и, заочно, не принимавшая участия в работе парламента ХРКП.

Первую половину 1920-х годов вышеперечисленные оппозиционеры провели в попытках создать коалицию антицентралистских сил. После выборов 1923 г. Словенская народная партия, ХРКП и Югославянская мусульманская организация образовали Федералистский блок. 7 марта 1924 г. на его смену пришел так называемый Оппозиционный блок. В его составе – СНП, ЮМО и ДП. ХРКП обязалась помогать этому блоку в деле смещения правительства. 27 июля 1924 г. Оппозиционный блок формирует собственный кабинет, в котором для членов ХРКП «зарезервировано» несколько мест. Причиной недолговечности правительства было нежелание хорватских республиканцев ради участия в работе скупщины и кабинета министров признать монархическое устройство государства и его конституцию. Это дало повод Александру Карагеоргиевичу потребовать от Давидовича отставку, которая и последовала 15 октября 1924 г.

* * *

По словам сербского историка Л. Димича, большинство, завоеванное НРП и СДП на парламентских выборах 1925 г.¹, не могло служить надежной гарантией сохранения партнерами властных позиций, оспариваемых Оппозиционным блоком (после выборов – Блок народного согласия и крестьянской демократии)². Необходим был союз с более крупной партией, чем СДП с ее 22 депутатами. Таким союзником НРП по настоянию двора, неожиданно для современников, стал злейший враг государства – находившийся в тюрьме глава хорватских республиканцев Степан Радич, которому кроме вступления в Крестьянский интернационал инкриминировалось сотрудничество с югославскими коммунистами и македонскими сепаратистами, а также деятельность по разложению вооруженных сил.

Создание коалиции крупнейших сербской и хорватской партий, помимо расширения базы режима, служило и личным интересам короля Александра, состоявшим в уменьшении роли скупщины и ослаблении партий, в первую очередь, НРП. Признавший конституцию лидер Хорватской крестьянской партии (слово «республиканская» из ее названия исчезло) должен был, по словам Б. Глигориевича, способствовать «разжиганию межпартийных противоречий, созданию парламентских кризисов, в которых король выступал бы в роли арбитра»³. В пользу мнения сербского историка говорят свидетельства широкого круга современников. М. Антич задавался вопросом: «Так как большая часть политической общественности была уверена в том, что Радич не конструктивен и

¹ 18.7.1925–8.4.1926 г. – правительство Николы Пашича (НРП–ХКП);

8.4.–15.4. 1926 г. – правительство Николы Узуновича (НРП–ХКП);

15.4.–24.12.1926 г. – правительство Николы Узуновича (НРП–ХКП);

24.12.1926 г.–1.2.1927 г. – правительство Николы Узуновича (НРП–ХКП).

не способен к сотрудничеству, учитывая его поведение с 1918 г. по 1925 г., вставал большой вопрос, а не был ли разрыв коалиции Пашич – Прибичевич частью адского заговора по свержению Пашича, поскольку с большой вероятностью можно было ожидать, что комбинация Пашич – Радич не будет успешной»⁴.

Более определенно высказывались югославские коммунисты: «Курс двора сводится к тому, чтоб при помощи коалиции по возможности ослабить Радикальную партию... расширить свой базис и, окружив себя незначительными партиями, играть руководящую роль в политической жизни страны»⁵.

С. Радич не обманул ожиданий венценосца. За время действия «сербскохорватского соглашения» сменилось четыре кабинета. И все правительственные кризисы были вызваны поведением лидера ХКП. По обвинению в коррумпированности были устранены из исполнительной власти лидер НРП и его соратники. Как вспоминал М. Антич, «От Радича потребовали подать в отставку, которая вызвала падение всего правительства. Так наступила последняя драматичная фаза борьбы против Пашича»⁶.

* * *

Время после отставки последнего правительства Николы Пашича и последовавшего через девять месяцев распада «коалиции народного единства»^{*} можно описать формулой «борьба всех против всех». ХКП перешла в оппозицию, где уже давно обреталась «преданная» радикалами СДП. Некогда заклятые враги – бывший фаворит короля С. Прибичевич и бывший республиканец С. Радич, – образовали Крестьянско-демократическую коалицию (КДК) – Пречанский фронт против сербиянцев. Последние – соратники Л. Давидовича и покойного Н. Пашича – боролись с КДК и, одновременно, со своими *Parteigenossen* – министрами правительства Его Величества, забывшими о партийной дисциплине, но помнящими о своем верноподданническом долге.

Конец 1920-х годов традиционно считается периодом наиболее активного королевского вмешательства во внутрипартийные дела. Главным результатом этой активности стало формирование в двух крупнейших сербских партиях – НРП и ДП – групп так называемых придворных радикалов и демократов. Действуя без оглядки на своих формальных партийных лидеров, эти группы при поддержке конформистски настроенных СНП и ЮМО формировали правительственные кабинеты вплоть до государственного переворота 6 января 1929 г.

Мотивацию антипарламентской активности короля Александра во второй половине 1920-х годов отражают слова, сказанные им в беседе с отставным генералом, министром транспорта С. Милосавлевичем: «Постоянно говорится, что стране нужен демократический парламентский режим. А этот режим навязывает нам не только выборы и агитацию, но, как мы видим, и другие трудности и негативные явления. Вам бы следовало объяснить вашим коллегам в правительстве и всем другим нашим выдающимся политикам, что их деятельность, в конце концов, ведет страну к хаосу и развалу»⁷.

* 1.2.–17.4.1927 г. – правительство Николы Узуновича (НРП–СНП);

17.4.1927 г.–23.2.1928 г. – правительство Велимира Вукиевича (НРП–ДП–ЮМО);

11 сентября 1927 г. – четвертые парламентские выборы;

23.2.–30.8.1928 г. – правительство Велимира Вукиевича (НРП–ДП–ЮМО–СНП);

30.8.1928 г.–6.1.1929 г. – правительство Антона Корошеца (НРП–ДП–ЮМО–СНП).

Ход парламентской жизни подтверждал правоту данных опасений. Кульминацией борьбы Пречанского фронта с правящими сербскими партиями стали события весны–лета 1928 г. По воспоминаниям С. Милосавлевича «фракция Радича и Прибичевича... устроили бешеную обструкцию в Народной скупшине, походившую в тот момент на деревенскую пивную, в которой народные избранники ругаются самыми грязными уличными ругательствами, грозят друг другу, или даже дерутся»⁸. В конце концов, 20 июня депутат от НРП П. Рачич в ответ на оскорбления открыл стрельбу по депутатам ХКП, из которых двое были убиты, а двое ранены. Впоследствии после осложнения от полученного ранения скончался С. Радич, что стало предлогом для Крестьянско-демократической коалиции объявить политический и социальный бойкот Сербии: «Ноги нашей не будет в белградской скупшине, если только не потребуется свергнуть тиранию»⁹.

В условиях острейшего государственного кризиса монарх выбрал самый радикальный путь его преодоления. Гордиев узел парламентаризма был разрублен в результате государственного переворота 6 января 1929 г. и установления режима личной власти короля Александра.

* * *

Вышеописанные политические катаклизмы развивались в государственно-институциональных рамках, очерченных Видовданской конституцией.

Статья № 1 этой конституции гласила: «Государство сербов, хорватов и словенцев – конституционная, парламентская и наследственная монархия» (*«Народная скупщина – первый фактор законодательства, а король – второй. Членов Народной скупщины определяют выборы, а личность короля заранее указана в конституции... Король не может быть ни обвинен, ни подвергнут суду за совершенные им преступления. Он обязан подчиняться конституции и законам... Хотя король подчиняется правовому порядку и не стоит над законом, совершенные им нарушения правового порядка остаются без установленного законом наказания»*).

«Статья № 46: Законодательную власть совместно осуществляют король и Народная скупщина (*«Право законодательной инициативы принадлежит им обоим. Всякий закон вступает в силу в результате их обоюдного согласия»*). «Король имеет право отказать в утверждении любого законопроекта... Скупщина не в состоянии заставить короля утвердить законопроект. Король имеет абсолютное, а не ограниченное право вето, но для короля существуют известные ограничения, если король решил утвердить законопроект, он должен утвердить его таким, каким он вышел из скупщины»...)

Статья № 47: Исполнительную власть осуществляет король через ответственных министров...

Статья № 52: Король созывает Народную скупщину на регулярный или внеочередной созыв... Король имеет право распустить Народную скупщину. Однако указом о роспуске одновременно назначаются новые выборы, которые должны состояться, самое позднее, через три месяца...

Статья № 54: Ни один акт королевской власти не имеет силы и не подлежит осуществлению, если его не заверил соответствующий министр...

Статья № 75: Заседания Народной скупщины регулярного созыва открываются каждый год 20 октября в том случае, если ранее скупщина не была созвана королем во вне-

очередном порядке... („Открытие сессии скупщины есть акт королевской власти, которым король уполномочивает скупщину приступить к исполнению своих обязанностей... Закрытие скупщины есть акт королевской власти, которым король констатирует, что созыв завершен, так как скупщина выполнила задачу этого созыва... Во время регулярного созыва обсуждается не один определенный вопрос, а все законопроекты, которые правительство или отдельные народные депутаты выносят на суд скупщины... Но все-таки существует один вопрос, ради которого необходим ежегодный созыв скупщины“). Регулярный созыв не может быть завершен до тех пор, пока не принят бюджет... („Проект бюджета составляет правительство, а утверждает народная скупщина. По своему содержанию это акт управления финансами, а по форме это закон... Без одобрения скупщины бюджет не может быть продлен больше, чем на три месяца... Действие бюджета длится с 1 января по 31 декабря одного года. Бюджетный год совпадает с календарным“¹⁰.)

Статья № 80: Законы провозглашает король своим указом, который содержит текст самого закона, принятый скупщиной. Указ заверяется министрами...

Статья № 82: Каждый член Народной скупщины имеет право направлять министрам вопросы и интерpellации. Министры обязаны дать на них ответ в течение того же созыва...

Статья № 90: Все министры составляют министерский совет, который подчиняется непосредственно королю. Король назначает председателя и членов министерского совета.

Статья № 91: Министры несут ответственность перед королем и Народной скупщиной. Король и Народная скупщина могут предъявить министрам обвинения в нарушении конституции и законов страны...

Статья № 94: Исполнительная власть может издавать распоряжения, необходимые для исполнения законов... Распоряжения не могут противоречить конституции или закону, для применения которого они были изданы... Народная скупщина может приостанавливать действие распоряжений целиком или отдельных их частей»¹¹.

Авторство вышеописанной системы государственной власти принадлежало руководству Народной радикальной и Демократической партий, приложивших летом 1921 г. значительные усилия для принятия Основного закона страны. Стоит напомнить, что у «уставотворцев» принципиальных разногласий с оппозицией по вопросу о государственном строе, в отличие от проблемы административного территориального разграничения, не возникало. В программных документах и заявлениях всех политических партий, от ХРКП до НРП, можно найти признания приверженности идеалам парламентаризма. Так, Югославянская мусульманская организация требовала «полной ответственности правительства перед народным представительством»¹². Радич с 1924 г. выступал за «монархию английского типа». НРП декларировала принцип «Le Roi regne mais il ne gouverne pais – король правит, но не управляет»¹³. «Народная радикальная партия – политическая парламентская партия. Поэтому она противостоит всем партиям и направлениям, не занимающим парламентские позиции... Без парламентаризма нет свободы и самоуправления. Партия боролась за него с самого начала своей деятельности»¹⁴. Примером подобного рвения служило также упоминание парламентского характера Королевства СХС, отличавшее Видовданский устав как от сербской конституции 1903 г., так и от законодательства Великобритании, политические традиции которой почитались образцовыми.

Как мы уже определили, действительность диссонировала с западнической риторикой югославских политиков. По мнению сербской политической элиты, главным проявлением «кризиса парламентаризма» была неподконтрольность исполнительной власти депутатам. Деятели Республиканской партии Яша Проданович констатировал: «Народ-

ное представительство не имело сил ни защитить правительство от непарламентской отставки, ни устранить его от государственных дел в случае утраты доверия скупщинского большинства»¹⁵; «никто не в состоянии ни определить причины отставок кабинетов, ни установить какие-нибудь четкие правила... Такой парламентаризм неизвестен европейским парламентским странам, хотя в их конституциях не указано, что они парламентские»¹⁶. С Продановичем согласен Л. Димич: «Королевство СХС не было страной, в которой Народная скупщина была бы суверенным органом власти»¹⁷. В 1920-е годов только Уставотворная скупщина проработала положенный четырехлетний срок. Собрания, избранные в 1923 г., 1925 г. и, разумеется, в 1927 г., были распущены досрочно.

Анализируя годы спустя причины умаления роли представительной власти, большая часть югославских политиков главным и в большинстве случаев единственным его виновником называла короля Александра.

Деятель Демократической партии Милан Грол отметил в дневнике: «Политическая коррупция короля Александра... отравила нормальное политическое брожение в стране, остановила здоровую ферментацию идей»¹⁸.

Радикалы припоминали слова Пашича, сказанные им еще зимой 1918/1919 гг. по поводу отказа принца-регента утвердить его первым премьером Югославии: «Он демонстрирует склонность править самовластно... Интриган и очень амбициозен»¹⁹. Лазар Маркович в мемуарах вторил своему покойному шефу: «Александр не хотел оставаться в роли парламентского правителя, но не мог и не смел открыто выступить против конституции 1921 г... Поэтому он шел обходным путем для осуществления своих желаний и потребностей, не совместимых с признанными принципами парламентской системы правления»²⁰.

Стравливая и ослабляя партии, шантажируя крупнейших политиков, Александр, по выражению радикала Милана Стоядиновича, пробивал «бреши в общественной жизни»²¹. «Как регент и как король, он часто торпедировал правительства», узурпировал право назначения военного министра и министра иностранных дел, вводил в состав кабинетов действующих офицеров, игнорируя мнение парламента.

«Из 23 министерских кризисов скупщина вызвала всего два... Все прочие вызвал король или люди из его окружения и по его приказу. Чем дальше от 1918 г., тем чаще происходило вмешательство короля, тем больше все это походило на режим личной королевской власти. Диктатура 6 января 1929 г. всего лишь кульминация этой политики»²², – делал вывод Светозар Прибичевич.

О собственной ответственности за итог двадцатых годов крупные партийные функционеры вспоминали нечасто. Между тем, именно клявшиеся в приверженности принципам парламентаризма политики с первых дней существования Королевства СХС попустительствовали антипарламентскому усилению монарха. В переходный период к наиболее характерным эпизодам, иллюстрирующим подобное попустительство, можно отнести непротивление формирующих первое югославское правительство партий отказу принца-регента утвердить Н. Пашича премьер-министром, а также принятие силами ДП и НРП регламента скупщины, согласно которому депутаты присягали на верность королю²³. Подобное положение, с парламентаристской точки зрения, нарушало суверенитет Конституционного собрания, которому принадлежала эксклюзивная прерогатива определения будущего устройства государства.

Предпосылки потенциального превосходства «второго конституционного фактора» над первым можно обнаружить и в Видовданской конституции. Так, отсутствие тезиса об обязательном происхождении правительства из скупщинского большинства, которое бы

развивало имеющееся положение о парламентском характере монархии, сводило правовой смысл 1-й ст. конституции к формальной констатации того факта, что в Королевстве СХС существует парламент. В рассматриваемое десятилетие данное упущение привело к приговорной ситуации, описанной выше М. Стоядиновичем и С. Прибичевичем.

Причину, по которой радикалы – авторы текста устава, – перечислив полномочия монарха, «поленились» четко описать права парламента, следует искать в сербском политическом опыте предвоенного десятилетия. Руководство НРП рассчитывало, что в 1920-е годы, как и раньше, гарантированная поддержка большинства сербов – самого многочисленного и внесшего решающий вклад в объединение народа – даст партии не оспариваемое ни оппозицией, ни королем право занимать главенствующие позиции в исполнительной власти*. Восприятие радикалами собственных отношений с Александром Карагеоргиевичем описывал в своих воспоминаниях М. Антич: «Пашич однажды сказал королю: «До тех пор, пока существует народ, существует и король. Народ это мы. Не будет народа – не будет и короля». Этими словами Пашич выразил монархистское кредо Радикальной партии, собравшей вокруг своей программы большую часть нашего народа»²⁴. В случае расхождения «народа» и короля Н. Пашич предрекал Александру «путь Милана Обреновича»²⁵.

Когда «битва за ограничение власти короля была выиграна еще в 1903 г.»²⁶, излишним казалось перечисление парламентских механизмов сдерживания его вероятного властолюбия. К тому же переходный период продемонстрировал, что последовательное применение принципов парламентаризма совсем не гарантировало радикалам формирование правительства, когда ни одна из партий, включая и НРП, не получала на выборах прочного скупщинского большинства. В этих условиях радикалам, как и представителям других крупных югославских партий, хотелось видеть в короле не символическую фигуру, чья роль сведена конституцией к исполнению представительских функций, а активного союзника, способного обеспечить превосходство над конкурентами.

Данное предположение подтверждается политической практикой 1920-х годов, на протяжении которых политиков, особенно находившихся у власти, мало волновал тот факт, что активность короля выходила за рамки их собственных идеологических установок и нарушала писанные и неписанные нормы парламентаризма. Соблюдение прав «первого конституционного фактора» не интересовало партийных функционеров, которым та или иная «интрига двора» помогала усилить позиции в скупщине, сформировать правительство, несмотря на отсутствие парламентского большинства, или добиться роспуска скупщины и проведения новых выборов. Одновременно трудно припомнить случаи, чтобы терпевшие поражение в какой-нибудь политической баталии не требовали от Александра вмешательства на их стороне.

Помимо специфики взаимоотношений «первого и второго конституционных факторов», отсутствия контроля представительной власти над исполнительной кризис югославского парламентаризма был предопределен состоянием самого депутатского корпуса. В первую очередь следует отметить, что и в скупщине, и в правительстве, которое в тот период формировалось из депутатов крупнейших парламентских фракций, «посланники народа» демонстрировали более чем скромную работоспособность. Показательным примером служит то обстоятельство, что с 1918 г. по 1929 г. было принято всего

* Демократы были столь же высокого о себе мнения. На том основании, что ДП была составлена из групп, формально представлявших все области и «племена» страны.

пять бюджетов страны (1922/1923, 1924/1925, 1926/1927, 1927/1928, 1928/1929 гг.). Все остальное время государство каждый месяц функционировало на одну двенадцатую от суммы прошлогодних доходов и расходов²⁷. Кроме того, как пишет сербский историк И. Беич, «хотя по закону о государственных финансах бюджетный год должен был совпадать с календарным, и эта норма была отменена только в 1924 г., в период до ее отмены закон не соблюдался. Бюджетные года 1919/1920, 1920/1921 и 1921/1922 начинались 1 июня. 1921/1922 финансовый год примечателен тем, что он продолжался полных 14 месяцев. Последний финансовый год пятилетнего послевоенного цикла начался 1 августа 1922 г. и закончился 30 июня 1923 г.»²⁸

Число всех остальных законов, принятых народными избранниками, также было весьма невелико. В качестве свидетельства приведем два отрывка из относящихся к середине и концу 1920-х годов донесений британского дипломатического представительства в Белграде руководству Foreign Office: «Время тратится на мелкие межпартийные и личные интриги, вместо того чтобы уделить внимание строительству административной системы, которая бы объединила различные части королевства»; «Очевидно в 1925 г. скупщина сделала очень мало. На внутривнутриполитические маневры было потрачено больше времени, чем на общественно полезные дела... бесплодные партийные интриги, которым предаются белградские политики, сделали невозможным проведение каких-либо законодательных или административных реформ... За десять лет в Белграде было образовано двадцать пять кабинетов, и все они занимались мелким политиканством, – главным развлечением на Балканах, – вместо того чтобы решать срочные проблемы государственного обустройства»²⁹.

В количественном выражении «политиканство» выглядело следующим образом: в 1923–1924 гг. народные депутаты вынесли на рассмотрение скупщины всего 26 законодательных предложений³⁰. За тот же период они сумели адресовать правительству 72 так называемых интерпелляции – письменных запроса, позволявших их авторам ставить палки в колеса тому или иному министру и при этом представлять перед публикой радетелями за интересы государства, борцами с коррупцией. В 1925–1927 гг. «интерпелляций» было 153. Плюс 180 «требований предать суду». Законопроектов – 113³¹.

Из-за нерадивости парламента и его представителей в правительстве десять лет спустя после создания Королевства СХС продолжала существовать юридическая раздробленность шести «правовых областей». Как писал местный аналитик, «отсутствие правового единообразия вызывало политические потрясения и служило причиной экономической отсталости»³².

Картина десятилетних бурных политических баталий ставит вопрос о причинах столкновений югославских политиков и о задачах, которые они сами определяли для себя. Очевидно, предметом существенных разногласий не были правовые и социально-экономические проблемы. Внимание к ним ограничивалось стандартными предвыборными обещаниями «заботиться о производящих сословиях». «А так как в нашем государстве самым главным производителем является крестьянин, то наша партия, прежде всего, крестьянская»³³, – под этими словами могли подписаться не только члены Главного комитета Радикальной партии, но и Давидович, и Прибичевич, и, разумеется, Радич.

Ключ к пониманию сути событий 1920-х годов – озвученный Пашичем принцип «народ это мы». Национальные и историко-территориальные вопросы были сферой постоянных интересов крупнейших югославских партий, стремившихся единолично вершить судьбы всей страны и населявших ее народов. В первые послевоенные годы

амбиции радикалов основывались на их представлении о собственной роли в югославянском Рисорджименто: «Народная радикальная партия подготовила почву для осуществления всей народной программы, а когда пришло время она первая подняла знамя освобождения и объединения всего нашего народа»³⁴. Члены НРП считали себя партией не только «сербянцев», но и всего «сербства»*. А представление интересов самого многочисленного и победоносного «племени» давало право на гегемонию не только в довоенной Сербии, но и во всем королевстве. Показателем самооценки радикалов служит их разочарование от «неожиданного поражения» на выборах 1923 г., не принеших им абсолютного большинства в скупщине.

Югославистские фундаменталисты-демократы руководствовались лозунгом: «Один народ – одно государство – одна партия».

Радич видел себя «хозяином» республики Хорватия («авангарда Запада на Балканах») и в качестве такового хотел разрушить Югославию («азиатскую деспотию»).

ОБОСТРЕНИЕ ХОРВАТСКОГО ВОПРОСА В КОРОЛЕВСТВЕ СХС. В 1920-е годы лидеры крупнейших партий не столько считали себя руководителями политических организаций, сколько претендовали на роль единоличных представителей интересов того или иного народа. В этом отношении абсолютное первенство принадлежало С. Радичу. Сравниться с ним не могли ни Н. Пашич, ни король Александр, конкурировавшие друг с другом. Отнюдь не выглядят преувеличением слова Г. В. Чичерина, передающие самооценку Радича: «По его схеме, хорваты – это его партия, а его партия – это, в сущности, он»³⁵.

Данное высказывание относится к июлю 1924 г. и служит ничем иным, как констатацией реального положения вещей – на тот момент ХРКП была единственным политическим представителем хорватского народа. Успех партии выглядит особенно впечатляющим, учитывая, что «до 1918 г. мало кто принимал Степана Радича всерьез. Он был депутатом Сабора, но говорил от имени сословия, по большому счету лишенного права голоса. Только в 1920 г., когда в новом государстве было провозглашено всеобщее право голоса для мужчин... радичевское влияние на массы стало явным»³⁶. Настолько явным, что на югославской политической сцене не осталось места другим партиям, которые бы носили атрибут «хорватский».

*Распределение депутатских мест по выборам*³⁷

ПАРТИЯ	1920	1923	1925
Хорватская народная (республиканская) крестьянская партия	50 мандатов (230590 голосов)	70 (473733)	67 (545466)
Хорватская земледельческая	7	–	–

* После войны руководство радикалов полагало, что все пречанские сербские организации войдут в состав НРП. По мнению Протича, Пашича и др. создание ДП, инициированное королем и С. Прибичевичем, раскололо «сербский фронт».

Хорватское объединение (ХО)	4	–	–
Хорватская партия права (ХПП)	2	–	–
Партия буневцев и шокцев и Хорватская народная партия (ХНП)	13	3	–
Список Трумбич– Дринкович	1	2	–

Залогом успеха Радича стало умелое сочетание националистических и социально-эгалитарных элементов пропаганды, развернутой с конца 1918 г. 25 ноября 1918 г. вместе с ведущими политиками Государства СХС Радич проголосовал за решение о присоединении к Сербии³⁸. Однако в дальнейшем он кардинально разошелся с линией, проводимой руководством Народного Вече СХС. В отличие от тех, кто отправился в Белград и стремился в своем югославизме быть «святей папы римского», Радич заявил о непризнании «народного единства сербов, хорватов и словенцев» и произошедшего 1 декабря 1918 г. объединения.

Глава ХНП в отличие от своих коллег по хорватскому сабору, социальной базой которых были преимущественно городские жители, понимал, что курс на спасение «домовины» ценой объединения с многолетним противником разрушал репутацию его приверженцев в глазах сельского населения. В этом, по словам современников, проявилась радичевская «молниеносная интуиция», способность «лучше всех распознавать психологию широких масс»³⁹, видеть «не только политическую, но и психологическую ситуацию в послевоенной Хорватии». Как писал хорватский публицист Й. Хорват, «Радич увидел, что югославянство... абсолютно чуждо хорватскому крестьянству. Ему также отвратительна и жесткая государственно-правовая политика. Но он знал, что если югославянство не понятно крестьянству, то в его душе вызывают резонанс хорватские националистические лозунги»⁴⁰. Составной частью хорватского националистического мировоззрения была сербофобия, или, по словам «Арбайтер Цайтунг» от 18 июля 1921 г., «стремление католических малоземельных крестьян стать независимыми от безбожных и некультурных сербов»⁴¹. А. Трумбич говорил, что Радич «хорошо разгадал душу хорватского крестьянина, вернувшегося домой после четырехлетних страданий за чужие интересы, полного разочарований, злобы и бешенства оттого, что свою страну обнаружил под сербской оккупацией»⁴².

Пособниками «оккупантов» были объявлены те, кто участвовал в создании Королевства СХС, «не получив соответствующих полномочий от хорватского народа, и продал хорватов»⁴³. То, как должна была выглядеть картина «продажи-предательства», Радич в 1923 г. живописал, передавая слова сербского радикала Любы Йовановича, якобы сказанные лидеру ХРКП в доверительной обстановке: «Мы, сербиянцы, не виноваты перед вами. Мы знали, что в Хорватии живет хорватский народ, который не отрекался от своего имени... Но приехал ваш Трумбич, ваш Дринкович... И они сказали: „Мы, хорваты, хотим быть югославами, хотим быть вашими, а не своими“... Так мы и объединились»⁴⁴.

Следует отметить, что среди хорватских политиков Радич не был единственным, кто апеллировал к социальному протесту и националистическим чувствам беднейших слоев населения. Тем не менее, как справедливо отметил американский историк Д. Рот-

шильд, только лидер ХРКП заслужил в первые месяцы после создания Королевства СХС репутацию «оракула хорватского народа»⁴⁵. От конкурентов – коммунистов, клериков и прогабсбургской Хорватской партии права (франковцев) – Радича выгодно отличали способность и завоеванное право артикулировать весь широкий спектр «гнева и разочарований» толпы.

Коммунисты наряду с распространенными антивоенными и эгалитарными лозунгами проповедовали чуждые хорватской черни идеи руководящей роли пролетариата и интернациональной солидарности трудящихся. В отличие от Радича коммунисты не видели, «что война... несет идею национализма. Радич ее воспринял и, таким образом, укрепил хорватский национализм, который был лучшим щитом от всякого интернационализма»⁴⁶. Д. Иванчевич писал: «Хорватская республика рождается из ненависти к сербам. Поэтому хорватские массы, которые сначала принимают коммунизм, затем стремительно обращаются к Радичу, который гораздо больше, чем коммунисты, соответствует их антигосударственным и антисербским настроениям. Коммунисты, хотя бы, были против сепаратизма, племенных и религиозных разногласий»⁴⁷.

Высшее духовенство и городские «господские» партии, такие как Хорватская партия права (ХПП), с подачи лидера ХРКП рассматривались крестьянами как экспоненты чуждых эксплуататорских интересов. Церковь, как и в России, считалась орудием власти, ответственной за лишения военного времени: военную службу, принудительные работы, реквизиции имущества. «Слава Иисусу и Марии. Долой епископов», «Долой грабителей попов!», – восклицал Радич на партийных митингах. Франковцам, как и их оппонентам из рядов Хорватского объединения, путь в народ был заказан по причине усилившейся во время войны антиурбанистической настроенности села, из которого города виделись одновременно и «носителями сербофильства»⁴⁸, и источниками государственного насилия. По словам Трумбича, Радич старался «навязать Хорватии борьбу между мнимыми господами и крестьянским народом, представляя тех господ как старых графов, баронов и богачей, пьющих народную кровь»⁴⁹. В 1924 г. Радич писал руководителям Крестинтерна: «Крестьянство в течение тысячелетий дает всем и каждому, и за это принимало... только удары и признание или только... сладковатое господское сожаление и протекцию»⁵⁰.

Таким образом, один «крестьянский сын» Радич не скомпрометировал себя ни близостью к светским и духовным властям Австро-Венгрии, ни сотрудничеством с Белградом. Поэтому, как говорил позднее бывший активист ХРКП Б. Пешель, он мог себе позволить следовать принципу: «говори народу, что он хочет услышать, и народ будет тебе доверять»⁵¹.

«Пред народом мы явились, – вспоминал в 1925 г. Радич, – с республиканским „шлягером“, потому что это выглядело чем-то новым... и казалось великим». Бывшим «рабам государства» Радич обещал, ни много ни мало, рай на земле – «нейтральную крестьянскую республику Хорватия», в которой не будет ни ненавистной регулярной армии («разрушает основы морали, хозяйства, культуры и свободы»), ни «капиталистических банков», ни имущественного неравенства («все крупные имения, частные и церковные, упраздняются»), ни торговых ограничений («пошлины в принципе отменяются»), ни ненужных крестьянам университета («ложной высшей школы») и «так называемых средних школ» («вместо них организовываются общеобразовательные народные четырехлетние школы»)⁵².

Разумеется, главным препятствием на пути к хорватской республике была Сербия. Зная силу антисербских настроений у своих сторонников, Радич сознательно шел на

обострение отношений с Белградом, пытаясь спровоцировать его на принятие жестких мер. Подтверждением служат следующие слова члена руководства ХРКП Ивана Пернара: «Мы со спокойствием ожидаем преследований. Они нам только на пользу. Нам запретили агитировать, но это больше и не нужно. Полиция своим насилием будет агитировать от имени правительства за каждого, кого она арестует»⁵³. Таким образом, следование принципу «чем хуже, тем лучше» должно было подтвердить радичевское реноме единственного и непримиримого борца с «оккупантами».

В этом свете следует рассматривать отказ Радича участвовать в работе Конституционного собрания и препятствовать принятию централистской Видовданской конституции, ставшей жупелом для запугивания хорватского крестьянства.

Кроме того, руководству ХНКП принадлежала заслуга организации весной 1919 г. продовольственного «бойкота городов» («всеобщая крестьянская забастовка») и крестьянского восстания в сентябре 1920 г., поводом для которого стала инвентаризация тяглого скота на случай войны с Италией. В 1919 г. началась кампания по саботажу зачисления хорватов на военную службу.

Открытым вызовом всем сербам, и лично принцу-регенту Александру, было состоявшееся 7 декабря 1920 г. переименование ХНКП в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП): «Никогда не будет в Загребе королевского правительства. Республиканский народ не хочет и не может признать королевское правительство».

В 1919 г. и в начале 1920-х годов, в течение которых шел сложный процесс послевоенного урегулирования, Радич прилагал усилия к тому, чтобы Королевство СХС не получило международного признания. Добиться этого он стремился путем так называемой интернационализации «хорватского вопроса». В феврале 1919 г. Радич через «итальянскую военную миссию в Любляне» послал «меморандум мирной конференции», который должен был донести до глав великих держав весть о «протесте хорватских крестьян против сербской оккупации и создания Королевства СХС»⁵⁴. О том же самом шла речь и в датированном мартом 1922 г. «Меморандуме Хорватского блока великой международной конференции в Женеве». Венцом «дипломатической акции» стало европейское турне Радича, предпринятое им с июля 1923 г. по июль 1924 г. по маршруту «Вена – Лондон – Москва». Натолкнувшись на холодный прием в Западной Европе, Радич нашел поддержку в Москве, где не замедлил 1 июля 1924 г. вступить в Крестьянский интернационал.

ЦЕНТРАЛИСТСКАЯ ПОЛИТИКА БЕЛГРАДА. В Белграде в переходный период на обострение хорватского вопроса и, в целом, на ставшую очевидной нелояльность широких масс пречан по отношению к новому государству смотрели как на препятствие осуществлению сербских национальных интересов. В этих условиях сербы пришли к выводу о необходимости осуществления «законодательной организации государства» исключительно своими силами. «С хорватами невозможно договориться, так как они ушли в крайний экстремизм, – утверждал Пашич. Желательно было бы выработать закон для страны при согласии всех трех частей нашей нации..., но большинство хорватов... не хочет такого согласия. Поэтому нужно через них переступить и принимать конституцию без их участия»⁵⁵.

Решение этой задачи привело к идеологическим и организационным трансформациям сербского истеблишмента. В первую очередь изменения коснулись Радикальной партии. Официальная позиция НРП по национальному вопросу была приведена в стро-

гое соответствие с догмами учения о «народном единстве». На смену «компромиссному национальному унитаризму» с оглядкой на «племенные различия» приходил, по крайней мере, формально, унитаризм бескомпромиссный. Направление идеологического развития радикалов зафиксировано в программных документах состоявшейся в декабре 1921 г. партконференции: «Категорически отвергалась сама возможность наличия у сербов, хорватов и словенцев, каких-либо специфических отличительных черт, присущих разным племенам («они не народы» – «не племена» – они «части одного народа»)»⁵⁶.

Подобная позиция стала предпосылкой заключения радикалами союза с Демократической партией и ее покровителем – Александром Карагеоргиевичем. «Я в конце 1920 г., – Л. Маркович вспоминал слова Н. Пашича, – вошел в коалицию с демократами только от нужды, чтобы использовать Демократическую партию в деле, в котором она могла быть полезна. А это было принятие конституции, которое я считал самой важной задачей, стоявшей перед новым государством. Я ее выполнил так, как и хотел, и меня больше ничто не связывает с демократами»⁵⁷.

Вскоре после принятия Видовданской конституции последовал распад «централистско-унитаристского фронта радикалов, демократов, двора и генералитета»⁵⁸. Он выразился не столько в формальном разрыве партнерских отношений (вплоть до конца 1922 г. НРП и ДП совместно работали в правительстве), сколько в отсутствии четкого солидарного курса во всех сферах государственной деятельности. Следует отметить, что после 28 июня 1921 г. большая часть сербских политиков, как и после 1 декабря 1918 г., оптимистично полагала, что наконец-то устранены все препятствия процветанию «трех частей народа». Даже опытный Пашич считал, что принятием конституции «окончательно завершается процесс формирования нового общего государства»⁵⁹. Нельзя сказать, чтобы компаньоны после достижения общей патриотической цели совершенно не представляли себе объем необходимой для внутренней стабильности страны деятельности, но сдерживать взаимную неприязнь ради ее осуществления они уже не собирались. В первую очередь это касается радикалов, вновь обретших поддержку короля, с одной стороны, и «сербиянских» демократов во главе с Л. Давидовичем, с другой.

Последние вернулись к решению своей стратегической с довоенных времен задачи – «сокрушению радикального режима», которое должно было устранить все государственные проблемы: «кризис парламентаризма», коррупцию, хорватский вопрос и т.д. В условиях, когда это намерение не встречало прежней поддержки Александра Карагеоргиевича, Давидович и его сторонники прибегли к уже испробованной во время Женевской конференции тактике – сотрудничеству с пречанами. Как и в ноябре 1918 г., демократы предполагали использовать в своих целях центробежные устремления хорватов и словенцев. В обмен на помощь в борьбе с Пашичем Давидович обещал им поспособствовать в осуществлении преобразований внутреннего устройства страны.

В период с 1921 г. по 1925 г., ознаменованный очередной победой централистов (в Королевстве СХС не осталось крупных партий, не признававших Видовданскую конституцию), усилия демократов остались бесплодными. Одной из причин их неуспеха было нелояльное, пренебрежительное отношение пречан, в первую очередь лидера ХРКП, к нерешительному лидеру «левого крыла Демократической партии». Словенцы, хорваты и мусульмане использовали сотрудничество с демократами не для решения общегосударственных проблем, а для достижения тактических целей – «раскола централистского фронта», давления на двор, на радикалов с целью получения финансовых льгот и т.п. Самого Давидовича обвиняли в пораженчестве. Этим, в частности, объяснялась отстав-

ка его кабинета в октябре 1924 г. Радич говорил: «Давидовичевцы с нами. Они люди хорошие, но трусливые»⁶⁰.

Неуспех главы ДП объясняется не только его психическими свойствами и вероломством союзников, но и тем, что на протяжении всего периода существования Королевства СХС, и до, и после принятия конституции, у него и его товарищей отсутствовали ясные идеологические представления о наиболее важных аспектах жизни страны, в частности о ее должном внутреннем территориальном устройстве и межнациональных отношениях. Позиция демократов из Сербии по этим вопросам почти всегда определялась конъюнктурой их вечной борьбы с радикалами. О четком определении характера и содержания необходимых реформ не было и речи.

В ходе уже не раз упоминавшейся Женевской конференции будущие демократы встали на сторону противников объединения югославянских областей бывшей Австро-Венгрии вокруг Сербии. Л. Маркович вспоминал: «Эта сербская оппозиция в своем желании свергнуть радикальное правительство Пашича не постеснялась использовать разногласия по национальному вопросу между Югославянским комитетом во главе с Трумбичем и сербским правительством и выступить против Пашича, то есть принять точку зрения хорватов. Оппозиция хотела уничтожить Пашича и не выбирала средств для этого»⁶¹.

Решения, принятые в Женеве, остались нереализованными. Впрочем, неуспех не охладил пыла недругов НРП. В январе 1919 г. они создают Югославянскую демократическую лигу*. Среди ее идеологов соратники Л. Давидовича Б. Маркович и М. Грол. В условиях, когда создание Югославии пошло вопреки их планам, «лигеры» уже не выступают с бесперспективных «конфедералистских» позиций. Следование общепринятой теории народного единства делает их «централистами». Принятая в марте 1919 г. программа Лиги гласила: «Наше государство должно быть единым, а не составным. Таким образом, оно не должно быть ни союзом, как Германия, ни объединением, как Америка»⁶².

В переходный период бывшая сербская оппозиция максимально приблизилась к достижению непреходящей цели. Но завоевание преимущества над соперником потребовало неординарной идеологической гибкости. Пришлось подстраиваться под новых попутчиков – С. Прибичевича и его покровителя принца-регента Александра, исповедовавших и практиковавших югославянский унитаризм поистине фундаменталистского толка. Однако интересы страны потребовали консолидации «государствообразующих элементов». В результате почти что из небытия на политический Олимп вернулся Н. Пашич. Такой ход событий не мог удовлетворить давидовичевцев. Демократ И. Рибар писал в воспоминаниях: «В конце концов, Видовданская конституция вступила в силу. Вместо торжества большая часть клуба (фракции Уставотворной скупщины. – А.С.) Демократической партии ощущала поражение»⁶³.

Идеологической основой сотрудничества ДП и пречанских партий была мешанина бессодержательных благих пожеланий, которым при условии их реализации приписывалось универсальное действие. Межнациональные противоречия предполагалось устранить простым переименованием Королевства СХС в Югославию: «Это общее имя, которое выражает наше народное единство, одновременно исключает всякое превосходство одного племени над другим». Данное предложение диссонировало с остальными мерами, которые заключались в явных уступках ХРКП и открыто шли вразрез

* В Лигу входили многие члены Югославянского комитета, в частности А. Трумбич, и депутаты Народного Веча, чьи подписи стояли под Женевской декларацией.

с идеологией национального унитаризма. Среди них: «разгрузка центральных органов власти от дел, которые касаются специфических интересов отдельных районов или областей», «административная деконцентрация, народное самоуправление», «новое разделение страны на области». «В этом вопросе в интересах государства пойти навстречу пожеланиям хорватов»⁶⁴.

Более высокой степени государственной зрелости демократы не продемонстрировали и тогда, когда судьба вознесла их на вершину власти. Кабинет Оппозиционного блока ставил перед собой сколь амбициозные, столь и туманные цели: «создание благоприятной атмосферы, для того чтобы в дальнейшем приступить к достижению согласия по вопросу об ином государственном устройстве»⁶⁵, «достижение беспрекословного исполнения и уважения законов», «искоренение коррупции всеми средствами», «предотвращение с применением драконовских мер деморализации государственной администрации», «окончательную и удачную консолидацию внутренних отношений»⁶⁶. Стоявшие на их пути трудности, «какими бы огромными они ни были», демократы собирались «преодолеть быстро».

При этом едва ли не главным методом государственной политики Давидович считал «пробуждение и усиление братских чувств, которые нас сплачивают», и которые, непременно, должны были обеспечить урегулирование отношений с хорватами, вождь которых, тем временем, уже успел вступить в Москве в Крестинтерн. «В своей братской любви, – обращался Давидович к парламенту, – мы должны довериться друг другу искренно и беспредельно, честно, без задней мысли. Делить нам нечего. Это основа политики нашего нынешнего правительства».

Последнее заявление можно рассматривать и как невольное признание того факта, что кроме душеспасительных призывов у Давидовича не было других рецептов решения общегосударственных проблем. Первым это обстоятельство отметил бывший однопартиец Давидовича Прибичевич, вышедший из ДП в марте 1924 г.: «Каждый прочитавший правительственную декларацию убеждается в том, что в ней отсутствует программа. Пусть мне кто-нибудь скажет, какова программа правительства в области финансовой политики, в области просвещения, транспорта, народного хозяйства? И, наконец, какая программа в области внутренней политики? ...Ни одна сфера государственной жизни не освещена в этой правительственной декларации»⁶⁷.

Показательно, что ни союзники, ни оппоненты не смогли получить от него ответ на вопрос, считает ли Давидович нужной ревизию Видовданской конституции. Хорватский блок упрекал лидера ДП за излишнюю осторожность: «Если господин Давидович намеревается создать в Демократической партии основу для решения хорватского вопроса, он естественно должен был бы встать на позицию ревизии Видовданской конституции». Вместе с тем Прибичевич непрерывно вплоть до отделения обвинял Давидовича в том, что он с середины 1922 г. «вступил на путь соглашательства с чисто племенными и религиозными партиями с целью свержения конституционного строя»⁶⁸.

* * *

Если демократы на политической сцене Королевства СХС в двадцатые годы играли роль ревизионистов, особенно после разделения ДП, то радикалы в союзе с королем Александром рядились в тогу столпов режима, инициаторов и проводников «видовданской политики».

Основным содержанием деятельности радикалов, по словам Н. Пашича, должна была стать «консолидация нашего государства изнутри»⁶⁹. «Мы готовы, – обращался глава НРП к избирателям, – защищать конституцию, проводить в жизнь ее положения... Для этого мы продолжим разработку и принятие законов, предусмотренных самой конституцией... Одновременно будут унифицироваться различные законодательные системы, до сих пор действующие в отдельных частях королевства»⁷⁰. Масштаб стоявшей на повестке дня правовой унификации демонстрирует тот факт, что в декабре 1921 г. правительство Пашича представило скупшине программу своих законодательных инициатив, состоявшую из семнадцати пунктов. А в июне 1923 г. правительственная декларация включала восемнадцать законопроектов⁷¹.

Однако политика «обережения и усиления государства» наталкивалась на многочисленные препятствия. Недаром первым законом, принятым после Видовдана, был Закон о защите государства*. Исполнение многих мер, направленных на внутреннюю интеграцию, задерживалось. Отнюдь не все из десятков законопроектов, о необходимости принятия которых говорили министры-радикалы, выходили из стен парламента. Руководство НРП всю ответственность за пробуксовку реформ возлагало на своих старых «друзей-соперников» – демократов и их лидера Л. Давидовича. В результате 4 декабря 1922 г. Радикально-демократическая коалиция распалась.

Приведем отрывок из письма Н. Пашича королю Александру, в котором глава кабинета просит принять его отставку: «Королевское правительство при принятии Видовданской конституции опиралось на доверие Вашего Величества и, в основном, на доверие и поддержку Радикальной и Демократической партий... Когда Уставотворная скупщина... выполнила свою главную функцию, она была превращена в законодательную скупшину, занявшуюся принятием предусмотренных конституцией законов... Но с некоторого времени, а особенно с момента, когда шеф Демократической партии принял участие в конгрессе оппозиционных партий в Загребе, в работе скупщины начались трудности... Эти явления участились после новых переговоров шефа Демократической партии с оппозиционным блоком и с партиями, которые... солидаризировались с Хорватской крестьянской республиканской партией в борьбе против сегодняшней Видовданской конституции, требуя при этом переустройства нашего государства на федеративной основе... Из-за такой позиции одной части Демократической партии тормозится регулярная работа скупщины, создаются препятствия для принятия безотлагательных законов»⁷².

Наиболее значимой из мер, принятых до распада блока «государствообразующих» партий и направленных на «укрепление централистской системы и унитаризации», было Распоряжение о разделении страны на области, изданное 26 апреля 1922 г. «По мнению создателей конституции, исторические края должны были быть преданы забвению как «очаги сепаратизма». Руководствуясь этими соображениями, политические силы, принявшие конституцию, намеревались образованием новых «самоуправляющихся областей» положить конец дальнейшему усилению «краевой идеологии» и остановить процесс «племенного группирования». В результате административного деления государства должны были быть созданы области, в которых, ввиду их географического местоположения и численности населения, политическое объединение «племен» стало бы невозможным»⁷³.

* Закон о защите государства был принят 1 августа 1921 г. В соответствии с ним запрещалась деятельность Коммунистической партии. 58 депутатских мандатов коммунистов были аннулированы.

Страна была поделена на 33 области. Хорватия и Славония – на три, Далмация – на две, Словения – на две, Босния и Герцеговина – на шесть, Сербия в границах 1924 г. на 15, «Южная Сербия» (Македония) – на три. Большая часть «Старой Сербии» вошла в Косовскую область. Воеводина была разделена на две области. Черногория в границах 1913 г. составила отдельную область.

Кроме того, официальный Белград заявил о своей решимости принимать «строгие полицейские меры против нарушителей государственного единства». Летом 1923 г. Народная скупщина приняла решение о предании суду руководство ХРКП, а в отношении партии был применен Закон о защите государства. Деятельность ее была формально запрещена. Арестовать самого лидера республиканцев удалось только в январе 1925 г. после его возвращения из-за границы. Согласно сообщению главы МВД радикала Божидара Максимовича, лидеру Хорватской республиканской крестьянской партии – «организации в составе Коммунистического интернационала»⁷⁴ – помимо вступления в Крестинтерн инкриминировалось сотрудничество с югославскими коммунистами и македонскими сепаратистами, деятельность по разложению вооруженных сил.

Политика «твердой руки», как ее характеризовал М. Стоядинович, закончилась полным «триумфом» – пресловутой капитуляцией ХРКП, заявление о которой прочитал в парламенте племянник С. Радича Павел Радич. «Он от имени своего шефа и дяди заявил, что признает Видовданскую конституцию, признает государство. А в доказательство своей искренности сообщил о готовности представителей его партии войти в правительство Николы Пашича... Политические преступники из партии Радича были помилованы. Сам он, как это принято в балканских странах, прямо из тюрьмы попал в министерское кресло... Это событие венчало усилия Николы Пашича по созданию прочного государственного объединения»⁷⁵.

Соглашение радикалов и радичевцев, как казалось первым, должно было раз и навсегда устранить сербскохорватские противоречия. Л. Маркович ликовал: «Новая коалиция положила конец всем спорам национального характера. Наступил новый период сербско-хорватской кооперации на основе союза сильнейшей сербской партии и мощнейшей партии Хорватии... Две главные ветви нашей нации, сербская и хорватская, помирились. Это примирение означает, что хорватский вопрос, как национальный вопрос, больше не существует... Внутренняя ситуация в стране никогда не была лучше, чем сейчас, когда она свободна от каких-либо столкновений национального или конституционного характера»⁷⁶.

Создание союза с Радичем знаменует поворот в политике, проводимой радикалами с конца переходного периода в отношении ХКП. Если раньше речь шла о «борьбе государствообразующих элементов с коалицией антигосударственных экстремистов», желающих, – по словам Пашича, – заманить страну в западню, из которой ей не будет спасения»⁷⁷, то с июля 1925 г. прежнее противостояние интерпретировалось как борьба равновеликих представителей хорватов и сербов, защищавших собственные позиции по национальному и конституционному вопросам.

Создание «прочного государственного объединения» в результате сговора двух организованных, по общему признанию, на «племенной основе» партий свидетельствовало о неактуальности ни для одной из сторон идеи народного единства. Напомним, что строгое следование последней исключало формирование союзов партий на племенной основе. До лета 1925 г. радикалы, в конце переходного периода сделавшие выбор в пользу бескомпромиссного национального унитаризма, формально придерживались прибичевичевского

тезиса: «Договоры могут быть между чехами и немцами, между народами, которые имеют разные интересы и хотят их согласовать. А между членами одного народа, между сербами, хорватами и словенцами этого не может быть ни в коем случае. Всякое желание договариваться и подписывать соглашения показывает, что они не один народ»⁷⁸.

Итак, в новых условиях единственным гарантом стабильности государства становилось не приверженность государствообразующих партий принципам, положенным в его основание 1 декабря 1918 г. и законодательно утвержденным 28 июня 1921 г., а надежность «сербскохорватской кооперации», зависевшая от переменчивых предпочтений С. Радича.

* * *

Следует отметить, что готовность к сотрудничеству с хорватскими республиканцами сербское руководство начало проявлять задолго до 1925 г. Не прошло и года после принятия конституции, как «уставотворцы» принялись посылать в Загреб сигналы о своей готовности к взаимовыгодному сотрудничеству. Резолюция конференции НРП от 13 декабря 1921 г. содержала положение о возможности ревизии этого основополагающего документа: «Радикальная партия рассчитывает на практическое применение конституции..., а если при этом обнаружится, что некоторые конституционные положения угрожают специфическим интересам хорватов, то радикалы будут за изменение этих положений»⁷⁹.

Склонность к соглашательству с хорватскими республиканцами и, в целом, с пречанами росла у радикалов по мере того, как политическая практика ставила препятствия реализации официально декларируемой централистско-унитаристской идеологии. В этом плане знаменательными были результаты избирательной кампании марта 1923 г., продемонстрировавшей низкую популярность радикалов в несербских областях. Обратимся еще раз к работе Д. Станковича: «Даже самые большие пессимисты в руководстве Радикальной партии не могли предугадать подобный исход выборов 1923 г., а тем более победу Радича, означавшую оформление антицентрализма»⁸⁰. Разочарование полученными результатами уменьшило готовность радикалов последовательно идти по пути государственного единства. По воспоминаниям М. Стоядиновича, «этот опыт (выборы 1923 г. – А.С.) так повлиял на руководство партии, что в дальнейшем оно решило всю активность посвятить только сербскому электорату, предоставив словенцев словенским партиям, а хорватов хорватским»⁸¹.

Если проведение национально-унитаристской «видовданской политики» не сулило радикалам очевидных выгод, то перспектива сотрудничества с Радичем и до, и после 1923 г. имела большое значение для достижения превосходства над конкурентами на внутрисербской арене. Другими словами, к услугам Радича прибегала не только ДП. Мотивацию НРП в этом направлении исчерпывающе описывает обвинение, адресованное самими радикалами лидеру сербских демократов: «На самом деле господин Давидович не стремился к решению хорватской проблемы. Он хотел сербско-хорватский спор использовать для удовлетворения партийных интересов, для усиления Демократической партии»⁸². Заигрывая с Радичем, с которым они «вот-вот договорятся обо всем», радикалы точно так же оказывали давление на своих партнеров по правительственной коалиции.

После распада коалиции НРП и ДП стремлением радикалов получить преимущество над демократами объяснялось и настоятельное пожелание хорватским республиканцам ни в коем случае не принимать участия в работе белградской скупщины. Они могли бы помешать НРП сформировать правительственное большинство. Расплачиваться приходилось приостановлением реализации конституции*. В частности, тормозилось исполнение пресловутого Распоряжения о разделении страны. Выборы в областные органы самоуправления «задержались» до 1927 г., хотя должны были состояться в 1922 г. В Хорватии переходный период длился вплоть до 1925 г.⁸³ В течение этого времени в мятежном регионе, которого передел должен был бы коснуться в первую очередь, сохранялась старая административная система во главе с наместником, и откладывалось применение многих государственных законов.

* * *

Таким образом, первая половина 1920-х годов была отмечена вовсе не принятием мер в духе «унитаризации», а переговорами с сепаратистами на предмет приостановления громогласно продекларированного «осуществления конституции». Причиной тому – «родовые черты» белградских политиков. Характер их взаимоотношений с пречанами определялся обыкновением использовать любую государственную проблему в качестве инструмента для достижения сиюминутных узкопартийных целей. Перманентно острый хорватский вопрос предоставлял в этом отношении богатые возможности. Сепаратистские наклонности хорватов были весомым аргументом в междоусобной борьбе фракций «централистско-унитаристского фронта радикалов, демократов, двора и генералитета». В этом плане отличие давидовичевцев от НРП состояло в том, что если первые полностью утратили идейную ориентацию, погрязнув в квазидемократическом пустословии, то вторые пытались совместить политику усиления государства с мелкой розничной продажей государственных интересов. В результате, решение тактических задач попросту заслонило общие генеральные цели, красноречиво описанные идеологами-унитаристами.

Белград оказался неготовым к воплощению интеграционной югославистской идеи. Воплощением «племенного мировоззрения» сербской политической элиты можно считать принятый в 1923 г. избирательный закон, согласно которому львиную долю мандатов получали не те партии, чьи избиратели жили по всей стране, а те, электорат которых располагался компактными массами в отдельных избирательных округах. В результате в парламент проходили, помимо триумфаторов (ХРКП, НРП и СНП), черногорские федералисты, немцы и т.д. Без мандатов оставались партии, лишённые племенной ок-

* 13 апреля 1923 г. негласное сотрудничество НРП и ХРКП было оформлено подписанием секретного протокола, согласно которому первая обязывалась прекратить «дробление Хорватии», а вторая способствовать образованию однопартийного правительства Пашича, то есть не появляться в скупщине. Протокол остался неисполненным, так как Пашич, добившись необходимого результата, дезавуировал соглашение с Радичем. ХРКП перешла на сторону Оппозиционного блока, а ее лидер, взбешенный вероломством Пашича, увеличил остроту своей пропаганды. Попад под действие Закона о защите государства, он вынужден был бежать за границу.

раски, – социал-демократы, республиканцы и др. Радикалам сподручнее показалось закрепить за собой репутацию «политического представителя сербского народа» и в этом качестве поделить страну на сферы влияния с такими же «племенными партиями».

Через два года было заключено соглашение радикалов и радичевцев, по которому враг государства № 1 стал министром. Еще через два, после смерти Пашича, новый премьер-радикал Н. Узунович вместе с А. Корошцем оформили покупку лояльности СНП. 10 июля 1927 г. в результате подписания Бледского договора Словения, по словам Л. Марковича, получила «практически настоящую автономию»⁸⁴. «Как приграничной области Словении для ее наиболее благоприятного развития были гарантированы все экономические и социальные льготы», – пишет сербский историк Надежда Йованович. За это СНП обязывалась «признать государственное устройство, основанное на Видовданской конституции»⁸⁵.

Политика «СЕРБСКО-ХОРВАТСКОГО СОГЛАСИЯ» и ее кризис. Мотивы официального Белграда, пошедшего на сотрудничество с хорватскими республиканцами, не вызывают сомнения. В условиях неспособности (или невозможности) проведения централистского и унитаристского курса радикалы и двор стремились с помощью ХКП, признавшей легитимность Королевства СХС и его законов, расширить базу режима. Не столь очевидны резоны Радича, капитуляция которого многим современникам казалась «моральным самоубийством» в глазах его сторонников⁸⁶.

Тем не менее, признание лидером ХКП Видовданской конституции стало наиболее перспективным шагом с точки зрения его личной политической карьеры. Именно радикалы и король, а не сербские ревизионисты и не «заграница», способствовали приближению Радича к поставленной цели, predeterminedенной той ролью, которую он отводил себе и своей партии: «Хорватская республиканская крестьянская партия не просто политическая партия, а всестороннее политическое, хозяйственное и культурное движение всего хорватского народа». Соответственно, «в своем доме хорватский народ должен быть сам себе хозяин»⁸⁷.

Кто должен был быть в Хорватии «хозяином», иллюстрирует получивший широкую огласку случай из периода действия соглашения радикалов и радичевцев. Как описывал британский посол Кеннард в донесении руководству Foreign office, в октябре 1926 г. во время торжественной встречи на загребском вокзале официальной чехословацкой делегации «подвыпивший Радич пробился в первые ряды и прервал приветственные речи встречавших и гостей, вопя, что визит одобрили хорваты, а не югославы. Когда его попросили успокоиться, он ответил: „Кто меня может остановить? Я сам здесь хозяин!“⁸⁸.

В условиях безучастности Запада и относительной стабильности югославского государства пропасть от подпольщика и «агента Коминтерна», до «хозяина Хорватии» Радичу мог помочь преодолеть только союз с реальной силой – королем и радикалами. В Европе даже доброжелатели называли Радича лишь «агитатором», неспособным стать «государственным деятелем»⁸⁹. Р. Сетон-Уотсон восклицал: «Если бы только Хорватия могла пойти за нормальным лидером!». В отличие от англичан, сербов ненормальность Радича не смутила, – они провозгласили его «вождем хорватского народа»⁹⁰.

Кроме того, произошедшая метаморфоза не лишила Радича поддержки масс. До смерти он оставался самым популярным хорватским политиком. В первую очередь, благодаря тому, что, будучи членом правительства и депутатом парламента, он не перестал быть глав-

ным публичным антагонистом белградских властей. Свидетельством служит процитированный выше дипломатический отчет: «Господин Степан Радич безответственный демагог, который нарушает все без исключения обещания лояльно сотрудничать с радикалами. Он беспрестанно создает угрозу положению кабинета, жестоко критикуя зарубежные страны... и своих коллег... Весьма непросто определить, какова его конечная цель, если таковая вообще имеется. Можно было бы предположить, что это распад Королевства. Но все же, несмотря на брань, адресуемую им всем и каждому в Белграде, Радич почти регулярно в публичных выступлениях выказывает преданность королю»⁹¹.

Переместившись из конспиративных квартир и с тюремных нар в министерскую канцелярию, Радич лишь незначительно уменьшил остроту своих выступлений. Пожертвовав республиканизмом, он оставил на вооружении тезис о культурном превосходстве хорватов над сербами: «Сербия отстает в плане современного сегодняшнего знания... Сербский крестьянин не верит в плуг. Он верит в меч и пистолет. Он не уважает плуг и не знает, что плуг сильнее пистолета»⁹². С высоты своего официального статуса председатель ХКП продолжил осуществление прежних великохорватских экспансионистских намерений. В ходе парламентской избирательной кампании сентября 1927 г., как писал орган НРП «Самоуправа», «в своих выступлениях в Боснии г. Степан Радич... вышел из узких рамок партийной идеологии. Вместо того, чтобы говорить с хорватами, он в Сараево в первую очередь обратился к мусульманам... Призвал их определиться как хорватов и вступать в ряды ХКП... Он утверждал, мусульманам в Боснии не добиться равноправия до тех пор, пока они... с хорватами не образуют единый фронт против сербов»⁹³.

Только националистическая и антигосударственная пропаганда позволила Радичу сохранить достаточный запас популярности. Тем не менее, немалой части хорватского крестьянства сложные тактические соображения, по которым Хорватская республиканская крестьянская партия (ХРКП) превратилась в хорватскую крестьянскую партию (ХКП), были непонятны. Результаты областных выборов января 1927 г. выявили сокращение числа сторонников партии: «ХКП вышла из этих выборов во всей Хорватии и Славонии со значительно уменьшенным количеством голосов. Так, например, в загребской области... партия Радича на выборах от 8.II. 1925 г. получила 165906 голосов, на выборах же от 23.I. 1927 г. она получила только 104702 голоса, т.е. на 61204 голоса меньше, или на 36,90 %. Это падение влияния партии Радича наблюдается и в других областях Хорватии и Славонии. В общем же, на выборах от 8.II. 1925 г., несмотря на жесточайший террор, партия Радича получила около 530000 голосов. На этих выборах от 23.I. 1927 г., которые проводились правительством, в котором сидели и министры партии Радича, она получила всего около 300000 голосов, т.е. на около 40 % меньше»⁹⁴.

Немедленной реакцией на тревожный сигнал стал разрыв (уже 28 января 1927 г.) радикало-радичевского сотрудничества, отказ от соглашения от 14 июля 1925 г. и переход ХКП в оппозицию⁹⁵. Действительно, как отмечал современник, «в Хорватии не вожди вели за собой массы, а, наоборот, массы направляли вождей»⁹⁶.

Крестьянско-демократическая коалиция: Пречанский фронт. После выборов 1927 г. новым союзником ХКП стала Самостоятельная демократическая партия С. Прибичевича. В ноябре 1927 г. две партии формируют парламентский блок, названный Крестьянско-демократической коалицией (КДК). Объяснение причин создания столь неожиданного союза, а точнее смены С. Прибичевичем политической ориентации и для

современников, и для историков всегда вызывало затруднение. Часто, как и в случае с радичевской капитуляцией, в расчет принимались особые психические черты лидера хорватских сербов. Показательна характеристика Б. Глигориевича: «Преображение Прибичевича можно объяснить свойствами его личности – политическим нарциссизмом и тщеславием. Того, что он получил, находясь у власти, – сладкого ощущения собственной мощи, постоянного пребывания в центре общественного внимания, – он теперь добивался, став непримиримым оппозиционером»⁹⁷. Будучи небезосновательной, данная характеристика, тем не менее, не в полной мере объясняет мотивы сближения некогда злейших врагов, ставших неразлучными друзьями.

По нашему мнению, ключом к пониманию логики действий главного сепаратиста и главного унитариста-централиста следует считать характер их взаимоотношений с официальным Белградом, для которого суть хорватского вопроса – отторжение хорватами Югославии, противоположное устремлениям проживавших в Хорватии сербов – была персонифицирована в противостоянии Радича и Прибичевича. Последний с первых дней существования Югославии воспринимался сербьянцами, колебавшимися между компромиссным и бескомпромиссным унитаризмом, как незаменимый фактор целостности страны. Как писал в своих мемуарах Слободан Йованович, «Прибичевич после объединения был „героем дня“. Ему в заслугу приписывалось то, что 1 декабря 1918 года хорваты согласились объединиться с сербами»⁹⁸.

При отсутствии у «белградских правителей» четкого представления о целях и методах политики в отношении новоприсоединенных территорий преданности нескольких сот тысяч проживавших в Хорватии сербов было достаточно для того, чтобы в течение длительного времени носить неформальный титул «специалиста по Хорватии». «Великая потребность защищать народное и государственное единство продиктовала образование коалиции радикалов и самостоятельных демократов»⁹⁹, – слова Н. Пашича характеризуют, какой репутацией пользовался Прибичевич в Белграде в первой половине 1920-х годов.

На распределение полномочий в «Национальном блоке» НРП и СДП пролил свет деятель Оппозиционного блока Л. Давидович: «Наше централистское правительство поделило страну на две сферы влияния. В сферу влияния господина премьер-министра вошла южная и северная Сербия, Босния и Герцеговина, Воеводина, Черногория, Срем и часть южной Далмации. В дахилук господина министра просвещения вошла Хорватия, Словения и остальные части нашей страны, мной не упомянутые»¹⁰⁰.

И на посту министра просвещения, и ранее в качестве главы МВД (в кабинетах ДП и коалиции НРП–ДП) Прибичевич усердно защищал «государственное и народное единство» от главного врага – хорватского сепаратизма. Из-за его противодействия хорватский сабор не смог ратифицировать создание Королевства СХС. По свидетельству С. Протича на заседании правительства глава МВД, стуча кулаком по столу, заявил, что, пока он жив, хорватского сабора не будет. В 1922 г. соратником С. Прибичевича – наместником в Хорватии Й. Деметровичем были распущены националистические организации: «Хорватская женщина», «Хорватский сокол», «Общество графини Катарины Зринской». Оппонентам первого министра внутренних дел запрещалось выезжать за границу, неблагонадежная профессура изгонялась из Загребского университета.

Следует отметить, что, устраняя племенные рудименты, бывший лидер Хорватско-сербской коалиции ни в коей мере не являл собой пример надплеменного югославистского мышления. Принцип «клин клином вышибают» был ему гораздо ближе. Проще говоря, национализму хорватскому С. Прибичевич противопоставил национализм

проживавших в Хорватии сербов. Или, как сказал брат Светозара Милан Прибичевич, бороться с «хорватской Ирландией в Югославии» следовало, создавая «сербскую Ирландию в Хорватии». Как писал известный сербский историк Б. Петранович, «по инициативе Милана Прибичевича... в течение 1920 г. в Лике, Бании, Славонии и западной Боснии была создана сеть «крестьянских вече». Их целью была политизация масс сербов, которых нужно было настроить против крестьянского движения Радича»¹⁰¹.

Главным инструментом политики С. Прибичевича стала Организация югославянских националистов (Орюна). Первой ее мишенью стало Хорватское объединение. В марте 1921 г. в Сплите ура-патриоты сожгли тираж газеты, которую пытался издавать Мате Дринкович. В Загребе Орюна предприняла атаки на редакции газет «Обзор», «Хорват», «Утренняя газета». С выходом на политическую арену ХРКП врагом номер один был провозглашен С. Радич. На Прибичевича, как красная тряпка на быка, подействовал Меморандум ХРКП Генуэзской конференции. По словам Б. Глигориевича, «в середине 1922 г. драки, настоящие сражения с применением оружия между членами Орюны и хорватскими националистами в Загребе, Осиеке, Госпиче и в других местах... создавали атмосферу гражданской войны»¹⁰².

На протяжении первой половины 1920-х годов для искоренения крамолы С. Прибичевич несколько раз предлагал послать в Хорватию военную экспедицию: «Радичевская республика не может быть создана до тех пор, пока у этого государства есть пушки и снаряды»¹⁰³. Будучи главой МВД, он неоднократно сажал Радича в тюрьму. При этом арестованный почему-то так и не подвергся ни серьезному следствию, ни суду¹⁰⁴. Это парадоксальное обстоятельство показательно в плане общих результатов деятельности Прибичевича в качестве члена кабинета и одного из лидеров правительственного большинства. Деятельности ХРКП министром внутренних дел не было поставлено ни единой значительной преграды. За границу Радич выезжал, не спрашивая разрешения у полиции. Непродолжительные аресты только прибавили ему популярности.

Сам собой встает вопрос о причинах кардинального расхождения государственнического имиджа С. Прибичевича с мало впечатляющими результатами его правления в Хорватии. По-видимому, политиком двигало понимание того, что его положение напрямую зависит от остроты хорватского вопроса. По словам Б. Глигориевича, «стремящимся удержаться у власти демократам (ставшим в 1924 г. «самостоятельными») на руку была накаленная политическая атмосфера в Хорватии, которую они сами и создавали»¹⁰⁵. При этом министр полиции преследовал основную цель, типичную, в принципе, для всех служб полиции и государственной безопасности, – подтверждение любыми средствами собственной незаменимости и безальтернативности политики «твердой руки».

До 1925 г. Прибичевич успешно выступал в амплу «представителя Хорватии». Появление какого-либо другого «представителя» не ожидалось. Из всего разнообразия хорватских партий, существовавших в первые годы после объединения, на политической арене остался только «агент Коминтерна» С. Радич. К тому, чтобы сделать настроения в непокорной провинции столь экстремистскими, глава СДП приложил максимум усилий. Проиллюстрируем вышесказанное отрывком отчета королевского заместителя Эрнеста Чимича Н. Пашичу о положении в Хорватии после выборов 1923 г.: «Как известно, в Хорватии большинство мандатов получили радичевцы. Причиной тому – четырехлетнее правление демократов, не гнушавшихся насилием и коррупцией. Они ввели дурную администрацию, основали Орюну, которая была настоящим ужасом... Все это

они устроили, руководствуясь своими партийными интересами... Демократы насильственно насаждали югославизм... Все это вызывало ответную реакцию хорватов»¹⁰⁶.

Однако подобная ситуация, которая, вроде бы, была на руку С. Прибичевичу, вызывала все большее раздражение у «белградских правителей». Перманентная «атмосфера гражданской войны», которую, по словам Б. Глигориевича, создавал Прибичевич, была слишком дорогой ценой за его услуги. Кроме того, лидеру сербского национального меньшинства невозможно было бесконечно выступать от имени всей Хорватии.

К 1925 г. двор и радикалы пришли к мысли о том, что Радич, за которым стояли 67 избранных на выборах 1925 г. депутатов, при условии лояльности режиму больше подходит на роль «представителя Хорватии», чем Прибичевич, фракция которого была в три раза меньше.

Время, отделявшее распад Национального блока от создания Крестьянско-демократической коалиции, Прибичевич потратил на поиск своего нового места в политической системе королевства. «Изгнание из рая», воспринятое как предательство со стороны радикалов и короля, тяжело подействовало на главу СДП, но не уменьшило его политиканского запала. По свидетельству Й. Хорвата «Прибичевич и в оппозиции сохранил манеры всесильного министра... В оппозиции, как и у власти, Прибичевич оставался фанатиком и догматиком»¹⁰⁷. Он по-прежнему продолжал играть роль последнего защитника монархии и «югославянства» от двух зол: «крайнего хорватства Радича и великосербства Пашича». В этом качестве Прибичевич заявил о необходимости роспуска всех партий и создания «одной большой партии, которая могла бы сама нести ответственность за дела в государстве», и начать под его чутким руководством «дело народного возрождения». «Одержимый своей миссией Прибичевич преподносил себя единственным политиком, способным спасти народ и государство»¹⁰⁸.

Сколько амбициозной была подобная цель, столь радикальным был отказ Прибичевича от прежней политики, всех своих убеждений и создание вместе с С. Радичем Пречанского фронта против Сербии. Как сопредседатель Крестьянско-демократической коалиции он заговорил о «сербиянской гегемонии», «завоевательных великосербских устремлениях», «солидарности сербов-пречан с хорватством», а после ранения и смерти С. Радича заявил о непризнании Видовданской конституции и решений, принимаемых «белградским парламентом», требовал сохранения «историко-государственных и народно-политических индивидуальностей»¹⁰⁹.

Итак, союз Радича и Прибичевича, неожиданный на первый взгляд, не выглядит таким при более пристальном рассмотрении. С момента образования Королевства СХС политические «антиподы» сознательно дестабилизировали обстановку в стране и таким образом объективно способствовали взаимному усилению. Политический дуэт слаженно играл спектакль по сценарию: «Я убегаю, ты догоняешь». Признание публики было главной наградой исполнителям, подтверждавшим незаменимость друг друга: Радича – в глазах хорватских крестьян, Прибичевича – сербянцев. Однако подобная гармония взаимоотношений была возможна только в первые годы существования Югославии. И Радич, и Прибичевич стремились к тому, чтобы быть монопольными «хозяевами Хорватии». Этот почти официальный статус не просто подразумевал участие в правительстве и контроль над местной администрацией. Быть «хозяином» («специалистом», «представителем») значило иметь возможность перед лицом Сербии, а подчас и всей Европы выступать в качестве фигуры, от которой зависит состояние всего комплекса религиозных, национальных, экономических и прочих проблем, имевших решающее значение

для стабильности Югославии и объединенных термином «хорватский вопрос». От способности им спекулировать, от умения шантажировать Белград зависел политический вес «специалиста по Хорватии».

В 1925 г. Радич оказался удачливее Прибичевича, однако в Белграде задержался не надолго. Настроения избирателей и позиция короля, стремившегося к ослаблению всех партий, вытолкнули лидера ХКП обратно в оппозицию, где уже два года обретался Прибичевич. Распад Национального блока перевел его в разряд маловлиятельных скупщинских деятелей, чей удел безденежье и мелкий торг с властью. Союз с Радичем был для Прибичевича шансом вернуться в число вершителей судеб страны.

Жажда отмщения сербиянцам, необходимость поиска своего места в условиях наступающего краха видовданского парламентаризма и постепенной узурпации Александром Карагеоргиевичем власти в стране объединили «волну и камень, стихи и прозу, лед и пламень». Крестьянско-демократической коалиции предстояло стать единственным безальтернативным «представителем Хорватии» и, следовательно, сделать ее создателей независимыми от капризов и изменчивых предпочтений двора. Пречанским фронтом было сподручнее, чем поодиночке, сохранять контроль над обстановкой внутри Хорватии и иметь возможность оказывать давление на Белград. В отношениях с ним Радич с Прибичевичем следовали принципу «чем хуже, тем лучше». Шантажировать власть, выступая в роли «представителя Хорватии» можно было только тогда, когда степень противоречий Сербии и новоприсоединенных территорий достигала столь высокого уровня, что угрожала существованию государства.

После июня 1928 г. руководство КДК объявило «социальный бойкот» Сербии, который, по замыслу, должен был состоять в прекращении пречанами «всех общественных связей с представителями правящих партий и всеми поддерживающими режим. Бойкот следовало осуществлять на политическом, экономическом и культурном уровнях»¹¹⁰. Добиваясь нового национально-территориального переустройства страны, КДК заявила об отказе от признания Видовданской конституции, «которая была использована для утверждения гегемонии бывшего Королевства Сербия над остальными странами и народами», «не отрехшимися от своей историко-государственной индивидуальности»¹¹¹.

* * *

Позиция Крестьянско-демократической коалиции, заявившей о невозможности выхода из политического кризиса в рамках видовданского парламентаризма, была на руку королю, стремившемуся к неограниченной личной власти. Однако помимо удовлетворения королевского властолюбия введение диктатуры в начале 1929 г. служило еще одной цели – сохранению целостности Югославии.

В конце 1928 г. проникательный западный наблюдатель подводил итоги ее десятилетнего существования: «Центральное правительство скандальным образом оставило без внимания необходимость установления отношений между составными частями королевства. За десять лет это привело к пониманию того, что ничто, кроме коренной ревизии этих отношений, не может спасти страну от распада... Считается, что только король может найти выход из сложившегося тупика... Вся администрация настолько коррумпирована, что мы задаемся вопросом, не пришло ли время еще одного Пилсудского, который бы с ней разобрался... и поставил бы государство на здоровые основания»¹¹². С

автором этих строк – британским послом Кеннардом – трудно не согласиться в оценке деятельности «белградских политиков» и возможных перспектив выхода из сложившегося положения. Именно высшие партийные круги Сербии, внесшие главный вклад в югославянское объединение и настоявшие на собственном видении административно-правового облика новосозданного государства, в первую очередь были ответственными за его плачевное состояние спустя десять лет.

В целом, как показывают современные исследования сербских авторов, «национальный унитаризм и государственный административный централизм» в Королевстве СХС остался пропагандистским орудием в руках противоборствовавших политических группировок: «Видовданская конституция не была осуществлена в государственно-правовой, а тем самым и в политической практике, так как не была подкреплена соответствующими законами... Юридические и правовые системы, унаследованные от предшествующих государственных состояний, в значительной степени продолжали действовать. Поэтому Королевство СХС характеризовал государственно-правовой партикуляризм. Шесть «исторических» правовых зон... существовали и дальше»¹³. «Унификация судебной системы, как и системы местного самоуправления, так и не была осуществлена»¹⁴. «Выравнивание налогообложения», обещанное Пашичем в 1923 г., произошло только в январе 1928 г.¹⁵ До этого налоговое бремя в «пречанских» регионах было тяжелее, чем в Сербии. Главной жертвой этого неравенства была Воеводина. Все вышеперечисленное дает Н. Жутичу основание утверждать, что «государственно-правовой провизорный период» продолжался вовсе не до июня 1921 г., а до 1929 г., когда правовое единообразие было достигнуто узурпировавшим власть королем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Архив Српске академије наука и уметности (далее АСАНУ). Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/8447.

2 *Димић Љ.* Историја српске државности. Нови Сад, 2001. Књ. 3. Србија у Југославији. Пета глава «Дезинтеграција Југословенске државе и идеје о државно-правној посебности Србије». С. 128.

3 *Glgorijević B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919–1920. Beograd, 1979. S. 203.

4 АСАНУ. Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/9438.

5 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 69. Д. 215. Л. 4.

6 АСАНУ. Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/8447.

7 АСАНУ. Бр. 13607. Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. I. С. 81.

8 Там же. С. 105.

9 Велики Радићев збор у Загребу // Политика. 1923 г. 16 април.

10 *Јовановић С.* Уставно право Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1995. С. 369, 386, 113, 398, 196, 202, 322.

11 Устав Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд 28 јуна 1921. // *Petranović B., Zečević M.* Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1987. Prvi tom. 1914–1943. S. 129.

12 Цит. по: *Purivatra A.* Jugoslavenska muslimanska organizacija u političkom životu Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. Sarajevo, 1977. S. 413.

13 Самоуправа. 1924. 24 јануар. Атавизам интриганата.

- 14 Цит. по: *Petranović B., Zečević M.* Op. Cit. S. 217.
- 15 *Продановић Ј.* Изван парламентаризма. // Српски књижевни гласник (Далее – СКГ). Београд, 1926. Књига 18. Број 6. С. 29.
- 16 *Продановић Ј.* Криза нашега парламентаризма // СКГ. 1924. 16 новембар. Књ. 13. Број 6. С. 445.
- 17 *Димић Љ.* Срби и Југославија. Београд, 1998. С. 121.
- 18 Цит. по: *Радојевић М.* Удружена опозиција 1935–1939. Београд, 1994. С. 47.
- 19 Цит. по: *Gligorijević B.* Demokratska stranka i politički odnosi u Kraljevini Srba, Hrvata i Slovenaca. Beograd, 1970. S. 25.
- 20 *Марковић Л.* Одломци из «успомена» (1925–1926) // Никола Пашић у Народној скупштини. Београд, 1998. Књ. 4. С. 350.
- 21 *Stojadinović M.* Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970. S. 234.
- 22 *Pribičević S.* Diktatura kralja Aleksandra. Beograd, 1952. S. 117.
- 23 Архив Југославије (далее АЈ). Ф. 80 (Збирка Јована Јовановића-Пиждона), фасцикла 29 (Привремени пословник за Уставотворну скупштину. Београд, 1920.)
- 24 АСАНУ. Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/8447.
- 25 АСАНУ. Заоставштина Милана Антића. Бр. 14387/9436.
- 26 *Димић Љ.* Историја српске државности... С. 102.
- 27 Зборник Југославије, њених бановина, градова, срезова и општина. Београд, 1931. С. 148.
- 28 *Vesic. I.* Finansijske prilike u Kraljevini SHS 1918–1923. (магистерска дисертација, заштитна на Филозофском факултете Белградског универзитета в 2002 г.). С. 39.
- 29 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Zagreb, 1986. Knj. 1. S. 310, 3156. 499.
- 30 Правителство вносило свои законопроекти отдельно.
- 31 *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke... S. 395, 227.
- 32 *Пасаруков Н.Д.* Изједначење закона // Јубиларни зборник живота и рада Срба, Хрвата и Словенаца 1918–1928. I. Београд, 1928. С. 382.
- 33 Цит. по: *Petranović B., Zečević M.* Op. Cit. S. 217.
- 34 Закључци радикалне земаљске конференције о програму (28 септембар 1920) // *Станковић Б.* Никола Пашић... С. 409.
- 35 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала-середины 1920–х годов. М., 2003. Часть 2 (июнь 1924 г. декабрь 1926 г.). С. 48.
- 36 *Banas I.* Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb, 1995. S. 184.
- 37 *Čulinović F.* Jugoslavija između dva rata. I. Zagreb, 1961. S. 309, 408, 455.
- 38 *Nar. Vijeće* usvaja ujedinjenje sa Srbijom i Crnom Gorom. // *Šišić F.* Op. cit. S. 255.
- 39 Цит. по: *Matković H.* Hrvatska zajednica. Prilog proučavanju političkih stranaka u staroj Jugoslaviji // Istorija XX veka. Zb radova. V. Beograd, 1963. S. 94.
- 40 *Horvat J.* Živjeti u Hrvatskoj 1900–1941 (zapisci iz nepovrata). Zagreb, 1984. S. 143.
- 41 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 33. Д. 580. Л. 48.
- 42 Цит. по. *Казимировић В.* Србија и Југославија 1914–1945. Крагујевац, 1995. Књига друга. С. 501
- 43 Цит. по: *Matković H.* Hrvatska Zajednica... S. 127. Это обвинение было адресовано П. Радичем А. Трумбичу, первому министру иностранных дел Королевства СХС, принимавшему участие в Парижской мирной конференции.
- 44 Велики Радићев збор у Загребу // Политика. 1923 г. 16 април. См. также: *Čulinović F.* Jugoslavija između dva rata. I. Zagreb, 1961. S. 420.
- 45 *Rothschild J.* East Central Europe Between the Two World Wars. Seattle. London, 1974. P. 212.

- 46 *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 143.
- 47 *Иванчевић Д. Г.* Стјепан Радић и његова «Миротворна република» // СКГ. Књ. 10. Бр. 8. С. 604. 16 децембра 1923.
- 48 *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. II. Zagreb, 1990. S. 118.
- 49 Цит. по: *Smith Pavelić A.* Dr. Ante Trumbić. Problemi hrvatsko-srpskih odnosa. Munchen, 1959. S. 293.
- 50 РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 20.
- 51 Цит. по: *Казимировић В.* Србија и Југославија 1914–1945. Крагујевац, 1995. Књига друга. С. 507
- 52 *Državno uređenje ili Ustav Neutralne seljačke republike Hrvatske* // *Radić S.* Op. cit. S. 367–379.
- 53 Цит. по: *Димитријевић М.* Ми и хрвати. Хрватско питање. Споразум са хрватима 1914–1939. Београд, 1939. С. 154.
- 54 *Мижић И.* Стјепан Радић у Кралјевини Срба, Хрвата и Словенаца. Лjubljana, 1987. С. 46.
- 55 Цит. по: *Станковић. Ђ.* Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 96–97.
- 56 Цит. по: Там же. С. 134.
- 57 Цит. по: Там же. С. 77.
- 58 *Petranović B., Zečević M.* Op. Cit. S. 194.
- 59 Цит. по: *Станковић. Ђ.* Никола Пашић... С. 97.
- 60 Цит. по: *Horvat J.* Op. Cit. С. 282.
- 61 *Марковић Л.* Срби и Хрвати. 1914–1944. Београд, 1993. С. 29–30.
- 62 *Jugoslovenska demokratska liga* // *Petranović B., Zečević M.* Op. cit. S. 202.
- 63 *Ribar I.* Iz moje političke suradnje (1901–1963). Zagreb, 1965. S. 226.
- 64 *Rezolucija Kongresa javnih radnika.* Zagreb, 10 septembra 1922 // *Petranović B., Zečević M.* Op. cit. S. 229.
- 65 Цит. по: *Глигорјевић В.* Parlament i političke stranke... S. 171.
- 66 АЈ. Ф. 80 (Збирка Јована Јовановића-Пижона), фасцикла 29 («Декларација Краљевске владе»).
- 67 *Говор Г. Светозара Прибићевића* // Реч. 1924 г. 13 август.
- 68 Цит. по: *Matković H.* Svetozar Pribićević i Samostalna demokratska stranka do Šestojanuarske diktature. Zagreb, 1972. S. 81.
- 69 Никола Пашић у Народној скупштини. Београд, 1998. Књ. 4. С. 281.
- 70 Бирачима // Самоуправа. 1923. 25 фебруара.
- 71 АЈ. Ф. 80 (Збирка Јована Јовановића-Пижона), фасцикла 29.
- 72 АЈ. Ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо, хартије двора), фасцикла 21.
- 73 *Станковић. Ђ.* Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 142.
- 74 Обзнана је ноћас објављена. Политика. 1925 г. 2 јануар.
- 75 *Stojadinović M.* Op. Cit. S. 200.
- 76 *Marković L.* Op. Cit. S. 260–270.
- 77 Изборни проглас Народне радикалне странке од 4 фебруара 1925 // Никола Пашић у Народној скупштини. Београд, 1998. Књ. 4. С. 340.
- 78 Цит. по: *Vanac I.* Nacionalno pitanje u Jugoslaviji. Zagreb, 1995. S. 144.
- 79 Др. Лазар Марковић о значају Резолуције земаљске конференције радикалне странке од 13. децембра 1921. године са становишта односа према хрватима // *Станковић. Ђ.* Никола Пашић... С. 433.
- 80 *Станковић. Ђ.* Никола Пашић... С. 275.
- 81 *Stojadinović M.* Op. Cit. S. 183.

- 82 *Marković L.* Op. Cit. S. 232.
- 83 *Станковић Б.* Никола Пашић и Хрвати. Београд, 1995. С. 78.
- 84 *Marković L.* Op. Cit. S. 320.
- 85 *Јовановић Н.* Политички сукоби у Југославији 1925–1928. Београд, 1974. С. 214.
- 86 *Stojanović Lj.* Још о српском питању. // НЕ. Књ. XII. Вр. 14. С. 415. 11 Novembra 1925.
- 87 *Станковић Б.* Никола Пашић... С. 129, 197.
- 88 *Avramovski Ž.* Op. Cit. S. 391.
- 89 R.W. Seton-Watson and the Yugoslavs. Correspondence. 1906–1941. II. London; Zagreb, 1976. P. 115, 120.
- 90 *Marković L.* Jugoslovenska država i hrvatsko pitanje. Beograd, 1991. S. 273.
- 91 *Avramovski Ž.* Op. cit. S. 387.
- 92 Изборна кампања г. Радића // Политика. 1926 г. 2 фебруар.
- 93 Самоуправа, 3 јануар 1926 г.
- 94 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 69. Д. 220. Л. 15.
- 95 *Јовановић Н.* Политички сукоби у Југославији 1925–1928. Београд, 1974. С. 189.
- 96 *Pavlović K.St.* Vojislav Marinković i njegovo doba (1876–1935). London, 1960. Књига peta. S. 62.
- 97 *Глигоријевић Б.* Стварање пречанског фронта у Хрватској и политичке последице (1927–1941) // Југословенски историјски часопис. 1997. № 1. С. 99.
- 98 Цит. по: *Popović O.* Stojan Protić i ustavno rešenje nacionalnog pitanja u Kraljevini SHS. Beograd, 1988. S. 115.
- 99 АЈ. Ф. 143 (Никола Пашић), фасцикла 1.
- 100 Стенографске белешке Народне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Ванредан сазив за 1925. годину. Од I претходног састанка 7 марта 1925. до III редовног састанка 31 марта 1925. Београд, 1925. С. 99.
- 101 *Petranović B., Zečević M.* Op. cit. S. 122.
- 102 *Gligorijević B.* Demokratska stranka... S. 254.
- 103 Цит. по: *Gligorijević B.* Demokratska stranka... S. 350.
- 104 *Matković H.* Svetozar Pribičević... S. 50.
- 105 *Gligorijević B.* Demokratska stranka... S. 254.
- 106 АЈ. Ф. 143 (Никола Пашић), фасцикла 1.
- 107 *Horvat J.* Živjeti u Hrvatskoj... S. 279.
- 108 *Matković H.* Svetozar Pribičević... S. 189, 192.
- 109 *Pribičević S.* Op. Cit. S. 100.
- 110 *Глигоријевић Б.* Стварање пречанског фронта у Хрватској... С. 98.
- 111 АЈ. Ф. 14 (Министарство унутрашњих послова), фасцикла 21 (Rezolucija članova kluba Seljačko-Demokratske koalicije povodom događaja od 20 juna 1928. u Narodnoj skupštini); См. такође: *Pribičević S.* Diktatura kralja Aleksandra. Beograd, 1952. S. 100.
- 112 Цит. по: *Avramovski Ž.* Op. Cit. S. 499.
- 113 *Žutić N.* Ministarski savet Kraljevine Jugoslavije. Obrazovanje, organizacija i pravni položaj u sistemu vrhovne državne uprave // Istorija 20 veka. I. 1998. S. 29.
- 114 *Zečević M.* Југославија 1918–1992. Јужнословенски државни сан и јава. Београд, 1994. С. 47.
- 115 *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke... S. 254.

ГЛАВА 3

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЮГОСЛАВИИ В 1930-Е ГОДЫ

УСТАНОВЛЕНИЕ РЕЖИМА Личной власти. «В первое воскресенье января 1929 г. рано утром король Александр привел в замешательство свою страну и дал повод европейской печати посвятить заголовки газет прокламации о роспуске парламента и упразднении конституции. В тот же день он доверил формирование правительства внепартийному кабинету, который представлял разные части страны и был подчинен напрямую королю... *Королевский манифест моему дорогому народу* (курсив мой. – А.С.) был опубликован в газете Службене новине...

„Пришел час, когда больше не должно быть никаких посредников между народом и королем... Парламентские институты, которыми как политическим инструментом пользовался мой блаженно почивший отец, остаются и моим идеалом... Но слепые политические страсти настолько злоупотребляли парламентской системой, что она стала препятствием всякой полезной национальной деятельности. Согласие и даже обычные отношения между партиями и отдельными людьми стали совершенно невозможными. Вместо развития и воплощения идеи народного единства парламентские вожди начали провоцировать столкновения и народную разобщенность... Мой святой долг любой ценой сохранить народное единство государства... Этот идеал должен стать самым важным законом не только для меня, но и для каждого человека. Такое обязательство на меня налагает моя ответственность перед народом и историей, моя любовь к родине и святая память о бесчисленных и бесценных жертвах, павших за этот идеал. Прибегать, как и раньше, к парламентской смене правительства или к новым выборам в законодательное собрание значило бы терять драгоценное время в тщетных попытках, отнявших у нас несколько последних лет. Мы должны искать новые методы работы и прокладывать новые пути“.

Чем руководствовался король, так смело взяв инициативу в свои руки? Ситуация, впрямь, должна была казаться критической, иначе он не стал бы так рисковать и брать на себя такую ответственность»¹.

Возможен только утвердительный ответ на вопрос, заданный неизвестным автором статьи «Королевская диктатура в Югославии». Переворот был совершен в условиях государственного кризиса, описанного Александром Карагеоргиевичем в обращении «всем сербам, хорватам и словенцам». Содержание манифеста отражает итог десятилетнего политического развития Королевства СХС, в котором дезинтеграционные устремления представителей хорватских областей одержали верх над непоследовательными усилиями сербского истеблишмента по превращению разрозненных югославянских территорий в единое централизованное государство². Неутешительный результат данного противостояния поставил короля перед дилеммой, описанной им в разговоре с сербским патриархом Гаврилой (Дожичем): «Я мог или отсоединить Хорватию, или уп-

разднить Видовданскую конституцию и ввести режим 6 января... Я стремился положить конец шовинистическим настроениям отдельных областей, которые продолжали, как и ранее, приносить огромный ущерб народному и государственному единству»³.

Опорой Александра Карагеоргиевича в его начинаниях стали кадры, подтвердившие свою лояльность в 1920-е годы. Главой первого кабинета и одновременно министром внутренних дел стал давний фаворит короля генерал Петр Живкович. В правительство вошли «придворные» радикалы и демократы – неформальные агенты двора в крупнейших сербских партиях: Никола Узунович (министр без портфеля), Милан Сршкич (министр юстиции), Урош Круль (министр здравоохранения) Божидар Максимович (министр просвещения), Воислав Маринкович (министр иностранных дел) и др. Важнейшие посты экономического блока были заняты представителями деловых кругов Хорватии. Министр финансов Станко Шврлюга до работы в правительстве возглавлял Загребскую биржу. Министр торговли и промышленности Желимир Мажуранич до государственной службы представлял в качестве адвоката интересы хорватского и иностранного бизнеса. Единственным партийным лидером, востребованным новой властью стал лидер СНП Антон Корошец (министр транспорта).

«Поиск новых методов и путей», продекларированный в манифесте, начался с принятия 6 января 1929 г. ряда законов, направленных на достижение полного государственного единоначалия, а также на устранение непосредственных противников новоявленного автократа – традиционных политических представителей сербов, хорватов и словенцев.

Закон о королевской власти и верховной государственной администрации прекратил действие Видовданской конституции, согласно которой Югославия была парламентской монархией. Теперь король стал «носителем всей власти», ему принадлежало исключительное право принятия законов, назначения чиновников, командования вооруженными силами и т.д.

Закон о муниципалитетах и областном самоуправлении отменял избираемость представительных органов, на смену которым пришли назначаемые управленцы.

В соответствии с Законом о защите общественной безопасности и государственного строя запрещалась деятельность всех партий и объединений, созданных на религиозной или «племенной» основе. В результате в январе 1929 г. одна за другой были запрещены все партии Королевства СХС: Югославская мусульманская организация, Хорватская крестьянская партия, Народная радикальная и Демократическая партии, Земледельческий союз и др. Были распущены даже сербская и хорватская сокольские организации, на смену которым пришел «Сокол Королевства Югославии». Действие принятого закона носило приоритетный характер по отношению ко всем другим правовым нормам, которые становились неактуальными в том случае, если вступали с ним в противоречие⁴.

Изгнание с политической арены пресловутых «посредников между народом и королем» создало необходимые условия для реализации новой властью собственного предназначения, как его описал король Александр 6 января 1929 г. в обращении к кабинету министров: «Ожидаю от вас, что вы в духе народного единства будете оберегать и развивать согласие, равноправие и родство сербов, хорватов и словенцев»⁵. Отвечая на монарший призыв, правительство в первой Декларации перечислило свои приоритетные цели: «1. Реформа администрации; 2. Экономическое обновление и финансовая санация; 3. Достижение полного духовного единства сербов, хорватов и словенцев, требующее унификации законодательства, реформы и сокращения чиновничества, подъема производства... нового административного деления страны»⁶.

Выполнение первой задачи началось с принятия вышеупомянутого закона, регулирующего местную администрацию. Законом об устройстве верховной государственной администрации от 31 апреля 1929 г. количество министерств уменьшилось с шестнадцати до двенадцати.

Новый этап реформ был ознаменован принятием 3 октября 1929 г. Закона о названии и административном делении королевства. Переименование страны было, по словам премьер-министра П. Живковича, вызвано «необходимостью, чтобы официальное название королевства полностью выражало народное и государственное единство. Поэтому в будущем наше королевство будет носить имя Королевство Югославия»⁷. Страна, с 1922 г. разделенная на 33 области, теперь делилась на 9 крупных областей – бановин: Дравская бановина со столицей в Любляне, Савская со столицей в Загребе, Приморская со столицей в Сплите, Врбасская со столицей в Баня-Луке, Дринская с центром в Сараево, Дунавская со столицей в Нови-Саде, Вардарская со столицей в Скопье, Моравская со столицей в Нише, Зетская со столицей в Цетинье. Белград с близлежащими городами Земун и Панчево был выделен в особую административную единицу.

Завершающим этапом государственного переустройства, начало которому было положено 6 января 1929 г., стало «дарование» королем конституции 3 сентября 1931 г. Закон определял югославское государство как «конституционную монархию» с «народным представительством», вместе с королем осуществлявшим законодательную власть. Народное представительство состояло из Сената и Народной скупщины. Половина Сената избиралась, половину назначал монарх, имевший право утвердить или отклонить принятые законы. Главе государства принадлежало право роспуска и созыва представительства, назначения чиновников, ведения внешней политики страны и т.д. 116 ст. конституции давала право королю осуществлять прямое правление посредством указов при наличии внешней или внутренней угрозы безопасности государства. Правительство было напрямую подотчетно королю. Формируемая политическая система принципиально отличалась от прежней Видовданской. В новой конституции отсутствовало понятие «парламентаризм». Старые партии были исключены из политической жизни продублированным запретом на «создание объединений на религиозной или племенной основе»⁸.

Выборы в народное представительство были назначены на 8 ноября 1931 г. В соответствии с новым избирательным законом организации, желавшие принять в них участие, должны были представить список кандидатов, состоявший минимум из 305 человек – по числу избирательных округов королевства. Кроме того, глава списка должен был собрать в свою поддержку 18 000 подписей избирателей – по 60 от каждого избирательного округа, а также 60 000 подписей в поддержку списка – по 200 от каждого округа. Выполнить эти требования было под силу только тем, кто располагал поддержкой административного аппарата. В результате на выборы, в которых по официальной информации приняло участие 67 % избирателей, был выставлен только правительственный список, возглавляемый премьер-министром П. Живковичем⁹.

В декабре 1931 г. депутаты, избранные по правительственному списку, объявили о формировании новой, единственно разрешенной, партии, получившей громоздкое название – Югославянская радикально-крестьянская демократия (ЮРКД).

Приоритетной задачей режима стало формирование общегославского правового пространства. В этом вопросе экспертную поддержку министрам оказывал Верховный законодательный совет, сформированный из 18 ведущих юристов страны. В резуль-

тате, в течение одного только 1929 г. король подписал более 200 новых законов¹⁰. Их принятие было насущной потребностью, а не правовым графоманством и имитацией бурной деятельности. Это подтверждается тем фактом, что только спустя 10 лет после объединения Югославия получила единое уголовно-процессуальное и фискальное законодательство¹¹.

Вообще, представление о необходимости правовой унификации было одним из главных побудительных мотивов узурпации власти Александром Карагеоргиевичем, полагавшим, что отсутствие общих законов разделяет югославян ничуть не меньше, чем «племенные» различия. Поэтому первые месяцы и годы режима личной власти были посвящены решению задач административного строительства, экономической и социальной политики, которыми было недосуг заниматься партиям, участвовавшим в парламентских баталиях предыдущего десятилетия. Судить о том, каким было на рубеже 20–30-х годов XX в. положение вещей в разных областях государственной жизни, можно по стенограммам заседаний совета министров:

16 февраля 1929 г. «Министр транспорта полагает, что... у нас вообще нет экономической политики, так как нет статистики, на основании которой можно было бы производить расчеты и выработать государственный экономический курс».

21 февраля 1929 г. «Министр торговли и промышленности полагает, что ранее его ведомство функционировало бессистемно, без должных принципов и статистики, необходимых для любой работы, а тем более для Министерства торговли и промышленности»;

«Министр строительства... Действительно, за последние десять лет почти все проекты в нашем государстве осуществлялись небрежно, без должной подготовки... О негосударственных дорогах в первые девять лет существования страны... никто не заботился».

12 марта 1929 г. «Министр просвещения... В вопросе школьных учебников царит полный хаос, позволивший разным безответственным людям заниматься для них весьма выгодным, а для школы вредным, издательским бизнесом»;

«Министр здравоохранения... В последние годы административная деятельность моего министерства была полностью дезорганизована... Это можно объяснить отсутствием преемственности в работе. За десять лет сменилось семь помощников министра, а о самих министрах и не говорю».

3 июля 1929 г. «Министр торговли и промышленности говорит, что проблема проведения аграрной реформы столь же стара, как и социальный вопрос... То, что они десять лет спустя до сих пор не решены, служит лучшим доказательством слабости государства»¹².

Нелицеприятность мнения членов правительства Его Величества – людей заинтересованных – о работе их предшественников не удивляет. Однако то, что в конце 1920-х годов представление о плачевном состоянии государственных дел разделялось широкими общественными слоями, а не только первыми министрами нового режима, иллюстрируют относившиеся еще к 1927 г. эмоциональные слова одного из авторов либерально ориентированного Сербского литературного вестника: «Налицо настоящий государственный кризис. Причина его в том, что наши политики не знают, как надо управлять государством. Хотя в конституции написано, что у нас парламентская монархия, парламентаризм им не нужен. Однако, что еще опаснее, неизвестно, чего они хотят... Из-за этого нет стабильности в администрации, из-за этого каждый час правительственные кризисы... из-за этого откладывается решение самых важных государственных проблем, от которых зависит будущее страны... Хочется бережливости и бездефицитного бюджета... Хочется выравнивания законодательства, но скупщина совсем этим не зани-

мается. Хочется упрощения государственной администрации и честного чиновничества, но ничего для этого не делается»¹³.

Объективная потребность в преобразованиях стала причиной того, что поначалу узурпация власти королем не встретила какого-либо серьезного общественного сопротивления. Как пишет современный сербский историк И. Добривоевич, «народ отвернулся от скупщины – этого „уродливого порождения парламентаризма“, – ставшей синонимом хаоса и лености. Какое-то решение напрашивалось. Король разрубил гордиев узел»¹⁴. Ни одна из сербских партий не посмела публично воспротивиться запрету на свою деятельность. Единственной реакцией парламентских вождей на события 6 января стало одобрение, высказанное наследником С. Радича В. Мачеком по поводу упразднения Видовданской конституции, «более семи лет служившей инструментом притеснения хорватского народа»¹⁵.

Сдержанно благожелательно отнеслись к произошедшему и европейские союзники Югославии. Показательно мнение английского посла Кеннарда: «Что впечатляет больше всего, так это масштаб решаемой задачи – объединение Королевства и его превращение в современно устроенное цивилизованное государство... Если диктатуре удастся осуществить программу реформ... она оправдывает свое неконституционное происхождение... В 1929 г. положены основания. Будущие результаты сегодняшней политики будут зависеть от того, как будет применяться новое законодательство... Еще слишком рано, чтобы судить, и не следует быть слишком критично настроенным»¹⁶.

Подобная внутри- и внешнеполитическая реакция на совершенный переворот вселяла в Александра Карагеоргиевича и его окружение чувство уверенности как в популярности совершаемых преобразований, так и их необратимости. «Неудача исключена, если за тобой стоит весь народ»¹⁷, – заявил король в интервью французской газете. В его новогоднем обращении от 31 декабря 1929 г. говорилось о свершившемся «быстром наведении порядка в стране», о «преодолении опасности духовной разобщенности». Декларация правительства от 4 июля 1930 г. объявляла, что «*навсегда* (курсив мой. – А.С.) стерты внутригосударственные исторические границы, препятствовавшие формированию нации» и реализации принципа «один народ – одно национальное чувство»¹⁸. В 1931 г. в очередном интервью французским журналистам Александр говорил, что «*никогда* больше югославскую политику не будут определять религиозные, региональные или центробежные интересы»¹⁹.

В пользу того, что вышеприведенные высказывания отражали подлинное мнение короля, а не только публичный оптимизм властей, свидетельствуют впечатления вынесенные Александром от поездки в Загреб. Бану Врбасской бановины С. Милосавлевичу он доверительно, но твердым голосом сказал, что «во время пребывания в Савской бановине пришел к убеждению, что хорватский вопрос более не существует»²⁰.

Действительно, «авторитарные лидеры, устранившие политических конкурентов... поставившие под контроль средства массовой информации, полагают, что пришли навсегда. Они думают, что находящиеся в их распоряжении средства принуждения достаточны, чтобы обеспечить стабильность власти. Это иллюзия, дорого стоившая многим»²¹.

В случае с режимом личной власти, установленным шестого января, иллюзорность подобных надежд стала очевидной весьма быстро. Совершенные преобразования не смогли устранить общественных, политических и национальных противоречий, предопределивших государственный кризис конца 1920-х годов. Притупленные в результате

насильственно установленного моратория на публичную политическую активность они спустя короткое время стали для режима непреодолимым препятствием.

Кризис режима личной власти. Проявлением кризиса режима можно считать осознание самими его носителями масштаба вставших перед ними трудностей. Приведем реакцию С. Милосавевича на процитированное эйфорическое заявление Александра: «Будучи весьма удивлен сказанным королем, я ответил ему, что очень рад слышать, что в Загребе... хорватский вопрос отсутствует. Однако на территории Врбасской бановины он цветет буйным цветом»²².

Ироничные слова королевского наместника иллюстрируют положение вещей в отдельно взятой провинции. Оценка остроты проблемы в масштабах всей Югославии содержится в относящемся к маю 1932 г. выступлении В. Маринковича, сменившего П. Живковича на посту премьер-министра: «В нашей стране есть одна главная проблема, которая важнее всех остальных... Это вопрос, хотим ли мы народного и государственного единства – унитаризма, – или нам нужна федерация и сепаратизм. Пока нет ответа на этот вопрос, пока в нашей стране есть элементы, с которыми надо считаться, и которые против единства, общество будет разделено... Нужно уже предложить народу честно проголосовать по этому вопросу, а не по девятинасти девяти другим вопросам»²³.

Признанием невозможности достижения главной цели унитаристско-централистского курса стали слова короля Александра, сказанные им патриарху Гавриле накануне роковой поездки в Марсель в октябре 1934 г.: «С проводимой до сих пор политикой следует заканчивать, ибо она завела страну в тупик... Должен вам признаться, что предпринимавшие с 6 января 1929 г. усилия оказались безуспешными... К сожалению, для осуществления моей программы требуется много времени... Наше государство молодо, и предрассудки в нем слишком живучи. Это воспрепятствовало тому, чтобы прогресс наступил так быстро, как нам бы того хотелось»²⁴.

Из множества причин, по которым остались неосуществленными благие намерения Александра Карагеоргиевича можно выделить главные. Общеизвестным является тот факт, что на годы, отведенные диктатуре, пришелся мировой экономический кризис – худший помощник в решении масштабной, говоря словами посла Кеннарда, задачи превращения отсталой страны в «современно устроенное цивилизованное государство». Вот как описывал дипломат воздействие экономических трудностей на политическую обстановку: «В 1931–32 гг. ситуация в Югославии, как и по всему миру, в экономическом, финансовом, а, следовательно, и общественном плане развивалась от плохого к худшему... Экономический кризис стал одной из причин широко распространенного политического недовольства, особенно в Хорватии... Вина за все недуги, от которых страдает Югославия, возлагается на режим короля Александра»²⁵.

Таким образом, экономические проблемы привели к усилению центробежных тенденций, – тех самых «шовинистических настроений отдельных областей», – устранение которых виделось властям предержавшим стратегической целью их деятельности: «Югославию легче себе представить, чем создать на деле. Детские болезни этого народа оказались до неприятности устойчивыми к лечению... В решении главной внутренней проблемы страны не достигнуто сколько-нибудь значительного прогресса: не создана основа для добровольного сосуществования разных частей королевства... В Хорватии и Словении... неприятие белградского централизма выросло, а доверие к персоне короля,

которое без того никогда не было высоким, еще упало»²⁶.

Вышеописанная ситуация свидетельствовала об ошибочности выбора Александром Карагеоргиевичем идеологической основы собственного режима. Еще политическая практика 1920-х годов продемонстрировала, мягко говоря, неполное соответствие теории народного единства, положенной в основание создания Югославии, подлинным национальным чувствам сербов, хорватов и словенцев. Показательна судьба Демократической партии – ровесницы Королевства СХС, самопровозглашенной «партии всех племен, всех религий и всех сословий». Уже в 1924 г. партия распалась на организации, претендовавшие, в лучшем случае, на представительство населения отдельных национально-исторических областей.

Напомним, главный идеолог Демпартии и пророк югославизма Светозар Прибичевич, осознав его недостаточную эффективность для политической мобилизации населения, особенно в пречанских областях, в 1927 г. «перекрасился» из монархиста-централиста в республиканца-(кон)федералиста. Король Александр, поднимая в 1929 г. брошенное его бывшим фаворитом знамя национального унитаризма, для того чтобы заручиться устойчивой поддержкой столь неоднородного населения страны, должен был бы проявлять успешность во всех своих начинаниях. Но, как мы уже видели, объективные условия не позволили проявить диктатуре тех достоинств, которые выгодно бы ее отличали от опостылевшего парламентаризма.

Проявлением роста общественного недовольства властью стала активизация «старых» парламентских партий, пребывавших с момента установления диктатуры в летаргическом состоянии. Первой о себе напомнила Крестьянско-демократическая коалиция, принявшая 5 ноября 1932 г. резолюцию, известную как Загребские пунктации. В вышедшем из-под пера лидеров ХКП документе говорилось о «великосербской гегемонии, достигшей пика при абсолютистском режиме 6 января 1929 г.». Последствием «гегемонии» стало «уничтожение моральных ценностей и материального благосостояния народа ... Хорватии и всех наших земель с этой стороны Дрины, Савы и Дуная». Авторы резолюции требовали «возвращения к 1918 г., к исходной точке», с которой следовало осуществить «новое переустройство государственного объединения... основанного на принципе невозможности притеснения одним народом других»²⁷.

Осуждение авторитарного централистского режима выразили и Словенская народная партия с Югославянской мусульманской организацией. Их «пунктации», принятые в конце 1932 – начале 1933 г., призывали к демократизации и федерализации Югославии, которой следовало состоять из «равноправных историческо-политических единиц». В их числе – Словения и Босния и Герцеговина.

Вслед за пречанами демократы и радикалы предали гласности собственные «письма сторонникам». Л. Давидович и А. Станович настаивали на упразднении диктатуры, реставрации парламентского строя, в рамках которого следовало достичь «согласия сербов, хорватов и словенцев» по поводу нового внутреннего устройства страны. Демократы видели ее состоящей из крупных «самоуправляющихся областей». Основанием для федерализации должно было стать признание того, что у сербов, хорватов и словенцев имелись «индивидуальные культурно-исторические особенности». Радикалы не шли столь далеко и ограничились высказыванием «против централизма, но за унитаризм и самоуправление»²⁸.

Таким образом, экономические трудности, сократившие имевшийся после 6 января ресурс популярности личной власти короля, активное отторжение значительной частью населения навязываемой идеологии привели к ситуации, описанной современным отечественным иссле-

дователем: «Даже когда подобные (авторитарные. – А.С.) политические структуры формируются при общественной поддержке, обусловленной разочарованием общества в некомпетентных и коррумпированных политиках, пришедших к власти на основе демократических процедур, со временем они начинают восприниматься обществом как нелегитимные»²⁹.

Отметим, что лишь косвенным свидетельством вышеописанного кризиса легитимности можно считать выступления оппозиционно настроенных политиков. Его достоверным признаком было поведение самих носителей режима, демонстрировавших неуверенность в собственных силах, сомнения в общественной поддержке проводимого курса. Спустя всего несколько месяцев после переворота – в апреле 1929 г. премьер-министр вынужден был констатировать: «Вера чиновников в стабильность нынешнего правительства стала меньшей по сравнению с первыми днями его правления. Разные интриги и сплетни, запускаемые в народ, имеют целью представить правящий режим как временный. Не только бывшие активные политики, но и чиновники на действительной службе сплетничают, будто скоро радичевцы войдут в правительство, а Маринкович пишет конституцию и так далее. Несомненно, это пагубно влияет на чиновничество, которое больше не проявляет былого рвения»³⁰.

Самим министрам аналогичные претензии П. Живковичу пришлось высказывать от имени короля Александра уже в мае 1929 г.: «Разные слухи ходят о правительстве и его работе... Виноваты и сами члены кабинета. Его Величество обратил внимание, что их связи с господами, сознательно или неосознанно идущими наперекор режиму, вредоносны... Поддерживаются отношения с бывшими политиками... что порождает разговоры о временности режима. Необходимо, чтобы все члены правительства продемонстрировали, что не смотрят ни налево, ни направо, а вместе блюдают верность манифесту Его Величества».

Данное пожелание осталось невыполненным. Почти полтора года спустя – осенью 1930 г. Живкович горько упрекал своих подчиненных: «Моя цель была получить заявления членов правительства, что они больше не состоят в прежних партиях... Кто из вас выступил с таким заявлением?.. Результатов нет, так как все остались при своих партиях, которые до сих пор действуют организованно, только лишь благодаря тому, что ни один министр не сделал ничего для их упразднения»³¹.

Нежелание/неспособность номенклатуры последовательно воплощать догматы официальной идеологии следует добавить в перечень главных причин неудач начинаний Александра Карагеоргиевича. Верным оказался данный в 1929 г. пессимистический прогноз крупнейшего сербского правоведа и историка Слободана Йовановича: «Для такого режима требуется хорошая администрация и отличная бюрократия, чего у нас нет»³².

Нехватка лояльных и идейно стойких государственных служащих, равно как и живучесть «старых» партий, которым хранили верность даже члены кабинета, были проявлением узости социальной базы власти. «Нам приходится рассчитывать на сегодняшнее поколение. Генерацию наших сторонников еще предстоит создать... Тяжелее всего сформировать в народе благоприятное отношение, убедить народ поверить нам и присоединиться к нашему начинанию», – сетовал В. Маринкович. Попыткой вернуть народное доверие стала реставрация формально демократических институтов и создание ЮРКД (ЮНП)*. Последней следовало заменить «посредников между королем и народом» – запрещенные партии, – в былые годы своей вертикальной структурой обеспечивавшие общественную легитимацию

* 20 июля 1933 г. Югославянская радикально-крестьянская демократия (ЮРКД) была переименована в Югославянскую национальную партию (ЮНП).

правлящей элиты. «Надо найти людей, на которых мы сможем опереться, которые будут нести режим, а не наоборот»³³, – описывал сановник суть непростой задачи.

Увы, народное представительство и ЮРКД (ЮНП) не выполнили своего предназначения. Их деятельность привела к деструктивным результатам, противоположным тем, на которые надеялись отцы-основатели. Вместо демонстрации единства депутаты, избранные в народное представительство по единственному правительственному списку, приступили к жесткой «внутривидовой» борьбе. Началось все с того, что далеко не все захотели выполнять план двора и вступать в партию «всех благонамеренных и готовых к сотрудничеству». Первой обособилась группа депутатов из Савской и Приморской бановин, заявившая о бесперспективности попыток создания партийных организаций на территории Хорватии. Непожелавшие вступать в ЮРКД образовали Народный крестьянский клуб. Им противостояли представители правого крыла новосозданной партии – ярые сторонники государственного централизма и национального унитаризма, названные бристольтцами по имени отеля, где происходили их собрания.

Между двумя этими парламентскими полюсами располагались бывшие члены Радикальной партии, возглавляемые Б. Максимовичем, а также сторонники экс-демократа В. Маринковича, слывшего либералом в консервативно настроенном окружении короля Александра. Эти две группы конкурировали как друг с другом, так и с бристольтцами, считавшими выходцев из старых партий рудиментами эпохи племенной раздробленности югославян и потенциальными ревизионистами.

Трудности партийного строительства не стали неожиданностью для двора. Задолго до выборов премьер П. Живкович делился со своими коллегами невеселыми известиями: «Некоторые баны докладывают, что новую югославянскую партию создают люди, не пользующиеся никаким авторитетом на местах»³⁴. Данное обстоятельство, по-видимому, стало причиной того, что партия, решение о создании которой было принято еще осенью 1930 г., не появилась на свет накануне выборов, предполагавших ее политическое крещение. Двор, не веря в электоральный триумф ЮРКД, предпочел выставить на выборы не организацию с сомнительной репутацией, а список кандидатов, отобранных в соответствии с высочайшим критерием – доверием короля Александра. Следует отметить, что ЮНП как парламентская партия не посмела напрямую участвовать и в следующих выборах в скупщину. В 1935 г. новый правительственный, а не партийный, список возглавил тогдашний премьер Боголюб Евтич, выступивший в роли самопровозглашенного хранителя завещания покойного короля Александра, якобы прошептавшего ему перед смертью: «Берегите мою Югославию».

Итак, с первых дней своего существования ЮРКД (ЮНП) служила ретранслятором не верноподданных настроений общества, а социальных и межэтнических противоречий, общественного неприятия официальной идеологии. Сбылось проницательное предостережение скептически относившегося к партийному строительству А. Корошеца, адресованное им в 1930 г. коллегам-министрам: «Не лучше ли оставить все как есть и считать, что все вокруг поддерживают режим. Все равно, никому не дозволено высказываться против. Ведь создавая партию сторонников режима, мы автоматически вычленим его противников. Это может привести к констатации того, что режим находится в меньшинстве»³⁵.

Осенью 1930 г., следуя принципу «вовремя предать, это не предать, а предвидеть», словенский политик предусмотрительно покинул тонущий корабль, подав в отставку с поста министра лесов и недр. «Сегодня можно спокойно констатировать, – объяснял в 1932 г. Корошец в послании Александру свою позицию, – что диктатура терпит пора-

жения на всех фронтах... Настал последний момент, чтобы предложить руководителям старых партий сформировать правительство... Если свобода не будет возвращена народу и государству, то мы перед историей снимаем с себя всякую ответственность и перекладываем ее на Вашу душу»³⁶.

Следует отметить, что необходимость прибегать к услугам старой партийной элиты понималась Александром с первых дней установления режима личной власти. Пытаясь привлечь на свою сторону население отдельных национально-исторических областей и их традиционных политических представителей, король пользовался испытанным методом кнута и пряника. Многозначительные кадровые решения – назначения или отставки в ближайшем королевском окружении, соблазнение постами и даже несуровые репрессии – должны были дать понять оппонентам режима, что тот, стоя на своем, все-таки не стремится сжигать мосты в отношениях с ними.

Примирительным сигналом всем оппозиционным силам стал уход в апреле 1932 г. П. Живковича с поста главы правительства. Солдафона, известного своей непримиримостью в борьбе с «проклятым прошлым», сменил В. Маринкович, демонстрировавший склонность к ревизии диктатуры. Бывший представитель ДП продержался, однако, на своем месте недолго – до июля 1932 г. Очередное «закручивание гаек» осуществляли премьеры-экс-радикалы: Милан Сршкич (до января 1934 г.) и Никола Узунович (до конца октября 1934 г.).

Особое значение король придавал тому, как воспринимались его действия в пречанских регионах. Так после 6 января знаками расположения, демонстрируемого югославам-католикам, стало сохранение чиновниками – членами ХКП их постов в местных районных администрациях, а также включение в состав первого правительства словенца А. Корошеца (единственного из лидеров старых партий) и значительного числа хорватов. «Хорваты получили пять министерств. Значит, эта часть народа не будет чувствовать себя угнетенной или оставленной без внимания», – так оценивал желательные последствия данного шага король в интервью французской газете³⁷.

Поначалу подобные решения не входили в явное противоречие с официальным курсом. Однако с течением времени, по мере того как становилась очевидной бесперспективность/невозможность его реализации, попытки короля заигрывать с формально запрещенными партиями стали все более откровенными, нарушавшими надплеменный принцип «несть ни элина, ни иудея...». Широкий резонанс в 1930 г. получило неожиданное вхождение в состав правительства четырех бывших членов руководства ХКП, служившее с точки зрения официального Белграда свидетельством отказа хорватов от оппозиционности. «Kölnische Zeitung» писала: «Если раньше всегда подчеркивалось, что правительство диктатуры абсолютно неполитическое и не признает принесшие столько вреда политические партии, а только стремится своей добросовестностью привлечь население, то теперь в Белград приглашаются личности с ярко выраженной политической ориентацией... бывшие члены презренной Хорватской крестьянской партии. Более того, им должны уступить свои места далекие от политики специалисты Франгеш и Дринкович. Речь идет о политике в худшем смысле этого слова. Остается подождать и посмотреть, какие плоды она принесет»³⁸.

Главным «плодом» стало осознание современниками непоследовательности власти, ее готовности поступиться основными политическими принципами ради расширения круга сторонников. Подобные проявления слабости режима предопределили характер его отношений с главной оппозиционной силой – Хорватской крестьянской партией, чьей приязни король добивался с 1930 г. и до последних дней жизни. Все попытки Александра Карагеоги-

евича убедить Владимира Мачека перейти на его сторону остались безуспешными. Не помогли даже неоднократные аресты и угрозы длительного заключения – средство, некогда сделавшее покладистым первого председателя ХКП Степана Радича.

Упрямство Мачека, в заключении встретившего известие о марсельском покушении, происходило из понимания того, что чем дольше ХКП отвергает поступавшие из Белграда предложения, тем более выгодными для нее будут результаты неотвратимого кризиса диктатуры и конечное решение хорватского вопроса. Предпочтительность выжидательной позиции объяснял Анте Трумбич, в 1930-е годы занимавший высокое место в партийном руководстве: «Не нужно себя обманывать, будто можно добиться чего-то серьезного (приняв предложения короля. – А.С.). А даже если бы мы добились хотя бы 50 % того, что хотим и на что имеем право, где гарантии, что эти договоренности будут соблюдаться? Ведь физическая сила на той стороне... Из рук не выпускают реальную эффективную власть... А когда под давлением обстоятельств... они будут готовы уступить нам эти 50 %, это будет подтверждением того, что вода подступила к их порогу. И мы сможем взять в свои руки все 100 %»³⁹.

Неуступчивость ХКП Александр пытался нейтрализовать известным с 1920-х годов способом – так называемым окружением Хорватии силами сербов и словенцев. С этой целью незадолго до смерти он прилагал небезуспешные усилия по примирению придворных радикалов во главе с Н. Узуновичем и старой НРП, руководимой Ацей Станоевичем. О готовности находившегося по домашним арестом за строптивость А. Корошеца сотрудничать король узнать не успел. Запланированная правительственная комбинация была реализована уже принцем-регентом Павлом Карагеоргиевичем.

РЕЖИМ РЕГЕНТСТВА. Для современной отечественной историографии политическое развитие Югославии во второй половине 1930-х годов до сих пор в значительной степени *terra incognita* в плане определения причин тех или иных ключевых событий и мотивов действий их участников. Это касается как логики внутренней политики режима регентства, существовавшего в правовых рамках установленных диктатурой, так и механизма обострения хорватского вопроса и его «решения» в результате образования Бановины Хорватия. Заполнение лакуны требует от нас, в первую очередь, восстановления канвы событий 1934–1939 гг.

* * *

После убийства короля Александра Карагеоргиевича 9 октября 1934 г. в Марселе в соответствии с написанным в январе 1934 г. завещанием на период несовершеннолетия престолонаследника был установлен режим регентства. Первым регентом по воле Александра стал его двоюродный брат Павел Карагеоргиевич, вторым – сенатор Раденко Станкович, а третьим – бан Савской бановины Иво Перович.

Начало правления «исполняющего обязанности короля» принца-регента Павла было ознаменовано конфликтом с премьером Н. Узуновичем, сомневающимся в подлинности завещания и полагавшим, что право опеки над малолетним Петром II должно принадлежать правительству⁴⁰. Победа Павла над фаворитом покойного короля – председателем ЮНП – была предопределена поддержкой генерала П. Живковича. В результате в дека-

бре 1934 г. Н. Узуновича сменил глава внешнеполитического ведомства Боголюб Евтич, в состав правительства которого не вошел ни один из руководителей ЮНП.

С новым фактическим главой государства югославская и европейская общественность связывали надежды на смягчение проводившегося курса. Как писал британский посол, «принц Павел, хотя и чистый славянин, благодаря полученному в Оксфорде образованию, проникся европейским духом, приобрел широту взглядов, которая может быть полезна для Югославии... Князь весьма интеллигентный и культурный человек, и намного лучше разбирается в людях, чем Александр... Обоснованность нашего оптимизма подтверждают первые шаги князя по вступлению в должность»⁴¹. К последним следует отнести освобождение из под ареста В. Мачека и А. Корошеца, а также роспуск скупщины и назначение досрочных выборов. Обновленный избирательный закон (от марта 1933 г.) позволил принять в них участие, наряду с правительственным списком Б. Евтича, Объединенной оппозиции в составе ХКП, СДП, ДП, Земледельческой партии (ЗП) и ЮМО⁴². Список коалиции, не имевшей общей программы и объединенной только тактической задачей противостояния режиму, возглавил В. Мачек.

Несмотря на относительную либерализацию политической жизни, парламентские выборы прошли в жесткой борьбе двух соперничавших блоков. Правительство в ходе избирательной кампании, выступавшее с лозунгом: «За Оплеца, или за Янка-Пусту»*, преподнесло себя единственным хранителем идеалов короля Александра, а своих противников – сообщниками его убийц. Такая бескомпромиссная позиция отражала консервативный подход премьер-министра к национально-политической проблематике. Как писал осведомленный современник, «для правительства г. Евтича хорватский вопрос не существовал. Кроме югославов в стране Югославия больше не было никого. Ни сербов, ни хорватов, ни словенцев. Только югославы. Это был догмат всей политики правительства, во всем придерживавшегося заветов короля Александра»⁴³.

На выборах 5 мая 1935 г. за список Б. Евтича было подано 60,64 % голосов, за список Мачека – 37,36 %. Последний вместе с сербскими партнерами по коалиции не признал результатов выборов, обвинив власти в административном давлении на избирателей и фальсификации итогов голосования⁴⁴. Отказаться от участия в работе скупщины Объединенную оппозицию подтолкнуло и то, что в соответствии с избирательным законом победившему списку досталось 303 депутатских места из 370.

Электоральный успех не уберег Б. Евтича от отставки, в которую он был отправлен уже в июне 1935 г. Ее причины называет сербский историк Т. Стойков: «Действия правительства до и после выборов привели к результатам, противоположным общему курсу на умиротворение и поиск общественного согласия, который был провозглашен при его формировании»⁴⁵. Другими словами, риторика и практика шестого января, которых придерживался Б. Евтич, вошли в противоречие с высказанным еще Александром и воспринятым Павлом намерением прийти к компромиссу со старыми «племенными» партиями.

Решение этой задачи было поручено новому премьер-министру – радикалу, министру финансов в кабинетах Николы Пашича, а также личному другу принца Павла Милану Стоядиновичу, который должен был реанимировать проект по созданию коалиции оппозиционных партий, готовых к сотрудничеству с двором – НРП, СНП и ЮМО. 23 июня 1935 г.

* Оплеца – мемориальное место захоронения Карагеоргиевичей, включая Александра. Янка-Пуста – усташский тренировочный лагерь в Венгрии, в котором готовились совершившие покушение террористы.

эти организации сформировали правительство, в которое вошли члены Главного комитета Радикальной партии, глава словенских клерикалов А. Корошек (министр внутренних дел), лидер боснийских мусульман Мехмед Спахо (министр транспорта). Вскоре три организации объявили об объединении и создании новой партии – Югославянского радикального объединения (ЮРО), председателем которого стал глава правительства.

Однако Главный комитет НРП вышел из ЮРО, мотивируя это тем, что М. Стоядинович «в чисто радикальных регионах передал работу по организации ЮРО... депутатам нынешней скупщины, которые не то что не радикалы, а известны как противники НРП... есть и такие, кто стал депутатом только с помощью полиции»⁴⁶. Разрыв Стоядиновича с его бывшими партийными товарищами был вызван нежеланием подчиняться руководству НРП, настаивавшему на очищении государственных органов от всех противников радикалов (бывших членов ДП, сторонников ЮНП и др.), а также на проведении новых выборов, которые бы позволили партии занять подобающее место в скупщине. В результате в Словении, Боснии и Герцеговине опорой ЮРО стали сторонники СНП и ЮМО, а в Сербии – все те, кто предпочел оказаться на стороне правительства, независимо от прежней партийной принадлежности.

Хотя правительственная декларация от 4 июля 1935 г. провозглашала верность конституции 1931 г. и «завещанию короля Александра», деятельность кабинета ЮРО была направлена на ревизию прежнего централистско-унитаристского курса в пользу так называемого реального югославизма. Сутью последнего была сугубо формальная приверженность принципам народного и государственного единства, которые уже не были для руководства ЮРО догмой, определявшей политику партии и побуждавшей к осуществлению репрессий в отношении оппозиции. Не меняя правовых рамок диктатуры, режим стремился снизить остроту общественных противоречий. Как сказал принц Павел В. Мачеку, «он хотел бы как можно быстрее нормализовать обстановку и как можно дольше придерживаться действующей конституции»⁴⁷.

Главным условием «нормализации» было урегулирование отношений с Хорватской крестьянской партией, получившей при новой власти возможность выйти из подполья и, полностью реанимировав партийную структуру, заново претендовать на то, чтобы называться «всенародным хорватским движением». В этом качестве ХКП была привлекательным потенциальным партнером для режима, стремившегося решить болезненный хорватский вопрос путем полюбовного раздела власти между Белградом и Загребом, как это было предложено еще С. Радичу. Иллюстрацией служат воспоминания М. Стоядиновича о визите к В. Мачеку в Хорватию: «Поздравив его с тем, что ему удалось собрать вокруг себя весь хорватский народ, я сказал: „Такая кристаллизация настроений масс в соответствии с национальной принадлежностью будет здоровой основой для решения всех наших внутренних проблем. Мне бы хотелось продолжить тем, с чего начали Пашич и Радич в 1925 г., когда им помешали добиться окончательного сербско-хорватского согласия“»⁴⁸.

Инициатива Стоядиновича была отвергнута, так как воспринималась как обещание все тех же пресловутых 50 % от требуемого. Знак того, что «вода скоро подступит к порогу» Белграда, Мачек видел в том, что в прошлый раз аналогичное предложение он выслушивал в тюрьме, а теперь глава правительства навещает его в загородной резиденции. Неудивительно, что, по словам того же Стоядиновича, «политику умиротворения, которую проводило правительство, хорваты считали не проявлением доброй воли и демократизации, а признаком слабости»⁴⁹.

Отказ ХКП от так называемого малого решения хорватского вопроса (вхождение нескольких членов партии в правительство)⁵⁰ побуждал правительство прибегнуть к испытанному методу – «окружению Хорватии» с помощью СНП и ЮМО. Изоляции ХКП Стоядинович пытался добиться и на внешнеполитическом уровне, стремясь к улучшению отношений с Германией и Италией, которые воспринимались сепаратистами как силы, заинтересованные в дезинтеграции Югославии, а, следовательно, их потенциальные союзники.

Помимо внутривластной стабильности, демонстрируемой союзом трех партий, и прочности позиций режима на внешнеполитической арене, сделать Мачека более сговорчивым должна была и поляризация политических настроений в Хорватии, а именно, активизация крайне левых и крайне правых кругов, ставшая возможной благодаря «политике доброй воли и демократизации». «Ситуация у Мачека не такая уж замечательная. Его позиции подрывают коммунисты и франковцы», – оптимистично докладывал шефу министр социальной политики Драгиша Цветкович⁵¹. Как писал Т. Стойков, «правящие круги считали экстремистские националистические круги оружием, направленным против Мачека. Предполагалось, что активизация экстремистов и националистов, охватывающая и ряды членов ХКП..., подтолкнет Мачека принять предложения правительства заключить соглашение без серьезных изменений внутривластного устройства Югославии»⁵².

«Время и только время решит хорватский вопрос», – говорил британскому послу Стоядинович, полагавший, что угроза утраты статуса вождя всех хорватов должна будет рано или поздно побудить Мачека отказаться от бесперспективной оппозиционности. «Хорваты удовлетворились бы одной формой, которую бы мы совместно в лучшем виде придумали. А содержание могло бы быть и меньше их максимальных требований. Для них форма главнее содержания», – так описывал желаемый результат давления на Мачека Д. Цветкович.

Парламентские выборы 11 декабря 1938 г. показали, что время работало не на М. Стоядиновича. За ЮРО было подано 54,09 % голосов, а за список Мачека (ХКП, СДП, ДП, НРП и ЗП) – 44,9 %, что было на 280 тыс. голосов больше, чем в 1935 г. Результаты выборов, продемонстрировавшие ошибочность тактики правительства в борьбе с оппозицией, предопределили отставку премьер-министра. Решение «хорватского вопроса» принц Павел поручил Д. Цветковичу, который накануне общеевропейской войны должен был придти к компромиссу с хорватами, то есть устранить самую острую внутривластическую проблему, грозившую развалом Югославии.

Сложные переговоры, длившиеся всю первую половину 1939 г., закончились подписанием 26 августа в Загребе соглашения нового главы правительства и председателя ХКП о создании Бановины Хорватия, в состав которой вошли Савская и Приморская бановины, а также некоторые районы Врбасской и Дунайской бановин. Соглашение допускало возможность изменения границ новой административно-территориальной единицы. В компетенцию властей Бановины вошли вопросы правосудия, социальной политики, просвещения, сельского хозяйства, торговли и промышленности, управления лесными угодьями и природными недрами. Исполнительную власть предстояло осуществлять бану, ответственному перед хорватским Сабором и королем, который принимал решение о его назначении и отставке. Отдельно подчеркивалось, что правовые нормы, регулирующие статус Бановины Хорватия, могут в будущем быть распространены на другие области королевства, границы которых могут быть изменены.

После подписания соглашения, была распущена скупщина, а в состав правительства вошли В. Мачек (в качестве вице-премьера) и еще четыре члена ХКП⁵³.

Деятельность Хорватской крестьянской партии в 30-е годы XX в. Политическая жизнь Королевства Югославия в 1930-е годы прошла под знаком противоборства двора и бывших парламентских партий, из которых особого внимания заслуживает Хорватская крестьянская партия (ХКП). Как и все прочие «племенные» организации, она формально находилась под запретом и во время «диктатуры» короля Александра Карагеоргиевича (1929–1934), и после нее. Однако, в отличие от остальных, ХКП сумела не только сохранить, но и увеличить свой политический вес. Так, все крупные сербские оппозиционные партии – Радикальная (НРП), Демократическая (ДП) и Земледельческая (ЗП) – добивались благосклонности ХКП (самой консолидированной и многочисленной организации), способной помочь им вернуться на политический Олимп.

Что касается режима, то на протяжении всего рассматриваемого периода «хорватский вопрос» – неспособность урегулировать отношения с ХКП – был причиной или предлогом большей части его трансформаций: назначений и увольнений членов правительства, отставок кабинетов и т.д.

Итогом 1930-х годов стал подлинный триумф хорватской оппозиции. В августе 1939 г. глава ХКП Владимир (Владко) Мачек и премьер-министр Югославии Драгиша Цветкович, как уже указывалось выше, подписали соглашение, в результате которого была сформирована Бановина Хорватия – по размерам большая, чем современное хорватское государство.

* * *

Исключительность ХКП проявилась еще в начале 1929 г. Новый лидер партии Владимир Мачек оказался единственным югославским политиком, осмелившимся публично прореагировать на произошедшее 6 января: «Гордиев узел разрублен. Видовданская конституция, более семи лет служившая инструментом притеснения хорватского народа, упразднена. Упразднена не только в сознании народа, но и на деле. Я совершенно уверен в зрелости и сплоченности хорватского народа, что, принимая во внимание великую мудрость Его Величества, позволит нам осуществить идеал хорватского народа: хорват станет хозяином в своем доме и в своей свободной Хорватии»⁵⁴.

Столь оптимистическая реакция объяснялась убежденностью руководства ХКП в том, что устранение противоречий между оппозиционным Загребом и официальным Белградом уже невозможно в правовых рамках парламентской демократии. «Четыре избирательные кампании за десять лет не привели ни к какому прогрессу... Как говорил наш покойный председатель, не осталось ничего – ни законов, ни конституции. Только народ и король»⁵⁵, – провозгласил на митинге Мачек.

Однако представления Александра Карагеоргиевича о смысле совершенного им государственного переворота не совпадали с надеждами хорватских лидеров, что предопределило их скорое разочарование в личном режиме. В первую очередь, ХКП не устроил состав первого правительства «диктатуры», в которое вошли представители прежнего парламентского большинства, десять лет препятствовавшие осуществлению «хорватского идеала». Кроме того, ХКП, как и все «этнически окрашенные» организации, стала

объектом направленных на удушение партийной жизни цензурных и полицейских мер. Наиболее жесткими из последних стали репрессии в отношении Мачека, в первый раз арестованного в конце 1929 г. по обвинению в участии в подготовке покушения на хорватских сторонников нового режима⁵⁶.

«Осознание того, что установление королевского абсолютизма вело не к компромиссу с ХКП, а, наоборот, к ужесточению курса национального и государственного унитаризма, обусловило позицию Мачека, сделавшего, – по словам Тодора Стойкова, – выбор в пользу пассивного сопротивления режиму»⁵⁷.

Помимо нежелания навлечь на себя и своих сторонников еще большие преследования, лидера ХКП в отсутствие необходимости занимать более активную позицию в отношении центральной власти убеждала и априорная невозможность для нее добиться поддержки в хорватских землях, а также очевидная бесперспективность диктатуры, грозившая крахом всему государству. «Нет смысла, – говорил в 1932 г. Мачек британскому собеседнику, – убивать богатого дядюшку ради наследства, когда ясно, что он скоро умрет сам по себе... Югославия похожа на человека, болеющего неизлечимой болезнью... Ее смерть освободит Хорватию»⁵⁸.

В условиях нецелесообразности прямого сопротивления режиму ХКП сосредоточила свои усилия на двух направлениях. Во-первых, были продолжены начатые еще покойным С. Радичем усилия по так называемой интернационализации «хорватского вопроса»⁵⁹, для чего в 1929 г. в страны Западной Европы были отправлены эмиссары ХКП Ю. Крневич и А. Кошутич⁶⁰.

Во-вторых, следовало адаптировать к новым условиям партию, изменившую свой облик по сравнению с 1920-ми годами, когда она в большей степени соответствовала своему сословному самоопределению. Десятилетие назад Радич, в первую очередь, решал задачу политической эмансипации хорватского крестьянства от «гнета» церкви, чиновников, «господских партий», обосновавшихся во враждебных селу городах, и т.д. В конце 20-х – начале 30-х годов XX в. перед Мачеком стояла задача консолидации вокруг партийного руководства максимально широкого круга противников режима из пречанских областей. В результате, в 1930-е годы партия превратилась во «всенародное движение», в которое оказались вовлечены самые разнообразные организации: преимущественно сербская Самостоятельная демократическая партия (СДП) и националистические клерикальные хорватские круги, Хорватский рабочий союз и Хорватская крестьянская защита. Помимо этого, в условиях запрета на политическую деятельность, партия стремилась распространить свое влияние на массы через различные религиозные, экономические, культурные, просветительские и физкультурные объединения.

Претензии на представительство широчайшего общественного спектра стали причиной организационной и идеологической «рыхлости» ХКП, что проявилось при подготовке главного программного документа партии в 1930-е годы – так называемых Загребских пунктов. Преданный гласности в ноябре 1932 г. документ представлял собой резолюцию Крестьянско-демократической коалиции (КДК), которую кроме В. Мачека подписали и представители СДП, и М. Будак⁶¹. Документ, для начала воспроизводивший догмат о крестьянстве как главном носителе культурных и моральных ценностей, источнике государственности, делал упор на осуждении «сербиянской гегемонии, с самого начала (т.е. с 1918 г. – А.С.) установленной над Хорватией и всеми... землями, которые лежат по эту сторону Дрины, Савы и Дуная»⁶². Результатом «гегемонии» стало

«уничтожение моральных ценностей, всех прогрессивных учреждений и достижений, материального достояния народа».

Разрушительный процесс, достиг своей кульминации при «абсолютистском режиме 6 января 1929 г.», при котором ко всему вышеперечисленному добавилось еще и упразднение гражданских и политических свобод. «Столь тяжелый опыт» подвел подписавших декларацию к мысли о необходимости возвращения к «1918 году, как к исходной точке», с которой нужно приступить к «новому устройству государственного объединения». Как оно должно было выглядеть, резолюция не уточняла. Немного ясности в этом отношении добавили комментарии к Пунктациям, содержащиеся в интервью Мачека иностранным журналистам: «Мы надеемся, что все сербы из Сербии со своими чиновниками и солдатами уберутся с этой стороны трех рек (Савы, Дрины и Дуная. – А.С.)».

Подобная жесткость позиции лидера ХКП во многом объяснялась необходимостью соответствовать крайним настроениям его разношерстных сторонников. «Не вижу, как, с учетом состояния общественного мнения в Хорватии, доктор Мачек мог бы смягчить свои требования, даже если бы хотел»⁶³, – сочувственно описывал в 1936 г. его положение британский дипломат.

Добавим от себя, что Мачек не мог даже четко сформулировать свое государственно-правовое кредо, дабы не скомпрометировать себя умеренностью в глазах непримиримых врагов Белграда из числа собственных адептов. Ясно было одно: «В своем доме хорватский народ должен быть сам себе хозяин». То, какое «новое устройство государственного объединения» соответствовало бы этому радикальному тезису, союзникам и противникам Мачека приходилось узнавать из заявлений подобного рода: «Я вижу много возможностей, каждая из которых хороша. Какая лучшая, определит ситуация, когда дело дойдет до принятия решений. Исходная точка – федерация с семью членами. Впрочем, вероятен и дуализм... Все это возможности, нет ничего определенного»⁶⁴.

Таким образом, смысл Пунктаций был не в прояснении позиции КДК по вопросу о будущем страны, а в решении тактических задач партии. ХКП стремилась к мобилизации под антисербиянскими знаменами своих сторонников, а также к усилению позиций во взаимоотношениях с главным оппонентом – двором.

Характер этих взаимоотношений определялся универсальным правилом югославской политики, согласно которому, дабы сделать противника сговорчивей, его нужно напугать. Этой испытанной в 1920-е годы тактики придерживались оба контрагента. Как и во времена Радича, международная активность и сепаратистские эскапады на внутриполитической арене должны были продемонстрировать, что ХКП представляет собой силу, которая может себе позволить подобную бескомпромиссность⁶⁵.

Отметим, в выигрыше партийное руководство оставалось даже в том случае, если вместо уступок режим шел на ужесточение репрессий. «Мы со спокойным сердцем ожидаем преследований, которые нам только на руку. Нам запретили агитировать. Но это больше и не нужно. Ибо теперь полиция будет агитировать за каждого, кого арестует»⁶⁶, – слова, произнесенные функционером ХРКП в 1925 г., иллюстрируют логику, которой его однопартийцы руководствовались и семь лет спустя. «Время работает на нас. Нам диктатура не мешает. Пускай люди (члены и сторонники партии. – А.С.) становятся тверже. Пусть будут стальными!..»⁶⁷, – так в 1931 г. Мачек объяснял ДП, НРП и ЗП, почему он не желает участвовать в борьбе за реставрацию парламентаризма.

В свою очередь, и монарх прибегал к испытанным методам. Как и С. Радич, его преемник предложения перейти на сторону диктатуры и занять место в кабинете минист-

ров принимал, находясь за решеткой. «Для начала Мачек должен войти в правительство, а уже потом можно приступить к выработке соглашения (по хорватскому вопросу. – А.С.)»⁶⁸, – такие инструкции для переговоров получали эмиссары короля перед визитами в тюрьму.

В январе 1933 г. Мачек был повторно арестован и предан суду по обвинению в сепаратистских намерениях, обнаруженных как в вышеописанной партийной резолюции, так и в комментариях к ней. Оказавшись в заключении, Мачек уменьшил остроту своей риторики, заявив на суде, что Пунктации не представляли собой публичную декларацию, а предназначались для внутреннего пользования. Кроме того, в неформальных контактах с двором Мачек дал понять королю Александру, что является сторонником решения хорватского вопроса в границах Королевства Югославия.

Будучи приговоренным к трем годам строгого режима, лидер хорватской оппозиции, тем не менее, не соблазнился монаршими предложениями, передав посреднику между ним и королем Ивану Шубашичу, что не повторит «главной ошибки Радича – не станет вести политических переговоров, находясь в заключении». Отметим, что помимо способности учиться на чужом опыте, выбор Мачека в пользу принципиальной и непреклонной линии поведения был в равной степени обусловлен представлением о приближающемся кризисе правящего режима, до которого было так далеко десять лет назад. Поэтому, как справедливо отметил А. Трумбич, в условиях непреодолимых трудностей, с которыми столкнулась диктатура, «хорватский вопрос приобрел не просто важное, а приоритетное значение». В этой ситуации, – продолжал функционер ХКП, – «любой компромисс означал бы услугу режиму. Нашей тактикой должно быть не отступление, а требование решения главного вопроса. Принять от власти какие-то маловажные уступки и согласиться войти в правительство значило бы подорвать нашу сильную позицию»⁶⁹.

Мачек не был более стоворчивым и в контактах с сербскими оппозиционерами, предлагавшими совместно бороться за восстановление парламентаризма, которое они считали необходимой предпосылкой решения вопроса внутреннего устройства королевства. В частности, была отвергнута инициатива публикации совместного заявления о бойкоте выборов, проводимых режимом в 1931 г. на основе так называемой Октроированной конституции⁷⁰. Мотивы подобной непреклонности поясняет процитированное выше интервью, в котором Мачек помимо прочего заявил, что «ни в каком виде не может пойти на соглашение ни с бывшими, ни с теперешними сербскими правителями. Не важно, радикалы это, демократы, оппозиционеры, или представители режима. Я всех их отвергаю»⁷¹.

Сменить гнев на милость Мачек соглашался при выполнении белградскими политиками нескольких условий. Одним из них было достижение согласия трех крупнейших партий, которые, только объединившись, могли удостоиться чести быть стороной в переговорах с хорватским «народным движением». Главным же требованием, адресованным Мачеком НРП, ДП и ЗП, было безоговорочное принятие положений Загребских пунктов, особенно тех, что касались «возвращения» к 1918 г. и необходимости передела страны. Его желательным результатом Мачеку и соратникам в июне 1934 г. виделось объединение в одну территориальную единицу Хорватии, Славонии и Далмации, значительной части Воеводины, а также, возможно, Боснии и Герцеговины, принадлежность которой должен был бы определить плебисцит⁷². Полномочия воображаемой Хорватии должны были соответствовать идеальному принципу: «чем меньше общих дел с центром, тем лучше».

Бескомпромиссность Мачека привела к тому, что с середины 1933 г. вплоть до убийства короля Александра в Марселе в октябре 1934 г. контакты между сербиейской оппозицией и КДК не поддерживались.

* * *

Во второй половине 1930-х годов тактика ХКП претерпела изменения. Причиной этого стало ознаменованное смертью Александра Карагеоргиевича ослабление режима, стабильность которого поддерживалась только авторитетом короля-объединителя. Несмотря на то, что период регентства, основой которого оставались правовые нормы «диктатуры», длился даже дольше ее самой, новый фактический глава государства – князь-регент Павел Карагеоргиевич – был не в состоянии обеспечивать практическое применение принятых в 1929–1934 гг. законов. Из арсенала власти исчезли репрессии, ранее служившие средством давления на оппозицию и поддержания правопорядка в западных регионах страны⁷³.

К легальной деятельности вернулись все запрещенные шесть лет назад сербские и пречанские «племенные» партии. С последними приходилось делиться властными полномочиями в обмен на лояльность и поддержку регентства в его противостоянии с оппозицией внутри Сербии. Возвращалась практика, когда участие Югославянской мусульманской организации (ЮМО) и Словенской народной партии (СНП) в правительстве означало подконтрольность им административного аппарата в Боснии и Словении. Единственным отличием от 1920-х годов было формальное членство обеих организаций в «надплеменном» Югославянском радикальном объединении (ЮРО), служившее знаком признания ими государственной идеологии национального унитаризма.

Двору удачным решением «хорватского вопроса» виделось достижение аналогичного соглашения с Мачеком, которому князь явил свою милость сразу по обретении властных полномочий. Одним из первых шагов регентства стала амнистия главы ХКП, выпущенного на свободу в декабре 1934 г. В ответ Мачек в письме выразил благодарность за освобождение, а также надежду на то, что «этот акт доброй воли станет первым шагом в решении хорватского вопроса в границах нашего общего государства».

Желательное ему «решение» Мачек описал князю Павлу и Милану Стоядиновичу в ходе нескольких аудиенций и неформальных встреч, состоявшихся в 1935–1936 гг. По словам главы ХКП, следовало «немедленно распустить существующую скупщину и образовать правительство чиновников для ведения административных дел. Новый избирательный закон должен был обеспечить свободные выборы в Конституционное собрание, задачей которого стала бы ревизия конституции»⁷⁴ и определение нового децентрализованного устройства страны. В обновленном государстве общими для Хорватии и прочих (кон)федеративных единиц были бы министерства финансов, обороны и иностранных дел.

Предложение Мачека было отвергнуто князем-регентом, рассчитывавшим, что, поделившись властью на местах и несколькими портфелями в центральном правительстве, можно будет, по его выражению, «нормализовать ситуацию и, как можно дольше сохранять действующую конституцию»⁷⁵.

Бескомпромиссность позиции Мачека объяснялась его представлением о том, что в условиях слабости власти он не рискует снова подвергнуться репрессиям. Ибо, по при-

знанию самого князя Павла, «если монарху можно править по-диктаторски, то для регентства это неосуществимо и губительно».

Не имея возможности принудить ХКП к лояльности, режим сам подвергся давлению с ее стороны. При этом партией использовались как легальные средства, – например, участие в муниципальных выборах 1936 г., на которых ХКП сопутствовал успех, – так и «насильственные», осуществлявшиеся военизированной Хорватской крестьянской защитой, предназначение которой, по словам Мачека, состояло в «противодействии злодеяниям жандармов и отмене произвола»⁷⁶. В результате, успешное применение обоих методов привело к отчуждению полномочий официальных административных и полицейских структур в Хорватии (Савской и Приморской бановинах) в пользу руководства ХКП, игравшего роль политической надстройки над подконтрольными местными административными органами и партийной милицией.

Представление о результатах подобной деятельности хорватской оппозиции дают свидетельства сербских политиков. В 1937 г. авторитетный член ЮРО Милан Йованович Стоимирович записал в дневнике: «Партия Мачека держит в своих руках администрацию Загреба и всю бановину (Савскую – А.С.)⁷⁷». В следующем году премьер М. Стоядинович публично констатировал неподконтрольность Хорватии центральным властям, неосторожно заявив на партийном митинге: «Мачек не позволяет 1 декабря вывешивать государственные флаги в Загребе»⁷⁸.

Откровенно факт существования хорватского «государства в государстве» признал бывший глава правительства короля Александра Карагеоргиевича М. Сршкич: «Поздно говорить о решении хорватского вопроса. Некоторым образом он уже решен самими хорватами. Они живут собственной жизнью, не платят налогов, организуют собственную помощь пассивным областям, воспитывают детей в соответствии с хорватской концепцией. Живут, демонстрируя все специфические хорватские черты... Делают и говорят, что хотят, провоцируя органы безопасности, которые совершенно не в состоянии выполнять свои обязанности»⁷⁹.

Возвращаясь к взаимоотношениям ХКП с двором, отметим, что партия, наряду с вышеописанной новой тактикой, прибегала к инструментарию, испытанному еще в 1920-е годы. Во-первых, активизация международной активности ХКП по-прежнему грозила Белграду гипотетической возможностью удовлетворения хорватских требований вне границ югославского государства*. Во-вторых, сотрудничество с сербскими оппозиционерами, как и при Радиче, демонстрировало двору, что и без него в Сербии есть силы, готовые пойти навстречу хорватам.

В 1925 г. вступление ХРКП в так называемый Блок народного согласия и крестьянской демократии (вместе с ДП, СНП и ЮМО) должно было подтолкнуть Александра Карагеоргиевича к мысли о том, что Радича лучше видеть союзником, чем противником.

В мае 1935 г. и декабре 1938 г. при формировании избирательной коалиции (в первом случае – с ДП и ЗП, а во втором – с ДП, ЗП и НРП) Мачек руководствовался различными соображениями. С одной стороны, в силу действовавшего законодательства, только составление общего списка кандидатов давало оппозиционным партиям возможность фигурировать в избирательном бюллетене. Сугубо технологический подход ХКП к сотрудничеству

* В 1938 г. широкий резонанс вызвали контакты Мачека с министром иностранных дел Италии графом Галеаццо Чиано, в ходе которых глава ХКП выдвинула идею персональной унии независимой Хорватии с итальянской короной.

с радикалами, демократами и земледельцами, сформировавшими Объединенную оппозицию (ОО), проявился в том обстоятельстве, что ни в 1935, ни в 1938 г. партнеры по коалиции не издали совместной предвыборной программы или манифеста.

С другой, что важнее всего, с момента создания Югославии выборы, для партии всегда триумфальные, преподносились как проведение плебисцита о доверии избирателей Хорватии ее руководству. Именно получение права именоваться «Хорватским народным представительством» служило смыслом участия ХКП в выборах 1920, 1923, 1935 и 1938 гг., после которых она объявляла о бойкоте белградской скупщины.

Именно такая народная легитимация послужила решающим преимуществом в отношениях с двором и ОО, которые ослабляли друг друга, оспаривая право говорить от имени Сербии. При этом бывшие парламентские партии утверждали, что втроем они отражают интересы сербских избирателей, а князю-регенту не оставалось ничего другого, как апеллировать к авторитету «народной династии» Карагеоргиевичей. Обе противоборствующие стороны были заинтересованы в союзе с Мачеком, который послужил бы подтверждением обоснованности их притязаний.

Объединенная оппозиция за право выступить дуэтом с подлинным представителем Хорватии расплатилась признанием всех главных тезисов Загребских пунктов. В межпартийном соглашении от 8 октября 1937 г. подписанном главами ОО и КДК, шла речь о недействительности конституций 1921 и 1931 гг. для хорватского и сербского народов, что означало отказ ДП, ЗП и НРП от принципов национального унитаризма и государственного централизма. Кроме того, в тексте описывалась процедура изменения Основного закона и внутреннего устройства королевства «в интересах сербов, хорватов и словенцев».

Однако, к разочарованию ОО, союзничество с Мачеком не означало, что именно ее он считает равноправным партнером, которому стоит хранить верность. Даже объединившись, три сербские партии не могли гарантировать выполнение требований ХКП. «Идеально было бы, если бы обо всем договорились хорватское и сербское крестьянские движения. Однако такое движение среди сербов не пользуется достаточным авторитетом. Хорваты должны договариваться с единственной реальной силой, т.е. с носителем силы военной», – делал свой выбор вождь хорватов⁸⁰.

Сговорчивость князя Павла росла по мере того, как, с одной стороны, уменьшался его кредит общественного доверия в Сербии и, с другой, усугублялась международная ситуация, требовавшая внутренней консолидации королевства любой ценой. Вскоре после декабрьских выборов 1938 г. князь-регент дал Мачеку знать, что готов к решению хорватского вопроса по сокращенной процедуре. Ее результатом стало подписание в августе 1939 г. соглашения с премьер-министром Д. Цветковичем, позволившее Мачеку добиться одновременно и децентрализации государства, и установления собственного решающего влияния на политику центральной власти.

* * *

Несмотря на успешность ХКП, современники не считали Мачека блестящим политиком. Даже сторонники и нейтральные наблюдатели, не говоря об оппонентах, корили его за безыдейность, безынициативность, упущенные возможности, нехватку широты взглядов и т.п.

Например, главный протагонист хорватов в Белграде – лидер левого крыла Земледельческой партии Драголюб Йованович – отмечал «медитативную природу» Мачека.

Такой эвфемизм использовался для описания инертности, во второй половине 1930-х годов долго не позволявшей вождю хорватов придти к согласию с сербскими оппозиционерами, с которыми у него не осталось принципиальных разногласий. «В отличие от С. Радича... Мачек не был человеком, способным принять быстрое решение... Он не ощущал ни сил, ни авторитета взяться за непростое дело достижения сербско-хорватского согласия»⁸¹.

С противоположного политического фланга в адрес Мачека раздавались схожие упреки. «Ни у одного хорватского политика не было столько силы в руках, таких благоприятных международных условий, такого безграничного доверия всего народа, как у д-ра Мачека. Но в то же время никому другому не удалось так трагически разбазарить этот огромный капитал», – сокрушался Миле Будак⁸².

Что касается противников, то в их воспоминаниях глава ХКП предстает человеком с узким кругозором и простецкими манерами. «Я много времени провел в разговорах с Мачеком. И мне потребовалось немало терпения, чтобы дождаться конца визита... Какая на самом деле международная ситуация, он понятия не имел», – приводит М. Стоядинович впечатления Павла Карагеоргиевича⁸³.

В пользу обоснованности невысокого мнения, которое сложилось у принца-регента и его многолетнего премьер-министра, свидетельствуют впечатления от общения с Мачеком, отраженные в отчетах двух дипломатов – британского и чехословацкого. В первом, датированном 1936 г., Р. Кэмпбелл упрекал Мачека, в том, что он «опять не удосужился ясно пояснить, какие цели он преследует... Что он называет Хорватией, так и нельзя точно определить»⁸⁴. «Он никудышный идеолог, его внутривнутриполитическая концепция не ясна и не до конца продумана им самим. Его размышления не глубоки. По-видимому, во внешнеполитических делах он задумывался немного. Представления о внешней политике... граничат с наивностью»⁸⁵, – вторил В. Гирса*.

Впрочем, справедливости ради отметим, что наш герой имел ясное представление о собственной ограниченности. По его словам, только покойный «Радич мог менять политику партии, так как он создал все. Он, Мачек, будет только лишь продолжать идти тем путем, который определил Радич»⁸⁶.

Под статью председателю были и прочие функционеры ХКП, один из которых самокритично констатировал: «Вокруг Мачека нет сильных личностей... Как последователи Радича, выделяются несколько весьма бледных адвокатов... Народ с Мачеком, но где интеллектуалы, специалисты? Где команда на случай прихода к власти?»⁸⁷.

* Что касается внутренних социально-экономических проблем, то для их решения у вождя хорватов были оригинальные аграристские рецепты. Так, в 1932 г. в условиях нехватки золотого запаса для обеспечения динара Мачек в статье «Задачи новой власти» предложил использовать для этой цели кукурузу – «нашу главную национальную пищу». Не менее «актуальными» выглядели озвученные в 1936–1937 гг. призывы к защите «хорватской крестьянской культуры» от главных врагов – высшего образования и фабричного производства: «Для народа польза от высших школ малая, если не сказать – никакая... Где здесь мораль, если студент требует, чтобы его родной брат стоял перед ним как африканский негр перед английским лордом или французским банкиром»; «Когда интересуешься культурой другого народа, то платишь за нее кровавым потом... Возьмешь граммофон, а он стбит, как корова. Да и зачем он, когда можно самому запеть». (Цит. по: *Јовановић Д.* Указ. соч. II. С. 231; III. С. 185; IV. С. 120)

Подобные признания свидетельствуют в пользу достоверности характеристик В. Мачека, оставленных его современниками. Кроме того, невольное единодушие представителей столь широкого политического спектра, безусловно, говорит об их непредвзятости и, следовательно, правоте.

За счет чего же наследникам Радича удалось достичь результата, столь диссонировавшего с их скромными способностями? Ответ на этот вопрос можно обнаружить и в вышеприведенных самокритичных словах. Именно соблюдение преемственности тактики и стратегии партии компенсировало недостатки, выявленные строгими критиками. Кроме того, проследив следование заветам основоположника в обозначенный период, нам удалось установить полезную способность В. Мачека не повторять допущенных в предыдущее десятилетие ошибок, что в совокупности позволило ХКП стать главным фактором государственного развития Югославии в 30-е годы XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Архив Југославије (далее АЈ). Ф. 335 (Војислав Јовановић-Марамбо), хартије двора, фасцикла 18, «Краљевска диктатура у Југославији».

2 Главным политическим проявлением вышеуказанного кризиса стал бойкот парламента и представленных в нем партий со стороны Крестьянско-демократической коалиции: «В работе Народной скупщины, в которой в борьбе за равноправие пролилась кровь наших товарищей, фракция КДК участвовать не будет... С теперешним правительством КДК прекращает все отношения». (АЈ. Ф. 335, фасцикла 21. (Одлука Клуба Сельачко-Демократске коалиције).

3 Мемоари патријарха Српског Гаврила. Београд, 1990. С. 57.

4 *Dobrovojević I. Državna represija u doba diktature Kralja Aleksandra 1929–1935. Beograd, 2006. S. 101.*

5 Записници са седница Министарског савета Краљевине Југославије 1929–1931. Београд, 2002. С. 6.

6 Там же. С. 7.

7 Записници са седница Министарског савета... С. 100.

8 Записници са седница Министарског савета... С. XLIII – XLIV.

9 *Stojkov T. Opozicija u vreme šestojanuarske diktature. Beograd, 1969. S. 115.*

10 Записници са седница Министарског савета... С. 353–365.

11 Были приняты Уголовный кодекс (*Dobrovojević I. Op. cit. S. 101.*) и Закон о полиции, а также Закон об изменениях и дополнениях Закона о прямых налогах от февраля 1928 г. (Записници са седница Министарског савета... С. 357.)

12 Записници са седница Министарског савета... С. 17, 18, 23, 25, 37, 47, 78.

13 *Аранђеловић Д. Наша политичка криза // СКГ. Књ. 22. Број 6. С. 449–450. 16 новембар 1927.*

14 *Dobrovojević I. Op. cit. S. 52.*

15 Цит. по: *Boban Lj. Маћек i politika Hrvatske Seljačke Stranke 1928–1941. I. Zagreb, 1974. S. 44.*

16 *Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Zagreb, 1986. Knj. 1. P. 590–591.*

17 Цит. по: *Dobrovojević I. Op. cit. S. 45.*

18 Записници са седница Министарског савета... С. 129, 193.

19 *Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Knj. 2. Zagreb, 1986. S. 38.*

- 20 АСАНУ. Бр. 13607. Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. II. С. 71.
- 21 *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 59.
- 22 АСАНУ. Бр. 13607. Светислав Т. Милосављевић. Из мемоара. II. С. 71.
- 23 Цит. по: *Stojkov T.* Opozicija... С. 140.
- 24 Мемоари патријарха Српског Гаврила. Београд, 1990. С. 77.
- 25 *Avramovski Ž.* Op. cit. Књ. 2. С. 79.
- 26 *Avramovski Ž.* Op. cit. Књ. 2. С. 145.
- 27 *Stojkov T.* Opozicija u vreme šestojanuarske diktature... С. 211–212.
- 28 Ibid. С. 231.
- 29 *Гайдар Е.Т.* Указ. соч. С. 68.
- 30 Записници са седница Министарског савета... С. 63.
- 31 Записници са седница Министарског савета... С. 68, 206, 208.
- 32 Цит. по: *Поповић Н.А.* Слободан Јовановић и југословенска држава. Београд, 2003. С. 195.
- 33 Записници са седница Министарског савета... С. 200–202.
- 34 Записници са седница Министарског савета... С. 206.
- 35 Записници са седница Министарског савета... С. LXI.
- 36 Цит. по: *Stojkov T.* Opozicija u vreme šestojanuarske diktature... С. 191.
- 37 Цит. по: *Dobrivojević I.* Op. cit. С. 48.
- 38 Цит. по: *Boban Lj.* Маћек и политика Хрватске Seljačke Stranke... I. С. 51.
- 39 Цит. по: *Stojkov T.* Opozicija u vreme šestojanuarske diktature... С. 195.
- 40 *Stojadinović M.* Op. cit. С. 284.
- 41 *Avramovski Ž.* Op. cit. Књ. 2. С. 229–321.
- 42 Радикалы и партия Корошца воздержались от участия в выборах.
- 43 Цит. по: *Boban Lj.* Маћек и политика Хрватске Seljačke Stranke... I. С. 184.
- 44 Того же мнения о прошедших выборах придерживался и британский посол в Белграде (см.: *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Zagreb, 1986. Књ. 2. С. 346).
- 45 *Stojkov T.* Opozicija u vreme šestojanuarske diktature... С. 13.
- 46 АЈ. Ф. 80, фасцикла 31–261.
- 47 Цит. по: *Boban Lj.* Маћек и политика Хрватске Seljačke Stranke... I. С. 175.
- 48 *Stojadinović M.* Op. cit. С. 467.
- 49 Ibid. С. 342.
- 50 *Димић Љ.* Историја српске државности. Нови Сад, 2001. Књ. 3. Србија у Југославији. С. 160.
- 51 Цит. по: *Stojkov T.* Opozicija u vreme šestojanuarske diktature... С. 204.
- 52 *Stojkov T.* Opozicija u vreme šestojanuarske diktature... С. 189.
- 53 *Димић Љ.* Историја српске државности. Књ. 3... С. 191.
- 54 Цит. по: *Boban Lj.* Маћек и политика Хрватске Seljačke Stranke 1928–1941. I. Zagreb, 1974. С. 44.
- 55 Цит. по: *Boban Lj.* Op. cit. I. С. 31–32.
- 56 Суд оправдал главу ХКП.
- 57 *Stojkov T.* Opozicija u vreme šestojanuarske diktature. Beograd, 1969. С. 94.
- 58 Цит. по: *Stojkov T.* Op. cit. С. 209.
- 59 *Силкин А.А.* Степан Радич и интернационализация хорватского вопроса (1918–1925) // Восточная Европа после Версаля. СПб., 2007.
- 60 Крневич пытался воздействовать на мнение политических элит Франции и Англии, Кошутич – Италии.

61 Миле Будак – деятель «франковской» Хорватской партии права, в 1941 г. ставший одним из лидеров Усташеского режима в так называемом Независимом государстве Хорватия (НДХ). Один из организаторов геноцида сербов в НДХ. В 1930-е годы Будак – «попутчик» ХКП.

62 Цит. по: *Stojkov T.* Op. cit. S. 211.

63 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Zagreb, 1986. Knj. 2. S. 471.

64 Цит. по: *Јовановић Д.* Политичке успомене. III. Београд, 1997. С. 181.

65 Действуя таким образом, Радич добился от Александра Карагеоргиевича и Николы Пашича признания статуса «вождя хорватского народа». Особое впечатление на сербов произвело путешествие Радича в Москву и вступление его партии в Крестинтерн.

66 Цит. по: *Димитријевић М.* Ми и Хрвати. Хрватско питање 1914–1939. Споразум са Хрватима. Београд, 1939. С. 154.

67 Цит. по: *Stojkov T.* Op. cit. S. 119.

68 Цит. по: *Voban Lj.* Op. cit. I. S. 127.

69 Цит. по: *Voban Lj.* Op. cit. I. S. 114.

70 В ответ на предложение НРП, ДП и ЗП Мачек выдвинул заведомо нереализуемое в условиях авторитарного полицейского режима контрпредложение выдвинуть на выборах совместный оппозиционный список.

71 Цит. по: *Stojkov T.* Op. cit. S. 217.

72 *Voban Lj.* Op. cit. I. S. 127.

73 См. подробнее: *Силкин А.А.* Внутриполитические предпосылки заключения Соглашения Цветкович-Мачек и формирования Бановины Хорватия (1934–1939 гг.) // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX века). СПб., 2009.

74 Цит. По: *Voban Lj.* Op. cit. I. S. 175.

75 Цит. по: *Voban Lj.* Op. cit. I. S. 175.

76 Цит. по: *Voban, Lj.* Op. cit. I. S. 314.

77 *Јовановић Стоимировић М.* Дневник. 1936–1941. Нови Сад, 2000. С. 98.

78 Архив Југославије. Ф. 37, Фасцикла 2. Л. 439.

79 Там же, фасцикла 48. Л. 143–145.

80 Цит. по: *Јовановић Д.* Указ.соч. II. С. 181.

81 *Јовановић Д.* Указ. соч. IV. С. 185.

82 Цит. по: *Јовановић Д.* Указ. соч. V. С. 184.

83 *Stojadinović M.* Ni rat ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Rijeka, 1970. S. 466.

84 *Avramovski Ž.* Op. cit. S. 471.

85 Цит. по: *Voban Lj.* Op. cit. I. S. 316.

86 *Јовановић Д.* Указ. соч. II. С. 181.

87 Цит. по: *Јовановић Д.* Указ. соч. III. С. 261.

ГЛАВА 4

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ СЦЕНА

ЮГОСЛАВИИ НА РУБЕЖЕ 1930–1940-х ГОДОВ

Основные тенденции и противоречия. С началом 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны вопросы отношения к ней, к обеим воюющим сторонам, к политике наиболее крупных держав, к позиции соседних государств и, конечно, прежде всего к положению самой Югославии, к ее безопасности, к внешнеполитическому курсу привлекли, естественно, огромное внимание в югославском обществе, в первую очередь в его наиболее образованных и политически активных слоях. Но еще большее и куда более обостренное общественное внимание сосредоточилось на проблемах внутривнутриполитического устройства и перспектив реорганизации югославского государства в связи с произошедшим в конце августа 1939 г. подписанием соглашения Цветковича – Мачека и образованием бановины Хорватия.

Первые полтора с небольшим года войны, в течение которых еще продолжала существовать Югославия, явились как раз временем реализации соглашения Цветковича – Мачека, практических мер по организации механизма автономии, предусмотренной этим соглашением для бановины Хорватия. 9 сентября 1939 г. по предложению бана Ивана Шубашича и под воздействием Владко Мачека, занявшего пост вице-премьера Югославии, регентство приняло постановление об устройстве власти в бановине. Постановление определяло структуру и полномочия органов автономной хорватской администрации, порядок назначения на должности в ней, решало вопросы, касавшие ее функционирования, в том числе в связи с включением в бановину Хорватия территорий, находившихся до того в составе разных бановин. За этим последовал ряд конкретных постановлений как самой бановинской власти, так и югославского правительства относительно образования различных учреждений бановины, их взаимодействия и разграничения полномочий с общегосударственными структурами, о мерах в разных областях управления бановиной, в ее экономической, социальной, культурной жизни, здравоохранении, юстиции и т.д.¹

Происходили многочисленные кадровые назначения. Возглавлявшееся Мачеком руководство Хорватской крестьянской партии (ХКП), в руки которого, по сути, перешла основная власть в бановине Хорватия, стремилось, елико возможно, поставить везде своих людей. Здесь играли роль не только политические устремления ХКП, и в частности ее верхушки. Сказывалась и принятая во всей Югославии в период между двумя мировыми войнами обычная практика, когда та или иная политическая либо выступавшая в качестве таковой группировка, получив власть на общегосударственном, ведомственном или местном уровне, раздавала затем в подчиненном ей аппарате не только соответствующие репрезентативные посты, но и просто чиновничьи места и даже должности довольно мелких служащих своим активистам и сторонникам. Расставляя свои кадры, ХКП лишь частично допускала в аппарат власти бановины некоторое чис-

ло выдвиженцев от своего младшего партнера по Крестьянско-демократической коалиции – Независимой демократической партии (НДП), которая представляла в коалиции интересы сербского населения бановины².

В целом у Павла и Цветковича с Мачеком, у югославского правительства с администрацией хорватского бана установились на практике отношения более или менее приемлемого взаимодействия и партнерства. В процессе реального функционирования автономии возникали и противоречия либо некоторые сложные вопросы, например, касавшиеся финансовых взаимоотношений между администрацией бановины Хорватия и центральными белградскими властями³. Но это, как правило, тем либо иным образом регулировалось. Характерен пример особенно острой ситуации, сложившейся к середине сентября 1939 г. в связи с проводившейся тогда в Югославии мобилизацией. Распространявшиеся слухи, будто мобилизованных пошлют воевать в Польшу и Францию, и реквизиция у крестьян тяглогового скота, проводившаяся военным командованием без нужной компенсации, вызвали среди хорватского населения бановины заметный всплеск антимобилизационных выступлений. Руководство ХКП, лично Мачек, старавшиеся прекратить эти выступления, поставили перед министром армии и флота Недичем вопрос о необходимости компенсации за реквизицию. И хотя вначале министр был против, в итоге он согласился⁴. Ни в исследованных до сих пор источниках, ни в историографии нет данных о сколько-нибудь серьезных конфликтах между верхами бановины и ХКП, с одной стороны, и центральными властями – с другой.

Однако с точки зрения того, как в первые полтора года войны соглашение Цветковича – Мачека и создание хорватской автономии повлияли на положение Югославии в целом, общий результат был очень противоречив.

С образованием автономии Хорватия в преобладающей мере перестала быть таким опасным фактором крайне враждебного противостояния правящему режиму – а тем самым и реально функционировавшему югославскому государству, – каким она являлась на протяжении большей части периода между двумя мировыми войнами. ХКП как организованная национально-политическая сила, за которой шло подавляющее большинство хорватов, на деле превратилась из противника в одну из важных опор существовавшей государственной власти. Ведущие деятели ХКП вошли в югославскую правящую верхушку, поддерживая проводимую под руководством Павла Карагеоргиевича политику и участвуя в ней. Эти результаты имели для Югославии стабилизирующее и консолидирующее значение, особенно важное в тогдашних условиях войны в Европе и постоянной угрозы стране извне, причем прежде всего от Италии с ее претензиями как раз на Хорватию.

Правда, в ответ на соглашение Цветковича – Мачека, которое носители хорватского национального радикализма расценили как предательство со стороны Мачека и руководства ХКП, последовал всплеск усташских усилий по дискредитации соглашения, инициированию противостояния ему, по дестабилизации обстановки в Хорватии и расширению собственного влияния. В течение 1939–1940 гг. усташскими активистами, примерно две сотни которых различными путями возвратились в Югославию из итальянской эмиграции главным образом в последний год правления Милана Стоядиновича, и их сторонниками, жившими в стране, была предпринята кампания по пропаганде своих идей и обличению не только, как прежде, «белградского режима», но теперь уже в не меньшей степени и Мачека с его сподвижниками. Кампания велась путем распространения листовок, через некоторые легальные издания, организацию культурных и

историко-мемориальных мероприятий. Это дополнялось отдельными террористическими актами в Загребе – демонстративными взрывами в общественных местах, а позже и в местах проживания Мачека, некоторых других руководящих деятелей ХКП.

В отличие от предшествующего периода, когда борьба с экстремистским сепаратизмом велась «белградским режимом», на сей раз такая задача стала уделом самой ХКП и находившегося в ее руках аппарата управления автономной бановины. Властям бановины, которые вначале старались воздерживаться от репрессий в отношении радикальных националистов и даже пытались некоторых из них, прежде всего из числа известных интеллигентов, перетянуть с позиции экстремизма на позицию сотрудничества с ХКП и банской администрацией, в итоге пришлось, особенно после террористических актов, прибегнуть не только к жесткому пропагандистскому контраступлению, но и к прямым мерам преследования и подавления: арестам, запрещению печатных изданий, закрытию легальных организаций, служивших крышей усташам⁵.

Вместе с тем как самим созданием бановины Хорватия, так и обозначением перспективы общего переустройства Югославии в федеративное государство, состоящее из автономий на основе этнического принципа, соглашение Цветковича – Мачека явилось ключом, открывшим своеобразный «ящик Пандоры». Ибо, с одной стороны, оно резко актуализировало, а вследствие этого сильно обострило в югославской общественно-политической жизни присутствовавшее в ней и без того постоянно противоречие между сторонниками централистской и федералистской ориентаций. А с другой стороны, стремительно разожгло и так никогда не потухавшие до конца страсти по поводу этнической принадлежности тех или иных территорий, особенно многих регионов со смешанным по национальному или этноконфессиональному составу населением. Одно и другое переплелось в неразрывный клубок в той ожесточенной публичной полемике, которая развернулась в югославских средствах массовой информации, в выступлениях политиков и общественных деятелей вокруг заключенного соглашения и проблем, кававшихся его реализации.

Наиболее резкой критике соглашение Цветковича – Мачека подверглось со стороны значительного круга сербских общественно-политических сил. Из действовавших партий там оказались весьма разные по своей политической физиономии и идейной ориентации. С одной стороны, среди них были такие прежние столпы Объединенной оппозиции, как Демократическая и Народная радикальная партии, хотя отдельные деятели радикалов заняли позицию в пользу соглашения, а Лазар Маркович даже вошел в правительство Цветковича – Мачека. С другой стороны, в том же круге противников соглашения были создававшиеся в свое время правящим режимом верхушечные партии двух прежних «сильных личностей», лишенных власти: Югославская национальная партия генерала Петра Живковича (в ней, однако, ее словенская и боснийская части поддержали соглашение) и группа сторонников Милана Стоядиновича, оформившаяся как Сербская радикальная партия.

Но еще более активно, чем перечисленные партии, против соглашения выступил Сербский культурный клуб (СКК). В период, последовавший за подписанием соглашения Цветковича – Мачека и образованием бановины Хорватия, СКК окончательно превратился, по существу, в политическую организацию, объединявшую довольно широкий слой сербской интеллектуальной элиты на национальной основе. Наряду с СКК в Белграде, сеть его филиалов (подкомитетов) работала в ряде городов Сербии, Воеводины, Боснии и Герцеговины, Македонии и населенных сербами районов Хорватии. Через

эту организационную структуру, через свою газету «Српски глас», ставшую выходить с середины ноября 1939 г., и другие издания, через различные культурные и научные учреждения, где его деятели играли видную роль, СКК развернул широкую пропагандистскую активность под лозунгами «Сербы, соберитесь вместе!» и «Сильное сербство – сильная Югославия!», претендуя на роль надпартийного идеолога и выразителя сербских национальных интересов⁶.

Хотя среди всего этого круга партийных и внепартийных противников соглашения Цветковича – Мачека было немало фактических приверженцев того или иного облика централизма, однако в условиях, когда образование бановины Хорватия уже стало совершившимся фактом, лишь некоторые, подобно, например, Сербской радикальной партии, выступали с откровенно централистских позиций. Преобладающая же часть сербских критиков соглашения не видела практического смысла в том, чтобы вообще отвергнуть реально начатое движение по пути создания автономий и тем самым федерализации Югославии. Большинство названных выше партий, а особенно СКК сосредоточились на формулировании того, как следует осуществлять переустройство государства, сколько и каких автономий может быть создано, каковыми должны быть принципы этнотерриториального разграничения между автономиями и – в качестве главного – какими будут в новом государственном устройстве роль и положение сербов. При тех или иных конкретных нюансах, в выдвигавшихся требованиях указывалось на недопустимость изолированного вычленения Хорватии в качестве автономной единицы без общего, взаимосогласованного всеми, в том числе и достаточно репрезентативными представителями сербов, решения о реорганизации Югославии, об образовании остальных автономных единиц и границах между автономиями. В этом смысле речь шла, в сущности, не об отмене, а о серьезной корректировке, в значительной мере – ре-визии соглашения Цветковича – Мачека.

По поводу того, из скольких и каких именно автономий должна была бы состоять Югославия, преобладало мнение, что их может быть три – сербская, хорватская и словенская. Относительно словенской автономной единицы практически все сходились на том, чтобы она была создана в границах Дравской бановины, являвшейся словенской этнической территорией в Югославии. Главным же пунктом, вокруг которого кипели страсти, являлся вопрос о границах сербской и хорватской автономных единиц. Сербские противники соглашения были категорически против произошедшего включения в бановину Хорватия немалого числа мест с сербским и мусульманским населением, особенно ряда районов Воеводины и Боснии и Герцеговины. Они именовали такое решение «сербским Мюнхеном». По их мнению, в частности по замыслам таких известных деятелей СКК, как академик Слободан Йованович, Драгиша Васич, Стеван Мольевич, в составе сербской автономии должны были наряду с Сербией находиться Воеводина, Босния и Герцеговина, Черногория и даже югославская Македония, по-прежнему фигурировавшая как на югославском официальном уровне, так и в лексиконе «национально ориентированной» сербской общественности в качестве «Южной Сербии»⁷.

Подобная программа, направленная на защиту сербского этноса и свойственного ему национального развития там, где он, как представлялось, мог оказаться на положении «второсортного», подвергнуться политическому, экономическому, культурно-языковому ущемлению со стороны хорватского национализма, вместе с тем, в свою очередь, тоже содержала националистическое стремление к сербской доминации на весьма обширных территориях с этнически смешанным либо преимущественно – а в Македонии почти абсолютно – несерб-

ским населением. Кроме того, идея образования сербской автономной единицы таким образом, чтобы эта единица охватывала бы преобладающую часть Югославии, была во многом сопряжена с продолжавшей владеть умами большинства тогдашней сербской элиты претензией на сохранение главенствующей роли сербов в югославском государстве, даже при стоявшей в повестке дня его частичной федерализации.

Но наряду с этим общественно-политическим кругом, с которым была в основном солидарна также Сербская православная церковь, в сербском обществе даже в самой Сербии, а особенно в пречанских районах имелись и иные силы, главным образом либеральной и демократической ориентации, поддерживавшие соглашение Цветковича – Мачека либо, по крайней мере, считавшие его положительным сдвигом, открывающим перспективу необходимого государственного переустройства и решения межэтнических проблем. Из наиболее заметных таковыми являлись, с одной стороны, представленные в правительстве основная часть Союза земледельцев, хотя и критиковавшая конкретные территориальные решения соглашения, и НДП, пользовавшаяся репутацией партии, имевшей влияние среди пречанских сербов, а с другой стороны – оппозиционное, отколовшееся от Союза земледельцев левое крыло, оформившееся в 1940 г. в Народно-крестьянскую партию. При этом НДП, будучи партнером ХКП, выступала, в противоположность охарактеризованному выше большинству сербских общественно-политических сил, за включение всей Боснии и Герцеговины в бановину Хорватия.

Естественно, сторонниками соглашения являлись главные несербские национально-политические группировки, тоже представленные, помимо ХКП, в правительстве: Словенская народная партия и Югославская (югославянская) мусульманская организация. Первая стремилась к скорейшему оформлению фактически управляемой ею Дравской бановины в словенскую автономию. Вторая же поддерживала соглашение частично, ибо хотела, чтобы целиком Босния и Герцеговина стала отдельной, наряду с другими, автономной единицей, а это приходило в противоречие как с уже произошедшим присоединением части данного края к бановине Хорватия и, соответственно, с позицией ХКП, так и с намерениями включить всю Боснию и Герцеговину либо в состав сербской автономной единицы, согласно планам большинства сербских сил, либо – в бановину Хорватия, согласно замыслу НДП⁸.

Полемика по всем перечисленным выше вопросам, нередко националистически окрашенная и через публичную пропаганду переносившаяся в массы, была фактором, не способствовавшим внутриюгославской консолидации, а наоборот, в определенной мере усиливавшим межэтническую отчужденность, взаимную подозрительность, стереотипы недоброжелательства. С точки же зрения практического осуществления государственного переустройства, перспектива которого была декларирована соглашением Цветковича – Мачека, полемика оказывалась беспредметной. Ибо стоявшие наверху югославской пирамиды власти, пойдя на создание хорватской автономии в тех временно-компромиссных территориальных границах, которые были зафиксированы в соглашении и регентском распоряжении об образовании бановины Хорватия, а тем самым решив неотложную в тот момент утилитарную задачу урегулирования, насколько возможно, хорватского вопроса, воздержались от дальнейших практических шагов по реорганизации государства.

Хотя в 1940 г. были выработаны проекты образования сербской и словенской автономных единиц с полномочиями и основами устройства, в принципе аналогичными тем, которые уже действовали в бановине Хорватия, эти проекты так и остались на бумаге⁹. В

обстановке уже и так сильно накалявшихся страстей по поводу того, каким должно быть этнотерриториальное разграничение, югославское руководство, очевидно, страшилось, что какое бы то ни было продолжение федерализации и создания автономий может лишь подлить масла в огонь и привести к тяжелым потрясениям, особенно опасным в складывавшихся для Югославии внешнеполитических условиях. Тем более что едва ли вообще можно было найти удовлетворительное для всех заинтересованных сторон решение по разграничению обширных территорий с этнически смешанным населением. Верховная власть всячески стремилась притушить межэтнические страсти, воспрепятствовать критике соглашения Цветковича – Мачека и пропаганде идей, которые бы его подрывали. В числе направленных на это мер, в частности, последовало в середине июня 1940 г. запрещение дальнейшего издания газеты СКК «Српски глас».

Хотя при заключении соглашения Цветковича – Мачека имелось в виду провести затем выборы в Народную скупшину Югославии, распущенную в связи с заключением соглашения, и во вновь учрежденный Сабор бановины Хорватия, тем не менее этого сделано не было. Впоследствии Мачек объяснял такое положение невозможностью проведения выборов из-за фактически постоянно происходившей тогда мобилизации в армию ввиду грозившей Югославии опасности извне¹⁰. В современной историографии встречаются, однако, разные точки зрения на сей счет. Согласно одним авторам, ХКП действительно предлагала провести как можно быстрее выборы как в хорватский сабор, так и в Народную скупшину, задачей которой было довершить в общегославском масштабе процесс переустройства государства. Однако война прервала осуществление этого. Но существует и противоположное мнение, что откладывание выборов могло быть обусловлено позициями самого Мачека и Павла Карагеоргиевича. Что касалось хорватского сабора, то, согласно этому мнению, расходы на его содержание были бы очень высокими и обременительными для бюджета бановины, между тем как в ней всю власть и так имела ХКП. А потому, согласно этому мнению, Мачек вряд ли был особо заинтересован в проведении выборов в Сабор. На Павла же могла влиять боязнь, как бы Сабор, будучи избранным, ни провозгласил вообще независимость Хорватии. А выборы в Народную скупшину Югославии принц-регент мог откладывать из опасения, что ее большинство, которое было бы сербским, не подтвердит соглашения Цветковича – Мачека¹¹.

Но какими бы ни были действительные причины непроведения выборов, результатом являлось то, что и вся страна, и хорватская автономия управлялись без парламентов. Это отнюдь не придавало авторитета регентскому режиму в глазах оппонентов проводимой Павлом политики, особенно тех сербских сил, которые критиковали соглашение Цветковича – Мачека, оспаривали его легитимность и считали принца-регента предателем сербских интересов либо, по крайней мере, очень далеким от них. Отсутствие всякого парламентаризма и авторитарный стиль руководства государством лишь усугубляли копившееся недовольство и не способствовали ослаблению напряженности, которая была свойственна не только сфере межэтнических отношений, столь чувствительных для многонациональной Югославии, но и сфере социальных отношений.

Коммунистическая партия Югославии. Достаточно острые социальные противоречия, характерные для внутрюгославского развития на протяжении всего межвоенного двадцатилетия, еще больше усилились с началом войны. Этому, помимо проче-

го, способствовали общие экономические трудности, вызванные военными условиями в Европе, и значительный рост расходов на оборону страны: вооружение и содержание увеличившейся армии, строительство оборонительных сооружений в приграничных районах. Для довольно слабой югославской экономики многое оказывалось чрезмерно обременительным. Непосредственно для населения, особенно для крестьянства, составлявшего большинство, тяжелым грузом были почти постоянные крупные мобилизации, проводившиеся главным образом скрытно с осени 1939 г., и сопровождавшие каждую мобилизацию реквизиции тяглового скота и транспортных средств. Для всех, но прежде всего для городских низов, серьезнейшей проблемой были непрерывный рост цен на товары повседневного спроса, а особенно весьма ощутимая нехватка продовольствия, во многом вызванная его все увеличивавшимися поставками в Германию. Все это вызывало социальную напряженность, распространение протестных настроений в весьма широких слоях населения. И являлось питательной почвой для усиления привлекательности радикалистско-популистских взглядов, главным образом левого толка.

На этой основе происходило усиление деятельности Коммунистической партии Югославии (КПЮ), созданной в апреле 1919 г. и с тех пор прошедшей трудный, полный драматизма путь.

Сразу после своего создания, в условиях сопровождавшего окончание Первой мировой войны всплеска леворадикальных настроений, прежде всего в городах, партия быстро завоевала преобладающее влияние в югославском рабочем движении и на выборах в Учредительную скупщину в ноябре 1920 г. стала третьей среди партий по числу полученных депутатских мест. Власти, напуганные успехом КПЮ, ее революционными лозунгами, а особенно организуемыми при ее участии крупными забастовками, в конце декабря 1920 г. ввели, сначала как временный, запрет коммунистической деятельности. А совершенные некоторыми активистами КПЮ в середине 1921 г. покушения на высокопоставленных представителей правящих кругов, включая регента-престолонаследника Александра, привели к немедленному принятию еще более жесткого «Закона об общественной безопасности и порядке в государстве», полностью загнавшего партию в подполье. Многие ее члены подверглись тюремному заключению, другим репрессиям, были вынуждены эмигрировать. Оказавшись нелегальной, КПЮ многократно уменьшилась, ее влияние резко упало. Хотя она и проявляла еще некоторую активность, главным образом через левые профсоюзы, то запрещавшиеся, то снова разрешавшиеся властями, однако надолго была устранена с югославской политической сцены как действенный фактор.

Несмотря на самоотверженность многих коммунистических активистов, фанатично преданных своим идеалам, партия в значительной мере превратилась в маргинальную, деятельность которой сплошь и рядом мало ощущалась вне ее собственных рамок. Руководство КПЮ в основном переместилось в эмиграцию, его состав часто менялся – все больше по воле Исполкома Коминтерна (ИККИ), немногочисленные уцелевшие кадры партии раздирались междоусобной борьбой групп («фракций»), обвинявших друг друга в «правом» или «левом» оппортунизме. ИККИ ориентировал КПЮ то, как в середине 1920-х годов, на расчленение многонационального югославского государства, рассматривавшегося Москвой в качестве звена в «антисоветском санитарном кордоне», то позже, когда возникла угроза гитлеровской экспансии, – на сохранение Югославии¹².

Во второй половине 1930-х годов многие известные деятели КПЮ, находившиеся в то время в СССР, были уничтожены в сталинских «чистках». Такая же судьба постигла

и тогдашнего руководителя КПЮ Милана Горкича, в середине 1937 г. специально вызванного в Москву из заграничной штаб-квартиры партии в Париже. В обстановке стигматизированных этим среди верхушки КПЮ взаимных обвинений и борьбы за лидерство инициативу в создании нового руководства партии сумел перехватить Йосип Броз, несколькими годами раньше вошедший в число ведущих партийных функционеров.

Впоследствии Броз, под псевдонимом Тито, стал широко известен в мире как руководитель коммунистического режима Югославии. Но известность всегда переплеталась в его биографии с рядом неясностей, противоречивых сведений, просто данных, достоверность которых остается под вопросом ввиду недостатка или отсутствия документальных подтверждений. К некоторым мистификациям о себе приложил руку сам Тито. Так, он долго указывал годом рождения не 1892, а 1893 г. А днем рождения стал считать не 7, а 25 мая, превращенное при его власти в социалистической Югославии в официальный праздник.

Согласно документам, которыми располагает историография, Йосип Броз – сын хорватского крестьянина и матери-словенки. После начального школьного образования и обучения ремеслу слесаря-механика он с 18 лет работал на заводах в Хорватии, Словении, Чехии, Австрии, входивших тогда в состав Австро-Венгрии, и в Германии. В то время Броз, как он утверждал позднее, стал участвовать в социалистическом движении, но документальные сведения, которые бы это подтверждали, не известны. С осени 1913 г. Броз был призван в австро-венгерскую армию и в унтер-офицерском чине участвовал с августа 1914 г. в Первой мировой войне сначала в Сербии, а затем на русском фронте, где в апреле 1915 г. попал в плен.

По данным, исходившим впоследствии от самого Тито, после Февральской революции 1917 г. он, работавший тогда в числе военнопленных на Урале, бежал оттуда и в июне 1917 г. добрался до Петрограда. Там участвовал в известной июльской демонстрации, организованной большевиками. Но после ее разгона и репрессий со стороны Временного правительства пытался бежать через Финляндию в Швецию. В середине 1930-х годов Тито говорил в аппарате ИККИ, что попытка была вызвана потерей им веры в успех революции в России, а позже, будучи уже руководителем Югославии, утверждал, что решил отправиться на родину «делать революцию». Но он был задержан и потом отправлен обратно на Урал, однако по дороге снова бежал и в итоге добрался в ноябре 1917 г. до Омска. Последующие три года Гражданской войны Броз, тоже по сведениям, исходившим позднее от него самого, провел в Омске и селах прилегающей области, где, опять-таки по его утверждениям, был связан с большевиками, выступал за советскую власть и даже просил, но безрезультатно, принять его в советское гражданство и в большевистскую партию. В данных, которые Тито излагал в середине 1930-х годов для ИККИ, речь шла лишь о том, что он агитировал за советскую власть, в более же поздних его воспоминаниях говорилось об участии в боях против «белых».

В сентябре 1920 г., когда Гражданская война в России в основном завершилась, Броз выехал в Югославию. Там он вступил в КПЮ и, работая до 1927 г. на предприятиях в Хорватии и Сербии, одновременно вел нелегальную партийную деятельность и был активистом левых профсоюзов. В 1927 г. Броз стал видным функционером этих профсоюзов в Хорватии и секретарем подпольного горкома КПЮ в Загребе. Он впервые обратил на себя внимание руководства Коминтерна, когда на нелегальной конференции загребской организации КПЮ в феврале 1928 г. то ли по собственному почину, то ли по подсказке тайно приехавшего представителя ИККИ выступил одним из инициаторов обра-

щения конференции к ИККИ против так называемых левой и правой фракций, борьба между которыми сотрясала тогда верхушку КПЮ. Обращение способствовало последовавшему со стороны ИККИ осуждению фракционной борьбы в партии. А публичную известность в Югославии Броз получил летом – осенью 1928 г. после ареста и суда над ним по обвинению в принадлежности к террористической организации. Отсидев почти шесть лет, он, выпущенный на свободу в марте 1934 г., продолжил коммунистическую деятельность в качестве нелегала. В середине 1934 г. эмигрантское руководство КПЮ кооптировало Броза, уже начавшего пользоваться псевдонимом Тито, в Политбюро¹³.

С февраля 1935 г. по октябрь 1936 г. Тито находился в СССР, где под псевдонимом Вальтер, которым его стали обозначать в ИККИ, был назначен политреферентом Балканского секретариата ИККИ, рекомендован для преподавания в Международной ленинской школе. Он участвовал в VII конгрессе Коминтерна как делегат с совещательным голосом. После пребывания в СССР Тито стал осуществлять функции координации деятельности партии непосредственно внутри Югославии, периодически приезжая оттуда в штаб-квартиру Политбюро КПЮ, находившуюся в Вене, а потом в Париже. И вслед за тем, как лидер партии Горкич стал в 1937 г. жертвой сталинских «чисток», а все эмигрантское партийное руководство фактически оказалось в положении повисшего в воздухе, Тито, используя свою роль координатора подпольной деятельности КПЮ в стране, начал формировать ядро нового руководства в самой Югославии в основном из находившихся там партийных активистов. Во время двух последующих визитов в Москву, один из которых состоялся в августе 1938 г. – январе 1939 г., а другой в сентябре – ноябре 1939 г., ему удалось добиться от ИККИ, лично от генерального секретаря ИККИ Георгия Димитрова, санкции на свои действия¹⁴.

Формирование нового руководства КПЮ проходило в тесной связи с усилиями по восстановлению и консолидации прежде фактически полураспавшейся организационной структуры партии. Этот процесс совпал с упомянутым выше подъемом левых настроений в Югославии на рубеже 1930–1940-х годов, что стало основой заметной активизации КПЮ, роста ее численности и влияния. Проведенная подпольно в Загребе в октябре 1940 г. V конференция КПЮ закрепила произошедшую перед тем ликвидацию групповой борьбы в партии и завершила оформление нового партийного руководства. В заново сформированном ЦК 48-летний Тито занял пост генерального секретаря. Его ближайшими сподвижниками стали образовавшие вместе с ним Секретариат ЦК КПЮ трое молодых людей: 30-летний словенец Эдвард Кардель как фактически 2-ой секретарь, 31-летний серб Александр Ранкович в качестве оргсекретаря и 29-летний черногорец Милован Джилас, возглавивший партийный агитпроп¹⁵. Эта четверка, в которой значительно более старший Тито был непререкаемым главой, на много лет вперед оставалась сплоченной группой, державшей в своих руках управление партией. Новое руководство, утвержденное ИККИ, находилось, в отличие от прежней многолетней практики, не в эмиграции, а в самой стране.

Роль, которую стала играть КПЮ в югославском обществе того времени, впоследствии чрезвычайно гиперболизировалась и тенденциозно превозносилась в многочисленных исторических работах, выпускавшихся в Югославии при коммунистической власти. Вместе с тем очевидно, что на рубеже 1930–1940-х годов партия из загнанной в подполье маргинальной группы начала превращаться в общественно-политический фактор, присутствие которого оказывалось довольно заметным в югославской действительности. С ее ведущим участием организовывались забастовки, митинги, другие

протестные манифестации, в частности в наиболее крупных городах. Они становились значительными событиями, привлекавшими к себе большое внимание. Их часто жестко-силовое подавление властями во многих случаях придавало им еще больший общественный резонанс, вызывало симпатии к коммунистам, особенно в среде рабочей и учащейся молодежи, части интеллигенции.

В это время складываются довольно тесные отношения КПЮ с некоторыми более умеренно левыми оппозиционными группами, симпатизировавшими социалистическим лозунгам и Советскому Союзу. Это особенно касалось так называемой Демократической левицы, преимущественно интеллигентской группировки, отколовшейся от Демократической партии. Лидером «левицы» был широко известный бывший председатель скупщины Иван Рибар, связанный с компартией через своих сыновей, старший из которых, Иво-Лола, стал членом нового ЦК КПЮ и руководителем югославского комсомола. Было установлено взаимодействие КПЮ и с Народно-крестьянской партией во главе с Драголюбом Йовановичем. Эти группы использовались компартией для расширения своего влияния и интенсификации борьбы против существующего строя.

КПЮ обличала политику правящего режима как «реакционную» и «антинародную», в том числе негативно характеризовала соглашение Цветковича – Мачека как «сговор сербской и хорватской буржуазии». Но некоторые поползновения ее руководства, особенно летом 1940 г., после поражения Франции, выдвинуть непосредственно лозунг борьбы за смену власти и образование «народного правительства рабочих и крестьян» были пресечены указаниями от ИККИ. Ибо Кремль был тогда заинтересован не в дестабилизации положения в Югославии, а в ее укреплении в противовес «оси». Следуя линии советской политики, КПЮ выступала против связи Югославии с какой-либо из воюющих сторон, обвиняя правительство в сговоре с одной и другой, хотя основной критический запал, особенно до поражения Франции, направлялся против «сговора» с лагерем «англо-французских империалистов и поджигателей войны». В качестве панацеи для защиты независимости страны пропагандировалась необходимость ориентации на СССР и заключения союза с ним¹⁶.

ПРАВЫЕ РАДИКАЛЫ. В отличие от леворадикального фланга, в основном представленного компартией, праворадикальный фланг югославской политической сцены был представлен различными течениями. Более заметными из них являлись прежде всего хорватское движение усташей, чей «вождь» (поглавник) Анте Павелич находился в эмиграции, и созданное в 1935 г. «Югославское народное движение Збор», во главе которого стоял Димитрий Лётич, адвокат и бывший министр юстиции в правительстве генерала Живковича. Если усташское движение, о котором уже шла речь, строилось на ультранационалистической хорватско-сепаратистской основе и было нелегальным, то «Збор», до ноября 1940 г. действовавший вполне легально, преимущественно в Сербии и Словении, выступал за упрочение Югославии на централистских началах.

Идеология «Збора», следуя в русле «интегрального югославизма», вместе с тем базировалась во многом на патриархально-сербском традиционализме как стрежне проповедуемого ею государственного и общественного устройства. Это придавало данной идеологии фактически сербско-почвенническую тональность. В большой мере тому способствовала и православно-клерикальная окрашенность, пронизывавшая все концептуальные построения Лётича. В этих построениях соединялись, с одной стороны,

пламенный антикоммунизм, обличение внутреннего строя СССР («Советии» – по терминологии Лётича), преимущественно со славянофильских позиций, и внешней политики Кремля, а с другой стороны – радикальное антизападничество, обличение либерализма, плюрализма, демократическо-парламентской и многопартийной системы. И коммунизм, вернее – советский режим, и западный либерализм с его плюрализмом и гражданскими институтами трактовались как порождение мировых зловердных сил, каковыми были, согласно навязчивой антисемитской идее Лётича, евреи и масоны (последних он считал еврейским проявлением).

Как коммунистическо-советской системе, так и западному либеральному устройству противопоставлялось некое «подлинно народное государство, с подлинно народной этикой, политикой и экономикой», которое предстояло установить в Югославии народу, взбунтовавшись против существующего порядка. Каким образом все это должно было выглядеть, оставалось в данной схеме довольно туманным. Формулирование такой «революционной» цели сопровождалось выдвиганием постулата об «органическом государстве» на жестких основах централизованной власти, с наличием «хозяина» в государстве, чья роль, видимо, отводилась монарху, и с сословным устройством, при котором каждое из сословий имело бы представителей в беспартийном парламенте. Эти построения дополнялись апологией традиционно-патриархального уклада, подчеркнутым провозглашением примата морального над материальным, а государства и народа – над личностью¹⁷.

Многие из перечисленных основополагающих компонентов этой доктрины были аналогичны или созвучны характерным чертам итальянского фашизма и германского нацизма. И несмотря на то, что Лётич пытался откреститься от подобной аналогии, не только коммунисты, нередко именовавшие любых своих противников фашистами, но и куда более толерантная публика из числа сторонников гражданско-демократической, либеральной и даже довольно консервативной ориентаций правомерно смотрела на его идеологию и все возглавлявшееся им движение как на явление фашистского толка. Хотя «Збор» выдвигал также социальные лозунги защиты крестьянства и обычного человека от «грабительского капитала», выступал за борьбу с коррупцией и экономическими аферами, он не имел значительной поддержки в обществе и на парламентских выборах 1935 и 1938 гг. получал лишь примерно 30 000 голосов. Но он был замечен благодаря большой активности своих членов, во многом состоявших из фанатично – подстать самому Лётичу – настроенной молодежи. Эта активность проявлялась в основном в пропаганде взглядов движения, включая острую критику внутренней и внешней политики властей, не следовавших рекомендациям Лётича, и в жестоких драках между «зборашами» и коммунистической молодежью, в развязывании которых каждая из сторон обвиняла другую¹⁸.

В частности, после очередных такого рода столкновений, произошедших в Белградском университете в октябре 1940 г., власти предприняли репрессивные меры в отношении не только коммунистов, но и «Збора»: на рубеже октября – ноября на его деятельность был фактически наложен запрет, ряд его активистов арестован, Лётичу пришлось скрываться в одном из православных монастырей. В некоторых югославских исторических изданиях, выпущенных еще при коммунистической власти, можно встретить утверждения, что гонения на «Збор» были связаны с последовавшим тогда же устранением Недича с поста министра армии и флота. Согласно этим утверждениям, власти были озабочены имевшимся взаимодействием между Недичем и Лётичем. По одной версии,

они опасались, что подобное взаимодействие, если о нем станет известно руководству ХКП, может затруднить отношения с хорватами, налаженные с таким трудом. По другой версии, власти даже подозревали, что «збораша» вместе с некоторой группой офицеров-сторонников Недича могут готовить государственный переворот¹⁹. Такое объяснение происшедшего не подкреплялось, однако, достаточно надежными источниками.

Не исключено, что гонения на «Збор» могли быть вызваны и имевшими место как раз перед этим крайне резкими, в том числе публичными, выступлениями Лётича, обвинявшего верховную власть, непосредственно принца-регента в неспособности и нежелании решать наиболее острые внутренние социальные и национальные проблемы, в потворстве проникновению советского влияния, подрывной деятельности хорватов. Лётич заявлял, что вследствие неверной политики ее правителей Югославия стремительно катится в пропасть. Он осуждал и югославское внешнеполитическое лавирование, противопоставляя ему идею союза балканских государств как средства защиты Югославии и обвиняя официальный Белград, будто тот торпедировал эту идею, не желая ее воплощения²⁰.

Подавляющее большинство основных общественно-политических сил, принадлежавших как к правительственному лагерю, так и к легальной оппозиции, в целом поддерживало ту политику нейтралитета и лавирования между воюющими сторонами, которая проводилась на международной арене под руководством Павла Карагеоргиевича. Ибо все эти силы, независимо от их конкретной ориентации, более или менее осознавали вынужденность такой политики и не видели иной реальной возможности сохранения независимости, целостности страны, ее удержания от затягивания в военный водоворот, грозивший непредсказуемо опасными последствиями. Вместе с тем в значительной, если не преобладающей части сербских партий, как и в весьма широких кругах сербской общественности, среди немалого слоя офицерства, православного духовенства после шока, вызванного поражением Франции с ее реноме боевого союзника Сербии в Первой мировой войне, росли чувства моральной непримиримости с происшедшим окружением Югославии государствами «оси», обострялись антигерманские и антигитлеровские настроения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Perić I. Vladko Maček: politički portret. Zagreb, 2003. S. 230.

2 Когда НДП хотела, чтобы заместителем бана назначили ее представителя, а премьер Цветкович был за назначение серба, но сторонника своей партии, Мачек выступил против позиции Цветковича, однако и не поддержал НДП. И заместителем бана стал представитель ХКП. Лишь в феврале 1941 г., при изменившихся обстоятельствах, на этот пост был назначен деятель НДП. *Boban Lj. Sporazum Cvetković – Maček*. Beograd, 1965. S. 349–350.

3 См., в частности: Архив Югославии (далее АЈ). Ф. 138, фасцикла 7. Арх. јед. 51. Л. 616–616 полеђина, 619–635; Арх. јед. 36. Л. 223–225, 258–260.

4 *Aprilski rat 1941: Zbornik dokumenata* (далее АР). Knj. 1. / Red. D. Gvozdendić. Ogd. ured. F. Trgo. Beograd, 1969. Dok. Br. 91. S. 345–348; *Maček V. In the Struggle for Freedom*. New York, 1957. P. 196–197.

5 См., например: АЈ. Ф. 38, фасцикла 15. Арх. јед. 53. «Hrvatski dnevnik, 6 marta 1940»; Фасцикла 16. Арх. јед. 54. «Извештаји из Загреба за фебруар 1940 г.»; Фасцикла 17. Арх. јед.

58. „Загреб, 6 марта [1940] (Телефонски извештај дописника г. Машића“; *Maček V.* Op. cit. P. 204; *Perić I.* Op. cit. S. 235–236; *Kisić Kolanović N.* Uvod // *Vojskovođa i politika: sjećanja Slavka Kvaternika.* Zagreb, 1997. S. 24–26; *Eadem.* Mladen Lorković: Ministar urotnik. Zagreb, 1998. S. 28–31; *Казимировић В.* Србија и Југославија 1914–1945. Крагујевац, 1995. Књ. II. С. 593–595.

6 *Boban Lj.* Sporazum Cvetković – Маček. S. 220–241, 246–248, 250–258; *Popović N.A.* Srpski kulturni klub (1937–1941) // *Istorija 20. века.* 1989. Вр. 1–2; *Казимировић В.* Указ. соч. Књ. II. С. 601–607, 609.

7 *Boban Lj.* Sporazum Cvetković – Маček. S. 220–241, 246–248, 250–258; *Popović N.A.* Srpski kulturni klub (1937–1941) // *Istorija 20. века.* 1989. Вр. 1–2; *Казимировић В.* Указ. соч. Књ. II. С. 601–607, 609; *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Beograd, 1988. Књ. 1. S. 304–306.

8 *Boban Lj.* Sporazum Cvetković – Маček. S. 242–245, 259, 262–263; *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Књ. 1. S. 298; *Казимировић В.* Указ. соч. Књ. II. С. 598–600, 607–608. О позицијих различних сербских сил в связи с соглашением Цветковича – Мачека и перспективой процесса федерализации Югославии см. также: *Stefanovski M.* Srpska politička emigracija o preuređenju Jugoslavije 1941–1943. Beograd, 1988. S. 17–88; *Petranović B.* Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. Beograd, 1992. S. 19–38.

9 *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 434–435; *Stiplovec M.* Prizadevanja za uveljavitev slovenskega avtonomizma od vidovdanske ustave do leta 1941 // *Slovenci in Makedonci v Jugoslaviji.* Ljubljana; Skopje, 1999. S. 43. Проект постановления о создании бановины Словения вырабатывался под эгидой властей Дравской бановины и руководства Словенской народной партии. По поводу проекта постановления об образовании сербской автономной единицы, которую предлагалось назвать «Сербская земля», в югославской и современной постюгославской историографии высказывались различные мнения о том, в какой мере он вырабатывался с участием правительства, а в какой – с участием СКК. Проект предусматривал, что за исключением уже существующей бановины Хорватия и Дравской бановины, которая должна была стать бановиной Словения, вся остальная территория Югославии будет включена в состав «Сербской земли».

10 *Maček V.* Op. cit. P. 201.

11 Первую из упомянутых точек зрения см., в частности: *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999. S. 106–107. Вторая из точек зрения выражена, например, в: *Perić I.* Op. cit. S. 233.

12 На протяжении десятилетий, когда в Югославии существовал коммунистический режим, контролировавшаяся им югославская историография, хотя частично и отмечала то бедственное и маргинальное положение, которое было характерно для КПЮ на протяжении преобладающей части 1920-х и 1930-х годов, тем не менее старалась приписать партии намного более значимую роль в югославской действительности тех лет, чем было на самом деле. Лишь в работах, издававшихся в позднекоммунистическое время, стала постепенно даваться несколько более реальная картина, совмещавшаяся, однако, со все еще значительной гиперболизацией – не говоря уж о глорификации – места и роли КПЮ в югославском обществе в период между двумя мировыми войнами. См., например: *Povijest Saveza komunista Jugoslavije.* Beograd, 1985. S. 75–145; *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Књ. 1. S. 150–160, 187–190, 213–240.

13 Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАС-ПИ). Ф. 495. Оп. 277. Д. 27 (личное дело Тито, начатое в отделе кадров ИККИ). Т. 1. Л. 29–30, 345, 349–351, 354, 357–360; Т. 2. Л. 284–285; *Симић П.* Светац и магле: Тито и његово време у новим документима Москве и Београда. Београд, 2005. С. 21–24, 61–65.

14 При коммунистическом режиме югославская историография рисовала исключительно апологетическую картину образования нового руководства КПЮ во главе с Тито (один из наиболее характерных примеров: *Damjanović P. Tito pred temama istorije*. Beograd, 1972). В постюгославской исторической литературе, особенно сербской, эта картина стала меняться на полностью противоположную, но не столько на исследовательской, сколько на политико-публицистической основе (например: *Gligorijević B. Kominternu, jugoslovensko i srpsko pitanje*. Beograd, 1992. S. 329–332; *Симић П.* Указ. соч. С. 35–40; *Николић К.* Тито говори што народ мисли: Култ Јосипа Броза Тита 1944–1949. Београд, 2006. С. 28–31).

15 См.: *Peta zemaljska konferencija KPJ (19–23. oktobar 1940)* / Prired. P. Damjanović, M. Bosić, D. Lazarević. Beograd, 1980.

16 Линия КПЮ в этот период и определявшие ее директивы из Москвы отражены, в частности, в материалах Тито и документах тайной радиосвязи руководства КПЮ с ИККИ: *Broz Tito J. Sabrana djela*. Т. 5, 6. Beograd, 1978–1979; *Vujošević U. Prepiska (radiogrami) СК КПЈ – ИК КИ (Jun 1940 – decembar 1941)* // *Vojnoistorijski glasnik*. 1992. Br. 1–3. S. 281–300, 321–327.

17 См., например: *Ljotić D.V. Svetska revolucija / Sređeno i štampano 1949. u emigraciji*. Beograd, 1999; *Љотић Д.В.* „Сад је ваш час и област таме“. Ко и зашто гони Збор. Друго издање. Београд, 2000. Первая из этих книг, сначала изданная на Западе, представляет собой сборник тематически скомпонованных фрагментов из статей и брошюр Лётича, написанных накануне и во время Второй мировой войны. Другая книга, впервые опубликованная в Югославии в 1940 г., является сборником ряда статей предводителя «Збора», написанных и отчасти изданных во второй половине 1930-х годов.

18 О «Зборе» и его деятельности см., в частности: *Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918–1988*. Knj. 1. S. 278–282; *Казимировић В.* Указ. соч. Књ. IV. С. 1140–1143.

19 *Аврамовски Ж.* Бомбардирањето на Битола на 5. XI. 1940 година и прашањето за оставката на генерал Милан Недиќ // *Гласник на Институтот за национална историја*. Год. VII (1963). Br. 1. С. 113; *AR*. Knj. 1. S. 897 (напомена); *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1990. S. 229. Nap. 1. Сам Лётич, соответственно своей излюбленной идее-фикс, изображал репрессивные меры в отношении «Збора» как следствие влияния все той же «еврейско-масонской» закулисы (*Љотић Д.В.* Указ. соч. С. 9–11, 74–75 и др.; *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 228).

20 См., например: *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 642–643; *Ljotić D.V.* Op. cit. S. 121–124; *Љотић Д.В.* Указ. соч. С. 42, 53–59. О действительной балканской политике Белграда и реальных сложностях, препятствовавших межбалканскому сотрудничеству, см. ниже – в гл. 1 части III.

ЧАСТЬ III

ЮГОСЛАВИЯ
В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

ГЛАВА 1

ЮГОСЛАВИЯ В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:

БАЛАНСИРОВАНИЕ НАД ПРОПАСТЬЮ

(СЕНТЯБРЬ 1939 – АПРЕЛЬ 1941 г.)

Дилеммы внешнеполитического лавирования Югославии в первые месяцы войны. 1 сентября 1939 г. нападением нацистской Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Хотя в течение еще полутора с лишним лет она не затронула непосредственно Югославию, однако обстановка неуклонно расширявшейся фашистской агрессии и военного пожара в Европе вела к нараставшему усилению опасности для югославского государства.

Правящий режим был крайне озабочен тем, чтобы отвести от страны возможную угрозу затягивания в военный водоворот. Уже 4 сентября правительство поспешило выступить с заявлением о нейтралитете Югославии. В заявлении говорилось, что страна будет оставаться нейтральной в связи со всеми столкновениями, «в которых не затрагиваются ее независимость и целостность»¹. В активных дипломатических контактах с обеими воюющими сторонами – Германией и англо-французской коалицией – официальные югославские представители заверяли каждую в стремлении Белграда поддерживать с ней самые тесные отношения. В то же время они усиленно подчеркивали заинтересованность Югославии остаться вне войны.

В сущности, это было продолжением той политики осторожного маневрирования, которая составляла основу внешнеполитического курса страны еще в канун войны и была довольно наглядно продемонстрирована в мае – июле 1939 г. последовательными визитами Павла Карагеоргиевича в Рим, Берлин и Лондон. Однако так же, как в предвоенные месяцы, теперь, когда война уже разразилась, эта политика, которую в решающей мере определял сам принц-регент, была в действительности обусловлена отнюдь не одинаковым отношением к державам, ставшим воюющими сторонами.

Что касалось отношения к немецкой стороне, то нацистская агрессия, непосредственно вызвавшая войну, значительно усилила и делала все тревожнее представления Павла и основных фигур правительственного лагеря о том, что внешнеполитические устремления Гитлера несут в себе чрезвычайную опасность для Югославии. Тем более, что Германия после аншлюса Австрии стала непосредственной югославской соседкой. Первые же две с половиной недели войны оказали мощное воздействие демонстрационного эффекта, показав победное продвижение немецких войск, обрушившихся на Польшу, и ее поражение в условиях, когда она так и не получила реальной военной поддержки со стороны Англии и Франции, давших ей до того гарантии защиты ее независимости. Те, кто стоял в Югославии у власти, не могли не прикидывать эту ситуацию на случай, если бы вдруг объектом германского удара оказалась их собственная страна. Они видели несопоставимость югославского оборонного потенциала с многократно превосходившей его мощью гитлеровской военной машины. И это являлось фактором, способным еще больше укреплять их в убеждении о крайне настоятельной необходимости поддержки

вать с Берлином как можно более тесные отношения, выказывать ему свою лояльность и желание активной взаимной связи. При этом представления относительно того, каков допустимый предел связи с нацистской Германией, были отнюдь не одинаковыми у разных правительственных деятелей. Одни были склонны, чтобы Югославия, сотрудничая с третьим рейхом в основном экономически, соблюдала, однако, необходимую политическую дистанцию, в большей мере сохраняла нейтральное положение. Другие, преимущественно те, кому сильнее импонировал внутренний гитлеровский порядок, считали возможным идти, если нужно, дальше, допуская и более близкие политические отношения.

О том, кто из правящего круга придерживался какой конкретной позиции, впоследствии в исторической литературе высказывались разные мнения, порой весьма отличные друг от друга. В работах ряда югославских, а отчасти и постюгославских историков, особенно сербских, те или иные министры нередко изображались вообще сторонниками прогерманской ориентации, а то и просто агентами Берлина. Более того, во времена послевоенного коммунистического правления, особенно в его более ранний период, часть тогдашней официозной югославской историографии, делая упор на произошедшее в марте 1941 г. присоединение Югославии к государствам «оси» (об этом еще речь впереди), проявляла даже поползновения характеризовать весь внешнеполитический курс правительства Цветковича – Мачека и самого принца-регента как прогерманский, ориентированный вообще на фашистские державы. Подобная оценка, удобно укладывавшаяся в схему «классового анализа политики буржуазного режима», охотно заимствовалась советской исторической литературой, превращаясь там в устойчивый стереотип для большинства авторов, в той или иной мере касавшихся данной темы. Следы влияния этого стереотипа все еще можно встретить в отдельных российских исторических работах, изданных уже в постсоветское время². Впрочем, и в некоторых сербских публикациях, выпущенных в постюгославский период, попадаются иногда утверждения о «прогерманском правительстве Цветковича – Мачека»³. Однако как для югославской историографии в более поздний коммунистический период, а затем в еще большей мере для постюгославской, так и для западной и современной российской историографии стало характерным преобладание иной оценки. На основе анализа расширяющегося круга источников сформировался более непредвзятый взгляд, что для самого Павла и основных правительственных кругов проведение по отношению к Германии той линии, о которой говорилось выше, было преимущественно – а то и целиком – вынужденным. В следовании этой линии они усматривали один из немногих тогда шансов, если ни почти единственный, удержать Гитлера от антиюгославских действий и «пересидеть» трудные времена в ожидании, когда на европейской и мировой сцене сложится в итоге ситуация, более благоприятная и безопасная для Югославии⁴.

Эти круги во главе с принцем-регентом себя соответственно и вели. Как сообщал в Берлин немецкий посланник в Белграде в конце сентября 1939 г., Павел, беседуя с ним, всячески подчеркивал необходимость югославо-германского партнерства и особенно торгово-экономического сотрудничества, в котором сама Германия была очень заинтересована для получения из Югославии продовольствия и промышленного сырья, прежде всего руды цветных металлов. Принц-регент старался даже, прибегая к многозначительно-дипломатическим формулировкам, уверить посланника в том, что югославские предпочтения будто бы ближе к немецкой стороне, нежели к державам, являющимся ее противниками в войне: «Как бы ни закончилась война, Югославия всегда останется

соседом Германии, а не станет никогда соседом Англии»⁵. Что же касалось практических дел, а не только словесных заверений, Белград проявлял готовность к серьезному расширению торгово-экономических отношений с третьим рейхом, в том числе шел навстречу настойчивым немецким пожеланиям дальнейшего увеличения югославских сырьевых и продовольственных поставок, столь нужных Гитлеру в условиях войны. Уже 5 октября 1939 г. было заключено соглашение (протокол), которым предусматривались новые крупные поставки на последующий период, включавшие, в частности, значительные объемы таких важных стратегических материалов для немецкой промышленности, как медь, свинец, алюминий. Оценивая соглашение, германские представители с удовлетворением отмечали, что Югославия в принципе обязалась предоставить половину своих излишков добычи руды и производства металлов⁶. Такая практика продолжалась и дальше.

Подчиняясь, таким образом, все усиливавшемуся экономическому диктату Берлина, югославское руководство вместе с тем стремилось использовать расширение товарооборота с Германией и для получения взамен, насколько возможно, немецкой промышленной продукции, в которой испытывала потребность Югославия. Причем помимо различных товаров гражданского назначения, Белград был особенно заинтересован в приобретении вооружения. Необходимость значительных германских поставок военной техники как условия, при котором Белград готов пойти на крупное увеличение сырьевых и продовольственных поставок третьему рейху, усиленно подчеркивалась югославскими представителями, в том числе самим Павлом и министром армии и флота генералом Миланом Недичем, в ходе переговоров, приведших к упомянутому выше соглашению о товарообороте между двумя странами от 5 октября 1939 г. В итоге соглашением предусматривалось получение Югославией до середины 1940 г. свыше 100 самолетов и нескольких сотен зенитных и противотанковых орудий с комплектами боеприпасов⁷. Если это вооружение и не могло сделать Югославию готовой серьезно противостоять военной силе третьего рейха, все-таки оно, хотя бы до некоторой степени, создавало возможность повышения югославской обороноспособности в отношении других соседей, в том числе балканских, от которых исходила бы опасность для страны.

В отличие от вынужденной связи с Германией, отношение принца-регента и ряда ключевых фигур правительства, включая премьера Драгишу Цветковича и вице-премьера Владко Мачека, к англо-французской коалиции было иным. Именно ей они симпатизировали в начавшейся войне. И свои расчеты на послевоенное будущее Югославии, на ее безопасность связывали с тем, что победу, в конечном счете, одержат Англия и Франция при поддержке США. Между высшим югославским руководством, в частности самим Павлом, с одной стороны, и правительствами в Лондоне и Париже – с другой, поддерживались доверительные контакты, в ходе которых обсуждались насущные проблемы сдерживания германской угрозы Балканам и непосредственно Югославии. В том числе рассматривались, особенно интенсивно в первые месяцы войны, разного рода замыслы политических и даже военных шагов, которые могли бы противодействовать гитлеровскому давлению на страны Юго-Восточной Европы, а тем более прямой агрессии, если бы Германия ее там начала.

В качестве самого серьезного такого шага внимание сосредоточилось на замысле высадки на юге Балкан более или менее значительной военной группировки западных союзников. Подобный план стал обсуждаться между Парижем и Лондоном еще в самый канун войны. Имелось в виду в случае, если война начнется, высадить войска в Сало-

никах, повторив успешный опыт, опробованный Антантой в Первой мировой войне. В условиях, когда 1 сентября 1939 г. в Европе уже занялось опять пламя войны, обсуждениям, начатым перед тем, придавался новый сильный импульс. Естественно, в них, кроме Франции и Англии, которым принадлежала основная роль, определенное участие принимала Греция, будучи страной, где намечалась высадка. К этим же обсуждениям оказалась еще с предвоенных месяцев причастна и Югославия. Более того, по некоторым данным, приводимым в историографии, она в первые дни войны проявила чуть ли ни самую горячую заинтересованность в том, чтобы как можно скорее был реализован замысел салоницкой операции. Эту позицию выразил сам Павел Карагеоргиевич в контактах с французской стороной, чьи силы, как предполагалось, должны были составить основную часть группировки, которая бы высадилась в Салониках. Причем, согласно тем же данным, принц-регент, обращаясь к Парижу, подчеркивал, что проведение подобной операции является важнейшим условием того, чтобы предохранить весь регион Балкан от агрессии Германии и пока еще воздерживавшейся от вступления в войну Италии. А непосредственно Югославии такая операция позволит сохранять нейтралитет и одновременно иметь прямую связь с западными союзниками, с тем чтобы, когда позволит обстановка, присоединиться к ним⁸.

Правда, сведения о югославо-французских контактах по поводу предполагаемой операции в Салониках, и в частности об обращении Павла к Парижу, обычно фигурирующие в историографии, очень скупы. Их источником стали, как правило, не архивные документы непосредственно одной или другой стороны, а куда менее надежные мемуарные свидетельства, преимущественно некоторых французских дипломатов и военных, и отдельные косвенные данные дипломатии третьих стран. Из них не совсем ясно, насколько Павел действительно пытался добиться проведения салоницкой операции, а насколько лишь обсуждал этот замысел как один из предположительных вариантов в тех лихорадочных поисках средств как-то обезопасить Югославию, которые были особенно характерны перед лицом грозной неизвестности первых дней войны⁹.

Но каким бы образом ни обстояло дело в действительности, Павел Карагеоргиевич, если и рассчитывал в начале сентября на скорое осуществление упомянутой военной операции, вслед за этим получил от французов известия, что она не сможет быть воплощена в жизнь в близком будущем. Причина была в том, что с первых же дней войны этот замысел натолкнулся на два серьезных препятствия. Одно заключалось в нехватке у западных союзников того числа сухопутных войск, в основном французских, которое было необходимо, чтобы сформировать достаточно сильную группировку для высадки в Салониках. Другим препятствием стали опасения отчасти во французских, а особенно в английских верхах, как бы высадка, означавшая непосредственное военное вступление западных союзников в борьбу за Балканы, ни привела к тому, что фашистская Италия, претендовавшая на балканский регион как на собственную сферу интересов, сочтет салоницкую операцию угрозой своим целям, а потому прекратит участие в войне и выступит вместе с Германией против Англии и Франции. Из-за подобных опасений британское правительство, считавшее, что в реально складывавшейся ситуации удержание Италии от вступления в войну на стороне Германии имеет приоритетное значение, вовсе решило на рубеже первой и второй недель сентября 1939 г. блокировать остававшиеся более сильными у французов желания реализовать планы операции в Салониках. Поскольку, однако, в Париже не оставляли попыток реанимировать замысел высадки на Балканах, в конце 1939 – первые месяцы 1940 г. периодически продолжались контакты французских и югославских военных представителей для

обсуждения взаимосвязи на случай предполагаемых действий¹⁰. Но сам Павел в беседе с британским посланником в Белграде 31 декабря 1939 г. сделал вывод, что позиция Лондона более разумна, ибо из-за ограниченной численности войск, которые могла бы выделить для высадки Франция, их будет все равно меньше, чем сил, которые в состоянии противопоставить Германия в случае открытия салоницкого фронта. При этом принц-регент выразил особую озабоченность тем, что о французских планах балканских действий много говорится в печати, ввиду чего Германия сможет заранее предпринять необходимые контрмеры¹¹. Позже, в мае 1940 г., англичане настояли на окончательном отказе Парижа от балканских замыслов¹². А в июне в результате немецкого наступления на западном фронте Франция вообще потерпела поражение.

Наряду с так и не осуществленной идеей высадки в Салониках, другим крупным замыслом противодействия германской и вообще военной угрозе на Балканах, который рассматривался в первые месяцы войны, в том числе с участием Югославии, являлась идея создания балканского нейтрального блока. Имелось в виду, что в блок войдут сохранявшие государственную самостоятельность балканские страны (Югославия, Румыния, Болгария, Греция и – частично балканская – Турция), а возможно и примыкавшая к Балканам Венгрия, каждая из которых в течение первой половины сентября 1939 г. уже заявила о своем нейтралитете или неучастии в войне. В течение осени 1939 г., начиная с сентября, выдвигались с разных сторон – Италией, Англией, Румынией, Югославией – несколько такого рода планов, частично переплетавшихся между собой, а частично различавшихся по конкретной направленности.

Для режима Муссолини, занявшего позицию неучастия в войне, было заманчивым образовать нейтральный блок под своим главенством как инструмент усиления роли Италии на Балканах. Хотя такой вариант блока был бы направлен, помимо прочего, и против влияния западных союзников в этом регионе, однако Лондон проявил готовность поддержать подобный вариант. Ибо британское правительство посчитало тогда более важными два соображения. Одно – необходимость поощрить Италию, чтобы та продолжала воздерживаться от вступления в войну на стороне Германии, а в перспективе, быть может, и присоединилась бы к западным державам. А другое соображение заключалось в том, что ввиду заинтересованности Рима в собственном преобладании на Балканах блок под итальянским главенством окажется, явно или скрытно, противовесом влиянию там не только англо-французской коалиции, но и Германии, а также возможному советскому давлению на балканские страны, в частности на граничившую с СССР Румынию. Такое фактическое противодействие Берлину и Москве в отношении Балкан совпадало с основными целями, которые в данный момент преследовались в регионе Англией. Франция в принципе разделяла эту позицию, хотя и проявляла заметные колебания, опасаясь любого усиления соседней с нею Италии. Соображениями, отчасти напоминаящими британские, была обусловлена и позиция Румынии, которая наиболее активно из балканских государств выступала за создание блока нейтралов и тоже проявила в итоге, к концу октября 1939 г., готовность к варианту с ведущей итальянской ролью в блоке. К Италии, не граничившей с Румынией, в Бухаресте не относились как к источнику опасности, а наоборот, считали державой, склонной в своих интересах предохранить Балканы от тех же угроз, которые с началом войны особенно тревожили румынское руководство: в первые недели оно было крайне обеспокоено опасностью со стороны Германии, а затем еще больше – со стороны СССР, имевшего территориальные претензии по поводу Бессарабии¹³.

Белград также проявлял, наряду с Бухарестом и во многом вместе с ним, значительную активность с целью создания нейтрального блока на Балканах. И, в свою очередь, надеялся, что блок будет способствовать невовлеченности балканских стран в войну, станет фактором противодействия давлению или агрессии, которые бы угрожали Балканам. Но высшее югославское руководство, тоже считая источником опасности Германию и Советский Союз, усматривало не меньшую, а даже еще большую угрозу в экспансионистских устремлениях Италии в отношении граничившей с ней Югославии. Сообщая об этом в Лондон в первые же полторы недели войны, английский посланник в Белграде указывал, что в югославских «высших кругах», под которыми он подразумевал Павла Карагеоргиевича, и в генеральном штабе британским дипломатам высказывалось даже мнение о «непоправимой ошибке» западных союзников: тем следовало самим вызвать вступление режима Муссолини в войну и нанести ему поражение. Страх по поводу Италии был тем большим, что она могла угрожать Югославии не только со своей территории, но и с тыла – из Албании, находившейся под итальянской оккупацией¹⁴. В последующие месяцы опасения принца-регента в отношении итальянской угрозы лишь укреплялись. И когда на рубеже октября – ноября 1939 г. румынское руководство, активно обсуждавшее с югославской стороной совместные шаги с целью образования балканского блока нейтралов, склонилось к тому, что в сложившейся международной ситуации блок скорее можно создать и сделать его эффективным, если он будет под главенством Италии, Павел скептически отнесся к такой возможности. Обсуждая этот вопрос в своих контактах с англичанами, он не скрывал, что его сдержанность по поводу подобного румынского предложения вызвана опасением, как бы участие Италии в блоке ни привело к ее чрезмерно доминирующему положению на Балканах¹⁵.

Для позиции Белграда в отношении создания нейтрального блока был характерен особый упор на то, что образование блока должно быть прежде всего неотделимо от урегулирования противоречий, в основном территориальных, между его балканскими участниками. Тем самым державы, рассматривавшиеся как источник наибольшей опасности для Балкан, т.е. Германия, Италия или СССР, не могли бы воспользоваться межбалканскими территориальными спорами для вовлечения, каждая в собственную орбиту, государств региона путем своей поддержки одним из них, оказания давления на других либо вмешательства в роли «арбитра», от которого попадают в зависимость все участники спора. А для самой Югославии ликвидация или хотя бы заметное смягчение территориальных противоречий между странами проектируемого блока были важны еще и ввиду существовавших территориальных претензий к ней у Болгарии и Венгрии, заинтересованных в ревизии версальских границ. Особую важность югославское руководство придавало позиции Болгарии. Оно опасалось как серьезной тенденции сближения этой страны с третьим рейхом, так и настойчивых советских усилий вовлечь ее в орбиту Москвы¹⁶. И соответственно, считало, что основой нейтрального блока должна стать Балканская Антанта (Югославия, Румыния, Греция, Турция), расширенная прежде всего за счет Болгарии. Была даже выдвинута идея, что во имя такой цели членам Балканской Антанты следует самим сделать определенные территориальные уступки Болгарии. Идея нашла, в частности, отражение на состоявшихся 19 сентября 1939 г. переговорах министров иностранных дел Югославии и Румынии. В историографии высказывалось мнение об обусловленности подобной позиции Белграда тем, что в этот момент главные территориальные требования Софии были направлены не столько в югославскую сторону, сколько в сторону Румынии (Южная Добруджа) и Греции (Фра-

кия и выход к Эгейскому морю), которые в случае реализации данной идеи и должны были сделать главные уступки в пользу Болгарии¹⁷.

Но ни из этого, ни из других планов создания балканского нейтрального блока ничего не вышло. Одной из причин была позиция Берлина. Хотя поначалу там было мнение, что подобный блок обеспечит стабильность на Балканах для получения оттуда Германией нужного ей сырья и продовольствия, но затем возобладало подозрение, что он, наоборот, может быть использован англо-французской коалицией и способствовать сближению между нею и Италией. А потому нацистское руководство воздействовало на Рим, в результате чего Муссолини отказался от участия в комбинациях с созданием блока. Германская позиция повлияла и на ряд балканских стран, предпочитавших не противопоставлять себя открыто третьему рейху. Другой причиной, воспрепятствовавшей образованию блока нейтралов, явилась непреодолимость территориальных противоречий государств Балканской Антанты с Болгарией и Венгрией как предполагавшимися участниками блока. Наконец, его возникновению препятствовали и опасения тех же Болгарии и Венгрии, что нейтральный характер блока мог оказаться под вопросом, поскольку ставшая бы его членом Турция хотя и сохраняла позицию неучастия в войне, однако заключила 19 октября 1939 г. давно подготовленный трехсторонний пакт о взаимопомощи с Англией и Францией¹⁸.

Последнее обстоятельство вызвало некоторые сомнения даже внутри самой Балканской Антанты относительно ее дальнейшей перспективы. Тем не менее на очередной сессии ее Постоянного совета, состоявшейся в Белграде 2–4 февраля 1940 г., было продлено еще на 7 лет действие договора 1934 г., учредившего Балканскую Антанту. Более того, на сессии была достигнута секретная договоренность, хотя и устная, о взаимном обязательстве стран-членов принимать совместные меры по защите своих границ с небалканскими государствами в случае агрессии со стороны какого-либо из этих государств. Реально имелось в виду возможное, по мнению членов Балканской Антанты, возникновение угрозы со стороны Германии, Италии и СССР¹⁹.

Однако почти сразу после сессии в политике некоторых стран-участниц, среди них и Югославии, появились симптомы склонности к тому, чтобы дать задний ход ввиду опасения оказаться в результате принятых обязательств втянутыми в прямое, а тем более военное противостояние Берлину, Риму или Москве. В частности югославская сторона стала проявлять тенденцию уклониться от участия в организации и проведении намеченных белградской договоренностью периодических совещаний в Афинах военных представителей стран Балканской Антанты для рассмотрения вопросов совместной обороны от агрессии небалканских государств. Эта тенденция стала особенно очевидной в обстановке, когда в апреле 1940 г. Германия развернула активное наступление на севере и затем с мая на западе Европы, а одновременно появились признаки военных приготовлений Италии, направленных против Югославии. Белград ссылаясь в апреле лишь на желательность отложить проведение военных совещаний в Афинах на более поздний срок по тактическим причинам. Например, говорилось о необходимости подождать, чтобы не помешать осуществлению рассчитанных на предстоявшие полгода крупных германских поставок военных материалов в Югославию. Но фактически совещания военных представителей стран Балканской Антанты были тем самым заблокированы югославской стороной и в итоге вообще так и не начаты²⁰.

Югославское руководство чрезвычайно боялось сделать опрометчивый шаг, который бы мог резко ухудшить внешнеполитическое положение страны. Тем более, что в условиях,

когда вялотекущая «странная война» на западном фронте сменилась мощными германскими ударами, Белград пугала вероятность того, что этим воспользуется Муссолини для нападения на Югославию. Как уже упоминалось выше, с самого начала войны Павел считал Италию источником главной опасности. И к этому были немалые основания.

На протяжении первых военных месяцев Рим неизменно рассматривал планы агрессии против Югославии с целью овладения Хорватией. Он снабжал усташей деньгами для организации там беспорядков, с прицелом на то, чтобы в Хорватии было поднято восстание, захвачен Загреб, а усташский предводитель Анте Павелич, явившись туда, обратился бы к Италии за помощью и тем самым создал предлог для итальянской военной интервенции. В результате было бы образовано марионеточное королевство Хорватия, корону которого вручили бы королю Италии. Только неготовность итальянской армии и опасения относительно реакции со стороны англо-французской коалиции на такой шаг, особенно в ситуации, когда и Германия могла быть против нападения на Югославию ввиду заинтересованности в стабильных поставках оттуда сырья и продовольствия, удерживали режим Муссолини от непосредственной реализации этих планов²¹. Однако к концу марта 1940 г., а особенно с апреля, когда начались успешные наступательные действия немецких войск в Скандинавии, затем получившие продолжение на западном фронте, у Муссолини проявляются растущие опасения не упустить момент для вступления в войну на стороне Германии, победа которой стала представляться ему все более несомненной. В итоге в первой половине мая он склонился к решению резко приблизить сроки вступления в войну²². Но еще к середине апреля в прессе и дипломатических кругах стали муссироваться сообщения о возможной итальянской военной операции в Далмации. Эта возможность всерьез рассматривалась и западными союзниками. А в Югославии она оказалась в центре внимания как правивших верхов, так и широкой общественности²³.

На самом деле с первой половины апреля до первой половины мая Муссолини колебался по поводу как сроков вступления в войну, так и непосредственного направления военных действий – то ли атаковать Югославию, то ли западных союзников. В конечном счете к середине мая, решив, что Италия станет воюющей в течение примерно месяца, он определил и конкретного противника – англо-французскую коалицию. Югославию дуче пока решил не трогать. В Риме полагали, что после победы вместе с Германией над западными союзниками удастся получить и то, чего итальянский фашистский режим хотел от Югославии²⁴. Но с югославской стороны, несмотря на итальянские заявления об отсутствии намерений напасть, серьезно боялись, особенно в апреле – мае, что нападение может последовать в самое ближайшее время. Министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано в конце мая отметил в своем дневнике, что в югославского посланника в Риме вселился ужас, и когда Чиано пригласил его для сообщения, что нападения не будет, тот, будучи вызван неожиданно, явился «бледный, как привидение»²⁵. В этой ситуации в Белграде не знали, на что решиться. Так, 17 мая югославское правительство обратилось к своим союзникам по Балканской Антанте, в частности к правительствам Греции и Турции, с запросом об их позиции в случае, если Югославия подвергнется нападению Италии или Германии. Те ответили, что готовы рассматривать вопрос об оказании помощи, но только на основе взаимности, и указали на необходимость начать с выполнения февральской договоренности о военных совещаниях, созыв которых блокировался как раз Белградом. На это день спустя югославская сторона заявила об отзыве своего запроса и о предложении считать, что ни его, ни ответа не было²⁶.

В страхе, как бы ни вызвать опасные для Югославии действия со стороны Италии, не говоря уж о Германии, Павел Карагеоргиевич вместе с тем пытался расширить поле для внешнеполитического лавирования, использовать на международной арене дополнительные факторы, с помощью которых было бы возможным хоть в какой-то мере усилить югославские позиции. В поисках таких факторов его внимание все больше привлекал СССР, который после вступления в результате советско-германских договоров августа – сентября 1939 г. в своеобразный альянс с «третьим рейхом» проявлял растущую активность на европейской сцене, в том числе особенно стал претендовать на роль нового полюса притяжения для балканских стран, прежде всего для славянских Болгарии и Югославии.

Для Белграда вопрос об изменении отношения к СССР был более чем непростым не только из-за резкой социальной враждебности большевистскому режиму, но еще и ввиду специфического его неприятия (и потому почти самого долгого в тогдашней Европе непризнания), вызывавшегося особенно тесными узами Карагеоргиевичей со свергнутым российским императорским домом. Еще осенью 1939 г. дипломатическим представителям обеих воюющих сторон высказывались югославскими верхами и самим Павлом опасения по поводу возможного распространения советского влияния на Балканах, а то и советской экспансии в регионе. Причем об этом говорилось, как о чрезвычайно важной угрозе²⁷. Но суровые условия крайне трудного и опасного международного положения Югославии вынуждали руководство страны к тому, чтобы уже вскоре серьезно обдумывать проблему установления отношений с СССР. Вместе с тем в начале января 1940 г. от югославского посла в Анкаре поступило в Белград донесение о высказываниях советского полпреда в Турции, в которых давалось понять, что СССР, в свою очередь, отнесся бы положительно к установлению советско-югославских отношений. Результатом были последовавшие в конце марта через тот же контакт между дипломатическими представителями Югославии и СССР в Анкаре предложение югославского правительства послать в Москву свою официальную делегацию для установления экономических отношений и ответ советского правительства о согласии на это²⁸.

Официально информируя 17–18 апреля правительства Италии, обеих воюющих сторон (как Англии и Франции, так и Германии) и своих союзников по Балканской Антанте о предстоявших переговорах в Москве, югославское правительство подчеркивало, что его инициатива вызвана исключительно экономическими соображениями: необходимостью обеспечить потребности Югославии в нефти, хлопке, черных металлах, которые ей в конкретных условиях ведущейся войны удобнее и выгоднее всего приобретать в Советском Союзе²⁹. Однако в доверительной беседе с британским посланником Павел сказал, что главной целью вступления в переговоры с СССР было вызвать тем самым чувство неуверенности у руководства Италии и держать последнее в неизвестности³⁰. Принц-регент, очевидно, имел в виду, что режим Муссолини, в котором югославская сторона усматривала в тот момент источник наибольшей угрозы, может заподозрить возможность советского покровительства Белграду, а это способно оказать сдерживающее воздействие на итальянскую политику в отношении Югославии. Тем более, что Рим, отрицательно относившийся к договоренностям Берлина с Москвой 1939 г. и в данной связи даже гадавший, нет ли какого-то закулисного германо-советского сговора о Балканах, мог опасаться, что начавшийся советско-югославский контакт связан с подобным сговором. Вместе с тем Павел не исключал, что в случае успеха экономических переговоров дело придет и к установлению дипломатических отношений между Югославией и СССР³¹.

Переговоры в Москве, состоявшиеся в конце апреля – начале мая 1940 г., завершились подписанием 11 мая советско-югославского договора о торговле и мореплавании³². Это расширяло для Югославии перспективы приобретения возможности большего внешнеэкономического маневра, что имело значение ввиду все усиливавшегося германского экономического диктата. Переговоры были значимы и в том смысле, что югославская делегация прозондировала вопрос о приобретении у СССР вооружения и получила ответ о возможности этого³³. Наконец, принимая 8 мая делегацию, председатель Совнаркома В.М. Молотов весьма прозрачно высказал советскую позицию в поддержку необходимости противостояния грозящим Югославии опасностям со стороны Германии и Италии. И подчеркнул в этой связи важность усиления югославской обороноспособности³⁴.

Глядя на произошедшее как на новый фактор, обещающий способствовать расширению пространства для внешнеполитического лавирования, югославское руководство, продолжавшее опасаться агрессивных действий со стороны Италии и крайне встревоженное ставшим вырисовываться с мая и превратившимся в очевидность в июне поражением Франции, решило в начале июня срочно установить и дипломатические отношения с СССР. 9 июня 1940 г. Белград дал инструкции своему послу в Турции передать через советского полпреда в Анкаре соответствующее предложение правительству СССР, а 20 июня через ту же цепочку пришел из Москвы ответ, что югославское предложение принимается. 24 июня путем обмена соответствующими официальными письмами сторон было оформлено установление советско-югославских дипломатических отношений на уровне посланников³⁵.

Международное положение и внешняя политика Югославии в условиях усиления германо-итальянской экспансии на Балканах во второй половине 1940 г. Военный разгром Франции, закрепленный 22 июня 1940 г. Компьенским перемирием, означавшим ее фактическую капитуляцию перед нацистской Германией, в огромной мере изменял международное положение в Европе. Ставший победителем третий рейх вместе с присоединившейся к нему под занавес, в начале июня, фашистской Италией резко усилили свои позиции на континенте. В частности теперь, после гитлеровских побед на севере и западе Европы, у держав «оси», прежде всего у Германии, были развязаны руки для более решительных действий, направленных на установление ими контроля над странами балкано-дунайского региона. Что касалось Югославии, то, например, 15 июня, когда поражение Франции стало уже очевидным, из германского МИД инструктировали своего посланника в Белграде ясно указать тамошнему правительству, что в сложившихся новых условиях оно должно целиком отдавать себе отчет в полной экономической зависимости своей страны от держав «оси»³⁶. А одним из результатов германо-югославских экономических переговоров, состоявшихся в Берлине во второй половине июля, явилось принятое под германским давлением фактическое обязательство Югославии прекратить экспорт в страны, находившиеся в войне с третьим рейхом (последнее подразумевало Англию)³⁷.

Вместе с тем в обстановке, вызванной разгромом Франции, политику в отношении балканских стран резко активизировала Москва, начавшая с того, что еще в конце июня 1940 г. поспешила реализовать свою договоренность с Берлином о германской поддержке претензий СССР на Бессарабию и путем ультимативного нажима на Румынию вынудила Бухарест передать Советскому Союзу как Бессарабию, так заодно и Северную

Буковину вместе с расположенным между ними районом на севере румынской Молдовы. Этим прецедентом изменения территориального status quo, существовавшего в период между двумя мировыми войнами, немедленно воспользовались Будапешт и София, тоже предъявившие Румынии территориальные претензии: венгерская сторона – на Трансильванию, болгарская – на Южную Добруджу. Причем как Будапешт и София, так и ставший адресатом их требований Бухарест обратились за помощью к Германии, поскольку в каждой из трех названных столиц считали нацистский рейх наиболее в тот момент мощной державой, к покровительству которой есть смысл апеллировать. Гитлер энергично проэксплуатировал данную ситуацию. Германия выступила в роли центра, регулировавшего спорные территориальные проблемы: вместе с ассистировавшей ей Италией она продиктовала 30 августа 1940 г. решение так называемого 2-го Венского арбитража, передававшее Северную Трансильванию Венгрии, и почти одновременно было согласовано передать Южную Добруджу Болгарии. Вместе с тем Германия и Италия декларировали, что отныне принимают на себя гарантию целостности и неприкосновенности территории, остающейся у Румынии. Последнее было направлено не только против еще каких-нибудь претензий к этой стране, которые были бы дополнительно выдвинуты со стороны ее соседей по балкано-дунайскому региону, но фактически прежде всего против возможности дальнейших советских притязаний и попыток воздействия на Бухарест³⁸.

В условиях начатого таким образом территориального передела на Балканах югославское руководство продолжило с еще большей осторожностью политику внешнеполитического лавирования. Этой линии оно придерживалось уже в самом ходе территориального кризиса вокруг Румынии. Так, в связи с советскими территориальными требованиями, предъявленными Бухаресту, Югославия на румынский запрос о ее позиции как союзницы Румынии по Балканской Антанте посоветовала мирное решение конфликта, т.е. фактически уступку Москве. А в случаях с венгерскими претензиями на Трансильванию и болгарскими – на Южную Добруджу Белград даже пытался выступать в качестве посредника между сторонами в этих конфликтах, но в итоге его роль не была значимой, так как главные решения были приняты Гитлером, вместе с которым выступал Муссолини³⁹.

Как поражение Франции, так и последовавший вслед за тем исход румынского территориального кризиса означали для Югославии весьма существенное изменение ее международного положения. В результате французской капитуляции Белград лишился столь важного для него внешнеполитического фактора, какой представляла из себя англо-французская коалиция. Эту потерю не могла компенсировать оставшаяся в одиночестве Англия, влияние и возможности которой на Балканах после разгрома Франции резко упали. А исход румынского кризиса повернул либо усилил в более опасную для Югославии сторону направленность внешней политики сразу трех соседних с ней стран – Венгрии, Болгарии и Румынии. В итоге передачи Северной Трансильвании в руки Венгрии, а Южной Добруджи – в руки Болгарии Берлин приобрел значительно большее влияние на Будапешт, еще до того довольно тесно связанный с «осью», и серьезно усилил свое воздействие на Софию, отчасти уже ориентированную на такую связь, а отчасти пытавшуюся лавировать на полунейтралистских позициях. Вместе с тем, предоставив Румынии, уже подвергнутой обрезаниям, гарантию неприкосновенности оставшейся территории, Гитлер основательно привязал к себе Бухарест, который прежде был в большей мере настроен прозападно, являлся членом Балканской Антанты (и

ближайшим балканским союзником Белграда), но теперь вообще отказался от данных ему перед войной англо-французских гарантий, оставшихся после поражения Франции лишь британскими, и поставил себя под покровительство третьего рейха. Вследствие этого Югославия оказалась почти сплошь, за исключением Греции, в окружении либо самих держав «оси» (Германия, Италия и захваченная Италией Албания), либо государств, связанных с «осью» или все сильнее ориентировавшихся на нее (Венгрия, Румыния, Болгария).

Возникшее положение продолжало затем усугубляться. После того, как 27 сентября 1940 г. получила оформление дальнейшая консолидация «оси» в виде образования военно-политического Тройственного пакта Германии, Италии и Японии, к нему присоединились 20 ноября Венгрия, а 23 ноября – Румыния, в которой еще с октября началось размещение германских войск. А еще в середине октября последовало германское предложение руководству Болгарии о ее присоединении к пакту. Для Югославии опасность такой ситуации состояла не только в окружении «осью» и угрозе полной изоляции от остального мира. Дело было еще и в том, что хотя начавшийся территориальный передел на Балканах пока не затрагивал югославских границ, однако была вполне ожидаема перспектива следующего раунда территориальных требований, на сей раз обращенных уже к Белграду, со стороны все тех же Софии и Будапешта, поощренных приобретениями, которые им удалось получить под покровительством Берлина в первом, румынском, раунде. И в условиях, когда Венгрия и Болгария становились во все большей мере связанными с «осью» и зависимыми от нее, та могла использовать их претензии как эффективный инструмент давления на Югославию, а в случае несговорчивости последней – вообще наказать ее значительными территориальными изъятиями.

На протяжении второй половины 1940 г. Белград и его дипломатические представители внимательно следили за любыми явными или прикрытыми проявлениями настроений в пользу ревизии югославских границ, имевшими место в Венгрии и Болгарии. Эти проявления, особенно заметные в Болгарии по поводу югославской (Вардарской) Македонии, вызывали беспокойство с югославской стороны, несмотря на постоянные заверения официальных болгарских представителей в дружественно-лояльной политике Софии по отношению к Югославии⁴⁰. Беспокойство существенно возросло в ноябре 1940 г., во-первых, ввиду сведений о нажиме Гитлера на руководство Болгарии с целью добиться ее присоединения к Тройственному пакту, а во-вторых, под воздействием распространявшихся немецкой агентурой слухов, будто в связи с состоявшимся тогда визитом Молотова в Берлин Кремль согласился на ведущую роль Германии на Балканах. Встревоженный Белград пытался выяснить у советских представителей, действительно ли СССР согласен с преобладанием третьего рейха в балканском регионе. И даже просил Москву помочь в выяснении подлинной позиции Болгарии по поводу югославской Македонии⁴¹. Последнее было, очевидно, вызвано югославской надеждой на то, что уже само проявление со стороны СССР перед болгарскими заинтересованности в этом вопросе может оказать сдерживающее влияние на Софию. Впрочем, буквально вслед за тем, на рубеже ноября – декабря 1940 г. в югославских верхах возникло серьезное беспокойство в связи с просочившимися в мировую печать сведениями о сделанных Софией Москвой в конце ноября предложениях о заключении советско-болгарского договора о взаимопомощи. Призванное включить Болгарию в сферу влияния и контроля СССР, предложение сопровождалось обещанием советской поддержки болгарских интересов, в том числе территориальных претензий к соседним странам. В Белграде это вызвало опасение воз-

можной поддержки Советским Союзом болгарских устремлений в отношении югославской Македонии. И посланник Югославии в Москве Милан Гаврилович осторожно пытался предостеречь советскую сторону, по его выражению, от «ошибок» в отношениях с Болгарией⁴². Он, как и инструктировавшее его руководство в Белграде, еще не знали, что к тому времени болгарское правительство, консультировавшееся с Берлином, уже отвергло предложение СССР⁴³. И тем самым вопрос, волновавший югославскую сторону, отпадал сам собой.

Что касалось Венгрии, то в югославских верхах еще с поздней весны 1940 г. стали предприниматься усилия, призванные урегулировать отношения с ней. И потому в Белграде сразу же положительно откликнулись на последовавшее в конце ноября предложение Будапешта заключить договор о дружбе между двумя странами. Венгерская инициатива была следствием сложного переплетения разных факторов. Как в тогдашних оценках дипломатических наблюдателей, так и впоследствии в историографии высказывалось мнение, что эта инициатива отчасти стимулировалась с немецкой стороны как один из способов усиления связи Югославии с Тройственным пактом, а отчасти вызывалась стремлением некоторых сил в венгерских верхах путем сближения с Белградом несколько усилить положение Венгрии в отношениях с Румынией и, возможно, даже с Германией. С югославской же стороны были заинтересованы смягчить венгерскую позицию в вопросе о территориальных претензиях к Югославии и к тому же представить договор перед Гитлером как свидетельство своей крепнущей связи с государствами Тройственного пакта. В итоге югославо-венгерский договор о «вечной дружбе» был подписан 12 декабря 1940 г.⁴⁴

В наибольшей мере продолжала страшить югославское руководство угроза захватнических устремлений фашистской Италии. Страх был небезоснователен, ибо после поражения Франции Муссолини по-прежнему вынашивал планы нападения на Югославию и ее расчленения. Был даже замысел атаковать ее во второй половине сентября 1940 г.⁴⁵ Для Павла Карагеоргиевича, управлявшего югославской внешней политикой, драматизм этой угрозы усиливался тем, что, как он считал, Югославия, в случае если бы она подверглась нападению, была бы способна сопротивляться в течение не больше двух недель и, потеряв пару миллионов человек, была бы раздавлена⁴⁶. В качестве фактора, который мог бы действительно воспрепятствовать агрессивным намерениям Рима, Белград всячески старался использовать стремление Берлина к сохранению стабильности в Юго-Восточной Европе, в частности в Югославии, как тыловой зоне сырьевого и продовольственного снабжения Германии. В этом духе руководящие югославские деятели подчеркнуто апеллировали к германской стороне⁴⁷. И, соответственно, должны были идти на то, чтобы, елико возможно, удовлетворять непрерывно возраставшие требования гитлеровской Германии по поводу поставок из Югославии, хотя это и вызывало весьма критическую британскую оценку⁴⁸. Подобная югославская тактика оказывалась довольно результативной, поскольку отвечала интересам Берлина. Уже в середине августа 1940 г. нацистское руководство поставило перед своим итальянским союзником вопрос о необходимости отказа от какого-либо плана нападения на Югославию. И всего через несколько дней Муссолини, планируя дальнейшие военные действия, которые бы были предприняты Италией, отложил на неопределенный срок акцию, направленную против Югославии (а также Греции)⁴⁹. Та же позиция «третьего рейха» была в более дипломатичной форме подтверждена месяц спустя, 19 сентября, на встрече министра иностранных дел Германии Й. Риббентропа с Муссолини. А последний вновь вынужден

был подтвердить в ответ, что в данный момент Италия не будет начинать войну с Югославией и Грецией⁵⁰.

Правда, что касалось Греции, то уже 28 октября произошло вторжение туда итальянских войск из Албании. Итало-греческая война, начатая Римом без одобрения Берлина, на собственный страх и риск, породила новую крайне серьезную тревогу в Белграде. Помимо общей перспективы того, что после Греции следующей на очереди оказывалась бы сама Югославия, главная непосредственная причина тревоги вызывалась ситуацией, при которой в случае захвата Греции фашистской Италией завершалось бы полностью окружение югославской территории странами «оси» вкуче со все более ориентировавшейся на «ось» Болгарией. «Что мы можем сделать? Мы полностью окружены!», – такова была реакция начальника югославского генштаба генерала Петра Косича, беседовавшего 28 октября с английским военным атташе сразу после получения сообщения об итальянском вторжении в Грецию⁵¹. В частности, захват Греции означал лишение Югославии выхода в неконтролируемое державами «оси» Эгейское море (в отличие от контролируемой в значительной мере Италией Адриатики) через югославскую свободную зону в Салониках, которая была предоставлена Грецией на 50 лет в соответствии с югославо-греческой конвенцией 1923 г. Отдаленная от греко-югославской границы меньше чем на сотню километров, эта зона была связана с Югославией прямой железнодорожной линией и имела очень большое как экономическое, так и стратегическое значение.

Поскольку югославское руководство опасалось быстрого успешного продвижения итальянских войск, вторгшихся в Грецию, вопрос о Салониках был срочно обсужден на секретно созванном 28 октября, через несколько часов после начала итало-греческой войны, совещании Коронного совета. Павел и премьер Драгиша Цветкович заявили там о необходимости воспрепятствовать занятию Салоник итальянцами. Имелось в виду даже пойти на риск, предприняв операцию югославских войск для захвата Салоник до подхода туда итальянских сил. Но большинство участников совещания – министр иностранных дел Александр Цинцар-Маркович, министр армии и флота генерал Милан Недич и министр двора Милан Антич – высказались за более осторожную позицию: выждать дальнейшего развития событий, а прежде всего выяснить позицию Берлина и, если нужно, попытаться заручиться его согласием на то, чтобы Югославия заняла Салоники. Хотя Павел, вопреки своей обычной осторожности, даже выразил негодование по поводу такой, как он сказал, трусливой позиции, она в итоге совещаний, продолжившихся в следующие несколько дней, возобладала⁵².

Если в сообщении официального югославского пресс-бюро 28 октября говорилось, что Югославия готова посредничать между Италией и Грецией, то в заявлении югославского правительства в связи с итало-греческой войной, опубликованном 2 ноября, центральное место занимал усиленно подчеркивавшийся тезис, что югославская политика нейтралитета целиком совмещается с дружественными отношениями, связывающими Югославию с Германией и Италией, а по поводу самой войны дело ограничивалось лишь выражением «сожаления» и указанием на «надежду», что югославские интересы «не подвергнутся угрозе ни с какой стороны»⁵³. За кулисами этого последовали на рубеже октября – ноября по различным каналам югославские обращения к Германии с объяснениями того, что Югославия никак не может допустить, чтобы Салоники оказались в руках Италии, а в крайнем случае была бы готова противодействовать этому военным путем. Югославские зондажи немецкой позиции сопровождались даже некоторыми неофициальными намеками, что в случае поражения Греции Белград мог бы за передачу

ему Салоник заплатить серьезную политическую цену вплоть до некоторых территориальных уступок в пользу Италии, демилитаризации югославского адриатического побережья и более того – эвентуального перехода от нейтралитета к вступлению в антибританский лагерь⁵⁴.

Одновременно были тем не менее отданы приказы о скрытой мобилизации и концентрации части югославской армии, особенно на юго-востоке, в направлении Греции⁵⁵. Наряду с этим Павел и Цветкович заверили греческое правительство, что если Рим захочет направить итальянские войска в Грецию через югославскую территорию, Югославия воспротивится. На британский запрос о том, как отреагирует Белград, если аналогичное желание выскажет Берлин по поводу пропуска немецких войск, Павел, чуть замешкавшись, ответил, что югославская позиция будет такой же, как в итальянском случае⁵⁶. А на случай возможного болгарского нападения на Грецию югославская сторона указывала, что греко-югославские договорные обязательства о взаимной помощи касаются лишь ситуации, когда Болгария выступит в одиночку, но не будут иметь силы, если София предпримет действия совместно с Германией⁵⁷.

В такой весьма осложнившейся ситуации, порожденной нападением Италии на Грецию, среди некоторых фигур в югославских верхах проявились сомнения в самой возможности продолжения того внешнеполитического лавирования, которое проводилось до сих пор. Эти сомнения были изложены в докладной записке министра армии и флота генерала Недича от 1 ноября, адресованной принцу-регенту и правительству. В ней говорилось, что завершавшееся окружение Югославии германо-итальянским блоком сделало невозможным дальнейшую политику нейтралитета. И необходимо сделать выбор: или решительно присоединиться к Германии и Италии, пока они еще заинтересованы в этом, или, наоборот, столь же решительно встать на сторону Англии. Во втором случае Недич предлагал мобилизовать всю югославскую армию и идти на помощь Греции. Но предостерегал, что это повлечет за собой нападение Германии, Италии, Венгрии, Румынии и Болгарии на Югославию, которая не в состоянии противостоять такой силе и будет ими захвачена и расчленена. Генерал упоминал и о возможности заключения союза с Москвой, но при этом характеризовал положение СССР и перспективу получения оттуда Югославией помощи столь негативно, что этим, в сущности, указывал, что какой-либо расчет на советскую помощь – не более чем иллюзия. Отсюда вытекал и фактический вывод, к которому подводило содержание докладной записки Недича: единственным выходом из положения является присоединение к «оси»⁵⁸.

Однако в последующие дни произошел никем не ожидавшийся поворот событий на итало-греческом фронте. Итальянские войска были отброшены из Греции обратно в Албанию, и вошедшая туда греческая армия успешно повела военные действия против агрессора. Стало вырисовываться, что война, очевидно, принимает затяжной характер. В результате такого развития пошла на убыль острота, с которой вопрос о Салониках, как и вообще о последствиях итальянского вторжения в Грецию, стоял перед югославским руководством, когда война только началась⁵⁹.

Вместе с тем 5–6 ноября последовали бомбардировки итальянскими самолетами города Битоль (Битола), расположенного в югославской Македонии вблизи стыка границ Югославии, Греции и Албании. Это было расценено как фактическое предупреждение из Рима, чтобы Белград не вмешивался для противодействия целям режима Муссолини в отношении Греции. Ответные шаги югославского руководства шли по разным направлениям.

С одной стороны, оно приняло ряд организационных и технических мер, призванных способствовать повышению обороноспособности Югославии, особенно ее противовоздушной обороны. Наряду с этим генерал Недич был обвинен в невыполнении возложенных на него обязанностей по защите страны от внешней угрозы и отставлен со своего министерского поста⁶⁰. Правда, в историографии, а особенно в политической публицистике получили хождение и всякого рода версии об иных, чисто политических причинах отставки. Причины назывались разные: то недовольство Павла позицией Недича, выраженной в упомянутой выше докладной записке от 1 ноября 1940 г.; то получение Цветковичем данных, что генерал выдает немцам секретные внешнеполитические планы югославского руководства; то необходимость считаться с резко негативным отношением, которое Недич как министр вызвал к себе в Хорватии; то, наконец, опасения принца-регента ввиду близких связей Недича с предводителем праворадикальной организации «Збор» Димитрием Лётичем, резко выступавшим против политики властей, в том числе против проводимого внешнеполитического лавирования. А обвинение генерала в невыполнении им обязанностей по защите страны являлось, согласно этим версиям, лишь предлогом и никак не было связано с мерами по усилению обороноспособности Югославии⁶¹. Но какой бы ни была действительная причина отставки Недича, фактом является то, что сами распоряжения о подобных мерах реально последовали.

С другой стороны, Белград поспешил путем тайного контакта своего неофициального эмиссара с итальянским министром иностранных дел Чиано обратиться к правительству Италии, приглашая начать переговоры о взаимном сближении. В историографии известно об этом тайном контакте, имевшем место 11 ноября, в основном из свидетельств самих его участников с итальянской и югославской стороны. То и другое свидетельства совпадают в том, что Муссолини в обстановке итальянских неудач в начатой войне с Грецией предпочел согласиться на переговоры, но содержат во многом противоречащие друг другу данные о том, какие именно предложения для предстоящих переговоров выдвигались Белградом и какие Римом⁶².

Однако какими бы они в действительности ни были, эти предложения не приобрели столь существенного значения, поскольку неделю спустя в дело решительно вмешался Гитлер. На встрече с Чиано 18-го, а затем на их повторной встрече 20 ноября и в письме, отправленном в тот же день в адрес Муссолини, фюрер, крайне критически отозвавшись о последствиях самостоятельного итальянского нападения на Грецию, изложил ряд мер, необходимых для исправления положения. В частности он заявил, что без содействия Югославии едва ли удастся изменить тупиковую для итальянских войск ситуацию на греческом фронте, в том числе и тогда, когда весной 1941 г. Германия будет в состоянии начать военные действия в отношении Греции для помощи итальянским силам. А потому необходимо пойти на сотрудничество с Югославией и предпринять шаги по перетягиванию ее на сторону «оси». В качестве таких шагов Гитлер упоминал возможность предложить, чтобы Павел Карагеоргиевич занял югославский королевский трон, и обещать, что Белград получит территориальное удовлетворение в виде Салоник. Муссолини под таким гитлеровским напором пришлось выразить принципиальное согласие с тем, чтобы предпринять усилия по сближению и сотрудничеству с Югославией⁶³.

Подчеркивавшаяся нацистским фюрером важность сотрудничества с Югославией для действий против Греции должна была служить наиболее убедительным для Рима аргументом в пользу принятия германской позиции. В действительности эта позиция была обусловлена соображениями, связанными не только с военными целями на гре-

ческом фронте, но с гораздо более общими военно-политическими и особенно экономическими интересами Германии по созданию стабильного тыла и источника снабжения на Балканах в условиях планировавшегося Гитлером продолжения агрессии, в частности нападения на СССР. Югославии как наиболее крупной балканской стране отводилось здесь крайне значимое место. Исходя из подобных интересов, Берлин вслед за тем вообще взял переговоры с югославской стороной в свои руки. На состоявшейся 29 ноября, по приглашению немцев, тайной встрече югославского министра иностранных дел Цинцар-Марковича с Гитлером последний поставил вопрос о том, что наступил момент, когда Югославия должна покончить с занимаемой ею неопределенной позицией и занять место рядом с Германией и Италией, войти в создаваемую ими «европейскую коалицию», иными словами, присоединиться к «оси». На этих условиях фюрер обещал гарантировать согласие Рима с территориальной целостностью Югославии и получением ею Салоник, которые бы стали ее главным морским портом. А при переориентации на Эгейское море была бы проведена для успокоения Италии демилитаризация югославского адриатического побережья⁶⁴.

Так вслед за большинством других балкано-дунайских стран требование стать на сторону «оси» было предъявлено и Югославии. Правда, на встрече с Цинцар-Марковичем 29 ноября Гитлер в отличие от того, как он делал с другими, не поставил прямо вопроса о присоединении Белграда к Тройственному пакту. Вместо этого им была упомянута возможность заключения Югославией пакта о ненападении с Германией и Италией⁶⁵. Именно за такую формулу и ухватилось югославское руководство, надеясь таким образом избежать непосредственного присоединения к Тройственному пакту. И 7 декабря германской стороне было заявлено о согласии обсудить с германским и итальянским правительствами возможность подписания пакта о ненападении на базе итало-югославского договора от 25 марта 1937 г., которым предусматривались взаимное ненападение, уважение границ между Италией и Югославией и развитие дружественных отношений⁶⁶.

Однако одновременно из контакта Павла с англичанами было видно, что он опасается возможной постановки Берлином вопроса о присоединении Югославии к Тройственному пакту⁶⁷. Две недели спустя опасения подтвердились: на югославское предложение от 7 декабря последовал германский ответ, что реализация такого предложения не означала бы удовлетворения условий, необходимых для упрочения отношений Югославии с державами «оси». Ибо остается вопрос о присоединении страны к Тройственному пакту⁶⁸. Таким образом, нацистским руководством был обозначен предел возможностям проведения Белградом политики лавирования.

Под прессом Гитлера: крах политики внешнеполитического лавирования и присоединение Югославии к Тройственному пакту. Впервые открыто выдвинутый Берлином перед Белградом 22 декабря 1940 г. вопрос о необходимости присоединения Югославии к Тройственному пакту ставил югославское руководство перед драматическим выбором. Оно не хотело выполнять фактическое германское требование, но просто отвергнуть его не решалось. И потому все-таки продолжало попытки найти возможность лавирования, которое бы позволило тянуть время и уклоняться от решения, желательного Гитлеру. В подготовленном для Павла специальном докладе рассматривалось несколько вариантов предложений, которые югославская сторона могла бы

представить Берлину в качестве альтернатив присоединению к Тройственному пакту. Один из вариантов состоял в том, чтобы проект заключения Югославией пакта о ненападении с Германией и Италией, уже отвергнутый третьим рейхом, повторить, но дополнив число участников такого пакта Советским Союзом. Другим вариантом предусматривалось подписание югославо-германского пакта о дружбе и ненападении, частью которого было бы обязательство Германии уважать независимость и целостность Югославии. Но как наиболее приемлемый для Белграда в докладе излагался вариант, при котором Югославия брала бы на себя роль посредника в прекращении итало-греческого конфликта, а вместе с тем предложила бы соглашение балканских стран с обязательством не позволять использовать их территорию ни одной иностранной державе⁶⁹. Последнее имело в виду Англию и потому, как надеялись авторы доклада, могло бы вызвать интерес германской стороны. Хотя в самом же докладе не возлагалось особых надежд на эти предложения, часть из них была Павлом санкционирована. 20 января 1941 г. неофициальный югославский эмиссар вступил в контакт с Берлином, предлагая встречу Цветковича с министром иностранных дел Германии Риббентропом. Это было в конце января одобрено Гитлером, который решил и сам принять Цветковича. 6 февраля последовало от Риббентропа приглашение на переговоры Цветковичу и югославскому министру иностранных дел Цинцар-Марковичу⁷⁰.

При подготовке к визиту, которая происходила на фоне поступавших в Белград сообщений о наращивании численности немецких войск в Румынии, готовившихся к последующему вступлению в Болгарию, а оттуда – к действиям в Греции⁷¹, югославское правительство, следуя упомянутым выше наметкам, рассмотренным принцем-регентом, поручило посланнику в Москве Милану Гавриловичу прозондировать советскую позицию в связи со складывающейся ситуацией⁷².

Как уже говорилось, советское руководство было заинтересовано в том, чтобы поддержать Югославию, в том числе и содействием усилению ее оборонного потенциала, для противостояния угрозе ее подчинения «осью». Но оно пыталось совместить это с сохранением советско-германского взаимодействия, основанного на договоренностях 1939 г. Отсюда возникало постоянное советское опасение, как бы не обнаружить себя перед Берлином в качестве противовеса немцам в Югославии и не поставить под угрозу отношения с Германией. На предпринимавшиеся вслед за установлением советско-югославских дипломатических отношений попытки югославской миссии в Москве прояснить в Народном комиссариате иностранных дел (НКВД) СССР, какова может быть позиция Советского Союза при том или ином критическом обороте событий в балкано-дунайском регионе, а особенно при возникновении непосредственной угрозы независимости или территориальной целостности Югославии, советская сторона неизменно предпочитала уклониться от ответа⁷³. А в посланной 17 октября 1940 г. Молотовым как наркомом иностранных дел установке о том, какой линии поведения следует придерживаться полпредству СССР в Белграде в его отношениях с югославским руководством, указывалось, что Москва сочувствует делу независимости Югославии, но если речь идет об отношениях СССР с Германией, то, поскольку последняя выполняет августовский договор 1939 г., у советского правительства нет оснований для вмешательства в ее действия⁷⁴. Такая позиция сказалась и в вопросе о возможности приобрести в СССР вооружение, необходимое для югославской армии. Приобретение советского оружия и военной техники было крайне важно для Югославии. Ибо Германия и Италия всячески тормозили обещанную ими Белграду продажу военных материалов либо поставляли устаревшее

и часто некомплектное вооружение, а британские поставки были крайне ограничены ввиду военных потребностей самой Англии, с трудом удовлетворявшихся при помощи США⁷⁵. Поэтому югославская сторона была очень вдохновлена, когда в сентябре 1940 г., как только в Москве приступил к работе югославской военной атташе Жарко Попович, он был принят на самом высоком военном уровне – наркомом обороны С.К. Тимошенко вместе с начальником Генштаба К.А. Мерецковым, которые выразили стремление пойти навстречу югославским нуждам в вооружении. После чего между Наркоматом обороны и Поповичем начались переговоры о поставках⁷⁶. Переговоры тянулись с перерывами до февраля 1941 г. Но несмотря на достижение договоренности об объеме, ассортименте, способах поставок, Москва, вопреки неоднократным обещаниям, так их и не начала. Судя по непрерывно высказывавшемуся при этом Поповичу советскими представителями опасению, как бы обязательная тайна поставок не была нарушена при их осуществлении, главным в советской позиции оставалась боязнь нанести ущерб отношениям СССР с Германией⁷⁷. Таким образом, Москва в реально проводимой ею политике избегала ангажироваться оказанием какой-либо поддержки Белграду.

Такой же советская позиция оказалась и когда 8 февраля 1941 г. Гаврилович, выполняя упомянутое выше поручение, исходившее от югославского правительства, попытался выяснить советскую позицию в связи с наращиванием германских войск в Румынии, подготовкой к их вступлению в Болгарию и опасностью, непосредственно складывавшейся для Югославии. На вопросы Гавриловича принявший его первый заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский уклонился от определенного ответа, в результате чего посланник сообщил в Белград о своем впечатлении, что СССР, несмотря на свою заинтересованность в балканском регионе, пока все еще предпочитает выжидать и не вступать из-за Балкан в прямой конфликт с Германией⁷⁸. Вывод Гавриловича был верен, но, как и неполучение вооружения из СССР, не способствовал упрочению позиции Белграда в противостоянии нацистскому диктату.

В итоге на состоявшихся 14 февраля переговорах Цветковича и Цинцар-Марковича с Гитлером и Риббентропом Цветкович выдвинул лишь предложения о югославском посредничестве для прекращения итало-греческой войны и об инициативе Югославии с целью создания югославо-болгаро-турецкого блока, призванного не допустить ожидавшейся тогда высадки британских войск в Греции. Но с германской стороны это было встречено более чем скептически. Зато усиленно повторялся тезис о необходимости присоединения Югославии к Тройственному пакту. Югославский премьер, заверяя нацистских собеседников в стремлении к всемерному сотрудничеству Белграда с Берлином, на деле ограничился ответом, что доложит принцу-регенту Павлу настоятельную германскую рекомендацию. Вместе с тем Цветкович осторожно сослался на то, что вопрос о присоединении к Тройственному пакту труден для Югославии с внутривнутриполитической точки зрения ввиду необходимости считаться с массовыми настроениями среди населения. Но как аргумент он предпочел упомянуть не антигерманские настроения в сербском обществе, а вспышку антиитальянских чувств, вызванных заявлениями итальянской стороны, имевшими враждебную в отношении Югославии направленность⁷⁹.

Параллельно еще за пару недель до того Белград начал и тактическую игру с Римом: негласный эмиссар Павла предложил руководству Италии углубление югославо-итальянского договора 1937 г., но на сей раз без упоминания об участии в нем Германии. Эти итало-югославские переговоры были затем продолжены в течение февраля 1941 г., причем Муссолини относился к идее обновленного пакта положительно, надеясь исполь-

зовать его для привлечения Югославии к итальянским военным усилиям в отношении Греции и к давлению на Турцию. В Белграде же рассчитывали представить переговоры, а возможно, и само заключение нового пакта, если бы дело дошло до него, как шаги по приближению Югославии к Тройственному пакту. Но Берлин, информированный Римом об этих переговорах, направил усилия на то, чтобы заблокировать их, предлагая итальянскому правительству не развивать контакты с эмиссаром Павла, пока немцы не добьются результата своих переговоров с югославами о присоединении последних к Тройственному пакту⁸⁰.

Одновременно германская сторона, стремясь ускорить желательную ей развязку, приняла шаги по организации визита Павла к Гитлеру с целью нажима непосредственно на принца-регента⁸¹. 4 марта состоялась их секретная встреча, в ходе которой такой нажим был оказан. При этом фактические угрозы, что Югославия может упустить свой шанс, перемежались с обещаниями, что если она присоединится к Тройственному пакту, то целостность ее территории будет гарантирована Берлином, она получит Салоники, а участия в войне на стороне «оси» от нее не потребуется. Павел в ответ пытался сослаться на возможность проектируемого заключения нового договора с Италией как на первый шаг по пути, который советует Гитлер, и в итоге заявил, что решение по вопросу о Тройственном пакте примет позднее. Однако он счел нужным сказать о своем отрицательном отношении к тому, чтобы присоединиться к пакту, аргументируя это как личными мотивами (греческим происхождением его супруги, своими симпатиями к Англии и негативной позицией по поводу Италии), так и боязнью тех потрясений внутри Югославии, которые способен вызвать такой шаг⁸². Ссылка на опасные внутривластные последствия присоединения к Тройственному пакту была продолжением аргументации, частично уже использовавшейся Цветковичем в беседах с Гитлером и Риббентропом 14 февраля.

О происходившем на встрече с Гитлером принц-регент информировал тайно созданный им 6 марта Коронный совет. В заседании, помимо Павла, участвовали два других регента, а из членов правительства – премьер Д. Цветкович, вице-премьер В. Мачек, игравший роль представителя Хорватии, министры иностранных дел, армии и флота, двора, а также министр Ф. Куловец, ставший после того, как в декабре 1940 г. умер А. Корошец, лидером Словенской народной партии и считавшийся в правительстве представителем Словении. Хотя были высказаны разные мнения относительно того, уступать или нет нацистскому давлению, однако решающим стало заявление министра армии и флота генерала П. Пешича, что недостаточно вооруженные югославские войска не смогут защитить страну в случае нападения Германии, Италии, Венгрии и Болгарии (последняя как раз перед тем, 1 марта, присоединилась, после долгих проволочек, к Тройственному пакту, и в нее вступили немецкие войска). В результате возобладала точка зрения о фактической невозможности отвергнуть требование Гитлера. Было решено направить усилия на то, чтобы добиться от Берлина желательных гарантий и не столь обязывающих Югославию условий, на которых она присоединилась бы к Тройственному пакту. Это было сформулировано на заседании в виде вопросов, на следующий день направленных германской стороне. Ее просили разъяснить, может ли Югославия в случае присоединения к пакту получить от Германии и Италии заявление, что они 1) будут уважать суверенитет и территориальную целостность Югославии, 2) не потребуют от нее в период войны никакой военной помощи или пропуска войск либо военного транспорта через ее территорию, 3) «при новом устройстве Европы» будут считаться с югославской заинтересованностью в свободном доступе к Эгейскому морю через Салоники⁸³.

Продолжая все ту же тактику, к которой прибегали Цветкович и затем Павел в переговорах с Гитлером и Риббентропом, Цинцар-Маркович при передаче названных вопросов немецкому посланнику усиленно подчеркивал, сколь трудно осуществимо присоединение к Тройственному пакту ввиду противоположной этому настроенности югославского общественного мнения⁸⁴. Если перед тем такая аргументация должна была подкрепить попытки югославского руководства уклониться от присоединения к пакту, то теперь она была призвана обосновать необходимость германского согласия на перечисленные уступки: их предоставление, как весьма прозрачно намекал Цинцар-Маркович, позволило бы избежать нежелательных третьему рейху внутривнутриполитических потрясений в Югославии.

В последующие несколько дней шел некоторый торг между Белградом и Берлином по поводу перечисленных выше вопросов. Гитлер был очень заинтересован в том, чтобы Югославия присоединилась к Тройственному пакту до начала германского вторжения в Грецию, запланированного на начало апреля. Заинтересованность была тем большей, что 2 марта в Греции началась высадка английского экспедиционного корпуса, а тем самым усиливалась потенциальная возможность перетягивания Югославии в британский лагерь и обусловленного этим эвентуального осложнения для предстоявшей греческой операции германских войск. В этой ситуации нацистское руководство выразило готовность официально дать почти все те гарантии, о которых вела речь югославская сторона: об уважении ее суверенитета и территориальной целостности; о том, чтобы не требовать пропуска войск или военного транспорта через ее территорию; об учете ее интересов в Салониках. Причем Берлин согласился, чтобы о названных гарантиях, за исключением пункта по поводу Салоник, было в том или ином виде сообщено публично для успокоения югославского общественного мнения. Однако закавыка была с желанием Белграда получить гарантию, что от Югославии в период войны вовсе не будут требовать какой-либо военной помощи другим государствам Тройственного пакта. Германская сторона возражала против подобной постановки вопроса, ссылаясь на то, что такая гарантия противоречила бы самому пакту и делала бы присоединение Югославии к нему бессмысленным. Берлин соглашался гарантировать, что от югославской стороны не будут требовать помощи в войне с Грецией, а по поводу вообще военной помощи предлагал лишь «доверительное» обещание, что ее, «вероятно», и не потребуется, но если все же дело до этого дойдет, то у правительства Югославии будет право заключить специальное соглашение о конкретном масштабе югославского участия. Белград же по данному пункту довольно твердо стоял на своем. В конечном счете нацистскому руководству пришлось и в этом пойти навстречу югославской настойчивости. Но оно категорически отвергло белградское пожелание, чтобы о подобной уступке тоже можно было объявить публично⁸⁵.

Переговоры по упомянутым вопросам были тайными, и с югославской стороны их обсуждение ограничивалось исключительно рамками Коронного совета, в то время как большинство министров, не входившее в его состав, не информировалось о происходившем. Лишь после достижения договоренности с Берлином по основным спорным пунктам решение о присоединении к Тройственному пакту было поздно вечером 20 марта вынесено на рассмотрение всего состава правительства. Там мнения разделились, но в итоге, как и в Коронном совете, возобладала точка зрения о неизбежности присоединения Югославии к пакту. В том числе за это, помимо большинства сербских членов правительства, высказались представители ХКП и Словенской народной партии. Причем

Мачек подчеркнул, что в сложившейся ситуации нет возможности иного решения, а когда ситуация изменится, можно будет перейти на сторону противников «оси». Некоторые члены кабинета не заняли определенной позиции, в частности представитель Югославской мусульманской организации, а трое министров из числа видных сербских политиков выступили против и в знак несогласия с принятым решением подали в отставку (впрочем, один из них затем отставку отозвал). В правительстве в результате отставок перестали быть представленными СДС и Союз земледельцев⁸⁶.

Пока шли торг с немцами, перипетии в правительстве и последовавшая подготовка к официальному акту присоединения Югославии к Тройственному пакту, Лондон и формально нейтральный, но на деле поддерживавший англичан Вашингтон пытались повлиять на югославское руководство, чтобы оно отказалось от намеченного шага. Еще прежде Англия и постепенно наращивавшие активность США прилагали усилия, направленные на то, чтобы добиться от Белграда как минимум сохранения нейтралитета, а по возможности – и более активной позиции противостояния «оси». Эти усилия заметно возросли с рубежа 1940–1941 гг. Специальный эмиссар президента США Франклина Рузвельта полковник Уильям Доновен, в январе 1941 г. посетивший Югославию в ходе своего турне по ряду балканских стран, в беседах с Павлом, Цветковичем, Мачеком, некоторыми югославскими министрами и военными руководителями подчеркивал важность противостояния агрессору и обещал американскую помощь в этих целях. Та же мысль была центральной в посланиях, направленных Рузвельтом югославскому правительству и принцу-регенту в течение февраля⁸⁷. А игравший главную роль Лондон, ведя тяжелейшую войну с Германией и Италией, стремился к созданию союза Греции, Турции и Югославии в качестве военно-политического противовеса Гитлеру и Муссолини на Балканах, способного с британским содействием образовать при необходимости фронт борьбы с «осью» в Юго-Восточной Европе. Английская дипломатия настойчиво старалась воздействовать на Белград в пользу подобного выбора, а особенно в пользу решительного вступления югославской армии в войну для оказания помощи Греции⁸⁸. Когда же с конца первой декады марта начала становиться реальной перспектива присоединения Югославии к Тройственному пакту, Лондон и Вашингтон забились тревогой, последовало несколько их обращений к югославскому правительству и Павлу с настойчивыми предостережениями против того, чтобы это было сделано⁸⁹.

Стремясь добиться желательного результата, англичане попытались даже включить в эти усилия Советский Союз. В соответствии с указанием из Лондона, 22 марта британский посол в Москве Стаффорд Криппс обратился к Вышинскому с запросом, не может ли правительство СССР выступить против предстоящего присоединения Югославии к Тройственному пакту. По предложению Криппса, аналогичный шаг предпринял одновременно югославский посланник в СССР Гаврилович, являвшийся противником решения, принятого в Белграде, и действовавший без ведома своего правительства. Но в тот же день оба, после доклада Вышинского Сталину, получили отказ⁹⁰.

Еще раньше, 9–14 марта, т.е. вслед за тем, как Коронный совет 6 марта склонился в принципе к решению о присоединении к Тройственному пакту, тот же Гаврилович в телеграфной переписке с Белградом, причем вначале по каналам связи британского посольства в Москве, сообщал, что какие-то советские военные представители дали понять: желательно заключение военного пакта между СССР и Югославией, но с такой инициативой должны выступить сами югославы. Этих советских представителей посланник не называл, но настойчиво рекомендовал своему правительству откликнуться

на их пожелание, а пока не соглашаться на требование Берлина. В качестве того, к кому обратились анонимные советские военные, в телеграммах Гавриловича фигурировал отставной полковник Божин Симич⁹¹. По решению, принятому еще в декабре 1940 г. Павлом Карагеоргиевичем, Симич прибыл в Москву на рубеже февраля – марта 1941 г. под прикрытием должности атташе югославской дипломатической миссии и имел полномочия для переговоров с советскими властями⁹². В чем состояла суть его задания, до сих пор не известно, как не известны и какие-либо данные о его деятельности в Москве. Есть лишь догадки в историографии, что он контактировал с советской военной разведкой. Но из единичных упоминаний о нем в некоторых ставших известными в последние годы советских документах, относящихся к более поздним событиям самого конца марта – начала апреля 1941 г., можно понять, что у Симича были довольно серьезные связи с советской стороной⁹³. Так что ее тайные предложения могли через него делаться. Однако среди тех же ставших доступными советских материалов есть телеграмма Молотова от 14 марта 1941 г. полпредству СССР в Белграде о том, что ставшие распространяться слухи о якобы переговорах с югославами о военном союзе – вымысел⁹⁴.

В историографии не раз высказывались сомнения, не являлись ли сообщения Гавриловича предпринятой им с участием Симича, а возможно, и англичан мистификацией, запущенной с целью толкнуть Белград на обращение к Москве с предложением о заключении советско-югославского военного союза. Подобная мистификация могла быть обусловлена надеждой, что в случае советского согласия произойдет решительное укрепление позиции Югославии, которое позволит отвергнуть требование Гитлера, а если согласия СССР получить в итоге не удастся, то все-таки на время переговоров возникнет отсрочка присоединения к Тройственному пакту. Отсрочка тоже была способна считаться важной целью, ибо давала больший шанс на то, чтобы в конечном счете не допустить самого присоединения. Вместе с тем в историографии не исключалось, что намеки Москвы на возможность советско-югославского военного пакта имели место на самом деле, а телеграмма Молотова была призвана замести следы ввиду боязни осложнения советско-германских отношений⁹⁵. Во всяком случае, истинная подоплека сообщений Гавриловича остается пока загадкой.

Такой же загадкой остается пока и другое. Некоторые тогдашние деятели «Демократической левицы» и Народно-крестьянской партии, довольно тесно контактировавшие с КПЮ и с советским полпредством в Белграде, утверждали впоследствии в своих мемуарах, будто накануне упомянутого выше заседания правительства, на котором было принято решение о присоединении к Тройственному пакту (напомним, что оно состоялось вечером 20 марта), временный поверенный в делах СССР В.З. Лебедев официально передал югославской стороне предложение о заключении союза между СССР и Югославией при условии, что последняя не присоединится к Тройственному пакту⁹⁶. На подобное советское предложение ссылался в ходе этого же заседания правительства один из тех его членов, которые высказались против присоединения к Тройственному пакту. Но министр иностранных дел Цинцар-Маркович в ответ заявил, что ему о таком советском обращении ничего не известно⁹⁷. Ни советские, ни югославские архивные документы, которые были до сих пор доступны для исследования, не содержат никаких упоминаний о такого рода шаге Лебедева. Так что не ясно, имел ли он место в действительности или и здесь могла быть какая-то мистификация.

Но независимо от того, какой была истинная подоплека сообщений Гавриловича из Москвы или версии о предложении, будто бы сделанном через Лебедева, ни все это, ни

усилия Лондона и Вашингтона повлиять, чтобы Белград воздержался от присоединения Югославии к Тройственному пакту, не дали результата. Исходя из того, что отказ присоединиться к пакту чреват угрозой нападения Германии, Италии, Венгрии и Болгарии, Павел был не в состоянии идти на риск подвергнуть страну такой опасности. Он скептически относился как к британским обещаниям оказать Югославии, если она вступит в войну с «осью», помощь вооружением и авиационным прикрытием из Греции, так и к доводам англичан, что югославская армия, напав на итальянские силы в Албании, сможет захватить там большие склады необходимых боеприпасов. Скепсис был вызван не только пониманием весьма на самом деле ограниченных в тот момент британских возможностей. Не менее, если не еще более важную роль играло соображение принца-регента по поводу того, что любая стратегия, при которой югославская армия была бы сосредоточена в более целесообразных с военной точки зрения операциях в юго-восточной и центральной частях страны, имела бы своим политическим результатом разрушение Югославии, ибо необходимое при этом ослабление, если не вообще отступление на севере и северо-западе было бы воспринято хорватами, а также словенцами как отказ государства от их защиты⁹⁸. Не говоря уж об упомянутом выше сомнении Павла, как и ряда югославских военных руководителей, в способности страны к сколько-нибудь длительному отражению агрессии. Кроме того существуют недостаточно документально подтвержденные версии, что к тому времени в распоряжении принца-регента были разведанные о намеченном Гитлером нападении в ближайшие месяцы на СССР и что даже сам фюрер сказал об этих своих планах Павлу при недавней встрече с ним⁹⁹. Если Павел действительно располагал такими сведениями, то они могли уменьшать в его глазах риск присоединения к Тройственному пакту, давая основания рассчитывать, что нацистскому руководству, когда оно окажется занятым масштабной войной на востоке, будет просто не до Югославии и серьезных требований к ней.

25 марта в Вене Цветкович и Цинцар-Маркович подписали от имени Югославии протокол о присоединении страны к Тройственному пакту. Как и было предварительно согласовано, подписание сопровождалось обменом нотами между Риббентропом и Чиано, с одной стороны, и Цветковичем – с другой. В нотах Риббентропа и Чиано содержались гарантии, дававшиеся Германией и Италией Югославии: 1. Уважать ее суверенитет и территориальную целостность; 2. Во время войны не требовать прохода или транспортировки войск через югославскую территорию; 3. Не требовать от Югославии военной помощи; 4. «При новом определении границ на Балканах» учесть заинтересованность Югославии в территориальной связи с Эгейским морем путем «распространения ее суверенитета на город и порт Салоники». В ответных нотах Цветковича подтверждалось получение германских и итальянских нот, а также содержалось обязательство югославского правительства считать третью и четвертую гарантии строго секретными и публиковать их только в случае, если это будет согласовано с правительствами держав «оси»¹⁰⁰.

В итоге, согласно перечисленным документам, присоединение Югославии к Тройственному пакту оказывалось, по сути, лишь символическим. Но публике об этом можно было объявить только частично, поскольку главная, третья из упомянутых гарантий должна была оставаться тайной.

Переворот 27 марта 1941 г. Новое руководство Югославии и старые проблемы. Первые же известия сначала о предстоявшем, а затем об уже произошедшем при-

соединении Югославии к Тройственному пакту вызвали крайне негативную реакцию и острое чувство протеста в значительной, если не преобладающей массе сербского населения. В других этносах многонациональной Югославии такая реакция разделялась, как правило, лишь их левоориентированной частью, а также некоторыми демократическими и либеральными кругами. В Сербии и других регионах с сербским населением стали возникать протестные демонстрации и митинги. Волне возмущения, несомненно, способствовало то, что протестующие почти или вовсе не знали, на каких условиях руководство Югославии согласилось присоединиться к пакту.

Как всегда, когда речь идет о довольно массовом, а тем более уличном движении, трудно с достаточной определенностью оценить его размеры, состав участников, непосредственный механизм его раскручивания. Официальная югославская историография в период коммунистического правления, как и советская историческая литература, изображали дело так, будто члены подпольной КПЮ и связанных с ней организаций играли чуть ли ни иницирующую и руководящую роль в этом движении. В действительности коммунисты стали активно участвовать в нем, но в основном движение было скорее стихийным сербско-патриотическим протестом. Ему симпатизировала, а где-то его и подогревала немалая часть сербских политиков, особенно из оппозиционных партий, из деятелей СКК. Существенную роль в развитии этого движения сразу же стала играть Сербская православная церковь¹⁰¹. Настроения, выразившиеся начавшимся движением, в том или ином виде разделяла немалая часть офицерского корпуса, в подавляющем большинстве сербы.

В такой общественной обстановке в ночь с 26 на 27 марта 1941 г. в Белграде несколькими расквартированными там воинскими частями, командирами которых являлись офицеры-заговорщики, был произведен военный переворот. Им руководило командование военно-воздушных сил. Путчисты отстранили от власти регентов во главе с Павлом и сместили правительство Цветковича – Мачека. На престол был – неожиданно для него самого – возведен за полгода до установленного срока (достижения 18 лет, т.е. совершеннолетия) наследный принц Петр Карагеоргиевич, ставший королем Петром II. Реальная власть оказалась в руках командующего ВВС генерала армии Душана Симовича, который стал премьер-министром и в первые же часы после переворота сформировал новое правительство. Все руководство путчистов и почти весь офицерский, унтер-офицерский и рядовой состав частей, осуществивших переворот, были сербскими. А принятая ими акция была созвучна упомянутым выше настроениям протеста, которые распространились в сербском обществе из-за присоединения Югославии к Тройственному пакту. Так что произошедшее представляло собой, в сущности, сербский военный переворот.

Он был фактически бескровным (погиб один человек), участвовавшие в нем части в течение пары ночных часов заняли все основные государственные учреждения в Белграде и окружили королевский двор, не встретив почти никакого серьезного сопротивления. Хотя круг военных заговорщиков был совсем невелик, им удалось увлечь находившиеся под их командованием части, уверяя, что они действуют в соответствии с интересами и по распоряжению «короля Петра II», в целях защиты его, народа и страны от опасности. Это воспринималось теми, кому участники заговора отдавали в ночь переворота приказы о проведении операции, как знак того, что в ответ на осуждаемое сербами присоединение к Тройственному пакту престолонаследник решил взять власть в свои руки, чтобы спасти страну от подчинения ненавистной «оси». А сами прика-

зы путчистов, таким образом, выглядели легитимными и встречались как желанные. Аналогичный эффект, но на гораздо более широкую массу как военнослужащих, так и сербского гражданского населения произвело составленное руководителями путчистов опять-таки от имени «короля Петра II» воззвание к «сербам, хорватам и словенцам», которое с раннего утра 27 марта стало передаваться по радио. В том числе его читал перед микрофоном и один молодой офицер, чей голос был похож на голос Петра. В воззвании говорилось, что «в этот тяжелый для нашего народа момент» Петр решил взять королевскую власть в свои руки, регенты подали в отставку, армия и флот выполняют приказы короля и что он «доверил мандат для формирования нового правительства генералу армии Душану Т. Симовичу». Сам Петр с изумлением узнал обо всем этом из радиопередачи. А подписал он подобные распоряжения по требованию Симовича лишь к вечеру 27 марта, после того, как принц-регент Павел Карагеоргиевич, в ночь переворота отсутствовавший в Белграде, был туда возвращен и вынужден подать в отставку. Он был тут же отправлен в Грецию, там передан англичанам и выслан ими через Египет в Кению, где содержался фактически под домашним арестом¹⁰².

О непосредственном осуществлении переворота его участники и те, кого они отстраняли от власти, писали впоследствии немало. Однако при этом остается очень неясным, когда и как возникла организация заговорщиков, как она развивалась, какие политические и военные планы разрабатывались и обсуждались будущими путчистами, кто и какие практические функции осуществлял на протяжении всего периода замыслов и подготовки переворота. Крайне противоречивы даже сведения о том, кто стоял во главе организации заговора: Симович и его заместитель по командованию югославскими ВВС бригадный генерал Боривоје Миркович в своих воспоминаниях оспаривали эту роль друг у друга. Из мемуаров путчистов не видно, чтобы с подготовкой и проведением переворота были связаны сербские политические партии, общественные организации. Из подобного же рода источников не видно и того, чтобы с этим были связаны иностранные спецслужбы. Если верить свидетельствам Симовича и особенно Мирковича, создается впечатление, что заговорщики представляли собой сравнительно небольшую группу офицеров, спонтанно складывавшуюся на основе личных взаимоотношений, без определенно структурированной организации. И решение о перевороте было делом исключительно этих двух генералов¹⁰³. Между тем в историографии и особенно в публицистике встречаются лишние достаточно убедительных доказательства утверждения или, скорее, всего лишь предположения о взаимодействии руководителей заговора с оппозиционными сербскими партиями, с деятелями СКК. И неизменно фигурирует ставший традиционным тезис о связи заговорщиков с британскими спецслужбами, вплоть до того, что последние, согласно некоторым версиям, были чуть ли ни инициаторами осуществления переворота и даже платили его исполнителям¹⁰⁴. В югославской историографии еще в позднекоммунистический период стали появляться и отдельные предположения, что советские спецслужбы, возможно, тоже были в курсе подготовки переворота, а то и повлияли в известной мере на него¹⁰⁵. А в изданных уже в постсоветское время мемуарах П.А. Судоплатова, являвшегося в 1941 г. заместителем начальника разведуправления Народного комиссариата государственной безопасности СССР, утверждалось, что представители советских разведслужб, в соответствии с решением Кремля, «активно поддержали» проведение военного переворота в Югославии. Ибо советское руководство, по словам Судоплатова, надеялось, что новое югославское правительство, враждебное «оси», могло бы своей политикой затруднить и тем самым затянуть ожи-

давшуюся германскую, точнее – германо-итальянскую операцию против Греции, а это оттянуло бы возможность нападения Гитлера на СССР¹⁰⁶.

Однако в известных до сих пор документах югославского происхождения нет никаких конкретных фактических данных о причастности к перевороту ни сербских партий или СКК, ни британских или советских спецслужб¹⁰⁷. Пока не известны и какие-либо советские документы, в которых бы содержались данные о советской причастности к перевороту. А утверждения Судоплатова о такой причастности лишены какой бы то ни было конкретики о том, какую же роль советская разведка при этом играла и с кем именно она была связана в Белграде. Что же касается английских документальных материалов, ставших до сего времени доступными, то из них следует, что британские спецслужбы еще задолго до путча поддерживали контакт с оппозиционными политике сотрудничества с «осью» сербскими деятелями и группировками как в политических партиях, так и среди офицерства и части генералитета. Эти документы содержат сведения, свидетельствующие о том, что, по крайней мере, с начала третьей декады марта 1941 г., когда стало очевидным окончательное решение Белграда о предстоящем присоединении к Тройственному пакту, Лондон, его дипломаты и сотрудники спецслужб, работавшие в Югославии, приступили к рассмотрению возможности того, чтобы подтолкнуть такого рода группировки, прежде всего в армии, к срочному проведению переворота. А с 24 марта 1941 г. британская политика стала решительно ориентироваться именно на такую акцию. Причем англичане знали о подготовке путча, происходившей под руководством то ли Симовича, то ли Мирковича, и контактировали с обоими генералами¹⁰⁸. Из названных английских источников разные исследователи делали неодинаковые выводы¹⁰⁹. Но сам фактический материал этих источников по-прежнему оставляет довольно неясным, насколько британская сторона взаимодействовала с заговорщиками и действительно ли она практически повлияла на то, чтобы они осуществили переворот.

Между тем, какими бы ни были тайный механизм подготовки и закулисные факторы осуществления путча, сам переворот, насколько можно судить по документальным данным, был с энтузиазмом встречен преобладающей частью сербов. Об этом свидетельствовали многоярусные манифестации, состоявшиеся 27 марта почти везде в Сербии и в других регионах с заметным сербским населением. Особенно впечатляющими были манифестации в Белграде, где они приняли грандиозный по югославским масштабам размах. В них, как и в упоминавшихся выше демонстрациях и митингах, начавшихся еще перед переворотом, преобладал массовый взрыв сербско-патриотических чувств, которыми отвергалось присоединение к Тройственному пакту и приветствовалось свержение тех, кого считали виновными, – регентства и правительства Цветковича – Мачека.

В этих чувствах переплетались разные душевные порывы и политические устремления. Многими, если не большинством, прежде всего обычным «человеком с улицы», в том числе массой приверженцев сербской династии как олицетворения «своего» государства, уступка германскому диктату воспринималась как несовместимое с национальной честью подчинение врагам и измена союзникам по драматической для Сербии эпопее Первой мировой войны, память о которой в сербском массовом сознании запечатлелась в ореоле героизма. А для людей антифашистских убеждений, либеральной и гражданско-демократической ориентации или умеренно левых настроений это чувство совмещалось с ощущением недопустимого позора, каким в их глазах явилось присоединение страны к лагерю нацизма и фашизма. Те и другие воспринимали переворот как желанный отказ от присоединения к Тройственному пакту. Что же касалось левых

радикалов, главным образом коммунистов, то в их рядах как сербы, так и несербы реагировали на путч одинаково, поскольку это определялось не их этнической принадлежностью, а политической ориентацией. Для них переворот был лишь началом, которым следовало воспользоваться в целях развертывания борьбы за революционные или хотя бы частично революционные внутривластные изменения, за «народную власть», а во внешней политике – за тесный союз с СССР. В сербском обществе идея союза с СССР как фактора, способного содействовать защите Югославии от опасности со стороны «оси», разделялась и заметной частью некоммунистов из числа тех, кто приветствовал переворот. Для многих из таких людей это было скорее выражением традиционной ориентации на Россию. Но у части сторонников путча просоветские призывы не встречали поддержки и даже могли вызывать негативную реакцию ввиду отрицательного отношения к большевизму и Советскому Союзу¹⁰.

Энтузиазм сербских масс по поводу победы путча был вызван не только тем, что они отвергали присоединение к Тройственному пакту. Нынешняя историография фактически во всех постюгославских странах чуть ли ни единодушно – хотя с совершенно разными и даже полярными оценками – констатирует, что упомянутые массы в своем большинстве воспринимали переворот как ликвидацию режима, чья не только внешняя, но и внутренняя политика являлась в их глазах враждебной интересам сербов. В отношении внутренней политики такое восприятие было связано главным образом с созданием в конце августа 1939 г. автономной бановины Хорватия. Как уже отмечалось выше, ее образование способствовало тому, что в большей части сербского общества сложилось крайне отрицательное отношение к регентству и правительству, особенно лично к Павлу (см. предыдущую главу). У этих общественных слоев переворот порождал естественные ожидания, что смена власти повлечет отмену соглашения Цветковича – Мачека и хорватской автономии, во всяком случае, с теми границами бановины Хорватия, которые были соглашением установлены. А что касалось внешнеполитического аспекта, то при всей неодинаковости конкретных устремлений, все те, кто приветствовал свержение регентства и правительства Цветковича – Мачека, были вместе с тем более или менее едины в убеждении, что произошедшее означает аннулирование присоединения Югославии к Тройственному пакту.

Однако и по поводу пересмотра соглашения Цветковича – Мачека, и даже по поводу аннулирования венского протокола, ради чего как будто и был совершен переворот, новое руководство страны на самом деле оказалось перед более чем сложной дилеммой.

Выше уже отмечалось, что известные до сих пор документы не содержат достаточного внятных сведений о том, какие рассчитанные на перспективу политические планы строились руководителями заговора в ходе подготовки переворота. И во внутренней, и во внешней политике. В частности, что касалось последней, мы не знаем, как в самый канун путча те, кто возглавлял его, представляли себе действия, которые в случае успеха им следует предпринять в отношении уже подписанного в Вене 25 марта протокола о присоединении Югославии к пакту.

Если верить мемуарным источникам, еще до 25 марта генерал Симович, решительно выступая против присоединения, занимал такую позицию и во время нескольких тогдашних аудиенций у Павла и Цветковича. Он им даже, по сути, угрожал, заявляя, что в случае, если присоединение Югославии к Тройственному пакту все-таки произойдет, могут вспыхнуть антиправительственные выступления народа и воинских частей. А на вопрос Павла о том, как же быть, коль скоро при отказе от присоединения последует

нападение «оси» на Югославию, генерал давал ответ, что надо воевать. Но уточнял, что поскольку югославская армия вряд ли будет в состоянии долго оказывать фронтальное сопротивление врагу, единственным способом ведения войны сможет быть комбинация партизанских действий, которые будет вести в горах одна часть вооруженных сил, с отступлением другой, более крупной части армии в Грецию, чтобы там повторить опыт создания салоникинского фронта, опробованный в Первой мировой войне. При этом Симович особо указывал на необходимость нападения югославской армии на итальянские войска в Албании, чтобы обеспечить свое положение с юга и прочную связь с Грецией, а одновременно захватить значительные итальянские военные запасы. И подчеркивал (возможно, располагая какими-то сведениями на сей счет), что уверен в последующем нападении Гитлера на СССР, в результате чего Германия окажется в тяжелом положении, а затем потерпит поражение, будучи не в состоянии противостоять Англии, Советскому Союзу и США¹¹¹. Как раз такая перспектива, очевидно, должна была, по мысли Симовича, привести к восстановлению югославской независимости, если бы независимость оказалась временно утеряна в результате возможного нападения «оси» на Югославию. Этим расчетом, как можно понять, и определялась радикалистская настроенность генерала на то, чтобы, в противоположность опасениям принца-регента и правительства Цветковича – Мачека, идти на риск военного столкновения с «осью».

Но реализация подобных радикалистских замыслов начала буксовать, как только руководство переворота сразу же после одержанной победы само столкнулось с практической необходимостью принятия конкретных политических решений. Это сказалось уже при первом шаге победителей – образовании 27 марта нового правительства. Того, которому и предстояло воплотить в жизнь замыслы путчистов, касавшиеся и возможных перемен во внутривластном устройстве Югославии, и, прежде всего, неотложного вопроса о ее внешнеполитической позиции ввиду венского протокола, только что подписанного свергнутым режимом.

Как сиюминутные интересы упрочения власти, установленной переворотом, так и более принципиальные насущные задачи усиления страны, ее сплочения и военной готовности перед лицом внешней угрозы ставили Симовича перед необходимостью формирования правительства, способного опереться на влиятельные политические силы всех основных этнических компонентов, представленных на югославской политической сцене: сербов, хорватов, словенцев и мусульман. Для той части правительства, что представляла бы сербов, круг такого рода сил, которые могли быть привлечены новым премьером, был довольно широк. В него входили оппозиционные предыдущей власти либо перешедшие в оппозицию к ней из-за присоединения к Тройственному пакту Демократическая и Народная радикальная партии, Союз земледельцев, НДП, сербское руководство Югославской национальной партии, наконец, СКК. А потому генерал мог позволить себе, чтобы среди одобренных им кандидатур от этого круга не было ни одного из членов только что отстраненного от власти кабинета, согласившихся с присоединением к Тройственному пакту. Но в отношении тех, кто мог бы войти в правительство в качестве хорватских, словенских и мусульманских представителей, Симовичу пришлось пойти на противоположное решение. Ибо ведущими, наиболее влиятельными политическими силами хорватов, словенцев и мусульман являлись, соответственно, все те же ХКП, Словенская народная партия (СНП) и Югославская мусульманская организация (ЮМО), первые две из которых в правительстве Цветковича – Мачека прямо поддерживали присоединение к Тройственному пакту, а третья не выступила против присоедине-

ния, тем самым фактически согласившись на него. И хотя их позиции не изменились к 27 марта, путчистский премьер сам немедленно предложил этим партиям войти в его правительство. При этом Симович особо стремился, чтобы сохранилось прежнее представительство ХКП и чтобы Мачек вновь стал вице-премьером. Привезенные офицерами-путчистами ранним утром 27 марта к Симовичу, члены только что свергнутого правительства от ХКП, СНП и ЮМО ответили на предложение генерала согласием. Однако представители ХКП заявили, что им требуется санкция Мачека, находившегося в тот момент в Загребе и еще ничего не знавшего о перевороте¹¹².

Мачек, которого эти представители тут же с разрешения Симовича проинформировали по телефону о произошедшем, крайне отрицательно реагировал на полученное известие. И на состоявшейся вслед за тем встрече с принцем Павлом, отправившимся накануне из Белграда в Словению и по пути прибывшим как раз утром 27 марта в Загреб, где его застала весть о перевороте, лидер ХКП даже предлагал Павлу двинуть войска, находившиеся в Хорватии, на подавление белградского мятежа. Но Павел отказался, решив, как того требовал Симович, вернуться в югославскую столицу и согласиться с отстранением от власти. В такой ситуации Мачек, после телефонного разговора с позвонившим ему Симовичем, в итоге согласился, чтобы ХКП была представлена в новом, путчистском правительстве так же, как была представлена в прежнем. Это и было зафиксировано в объявленном затем указе о составе правительства. Причем, помимо четырех министров, представлявших ХКП, сам Мачек фигурировал в обнародованном составе правительства в качестве вице-преьера, на сей раз первого из двух (вторым вице-премьером стал глава СКК Слободан Йованович)¹¹³.

Однако в реальности согласие лидера ХКП являлось своего рода предварительным. Сам он еще неделю оставался в Загребе и не участвовал в деятельности правительства. Все это время Мачек отчасти через находившихся в Белграде хорватских министров, а отчасти через курсировавших между Загребом и Белградом бана Хорватии Ивана Шубашича и заместителя председателя ХКП Аугуста Кошутича вел переговоры с Симовичем по двум ключевым вопросам. Во внутренней политике – по поводу не только сохранения, но и расширения автономных прерогатив бановины Хорватия. И вместе с тем проведения некоторых институциональных преобразований в верховном управлении Югославией, которые бы служили определенной страховкой, как он считал, от произвольных действий сербских политиков и военных, подобных только что произошедшему перевороту. А во внешней политике – по поводу того, чтобы не допустить аннулирования венского протокола и направить максимальные усилия на урегулирование отношений с державами «оси», прежде всего с Германией. Одновременно Мачек пытался использовать оттяжку во времени, чтобы выяснить намерения Гитлера и тем самым возможные внешнеполитические перспективы. В те же дни имели место негласные контакты германских эмиссаров с лидером ХКП, которого Берлин, тайно уже принявший решение о нападении на Югославию (об этом речь впереди), стремился склонить к тому, чтобы под руководством Мачека было провозглашено отделение Хорватии от югославского государства. В итоге Мачек счел нужным отклонить такое предложение. И поскольку в значительной мере получил от Симовича обещания, которых добивался, то 4 апреля прибыл, наконец, в Белград, где принес присягу как первый вице-премьер¹¹⁴.

В результате, во внутренней политике, Симович, крайне заинтересованный в достижении сотрудничества с ХКП, вопреки ожиданиям тех сербских политиков и значительных слоев сербского общества, которые надеялись, что новое правительство ре-

визует соглашение Цветковича – Мачека, сразу же занял позицию сохранения соглашения¹¹⁵. А что касалось внешнеполитического курса, то в самом сформированном 27 марта правительстве, насчитывавшем 22 человека, 8 мест, т.е. свыше трети, включая пост первого вице-премьера, оказалось отведено представителям ХКП, СНП и ЮМО, которые были членами только что свергнутого кабинета, подписавшего протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту. Уже в силу этого вопрос об аннулировании присоединения не мог быть практически решен данным правительством.

Более того, судя по кратким протоколам правительственных заседаний в первые дни после переворота, такой вопрос там и не поднимался. А тема членства Югославии в Тройственном пакте ставилась на упомянутых заседаниях совершенно противоположным образом: в то время как одни министры, в том числе и новый министр иностранных дел Момчило Нинчич, считали, что с целью смягчения реакции «оси», прежде всего Берлина, на произошедший переворот необходимо заявить о продолжении внешней политики прежнего правительства, включая сохранение в силе протокола о присоединении к пакту, другие министры возражали, что этого делать не следует. Ввиду непреодолимой разницы во мнениях было решено отказаться от первоначально намечавшегося обнародования общей политической декларации правительства и ограничиться лишь заявлением премьер-министра¹¹⁶. Однако и сам Симович испытывал серьезные колебания по поводу того, какую позицию следует занять по вопросу о пакте. Судя по имеющимся данным, генерал, разговаривая вечером 27 марта с германским посланником, предпочитал избежать прямого высказывания на сей счет, но, подобно Нинчичу, беседовавшему с тем же посланником несколькими часами раньше, стремился сделать акцент на том, что переворот обусловлен прежде всего внутриюгославскими причинами¹¹⁷. Однако уже в ближайшие дни Симович и, видимо, ряд других членов правительства, первоначально настроенных против присоединения Югославии к Тройственному пакту, склонились к необходимости того, чтобы официально признать присоединение как совершившийся факт. И 30 марта Нинчич сообщил германскому и итальянскому посланникам, что «югославское правительство остается верным принципу уважения международных договоров, к которым относится и договор с протоколом, подписанным 25 марта в Вене»¹¹⁸.

Правда, данный шаг, о котором Белград проинформировал все свои дипломатические представительства за границей, был предпринят как тактический. Его главная цель, как объясняли 30 марта Симович и Нинчич британскому посланнику, состояла в том, чтобы, по возможности, избежать нацистской агрессии или, по крайней мере, максимально оттянуть ее для получения большего времени на подготовку Югославии к войне. А кроме того он был призван убаготворить ХКП, руководство которой было категорически против аннулирования Венского протокола, считая, что это несомненно спровоцирует нападение Германии¹¹⁹. Но тем самым Симович и возглавляемое им правительство, в сущности, стали руководствоваться тактикой, которая была аналогична той, к какой прибегли только что отстраненные от власти путчистами Павел и правительство Цветковича – Мачека, решившие пойти на подписание Венского протокола из почти таких же соображений.

Подобная насмешка истории была тем большей, что в упомянутой беседе с британским посланником Симович подчеркивал: признавая присоединение к Тройственному пакту как совершившийся факт, югославская сторона на практике «не будет применять» свое участие в пакте¹²⁰. Однако в действительности «применять» было вообще нечего.

Ибо условия присоединения к пакту, зафиксированные в приложенных к Венскому протоколу письмах, которыми обменялись 25 марта Риббентроп и Чиано с Цветковичем, не предусматривали, как уже отмечалось выше, фактически никаких конкретных, а тем более военных обязательств Югославии, так что само присоединение носило символический характер. Как можно понять, ни организаторы путча, ни с воодушевлением приветствовавшие его сербские политики – не говоря уж о народных массах – ничего не знали об этих условиях и, подхваченные волной национальной экзальтации, едва ли хотели узнать о них. А теперь, когда переворот был совершен, Симович и включенные в его правительство противники присоединения к пакту, столкнувшись с проблемами, стоявшими перед Павлом и предыдущим правительством, сами пришли к необходимости делать то же самое, что их предшественники. Более того, они, и в частности лидер СКК Слободан Йованович, ставший вторым вице-премьером в правительстве Симовича, согласно некоторым мемуарным свидетельствам, уже после переворота ознакомившись с тайными условиями присоединения к пакту, сочли их вполне приемлемыми¹²¹. Если верить подобным свидетельствам, Нинчич и вовсе сказал: «Господа, из-за этого не нужен был путч!», на что присутствовавший Йованович не возразил¹²².

Боясь спровоцировать Берлин и стремясь, наоборот, к смягчению его позиции, новое югославское руководство всячески оттягивало решение о всеобщей мобилизации, хотя и стало проводить, по возможности, скрытно некоторые мероприятия по усилению обороноспособности страны и повышению мобилизационной готовности¹²³. Вместе с тем оно пыталось вступить в переговоры с Муссолини, чтобы тот выступил посредником в налаживании отношений Югославии с Германией. При этом Симович стремился использовать опасения Рима, что в случае, если Югославия окажется перед лицом агрессии со стороны государств «оси», югославская армия тут же нанесет удар по итальянским войскам в Албании, для которых это могло бы иметь очень тяжелые последствия¹²⁴. Муссолини был озабочен перспективой положения своих войск в Албании в случае югославского удара. Но усилия Белграда сыграть на этом для того, чтобы добиться итальянского посредничества в отношениях Югославии с Германией, ни к чему в итоге не привели. И привести не могли, так как уже 27 марта, получив информацию о произошедшем под руководством Симовича перевороте, Гитлер принял решение о нападении на Югославию.

Восприняв переворот как пощечину, полученную на глазах всего мира, фюрер вознамерился продемонстрировать примерное наказание за это. Югославию было намечено подвергнуть жестокому военному удару, оккупации и расчленению. Югославская государственность подлежала ликвидации. Нападение на Югославию, которое было намечено осуществить одновременно с нацистским нападением на Грецию, предусматривалось провести не только германскими силами, но также при участии войск Италии и Венгрии и с использованием территории Болгарии¹²⁵. 30–31 марта в качестве даты нападения было определено ориентировочно 5 апреля, а вслед затем окончательно – 6 апреля¹²⁶.

Решение Гитлера было секретным и, если судить по некоторым мемуарным утверждениям, первые агентурные сведения о нем были получены югославским руководством, по крайней мере, 2 апреля и затем повторялись¹²⁷. А до их получения и, видимо, даже после Симович надеялся на возможность предотвратить нападение или хотя бы оттянуть его политико-дипломатическими средствами.

По этой причине путчистский премьер повел себя более чем сдержанно, когда британское правительство, приветствовавшее переворот 27 марта, сразу же стало добиваться подключения Белграда к своим планам прямого военного противостояния Германии

и Италии. Он отказался от предложенного англичанами визита британского министра иностранных дел Антони Идена в югославскую столицу. А тайные переговоры, которые 31 марта – 2 апреля вел в Белграде с Симовичем и югославскими военными руководителями начальник британского имперского генштаба генерал Джон Дилл, не дали реальных результатов. Так же, как их не дали и продолженные затем в районе югославо-греческой границы переговоры югославских военных представителей с командованием британских сил в Греции и греческим командованием. Англичане хотели конкретных и быстрых югославских действий против итальянских войск и концентрации югославских сил вблизи районов предполагаемого германского наступления на Грецию. Югославская же сторона не хотела брать на себя серьезных обязательств и, добываясь выяснения возможностей получения эффективной британской военной поддержки в случае нападения «оси» на Югославию, была разочарована скромными обещаниями англичан¹²⁸.

Британским предложениям Симович предпочел более, как ему, вероятно, казалось, тактически выгодный ход: попытку заручиться советским содействием. В своих мемуарах он писал, что сразу после переворота передал через временного поверенного в делах СССР Лебедева устное предложение Москве заключить договор о взаимопомощи¹²⁹. Хотя документов, которые бы фиксировали этот шаг, в распоряжении исследователей нет, но на состоявшейся утром 30 марта встрече с руководством полпредства СССР новый министр армии и флота генерал Боголюб Илич, ставший ближайшим сподвижником Симовича, уже официально изложил советским представителям то же самое предложение, причем из советской записи их беседы видно, что этому предшествовала предварительная договоренность о встрече и что советские участники знали, с какой целью она организована¹³⁰. Примечательно, что еще накануне, вечером 29 марта, в ответ на полученное Георгием Димитровым от Тито по тайной радиосвязи сообщение о настороженном отношении руководства КПЮ к правительству Симовича и решении организовать «всенародный нажим» на это правительство с требованием аннулировать присоединение к Тройственному пакту и немедленно заключить пакт о взаимопомощи с СССР, Молотов, по указанию Сталина, поручил Димитрову «посоветовать югославским товарищам» прекратить организацию уличных демонстраций. И соответствующую директиву Димитров тут же послал лидеру КПЮ¹³¹. Очевидно, что причиной указания Сталина были как раз обращение Симовича и намеченная – несомненно, с санкции Кремля, извещенного об этом обращении, – встреча руководства полпредства с Иличем.

Из чего исходил югославский премьер, можно судить на основании того, о чем на упомянутой встрече сказал Илич: югославское руководство рассчитывает путем заключения военно-политического союза с СССР получить оттуда вооружение, необходимое для повышения обороноспособности страны, и с помощью демаршей, которые бы советская сторона предприняла в Берлине, вынудить Германию и ее сообщников по «оси» воздержаться, хотя бы на время, от нападения на Югославию¹³². Из документов видно, что Симович, как и накануне переворота, был уверен в скорой нацистской агрессии против СССР¹³³. Но он, очевидно, полагал, что до тех пор, пока «третий рейх» еще не окончательно готов к этой агрессии, Гитлер не заинтересован в преждевременном осложнении с Кремлем, с которым пока изображались прежние отношения своеобразного альянса. А потому в случае весомой демонстрации Москвы в поддержку Белграда можно ожидать, что фюрер предпочтет подождать с нападением на Югославию. И это позволит ей выиграть время, чтобы с военно-технической помощью той же Москвы лучше подготовиться к обороне. К тому же Симович не сомневался, что несмотря на вероятные круп-

ные успехи гитлеровской военной машины в предстоявшей советско-германской войне, вплоть до возможной оккупации европейской части СССР, в итоге немецкие армии потерпят там поражение¹³⁴. Тем самым отсрочка нападения на Югославию должна была, в его глазах, повышать югославские шансы на то, чтобы попытаться избежать катастрофы. Видимо, по этой причине глава югославского правительства очень торопился: уже через несколько часов после упомянутой встречи советских дипломатов с Иличем Симович передал через полпредство правительству СССР предложение немедленно назначить представителей обеих сторон для переговоров на предмет заключения договора и предпринять практические шаги для быстрой организации переговоров в Белграде или Москве¹³⁵.

Очень торопилась и советская сторона. На следующий же день, 31 марта, Молотов телеграфировал о согласии на немедленный прием югославской делегации в Москве. Ее главой Симович назначил посланника Гавриловича, ставшего одновременно министром без портфеля в новом правительстве. Два других члена делегации – уже упоминавшийся Божин Симич и один из руководящих участников путча полковник Драгутин Савич – тайно вылетели из Белграда 1 апреля и 2-го прибыли в Москву¹³⁶. 3 апреля там начались переговоры, которые с советской стороны вел с делегацией Вышинский. То, что очень торопились обе стороны, свидетельствовало об их обоюдном стремлении упредить возможное нападение «оси» на Югославию и поставить Берлин перед совершившимся фактом. Из этого можно понять, что расчеты Кремля во многом были сходны с расчетами Симовича: путем заключения советско-югославского соглашения вынудить Гитлера к хотя бы временной сдержанности в отношении Югославии.

Нараставшие с каждым днем симптомы германской угрозы заставили Симовича уже в первый день московских переговоров, к вечеру 3 апреля, спешно передать в Белграде через советское полпредство просьбу Сталину и Молотову, чтобы с целью «остановить немецкую интервенцию или во всяком случае дать Югославии время закончить мобилизацию» была предпринята, не дожидаясь подписания советско-югославского договора, «срочная моральная помощь в виде сильного демарша СССР в Берлине». Одновременно, он заявил о югославской готовности «немедленно принять на свою территорию любые вооруженные силы СССР, в первую очередь авиацию»¹³⁷. Реализация такого предложения должна была стать демонстративным военным подкреплением предостережения Гитлеру воздержаться от удара по Югославии. В свете этих тайных шагов Симовича выглядят более чем спорными мемуарные и историографические версии о якобы непонимании или, по крайней мере, недооценке им стремительно приближавшейся опасности нападения и непринятии необходимых мер. Его названные выше усилия свидетельствуют скорее о том, что он осознал остроту ситуации, в которой страна оказалась, но не видя возможностей, чтобы Югославия в тот момент смогла собственными силами противостоять нависшей угрозе, возлагал основную надежду на советскую политическую и военную помощь, способную, как он полагал, обеспечить передышку и дать подготовиться к более эффективной обороне.

Расчеты Симовича во многом стимулировались тем, что советское согласие на срочные переговоры в Москве он воспринял как выражение готовности Кремля к заключению того тесного военно-политического союза, который был предложен советской стороне самим югославским премьером сразу после переворота, а затем 30 марта Иличем¹³⁸. Именно с этими предложениями югославская делегация и начала 3 апреля московские переговоры, вручив Вышинскому соответствующие проекты договора между

Югославией и СССР «о дружбе и союзе» и военного соглашения (военной конвенции) к нему. Проекты предусматривали, что в случае нападения на одну из двух стран другая незамедлительно окажет ей помощь всеми своими вооруженными силами¹³⁹. По сути, имелось в виду, чтобы СССР взял в тот момент Югославию под полную и гарантированную военную защиту.

Но впечатление Симовича, что советское согласие на переговоры означает и принятие югославского предложения о военно-политическом союзе, было ошибочным: в телеграмме Молотова Лебедеву 31 марта с поручением передать югославам, что правительство СССР готово к немедленным переговорам, вообще не упоминалось, о чем переговоры будут вестись¹⁴⁰. И на самих переговорах в Москве, происходивших 3–4 апреля, советская сторона отвергла югославские проекты, прямо указав, что их подписание немедленно повело бы к слишком нежелательному осложнению между СССР и Германией. Взамен правительство СССР предложило комбинацию, предусматривавшую заключение лишь договора о дружбе и ненападении, но с одновременной негласной договоренностью о снабжении югославской армии вооружением. Делегация Югославии неохотно, но приняла это. Ибо считала важным советское обещание о тайных поставках вооружения и рассчитывала на то, что предусмотренное советским проектом договора взаимное обязательство не оказывать никакой помощи государству, которое бы напало на какую-либо из стран-участниц договора, заставит Гитлера опасаться, что в случае агрессии против Югославии Германия лишится снабжения горючим из СССР. Однако после того как Молотов 4 апреля уведомил германского посла в Москве о подписании советско-югославского договора, намеченном на вечер того дня, а посол недвусмысленно дал понять, что это вызвало бы отрицательную реакцию в Берлине, Кремль в стремлении ослабить такую реакцию изменил свой собственный проект договора, понизив предусмотренные в нем обязательства до уровня взаимного соблюдения нейтралитета. Гаврилович сначала посчитал необходимым согласиться и на это, но затем, спохватившись, югославская делегация заявила о несогласии с формулой о нейтралитете и сообщила о случившемся в Белград. Ввиду чего подписание договора вечером 4 апреля не состоялось. А Гаврилович в Москве и югославское правительство через полпредство СССР в Белграде пытались убедить советское руководство, что упоминание о нейтралитете как основе политики, которой будет придерживаться СССР, если Югославия подвергнется нападению, может лишь поощрить Германию к агрессии¹⁴¹.

В итоге Сталин, то ли вняв их доводам, то ли стремясь быстрее устранить возникшее препятствие к заключению договора, согласился отказаться от формулы о нейтралитете. И под утро 6 апреля договор, датированный 5 апреля, был подписан. В нем говорилось, что если на одну из договаривающихся сторон нападёт третье государство, другая договаривающаяся сторона «обязуется соблюдать политику дружественных отношений» с той, которая подверглась агрессии¹⁴². А на импровизированном банкете, состоявшемся в кремлевском кабинете Молотова сразу вслед за подписанием договора, в присутствии лишь десятка с небольшим непосредственных участников, Сталин предложил, чтобы югославы безотлагательно связались с советским генштабом для решения вопросов о срочных поставках вооружения в Югославию. В результате уже 6 апреля утром в генштабе состоялись переговоры с Симичем, где была достигнута конкретная договоренность об отправке для югославской армии вооружения и боевой техники, и их сразу стали готовить к переброске в Югославию¹⁴³.

Поскольку исследователи до сих пор так и не располагают документами тогдашнего советского руководства, в которых бы содержались данные о том, из каких перспективных замыслов исходил Сталин, заключая советско-югославский договор, в историографии высказываются разные предположения об этих замыслах. Есть авторы, по мнению которых советский руководитель хотел этим ускорить нападение Германии с ее союзниками по «оси» на Югославию, чтобы с помощью создания нового театра военных действий на Балканах связать на время руки Гитлеру и таким образом отсрочить возможную нацистскую агрессию против СССР. Согласно другой оценке, советско-югославским договором Сталин надеялся, наоборот, вынудить фюрера, чтобы тот воздержался от атаки на Югославию и вступил в переговоры с Москвой о достижении нового компромиссного соглашения, подобного советско-германским договоренностям 1939 г. и способного устранить либо хотя бы существенно отодвинуть военную угрозу третьего рейха Советскому Союзу, а вместе с тем обеспечить интересы Кремля в ряде спорных с Германией районов, особенно на Балканах и в зоне черноморско-средиземноморских проливов. Встречаются и попытки совместить обе точки зрения, представив их в качестве разных вариантов сталинского замысла на случай того или иного развития ситуации¹⁴⁴.

Те документальные данные, которые нам известны и которые в значительной мере изложены выше, прежде всего спешка, с какой советская сторона старалась заключить договор, явно пытаясь этим упредить возможное нападение на Югославию, свидетельствуют скорее о стремлении сдержать в тот момент Берлин, заставить его не рисковать открытым вызовом Кремлю и не прибегать к военной силе против югославов. Наряду с этим обращает на себя внимание, что 5 апреля в беседе с Симичем Вышинский с ведома советского руководства, вопреки всей прежней политике Москвы, направленной против английского вмешательства в балканские дела, посоветовал, чтобы Белград пошел на соглашение с Англией и получение британской военной помощи¹⁴⁵. Такой совет едва ли мог означать иное, чем то, что Кремль теперь был заинтересован, чтобы осуществлявшаяся при непосредственной поддержке и участии англичан военная операция в Греции против итальянского вторжения, которое со дня на день должно было быть поддержано германским, в итоге распространилась и на Югославию. Все это дает больше оснований полагать, что, вместе со стремлением путем заключения советско-югославского договора заставить Гитлера отсрочить нападение на Югославию, Сталин рассчитывал, что она, получив тем самым какую-то передышку и подготовленная с британской и тайной советской помощью, затем, при последующей германской атаке, станет хотя бы на некоторое, относительно протяженное время, в связке с Грецией и английскими войсками, существенным звеном балканского фронта борьбы с агрессией «оси». Вполне логично, если обусловленная этим перспектива военной занятости Германии на Балканах рассматривалась в Кремле как фактор, способный на тот или иной срок отодвинуть непосредственную опасность нацистского нападения на СССР. Как не лишено логики и соображение, что Сталин мог надеяться путем осложнений для Германии на Балканах вынудить Гитлера к новым переговорам и новому советско-германскому соглашению на приемлемых для Москвы условиях. Однако окончательное суждение по указанным вопросам вряд ли может быть вынесено без исследования новых, необходимых для этого, но пока отсутствующих источников.

Во всяком случае, каковы бы ни были расчеты Сталина, они, так же как расчеты Симовича на СССР в качестве фактора, который может предохранить Югославию от агрессии «оси», оказались нереалистичными. Ибо Гитлер вовсе не был озабочен позицией Кремля

в такой степени, как это казалось не только Симовичу, но все еще и Сталину. Нацистский фюрер исходил из серьезной военной уязвимости СССР и не опасался, что советское руководство решится пойти на риск прямого конфликта с Германией из-за Югославии. Он уже почти не скрывал, что не считается с Москвой как с партнером. И свое решение напасть на Югославию, принятое 27 марта, привел в исполнение в ранние часы 6 апреля, почти тогда же, когда в Кремле был подписан советско-югославский договор.

Югославия оказалась под ударом, которого не могла выдержать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: *Terzić V. Slom Kraljevine Jugoslavije 1941: Uzroci i posledice poraza. Drugo izdanje.* Ljubljana; Beograd; Titograd, 1984. Knj. 1. S. 257.

2 Например, повторяется тезис о якобы прогерманской внешней политике правительства Цветковича – Мачека (Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, 1939–1945 / отв. ред. В.В. Марьина. М., 1995. С. 102–103) или, вопреки исторической реальности, утверждается, будто Павел с самого своего прихода к власти тяготел к германофильству (*Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы.* М., 2000. С. 175).

3 См., например: *Боснић П. Предговор // Мирковић Б. Истина о 27. марту 1941. године / Приред. П. Боснић.* Београд, 1996. С. 8.

4 Эта историографическая оценка в суммарном виде отражена, например, в таких крупных работах более общего характера, как: *Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918–1988.* Beograd, 1988. Knj. 1; *Idem. Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945.* Beograd, 1992; *Pirjevec J. Jugoslavija 1918–1992: Nastanek, razvoj ter raspad Karadjordjevićeve in Titove Jugoslavije.* Koper, 1995; *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. / отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский.* М., 1999; *Lampe J.R. Yugoslavia as History: Twice There Was a Country.* Cambridge (Mass.), 2002.

5 *Aprilski rat 1941: Zbornik dokumenata* (далее AR). Knj. 1 / red. D. Gvozdrenović. Odg. ured. F. Trgo. Beograd, 1969. Dok. Br. 104. S. 370.

6 Ibid. Dok. Br. 125. S. 417–418.

7 Ibid. Dok. Br. 96. S. 358–359; Dok. Br. 125. S. 417–418.

8 См., например: *Hoptner J. Yugoslavia in Crisis 1934–1941.* New York; London, 1962. P. 170; *Terzić V. Op. cit.* Knj. 1. S. 261; *Littlefield C. Germany and Yugoslavia, 1933–1941: The German Conquest of Yugoslavia.* Boulder; New York, 1988. P. 75; *Казимировић В. Србија и Југославија 1914–1945.* Крагујевац, 1995. Књ. II. С. 389.

9 Не совсем ясно и то, как совместить сведения об обращении Павла к французам, целью которого было побудить к скорейшему проведению высадки в Салониках, со сведениями о том, что тогда же, в начале сентября 1939 г., югославский посланник в Риме просил послов западных держав, чтобы ни в коем случае не проводилась салоницкая операция, ибо она могла бы поколебать неучастие Италии в войне, в то время как его совершенно необходимо сохранить (о демарше посланника в Риме см.: *Vinaver V. Jugoslavija i Francuska između dva svetska rata* (Da li je Jugoslavija bila francuski “satelit”). Beograd, 1985. S. 419).

10 См.: *Barker E. British Policy in South-East Europe in the Second World War.* London; Basingstoke, 1976. P. 13–18; *Hoptner J. Op. cit.* P. 170–172; *Terzić V. Op. cit.* Knj. 1. S. 261–262.

11 *Barker E. British Policy...* P. 16.

12 Ibid. P. 18.

13 Об этих проектах блока и интерпретации позиций выдвигавших их сторон см., например: *The Ciano Diaries*. N.Y., 1946. P. 150, 152; *Vinaver V. Vojno-politička akcija fašističke Italije protiv Jugoslavije u jesen 1939. godine // Vojnoistorijski glasnik*. 1966. Br. 3. S. 79–83; *Marzari F. Projects for an Italian-Led Balkan Block of Neutrals, September – December 1939 // The Historical Journal*. Vol. XIII. Issue 4 (1970); *Avramovski Ž. Balkanska Antanta (1934–1940)*. Beograd, 1986. S. 326–331.

14 *Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji*. Beograd, 1996. Knj. 3 (1939–1941). Dok. 90. S. 237–238.

15 Ibid. Dok. 105. S. 290.

16 См., например: Ibid. Dok. 105. S. 291–292; Dok. 115. S. 318–319.

17 *Avramovski Ž. Balkanska Antanta*. S. 329–330.

18 См.: Ibid. S. 330–331, 335, 336–339; *Marzari F. Op. cit.*; *Документы внешней политики (далее – ДВП)*. Т. XXII: 1939 год. Кн. 2. М., 1992. Док. 768. С. 278–279; Док. 771. С. 281–282; Док. 773. С. 285; Док. 790. С. 314; *Примеч.* 274. С. 632–633.

19 *Avramovski Ž. Balkanska Antanta*. S. 343–345.

20 Ibid. S. 350–351, 353–355.

21 *The Ciano Diaries*. P. 158–159, 187, 194, 199–200, 234, 243, 247; *Knox M. Mussolini Unleashed, 1939–1941: Politics and Strategy in Fascist Italy's Last War*. Cambridge; London; New York etc., 1982. P. 53–54.

22 См., например: *The Ciano Diaries*. P. 237, 243, 249.

23 *Винавер В. Политика Југославије према Италији 1939–1941. године // Историјски записи*. Књ. XXV (1968). Св. 1. С. 91–94; *Knox M. Op. cit.* P. 88–92.

24 См.: *The Ciano Diaries*. P. 234, 237, 247, 249.

25 Ibid. P. 256–257.

26 *Avramovski Ž. Balkanska Antanta*. S. 355–356.

27 См., например: *AR. Knj. 1. Dok. Br. 104. S. 370; Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 102. S. 278–279, 280–281.*

28 Архив Југославије (далее АЈ). Ф. 370. Фасцикла 34. Арх. јед. 95. Л. 595–597, 599–602; *Советско-југославские отношения 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов / отв. ред. В.В. Зеленин, С. Цветкович. М., 1992 (далее – СЮО)*. Док. 254–255. С. 308.

29 *AR. Knj. 1. Dok. Br. 192. S. 599–600; Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 149–150. S. 423–424; AJ. Ф. 370. Фасц. 34. Арх. јед. 95. Л. 614.*

30 *Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 151. S. 426.*

31 Ibidem.

32 ДВП. Т. XXIII: 1940 – 22 июня 1941. Кн. 1. М., 1995. Док. 148. С. 260–267.

33 СЮО. Док. 261. С. 315; Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 34.

34 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 2. Д. 11. Л. 120–123 (частично опубликовано в: СЮО. Док. 261. С. 314–315).

35 АЈ. Ф. 370. Фасцикла 34. Арх. јед. 95. Л. 646, 658; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 221. С. 369–370.

36 *AR. Knj. 1. Dok. Br. 241. S. 711.*

37 Ibid. Nap. 2. S. 711.

38 См., например: *Гибанский Л.Я. Балканский кризис и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР*. Материа-

лы международной конференции, организованной Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра. Москва, 3–4 февраля 2005 г. М., 2006. С. 483–488, 495–497.

39 См.: Uvod // *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1990. S. 28 (Нар. 1); *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996. Разд. VII. Док. 20. С. 359; *Avramovski Ž.* Balkanska Antanta. S. 361; *Vinaver V.* Jugoslavija i Mađarska 1933–1941. Beograd, 1976. S. 373–376.

40 Hoover Institution Archives. Collection: Vladimir Milanović Papers. Box 10. Unnumbered and untitled folder. Files: «Бугарске претензије на Македонију (од слова Француске) – Писање штампе, манифестације и напади против нас у Бугарској», «Македонско питање», «Бугарска – документарна архива»; АЈ. Ф. 138. Фасцикла 4. Арх. јед. 11. Л. 179–180, 183–185, 187–192, 203–204, 214, 224, 225, 227, 228; Ф. 334. Фасцикла 15. Арх. јед. 40. Л. 1–7. См. также: Uvod // *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 42–46.

41 ДВП. М., 1998. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 499. С. 47; Док. 540. С. 123; Док. 550. С. 138.

42 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 578. С. 175. Москва предлагала Софии поддержать болгарские претензии к Греции и Турции, о Югославии речи не шло.

43 Подробнее см.: *Губианский Л.Я.* Балканский кризис и Советский Союз. С. 504–505; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 430–431.

44 См.: *Terzić V.* Op. cit. Кнј. 1. S. 300, 303–304, 305–306; *Vinaver V.* Jugoslavija i Mađarska 1933–1941. S. 392–393; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 583. С. 181; *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 452.

45 АР. Кнј. 1. Док. Бр. 250. S. 737; *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Кнј. 3. Док. 204. S. 509; The Ciano Diaries. P. 273, 281.

46 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Кнј. 3. Док. 204. S. 509.

47 См., например: АР. Кнј. 1. Док. Бр. 250. S. 737.

48 Ibid. Док. Бр. 283. S. 854–855; Док. Бр. 285. S. 857–859; *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Кнј. 3. Док. 222. S. 539; *Terzić V.* Op. cit. Кнј. 2. S. 680–681.

49 The Ciano Diaries. P. 285, 286.

50 АР. Кнј. 1. Док. Бр. 268. S. 784.

51 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Кнј. 3. Док. 220. S. 537.

52 АР. Кнј. 1. Док. Бр. 293. S. 872–874.

53 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Кнј. 3. Док. 221. S. 538; *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 442.

54 АР. Кнј. 1. Док. Бр. 293. S. 872–874 (с примечаниями); Док. Бр. 304–305. S. 905–907; *Terzić V.* Op. cit. Кнј. 1. S. 288–293.

55 АР. Кнј. 1. Док. Бр. 287. S. 861–862; Док. Бр. 293. S. 874; Док. Бр. 294. S. 875–879; Док. Бр. 296. S. 883–884; Док. Бр. 297. S. 885–889.

56 Ibid. Док. Бр. 291. S. 870; *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Кнј. 3. Док. 228. S. 545; Док. 229. S. 546.

57 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Кнј. 3. Док. 225. S. 542.

58 *Terzić V.* Op. cit. Кнј. 1. S. 290, 584–586.

59 АР. Кнј. 1. Док. Бр. 304. S. 905; *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Кнј. 3. Док. 232. S. 550.

60 См.: АР. Кнј. 1. Док. Бр. 301–302. S. 895–900; Док. Бр. 309. S. 916; Док. Бр. 313. S. 926–932; *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Кнј. 3. Док. 226. S. 543; *Аврамовски Ж.* Бом-

бардирањето на Битола на 5. XI. 1940 година и прашањето за оставката на генерал Милан Недик // Гласник на Институтот за национална историја. Год. VII (1963). Бр. 1.

61 *Аврамовски Ж.* Указ. соч. С. 111–114; *Čulinović F.* Dvadeset sedmi mart. Zagreb, 1965. S. 42; *Milovanović N.* Generali izdaje. Beograd, 1977. Knj. 1. S. 214–215; *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 293; *Petranović B.* Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. S. 54; *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1990. S. 229. Nap. 1; *Мартиновић-Бајица П.* Милан Некић. Београд, 2003 (перва публикација: Чикаго, 1956). С. 69–70.

62 Ср.: The Ciano Diaries. P. 309; *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 295.

63 AR. Knj. 1. Dok. Br. 312. S. 921–925; Dok. Br. 314–315. S. 933–939; The Ciano Diaries. P. 312, 313.

64 AR. Knj. 1. Dok. Br. 323. S. 954–960.

65 Ibid. S. 958–959. Это сопровождалось совершенно туманным добавлением, что «при известных условиях можно было бы пойти и дальше».

66 AR. Knj. 1. Dok. Br. 328. S. 970–972, а также Nap. 6. S. 972.

67 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 250. S. 569.

68 AR. Knj. 1. Dok. Br. 331. S. 975–976.

69 AJ. Ф. 138. Фасцикла 1. Арх. јед. 1. Л. 526–532. См. также: Зборник радова округлог стола «27. март 1941: Кнез Павле у вихорима европске политике». Београд, 2003. Прилози. С. 211–213.

70 AR. Knj. 2 / prired. A. Miletić. Odg. ured. F. Trgo. Beograd, 1987. Dok. Br. 6. S. 22–24; Dok. Br. 22. S. 72.

71 Ibid. Dok. Br. 7. S. 25–27; Dok. Br. 21. S. 69–71.

72 Ibid. Dok. Br. 17. S. 62.

73 См., например: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 257. С. 425–426; Кн. 2 (Ч. 1). Док. 485. С. 24; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 28. Д. 364. Л. 1–5 (частично см. также СЮО. Док. 273. С. 333–334); Ф. 012. Оп. 2. П. 17. Д. 173. Л. 74, 79, 81–82, 90, 94; Hoover Institution Archives. Collection: Milan Gavrilović Papers (далее – НИА-Гав.). Box 31. Folder 2. Gavrilović – MIP, 22.08.1940.

74 ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 450. С. 687.

75 См.: *Cvijetić L.* Prodaja naoružanja kao metod ekonomskog i političkog pritiska nacističke Nemačke na Jugoslaviju // Istorija XX veka: Zbornik radova. XIII. Beograd, 1975; *Vinaver V.* Jugoslovensko-engleski ugovor o isporuci naoružanja 1940. godine // Vojnoistorijski glasnik. 1966. Br. 5.

76 Hoover Institution Archives. Collection: Žarko Popović Papers (далее – НИА-Поп.). Box 1. Folder 12. P. 1–2; Folders 14, 18, 21.

77 НИА-Поп. Box 1. Folders 18; 21; 23; 24; 26; 27; 28; 30; 32; 33; 35; 36. P. 2–3; Box 2. Folder 28. P. 4–5; Box 3. Folder «Др Гавриловић, Москва». P. 6, 7. См. также: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 418, 423, 438–441.

78 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 673. С. 387–389; AR. Knj. 2. Dok. Br. 24. S. 74–76.

79 AR. Knj. 2. Dok. Br. 25–26. S. 77–93; AJ. Ф. 138. Фасцикла 4. Арх. јед. 18. Л. 302–305.

80 AR. Knj. 2. Dok. Br. 19. S. 66–67; Dok. Br. 38. S. 162–163; Dok. Br. 42. S. 170.

81 Ibid. Dok. Br. 28. S. 97; Dok. Br. 39. S. 164.

82 Ibid. Dok. Br. 53. S. 202–203.

83 *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 456; AR. Knj. 2. Dok. Br. 55. S. 204–205; *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 106–107.

84 AR. Knj. 2. Dok. Br. 55. S. 205. Таковой была настроенность главным образом сербского общественного мнения, о чем еще речь впереди.

85 AR. Knj. 2. Dok. Br. 57. S. 207–208; Dok. Br. 59. S. 211–212; Dok. Br. 63. S. 219–220; Dok. Br. 65–67. S. 221–225; Dok. Br. 72–73. S. 230–234; *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 117–118.

86 См., например: *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 231–236.

87 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 270. S. 597–598; *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 453, 454.

88 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 249. S. 568; Dok. 282. S. 610; Dok. 291. S. 621; Dok. 293. S. 623; Dok. 302. S. 634, etc. См. также: *Barker E.* British Policy... P. 87–88.

89 *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 456, 457–458; *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 332. S. 668; Dok. 335. S. 671; Dok. 344. S. 684; Dok. 348. S. 688–689; Dok. 357. S. 699.

90 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 730. С. 490; Док. 731. С. 493–494; Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. / публ. подг. А.В. Коротков, А.Д. Чернев, А.А. Чернобаев // Исторический архив. 1996. № 2. С. 43; НИА-Gav. Box 32. Folder 2. Gavrilović – МІР, 23.03.1941, Str. Pov. Br. 133; *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. London, 1970. Vol. I. P. 539. Подробнее см.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 457–460.

91 НИА-Gav. Box 32. Folder 2. Gavrilović, Moskva, 9.03.1941. Str. Pov. Br. 111; Отношения Югославии и России (СССР) 1941–1945: Документы и материалы. Београд, 1996 (далее ОЈР). № 3. С. 12–15 (не вполне точный перевод на русский язык см. в: Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998 (далее ОРЮ). № 2–3. С. 9–11).

92 АЈ. Ф. 378. Фасцикла 1 (несређено). Арх. јед. «Посланство КЈ у Кујбишеву 1940/1941. Персонална решења службеника». Персонална документација «Симић Божин»; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 1). Док. 591. С. 200; ОРЮ. № 1. С. 9; НИА-Роп. Box 1. Folder 58. P. 15; Box 2. Folder 28. P. 5.

93 Так, когда после произошедшего в Югославии 27 марта 1941 г. военного переворота, о котором речь впереди, готовилась поездка в Москву делегации нового югославского правительства, Молотов телеграфировал советскому полпредству в Белграде о желательности включения Симича в состав делегации. А затем в Москве, помимо переговоров делегации в НКВД, Симич отдельно встречался с замначальника советского Генштаба, начальником Разведывательного управления Ф.И. Голиковым. ОРЮ. № 13. С. 20; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 751. С. 531, 532.

94 ОРЮ. № 3. С. 11.

95 О версиях историографии подробнее см.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 446–454.

96 *Smiljanić D.* Sećanja na jednu diktaturu. Beograd, 1960. S. 205–206; *Јовановић Д.* Политичке успомене. Београд, 1997. Књ. 6: Узлет у бури. С. 229.

97 *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 234–235.

98 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 243. S. 562; см. также: Dok. 230. S. 547–548; Dok. 273. S. 601.

99 См.: *Vauhnik V.* Nevidna fronta. Ljubljana, 1972. S. 149; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. М., 1995. Т. I: Накануне. Кн. 2 (1 января – 21 июня 1941 г.). Док. № 176. С. 76; ОРЮ. № 20. С. 26; *Miner S.M.* Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance. Chapel Hill; London, 1988. P. 119; *Городецкиј Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз / пер. с англ. М., 1999. С. 193, 197.

100 AR. Knj. 2. Dok. Br. 108. S. 308–311; Dok. Br. 110. S. 315; Dok. Br. 112–118. S. 321–331. См. также: *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 420–431.

101 См., например: *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 242–243, 255–265.

102 О тактике заговорщиков и механизме совершения переворота см., в частности: *Мирковић Б.* Истина о 27. марту 1941. године / приред. П. Боснић. Београд, 1996. С. 24, 25; *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 353–355, 375–377, 390.

103 Војни архив Института за стратегијска истраживања (далее Војни архив). Фонд: Arhiva neprijateljskih jedinica (далее ANJ). К. 8. Вр. Reg. 2/1, 179–181 (неопубликованные мемуары Симовича); *Мирковић Б.* Указ. соч. С. 14–21; *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 349–364, 367–372. См. также, например: *Ristić D.* Yugoslavia's Revolution of 1941. University Park; London, 1966; *Кнежевић Ж.* 27 март 1941. New York, 1979.

104 Версию о взаимодействии с партиями и деятелями СКК см., в частности: *Zečević M. Slobodan Jovanović i* 27. mart 1941 // *Istorija 20. века.* 1996. Вр. 1. Тезис о связи с британскими спецслужбами см., например: *Пејун Ј.* Јавни став др Мирка Косића, народног посланика и првака Народне радикалне странке о 27. марту 1941. године // *Зборник радова округлог стола „27. март 1941: Кнез Павле у вихорима европске политике“.* Београд, 2003; *Жутић Н.* Политика «нового курса» кнеза Павла и мартовски догађаји 1941. године // Там же. С. 52–53; *Николић К., Димитријевић Б.* Поговор // *Николић К., Димитријевић Б.* Данило Грегорић и 25. март 1941. Београд, 2007. С. 236.

105 *Terzić V.* Op. cit. Књ. 1. S. 460–461; *Petranović B., Dautović S.* Jugoslovenska revolucija i SSSR (1941–1945). Beograd, 1988. S. 16.

106 *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 136–137; *Он же.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г. М., 2001. С. 129–130.

107 Впоследствии в своих свидетельствах-воспоминаниях о перевороте как Симович, так и Миркович утверждали, что хотя у них были контакты с британскими военно-дипломатическими представителями, путч готовился без какого-либо сотрудничества и связи с англичанами. Симович упоминал также о том, что в общем плане обсуждал с единичными сербскими политиками возможность военного переворота, но никого из них не посвящал в какие-либо конкретные шаги, а политические партии и организации не были причастны к организации и осуществлению заговора. См.: Војни архив. Ф. ANJ. К. 8. Вр. Reg. 2/1, 166–169; *Мирковић Б.* Указ. соч. С. 21, 33–35.

108 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Књ. 3. Dok. 342–343. S. 681–683; Dok. 351. S. 692; Dok. 356. S. 698; Dok. 358–360. S. 700–703; Dok. 363. S. 706–707; Dok. 366. S. 711–713; Hoover Institution Archives. Collection “Great Britain: Special Operations Executive”. Xerox copies: Letter from Hugh Dalton to the Prime Minister 28. III. 1941; Telegrams from George Taylor (Belgrade) to London 23, 26, 27. III. 1941; Letter from J.H. Bennet to Head of SOE Charles Hambro 6. VI. 1941; Report on the Coup by Trifunovich «The Coup d’Etat in Yugoslavia, Belgrade, 27 Mar. 41»; Report on the Coup by Masterson «The Coup d’Etat in Yugoslavia, Belgrade, 27 Mar. 41».

109 *Barker E.* British Policy... P. 91–93; *Eadem.* Državni udar u Beogradu i Britanci – Vojni puč 27. ožujka 1941 // *Časopis za savremenu povijest.* 1981. Вр. I; *Biber D.* Britanski udio u državnom udaru u Jugoslaviji 27. ožujka 1941 // *Ibid.*; *Stafford D.* SOE and British Involvement in the Belgrade Coup d’Etat of March 1941 // *Slavic Review.* Vol. 36. No. 3 (September 1977); *Wheeler M.C.* Britain and the War for Yugoslavia, 1940–1943. Boulder, 1980. P. 25–29, 43–50.

110 Пестрота взглядов тех, кто приветствовал переворот, видна из ряда свидетельств о демонстрациях и митингах в Белграде. См., например: *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 424–427. Информация советского полпредства в Белграде рисовала картину, согласно которой на демонстрациях призыв к союзу с СССР был чуть ли ни основным наряду с лозунгом против Тройственного пакта. ОПО. № 12. С. 19.

111 Об этих заявлениях Симовича югославскому руководству, стоявшему у власти до переворота 27 марта 1941 г., писали в своих мемуарах он сам (Војни архив. Ф. ANJ. К. 8. Вр. Reg. 2/1, 171–176; извлечения из соответствующих фрагментов мемуаров Симовича публиковались в: *Čulinović F.* Op. cit. S. 191–196; *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 231) и отчасти Мачек (*Maček V.* Op. cit. P. 214–215).

112 См.: *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 484.

113 *Maček V.* Op. cit. P. 216–218; *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 392.

114 *Maček V.* Op. cit. P. 218–221; *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 485–486, 490–491. Позиция Мачека в период между 27 марта и 4 апреля 1941 г. и мотивы, которыми он руководствовался, получили различное освещение и разную оценку в историографии, например: *Boban Lj.* Sporazum *Cvetković – Maček.* Beograd, 1965. S. 358–370; *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 493–505, 507–510; *Казимировић В.* Указ. соч. Књ. II. С. 668–669; Књ. III. С. 701–705; *Jonić T.* Hrvatska vanjska politika 1939–1942. Zagreb, 2000. S. 221–222, 227–234.

115 См.: *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 485–486.

116 Ibid. S. 485–488.

117 *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 511–512.

118 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 382. S. 731; *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 464.

119 *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 382. S. 731; Dok. 383. S. 733.

120 Ibid. Dok. 382. S. 731.

121 Об этом, например, свидетельствовал в своей историко-мемуарной работе Илья Юкич, который был заместителем министра иностранных дел как в правительстве Цветковича – Мачека, так и в правительстве Симовича (*Jukić I.* The Fall of Yugoslavia. New York; London, 1974. P. 62). О том же, со слов Мачека, писал и Драгиша Цветкович (*Cvetković D.* Povodom članka Radoja Kneževića o 25 i 27 martu // Dokumenti o Jugoslaviji: Istina o 25. i 27. martu. Paris, 1951. S. 22).

122 *Поповић Н.А.* Слободан Јовановић и југословенска држава. Београд, 2003. С. 239.

123 На заседании правительства 29 марта было решено пока мобилизацию не объявлять, но продолжить ее полную подготовку. *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 488.

124 AR. Knj. 2. Dok. Br. 129. S. 358; *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 488, 489; *Terzić V.* Op. cit. Knj. 1. S. 515–517, 518–519.

125 AR. Knj. 2. Dok. Br. 125–126. S. 342–350.

126 Ibid. Dok. Br. 132. S. 372; Dok. Br. 134. S. 383; Dok. Br. 135. S. 385; Dok. Br. 147. S. 451.

127 *Vauhnik V.* Op. cit. S. 157–158.

128 AR. Knj. 2. Dok. Br. 137–138. S. 398–404; Dok. Br. 142. S. 431–438; *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Knj. 3. Dok. 369. S. 715; Dok. 377. S. 723; Dok. 382. S. 731; *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 555.

129 Војни архив. Ф. ANJ. К. 8. Вр. Reg. 2/1, 191.

130 ОРЮ. № 10. С. 17–18.

131 Коминтерн и вторая мировая война / сост., авт. вступ. ст. и ком. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский, отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян. М., 1994. Ч. I. Док. 164. С. 518; Док. 166. С. 519–520; *Vujošević U.* Prepiska (radiogrami) СК КПЈ – ИК КИ (Jun 1940 – decembar 1941) // Vojnoistorijski glasnik. 1992. Вр. 1–3. С. 300; Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 74. Д. 599. Л. 8; *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 223.

132 ОРЮ. № 10. С. 18.

133 С этого он, в частности, начал на заседании правительства 29 марта характеристику внешнеполитической ситуации. *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 488.

134 *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941. S. 488.

135 ОРЮ. № 11. С. 19.

136 Там же. № 13. С. 20; № 19. С. 25; № 22. С. 27.

137 Там же. № 21. С. 27.

138 НИА-Gav. Box 32. Folder 3. Gavrilović – МПР, 4.04.1941. Str. Pov. Br. 169.

139 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 744. С. 515; АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 13. Д. 77. Л. 1–5.

140 ОРЮ. № 13. С. 20. Не исключено, что Лебедев, передавая югославскому руководству ответ Молотова, ошибочно интерпретировал его как согласие Москвы на переговоры именно о заключении предложенного Белградом военно-политического союза и тем самым способствовал возникновению у Симовича такого представления. Версия о подобном согласии получила распространение не только в историографии, но даже в мемуаристике, например, в мемуарах генерала Илича: *Илић Б.* Мемоари армијског генерала 1898/1942. Београд, 1995. С. 189.

141 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 743. С. 514–515; Док. 745. С. 516–518; Док. 746. С. 518–520; ОРЮ. № 25. С. 30; № 30. С. 34; НИА-Gav. Box 32. Folder 3. Gavrilović – МПР, 4.04.1941. Str. Pov. Br. 169, 170.

142 ОРЮ. № 26. С. 30–31; № 28. С. 32; № 30. С. 33–34. Подробнее см.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 488–492.

143 ОРЮ. № 29. С. 33; *Новиков Н.В.* Воспоминания дипломата: Записки о 1938–1947 годах. М., 1989. С. 79; НИА-Рор. Box 1. Folder 58. P. 30–36; Box 2. Folder 28. P. 11–18; НИА-Gav. Box 31. Folder 2. Гавриловић – Симовићу, 28.07.1941.

144 См., например: *Miner S.M.* Op. cit. P. 118–119; *Николић К., Димитријевић Б.* Указ. соч. С. 204–205; *Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: Накануне войны (пер. с англ.). М., 1995. С. 165, 177 (примеч. 43); *Он же.* Роковой самообман. С. 174–175.

145 ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (Ч. 2). Док. 751. С. 532.

ГЛАВА 2

КАТАСТРОФА ЮГОСЛАВИИ

В АПРЕЛЕ 1941 ГОДА

На исходе ночи и ранним утром 6 апреля 1941 г. нацистская Германия напала на Югославию. Одновременно произошло нападение третьего рейха на Грецию. Гитлеровские армии вторглись в Югославию прежде всего с юго-востока – из Болгарии, а затем с северо-запада и севера – из Австрии, присоединенной к Германии, и из Венгрии. Начало агрессии сопровождалось массированными немецкими бомбардировками югославских военных и коммуникационных объектов, вследствие чего оказались выведенными из строя важнейшие линии связи, уничтожена на аэродромах преобладающая часть и без того малочисленной и довольно устарелой югославской военной авиации. Воздушные удары были обрушены и на некоторые города, особенно сильные – на Белград, где результатом были большие разрушения и значительные жертвы среди гражданского населения.

6 апреля, одновременно с германским нападением, о вступлении в войну с Югославией объявила и фашистская Италия. Но в первые пять дней ее участие ограничивалось действиями авиации, а лишь затем итальянские войска вторглись на югославскую территорию. 10 апреля к войне с Югославией присоединилась Венгрия, и ее войска тоже перешли югославскую границу. Агрессии содействовали Болгария и Румыния, поскольку нападение на Югославию, равно как на Грецию, германские войска осуществляли с болгарской территории, а в югославском случае – отчасти и с румынской, которая, однако, лишь до некоторой степени использовалась для вторжения сухопутных сил, но главным образом – для действий немецкой авиации с расположенных в Румынии аэродромов¹.

Подвергшиеся в итоге атаке со стороны большинства сухопутных и морских границ Югославии и с воздуха, югославские вооруженные силы были не в состоянии оказать достаточно серьезное противодействие. Хотя в ряде мест удавалось на какое-то время организовать частичный отпор, в целом югославские войска уже вскоре стали отступать, рассекались германскими армиями, терялась необходимая связь между частями и с вышестоящим командованием, с источниками снабжения. В этой ситуации югославское наступление, начатое 7 апреля против итальянских сил в Албании, хотя и достигло определенных успехов, в конечном счете захлебнулось ввиду стремительно ухудшавшегося общего положения югославской армии, и в частности того, что соединения вермахта, вторгшиеся из Болгарии, стали угрожать с тыла югославским войскам, действовавшим на албанском фронте. А к запланированной югославской операции против района Задара, находившегося в руках Италии, так и вообще не удалось приступить. Началась и почти на всех направлениях быстро нарастала дезорганизация югославских сил. Их фронты стали практически распадаться.

Параллельно происходила и общая дезорганизация государственной власти. Уже 6 апреля правительство и королевский двор покинули подвергавшийся авиабомбардировкам Белград, и по мере продвижения противника начался их переезд с места на место

по Сербии, Боснии, Черногории. Руководство югославской армии в лице Штаба Верховного командования, который возглавил генерал Душан Симович, остававшийся и премьер-министром, быстро теряло управление войсками, а правительство – страной в целом. На всех направлениях ускорялся темп продвижения сил нацистских агрессоров, а затем и их союзников по нападению на Югославию. Уже 7 апреля они заняли Скопье, 8-го – Марибор, 9-го – Ниш, 10-го – Загреб, 11-го – Крагуевац, 11/12-го – Люблян, 12-го – Белград. Стремительно вырисовывался фактический разгром югославских войск².

14 апреля король и двор, а на следующий день правительство во главе с премьером, сопровождаемое рядом деятелей югославской политической элиты, в основном сербской, эвакуировались воздушным путем из Югославии в Грецию. Перед тем Симович 14 апреля передал руководство Штабом Верховного командования генералу Даниле Калафатовичу, что было оформлено королевским указом, и тотчас поручил ему, «принимая во внимание состояние нашей армии», обратиться к противнику с предложением о перемирии. По словам Симовича, это было необходимо, «чтобы выиграть время и облегчить положение армии»³. Однако на предложение о перемирии, сделанное Калафатовичем в тот же день, немецкая сторона ответила требованием о безоговорочной капитуляции. В итоге 17 апреля, когда носители югославской верховной власти уже находились в эмиграции, представители, уполномоченные Калафатовичем, подписали с представителями германского верховного командования, действовавшими от имени всех государств, напавших на Югославию, акт о капитуляции потерпевших поражение и уже полураспавшихся югославских вооруженных сил⁴.

Во время переговоров югославские участники пытались поднять перед германской стороной вопрос об «образовании остатка югославской территории, подобно тому, как во Франции», т.е. о выделении хотя бы некоторой зоны, которая не была бы оккупирована войсками победителей и где сохранялась бы югославская власть, даже определенным образом подконтрольная захватчикам. Но германский ответ был категорически отрицательным: югославская территория целиком подлежала оккупации⁵.

Столь катастрофическое для Югославии развитие событий, во многом соответствовавшее тем мрачным прогнозам, которые высказывались прежним, до переворота 27 марта, государственным и военным руководством страны, было обусловлено комплексом причин.

Важнейшей причиной было очевидное неравенство сил. Войска государств «оси», напавшие на Югославию, почти в полтора раза превосходили по численности противостоявшую им югославскую армию, в которой под ружьем находилось в тот момент примерно 600 тыс. военнослужащих. Еще большее значение имело огромное превосходство прежде всего германской армии, вооруженной и оснащенной по последнему слову техники того времени, над югославскими войсками, несопоставимо более слабыми по вооружению, оснащению, организации, подготовленности командного и рядового состава. Это, в конечном счете, отражало огромную разницу общих потенциалов такой крупной и к тому же высокоразвитой страны, как Германия, и не только куда меньшей, но и достаточно отсталой Югославии. Даже итальянские войска были вооружены значительно лучше югославских⁶.

Весьма существенную дополнительную роль сыграло и опоздание югославской стороны со всеобщей мобилизацией, с другими подготовительными мероприятиями по приведению армии и страны в состояние готовности к защите от агрессии. Напомним, что правительство Симовича на своем заседании 29 марта 1941 г. решило не объяв-

лять всеобщую мобилизацию, опасаясь спровоцировать Гитлера на агрессию⁷. Исходя из этого опасения, являвшегося ошибочным, ибо фюрер уже запланировал агрессию, югославское руководство 30 марта решилось лишь на распоряжение об «общей активизации», т.е. тайном призыве, на проведение которого обычно отводились более длительные сроки, чем при официальной всеобщей мобилизации. К тому же такой призыв было предусмотрено начать не сразу, а с 3 апреля. В итоге эта мера стала только осуществляться, когда всего три дня спустя Югославия уже подверглась нападению. Более того, многие не только рядовые, но и офицеры запаса, привыкшие к таким тайным призывам, периодически повторявшимся с начала Второй мировой войны, не торопились являться в части, к которым они были приписаны. А процедуры, предусмотренные на случай войны, не могли быть применены вплоть до 6 апреля как раз потому, что не было распоряжения о всеобщей мобилизации. По данным, фигурировавшим как в югославской, так и в постюгославской историографии, по повесткам об «активизации» удавалось призвать – по различным родам вооруженных сил – лишь от 70 % до 90 % приписного состава, причем со значительными задержками, а мобилизовать тягловый скот, который был основным средством транспортировки в войсках, – и вовсе наполовину от предусмотренного⁸.

Объявление всеобщей мобилизации последовало только 7 апреля, когда война уже шла полным ходом и возможности формирования и переброски войск были серьезно, а то и вовсе нарушены. Так что война началась в условиях, когда не только многие воинские части, но и немалое число органов командования войсками, штабов, вплоть до самых высоких, оказались неукomплектованными должным образом. По данным, приводившимся в историографии в последнее время, только примерно треть воинских частей и штабов с началом военных действий находилась на позициях, которые предусматривались имевшимся планом ведения войны. А до двух третей не завершили даже мобилизации – что уж было говорить об их сосредоточении на позициях и стратегическом развертывании⁹. И сам действовавший план ведения войны, ставший разрабатываться взамен прежнего лишь в феврале – марте 1941 г., был доставлен соответствующему высшему командному составу уже под самый занавес – в начале апреля¹⁰.

Во всем происходившем сказывались и значительная неповоротливость югославской государственной и военной машины управления, и – в более общем плане – серьезные слабости, если не сказать дефекты, всего государственно-политического устройства Королевства Югославия.

Среди этих слабостей или дефектов важнейшее место занимал и такой фактор, оказывавший наибольшее влияние на югославское внутривнутриполитическое развитие, как обостренность межэтнических отношений, который весомо дал о себе знать в ходе апрельской катастрофы.

Для значительных слоев несербского населения Югославия отнюдь не была тем государством, за существование которого они были бы готовы сражаться и рисковать жизнью, особенно в условиях, когда нападение на страну почти сразу привело к тяжелым потерям, дезорганизации и затем хаосу. Тем более что, к примеру, для югославских немцев или венгров были среди государств, напавших на Югославию, этнически «свои» Германия и Венгрия. И ожидавшаяся победа названных государств воспринималась значительной, если не подавляющей частью этих нацменьшинств как освобождение из-под инациональной, преимущественно сербской, власти и воссоединение с этническим отечеством. Так, в среде югославских немцев успешно действовала сеть националь-

ных организаций, которые к тому времени в большинстве управлялись спецслужбами третьего рейха и были предназначены для роли нацистской «пятой колонны»¹¹.

Еще задолго до Апрельской войны 1941 г. югославские военные власти, включая генштаб и министерство армии и флота, выражали тревогу по поводу ненадежности и даже настроений враждебности «опасных национальных меньшинств», к которым причислялись прежде всего немецкое, венгерское и албанское, обозначавшиеся также определением «неславянские меньшинства». Военнослужащие из этих меньшинств считались потенциальным фактором подрыва вооруженных сил и обороноспособности Югославии в случае войны. Тревога особенно усилилась с 1938–1939 гг., по мере того, как росла опасность со стороны держав «оси». Результатом стали разного рода секретные служебные инструкции, предусматривавшие сокращение численности офицеров и унтер-офицеров из неславянских национальностей, ограничение их повышения в чинах и должностях, их недопущение в состав командования частей, а тем паче – в более высокие военные органы, исключение даже рядового состава, принадлежавшего к этим национальностям, из авиации, противовоздушной обороны, мотомеханизированных соединений, флота и ряда других родов войск, равно как из обслуживающего персонала каких бы то ни было штабов. Наряду с этим планировались и до некоторой степени осуществлялись меры, направленные на то, чтобы призванные в армию неславяне использовались главным образом в частях, которые были бы заняты на вспомогательных, прежде всего военно-строительных, работах и в случае войны находились бы не во фронтовой зоне, а в достаточно глубоком тылу. В частности, перед Апрельской войной ряд воинских формирований, укомплектованных выходцами из «неславянских меньшинств», был занят на строительстве пограничных укреплений¹².

Если названные меры и были в состоянии ограничить до некоторой степени возможность солидарных с государствами-агрессорами прямых вооруженных выступлений со стороны военнослужащих югославской армии, принадлежавших к «опасным нацменьшинствам», то основы, на которых строились подобные меры, были весьма противоречивы. Ибо, с одной стороны, в категорию «неславян», к которым эти меры в том или ином объеме применялись, были зачислены, например, и евреи¹³, хотя они не могли питать симпатий к «оси», тем более – к нацистской Германии. А с другой стороны, что касалось противоположной «неславянам» категории «славян», то в ней, наоборот, оказывались и некоторые ненадежные либо даже враждебно настроенные этнические группы. Сами же югославские военные власти были вынуждены отнести к «опасным меньшинствам», наряду с «неславянами», и вполне славянское «болгарское меньшинство»¹⁴. Из соответствующих документов видно, что под «болгарским меньшинством» имелось в виду в основном преобладавшее в Вардарской Македонии (она обозначалась в официальном лексиконе как «Южная Сербия») славянское население, значительная часть которого была склонна либо вообще самоидентифицироваться в качестве «македонских болгар», либо ощущала себя, по меньшей мере, связанной с болгарскими общностью языка и культуры¹⁵.

Пытаясь устранить противоречие, связанное с использованием категории «славяне» в противовес настроенным враждебно «неславянам», югославские военные власти прибегали взамен нее в качестве противопоставления понятию «опасные нацменьшинства» к употреблению формулировки «югославы». При этом разъяснялось, что к данной категории, на которую в вооруженных силах страны не распространяются какие-либо ограничения, относятся «сербы, хорваты и словенцы»¹⁶. Подобное формулировочное ухищрение не могло, однако, устранить суровой реальности: преимущественно сербское по

своему составу, югославское военное командование испытывало тревогу и недоверие по поводу не только военнослужащих из «опасных меньшинств», но в большой мере и по поводу того, как в случае войны поведут себя в армии хорваты, второй по численности народ многонациональной Югославии.

Опасения были не напрасными. Когда страна подверглась агрессии, настроения среди хорватского населения оказали особое воздействие на складывавшееся положение.

В условиях германо-итальянского нападения резко оживилась в хорватском обществе активность и пропаганда усташей, ожидавших, что крушение Югославии позволит осуществить идею государственной самостоятельности Хорватии. Сепаратистская пропаганда получила важное подкрепление в виде усташских радиопередач из Германии, а особенно из Италии. Еще перед 6 апреля 1941 г. с разрешения Муссолини через радио Флоренции началось под руководством Анте Павелича вещание для хорватских слушателей от имени якобы находившейся в Хорватии «Радиостанции Велебит», которая выходила в эфир как станция «главной ставки» усташей. С началом Апрельской войны станция передавала ложные сообщения о боевых действиях за «освобождение Хорватии», будто бы развернутых «вооруженными силами» усташей, и призывала всех хорватов присоединиться к «освободительной борьбе», ведущейся в сотрудничестве с войсками государств «оси»¹⁷.

Обстановка разразившейся войны вкупе с подобной агитацией способствовали росту сепаратистских чувств в хорватском обществе. Вместе с тем, как всегда, когда речь идет об оценке массовости тех или иных общественных настроений, довольно сложно определить, насколько в упомянутых чувствах присутствовали целенаправленно сепаратистские устремления, а насколько – более спонтанный по своему характеру всплеск негативного отношения к югославской власти, подогревавшийся в значительной мере тем, что сербские военные и политические круги, вставшие у руководства Югославии в результате переворота 27 марта 1941 г., выглядели виновниками, спровоцировавшими удар «оси» как раз этим переворотом, произведенным своевольно, не считаясь с интересами и мнением хорватов.

Но какой бы из факторов подъема сепаратистских настроений ни являлся преобладающим, практически важен был конечный результат, т.е. сам этот подъем. И он в огромной мере определил отрицательное отношение большей части хорватского населения к участию в войне, к связанным с этим рискам, особенно для тех, кто был призван в армию. Следствием явилось то, что в Хорватии у югославских военных властей возникли наибольшие сложности с проведением уже упоминавшихся выше активизации и мобилизации, поскольку явка призванных была весьма низкой¹⁸. А среди того хорватского контингента, который отозвался на призыв и оказался в рядах армии, с первых же дней войны начались быстро нарастающие дезертирство, неисполнение приказов, сдача в плен, случаи фактического пособничества противнику, перехода на его сторону, наконец, бунтов в воинских частях под лозунгом хорватской независимости. Наиболее известным примером стали выступления 8 апреля в некоторых полках в районе города Беловар на севере Хорватии¹⁹.

Впоследствии имели место разные оценки того, какими были размах всех этих действий и степень их реального влияния на ход Апрельской войны 1941 г. Почти сразу вслед за поражением Югославии получила распространение интерпретация, согласно которой упомянутые действия не только носили массовый характер, но и стали чуть ли ни решающей причиной катастрофы. С одной стороны, такого рода интерпретация

возникла в некоторых кругах сербских политиков и военных, в частности тех, кто после поражения оказался в эмиграции и стремился найти удовлетворительное для себя объяснение случившегося²⁰. С другой стороны, в определенной мере сходная версия активно культивировалась, наоборот, пропагандой усташей, стремившихся приписать сторонникам хорватского сепаратизма, себе самим как можно большую роль в разрушении Югославии²¹. Но если в сербском варианте эта интерпретация сопровождалась обличением «хорватского предательства», то в усташском варианте, наоборот, – возвеличиванием «патриотических усилий» во имя «хорватского национального освобождения». После Второй мировой войны каждый из вариантов получил продолжение в той публицистической, мемуарной и претендовавшей на историографический характер литературе, которая издавалась соответствующими кругами сербской либо хорватской эмиграции.

В самой же Югославии при коммунистической власти, как правило, господствовала в официальной пропаганде и в историографии резко негативная оценка сепаратистских действий хорватских националистов в апрельской катастрофе 1941 г. Но при этом долгое время не допускалось исследовать, сколь широкий размах приобрели названные действия, сколь значительную поддержку они имели в хорватском обществе, и в частности среди хорватского контингента армии²². Когда же позднее в Югославии все-таки начали появляться работы, преимущественно сербских историков, где не только ставились подобные вопросы, но и высказывалось мнение о значительном масштабе сепаратистской активности и ее поддержки, это мнение вызывало возражения среди хорватских исследователей²³. Вместе с тем, пока сохранялось коммунистическое правление, даже в работах, где сепаратистской активности придавалось весьма серьезное значение как фактору в разгроме 1941 г., она считалась отнюдь не решающим фактором, приведшим к апрельской катастрофе Югославии, а только одним из обстоятельств, способствовавших поражению югославской армии²⁴. В современной постюгославской историографии можно встретить в том или ином виде большинство упомянутых выше версий. Причем те, что прежде культивировались в сербской либо хорватской эмиграции, теперь, перенесенные каждая, соответственно, в посткоммунистическую историографию Сербии либо Хорватии, во многом слились там с течениями, тяготеющими к изображению Апрельской войны под националистически окрашенным «сербским» или, наоборот, «хорватским» углом зрения.

Налицо, таким образом, не только разброс имеющихся мнений, но и очевидная политико-идеологическая ангажированность большинства из них. Не менее существенно, что и сами апрельские события 1941 г. в Хорватии, о которых идет речь, рассматривались до сих пор в историографии почти исключительно на основе столь ненадежных источников, как сведения тогдашней националистической пропаганды и политически пристрастные свидетельства участников, в том числе и мемуарные. Все это очень затрудняет выяснение реальной исторической картины.

Вместе с тем в историографии обращалось внимание на то, что катастрофа югославской армии в Апрельской войне 1941 г. началась прежде всего на юго-восточном направлении в результате атаки германских войск из Болгарии. Эта атака привела к стремительному отступлению югославских сил и распаду их фронта в Македонии, а затем в южной, восточной и центральной Сербии, следствием чего стал захват нацистскими агрессорами важнейших для существования Югославии территорий в сербской части страны²⁵. Тем самым в огромной, если не решающей мере был предопределен исход всей

войны. К данным событиям «хорватский фактор» не имел прямого отношения, ибо в югославских войсках, находившихся на этом направлении, не было частей с хорватским составом (в тогдашней Югославии действовал преимущественно территориальный принцип комплектования армии). Здесь сражались соединения, укомплектованные преимущественно сербами. И наряду с самоотверженными действиями ряда частей, в условиях мощных германских ударов и наступившего хаоса достаточно распространенной стала ситуация, когда многие сербские солдаты и офицеры прекращали борьбу, бросали оружие, срывали свои знаки различия или вообще переодевались в гражданскую одежду и разбегались по домам. А брошенные военные склады и обозы подвергались разграблению со стороны местного сербского населения²⁶.

Войска, укомплектованные в большой мере хорватами, находились на противоположном – северо-западном и западном направлении вторжения германских, а затем итальянских сил. Оно в очень значительной части проходило по территории Хорватии. И как раз там имели место те действия хорватского контингента югославской армии, о которых говорилось выше. Их масштабы нарастали по мере продвижения войск агрессора. Остается неясным, преобладал ли при этом отказ воинских частей с большим хорватским составом от подчинения югославскому командованию, в одних случаях более скрытый, в виде саботажа приказов, в других – прямой, вплоть до выступлений под откровенно сепаратистскими лозунгами, или же преимущественно шло «голосование ногами», когда военнослужащие-хорваты расходились по домам, с оружием либо без него. Но что бы ни превалировало, в современной историографии господствует взгляд, что эти действия сыграли чрезвычайно существенную роль в подрыве боеспособности югославских вооруженных сил и затем в их фактическом распаде на указанном направлении²⁷.

Государства-агрессоры, прежде всего Германия и Италия, стремились активно использовать «хорватский фактор». Еще принимая 27 марта 1941 г. решение о нападении, Гитлер рассчитывал, что «хорваты встанут на нашу сторону» и предусматривал поощрить это «политическими обещаниями хорватам», например, возможностью будущей автономии²⁸. В том же направлении считал нужным действовать и Муссолини, распорядившись в частности об уже упоминавшемся вещании «радиостанции Велебит». Причем речь шла о манипулировании внутриюгославскими этническими противоречиями как инструментом не только в военном разгроме Югославии, но и в осуществлении иного территориально-государственного порядка на месте подлежавшего уничтожению югославского государства. В создании такого порядка особое внимание было тоже сосредоточено на организации сепаратистских действий по отделению Хорватии.

Получив от Гитлера предложение о совместном ударе по Югославии, Муссолини с конца марта предпринял шаги с целью подготовки к тому, чтобы Павелич и возглавлявшаяся «поглавником» группа усташей, находившаяся в Италии (примерно 250 чел.), были, когда начнется нападение, переброшены в Хорватию, где выступили бы с провозглашением ее отделения. Это было продолжением прежних планов Рима по использованию усташей для создания во многом марионеточной «хорватской государственности», которая на деле находилась бы под итальянским контролем, и для того, чтобы путем «соглашения» с ней включить в состав Италии Далмацию²⁹.

Между тем, как уже говорилось, в последовавшие за переворотом 27 марта дни Берлин через своих представителей в Загребе сосредоточил усилия на том, чтобы склонить Владко Мачека к сотрудничеству в качестве наиболее подходящей политической фигу-

ры, которая могла бы выступить во главе акции по отделению Хорватии от Югославии. Когда же немецкие предложения были в итоге отвергнуты Мачеком, который отправился в Белград и 4 апреля занял пост первого вице-преьера в правительстве Симовича, германская сторона основное свое внимание переключила тоже на усташей, но преимущественно тех, кто находился в самой Хорватии. Конкретно речь шла о круге усташских деятелей в Загребе, группировавшихся там вокруг отставного полковника Славко Кватерника.

Прежде офицер еще австро-венгерской, потом югославской армий, после отставки в 1920 г. пошедший по стезе гражданской службы и ставший затем банковским менеджером, Кватерник к концу 1930-х – началу 1940-х годов был довольно хорошо известен в среде хорватских националистических активистов, главным образом тех, кто находился в самой стране, а не в эмиграции. К его собственному авторитету, которым он у них пользовался, добавлялось и то, что он был членом семьи покойного Йосипа Франка (женат на его дочери), одного из политических и идейных отцов радикального хорватского национализма, считавшегося предтечей усташского движения. С заградской группой усташей, в центре которой оказался Кватерник, у нацистов и до того имелись тайные контакты. Эта группа, в свою очередь, рассчитывала воспользоваться германской помощью, так же как Павелич – итальянской, для создания отдельного хорватского государства.

По договоренности между немецкими эмиссарами и Кватерником, руководящие участники группы подготовили документ, составленный от имени, как утверждалось, состоявшегося 31 марта собрания «большой части» хорватских депутатов последней скупщины Королевства Югославия, представителей администрации бановины Хорватия, культурных и экономических институций «из всех исторических краев Хорватии». В документе говорилось, что собрание приняло резолюцию, в которой провозглашалось создание хорватского государства, включающего также Прекомурье, Боснию и Герцеговину и «хорватскую часть Воеводины». Излагавшаяся резолюция содержала обращение к правительству нацистского рейха с просьбой об оказании этому новому государству «непосредственной защиты и помощи», о содействии его признанию державами «оси». Этот документ, целиком или в большей части неоднократно публиковавшийся в послевоенной югославской историографии, причем в нескольких стилистически чуть отличающихся друг от друга вариантах, был подписан 5 апреля Кватерником и еще двумя активистами из его группы, а также двумя деятелями Хорватской крестьянской партии (ХКП) из числа тех, кто стоял на ее крайнем националистическом фланге, занимая позиции, близкие усташам, и был против решения Мачека, отказавшегося предпринять сепаратистские действия и вошедшего в правительство Симовича. В тот же день, 5 апреля, обращение к правительству «третьего рейха» было тайно передано германским представителям, которые сообщили его текст в Берлин³⁰. Оно было призвано дать нацистскому руководству повод для соответствующего вмешательства по поводу Хорватии³¹.

Но когда это обращение достигло Берлина, оно уже вряд ли имело столь большое значение, ибо 6 апреля и без того началась агрессия против Югославии. Между тем даже в условиях произошедшего нападения Германии и ставших быстро нарастать отступления и развала югославской армии Кватерник и его сообщники по усташскому подполью не обладали силами, чтобы самостоятельно предпринять сепаратистское выступление, пока все еще существовала возможность того, что югославские войска предпримут меры, направленные против такого выступления. Лишь 10 апреля, когда формирования

югославской армии уже отступили из Загреба и его также покинули бан Иван Шубашич, заместитель бана, начальник полиции, а к городу подошли передовые части германских войск и то ли еще готовились войти в него, то ли частично начали входить, Кватерник, действуя в контакте с нацистскими эмиссарами, предпринял шаги по взятию власти и созданию Независимого государства Хорватия (НГХ).

По требованию Кватерника, оставшиеся руководители силовых структур и администрации бановины и города, будучи в ситуации, которая к тому времени реально возникла, изъявили готовность выполнять его распоряжения, присягнуть новой власти и переподчинить ей возглавлявшиеся ими службы. Сначала в резиденции бана, а затем по радио Загреба, ставя тем самым в известность население, Кватерник зачитал декларацию об образовании НГХ³². При этом он выступал в роли заместителя усташского «поглавника», т.е. пока еще находившегося в Италии Павелича, который по приезду на родину должен был занять пост главы нового государства. В качестве временного правительственного органа из усташских деятелей, сгруппировавшихся вокруг Кватерника, было сформировано так называемое Хорватское государственное руководство, председателем которого стал один из идеологов усташей и популярный хорватский писатель Миле Будак. Из круга этих деятелей были назначены и уполномоченные для руководства наиболее важными объектами транспорта, связи, жизнеобеспечения, хозяйственного функционирования³³. Развернулось быстрое установление новой власти на местах как путем ее организации тамошними националистическими активистами, так и путем перехода многих локальных органов администрации на территории бановины Хорватия в подчинение усташскому руководству НГХ.

Павелич, однако, был весьма встревожен тем, что рождение НГХ произошло без него самого и притом без всякого участия патронировавшего ему Рима, а исключительно под эгидой Берлина, серьезных связей с которым у «поглавника» не было. Муссолини был не меньше встревожен, опасаясь, как бы, несмотря на имевшуюся итало-германскую договоренность, контроль над Хорватией, к которому правитель фашистской Италии так стремился, не уплыл в руки Гитлера. И потому дуче поторопился отправить Павелича вместе с отрядом из усташей-эмигрантов, находившихся в Италии, на хорватскую территорию, часть которой уже занимали к тому времени и итальянские войска. «Поглавник» со своим сопровождением, после некоторой задержки в пути, прибыл 15 апреля в хорватскую столицу. Там он, наконец, занял пост главы НГХ. Одновременно он возглавил сформированное им на следующий день правительство, заменившее прежний временный орган. А Кватерник, которому Павелич присвоил звание «полководец» (маршал), стал заместителем «поглавника» и руководителем начавших создаваться вооруженных сил НГХ³⁴. 15 апреля последовало и официальное признание НГХ со стороны Берлина и Рима.

Создание НГХ явилось значительным фактором, ускорившим катастрофический для Югославии ход Апрельской войны. Оно способствовало расширению фронта агрессии. Ибо Будапешт, готовившийся присоединиться к войне против Югославии, но испытывавший опасение слишком «потерять лицо» ввиду того, что не прошло еще и четырех месяцев со времени заключения югославо-венгерского договора «о вечной дружбе», немедленно воспользовался образованием НГХ, чтобы заявить, что тем самым югославское государство распалось и перестало существовать. А опираясь на этот аргумент, декларировать, что в возникшей таким образом новой ситуации Венгрия обретает право вернуть свои «южные края», отторгнутые в пользу Югославии в результате Первой мировой войны, и вводит туда войска для защиты тамошнего венгерского населения³⁵.

Не менее, если не еще более важным было то, что после известия о провозглашении создания НГХ отказ военнослужащих-хорватов от участия в действиях югославских вооруженных сил превратился в фактически повсеместный; в частях, где большинство составляли хорваты, арестовывался командный состав из числа сербов³⁶. Следствием стал полный распад югославских линий обороны в Хорватии, отступление оттуда войск, в которых остались военнослужащие-сербы.

В условиях катастрофы, какой являлась для Югославии агрессия со стороны «третьего рейха» и его союзников, этнический фактор порождал сложности и внутри югославского правительственного лагеря. У ряда его несербских участников проявилось стремление найти какой-то выход из складывавшегося трагическо-тупикового положения, прибегнув к тем или иным обособленным маневрам в интересах лишь своего собственного этноса.

Раньше всего, еще в канун нападения, такое стремление возникло у лидеров Словенской народной партии (СНП), входившей в состав правительства. Почти сразу после переворота 27 марта, когда возникла и день ото дня становилась все более очевидной угроза атаки государств «оси», руководство СНП, наиболее влиятельной и фактически управлявшей в Словении (Дравской бановине), стало вырабатывать позицию партии в грядущих событиях. Эта позиция была двойственной, точнее – являлась попыткой совместить два разных направления действий.

С одной стороны, на случай, если в результате вероятной агрессии Словения вместе с остальной Югославией подвергнется оккупации, предусматривалось, что СНП должна послать некоторых своих ведущих деятелей на Запад, чтобы они представляли словенские интересы в антигитлеровском лагере (тогда это были Англия со странами Британского содружества и поддерживавшие их – но еще не воевавшие с «осью» – США). А в самой Словении ни один функционер партии не должен был политически сотрудничать с оккупационными властями³⁷. Целью такой политики было обеспечить наилучшие позиции для Словении и для сохранения в ней ведущей роли СНП в случае победы противников «оси».

Но вместе с тем, с другой стороны, верхушка партии искала возможности сепаратно договориться с Берлином, чтобы под его эгидой Словения отделилась от Югославии и получила самостоятельный или какой-то автономный статус, при котором избежала бы опасностей войны и оккупации. В стремлении к этой цели лидеры СНП связывали свои надежды с тем, что им удастся объединиться в реализации подобного плана с Мачеком, которого как раз в те дни германские эмиссары в Загребе усиленно склоняли к выступлению во главе акции по отделению Хорватии от Югославии и провозглашению хорватской независимости. Руководство СНП было готово на комбинацию с образованием объединенного хорватско-словенского государства под покровительством «оси», рассчитывая, что в такой связке с Хорватией у маленькой Словении будет гораздо больший шанс удержаться от падения в пропасть, которая разверзлась перед Югославией³⁸.

Из известных до сих пор документальных данных и из довольно фрагментарного рассмотрения этой проблемы, имевшего место в историографии, остается неясным, каким образом ведущие деятели СНП полагали совместить оба намеченных направления деятельности: по линии отношений с западным антигитлеровским лагерем и по линии возможной договоренности с «третьим рейхом». Но что касалось практической реализации этих планов, надежды на объединение усилий с Мачеком лопнули уже к 3 апреля, когда тот, ответив в итоге германской стороне отказом, отправился в Белград, где занял свой пост в правительстве Симовича.

И тогда лидер СНП Фран Куловец и его коллега Миха Крек, представлявшие свою партию и Словению в том же правительстве, решили вступить в переговоры с Берлином самостоятельно. Их тревога по поводу судьбы, грозившей Словении при нападении «оси» на Югославию, была крайне усилена исходившими от того же Мачека сведениями о нацистских планах раздела Словении³⁹. В итоге Куловец и Крек тайно, боясь, как бы ни стало известно югославским властям, обратились через дипломатическую миссию Словакии в Белграде к германской дипломатической миссии с предложением, чтобы Германия помогла Словении спастись путем сепаратистского решения – выхода из состава югославского государства, обреченного на гибель в неизбежной войне. Они указывали на два возможных варианта отделения от Югославии: либо Словения получит статус самостоятельного государства, либо станет частью государства, которое было бы составлено из Словении и Хорватии. Об этом германский временный поверенный в делах сообщил из Белграда в Берлин 5 апреля 1941 г.⁴⁰

Ответа из Берлина не последовало. Да и будь он, Куловец и Крек уже не могли бы его получить: в начавшейся на следующий день войне Куловец погиб при первых же бомбардировках Белграда, а Крек 6 апреля вместе с правительством покинул югославскую столицу и затем 15 апреля – Югославию.

Между тем произошедшее 6 апреля нападение Германии и Италии поставило перед словенской политической верхушкой в самой Словении с еще большей настоятельностью тот же вопрос: что делать в сложившейся ситуации? Он был тем более актуален, что с первого же дня войны Любляна оказалась практически отрезанной от центральных югославских властей. В этой обстановке под руководством бана Дравской бановины Марко Натлачена, тоже одного из видных деятелей СНП, был 6 апреля создан Национальный совет из представителей легальных политических партий, действовавших в Словении. Он стал играть роль своего рода высшего представительного органа на территории Дравской бановины. И в первые несколько дней вместе с администрацией бана в основном направлял усилия на то, чтобы предотвратить намеченное командованием отступавшей югославской армии разрушение ряда промышленных, энергетических объектов, мостов, военных складов. Национальный совет и бан считали, что такое разрушение ничего не даст с точки зрения исхода войны, но нанесет огромный ущерб населению Словении, условиям его жизни, состоянию экономики⁴¹. Однако характер деятельности Национального совета радикально изменился 10 апреля, как только стало известно об отступлении югославских войск со значительной части территории Хорватии, а затем, во второй половине дня, о провозглашении создания НГХ.

В калейдоскопе драматических событий нараставшего поражения югославских вооруженных сил создание НГХ выглядело из Любляны, для Натлачена и объединившихся вокруг него словенских политических лидеров, актом, означавшим фактическую ликвидацию Югославии. Тем более что югославские войска уже покинули к тому времени также большую часть словенской территории, а соединения, там еще остававшиеся, были хорватскими событиями отрезаны от остальной югославской армии и ее вышестоящего командования⁴². Произошедшее в Загребе оказывалось для бана и Национального совета последним сигналом к немедленным действиям, которые бы позволили Словении, насколько возможно, уменьшить опасности, возникавшие для нее вследствие поражения Югославии, и обрести хоть сколько-нибудь приемлемый статус в новых, постюгославских условиях.

Национальный совет во главе с Натлаченом предпринял усилия в двух основных направлениях.

Одним из них было сохранить на территории бановины порядок и не допустить каких-либо выступлений населения, тем более вооруженных, против германских войск при ожидавшемся в ближайшие дни, а то и часы занятия ими Любляны и всей Словении. Тем самым предполагалось избежать нацистских репрессий в отношении мирных граждан и одновременно создать обстановку, дающую шансы на переговоры о статусе Словении с германской стороной. С этой целью 10 апреля, помимо соответствующих указаний бановинским властям на местах, был заготовлен еще перед полуднем текст специального обращения бана и Национального совета к словенцам, прежде всего к жителям Любляны, на случай оккупации. В нем говорилось, что вскоре словенская столица будет занята «иностранной военной силой», и содержался настоятельный призыв к сохранению спокойствия в отношении этой силы, указывалось на недопустимость любых враждебных проявлений против нее. Подчеркивалось также, что подобных проявлений не должно быть и в отношении живущего в Словении «национального меньшинства», под которым подразумевалось относительно заметное немецкое меньшинство⁴³. Хотя тут же началась подготовка к обнародованию данного обращения (оно печаталось в типографиях и было отослано на радиостанцию Любляны), само обнародование должно было произойти лишь после телефонного указания бана, когда, по его мнению, наступил бы необходимый для этого момент. Однако на деле сведения об обращении и его содержании стали распространяться по Любляне – и оно, таким образом, сделалось известным – уже в полуденные часы 10 апреля⁴⁴.

Другое направление усилий Национального совета во главе с баном состояло в том, чтобы официально выступить в качестве верховной власти в Словении. Важной составной частью данной задачи было подчинить Национальному совету еще остававшиеся на словенской территории соединения югославской армии. Все это должно было придать Словении и ее верховному органу положение субъекта, обладающего атрибутами своего рода самостоятельности, что, как надеялись, было способно повысить шансы в переговорах, которые, по расчетам Натлачена и его сотрудников, стали бы вестись с германским командованием. Соответственно, во второй половине дня 10 апреля было подготовлено заявление от имени бана и Национального совета о том, что они берут в свои руки верховную власть в Словении (Дравской бановине). Заявление предназначалось для последующего опубликования. Натлачен, ознакомив с ним командира Триглавской дивизии, оставшейся в Словении, и командующего Дравской дивизионной областью, убеждал обоих генералов как по телефону, так и в непосредственных переговорах в необходимости того, чтобы находившиеся под их началом войска были подчинены Национальному совету и чтобы тот из генералов, к кому перейдет общее командование, вошел как можно быстрее в контакт с германской стороной и добился перемирия на наиболее благоприятных условиях. Это, по мнению бана, позволило бы распустить по домам военнослужащих, мобилизованных в Дравской бановине, а вместе с тем создать базу, чтобы попытаться достигнуть как можно более приемлемого для Словении решения вопроса о характере управления на ее территории в обстановке оккупации⁴⁵.

Имеющиеся документальные материалы оставляют довольно неясным, какое именно решение указанного вопроса являлось главной целью Натлачена и Национального совета: состояла ли она в первую очередь в обеспечении того, чтобы при оккупации Словения избежала раздела между странами-агрессорами, а осталась единой территорией

под единым управлением, по возможности – с использованием существовавшей словенской администрации, или же главным было значительно большее: создать под гитлеровской эгидой формально самостоятельное государственное образование, подобное НГХ, а еще лучше – подобное Словакии, которое бы стало участником «оси». В историографии фигурируют разные версии на сей счет. К тому же, согласно одним историографическим интерпретациям, каждая из названных целей была обусловлена словенскими национальными интересами, стремлением, насколько возможно, защитить Словению от жестокостей оккупации. А согласно другим интерпретациям, эти цели, а особенно вариант с созданием государства, диктовались исключительно интересами сохранения в той или иной мере власти прежнего правящего слоя, «предательской буржуазии», как нередко формулировалось при коммунистическом режиме официальной югославской, в том числе и словенской, историографией⁴⁶.

Но какими бы ни были сами цели и их мотивы, переговоры Натлачена, а затем и возглавляемой им делегации Национального совета с обоими упомянутыми выше югославскими генералами, продолжавшиеся до раннего утра 11 апреля 1941 г., закончились для бана и его сотрудников неудачей: генералы-сербы отвергли предложения Национального совета, ссылаясь на воинский долг и присягу. Впрочем, подчиненные им части к тому времени уже начали распадаться: военнотружущие, призванные с близлежащих территорий, стали расходиться по домам⁴⁷.

В этой ситуации утром 11 апреля Натлачен и объединившиеся вокруг него политики решили опубликовать заявление, что поскольку с провозглашением НГХ «в связи между Словенией и югославским правительством сделались невозможными» и «верховная государственная власть Королевства Югославия над Словенией фактически больше не может осуществляться», бан и Национальный совет «взяли на себя исполнение верховной власти на нашей территории и тем самым заботу о порядке и спокойствии и о дальнейшей судьбе нашего народа». Одновременно было принято несколько также предназначенных для обнародования постановлений о поддержании порядка и деятельности властей. В частности, офицерам и солдатам «нашей армии» на территории Дравской бановины предписывалось оставаться, до дальнейших распоряжений, в своих воинских подразделениях и соблюдать дисциплину. Полиции, персоналу органов безопасности и военнотружущим «словенских частей» вменялось в обязанность поместить на свою униформу «словенские кокарды и ленты». Одни из этих заявлений и постановлений, включая также заготовленное 10 апреля обращение бана и Национального совета по поводу предстоявшей оккупации, о котором упоминалось выше, были обнародованы по радио Любляны утром 11 апреля, а на следующий день – в газетах, другие обнародовать по радио не удалось, ибо 11 апреля около 9 часов утра радиостанция была разрушена бомбардировкой, и они публиковались лишь в газетах 12 апреля⁴⁸.

Весь день 11 апреля Натлачен пытался установить связь и вступить в переговоры с германским командованием. Он продолжил эти попытки даже 12 апреля, хотя уже вечером 11 апреля в Люблянe начали входить итальянские войска, приступившие – по некоторым данным, вопреки ожиданиям Натлачена – к операции по занятию южной части Словении. Между тем гитлеровцы, чьи силы заняли северную часть Словении, отвергли переговоры с баном и Национальным советом. Сохранение территории Дравской бановины как единого целого с тем или иным собственным административным управлением, к чему стремилась словенская политическая элита, оказалось невозможным.

Наоборот, Словению разделили между государствами-агрессорами, а банская администрация и Национальный совет были оккупантами упразднены⁴⁹.

Наряду с комбинациями словенской верхушки, окончившимися в итоге крахом, некоторые обособленные маневры стали в ходе Апрельской войны предприниматься и в хорватской части югославского правительственного лагеря, представленной деятелями ХКП.

Вначале лидер партии Мачек, являвшийся первым вице-премьером, и остальная четверка министров-хорватов эвакуировались из Белграда вместе со всем правительством. На заседаниях последнего 6 и 7 апреля, которые происходили в отсутствие Симовича, находившегося в Штабе Верховного Командования, Мачек председательствовал⁵⁰. Когда на заседании утром 7 апреля правительство приняло решение о создании «узкого рабочего кабинета», Мачек был обозначен первым среди членов данного органа. Но уже на этом заседании он объявил о намерении предложить, чтобы в правительство был включен еще один представитель ХКП, ее генеральный секретарь Юрай Крневич, который в случае отсутствия Мачека замещал бы его как в правительстве, так и в «узком рабочем кабинете»⁵¹. Цель такого шага стала очевидной, когда в тот же день председатель ХКП, посетив Симовича, известил его о своем решении покинуть правительство, где его заменит Крневич, и вернуться в Загреб, а вслед за тем на встрече с королем повторил то, о чем сказал премьеру. Попытки отговорить Мачека от намеченного шага были безрезультатными, и Симовичу пришлось согласиться с подобным решением. А лидер ХКП, не откладывая, отправился в путь⁵².

8 апреля, когда германские войска еще только вели бои на севере Хорватии, а основная ее территория оставалась под контролем югославских властей, он прибыл в Купинец под Загребом, где было его имение, и провел там совещание с заместителем председателя ХКП Аугустом Кошутичем, генсеком Крневичем и баном Шубашичем. Как говорилось впоследствии в мемуарах Мачека, этой тройкой его ближайших сподвижников он был информирован о распространившихся среди хорватского населения «ужасном огорчении и возмущении в отношении сербов», которые «навлекли на нас» войну. Было решено, что вечером того же дня он выступит по радио Загреба с короткой речью, чтобы успокоить хорватов⁵³.

В речи, обращенной ко всему хорватскому народу, глава ХКП подчеркнул, что в условиях того величайшего несчастья, каким является война, хорватам особенно нужно быть «единицами и дисциплинированными». И призвал следовать по-прежнему его, Мачека, наставлениям. Заявив, что вернулся в Хорватию, чтобы в тяжелое время делить с людьми «все хорошее и плохое», он предупредил, что будет «по каждому необходимому случаю» давать хорватскому народу указания через организации ХКП или специальных своих представителей. А в данный момент ожидает от всех соблюдения «полного порядка и дисциплины на каждом месте, будь то дома или в армии»⁵⁴.

Если судить по этой речи Мачека, то его решение вернуться в Загреб было вызвано ожидаемым в ближайшее время поражением Югославии и задачей сохранить в хорватском обществе даже при столь драматических обстоятельствах доминирующее влияние ХКП, ее руководства, свою собственную роль политического «отца нации». Ко времени произнесения речи было еще не совсем ясно, как конкретно развернутся события в последующие дни и какие порядки будут установлены в Хорватии в результате предстоящей победы держав «оси», напавших на Югославию. Видимо, потому Мачек предпочел вовсе воздержаться как от сколько-нибудь определенной характеристики сиюминутного положения, так и от какого-либо обозначения перспектив. Тем более что происходив-

ший подъем активности радикальных сепаратистов и волна негативного отношения в хорватском обществе к политике «сербов», считавшихся виновниками войны, не могли не усиливать осторожности лидера ХКП, крайне озабоченного тем, чтобы не растерять своей общественной поддержки.

В итоге он вообще не упомянул ни о Югославии, ни о хорватских национальных интересах, сказал о «несчастье войны», но не назвал агрессоров. Однако в тогдашних реальных условиях сделанный Мачеком упор на необходимость соблюдения в данный момент «порядка и дисциплины», в том числе «в армии» (без обозначения, в какой именно, но всем было ясно, что речь идет о соединениях югославских вооруженных сил, укомплектованных хорватами), фактически был тактически приспособленным к обстановке пропагандистским противопоставлением развертыванию усташской агитации за сепаратистское выступление и распространению антисербских/антиюгославских настроений. А выработка дальнейшей конкретной линии поведения должна была, как можно понять из его речи, зависеть от последующего практического развития событий.

Позиции, которой придерживался Мачек, соответствовала предпринятая им по просьбе югославского военного командования попытка прекратить упоминавшийся выше сепаратистский бунт в воинских частях в районе Беловара, начавшийся ночью с 7 на 8 апреля и развернувшийся 8 апреля в полную силу. Но его собственные телефонные обращения к предводителям бунтовщиков с целью их урезонить и миссия посланного им с той же целью в Беловар Джуру Кемфели, верховного командующего формированиями Крестьянской и Гражданской защиты, окончились безрезультатно. Кемфеля был столь деморализован отпором, которым его встретили в Беловаре, что по возвращении в Загреб тут же отказался от своего поста⁵⁵. Нараставшая сепаратистская волна становилась фактором, определенным образом лимитировавшим политические возможности верхушки ХКП во главе с Мачеком.

А сразу следом, уже 10 апреля, ситуация крайне усугубилась, когда германские войска вошли в Загреб и Кватерник декларировал создание НГХ: Мачек тут же оказался перед необходимостью определить публично свою позицию по отношению к столь радикальным переменам. Необходимость была тем более настоятельной, что и сам Кватерник, и германские эмиссары, в контакте с которыми он действовал, посетили в тот день Мачека, находившегося в своей загребской квартире, и стали добиваться, чтобы он немедленно сделал заявление в поддержку образования НГХ, адресованное хорватскому народу. Предъявленное, таким образом, лидеру ХКП требование аргументировалось необходимостью сохранения спокойствия и порядка и предотвращения эксцессов.

Мачек, частично споря с незванными визитерами об отдельных аспектах содержания и формулировках, которые должны быть в такого рода документе, тем не менее почти сразу согласился сделать заявление. С участием находившегося у него Кошутича он составил текст, в итоге, после внесения некоторых поправок, ставший приемлемым для немцев и Кватерника. Этот окончательный вариант был передан Кватернику, который распорядился зачитать его по радио Загреба сразу после своего собственного радиовыступления с декларацией о создании НГХ⁵⁶. Заявление Мачека начиналось указанием на то, что «полковник Славко Кватерник, вождь националистического движения в стране», провозгласил «свободное и независимое хорватское государство на всей исторической и этнографической территории Хорватии и взял на себя власть». А затем Мачек призвал «весь хорватский народ подчиняться новой власти», а «всех приверженцев ХКП, находящихся на управленческих постах» всех уровней администрации или в органах местного самоуправления, «искренно сотрудничать с новым национальным правительством»⁵⁷.

В историографии многократно оценивалось это заявление. И даже авторы, далеко не одинаково рисовавшие в целом политику Мачека, в большинстве случаев сходились так или иначе на том, что оно оказывалось выгодно как оккупантам, так и устанавливавшемуся под их эгидой правлению усташей. Ибо нацеливало хорватское население по меньшей мере на лояльность тем и другим, а весь существовавший в бановине Хорватия управленческий и полицейский аппарат – на то, чтобы пойти на службу НГХ. Однако, что касается не менее важного вопроса о причинах такой позиции лидера ХКП, в исторической литературе существуют серьезные различия во мнениях.

При коммунистическом режиме в Югославии, для которого Мачек, ставший с 1945 г. эмигрантом (об этом еще будет речь впереди), являлся злейшим политическим врагом, идеологическая установка, исходившая от власти, была нацелена на дискредитацию председателя ХКП. В том числе и его прошлой деятельности, прежде всего как раз той, которая относилась к периоду Второй мировой войны. Существенно влияя на послевоенную югославскую историографию, такая установка особенно сказывалась в сербской историографии, где это еще и усиливалось, преимущественно с 1960–1970-х годов, постепенно все более проявлявшимся взглядом, согласно которому накануне и в ходе Апрельской войны 1941 г. хорватское общество представляло собой средоточие наиболее мощных и массовых сепаратистских, антиюгославских устремлений. В одних случаях дело рисовалось, без всяких доказательств, таким образом, будто само возвращение Мачека в Хорватию было вообще актом сознательного предательства – «бегством навстречу агрессору», а соответственно, заявление 10 апреля – столь же сознательным актом помощи созданию НГХ⁵⁸. В других случаях использовались чуть менее прямолинейные определения, однако тоже ставившие это заявление в контекст действий «пятой колонны» либо указывавшие, что оно являлось согласием с установлением усташского режима и поддержкой ему⁵⁹. Такое изображение получило продолжение и в постюгославской сербской историографии, вплоть до утверждений, что создание НГХ приветствовалось Мачеком⁶⁰.

По сравнению со всеми названными выше оценками, в отдельных работах, выходящих еще в коммунистический период, давалась иная характеристика, согласно которой лидер ХКП своим поступком лишь «объективно играл роль соучастника» в образовании НГХ. Но при этом вовсе ничего не говорилось о причинах самого поступка⁶¹. Не говорилось о них и некоторыми историками как в стране, так, кстати, и в сербской антикоммунистической эмиграции, которые ограничивались формулированием тезиса, что заявление Мачека от 10 апреля, фактически подтверждая сепаратистский акт усташей, являлось предательством, государственной изменой в отношении Югославии, поскольку та в указанный момент все еще вела войну с агрессорами⁶².

Между тем в хорватской историографии, где, в отличие от сербской, еще при коммунистическом правлении стало постепенно уделяться внимание специально исследованию политики ХКП, авторы наиболее значительных работ по этой тематике, рассматривая вопрос о целях Мачека, когда он делал заявление, склонялись к мнению, что в основе его призыва к подчинению усташским властям лежало убеждение в тщетности и опасности для довольно небольшого по численности хорватского народа оказывать сопротивление мощным силам оккупантов, принявших решение в пользу создания НГХ⁶³. Такая интерпретация побудительных мотивов лидера ХКП получила в той или иной мере продолжение и в ряде публикаций постюгославской хорватской историографии⁶⁴.

Подобное объяснение своего шага, в сущности, давал и сам Мачек, когда писал в мемуарах, что тогда, в обстановке военной победы держав «оси» над Югославией и окку-

пации Хорватии, у хорватского народа «не было никакого другого выбора», кроме как «мирно принять» случившееся⁶⁵. Согласно свидетельствам некоторых функционеров ХКП, контактировавших в эти дни и несколько позже с Мачеком непосредственно или через кого-то, они получали от него то же объяснение: главная задача – избежать кровопролития, которое было бы неизбежно в случае попыток противодействия усташам, а тем самым и оккупантам. Причем, что касалось призыва не только к подчинению власти НГХ, но и к сотрудничеству с нею приверженцев ХКП, работавших в органах бановинской администрации и местного самоуправления, то необходимость сотрудничества аргументировалась важностью иметь какую-то возможность защищать население от произвола. Наряду с этим Мачек выражал уверенность, что возникшее положение временно, ибо западные державы так или иначе выиграют войну, и надо дождаться ее окончания, не допуская напрасных жертв⁶⁶.

Если указанная аргументация реально отражала побудительные мотивы лидера ХКП, то в таком случае позиция, выраженная в его заявлении 10 апреля 1941 г., была, в сущности, во многом сходна с характеризовавшимся выше стремлением словенской политической элиты (а забегая вперед, отметим, что подобное затем проявилось и в Сербии) уберечься, насколько возможно, в рамках собственного этноса от людских потерь, тягот и жестокостей оккупации, которая стала неизбежной в условиях поражения Югославии. Но в отличие как от Куловеца и Крека, которые сами предложили Берлину сепаратистско-коллорационистское решение для Словении, так и от Натлачена с Национальным советом, попытавшихся двинуться в подобном же направлении, Мачек отказался от того, чтобы он или другие руководители ХКП, а таким образом и партия как целое выступили в качестве непосредственных участников сепаратистского решения в Хорватии и сотрудничества с оккупантами. Однако, хотел он того или нет, та конкретная форма, в которую глава ХКП посчитал возможным облечь свое заявление 10 апреля⁶⁷, в тогдашних реальных условиях выглядела в итоге своеобразным выражением более чем согласия с установлением усташского режима и на практике играла роль фактора, ориентировавшего хорватские массы на восприятие НГХ как своего национального государства.

Передав текст своего заявления Кватернику, Мачек тут же отправился было в Купинец, но был задержан немцами и доставлен в штаб занявших Загреб войск. Там, если верить его мемуарам, с ним беседовал некий чин из гестапо, который, вопреки уже произошедшему, вдруг стал убеждать его в будто бы сохраняющемся германском желании видеть Мачека во главе НГХ. В ответ лидер ХКП отклонял возможность выступить в такой роли, и в итоге получил от гестаповца указание, чтобы он, уехав в Купинец, оставался там безвылазно и не появлялся в Загребе. Мачек последовал этому указанию⁶⁸.

Из остальной четверки хорватов-членов югославского правительства (все они, напомним, были представителями ХКП) трое – Иван Андрес, Бариша Смолян, Йосип Торбар – тоже покинули кабинет Симовича и вернулись в Хорватию, в то время как министр финансов Юрай Шутей остался. Кроме того, к правительству присоединились посланный туда Мачеком Крневич, который, как и было договорено с Симовичем, стал вместо Мачека первым вице-премьером, и бан Шубашич. Они вместе со всем правительством эвакуировались 15 апреля в Грецию⁶⁹.

В один из последних дней перед эвакуацией кабинет Симовича покинул и министр Джафер Куленович, председатель Югославской мусульманской организации (ЮМО). Его шаг был частью более общей позиции, которую заняли возглавлявшиеся им вли-

ательные круги в руководстве ЮМО. В условиях, когда усташский режим после своего возникновения 10 апреля 1941 г. стал быстро распространять контроль и на территорию Боснии и Герцеговины в ходе происходившего там отступления и поражения югославской армии и занятия данной территории германскими и итальянскими войсками, эти мусульманские круги посчитали необходимым срочно сделать выбор в пользу НГХ. Он был обусловлен их заинтересованностью в обеспечении как своего собственного положения, так и вообще положения боснийско-герцеговинских мусульман в ситуации, ставшей складываться ввиду развертывавшегося разгрома и оккупации Югославии.

В историографии рядом авторов высказывается взгляд, согласно которому выбор в пользу НГХ стимулировался также еще одним обстоятельством: Дж. Куленович и та часть деятелей ЮМО, к которой он принадлежал, получив в свое время образование в хорватских учебных заведениях, в немалой мере тяготели к Хорватии, вплоть до самоощущения некоторых из них, в частности как раз семьи Куленовичей, в качестве хорватов исламской веры. Между тем усташское руководство, в свою очередь, усиленно призывало мусульман Боснии и Герцеговины встать на сторону НГХ, и одним из идеологических постулатов усташей был тезис о том, что это мусульманское население представляет собой неотъемлемую и этнически чистую часть хорватского народа, в котором просто бытуют две религии: одни хорваты являются католиками, а другие исповедуют ислам. Результатом таких встречных устремлений усташского движения и части руководящих деятелей ЮМО стало включение этих деятелей в структуру власти НГХ. В том числе вслед за тем, как Дж. Куленович покинул югославское правительство, его брат Осман Куленович стал вице-премьером в сформированном Павеличем 16 апреля первым правительстве НГХ. Позже, в ноябре 1941 г., Дж. Куленович сменил брата на этом посту⁷⁰. А что касалось югославского правительства, то с уходом из него Дж. Куленовича оно перед своей эвакуацией из страны лишилось единственного представителя организованных мусульманских политических сил.

Впрочем, югославское правительство в течение тех неполных десяти дней, пока оно в ходе Апрельской войны еще находилось в стране, фактически никак уже не влияло на развертывавшиеся события и вообще мало чем управляло. Судя по сохранившимся записям, в которых излагалось то, что происходило на его шести заседаниях, проведенных за это время, вся его деятельность, за исключением принятия 6 апреля текста обращения от имени короля к народу по поводу нападения на Югославию, свелась лишь к нескольким решениям о выделении финансовых средств в связи с начавшейся войной, прежде всего о распределении денежных сумм министрам для содержания их аппарата и о выплатах эвакуировавшимся чиновникам, равно как о регулировании проблемы их дальнейшей службы.

Лишь 11 апреля, на шестой день войны, когда поражение уже, в сущности, стало реальностью, правительство первый раз заслушало сообщение министра армии и флота генерала Боголюбa Илича о положении на фронтах, а министр иностранных дел Момчило Нинчич впервые информировал кабинет о внешнеполитических вопросах – контактах с англичанами и обращениях к США и СССР. И лишь 13 апреля на заседании правительства впервые появился его глава генерал Симович, изложивший военную ситуацию. Вопреки сложившейся обстановке, он уверял собравшихся, что положение «хотя тяжелое», однако «не критическое» и что «фронт будет стабилизирован», причем даже называл некие будто бы намеченные линии обороны⁷¹. Между тем на следующий же день Симович, без информирования правительства, поручил, как уже говорилось выше, ново-

му начальнику Штаба Верховного командования генералу Калафатовичу предложить противнику заключение перемирия. Более того, премьер, давая такое указание Калафатовичу, вводил последнего в заблуждение, утверждая, будто решение о необходимости перемирия было принято правительством на заседании 13 апреля⁷². Так что, покидая, по распоряжению того же Симовича, страну 15 апреля, правительство не имело понятия о том, что предпринял его глава за спиной кабинета⁷³.

В ходе Апрельской войны остались пустым звуком планы, которые генерал Симович одним – двумя месяцами раньше развивал перед принцем-регентом Павлом и тогдашним премьером Драгишей Цветковичем, настаивая, чтобы они не соглашались на присоединение Югославии к Тройственному пакту. Напомним, на вопрос Павла, как же быть с угрозой нападения «оси», генерал говорил, что в случае нападения следует организовать комбинированное сопротивление врагу: одна часть югославской армии развернет партизанские действия в горах, а другая, более многочисленная, отступит в Грецию, создавая там новый фронт военных действий (см. предыдущую главу).

Когда же война разразилась, причем сам Симович возглавлял правительство и вооруженные силы, ни о каком переходе к партизанским действиям не возникло и речи. А успешный германский прорыв из Болгарии в район югославо-греческой границы с последующим развертыванием немцами военных действий на греческом и югославском направлениях привел к тому, что были отрезаны пути для отступления крупных соединений югославской армии в Грецию. Туда удалось уйти лишь незначительному числу военнослужащих: в историографии фигурируют, в частности, данные, не превышающие цифру 1500 человек. Да еще смогли покинуть Югославию буквально единичные суда югославского военно-морского флота и несколько десятков военных самолетов. Но затем, в результате гитлеровских ударов по Греции и последовавшего также в апреле 1941 г., вслед за Югославией, ее захвата германскими и итальянскими войсками, значительная часть перелетевших на греческую территорию самолетов была уничтожена, а югославские военнослужащие, оказавшиеся на этой территории, были взяты агрессорами в плен⁷⁴.

Что же касалось югославских вооруженных сил в самой Югославии, то за исключением их части, которая, как уже сказано выше, еще в ходе войны распалась, главным образом в Хорватии, либо с 10 апреля стала выступать в качестве воинских формирований НГХ, остальная, преобладающая, часть попала, по условиям капитуляции, подписанным 17 апреля, в категорию военнопленных⁷⁵. Об их численности приводятся в историографии на основе различных источников разные данные: главным образом от 375 тыс. до почти 400 тыс. человек. Из этой массы, согласно сведениям в ряде работ, львиная доля была взята в плен германскими и лишь до 30 тыс. человек – итальянскими войсками. Однако довольно большое их число германские и итальянские военные власти освободили почти сразу либо позднее. В первую очередь эта мера распространилась на тех, кто принадлежал к нацменьшинствам, и на хорватов, оказавшихся в плену. Была также отпущена по домам часть словенцев и сербов, включая черногорцев, чье место жительства находилось в регионах, попавших под итальянское управление, а в некоторых случаях и на территории НГХ (о территориальном разделе Югославии см. ниже). Наконец, освобождение постепенно коснулось и отдельных категорий сербов из Сербии, в частности больных. В итоге, если верить цифрам, на которые в наибольшей мере принято ориентироваться, в плену осталось примерно 210 тыс. человек (около 200 тысяч – в германском, а около 10 тысяч – в итальянском). Из них около 90 % составляли

сербы⁷⁶. Военнопленные были отправлены в лагеря, находившиеся за пределами оккупированной Югославии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Первоначальным немецким планом предусматривалось и участие болгарских войск в нападении на Югославию, а также использование территории Румынии, подобно территории Болгарии, для участия крупных германских сухопутных сил в нападении (Aprilski rat 1941: Zbornik dokumenata (далее – AR). Knj. 2 / Prired. A. Miletić. Odg. ured. F. Trgo. Beograd, 1987. Dok. Br. 127. S. 353–354). Но в итоге этот план был изменен.

2 Одно из наиболее обширных описаний хода Апрельской войны было дано в: *Терзић В.* Југославија у априлском рату 1941. Титоград, 1963. С. 416–508, 511–548, 550–568. С некоторыми коррективами оно повторено затем в: *Terzić V. Slom Kraljevine Jugoslavije 1941: Uzroci i posledice poraza. Drugo izdanje.* Ljubljana; Beograd; Titograd, 1984. Knj. 2. S. 279–382, 385–425, 426–430, 431–469.

3 AR. Knj. 2. Dok. Br. 242. S. 668, 671.

4 Ibid. Dok. Br. 243. S. 671–672; Dok. Br. 273. S. 729; Dok. Br. 287. S. 750–752; Dok. Br. 298. S. 776–781.

5 Ibid. Dok. Br. 287. S. 751.

6 О состоянии югославских войск и силах сторон к моменту нападения на Югославию см., например: *Terzić V.* Op. cit. Knj. 2. S. 122–126, 130–133, 137–143, 247–274; *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Beograd, 1988. Knj. 1. S. 392–393, 394; *Тешућ Д.* Војска Краљевине Југославије пред Априлски рат // Историја 20. века. 2003. Бр. 1.

7 AR. Knj. 2. Dok. Br. 129. S. 358–359.

8 *Terzić V.* Op. cit. Knj. 2. S. 225, 228; *Тешућ Д.* Указ. соч. С. 63, 65. Те же явления имели место и при частичной активизации, проводившейся, например, с начала марта 1941 г., т.е. еще до переворота 27 марта и прихода Симовича к власти (AR. Knj. 2. Dok. Br. 119. S. 331–332). В историографии отмечалось, что требование о бесплатной передаче тяглового скота означало для крестьян, по сути, просто его похищение, и они охотнее бежали с ним в лес, нежели передавали его армии. А если передавали, то предпочитали приводить больных и негодных коней и волов, без вьючной сбруи (*Николић К.* Страх и нада у Србији 1941–1944. године: свакодневни живот под окупацијом. Београд, 2002. С. 23).

9 *Terzić V.* Op. cit. Knj. 2. S. 229; *Тешућ Д.* Указ. соч. С. 71, 75–77. См. также: AR. Knj. 2. Dok. Br. 171. S. 513–514. По некоторым данным, на мобилизацию отозвалось вовсе около 60 % подлежащих ей. *Николић К.* Страх и нада у Србији 1941–1944. С. 22.

10 *Terzić V.* Op. cit. Knj. 2. S. 227; *Тешућ Д.* Указ. соч. С. 67–69.

11 См., например: *Biber D.* Nacizem in Nemci v Jugoslaviji 1933–1941. Ljubljana, 1966. S. 211–263; *Kačavenda P.* Nemci u Jugoslaviji 1918–1945. Beograd, 1991. S. 18–27.

12 См.: *Tešić D.* Vojska Kraljevine Jugoslavije i nacionalne manjine u godinama uoči Aprilskog rata // Istorija 20. века. 1996. Br. 2; AR. Knj. 1 / red. D. Gvozdrenović. Odg. ured. F. Trgo. Beograd, 1969. Dok. Br. 120. S. 400–402; Dok. Br. 127. S. 423–424.

13 *Tešić D.* Vojska Kraljevine Jugoslavije i nacionalne manjine... S. 83, 84–85.

14 Ibid. S. 79, 81.

15 Ibid. S. 81; AR. Knj. 1. Dok. Br. 288. S. 863–866.

16 См., например: *Tešić D.* Vojska Kraljevine Jugoslavije i nacionalne manjine... S. 85.

17 *Krizman B. Ante Pavelić i ustaše. Zagreb, 1986. S. 372–375, 388–392.* Усташские радио-передачи из Германии были организованы без участия Павелича – см.: *Jonjić T. Hrvatska vanjska politika: 1939–1942. Zagreb, 2000. S. 257; Kisić Kolanović N. NDH i Italija: Političke veze i diplomatski odnosi. Zagreb, 2001. S. 45.*

18 Так, по некоторым данным, в Хорватии на повестки об активизации отозвалось чуть ли ни всего 50 процентов призванных, а тяглогового скота и транспортных средств для армии удалось получить от населения и вовсе лишь 10–15 процентов от предусмотренного. См.: *Tešuh D. Указ. соч. С. 65.*

19 Например, см.: *Terzić V. Op. cit. Knj. 2. S. 333–335, 336–337, 349–353, 506–508; Jonjić T. Op. cit. S. 265–266; Matković H. Povijest Nezavisne Države Hrvatske. Drugo, dopunjeno izdanje. Zagreb, 2002. S. 61.*

20 Одним из первых проявлений этого стал подготовленный проект заявления Симовича для печати, который рассматривался на происходившем уже в эмиграции, в Афинах, заседании югославского правительства 17 апреля 1941 г. Хотя в результате возражений со стороны некоторых членов правительства, прежде всего хорватов, проект заявления был изменен и положение о хорватской ответственности за поражение в Апрельской войне было изъято, оно затем продолжало выдвигаться рядом сербских деятелей в эмиграции, и вокруг данного вопроса возникали частые конфликты. См.: *Stefanovski M. Srpska politička emigracija o preuređenju Jugoslavije 1941–1943. Beograd, 1988. S. 117–120.*

21 Об этом, в частности, см.: *Terzić V. Op. cit. Knj. 2. S. 664.*

22 Как правило, дело ограничивалось, самое большее, глухим – без объяснения, как это могло произойти, – указанием на то, что «подрывные действия усташских элементов» привели к «расстройству частей», а затем и «полному распаду» армии на территории Хорватии. Например, см.: *Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941–1945. Prva knjiga (Od sloma stare Jugoslavije do Drugog zasedanja AVNOJ-a) / odg. red. V. Terzić. Beograd, 1957. S. 26.*

23 Особенно возражения возникли в связи с изданной в 1963 г. книгой об Апрельской войне 1941 г., чьим автором был один из ведущих в коммунистической Югославии официальных военных историков генерал В. Терзич. Хорватские исследователи упрекали его в том, что рисовавшаяся им картина большого размаха бунтов, вызванных усташами в войсках, является следствием некритического использования генералом свидетельств, которые исходили от самих хорватских радикал-националистов, участвовавших в апрельских событиях 1941 г., и последующих утверждений усташской пропаганды. См.: *Jelić-Butić F. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. Zagreb, 1977. S. 77; Николић К. Прошлост без историје: Полемике у југословенској историографији 1961–1991. Главни токови. Београд, 2003. С. 34 (см. также: *Терзић В. Указ. соч. С. 464–466).**

24 Наиболее характерный пример – общие выводы, сделанные по этому поводу В. Терзичем. См. раздел «Оршти закључак» в книге: *Terzić V. Op. cit. Knj. 2. S. 621 и след. (в частности, с. 656, 657, 662–663).*

25 Ход этих событий см. в: *Terzić V. Op. cit. Knj. 2. S. 294–297, 307–310, 311, 327–332, 345–348, 361–364, 387–388.*

26 Об этом впоследствии свидетельствовали многие сербские современники и участники тех событий. Опираясь на такие свидетельства, о подобном поведении значительной части сербов-военнослужащих стал писать, в частности, и ряд посткоммунистических сербских историков. См.: *Николић К. Страх и нада у Србији 1941–1944. године. С. 23–24, 26–28.*

27 Обзор событий на этом направлении, касающийся Хорватии, содержится в: *Terzić V. Op. cit. Knj. 2. S. 299–300, 312–317, 333–337, 349–353, 365–368, 370–372, 377–378, 390–391, 393.*

28 AR. Knj. 2. Dok. Br. 125. S. 344; Dok. Br. 126. S. 346.

29 См.: *Krizman B. Ante Pavelić i ustaše*. S. 368–375; *Kisić Kolanović N. NDH i Italija*. S. 45–46, 49; *Matković H. Op. cit.* S. 56–57.

30 См., например: *Boban Lj. Sporazum Cvetković – Maček*. Beograd, 1965. S. 374–376; *Terzić V. Op. cit.* Knj. 1. S. 498; *Krizman B. Ante Pavelić i ustaše*. S. 362–364; *Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988: Tematska zbirka dokumenata*. Beograd, 1988. S. 450–451.

31 Еще в югославской, а затем и в постюгославской историографии высказывались разные мнения и велись дискуссии по поводу того, было ли на самом деле собрание, чья резолюция будто бы излагалась в документе, о котором идет речь. Мемуарные свидетельства некоторых из тех, кто его подписывал 5 апреля 1941 г. (об этих свидетельствах см., в частности: *Boban Lj. Sporazum Cvetković – Maček*. S. 374–376; *Krizman B. Ante Pavelić i ustaše*. S. 363–364; *Kisić Kolanović N. NDH i Italija*. S. 155), дают основания для весьма противоречивых толкований. Ряд хорватских историков еще в Югославии, при коммунистической власти, доказывал, что, скорее всего, подобного собрания не было, а составленный документ представлял собой всего лишь намеренно созданный фальсификат (*Boban Lj. Sporazum Cvetković – Maček*. S. 375–376; *Idem. Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941: Iz povijesti hrvatskog pitanja*. Zagreb, 1974. Druga knjiga. S. 407–409; *Jelić-Butić F. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska*. S. 67–68; *Eadem. Hrvatska seljačka stranka*. Zagreb, 1983. S. 26; *Krizman B. Ante Pavelić i ustaše*. S. 362–364). Между тем ряд сербских авторов проявлял, наоборот, склонность считать истинными содержащиеся в названном документе сведения о собрании и принятой там резолюции (см., например: *Терзић В. Указ. соч. С. 51; Terzić V. Op. cit.* Knj. 1. S. 498; *Казимировић В. Србија и Југославија 1914–1945. Крагујевац, 1995. Књ. II. С. 624). Более того, некоторыми из этих авторов такое собрание и его резолюция объявлялись даже – без необходимых доказательств – делом Мачека и возглавлявшегося им руководства ХКП: *Терзић В. Указ. соч. С. 51–52, 154; Terzić V. Op. cit.* Knj. 1. S. 498. Очевидно, в продолжение подобной линии данный документ был в постюгославской сербской историографии при описании полемики, происходившей по этому поводу в конце 1980-х годов, вообще назван «Декларацией ХКП». См.: *Николић К. Прошлост без историје. С. 112.**

32 Декларацию Кватерника см: *Krizman B. Ante Pavelić i ustaše*. S. 386; частично документ опубликован в: *Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988* S. 484.

История тайных контактов германских эмиссаров с загребской группой усташских деятелей и обстоятельства провозглашения Кватерником образования НГХ освещались в работах, авторы которых нередко по-разному излагали, а тем более интерпретировали те или иные стороны этих событий. Из крупных работ хорватских историков, изданных в Югославии при коммунистической власти, см.: *Jelić-Butić F. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska*. S. 66–71; *Krizman B. Ante Pavelić i ustaše*. S. 378–386; из работ, вышедших в посткоммунистической Хорватии см., например: *Kisić Kolanović N. Uvod // Vojskovođa i politika: sjećanja Slavka Kvatrenika / Uvod napisala i uredila N. Kisić Kolanović*. Zagreb, 1997. S. 28–30; *Jonjić T. Op. cit.* S. 251–262, 269–277.

33 *Krizman B. Ante Pavelić i ustaše*. S. 398.

34 *Ibid.* S. 394–396, 398–413; *Kisić Kolanović N. NDH i Italija*. S. 49–50.

35 *Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije*. Beograd, 1986. T. XV. Knj. 1: O učešću Hortijevske Mađarske u napadu i okupaciji Jugoslavije 1941–1945. Br. 11. S. 31–36.

36 См., в частности: AR. Knj. 2. Dok. Br. 225. S. 628–630.

37 *Arnež J. SLS: Slovenska ljudska stranka, 1941–1945*. Ljubljana – Washington, 2002. S. 31–32. См. также: *Čepič Z. et al. Ključne značilnosti slovenske politike v letih 1929–1955: Znanstveno poročilo*. Ljubljana, september 1995. S. 31, 40; *Godeša B. Odnos SLS do vprašanja*

rešitve državnopravnega položaja Slovenije po napadu sil osi na Jugoslavijo // Prispевki za novejšo zgodovino. Let. XLI (2001). Št. 2: Slovenci in leto 1941. S. 83–84.

38 См.: *Godeša B.* Op. cit. S. 83–86.

39 Ibid. S. 84–85.

40 *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988 S. 465.

41 Dr. Marko Natlačen o svojem delovanju med 6. aprilom in 14. junijem 1941 // Prispевki za novejšo zgodovino. Let. XLI (2001). Št. 1. S. 122–124.

42 Ibid. S. 125–126.

43 Ibid. S. 124–125. В это время словенские немцы насчитывали свыше 28 тыс. человек, составляя примерно 2,5 % населения Словении (*Biber D.* Op. cit. S. 17, 19, 21). Имевшие место на территории Дравской бановины с началом Апрельской войны распоряжения югославского военного командования об интернировании представителей немецкого нацменьшинства весьма заботили Натлачена и Национальный совет, опасавшихся, что это может в ответ стать поводом для враждебности германских войск по отношению к словенцам. И потому бан был против участия гражданских властей бановины в репрессиях против словенских немцев, стремился повлиять, чтобы и югославские военные ограничились здесь минимальными шагами и действовали как можно более корректно, а 10 апреля добился в итоге от военных распоряжения об освобождении всех задержанных (Dr. Marko Natlačen o svojem delovanju... S. 125, 131–132).

44 Dr. Marko Natlačen o svojem delovanju... S. 125.

45 Ibid. S. 127–128; *Terzić V.* Op. cit. Knj. 2. S. 488–489; *Godeša B.* Op. cit. S. 80.

46 Об этих версиях и их интерпретациях см., например: *Godeša B.* Op. cit. S. 78–82. См. также: *Mikuž M.* Pregled zgodovine narodnoosvobodilne borbe v Sloveniji. Ljubljana, 1960. Knj. I. S. 49–50; *Terzić V.* Op. cit. Knj. 2. S. 376–377; *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Knj. 1. S. 398–399; *Idem.* Pojam izdaje u Jugoslaviji – između proizvoljnosti, realizacije i naučne analize // Istorija 20. veka. 1993. Br. 1–2. S. 209.

47 Dr. Marko Natlačen o svojem delovanju... S. 127–128; см. также: *Terzić V.* Op. cit. Knj. 2. S. 489 (Nap. 186).

48 Dr. Marko Natlačen o svojem delovanju... S. 125 (Opom. 23), 128–129; см. также: *Mikuž M.* Op. cit. Knj. I. Med S. 48 in 49 (фотокопия газетной страницы).

49 Dr. Marko Natlačen o svojem delovanju... S. 129–135; *Godeša B.* Op. cit. S. 80–81.

50 AR. Knj. 2. Dok. Br. 153. S. 465; Dok. Br. 162. S. 492.

51 Ibid. Dok. Br. 162. S. 492.

52 *Maček V.* In the Struggle for Freedom. New York, 1957. P. 226–227; *King Peter II of Yugoslavia.* A King's Heritage. New York, 1954. P. 95.

53 *Maček V.* Op. cit. P. 227.

54 Документ неоднократно публиковался полностью или частично, например, в: *Boban Lj.* Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941. Druga knjiga. S. 409–410; *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 468.

55 Об этих событиях см.: *Maček V.* Op. cit. P. 227–228; *Jelić-Butić F.* Hrvatska seljačka stranka. S. 46; *Jonjić T.* Op. cit. S. 268–269; *Jareb J.* Pola stoljeća hrvatske politike: povodom Mačekove autobiografije. Zagreb, 1995 (перепечатка книги, впервые опубликованной как эмигрантское издание в 1960 г. в Буэнос-Айресе). S. 82. Впоследствии в мемуарах Петра II утверждалось, будто Мачек, информируя короля вечером 7 апреля (в мемуарах ошибочно указывалось 8 апреля) о решении вернуться в Загреб, уже тогда мотивировал свой шаг необходимостью попытаться поднять мораль военнослужащих-хорватов, которые отказываются сражаться

и дезертируют (*King Peter II of Yugoslavia*. Op. cit. P. 95). Однако нет никаких других данных, которые бы подтверждали, что Мачек говорил Петру нечто подобное.

56 Относительно различных описаний произошедшего см.: *Maček V*. Op. cit. P. 228–229; *Vojskovođa i politika: sjećanja Slavka Kvaternika*. Zagreb, 1997. S. 150–151; *Boban Lj*. *Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941*. Druga knjiga. S. 410–412; *Jareb J*. Op. cit. S. 83–86.

57 *Petranović B., Zečević M*. *Jugoslavija 1918–1988*. S. 484.

58 Из наиболее крупных работ это особенно рельефно проявилось в: *Терзић В*. Указ. соч. С. 472, 487, 500; *Terzić V*. Op. cit. Knj. 2. S. 320, 373–375, 719.

59 Например: *Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941–1945*. Prva knjiga. S. 33; Преглед историје Савеза комуниста Југославије. Београд, 1963. С. 311–312.

60 Укажем, в частности, на: *Казимировић В*. Указ соч. Књ. III. С. 729.

61 Заметный такого рода пример в историографии: *Morača P*. *Jugoslavija 1941*. Beograd, 1971. S. 42.

62 Из работ сербских историков в самой стране см. прежде всего: *Petranović B*. *Istorija Jugoslavije 1918–1988*. Knj. 1. S. 395–396; *Idem*. *Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945*. Beograd, 1992. S. 121; *Петрановић Б*. Стратегија Драже Михаиловића 1941–1945. Београд, 2000. С. 35; из работ сербских эмигрантских авторов см.: *Вукчевић Р*. На судбоносној раскрсници. Београд, 2004. С. 69 (переиздание опубликованного в эмиграции четырьмя с половиной десятилетиями раньше).

63 *Boban Lj*. *Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941*. Druga knjiga. S. 412–413; *Jelić-Butić F*. *Hrvatska seljačka stranka*. S. 44. При этом в условиях господствовавших идеологических ограничителей, требовавших «разоблачения» Мачека, исследователи прибегали к формулировкам, которые должны были подчеркнуто характеризовать его заявление как шаг, который «объективно означал почти отождествление» лидера ХКП «с новосозданным положением», т.е. с политикой образования НГХ.

64 Например: *Bilandžić D*. *Hrvatska moderna povijest*. Zagreb, 1999. S. 122–123; *Kisić Kolanović N*. *Uvod // Vojskovođa i politika: sjećanja Slavka Kvaternika*. S. 29.

65 *Maček V*. Op. cit. P. 229.

66 Об этом см., в частности: *Boban Lj*. *Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941*. Druga knjiga. S. 412–413; *Jelić-Butić F*. *Hrvatska seljačka stranka*. S. 68; *Jonjić T*. Op. cit. S. 270.

67 По свидетельству Кошутича, при составлении заявления 10 апреля Мачек начал текст тезисом, что «германская армия вошла в Загреб и передала власть полковнику Славко Кватернику». Сам Мачек в своих мемуарах утверждал, что именно на таком тезисе он и настоял перед явившимися к нему немецкими эмиссарами. Но согласно тому же Кошутичу, глава ХКП, по требованию нацистских эмиссаров, наоборот, согласился убрать это из заявления (*Boban Lj*. *Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941*. Druga knjiga. S. 412; *Maček V*. Op. cit. P. 229). И действительно, в обнародованном тексте заявления нет упоминания о получении Кватерником власти из немецких рук, между тем как наличие подобного упоминания придавало бы документу существенно иную окраску. Уступчивость Мачека, как следует из свидетельства Кошутича, привела и к оказавшейся в заявлении формулировке о провозглашении НГХ на всей хорватской «исторической и этнографической территории», что, в соответствии с радикальной националистической позицией усташей, имело в виду, кроме Хорватии, также всю Боснию и Герцеговину и часть Воеводины (Срем). Лидер ХКП согласился внести эту формулировку по требованию Кватерника (*Boban Lj*. *Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941*. Druga knjiga. S. 412). Если верить тем же источникам, немецкие эмиссары хотели, чтобы в заявлении Мачека говорилось также о передаче им

Квартнеру руководства хорватским народом и ХКП, но Мачек это отверг (Ibid.; *Maček V.* Op. cit. P. 229).

68 *Maček V.* Op. cit. P. 229–230.

69 На состоявшемся еще до эвакуации, 11 апреля 1941 г., заседании правительства, на котором Крневич впервые вступил в должность, прежде занимавшуюся Мачеком, кабинет, оценивая произошедшую замену и ее причины, как указывалось в протоколе, «констатировал», что решением остаться в Хорватии, чтобы разделить судьбу народа, Мачек «приносит самую большую личную жертву своему народу» (AR. Knj. 2. Dok. Br. 196. S. 564). Судя по всему, участникам заседания не было известно о заявлении Мачека 10 апреля.

70 См.: *Hurem R. Pokušaj nekih građanskih muslimanskih političara da Bosnu i Hercegovinu izdvoje iz okvira Nezavisne Države Hrvatske // Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine. God. XVI. 1965. Sarajevo, 1967. S. 195–196; Jelić-Butić F. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska. S. 196–199; Matković H. Op. cit. S. 132–134, 211, 262.*

71 Протокольные записи этих шести заседаний правительства см.: AR. Knj. 2. Dok. Br. 153. S. 465; Dok. Br. 162. S. 492–493; Dok. Br. 170. S. 512; Dok. Br. 175. S. 521; Dok. Br. 196. S. 564–565; Dok. Br. 295. Nap. 1. S. 768–769; Jugoslavenske vlade u izbjeglištvu 1941–1943: Dokumenti / Prired. B. Krizman. Zagreb, 1981. Dok. 124. S. 276–277.

72 AR. Knj. 2. Dok. Br. 242. S. 668, 671.

73 Уже в эмиграции, 28 апреля 1941 г., Симович на заседании правительства, упомянув о своем распоряжении генералу Калафатовичу о перемирии, умолчал о том, что использовал ложную ссылку на якобы решение правительства от 13 апреля. Jugoslavenske vlade u izbjeglištvu 1941–1943. Dok. 10. S. 106.

74 *Đuretić V. Vlada na bespuću: Internacionalizacija jugoslovenskih protivvrječnosti na političkoj pozornici drugog svjetskog rata. Beograd, 1982. S. 17.*

75 Условия капитуляции см.: AR. Knj. 2. Dok. Br. 298. S. 776–781.

76 См.: *Терзић В.* Указ. соч. С. 575–576; *Терзић В.* Op. cit. Knj. 2. S. 472; *Tomasevich J. War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: The Chetniks. Stanford (Cal.), 1975. P. 74; Petranović B. Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. S. 108–109.*

ГЛАВА 3

РАЗДЕЛ ЮГОСЛАВИИ ОККУПАНТАМИ И ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЖИМОВ ВЛАСТИ

РАСЧЛЕНЕНИЕ «ЮГОСЛАВСКОГО ПРОСТРАНСТВА». В результате поражения Югославия была расчленена на части, занятые войсками напавших на нее государств – Германии, Италии и Венгрии, а также вступившими с позволения Гитлера в югославские пределы вслед за окончанием военных действий войсками Болгарии. Основой политики оккупантов являлись ликвидация югославского государства и раздел его территории.

Эта политика была предопределена планом Гитлера, когда он 27 марта 1941 г. после получения известия о перевороте в Белграде принял решение о нападении на Югославию. На созванном им тогда секретном совещании с участием руководящих деятелей третьего рейха и командования вооруженных сил фюрер заявил, что Югославия должна быть разбита «и в военном смысле, и как государство»¹. Намеченные цели расчленения Югославии были в последующие недели – как перед нападением, так и в ходе Апрельской войны – конкретизированы в разрабатывавшихся один за другим немецких проектах, равно как в предложениях, которые делались по этому поводу Италии, Венгрии и Болгарии.

Так, уже 27 марта Гитлер на встречах с болгарским и венгерским посланниками заявил первому, что произошедшее в Югославии «решило вопрос о Македонии», т.е. открыло перспективу присоединения Вардарской Македонии к Болгарии, а второму – о поддержке претензии Венгрии на югославскую территорию. Причем последнее он распространил и на хорватскую территорию, хотя одновременно высказывался за некое венгерское покровительство над Хорватией, которая получила бы самоуправление. То же, в том числе идею об «опоре» Хорватии на Венгрию, фюрер повторил и в беседе с венгерским посланником на следующий день, когда посланник передал ответ из Будапешта, что венгерская сторона подтверждает притязания на определенную часть югославской территории, но не склонна к включению Хорватии в свои границы².

6 апреля появился первый более обобщенный проект, носивший название «Генеральный план последующей организации управления на югославском пространстве». Он предусматривал, что под немецкое военное управление отойдет собственно Сербия (она была обозначена как «Старая Сербия»); Италия получит ряд областей вдоль югославского адриатического побережья – «Приморье на северо-западе Югославии», Далмацию, Черногорию; Венгрии будет передана принадлежавшая ей до 1918 г. территория к северу от Дуная, а Болгарии – Вардарская Македония. По поводу Хорватии говорилось, что она получит свою государственность, но повторялся уже высказанный Гитлером тезис, чтобы она находилась предположительно под венгерским влиянием.

Несколько дней спустя, 12 апреля, этот план был, по указаниям Гитлера, частично изменен, дополнен и преобразован в проект под названием «Предварительные направления раздела Югославии». В нем, в отличие от предыдущего, конкретизировалась

судьба Словении: ее северные районы должны были быть присоединены к Германии, а районы, расположенные южнее, – к Италии. Риму намечалось передать и прерогативу определения судьбы Боснии, о которой в предшествующем плане ничего не говорилось, в то время как в отношении Черногории на сей раз высказывалась мысль о возможности установления статуса «самостоятельности». Для Хорватии, которая тем временем, 10 апреля, уже была провозглашена «независимым государством» (НГХ), такой статус теперь и предусматривался, а о венгерском влиянии на нее речи больше не шло. При этом указывалось, что независимость Хорватии должна быть установлена в ее этнических границах. Однако не уточнялось, каким образом подобная установка применима к обширным территориям с этнически смешанным населением, где наряду с хорватами обитали и компактные массы иных национальностей, причем во многих районах численно не уступавшие тамошним жителям-хорватам, а то и превосходившие их. В отличие от первоначального плана, больше особо не упоминалось о Далмации. В отношении же территорий, которые намечалось передать Венгрии и Болгарии, так же как по поводу положения «Старой Сербии», измененный план в основном оставлял то же самое, что имелось в виду предыдущим проектом, правда, в несколько большей мере конкретизируя приобретения, предусматривавшиеся для Венгрии³.

Хотя названные планы отражали сугубо внутренний, происходивший в нацистских верхах процесс выработки непосредственных практических решений о расчленении Югославии, а в ходе самого этого процесса отдельные конкретные наметки претерпевали некоторые изменения, однако принципиальные направления устремлений Гитлера в отношении раздела «югославского пространства» уже сразу приобретали достаточную определенность. И служили основой для изображения тех перспектив получения одной либо другой части указанного «пространства», которые Берлин рисовал, соответственно, перед Римом, Будапештом и Софией. А каждый из этой тройки, в свою очередь, стремился к максимальному обеспечению собственных территориальных целей и пытался добиться немецкого согласия на удовлетворение именно своих претензий. Причем в некоторых случаях имело место столкновение интересов, например, Италии с Болгарией в отношении ряда районов Вардарской Македонии. Для Гитлера, которому принадлежало решающее слово, приоритетным было, разумеется, обеспечение территориальных устремлений самого третьего рейха. Но вместе с тем фюрер был заинтересован в достижении, по возможности, наибольшей взаимной сбалансированности между притязаниями его союзников по захвату Югославии.

С этой целью сразу же вслед за капитуляцией югославской армии началась серия дипломатических переговоров, на которых при ведущей, а в большинстве случаев и диктующей немецкой роли утверждались окончательные решения. Важнейшее место здесь заняли происходившие в Вене 21–22 апреля переговоры между министрами иностранных дел Германии и Италии Риббентропом и Чиано. На них были в основном согласованы границы не только немецкой и итальянской, но и остальных зон оккупации на «югославском пространстве» и политико-административный статус различных частей указанного пространства, в том числе и тех, контроль над которыми передавался Венгрии и Болгарии. Это тогда же и в последующие месяцы дополнялось рядом уточняющих и конкретизирующих соглашений и комбинаций как между самими Германией и Италией, так и между ними и остальными, младшими участниками раздела Югославии, включая – по сути, скорее символически – и НГХ в качестве самого нижестоящего в иерархии тех, кто стали правителями на прежней югославской территории⁴.

В результате всех этих переговоров и решений оккупанты, в конечном счете, разделили югославскую территорию в 1941 г. следующим образом.

Германия, во-первых, включила в свою административную систему, т.е. практически аннексировала, северную – большую – часть Словении: в основном Верхнюю Крайну и Нижнюю Штирию с добавлением отдельных прилегающих районов, в частности на западе Прекомурья. А во-вторых, установила свое оккупационное управление над подавляющей частью собственно Сербии с добавлением некоторых районов на севере Косова и Метохии, и над югославским Банатом, составлявшим восточную половину Воеводины.

Италия аннексировала южную часть Словении, ряд областей Хорватии, расположенных вдоль адриатического побережья или примыкающих к нему (значительная часть Горского Котара, Хорватского Приморья и Далмации с островами), и основную часть Черногорского Приморья – Боку Которскую, установила свое оккупационное управление в остальной Черногории. Кроме того, она оккупировала подавляющую часть Косова и Метохии и западные районы Вардарской Македонии, присоединив названные территории к марионеточному режиму Албании, в свою очередь находившейся под итальянской оккупацией. К этому режиму были присоединены и некоторые районы на востоке Черногории.

К Венгрии были присоединены северо-западная часть Воеводины (Бачка и Баранья) и прилегающий район Славонии к северу от Осиека, равно как подавляющая часть Прекомурья. Кроме того, было установлено венгерское оккупационное управление в Меджумурье.

Болгария получила преобладающую часть Вардарской Македонии, а также некоторые районы на юго-востоке собственно Сербии и в Косове и Метохии. Эти территории фактически были аннексированы, хотя формально числились, по требованию Берлина, переданными под болгарское управление с тем, что их статус подлежал окончательному определению лишь после победы в войне, которую, как рассчитывал Гитлер, должны были одержать государства «оси».

Наконец, ряд произведенных территориальных комбинаций был связан с созданием НГХ. Помимо самой Хорватии, лишившейся, однако, значительных частей Горского Котара, Хорватского Приморья и Далмации с островами, отданных Италии, а также Меджумурья и расположенного к северу от Осиека небольшого славонского района, полученных Венгрией, в НГХ включили целиком Срем и всю Боснию и Герцеговину. Но при этом территория НГХ была разделена пополам на немецкую (северо-восточную) и итальянскую (юго-западную) сферы военного контроля, в которых могли в той или иной мере размещаться войска, соответственно, Германии или Италии.

ПОЛОЖЕНИЕ НА АННЕКСИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ. На те территории, которые были в той или иной форме аннексированы государствами, оккупировавшими и расчленившими Югославию, в большинстве случаев, после некоторого относительно непродолжительного периода прямого военного управления, распространилась система гражданской администрации, существовавшая в соответствовавшем государстве.

В северной части Словении, включенной в административную систему третьего рейха, вся прежде существовавшая здесь югославская структура гражданской власти снизу доверху была ликвидирована и заменена немецкой. Административный персонал был

составлен из кадров, присланных с территории рейха и частично разбавленных местными немцами. Власти начали процесс «воссоединения» этой части словенских земель с Германией. Население было распределено по этническим категориям. Давно проживавшему здесь немецкому меньшинству давалось гражданство Германии, новоприбывшие «фольксдойче» и лица, «близкие по крови» немцам, получали вид на гражданство. В отношении словенцев, составлявших подавляющее большинство населения, стала проводиться политика как форсированной германизации, так и – применительно к значительной части – принудительного выселения за пределы этой территории. Немецкий язык был введен в качестве единственно разрешенного для использования в сфере управления, судопроизводства, деловых и общественных отношений, образования и культуры, в средствах массовой информации. Население под угрозой репрессий было вынуждено поголовно вступать в созданные властями массовые общественно-политические организации, через которые проводилась обязательная для всех «воспитательная работа» в духе официальной нацистской идеологии и германизации.

Была установлена весьма эффективная, охватывавшая, по сути, все население система контроля за жизнью и поведением людей. Проводилась их систематическая массовая проверка и оценка по политическим взглядам и расовым признакам, устанавливались градации такой оценки. Те, кто попадал в категории наименее благонадежных и «расово непригодных», насильственно депортировались в Сербию, в НГХ, частично в некоторые другие страны, оккупированные или контролировавшиеся третьим рейхом. Депортациям подверглись примерно до 80 тыс. словенцев. Согласно ряду данных, планировалось применить эту меру к чуть ли ни втрое большей массе словенского населения и освободившееся место заселить немцами. Но в итоге организовать в тех конкретных условиях депортацию такого масштаба оказалось для нацистских властей затруднительно, это было отложено на будущее. Если в отношении словенцев осуществлялись, таким образом, политика насильственной ассимиляции и этнические чистки путем депортаций, то евреи и цыгане попадали под действие гитлеровских «расовых законов», обрекавших этих людей на физическое уничтожение⁵.

В регионах, аннексированных фашистской Италией, была установлена итальянская административная система, стало действовать итальянское законодательство и вводились те или иные меры, направленные на итальянизацию местного словенского, хорватского, сербского населения. Однако практическая организация управления и конкретно проводившаяся политика в разных регионах имели определенные отличия.

В южной, отошедшей к Италии части Словении, которую Рим провозгласил своей Люблянкой провинцией, реальное управление находилось в руках администрации, возглавлявшейся присланными итальянскими чиновниками, но при этом использовалась, особенно на низовом уровне, определенная часть прежнего югославского административного аппарата, теперь подчинявшегося итальянской власти. Были предприняты некоторые шаги, нацеленные на итальянизацию, в частности введено обязательное написание вывесок, обозначение названий населенных пунктов, улиц, учреждений не только по-словенски, но и по-итальянски. Однако эта мера, по сравнению с тем, что делалось в германской зоне Словении, носила относительно мягкий характер, поскольку не исключала словенских наименований, а устанавливала практику двуязычия.

Словенский язык продолжал употребляться не только в частной, но и в общественной жизни, в средствах массовой информации, даже в официальной сфере. Хотя и под итальянским контролем, но продолжало функционировать словенское национальное

образование, сохранялась некоторая национальная культурная жизнь. Местное словенское население имело возможность сохранять свою национальную идентичность. Прежние формы политической жизни, политические партии были запрещены, от жителей требовались лояльность и подчинение режиму Муссолини. Но при этом итальянская администрация стремилась привлечь словенское население, создать себе какую-то опору путем использования форм, напоминавших – по крайней мере, внешне – некоторые элементы автономии. В конце мая 1941 г. при руководителе администрации Люблянской провинции был создан совещательный орган – так называемая Консульты (Совет), во главе которого поставили Натлачена. Туда вошел ряд представителей прежней словенской элиты⁶.

Натлачен и круг тех, кого бывший бан, с итальянского согласия, привлек в этот орган, по-прежнему были озабочены положением и судьбой Словении в условиях ее оккупации, а особенно раздела государствами-захватчиками. Эти деятели надеялись, что участием в Консульте удастся влиять на итальянские власти в интересах защиты словенского населения самой Люблянской провинции, а также ряда словенских активистов, подвергавшихся репрессиям в Триесте. Кроме того, Натлачен, первоначально пытавшийся воздействовать на Рим в интересах ревизии произведенного раздела Словении между Италией и Германией, затем, когда стала ясной неосуществимость ревизии, особенно сосредоточился на ином: добиться, чтобы Рим выступил перед Берлином в пользу какого-то смягчения режима в германской зоне. В данных целях бывший бан и его сотрудники по Консульте предпринимали различные шаги как перед итальянской администрацией провинции, так и перед вышестоящими инстанциями фашистской Италии, включая самого Муссолини, который в начале июня 1941 г. принял делегацию Консульты во главе с Натлаченом. В тех же целях использовался и состоявшийся тогда же прием упомянутой делегации Папой Римским. Эти шаги Натлачена сопровождалось подчеркнутым выражением верноподданничества и даже публичной благодарностью фашистскому режиму Италии.

Однако довольно скоро стала очевидной иллюзорность надежд, которые питали члены Консульты, и в частности сам Натлачен. Положение в германской зоне Словении не улучшалось. Ситуация же в самой Люблянской провинции стала быстро и сильно осложняться, когда со второй половины лета 1941 г. там начались антиоккупационные выступления, вскоре принявшие вооруженный характер, а итальянские власти стали отвечать широкими репрессиями в отношении населения. Репрессивные итальянские действия компрометировали в массах позицию деятелей во главе с Натлаченом, которые сотрудничали с оккупантами в Консульте. Это, а также негативная оценка политики Натлачена основным ядром руководства СНП, эмигрировавшим на Запад и представленным в правительстве Симовича, заставили бывшего бана уже в сентябре 1941 г. подать в отставку из Консульты. Тогда же и в последующие несколько месяцев конца 1941 – начала 1942 г. так поступили и еще некоторые члены данного органа⁷. Сам этот орган потерял значение, и его деятельность фактически стала сходиться на нет.

Позже, в условиях все большего подъема начавшейся вооруженной борьбы против захватчиков, которой руководила компартия, итальянские власти оказались, однако, вынужденными, особенно с лета 1942 г., интенсифицировать политику сотрудничества с теми словенскими силами, которые были готовы так или иначе взаимодействовать с оккупантами в противостоянии прокоммунистическому Сопротивлению. Позиция этих сил, прежде всего круга деятелей, на протяжении предшествующего времени объ-

единявшихся вокруг Натлачена, была обусловлена как их враждебным отношением к коммунистам, так и тем, что партизанское движение, развивавшееся под коммунистическим руководством, вызывало массовые репрессии итальянских оккупантов против населения, сопровождавшиеся довольно многочисленными человеческими жертвами⁸. Натлачен и те, кто в той или иной мере стоял на аналогичной позиции, рассматривали коммунистические действия, сопряженные в конечном счете с подобным результатом, в качестве «безответственной авантюры», угрожавшей самому физическому существованию словенцев. И считали необходимым содействовать подавлению прокоммунистического Сопротивления.

Итогом было начавшееся с итальянского согласия в середине 1942 г. создание территориальных словенских вооруженных формирований, которые помогали оккупационным силам в борьбе с действовавшими под коммунистическим руководством партизанскими и диверсионными группами. Создававшиеся коллаборационистские формирования возглавлялись в большинстве случаев словенцами-офицерами бывшей югославской армии, возвращенными с этой целью итальянцами из плена, и находились под контролем итальянского командования. Официально эти формирования оккупационные власти именовали добровольной антикоммунистической милицией, а в обиходе они получили название «сельской стражи» или «белой гвардии». К середине 1943 г. они насчитывали примерно 6 тыс. человек⁹. Этот военно-полицейский коллаборационизм дополнялся новым оживлением политических форм коллаборационизма. В мае 1942 г. итальянские оккупанты, вернув из плена, поставили градоначальником Любляны бывшего югославского генерала Леона Рупника. А весной 1943 г. были предприняты меры по обновлению деятельности Консульты. И в конце мая – июне 1943 г. был назначен новый состав этого органа. Его главной фигурой стал Рупник¹⁰.

Гораздо более жесткую политику итальянизации, чем та, которая практиковалась в Люблянской провинции, оккупанты стали проводить на других аннексированных фашистской Италией территориях. Одной из них являлось созданное Римом губернаторство Далмация, которое, помимо района Задара, еще с довоенного времени находившегося под итальянской властью, охватило большую часть Далмации с некоторыми островами, расположенную к югу от этого района вплоть до Сплита (фактически включив последний), и Боку Которскую. А второй такой территорией была значительная часть Горского Котара и Хорватского Приморья с рядом Кварнерских островов (в том числе Крк и Раб), которая прилегалла к итальянской провинции Риека и теперь была к ней присоединена. Перечисленные земли, подавляющую часть населения которых составляли хорваты и/или сербы (включая черногорцев в Боке Которской), в своей прошлой истории уже находились под итальянским владычеством и влиянием, и там имелось итальянское меньшинство, хотя довольно немногочисленное. На этом основании их захват интерпретировался режимом Муссолини как «возвращение» и провозглашалась задача их «реинтеграции» с Италией.

Там было, наряду с установлением итальянских органов власти и заменой местного административного персонала присланным из Италии, введено употребление итальянского языка в качестве единственного в официальной сфере, включая весь аппарат управления и судопроизводство. Хорватская или сербская пресса ликвидировалась, допускались лишь итальянские средства массовой информации. В сфере образования вводилось обязательное преподавание на итальянском языке, практиковалась присылка преподавателей из Италии, в то время как преподаватели-хорваты или сербы/черногор-

цы, которым устанавливалась зарплата, многократно меньшая, чем присланным итальянцам, должны были сдавать экзамен на знание итальянского языка. Упразднились существовавшие хорватские либо сербские/черногорские культурные институты и спортивные общества, закрывались прежние банковские, страховые учреждения, заменявшиеся итальянскими. В ряде общественно значимых сфер деятельности, таких как железнодорожный транспорт или здравоохранение, специалисты из хорватов и сербов заменялись приехавшими из Италии. Вводилось употребление только итальянского языка в названиях местностей, населенных пунктов, улиц, учреждений, предприятий, торговых и прочих заведений, и этому требованию должны были отвечать все такого рода таблички, вывески и т.п. Улицы и площади, особенно в далматинских городах, во многих случаях переименовывались в итальянском духе, а памятники тем или иным личностям хорватской либо сербской/черногорской истории и культуры демонтировались. Запрещение всех прежних политических партий и общественных объединений сопровождалось учреждением ячеек правящей в Италии фашистской партии и официальных профессиональных, молодежных, женских и тому подобных организаций режима Муссолини¹¹.

Что касалось земель, присоединенных к Болгарии и Венгрии, правящие режимы каждого из указанных государств провозглашали происходившее «освобождением» данных территорий от «сербской оккупации» и «соединением» либо «воссоединением» их с родиной. Обоснованием такой позиции и в болгарском, и в венгерском случаях служили апелляция к «историческому праву» и аргументы этнического характера.

В качестве «исторического права» фигурировала ссылка на то, что земли, о которых шла речь, целиком или в большей части принадлежали в прошлом, соответственно, одной либо другой из названных стран. Так, Вардарская Македония находилась в составе средневекового болгарского государства, а так называемые болгарские западные окраины (районы Босилеграда и Цариброта, расположенные по прежней болгаро-сербской, а затем – югославо-болгарской границе) были частью Болгарии вплоть до версальского урегулирования, последовавшего за Первой мировой войной. До того же времени принадлежали Венгрии районы, вновь полученные ею в 1941 г.

А в качестве этнического аргумента указывалось на значительное, если в некоторых случаях не преобладающее, венгерское население в ряде мест, присоединенных к Венгрии, особенно в Бачке и Баранье, или на большинство славянских жителей Вардарской Македонии, которое в болгарской национальной традиции рассматривалось в качестве болгар и само в весьма заметной части, а то и преимущественно, тяготело к подобного рода самосознанию, не говоря уж о болгарском населении упомянутых выше западных окраин. В свою очередь, этими этническими категориями населения, во всяком случае, его достаточно широкими слоями, произошедшее тоже воспринималось и потому приветствовалось, тем более на первых порах, как освобождение от инонационального, главным образом сербского, господства и воссоединение со «своими». И как возвращение к «национальному началу» воспринималась ставшая проводиться политика активной мадьяризации либо болгаризации.

Составной частью данной политики являлось то, что распространение венгерской или болгарской системы управления и судопроизводства на присоединенные территории сопровождалось почти полной либо вообще поголовной заменой там прежнего сербского (а в Прекомурье и словенского) административного и судебного персонала персоналом из Венгрии и из местных венгров или, соответственно, из Болгарии и из

тех местных кадров, которые считались болгарами и в большинстве случаев сами рассматривали себя таковыми. Обязательным официальным языком, в том числе во всех органах администрации и в суде, становился в одном случае венгерский, в другом – болгарский язык. В венгерском случае это дополнялось введением венгерских названий местностей, населенных пунктов, улиц, учреждений и т.п.

На землях, присоединенных к Венгрии, система образования была реорганизована так, что ее преимущественно составляли венгерские учебные заведения, в то время как число невенгерских, главным образом сербских, резко ограничивалось и там становилось обязательным преподавание венгерского языка и венгерской истории, а в Преко-муре вообще ликвидировалось обучение на словенском языке и вводилось только на венгерском (само преподавание словенского языка могло сохраняться факультативно). Закрывались невенгерские культурные учреждения, резко ограничивалось число невенгерских газет. Однако подобные меры венгерских властей не касались образовательных и культурных учреждений и средств массовой информации немецкого этнического меньшинства, заметно присутствовавшего в ряде мест на этих территориях.

На землях же, присоединенных к Болгарии, вводилось исключительно болгарское школьное образование. И это сопровождалось, в основном в Вардарской Македонии, очень значительным увеличением числа школ всех ступеней. А в 1943 г. открылся университет в Скопье, имевший, правда, лишь один факультет – историко-филологический (среди специальностей он включал и географию). В сильно расширившейся образовательной сфере преобладающую часть преподавателей составляли присланные из Болгарии; допускавшиеся же к преподаванию местные учителя были только из тех, кто считался болгарами, и для них была обязательной переподготовка с целью совершенного владения болгарским литературным языком, от которого определенным образом отличались говоры Вардарской Македонии. Власти стремились охватить образованием как можно больше детей, молодежи и даже взрослых среди населения, рассматривавшегося в качестве болгарского. Наряду с этим всячески стимулировалось развитие сети разного рода болгарских культурных учреждений. Однако на территории, присоединенной к Болгарии, для довольно значительной массы тех, кто принадлежал к иным этносам (сербь, албанцы, турки и др.), возможность получения образования нередко, наоборот, ограничивалась. А в случае доступности образования оно, будучи болгарским, являлось для них инонациональным, игравшим роль инструмента, призванного способствовать их болгаризации¹².

В историографии сталкиваются две противоположные друг другу интерпретации по поводу политики в сфере образования и культуры, которую проводили болгарские власти в отношении жителей Вардарской Македонии, считавшихся болгарами. В той исторической литературе, которая – начиная с официозной югославской, и в частности македонской, в период коммунистического правления – отвергала тезис о македонских болгарах и определяла их как особый, отдельный от болгарского, македонский народ, вся упомянутая политика Софии изображалась в качестве направленной на денационализацию этого народа. А в той историографии, прежде всего болгарской, которая считала названное население этнически болгарским, данная политика характеризовалась как направленная на его культурно-национальный подъем¹³.

Каждой из интерпретаций эта наиболее многочисленная категория жителей Вардарской Македонии рассматривается чуть ли ни как уже к тому времени абсолютно единая и четко сформировавшаяся в национальном отношении. И оставляется без внимания,

что для нее или, по крайней мере, для ее весьма значительной части была в тогдашней исторической реальности скорее характерна некоторая степень многомерности и одновременно лабильности этнического самосознания, колебавшегося – у разных людей по-своему – в диапазоне от преимущественного ощущения себя болгарами, хотя и с налетом специфического македонского регионализма, до преобладания, наоборот, регионально-македонского сознания по сравнению с общеболгарским. Соответственно, для одних политика болгаризации являлась желанной, и таких, видимо, было большинство, а у других ее крайнее форсирование могло вызывать долю скепсиса, вплоть до негативного отношения у какой-то части.

Болгаризация и мадьяризация на присоединенных территориях сопровождалась также разного рода запретительными и экспроприационными мерами в отношении инонационального населения, ставившими его в положение дискриминации в сфере личных и имущественных прав, профессиональной деятельности, предпринимательства. Проводилось в том или ином виде изъятие земли и другой собственности у колонистов, как правило, сербов, которые после образования Королевства СХС/Югославии переселялись на эти территории в рамках целенаправленной политики югославского правительства, раздававшего им там земельные наделы. Теперь бывшие переселенцы, лишавшиеся некогда полученного, подвергались депортации, главным образом в Сербию, или, как, например, было в Бачке и Баранье, ввиду задержек с возможностью депортации сгонялись в трудовые лагеря. В областях, оказавшихся под венгерской властью, земли изгонявшихся колонистов заселялись венграми из Буковины, Молдавии, Боснии. На территории Вардарской Македонии, присоединенной к Болгарии, землей, изъятая у колонистов, наделялись те из местных жителей, кто считались болгарами, а часть сербского населения в результате бежала в Сербию¹⁴. Особым ущемлением прав и репрессиям подвергались евреи и цыгане, подпадавшие под расовые законы, принятые в Венгрии и Болгарии в значительной мере по образцу нацистских. В итоге, в условиях нажима со стороны Берлина и стремясь продемонстрировать лояльность ему, болгарские власти в марте 1943 г., а венгерские – в апреле–мае 1944 г. насильственно согнали еврейское население присоединенных территорий во временные лагеря и гетто, откуда затем депортировали его и передали германским властям. А те отправляли депортированных в гитлеровские лагеря смерти, где уничтожали¹⁵.

Аналогично регионам, присоединенным к Венгрии и Болгарии, передача итальянскими оккупантами марионеточному режиму Албании подавляющей части Косова и Метохии, западных районов Вардарской Македонии и некоторых прилегающих к Косову и Метохии местностей Черногории, населенных в большинстве албанцами, была проведена тоже как «освобождение от сербского господства» и «соединение с родиной». И подобным образом это воспринималось самими албанцами на данных территориях. Там стала проводиться политика албанизации, во многом схожая с мадьяризацией и болгаризацией: установление административного и политического порядка, существовавшего в самой Албании, также оккупированной Италией; замена сербского/черногорского персонала в аппарате управления албанским; введение албанского, равно как итальянского, языков в качестве официальных; весьма значительное расширение образовательной сети с преподаванием на албанском языке, для работы которой присылались преподаватели из Албании. В не меньшей, если даже ни в еще большей мере, чем в венгерском и болгарском случаях, албанизация на территориях, о которых идет речь, в основном в Косово и Метохии, тоже была сопряжена с изъятием земли у многочислен-

ных сербских переселенцев-колонистов, получавших и там наделы после балканских войн 1912–1913 гг., а особенно после образования Югославии.

Наряду с этим, как новыми албанскими властями, которые действовали под эгидой итальянских оккупантов, так и самим албанским населением стала разворачиваться активная, подчас превращавшаяся в оголтелую «уличную» кампания ущемления, притеснения и просто преследования не только колонистов, но и вообще сербов Косова и Метохии, издавна составлявших большую, в не столь уж далеком прошлом и преобладавшую часть его жителей. Враждебность албанских масс к югославскому – в их глазах сербскому – государству, к которому они относились как к угнетателю, теперь, когда оно было повержено, выплескивалась, под покровительством власти, частыми нападениями на сербов, физическими расправами, поджогами их домов, грабежами. В албанской среде стремление к захвату земли и имущества «чужаков» сплеталось воедино с идеей сделать территорию своего обитания «этнически чистой», населенной лишь собственными соплеменниками. Множество сербских, в том числе и черногорских, семей, спасаясь, бежало в Сербию и Черногорию. Согласно приблизительным данным, фигурирующим в сербской историографии, считается, что из Косова и Метохии было изгнано 70 тыс., а то и до 100 тыс. сербов/черногорцев, и их место заняли десятки тысяч переселенцев-албанцев, в основном из самой Албании¹⁶.

Режимы на территориях под военно-оккупационным управлением. Из территорий, которые не были в том или ином виде аннексированы государствами, расчленившими разгромленную Югославию, а поставлены в условия военно-оккупационного режима, наибольшей являлось пространство, оккупированное Германией. Оно, как уже сказано выше, включало в себя, во-первых, подавляющую часть собственно Сербии с добавлением некоторых районов на севере Косово и Метохии, во-вторых – югославский Банат. Все это пространство, являвшееся единым территориальным массивом, формально представляло собой и одно административное целое, находившееся под властью командующего расквартированными там германскими войсками (он именовался «командующим генералом для Сербии»). Однако на деле для Сербии и Баната были созданы свои, определенным образом отличавшиеся одна от другой, системы управления.

Что касалось Сербии, то здесь власти третьего рейха, хотя и установили в первые дни прямое оккупационное управление, осуществлявшееся немецкими военными органами, однако вместе с тем почти сразу с началом оккупации стали предпринимать шаги по созданию сербской гражданской администрации, подчиненной германскому командованию. Ей отводилась роль вспомогательного механизма, который в соответствии с указаниями германских военно-оккупационных властей и в рамках полученных от них полномочий осуществлял бы функции непосредственного исполнительно-распорядительного регулирования повседневной жизни населения данной территории.

Такая администрация была учреждена уже в мае 1941 г., когда командующий германскими войсками в Сербии назначил так называемый Совет комиссаров, составленный из некоторых довоенных сербских политиков и чиновников, почти сплошь второстепенных. Его председателем поставили Милана Ачимовича, бывшего начальника полиции Белграда и одно время министра внутренних дел в правительстве Стоядиновича. Каждый из членов Совета комиссаров возглавлял то или иное ведомство администрации: внутренних дел (здесь комиссаром был сам Ачимович), юстиции, финансов, транспорта,

связи, хозяйства, строительства, продовольствия, социальной политики, просвещения. Из данного перечня видно, какими вопросами призван был заниматься этот орган. В качестве подчиненного ему административного механизма использовался сохранявшийся либо восстанавливавшийся прежний, функционировавший в Сербии во время существования Югославии управленческий аппарат на местах, продолжение деятельности которого, в свою очередь, было разрешено германской военно-оккупационной властью. Персонал этого аппарата частично оставался тем же, как и до оккупации, а частично обновлялся под руководством Совета комиссаров. В подчинении новой администрации находились также унаследованная от предшествовавшего, югославского, порядка полиция и ставшая постепенно – опять-таки с разрешения оккупантов – восстанавливаться и вооружаться прежняя жандармерия¹⁷.

Однако в обстановке начавшего быстро разворачиваться в Сербии с середины лета 1941 г. диверсионного и партизанского движения, в противодействии которому Совет комиссаров показал свою полную неэффективность, гитлеровские оккупанты 29 августа заменили этот орган новым – так называемым Сербским правительством. Его председателем был назначен бывший югославский министр армии и флота генерал Милан Недич. Внешне, уже по своему названию (правительство!), а особенно потому, что во главе него оказалась такая более чем известная фигура, новый орган должен был выглядеть как обладающий более высоким статусом. Но на деле он остался с почти тем же, как и у Совета комиссаров, основным набором функций (лишь прибавились к социальной политике здравоохранение, а к продовольственной сфере сельское хозяйство, да еще создали дополнительно министерство труда).

Некоторое расширение компетенции правительства Недича, допущенное нацистскими захватчиками, сводилось в основном к усилению его репрессивных функций, которые были направлены против антиоккупационного движения. Для этих целей командующий германскими войсками в Сербии разрешил увеличить вдвое, с 5 тыс. до 10 тыс. человек, численность сербской жандармерии и приступить к созданию подчиненных правительству местных вспомогательных вооруженных отрядов общей численностью до 5 тыс. человек. Такие отряды стали образовываться уже с начала сентября 1941 г. под командованием пошедших на службу к Недичу ряда офицеров бывшей югославской армии. Все эти вооруженные формирования, помогавшие оккупантам в борьбе с диверсионными и повстанческими выступлениями, были позже, в марте 1942 г., объединены в т.н. Сербскую государственную стражу. Ее численность, по данным, фигурировавшим в историографии, составляла примерно от 15 тыс. до 20 тыс. человек¹⁸.

Эффективному осуществлению правительством задач, которые возлагались на него германскими властями, прежде всего задач противостояния антиоккупационному движению, было призвано содействовать и почти полное обновление его персонального состава по сравнению с составом Совета комиссаров (однако Ачимович сохранился в качестве министра внутренних дел). При этом, кроме самого Недича, в правительство включили еще двух (позже их число довели и до трех) прежних югославских генералов. Однако, подобно Совету комиссаров, оно тоже состояло в основном из второстепенных довоенных политиков, чиновников и военных. Как в Совет комиссаров, так и в правительство Недича люди из этой среды шли по разным причинам. В ряде случаев были существенными побудительные стимулы лично-жизневого плана: карьерные, меркантильные, стремление обезопасить себя и свою семью в условиях оккупационного режима, тем более что, как казалось, Германия и действовавшие вместе с нею европейские

государства «оси» надолго утвердили свое господство на Балканах, и в частности в Сербии. Вместе с тем важную роль в качестве стимулов играли политические мотивы, идеологические пристрастия, представления о сербских национальных интересах в новой обстановке, возникшей в результате краха Югославии, ее раздела, оккупации Сербии.

Наибольшую активность проявляли те, чья идейно-политическая ориентация была ближе к нацизму, в ряде существенных моментов совпадала с ним. Здесь первое место принадлежало движению «Збор», возглавлявшемуся Димитрием Лётичем, с его приверженностью идеологии жесткого авторитаризма и националистического традиционализма вкупе с маниакально-яростными антисемитизмом, антикоммунизмом/антисоветизмом и антилиберализмом/антизападничеством. Исходя из убеждения, что решительная борьба во имя указанных целей является жизненно важной для судеб сербства, Лётич и его «Збор» на этой основе солидаризировались с гитлеровскими оккупантами. Хотя сам Лётич не входил в состав ни Совета комиссаров, ни правительства Недича, он деятельно участвовал в их создании, а функционеры «Збора» были представлены и в том, и в другом из упомянутых органов и играли там важную роль. Она была тем большей, что движение и сам Лётич пользовались особым доверием гитлеровцев.

Под покровительством последних Лётич с середины сентября 1941 г. начал создавать, прежде всего из членов «Збора» и его молодежной организации «Белые орлы», вооруженные добровольческие отряды для борьбы с антиоккупационными выступлениями. К концу осени 1941 г. в этих частях было от 3000 до 4000 человек, в большинстве своем из фанатично настроенных последователей Лётича. Добровольческие отряды жестко базировались на идеологии и дисциплине «Збора», что придавало им черты своеобразных партийных вооруженных формирований. Имевшие свое общее командование, а позже, к концу 1942 г., сведенные в так называемый Сербский добровольческий корпус, они являлись наиболее организованной и боеспособной военной силой, укомплектованной сербами и активно помогавшей германским властям поддерживать оккупационный режим и подавлять любых его противников. Представляя собой фактически одну из вооруженных основ правительства Недича, добровольцы Лётича вместе с тем не были прямо подчинены этому правительству, а имели своего рода автономный статус непосредственно под эгидой командования немецких войск в Сербии, которое держало в добровольческих частях своих офицеров-связных¹⁹.

Другим политическим элементом, деятельно участвовавшим в Совете комиссаров, а затем в правительстве Недича, была куда менее организованная и идеологически структурированная, чем «Збор», да к тому же не имевшая никакого военного крыла группа бывших сотрудников и сторонников Милана Стоядиновича и его Сербской радикальной партии. Данный круг деятелей, включавший и Ачимовича, пользовался определенным доверием гитлеровцев, унаследованным еще с довоенного времени, когда Стоядинович находился у власти. Эта группа соперничала с Лётичем за влияние в сербской администрации, подвластной оккупантам, и по некоторым оценкам в историографии, такое соперничество являлось даже одним из факторов, способствовавших отставке Совета комиссаров²⁰.

Как у вышеназванных политических групп, так и у ряда тех, кто входил в состав Совета комиссаров или правительства Недича лишь на индивидуальной основе, среди побудительных мотивов к участию в этих органах особое место занимали соображения о необходимости подобного участия для того, чтобы, насколько возможно, облегчить положение оккупированной Сербии, а также сербского населения территорий за ее пределами.

Что касалось самой Сербии, то речь шла о том, чтобы добиться от нацистских властей получения ею более благоприятного статуса в системе гитлеровского «нового порядка» в Европе: на первых порах хотя бы автономии с довольно значительными прерогативами, а в итоге – и какого-то рода государственности. Это являлось одним из важнейших устремлений Совета комиссаров и затем в еще большей мере – правительства Недича. По распространенной в историографии оценке, сам Недич в то время, когда ему было предложено возглавить правительство, был уверен в том, что победителем в войне будет нацистская Германия с ее союзниками по «оси», и наилучшей перспективой для Сербии является обретение собственной государственности под гитлеровской эгидой. Это отвечало и представлениям Недича о том, что многонациональная Югославия показала свою нежизнеспособность и ее создание лишь нанесло серьезный ущерб Сербии, а потому перед последней стоит задача восстановления сербской монархии, самостоятельно существовавшей до 1 декабря 1918 г. Существенным идейно-психологическим компонентом такого взгляда была присущая генералу традиционалистская идеализация прежней Сербии и ее во многом патриархального крестьянского уклада²¹.

Что же касалось сербского населения вне Сербии, то главной заботой администраций как Ачимовича, так и Недича было добиться прекращения преследований, которым оно подвергалось на территориях, присоединенных к Венгрии, Болгарии, марионеточному режиму Албании, а особенно в НГХ, где усташи стали проводить в отношении сербов – об этом еще речь впереди – политику настоящего геноцида, принявшего массовый и невероятно жестокий характер. Вопрос о прекращении этих преследований приобрел чрезвычайную важность не только ввиду крайне обострившегося в широких общественных слоях Сербии чувства национальной солидарности со своими страдающими соплеменниками, но и вследствие того, что из районов преследования в Сербию хлынул поток сербских беженцев.

По различным и весьма приблизительным данным, фигурирующим в историографии, их общее число в течение войны колебалось от 240 тыс. до 300–400 тыс. человек. Причем огромная часть этого потока пришлась на первые же месяцы оккупации Югославии. В данной связи встала и сложная задача их размещения, продовольственного и иного обеспечения. В согласии с немецкими оккупационными властями, также озабоченными наплывом беженцев, было даже создано при Совете комиссаров специальное ведомство по делам беженцев и переселенцев. Оно продолжало функционировать и на протяжении всего существования правительства Недича – до осени 1944 г.

Прекращения преследования сербов на территориях, находившихся за пределами Сербии, Совет комиссаров и затем правительство Недича пытались добиться как просьбами по этому поводу, подававшимися гитлеровским военным органам в Белграде, так и путем направлявшихся этим же органам более радикальных предложений о присоединении к Сербии некоторых соседних территорий с сербским населением. В частности, Недич одним из условий своего согласия возглавить правительство ставил передачу Сербии ряда включенных в НГХ районов Боснии и Герцеговины²².

Наряду с названными выше, еще одной, как считалось, «национальной задачей», которая встала в качестве первостепенной уже перед Советом комиссаров с середины июля, а перед правительством Недича при самом его формировании в конце августа 1941 г., являлась задача подавления и прекращения ставших развертываться в Сербии диверсионных актов и вооруженных выступлений против оккупационного режима. Борьба с нацистскими захватчиками, начавшая после нападения Германии на Советский Союз

вестись силами, которые организовывались компартией, вызвала масштабные и жестокие репрессии гитлеровцев в отношении гражданского населения. В местах, где происходили диверсии или партизанские нападения, германским командованием широко применялись меры устрашения и коллективной ответственности: массовые заключения в концлагеря, взятие заложников, сжигание крестьянских домов, многочисленные казни, в том числе публичные. Оккупационные власти широко объявляли о том, что за каждого убитого немецкого военнослужащего подлежат казни 100 местных жителей²³.

Будучи и без того настроены крайне антикоммунистически, те круги, из которых формировались Совет комиссаров, а затем правительство Недича, рассматривали компартию и начатую ею борьбу как фактор, провоцировавший эти быстро растущие репрессии и таким образом представлявший собой угрозу положению и самому существованию сербов, их жизням. Устранение подобной угрозы, спасение населения Сербии от страданий и тем более уничтожения упомянутые круги видели в том, чтобы как можно скорее было покончено с партизанскими выступлениями, а тем самым, как представлялось, с причиной репрессий. В обращениях к населению, в частности в первом же публичном заявлении Недича в качестве главы правительства, содержались настойчивые призывы к народу не поддерживать антиоккупационные действия «тех, кто служит иностранным интересам или обманут иностранными агентами, являющимися причиной нового страдания сербской земли». Генерал имел в виду коммунистов и зависимость их политики от Кремля, но в тот момент не хотел прямо называть этого, вынужденный, очевидно, считаться с чрезвычайно широким всплеском прорусских/просоветских настроений и надежд среди сербского населения, вызванных тем, что СССР стал участником войны с Германией. Недич подчеркивал, что следование за «иностранцами», если оно «немедленно не прекратится, – может превратиться в полную гибель», поскольку «сейчас нам угрожает опасность потерять народ», т.е. просто оказаться перед лицом его физического уничтожения. Генерал заявил, что цель возглавленного им правительства, которое он провозгласил «правительством национального спасения», – во что бы то ни стало избежать угрожающей катастрофы и вывести сербский народ на путь сохранения и благополучия²⁴.

Подобная позиция разделялась и поддерживалась определенной частью сербского общества, которая в условиях шока, вызванного впечатляюще стремительным, почти без серьезного сопротивления поражением югославской армии и крахом прежнего государства, боялась еще худшего и предпочитала оккупационный порядок, тем более с допущенной немцами сербской администрацией, риску новых опасных потрясений. Такое настроение охватывало даже немалое число тех, кто на первых порах склонялся к противостоянию захватчикам.

В этом смысле характерно то, что произошло с отрядами, которые почти сразу после оккупации страны стал формировать Коста Милованович-Печанац, известный воевода-ветеран четнической антитурецкой борьбы начала XX в. и центральная фигура в Топлицком восстании 1917 г. Возглавлявший в довоенной Югославии одну из основных ветеранских организаций бывших четников, Печанац, согласно сведениям, приводимым в историографии, 5 апреля 1941 г. получил от югославского военного руководства задание в случае войны и отступления югославской армии организовать партизанские действия в тылу вражеских войск. И после поражения, которым закончилась Апрельская война, он начал создавать отряды четников для борьбы с оккупантами, главным образом на юге, а затем и в ряде других районов Сербии. Численность его отрядов быстро росла, к концу 1941 г. в них было до 15 тыс. человек.

Однако довольно скоро Печанац пришел к выводу, что для непосредственного выступления против гитлеровцев еще не время, поскольку те могут не только подавить его, но и ответить жестокими репрессиями, которые бы угрожали населению. После же того, как с середины лета 1941 г. начались партизанские действия, организованные коммунистами, Печанац в итоге стал бороться с партизанами и вступил в соглашение с германскими оккупационными властями, а с образованием правительства Недича поставил в подчинение ему свои отряды, которые позже были включены в Сербскую государственную стражу²⁵.

Из перечисленных выше «национальных задач», которые ставили перед собой Совет комиссаров, а затем правительство Недича, не только первому, но и второму не удалось, однако, добиться от нацистской Германии ни получения Сербией реальной автономии, не говоря уж о государственности, ни прекращения преследования сербского населения на соседних территориях либо их присоединения к Сербии. Опасаясь чрезмерного для себя и администрации Недича осложнения обстановки в Сербии, гитлеровцы лишь сочли необходимым ограничить размеры проводившейся венгерскими властями депортации туда сербов из областей, присоединенных к Венгрии, а также отменить намечавшуюся депортацию в Сербию около 50 тыс. сербов из оккупированного Баната²⁶. Вместе с тем, вопреки стремлениям Недича, Берлин, исходя из своих интересов, уже на рубеже 1941–1942 гг. существенно расширил зону, отведенную болгарским оккупационным войскам в юго-восточной Сербии, а затем эта зона продолжала расширяться и за счет других сербских районов, особенно после капитуляции Италии в 1943 г. Протесты главы Сербского правительства, вплоть даже до предпринятой им в конце 1942 г. попытки заявить германским властям об отставке, остались безрезультатными²⁷.

Более ощутимыми на практике являлись осуществлявшиеся сначала Советом комиссаров, затем – правительством Недича меры по поддержанию условий повседневной жизни населения и оказанию помощи беженцам, а вместе с тем ставшие одной из важнейших функций обеих названных администраций усилия, направленные против антиоккупационного движения, на борьбу с ним, на его подавление. Такая практическая политика получила крайне разные, сталкивающиеся друг с другом оценки в историографии.

Часть послевоенной сербской эмигрантской публицистики, главным образом те мемуаристы и претендовавшие на роль историков авторы, которые во время войны были связаны с Недичем, доказывали, что обе упомянутые администрации, особенно «правительство национального спасения», не могут рассматриваться в качестве квислинговских, поскольку их деятельность была подчинена защите сербского народа, обеспечению возможности его физического и духовного выживания в трагических условиях оккупации. В противоположность этому, и Совет комиссаров, и правительство Недича характеризовались как квислинговские, с одной стороны, югославской историографией в годы коммунистической власти, а с другой стороны – послевоенной эмигрантской сербской историко-публицистической и мемуарной литературой, которая исходила от круга сторонников югославского правительства в эмиграции и связанного с ним сербского некоммунистического антиоккупационного движения, в период войны развертывавшегося в самой стране (о нем речь впереди)²⁸.

Данная тема остается полем дискуссий в постюгославской сербской историографии. Во всяком случае, очевидно, что стремления Совета комиссаров и правительства Недича во многом были обусловлены идеей облегчения жизненных условий сербского на-

селения, сохранения сербов как нации. Но бесспорным фактом является и то, что обе эти администрации, в особенности правительство Недича, связывали будущее Сербии с ее встроенностью в гитлеровский «новый порядок в Европе» и, что еще важнее, практически стали соучастниками оккупантов в силовом подавлении мощного антиоккупационного движения, выражавшего, особенно летом–осенью 1941 г., стремления весьма большой, если не преобладающей части сербского общества. А тем самым играли роль, характерную для квислинговских режимов, и в реальной исторической действительности выступали в этом качестве.

Как уже упоминалось выше, хотя в общем с Сербией административное целое, находившееся под властью командующего германскими оккупационными войсками в Сербии, гитлеровское руководство включило формально и югославский Банат, там фактически была учреждена особая система управления. Это было связано, главным образом, со спецификой многонационального состава населения данной области: среди ее примерно 600 тыс. жителей 120 тыс. составляли немцы. Они являлись второй по величине этнической группой Баната после сербов. И Берлин практически передал управление областью банатским немцам, из которых была сформирована вся местная администрация. Она и ее глава были формально подведомственны Совету комиссаров Сербии, а затем правительству Недича, но в реальности являлись по отношению к названным органам самостоятельными.

Эта администрация фактически была подчинена лишь германским оккупационным властям и всецело действовала в духе нацистской политики, а также обеспечения господствующего политического, экономического и национально-культурного положения банатских немцев на территории области. Принимая во внимание, что Венгрия и Румыния были союзниками Германии по «оси», соблюдалась лояльность в отношении венгерского и румынского населения области, которым было дано некоторое представительство в органах администрации на локальном уровне. Сербь же, составлявшие здесь большинство населения (их было примерно в 2,5 раза больше, чем немцев), подвергались притеснениям, хотя сербский язык сохранял статус официального наряду с немецким языком. И как в самой Сербии, в Банате жестко проводилось расовое преследование и в итоге уничтожение евреев и цыган²⁹.

Наряду с Сербией и Банатом, другой значительной территорией, поставленной в условия военно-оккупационного режима, являлась захваченная фашистской Италией Черногория. В ее состав была включена преобладающая часть Санджака, но вместе с тем, напомним, отторгнуты Бока Которская и некоторые восточные районы, прилегавшие к Косову. В таких границах Черногории итальянские власти на протяжении первых трех месяцев оккупации перебирали разные варианты организации управления данной территорией с участием того круга местных политиков, который, продолжая традицию, ведущую начало от «зеленашей» – противников объединения Черногории с Сербией в 1918 г., стремился к воссозданию, под эгидой Рима, особой черногорской государственности во главе с прежней королевской династией Петровичей-Негошей, непосредственно связанной родственными узами с итальянским королевским домом.

Таковыми вариантами стали сформированные под итальянским покровительством из политиков упомянутого круга сначала Временный черногорский административный комитет, образованный 17 апреля 1941 г., а затем созданный вместо него месяц спустя Совецательный совет (Консульта) при главе оккупационной администрации. В итоге же режим Муссолини пошел на созыв 12 июля 1941 г. так называемого черногорского

сабора, составленного из тех же деятелей, и принятие на нем подготовленной в Риме декларации, в которой заявлялось, что решение Подгорицкой скупщины 1918 г. об объединении Черногории с Сербией отменяется, и провозглашалось восстановление независимой Черногории. Поскольку к тому времени никто из дома Петровичей-Негошей не дал согласия занять королевский трон, в декларации сабора предусматривалось обращение к итальянскому королю, чтобы тот назначил регента³⁰.

Но вся эта конструкция, направленная на установление квислинговского режима, оказалась опрокинутой начавшимся на следующий день, 13 июля, массовым вооруженным восстанием против оккупантов, охватившим Черногорию. Помимо прочего, оно продемонстрировало, что среди населения влияние поборников черногорской независимости, тем более под итальянским протекторатом, довольно невелико. После того, как итальянским войскам с помощью переброшенных в Черногорию крупных подкреплений удалось в августе разгромить восставших, итальянские власти, хотя и продолжали еще некоторое время прежнюю комбинацию, готовя образование «черногорского правительства», очень скоро все-таки сочли необходимым отказаться от квислинговского варианта.

3 октября 1941 г. решением Муссолини было создано губернаторство Черногория в качестве военно-оккупационной единицы. В руках губернатора, которым стал генерал Пирцио Бироли, была сосредоточена вся военная и гражданская власть, а для нужд гражданского управления он использовал сохраненный местный югославский административный аппарат с несколько обновленным составом чиновников и с итальянскими офицерами на руководящих должностях. Частично использовались также кадры прежней югославской полиции и жандармерии, а в целях борьбы с партизанским движением, руководимым компартией, стали, подобно тому, как позже было сделано в Люблянской провинции, формироваться местные отряды добровольческой антикоммунистической милиции, контролировавшейся оккупантами³¹. В таком виде итальянский оккупационный режим фактически сохранился вплоть до произошедшей осенью 1943 г. капитуляции Италии. Нужно, однако, добавить, что в интересах антипартизанской борьбы итальянские оккупационные власти с рубежа 1941–1942 гг. и затем вплоть до капитуляции Италии активно прибегали к тактике соглашений, определенной степени взаимодействия с различными самостоятельно возникавшими в Черногории или перемещавшимися туда из других регионов военными и военно-политическими формированиями, которые по тем или иным причинам вставали на позиции противостояния прокоммунистическим силам, о чем еще пойдет речь.

Усташский режим Независимого государства Хорватия. Особое, квислинговское по своему существу образование представляло собой Независимое государство Хорватия (НГХ). Созданное с благословения оккупантов и фактически в решающей степени от них зависевшее, являвшееся, по сути, частью оккупационной системы, установленной на территории потерпевшей поражение Югославии, оно в то же время обладало реальными атрибутами государства и довольно немалой долей самостоятельности в проведении внутренней политики. И представало, особенно первоначально, в глазах значительной части хорватского общества олицетворением полученной, наконец, национальной государственности. Это вело к поддержке НГХ или хотя бы к лояльности «своему государству», а то и просто к невольному примирению с его существованием со

стороны довольно широких слоев хорватского, а в определенной мере и мусульманского населения, нередко включая также тех, кто не одобрял либо, по крайней мере, далеко не во всем разделял характер установившегося усташского режима, конкретные реалии его политики и идеологии.

Власть усташей, установленная в НГХ, представляла собой радикально-националистический режим с сильнейшими тоталитарными чертами. Правящее усташское движение и его идеология заняли в новом государстве абсолютно монопольное положение. Любые иные действовавшие к моменту создания НГХ политические партии и образованные ими общественные организации были запрещены. Взамен была создана новая, характерная для тоталитарных режимов система официальных «общественных организаций», в том числе молодежных, женских и т.д., которые являлись частью усташского движения или целиком им контролировались. На все сколько-нибудь значительные государственные должности назначались, как правило, активисты и члены движения. Само фактическое положение лиц, входивших в правящий слой, зачастую определялось не только и даже не столько их постами на государственной службе, сколько прежде всего их местом в усташской партийной иерархии. Это была типичная система «партии-государства». Даже созданные вооруженные силы НГХ были организованы таким образом, что помимо регулярной армии («домобранство») существовали и особые воинские формирования усташского движения – «усташское воинство» как составная часть движения. Лишь в конце 1943 г. «партийные» войска были объединены с обычными, но сохраняли определенную «особость».

У руля такой партийно-тоталитарной власти стоял вождь («поглавник») движения усташей Анте Павелич, который одновременно являлся таковым и по отношению к самому государству, был главой НГХ. Он принимал все законы, назначал членов высшего руководства и других функционеров усташского движения, членов правительства и руководящих лиц государственного аппарата, за ним было фактически решающее слово в определении всей внутренней и внешней политики НГХ. Будучи главой партии и государства, Павелич вместе с тем занимал с середины апреля 1941 г. до начала сентября 1943 г. также пост главы правительства. Но и после того, как из тактических соображений он назначил председателем правительства другого, все ключевые позиции власти продолжали оставаться в его, Павелича, руках. Никаких выборных органов в НГХ не существовало ни на общегосударственном уровне, ни на уровне региональных и локальных административных единиц (аналогичным было и положение в усташском движении).

Не был таким органом и созданный в 1942 г. Хорватский государственный сабор, выступавший в роли якобы парламента. Он был сформирован Павеличем по принципу включения туда, во-первых, бывших депутатов последнего хорватского сабора, действовавшего перед тем, как 1 декабря 1918 г. образовалась Югославия, во-вторых, депутатов от Хорватии, прошедших в югославскую скупщину на выборах 1938 г., в-третьих, определенных категорий членов прежних руководящих органов ХКП, бывшей Хорватской партии права, а заодно с ними – высших функционеров усташского движения, в-четвертых, двух представителей официальной организации немецкого этнического меньшинства в НГХ. Причем, чтобы в составленный таким образом сабор не попали те, кто был нежелателен усташскому режиму, принятое Павеличем постановление предусматривало, что из перечисленных групп в число отобранных для членства в саборе не включаются, однако, лица, «которые нарушили ин-

тересы Независимого государства Хорватия или нанесли урон чести и достоинству хорватского народа»³². Впрочем, даже в таком виде сабору не было доверено решение каких-либо серьезных вопросов. Он являлся декорацией, предназначенной лишь для официальных речей и символических деклараций вроде принятого на первой сессии в конце февраля 1942 г. постановления об аннулировании всех принятых в период от образования Югославии в 1918 г. до провозглашения НГХ 10 апреля 1941 г. правовых актов, касающихся хорватского народа и его самобытности. Да и сам век сабора был недолгим: после его первой сессии состоялись еще две – в апреле и декабре 1942 г., и больше он не собирался.

Огромное значение правящий слой НГХ придавал тому, чтобы монополярная позиция, которую усташское движение заняло в системе власти, распространилась и на сферу его политико-идеологического влияния в хорватском обществе. Этому была призвана содействовать массивная и ставшая постоянной пропагандистская обработка населения через целиком находившиеся в руках или под контролем режима систему средств массовой информации, книгоиздательство, учебные заведения, официально разрешенные общественные организации, через широкую устную агитацию, а также в немалой степени путем использования различных культурных и религиозных институтов³³. Комплекс подобных усилий, тем более в условиях принявшей массовый характер эйфории, вызванной тем, что в ходе Апрельской войны Хорватии удалось, по сути, избежать военных действий, жертв и разрушений, а одновременно получить государственность, имел своим результатом значительный прилив в усташское движение и ошутимое расширение усташского влияния, хотя и не в таких размерах, как это изображала официальная пропаганда в НГХ.

Как с помощью пропаганды, так и административных либо прямо репрессивных рычагов велась деятельность по подрыву и подавлению воздействия на хорватское общество всех других, независимых от усташского движения, а тем более ему противостоявших политико-идеологических сил, в первую очередь тех, которые пользовались значительным общественным влиянием. В этом смысле объектом особых усилий режима стала ХКП, являвшаяся наиболее влиятельной среди хорватского населения. Традиционно выступавшая в роли основной выразительницы и защитницы хорватских национальных устремлений, она, таким образом, оказывалась главным соперником усташского движения как раз на ключевом для него политическом поле – борьбы за национальные цели. Потому усташское руководство стремилось не просто разрушить ХКП, и без того запрещенную вместе с другими партиями, но и перетянуть к себе, взять под свой контроль ее организации и массу приверженцев.

В такого рода усилиях, принявших характер кампании, в частности, в августе – сентябре 1941 г., активно участвовали те деятели ХКП, которые стояли на ее крайнем националистическом фланге, занимая позиции, близкие усташам, и уже накануне Апрельской войны 1941 г., а затем в ходе нее и тем более с образованием НГХ включились в усташскую деятельность. Некоторые из них даже вошли в усташскую верхушку. В итоге к усташскому движению присоединилась относительно заметная, хотя и не столь большая часть ХКП³⁴. В партии шел процесс расслоения. Основная ее часть по-прежнему видела своего вождя в лидере партии Владко Мачеке, но была существенно дезориентирована его последним публичным заявлением 10 апреля 1941 г., о котором уже шла речь выше. Сам Мачек склонился к позиции выжидания того, когда, как он был уверен, война завершится победой западных держав.

Лидер ХКП с 11 апреля 1941 г. непрерывно содержался властями НГХ в условиях частичной или полной изоляции: то под домашним арестом в его имении Купинец, то в концлагере Ясеновац, то снова в его имении или позже на разных квартирах в Загребе. Из какой-либо политической и вообще публичной деятельности он был исключен. Большинство его ближайших соратников по руководству ХКП из числа тех, кто не эмигрировал, а остался на родине, находилось под надзором и то арестовывалось, то на время выпускалось, то вновь арестовывалось³⁵. Эта преобладающая часть партии как политический фактор надолго оказалась фактически в бездействии.

Основной национально-политической целью усташского движения являлось не просто достижение государственной самостоятельности Хорватии, включая и все земли за ее пределами, которые усташа считали хорватскими, но и придание этому государству этнически хорватского характера. Такая цель приходила в противоречие с реальностью многонационального состава населения той территории, на которой было создано НГХ. По разным данным, хорваты составляли в нем немногим больше половины. Объявляя, как уже говорилось, мусульман Боснии и Герцеговины тоже хорватами, усташский режим стремился существенно повысить эту цифру. Но и при такой манипуляции оставалось весьма далеко до фанатично-экстремистской цели, ставшей символом усташской веры. И главным препятствием оказывались сербы, составлявшие чуть ли ни почти треть из более чем 6 млн жителей НГХ³⁶. Это крайне усиливало враждебную по отношению к сербам настроенность усташей, в чьей среде многолетний культ борьбы против ненавистной им Югославии был одновременно и культом борьбы против «сербских угнетателей». Результатом явились активные антисербские действия, с первых же дней существования НГХ предпринятые усташским режимом. Они включали как усилия по проведению, с разрешения гитлеровцев, организованной депортации части сербов в Сербию, так и масштабные меры по дискриминации, преследованию и угрозе жизни сербского населения, создававшие обстановку, которая побуждала другую его часть спасаться путем бегства из НГХ.

Под проведение организованной депортации подводились те сербы, которые зачислялись властями в категорию «поселившихся на территории Независимого государства Хорватии после 1 января 1900 г.» и «их потомков». По договоренности с германскими властями в начале июня 1941 г., число депортированных в Сербию должно было быть равным числу словенцев, которых Берлин намеревался депортировать в НГХ из германской зоны Словении (179 тыс.). Но поскольку, как упоминалось выше, гитлеровский план депортации словенцев тогда был на время вынужденно уменьшен, существенно уменьшилась и численность организованно депортированных сербов из НГХ в Сербию (по разным данным, от 10 до 20 тыс.).

Что же касалось мер, приведших летом 1941 г. к куда более массовому сербскому бегству за пределы НГХ, эти меры, в основном с конца весны – начала лета 1941 г., шли в трех направлениях. Во-первых, усташским режимом была развязана оголтелая пропагандистская кампания, изображавшая сербских жителей как врагов хорватского народа, которым не место в НГХ. Во-вторых, властями стали ограничиваться передвижение сербов, возможности их местожительства, их имущественные права, вводиться практика увольнения их со службы, прежде всего государственной. Была запрещена кириллица, принудительно переименована «сербско-православная вера» в «греко-восточную», оказывалось, в том числе законодательно, давление с целью заставить людей перейти

из православия в католичество*. В отношении сербов начали широко применяться аресты, интернирование. Наконец, в-третьих, что стало главным, с конца апреля 1941 г. начались шедшие в последующие месяцы по нарастающей массовые убийства сербов в местах их компактного проживания, осуществлявшиеся вооруженными усташскими группами³⁷.

Эта экстремистско-антисербская политика, принявшая характер геноцида, и особенно кровавый террор, сопровождавшийся многотысячными жертвами и угрожавший самому существованию сербского населения, привел к крупномасштабному бегству сербов из НГХ в сопредельные Сербию и Черногорию. По различным данным, фигурировавшим в историографии, только в Сербию бежало от почти 140 тыс. до, возможно, около 180 тыс. человек³⁸. Другим последствием такого усташского курса явилось то, что значительная часть наиболее дееспособного и активного сербского населения, в основном мужского, не видя иного выхода, стала с рубежа весны – лета 1941 г. братья за оружие и выступила против руководимого Павеличем режима. Она составила важнейшую основу антиусташских и антиоккупационных движений, начавших разворачиваться на этой территории.

Во внешнеполитическом плане усташский режим был прочно привязан к «оси». 15 июня было оформлено присоединение НГХ к Тройственному пакту, а 25 ноября – к Антикоминтерновскому пакту. В свою очередь, официально признали НГХ и установили с ней дипломатические отношения только государства «оси», являвшиеся участниками этих пактов³⁹. Усташский режим следовал на международной арене курсу своих патронов – Германии и Италии, под эгидой которых был образован. Когда в декабре 1941 г. Германия и Италия объявили США войну, тут же последовало заявление НГХ об аналогичном шаге, а заодно и об объявлении войны другой антигитлеровской державе – Англии⁴⁰. Хотя официально со стороны НГХ не было объявлено войны Советскому Союзу, публично выражалась радикальная враждебность к нему, а самое главное, по иници-

* Усташское руководство рассчитывало, что переход части сербского населения из православия в католичество станет шагом на пути последующей хорватизации данной части сербов, их постепенной ассимиляции хорватами. В связи с этим в историографии и публицистике ведется многолетняя полемика о тогдашней роли католической церкви в Хорватии, включая ее главу, загребского архиепископа Алоизие Степинаца. В Югославии при коммунистической власти преобладала, если ни господствовала, в научной литературе и пропаганде трактовка роли католической церкви как одной из основ усташского режима, оценивавшегося даже как «клерофашизм». Церковь и лично Степинац характеризовались в большинстве случаев как активные участники либо даже инициаторы преследования сербов в НГХ. А сама антисербская политика усташей – как реализация планов Ватикана, направленных против православия, и в особенности сербов. Такая точка зрения широко представлена в постюгославской сербской историографии и публицистике. Она в той или иной степени оспаривается в значительной части современной хорватской историографии, где большая доля материала по этой проблематике, использованного югославской и нынешней сербской историографией, оценивается как результат фальсификации. Об имеющихся точках зрения и полемике см., например: *Беляков С.С.* Усташы: между фашизмом и этническим национализмом. Екатеринбург, 2009. С. 44–70; *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Beograd, 1988. Knj. 2: Narodnooslobodilački rat i revolucija 1941–1945. S. 44–45, 49; *Gojo P.D.* (псевдоним). Геноцид над Србима у Независној Држави Хрватској: буди католик или умри. Београд, 1995; *Krišto J.* Katolička crkva i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. Zagreb, 1998. Knj. I-II; *Idem.* Sukob simbola: Politika, vjere i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 2001.

ативе Павелича и с одобрения Гитлера, на советско-германский фронт были в начале осени 1941 г. и весной 1942 г. посланы специально подготовленные для этого хорватские воинские части «добровольцев» – они получили известность как «легионеры» – численностью в несколько тысяч человек. Сражавшиеся в составе германских войск, они закончили свое существование под Сталинградом, где преобладающая часть их личного состава была либо уничтожена, либо попала в советский плен⁴¹.

Первоначально Павелич, будучи за годы эмиграции в Италии связан с режимом Муссолини, в большей мере ориентировался на Рим. Но уже вслед за созданием НГХ, столкнувшись с итальянскими территориальными аппетитами в Хорватии, прежде всего по поводу Далмации, постепенно стал предпринимать попытки некоторого лавирования между Римом и Берлином, стараясь, таким образом, за счет одного усиливать позиции НГХ в отношениях с другим. Подобные попытки до некоторой степени имели место на протяжении всего периода до произошедшей в 1943 г. капитуляции Италии, после чего у НГХ остался единственный патрон в лице гитлеровской Германии.

Однако о возможности подобного лавирования не было и речи при решении в конце апреля – середине мая 1941 г. особенно важного для усташского режима вопроса о территориальных претензиях Муссолини в Хорватии. Гитлер предпочел в этом вопросе уклониться от поддержки НГХ. В итоге Павелич под итальянским нажимом подписал с Муссолини 18 мая 1941 г. так называемые Римские договоры, согласно которым, как уже упоминалось выше, значительные части Горского Котара, Хорватского Приморья, и, что имело особое значение, Далмации с островами были отторгнуты от Хорватии в пользу Италии. Выпрошенная Павеличем номинальная договоренность об устройстве частично совместного итальянско-хорватского управления в Сплите осталась нереализованной: на деле этот наиболее крупный далматинский город и порт оказался целиком под итальянской властью. Более того, даже на той части Адриатического побережья и островов, которая оставалась за НГХ, и далее на пространстве от побережья, равно как от границы с районами Далмации, аннексированными Италией, вглубь территории НГХ на 50–70 километров (все вместе это стало обозначаться как 2-я итальянская зона) Павелич обязывался придерживаться режима демилитаризации: не иметь никаких военных объектов, не держать военно-морской флот.

Римскими договорами за Италией вообще закреплялась роль «гаранта» политической независимости и территориальной целостности НГХ, а самому НГХ предписывалось не брать на себя международных обязательств, которые бы противоречили итальянским гарантиям. Предусматривалось заключение таможенной и валютной унии НГХ с Италией. Наконец, в своей тактике вынужденных уступок Павелич предложил, чтобы член королевского дома Италии стал хорватским королем. Им номинально был провозглашен, под именем Томислава II, герцог Сполетский, который, однако, так никогда и не приехал в Хорватию и не занял полумифический престол.

Хотя Павелич перед своим узким окружением и в публичной пропаганде старался представить договоренности с Италией как жертву, необходимую для укрепления НГХ, эти договоренности, а особенно территориальные потери, были очень болезненно восприняты как в хорватских массах, так и в усташском движении. Они вызвали серьезные антиитальянские настроения и способствовали критическому отношению к усташскому режиму среди разных слоев хорватского населения, а тем более на территориях, оказавшихся под итальянской властью⁴².

Между тем в августе 1941 г. Муссолини занял своими войсками упомянутую выше 2-ю зону, ссылаясь на вспыхнувшее там повстанческое движение сербского населения

против НГХ. По требованию Рима, в итальянские руки была передана и гражданская власть во 2-й зоне, хотя номинально эта территория оставалась частью НГХ. А осенью 1941 г. все с той же аргументацией о восстании сербов итальянские войска были введены и в остальную часть сферы военного контроля Италии – так называемую 3-ю итальянскую зону (между 2-й зоной и сферой германского военного контроля). Находившиеся там домобранские войска были поставлены под итальянское оперативное командование. Но прерогативы гражданской власти остались за НГХ⁴³.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Aprilski rat 1941: Zbornik dokumenata (далее AR). Knj. 2 / Prired. A. Miletić. Odg. ured. F. Trgo. Beograd, 1987. Dok. Br. 125. S. 343; Dok. Br. 126. S. 346.

2 См.: *Тошкова В.* България и третият райх (1941–1944): Политически отношения. София, 1975. С. 49; *Jonjić T.* Hrvatska vanjska politika: 1939–1942. Zagreb, 2000. S. 215–216, 225–226.

3 Об этих планах см.: *Čulinović F.* Okupatorska podjela Jugoslavije. Beograd, 1970. S. 52–54; *Krizman B.* Ante Pavelić i ustaše. Zagreb, 1986. S. 377, 397–398; *Jonjić T.* Op. cit. S. 265.

4 Об упомянутых переговорах и принимавшихся на них решениях см., например: *Čulinović F.* Op. cit. S. 61–71, 235–243; *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 479–483, 488. См. также: *Тошкова В.* Указ. соч. С. 54–55; *Kisić Kolanović N.* NDH i Italija: Političke veze i diplomatski odnosi. Zagreb, 2001. S. 99–107

5 См.: *Ferenc T.* Nacistična raznarodovalna politika v Sloveniji v letih 1941–1945. Maribor, 1968; *Idem.* Viri o rasnih pregledih Slovencev pod nemško okupacijo // Prispевki za novejšo zgodovino. 1994. Št. 2; *Čulinović F.* Op. cit. S. 90–128; *Пилько Н.С.* Словения под властью оккупантов // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 37–46.

6 *Ferenc T.* «Gospod Visoki Komisar...»: Sosvet za Ljubljansko pokrajino – Consulta per la Provincia di Lubiana. Dokumenti. Ljubljana, 2001. N. 1–11. S. 17–29; *Čulinović F.* Op. cit. S. 131–145; *Пилько Н.С.* Указ. соч. С. 37, 41, 42–44, и др.

7 Dr. Marko Natlačen o svojem delovanju med 6. aprilom in 14. junijem 1941 // Prispевki za novejšo zgodovino. Let. XLI (2001). Št. 1. S. 135–147; *Ferenc T.* «Gospod Visoki Komisar...». N. 12–52. S. 30–155; *Arnež J.* SLS: Slovenska ljudska stranka, 1941–1945. Ljubljana – Washington, 2002. S. 37–42; см. также: *Čulinović F.* Op. cit. S. 146–147.

8 О репрессиях оккупантов в Люблянской провинции см., например: *Ferenc T.* «There is not enough killing»: condemned to death, hostages, shot in the Ljubljana province, 1941–1943. Documents. Ljubljana, 1999; *Idem.* Rab – Arbe – Arbissima: konfinacije, racije in internacije v Ljubljanski pokrajini 1941–1943. Dokumenti. Ljubljana, 2000.

9 *Mlakar B.* Slovensko domobranstvo 1943–1945: Ustanovitev, organizacija, idejno ozadje. Ljubljana, 2003. S. 24–26; *Ferenc T.* Dies irae: Četniki, vaški stražarji in njihova usoda jeseni 1943. Ljubljana, 2002. S. 217. См. также: *Mikuž M.* Pregled zgodovine narodnoosvobodilne borbe v Sloveniji. Ljubljana, 1960. Knj. II. S. 338–343.

10 *Ferenc T.* «Gospod Visoki Komisar...». N. 65–72. S. 189–198.

11 См.: *Čulinović F.* Op. cit. S. 246–247; *Matković H.* Povijest Nezavisne Države Hrvatske. Drugo, dopunjeno izdanje. Zagreb, 2002. S. 79–82; *Kisić Kolanović N.* NDH i Italija. S. 128–131; *Јовановић Б.* Црна Гора у Народноослободилачком рату и Социјалистичкој револуцији, I. Београд, 1960. С. 19–20.

12 См., например: *Мирнич Ы.* Венгерский режим оккупации в Югославии // *Les systèmes d'occupation en Yougoslavie 1941–1945.* Belgrade, 1963; *Џулинџић Ф.* Оп. cit. S. 561–579; *Пилько Н.С.* Указ. соч. С. 37, 45; *Терзиоски Р.* Денационализаторската дејност на бугарските културно-просветни институции во Македонија (Скопска и Битолска окупациона област), 1941–1944. Скопје, 1974; *Apostolski M., Hristov A., Terzioski R.* Stanje u okupiranoj Makedoniji u drugom svetskom ratu (1941–1944) // *Makedonija od ustanka do slobode 1941–1945 (Zbornik radova).* Beograd, 1987.

13 Ср., в частности: *Терзиоски Р.* Указ. соч.; Национално-освободителното движење на македонските и тракийските българи 1878–1944 / отгов. ред. Д. Мичев. Софија, 2003. Т. IV: Освободителните борби след Първата световна война. 1919–1944. С. 347–351.

14 *Мирнич Ы.* Указ. соч. С. 430, 432–436, 462, 464; *Пилько Н.С.* Указ. соч. С. 49–50; *Terzioski R.* Ekonomska situacija i materijalne štete u okupiranoj Makedoniji 1941–1944. godine // *Makedonija od ustanka do slobode 1941–1945 (Zbornik radova).* Beograd, 1987. S. 842; Национално-освободителното движење на македонските и тракийските българи 1878–1944. Т. IV. С. 352; *Palmer S., King R.* Yugoslav Communism and the Macedonian Question. Hamden, 1971. P. 65.

15 *Дубова Л., Чернявский Г.* Опыт беды и выживания: Судьба евреев Болгарии в годы Второй мировой войны. Софија, 2007. С. 131–132, 205–223, 241–256; *Мирнич Ы.* Указ. соч. С. 466–467, 474–476.

16 Относително карактеристики положенија и меѓетнических взаимоотношений в италијанској зоне Космета см., например: *Hadri A.* Okupacioni sistem na Kosovu i Metohiji 1941–1944 // *Jugoslovenski istorijski časopis.* 1965. Br. 2. S. 45–54, 58–59; *Petranović B.* Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. Beograd, 1992. S. 125, 246–247, 248–249, 251–253.

17 *Petranović B.* Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. S. 134–136; *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 486; *Marjanović J.* Ustanak i narodnooslobodilački pokret u Srbiji 1941. Beograd, 1963. S. 32–35.

18 *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 487–488; *Marjanović J.* Оп. cit. S. 176–182; *Petranović B.* Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. S. 217–219, 415.

19 См., например: *Petranović B.* Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. S. 415–418; *Казимировић В.* Србија и Југославија 1914–1945. Крагујевац, 1995. Књ. IV. С. 1144–1146, 1149–1150 и др.

20 *Petranović B.* Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. S. 218.

21 Ibid. S. 219–222. В историческој литератури уже отмечалось, что это описание мотивов и направлений политики Недича и его правительства, данное Б. Петрановичем, во многом представляет собой своего рода компиляционное суммирование оценок, содержащихся в ряде работ разных сербских авторов, одни из которых касались этой тематики с позиций коммунистической, а другие – некоммунистической историографии и публицистики (*Тимофеев А.Ю.* Генерал Милан Недич и его правительство. Сербская историография вопроса // *Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг.* / отв. ред. В.К. Волков. СПб., 2005. С. 319–320). О различных, в том числе сталкивающихся между собой, изложениях и оценках взглядов и политики Недича см. также: *Казимировић В.* Указ. соч. Књ. IV. С. 1108–1115, 1117.

22 *Petranović B.* Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. S. 124–125, 137–138, 219; *Казимировић В.* Указ. соч. Књ. III. С. 742, 743–744, 746–747. В некоторых изданных после Второй мировой войны сербских эмигрантских публикациях о Недиче, авторы которых во время войны были связаны с его администрацией и впоследствии писали о нем в апологетическом духе, утверждалось, будто генерал в поставленных им условиях требовал от гитлеровцев присоединения к Сербии чуть ли ни вообще всей Боснии и Герцеговины, «Южной Сербии»

(так в лексиконе сербских политиков обычно именовалась Вардарская Македония) «и других сербских краев, за исключением Хорватии с чисто хорватским населением» (*Мартиновић-Бајица П.* Милан Недић. Београд, 2003. С. 153). Согласно же другим сведениям, подобного рода требования выдвигались Ачимовичем, когда он возглавил Совет комиссаров (*Казимировић В.* Указ. соч. Књ. III. С. 742).

23 См., например: *Казимировић В.* Указ. соч. Књ. III. С. 755–757, 764–767 и след.; *Николић К.* Страх и нада у Србији 1941–1944. године: свакодневни живот под окупацијом. Београд, 2002. С. 45–53 и др. На практике, однако, это нередко бывало совершенно произвольное, в том числе и гораздо меньшее, число жителей, попадавших под руку немцам при проведении карательных акций.

24 Программное заявление Недича от 2 сентября 1941 г. см.: *Čulinović F.* Op. cit. S. 447–449.

25 См.: *Павловић М., Младеновић Б.* Коста Миловановић Пећанац 1879–1944: Биографија. Друго издање. Београд, 2006.

26 *Čulinović F.* Op. cit. S. 573; *Казимировић В.* Указ. соч. Књ. III. С. 748; *Каčавенда Р.* Немци у Југославији 1918–1945. Beograd, 1991. S. 31, 40–41.

27 См.: *Stojiljković M.* Bugarska okupatorska politika u Srbiji 1941–1944. Beograd, 1989. Берлин был заинтересован в том, чтобы болгарскими войсками заменить часть своих собственных сил в Сербии, которые таким образом освобождались для использования в других местах, где в этом испытывалась нужда.

28 Об этих историографических оценках см.: *Тимофеев А.Ю.* Указ. соч.

29 *Čulinović F.* Op. cit. S. 534–554; *Каčавенда Р.* Op. cit. S. 29–61.

30 Об этих комбинациях см., в частности: *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 485; *Јукович Д.* Итальянская система оккупации Черногории и Санджака (1941–1943 гг.) // *Les systèmes d'occupation en Yougoslavie 1941–1945.* Belgrade, 1963. P. 351–354, 363–364; *Пајовић Р.* Контрареволуција у Црној Гори: четнички и федералистички покрет. 1941–1945. Цетиње, 1977. С. 50–56, 68–73.

31 *Пајовић Р.* Указ соч. С. 98–99, 109–112, 114, 117–119; *Јукович Д.* Указ. соч. С. 367–370.

32 *Jelić-Butić F.* Hrvatska seljačka stranka. Zagreb, 1983. S. 63. Об устройстве НГХ и усташского режима см.: *Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. Zagreb, 1977. S. 99–123; *Matković H.* Op. cit. S. 83–112.

33 О деятельности усташского режима в пропагандистской и культурно-идеологической сфере см., например: *Matković H.* Op. cit. S. 135–139, 142–149; *Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. S. 137–144.

34 *Jelić-Butić F.* Hrvatska seljačka stranka. S. 52–59. В историографии фигурировала, в частности, цифра, что в ходе кампании, развернутой в августе – сентябре 1941 г., с заявлениями о присоединении к усташскому движению выступили примерно 70 местных организаций ХКП из общего числа 7000, сколько, как считалось, их было в партии (*Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. S. 193).

35 *Perić I.* Vladko Maček: politički portret. Zagreb, 2003. S. 253–255, 257–264; *Jelić-Butić F.* Hrvatska seljačka stranka. S. 65–71.

36 В историографии приводятся разные данные о численности населения НГХ и отдельных этнических групп в нем. См.: *Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. S. 106, 165; *Matković H.* Op. cit. S. 82, 180.

37 Об антисербских действиях усташского режима см., например: *Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. S. 162–171; *Matković H.* Op. cit. S. 180–182.

38 *Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. S. 170.

39 *Matković H.* Op. cit. S. 69–71, 284–285.

40 *Krizman B.* NDH između Hitlera i Mussolinija. Zagreb, 1986. S. 239–243; *Kisić Kolanović N.* NDH i Italija. S. 118–119.

41 *Kisić Kolanović N.* NDH i Italija. S. 119–120; *Krizman B.* NDH između Hitlera i Mussolinija. S. 69–76; *Matković H.* Op. cit. S. 106–107.

42 *Kisić Kolanović N.* NDH i Italija. S. 85–108, 120–124; *Krizman B.* NDH između Hitlera i Mussolinija. S. 36–42.

43 *Kisić Kolanović N.* NDH i Italija. S. 194–202, 206–216; *Barić N.* Ustroj kopnene vojske domobranstva Nezavisne Države Hrvatske, 1941–1945. Zagreb, 2003. S. 310–316.

ГЛАВА 4

РАЗВЕРТЫВАНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Начало Сопrotивления и формирование соперничающих антиоккупационных движений. Охарактеризованное в предыдущей главе положение, созданное в результате оккупации и раздела Югославии, уже вскоре вызвало в ряде регионов активные и – что не менее, если ни еще более важно – массовые выступления против этого положения.

Первые выступления произошли в начале мая, а затем в июне – июле 1941 г. на значительной части территории НГХ – в Восточной Герцеговине, Лике, Книнской Крайне, Западной и Восточной Боснии, Кордуне, Бании и некоторых других местах. Это были восстания сербов, составлявших большую долю тамошнего – в основном сельского – населения либо преобладавших в нем. В историографии, как югославской, так и постюгославской, имели место различные изображения данных событий.

В югославской историографии, которая должна была отвечать канонам официальной коммунистической версии борьбы 1941–1945 гг., эта тема была в относительно меньшей мере предметом специального исследования. Ибо упомянутые восстания в основном начались раньше, чем Сопrotивление, организованное Коммунистической партией Югославии (КПЮ). Но при том или ином обращении к теме восстаний преобладала, как правило, точка зрения, что важнейшей их причиной – или одной из важнейших – являлась террористическая политика усташского режима в отношении сербов в НГХ. Однако в одних работах проявлялась вместе с тем тенденция связать эти восстания с «общим народным стремлением» к борьбе за освобождение, в качестве выразителя которого фигурировала КПЮ. В других же работах больший упор делался на то, что восстания были скорее актами сербской этнической самозащиты, когда, будучи в отчаянии от угрожавшего самому их существованию террора, сербские крестьяне упомянутых регионов стали спасаться не только бегством, но и вступлением в борьбу с усташскими головорезами. И начали отвечать сопротивлением на последовавшие карательные действия, предпринимавшиеся усташскими военными формированиями, домобранскими частями и жандармерией. В постюгославской историографии и исторической публицистике, прежде всего в сербской и хорватской, тема сербских восстаний, начавших вспыхивать на территории НГХ с рубежа весны – лета 1941 г., привлекла гораздо большее внимание. Сами восстания стали рассматриваться преимущественно через призму этнических устремлений. Причем в работах сербских авторов заметно преобладает, если не абсолютно господствует, характеристика восстаний как проявления сербской этнической самозащиты перед лицом усташского геноцида. Часть хорватской историографии также рассматривает развязанный усташами против сербов террор как важнейшую причину возникновения сербского сопротивления. Но наряду с этим, в ряде работ хорватских историков называются в большей или меньшей степени и другие факторы в качестве причин, вызвавших упомянутые сербские восстания. От протививо-

действия попыткам властей НГХ изъять в населенных сербами местах оружие, которое осталось у разошедшихся по домам сербов-военнослужащих потерпевшей поражение Югославской армии. И до, как считают некоторые авторы, целенаправленных действий местных ячеек тех организаций сербских ветеранов-четников периода балканских войн и Первой мировой войны, которые были активны в довоенном югославском государстве, а после произошедшего в апреле 1941 г. захвата и раздела Югославии выступили, по мнению этих авторов, среди сербского населения, особенно Боснии и Герцеговины, инициаторами борьбы за разрушение НГХ¹.

Это различие трактовок, с одной стороны, отражает воздействие, оказывавшееся на историографию теми идеологическими или этническими пристрастиями, которые становились особенно влиятельными в югославскую либо постюгославскую эпоху. А с другой стороны, оно до известной степени отражает определенную многофакторность тех конкретных процессов, которые в реальной истории привели к сербским восстаниям в НГХ. Однако, при всем многообразии факторов, зажегших пламя восстаний, очевидно, что в конечном счете основным явилась жестокая антисербская политика усташского режима, во многих случаях почти или вовсе не оставлявшая массе сербского населения иного выбора, кроме борьбы.

Сплошь и рядом восстания жестоко подавлялись в одних местах, но вспыхивали в других, нередко по соседству. У не ожидавших такого развития событий властей НГХ не хватало сил, чтобы жестко контролировать целиком ту или иную территорию, где сербское крестьянство поднялось против усташского террора. И они преимущественно оказывались, в конечном счете, вынужденными ограничиваться удержанием контроля лишь над ее более крупными населенными пунктами и самыми важными коммуникациями. А другие участки той же территории оказывались в какой-то мере и на какой-то период во власти восставших, прежде всего там, где природно-географические условия были наиболее подходящими для повстанческой самозащиты: в горных, лесистых, болотистых, окруженных водными преградами и тому подобных местностях. Впрочем, не столь уж редко, особенно с июля 1941 г., когда пламя этих восстаний стало быстро шириться, охватывая все новые области Боснии и Герцеговины и Хорватии, сербские повстанцы захватывали и некоторое время удерживали в своих руках даже ряд городов².

Хотя восстания, о которых идет речь, носили, как правило, сугубо локальный характер, все вместе, вспыхивая одно за другим или одно подле другого, они стали превращаться в сильнейший пожар Соппротивления, разгоравшийся внутри только что созданного НГХ. Этот пожар представлял собой серьезную угрозу существованию усташского режима как одного из важнейших звеньев оккупационной системы, установленной захватившими и разделившими Югославию державами «оси». Возникшие многочисленные местные зоны большей или меньшей повстанческой активности постепенно образовывали общую цепь такого рода территорий и заняли уже в середине лета 1941 г. весьма обширные пространства главным образом в южной, юго-восточной и западной частях НГХ.

В югославской и постюгославской историографии с ее различным изображением этих восстаний давались, соответственно, и неодинаковые оценки их политического характера на начальном этапе, того, какие силы играли основную организующую роль. Но вместе с тем и в коммунистическую, и в посткоммунистическую эпоху немалая часть авторов, в том числе из тех, на чьи работы мы сослались выше, склонна придерживаться мнения, что упомянутые восстания, тем более на первых порах, не были особенно

подготовлены и серьезно организованы. А начинались скорее как стихийные или полустихийные выступления. Их внутренняя организация и структура в большей мере складывались уже в ходе самой борьбы. Постепенно отдельные участники стали выделяться в качестве неких более авторитетных фигур с функциями своего рода командиров. Но нередко их prerogatives оказывались довольно ограничены, и повстанческая масса подчинялась им до известной степени условно.

В той же историографии имеет значительное хождение, хотя не является единственной, оценка, согласно которой при возникновении восстаний и в первые месяцы их развития не было в них и особого политико-организующего начала, заметного влияния тех или иных политических сил, идеологических течений. Распространен, особенно в постюгославской сербской исторической литературе, взгляд, что для повстанцев господствовавшими, определявшими все помыслы и действия были цель собственной сербско-этнической самозащиты и сопутствовавшее ей негодование по поводу варварского усташского террора, преступного поведения властей НГХ, развязавших этот террор, и бесчеловечности его исполнителей из числа хорватов и мусульман. И все исследователи сходятся на том, что чрезвычайно важным фактором, стимулировавшим решимость и боевой дух масс, вступивших на путь Соппротивления, явились известия, что Советский Союз, подвергшись 22 июня 1941 г. гитлеровской агрессии, стал участником войны против нацистской Германии и ее европейских сообщников по «оси». Повстанцам и тому сербскому сельскому населению Боснии и Герцеговины и Хорватии, к которому они принадлежали, советская мощь представлялась столь огромной, что от нее ожидали быстрого сокрушения «оси» и помощи в избавлении от кровавой усташской напасти. Но, как неоднократно отмечалось в историографии, подобное настроение по большей части не было выражением левых устремлений, политической ориентации на советский режим. За исключением некоторого числа коммунистических активистов, ставших участниками этих восстаний, СССР воспринимался основной повстанческой массой скорее не как большевистское государство, а как традиционная «матушка Россия», на которую в час тяжелых испытаний смотрели как на покровительницу и защитницу православных сербов.

Главным образом лишь позднее, во второй половине, а преимущественно к концу 1941 г. и особенно с начала 1942 г., сербское повстанческое движение в упомянутых выше областях НГХ, то ослаблявшееся обрушенными на него карательными ударами, то разгоравшееся вновь, постепенно становится объектом воздействия и ареной взаимного столкновения разных организованных антиоккупационных военно-политических сил.

К тому времени такие силы оформились и уже активно проявили себя в других частях территории оккупированной и разделенной Югославии, где со второй половины лета – осенью 1941 г. стала также развертываться антиоккупационная борьба: отчасти в Словении, более интенсивно в Черногории и особенно в Сербии. Она в ряде случаев приняла более значительный размах и интенсивный характер, чем сербские восстания в НГХ. И, в отличие от них, с самого начала содержала в себе, наряду с теми или иными проявлениями стихийности, существенные элементы организованности. Это было следствием целенаправленных усилий двух возникших военно-политических движений, каждое из которых выступило с претензией на то, чтобы играть роль центра антиоккупационных устремлений. Одним из них являлось движение под руководством полковника Драголюб (Дражи) Михайловича. Оно получило в обиходе название четнического или равногорского. Другое движение было сформировано под руководством КПЮ и стало именовать себя народно-освободительным.

Начало первому из них было положено в середине мая 1941 г., когда группа из двух с половиной десятков офицеров, унтер-офицеров и солдат месяцем раньше потерпевшей поражение и капитулировавшей Югославской армии пришла в горный массив Суворов в Западной Сербии и встала здесь лагерем на плоскогорье Равна Гора (отсюда и одно из названий движения – равногорское). Возглавлял группу уже упомянутый полковник Дража Михайлович.

Тогда ему только что исполнилось 48 лет. Кадровый офицер сербской армии, получивший еще курсантом военного училища боевое крещение в балканских войнах 1912–1913 гг., ветеран Первой мировой войны, он в югославской армии, закончив военную академию в Белграде, вошел в число элитных специалистов, занимал ряд ответственных должностей в генеральном штабе и в штабах крупных воинских формирований, был военным атташе в Болгарии и Чехословакии, преподавал в военных учебных заведениях³. В обстановке непосредственной угрозы нападения на Югославию, последовавшей за переворотом 27 марта 1941 г., Михайловича назначили начальником оперативного отдела штаба 2-й армии, которая должна была защищать границу с Венгрией в Славонии, на севере Хорватии. А в самом ходе Апрельской войны он с 12 апреля 1941 г. стал исполняющим обязанности начальника штаба этой армии. По имеющимся свидетельствам, даже в драматически складывавшемся для Югославии течении войны, в обстановке быстро нарастающей дезорганизации и развала югославских вооруженных сил, он, насколько возможно, действовал энергично и умело. Но когда для 2-й армии, распадавшиеся соединения которой отступили из Славонии в северо-восточную Боснию, непосредственно возникла перспектива прекращения борьбы, переговоров с противником и последующей сдачи в плен, Михайлович посчитал это для себя неприемлемым. И решил уходить на восток, к рубежу Сербии на Дрине, где, как он надеялся, те соединения югославских вооруженных сил, которые были целиком укомплектованы сербами, еще могли держать фронт против врага. Вместе с ним 15 апреля двинулась и группа военнослужащих, находившихся в тот момент в его непосредственном подчинении и тоже решивших не сдаваться. Им пришлось большей частью скрытно, в условиях уже произошедшей капитуляции югославских войск и оккупации Югославии, пройти пешком в течение месяца довольно длинный путь: сначала по северо-востоку Боснии до Дрины, где они убедились в тщетности надежд на то, что здесь еще может существовать какой-то фронт борьбы с агрессором, а затем, перейдя через Дрину в Сербию, – до Равной Горы⁴.

Решение там обосноваться было обусловлено удачным расположением этого места для нелегального пребывания и для задуманного Михайловичем плана организации антиоккупационной деятельности. Равна Гора находилась всего в 25–30 км от нескольких сербских провинциальных городов, районных центров, не говоря уже о достаточно населенной сельской округе, а в то же время была прилично удалена от дорог и довольно хорошо защищена со всех сторон горно-лесистой местностью⁵. Оттуда Михайлович стал предпринимать практические усилия по проведению в жизнь своего плана.

Отправным пунктом плана было непризнание акта капитуляции и тезис о том, что продолжающее существовать Королевство Югославия, территория которого оккупирована противником, все еще находится в состоянии войны с Германией и ее союзниками. А значит, все военнослужащие Югославской армии, избежавшие отправки в лагеря для военнопленных, и вообще все военнообязанные из числа мужского населения по-прежнему должны сохранять верность присяге и воинскому долгу. На этой основе Михай-

лович стремился провести в Сербии своего рода тайную мобилизацию и создать сеть нелегальных военно-четнических формирований. Образующие на местах, они должны были покрыть всю или максимально преобладающую часть территории Сербии и объединяться единым командованием.

Имелось в виду, что в условиях оккупации эти формирования призваны выполнять три основные задачи. Во-первых, им следовало, главным образом в сельской местности, где сплошь и рядом почти не было постоянного контроля оккупантов и подвластной им администрации, обеспечивать охрану населения и поддержание элементарного порядка и безопасности, особенно бороться с грабителями и всякого рода бесчинствами криминальных и хулиганских элементов, от которых тогда очень страдали провинциальные жители, прежде всего крестьянство. В этом, по замыслу Михайловича, с создаваемыми нелегально четническими силами должна была взаимодействовать и воссоздаваемая администрация Ачимовича, а позже Недича сербская жандармерия, местные отделения и посты которой, как он планировал, на деле тайно подчинялись бы четническим командирам того же местного уровня. Во-вторых, военно-четнические отряды были призваны в случае угрожающих, репрессивных действий в отношении населения со стороны оккупантов или кого бы то ни было, противостоять таким действиям и защищать жителей. Но это предусматривалось лишь в крайних случаях непосредственной угрозы для населения. А в остальном предписывалось, по возможности, избегать столкновений с оккупационными воинскими подразделениями. Наконец, в-третьих, в качестве важнейшей задачи ставилась подготовка создаваемых военно-четнических отрядов к тому решающему моменту, когда возникнут условия для всеобщего восстания и освобождения от оккупации. Наступление такого момента считалось зависевшим прежде всего от того, насколько успешно противники «оси», основным и наиболее активным из которых до 22 июня 1941 г. являлась Англия, будут вести войну с гитлеровской Германией и ее союзниками. В конечном успехе Англии и других государств, противостоявших третьему рейху, Михайлович и те, кто был заодно с ним, не сомневались. И рассчитывали, что с наступлением серьезного ослабления Германии или по мере того, как на главных фронтах войны дело начнет идти к ее поражению, неминуемо настанет подходящий момент, когда все четнические формирования, которые намечалось создать, должны будут, каждое на территории своей ответственности, взять власть с целью восстановления государственного порядка Королевства Югославия.

В соответствии с перечисленными выше задачами, которые предстояло выполнять военно-четническим отрядам, предусматривалось создание разных категорий отрядов для несения разного рода службы. При этом для каждой категории устанавливалась определенная возрастная группа, из которой следовало формировать личный состав отрядов. Сначала, летом 1941 г., имелось в виду создавать две категории отрядов, в одной из которых возраст личного состава должен был быть от 20 до 30 лет, а в другой – от 30 до 40 лет. Чуть позже, в начале осени 1941 г., число категорий было увеличено до трех, и в отряды таким образом добавленной категории предписывалось зачислять мужчин в возрасте от 40 до 50 лет. Отряды – с указанием, какой должна быть на первое время их примерная минимальная численность, – предусматривалось образовывать по деревням, городам или городским кварталам. Но при этом в зависимости от функциональной категории, к которой относился тот или иной отряд, а соответственно и от возрастной группы, к которой принадлежал его личный состав, одни отряды предназначались для постоянного пребывания там, где они были созданы и где жили их участники, а другие

отряды – для использования в более широких территориальных пределах. Имелось в виду образование командных центров по районам и областям с подчинением им четнических формирований на соответствующих территориях⁶.

Центральное руководство всей этой военной структурой призвано было осуществлять созданное Михайловичем на Равной Горе общее командование во главе с ним самим. Первоначально летом 1941 г. он в рассылавшихся им тайных инструкциях о формировании такой военной организации именовал себя командующим горскими штабами Югославской армии, а с начала осени – командующим четническими отрядами Югославской армии⁷.

Непременное употребление термина «Югославская армия» было отнюдь не случайным, а заключало в себе сам смысл этого плана. Весь план представлял собой, по сути, попытку нелегально осуществить своего рода воссоздание потерпевших катастрофу в Апрельской войне и переставших реально существовать югославских вооруженных сил. Замысел состоял в том, чтобы сформировать их на основе законов Королевства Югославия, но построить применительно к условиям оккупации, к их вынужденно подпольному функционированию.

Значение того, что было решено осуществить, выходило далеко за рамки собственно военной стороны плана. Поскольку силы, которые Михайлович наметил создать, не предназначались им для немедленного вступления в борьбу с оккупационной властью, а должны были, пока не наступит в будущем надлежащий момент для всеобщего восстания и освобождения, действовать как постоянный фактор защиты населения, образование сети таких отрядов и отводимая им роль приобретали в большей мере политический характер. Фактически речь шла о том, чтобы в повседневной жизни народа, параллельно оккупационно-квислинговскому режиму и в противовес ему, появилась, хотя и нелегальная, но существующая на деле и имеющая практические рычаги воздействия организованная силовая структура, олицетворяющая собой прежнее югославское государственное начало. Характерно, что в рассылавшихся инструкциях о создании отрядов Михайлович не только апеллировал к патриотическим чувствам тех, кто должен был отозваться на призыв об участии в этих отрядах, но и делал особый упор на требование выполнения военными Югославской армии, избежавшими плена, и военнообязанными гражданами их воинского долга, предусмотренного югославским законодательством. И подчеркивал, что уклонившиеся от выполнения будут, как определено законом, отвечать перед чрезвычайным военным судом⁸. Еще более показательно, что Михайлович предусматривал необходимость сотрудничества низших местных органов власти в Сербии, оставшихся от довоенной Югославии, прежде всего председателей общин, с военно-четнической структурой, организуемой под его командованием. В частности, в указаниях, рассылавшихся в начале сентября 1941 г., он особо отмечал, что председатели общин, проявившие колебания или скомпрометированные в их деятельности с врагом, должны немедленно смещаться со своих постов четническими командирами районов, куда входят соответствующие общины, и заменяться «нашими людьми» из числа «надежных и энергичных»⁹.

Хотя по заявленному Михайловичем конечной цели и характеру этой четнической организации она создавалась как югославская, практическая деятельность, начатая под руководством инициативного полковника, в первое время сосредоточилась только в Сербии. Именно там развернулись усилия рассылавшихся им с Равной Горы эмиссаров, стали образоваться и расти отряды, распространяться их влияние, проявляться

их та или иная активность. Инициатива, исходившая от Михайловича, довольно скоро стала встречать почти по всей Сербии довольно широкий отклик как среди военнослужащих Югославской армии, скрывавшихся либо тем или иным образом уклонявшихся от плена, прежде всего офицеров и унтер-офицеров, так и среди гражданского населения, особенно молодежи. Командный состав создаваемых этнических формирований составлялся преимущественно из офицеров и унтер-офицеров, а частично и из других лиц, в том числе гражданских, по тем или иным причинам выдвигавшихся в качестве командиров разных уровней. Но военные, прежде всего офицерские кадры, стали играть ведущую роль и во многом определять облик и направление действий всего этого этнического движения. Тем более, что сам Михайлович был человеком из того же сербского офицерства, составлявшего в довоенной Югославии основную часть офицерского корпуса вооруженных сил.

С организацией, создававшейся Михайловичем, постепенно объединялись, вливались в нее и некоторые самостоятельно возникавшие в конце весны – летом 1941 г. в разных местах Сербии отряды, которые тоже формировались, как правило, скрывавшимися офицерами, не хотевшими мириться с оккупационным порядком. Но часть таких самостоятельных отрядов противилась объединению. В большинстве случаев важнейшей причиной были личные амбиции, нежелание предводителей упомянутых отрядов подчиниться Михайловичу. В частности, последний фактор сказался и в том, как сложились взаимоотношения между этническим движением во главе с Михайловичем и уже упоминавшейся выше многочисленной этнической организацией, которая под руководством Косты Миловановича-Печанаца была создана на юге Сербии и затем расширилась на ряд других районов Сербии. Попытки Михайловича, направленные сначала на подчинение себе Печанаца и его сил, а затем – хотя бы на скоординированное территориальное разделение сфер активности между одной и другой организациями четников, оказались тщетными. Печанац категорически все отверг, настаивая на своем старшинстве. А после того, как он заключил соглашение с германскими оккупационными властями и затем поставил свои отряды в подчинение правительству Милана Недича, эти отряды и движение Михайловича стали противниками, нередко вступавшими в вооруженную борьбу друг с другом. Часть четников Печанаца, не согласившаяся с про-оккупационным изменением курса своего предводителя, ушла к Михайловичу¹⁰.

С конца лета – осенью 1941 г. Михайлович начал предпринимать практические шаги по расширению сферы своего влияния и этнических действий за пределы Сербии. В основном это касалось Черногории с присоединенным к ней Санджаком и ряда районов со значительным сербским населением в НГХ, первоначально – наиболее близлежащих к Сербии территорий в Боснии и Герцеговине. Михайлович стал отправлять туда своих офицеров-эmissаров, устанавливать связь с местными повстанческими движениями, с проявившими себя активистами из офицеров¹¹. Но и там деятельность возглавленной им организации распространялась, за буквально единичными исключениями, лишь в среде сербского – включая черногорское – населения. Из регионов оккупированной Югославии, где не было сколько-нибудь массовых сосредоточений сербских жителей, этническая организация, выступавшая как часть движения, возглавленного Михайловичем, возникла только в Словении, точнее – на территории Люблянской провинции, где она нередко обозначалась как «голубая гвардия»¹². Кроме этого словенского ответвления, крайне небольшого и в самой Словении довольно мало влиятельного, все остальное движение было по этническому составу участников сербским.

Что же касается политической направленности движения, то в процессе его создания Михайлович сначала не выдвигал каких-то более или менее четких задач, которые носили бы программный характер, кроме общей цели освобождения от оккупации и восстановления Королевства Югославия во главе с династией Карагеоргиевичей, конкретно – с королем Петром II, оказавшимся в эмиграции. Сама по себе эта заявленная цель уже в определенной мере несла в себе политическую направленность четнического движения. Но в первые месяцы и отчасти даже позднее Михайлович был преимущественно против какой-то большей детализации, а тем самым определенности целей в отношении будущих политических и социальных порядков в освобожденной от оккупации стране. Такая позиция фигурировала как противодействие «политизации» четнических рядов. Судя по приводимым в историографии данным, это было обусловлено как опасением внести в организацию политические противоречия, так и весьма отрицательным отношением Михайловича и большинства окружавших его офицеров к возможности того, чтобы на четническую среду влияли политические партии, действовавшие в Югославии до оккупации и, как правило, являвшиеся в глазах офицерства ответственными за происходившее со страной в довоенный период, а особенно за поражение в апреле 1941 г.¹³ Тем не менее уже к концу лета 1941 г., когда в формирование четнического равногорского движения стали включаться некоторые круги политически активного населения в городах, в том числе относительно крупных по сербским масштабам, включая и Белград, возникли попытки образования политических ячеек движения.

В историографии отмечено произошедшее с санкции самого Михайловича создание в Белграде в августе 1941 г. подпольного комитета из представителей политических, культурных и молодежных групп, которому отводилась роль совещательного органа, но который хотел стать политическим крылом четнического движения. Он сформировался из людей, принадлежавших к Радикальной, Демократической и Земледельческой партиям, и пытался выработать частичные наброски политической ориентации движения. Комитет просуществовал недолго, так как осенью 1941 г. гестапо арестовало многих его членов, а другие были вынуждены бежать из Белграда. Зафиксировано также в историографии, что в том же августе 1941 г. возникла и другая политическая инициатива, исходившая от присоединившихся к Михайловичу на Равной Горе Драгиши Васича и Младена Жуйовича, известных общественных и культурных деятелей, которые до войны стояли вместе со Слободаном Йовановичем во главе Сербского культурного клуба (СКК). Они не менее решительно, чем офицерская среда, отвергали положение, при котором политическое развитие четнического движения, руководимого Михайловичем, находилось бы в руках представителей партий, «провалившихся политиков». И выступили за то, чтобы формированию четнической военной организации сопутствовало в политическом плане создание совершенно нового народного движения. Его название было предложено Васичем: равногорское. Васич и Жуйович выдвинули перед Михайловичем идею создания политического органа такого движения – Центрального национального комитета (ЦНК). Идея была принята, и в конце августа 1941 г. подобный орган был формально учрежден, но на деле в течение почти двух лет функционировал лишь его исполком, который вначале состоял только из тех же Васича и Жуйовича. Позже, с весны 1942 г., к ним присоединился и еще один видный деятель довоенного СКК Стеван Мольевич, адвокат из Боснии. Этот исполком организовывал политико-пропагандистскую деятельность равногорского движения¹⁴.

Судя по более чем скупым известным данным как о весьма коротком существовании упомянутого белградского комитета, так и о конкретной деятельности исполкома ЦНК, оба они, обращаясь к вопросам политической ориентации движения, выработки его более детализированных программных установок, сосредоточились прежде всего и даже почти исключительно на проблеме внутреннего этнополитического устройства Югославии, которое следовало бы установить при восстановлении ее независимости. Это была все та же проблема, что для сербской политической и интеллектуальной элиты – действовавшей ли в партиях или предпочитавшей СКК – являлась наиболее жгучей и до апрельского поражения, а после оккупации лишь многократно обострилась. Каким при восстановлении югославского государства должно быть его внутреннее политико-административное деление на этнической основе? К какому положению сербов следует при этом стремиться? И как обеспечить необходимый сербам результат? Из документов видно, что в ответах на подобного рода кардинальные вопросы и белградский комитет, и деятели, вошедшие в состав исполкома ЦНК, продолжали исходить из основ активно обсуждавшейся до войны, после образования бановины Хорватия, идеи переустройства Югославии в федерацию трех автономий: сербской, хорватской и словенской. И как прежде, стержневым являлось стремление к тому, чтобы сербы играли главенствующую роль в подобным образом реорганизованном государстве и чтобы в сербскую автономию были, помимо Сербии и Черногории, включены все территории, рассматривавшиеся сторонниками этого стремления в качестве сербских. Но в отличие от довоенного времени, теперь, под влиянием тяжелого опыта преследований на этнической основе, которым после оккупации и раздела Югославии подверглось сербское население в ряде регионов за пределами Сербии, особенно в НГХ, планы, выработывавшиеся как белградским комитетом, так и деятелями, из которых составлялся исполком ЦНК, в частности особенно активно Мольевичем еще даже до того, как он стал членом исполкома, шли гораздо дальше. Ими предусматривалось, что территории, которые следует присоединить к Сербии, но на которых обитает этнически разнородное население, должны при освобождении Югославии от оккупации быть не только взяты явочным порядком под сербский контроль, но и принудительно «очищены» от несербских жителей. А одновременно нужно организовать переселение туда значительной массы сербов. Имелось в виду, что четническими силами необходимо быть готовыми к проведению этого¹⁵.

В сущности, подобный замысел означал ориентацию на то, чтобы на политику геноцида, которой подверглось сербское население в НГХ, а также в Косове и отчасти в некоторых других регионах, ответить там тоже мерами геноцида в отношении этносов и этнических групп – хорватов, мусульман, албанцев, венгров и некоторых других, – рассматривавшихся в качестве источника преступлений против сербов. Такого рода ориентация во многом соответствовала настроениям и в четнической военной среде, вплоть до самого Михайловича. Во всяком случае, эта ориентация заметно присутствовала, особенно на довольно ранних этапах, в его собственных указаниях подчиненным четническим командирам. Так, например, в инструкциях, которые он дал 20 декабря 1941 г. командирам четнических отрядов в Черногории, подчеркивались в качестве основных целей движения создание Югославии, а в ней – «этнически чистой» Сербии в границах, которые бы включали, кроме самой Сербии, также Черногорию, Боснию и Герцеговину, Срем, Банат и Бачку. Причем указывалось, что это должно быть достигнуто при «чистке Санджака от мусульманского населения и Боснии от мусульманского и хорватского на-

селения», как и вообще при «чистке государственной территории от всех национальных меньшинств и ненациональных элементов»¹⁶.

Таким образом, четническое равногогорское движение оказывалось своего рода двойственным по характеру. С одной стороны, оно было югославским в том смысле, что его провозглашенной целью являлось восстановление независимого югославского государства. С другой стороны, не только по абсолютно подавляющему – за вычетом лишь маленького филиала в Словении – этнически сербскому составу участников, но, что еще важнее, по своей основной этнополитической направленности оно было фактически сербско-национальным. И даже более того – сербско-националистическим, особенно если учесть, что планируемую коренную реорганизацию Югославии на этнической основе в интересах сербов имелось в виду осуществить с применением принудительно-силовых методов территориального перераспределения и этнических чисток. Из документальных данных, введенных в оборот историками, не ясно, задавались ли руководители движения и его идеологи вопросами о том, насколько практически совместимы с точки зрения их реализации заявленные югославские и намеченные этническо-сербские цели, как сможет существовать и быть стабильной Югославия, если ее восстановление будет сопровождаться названными выше мерами в отношении большинства других этносов, в том числе такого, как хорваты, который в югославских рамках был вторым после сербов по численности.

Кроме этой задачи радикальной этнополитической реорганизации Югославии, другие цели, которые бы касались политических или социальных порядков после освобождения от оккупации, четнической верхушкой ни в период формирования движения, ни длительное время спустя специально не рассматривались. И ни в каких публичных заявлениях не фигурировали. Упомянувшийся выше белградский комитет, действовавший на рубеже лета – осени 1941 г., в разрабатывавшихся им наметках политической ориентации движения даже отметил на сей счет в своих заключениях особым пунктом: пока не заниматься вопросами «внутреннего политико-социального устройства»¹⁷. Насколько можно судить по документальному материалу, введенному до сих пор в научный оборот, такое положение сохранялось фактически вплоть до 1943 – начала 1944 г.¹⁸ Публичным девизом Михайловича и его движения стала внешне аполитичная формула, унаследованная из официального довоенного лексикона: «С верой в Бога за Короля и Отечество!». По сути, она была традиционалистско-сербской. И в основном таковой воспринималась.

Начиная с середины лета 1941 г., руководимое Михайловичем четническое движение, еще находившееся в стадии формирования и не проявлявшее никакой активности в отношении оккупантов и подконтрольной им сербской администрации, сталкивается с новым фактором – появлением другого антиоккупационного движения, которое стала организовывать КПЮ.

С поражением Югославии, ее оккупацией и разделом компартия сразу же заняла резко негативную позицию в отношении захватчиков и квислинговских администраций, включая НГХ. Это отразилось в нелегально выпускавшихся партией листовках с обращениями ее руководства и комитетов на местах к населению, главным образом, как обозначалось в этих документах, «к трудящимся». В обращениях резко осуждалось произошедшее и содержались призывы к борьбе. Однако до 22 июня 1941 г., пока СССР не стал участником войны с Германией и другими европейскими государствами «оси», а все еще состоял в альянсе с третьим рейхом и был заинтересован это сохранить, КПЮ не

призывала непосредственно к вооруженным выступлениям или диверсионным акциям. В ее листовках-обращениях речь, как правило, шла, во-первых, о «борьбе трудящихся» за улучшение своих повседневных условий жизни, против эксплуатации, ограбления, притеснения и т.п. А во-вторых, – о борьбе против вражды и преследований на этнической почве, разжигаемых, как подчеркивалось, захватчиками и подконтрольными им администрациями, особенно режимом НГХ, который в этих документах характеризовался как навязанный оккупантами и противоречащий интересам хорватского народа¹⁹.

Впоследствии, в послевоенной югославской историографии господствовала официальная коммунистическая версия, согласно которой КПЮ уже в течение всего периода оккупации, предшествовавшего началу войны между нацистской Германией и СССР, была целиком сосредоточена на нелегальной подготовке вооруженной борьбы за освобождение. Между тем эта версия всячески оспаривалась в большей части историко-публицистической литературы, возникшей после войны в югославской, прежде всего сербской, антикоммунистической эмиграции на Западе. Споры по данному поводу в определенной мере продолжают и в постюгославской историографии, особенно опять-таки в сербской. Как бы там ни было, споры не затрагивают того очевидного факта, что к непосредственному проведению диверсионных акций, вооруженных нападений и других проявлений антиоккупационной активности коммунисты приступили только с конца июня – начала июля 1941 г., т.е. почти сразу после того, как Германия и ряд ее европейских союзников совершили агрессию против СССР и интересы Кремля тем самым кардинально изменились.

Уже 22 июня, а затем подробнее 1 июля генеральный секретарь КПЮ Йосип Броз Тито, как и лидеры других компартий, получил по тайной радиосвязи указание из Москвы от руководства исполкома Коминтерна (ИККИ) о необходимости срочного и всемерного развертывания освободительной борьбы против захватчиков, лучше всего – в виде партизанской войны²⁰. Указание ИККИ, обусловленное как раз сменой интересов СССР, довольно откровенно аргументировалось необходимостью помочь Советскому Союзу в этот тяжелый для него момент, организуя вооруженные выступления в тылу напавших на него держав «оси». Но югославскими коммунистами и их руководством вступление в такую борьбу воспринималось, как правило, в соответствии с теми идейно-психологическими представлениями, какие были тогда характерны для коммунистического движения в целом. А согласно этим представлениям, действия, которые следовало предпринять, исходя из директивы, полученной от ИККИ, являлись естественным, органическим соединением трех важнейших взаимосвязанных целей: противостояния фашизму, освобождения своего собственного отечества, солидарности со своим «политическим отечеством» в лице Советского Союза как «первой страны социализма».

К моменту, когда начиная с рубежа июня – июля 1941 г. стала непосредственно развертываться коммунистическая акция Сопrotивления, КПЮ представляла собой довольно хорошо организованную нелегальную партию с относительно значительным числом собственных членов и комсомольцев. Последние отличались от партийцев лишь возрастом, а в остальном Союз коммунистической молодежи Югославии (СКМЮ) работал так же нелегально и был неотъемлемой частью той же организационной структуры, что и сама КПЮ. Если верить послевоенным официально заявленным данным, в начале развернувшейся с середины лета 1941 г. борьбы партия насчитывала до 12 тыс. членов, а комсомольцев («скоевцев») было около 30 тысяч²¹. По некоторым сведениям, фигурировавшим в коммунистической историографии, число скоевцев даже превышало

50 тысяч²². Кроме того, вокруг партии и комсомола имелся довольно заметный актив («симпатизирующие») из тех, кто часто или вообще постоянно с ними сотрудничал, выполнял разного рода поручения, но в непосредственно организационном отношении не был их членом. Хотя партия и СКМЮ понесли определенные, в ряде случаев очень чувствительные потери, когда с гитлеровским нападением на СССР была в различных частях разделенной Югославии проведена властями оккупировавших страну государств и квислинговскими администрациями кампания арестов коммунистов и скоевских активистов, тем не менее, обладая большим навыком нелегального существования, КПЮ и ее комсомольская организация сумели сохранить большинство кадров.

Следуя директивам, исходившим от партийного руководства, а иногда приступая к действиям и самоинициативно – под влиянием известия об агрессии против СССР, эти кадры образовывали на местах вооруженные и диверсионные группы, начали поджоги, взрывы, другие разрушения путей сообщения, линий связи, военных, производственных, складских и иных объектов, техники, имущества, использовавшихся захватчиками и квислинговскими администрациями, нападения на военнослужащих оккупационных сил, местных жандармов и т.д. Первые акции организовывались и проводились непосредственно самими коммунистами и скоевцами. Одновременно велась пропагандистская работа с целью привлечь к начатому Сопrotивлению как можно большую часть населения²³.

Эти свои усилия, кардинально отличавшиеся от стратегии Михайловича, компартия, также в отличие от движения под главенством Михайловича, стала с самого начала предпринимать в большинстве регионов разделенной Югославии. Туда, по решению Политбюро ЦК КПЮ во главе с Тито, направился в качестве специальных эмиссаров ряд членов руководящей партийной верхушки. Но почти сразу обнаружилось, что если в одних регионах есть в той или иной степени условия для ведения и дальнейшего развития подобной активной борьбы, то в других регионах такого рода перспективы либо крайне ограничены, либо пока вообще отсутствуют. Практически условия для борьбы с точки зрения возможностей ее поддержки более или менее значительной частью местных жителей оказались в Сербии, Черногории, в той части Словении, которая была аннексирована Италией (Люблянская провинция), и в ряде областей НГХ с сербским населением.

В областях НГХ, где к тому времени, а в некоторых случаях и раньше вспыхивают сербские восстания, о которых шла речь выше, антиоккупационная активность коммунистов стала проявляться преимущественно тогда, когда восстания уже развертывались или даже продолжались. В итоге роль КПЮ как организующего фактора и вместе с тем источника политического влияния начинает там сказываться главным образом позднее – осенью 1941 г., а то и к рубежу 1941–1942 гг.

Гораздо раньше коммунистическая роль проявляется в уже упоминавшемся в предыдущей главе массовом восстании, вспыхнувшем 13 июля 1941 г. в Черногории. В его возникновении был немалый элемент стихийности, подобно сербским восстаниям в НГХ, но стихийность сочеталась и с целенаправленными усилиями организованных факторов. Одним из них была как раз тамошняя организация КПЮ, в короткий срок проявившая значительную инициативу в подготовке вооруженного выступления, а затем в создании его военной структуры и руководящих органов. Другим фактором явились местные патриотически настроенные активисты главным образом из числа офицеров, избежавших плена. В ходе восстания удалось осуществить взаимодействие обоих этих факторов. Это в той или иной мере сохранялось и после поражения восстания, когда

значительные повстанческие силы продолжали действовать в ряде горных районов, где временно образовывались своего рода освобожденные или полуосвобожденные территории. Лишь позже, отчасти с осени 1941 г., а особенно с рубежа 1941–1942 гг. взаимодействие указанных выше факторов в повстанческом движении Черногории нарушается и затем сменяется противостоянием между отрядами под руководством коммунистов и отрядами во главе с офицерами, которые вступили в связь с четническим движением Михайловича²⁴.

Основной ареной развертывания коммунистической активности середины – второй половины 1941 г. стала, однако, Сербия. Хотя здесь первоначально не произошло такой массовой повстанческой вспышки, как в Черногории, на действия партизанских и диверсионных групп, которые организовывала КПЮ, и на распространявшиеся партией призывы к вооруженной борьбе сравнительно быстро стала откликаться довольно значительная часть населения, как городского, так и сельского. Стимулом служили и левые, и просто антифашистские, и в большой мере, конечно, сербско-патриотические настроения, соотношение которых было у разных людей и в разных социальных группах различным. Но важную роль в достаточно широком отклике на коммунистические воззвания и особенно действия, играло то, что КПЮ призывала к немедленному выступлению. Это привлекало немалое число тех, кто психологически не мог и не хотел ждать до неопределенного времени, а пока что мириться с реальностью оккупационного порядка. Особенно такое настроение сказывалось среди молодежи. И было весьма существенным в условиях, когда летом 1941 г. Сербия оказывалась наводнена беженцами-сербскими из НГХ, Косова и других регионов, их рассказами об антисербском терроре, особенно со стороны усташского режима. Важным фактором было и то, что вооруженные выступления и диверсии, проводившиеся коммунистами, стали вызывать жестокие карательные меры оккупантов против гражданского населения в местах, где предпринимались антиоккупационные акции. Если одних эти меры устрашали, то других стимулировали к сопротивлению, к участию в немедленной активной борьбе. А к ней призывала лишь КПЮ. Несомненное влияние на массовые настроения имело начавшееся участие СССР в войне с Германией.

Результатом был набиравший темпы рост вооруженных формирований, создававшихся в Сербии под руководством КПЮ. Они именовались народно-освободительными партизанскими отрядами. Их действия координировал образованный уже в конце июня Главный штаб во главе с Тито, куда вошли члены Политбюро ЦК КПЮ. В конце сентября он был переименован в Верховный штаб. Он выступал в качестве командования партизанскими отрядами и вообще ведущего органа народно-освободительного движения.

В коммунистических воззваниях и других публичных документах, в том числе в программной статье Тито «Задача народно-освободительных партизанских отрядов», опубликованной 10 августа в первом номере «Бюллетеня» Главного штаба, всячески подчеркивалось, что партизанские отряды являются боевыми формированиями не компартии, а «народов Югославии» и в них должны сражаться «все патриоты», способные к вооруженной борьбе против оккупантов, независимо от политических взглядов и религиозных убеждений²⁵. Этот тезис отражал стремление КПЮ объединить под своим началом максимально широкий круг тех, кто готов включиться в активное вооруженное Сопротивление. Но в реальности партизанские силы не только создавались под коммунистическим руководством, но и полностью контролировались партией. Все важнейшие командные посты всех уровней заполнялись в основном коммунистами или сим-

патизирующими партии. В партизанских подразделениях и штабах повсеместно были введены должности политического комиссара и его заместителя, на которые назначались исключительно члены КПЮ. Они входили в состав руководства подразделения или штаба. Во всех партизанских частях создавались партийные ячейки КПЮ, а там, где численность коммунистов была недостаточной для оформления ячейки, создавался так называемый партийный актив²⁶. Через комиссаров, их заместителей и сеть ячеек стала повседневно проводиться в партизанских рядах коммунистическая пропаганда, внедрялись в сознание приспособленные для массового восприятия примитивно-большевистские представления об общественном развитии, рисовалась идеализованно-фантастическая картина жизни в СССР, аргументировались цели КПЮ, в которых была смесь боевого патриотизма и левопопулистского радикализма.

В сентябре 1941 г. вследствие успешных партизанских действий стали образовываться первые районы, относительно свободные от оккупационной и квислинговской власти, прежде всего в Западной Сербии, куда переместилось руководство народно-освободительного движения, возглавлявшееся Тито. В таких освобожденных районах начали создаваться новые местные органы власти, называвшиеся народно-освободительными комитетами. Они формировались обычно из активистов народно-освободительного движения и контролировались местными коммунистами. В большинстве случаев секретарями народно-освободительных комитетов, реально руководившими работой этих органов, были тоже коммунистические кадры. Наряду с распространением на территории, ставшей контролироваться партизанами в Сербии, аналогичные органы создавались и в тех других частях Югославии, где партизанское движение, руководимое КПЮ, получало значительное развитие²⁷. Так стала возникать под главенством КПЮ повстанческая власть, не только противостоявшая оккупационно-квислинговскому режиму, но и не имевшая ничего общего с довоенной югославской государственностью.

Более того, коммунистическое руководство довольно открыто противопоставляло создававшиеся комитеты как, по его утверждению, органы «народной власти» прежним югославским местным органам власти, которые, например, в Сербии сохранились и использовались режимом Недича. В вышедшем 19 октября 1941 г. первом номере газеты «Борба», ставшей выпускаться на освобожденной территории Сербии руководством КПЮ, Эдвард Кардель, ближайший соратник Тито, в установочной статье, специально посвященной народно-освободительным комитетам, сформулировал, что они должны стать временными носителями народной власти вплоть до того момента, когда после изгнания оккупантов из Югославии возникнет возможность перейти к организации государственного управления²⁸.

Такая установка отражала, в сущности, основную военно-политическую цель компартии: вести вооруженную борьбу против оккупантов и прооккупационных режимов и в ходе нее создавать контролируемую коммунистами повстанческую систему власти, которая в итоге предопределил в той или иной мере характер государственного строя при восстановлении независимости страны, исключит реставрацию довоенного порядка, станет важным фактором, способным сделать КПЮ правящей. По свидетельству Милована Джиласа, входившего в узкий круг высшего руководства КПЮ, там приходили к сформулированному, в частности, Карделем выводу, что в Югославии, в сущности, началась «пролетарская революция», но развертывающаяся не в «чистом» виде, а в ходе борьбы против оккупантов и тех «представителей старого порядка», которые сотрудничают с захватчиками. Однако считали, что из тактических соображений целесообразнее

не говорить об этом открыто, а осуществлять революционные задачи как неотъемлемую часть национально-освободительной борьбы²⁹. Сочетание камуфлирования прокоммунистического характера народно-освободительного движения с частичным обозначением его, в сущности, революционной направленности было выражено формулой его главного публичного девиза: «Смерть фашизму – свобода народу!». Каждый, в зависимости от собственных устремлений, мог усмотреть в такой формуле свой смысл. А что понимали под «антифашизмом» коммунистическое ядро движения и его руководство, видно из опубликованного 1 октября 1941 г. приказа Верховного штаба, в котором партизанам предписывалось обязательно носить на шапках пятиконечную звезду. Этот хорошо известный коммунистическо-советский символ именовался в приказе «антифашистским знаком»³⁰.

Как и четническое движение Михайловича, коммунистическое руководство народно-освободительного движения выступало с позиции непризнания произошедшего раздела Югославии. Оно декларировало общегославский характер движения и создаваемых партизанских сил, провозглашало целью борьбы освобождение всех народов Югославии от оккупантов и прогитлеровских режимов³¹. И это отнюдь не было лишь декларацией: движение и его партизанские вооруженные силы действительно организовывались и действовали в разных регионах страны как части общегославского целого, подчиненные Главному/Верховному штабу и, в сущности, верхушке КПЮ. Однако, в отличие от четнического движения Михайловича, позиционировавшего себя как югославское, но на самом деле, о чем уже говорилось, фактически лишь сербского по составу участников и всецело замкнутого в рамки того, что культивировалось его предводителями и основным слоем офицерства и равногорского актива в качестве «сербских национальных интересов», движение, руководимое КПЮ, не было обременено какой-либо особой этнической устремленностью. Благодаря господствующей роли компартии, оно и идеологически, и в практическо-организационном отношении строилось на основе коммунистической интернационалистской доктрины. И было нацелено на привлечение и объединение людей из всех этносов, живших на югославской территории.

За какое конкретно национально-государственное устройство страны выступает народно-освободительное движение, в его публичных документах первоначально не уточнялось. Однако фактически указывалось, что Югославия состоит из ряда этнических и традиционно-региональных компонентов, каждый из которых заслуживает должного внимания и уважения. Так, уже в июле 1941 г. в воззваниях ЦК КПЮ фигурировали обращения к «сербам, хорватам, словенцам, черногорцам, македонцам и другим», а в опубликованной 10 августа статье Тито «Задача народно-освободительных партизанских отрядов» давалось перечисление, как было сформулировано, «областей Югославии»: Сербии, Хорватии, Словении, Черногории, Боснии и Герцеговины, Македонии, Воеводины, Санджака, Далмации³². Позже, 7 ноября 1941 г., в обращении ЦК КПЮ к народам Югославии по случаю очередной годовщины установления советской власти в России в 1917 г., к числу югославских этнических компонентов были добавлены мусульмане³³. Подобной фиксацией этнического и традиционно-регионального состава страны была, в сущности, обозначена позиция в пользу равноправия всех его упомянутых компонентов как в самом народно-освободительном движении, так и в Югославии, когда она будет восстановлена.

Более того, коммунистическим руководством движения стали предприниматься в этом смысле и меры практического характера. В упомянутом выше приказе Верховного

штаба, где шла речь об обязательном ношении пятиконечных звезд на шапках партизан, предписывалось также прикреплять к шапкам, вместе со звездами, в Сербии, Словении и Черногории ленты с национальными трехцветками, традиционными для соответствующей из названных частей («земель») Югославии, в Боснии и Герцеговине – с сербской и хорватской трехцветками; что же касалось Хорватии, то в чисто хорватских районах – с хорватской трехцветкой, а в районах со смешанным сербским и хорватским населением – с сербской и хорватской трехцветками. В упомянутых землях должны были употребляться партизанскими отрядами подобного же рода знамена³⁴. Другой, еще более важной практической мерой было решение, что, наряду с переименованием общегославского партизанского штаба из главного в верховный, в основных землях должны быть образованы свои главные штабы³⁵. Они были сформированы в 1941 г. в Сербии, Словении, Боснии и Герцеговине, Хорватии, Черногории (с Бокой), а также в Санджаке. Позже, в 1942 г., был создан главный штаб и в югославской (Вардарской) Македонии³⁶.

Так стали постепенно проступать контуры той национально/регионально-территориальной структуры, которую коммунистическое руководство закладывало в организацию народно-освободительного движения. А тем самым – и в качестве ориентира национально-государственного устройства при будущем восстановлении независимости Югославии. Подобная нацеленность являлась, по сути, противоположной названным выше четническим планам послевоенной Югославии, состоящей лишь из трех этнотерриториальных единиц, к тому же при главенстве Сербии, которая была бы явочным порядком значительно расширена путем применения военной силы и этнических чисток в отношении несербского населения.

Но вернемся к тому, как разворачивались события в Сербии осенью 1941 г. У оккупантов и сербской прооккупационной администрации не хватало сил для эффективного противодействия ширившейся партизанской борьбе. В ситуации, когда эта борьба стала приобретать характер массового восстания, Михайлович, вопреки намеченной стратегии не выступать, пока не сложатся благоприятные условия на основных фронтах войны, оказывался вынужденным тоже начать активные антиоккупационные действия. В противном случае он и возглавленное им движение рисковали быть дискредитированными среди населения и отдать пальму первенства в борьбе за освобождение коммунистам. Со своей стороны, коммунистическое руководство народно-освободительного движения проявляло инициативу в установлении контактов с Михайловичем и было заинтересовано в расширении и интенсификации начавшегося восстания за счет привлечения четнических вооруженных формирований. 19 сентября Тито впервые встретился с Михайловичем. И хотя каждому из них было очевидно, что и по взглядам на будущее устройство Югославии после восстановления ее независимости, и в стратегии борьбы за освобождение они более чем серьезно расходятся, однако, в конечном счете, с рубежа сентября – октября 1941 г. параллельно со вступлением четников в борьбу против оккупационных сил началось временное частичное взаимодействие между ними и партизанами. В итоге в течение октября восстание охватило большую часть Сербии, создались весьма обширные освобожденные территории, особенно в Западной Сербии, был освобожден даже ряд средних и мелких городов.

Однако очень быстро возникли различные сложности между партизанами и четниками. Они касались многих жгучих вопросов – от дележа трофеев, захваченных у немцев и вооруженных формирований правительства Недича, до организации власти в освобож-

денных местах и прерогатив партизанских или четнических командиров в установлении там порядка. Причем большинство споров сразу же приобретало политическую окраску, поскольку офицеры из четнических командных кадров и коммунисты из партизанского руководства изначально относились друг к другу с подозрением, как к политическому противнику, враждебной силе, от которой можно ожидать любых скверных неожиданностей, ударов в спину. Дело усугублялось и тем, что проводившиеся германскими оккупационными властями там, где они могли это сделать, карательные операции вели к масштабным жертвам среди гражданского населения Сербии. Данное обстоятельство толкало Михайловича к мысли о желательности свертывания восстания, чтобы прекратить жертвы. Но препятствие он видел в руководимых компартией партизанах. Новая встреча Тито и Михайловича 26 октября лишь усилила их взаимные подозрения. И на рубеже октября – ноября произошло вооруженное столкновение партизан и четников, в котором каждая сторона обвиняла другую. Несмотря на предпринимавшиеся в течение ноября попытки прекратить начавшуюся борьбу и достичь соглашения, в итоге конфликт принял необратимый характер. Еще до этого, в конце октября, Михайлович даже тайно предложил германскому командованию снабдить четников оружием для уничтожения партизан. Но немецкие оккупационные власти, в том числе на встрече их представителей с Михайловичем 11 ноября, требовали от него лишь полной сдачи четнических отрядов, находившихся под его началом. А это он категорически отверг. Между тем партизанское руководство обвинило Михайловича в коллаборационизме. И с конца ноября 1941 г. началась не прекращавшаяся затем до завершения войны ожесточенная вооруженная борьба между четниками и партизанами. Они стали друг для друга чуть ли ни главными противниками³⁷.

БОРЬБА С ОККУПАНТАМИ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. Развертывание конфликта между партизанами и четниками в Сербии в ноябре 1941 г. совпало с начатым там германскими войсками общим наступлением на освобожденную территорию. В результате как партизанские, так и четнические силы подверглись жестоким ударам, понесли большие потери и в конце ноября – начале декабря потерпели поражение. Восстание оказалось подавленным. Освобожденную территорию заняли и установили на ней контроль войска оккупантов и воинские контингенты режима Недича.

В ходе немецкого наступления партизанские формирования в итоге были в большой мере рассеяны, некоторая их часть вообще распалась, а другая часть, наиболее организованная и боеспособная, оказалась вынужденной спастись путем отступления из Сербии в Санджак и Восточную Боснию вместе с руководством и ядром политического актива компартии и возглавляемого ею движения. В Сербии сколько-нибудь заметные партизанские силы остались в основном только в сравнительно небольшом районе на юге. На остальной же ее территории имелись лишь кое-где разрозненные маленькие партизанские группы, время от времени проявлявшие себя отдельными акциями. Фактически с конца 1941 г. и до 1944 г. в Сербии, за исключением упомянутого района на юге, почти не было партизанской активности. Четнические силы в Сербии тоже в значительной части в конце 1941 г. распались, а отдельные группы спасались уходом в соседние с Сербией районы Боснии. Лишь небольшие отряды четников – часто региональные командиры с несколькими десятками сопровождения из своих прежних соединений – продолжали существование в отдельных местностях. В последовавшие зимние месяцы

они скрывались от оккупационных войск и недичевских формирований и только иногда вступали в некоторые столкновения с ними. Сам Михайлович с небольшим сопровождением тоже скрывался, нелегально живя то в одном, то в другом селе. В отличие от партизан, состав ряда четнических соединений был распущен по домам их командованием. А немало четников, особенно офицеров и унтер-офицеров, включая в ряде случаев даже целые подразделения, использовали с ведома и санкции Михайловича тактику т.н. легализации: вступления в состав вооруженных сил администрации Недича, в том числе и в ряды лётичевских добровольцев. Такая тактика обосновывалась расчетом на то, что подобным образом четнические военные кадры получают возможность избежать преследований со стороны оккупантов и режима Недича, выжить в наступивших условиях суровой зимы, получить оружие и снаряжение, а когда возникнут нужные условия, эти кадры покинут недичевские силы и вернуться боеспособными в четнические ряды. В глазах же коммунистов и их руководства, как и вообще большинства тех, кто оставался в партизанах, легализация четников представляла собой фактический переход на сторону врага. Тем более, что в составе формирований Недича, в которые они вступили, легализовавшиеся четники принимали участие в боевых действиях против партизан³⁸.

Те партизанские силы во главе с Тито, которые отступили из Сербии в Санджак и Восточную Боснию, соединились и взаимодействовали с партизанскими отрядами, к тому времени действовавшими в этих регионах, а также в соседних Герцеговине и Черногории. В итоге там на рубеже 1941–1942 гг. образовался довольно обширный комплекс связанных между собой территорий, в той или иной степени контролировавшихся партизанами либо находившихся в сфере их передвижений и операций. Партизанским военно-политическим центром этого комплекса территорий стал в начале 1942 г. город Фоча в Восточной Боснии, где находились руководство КПЮ и Верховный штаб. Борьба как между партизанами и силами оккупантов и НГХ, так и во все большей мере между партизанами и четническим движением, получившим, особенно к концу 1941 – в начале 1942 г., распространение на упомянутых территориях, продолжилась.

Между тем еще вслед за отступлением из Сербии, в первой половине декабря 1941 г., Тито с его ближайшими соратниками, прежде всего Карделем, Ранковичем и Джиласом, пришли к далеко идущим политическим выводам. Позицию, занятую движением во главе с Михайловичем, они связали со своими представлениями о том, что происходит общий поворот в ходе войны и в расстановке сил на мировой арене.

Как считала руководящая верхушка КПЮ, начавшийся успех советских войск в битве под Москвой, о котором стало известно из радиосообщений в начале декабря, создает перспективу быстрого слома гитлеровского порядка в Европе. И ввиду этого «реакционные силы империалистических стран» объединяются против национально-освободительных движений, стимулирующих «революционную энергию». В первую очередь – против коммунистов и их связи с массами. Именно подобное, по мнению лидеров КПЮ, стало происходить и в разных частях Югославии, а особенно в Сербии. И выразилось в том, что Михайлович объединился с Недичем и немцами в борьбе против партизан. К участникам такого объединения, направленного на уничтожение партизан, Тито и его соратники причислили и югославское королевское правительство в эмиграции, которому покровительствовали западные союзники, в первую очередь Англия. Эмигрантское правительство, с которым Михайлович установил связь в сентябре 1941 г., предприняло усилия по политической и пропагандистской поддержке четников (об этом еще речь впереди). 7 декабря Михайловичу было присвоено первое генеральское звание (позже –

следующие два), а затем 11 января 1942 г. его заочно назначили министром армии, флота и авиации. В поддержке Михайловича эмигрантским правительством руководство КПЮ усматривало также отражение британской политики, считало, что она направлена против народно-освободительного движения, и даже подозревало, что английский военный представитель, заброшенный в штаб Михайловича в октябре 1941 г., был причастен к стимулированию выступления четников против партизан.

Из картины происходившего, составленной подобным образом, следовало заключение, что наступил этап более острой классовой дифференциации как в мире, так и в разделенной оккупантами Югославии. И что в борьбе КПЮ и возглавляемого ею движения против объединенного фронта, включающего оккупантов, открыто коллаборационистские администрации, четников Михайловича и эмигрантское правительство, партия должна активно укреплять свою «классовую базу», «рабоче-крестьянское ядро» движения. Указывалось на необходимость поднимать и пропагандировать роль компартии как главного организатора и руководителя народно-освободительного движения, популяризировать СССР и социалистический путь. В отношении деревни, которая неизбежно являлась главной базой движения, был взят курс на то, чтобы прежде всего объединить вокруг партии сельскую бедноту и опираться на мелкое и среднее крестьянство в противовес, как формулировалось, «кулачеству», рассматривавшемуся как почва для враждебных буржуазных сил. Особое значение придавалось активному как военному, так и пропагандистскому наступлению на «объединенный буржуазный фронт». Подчеркивалась важность энергичного развертывания «разоблачительной» пропаганды, направленной против как Недича, так и четников Михайловича в Сербии и сербских районах вне ее. А в Хорватии – против как Павелича с его режимом, так теперь уже и лидера Хорватской крестьянской партии (ХКП) В. Мачека, на которого возлагалась ответственность за установление этого режима и отказ от сопротивления усташам.

Склоняясь, таким образом, к «классово-революционной» радикализации народно-освободительного движения, руководство КПЮ однако стремилось одновременно к максимально возможному расширению массовой базы движения, ввиду чего было озабочено тем, чтобы радикализация не нанесла этому ущерб. А потому, наряду с установкой об ужесточении «классовой заостренности» ведущейся борьбы, считало нужным, чтобы в проведении этой установки на местах избегали чрезмерности и излишней поспешности. И чтобы по-прежнему преследовали цель объединения всех патриотических сил, даже отличающейся политической ориентации, готовых к реальному участию в антиоккупационной борьбе. Стремление Тито и его ближайших соратников совместить одно и другое придавало выработанной ими позиции определенную двойственность.

Эта позиция в том или ином виде формулировалась в директивах, которые в середине декабря 1941 г. – первой половине января 1942 г. были от имени ЦК КПЮ и Верховного штаба посланы руководящим территориальным органам компартии и народно-освободительного движения Сербии, Черногории, Санджака, Словении, Хорватии. В директивах содержались изложенные нами выше общая оценка сложившегося положения, сделанная руководством КПЮ, и установки практической политики, которую следует проводить³⁹. Насколько можно судить по несколько противоречивым материалам, имеющимся в историографии, такого же рода характеристика и установки содержались в выступлениях Тито и Карделя на совещании с ведущими коммунистическими активистами Боснии и Герцеговины, которое состоялось 7–8 января 1942 г.⁴⁰ Таким образом, указания о корректировке политической линии были направлены почти во все основ-

ные регионы разделенной Югославии. За исключением Вардарской Македонии, ибо связь с руководством тамошних коммунистов являлась тогда крайне затрудненной.

Упомянутая выше двойственность установок, выдвинутых верхушкой КПЮ, наглядно выражалась, в частности, двумя решениями, принятыми Тито и его окружением в осуществление этих установок.

Одним из решений было создание 21–22 декабря 1941 г. 1-й пролетарской народно-освободительной ударной бригады. Сформированная из наиболее преданных кадров, она рассматривалась как вооруженная сила под руководством компартии. Бригаде было дано красное знамя с советскими символами – красной пятиконечной звездой с серпом и молотом⁴¹. На рубеже февраля – марта 1942 г. создание пролетарских бригад продолжилось. Их было сформировано пять, они находились под непосредственным командованием Верховного штаба и представляли собой ударные подвижные соединения, призванные действовать вне привязки к какой-то территории⁴². Образование пролетарских бригад открыто обозначало собой усиление коммунистической окрашенности народно-освободительного движения.

Однако другим решением руководства КПЮ, принятым месяц спустя после формирования 1-й пролетарской бригады, предусматривалось также создание частей, в сущности, почти противоположного характера. Они, как говорилось в этом решении, были призваны объединить в своих рядах «всех тех патриотов, которые готовы бороться против оккупантов и усташей, но не хотят вступать ни в партизанские, ни в четнические части». Такие новые образования именовались «народно-освободительными добровольческими отрядами». Их имелось в виду формировать прежде всего на территории Боснии и Герцеговины, а по мере необходимости – и в иных регионах. Добровольческие отряды должны были находиться под общим командованием партизанского Верховного штаба и главных штабов соответствующих земель. Но личный состав добровольческих частей мог носить на шапках лишь свои национальные трехцветки, без полагающейся партизанам красной пятиконечной звезды⁴³. Это было использованием несколько более эластичной формы в организации вооруженных сил, нарочито лишенной, хотя бы внешне, социально-революционных символов. Однако добровольческие отряды фактически являлись составной частью движения, возглавляемого КПЮ. С помощью такой формы руководство партии стремилось привлечь, по сути, в партизанские ряды ту сербскую массу в Боснии и Герцеговине, которая оказалась в четнических формированиях либо колебалась между четниками и партизанами, но проявляла склонность к позиции активного Сопrotивления, сближавшей ее с народно-освободительным движением, а в то же время опасалась его коммунистической окрашенности. В связи с этим партизанские силы даже были переименованы: они вместе с образовавшимися добровольческими частями стали называться Народно-освободительной партизанской и добровольческой армией Югославии⁴⁴.

Но если говорить в целом, то зимой 1941/42 гг. и в начале весны 1942 г. в развитии движения, возглавляемого компартией, преобладающим образом сказалась установка верхушки КПЮ на определенную классово-революционную заостренность. Это выразилось в обозначившемся, как его потом назвали, «левом уклоне», который в течение упомянутого времени особенно дал о себе знать в Черногории, ряде районов Герцеговины и отчасти Восточной Боснии, т.е. там, где тогда были сосредоточены основные партизанские силы. Он проявился как в пропаганде, развернутой на местах организациями КПЮ, партизанскими частями, народно-освободительными комитетами, их полити-

ческим активом, так и – что было еще важнее – в практических действиях среди населения, предпринятых упомянутыми структурами. В пропагандистской сфере «левый уклон» характеризовался выдвиганием лозунгов борьбы против «капиталистических элементов», «богатеев», «кулаков», которые, согласно этим лозунгам, являются в силу своих социальных и политических устремлений «классовыми противниками» народно-освободительного движения. И потому его прямыми или потенциальными врагами, «пятой колонной» оккупантов, прооккупационных администраций и, как особо подчеркивалось, четников, вместе объединившихся в общем «антинародном фронте». А в области практической политики подобная пропаганда сопровождалась массовыми репрессивными мерами против тех, кого относили к указанным категориям «капиталистических элементов», «кулаков», лиц, «враждебно настроенных», подозреваемых в качестве реальных или потенциальных участников «пятой колонны». У этих людей, нередко включая и их семьи, экспроприировали имущество, отбирали, а чаще сжигали дома. Их самих арестовывали, во многих случаях убивали («ликвидировали»). Сплошь и рядом подобным репрессиям подвергали в отместку и тех, чьи близкие родственники, особенно главы семей, служили в коллаборационистских администрациях и воинских частях или были участниками, а тем более принадлежали к командному составу четнических, равно как любых иных вооруженных формирований, боровшихся с партизанами либо как-то противостоявших им⁴⁵.

Исходя из имеющихся до сих пор результатов рассмотрения данной темы в историографии, трудно с точностью определить, насколько «левый уклон» был обусловлен тем, что сами установки руководства КПЮ, несмотря на их отмеченную выше некоторую двойственность, больше содержали нацеленность на социально-революционную радикализацию линии народно-освободительного движения. А насколько он явился следствием того, что кадры партии, СКМЮ и примыкавшего к ним остального политического актива на местах, в партизанских частях были предрасположены к революционному радикализму, уже до того в значительной мере присутствовавшему в конкретной практике движения. И потому именно так воспринимали директивы, спущенные коммунистическим руководством. Но какая бы из названных причин ни превалировала, директивы, в конечном счете, оказались в тогдашней непосредственной реальности важнейшим импульсом и катализатором развертывания «левого уклона».

Большое влияние на распространение «левого уклона» оказало происходившее в конце 1941 – первые месяцы 1942 г. на упомянутых выше территориях обострение отношений и ставшее набирать обороты прямое столкновение между партизанами и теми возникшими как антиоккупационные или нацеленные против режима НГХ местными сербскими / черногорскими отрядами, которые находились вне коммунистического контроля и уже раньше проявили тяготение к четническому движению.

Многие из этих местных отрядов, образовывавшихся еще с конца весны и затем летом – осенью 1941 г. в ходе сербских восстаний в НГХ, а в Черногории – в связи с июльским восстанием и после него, первое время в той или иной мере сотрудничали либо как-то взаимодействовали с тамошними партизанскими силами, которые с середины 1941 г. создавались под коммунистическим руководством. Но где раньше, где позже между одними и другими возникали осложнения, вызывавшиеся в значительной мере причинами, подобными тем, которые привели к конфликту между партизанами и четниками в Сербии. Сам этот конфликт оказал особо значительное воздействие на территориях, о которых идет речь, подогревая там аналогичные столкновения между

фактически двумя антиоккупационными силами. Тем более в условиях, когда, с одной стороны, нацеленные на борьбу с четниками партизанские соединения, отступившие из Санджак и Восточную Боснию. А с другой стороны, не контролировавшиеся коммунистами сербские национальные формирования, которые действовали там и в соседних Герцеговине и Черногории, стали с осени – начала зимы 1941 г. присоединяться к четническому движению. И командование ими оказалось в руках либо офицеров, присланных Михайловичем, либо местных командиров, чье назначение он санкционировал. Это способствовало значительному усилению, по меньшей мере, взаимного недоверия, а по большей части – враждебности между упомянутыми местными сербскими / черногорскими формированиями и партизанскими силами.

Дело чрезвычайно усугублялось тем чрезвычайно важным обстоятельством, что в уже названных Восточной Боснии, Герцеговине, равно как в ряде других регионов со значительным сербским населением, включенных в НГХ, а также в Черногории с Санджаком местные отряды, присоединявшиеся к четническому движению, начали прибегать к тактике лавирования и – по их расчетам, временных – компромиссов с оккупационными и квислинговскими властями. Особенно это стало практиковаться на рубеже 1941–1942 гг. и далее в тяжелых условиях военных операций, предпринятых в начале 1942 г. на упомянутых выше территориях НГХ немецкими и итальянскими войсками и вооруженными силами усташского режима, а в Черногории – итальянскими оккупантами.

Так, в районах Восточной Боснии, которые охватывались установленной в НГХ германской военной сферой, в ходе данных операций, проводившихся там немецкими войсками и воинскими контингентами НГХ против как четников, так и партизан, четники вступали в ответную борьбу лишь с формированиями режима Павелича, но уклонялись от столкновений с немцами. Тамашнее четническое командование аргументировало это невозможностью противостоять немцам, необходимостью избежать бесполезных жертв в собственных рядах и германских репрессий в отношении местного сербского населения. Но тем самым четники беспрепятственно пропускали немцев через территории собственного сосредоточения и открывали путь для германских ударов по территориям, где находились партизанские части. Более того, четническое командование в Восточной Боснии, назначенное еще осенью 1941 г. Михайловичем, установило контакты с Недичем и через него с командующим немецкими войсками в Сербии, с которым тайно договорилось о сотрудничестве. Предусматривалось, что в северо-восточной Боснии, прилегавшей к Сербии, четники обязуются не предпринимать действий против немцев, а наоборот, вместе с ними будут вести борьбу с партизанами, защищать коммуникации и экономические объекты, взаимодействовать с местными властями НГХ и поддерживать мирные отношения между сербами, мусульманами и хорватами. С германской же стороны в качестве ответного шага признавались определенные прерогативы четнических сил в северо-восточной Боснии, и они снабжались вооружением и боеприпасами. Но подобное соглашение вызвало возражения со стороны НГХ и ряда немецких органов, не было утверждено вышестоящим германским командованием и осталось проектом. А переговоры, которые командир местных четнических сил майор Ездимир Дангич вел по этому поводу с Недичем и немецким командующим в Сербии в январе – апреле 1942 г., в итоге завершились тем, что Дангича, по приказу более высоких германских инстанций, арестовали и отправили в лагерь для военнопленных в оккупированной гитлеровцами Польше. Однако, независимо от такого итога, сама тактика, практиковавшаяся четни-

ческим командованием в Восточной Боснии в ходе операций германских войск и сил НГХ в начале 1942 г., расценивалась коммунистическим руководством партизан как сотрудничество с оккупантами и прооккупационными администрациями в борьбе против народно-освободительного движения. Так же расценивались и некоторые имевшиеся сведения о секретных контактах Дангича с Недичем и немцами⁴⁶.

Если установить значительное и продолжительное сотрудничество с немцами не удалось, то с итальянцами оно было установлено четническими силами как на той довольно обширной территории, которая охватывалась итальянской военной сферой в НГХ, включая ряд районов Боснии и Герцеговины, так и в Черногории, оккупированной Италией. Ибо в отличие от негативного отношения к четникам, которое оказалось преобладающим в руководящих кругах «третьего рейха» и его армии, итальянскими политическими и военными верхами была занята иная позиция.

Она исподволь стала складываться еще с рубежа весны – лета 1941 г., когда с начавшимися усташскими преследованиями сербского населения, вплоть до кровавого террора, значительное число сербов из НГХ, прежде всего из тех районов, которые прилегли к территориям Хорватии, аннексированным режимом Муссолини, бежало, спасаясь, на эти территории. Итальянская сторона, отношения между которой и НГХ к тому времени приобрели довольно напряженный характер из-за явно проявившихся территориальных противоречий, шла до некоторой степени на покровительство сербским беженцам. Тенденция в пользу сербов, преследуемых усташским режимом, постепенно стала принимать более определенные очертания после того, как в конце лета – осенью 1941 г. Италия, как уже говорилось в предыдущей главе, ввела войска сначала в так называемую 2-ю зону, а затем и в 3-ю зону сферы своей военной ответственности в НГХ. Там, напомним, был тогда учрежден итальянский военный контроль, во 2-й зоне сопровождавшийся выводом ряда воинских частей НГХ и передачей гражданской власти в ведение итальянских структур, а в 3-й зоне – оперативным подчинением домобранских сил итальянскому командованию. Заинтересованное в том, чтобы держать эти территории в своих руках и положить там конец повстанческой борьбе, командование введенных итальянских войск начало еще с лета, а затем продолжило осенью 1941 г. вступать в контакт с теми сербскими повстанческими формированиями, которые действовали исключительно на национальной основе. Эти формирования, постепенно ставшие, как правило, присоединяться – где более реально, где более декларативно – к четническому движению Михайловича, проявляли, со своей стороны, стремление к установлению связей и сотрудничества с итальянскими силами.

Как следствие обоюдной заинтересованности, между одними и другими шаг за шагом начали заключаться соглашения, главным образом на локальном уровне. По большей части такая практика получила довольно значительное развитие с рубежа 1941–1942 гг. Соглашения преимущественно сводились к тому, что обе стороны воздерживались от взаимных нападений, итальянцы выступали в качестве фактора, препятствующего действиям усташского режима против местного сербского населения, и постепенно шли даже на некоторое снабжение четников оружием, боеприпасами и другими материалами. А четники, параллельно итальянским войскам или в координации с ними, вели борьбу с партизанами⁴⁷.

Степень подобного рода «тактического коллаборационизма» не была одинаковой в разных местах и в разное время, нередко завися от тех или иных конкретных обстоятельств. В одних случаях такое сотрудничество становилось более постоянным, в

других – носило более эпизодический характер. Оно представляло собой своеобразное «партнерство поневоле», в котором предводители четников и итальянское командование, принадлежа в принципе к противоположным лагерям Второй мировой войны, вместе с тем старались использовать друг друга против фактически общих противников: с одной стороны, движения, руководимого КПЮ, с другой стороны – властей НГХ. Разница состояла в том, что для четников как партизаны, так и усташский режим были заклятыми врагами, а для фашистской Италии партизаны во главе с КПЮ тоже являлись заклятыми врагами, между тем как власти НГХ – скорее досадными соперниками ввиду территориальных интересов.

Аналогичные отношения «тактического коллаборационизма» стали возникать, в основном тоже примерно с рубежа 1941–1942 гг., между четниками и итальянскими оккупационными властями в Черногории. Основа этих отношений была во многом сходна с тем, на чем они строились в районах четнического движения на территории НГХ. С той разницей, что в Черногории, разумеется, отсутствовала этническая угроза сербскому населению, какая в НГХ исходила от усташского режима. Но зато, с точки зрения, характерной для «национально ориентированных» активистов четнической направленности, имела место, подобно ситуации в Сербии, угроза непомерных и, возможно, невосполнимых жертв среди сербов-черногорцев, которую несли действия оккупационных войск против вооруженного Сопротивления. А потому те политически активные силы черногорского общества, которые раньше или позже вставали на упомянутую точку зрения, включая даже ряд первоначальных участников антиоккупационной борьбы, выступили в качестве противников продолжения партизанского движения, руководимого компартией. Тем более что в этом движении, в его повседневной практике они стали усматривать коммунистическую опасность, а усилившийся среди черногорских коммунистов «левый уклон» способствовал обострению таких опасений. В итоге ставшие заключаться соглашения между четниками и итальянскими оккупационными властями были направлены прежде всего на взаимное сотрудничество в борьбе с партизанами.

При этом особенностью ситуации в Черногории являлось то, что там помимо четников, стоявших, как и Михайлович, на сербско-югославской позиции, у итальянских властей был, напомним, также другой, но куда менее влиятельный партнер в лице черногорских сепаратистов-федералистов, враждебных не только народно-освободительному, но и четническому движению. Однако, в конечном счете, оккупационным властям, четникам и сепаратистам удалось достигнуть договоренности. И в начале марта 1942 г. были созданы вооруженные «национальные силы», одну, меньшую, часть которых составляло формирование сепаратистов под командованием Крсто Поповича, а другую, преобладающую, часть – четнические формирования Байо Станишича и Павле Джуришича. Каждому из формирований была отведена определенная зона действий. Возглавил объединенные таким образом «национальные силы» Черногории отставной югославский генерал Блажо Джуканович, перед самым захватом Югославии некоторое время занимавший пост бана Зетской бановины⁴⁸.

Позже, в конце июля 1942 г., сотрудничество «национальных сил» и итальянских оккупантов было закреплено общим соглашением, заключенным между Джукановичем и итальянским губернатором Черногории. С санкции губернатора, произошло образование т.н. Черногорского национального комитета, действующего под началом оккупационных властей. Его председателем стал Джуканович. Вместе с тем он являлся главой черногорских четников⁴⁹.

«Тактический коллаборационизм» четников с итальянцами, приняв, таким образом, в начальные месяцы 1942 г. широкие размеры в Черногории и в различных населенных сербами районах итальянской сферы, установленной в НГХ, затем продолжался на протяжении всего времени, пока Италия до рубежа лета – осени 1943 г. оставалась союзницей Гитлера и ее войска находились на территории разделенной захватчиками Югославии. Проведение этой коллаборационистской линии чрезвычайно способствовало ужесточению борьбы между народно-освободительным и равногорским движениями. В частности, в тех районах, где в практике первого из названных движений получил особое развитие «левый уклон», он, явившись одним из факторов, стимулировавших четническое сотрудничество с итальянцами, в свою очередь, сам еще больше усиливался перед лицом такого, как оценивалось коммунистами и их сторонниками, «объединенного фронта четников с врагом».

Между тем обострение «левого уклона», всех тех его проявлений, о которых говорилось выше, вело, чем дальше, тем ко все растущим трудностям для народно-освободительного движения на территориях, где имела место его наиболее форсированная социально-революционная радикализация. Усиление коммунистическо-советской окрашенности движения, а особенно все разраставшееся применение им террористическо-репрессивных методов в отношении не только вооруженных противников, но и достаточно заметного числа местных жителей, отнесенных к категории «потенциальных врагов» или просто несогласных, способствовали его ощутимой дискредитации среди более или менее широких масс. Получили распространение отлив из движения и из его партизанских сил довольно большого слоя участников, переход части из них на сторону четников, которые использовали происходившее для расширения своего влияния и численного увеличения своих вооруженных формирований. Это особенно имело место, в частности, на территориях Черногории, Герцеговины и отчасти Восточной Боснии, где, как уже говорилось, были в то время сосредоточены основные партизанские формирования, которыми руководил Верховный штаб⁵⁰. Значение происходившего оказывалось тем большим, что на этом комплексе территорий с конца марта – начала апреля и затем почти до середины июня 1942 г. развернулись целенаправленные операции германских и итальянских войск, воинских контингентов НГХ, а также четников, взаимодействовавших с итальянцами, против упомянутых основных партизанских сил.

Тем не менее руководство КПЮ и народно-освободительного движения довольно долго не считало нужным менять политических установок, которые оно дало на рубеже 1941–1942 гг. Но 5 марта 1942 г. Тито получил из Москвы радиogramму генерального секретаря ИККИ Георгия Димитрова с острой критикой линии на социально-революционную радикализацию. О наличии такой линии у лидеров КПЮ Димитров сделал вывод из информации, содержащейся в радиошифровках, которые Тито перед этим посылал в Москву⁵¹. Подобные явления в политике КПЮ противоречили тогдашнему курсу Кремля. Ибо, во-первых, они были чреватые опасностью вызвать совсем нежелательные для руководства СССР осложнения в его отношениях с западными союзниками: те могли посчитать, что радикалистская политика югославских коммунистов вызвана или санкционирована советской стороной. А во-вторых, советская заинтересованность состояла тогда в том, чтобы в европейских странах, находившихся под господством «оси», развертывалось как можно более масштабное Сопротивление, которое могло бы ослабить позиции Германии и других противников СССР в войне и тем самым в какой-то мере помочь Советскому Союзу. Соответственно, в Кремле считали необходимым, чтобы в

названных странах происходило максимально широкое объединение всех противников «оси». А в выдвижении на данном этапе иных, «классово-революционных» целей усматривали помеху этому. Потому в упомянутой радиограмме Димитров резко негативно оценивал те действия руководства КПЮ, в частности создание пролетарских бригад, которые, как он подчеркивал, давали основание подозревать, что партизанское движение приобретает коммунистический характер и склоняется в сторону советизации Югославии. Радиограмма содержала прямое указание срочно принять меры для исправления положения.

Тито сначала пытался в ответе Димитрову отвести критику как ошибочную, ссылаясь на то, что в рядах руководимого компартией движения есть «сторонники разных партий», «честные патриоты», а против партизан борются лишь те «сторонники правительства в Лондоне», т.е. югославского правительства в эмиграции, которые выступают против антиоккупационной борьбы и сотрудничают с оккупантами. К ним он относил не только четников Михайловича, но и силы Недича, подчеркивал тезис о связи между ними⁵². Упор на сотрудничестве четников с оккупантами Тито продолжал делать и дальше в радиопереписке с Димитровым. Одновременно он продолжал выдвигать обвинение, что в этом сотрудничестве участвует и югославское эмигрантское правительство⁵³. Но вместе с тем, начиная с апреля 1942 г., под влиянием как директив из Москвы, так и упомянутого выше ухудшения положения народно-освободительного движения в ряде районов, вызванного «левым уклоном», особенно в Черногории и Герцеговине, руководство КПЮ постепенно переходит к пересмотру прежней линии.

Особенно острые проявления левого радикализма, дискредитировавшие партию и возглавляемое ею движение, все в большей мере критикуются. Выдвижение прямых социально-революционных лозунгов оценивается как неправомерное. Дается установка на то, чтобы борьбу с четниками, равно как с любыми другими силами, которые бы рассматривались как политически враждебные, вести сугубо на основе обвинения («разоблачения») их в коллаборационизме и препятствовании делу освобождения Югославии от захватчиков. Эта установка становится затем долговременной основой политического курса КПЮ, а соответственно, народно-освободительного движения. Окончательный итог был подведен решением, которое руководство КПЮ приняло 19 июня 1942 г. В нем то, что было свойственно «левому уклону», оценивалось как «ошибки», носившие «сектантский характер». При этом, однако, утверждалось, что политическая линия самого руководства КПЮ была «правильной», а упомянутые «ошибки» представляли собой ее «крупное искажение». Ответственными за такое «искажение» назывались руководящие партийные функционеры Черногории и особенно Герцеговины, на которых, таким образом, перекладывалась и вина за указанное явление. Они же подлежали строгому наказанию⁵⁴.

Произошедшая, таким образом, новая корректировка линии КПЮ, во многом скорее тактического характера⁵⁵, не могла, однако, изменить тяжелого положения, сложившегося для основных партизанских соединений вследствие как «левого уклона», так и упомянутых выше крупных операций, предпринятых с конца марта до середины июня 1942 г. германскими и итальянскими войсками, силами НГХ, а также четниками в Черногории и Санджаке, Герцеговине, Восточной Боснии. В итоге партизаны потерпели там поражение, им пришлось оставить названные территории. Тем же решением руководства КПЮ, принятым 19 июня 1942 г., предусматривалось вынужденное движение всей вытесненной оттуда крупной партизанской группировки во главе с Верховным штабом на запад – в направлении Западной Боснии и Хорватии⁵⁶.

Происходившие с тяжелыми боями в течение лета – осени 1942 г. продвижение этой группировки в Западную Боснию, ее выход туда и развернутые там действия привели в конечном счете к возникновению возможности резкого расширения массовой базы партизанских сил. Они стали быстро пополняться за счет масштабного прилива в них тамошнего сербского населения. Этот регион в основном находился в германской военной сфере НГХ и в 3-й итальянской зоне, из большей части которой, а также из некоторых мест 2-й зоны Италия как раз в середине 1942 г. стала выводить свои войска, заменявшиеся силами НГХ. И в итоге большинство сербов региона видело в партизанах единственную действенную защиту от усташского режима, связывало с ними надежду на выживание и национальное существование⁵⁷. Там образовалась новая значительная территория, более или менее контролируемая партизанскими силами. Ее центром стал город Бихач, где разместилось руководство КПЮ и народно-освободительного движения.

Очень важным было то, что данная территория имела непосредственную связь с рядом примыкавших или близких районов Хорватии, где тоже происходил подъем партизанской борьбы, во главе которой стояли коммунисты. В этих районах все более массовую базу партизан также составляло преимущественно сербское население. Участие в нем хорватов было невелико, в основном это были члены КПЮ и СКМЮ, левоориентированные активисты, шедшие за компартией. Даже позднее, в 1943 г., хорваты продолжали составлять значительное меньшинство среди партизан Хорватии, но хорватские коммунисты были в первых рядах⁵⁸.

На территории, оказавшейся под партизанским контролем, продолжалось осуществление линии КПЮ по созданию народно-освободительных комитетов, игравших роль местных органов повстанческой власти. В условиях произошедшего нового подъема движения, во главе которого стояла партия, коммунистическое руководство к середине ноября 1942 г. решило учредить «нечто вроде правительства под названием Народный комитет освобождения Югославии». Об этом 12 ноября Тито сообщил по радиосвязи в Москву Димитрову⁵⁹. В сущности, этот орган прямо противостоял бы эмигрантскому правительству, поддерживавшему четников Михайловича. Но советская сторона через Димитрова наложила запрет на создание такого органа в качестве повстанческого правительства, которое бы было противопоставлено югославскому правительству в эмиграции. Ибо в Москве исходили из интересов отношений СССР с западными союзниками и не хотели возможных серьезных осложнений по поводу Югославии. Димитров в ответной радиограмме прямо указывал на это обстоятельство и инструктировал Тито, чтобы проектируемому комитету был придан характер общеполитического органа народно-освободительной борьбы, а не структуры власти⁶⁰. Тито подчинился коммунистической дисциплине, о чем уведомил Москву⁶¹.

26–27 ноября в Бихаче состоялось созданное Верховным штабом учредительное собрание так называемого Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ). В реальности оно было сформировано руководством КПЮ, которое заранее наметило список участников собрания, т.е. членов АВНОЮ. Список был составлен из видных фигур и активистов народно-освободительного движения, партизанских командиров и бойцов. И затем персонально каждый из них получил приглашение от Тито как партизанского командующего⁶². Тем не менее, АВНОЮ на этой своей I сессии публично заявило о себе как о представительстве народных масс всей Югославии. Хотя в соответствии с московской директивой оно конституировалось как общеполитический орган народно-освободительного движения, однако в резолюции сессии было заявлено,

что борьба ведется не только против фашистской оккупации, но и «против старого реакционного строя, который силой пытается сохранить эмигрантское югославское правительство». Под «силой», используемой эмигрантским правительством, имелись в виду четники Михайловича, которые были охарактеризованы в документах I сессии АВНОЮ как предатели и преступники в отношении народов Югославии⁶³. Хотя повстанческое правительство не было создано, однако был образован исполком АВНОЮ как своего рода зачаток центрального административного органа. Председателем исполкома и одновременно АВНОЮ стал известный довоенный деятель Иван Рибар, как уже говорилось, тесно связанный с коммунистической верхушкой.

В итоге I сессия АВНОЮ стала фактически важной публичной политической демонстрацией противостояния народно-освободительного движения не только оккупантам, но и королевскому эмигрантскому правительству, не говоря уж о четниках.

Основной территорией четнической военно-политической активности продолжали оставаться Черногория и довольно значительные районы в итальянской сфере НГХ. В Сербии весной 1942 г. началось некоторое оживление и восстановление сил Михайловича. Но не получило, однако, значительного развития в условиях жесткого оккупационного контроля. Реально дело сводилось к отдельным спорадическим локальным стычкам с немцами и недичевскими вооруженными формированиями, особенно с лётчевскими добровольцами. А также к отдельным диверсионным актам и убийствам некоторых деятелей администрации Недича. Сам Михайлович из соображений безопасности был вынужден в июне 1942 г. переместиться со своим штабом в Черногорию. И только через год счел возможным вернуться в Сербию. В Черногории и итальянской сфере НГХ четники продолжали «тактический коллаборационизм» с итальянцами. Фактически военная активность четников была направлена против партизан и сил НГХ. Хотя с последними имели также место отдельные соглашения временного и локального характера, направленные либо опять-таки против партизан, либо на достижение безопасности сербского населения. Значительная часть четнических действий обрушивалась физическими расправами на хорватское и особенно мусульманское население, что во многих случаях аргументировалось как ответ или месть за аналогичные действия хорватов и мусульман против сербских жителей⁶⁴. Происходила взаимоуничтожающая этническая война, противником которой выступало движение, руководимое коммунистами.

КПЮ, исходившая из интернационалистских принципов, которые были изначально присущи коммунистическому мировоззрению вообще, а соответственно, ее собственной основополагающей идейно-политической платформе, категорически осуждала преследования, насилия, убийства на национальной почве, любые проявления геноцида. Возглавляемое компартией движение занимало позицию, решительно направленную против всех, кем бы такие действия ни осуществлялись, – оккупантов, усташского режима и других коллаборационистских администраций, любых военных и военно-политических группировок. И какие бы национальности, на основе неких обвинений в коллективной этнической ответственности, ни оказывались жертвами подобных действий.

Данная позиция КПЮ и руководимого ею движения была направлена, помимо прилич, и против четников, их расправ главным образом с мусульманским и хорватским населением. В частности, на это указывалось в упомянутых выше документах I сессии АВНОЮ⁶⁵. В тогдашней четнической пропаганде, а затем в послевоенной сербской эмигрантской исторической публицистике и ныне в значительной части постюгославской сербской историографии такая линия компартии характеризовалась и продолжает ха-

рактизоваться как антисербская. В действительности же, как мы уже отмечали выше, политика КПЮ в рассматриваемый нами период вообще не была обременена какой-либо особой этнической устремленностью. А лежала в совсем иной плоскости. Задача КПЮ заключалась в том, чтобы противостоять межэтническому конфликту, объединить под своим главенством широкие массы разных населявших Югославию этносов и на этой основе путем вооруженной борьбы восстановить независимое югославское государство, но с новой властью и новым государственным устройством. Власть должна была «принадлежать народу», что в представлениях коммунистов означало порядок, соответствующий их доктринальной цели и ими же руководимый. А устройство многонационального государства мыслилось по формуле, нашедшей свое выражение в документах I сессии АВНОЮ: «братское», т.е. равноправное, «содружество Сербии, Черногории, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины и Македонии»⁶⁶. Это было теперь уже более определенное указание на некую федерализацию, с шестью составными частями.

Та же формула будущего национально-государственного устройства – «содружество» упомянутых шести частей – была повторена спустя полгода в решениях, принятых при создании в середине июня 1943 г. Антифашистского вече народного освобождения Хорватии⁶⁷. Получившее известность под его сокращенным названием – ЗАВНОХ, вече провозглашалось (по аналогии с АВНОЮ применительно ко всей Югославии) «высшим политическим органом народно-освободительной борьбы в Хорватии»⁶⁸. Это было первое после образования АВНОЮ создание высшего политического органа в одной из обозначенных шести составных частей проектируемого югославского государства-«содружества»⁶⁹. Причем в документах, принятых при создании ЗАВНОХ, всячески подчеркивался отстаивавшийся народно-освободительным движением принцип равноправия и единства двух основных народов, населявших Хорватию: хорватов и сербов⁷⁰.

Образование ЗАВНОХ являлось также одной из политических мер, призванных действовать усилиям КПЮ по распространению влияния руководимого ею движения на хорватское население, по привлечению хорватских масс в партизанские ряды. Целью было решительно упрочить позиции народно-освободительного движения в Хорватии, численность и возможности партизан, подорвать режим Павелича. Приток хорватов постепенно увеличивался, на партизанскую сторону переходили и некоторые известные общественные фигуры. Но этот процесс шел медленно и трудно, все еще не приобретал массового характера. На большую часть хорватского общества продолжал воздействовать имидж НГХ как национального хорватского государства. Значительная масса людей, особенно среди крестьянства, привыкшая до захвата Югославии и создания НГХ следовать за Мачеком и возглавляемой им верхушкой ХКП, была дезориентирована фактическим исчезновением ХКП как организованной политической силы.

В противоположность деятелям крайнего националистического фланга ХКП, ушедшим, как уже говорилось, к устахам, некоторая часть левоориентированных функционеров и активистов партии примкнула к народно-освободительному движению, фактически следуя за компартией. Основное же руководство запрещенной ХКП, значительная часть которого то арестовывалась властями НГХ, то выпускалась, было фактически бездеятельно. Оно следовало в основном указаниям Мачека, считавшего невозможным сотрудничество ни с устахами, ни с коммунистами. Попытки некоторой активности единичных членов партийной верхушки сводились к негласным контактам внутри узкого круга функционеров, выпуску отдельных подпольных изданий и поддержанию связи с деятелями партии, эмигрировавшими на Запад. Почти вся масса активистов и

сторонников ХКП оставалась в положении пассивного ожидания⁷¹. Коммунистическое руководство считало, что позиция Мачека и его ближайших соратников является важнейшим препятствием на пути привлечения хорватских масс, прежде всего крестьянства, в народно-освободительное движение. И все усиливалось в течение 1942–1943 гг. публичные нападки на Мачека и возглавляемую им «реакционную клику». Это нашло выражение и в решениях первых сессий АВНОЮ и ЗАВНОХ⁷².

В такой ситуации видный деятель ХКП Божидар Маговац, у которого и прежде возникли расхождения с Мачеком и ближайшим к Мачеку кругом, пришел к выводу, что в условиях значительного и все возрастающего развития партизанской борьбы в Хорватии дальнейшее выжидание может привести ХКП к краху. Ибо в момент поражения «оси» в войне, а тем самым и падения НГХ, реальной силой будет обладать лишь компартия, главенствующая в народно-освободительном движении. Маговац считал необходимым, чтобы ХКП присоединилась к народно-освободительному движению, чья публичная программа, на его взгляд, содержала многое, что ХКП выдвигала как свои цели. Он видел задачу в том, чтобы ХКП призвала в ряды движения хорватские крестьянские массы и добилась роли равноправного партнера КПЮ в борьбе против усташского режима, равно как германского и итальянского покровителей Павелича. Это, полагал Маговац, открыло бы возможность создавать послевоенный порядок в Хорватии на основе компромисса между ХКП и КПЮ, который бы предусматривал достаточно левую, но демократическую программу развития, приемлемую для ХКП. Поскольку его доверительные разговоры на эту тему с рядом членов руководства ХКП не давали результата, Маговац на рубеже мая – июня 1943 г. сам перешел на партизанскую территорию, где попытался начать осуществление упомянутых задач.

Коммунистическое руководство, заинтересованное в привлечении хорватского крестьянства, содействовало тому, что во второй половине 1943 г. Маговац стал на партизанской территории издавать газету ХКП и затем основал т.н. «исполком ХКП», который должен был политически олицетворять участие этой партии в народно-освободительном движении. Исполком состоял из активистов и некоторых прежних функционеров ХКП, в разное время тоже перешедших на территорию, находившуюся под партизанским контролем. Но довольно скоро Маговац и небольшое число тех, кто разделял его позицию, стали испытывать растущие трудности. Ибо коммунисты вовсе не собирались соглашаться на более или менее партнерские отношения с ХКП и ее органом, который сформировал и возглавил Маговац. Сотрудничество с ним было для коммунистического руководства народно-освободительным движением лишь тактической игрой в интересах распространения собственного влияния среди хорватских масс и подрыва влияния Мачека. А «исполком ХКП» коммунисты стали превращать в камуфляжное образование за счет установления фактического контроля над ним и включения в его состав тех левых активистов ХКП, которые примкнули к народно-освободительному движению еще раньше и послушно следовали за компартией либо вообще негласно вступили в нее. Перед лицом тех или иных коммунистических требований и ограничений Маговац был вынужден лавировать, нередко приспособляясь либо в той или иной мере отступить, в частности пойдя в итоге на некоторое публичное осуждение позиции Мачека. Но обоюдная заинтересованность друг в друге, которую испытывали как коммунисты, так и Маговац, вела к продолжению их сотрудничества, хотя и все больше отягощавшегося конфликтами. Пока поздней весной – в начале лета 1944 г. не наступил фактический разрыв, означавший окончательный крах всего замысла, которым руководствовался Маговац⁷³ (об этом еще пойдет речь дальше).

Проявившаяся в этом случае позиция коммунистов была типичной для линии КПЮ в отношении сотрудничества с любым политически иным партнером в рамках ли народно-освободительного движения или вне их. Компартия охотно шла на сотрудничество, если была в нем заинтересована, но, как только становилось возможным, стремилась подменить партнерство подчинением себе, а в конечном счете – ликвидацией того, кто вступал с нею в сотрудничество.

Так, в частности, произошло в Словении, которая была единственным югославским регионом, где народно-освободительное движение первоначально возникло не как единое и организованное исключительно компартией, а как коалиция различных политических течений. Эта коалиция сложилась еще в конце апреля 1941 г. по инициативе компартии и первоначально называлась Антиимпериалистическим фронтом словенского народа. Два месяца спустя она стала называться Освободительным фронтом (ОФ). Помимо компартии, коалицию образовали левоориентированные группы, из которых две наиболее крупные продолжали, будучи участниками ОФ, сохранять, как и компартия, собственные организационные структуры. Это были т.н. христианские социалисты и одна из политически активных фракций известного физкультурного движения «Соколы». Хотя некоммунистические участники ОФ признавали ведущую роль компартии, первоначально коммунисты и каждый из их партнеров были представлены в органах Фронта на паритетной основе. А вопросы решались в ОФ путем согласования между коалиционными партнерами. Но со временем компартия стремилась все больше подменить элементы коалиционности своим диктатом. В начале 1943 г. это стало форсироваться, ибо коммунистическое руководство было обеспокоено некоторыми, на его взгляд, проявлениями излишней самостоятельности у двух упомянутых выше групп, особенно у христианских социалистов, пользовавшихся значительным влиянием среди населения, в том числе в некоторых районах партизанского контроля. В историографии отмечалось, что в компартии возникли опасения, как бы при возможной высадке в Словении войск западных союзников эти партнеры по ОФ ни заняли более самостоятельной политической позиции, вплоть до создания собственных партий или политических организаций. В итоге, путем давления и даже едва скрываемых угроз, коммунистическое руководство вынудило ведущих представителей христианских социалистов и группы «Соколов» подписать на рубеже февраля – марта 1943 г. совместное с коммунистами заявление, получившее название Долomitского. В нем содержалось обязательство обеих названных групп не организовывать «самостоятельных партий или политических организаций» и прекратить «особые организационные связи» активистов ОФ, принадлежащих к каждой из групп, что практически означало ликвидацию групп. Они растворялись в единой организационной структуре ОФ. Но собственная организационная структура компартии в Словении сохранялась, и в Долomitском заявлении особо подчеркивалась «авангардная роль» партии. Декларировалось, что ее устремлениям идентичны «национальные, политические и социальные устремления» фактически распускаемых групп⁷⁵.

Однако во внутриюгославском политическом плане важнейшие усилия КПЮ и руководимого ею движения по-прежнему были сосредоточены на борьбе с главным антиокупационным соперником – движением во главе с Михайловичем. И для четников также борьба против «коммунистической опасности» была стержнем их военных и политических усилий. Продолжавшееся, наряду с действиями против оккупантов и проокупационных режимов, вооруженное противостояние между партизанскими и четническими формированиями достигло своего апогея в первой половине 1943 г. Это

было связано с крупными операциями, которые, по согласованию между Гитлером и Муссолини, совместно предприняли одну за другой с января по июнь германские и итальянские войска с целью уничтожения основного ядра партизанских сил во главе с Верховным штабом. Эти многомесячные военные действия больших масштабов, развернувшиеся главным образом в Боснии и Герцеговине, получили известность в основном как битвы на реках Неретве и Сутьеске. В операциях принимали участие воинские контингенты НГХ, а также четники. Гитлер считал необходимым, чтобы целью операций стала ликвидация как партизан, так и четников. Муссолини был вынужден согласиться и с действиями, направленными против четников. Но получил немецкое согласие на то, чтобы сначала, при итальянском содействии, четники были использованы против главного врага – партизан. После ликвидации партизанских сил было намечено провести разоружение четников. Это должны были выполнить германские войска, войдя с данной целью на территории, находившиеся под итальянской оккупацией или в сфере итальянской военной ответственности.

Для участия в операциях против партизан Михайлович стянул из разных регионов, где действовали четники, чрезвычайно крупные четнические силы. Он рассчитывал, что результатом предпринятых действий будет решительный и окончательный разгром основных партизанских войск и уничтожение коммунистического руководства народно-освободительного движения. Однако этой главной партизанской группировке удалось, хотя и с очень большими потерями, вырваться из окружений в долинах рек Неретвы и Сутьески. И более того, партизаны, в основном в ходе битвы на Неретве, нанесли сокрушительный удар по находившимся там крупным четническим силам. В итоге инициатива в военном противостоянии партизан и четников целиком перешла к партизанам. Они, помимо прочего, смогли вернуться в потерянные ими на рубеже весны и лета 1942 г. Черногорию, Герцеговину, Восточную Боснию⁷⁵.

Международный статус королевского эмигрантского правительства, возникновение югославского вопроса в антигитлеровской коалиции. Срочно эвакуировавшись 14–15 апреля 1941 г. воздушным путем из Югославии в Грецию, король Петр II с его двором и югославское правительство с рядом высших чиновников и видных политиков, в основном сербских, прибыли в Афины. Задержавшись в греческой столице на пару дней, они продолжили путь через Египет в находившуюся под британской властью Палестину, где оставались почти до конца первой декады июня. Затем Петр, двор и основная часть правительства во главе с премьер-министром направились в Лондон, ставший местом их постоянного пребывания до сентября 1943 г. А некоторая часть кабинета была в качестве своего рода выездного филиала отправлена в Канаду, откуда вскоре переехала в США. Ее целью была организация поддержки югославскому правительству среди довольно многочисленной экономической эмиграции из югославянских земель, образовавшейся в Северной и Южной Америке со второй половины XIX века и в первые десятилетия XX века. При этом особо стояла задача развернуть там вербовку в вооруженные силы, которые правительство намеревалось сформировать при содействии Лондона и Вашингтона, чтобы вновь включиться в войну с германо-итальянскими агрессорами⁷⁶.

Еще находясь в Палестине, югославское правительство приняло 4 мая 1941 г. декларацию, в которой заявлялось, что, несмотря на «военное поражение», понесенное в «неравной борьбе» с агрессией держав «оси», «наша вера в успех нашей мучительной

и великой борьбы непоколебима». В декларации подчеркивалось, что происходящее с Югославией – часть ведущейся мировой войны, в которой «мы с гордостью находимся вновь на стороне старых союзников и друзей нашего государства, нашей свободы и нашей независимости». В качестве союзников назывались Великобритания и еще не вступившие тогда в войну США. И формулировалась официальная югославская позиция: «мы решительно продолжаем борьбу до [достижения] восстановления территориальной целостности, независимости нашего государства и полной свободы всех сербов, хорватов и словенцев»⁷⁷.

Оказавшиеся в эмиграции король и правительство Югославии, подобно эмигрантским правительственным органам других европейских стран, захваченных в результате гитлеровского нападения, выступали политическим и юридическим символом продолжения существования прежней государственности вопреки утрате ее территории. В этом качестве Петр и правительство признавались и поддерживались составлявшими тогда антигитлеровский лагерь Англией и другими государствами Британского содружества, а также США. Эти государства не признавали раздела Югославии, произведенного оккупантами. Особое покровительство югославскому королю и правительству сразу же стала оказывать британская сторона, в том числе путем не только политико-дипломатической, но и материальной помощи (финансами, вооружением и т.д.)⁷⁸

Иной была первоначально позиция Советского Союза, который в период, непосредственно последовавший за поражением и оккупацией Югославии, все еще пытался наладить отношения альянса с нацистской Германией, дававшие все большую трещину. Стремясь продемонстрировать Берлину готовность к продолжению альянса, Кремль решил прекратить еще имевшиеся у СССР дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами некоторых захваченных гитлеровцами европейских стран, и в частности Югославии. 8 мая 1941 г. первый заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский официально сообщил югославскому посланнику в Москве Милану Гавриловичу, что советское правительство «не видит в настоящее время каких-либо юридических оснований для дальнейшей деятельности в СССР югославской миссии». Формальным аргументом служили ссылки на то, что в Югославии – без упоминания о ее оккупации! – «деятельность советского полпредства прекращается» и что «с момента оставления югославским правительством территории Югославии и переезда в Палестину» связи с ним у правительства СССР больше нет. «Советское правительство поэтому считает, что полномочия югославского посланника в СССР потеряли силу, – ввиду чего с сего дня будет рассматривать югославского посланника и сотрудников югославской миссии как частных лиц»⁷⁹. В результате Гаврилович и персонал миссии покинули Советский Союз.

Позиция Кремля изменилась лишь после того, как 22 июня 1941 г. гитлеровскому нападению подвергся сам СССР: теперь было выражено желание восстановить отношения с находившимся к тому времени в Лондоне югославским правительством. Однако, данное предложение, сделанное Москвой одновременно с ее предложениями находившимся также в Лондоне польскому и чехословацкому эмигрантским правительствам об установлении отношений и с ними, сопровождалось еще одной советской инициативой, встреченной неоднозначно. В своих обращениях к названным трем эмигрантским правительствам советская сторона заверяла, что стоит за восстановление государственной независимости их стран и считает вопрос о послевоенном режиме, который будет в них установлен, их внутренним делом. Но вместе с такими заверениями Москва ставила вопрос о том, чтобы в Советском Союзе были созданы польский, чехословацкий и югос-

лавский «национальные комитеты» и сформированы «национальные части для совместной с СССР борьбы против германского фашизма». Советское правительство заявляло о готовности оказать «помощь в деле вооружения и обмундирования этих национальных частей»⁸⁰.

Сформулированная таким образом советская позиция в своей значительной части, прежде всего в том, что касалось восстановления государственной независимости трех упомянутых стран и отношения к вопросу об их послевоенном устройстве как к внутреннему делу каждой из них, была положительно встречена перечисленными эмигрантскими правительствами. И в том числе югославским. Но предложение о национальных комитетах сразу же вызывало опасение, что подобные комитеты, будучи в СССР, могут оказаться под советским влиянием и превратиться в фактический противовес тем же правительствам. Даже чехословацкий президент Эдуард Бенеш, питавший серьезные иллюзии по поводу советской политики и склонный к более чем тесной связи с СССР, ответил, что если и может в предварительном порядке не отвергать предложенную идею, то лишь при условии подчинения такого чехословацкого комитета посланнику, которого Бенеш назначит в Москву. Польское же и югославское правительства отреагировали негативно: польское – вообще проигнорировав советское предложение о национальном комитете, а югославское – отвергнув его⁸¹.

В документах, которыми пока располагали исследователи, нет данных о том, какие конкретно планы в отношении названных трех стран, в частности в отношении Югославии, связывал Кремль со своим замыслом образования в СССР национальных комитетов. Выступая с предложением о комитетах, советская сторона пыталась изобразить дело так, будто инициатива исходит вовсе не от нее. В инструкции о выдвижении перед югославским и двумя другими эмигрантскими правительствами вопроса относительно комитетов, посланной наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым советскому послу в Лондоне И.М. Майскому 3 июля 1941 г., делалась ссылка на то, что «до нас доходят с разных сторон предложения о том, чтобы было разрешено полякам, чехам и югославам создать в СССР национальные комитеты». И, дескать, отзываясь на эти предложения, советское правительство дает такое разрешение⁸². Что это были за «разные стороны», якобы являвшиеся источником подобных предложений, осталось тайной. Но негативная реакция эмигрантских правительств, в том числе югославского, заставила руководство СССР аннулировать свое обращение к упомянутым правительствам по поводу комитетов и ограничиться согласием на восстановление отношений путем обмена дипломатическими представителями⁸³.

19 июля 1941 г. югославский посланник Гаврилович прибыл в Москву, а посланником СССР при югославском правительстве стал А.Е. Богомолов, являвшийся советским дипломатическим представителем при ряде находившихся в Лондоне эмигрантских правительств европейских стран, захваченных державами «оси»⁸⁴.

Обретя, таким образом, связь не только с Великобританией и США, но и с СССР, югославское правительство стало направлять усилия на то, чтобы занять место в новой антигитлеровской коалиции, начавшей формироваться этими тремя державами после вступления Советского Союза в войну с европейскими государствами «оси». Югославское участие в коалиции, хотя бы политико-символическое, было поддержано упомянутой тройкой великих держав. Эмигрантское правительство Югославии было представлено на межсоюзнической конференции в Лондоне 24 сентября 1941 г., где вместе с правительством СССР и эмигрантскими правительствами оккупированных европейских

стран оно подписало декларацию о присоединении к Атлантической хартии, которую 12 августа 1941 г. совместно приняли президент США Франклин Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль⁸⁵. А затем югославское правительство стало также одним из участников подписания в Вашингтоне 1 января 1942 г. декларации 26 государств, которые объединились в войне против агрессивного Тройственного пакта⁸⁶. Этим документом антигитлеровская коалиция, ведущим ядром которой являлись СССР, Великобритания и США, получила свое оформление. А югославское государство, представленное королем и эмигрантским правительством, выступало в качестве ее члена.

Вместе с тем уже с осени 1941 г. в антигитлеровской коалиции возник т.н. югославский вопрос. Это было связано с начавшейся вооруженной борьбой между народно-освободительным и четническим движениями.

Когда во второй половине сентября 1941 г. Михайлович смог установить радиосвязь с англичанами и югославским правительством в эмиграции, они восприняли его сообщения о формировании им военной организации противостояния оккупантам как чрезвычайно важные. Для эмигрантского правительства это вообще был фактор, резко повышавший его престиж перед державами антигитлеровской коалиции, прежде всего перед западными союзниками, в покровительстве и поддержке которых правительство было очень заинтересовано. Оно сразу же стало стараться развернуть в Англии и США кампанию популяризации Михайловича как героя Сопротивления. И чем дальше, тем энергичнее эту кампанию вело. В данном ряду были и следовавшие одно за другим повышения Михайловича в воинских званиях, а затем и его заочное назначение министром армии, флота и авиации в эмигрантском правительстве.

Тем большим было произведенное впечатление, когда вслед за вооруженным столкновением между партизанами и четниками, разгоревшимся на рубеже октября – ноября, Михайлович, штаб которого на Равной Горе был окружен партизанами, обратился по радиосвязи к эмигрантскому правительству с просьбой о дипломатической помощи. Премьер-министр генерал Душан Симович 13 ноября телеграммой инструктировал югославскую дипломатическую миссию в СССР «повлиять на русское правительство с тем, чтобы оно срочно направило директиву коммунистам в нашей стране сотрудничать с полковником Михайловичем и подчиняться ему в совместной борьбе против завоевателей»⁸⁷. Выполняя поручение, представитель югославской дипмиссии обратился по этому поводу к Вышинскому. Эмигрантское правительство одновременно попросило о помощи правительство Англии, а то дало поручение своему послу в СССР, который тоже обратился к Вышинскому в том же духе. Затем во второй половине ноября и начале декабря 1941 г. последовали новые беседы югославских и британских представителей с советскими официальными лицами⁸⁸. Так в антигитлеровской коалиции возник югославский вопрос.

На упомянутые обращения британского и югославского эмигрантского правительств советская сторона не давала никакого ответа вплоть до начала января 1942 г. А данный, наконец, 5–6 января ответ гласил, что правительство СССР не считает целесообразным «вмешательство с его стороны в партизанские дела Югославии»⁸⁹. Подобным же образом излагалась советская позиция в ответ на повторные обращения по этому поводу в течение последующих месяцев⁹⁰. В такой дипломатической форме Москва фактически отвергала стремление англичан, не говоря уж о югославском правительстве в эмиграции, добиться подчинения партизан Михайловичу.

Новый этап наступил в начале августа 1942 г., когда советской стороной была направлена югославскому эмигрантскому правительству и англичанам памятная записка,

в которой, со ссылкой на полученные сведения, Михайлович и руководимые им четники обвинялись в сотрудничестве с Недичем и итальянцами. Несколько позже та же памятная записка была вручена госдепартаменту США⁹¹. Сведения, приведенные в этой записке, были взяты из сообщений, посылавшихся Тито в Москву Димитрову. Последовавшие затем во второй половине 1942 – начале 1943 г. опровержения со стороны югославского правительства в эмиграции отвергались советской дипломатией как противоречащие сведениям, которыми она располагает⁹².

Между тем, в отличие от югославского эмигрантского правительства, англичане, а также американцы не углублялись в оспаривание обвиняющих Михайловича данных, отстаиваемых Москвой, а в контактах с ней подчеркивали настоятельную необходимость того, чтобы были приняты меры для прекращения борьбы между четниками и партизанами и создания их объединенного фронта против оккупантов. Имелось в виду, что ведущие державы антигитлеровской коалиции, в том числе СССР, должны этому способствовать. В частности, британское предложение, в общем виде выдвинутое перед правительством СССР в августе 1942 г. и затем уточненное в меморандуме от 9 марта 1943 г., заключалось в том, чтобы советская сторона в упомянутом смысле воздействовала на партизан, а британская сторона – на Михайловича. Но советская реакция была уклончивой⁹³. СССР этим демонстрировал, в сущности, нежелание содействовать английскому предложению.

Советская позиция и все более очевидные успехи движения, руководимого КПЮ, постепенно заставляли британское правительство сдвигаться в сторону необходимости попытаться установить собственный контакт с партизанами, о возможности которого говорилось и в уже упоминавшемся меморандуме англичан от 9 марта 1943 г. До этого британская военная миссия была лишь при штабе Михайловича. Весной 1943 г. англичане предприняли первые попытки установления контакта с партизанами путем заброски парашютистов в некоторые районы партизанского контроля. А в мае 1943 г. первые представители ближневосточного командования западных союзников прибыли воздушным путем в штаб Тито.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Различные тенденции освещения и оценки сербских восстаний 1941 г. в НГХ, характерные для югославской и постюгославской историографии и исторической публицистики, отражены, например, в: *Kovačević B., Skoko S. Junski ustanak u Hercegovini 1941 // Istorija radničkog pokreta: Zbornik radova, 1. Beograd, 1965; Lukač D. Ustanak u Bosanskoj Krajini. Beograd, 1967; Petranović B. Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. Beograd, 1992. S. 177–179, 192–196; Николић К. Историја равнорског покрета 1941–1945. Beograd, 1999. Књ. 1. С. 170–175; Он же. Италијанска војска и четници у Другом светском рату у Југославији 1941–1943. Beograd, 2009. С. 23–38, 41–42; Бурић В.Б. Војвода Ђујић. Крагујевац, 2001. С. 22–30; Dizdār Z. Četnički zločini u Bosni i Hercegovini 1941–1945. Zagreb, 2002. S. 93–94 etc.; Marijan D. Lipanjski ustanak u istočnoj Hercegovini 1941. godine // Časopis za suvremenu povijest, 2003. Br. 2.*

2 Конкретика истории этих восстаний отражена в той или иной мере, в частности, в работах, указанных в предыдущем примечании.

3 См.: *Димитријевић Б., Николић К. Генерал Михаиловић – биографија. Beograd, 2004. С. 23–92, 103–104.*

4 Там же. С. 115–133, 135–152; см. также: *Јовановић Ж.* Неостварени ратни циљеви Драже Михаиловића у Србији 1941–1945. Београд, 2001. С. 21–24.

5 *Николић К.* Историја равногорског покрета 1941–1945. Књ. 1. С. 45–46.

6 О плане формирования военно-четнических отрядов, их организации, структуры и перспектив практической активности см.: *Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije* (далее ZDP NOR). Beograd, 1981. Т. XIV. Књ. 1: Dokumenti četničkog pokreta Draže Mihailovića 1941–1942. Dok. br. 2. S. 11–14; Dok. br. 4. S. 19–22; Dok. br. 59. S. 160; Jugoslavenske vlade u izbjeglištvu 1941–1943: Dokumenti / prired. B. Krizman. Zagreb, 1981. Dok. 123. S. 272–276; *Николић К.* Историја равногорског покрета 1941–1945. Књ. 1. С. 67–69.

7 ZDP NOR. Т. XIV. Књ. 1. Dok. br. 2. S. 14; Dok. br. 4. S. 19; Dok. br. 5. S. 24, 25.

8 Ibid. Dok. br. 2. S. 13–14; Dok. br. 4. S. 20.

9 Ibid. Dok. br. 4. S. 21.

10 Различные интерпретации истории взаимоотношений Михайловича и Печанаца см.: *Николић К.* Историја равногорског покрета 1941–1945. Књ. 1. С. 58–59; *Павловић М., Младеновић Б.* Коста Миловановић Пећанац 1879–1944: биографија. Друго издање. Београд, 2006. С. 265–273; *Marjanović J.* Ustanak i narodnooslobodilački pokret u Srbiji 1941. Beograd, 1963. S. 190–192.

11 См., например: *Николић К.* Историја равногорског покрета 1941–1945. Књ. 1. С. 181; Књ. 2. С. 52; *Пајовић Р.* Контрареволуција у Црној Гори: Четнички и федералистички покрет 1941–1945. Цетиње, 1977. С. 131–133.

12 См.: *Tomasevich J.* War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: The Chetniks. Stanford (Cal.), 1975. P. 222.

13 *Николић К.* Историја равногорског покрета 1941–1945. Књ. 1. С. 353, 354–356, и др.

14 Там же. С. 353–354; несколько иную версию того же см.: *Јовановић Ж.* Указ. соч. С. 59–61, 63–64.

15 О подобных предложениях белградского комитета см.: *Jugoslavenske vlade u izbjeglištvu 1941–1943.* Dok. 123. S. 274; планы, разработанные Мольевичем, в том числе изучавшиеся четническим руководством, включая Михайловича, см.: ZDP NOR. Т. XIV. Књ. 1. Dok. Br. 1. S. 1–5, 7; Dok. br. 35. S. 101–103.

16 ZDP NOR. Т. XIV. Књ. 1. Dok. br. 34. S. 94.

17 *Jugoslavenske vlade u izbjeglištvu 1941–1943.* Dok. 123. S. 275.

18 См., в частности, материал, опубликованный в: *Матић М.* Равногорска идеја у штампи и пропаганди четничког покрета у Србији 1941–1944 / приред. М. Весовић, К. Николић. Београд, 1995; *Весовић М., Николић К.* Уједињене српске земље: Равногорски национални програм. Београд, 1996; см. также: *Николић К.* Историја равногорског покрета 1941–1945. Књ. 2. С. 367, 395.

19 Например: *Izvori za istoriju SKJ.* Serija A. Т. II. Dokumenti centralnih organa KPJ: NOR i revolucija (1941–1945) (далее DCO KPJ). Књ. 1 (6. april – 15. septembar 1941). Beograd, 1985. Dok. 1–2. S. 3–12; Prilozi. Dok. 1–4. S. 331–360.

20 Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998 (далее ОРЮ). Примеч. 94. С. 476–477; Коминтерн и вторая мировая война / сост. Н.С. Лебедева, М.М. Наринский. Отв. ред. К.М. Андерсон, А.О. Чубарьян. М., 1998. Ч. II: После 22 июня 1941 г. Док. № 9. С. 106.

21 V конгрес Комунистичке партије Југославије. 21–28 јула 1948: Стенографске белешке. Београд, 1948. С. 144, 154–155.

22 *Мораћа Р.* Jugoslavija 1941. Beograd, 1971. S. 147.

23 При коммунистической власти послевоенная югославская историография и историческая публицистика уделяли много внимания освещению упомянутых усилий КПЮ ле-

том – осенью 1941 г. по организации и развертыванию борьбы. На эту тему было издано много работ, содержащих богатую фактологию, но нередко изображавших одностороннюю, во многом апологетическую картину. Одним из наиболее значительных обобщений тогдашней югославской историографии по этой тематике является упомянутая выше книга: *Morača P. Jugoslavija 1941.*

24 Различные изображения восстания в Черногории и последовавших за ним событий см. в: *Јовановић Б.* Црна Гора у Народноослободилачком рату и Социјалистичкој револуцији, I. Београд, 1960; *Николић К.* Историја равногорског покрета 1941–1945. Књ. 2. С. 49–70; *Он же.* Италијанска војска и четници... С. 163–207 и др.

25 См., например: DCO KPJ. Књ. 1. Док. 26. С. 110 (воззвание ЦК КПЮ от 25 июля 1941 г.); Док. 51. С. 199 (упомянутая статья Тито).

26 *Anić N., Joksimović S., Gutić M.* Narodnooslobodilačka vojska Jugoslavije: Pregled razvoja oгуžanih snaga Narodnooslobodilačkog pokreta 1941–1945. Beograd, 1982. С. 57, 66, 107–108.

27 Этому процессу как возникновению новой власти, руководимой компартией, в югославской историографии было посвящено множество работ, выдержанных в большинстве случаев в апологетическом духе. Среди наиболее заметных укажем на книгу: *Živković D.* Postanak i razvitak narodne vlasti u Jugoslaviji 1941–1942. Beograd, 1969.

28 DCO KPJ. Књ. 2 (16. septembar – 31. decembar 1941). Beograd, 1985. Док. 22. С. 73–75.

29 *Đilas M.* Revolucionarni rat. Beograd, 1990. С. 120–121.

30 DCO KPJ. Књ. 1. Док. 14. С. 43.

31 См., в частности, воззвания ЦК КПЮ к народам Югославии 12 и 25 июля 1941 г. и упомянутую выше статью Тито «Задача народно-освободительных партизанских отрядов». DCO KPJ. Књ. 1. Док. 18, 26, 51.

32 Там же.

33 DCO KPJ. Књ. 1. Док. 33. С. 112.

34 DCO KPJ. Књ. 1. Док. 14. С. 43–44.

35 *Anić N., Joksimović S., Gutić M.* Op. cit. С. 66.

36 В 1943 г. также создавались действовавшие некоторое время главные штабы Воеводины и Косова и Метохии.

37 Различные, во многом противоположные друг другу изображения восстания 1941 г. в Сербии, политики и действий четников и партизан в ходе него, отношений между обоими движениями и начале их конфликта, характерные, с одной стороны, для югославской историографии при коммунистической власти, а с другой стороны – для постюгославской сербской историографии, в большой мере окрашенной «сербско-национальной» направленностью, см., например, в: *Marjanović J.* Op. cit. С. 100–375, 387–388; *Николић К.* Историја равногорског покрета 1941–1945. Књ. 1. С. 95–147; Књ. 2. С. 7–17, 22–42. Наряду с этими двумя полюсами, в постюгославской сербской историографии имеют место и некоторые работы, рисующие картину, в той или иной мере содержащую в различной пропорции элементы обоих подходов, в ряде случаев – с частичным перевесом в ту либо другую сторону. До известной степени одним из примеров являются труды Бранко Петрановича: *Petranović B.* Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. С. 179–186, 196–199, 228–244, 263–270; *Петрановић Б.* Стратегија Драже Михаиловића 1941–1945. Београд, 2000. С. 93–108. Из исследований, выходивших на Западе, см.: *Tomasevich J.* Op. cit. P. 134–142, 145–155; *Karchmar L.* Draža Mihailović and Rise of the Četnik Movement, 1941–1942. New York; London, 1987. Vol. 1. P. 177–271.

38 Отчасти сходные, но во многом противоречащие одна другой историографические версии, рисующие немецкое наступление, поражение партизан и четников и их положение вследствие этих событий, см.: *Marjanović J.* Op. cit. С. 375–403; *Đilas M.* Op. cit. С. 128–138 и др.;

Николић К. Историја равногорског покрета 1941–1945. Књ. 1. С. 148–162, 207–215; *Karchmar L.* Op. cit. Vol. 1. P. 272–279.

39 DCO KPJ. Knj. 2. Dok. 62. S. 206–209; Dok. 72. S. 245–246; Dok. 81. S. 293–294; Knj. 3 (1. januar – kraj februara 1942). Beograd, 1986. Dok. 1. S. 20–23; Dok. 2. S. 33–34, 37–38; Dok. 4. S. 49; Dok. 12. S. 131–134; Dok. 14. S. 141–144. О принятии этих решений руководством КПЮ см.: *Đilas M.* Op. cit. S. 144–145. Подозрения Тито и его окружения о направленности британской политики против народно-освободительного движения и о стимулирующей роли английского представителя в выступлении четников против партизан отражены в радиограмме Тито в Москву, генеральному секретарю ИККИ Георгию Димитрову в середине января 1942 г. – см.: Коминтерн и вторая мировая война. Ч. II. Док. № 49. С. 182–183.

40 Pokrajinsko savetovanje KPJ za Bosnu i Hercegovinu (Ivančići, 7. i 8. januara 1942. godine). Sarajevo, 1983; см. также: *Hurem R.* Kriza narodnooslobodilačkog pokreta u Bosni i Hercegovini krajem 1941. i početkom 1942. godine. Sarajevo, 1972. S. 92–100.

41 DCO KPJ. Knj. 2. Dok. 70. S. 235–236.

42 *Anić N., Joksimović S., Gutić M.* Op. cit. S. 121–124.

43 DCO KPJ. Knj. 3. Dok. 30. S. 211–212.

44 В течение января – марта 1942 г., почти исключительно на территории Восточной Боснии, был сформирован ряд добровольческих частей. Однако затем, в период до конца мая 1942 г., под влиянием обострившейся борьбы между партизанами и четниками добровольческие части практически распались и перестали существовать. См.: *Anić N., Joksimović S., Gutić M.* Op. cit. S. 127–128; *Đilas M.* Revolucionarni rat. S. 165–166.

45 Различные описания «левого уклона» в югославской и постюгославской историографии см.: *Vujović Ђ.* О лијевим грешкама КПЈ у Црној Гори у првој години народноослободилачког рата // Историјски записи (Титоград). Књ. XXVI (1967). Бр. 1; *Hurem R.* Kriza narodnooslobodilačkog pokreta u Bosni i Hercegovini krajem 1941. i početkom 1942. godine. S. 144–164; *Petranović Б.* О левим скретањима КПЈ крајем 1941 и у првој половини 1942 године // Матица Српска: Зборник за историју. Св. 4. Нови Сад, 1971; *Petranović B.* Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. S. 297–309; *Николић К.* Историја равногорског покрета 1941–1945. Књ. 2. С. 54–70, и др.

46 См., например: ZDP NOR. Т. XIV. Knj. 1. Dok. Br. 38. S. 111–113; Dok. Br. 48. S. 131–132; Dok. Br. 56. S. 151–153; Dok. Br. 69. S. 191, 193, 194; DCO KPJ. Knj. 3. Dok. 4. S. 49; Dok. 35. S. 233; Dok. 43. S. 263–264; Dok. 45. S. 272; *Tomasevich J.* Op. cit. P. 206–209; *Николић К.* Историја равногорског покрета 1941–1945. Књ. 2. С. 89 и след.

47 Среди первых соглашений, заключавшихся, помимо прочего, в Боснии и Герцеговине, см., например: ZDP NOR. Т. XIV. Knj. 1. Dok. Br. 19. S. 58; Dok. Br. 31. S. 87; Dok. Br. 37. S. 110; Dok. Br. 53. S. 145–146; Dok. Br. 55. S. 149–150; Dok. Br. 57. S. 154–155, etc. Из работ современной, с одной стороны – сербской, а с другой – хорватской историографии, в которых так или иначе рассматривается эта тема, укажем, в частности: *Николић К.* Историја равногорског покрета 1941–1945. Књ. 1. С. 185–196; *Он же.* Италијанска војска и четници... С. 45–90, 240–242, 244, 246–247 и др.; *Kisić Kolanović N.* NDH i Italija: Političke veze i diplomatski odnosi. Zagreb, 2001. S. 256–257, 260–274 etc. Если для первых двух работ, автор которых сербский историк, особенно для второй из них, характерен упор на значение такой итальянской политики и итало-четнического сотрудничества для сохранения сербского населения от усташской угрозы, то в третьей работе, которую написала хорватский историк, акцент сделан на разрушительной роли, которую те же политика и сотрудничество имели для НГХ.

48 Историю формирования четнического движения в Черногории, образования «национальных сил» и складывания их сотрудничества с итальянскими оккупационными властями в интерпретации, характерной для югославской историографии, см.: *Пајовић Р.* Указ. соч. С. 127–205 и др.; изображение этих событий в контексте гражданской войны, характерное для значительной части постюгославской историографии, в частности сербской, см., например: *Николић К.* Историја равногорског покрета 1941–1945. Књ. 2. С. 52–71 и др. (расширенная версия того же: *Николић К.* Италијанска војска и четници... С. 171–221 и др.).

Объединение между черногорскими сепаратистами и четниками, достигнутое в рамках «национальных сил», было, однако, весьма зыбким. Оно сочеталось с продолжавшимися между ними соперничеством и конфликтами, которые периодически угрожали разрушением этой коалиции. Тем не менее, она в определенной мере сохранялась, в том числе ввиду заинтересованности в этом, проявлявшейся со стороны итальянских оккупационных властей. См., в частности: *Пајовић Р.* Указ. соч. С. 256–261, 291, 307–310, и др.

49 *Пајовић Р.* Указ. соч. С. 242–246, 250; *Николић К.* Италијанска војска и четници... С. 219.

50 В историографии эти явления рассматривались в той или иной мере в ряде работ, касавшихся «левого уклона», в том числе указанных в примеч. 45.

51 *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988: Tematska zbirka dokumenata / Drugo izmenjeno i dopunjeno izdanje. Beograd, 1988. S. 555; ОЮ. С. 498. Примеч. 265.

52 ОЮ. № 126. С. 98–99.

53 Коминтерн и вторая мировая война. Ч. II. Док. № 63. С. 205–206.

54 DCO KPJ. Knj. 5 (maj–jun 1942). Beograd, 1986. Dok. 133. S. 465–466. Членам руководства КПЮ Миловану Джиласу и Ивану Милутиновичу, которые в период «левого уклона» фактически руководили некоторое время деятельностью партии в Черногории, были, скорее для порядка, вынесены выговоры за то, что они «не смогли обеспечить проведение правильной политической линии партии» (*Ibid.*, S. 465).

55 В числе прочего, согласно новой тактике, следующие создававшиеся бригады того же типа, что и пролетарские, стали называться, по совету из Москвы, не пролетарскими, а ударными.

56 DCO KPJ. Knj. 5. Dok. 133. S. 466.

57 Югославская историография, в той или иной мере фиксируя это обстоятельство, в целом не была склонна делать особо сильный упор на него, в то время как в постюгославской историографии, в частности сербской, подобный этнический момент выдвигается многими авторами на первый план.

58 См., например: *Đilas M.* Revolucionarni rat. S. 329; *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999. S. 141, 149.

59 ОЮ. № 186. С. 149.

60 Там же. № 190. С. 154.

61 Там же. № 192. С. 156.

62 Temelji nove Jugoslavije / Istražio, dao objašnjenja i pripremio za štampu S. Nešović. Beograd, 1973. S. 20; *Đilas M.* Revolucionarni rat. S. 227.

63 Документы сессии см.: Temelji nove Jugoslavije. S. 6–12, 14–18.

64 Различное, в том числе противоположное изображение четнических действий см., например: *Николић К.* Историја равногорског покрета 1941–1945. Књ. 1. С. 216–236, и др.; Књ. 2. С. 168–203; *Jelić-Butić F.* Četnici u Hrvatskoj 1941–1945. Zagreb, 1986; *Dizdar Z.* Op. cit.; *Dizdar Z., Sobolevski M.* Prešućivani četnički zločini u Hrvatskoj i u Bosni i Hercegovini 1941–1945. Zagreb, 1999.

65 См., например: Temelji nove Jugoslavije. S. 16–17.

66 *Ibid.* S. 17.

67 *Nešović S., Petranović B. AVNOJ i revolucija: Tematska zbirka dokumenata 1941–1945.* Beograd, 1983. S. 406.

68 Ibid. S. 405.

69 До этого коммунистическое руководство народно-освободительного движения уже предпринимало попытки создания такого рода центральных органов основных регионов (так называемых «земель») – Сербии осенью 1941 г. и Черногории в начале 1942 г. Но ввиду последующего вытеснения партизанских сил оттуда упомянутые органы тогда не получили там развития.

70 См.: *Nešović S., Petranović B. AVNOJ i revolucija.* S. 402–406.

71 Положение, сложившееся тогда в ХКП, в различной мере рассматривалось, например, в: *Jelić-Butić F. Hrvatska seljačka stranka.* Zagreb, 1983. S. 72–73, 84–107, 115–125 etc.; *Radelić Z. Hrvatska seljačka stranka 1941–1950.* Zagreb, 1996. S. 21–26.

72 *Temelji nove Jugoslavije.* S. 9, 16; *Nešović S., Petranović B. AVNOJ i revolucija.* S. 405.

73 Подробнее см.: *Radelić Z. Božidar Magovac: S Radićem između Mačeka i Hebranga.* Zagreb, 1999. S. 78–177.

74 Доломитское заявление см.: *Mikuž M. Pregled zgodovine narodnoosvobodilne borbe v Sloveniji.* Ljubljana, 1961. Knj. II. S. 244–249. Различные интерпретации причин и сущности соглашения в югославской и постюгославской историографии см., например: Ibid. S. 228–244; *Koštunica V., Čavoški K. Stranački pluralizam ili monizam: Društveni pokreti i politički sistem u Jugoslaviji 1944–1949.* Tribuna (Ljubljana), posebna izdaja, 27 novembra 1887. S. 11–12, 13–14; *Čepič Z. et al. Ključne značilnosti slovenske politike v letih 1929–1955: Znanstveno poročilo.* Ljubljana (Inštitut za novejšo zgodovino), september 1995. S. 62–63.

75 Различное изображение этих событий см., в частности: *Стругар В. Югославия в огне войны 1941–1945 гг.* / авторизов. перевод с сербскохорватского. М., 1985. С. 121–156; *Николић К. Историја равногорског покрета 1941–1945.* Књ. 2. С. 104–141. Дополнительный урон четническим силам в некоторых районах, в частности в Черногории и Санджаке, нанесла немецкая операция в мае 1943 г. по разоружению находившихся там четнических сил и интернирование ряда их командиров, в том числе Павле Джуришича.

76 О первых месяцах пребывания правительства в эмиграции и его размещении см., например: *Đuretić V. Vlada na bespuću: Internacionalizacija jugoslovenskih protivvrječnosti na političkoj pozornici drugog svjetskog rata.* Beograd, 1982. S. 16–25.

77 *Jugoslavenske vlade u izbjeglištvu 1941–1943: Dokumenti.* Dok. 15. S. 117–118.

78 *Đuretić V. Vlada na bespuću.* S. 16–30, 35–36, 38–43, etc.

79 ОПОЮ. № 34. С. 37–38; см. также: № 35. С. 38.

80 Там же. № 45. С. 47.

81 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1981. Т. 4. Кн. 1: Март 1939 г. – декабрь 1943 г. С. 117–118, 124–125; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. VII: 1939–1943 гг. С. 203.

82 ОПОЮ. № 45. С. 47.

83 Там же. № 48. С. 48.

84 Там же. № 52. С. 52; *Krizman B. Uvod // Jugoslavenske vlade u izbjeglištvu 1941–1943: Dokumenti.* S. 20–21.

85 *Nešović S., Petranović B. Jugoslavija i Ujedinjeni narodi 1941–1945.* Beograd, 1985. S. 103–104.

86 Ibid. S. 110.

87 ОПОЮ. № 91. С. 80.

88 Там же. № 92–94. С. 80–82.

89 Там же. № 108–109. С. 90.

90 Там же. № 139. С. 108–109; № 143. С. 113.

91 Там же. № 164–166. С. 129–131; № 171. С. 136; № 177. С. 139–140.

92 Там же. № 168–169. С. 132–134; № 187. С. 149–152; № 189. С. 153–154; № 205–207. С. 168–171.

93 Там же. № 171. С. 136–137; № 177. С. 140; № 217. С. 176–177; № 220. С. 181–182; № 224. С. 185.

ГЛАВА 5

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОЙ ЮГОСЛАВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Военно-политическая ситуация на территории Югославии после капитуляции Италии и положение противоборствующих антиоккупационных движений. Рубеж лета – осени 1943 г. ознаменовался началом развала «оси»: из нее выпал главный европейский партнер нацистской Германии – итальянский фашистский режим. Успешный десант войск западных союзников 10 июля 1943 г. на Сицилии, целиком занятой ими к 17 августа, и придвинувшаяся вплотную перспектива перенесения их действий непосредственно на материковую часть Италии создали обстановку, при которой 25 июля Муссолини был отстранен от власти в результате верхушечного переворота. А 3 сентября, параллельно с развернувшейся высадкой британских и американских сил на юге самого Апеннинского полуострова, новое, пришедшее на смену режиму Муссолини итальянское правительство, возглавленное маршалом Пьетро Бадольо, подписало с командованием западных союзников соглашение о перемирии, фактически предусматривавшее капитуляцию Италии. Подписание произошло тайно, а объявлено о нем было 8 сентября. Условиями соглашения, в числе прочего, предписывалось, чтобы все итальянские вооруженные силы, находившиеся за пределами Италии, немедленно прекратили участие в войне и были отведены на родину¹. Это непосредственно касалось и той весьма большой части разделенного «югославского пространства», которая подверглась аннексии или прямой оккупации итальянскими захватчиками либо попала в упоминавшиеся выше две зоны их так называемой военной ответственности на территории НГХ (см. главу 3 части III).

Капитуляция Италии имела важнейшее значение для военной и политической ситуации во всех обширных югославских областях, где к тому времени находились итальянские войска. В качестве главных встали прежде всего вопросы о том, кто установит там контроль и кому достанутся вооружение итальянцев, их большие запасы военных материалов и продовольствия. На это претендовали четыре основные военно-политические силы: германские оккупанты; режим Павелича, ориентированный на гитлеровцев, но имевший свои специфические цели; и оба противоборствовавших антиоккупационных движения – четническое под главенством Михайловича (Югославская армия на родине) и партизанское под руководством КПЮ во главе с Тито (Народно-освободительная армия Югославии). Как только стало известно о капитуляции Италии, все эти четыре силы устремились к достижению желаемых целей.

Германские оккупанты, заинтересованные в том, чтобы как можно скорее заменить пришедший к концу контроль итальянских захватчиков своим собственным, начали готовиться к этому еще загодя, вслед за первым тревожным звонком – отстранением Муссолини от власти. Для предстоявшей операции немецкое командование приступило к концентрации значительных контингентов вермахта, перебрасывавшихся из других

мест. И как только 8 сентября было объявлено о капитуляции его бывшей союзницы, гитлеровский рейх, наряду с быстрым занятием своими войсками большей части самой Италии и образованием фронта против продвигавшихся там британских и американских сил, стал срочно вводить подготовленные воинские соединения в находившиеся до того под итальянским управлением или военным контролем югославские области, равно как в Албанию и итальянскую оккупационную зону в Греции. В югославских областях, о которых идет речь, германское командование торопилось с помощью силы или угрозы ее применения разоружать итальянские дивизии и тем самым не допускать ни захвата у них оружия партизанами либо четниками, ни эвакуации итальянцев вооруженными на родину и какой-либо возможности их использования там западными союзниками против Германии. Перед лицом немецких действий различные итальянские соединения и отдельные части, которых капитуляция Италии застала на захваченном «югославском пространстве», вели себя неодинаково в зависимости от преобладавших в том либо ином месте настроений личного состава, позиции командиров и конкретной окружающей обстановки, складывавшейся для итальянцев. В одних случаях итальянские войска подчинялись германским требованиям о разоружении и даже сдаче немцам в плен. В других – пытались оказать противодействие и с оружием эвакуироваться на родину. Наконец, там, где оперировали партизаны либо четники, итальянцы нередко предпочитали положить оружие перед боевыми формированиями какого-то из этих движений, а то и присоединиться к нему, причем подчас переходили на сторону то одного из них, то другого. В свою очередь, немецкие операции сопровождались ударами как по партизанам, так и по четникам с целью воспрепятствовать тому, чтобы одни или другие установили где-либо собственный контроль взамен рухнувшего итальянского и могли захватить итальянское оружие и припасы².

В операциях, предпринятых гитлеровцами, частично принимали участие и вооруженные силы усташского режима³. Это происходило как на той территории НГХ, которая до капитуляции Италии находилась в обеих зонах итальянской «военной ответственности», так и в тех районах Хорватии, которые в 1941 г. подверглись прямой итальянской аннексии. Вслед за известием о капитуляции «фальшивого союзника», как усташский верх тут же стал называть Италию, Павелич, срочно заручившись германским согласием, уже 9 сентября 1943 г. публично объявил аннулированными римские договоры, подписанные 18 мая 1941 г. им же и Муссолини. Далмацию и некоторые другие части Хорватии, аннексия которых итальянским фашистским режимом была оформлена заключением этих договоров, «поглавник» провозгласил воссоединенными с родиной в лице НГХ. Аннулированием упомянутых договоров упразднялась и предусмотренная ими так называемая «вторая зона», чья территория, формально продолжая числиться за НГХ, напомним, фактически изымалась на некоторое время Римом из-под власти Загреба и ставилась под итальянское управление. Теперь Павелич декларировал восстановление там целиком всех властных прерогатив возглавляемого им режима⁴.

Но цель усташского руководства не ограничивалась полным включением в государственную систему НГХ тех территорий Хорватии, которые одним или другим способом были отторгнуты режимом Муссолини в 1941 г. Кроме этого Павелич стремился воспользоваться возникшей ситуацией и для присоединения к НГХ некоторых этнически или исторически хорватских земель, оказавшихся у Италии еще вслед за Первой мировой войной. Речь шла о значительной части Истрии с Риекой и с некоторыми из Кварнерских островов и о Задаре с окружающим районом⁵. Итальянское владение ими,

как и в целом полуостровом Истрия, было оформлено заключенными между Италией и Югославией Рапалльским договором 1920 г. и соглашением о Риеке 1924 г.⁶ Публичные заявления «поглавника» и его сподвижников о том, что НГХ при поддержке Гитлера получает прежде от родины «отделенные хорватские земли на Адриатике», сопровождались назначениями руководителей администрации усташского режима, предназначенной для установления на территориях, попавших под итальянское управление не только в 1941 г., но и в первой половине 1920-х годов⁷. Наконец, правительство в Загребе хотело распространить свою власть еще и на Черногорское Приморье – Котор с районом Боки, тоже аннексированные Италией в 1941 г.⁸ Вооруженным силам НГХ была поставлена задача: вместе с германскими войсками занять все перечисленные, как они при этом именовались, «освобождаемые края».

Однако устремления Павелича и его окружения лишь частично совпали с намерениями Гитлера. Нацистский фюрер дал санкцию на включение в НГХ тех областей Хорватии, которые были аннексированы Италией в 1941 г. Тем более не возражал он против восстановления власти Загреба в бывшей итальянской «второй зоне». Во все – или почти во все – эти области и вошли вместе с немцами вооруженные формирования НГХ. Но попытки усташского режима установить свою власть также на упомянутых выше землях, присоединенных к Италии в первой половине 1920-х годов, потерпели неудачу: Гитлер после некоторых колебаний принял в итоге отрицательное решение. Соединения вермахта, занявшие указанные земли, не пустили туда силы Павелича, а установили там собственный контроль⁹. То же самое германские войска сделали и в отношении Боки с Котором, а заодно в отношении участка адриатического побережья Хорватии, расположенного между Далмацией и Бокой¹⁰.

При занятии немецкими вооруженными силами как самой Албании, так и югославских территорий, присоединенных итальянскими захватчиками к ее марионеточному режиму (напомним, это были подавляющая часть Косово и Метохии, западные районы Вардарской Македонии и некоторые местности на востоке Черногории), «третий рейх» сохранил установленный итальянцами статус названных территорий: они остались переданными под власть албанского режима. Однако этот режим считали в Берлине нужным реорганизовать в своих интересах, что стали осуществлять уже в сентябре – октябре 1943 г. Была отменена введенная при итальянской оккупации Албании в 1939 г. «личная уния», делавшая короля Италии одновременно и албанским королем. Взамен активных итальянских ставленников, к власти привели албанских деятелей, проявлявших готовность ориентироваться на Германию и провозгласивших под эгидой гитлеровцев «независимость» Албании. Но установленная в этой стране при итальянцах система квислинговской власти и управления, распространявшаяся и на упомянутые выше присоединенные территории, которые до 1941 г. были в составе Югославии, осталась фактически без существенных изменений. В отличие от положения в значительной части самой Албании, где развернулось сильное вооруженное Соппротивление как оккупантам – сначала итальянским, а затем немецким, – так и марионеточному квислинговскому режиму, в присоединенных районах, особенно в Косове и Метохии, подавляющее большинство албанского населения по-прежнему видело в этом режиме свою национальную государственность и, соответственно, продолжало поддерживать его. В историографии отмечалось довольно активное участие тамошних албанцев в квислинговских вооруженных формированиях и даже в некоторых германских воинских соединениях, которые стали набираться из местных албанских жителей¹¹.

В Люблянской провинции, которая была аннексирована Италией, и в Черногории с присоединенным к ней Санджаком, которые находились в итальянской оккупационной зоне, ввод контингентов вермахта и происходившая замена власти итальянских захватчиков властью немецких сопровождались политическими маневрами гитлеровцев при установлении своей системы управления. В этих регионах германские оккупанты, подобно итальянским предшественникам, а нередко и в еще меньшей степени, располагали силами, которых хватало на то, чтобы занять преимущественно лишь более значительные населенные пункты и отдельные, особенно важные участки – чаще даже только точки – на основных коммуникациях. Данное обстоятельство, тем более в обстановке усиления активности как партизан, так и четников, толкало к тому, чтобы в обоих названных регионах нацистская политика оказалась нацеленной на максимально возможное привлечение к сотрудничеству тех местных кругов, которые были бы готовы помогать поддержанию порядка, устанавливавшегося германским командованием, противодействовать антиоккупационным движениям, особенно народно-освободительному, руководимому компартией. Это совпадало со встречным стремлением и даже инициативами самих подобных кругов, надеявшихся, со своей стороны, что такое сотрудничество откроет перспективу приобретения определенной национальной автономии, а возможно, и государственности под немецким покровительством и вместе с тем позволит покончить с партизанско-коммунистической угрозой. В итоге, в отличие от курса, проводившегося «третьим рейхом» в аннексированной им северной части Словении, немецкие военно-оккупационные власти пошли в Люблянской провинции и в Черногории по пути создания подконтрольных себе местных национальных администраций, во многом подобных правительству Недича в Сербии и призванных выполнять аналогичные функции.

В конце сентября 1943 г. это произошло в Люблянской провинции, где гитлеровцы учредили пост ее главы и на него назначили уже упоминавшегося бывшего югославского генерала Леона Рупника, который до того времени продолжал быть градоначальником Любляны, поставленным еще итальянцами. Он стал руководить провинциальной управой, укомплектованной словенскими функционерами. Но при этом генералу определили двух германских советников: по административным и по политическим вопросам. А чуть позже, в начале ноября, в Черногории была под эгидой немецких оккупационных властей сформирована так называемая Народная управа, составленная в основном из бывших четнических деятелей, разошедшихся с местным руководством четников, и из черногорских сепаратистов. Председателем Народной управы сделали видного югославского чиновника довоенного времени Любо Вуксановича. В каждом из обоих вышеназванных регионов этим новым органам подчинялся уже существовавший там или вновь создававшийся локальный аппарат гражданского управления, в одном случае словенский, в другом – черногорский.

Параллельно с установлением указанных национальных администраций организовывались и соответствующие национальные военно-полицейские формирования, подконтрольные оккупантам. Задачами этих формирований были охрана порядка и в первую очередь борьба с антиоккупационными движениями, на практике – с партизанами и пропартизанским подпольем. В Люблянской провинции, кроме словенской полиции, которая находилась в ведении администрации Рупника и одновременно в фактическом подчинении германским службам безопасности, было образовано так называемое Словенское домобранство. Оно создавалось в качестве единого воинско-

го соединения, насчитывавшего в конце 1943 г. до 3000 человек. Как и «белая гвардия» при итальянцах, о которой уже шла речь в предыдущих главах, домобранство находилось под непосредственным командованием бывших югославских офицеров, в подавляющем большинстве словенцев, возвращенных из плена, но было подчинено германским военным властям, которые его вооружали и оснащали. Его первоначальную основу преимущественно и составили реорганизованные силы «белой гвардии», перед тем понесшей очень значительный урон от партизан (об этом еще будет речь впереди). Затем Словенское домобранство пополнялось главным образом на добровольной основе, но вместе с тем немецкие оккупанты ввели в Люблянскую провинцию воинскую обязанность для мужчин призывного возраста, а призывник мог выбирать между службой в германских вооруженных силах или трудовых организациях и зачислением в домобранские части. В Черногории создавались, вначале тоже из добровольцев, «народная милиция» и жандармерия с командным составом из бывших офицеров. Но затем как для бывших офицеров, так и для мужского населения призывного возраста стала вводиться обязательная служба. Вооружение и оснащение этих формирований осуществляли оккупационные власти. У «народной милиции», численностью до полутора тысяч, не было своего единого командования, а в отдельных боевых акциях ее части действовали в подчинении у германских частей. Жандармерия, куда удалось набрать неполных 3000 человек, имела собственное общее командование, но оно практически подчинялось немецким военно-оккупационным властям. В ведении последних реально находилась и милиция, хотя формально над нею административно стояла Народная управа¹².

Между тем все эти военные и политико-административные действия «третьего рейха», частично с участием усташского режима, происходили в условиях, когда на территориях, где до того распоряжались итальянцы, резко возросла активность как партизан, так и четников. Там оба антиоккупационных движения спешили воспользоваться капитуляцией Италии для захвата итальянского вооружения и других припасов и вместе с тем для установления либо расширения зон своего контроля. А вводившиеся германские войска, как уже говорилось, стремились этому помешать, нанося удары и по партизанам, и по четникам. Со своей стороны, каждая из антиоккупационных сил в одних случаях вступала в борьбу с гитлеровским вермахтом, в других предпочитала уклониться от столкновения с ним. Хотя немцы обладали наибольшими военными возможностями, а потому смогли разоружить преобладающую часть итальянских войск, тем не менее военным формированиям как Тито, так и Михайловича тоже удавалось разоружать немалое число итальянских частей и соединений, а в ряде случаев привлекать некоторые из них на свою сторону. Но предпринимая подобные действия, и партизаны, и четники, если они оперировали в одних и тех же районах, одновременно продолжали по-прежнему вести ожесточенные бои между собой, захватывали друг у друга те или иные местности, населенные пункты. Устанавливая свой временный контроль в каком-то месте, каждое из антиоккупационных движений требовало от находившихся там итальянских частей капитуляции именно перед ним и передачи исключительно ему вооружения, боеприпасов, других военных и прочих запасов, имевшихся в распоряжении данных частей¹³.

В историографии – обширной югославской, опубликованной при коммунистическом правлении, и постюгославской – весьма неодинаково освещались роль и эффективность того и другого из названных движений в разоружении итальянских войск. В югос-

лавской исторической литературе, где силы Михайловича рисовались в основном либо даже исключительно как коллаборационистские, об их стремлении к разоружению итальянцев по большей части вообще умалчивалось. А если упоминалось, то, как правило, вскользь: в лучшем случае предельно скупое и лишь в самой общей форме отмечались практические действия, предпринимавшиеся в этой цели четниками, но чаще о самих этих действиях даже не говорилось. Речь велась только о подобных действиях партизан¹⁴. Для постюгославской историографии в одних случаях характерно в той или иной мере повторение подобного подхода, в других, наоборот, подчеркивание четнических усилий, направленных на разоружение итальянцев. Однако, указывая на такого рода усилия, некоторые современные сербские историки вместе с тем отмечают, что в разоружении итальянских войск партизаны были гораздо успешнее четников. Причину намного большей удачливости партизан эти историки усматривают в совершенно разных целях, к которым, по их мнению, стремились в связи с капитуляцией Италии движение, возглавлявшееся Михайловичем, и движение под руководством Тито. Первое строило всю свою стратегию на ожидании высадки западных союзников на югославском адриатическом побережье и восприняло произошедшую высадку в Италии и капитуляцию последней как прелюдию к подобной же операции в Югославии. А потому его главной целью было установление контроля над районами, прилегавшими к побережью, и частично на самом побережье, чтобы при десантировании там англо-американских войск объединиться с ними, получив, таким образом, возможность успешно приступить к изгнанию оккупантов и одновременно к ликвидации опасности со стороны коммунистического соперника. Между тем, пока четники были заняты в требовавших значительно времени и усилий операциях, направленных на занятие определенных территорий в направлении побережья, партизанское командование, отнюдь не заинтересованное в поддержке возможной западной высадки, предпочло, по мнению упомянутых сербских историков, куда более прагматичную и быстрее осуществимую акцию, сосредоточившись на разоружении итальянских войск. И за счет этого получило ощутимое преимущество перед силами Михайловича в вооружении и оснащении боеприпасами, что позволило затем партизанам успешно вытеснить четников из занятых теми районов¹⁵.

Было ли народно-освободительное движение более удачливым в разоружении итальянцев именно по вышеназванной причине или же по какой-то еще, в любом случае, для исторической реальности, последовавшей за капитуляцией Италии, ключевым являлся сам факт того преимущества в усилении своего арсенала, которое тогда оказалось у партизан¹⁶. Это чрезвычайно важное обстоятельство сочеталось с другим, не менее важным: новым значительным людским притоком в партизанские ряды. Он был тоже во многом вызван капитуляцией Италии, которая воспринималась большой частью населения, особенно в регионах, находившихся до того в итальянской сфере управления или контроля, как свидетельство начавшегося поражения «оси» и стимулировала готовность присоединиться к предполагаемому победителю. А таковым все сильнее выглядело народно-освободительное движение. В итоге, по сведениям, фигурировавшим в послевоенной югославской историографии, силы Тито получили чуть ли ни 80 тыс. новых бойцов. Их стало возможным снабжать вооружением, доставшимся от итальянцев¹⁷.

Большое значение имело то, что с капитуляцией Италии расширение партизанских рядов в некоторых областях Хорватии все больше шло за счет не только сербов, но и постепенно увеличивавшегося притока хорватов, а в Боснии и Герцеговине

частично и мусульман. В частности, весьма заметным стало включение в народно-освободительное движение значительного слоя хорватского населения на тех территориях, особенно в Далмации, которые в 1941 г. аннексировала Италия, а вслед за ее капитуляцией Павелич провозгласил воссоединенными с НГХ. Массовым явилось и участие хорватов во вспыхнувшем в сентябре 1943 г. партизанском выступлении даже за пределами НГХ – в Истрии, которую, как уже говорилось, Гитлер тогда отдал под власть Загреба, а сделал частью зоны германского военного управления. События в Истрии и на землях, возвращенных из-под итальянской аннексии, демонстрировали, что среди тамошнего хорватского населения довольно сильно распространено негативное отношение к усташскому режиму. Этими событиями серьезно смазывался, подрывался эффект попытки Павелича воспользоваться капитуляцией Италии для того, чтобы поправить усташский имидж и укрепить свое влияние в хорватской среде, играя роль «отца нации», триумфально освобождающего отторгнутые от Хорватии области и объединяющего их с родиной¹⁸. К тому же позиции режима НГХ, который, целиком завися от «третьего рейха», должен был в итоге проглотить гитлеровский диктат, оставивший за пределами Хорватии Истрию с Риекой и островами и Задар с округой¹⁹, прямо противопоставлялись специальные решения по территориальной проблеме, провозглашенные в середине – второй половине сентября 1943 г. Антифашистским вече народного освобождения Хорватии и созданным народно-освободительным комитетом Истрии. Данными решениями все заключенные как довоенными югославскими правительствами, так и Павеличем соглашения с режимом Муссолини о передаче Италии хорватских территорий объявлялись не имеющими силы, а сами эти территории, в том числе Истрия и район Задара, – присоединенными, как формулировалось, «к матери Хорватии» и «через нее к новому демократическому сообществу народов Югославии, за которое борются наши народы»²⁰. Названные решения активно распространялись и пропагандировались народно-освободительным движением. Оно становилось все сильнее ощущаемым полюсом политического и военного притяжения внутри самого хорватского общества.

Капитуляция Италии способствовала и началу изменений в Вардарской Македонии. В предшествовавшие два года усилия КПЮ по организации там Соппротивления не получали отклика среди подавляющего большинства населения ни на той территории, что присоединили к Болгарии, ни на той, которая под итальянской оккупацией была присоединена к марионеточному режиму Албании. Создававшиеся время от времени из самого коммунистического актива единичные и крайне малочисленные партизанские группы быстро постигал крах. Теперь же, в условиях, когда в оккупированной итальянцами западной части Вардарской Македонии оккупационный режим, под крылом которого функционировала албанская квислинговская власть, рухнул, а германские войска только начали занимать эту зону, там произошел относительно заметный всплеск партизанского движения. Оно довольно быстро росло, вооружаясь путем разоружения итальянских войск. В определенной мере численность партизанских сил увеличивалась за счет местной населения данной зоны, особенно того, которое нередко обозначается в историографии как македонское или болгаро-македонское, но и некоторой части албанского. Вместе с тем важную роль играл значительный приток сюда кадров и даже уже организовывавшихся отрядов и групп с той территории Вардарской Македонии, которая была присоединена к Болгарии, а также партизанских формирований из Албании.

Участие последних осуществлялось в рамках предпринятых с лета 1943 г. усилий по налаживанию сотрудничества между находившимися под руководством коммунистов партизанскими силами Югославии, Албании и Греции. В итоге партизанская борьба в западной части Вардарской Македонии получила в сентябре – ноябре 1943 г. немалый размах, были заняты даже некоторые города, возникли временно освобожденные районы, где под коммунистическим главенством стали создаваться органы повстанческой власти²¹.

В целом концентрация относительно крупных сил, ставших вводиться германским командованием в различные югославские области, где до того находились итальянские войска, позволила немцам в итоге занять большую часть территории этих областей. Однако установление там германского контроля, происходившее нередко при весьма ощутимом сопротивлении со стороны как партизан, так отчасти и четников, в ряде случаев растянулось на довольно длительный срок – в течение сентября, а иногда и позже, вплоть до октября и даже ноября 1943 г. Да и сам контроль гитлеровцев и действовавших под их эгидой властей НГХ, словенской администрации Рупника, черногорской Народной управы и албанского квислинговского режима оказывался в этих областях, занятых теперь немцами, отнюдь не повсеместным. Почти везде там – пожалуй, за исключением Косово и Метохии – оставались районы, фактически являвшиеся преимущественно либо даже целиком подконтрольными одному или другому из антиоккупационных движений. Причем в значительно большей мере партизанскому, чем четническому. Ибо пока бывшая итальянская зона перенималась дивизиями вермахта, силы Тито в различных частях этой зоны сумели нанести серьезный урон силам Михайловича, расширить подконтрольные себе территории и ряд из них затем успешно удерживать в противостоянии как германским войскам и квислинговским формированиям, так и четникам.

Подобное происходило и в таких областях основного сосредоточения четнической активности в связи с капитуляцией Италии, как Герцеговина и Черногория, куда Тито направил свои ударные соединения. Не только собственно военное, но и политическое значение имели, в частности, уничтожение партизанами во второй половине октября 1943 г. ряда руководителей черногорских четников во главе с генералом Блажо Джукановичем и гибель тогда же полковника Байо Станишича. В упомянутых областях, как и в некоторых соседних, начал приобретать заметные очертания отлив из четнических рядов²².

Особым образом сложилось положение в Люблянской провинции. Там четники, как уже говорилось, были совсем малочисленны, но капитуляция Италии вызвала не только у них, но и у руководства «белой гвардии» большие надежды на скорую высадку англо-американских войск в районе Истрии и Триеста. Это привело к тому, что вместе с четническими отрядами в ожидании такой высадки стали концентрироваться формирования «белой гвардии», рассчитывавшие, что тоже смогут присоединиться к западным союзникам и с помощью последних воспрепятствовать угрозе установления коммунистической власти при освобождении Словении от оккупации. В ответ словенские партизанские силы предприняли в середине – второй половине сентября 1943 г. крупные операции против сосредоточений «белой гвардии» и четников, подвергнув тех и других жестокому разгрому. Он сопровождался масштабным уничтожением участников потерпевших поражение группировок, в том числе многих из тех, кто сдался партизанам в плен²³. Даже то небольшое четническое дви-

жение, которое имелось в Люблянской провинции, на время перестало фактически существовать. Остатки же «белой гвардии» были затем, как уже упоминалось, использованы немецкими оккупантами при создании Словенского домобранства.

Вместе с подконтрольными партизанам районами, существовавшими уже до того в центральной и западной Боснии, в Славонии и ряде других областей, в том числе тех, что находились в прежней, до капитуляции Италии, зоне германской «военной ответственности» на территории НГХ, новые такие районы, возникшие в связи с итальянской капитуляцией, образовывали осенью 1943 г. весьма обширное пространство. На всем этом пространстве действовала либо находилась в процессе становления повстанческая, революционная власть, создававшаяся при ведущей роли КПЮ.

Конституирование новой Югославии и реакция на него в антигитлеровской коалиции. В обстановке становившегося все более осязаемым приближения победы антигитлеровской коалиции и происходившего серьезного усиления военных и политических позиций народно-освободительного движения его коммунистическое руководство во главе с Йосипом Броз Тито пришло осенью 1943 г. к выводу о необходимости сделать решительный шаг по пути оформления создаваемой системы революционной власти в новую государственность. С этой целью было намечено созвать II сессию Антифашистского вече народного освобождения Югославии. Ее задачи были определены на расширенном заседании Политбюро ЦК КПЮ 16–18 октября 1943 г. Предусматривалось, что на сессии будет образован возглавляемый Тито Национальный комитет освобождения Югославии с прерогативами правительства и заявлено о неправомерности королевского эмигрантского правительства. Имелось также в виду выступить против возвращения короля в страну «до тех пор, пока народ через своих свободно избранных представителей сам не вынесет решение о форме правления»²⁴.

В отличие от I сессии АВНОЮ, состав которой формировался путем персональных приглашений, рассылавшихся Верховным штабом, участники II сессии должны были делегироваться из основных наиболее крупных национальных или исторических регионов, из которых реально состояла Югославия: в обиходе они нередко назывались «землями». Таких земель намечено было шесть: Сербия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Черногория и Вардарская Македония, фигурировавшая, по уже сложившейся традиции, просто как Македония. Делегации от земель составлялись тамошними руководящими органами компартии и народно-освободительного движения. Делегаты подбирались из числа наиболее активных, политически видных и преданных людей как в рядах партизанских вооруженных сил, так и среди активистов народно-освободительного движения из местного гражданского населения. Решением упомянутого заседания руководства КПЮ, состоявшегося 16–18 октября 1943 г., предусматривалось избрать делегатами и тех членов ЦК КПЮ, которые еще не входили в состав АВНОЮ²⁵. Вместе с тем, чтобы придать АВНОЮ наибольшее реноме как внутри страны, так и особенно за рубежом, была продолжена линия на включение в него присоединившихся к народно-освободительному движению политических, общественных, культурных деятелей, пользовавшихся известностью в довоенной Югославии, в том числе, по возможности, представительных фигур из старых партий²⁶.

Предусматривалось, что полномочия делегатов от земель должны санкционироваться их антифашистскими вече или комитетами. Антифашистское вече народного

освобождения Хорватии было, как уже говорилось, создано еще в середине 1943 г. А в начале октября 1943 г. на подконтрольной партизанам территории в Словении тамошнее руководство компартии и словенского Освободительного фронта (ОФ) организовало проведение так называемого Собрания делегатов словенского народа. На нем были сформированы новые высшие органы ОФ, провозглашенные одновременно высшими органами «народной власти» Словении. Затем центральное руководство КПЮ инициировало срочную организацию подобного рода собраний в Черногории и в Боснии и Герцеговине. Они состоялись в середине и второй половине ноября, и на них были конституированы антифашистские вече народного освобождения этих земель²⁷. Упомянутыми органами и оформлялись официально полномочия («выборы») делегатов на II сессию АВНОЮ от перечисленных четырех земель. Исключением были Сербия и Вардарская Македония, где подобные органы к тому времени не были созданы. И само делегирование от этих двух земель оказалось затруднительным. Делегаты из Вардарской Македонии не смогли своевременно прибыть на сессию АВНОЮ, лишь их имена были в последний момент сообщены в Верховный штаб по радиосвязи. А в Сербии, где народно-освободительное движение было тогда крайне слабым, вовсе не удалось сформировать делегацию. В качестве представителей Сербии во II сессии АВНОЮ участвовали те, кто выполнял эту функцию и на I сессии. В своем большинстве они были из частей, которые входили в состав основной группы партизанских дивизий, сосредоточенной в Боснии под непосредственным оперативным руководством Верховного штаба. Немало делегатов и из иных районов страны не смогли прибыть на II сессию АВНОЮ и замещались там другими ее участниками, имевшими поэтому нередко по несколько мандатов²⁸.

Сессия собралась вечером 29 ноября 1943 г. в старинном боснийском городе Яйце – он был тогда центром наиболее обширной территории, освобожденной партизанскими силами. Там находились руководство КПЮ и Верховный штаб во главе с Тито. Заседания продолжались с небольшими перерывами всю ночь и закончились ранним утром 30 ноября. За эти несколько часов были приняты предусмотренные руководством КПЮ решения, означавшие конституирование новой, революционной государственности, которая затем стала в политическом обиходе нередко обозначаться термином «новая Югославия».

В принятой II сессией АВНОЮ Декларации излагалась политико-пропагандистская позиция, призванная обосновать принимаемые решения. С одной стороны, заявлялось, что «народные массы Югославии решительно пошли по пути вооруженного сопротивления оккупантам, по пути, который указала нашим народам Коммунистическая партия Югославии». Утверждалось, что «подавляющее большинство народных масс Югославии включилось в ряды народно-освободительного движения и активно поддерживает свою Народно-освободительную армию». И говорилось, что «народы Югославии справедливо требуют признания и уважения за границей их органов народной власти, возникших в ходе освободительной борьбы». С другой стороны, в Декларации обличались как четники, так и югославское эмигрантское правительство вместе с «монархической кликой» во главе с королем. Движение, руководимое Михайловичем, как заявлялось в документе, решительно «связало себя с оккупантами и стало самой сильной опорой фашистских захватчиков в борьбе против наших народов». А правительство в эмиграции и король, поддерживавшие Михайловича, обвинялись в том, что помогают четническим преступлениям²⁹.

Опираясь на эту аргументацию, II сессия провозгласила АВНОЮ «верховным законодательным и исполнительным представительным органом Югославии». Вместо Исполнительного комитета АВНОЮ был избран Президиум АВНОЮ во главе с тем же председателем – Иваном Рибаром, чтобы действовать в период между сессиями. Одновременно с этим был создан Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ) как «высший исполнительный и распорядительный орган народной власти в Югославии, через который Антифашистское вече народного освобождения Югославии осуществляет свою исполнительную функцию». НКОЮ, указывалось в постановлении II сессии АВНОЮ, «обладает всеми признаками народного правительства». Он состоял из «уполномоченных», фактически министров, каждый из которых отвечал за определенную сферу деятельности. Председателем НКОЮ и одновременно уполномоченным по делам народной обороны стал Тито, по-прежнему являвшийся также Верховным Главнокомандующим Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии. Во время сессии ему решением собравшегося тут же Президиума АВНОЮ присвоили учрежденное сессией звание маршала Югославии³⁰. В соответствии с упомянутой выше тактической линией руководства КПЮ, не только АВНОЮ и его Президиум, но и НКОЮ были составлены таким образом, что в них, наряду с коммунистическими функционерами, были и некоторые довольно известные лица, бывшие до войны активными в других политических партиях, а также видные общественные фигуры, деятели культуры, примкнувшие к народно-освободительному движению. Одни из них тесно сотрудничали с компартией, нередко переходя на весьма левые, во многом близкие коммунистам позиции. Другие, более критичные в отношении КПЮ, пытались занять позицию в той или иной мере независимого партнера коммунистов в народно-освободительном движении, что, однако, было иллюзией и обнаруживалось раньше или позже. Но до тех пор, пока эти некоммунистические деятели участвовали в народно-освободительном движении, они, как и те, кто был ближе к коммунистам, фактически использовались компартией, занимавшей монопольно-руководящее положение, в ее собственных политических целях.

Наряду с образованием НКОЮ и Президиума АВНОЮ, сессия приняла постановление о лишении югославского эмигрантского правительства «всех прав законного правительства Югославии» и о запрещении королю Петру II Карагеоргиевичу возвращаться в Югославию. Правда, по поводу Петра II в постановлении содержалась оговорка, что «вопрос о короле и монархии решит сам народ своей собственной волей после освобождения всей страны»³¹. Оговорка эта, отвечавшая демократическим нормам, носила, однако, чисто тактический характер и была в первую очередь предназначена западным союзникам³². На деле же решения, принятые в Яйце, означали разрыв с прежней югославской государственностью и ее институтами, были нацелены на утверждение новой государственно оформленной власти, практически противостоящей довоенному порядку.

II сессия АВНОЮ провозгласила преобразование Югославии в государство, построенное на федеративных принципах. Устанавливалось, что в федеративной Югославии будет обеспечено «полное равноправие» «народов Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории и Боснии и Герцеговины»³³. Тем самым были обозначены те шесть составных частей, образующих федерацию, которые и были предварительно намечены. Как уже говорилось, эти части выделялись не только по национальному, но и по традиционно-историческому региональному принципу. Последнее особен-

но проявилось в факте вычленения Боснии и Герцеговины, которая была населена тремя основными этническими группами – мусульманами, сербами и хорватами. Сербский этнос в широком смысле, включая и черногорцев, неизбежно должен был оказаться в такой шестичленной федерации разделенным по крайней мере между четырьмя ее единицами (Сербией, Черногорией, Боснией и Герцеговиной и, наконец, Хорватией с ее широким поясом районов от Дуная до Адриатического побережья, в большей или меньшей степени населенных сербами), а хорватский этнос – между двумя (Хорватией и Боснией и Герцеговиной). Особо обстоит дело с выделением той единицы, которая в постановлении II сессии АВНОЮ о преобразовании Югославии в федерацию фигурировала под названием «Македония». Это название было употреблено без какого-либо уточнения, идет ли речь лишь о Вардарской Македонии, которая была и в составе довоенной Югославии, или обо всей Македонии, включая также те ее части, которые после Балканских войн 1912–1913 гг. оказались в составе Греции (Эгейская Македония) и Болгарии (Пиринская Македония). Поскольку, как уже отмечено выше, в тогдашних документах КПЮ и возглавлявшегося ею движения просто Македонией обычно именовалась Вардарская Македония, именно как ее обозначение выглядел термин, использованный II сессией АВНОЮ. Однако еще в период подготовки, а затем и непосредственно после проведения сессии вопрос о Македонии стал в рядах народно-освободительного движения связываться и с перспективой объединения всех ее частей. В частности, о подобной перспективе, хотя и весьма осторожно, упоминалось в манифесте, который в октябре 1943 г. был выпущен от имени главного штаба партизанских сил, действовавших в Вардарской Македонии. Но вместе с тем в манифесте речь велась о Македонии как части Югославии. Такая своего рода противоречивость была кажущейся. Уже вскоре, в начале весны 1944 г., в руководстве народно-освободительного движения как на региональном македонском, так и на общегославском уровне стала довольно откровенно выражаться идея о желательности и наиболее вероятной осуществимости объединения всех трех частей Македонии именно в рамках Югославии³⁴. Иными словами, речь шла фактически о замысле присоединить Эгейскую и Пиринскую Македонию к Вардарской, которая уже наделялась статусом одной из шести единиц федеративного югославского государства.

Вопрос о том, как шесть частей федеративной Югославии, обозначенные II сессией АВНОЮ, будут разграничиваться между собой, на сессии вовсе не затрагивался. И даже с простым перечислением основных югославских этносов в решении сессии дело тоже обстоит довольно своеобразно: наряду с сербами, хорватами, словенцами и – в противоположность довоенной Югославии – македонцами, указывались как особый народ и черногорцы, но о мусульманах вообще не упоминалось. Впрочем, как АВНОЮ и его президиум, так и НКЮЮ были тщательно составлены с учетом того, чтобы в каждом из этих органов имелись фигуры, выступавшие в качестве представителей мусульман, так же как сербов, черногорцев, хорватов, словенцев, македонцев. Что же касалось весьма важной для Югославии проблемы национальных меньшинств, II сессия АВНОЮ декларировала обеспечение им «всех национальных прав»³⁵.

Фактической частью решений сессии стало принятое во время нее Президиумом АВНОЮ постановление, которым подтверждались упомянутое выше решение Антифашистского вече народного освобождения Хорватии о том, что Истрия с Риекой, Задар и другие хорватские земли, аннексированные в разное время Италией, присоединяются

к «свободной Хорватии в федеративной Югославии», и аналогичное решение Словенского народного освободительного комитета (плenumsа ОФ Словении) о присоединении Словенского Приморья и всех аннексированных Италией словенских земель к «свободной Словении в федеративной Югославии»³⁶. Тем самым новая Югославия в момент своего конституирования выступала публично в роли поборника как общегославских территориальных интересов, так и этнотерриториальных устремлений отдельных народов страны по отношению к внешнему миру.

В соответствии с уже характеризовавшейся выше тактической линией, которой КПЮ продолжала придерживаться, в документах II сессии АВНОЮ отсутствовали открытые заявления об изменении социального строя, выдвижение «классово-социалистических» лозунгов. Эти цели оказывались в решениях АВНОЮ по-прежнему скрытыми под непосредственно провозглашавшимися антифашистско-освободительными задачами, а создание новой, фактически коммунистической власти связывалось с борьбой против эмигрантского правительства и четников как сил, которые обвинялись в политике проведения и поддержки коллаборационизма.

Постановления II сессии АВНОЮ активно распространялись и разъяснялись путем устной пропаганды, которую вело в разных частях страны народно-освободительное движение, через его печатные материалы, через вещание радио «Свободная Югославия» из СССР. Эти постановления встречались с одобрением и энтузиазмом в рядах партизанских частей, среди тех слоев населения, которые поддерживали народно-освободительное движение. Результаты II сессии АВНОЮ приветствовались и многими, кто стал поворачивать, склоняться к поддержке народно-освободительного движения, в чем немалую роль играло как раз воздействие того, что произошло в Яйце. И наоборот, в связи со II сессией АВНОЮ и созданием НКЮЮ югославское эмигрантское правительство 5 декабря заявило в Каире, что народно-освободительное движение является «насильственным террористическим движением», которое «ни в чем не соответствует демократическим и социальным представлениям нашего народа». Оно, говорилось в заявлении, вносит «только путаницу в ряды югославского народа», дробит, как формулировалось, «его объединенное сопротивление оккупантам» и в итоге «все больше его ориентирует на междоусобную борьбу». А это «является основой политики наших врагов». Такое обвинение сопровождалось утверждением, что «в Югославии это движение является результатом пропаганды из-за границы»³⁷. Под «заграницей» достаточно ясно подразумевался СССР, который, хотя и не названный прямо, тем самым обвинялся в инспирировании того, что было сделано в Яйце.

Хотя не только эмигрантское правительство, но и западные союзники полагали, что шаг, осуществленный на II сессии АВНОЮ, был предварительно санкционирован, если даже не инспирирован, советской стороной, на самом деле коммунистическое руководство народно-освободительного движения действовало в данном случае самостоятельно. Более того, имея уже опыт, когда подобное же намерение накануне I сессии АВНОЮ вызвало «вето» со стороны Москвы, опасавшейся осложнения отношений с западными союзниками, Тито на сей раз лишь перед самым открытием II сессии сообщил Георгию Димитрову о ее созыве, о намерении преобразовать АВНОЮ и создать НКЮЮ³⁸. Об остальных решениях, в том числе по поводу короля и эмигрантского правительства, глава КПЮ информировал Димитрова только вслед за окончанием сессии³⁹. Такой образ действий противоречил стремлению Кремля контролировать политику КПЮ (как и

других компартий) и руководимого ею народно-освободительного движения. К тому же И.В. Сталин, полностью разделяя цели югославских коммунистов относительно создания новой власти и устранения королевского эмигрантского правительства, не был, однако, сторонником того, чтобы торопиться с таким шагом, как предпринятый в Яйце. В Москве по-прежнему опасались, что преждевременные действия могут повлечь серьезные осложнения между СССР и западными союзниками. Тем не менее советская сторона поддержала решения II сессии АВНОЮ, но придерживаясь осторожной тактики. Радио «Свободная Югославия», вещавшее из СССР, сообщило 4 декабря об итогах сессии, благодаря чему в мире и узнали о произошедшем. Однако чтобы сразу не пугать чрезмерно Лондон и Вашингтон, радио не упоминало о решении по поводу короля и эмигрантского правительства. Это решение стало передаваться по «Свободной Югославии» лишь начиная с 15 декабря 1943 г., когда Тито в шифротелеграмме, адресованной в Москву, выразил мнение о срочной необходимости такого шага⁴⁰.

Подобная тактика способствовала более мягкой первоначальной реакции США и особенно Великобритании. В официальных заявлениях, сделанных в течение первой половины декабря, в частности британским министром иностранных дел Антони Иденом и государственным секретарем США Корделом Хэллом, Лондон и Вашингтон, в отличие от югославского эмигрантского правительства, воздержались от прямого выступления против АВНОЮ и НКОЮ. В то же время они не хотели и признавать эти органы, заявили, что по-прежнему считают представителями югославской государственности только короля и его правительство в эмиграции и что вступили в контакт с партизанами лишь как с военной силой в рамках оказания помощи всем, кто сопротивляется оккупантам⁴¹.

Выждав эту реакцию, советская сторона сделала новый шаг, опубликовав 14 декабря сообщение Информбюро НКВД СССР «О событиях в Югославии». В нем не было никакой полемики с западными союзниками, наоборот, из тактических соображений нарочито утверждалось даже, что решения II сессии АВНОЮ «встретили сочувственные отклики в Англии и США». Но на деле позиция, изложенная в сообщении, была противоположна позиции западных держав. В документе выражалась поддержка одобренным к тому времени решениям о преобразовании АВНОЮ в верховный законодательный и исполнительный орган, о создании НКОЮ в качестве временного правительства и о федеративном принципе устройства Югославии, заявлялось, что «эти события» «рассматриваются Правительством СССР как положительные факты». Решение по поводу короля и югославского эмигрантского правительства, о котором к тому моменту по радио «Свободная Югославия» никакой информации еще не давалось (напомним, она впервые была дана лишь 15 декабря), в сообщении Информбюро НКВД тоже не фигурировало. Зато о короле и эмигрантском правительстве в советском документе просто не упоминалось, что позволяло Москве фактически продемонстрировать их игнорирование и в то же время избежать в этом вопросе нежелательных осложнений с западными партнерами по антигитлеровской коалиции. Вместе с тем, в отличие от упомянутых выше заявлений западных союзников, в советском сообщении подчеркнута осуждалась деятельность Михайловича как наносящая «вред делу борьбы югославского народа против немецких оккупантов»⁴².

Для западных союзников, прежде всего для Лондона, наиболее заинтересованного в югославском вопросе, это советское заявление служило еще одним показателем все более настоятельной необходимости считаться в своей политике с усиливавшейся по-

зицией народно-освободительного движения и с поддержкой, оказывавшейся ему со стороны Москвы.

Уже до того, в течение осени, среди британских дипломатов, работников разведки, военных, которые были заняты проблемами положения на югославском пространстве и английских действий там, велись обсуждения того, целесообразно ли сохранять прежние отношения с Михайловичем. В частности, продолжать ли англичанам деятельность своей военной миссии при его штабе и офицеров этой миссии при локальных четнических штабах. Особенно этот вопрос приобрел актуальность с начала декабря 1943 г., после согласованного на Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) решения руководителей трех ведущих держав антигитлеровской коалиции о военной поддержке партизан в Югославии. Среди упомянутых выше работников английских ведомств, связанных с политикой на югославском направлении, усиливалось мнение, что под руководством Михайловича четнические силы не способны на желательные британскому командованию активные действия против германских оккупантов, в частности диверсионные, а в то же время фигура Михайловича является препятствием для какого-либо примирения и соглашения как четников, так и королевского югославского правительства с движением, возглавляемым Тито. Ряд ответственных лиц, в том числе, например, посол Великобритании при югославском правительстве Ральф Стивенсон, все энергичнее высказывались за отзыв британской миссии при Михайловиче и налаживание более тесных отношений с партизанским руководством. Последнее, по оценке этих лиц, являлось на внутриюгославской сцене военно-политическим фактором, чье значение становилось намного большим как в борьбе против оккупантов и квислинговских режимов, так и с точки зрения обладания массовой поддержкой. К этому мнению во все возрастающей мере склонялся и британский премьер-министр Уинстон Черчилль. Одновременно имелось в виду, что если удастся путем нажима на короля Петра II и эмигрантское правительство сместить Михайловича с его постов министра и командующего четническими силами и назначить другого руководителя четников, то, возможно, Тито пойдет на какое-то сотрудничество с четническим движением. В этом отношении англичане стали оказывать давление на короля и правительство в эмиграции. Так или иначе, к середине декабря вопрос об отзыве британской миссии при Михайловиче и дистанцировании от него во многом оказывался почти предрешенным, и обсуждался способ, каким бы это следовало сделать⁴³.

На ход и результат данных обсуждений в немалой степени повлиял имевший место как раз тогда эпизод в отношениях между британской стороной и руководителем четников, ставший в глазах англичан своеобразным тестом позиции Михайловича. К концу первой декады декабря 1943 г. он через британскую миссию получил просьбу английского генерала Генри Вильсона, которому подчинялись средиземноморские силы западных союзников, срочно, не позднее 29 декабря, произвести диверсии, главное – взрывы двух мостов, на железнодорожных линиях в Сербии, связывавших Белград с Грецией⁴⁴. Руководителю четников, в соответствии с его тактикой, не улыбалось осуществление подобных акций, чреватых ответными репрессивными мерами оккупантов и режима Недича. К тому же в это время резко усилилось недовольство Михайловича британской политикой ввиду отсутствия нужной ему помощи оружием и боеприпасами и вследствие английской радиопропаганды, все больше положительной для партизан, нежели для четников. Недовольство находило выход в захлестывавших Михайловича эмоциях, и он нередко вел себя с англичанами скорее как обидчивый

офицер, считавший униженной его честь, чем как ответственный политический лидер, осознающий необходимость неизменно руководствоваться трезвым расчетом. С середины ноября 1943 г. он предпринял шаги, серьезно обострявшие отношения с британской военной миссией: не только распорядился строго ограничить контакты личного состава своих вооруженных формирований с офицерами миссии, прикомандированными к этим формированиям на местах, но и сам отказывался от встреч с главой миссии бригадиром Чарльзом Армстронгом и стал общаться с ним только путем обмена письмами⁴⁵. А на упомянутое выше обращение генерала Вильсона Михайлович ответил лишь через две недели, 23 декабря, и то под воздействием телеграммы от эмигрантского премьера Божидара Пурича, подчеркивавшего, что прочное сотрудничество с англичанами должно являться неизменной основой, даже если «они несправедливы к нам». В ответе Вильсону содержалось обещание осуществить диверсии, о которых тот просил, но срок выполнения Михайлович требовал продлить: не раньше 15 января 1944 г.⁴⁶ Он действительно дал четническим командирам в районах, которые имелись в виду, задание подготовить и произвести диверсии между 1 и 15 января. Однако затем произошла обычная история: в этих районах были замечены передвижения партизанских сил, и Михайлович приказал намеченные диверсии временно отложить и сосредоточиться на уничтожении партизан, а британской миссии сообщить, будто дело отложено из-за партизанского нападения. Причем он требовал от местных четнических командиров принять меры, чтобы офицеры миссии не видели действий четников против партизан⁴⁷. В итоге диверсии так и не состоялись.

За этим последовало решение англичан об отказе от продолжения отношений с Михайловичем. В историографии высказывались разные мнения по поводу того, стало ли невыполнение просьбы Вильсона последней гирькой, окончательно склонившей чашу весов, на которых отмерялась британская позиция, к указанному решению. Ряд историков считает, что неосуществление диверсий ничего не меняло: будь они произведены, результат оказался бы тем же, ибо Лондону был нужен лишь тот или иной предлог, а свою позицию он все равно уже определил заранее. В качестве аргументов приводятся мнения, высказывавшиеся различными английскими ведомствами и должностными лицами, которые тогда представляли британскому руководству свои предложения о том, как решить проблему отношений с Михайловичем⁴⁸. Однако последнее слово было именно за руководством. И остается, естественно, под вопросом, как бы ему пришлось действовать, если бы Михайлович выполнил задание, данное англичанами и неожиданно сыгравшее роль теста. Поскольку же он тест не выдержал, у Лондона оказались вовсе свободные руки.

Тем не менее, на высшем британском уровне все еще продолжались размышления и дискуссии, главным образом между Черчиллем и занимавшим более осторожную позицию, колебавшимся Иденом. Только в середине февраля 1944 г. из Лондона было сообщено в Каир, а оттуда Армстронгу об окончательно принятом решении прекратить отношения с Михайловичем и отозвать британскую миссию. В марте все части миссии, находившиеся при локальных четнических штабах, были собраны в одном месте. И когда возникла возможность, на рубеже мая – июня, миссия была самолетами западных союзников эвакуирована с импровизированного аэродрома на контролируемой четниками территории⁴⁹.

В обстановке, когда события стали развиваться в таком направлении, осталось без каких-либо реальных последствий обращение Михайловича 23 декабря 1943 г. к Армс-

тронгу с предложением о встрече четнических и партизанских представителей при посредничестве и присутствии британских делегатов с целью воспрепятствовать гражданской войне и направить усилия на борьбу против оккупантов. Речь шла о том, чтобы в случае достижения какого-то соглашения между четниками и партизанами англичане выступали гарантом его выполнения. Трудно сказать, каковы были при этом обращении истинные намерения Михайловича. Упомянутый выше посол Стивенсон считал данный шаг лишь тактическим жестом, призванным воздействовать на англичан, чтобы они отложили принятие решения об отзыве миссии. 13 января 1944 г. югославское эмигрантское правительство получило через Стивенсона ответ из Лондона, в котором говорилось, что «в нынешней ситуации» британская сторона не видит, каким образом англичане могли бы действовать в качестве посредников, а Михайловичу ничто не мешает «непосредственно обратиться к партизанскому штабу»⁵⁰.

Но вернемся к середине декабря 1943 г., когда перед лицом решений II сессии АВНОЮ Лондон стал усиленно ориентироваться на то, чтобы ценой отказа от Михайловича добиться политического компромисса между народно-освободительным движением, с одной стороны, и королем и эмигрантским правительством – с другой. И с помощью такого компромисса устранить становившуюся все опаснее перспективу возможного поражения последних.

Рассматривая коммунистическое руководство народно-освободительного движения как в конечном счете управляемое Москвой, британское правительство 14 декабря 1943 г. передало правительству СССР датированный предыдущим днем меморандум, в котором выражалось стремление к тому, чтобы «в интересах югославского единства» оказалось возможным как для Тито, так и для короля и югославского правительства «найти базис для сотрудничества в общем деле освобождения Югославии от врага». В меморандуме подчеркивалось, что такое сотрудничество позволит «предоставить югославскому народу возможность, после освобождения, свободно сказать свое слово относительно формы правления», которую он «пожелает избрать после войны». Документ завершался указанием на то, что «Правительство Его Величества было бы радо узнать – разделяет ли Советский Союз эти взгляды»⁵¹. Советская сторона, придерживаясь все той же тактики, неделю спустя выразила англичанам формальное одобрение их плана, заявив, что правительство СССР разделяет позицию британского правительства о необходимости в интересах борьбы югославских народов против германских оккупантов создать основы для сотрудничества между, с одной стороны, Тито и НКОЮ, а с другой стороны – королем Петром и его правительством. Однако на деле в ответе Москвы Лондону лишь в общей форме говорилось о советской готовности «сделать все возможное» для достижения подобного компромисса, причем подчеркивалось, что советское правительство усматривает «большие трудности» в осуществлении этой задачи. От предложений же о каких-либо практических шагах по реализации цели компромисса советская сторона уклонилась⁵².

В итоге Лондону для реализации своих замыслов не оставалось ничего иного, как вступить в переговоры прямо с руководством новой Югославии. С этой целью была использована переписка, возникшая на рубеже 1943–1944 гг. по инициативе Тито между ним и Черчиллем. Начало переписке было положено телеграммой, которую Тито, воспользовавшись известиями о том, что премьер-министру Англии нездоровится, послал в конце декабря 1943 г. через британскую военную миссию Черчиллю с пожеланием выздоровления⁵³. Подобным шагом югославский коммунистический

лидер, со своей стороны, стремился установить прямой контакт с главой британского правительства с целью дальнейших усилий, направленных на постепенное получение от западных союзников признания решений II сессии АВНОЮ и конституированных на ней органов революционной государственности. Таким образом, устремления Лондона и югославского коммунистического руководства к взаимному контакту совпали. И Черчилль тут же ухватился за инициативу Тито, продолжив переписку в целях осуществления своих планов. В посланиях, которые он направлял на протяжении января – марта 1944 г. в адрес Тито, премьер-министр Великобритании пытался получить согласие на объединение руководимого коммунистами движения с королем. В качестве платы за согласие на это Черчилль выражал готовность пожертвовать Михайловичем.

Уже в первом послании, датированном 8 января, глава английского правительства сообщил Тито о решении прекратить британскую военную помощь Михайловичу и оказывать ее «только вам». При этом Черчилль отметил, что Лондон был бы рад, если эмигрантское правительство уберет Михайловича из своего состава, но подчеркнул невозможность для англичан просто отшвырнуть короля Петра II. И в осторожной форме выразил надежду, что «с обеих сторон», т.е. партизанской и королевско-правительственной, будет прекращена полемика. Об этом своем послании Черчилль проинформировал Сталина, считая, что решение югославского коммунистического лидера в огромной мере зависит от хозяина Кремля⁵⁴. Тито, заинтересованный в налаживании отношений с Лондоном, дипломатично ответил 28 января, что будет, «насколько это позволяют интересы наших народов», «избегать ненужной полемики» и «не создавать в этом смысле неприятностей союзникам»⁵⁵. И тогда Черчилль сделал шаг дальше: 6 и 7 февраля Тито получил послания, в которых ему задавался вопрос, готов ли он к объединению с королем в деле совместного ведения войны при условии, что король отставит Михайловича с занимаемых постов⁵⁶.

Тито путем обмена радиотелеграммами с Георгием Димитровым тут же проконсультировался об английских предложениях с Москвой. Там решили, что целесообразно согласиться на сотрудничество с королем Петром II, однако при сохранении формулы, принятой на II сессии АВНОЮ: вопрос о монархии будет окончательно решен народом после освобождения Югославии. Но за такой компромисс с королем Сталин считал теперь необходимым добиваться от Лондона, чтобы эмигрантское правительство вообще было ликвидировано и НКОЮ признан в качестве единственного правительства Югославии, а Петр II подчинился бы законам АВНОЮ. Эта позиция, о которой Димитров сообщил 9 февраля 1944 г. Тито, встретила согласие последнего и была принята им к исполнению. В тот же день, 9 февраля, глава НКОЮ изложил ее в качестве своего ответа в послании Черчиллю⁵⁷. Но британский премьер в послании от 25 февраля (Тито получил его 9 марта), не вдаваясь в конкретное обсуждение данных требований, выразил по этому поводу пожелание, чтобы в обмен на увольнение Михайловича и «других плохих советчиков» король получил от Тито приглашение вернуться в страну и непосредственно принять участие в борьбе с оккупантами. Одновременно Черчилль уведомил о том, что англичане отзывают свою миссию при Михайловиче⁵⁸. Руководство новой Югославии сочло, однако, никак невозможным допустить возвращение Петра II. О чем Тито и известил 26 марта главу британского правительства⁵⁹. Английский план повис в воздухе, равно как и план СССР и Тито о признании НКОЮ в качестве единственного югославского правительства.

Югославское эмигрантское правительство после советского заявления в поддержку решений II сессии АВНОЮ, опубликованного 14 декабря 1943 г., попыталось для укрепления своего положения улучшить отношения с Советским Союзом. 18 декабря премьер-министр Божидар Пурич передал через посла СССР Н.В. Новикова предложение советскому правительству заключить двусторонний договор о взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. Но уже четыре дня спустя был получен отказ Москвы. Советское правительство ответило, что пока не может принять сделанного предложения «виду неясности положения» в Югославии⁶⁰. Более того, в начале февраля 1944 г., когда Сталин посчитал, что Тито пора потребовать роспуска эмигрантского правительства, советская сторона нанесла этому правительству и публичный удар: в опубликованном ТАСС сообщении были преданы гласности как предложение Пурича, так и факт советского отказа. Причем на сей раз отказ был объяснен «профашистской ролью генерала Михайловича, до сих пор считающегося югославским военным министром», и – что еще важнее – образованием НКОЮ, «поддерживаемого широкими народными массами Югославии»⁶¹. Эта позиция пропагандировалась советскими средствами массовой информации, популярными изданиями⁶². А когда югославский посол в Москве Станое Симич и военный атташе подполковник Миодраг Лозич, уже длительное время все более критически относившиеся к политике Михайловича и эмигрантского правительства, обратились 10 марта 1944 г. к Тито с заявлениями, что порывают с этим правительством и отдают себя в распоряжение Тито, НКОЮ и АВНОЮ, указанные заявления были демонстративно обнародованы 11 марта в «Правде», и советская сторона отказалась принимать какого-либо нового эмигрантского посла. Вместе с тем взаимоотношения дипломатического представительства СССР в Каире с находившимся тогда там югославским эмигрантским правительством стали холодными и контакты между ними сходили на нет⁶³. Формально сохранявшиеся дипломатические отношения на деле оказались в состоянии замораживания.

Параллельно с этим произошел обмен первыми представительствами – военными миссиями – между СССР и возникшей революционной югославской государственностью. Вопрос о желательности того, чтобы Советский Союз прислал представителей командования Красной Армии или военную миссию, Тито не раз ставил в своих радиogramмах Димитрову, в частности с лета 1943 г. в связи с прибытием в партизанский Верховный штаб британской военной миссии, а позже и американских представителей⁶⁴. Но Кремль не торопился, выжидая момента, тактически более удобного с учетом отношений между СССР и западными союзниками. Такой момент, по советской оценке, наступил осенью 1943 г., когда в ходе проведения Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, состоявшейся 19–30 октября, Молотов в качестве наркома иностранных дел СССР сообщил своему британскому коллеге Идену о советском намерении послать военную миссию в штаб Тито. И это намерение было месяц спустя подтверждено советской стороной на встрече «большой тройки» в Тегеране⁶⁵.

О советском решении направить военную миссию в Югославию было публично объявлено в упоминавшемся сообщении Информбюро НКВД СССР, опубликованном 14 декабря 1943 г.⁶⁶ Миссия во главе с генерал-лейтенантом Н.В. Корнеевым воздушным путем прибыла 24 февраля 1944 г. в распоряжение НКОЮ и партизанского Верховного штаба⁶⁷. В свою очередь, по договоренности между Тито и советской стороной, была отправлена в СССР югославская миссия. Она официально фигурировала как военная мис-

сия НКОЮ. Возглавлявшаяся одним из ведущих партизанских военачальников генерал-лейтенантом Велимиром Терзичем, миссия прилетела в Москву 12 апреля 1944 г.⁶⁸

Через миссии впервые был осуществлен непосредственный – а не лишь по радиосвязи через Димитрова – политический контакт между Кремлем и руководством новой Югославии. В составе югославской миссии в Москве находился с апреля по июнь 1944 г. (а затем вернулся в Югославию) Милован Джилас, один из ближайших сподвижников Тито, входивший в руководящую четверку КПЮ. Он имел несколько бесед со Сталиным и Молотовым, во время которых обсуждались проблемы положения в Югославии, стратегии и тактики КПЮ и руководимого ею движения, отношений НКОЮ с западными союзниками, политико-дипломатической поддержки, которую Советский Союз в тог­дашней ситуации мог оказать революционной югославской государственности, и той военной помощи, которую СССР был в состоянии предоставить ее вооруженным силам. По этим вопросам согласовывались позиции, принимались решения⁶⁹.

Основной повседневной задачей военных миссий стала практическая организация переброски в Югославию партизанским силам советской помощи вооружением, боеприпасами, различным снаряжением, о чем еще будет речь впереди. Важным явилось оказание советской финансовой поддержки. 16 июня 1944 г. с югославской миссией в Москве были подписаны два договора между правительством СССР и НКОЮ о предоставлении советских беспроцентных займов на 2 миллиона американских долларов и 1 миллион рублей. Эти деньги предназначались для представительских целей НКОЮ за границей⁷⁰.

УПРОЧЕНИЕ военно-политических и международных позиций новой Югославии. Период после II сессии АВНОЮ характеризовался дальнейшей жестокой борьбой в треугольнике, каким являлась югославская военно-политическая сцена: одной стороной треугольника все так же были оккупанты вместе с НГХ, квислинговскими администрациями и их вооруженными формированиями, другой стороной – партизаны как воинская сила теперь уже конституированной революционной государственности, третьей – четники, чья военная организация дополнялась политической структурой в виде равногорского движения.

Не спадающей ожесточенностью отличалась борьба между двумя первыми из указанных сторон. В декабре 1943 – январе 1944 г. ее стержнем оставалось их противостояние в ходе продолжения масштабных действий, начатых германскими войсками против партизан в связи с капитуляцией Италии. Упомянутые действия по-прежнему были направлены на ликвидацию пояса территорий, в той или иной мере освобожденных либо контролировавшихся партизанами. Продолжившись до января 1944 г., это гитлеровское наступление сменилось затем серией отдельных, сосредоточенных на наиболее важных направлениях операций против сил Тито, в частности особенно в Боснии и Северной Далмации. В итоге оккупанты и их пособники смогли вытеснить партизан из ряда районов в центральной, приморской, юго-восточной и северо-западной частях Югославии. Однако германскому командованию не удалось радикально переломить ситуацию в свою пользу, уничтожить крупные сосредоточения партизанских контингентов, в том числе оперативную группу дивизий во главе с Верховным штабом. Территория, подконтрольная партизанам, в большой своей части сохранилась, а затем вновь стала расширяться в ходе их активных контрдействий. Центром основного массива освобожденной

партизанской территории стал город Дрвар в Западной Боснии, куда руководство новой Югославии перебралось из Яйце, занятого немцами в начале января 1944 г.⁷¹

Если на первых этапах германских действий, предпринятых вслед за капитуляцией Италии, в сентябре – октябре 1943 г., силы Михайловича в некоторых районах НГХ (главным образом в Восточной Боснии и Герцеговине), а также в Санджаке, как уже говорилось, приходили в ряде случаев в столкновение с вермахтом, то затем это стало сходить на нет. Ибо в обстановке, когда одновременно было нужно вести не прекращавшуюся и даже считавшуюся главной борьбу с партизанами, со своей стороны тоже наносившими ожесточенные удары по четникам, последние предпочитали вернуться к более привычной тактике лавирования в отношении оккупантов. Тем более, что нередко, понеся тяжелый урон от партизанских атак, подобно тому, как произошло, скажем, в Черногории, четнические командиры усматривали в немецких операциях против «красного противника» чуть ли ни единственное спасение от своего полного поражения. В итоге на той территории НГХ, где действовали четники, а также в Черногории с Санджаком конец осени 1943 г. и зима 1943/44 гг. полны четнических инициатив, чья цель – взамен прежнего сотрудничества с исчезнувшими теперь с югославской сцены итальянцами наладить взаимоотношения с гитлеровскими оккупантами, с их командованием на местах. А в Черногории – еще и с Народной управой и квислинговскими вооруженными формированиями. В свою очередь, германская сторона, в связи с капитуляцией Италии оказавшаяся перед необходимостью взять под свой контроль бывшую итальянскую зону, но располагавшая все более ограниченными силами, была вынуждена в немалой мере менять прежнюю позицию в отношении четников. Теперь немцы, не говоря уж об их упомянутых выше черногорских пособниках, были нередко заинтересованы в достижении с четниками соглашений, которые бы способствовали поддержанию гитлеровского контроля. На основе этого обоюдного устремления обеих сторон достигалось некоторое урегулирование отношений между ними, по крайней мере, на локальном уровне. Диапазон урегулирования мог быть достаточно широк: от достижения, в одних случаях, договоренностей о взаимном ненападении, распространявшихся на ту или иную местность, до осуществления, в других случаях, такого сотрудничества, как частичное снабжение немцами четников оружием и боеприпасами, которые предназначались для борьбы с партизанами, либо вообще проведение совместных антипартизанских операций.

Некоторые подобного рода соглашения между германским и четническим командованием на местах стали в конце осени 1943 г. и зимой 1943/44 гг. заключаться и в Сербии. Но их изображение в историографии различно. Одни авторы склонны писать о них как о преимущественно временных договоренностях по поводу взаимного ненападения в тех или иных районах Сербии. Другие же авторы трактуют соглашения как в большей мере направленные на фактическое сотрудничество с оккупантами – кроме немецких, еще и с болгарскими – в борьбе против партизан. Впрочем, в разные моменты и в разных районах Сербии линия поведения различных четнических частей, точнее – их командиров, нередко была весьма неодинаковой и могла быстро меняться: от больших или меньших локальных столкновений с немцами, равно как с квислинговскими формированиями, особенно подразделениями Сербского добровольческого корпуса, и до упомянутых временных соглашений с германскими военными властями на местах. Многое зависело и от немецких решений, которые тоже могли меняться. К примеру, если с ноября 1943 г. преобладает с германской стороны склонность к заключению этих соглашений в Сербии, то в феврале 1944 г. берет верх вывод об их нежелательности⁷².

Что, однако, оставалось неизменным, так это ожесточенная борьба между силами, находившимися под главенством Михайловича, и движением, которым руководила КПЮ. В плане военного противоборства такая борьба продолжала безжалостно вестись везде, где четнические и партизанские формирования могли оказаться в положении соприкосновения друг с другом. И по-прежнему, если одна из сторон находилась в боевом столкновении с войсками оккупантов, НГХ или военно-полицейскими соединениями проокупационных администраций, другая нередко стремилась воспользоваться этим и нанести той, первой, дополнительно еще и свой удар, чтобы способствовать ее поражению или хотя бы большому ущербу. Так поступали и четники, и партизаны, причем каждая из сторон, оказываясь объектом подобного удара, обвиняла другую, что та действует заодно с оккупантами и квислинговцами. Эти обвинения усиленно использовались как народно-освободительным, так и равногорским движениями в их острой пропагандистской дуэли, сопровождавшей взаимную вооруженную борьбу.

Пропагандистская война между ними приобретала в период, последовавший за II сессией АВНОЮ, не только все больший накал, но и все большую значимость. Ибо во внутривнутриполитическом плане для обоих непримиримо враждебных движений было в складывавшихся условиях крайне важно, насколько то или иное из них будет иметь опору в сербских массах в решающий момент, когда с очевидностью приближавшееся поражение нацистской Германии – а тем самым и освобождение от оккупации – станет реальностью. А во внешнеполитическом плане для каждого из движений оказывалось не менее важным максимально дискредитировать другое в глазах западных союзников, выставляя лишь себя единственной подлинно антиокупационной силой, выражающей, как утверждалось, антифашистско-демократические устремления народа и, следовательно, заслуживающей того, чтобы союзники сотрудничали именно и даже исключительно с ней и помогали ей вооружением, боеприпасами, снаряжением, перебрасываемыми из Северной Африки и Италии.

Между тем очевидное масштабное расширение массовой базы движения, возглавлявшегося КПЮ, впечатляющий численный рост его вооруженных формирований и политический эффект решений, декларированных II сессией АВНОЮ, а вместе с тем не только изменение британской политики и даже радиопропаганды в пользу партизан, поиск Лондоном компромисса с Тито, но и надвинувшаяся ситуация разрыва англичан с Михайловичем, – все это ставило четническое движение и его руководителя в более чем сложное положение. В историографии существуют разные мнения о том, насколько Михайлович осознавал возникшую сложность и был способен оценить возможную перспективу еще более грозных последствий. Во всяком случае, он предпринял попытку в какой-то мере противостоять опасности с помощью несвойственного ему шага: проведения широковещательной политико-пропагандистской акции, во многом напоминавшей II сессию АВНОЮ. Такой акцией стал состоявшийся в конце января 1944 г. так называемый Светосавский съезд, на котором было провозглашено создание Югославского демократического народного объединения (ЮДНО) как структуры, политически представляющей антиокупационные силы, объединенные вокруг борьбы четников («югославской народной армии») за освобождение Югославии. На съезде была декларирована программа ЮДНО, включавшая в себя и пункты, касавшиеся основ послевоенного государственного и общественного устройства страны.

Об истории того, почему, когда и как стал готовиться этот съезд, существуют лишь очень фрагментарные и к тому же в значительной своей части мемуарные сведения.

Судя по ним, еще весной 1943 г. Михайлович, до этого не склонный к выступлению с какой-то более или менее четкой политической программой будущего устройства Югославии и стремившийся дистанцироваться от деятелей довоенных политических партий, пришел к мысли о необходимости изменить позицию. Через активистов действовавшего в Белграде четнического подполья он предпринял тогда попытку организовать выработку политической программы и привлечь некоторых прежних партийных лидеров к сотрудничеству с равногорским движением. Основной фигурой, с которой представители Михайловича в Белграде вступили с этой целью в тайный контакт, стал Живко Топалович, лидер Социалистической партии Югославии, созданной в 1923 г. и являвшейся участником Рабочего Социалистического Интернационала – международного объединения социал-демократических партий⁷³. Нет непосредственных документальных данных о том, почему руководитель четников остановил выбор на Топаловиче. В период существования независимой Югославии, до апреля 1941 г., Социалистическая партия отнюдь не входила в число наиболее влиятельных партий страны и была заметной лишь вследствие активной роли в профсоюзном движении. Однако, похоже, что важной, а возможно, и главной причиной обращения весной 1943 г. именно к довоенному лидеру социалистов были те расчеты на него, о которых, как следует из мемуаров Топаловича, при первой личной встрече с ним, состоявшейся много месяцев спустя, в середине декабря того же года, сразу стал говорить сам Михайлович. А говорил он о том, что в условиях наступившего осложнения отношений с англичанами, когда и югославское правительство в эмиграции, не имея нужного авторитета, мало чем может помочь урегулированию этих отношений, стало очень важным установить иную, более доверительную связь с британским правительством, через которую можно было бы убедить официальный Лондон в необходимости поддержки четников. Михайлович считал, что Топалович, знакомый с лидерами британских лейбористов, входивших в тогдашнее коалиционное с консерваторами правительство Черчилля, может стать такого рода связью. И через лейбористов, которые бы доверяли Топаловичу, удастся воздействовать на политику кабинета Черчилля в отношении югославских дел⁷⁴.

Не исключено, однако, что руководитель четников рассчитывал не только на знакомство лидера Социалистической партии Югославии с лейбористскими деятелями, но и на то, что к Топаловичу как представителю «демократических социалистов» и главе партии, носившей общегославский, а не обособленно национальный или региональный характер, у западных союзников будет куда большее доверие, нежели к каким бы то ни было представителям сербских партий, которые скорее могли бы восприниматься на Западе, в частности в Англии, как носители узконационалистических, а то и шовинистических устремлений и вызывать серьезные сомнения по части их приверженности демократическим целям. Показательно, что, согласно свидетельству Топаловича, во время уже упомянутой первой беседы с ним в середине декабря 1943 г. Михайлович довольно прямо сказал, насколько больше верили бы западные союзники, если бы перед ними с жалобами на коммунистов выступал социалист⁷⁵.

Если верить мемуарам Топаловича, еще со времени первого контакта, установленно-го с ним четническими представителями весной 1943 г., он догадывался о такого рода причинах обращения к нему Михайловича. Но решил воспользоваться этим обращением, чтобы политически повлиять на руководство четников в интересах послевоенного югославского будущего. Лидер социалистов, как он утверждал впоследствии, был озабочен опасностью того, что при предстоявшем поражении Гитлера и освобождении

Югославии от оккупации страна окажется в ситуации кровопролитной гражданской войны между силами партизан и четников. И в зависимости от исхода гражданской войны попадет под власть либо коммунистической диктатуры во главе с Тито, либо военной сербско-националистической диктатуры во главе с Михайловичем. А любая из двух диктатур прибегнет к подавлению как своих оппонентов, так и вообще любых демократических элементов. Стремясь воспрепятствовать подобному развитию событий, Топалович считал нужным толкнуть четнического руководителя на путь какого-то компромиссного соглашения с коммунистической верхушкой партизан и вместе с тем на позицию принятия определенных демократических принципов, которые бы были провозглашены целями Михайловича и затем реализовывались при освобождении страны от захватчиков.

Для осуществления своего плана Топалович в течение нескольких месяцев проводил тайные встречи с рядом живших тогда в оккупированной Сербии, главным образом в Белграде, руководящих деятелей прежних партий: сначала со своими коллегами-социалистами, а заручившись их согласием с упомянутым планом, стал затем обсуждать его и с представителями некоторых других партий, в основном тех сербских, которые при регентстве входили в Объединенную оппозицию. В итоге этим кругом довоенных политиков был создан нелегальный межпартийный комитет, чьим председателем стал Топалович. Ими была выработана совместная политическая платформа, одновременно представлявшая собой условия, на которых участники межпартийного комитета выражали готовность символизируемых ими партий сотрудничать с Михайловичем как руководителем четников и равногорского движения.

Эти условия и основные предложения о программных политических принципах, которые должны были стать базой сотрудничества, изложила Михайловичу переброшенная тайно в его штаб в середине декабря 1943 г. делегация из четырех представителей межпартийного комитета, возглавляемая Топаловичем. Четнический руководитель, хотя и с некоторыми оговорками, высказал согласие с позицией, представленной ему преимущественно главой делегации. Михайлович заявил, что отнюдь не стремится к тому, чтобы в Югославии после ее освобождения от оккупации установить диктатуру или просто воспроизвести довоенные недемократические порядки, а, наоборот, является безусловным сторонником демократических и социальных реформ, которые бы проводились путем свободно и законно выраженной воли народа. Он согласился с возможностью послевоенного преобразования государства на федеративной основе и, в отличие от своей прежде выражавшейся позиции, заверял, что он против «сербского мщения», основанием для которого выставлялась бы коллективная этническая ответственность хорватов, мусульман и других национальностей. Он также утверждал, что готов, если окажется возможным, пойти на взаимоприемлемое компромиссное соглашение с Тито для исключения гражданской войны и во имя целей восстановления независимости Югославии. Наконец, Михайлович принял сформулированное Топаловичем условие, чтобы, вопреки прежнему четническому предложению о присоединении лидеров демократических партий к равногорскому движению, была создана некая новая широкая общенародная политическая организация, в которой бы объединились представители партий, равногорского движения и самого народа. Ее предлагалось создать путем созыва широкого народного съезда, который явился бы своего рода парламентом, «народным вече», конституировал бы такую организацию и сформировал ее руководство. На той же встрече межпартийной делегации с Михайловичем и его ближайшими сотрудниками

было решено провести съезд на контролируемой четниками территории во второй половине января 1944 г.⁷⁶

Он состоялся 27–28 января в горном селе Ба в Западной Сербии, сравнительно недалеко от района пребывания штаба Михайловича. Его стали обозначать как Светосавский съезд, поскольку открытие пришлось на день Святого Савы. Хотя организаторы съезда стремились, елико возможно, придать ему политически общегославский характер, состав его участников был почти целиком сербским, преимущественно из Сербии и частично из Черногории, Восточной Боснии, Герцеговины и некоторых других территорий с сербским населением, где действовали четники. Из общего числа делегатов, которых было, по разным данным, примерно от 270 до 300 человек, несербов насчитывалось меньше десятка. Насколько можно судить по имеющимся данным, участники съезда делегировались из активистов тех довоенных партий и организаций, которые были представлены в упомянутом выше межпартийном комитете, и из поддерживавшего четников актива среди населения на местах (равногорских активистов). Организация делегирования была возложена на четнических локальных командиров. Съезд проходил в соответствии с договоренностями, достигнутыми в середине декабря 1943 г. на встрече межпартийной делегации с Михайловичем. Попытка частично ревизовать эти договоренности и провести мероприятие в Ба как съезд исключительно равногорского движения, предпринятая в канун его открытия Стеваном Мольевичем, к тому времени занимавшим позицию главной фигуры в Центральном национальном комитете (ЦНК), потерпела неудачу ввиду того, что категорическое несогласие Топаловича со сценарием Мольевича Михайлович счел нужным поддержать. Топалович стал председательствующим на съезде, выступил с фактически главным репрезентативным докладом – о политической программе и создании ЮДНО. Сформулированные им основные положения, предварительно согласованные с Михайловичем, получили закрепление в решениях съезда, участники которого единогласно принимали то, что предлагалось его организаторами⁷⁷.

Политические решения Светосавского съезда содержались в его итоговой резолюции⁷⁸.

Ее исходным пунктом было провозглашение Михайловича «первым зачинателем народного сопротивления», а возглавляемые им четнические формирования – «подлинной народной армией», «истинным защитником народных свобод и залогом государственного будущего всех югославов». Сделанное на съезде, как предварительно и предусматривалось, заявление Михайловича, что он и армия под его командованием будут уважать право демократически избранного народного представительства организовывать государство конституционным путем, характеризовалось в резолюции как доказательство отсутствия недемократических и диктаторских устремлений у руководителя четников. А его же заявление о ложности «слухов», что армия будет вершить какую-то «коллективную месть», – подразумевалась месть сербов на этнической основе – фигурировало в резолюции как убедительное опровержение таких слухов. В резолюции указывалось, сколь «исторически важно и судьбоносно», чтобы сербы, хорваты и словенцы (ими в документе исчерпывалось перечисление народов Югославии) объединили «все свои силы и поистине дружно и братски оказали сопротивление врагу, так же как всем нападениям на их свободу и независимость, которые могут исходить с какой бы то ни было стороны».

С какой стороны, помимо «врага», т.е. оккупантов и квислинговских образований, исходит опасность, тут же разъяснялось. В резолюции «самым решительным образом» осуждалась КПЮ, «которая отделилась от общего народного объединения», как обозна-

чались силы вокруг Михайловича, «создала свою партийную армию и предпринимает усилия, чтобы путем разрушения государственного конституционного порядка захватить и узурпировать власть и установить свою диктатуру в Югославии». При этом в резолюции заявлялось, что КПЮ «является исчезающим меньшинством, и ее попытки политической и социальной революции решительно отвергает и осуждает огромное большинство народа в Югославии». КПЮ обвинялась в том, что своими действиями вызывает гражданскую войну и «ослабляет силу сопротивления народа оккупантам». Партизанскому руководству инкриминировались военная некомпетентность и нежелание считаться с народными жертвами, из-за чего, как утверждалось, оно «в большой мере способствовало тому, что была погублена масса нашего народа, особенно его молодежи».

Как особенно возмутительная характеризовалась и осуждалась резолюцией Светосавского съезда «попытка коммунистического вече путем односторонних решений присвоить себе право изменять конституционный порядок Югославии». Имелись в виду решения II сессии АВНОЮ. Говорилось, что они «ничего не стоят» и органы, созданные сессией, «никаким народным правительством не являются, а представляют собой одностороннее творение коммунистической партии Югославии». Более того, резолюция съезда в Ба довольно прозрачно ставила конституирование новой Югославии в один ряд с провозглашением НГХ, формулируя протест «против известных решений усташско-коммунистического меньшинства, которое, стремясь навязать свои идеи переворота и осуществить политику совершившегося факта, предпринимает безуспешную попытку узурпации народных прав и предопределения народной воли». Утверждалось даже, что «коммунистическая акция» не только «все больше становится и усташской», но и «бывает поддержана германскими сателлитами и военными преступниками в этой войне». Но в чем это могло выражаться, не объяснялось.

В противовес решению II сессии АВНОЮ о запрещении королю Петру II возвращаться в страну, светосавская резолюция содержала тезис, что, согласно конституции и законам Югославии, король обязан выполнять свои функции, особенно как верховный главнокомандующий во время войны, и никто не имеет права лишить его их или повлиять на их осуществление. И даже он сам не может бросить их исполнение, «пока свободно избранное народное представительство не освободит его законным путем от исполнения этих функций».

Впрочем, «общенародная программа» самого Светосавского съезда, содержавшаяся в итоговой резолюции, предусматривала, что восстановленная Югославия должна быть устроена «в форме конституционной и парламентской наследственной монархии во главе с народной династией Карагеоргиевичей и с королем Петром Вторым». Согласно мемуарам Топаловича, накануне съезда он на заседании подготовительного комитета предлагал внести также пункт о проведении послевоенного народного плебисцита для окончательного решения вопроса о будущей форме власти. Топалович считал, что это нужно сделать лишь из чисто тактических соображений, чтобы была основа для вступления в переговоры с коммунистами. Но все остальные члены комитета воспротивились внесению в резолюцию пункта о плебисците, и замысел лидера социалистов остался нереализованным⁷⁹.

По поводу послевоенного государственного устройства резолюцией съезда провозглашалась также необходимость того, чтобы страна представляла собой федеративное государство из трех федеральных единиц – сербской, хорватской и словенской. Это являлось повторением все той же идеи, которая, как уже говорилось в предыдущих главах, активно обсуждалась в последний период существования довоен-

ной Югославии, а в условиях оккупации, когда возникло четническое/равногорское движение, была продолжена в замыслах его верхушки во главе с Михайловичем. Топалович, если верить его свидетельству, на уже упомянутом заседании подготовительного комитета накануне Светосавского съезда предлагал, чтобы резолюция предусматривала федерацию из четырех федеральных единиц: в качестве четвертой он имел в виду Боснию. Но настроенные великосербски идеологи равногорства Драгиша Васич и Стеван Мольевич решительно выступили против, и в резолюции, представленной съезду, не было речи о четвертой единице⁸⁰. В резолюции ничего не говорилось о разграничении между тремя намеченными федеральными единицами. Была, однако, провозглашена необходимость того, чтобы сербская единица «объединила весь сербский народ на его территории», и добавлялось, что «тот же принцип должен иметь силу и для хорватов, и для словенцев». Это выглядело абсурдом, принимая во внимание наличие значительных территорий со смешанным сербским и хорватским, а к тому же еще и с не упоминавшимся в резолюции мусульманским населением. Гораздо большую практическую определенность имело положение резолюции, согласно которому, наряду со всеми территориальными переменами, произведенными при оккупации, объявлялось не признающим и довоенное «разграничение между сербами и хорватами, осуществленное без легитимных представителей сербского народа», т.е. соглашение Цветковича – Мачека, учредившее бановину Хорватия и установившее ее границы.

Перечисленные принципы государственного устройства, которые должны были быть реализованы при восстановлении Югославии, дополнялись содержащимися в резолюции общими заявлениями о послевоенном введении «широкого народного самоуправления», о «политических правах и свободах», которые будут гарантировать югославским гражданам «их решающее влияние на деятельность государства и органов самоуправления», об обеспечении «предпосылок для коренных реформ», направленных на то, «чтобы основные принципы демократии были проведены не только в политической, но и в хозяйственной, социальной и общекультурной областях».

Наконец, заявлялось и о том, что югославское государство должно быть восстановлено не только в своих довоенных границах, но и расширено за счет присоединения территорий с сербским, хорватским и словенским населением, которые при образовании Югославии остались за ее пределами. Указывалось, что в качестве минимальных следует предъявить те территориальные требования, которые были выдвинуты югославской делегацией на мирной конференции в Париже после Первой мировой войны.

Сформулированная программа восстановления и будущего устройства югославского государства провозглашалась в резолюции Светосавского съезда как программа ЮДНО. Декларировалось, что оно учреждается на этом съезде и объединяет «демократические партии» и равногорское движение, а также различные неполитические, национальные, социальные и другие группы и объединения, «согласные с этой народной акцией». Образованный съездом оргкомитет ЮДНО, состоявший из Топаловича, Мольевича и Васича, был уполномочен, по договоренности с представителями всех групп, вошедших в ЮДНО, расширить прежний состав ЦНК. Явно призванный в своем новом виде выступать в качестве противовеса АВНОЮ и НКОЮ, ЦНК объявлялся в светосавской резолюции «народным руководством и помощником королевского правительства и государственной вооруженной силы в выполнении их задач по освобождению народа и восстановлению государства».

В резолюции демонстративно приветствовалось, что «демократические партии», вошедшие в ЮДНО, «добровольно подчинились народной дисциплине» и «до восстановления государства и нормализации положения в нем отказались от всякой особой партийной политической деятельности». И содержался пропагандистский призыв от имени съезда к КПЮ «прекратить свою вредную раскольническую акцию в военной и политической областях и подчиниться, как и все остальные народные группы, общей народной дисциплине в освободительной войне».

Одновременно в резолюции подчеркнуто указывалось на «сожаление» съезда, что из-за «недостаточной информированности» «некоторые из наших союзников придали незаслуженное значение обособленной коммунистической акции». Съезд, как говорилось, «выражает надежду, что эта ошибка будет исправлена», и ожидает, что «все союзники» будут «поступать по отношению к нашему народному государству и его законным представителям как по отношению к равноправным союзникам». Под «законными представителями» подразумевались, конечно, король, эмигрантское правительство, Михайлович с его штабом и, видимо, теперь также ЦНК.

Светосавский съезд готовился и проводился как широковещательная политико-пропагандистская акция, призванная укрепить как на внутриюгославской сцене, главным образом среди сербского населения, так и особенно перед западными союзниками политическое положение четников и всех сил, объединившихся вокруг фигуры Михайловича. И прежде всего стать действенным противовесом решениям II сессии АВНОЮ, которые конституировали новую Югославию и, помимо всего прочего, уже вызвали, при поддержке СССР, большой резонанс в Лондоне и в определенной мере в Вашингтоне. Но в реально сложившейся к тому времени ситуации сам съезд и его итоговая резолюция оказались на деле не более чем весьма запоздалой реакцией на произошедшее двумя месяцами раньше в Яйце. Хотя четническая пропаганда постаралась после съезда, елико возможно, превозносить его и популяризировать основные положения резолюции, однако это не дало особо ощутимого практического эффекта. Последующие события довольно быстро показали, что светосавские решения не привели к какому-то сдвигу в соотношении сил на внутриюгославской сцене, и даже среди сербского населения, в пользу четнического лагеря и в ущерб новой Югославии. А у западных союзников съезд и его резолюция не вызвали заметного отклика и фактически были оставлены без внимания. К тому же замыслы, с которыми было связано проведение Светосавского съезда, во многом не получили затем практической реализации со стороны самих его организаторов. Провозглашенное создание ЮДНО и декларированная роль обновленного ЦНК остались, в сущности, на бумаге. Никакого негласного контакта с Тито, чтобы попытаться вступить в тайные переговоры между ним и Михайловичем, установлено не было⁸¹. А Топалович для установления собственной связи с западными союзниками был послан в Италию, в штаб союзнического средиземноморского командования, лишь в самом конце мая 1944 г., когда решение Лондона разорвать с Михайловичем уже давно являлось окончательным: Топалович полетел в Италию вместе с британской военной миссией, покидавшей штаб четнического руководителя. В итоге все усилия, предпринятые Топаловичем во время последующего пребывания в Италии, оказались тщетными⁸².

Со своей стороны, коммунистическое руководство новой Югославии, опиравшееся на поддержку преимущественно в сербских массах вне Сербии, активно стремилось создать себе серьезные позиции и в Сербии, огромное, если ни ключевое значение которой для югославского будущего было очевидно. Как уже говорилось, партизанские

силы в Сербии после поражения, понесенного в конце 1941 г., были крайне невелики и сохранились частично главным образом на некоторой южносербской территории. Поэтому уже с осени 1943 г. и затем зимой 1943/44 гг. постоянно организуются прорывы или просачивания партизанских групп из Санджака и Восточной Боснии в Сербию. Они наталкивались на контрудары как со стороны германских и болгарских оккупационных войск вместе с недичевской Сербской государственной стражей и лётичевским Сербским добровольческим корпусом, так и со стороны четников Михайловича. И в результате нередко отбрасывались назад⁸³.

В первой половине марта 1944 г. специальной ударной группой из двух усиленных партизанских дивизий была предпринята увенчавшаяся успехом в середине марта крупная операция по прорыву в Сербию. Ее важнейшей целью было создать в Южной Сербии, где, как отмечено выше, сохранялись некоторые партизанские силы, значительную опорную базу для планировавшегося Верховным штабом Тито последующего прорыва сюда еще более крупной партизанской группировки из Боснии и Санджака. В ожесточенную борьбу с прорвавшейся ударной группой вступили снова как оккупационные и квислинговские силы, так и четники. Всем вместе им удалось заблокировать партизанским дивизиям путь в Южную Сербию. Ударная партизанская группа с тяжелыми боями совершила рейд по Западной Сербии, откуда во второй половине мая была вынуждена вернуться в Санджак⁸⁴. Но в самой Сербии этот двухмесячный рейд вызвал среди части населения заметную волну пропартизанских настроений и неприязненное отношение к тому, что в борьбе с партизанами четники сплошь и рядом действовали на местах даже не просто параллельно, а в непосредственном взаимодействии с оккупантами и квислинговцами. В ряде мест получил распространение довольно значительный приток в партизаны, в результате чего в течение первой половины 1944 г. были сформированы 17 партизанских бригад, сведенных в мае – июне в пять дивизий, в южносербском регионе возникла относительно обширная территория под их частичным контролем⁸⁵.

Между тем в конце мая германское командование предприняло крупную операцию против основной партизанской территории в центральной части Югославии. Главной целью было уничтожение военного и политического руководства новой Югославии во главе с Тито, находившегося, как уже упоминалось выше, в городе Дрвар, в Западной Боснии. 25 мая на город был сброшен воздушный десант, а наземные войска начали наступать на контролировавшиеся партизанами районы по направлениям, сходящимся в Дрваре. Немцы захватили город, но Тито и другим членам руководства вместе с военными миссиями СССР и западных союзников в сопровождении ряда партизанских подразделений удалось уйти. Поскольку германские части шли по пятам, в ночь на 4 июня по радиовызову начальника военной миссии СССР генерал-лейтенанта Н.В. Корнеева в район Купрешко поле, куда вышла вся преследуемая группа, прилетел советский самолет, специально базировавшийся для воздушной связи с Корнеевым на союзническом аэродроме в Бари, в Италии. Он забрал Тито и его ближайших сотрудников, а затем самолеты западных союзников довершили эвакуацию⁸⁶. Таким образом, основная цель этой германской операции не была достигнута, а наступление наземных войск, встретив ожесточенное партизанское сопротивление, вслед за тем захлебнулось, и потерянная было партизанами территория была вскоре возвращена и даже расширена.

Дрварская операция стала последней попыткой гитлеровцев переломить развитие ситуации в Югославии в свою пользу. Больше не имея достаточных сил ввиду нарас-

тавшего поражения «третьего рейха» на основных фронтах войны в Европе – советско-германском и на «втором фронте», открытом в результате высадки войск западных союзников на атлантическом побережье Франции 6 июня 1944 г., германское командование окончательно утратило летом 1944 г. стратегическую инициативу на югославском военном театре. Это резко усиливало возможности военных действий партизанских формирований, ядро которых все больше превращалось в регулярную армию.

Эвакуировавшееся воздушным путем руководство новой Югославии было доставлено в Бари, откуда проследовало на югославский остров Вис в Адриатическом море. Он был освобожден от оккупации еще в октябре 1943 г. и охранялся партизанскими частями совместно с подразделениями западных союзников⁸⁷. Отсюда Политбюро ЦК КПЮ, НКОЮ и Верховный штаб продолжали до осени 1944 г., когда они вернулись на материк, руководить боевыми действиями партизанских сил на территории Югославии, системой органов революционной власти, политической структурой КПЮ и возглавлявшегося ею движения.

Тем временем британский премьер-министр Черчилль, исходя из оценки, что внутриюгославская ситуация развивается в пользу сил Тито⁸⁸, и принимая во внимание их поддержку Советским Союзом, тем более в условиях вступления Красной Армии в конце марта 1944 г. в Румынию и перспективы последующего советского наступления на Балканах, торопился в поисках компромисса между королем и эмигрантским правительством, с одной стороны, и новой Югославией – с другой. В апреле – мае Черчилль предложил правительству СССР и Тито очередной план: эмигрантский кабинет, включая Михайловича, будет целиком заменен другим, приемлемым для НКОЮ, который вступит с ним в переговоры. На сей раз предложение было принято. Под нажимом англичан Петр II, не хотевший этого и в своем противодействии пытавшийся заручиться поддержкой США, был, однако, вынужден на рубеже мая – июня отправить правительство Божидара Пурича в отставку и назначить новым премьером довоенного хорватского бана Ивана Шубашича⁸⁹. Выбор его кандидатуры на премьерский пост исходил непосредственно от британской стороны, которая принимала во внимание, что Шубашич, будучи не связанным с политикой поддержки Михайловича, а наоборот, причастный к кампании его осуждения и даже известными выступлениями в пользу сотрудничества с народно-освободительным движением, был, по имевшейся у англичан информации, приемлем для Тито⁹⁰. Вместе с тем в историографии представлены и исследования, в которых так или иначе подчеркивается, что эта кандидатура была англичанам в большей или меньшей степени подброшена, если ни навязана, со стороны. Самим Тито и Москвой с помощью закулисной игры, которая велась из расчета, что они смогут использовать Шубашича в своих целях. И Вашингтоном, поскольку Шубашич был связан со спецслужбами США и имели место американские усилия ввести его в британскую комбинацию замены правительства Пурича⁹¹.

Почти в последний момент перед назначением Шубашича король Петр II пытался все-таки дать мандат на премьерство кому-то из видных сербских политиков в эмиграции. В частности, он предложил занять этот пост Слободану Йовановичу, чего хотели ведущие эмигрантские сербские деятели большинства довоенных партий. По различным версиям в историографии, Йованович то ли вообще отверг мандат, ибо был против предварительных британских условий, прежде всего – не включать Михайловича в правительство, то ли соглашался на премьерство, но хотел оформить лишение Михайловича министерского поста совместным решением эмигрантских представителей всех

сербских партий, а те предпочитали спихнуть это на Йовановича, от чего он отказался⁹². Так или иначе, из комбинации с его кандидатурой на пост премьер-министра ничего не вышло.

Большинство сербских эмигрантских политиков, в сущности, не было готово к вступлению на путь соглашения с Тито. Ибо они относились к возглавляемому им движению не только как к заклятому политическому и идеологическому противнику, от которого исходит опасность захвата власти при освобождении страны от оккупации, но и как к антисербской силе, которая угрожает преимущественному положению сербов и их этнотерриториальным интересам в будущей, послевоенной Югославии.

Хорватский политик Шубашич не был, естественно, обременен страхами по поводу положения сербов и Сербии в послевоенной Югославии. Его, как и других эмигрантских хорватских деятелей, преимущественно заботило, каким будет в Югославии положение хорватов и Хорватии. Вместе с тем он стремился к обеспечению условий, необходимых, по его мнению, для восстановления югославского государства и для его последующего успешного существования на федеративной основе. За время эмиграции в США не чуждый контактов с левыми и прокоммунистическими кругами, он исходил из того, что в ситуации, когда, по его мнению, народно-освободительное движение превратилось в наиболее мощную югославскую антиоккупационную военно-политическую силу, обеспечить восстановление Югославии, хорватские интересы в ней, а одновременно и предотвратить установление односторонней власти коммунистов возможно лишь на путях соглашения и партнерства с Тито при поддержке западных союзников. Еще в сентябре 1943 г., ожидая, что англо-американские войска высадятся, наряду с Италией, и на югославском побережье, Шубашич предлагал властям США, в частности американским спецслужбам, план объединения сил в Хорватии для поддержки союзнических действий. План предусматривал координирующую политическую роль самого Шубашича, выступавшего бы в качестве хорватского бана, и роль «штаба Тито» как «единого командования» всеми «боевыми элементами»: партизанами, а кроме них – повстанцами, которых бы, по утверждениям автора плана, организовывала Хорватская крестьянская партия (ХКП), и добровольческими войсками, которые, как он полагал, повернули бы против режима Павелича⁹³. Теперь, когда Шубашичу предоставлялась возможность выступить не как хорватскому бану, а в качестве югославского эмигрантского премьер-министра, его идея партнерства с Тито не ограничивалась Хорватией, а касалась всей Югославии.

Еще в начале мая 1944 г., в преддверии увольнения правительства Пурича, Шубашич изложил американцам свой замысел на сей счет. Он предусматривал создание «сильного правительства» из лиц, которые были бы политически авторитетны в самой Югославии, обязательно включая наиболее влиятельных сербских деятелей. Задачей правительства, составленного таким образом, было поставить под свой политический контроль командующих антиоккупационными силами в стране, т.е. как Тито, так и Михайловича, которым следовало отказаться от самостоятельной политической роли и сосредоточиться на ведении вооруженной борьбы за освобождение. Именно такое правительство должно было стать единственным югославским партнером союзных держав, полностью контролировать программу союзнической помощи движениям Сопротивления и само принимать решения об объеме и динамике получения этой помощи каждым из движений⁹⁴.

Подобный замысел был абсолютно иллюзорен. К тому же, проявив уже раньше негативное отношение к Михайловичу, Шубашич перед своим назначением на пост премьер-министра, стремясь получить поддержку сербских политиков в эмиграции и одновременно

как-то решить на компромиссной основе проблему четнического движения, вместе со Слободаном Йовановичем и другим сербским эмигрантским деятелем, бывшим министром Миланом Гролом предложил англичанам, чтобы Михайлович, если не будет включен в новое правительство, остался, однако, в должности «начальника штаба Верховного командования» в стране, т.е. руководителя четников (Югославской армии на родине). А это предложение было негативно встречено британской стороной⁹⁵.

Тем не менее англичане согласились с главными предложениями Шубашича, вводя их в контекст собственных устремлений. Имелось в виду, что главная цель нового правительства должна состоять в том, чтобы сделать возможным сотрудничество основных антиоккупационных движений с королем и законным королевским правительством. Правительство должно было связаться со всеми упомянутыми движениями, к числу которых Шубашич упорно пытался также подвергать будто бы существовавшее, по его утверждениям, движение во главе с Мачеком, и выяснить возможность вхождения их представителей в состав правительства⁹⁶. Конкретно планом, согласованным между британской стороной и Шубашичем, предусматривалось, что он, назначенный премьером, но не формируя пока своего правительства, должен встретиться с Тито и договориться, чтобы тот вслед за этим встретился с Петром II. На данном этапе максимальная цель встреч заключалась в двух основных пунктах. Один – добиться от Тито признания короля как номинального верховного главнокомандующего, который, в свою очередь, назначил бы Тито командующим «всеми югославскими силами», что подразумевало и четников при условии полного отстранения Михайловича от руководства ими. Другим пунктом было получить согласие Тито на формирование Шубашичем правительства, которое бы обладало политической и гражданской властью, выступало от имени «всех борющихся и сопротивляющихся групп» и включило в свой состав членов НКОЮ наряду с представителями ХКП, «сербов» и т.д. При этом имелось в виду, что вопросы послевоенного устройства Югославии будут заморожены до окончания войны⁹⁷.

В сущности, подобного рода замысел был, прежде всего, призван хотя бы до некоторой степени поставить народно-освободительное движение политически в положение лишь одного, пусть и наиболее важного, из нескольких, как это преподносилось, партнеров по восстановлению югославского государства при предстоящем освобождении страны от оккупации. А королевскому правительству придать характер высшего государственного органа, признаваемого всеми партнерами и как бы стоящего над ними. Тем самым на деле ставился под сомнение статус новой Югославии, конституированной на II сессии АВНОЮ. Стремясь воздействовать на Тито в сторону большей сговорчивости, Шубашич, пославший ему просьбу о встрече, попытался усилить свои позиции путем сближения с Москвой, обратившись к Молотову с предложением об установлении сотрудничества эмигрантского правительства с СССР. А Черчилль, со своей стороны, при отправке Шубашича 10 июня на встречу с Тито адресовал последнему письмо, в котором всячески подчеркивал необходимость достижения соглашения с эмигрантским премьером и королем Петром II⁹⁸.

Однако на острове Вис, где находился Тито, Шубашича, прибывшего вместе с британским послом при эмигрантском правительстве Стивенсоном, ждал холодный душ. Ибо на состоявшихся 15–16 июня переговорах между ним и делегацией новой Югославии во главе с Тито основные предложения Шубашича были отвергнуты. А одновременно эмигрантский премьер получил от находившегося на Висе начальника советской военной миссии генерала Корнеева ответ Молотова, что Москва поддержит пра-

вительство Шубашича, только если оно будет создано на основе соглашения с Тито. В этой ситуации и перед угрозой провала переговоров Шубашич был вынужден принять условия, выдвинутые новой Югославией⁹⁹. Соглашение, подписанное 16 июня Тито и Шубашичем, предусматривало сохранение НКОЮ независимо от эмигрантского кабинета, который следовало составить «из прогрессивных демократических элементов, не скомпрометированных в борьбе против народно-освободительного движения». Правительство Шубашича обязывалось выразить большое признание «боевым народным силам, организованным в Народно-освободительной армии под командованием маршала Югославии Йосипа Броз Тито», и призвать весь народ объединиться с этой армией «в единый фронт». Оно должно было осудить «всех предателей народа, открыто или скрытно сотрудничавших с врагом». Подобная формулировка, принимая во внимание исходившие от руководства новой Югославии обвинения Михайловича в коллаборационизме, оказывалась направленной и против четников. Предусматривалось, что правительство заявит о признании завоеванных в трехлетней борьбе «основ демократического федеративного устройства» Югославии и органов «временного управления страной» в лице АВНОЮ и НКОЮ. Функции же самого правительства Шубашича сводились в основном к «организации помощи Народно-освободительной армии» и защите югославских интересов за рубежом. В обмен НКОЮ согласился не поднимать вопроса о короле и монархии до освобождения страны и сотрудничать с эмигрантским правительством на указанных выше условиях¹⁰⁰. От встречи, а тем более соглашения с королем Тито уклонился, отделавшись лишь ни к чему не обязывавшей ссылкой на то, что не исключает возможность встречи в будущем. А объединения НКОЮ с эмигрантским правительством, чего хотел Шубашич, Тито тоже не исключил, но опять-таки отложил возможность такого шага лишь на будущее¹⁰¹.

Будучи по форме компромиссом, Висское соглашение Тито – Шубашича оказывалось на деле крупным успехом для новой Югославии. Поэтому оно вызвало недовольство Лондона, попытавшегося, в том числе и с участием Шубашича, добиться от НКОЮ пересмотра соглашения в сторону непосредственного компромисса Тито с королем и – при условии отстранения Михайловича – партнерства партизан с четниками¹⁰². На это были направлены и усилия Черчилля, когда во время посещения Италии он встретился 12–13 августа 1944 г. в Неаполе с Тито, который в это время прибыл туда для переговоров с командующим союзными силами на Средиземноморье генералом Вильсоном по вопросам расширения помощи партизанским силам и координации военных действий. Но британские попытки ревизии Висского соглашения не имели успеха. Единственное, чего удалось добиться Черчиллю от Тито во время их встречи, – это согласия публично заявить, что руководство народно-освободительного движения не ставит своей целью «установление коммунизма» в стране. Такой тезис был внесен в опубликованное заявление Тито от 17 августа по поводу заключенного в июне соглашения с Шубашичем¹⁰³.

Обнародование подобного тезиса было не больше, чем чисто тактическим жестом со стороны югославского коммунистического лидера. Но британский премьер-министр был вынужден довольствоваться хотя бы таким публичным заявлением Тито. Ибо в сложившейся к тому времени обстановке не видел иного выхода, кроме продолжения усилий по достижению какого-то компромисса между югославским королевским правительством и руководством новой Югославии. Помимо уже упоминавшейся уверенности Черчилля в значительном превосходстве партизанских сил над четниками и в том, что Михайлович скомпрометирован как пособник оккупантов, глава британско-

го правительства не мог не принимать во внимание также другое: стремительно таяли виды на какое-либо военное вмешательство англичан, как и вообще западных союзников, в Югославии, а наоборот, возрастала возможность прихода туда советских войск.

Еще в мае 1944 г., перед лицом все более вероятной перспективы продвижения Красной Армии на Балканы и, соответственно, распространения советского контроля в странах полуострова, британское правительство попыталось хотя бы частично ограничить там заранее зону действий советских войск. С этой целью Москве было сделано предложение о разграничении сфер «инициативы» (или «ответственности») между СССР и Англией в предстоявших военных операциях на Балканах: к советской сфере была бы отнесена Румыния, а к британской – Греция. Лондон рассчитывал затем расширить проектируемое разграничение и на другие балканские страны, чтобы английская сфера охватила вместе с Грецией Югославию, а в обмен советская сфера – вместе с Румынией Болгарию. Москва ответила, что готова к разграничению «зон ответственности», однако обусловила его тем, чтобы это одобрили США. Между тем Вашингтон с подозрением относился к возможному англо-советскому сговору о фактических сферах влияния, и Черчиллю с большим трудом удалось убедить президента Рузвельта согласиться на предлагаемое разделение «зон ответственности», хотя бы на ближайший трехмесячный срок. Но, несмотря на американское согласие, советская сторона в переговорах по этому поводу с англичанами, тянувшихся в течение мая – июля 1944 г., продолжала ссылаться на сомнения Вашингтона. В результате, вопреки усилиям Лондона, весь вопрос о реализации британского плана фактически повис в воздухе¹⁰⁴.

Так как все еще недоступны относящиеся к этому документы из российских архивов, остается не совсем ясным, насколько советская ссылка на США была обусловлена нежеланием Кремля вступать в соглашение, вызывавшее американскую настороженность, а насколько данная ссылка была лишь предлогом, чтобы дипломатично уклониться от английского предложения. Но так или иначе, избранная Кремлем линия поведения позволяла ему не отвергать упомянутого предложения, а вместе с тем не связывать себя пока ограничениями относительно вступления советских войск в те или иные балканские страны. И в том числе в Югославию.

Это весьма заботило Лондон, опасавшийся подобного развития событий, которому он тогда не был в состоянии противостоять путем своего собственного быстрого и эффективного военного вмешательства на Балканах. Для такого вмешательства, в частности в Югославии, англичане в тот момент не располагали необходимыми весьма значительными силами, поскольку были заняты в масштабных военных операциях западных союзников как во Франции, где высадкой в Нормандии 6 июня 1944 г. был открыт «второй фронт», дополненный 15 августа крупной высадкой на французском средиземноморском побережье, так и в Италии, где союзные войска продвигались крайне медленно и с большим трудом ввиду сильнейшего сопротивления гитлеровцев. Британская озабоченность перспективами ситуации на Балканах, включая и Югославию, тем более усилилась, когда в начале августа 1944 г. англичане получили сведения о тайном прибытии советской военной миссии в район Греции, контролировавшийся партизанским движением, которое действовало под руководством греческой компартии. Это было воспринято Лондоном как знак фактического отказа Москвы от плана, предложенного британской стороной, и как свидетельство, наоборот, советского намерения осуществить вмешательство и в тех балканских странах, в отношении которых англичане проявляли особую заинтересованность¹⁰⁵.

Такова была ситуация, когда происходили встреча Черчилля и Тито в Неаполе, а также состоявшиеся там и сразу затем на Висе новые переговоры между Тито и Шубашичем. В итоге они завершились подтверждением соглашения, заключенного на Висе в июне. Были опубликованы предусмотренные этим соглашением уже упомянутое заявление Тито от 17 августа и датированная 8 августа декларация правительства, сформированного Шубашичем и утвержденного королевским указом 7 июля. В правительстве, состоявшем всего из 6 человек, четверо были из эмиграции: двое из верхушки ХКП – сам Шубашич и Юрай Шутей, а двое других – политик из пречанских сербов (Сава Косанович) и словенский деятель (Изидор Цанкар), уже раньше солидаризировавшиеся с народно-освободительным движением. Кроме того, по договоренности с Тито, в правительство были также включены две репрезентативные фигуры из некоммунистических участников народно-освободительного движения в стране, деятелей, известных еще с довоенных времен (серб Сретен Вукосавлевич и словенец Драго Марушич)¹⁰⁶. Не были представлены в правительстве основные довоенные политические партии Сербии, чьи эмигрантские лидеры отказались в нем участвовать. Проявился раскол в эмигрантской верхушке ХКП: ее генеральный секретарь Юрай Крневич, вначале не отвергавший намерения Шубашича достигнуть компромисса с Тито, хотя и довольно скептически смотревший на такую возможность, затем резко отрицательно оценил соглашение, заключенное на Висе, и образование правительства Шубашича, в котором участвовал и Шутей¹⁰⁷.

Обнародование декларации правительства, составленной в соответствии с изложенными выше обязательствами, принятыми Шубашичем по июньскому соглашению на Висе, представляло собой серьезный политический удар по Михайловичу. Тем более, что тот, не будучи включенным в состав кабинета Шубашича, теперь больше не обладал статусом министра. Михайлович, ЦНК и четническая пропаганда публично выразили осуждение и непризнание правительства Шубашича¹⁰⁸. Но четников ждал еще более жестокий политический удар: вынужденный, ставший следствием соглашения Тито – Шубашича, указ короля Петра II от 29 августа 1944 г. об освобождении Михайловича и от должности «начальника штаба Верховного командования в оккупированном Отечестве»¹⁰⁹. Тем самым четническое руководство полностью лишалось своего официального положения. Хотя обнародованный указ, ставший известным в Югославии из союзнических радиопередач, не был выполнен Михайловичем, и тот явочным порядком остался – вместе со своим окружением – во главе четнического движения, однако он теперь вообще больше не имел той формальной основы, которая делала его в глазах значительных масс сербского населения, главным образом в самой Сербии, легитимным представителем довоенной югославской государственности и традиционной монархии. Между тем это произошло в условиях, когда между партизанскими и четническими силами стала разворачиваться решающая схватка на территории Сербии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Соглашение см.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. I: 22 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г. М., 1946. С. 403–405.

2 Об операциях немецких и поведении итальянских войск, а также отношении последних к антикупационным формированиям в ходе этих событий см., например: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 8. *Die Ostfront 1943/1944: Der Krieg im Osten und an den*

Nebenfronten. München, 2007. S. 1025–1029; *Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941–1945. Drugo prepravljeno i dopunjeno izdanje. Knj. 1: Od sloma Kraljevine Jugoslavije do Drugog zasedanja AVNOJ-a. Beograd, 1963. S. 568–597, 632–638; Ivetić V. Vojne formacije u Jugoslaviji i razoružanje italijanskih jedinica septembra 1943 // Istorija 20. veka. 1996. Br. 1. S. 132–139.*

3 См., в частности: *Ivetić V. Op. cit. S. 139–140.*

4 О заявлениях Павелича, сделанных 9 сентября и дополненных некоторыми юридическими актами 9, 10 и 20 сентября 1943 г., см.: *Kisić Kolanović N. NDH i Italija: Političke veze i diplomatski odnosi. Zagreb, 2001. S. 378–381, 383. См. также: Kisić Kolanović N. Mladen Lorković: Ministar urotnik. Zagreb, 1998. S. 304–306.*

5 *Kisić Kolanović N. Mladen Lorković. S. 306–308.* При этом Павелич ставил перед Гитлером вопрос о присоединении к НГХ восточной части Истрии, где хорваты составляли большинство жителей, но указывал, что не претендует на западную и северную части полуострова с их, соответственно, итальянским и словенским большинством населения.

6 См.: *Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1988: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 169–172, 175–176.*

7 *Jelić-Butić F. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. Zagreb, 1977. S. 269, 270; Kisić Kolanović N. NDH i Italija. S. 380, 396, 401–402.*

8 *Kisić Kolanović N. NDH i Italija. S. 383.*

9 *Ibid. S. 396–398, 401–403; Kisić Kolanović N. Mladen Lorković. S. 306, 308.*

10 *Kisić Kolanović N. NDH i Italija. S. 389.*

11 См., например: *Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М., 2003. С. 230–231; Avramovski Ž. Nemačka politika prema Albaniji posle kapitulacije Italije (1943–1944) // Istorija 20 veka. 1983. Br. 1. S. 79–85; Hadri A. Okupacioni sistem na Kosovu i Metohiji 1941–1944. // Jugoslovenski istorijski časopis. 1965. Br. 2. S. 57–58; Ивановски В. Ослободителната војна во Западна Македонија 1941–1944. Скопје, 1973. С. 215–217; Petranović B. Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. Beograd, 1992. S. 552.*

12 О создании подконтрольных германским оккупантам национальных администраций и военно-полицейских формирований в Люблянской провинции и Черногории см.: *Mlakar B. Slovensko domobranstvo 1943–1945: Ustanovitev, organizacija, idejno ozadje. Ljubljana, 2003. S. 90–93, 95–96, 98–99, 101–145 etc.; Пажовић П. Контрареволуција у Црној Гори: четнички и федералистички покрет 1941–1945. Цетиње, 1977. С. 417–428.*

13 Об этом развитии военной ситуации, связанном с капитуляцией Италии, см., например: *Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941–1945. Knj. 1. S. 540–543, 546–567; Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918–1988. Beograd, 1988. Knj. 2: Narodnooslobodilački rat i revolucija 1941–1945. S. 258–260, 261–271 etc.; Ivetić V. Op. cit. S. 135–139; Николић К. Историја равногорског покрета 1941–1945. Београд, 1999. Књ. 1. С. 404–413; Mlakar B. Op. cit. S. 39–81, 104–112 etc.*

14 Например: *Milovanović N. Kontrarevolucionarni pokret Draže Mihailovića. Beograd, 1983. [Т.] 3: Rasulo. S. 115–116; Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918–1988. Knj. 2. S. 258–259.*

15 *Димитријевић Б., Николић К. Генерал Михаиловић – биографија. Београд, 2004. С. 314–319, и др.; Dimitrijević B. Jugoslovenska armija 1945–1954. Beograd, 2006. S. 25.* По мнению упомянутых авторов, разоружению итальянцев четниками мешал также глава британской военной миссии при штабе Михайловича полковник Бейли. Ибо в ряде случаев итальянские воинские части, в соприкосновение с которыми входили четнические силы, формально сдавались этому британскому офицеру как представителю средиземноморского командования западных союзников, и оружие у них четники забрать не могли (*Ни-*

колић К. Историја равногорског покрета. Књ. 1. С. 407–408; *Димитријевић Б., Николић К.* Указ. соч. С. 316).

16 Если верить данным послевоенной югославской историографии, к партизанам попало почти полностью вооружение около 12 итальянских дивизий. См.: *Anić N., Joksimović S., Gutić M.* Narodnooslobodilačka vojska Jugoslavije: Pregled razvoja oružanih snaga narodnooslobodilačkog pokreta 1941–1945. Beograd, 1982. S. 280.

17 Ibidem.

18 В частности, см.: *Kisić Kolanović N.* NDH i Italija. S. 386–390; *Goldstein I.* Hrvatska povijest. Zagreb, 2003. S. 296.

19 Формально эти земли были объявлены находящимися под властью Итальянской социальной республики – полностью зависимого от гитлеровцев режима во главе с Муссолини, установленного на той части территории Италии, которую заняли германские войска.

20 *Nešović S., Petranović B.* AVNOJ i revolucija: Tematska zbirka dokumenata, 1941–1945. Beograd, 1983. S. 418–419.

21 Подробнее о событийной канве происходившего в Вардарской Македонии см., например: Слободните територии во Македонија 1943. Скопје, 1975; *Ивановски В.* Указ. соч. С. 154–215. Об усилиях по налаживанию сотрудничества партизан этого региона с находившимися под руководством коммунистов партизанскими движениями в Албании и Греции см.: *Dokumenti o spoljnoj politici Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije 1941–1945* (далее DSP SFRJ, 1941–1945). Т. I. Beograd, 1988. Dok. 224. S. 347–349; Dok. 228. S. 353–355; Dok. 233. S. 361–363; Dok. 234. S. 367–368.

22 Изображения этих событий, характерные, с одной стороны, для югославской, а с другой – для постюгославской историографии см., например, в: *Пажовић Р.* Указ. соч. С. 381–412; *Николић К.* Историја равногорског покрета. Књ. 1. С. 404–413; Књ. 2. С. 141–142.

23 *Mlakar B.* Op. cit. S. 41–81; *Ferenc T.* Dies irae: Četniki, vaški stražarji in njihova usoda jeseni 1943. Ljubljana, 2002. S. 120–652.

24 *Izvori za istoriju SKJ.* Serija A. Т. II. Dokumenti centralnih organa KPJ: NOR i revolucija (1941–1945) (далее DCO KPJ). Књ. 13 (septembar – oktobar 1943). Beograd, 1990. Dok. 205. S. 454. См. также: *Dilas M.* Revolucionarni rat. Beograd, 1990. S. 353–354.

25 DCO KPJ. Књ. 13. Dok. 205. S. 454.

26 В упомянутом решении Политбюро ЦК КПЮ эта линия была выражена формулой, что характер АВНОЮ «должен стать общерепрезентативным». DCO KPJ. Књ. 13. Dok. 205. S. 454. См. также: *Dilas M.* Op. cit. S. 355.

27 *Nešović S., Petranović B.* AVNOJ i revolucija. S. 412–417, 432–435; Земаљско антифашистичко вијеће народног ослобођења Црне Горе и Боке: Збирка докумената / одабр. и уред. З. Лакић. Титоград, 1963. Док. бр. 8–21. С. 27–94.

28 См.: *Dilas M.* Op. cit. S. 355; *Nešović S., Petranović B.* AVNOJ i revolucija. S. 466–467; *Temelji nove Jugoslavije / Istražio, dao objašnjenja i pripremio za štampu S. Nešović.* Beograd, 1973. S. 265–266.

29 Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии / пер. с сербск. М., 1956. С. 91–95.

30 Там же. С. 97, 98–99; *Temelji nove Jugoslavije.* S. 120.

31 Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. С. 97, 100–102.

32 *Dilas M.* Op. cit. S. 353–354.

33 Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. С. 103–104.

34 См.: Документи за борбата на македонскиот народ за самостојност и за национална држава / уред. Х. Андонов-Полјански. Скопје, 1981. Т. 2: Од крајот на Првата светска војна до создавањето на национална држава. Док. 205. С. 406–411; Док. 214. С. 439–440; Док. 215. С. 443–446; Нова Југославија. 1944. № 2. Март.

35 Конституција и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. С. 104.

36 *Temelji nove Jugoslavije*. S. 129–130.

37 *Jugoslovenske vlade u izbeglištву 1943–1945: Dokumenti / prired. V. Petranović*. Beograd; Zagreb, 1981. Dok. 152. S. 255.

38 DCO KPJ. Knj. 14 (novembar – decembar 1943) Beograd, 1990. Dok. 100. S. 304; Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1998 (далее ОРЮ). № 253. С. 204.

39 DCO KPJ. Knj. 14. Dok. 109. S. 328–329; ОРЮ. № 256. С. 206; *Dilas M.* Op. cit. S. 354.

40 См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 2461. Л. 22; Д. 2465. Л. 82, 97, 128–129, 147–149; Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1369. Л. 41; Архив Југославије. Фонд радио «Слободна Југославија». Ем. 15 XII 1943; Tito – Churchill: strogo tajno / Izabrao i uredio D. Biber. Beograd; Zagreb, 1981. S. 46.

41 *Parliamentary Debates (Hansard)*. House of Commons: Official Report. 5th Ser. Vol. 395. London, 1943. Col. 945, 1433–1435; *The New York Times*, 1943, 10 Dec.

42 Сообщение Информбюро НКВД СССР «О событиях в Югославии» см.: ОРЮ. № 260. С. 208.

43 В тегеранском решении о Югославии говорилось лишь о помощи партизанам, которые, таким образом, фигурировали как союзническая военная сила. О четниках же не упоминалось вообще (Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. II: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). М., 1978. Док. № 64. С. 173). О британских обсуждениях вопроса относительно Михайловича см., например: *Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavje* (далее ZDP NOR). Т. XIV. Knj. 3: *Dokumenti jedinica, komandi i ustanova četničkog pokreta Draže Mihailovića*. Septembar 1943 – jul 1944. Beograd, 1983. Prilog II. Br. 1–4. S. 895–902; Br. 8. S. 911–912; *Jugoslovenske vlade u izbeglištву 1943–1945*. Dok. 183. S. 291–292; Tito – Churchill. S. 42–44, 47–49, 52–54.

44 *Николић К.* Историја равногорског покрета. Књ. 3. С. 206.

45 Там же. С. 191–193, 196–197.

46 Там же. С. 208–210.

47 ZDP NOR. Т. XIV. Knj. 3. Br. 64. S. 259–262, 265–266; Br. 69. S. 319.

48 См., напр.: *Tomasevich J.* War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: The Chetniks. Stanford (Cal.), 1975. P. 367–368; *Николић К.* Историја равногорског покрета. Књ. 3. С. 205, 207.

49 *Николић К.* Историја равногорског покрета. Књ. 3. С. 231–232. Вместе с миссией была эвакуирована большая группа спасенных четниками военнослужащих ВВС западных союзников, чьи самолеты в различное время были сбиты над Югославией.

50 *Николић К.* Историја равногорског покрета. Књ. 3. С. 210–211; ZDP NOR. Т. XIV. Knj. 3. Prilog II. Br. 9. S. 913–914; *Jugoslovenske vlade u izbeglištву 1943–1945*. Dok. 177. S. 285.

51 ОРЮ. № 259. С. 207–208.

52 Tito – Churchill. S. 50.

- 53 Ibid. S. 64.
- 54 Ibid. S. 75; Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Изд. 2-е. М., 1976 (далее Переписка...). Т. 1: Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). Док. № 223. С. 218–219.
- 55 DSP SFRJ, 1941–1945. Т. II. Beograd, 1989. Dok. 22. S. 36–37.
- 56 Ibid. Dok. 26–27. S. 43–44.
- 57 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1369. Л. 53, 56–64 (с неточностями опубликовано в: ОРЮ. № 273. С. 219); DSP SFRJ, 1941–1945. Т. II. Dok. 28–29. S. 44–46.
- 58 Tito – Churchill. S. 96; DSP SFRJ, 1941–1945. Т. II. Dok. 36. S. 52.
- 59 *Dilas M.* Op. cit. S. 370–371; DSP SFRJ, 1941–1945. Т. II. Dok. 48. S. 71.
- 60 ОРЮ. № 261–263, 266. С. 208–212, 213–214.
- 61 Там же. № 271. С. 218.
- 62 См.: *Гибянский Л.Я.* Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг. М., 1987. С. 84.
- 63 Об этих взаимоотношениях см., в частности: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. I: 1944–1948 гг. / отв. ред. Г.П. Мурашко. М.; Новосибирск, 1997. Док. № 2. С. 29; Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: Записки 1938–1947 гг. М., 1989. С. 204–205.
- 64 ОРЮ. № 229. С. 188; № 231. С. 189.
- 65 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I: Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1978. Док. № 55. С. 258–259; Т. II: Тегеранская конференция. Док. № 60. С. 149; *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. Док. № 159. С. 397.
- 66 ОРЮ. № 260. С. 208.
- 67 Там же. № 278. С. 222; № 280–281. С. 224–226.
- 68 Там же. № 292. С. 232; № 294. С. 233.
- 69 Восточная Европа в документах российских архивов. Т. I. Док. № 2. С. 28–35; ОРЮ. № 309. С. 247; № 311. С. 247–248; № 323. С. 265. См. также: *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 50–53, 55, 57–59.
- 70 ОРЮ. № 311. С. 247–248; № 330–332. С. 271–272; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1369. Л. 78, 106.
- 71 О развитии ситуации в ходе этих военных действий зимой 1943/44 гг. см.: *Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941–1945. Drugo prepravljeno i dopunjeno izdanje.* Knj. 2: Od Drugog zasedanja AVNOJ-a do konačne pobeде. Beograd, 1965. S. 11–69.
- 72 Различные интерпретации состояния и изменения взаимоотношений четников с оккупантами и квислинговскими администрациями в Сербии и вне ее с рубежа лета – осени 1943 и до конца зимы 1944 г. см., например, в: *Tomasevich J.* Op. cit. P. 317–332, 334–337; *Jelić-Butić F.* Četnici u Hrvatskoj 1941–1945. Zagreb, 1986. S. 215–226, 228–232; *Пајовић Р.* Указ. соч. С. 437–445, 462–465; *Николић К.* Историја равногорског покрета. Књ. 1. С. 418–426; Књ. 2. С. 187–194, 199; *Јовановић Ж.* Неостварени ратни циљеви Драже Михаиловића у Србији 1941–1945. Београд, 2001. С. 260 и след.
- 73 О первых контактах четнических представителей с Топаловичем весной 1943 г. (более подробной даты он не указывает) и о его знакомлении с начатой выработкой политической программы см.: *Топаловић Ж.* На Равној Гори. Крагујевац, 1999. С. 41–69.

74 *Топаловић Ж.* Указ. соч. С. 131. При этом Михайлович отметил, что никаких связей ни с английскими консерваторами, ни с лейбористами нет ни у одной другой «нашей политической партии», имея в виду, очевидно, тех из лидеров довоенных партий, которые во время оккупации оставались в Сербии.

75 *Топаловић Ж.* Указ. соч. С. 131.

76 О замысле Топаловича, организованных им переговорах представителей довоенных партий и встрече межпартийной делегации с Михайловичем см.: *Топаловић Ж.* Указ. соч. С. 71–80, 101–105, 128–149. Совсем иная версия того, каковы были побудительные мотивы Топаловича и его роль в межпартийных переговорах, как шли эти переговоры и затем встреча межпартийной делегации с Михайловичем, содержалась в тех югославских изданиях, выходивших при коммунистической власти, в которых данной теме специально уделялось внимание. В этих изданиях, чья политико-пропагандистская направленность была противоположна политической направленности мемуаров Топаловича, все упомянутые события рисовались исключительно как сговор реакционеров, коллаборационистов и лично нечистоплотных людей, преследовавших антинародные цели. Причем приводившиеся данные и датировка событий нередко не совпадали с теми сведениями, которые излагались в мемуарах Топаловича. Характерным примером такого издания была получившая известность книга, написанная высокопоставленным сотрудником югославских спецслужб: *Milovanović N.* Op. cit. [Т.] 3. S. 200–208. Любопытно, что еще 21 октября 1943 г. эмигрантский премьер Пурич утверждал, что Топалович через Михайловича «и английские власти» прислал письма, адресованные некоторым деятелям западноевропейских социалистических партий, в том числе лидерам британских лейбористов Клементу Эттли и Эрнсту Бевину, с обращением, осуждающим действия югославских коммунистов (*Jugoslovenske vlade u izbeglištvu 1943–1945. Dok. 130. S. 233*).

77 О ходе съезда, его публичной и закулисной сторонах см. мемуарные свидетельства: *Топаловић Ж.* Указ. соч. С. 192–234; *Вучковић З.* Сећања из рата. Крагујевац, 2001. С. 345–348. Официозная версия югославской исторической публицистики изложена в: *Milovanović N.* Op. cit. [Т.] 3. S. 208–218. Из постюгославской сербской историографии см., например: *Весовић М., Николић К.* Уједињене српске земље: Равногорски национални програм. Београд, 1996. С. 56–71; *Николић К.* Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 425–434.

78 Резолюцию см.: *Топаловић Ж.* Указ. соч. С. 229–234; *Весовић М., Николић К.* Указ. соч. Други део: Документи. Док. 23. С. 223–227. Обе публикации содержат один и тот же документ, однако, с той разницей, что во второй из них отсутствует небольшая преамбула, имеющаяся в первой, и в основном тексте резолюции переставлены местами некоторые абзацы, которые в первой из публикаций выглядят куда больше на своем месте.

79 *Топаловић Ж.* Указ. соч. С. 194.

80 Там же. С. 194–195.

81 По утверждению Топаловича, были, по согласованию с Михайловичем, предприняты сугубо тайные усилия отдельных отряженных для этого эмиссаров установить в качестве первого шага контакт с коммунистическо-партизанским подпольем в Сербии, чтобы через него связаться с Тито, но ни в какие отношения с коммунистами в Сербии вступить так и не удалось. *Топаловић Ж.* Указ. соч. С. 300–302.

82 См.: *Топаловић Ж.* Указ. соч. С. 441–445, 454–470, 477–481, и др.

83 *Николић К.* Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 196–203, 213–218.

84 См., например: *Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941–1945. Knj. 2. S. 227–235; Николић К.* Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 219–226.

85 Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 223–224; *Anić N., Jaksimović S., Gutić M.* Op. cit. S. 370–374.

86 Зеленин В.В. Операция «Ход конем» // Советское славяноведение. 1974. № 3; *Шорников А.С.* Наши полеты в Югославию // Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М., 1960. С. 217–218; Tito – Churchill. S. 171–173, 174, 180–181.

87 Tito – Churchill. S. 170–171, 173–176.

88 Так, в начале мая 1944 г. Черчилль оценивал «соотношение партизан и остальных сил в стране» как 75 % к 25 % (Tito – Churchill. S. 144).

89 См.: ОПО. № 296. С. 233–234; № 298. С. 235; № 301. С. 240; DSP SFRJ, 1941–1945. Т. II. Dok. 79. S. 111–112; Dok. 81. S. 113; Dok. 84. S. 115–116; Dok. 87. S. 118; Tito – Churchill. S. 144; Jugoslovenske vlade u izbeglištvu 1943–1945. Dok. 227. S. 330–331.

90 Tito – Churchill. S. 97, 101, 104, 118.

91 *Đuretić V.* Saveznici i jugoslovenska ratna drama. Beograd, 1985. Knj. II. S. 117–118 etc.; *Павловић В.* Од монархије до републике: САД и Југославија (1941–1945). Београд, 1998. С. 314–351.

92 Противоречивые сведения об этом см.: *Đuretić V.* Vlada na bespuću: Internacionalizacija jugoslovenskih protivrječnosti na političkoj pozornici drugog svjetskog rata. Beograd, 1982. S. 282; *Поповић Н.А.* Слободан Јовановић и југословенска држава. Београд, 2003. С. 314–315; *Глигоријевић Б.* Краљ Петар II Карађорђевић у вртлогу британске политике или како је укинута монархија у Југославији. Београд, 2005. С. 121–125.

93 *Jelić-Butić F.* Hrvatska seljačka stranka. Zagreb, 1983. S. 125–126; *Павловић В.* Указ. соч. С. 274–275.

94 *Павловић В.* Указ. соч. С. 340, 341, 343.

95 *Глигоријевић Б.* Указ. соч. С. 123–125; *Поповић Н.А.* Указ. соч. С. 315; *Đuretić V.* Saveznici i jugoslovenska ratna drama. Knj. II. S. 132–134.

96 *Павловић В.* Указ. соч. С. 349–350.

97 См., например: Tito – Churchill. S. 176, 179–180, 181, 183–185, 187, 189–191; *Гибанский Л.Я.* Дипломатическая история Висского соглашения Тито-Шубашича // Балканские исследования. Вып. 3: Освободительные движения на Балканах. М., 1978. С. 223–226; *Đuretić V.* Saveznici i jugoslovenska ratna drama. Knj. II. S. 136–138.

98 Tito – Churchill. S. 179; DSP SFRJ, 1941–1945. Т. II. Dok. 93. S. 141–142; Dok. 95. S. 143–144 (неудачный перевод на русский язык: ОПО. № 324. С. 265–266).

99 DSP SFRJ, 1941–1945. Т. II. Dok. 98–99. S. 146–153; ОПО. № 329. С. 270; Tito – Churchill. S. 213–214.

100 DSP SFRJ, 1941–1945. Т. II. Dok. 100. S. 153–154.

101 Tito – Churchill. S. 213–214.

102 Ibid. S. 201–202, 208–209, 209–210, 220–221; DSP SFRJ, 1941–1945. Т. II. Dok. 108. S. 165.

103 DSP SFRJ, 1941–1945. Т. II. Dok. 133. S. 210–211; Dok. 134. S. 215–218; Dok. 138. S. 223; Dok. 140. S. 230–231; Dok. 141. S. 235; Dok. 144. S. 241.

104 См.: Переписка... Т. I. Док. № 294. С. 280–281; Док. 297. С. 283; *Churchill W.S.* The Second World War. Vol. V. London, 1952. P. 623; Vol. VI. London, 1954. P. 63–71; The Eden Memoirs: The Reckoning. London, 1965. P. 459; Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers (далее FRUS). 1944. Vol. V. Wash., 1965. P. 112–115, 117–121, 123–127, 130–131; *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. Vol. III. London, 1971. P. 116–118, 121–123. См. также: *Гибанский Л.Я.* Дипломатическая история Висского соглашения. С. 208–209, 215–217.

105 См.: *Churchill W.S.* Op. cit. Vol. VI. P. 71; *Woodward L.* Op. cit. Vol. III. P. 123.

106 Декларацију правителства Шубашича см.: DSP SFRJ, 1941–1945. Т. II. Dok. 130. S. 196–198; состав правителства см.: Jugoslovenske vlade u izbeglištvu 1943–1945. Dok. 246. S. 350.

107 См.: *Radelić Z.* Hrvatska seljačka stranka 1941–1950. Zagreb, 1996. S. 29–30; *Đuretić V.* Saveznici i jugoslovenska ratna drama. Knj. II. S. 176.

108 *Весовић М., Николић К.* Указ. соч. Други део: Документи. Док. 40. С. 287–289; *Матић М.* Равногорска идеја у штампи и пропаганди четничког покрета у Србији 1941–1944 / приред. М. Весовић, К. Николић. Београд, 1995. Гл. четврта: Прилози. Избор чланака из четничке штампе. [Део] 3. Док. 34. С. 233–235; Док. 36. С. 238–239.

109 *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 690.

ГЛАВА 6

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ ЮГОСЛАВИИ

Прелюдия развязки в гражданской войне. С учетом отчасти удачного, а отчасти неудачного опыта, приобретенного при проведении в марте – мае 1944 г. прорыва двух усиленных партизанских дивизий в Сербию и их рейда по некоторым ее районам, Верховный штаб Тито стал уже с мая – июня готовить новую, куда более масштабную операцию в отношении Сербии. Имелось в виду на сей раз осуществить прорыв туда очень крупной группировки из наиболее боеспособных партизанских соединений¹. Своими действиями указанная группировка и растущие партизанские силы в самой Сербии должны были завоевать положение преобладающего военно-политического фактора в этой части Югославии при падении там оккупационно-квислинговского режима. Коммунистическое руководство новой Югославии полагало, что конец оккупации Сербии может наступить в довольно недалеком будущем, и в большой мере связывало такое развитие событий с перспективой ожидаемого наступления советских войск в Румынии и далее на балканском направлении.

В датированном 5 июля 1944 г. письме Сталину, которое Тито вручил начальнику военной миссии СССР генералу Корнееву, отправлявшемуся тогда в Москву, подчеркивалось, сколь важно, «чтобы Красная Армия продвинулась через Карпаты и Румынию в направлении юга». А в докладной записке Корнеева, которую он по прибытии в советскую столицу представил 31 июля Сталину, говорилось и об устной просьбе Тито руководителю СССР, чтобы Красная Армия из Румынии вошла в Сербию. При этом в докладной записке упоминалось о замысле Тито, что «при подходе Красной Армии к границам Югославии он соберет 10–12 дивизий с тем, чтобы с помощью их захватить Белград». В обоих названных документах, адресованных Сталину, излагался расчет югославского коммунистического руководства на то, что взаимодействие партизанских сил и советских войск, которые бы вступили в Сербию, приведет там к поражению не только оккупантов и режима Недича, но одновременно и четников Михайловича. И в результате эта часть страны окажется под контролем новой государственности, всецело возглавляемой КПЮ. Тем самым, как формулировал Тито, удастся «решить вопрос Сербии», а от него «зависит окончательный успех в деле создания демократической федеративной Югославии». Ибо овладение Сербией будет означать крах тех расчетов на нее и, по мнению Тито, на этническое движение, которые, как он полагал, все еще имелись у Лондона. Обращаясь к Сталину, Тито подчеркивал, что установление партизанского контроля в Сербии и советская поддержка, прежде всего приход Красной Армии, явятся важнейшими условиями противостояния британскому давлению на новую Югославию, которого ее лидер тогда все еще очень опасался, особенно в случае, если бы войска западных союзников высадились на югославской территории².

Готовя планируемый масштабный прорыв в Сербию, Тито как в письме Сталину, так и в устном обращении к нему через Корнеева просил также о срочной помощи в вооружении и оснащении своих сил, в первую очередь тех, которые должны были осуществ-

вить намеченную операцию. При этом, помимо стрелкового оружия, речь шла и о необходимости получения тяжелого вооружения, вплоть до танков и авиации³.

Переброска из Советского Союза партизанским формированиям Тито вооружения, боеприпасов, снаряжения и обмундирования, медикаментов и затем даже продовольствия началась еще с февраля – марта 1944 г. Она осуществлялась советской авиацией дальнего действия непосредственно с территории СССР. Эти грузы доставлялись в условленные районы Югославии на импровизированные партизанские аэродромы или сбрасывались на парашютах. В мае была создана на Украине, в Винницкой области, специальная база, откуда велась авиапереброска. Но прямая доставка грузов в Югославию из СССР по воздуху была чрезвычайно сложной, т.к. самолетам приходилось в основном без посадки пролетать в оба конца свыше 2,5 тыс. км над территорией, занятой противником. Поэтому Москва добилась от западных союзников согласия на создание советской базы снабжения на занятой ими территории Южной Италии – в Бари, куда грузы из СССР могли доставляться и морским путем. С июля 1944 г. там разместилось советское военно-транспортное авиасоединение, которое стало осуществлять полеты в Югославию. До сентября 1944 г. с обеих баз, на Украине и в Италии, было доставлено около 11 тыс. автоматов и винтовок, больше 1300 пулеметов, свыше 270 противотанковых ружей, минометов и пушек, более 8370 тыс. патронов, свыше 20 тыс. мин и снарядов, столько же гранат, другие материалы⁴.

Забегаю вперед, отметим, что позднее, с выходом советских войск к югославской границе и их вступлением в конце сентября 1944 г. в Югославию, были организованы две советские базы снабжения в Румынии и Болгарии, откуда военные грузы могли доставляться на югославскую территорию наземным путем. И с этого времени поставки стали уже включать также тяжелое вооружение. По неполным данным, до 1 мая 1945 г. с советской стороны было за весь период оказания помощи в 1944–1945 гг. передано вооруженным силам новой Югославии свыше 125 тыс. винтовок и карабинов, больше 54 тыс. автоматов, пулеметов, противотанковых ружей, свыше 5,5 тыс. орудий и минометов, 72 танка, самоходных артиллерийских установок и броневозов, 491 самолет, большое количество боеприпасов, снаряжения и т.д.⁵ По просьбам Тито, содержащимся, в частности, и в упомянутых выше его обращениях к Сталину в июле 1944 г., в советских военных учебных заведениях была начата подготовка летчиков и авиатехнического персонала, танкистов, артиллеристов, связистов для Народно-освободительной армии из числа ее бойцов и офицеров, отбравшихся с этой целью Верховным штабом и отправлявшихся воздушным путем в СССР. Кроме того, командование Красной Армии сформировало на территории СССР пехотную и танковую бригады из тех лиц югославянских национальностей, которые, попав в составе вражеских армий на германо-советский фронт, были взяты советскими войсками в плен и там изъявили готовность сражаться против гитлеровцев. В основном бригады состояли из бывших «легионеров», посланных, как упоминалось выше, Павеличем в помощь Гитлеру на востоке, а также из тех, кого в различных районах расчлененной Югославии захватчики мобилизовали в свои войска или вспомогательные военно-строительные части. Осенью 1944 г. и весной 1945 г. обе бригады перебросили в Югославию⁶.

Коммунистическое руководство новой Югославии в силу своей тесной политико-идеологической связи с СССР рассматривало советскую военную помощь как наиболее важную и надежную. Вместе с тем оно прилагало усилия и для расширения помощи, которая, как уже говорилось, начала с лета 1943 г. поступать от западных союзников. В декабре 1943 – марте 1944 г. в Египте, Италии и в партизанском Верховном штабе велись переговоры его пред-

ставителей с представителями англо-американского командования на Среднем Востоке и Средиземноморье. А в середине апреля 1944 г. военная миссия Верховного штаба во главе с генерал-майором Владимиром Велебитом была направлена в штаб-квартиру средиземноморского командования в Алжире и затем в Лондон, где Велебит в течение мая встречался с Черчиллем, рядом британских министров и высоких военных чинов. Хотя в то время правительство Англии официально еще занимало позицию непризнания НКОЮ, а американская администрация отказалась тогда принять даже военную миссию, которую Тито хотел послать в США, западная помощь расширялась и становилась все более значительной, особенно с лета 1944 г. По данным, фигурирующим в историографии и не во всем совпадающим, с 1943 г. до конца войны вооруженные силы новой Югославии получили воздушным и морским путем от западных союзников примерно от 140 до 180 тыс. различного вида винтовок, от 13 до 18–19 тыс. автоматов, пулеметов и противотанковых ружей, свыше 3 тыс. минометов и артиллерийских орудий, 107 танков, 61 самолет, большое количество боеприпасов, снаряжения, военной техники, медикаментов и т.д. На союзнических базах в Италии и Северной Африке была организована подготовка летчиков, танкистов, артиллеристов для Народно-освободительной армии из числа ее бойцов и офицеров, посылавшихся туда для этого. Там были сформированы 5 пехотных бригад, танковая бригада, два горных мотодивизиона, две авиаэскадрильи, ряд артиллерийских и других частей, переброшенные в 1944–1945 гг. в Югославию⁷. Вся эта помощь предназначалась западными союзниками для боевых действий вооруженных формирований Тито против войск оккупантов и квислинговских режимов. Однако руководство новой Югославии, исходя из собственных целей, использовало указанную помощь и для борьбы против четников, которых оно рассматривало как своих главных политических противников, а одновременно как пособников оккупантов.

Но вернемся к середине лета 1944 г., когда большие силы Тито, снабжавшиеся вооружением, боеприпасами и снаряжением частично из СССР, а частично – западными союзниками, готовились к решающей операции по овладению Сербией. Для ее срыва германское оккупационное командование пыталось нанести по ним превентивные удары в прилегающих или близких к Сербии районах их концентрации в Боснии, Санджаке, Черногории. В Боснии, являвшейся частью территории НГХ, в этих ударах участвовали также воинские соединения усташского режима. А в большинстве указанных выше районов, особенно в Санджаке и Черногории, превентивные операции против партизанских контингентов, сосредоточенных для прорыва в Сербию, проводились и четниками, в одних случаях – в непосредственной координации с оккупационными войсками, в других – параллельно с ними. Силы оккупантов и режима Недича, с одной стороны, и Михайловича, с другой, стремились к нанесению ударов и по партизанам внутри Сербии. Все это вызывало активное партизанское противодействие как в самой Сербии, так и в упомянутых выше районах, прилегающих к ней⁸.

В итоге крупные группировки сил Тито, несмотря на все попытки помешать им, осуществили с юга и запада прорывы в Сербию сначала на рубеже июля – августа, а затем второй волной в конце августа – начале сентября 1944 г. В Сербии они вместе с тамошними партизанскими соединениями, помогавшими изнутри нее этим прорывам, развернули масштабные боевые действия. В неуклонно ширившихся ожесточенных сражениях противниками прорвавшихся были как войска оккупантов и воинские соединения режима Недича, так и четнические формирования⁹.

В этой ситуации Недич предпринял шаги, направленные на то, чтобы достигнуть соглашения с Михайловичем о создании «общего фронта сербских национальных сил»

ради совместной борьбы против «красной опасности». Стремление Недича поддерживалось частью руководящих фигур в немецких оккупационных органах в Сербии, прежде всего Германом Нойбахером, специальным уполномоченным МИД Германии на Юго-Востоке Европы.

Назначенный на этот пост еще в августе 1943 г., Нойбахер имел своей задачей выработку политических мер, направленных на укрепление позиций «третьего рейха» в Юго-Восточной Европе. Речь в первую очередь шла о том, чтобы привлечь к поддержке Германии или, по крайней мере, к использованию в ее интересах как можно более значительные местные силы в регионе: этнические, общественно-политические, военные. В частности, с осени 1943 г. Нойбахер всячески стремился укрепить режим Недича, считая это одним из важнейших средств противостояния антиоккупационным движениям на пространстве, населенном сербами, прежде всего растущей угрозе со стороны партизан Тито. Он пытался убедить нацистское руководство, самого Гитлера, германское оккупационное командование в Сербии в необходимости шагов, которые бы сделали более привлекательным для сербов имидж правительства Недича, существенно расширили бы его поддержку среди населения. С этой целью Нойбахер выступал за смягчение оккупационного режима и одновременно наделение недичевской администрации более значительными прерогативами, придание ей, по возможности, в той или иной степени выраженных черт сербской государственности, которые бы привлекли к ней симпатии большей части народа. По инициативе специального уполномоченного на Юго-Востоке, был в сентябре 1943 г. организован визит Недича в Берлин, где генерала принял Гитлер. Это должно было продемонстрировать высокий статус главы «сербского правительства», отношение фюрера к нему как к полноценному премьер-министру. Но особый упор Нойбахер делал на использование сербских национальных чувств, на то, чтобы Недич выглядел спасителем и объединителем сербов, а Гитлер – покровителем и гарантом этого. Так, во время упомянутого визита в Берлин Недич старался склонить нацистских главарей к ревизии в пользу Сербии ее установленных оккупантами границ с НГХ и квислинговским режимом Албании. А в конце 1943 г. и затем весной 1944 г. Нойбахер представлял на рассмотрение Риббентропу и самому Гитлеру план создания федерации Сербии, Черногории и Санджака, которая была бы наделена некоторыми автономными правами и которую бы возглавил Недич. Однако все это было отвергнуто Гитлером, считавшим, что такого рода поощрение «сербских националистов» может затем привести к угрозе с их стороны контролю «третьего рейха» над Сербией¹⁰. Единственным, чего реально добился Нойбахер, было смягчение нацистской оккупационной политики в Сербии, где, как констатировалось в современной сербской историографии, после декабря 1943 г. массовые казни заложников стали редкостью¹¹.

Важным направлением устремлений Недича и Нойбахера являлось привлечение как можно большей части сил, находившихся под командованием Михайловича, если и не прямо на сторону недичевской администрации, то, по крайней мере, к максимально тесному взаимодействию и сотрудничеству с ней и фактически с оккупационным режимом.

В ряде случаев речь шла о перетягивании на эту позицию тех или иных локальных либо региональных этнических формирований как в самой Сербии, так и в некоторых пограничных с ней районах. В частности, особое место в такого рода усилиях занял Павле Джуришич, одна из наиболее заметных фигур среди четников Черногории и Санджака. Будучи, как уже упоминалось выше, арестован и интернирован немцами при разоружении ими значительной части черногорских четников в середине мая 1943 г.,

он, согласно версии, распространенной в историографии, спустя три с половиной месяца бежал, но при попытке перехода на территорию Сербии оказался задержан недичевскими властями и передан тамошним германским оккупационным органам. Однако через не очень продолжительное время был освобожден по просьбе Недича и при содействии Нойбахера, которые достигли с Джуришичем некоторой договоренности о сотрудничестве. Оно стало осуществляться, когда с ноября 1943 г. Джуришич, вступивший в контакт с Михайловичем и посланный тем в Санджак, возглавил находившиеся там силы четников. В конце 1943 г., а особенно с зимы 1944 г. формирования, которыми он командовал, предприняли ряд операций против партизан, действуя в координации с германскими войсками и непосредственно выступая вместе с присланными из Сербии в Санджак частями лётичевского Сербского добровольческого корпуса¹². А с поздней весны – лета 1944 г. Джуришич, по договоренности с Недичем и Лётичем и при согласии Нойбахера и германского военного командования, стал уже и на территории собственно Черногории формировать т.н. Черногорский добровольческий корпус, снабжавшийся и вооружавшийся при поддержке администрации Недича. Джуришич и это находившееся под его командованием новое военное формирование, организационно укрепившееся летом 1944 г., заняли своеобразную автономную позицию. Они были по-прежнему связаны с Михайловичем как своего рода часть четнического движения, а в то же время – с Недичем и в той или иной мере с немцами, лавируя между всеми ними¹³.

Наряду с этим, Недич вместе с Лётичем, действуя в контакте с Нойбахером, стали стремиться и к более широкому соглашению с четническим движением, в основном в самой Сербии. Так, согласно сведениям в историографии, Недич в феврале 1944 г. беседовал с неким доверенным лицом четнического командования, которому сказал, что хотел бы установления постоянной связи четников с Сербской государственной стражей «ради объединения сербского фронта и спасения сербов». Собеседник Недича донес об этом в штаб Михайловича. Но со стороны командования четников никакого ответа не последовало. Тем не менее, во время партизанского прорыва в Сербию весной 1944 г. Недич обсуждал с Нойбахером ту же идею создания «сербского национального фронта» вместе с четниками, пытаясь получить германскую санкцию на шаги в этом направлении. А 17–19 мая 1944 г., по инициативе Лётича, состоялась тайная встреча последнего с командующим силами Михайловича в Сербии генералом Мирославом Трифуновичем. Генерал принадлежал к числу тех среди четнического руководства, кто считал, что в интересах борьбы с партизанами, а особенно для получения крайне необходимых четникам оружия и боеприпасов нужно идти на соглашение с Недичем и Лётичем. На встрече Лётича и Трифуновича была достигнута принципиальная договоренность о совместной борьбе против «коммунистов» и о том, что силы Михайловича не будут нападать на администрацию и воинские формирования правительства Недича, которое, в свою очередь, окажет четникам помощь деньгами, продовольствием и обмундированием. Предусматривалось, что обе стороны прекратят взаимную пропагандистскую войну, Недич и Михайлович будут действовать согласованно и при Недиче будет находиться постоянный делегат Михайловича¹⁴.

Однако Михайлович, в отличие от Трифуновича, не был готов к этому, рассматривая Недича и Лётича как прислужников оккупантов и своих противников, а также опасаясь, что соглашение с ними может стать известным и привести к такой компрометации равногорского движения, которую нельзя допустить ни в коем случае. В середине июля Лётич констатировал, что договоренность с Трифуновичем осталась нереализованной.

Одновременно он констатировал и неудачу всех своих попыток встретиться непосредственно с самим Михайловичем, отказывавшимся от такой встречи¹⁵. В течение лета в разных местах Сербии продолжались также спорадические взаимные нападения, предпринимавшиеся, с одной стороны, некоторыми локальными четническими отрядами, в основном по собственной инициативе их командиров, а с другой – формированиями Сербского добровольческого корпуса и Сербской государственной стражи¹⁶.

Но с масштабным партизанским прорывом в Сербию, первая волна которого, как уже сказано, хлынула на рубеже июля – августа, а вторая месяцем позже, вопрос о создании «общего сербского фронта против красных» вновь был поставлен в повестку дня. Судя по документам, доступным для исследования, и по различного рода сведениям, имеющим хождение в историографии и мемуаристике, уже в момент первой волны Недич выдвинул задачу объединения всех вооруженных сил своего режима с силами Михайловича. А вслед за тем стремление к объединению проявило и четническое руководство. Результатом стали переговоры представителей обеих сторон, приведшие в середине августа 1944 г. к тайной встрече Недича и Михайловича. Данные о ней скупы и фрагментарны, а к тому же основаны лишь на более поздних свидетельствах, достоверность которых довольно проблематична. Из этих данных следует, что Недич согласился поставить свои вооруженные формирования под командование Михайловича для борьбы против партизан и обещал оказывать четникам значительную ежемесячную финансовую помощь, а что еще важнее, получить для них от германских оккупационных властей до 30 тыс. винтовок, 500 автоматов, некоторое число минометов, боеприпасы, обмундирование. В обмен от руководителя четников требовалось, чтобы полученное оружие не использовалось против оккупантов. Если верить имеющимся свидетельствам, он старался отмалчиваться, избегая давать обещания, но фактически соглашался на получение помощи и определенного рода объединение¹⁷.

Некоторые современные сербские историки склонны считать «очевидным», что встреча Недича и Михайловича была организована без желания последнего и ее инициатором являлась группа офицеров во главе с Драгославом Рачичем, которому глава равногорского движения поручил в тот момент руководить всеми операциями четнических сил в Сербии¹⁸. Однако документальные доказательства в пользу подобной версии отсутствуют. Да и вообще отсутствуют сколько-нибудь внятные сведения о закулисном механизме того, как указанная встреча была организована со стороны четников и какую роль в этом играл сам Михайлович. То, что на встрече он, если верить позднейшим утверждениям Недича и некоторых сотрудников последнего, держался несколько уклончиво, может свидетельствовать лишь о его осторожной тактике ввиду опасения компрометации. Но его подлинное отношение к организации встречи остается неизвестным. Так или иначе, вряд ли она состоялась бы без его санкции.

Во всяком случае, определенная договоренность о совместной борьбе против партизан была там достигнута. Ибо вслед за этой встречей Недич тут же обратился к немецким оккупационным властям с просьбой о предоставлении оружия и боеприпасов для сил Михайловича. В последующие дни августа данная тема активно обсуждалась как самим командованием германских оккупационных войск, так и в переговорах немцев с Недичем. Одной из центральных фигур в указанных обсуждениях был Нойбахер, стремившийся к практической реализации замысла о создании подконтрольного гитлеровцам единого «сербского фронта» против партизан. Чуть раньше та же упомянутая выше группа четнических командиров во главе с Рачичем сама параллельно вступила и в непосредственные переговоры с представителями командования германских оккупа-

ционных сил по поводу получения от немцев оружия и боеприпасов для борьбы с партизанами. В ходе этих переговоров шла, в частности, речь об организации встречи между Нойбахером и Михайловичем. В итоге командование германскими войсками в регионе Юго-Востока, включавшем и Сербию, пришло к выводу, сторонниками которого были Нойбахер и Недич: нехватка собственных сил делает необходимым в интересах противостояния быстро нарастающим партизанским действиям пойти на хотя бы частичное вооружение и оснащение четников для их совместного с недичевцами и оккупантами отпора «коммунистической опасности»¹⁹.

Но этот замысел оказался опрокинутым, когда в последней декаде августа он был представлен руководству «третьего рейха». Гитлер, хотя полностью и не исключал возможного использования отдельных четнических формирований в локально ограниченных и тактически небольших операциях, однако категорически отверг план объединения сил Михайловича и Недича и сколько-нибудь значительного вооружения четников. В создании боеспособной «сербской национальной армии» фюрер, по его собственным словам, видел не меньшую, если даже ни еще большую угрозу нацистскому господству над Сербией, чем в «коммунистической опасности», исходящей от партизан²⁰.

В итоге из всего, что замышлялось, командование четников и часть недичевской верхушки сами явочным порядком осуществили лишь одно: в начале сентября 1944 г. из частей Сербской государственной стражи, а также пограничной стражи был сформирован т.н. Сербский ударный корпус, который вошел в состав четнических сил. Он состоял из трех дивизий и насчитывал, согласно данным, фигурирующим в историографии, неполных 7 тыс. человек²¹.

Но почти одновременно с этим частичным шагом по реализации идеи образования антипартизанского «единого сербского фронта» возникли явления раскола в рядах самих четников. В условиях, когда становилось очевидным, что с нарастающим поражением «третьего рейха» на основных фронтах войны вплотную придвинулось время краха гитлеровского господства, среди части как рядового, так и командного состава четнических формирований стали шириться настроения в пользу активного выступления против оккупационных сил, а нередко и в пользу прекращения борьбы с партизанами. У одних эти настроения были обусловлены в основном патриотическими побуждениями, желанием сосредоточить усилия на достижении антигитлеровских освободительных целей и положить конец бушующей гражданской войне, особенно остро воспринимавшейся как война сербов против сербов. У других не менее важную роль играло опасение того, что дальнейшее продолжение борьбы с партизанами, тем более в обстановке их широкого успешного прорыва в Сербию, а одновременно по-прежнему воздержание от выступления против оккупантов и, наоборот, даже то или иное взаимодействие с ними и с прооккупационными властями ведет в политический тупик, все больше компрометирует четников и угрожает поставить их в положение находящихся на противоположной от союзников стороне. В итоге Михайловичу, особенно со второй половины августа, стали направляться обращения ряда офицеров четнических сил и активистов равногорского движения с призывами к скорейшему общему нападению на германские войска. К концу августа подобные обращения начали поступать и от командиров, занимавших весьма высокое положение²².

Более того, во второй половине августа группа командиров подобного ранга, возглавлявших силы четников главным образом в Восточной Герцеговине, Восточной Боснии, Санджаке, части Черногории выступила с самостоятельным призывом к борьбе с немцами и обвинила равногорскую военно-политическую верхушку в следовании не-

верным курсом. Практическим результатом этого выступления стало на рубеже августа – сентября оформление четнической группировки, вышедшей из подчинения Михайловичу. Она была провозглашена Независимой группой национального сопротивления Югославской армии на родине.

По различным оценкам, группировка насчитывала примерно 4,5 тыс. бойцов. Ее возглавил майор Воислав Лукачевич, объявивший на территории, где находились руководимые им формирования, всеобщую мобилизацию и начавший в сентябре военные действия против немецких воинских частей. Он заявлял, что подчиняется королю Петру II и основывается на соглашении Тито – Шубашича, ссылаясь на которое обратился к командованию партизанскими силами с предложением о координации в борьбе за освобождение Югославии. Одновременно Лукачевич направил своих представителей в Италию с посланиями Петру II, Шубашичу и командующему войсками западных союзников. В посланиях он просил, чтобы его группировка, порвавшая с Михайловичем, выступившая против немцев и желающая сотрудничать с партизанами, была признана союзниками в качестве самостоятельной силы, сражающейся на их стороне, и чтобы союзное средиземноморское командование прислало к нему свою миссию. Он подчеркивал, что при готовности взаимодействовать с партизанами возглавляемая им группировка, однако, не может быть под началом Тито, но была бы согласна находиться под командованием британского офицера. В сущности, это была чрезвычайно запоздалая попытка осуществления той самой идеи партнерства партизан и четников при условии, что последние не будут под руководством Михайловича и активно выступят против оккупантов, которая владела Черчиллем, когда он пытался добиться смещения Михайловича, а затем реализации своего замысла соглашения Тито – Шубашича. Поэтому как в прежней югославской, так и в современной сербской историографии получила распространение точка зрения, что Лукачевич, зимой – весной 1944 г. находившийся в Англии в качестве представителя четников, всего лишь выполнял то, о чем с ним тогда, согласно этой версии, тайно договорились британские службы. Так ли было или нет, но крайне важное для него получение поддержки со стороны западных союзников Лукачевич стремился обеспечить тем, что двинул свою группировку в направлении Далмации, где, согласно кружившим тогда слухам, ожидалась союзническая высадка. Однако руководство новой Югославии, также крайне встревоженное подобными слухами, было полно решимости не допустить высадки без согласия НКОЮ. И уж во всяком случае, не допустить того, чтобы с предполагаемым британским или англо-американским десантом могло соединиться самостоятельное воинское формирование, претендовавшее на роль партнера партизан. По прямому приказу Тито, группировка Лукачевича в конце сентября – начале октября подверглась ожесточенным партизанским атакам на юго-востоке Герцеговины и с большими потерями была вынуждена отступить значительно севернее. После того, как в конце октября в районе Дубровника, с ведома Тито, высадился всего лишь британский артиллерийский дивизион, Лукачевич в начале декабря попытался вступить в контакт с ним, но был захвачен партизанами²³.

Решительно осудив предпринятые на рубеже августа – сентября 1944 г. действия, приведшие к созданию независимой группировки Лукачевича, Михайлович вместе с тем оказался в ситуации, когда он должен был считаться с нараставшими в четнической среде, в том числе, что особенно важно, у части высшего командного состава, настроениями в пользу безотлагательного перехода к широкому выступлению против оккупантов. Тем более, что такое выступление выглядело и как шаг, который может способствовать тому,

чтобы выйти из сложностей в отношениях с западными союзниками, выступить перед ними в качестве активной антигитлеровской силы и на этой основе получить от них столь необходимую военную помощь и политическую поддержку. Судя по некоторым данным, расчеты на западных союзников, главным образом на США, значительно оживились как раз в конце августа. Это во многом оказалось связано с прибытием в штаб Михайловича 26 августа американской разведывательной миссии. Хотя миссия, оставшаяся затем с Михайловичем до конца октября 1944 г., была, согласно данным ей официальным инструкциям, послана исключительно с целями получения информации о том, что происходит в Сербии и каково положение четников, и не должна была иметь касательства к решению каких-либо политических или военных вопросов, уже сам факт ее прибытия оценивался руководством равногорского движения как знак контакта и заинтересованности со стороны США. Тем более что глава миссии, полковник Роберт Макдауэлл, проявлял, как кажется, по собственной инициативе, солидарность с командованием четников, у которого создавал иллюзорное представление о возможной помощи западных держав²⁴. Во всяком случае, сам Михайлович и внутренняя четническая пропаганда распространяли в своих рядах сведения, будто Макдауэлл имеет широкие «политические полномочия», западные союзники, занимающие антикоммунистическую позицию, прекратили помощь партизанам, а американские войска высадятся скоро в Югославии²⁵.

30 августа Михайлович выпустил приказ начать 1 сентября общую мобилизацию и вступить в борьбу за освобождение. Следом, 1 сентября, он обнародовал мобилизационное обращение, адресованное «сербам, хорватам и словенцам». Фактически оно было рассчитано именно на сербов и прежде всего в Сербии. Там во многих случаях действительно начались сборы призывников, а одновременно в ряде мест в первые дни сентября четнические формирования произвели нападения на немецкие гарнизоны²⁶. Однако в реальности это не могло радикально изменить ни положения четников, ни общего развития ситуации в Сербии, не говоря уже об остальной территории все еще оккупированной и разделенной Югославии. Подчиненные Михайловичу силы как в Сербии, так и за ее пределами не были необходимым образом вооружены для серьезных результативных действий против немцев. И объявление мобилизации во многом превратилось в фикцию по той же причине нехватки вооружения и боеприпасов, не позволявшей сформировать и оснастить сколько-нибудь значительное пополнение четнических воинских контингентов. Да и само отношение масс, в основном крестьянства, к мобилизации оказалось весьма неоднозначным. Если некоторая часть населения отзывалась на призыв, в ряде случаев даже с энтузиазмом, то другая часть стремилась тем или иным образом уклониться, и это стремление быстро охватывало все больший слой населения Сербии. Так же как вообще ширились настроения дистанцирования от четников, от оказания им содействия и помощи²⁷.

Такое развитие событий, как и в целом изменение ситуации в Сербии, в огромной мере происходили под воздействием тяжелых ударов, которые по четникам нанесли партизанские силы уже в августе, в ходе боев, развернутых после первой волны своего прорыва в Сербию. Вместе с тем серьезнейшее влияние на сербское население оказало известие об упомянутом выше указе Петра II от 29 августа, которым Михайлович официально был лишен должности «начальника штаба Верховного командования в оккупированном Отечестве». Это во многом вело к разрушению политических позиций равногорского движения, к подрыву его массовой поддержки. Между тем как раз с рубежа августа – сентября, когда вступила в действие вторая волна прорыва сил Тито в Сербию,

последовали их особенно мощные удары по четникам. В первой декаде сентября крупные соединения Михайловича потерпели от партизан жестокое поражение в Западной Сербии, где находился его штаб, в результате чего сосредоточенная там четническая группировка была отброшена на север²⁸. И в такой обстановке новый тяжелый политический урон равногорскому движению нанесло столь же вынужденное, как и указ от 29 августа, выступление Петра II по британскому радио 12 сентября с призывом ко «всем сербам, хорватам и словенцам» присоединиться к «Народно-освободительной армии под руководством маршала Тито»²⁹. В итоге всех этих обстоятельств в разных частях Сербии начался растущий отлив из четнических формирований и фактический распад ряда из них. Цепь партизанских успехов продолжилась³⁰.

Во все ухудшавшихся для него условиях Михайлович был вынужден со своим штабом перебираться с места на место. А 24 сентября он вообще перешел в Боснию. Это было обусловлено не только все нараставшим преобладанием партизан над его силами в Сербии, но и серьезной тревогой, которая возникла среди верхушки равногорского движения в связи с тем, что советские войска в результате своего стремительного наступления во второй половине августа 1944 г. в Румынии, а затем вступления в начале сентября в Болгарию, вышли к довоенным границам этих стран с Югославией, главным образом к северо-восточным и восточным рубежам Сербии. Михайлович стал опасаться, что они могут войти в Сербию и выступить заодно с партизанами³¹. Такая перспектива грозила его силам еще большими трудностями, если ни полной катастрофой.

Восстановление независимой Югославии и утверждение коммунистической власти. В противоположность четникам, для руководства новой Югославии сосредоточение сил Красной Армии на югославских, прежде всего сербских, границах означало приход долгожданного союзника и возможность осуществления того замысла, с которым Тито обращался к Сталину еще в июле. И теперь, с согласия Кремля, 19 сентября Тито, скрытно от западных союзников, вылетел с острова Вис на советском военном самолете в румынский город Крайова, а оттуда 21 сентября прибыл в Москву. Там в течение недельного секретного пребывания состоялись его встречи со Сталиным, а также некоторыми другими высокопоставленными представителями СССР. В ходе этих встреч были приняты Кремлем решения, соответствовавшие просьбам Тито. Главным являлось решение о вступлении на югославскую территорию крупной советской военной группировки, состоявшей из войск 3-го Украинского фронта, левого крыла 2-го Украинского фронта, а также Дунайской военной флотилии. Эта группировка (общей численностью, по подсчетам нынешней российской военной историографии, в 300 тыс. человек³²) должна была развернуть вместе с партизанскими силами – Народно-освободительной армией Югославии (НОАЮ) – боевые операции в Сербии с Воеводиной. Участие войск Красной Армии было призвано решающим образом помочь освобождению северо-восточной части Югославии от гитлеровской оккупации и одновременно установлению там власти революционного режима, представленного АВНОЮ и НКОЮ, а вместе с тем создать возможность последующего советского наступления на север – в Венгрию. Во время переговоров Тито в Москве и затем с представителями командования 3-го Украинского фронта в Крайове, куда он вернулся 28 сентября, были согласованы ключевые вопросы предстоявшего проведения операций советской группировки вместе с НОАЮ³³.

Руководство СССР приняло также решение о значительном усилении помощи в снабжении НОАЮ, в ее реорганизации в подлинную армию. Предусматривались передача ей вооружения и снаряжения для 12 стрелковых дивизий, помощь в создании бронетанковых войск, авиации и других родов полноценных вооруженных сил. В оперативное подчинение командования НОАЮ переходила советская авиационная группа из двух авиадивизий и района авиационного базирования, которые после подготовки необходимого югославского персонала и замены им советского целиком передавались в состав НОАЮ. Еще перед прибытием Тито в Москву и затем во время переговоров, которые с ним велись в советской столице, было решено расширить подготовку в военных учебных заведениях СССР кадров для НОАЮ и о направлении в нее советских инструкторов³⁴.

Кроме того, в ходе визита Тито в Москву была при активном участии, если ни инициативе, Георгия Димитрова достигнута санкционированная советской стороной договоренность, чтобы к предстоящим операциям на территории Югославии привлечь также армию установленного в Болгарии 9 сентября 1944 г. нового режима т.н. народной демократии, в котором ведущую роль играла компартия. Еще до московских переговоров Димитров по радиосвязи обращался к Тито с предложением о совместных действиях болгарских войск с югославскими партизанскими силами против немцев. Однако для руководства новой Югославии это был сложный вопрос, ибо речь шла о войсках, которые находились на югославской территории, когда Болгария еще была союзницей гитлеровской Германии. С конца августа 1944 г. болгарские оккупационные силы стали выводиться из Сербии. А в сентябре начался отход болгарских войск и из Вардарской Македонии. Позиция Тито по вопросу, поставленному в радиограмме Димитрова, менялась, испытывала колебания. Он ответил Димитрову, что ввиду прежней роли болгарской армии на югославской территории ее пребывание там даже для действий, совместных с НОАЮ, было бы непопулярно в Сербии и Македонии, а потому нецелесообразно и вредно. Однако в середине сентября он инструктировал штаб НОАЮ в Вардарской Македонии о необходимости координации операций с новым командующим болгарских войск в этом регионе, назначенным после установления 9 сентября «болгарского народного правительства»³⁵. На переговорах в Москве договоренность о том, чтобы болгарские вооруженные силы участвовали вместе с Красной Армией и НОАЮ в действиях на югославской территории, была достигнута в тесной связи с одновременно согласованным решением Тито и Димитрова о нацеленности на союз между новыми режимами Югославии и Болгарии, вплоть до их будущего объединения в южнославянской федерации³⁶. Важным фактором являлось и то, что уже ко времени московских переговоров болгарские войска были поставлены в оперативное подчинение командования 3-го Украинского фронта. Договоренность об их участии в запланированных военных действиях в Югославии была затем закреплена на состоявшихся в начале октября в Крайове переговорах Тито с представителями нового болгарского правительства³⁷.

26 сентября правительство СССР уведомило правительства Англии и США, что советские войска войдут в Югославию. А 29 сентября, когда это произошло, о том же было объявлено в официально опубликованном сообщении ТАСС. Но и в том, и в другом случае в качестве причины фигурировали только «интересы развития боевых действий против германских и венгерских войск в Венгрии», и подчеркнуто говорилось о временном вступлении советских сил лишь на «югославскую территорию, граничащую с Венгрией». При этом дело изображалось так, будто по данному поводу «советское командование» обратилось за разрешением к НКОЮ и верховному командованию НОАЮ, а те

согласились «удовлетворить просьбу», но выдвинули «условие», что в районах расположения частей Красной Армии будет действовать гражданская администрация НКОЮ. И советское командование «приняло» такое условие³⁸. Подобная искусственная версия, не имевшая ничего общего с действительностью, была призвана, с одной стороны, хотя бы формально-словесно завуалировать тот факт, что ввод советских войск направлен прежде всего на установление руководимого коммунистами политического режима в самой Югославии. А с другой стороны, эта версия имела целью оказать силам во главе с Тито, наряду с прямой военной помощью, политическую поддержку созданием международно-правового прецедента, что вступление иностранных войск на югославскую территорию возможно лишь с согласия НКОЮ и командования НОАЮ. Прецедент должен был усилить позиции новой Югославии, указывая, что СССР считает фактически только ее структуры носителем югославской государственности, а не королевское правительство, о котором в названных выше советских документах вообще не упоминалось. И одновременно этим посылался сигнал, предостерегавший западных союзников от высадки в Югославии без согласия нового режима и тем более в противовес ему. Как уже отмечалось, распространявшиеся в сентябре слухи о возможности подобной высадки вызывали опасения у Тито и, видимо, у советской стороны.

С произошедшим в конце сентября вступлением в Югославию советских войск стали осуществляться их совместные с НОАЮ и при участии болгарской армии операции в Сербии и Воеводине. Параллельно им развивались военные действия в Вардарской Македонии и Косово, в которых вместе с НОАЮ тоже участвовали болгарские силы. Ко времени развертывания этих действий значительная часть югославской Македонии уже являлась зоной активной партизанской борьбы. Ставшее там, как уже говорилось, существенным фактором с осени 1943 г., партизанское движение в последующий период, испытывая и подъемы, и падения, в целом постепенно расширялось и приобретало все большую значимость. К концу лета – началу осени 1944 г., в обстановке стремительно нарастающего краха Германии и ее сателлитов на Балканах, оно быстро превращалось в довольно масштабное, получало все более массовую поддержку. В том числе поддержка стала исходить от заметной части того населения, которое прежде было настроено в той или иной мере проболгарски или держалось лояльно по отношению к болгарской власти. В создавшейся обстановке росла среди этого населения восприимчивость к лозунгам македонского национального освобождения и создания македонской государственности, которые выдвигались и пропагандировались движением, руководимым компартией. Важным шагом в проведении этой политической линии явилось образование Антифашистского собрания народного освобождения Македонии. Созванное 2 августа 1944 г., оно провозгласило Македонию «федеральным государством в новой, демократической федеративной Югославии»³⁹.

В ходе развернувшихся в Сербии, Воеводине, Косово и Вардарской Македонии ожесточенных сражений с немецкими войсками, включая крупную армейскую группировку вермахта, которая под угрозой быть отрезанной от Германии спешно выходила через югославскую территорию из Греции и Албании, началось окончательное освобождение Югославии от оккупации и прогитлеровских режимов. 20 октября силы Красной Армии и НОАЮ овладели Белградом. В течение осени 1944 г. почти вся восточная часть Югославии была очищена от захватчиков и действовавших с ними вместе квислинговских формирований⁴⁰.

На упомянутой территории потерпели сокрушительное поражение и четнические силы, сосредоточенные в основном в Сербии. В ходе боевых действий соединения НОАЮ повсеместно продолжали удары по четникам, тоже продолжавшим, в свою очередь, эту

взаимную борьбу. Часть современной сербской историографии отмечает безрезультатные единичные попытки отдельных четнических командиров вступить в переговоры с партизанами и установить с ними взаимодействие, направленное против немцев⁴¹. Закончились крахом и попытки спасти положение сил Михайловича путем установления обоюдодоприемлемых, если ни в той или иной мере союзнических, отношений с советскими войсками. Еще в конце августа, когда соединения Красной Армии стали выходить к румыно-югославской границе, Михайлович дал задание командиру четников северо-восточной Сербии полковнику Велимиру Пилетичу войти в контакт с советским командованием в Румынии. Туда Пилетич отправился 10 сентября. По некоторым сведениям, пока не получившим документального подтверждения, целью его миссии было убедить советскую сторону содействовать прекращению борьбы между четниками и партизанами, чтобы те и другие сосредоточились исключительно на действиях против немцев. А все вопросы политического устройства Югославии предлагалось решать после войны путем свободных выборов под наблюдением держав «большой тройки». Миссия Пилетича привела лишь к тому, что он вместе со своим сопровождением был арестован советскими военными властями⁴². В течение октября в различных местах Сербии командирами четнических формирований при подходе советских войск предпринимались попытки вступить в отношения с ними как с союзниками и действовать вместе против немцев. В некоторых случаях подобное первоначально удавалось, видимо, из-за недостаточной осведомленности командиров тех или иных частей Красной Армии, и ряд населенных пунктов, главным образом небольших городов, где находились германские гарнизоны, был освобожден от оккупантов совместными ударами этих частей и четников. Но очень быстро такие эпизоды стали пресекаться советским командованием и завершаться принятием мер по разоружению и ликвидации четнических формирований, вступивших в контакт с Красной Армией⁴³. Ибо план операции войск 3-го Украинского фронта в Сербии, утвержденный Сталиным, относил «реакционные войска Михайловича» к категории «противник» наряду с германскими силами и «реакционными войсками Недича»⁴⁴. Столкнувшись со все более очевидной угрозой самому их существованию, еще сохранявшиеся воинские контингенты четников стали в третьей декаде октября отходить из Сербии в Санджак и дальше в Боснию, где находился Михайлович. Многие части распались, люди из них уходили, не решаясь покинуть Сербию и не видя перспектив продолжения борьбы. В отступившей группировке оставалось, по данным, фигурирующим в нынешней сербской историографии, около 25 тыс. человек⁴⁵.

В конце 1944 – начале 1945 г. советские войска вышли из Югославии в Венгрию и развернули там боевые действия, продвигаясь на запад и позднее вступив в Австрию. А НОАЮ, образовав фронт, примыкавший к южному флангу фронта Красной Армии, и взаимодействуя с советскими силами, вела параллельные операции на югославской территории с общим стратегическим направлением тоже на запад и северо-запад. В ходе этих операций постепенно, в течение зимы 1944/45 гг. и весны 1945 г., происходило окончательное освобождение остальных – центральной и затем западной – частей Югославии от оккупации и прогитлеровских режимов. Наряду с перевооружением и реорганизацией в подлинную армию, НОАЮ быстро стала значительно расти численно, прежде всего в результате массовой мобилизации, начавшей проводиться на окончательно освобожденной территории. По данным, ведущим свое происхождение еще из официальной югославской историографии, весной 1945 г. армия, увеличившаяся с начала осени 1944 г. чуть ли ни вдвое, насчитывала 800 тыс. человек⁴⁶.

Массовая мобилизация была очень важной, но лишь одной из составляющих в накалившей волне первоочередных политических, военных, репрессивно-карательных, экономических, социальных, пропагандистско-идеологических и иных мер, которые начали предприниматься революционной властью, быстро устанавливавшейся под руководством КПЮ на территории, окончательно освобожденной от оккупации. Из коммунистов, других активистов и сторонников движения, возглавлявшегося компартией, повсеместно создавались локальные органы этой власти – народно-освободительные комитеты, формировались различные структуры управления и контроля. В Белграде сразу после его освобождения развернулась повседневная деятельность разместившихся там высших органов новой Югославии: НКОЮ, Президиума АВНОЮ и фактически главного центра власти – руководства КПЮ. Там же под контролем нового режима было уже 9–12 ноября 1944 г. проведено собрание делегатов, названное Великой антифашистской народно-освободительной скупщиной Сербии. Оно фигурировало как «представительство народа» и декларировало легитимность установления «народной власти» в Сербии как одной из шести составных частей федеративной Югославии, обозначенных решениями II сессии АВНОЮ. В ходе собрания была образована Антифашистская скупщина народного освобождения Сербии в качестве постоянного законодательного органа⁴⁷.

Еще перед вступлением советских войск в Югославию, а затем с началом их участия в развернувшемся изгнании оккупантов из страны британское правительство и Шубашич стали проявлять серьезную озабоченность по поводу дальнейшей политической перспективы при складывавшейся ситуации. Они направляли усилия на то, чтобы как можно скорее добиться от Тито создания единого югославского правительства на базе объединения НКОЮ с эмигрантским кабинетом и заключения компромиссного политического соглашения, которое бы позволило предотвратить коммунистическое единовластие, обеспечить некоммунистическим силам определенную степень доступа к управлению страной и участию в ее послевоенном развитии. В этом духе с конца августа и вплоть до начала октября 1944 г. в адрес Тито был направлен ряд посланий Шубашича, Идена, Черчилля. Вместе с тем британскому послу в Москве были даны инструкции добиваться от правительства СССР, чтобы оно согласилось с необходимостью скорейшего образования единого югославского правительства и воздействовало в данном отношении на Тито⁴⁸. Вступление советских войск в Югославию рассматривалось в Лондоне как важнейший фактор, который был способен повести к столь значительному укреплению позиций новой государственности, что весь план компромисса мог оказаться под вопросом⁴⁹. Однако усилия англичан и Шубашича оставались вплоть до начала октября безрезультатными: в ответах, которые им приходили от Тито, тот неизменно отделялся утверждениями, что еще не настало время для практических шагов по созданию объединенного правительства⁵⁰.

В сложившейся ситуации Черчилль, прилетевший 9 октября 1944 г. вместе с Иденом и рядом высокопоставленных британских военных в Москву для переговоров по актуальным проблемам завершающего этапа войны, решил непосредственно обсудить с советским руководством и югославский вопрос. Британский премьер поставил его в общих рамках своего замысла о достижении договоренности с Кремлем по поводу соотношения влияния СССР и Англии в четырех балканских странах – Румынии, Болгарии, Югославии, Греции, а также в примыкающей к Балканам Венгрии. На состоявшейся сразу же в день прибытия в Москву встрече со Сталиным Черчилль предложил, чтобы в Югославии и Венгрии такое соотношение было 50 % на 50 %, в Румынии советское

влияние составляло бы 90 %, а британское 10 %, в то время как в Греции – наоборот, 90 % у Англии и 10 % у СССР; наконец, в Болгарии СССР имел бы 75 %, а Англия – 25 %. Сталин тут же вступил в торг с британским премьером, что было продолжено в последующие дни на переговорах между Молотовым и Иденом по этому вопросу. Советские участники выражали согласие на фактический контроль Англии в Греции, но настаивали на аналогичном положении СССР в отношении Болгарии, а не только Румынии и старались добиться в той либо иной степени преимущественной, а не равной с англичанами роли Советского Союза в Югославии и Венгрии. В итоге переговоры между Молотовым и Иденом завершились тем, что в качестве более или менее согласованных стали фигурировать в отношении Болгарии и Венгрии пропорция 80 % советского влияния на 20 % британского, а в отношении Югославии, Греции и Румынии – те же пропорции, которые были изначально выдвинуты Черчиллем⁵¹.

Предложением о «процентном соглашении» англичане, стремясь гарантировать наиболее важный для них контроль в Греции, где в начале октября происходила высадка их войск, в то же время пытались все-таки получить для себя (или вместе с США) некоторые позиции в странах, куда к тому времени вошли советские войска. И особенно, как свидетельствовал ход московских переговоров, в Югославии, в отношении которой британская сторона упорно стремилась к договоренности о получении влияния, более или менее равного советскому. Примерно такое соотношение и должно было, по замыслу Черчилля, быть реализовано созданием единого югославского правительства, одну часть которого составляли бы те, чьим патроном выступала Москва, а другую – те, кому протезировал Лондон. В распоряжении исследователей до сих пор отсутствуют документы о политических калькуляциях, делавшихся кремлевским руководством в связи с советско-британскими переговорами. И в частности о том, как накануне, а возможно, и во время этих переговоров согласовывался между советской стороной и Тито вопрос о линии поведения по отношению к требованиям англичан и Шубашича о скорейшем создании единого югославского правительства. Однако показательно, что 9 октября, как раз в день начала переговоров Черчилля в Москве, Шубашич получил сообщение от Тито, в котором тот, в отличие от прежних своих ответов, выразил готовность обсудить вопрос о формировании единого правительства и пригласил эмигрантского премьера прибыть через 10–15 дней для встречи⁵². Очевидно, позиция Тито координировалась с Кремлем: как до 9 октября, когда целью было оттянуть переговоры с Шубашичем о едином правительстве до момента, наиболее благоприятного для сил, возглавляемых КПЮ, так и 9 октября, когда встала необходимость договоренности с Черчиллем, а положение сил, руководимых компартией, становилось многократно прочнее по мере установления их контроля в освобождаемой от оккупантов Сербии и всей восточной части Югославии.

Переговоры между Тито и прилетевшим на встречу с ним Шубашичем начались вслед за освобождением Белграда, в обстановке дальнейшего развития событий в пользу новой Югославии. В данных обстоятельствах эмигрантскому премьеру пришлось, как и на Висе, принять в основном условия, которые выдвинул НКОЮ. На этой базе было 1 ноября 1944 г. в Белграде подписано Тито и Шубашичем соглашение, окончательно откорректированное и утвержденное на заседании НКОЮ 2 ноября. Позже, 7 декабря, Тито и Шубашич подписали также дополнения к упомянутому соглашению⁵³.

Названными документами объявлялось временное состояние своеобразной формально-правовой двойственности государственно-политического устройства Югославии. С одной стороны, в качестве главных составляющих этого устройства фигурировали

основы новой государственности, конституированной на II сессии АВНОЮ. В частности содержалась ссылка на остающиеся в силе решения II сессии АВНОЮ о межнациональных отношениях, т.е. фактически о федеративной структуре югославского государства. И по-прежнему законодательная власть оставалась у АВНОЮ. Причем указывалось, что оно сохранит эту функцию до тех пор, пока Учредительная скупщина, которая должна быть созвана после освобождения всей страны, не закончит свою работу определения послевоенного конституционного строя. С другой стороны, заявлялось, что, поскольку в сообществе Объединенных Наций Югославия признана еще в ее старом виде, т.е. как монархия, она перед внешним миром будет представлена в таком виде и дальше, до тех пор, «пока не получит, свободным решением народа, свою окончательную форму правления». И до этого времени, «чтобы избежать любого возможного обострения отношений в стране», король Петр II туда не возвращается, а в его отсутствие королевскую власть будет осуществлять регентство (регентский совет). Предусматривалось, что его состав должен быть назначен конституционным актом короля, но лишь из лиц, предложенных королевским правительством по предварительному согласованию между председателем НКОЮ Тито и председателем королевского правительства Шубашичем.

Главным пунктом Белградского соглашения Тито – Шубашича было то, что с назначением регентства могло быть образовано единое югославское правительство взамен НКОЮ и эмигрантского кабинета. В отличие от регентов, которые при своем назначении должны были присягать королю, для правительства соглашением предусматривалась присяга народу. Были намечены структура, а дополнением от 7 декабря – и персональный состав правительства. В том числе посты главы правительства и министра обороны предназначались Тито, министра иностранных дел – Шубашичу. В качестве неперменных и первоочередных задач правительства особо указывались: опубликование декларации, которая провозглашала бы основные демократические свободы и права, а также права собственности и частной инициативы, равно как содержала бы их гарантии; организация исполнительной власти в стране; организация демократической судебной системы с независимым судопроизводством. Важнейшей задачей, осуществление которой означало бы завершающую фазу временного переходного государственно-правового устройства, являлось проведение выборов в Учредительную скупщину. Их следовало назначить не позднее, чем через три месяца после освобождения всей страны. Устанавливалось, что выборы будут проведены по избирательному закону, который для этого заблаговременно примут. Предусматривалось, что закон должен гарантировать основные демократические свободы (слова, печати, собраний, объединений), всеобщее избирательное право и тайное голосование, право выдвижения кандидатских списков отдельных либо объединившихся политических партий, корпораций, групп или отдельных лиц, но при условии, что во время войны они «не сотрудничали с врагом». Те, в отношении кого «будет доказано, что они сотрудничали с оккупантами», избирательных прав лишались⁵⁴.

Формально фигурировавшее как компромисс, соглашение фактически было исключительно в пользу новой Югославии. Намеченное им переходное государственно-политическое устройство означало на деле сохранение той революционной системы власти, которая уже устанавливалась на обширной территории, окончательно освобожденной от оккупантов. Атрибуты же прежней государственности в виде королевских прерогатив, передаваемых регентству, оказывались символическими. Ибо механизм назначения регентов изначально исключал любую кандидатуру, с которой не был бы согласен

НКОЮ, а законодательная власть оставалась у АВНОЮ, в то время как полномочия регентства вообще никак в соглашении не фигурировали. Что же касалось единого правительства, то, согласно его намеченному персональному составу, представители народно-освободительного движения должны были составлять в нем абсолютное большинство: тех, кто не принадлежал к движению, набиралось, включая Шубашича, всего два-три человека из 25 членов кабинета. Само большинство было примерно наполовину из коммунистов, а наполовину – из последовательных союзников КПЮ либо, в отдельных случаях, из попутчиков, но в то время достаточно устойчивых.

Шубашич, однако, не видел иного выхода, кроме заключения хотя бы такого соглашения. Он исходил из того, что большего все равно невозможно добиться от сил, возглавлявшихся Тито, поскольку они обладали реально устанавливаемой властью. Альтернативой же соглашению являлся лишь конфликт, способный, по мнению Шубашича, нанести ущерб возрождению Югославии. Все, на что оставалось надеяться эмигрантскому премьеру, это на предусмотренную соглашением демократическую процедуру послевоенных выборов в Учредительную скупщину, включая свободу деятельности партий, которые бы имели возможность выступать самостоятельно по отношению к КПЮ и до известной степени оппонировать ей по тем или иным вопросам. Шубашич питал иллюзии, что определенная демократичность послевоенного порядка будет коммунистами допущена. Ему казалось, что в этом направлении на Тито нажмут не только Черчилль, но и Сталин, заинтересованный в межсоюзническом урегулировании югославского вопроса. На Шубашича, который вместе с заместителем председателя НКОЮ Эдвардом Карделем, следующей после Тито фигурой в руководящей иерархии КПЮ, посетил Москву 20–24 ноября и был принят 22 ноября Сталиным, большое впечатление произвели демонстративные высказывания в пользу демократических выборов в Югославии, сделанные советским вождем при этой встрече. В присутствии Шубашича Сталин, обращаясь к Карделю, критиковал, в частности, то, что Великая антифашистская народно-освободительная скупщина Сербии была образована не в результате подлинных выборов, а путем делегирования с митингов и собраний, проводившихся на местах народно-освободительным движением. Он говорил, что в Югославии нужны не революционные эксперименты, а нормальные демократические процедуры. И что в более общем плане речь не должна идти о том, чтобы во внутриюгославском устройстве следовать советскому примеру. Похоже, эмигрантскому премьеру не приходило в голову, что подобные высказывания могут быть всего лишь тактической игрой, призванной произвести впечатление как на него самого, так и на британское правительство, которое он проинформирует о словах Сталина⁵⁵.

Между тем, что касалось британского правительства, то оно встретило Белградское соглашение весьма скептически. Черчилль считал, что Шубашич «продался Тито по весьма низкой цене», а соглашение является «безнадежно односторонним и может означать только одно: диктатуру Тито». Скептическим было и отношение администрации США⁵⁶. А Петр II, вообще настроенный против Белградского соглашения, которым предусматривалось фактически отречение короля путем передачи его полномочий регентству, отказался санкционировать два важнейших пункта соглашения. Один касался порядка назначения регентов, при котором монарх оказывался лишенным права определять их кандидатуры, а мог только принять те, что были бы согласованы между Тито и Шубашичем. Другой пункт был о том, что законодательная власть целиком будет у АВНОЮ, составленного, как подчеркивал Петр, из представителей только одной сто-

роны – народно-освободительного движения. 11 января 1945 г. король заявил о своей позиции публично⁵⁷. Поскольку для руководства новой Югославии отказ от названных пунктов был неприемлем, позиция короля могла на практике вести лишь к одному – срыву соглашения.

Но столь радикального результата английское правительство не хотело. Черчилль понимал, сколь низки в реально сложившихся условиях шансы добиться от Тито существенно большего по сравнению с тем, что содержалось в Белградском соглашении. И полагал, что в случае его срыва о каких-либо возможностях Лондона в югославском вопросе не придется и думать. В итоге, подобно Шубашичу, британская сторона, несмотря на огромное недовольство соглашением, предпочитала его реализацию, оказывая с данной целью серьезный нажим на Петра II, вплоть до угрозы, что, если король продолжит упорствовать, соглашение будет введено в действие помимо монаршей воли⁵⁸. В этом направлении на англичан воздействовала как позиция коммунистического руководства новой Югославии, так и позиция Сталина. Первое устроило на подконтрольной ему территории массовые «спонтанные» демонстрации против короля в качестве ответа на упомянутое заявление Петра II 11 января и делало вид, что готово вовсе отказаться от соглашения, если англичане и Шубашич не преодолеют быстро королевское противодействие. А Сталин непрерывно настаивал в переписке с Черчиллем, чтобы соглашение было как можно скорее введено в действие независимо от того, согласен Петр или нет⁵⁹. Москве это было важно, ибо с созданием объединенного югославского правительства западные союзники должны были признать его, а значит, в действительности – ту руководимую компартией власть, которая устанавливалась в Югославии. По той же причине неотложная реализация соглашения оказывалась необходимой для Тито.

Перед лицом советского и вынужденного британского требований о том, чтобы Белградское соглашение было срочно введено в действие, правительству США, пытавшемуся вначале уклониться от прямого участия в решении этого вопроса и не оказывать на Петра II нажима в пользу санкционирования договоренностей между Тито и Шубашичем, пришлось на рубеже января – февраля 1945 г. заявить об одобрении соглашения⁶⁰. Королю, надеявшемуся до того на хотя бы американскую поддержку, не оставалось ничего иного, как отступить. В итоге, после предпринимавшихся им комбинаций с увольнением, а затем вновь назначением возглавляемого Шубашичем эмигрантского правительства, Петр 29 января был вынужден объявить, что согласен передать свою власть регентству. Однако вслед за тем начались сложности с назначением регентов, поскольку король отвергал некоторые из кандидатур, исходивших от Тито, и взамен выдвигал (временами при согласии Шубашича) другие, которые, в свою очередь, отказывались принять руководство новой Югославии⁶¹.

Между тем вопрос о необходимости безотлагательной реализации Белградского соглашения был поставлен на Крымской конференции руководителей СССР, США и Великобритании, состоявшейся 4–11 февраля 1945 г. Инициатива исходила как от советской стороны, так и от британской. Советская выступала за то, чтобы «большая тройка» рекомендовала Тито и Шубашичу немедленное осуществление соглашения. Британская сторона также выступила за его реализацию, но стала добиваться того, чтобы рекомендация конференции содержала при этом дополнения-поправки к соглашению. Одна из поправок предусматривала расширение АВНОЮ путем включения в него тех депутатов довоенной югославской скупщины, «которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с врагом», и таким образом был бы создан временный парламент. Другой поправ-

кой имелось в виду, что законодательные акты АВНОЮ будут подлежать утверждению Учредительной скупщиной. Еще один пункт британских предложений заключался в том, чтобы было заявлено, что новое югославское правительство будет лишь временным «до свободного выражения воли народа»⁶².

Поправки англичан основывались на коррективах Белградского соглашения, которые вырабатывались Шубашичем во второй половине января, когда он старался уломать Петра II, чтобы тот санкционировал соглашение. Идея подобной корректировки обсуждалась членами эмигрантского правительства, и некоторым из них, как можно понять, она представлялась также способом создать для тех, кто не принадлежал к народно-освободительному движению, хотя бы какие-то перспективы расширения доступа к участию в политической жизни Югославии и влияния на ход событий в стране. По этой ли причине или для нейтрализации Петра, а возможно, из-за того и другого, но идея англичанам понравилась. Еще до того, как они предложили соответствующие поправки в Ялте, британская сторона и Шубашич договорились о том, что вопрос о такого рода коррективах соглашения эмигрантский премьер поставит перед Тито⁶³.

В ответ на предложения, выдвинутые англичанами на конференции, Сталин и Молотов подчеркивали, что необходимо прежде всего ввести безотлагательно в действие уже существующее соглашение Тито – Шубашича, а не затягивать дело внесением поправок. В то же время, учитывая позицию партнеров по «большой тройке», советская сторона сочла нужным принять основные британские дополнения. В итоге Сталин, Черчилль и Рузвельт рекомендовали Тито и Шубашичу немедленно ввести в действие Белградское соглашение в том виде, как оно было заключено. Одновременно решение конференции содержало рекомендацию, чтобы уже новое, объединенное югославское правительство осуществило то, что предусматривалось двумя британскими поправками: 1. расширение АВНОЮ и его превращение во временный парламент; 2. утверждение законодательных актов АВНОЮ Учредительной скупщиной. Пункт о временном характере единого югославского правительства был, по советскому предложению, снят⁶⁴.

Хотя даже после Крымской конференции еще почти три недели продолжались сложности вокруг кандидатур в регентский совет, однако, в конце концов, король был вынужден отступить полностью. 2 марта он назначил регентство из трех членов: все являлись кандидатами, предложенными верхушкой новой Югославии или с ней согласованными. 5 марта как НКОЮ, так и правительство Шубашича подали в отставку. 7 марта в Белграде регентский совет назначил объединенное югославское правительство, которое возглавил Тито⁶⁵.

Персональный состав нового правительства несколько отличался от намеченного Белградским соглашением, но внутриправительственное соотношение политических сил было примерно аналогичным тому, какое имелось в виду при заключении соглашения. Из 28 членов Совета министров 25 человек принадлежали к лагерю народно-освободительного движения. Около половины из них были коммунистами, в чьих руках находились ключевые позиции в правительстве, а большинство остальных – их последовательными союзниками. Причем, КПЮ продолжала, кроме правительства, по-прежнему целиком руководить всей системой власти на территории, освобожденной от оккупации и прогитлеровских режимов. Тремя членами Совета министров, не принадлежавшими к народно-освободительному движению, были находившиеся до того в эмиграции видный довоенный сербский политик и лидер Демократической партии Милан Грол, который теперь получил пост одного из двух вице-премьеров, Иван Шубашич, ставший министром иностранных дел, и его коллега по

прежнему руководству ХКП Юрай Шутей, назначенный министром без портфеля. Будучи абсолютно крохотным меньшинством, они к тому же не получили реальных рычагов власти. Участие Грола и Шутея в правительстве являлось вообще символическим, ибо они не имели под началом никаких ведомств. Роль же Шубашича как главы МИДа была в значительной мере номинальной, ибо основные внешнеполитические решения принимались без него верхушкой КПЮ и руководящий состав министерства, дипломатических представительств за рубежом, ставший укомплектовываться преимущественно коммунистами либо их твердыми союзниками, действовал по указаниям Тито, а также Карделя, во многом курировавшего сферу внешней политики⁶⁶.

На своем первом заседании 9 марта 1945 г. правительство приняло программную декларацию, вслед за тем опубликованную. В ней содержались все те элементы, которые предусматривались Белградским соглашением. При этом, однако, декларация с достаточной определенностью указывала, что деятельность правительства будет основываться на том общественно-политическом порядке, который стал результатом, как формулировалось, «освободительной борьбы» и был выражен в решениях II сессии АВНОЮ. Власть, созданная на освобожденной территории, характеризовалась как народная и демократическая. Что касалось дополнительных рекомендаций Крымской конференции, то в декларации, хотя и без прямого упоминания о них, содержалось обещание расширить АВНОЮ и сформировать временную скупщину, а затем представить все решения АВНОЮ и временной скупщины на суд Учредительной скупщины. Но, в отличие от ялтинских рекомендаций, в правительственной декларации говорилось о пополнении АВНОЮ и его президиума не депутатами последней довоенной скупщины, а «представителями прогрессивных политических демократических групп», не скомпрометированных сотрудничеством с врагом. Сроки расширения АВНОЮ и создания временного парламента не назывались; заявлялось лишь, что это будет сделано «в ближайшее время» и «явится одной из первых забот правительства»⁶⁷.

Вслед за своим образованием объединенное югославское правительство было дипломатически признано державами «большой тройки», направившими в Белград своих послов, а также другими государствами антигитлеровской коалиции. Хотя с формально-правовой точки зрения оно являлось правительством Королевства Югославия, на самом деле функционировало как неотъемлемая часть той новой государственности, которая утверждалась под коммунистическим руководством на освобождаемой от гитлеровцев югославской территории. И дипломатическим признанием, которое получило правительство, достигалось в реальности урегулирование международного положения этой государственности. Ее фактическое существование отражалось, в частности, и в том, что в официальных актах и документах органов новой власти, включая также правительство, вовсе не употреблялось обозначение страны как королевства, а стало явочным порядком все больше фигурировать название Демократическая Федеративная Югославия (ДФЮ).

Чрезвычайно важным дипломатическим шагом в упрочении международного положения ДФЮ стало заключение советско-югославского договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписанного 11 апреля 1945 г. в Москве во время визита в СССР правительственной делегации Югославии во главе с Тито. Договором предусматривалось взаимное оказание военной и иной помощи и поддержки, развитие экономических и культурных связей⁶⁸. Будучи по форме аналогичен ранее подписанным в ходе войны договорам между СССР и такими странами антигитлеровской коалиции, как Великобритания, Франция, Чехословакия, советско-югославский договор имел, однако, иной, особый характер. Заключенный между Советским Союзом и уста-

навливавшимся в Югославии, по сути, коммунистическим режимом, он явился первым договорным оформлением отношений в рамках начавшего формироваться блока СССР и тех восточноевропейских государств, где при ликвидации гитлеровского господства стала утверждаться руководимая компартиями так называемая народная демократия.

Тем временем, параллельно вышеназванным событиям, в центральной и западной частях Югославии вместе с боевыми действиями, которые НОАЮ, с 1 марта 1945 г. переименованная в Югославскую армию (ЮА), вела за освобождение этих территорий от гитлеровцев, продолжалась гражданская война. В ней борющимися сторонами по-прежнему были НОАЮ/ЮА, вооруженные силы НГХ и других прогитлеровских административных, четнические формирования.

С произошедшим, как уже говорилось, в конце октября 1944 г. вынужденным уходом из Сербии в Санджак, а потом далее в Восточную Боснию силы Михайловича, до того все еще претендовавшие на роль антиоккупационного военно-политического соперника народно-освободительного движения, оказались в ситуации их все быстрее нарастающего поражения и отсутствия перспектив. Вскоре после стремительного исхода из Сербии четники в декабре 1944 г. отступили и из Черногории, которую с тяжелыми боями покинули германские войска: на рубеже 1944–1945 гг. контроль над ней и Санджаком полностью установила НОАЮ.

До этого руководство черногорских четников, во главе которого стоял Павле Джуришич, планировало превратить Черногорию вместе с Санджаком, а также частично с Северной Албанией, где у Джуришича были связи с местными албанскими властями, противостоявшими прокоммунистическим партизанам, в район концентрации антикоммунистических военных формирований. Особый расчет был на приход сюда крупных четнических контингентов, отступавших из Сербии. Джуришич призвал их идти в Черногорию и был обуреваем идеями дождаться здесь, как он надеялся, высадки западных союзников на черногорское либо албанское побережье или же, объединив четников Сербии и Черногории, пробиваться всем вместе в Грецию, где высадка британских войск уже произошла. Но во время ухода четников из Сербии большинство их командиров при обсуждении 21 октября 1944 г. призыва Джуришича склонилось все-таки к необходимости следовать директиве Михайловича, ждавшего их в Восточной Боснии. Тем не менее, Джуришич даже в ноябре через представителя Нойбахера в Черногории договаривался с тамошним германским командованием о том, чтобы при планировавшемся отступлении немцев из черногорских пределов в Боснию они передали бы ему некоторую часть вооружения и припасов, а он перенял бы от них власть в Черногории, которую бы провозгласил свободной и суверенной. 19 ноября на созванном им заседании ряда сотрудничавших с ним деятелей был создан Национальный комитет Черногории, Боки и Старого Раса, которому отводилась роль подготовленного противовеса подконтрольной гитлеровцам Народной управе. Если верить некоторым данным, фигурирующим в историографии и мемуаристике, Джуришич носился одно время с мыслью, что в Черногорию смогут прибыть Петр II, эмигрантское правительство и какие-то подчиняющиеся им части «югославской армии» за границей. Но все подобные замыслы пошли прахом, когда к концу ноября в штабе Джуришича был получен приказ Михайловича о концентрации всех четнических сил в Восточной Боснии. Несмотря на споры и колебания в штабе и черногорском Национальном комитете, в итоге все-таки решили идти в Боснию. Насколько можно судить, на это решение немаловажное влияние оказало предстоявшее отступление из Черногории в Боснию немецких войск, обусловленное

боязнью германского командования, что они могут быть отрезанными от остальной части вермахта и Германии в обстановке продвижения Красной Армии и НОАЮ по обеим сторонам Дуная на запад. С уходом немцев и в условиях, когда расчет на приход в Черногорию значительных четнических сил из Сербии не оправдался, у черногорских четников было мало шансов в одиночестве противостоять нарастающим ударам НОАЮ. Под этими ударами формирования, находившиеся под общим командованием Джуришича, стали уходить в Боснию фактически синхронно (а по утверждениям югославской официальной историографии, – просто заодно) с германскими соединениями, вместе с которыми эвакуировалась и Народная управа⁶⁹.

Сконцентрировавшиеся в конце 1944 – начале 1945 г. в Восточной Боснии под верховным руководством Михайловича четники из Сербии, Черногории, частично из Герцеговины и некоторых боснийских районов представляли собой крупную воинскую группировку: по различным, довольно приблизительным данным, около 40 тыс. человек, а возможно, больше. На достаточно обширной территории, где находилась и, совершая те или иные маневры, перемещалась эта группировка, происходили ее ожесточенные столкновения и нередко весьма значительные бои с оперировавшими там же, с одной стороны, вооруженными силами НГХ, с другой – соединениями НОАЮ. Стычек с германскими войсками Михайлович старался избегать. Несмотря на высказывавшиеся в ряде случаев возражения Михайловича, ряд четнических командиров стремился устанавливать контакты с немцами в расчете как на поддержку с их стороны против «красных», так и на получение от них, во имя целей борьбы с НОАЮ, оружия, снаряжения и, прежде всего, боеприпасов, в чем четники испытывали ошутимый недостаток. Острой была также нехватка продовольствия и теплого обмундирования, что при суровой горной зиме и тяжелых бытовых условиях вело к массовому истощению, заболеваниям, смертности среди воинского состава, а также многочисленных беженцев – членов семей, пришедших вместе с черногорскими четниками. Под влиянием этого быстро нарастало дезертирство из четнической группировки, чему в определенной мере способствовала и объявленная Президиумом АВНОЮ в конце ноября 1944 г. амнистия тем четникам, как и военнослужащим домобранских войск НГХ и Словенского домобранства, которые до середины января 1945 г. сложат оружие и предстанут перед органами НОАЮ или местными народно-освободительными комитетами⁷⁰.

В сложившейся ситуации резко обострился стоявший перед руководством группировки вопрос о том, что делать дальше.

Михайлович, исходивший из несовместимости интересов западных союзников с устремлениями СССР, упорно надеялся на неизбежность, в итоге, западного военного вмешательства в Югославию, направленного против установления в ней коммунистического диктата и ее превращения в сферу советского контроля. Такую надежду он не потерял даже тогда, когда остались без ответа его направленные в ноябре 1944 г. обращения к средиземноморскому командованию союзников, чтобы оно четников взяло под свое начало и включило их в свои планы действий в Югославии. Но пока что западного вмешательства так и не было, а между тем Михайловичу приходилось выбирать стратегию практических действий. Судя по разным, порой довольно противоречивым сведениям, которыми располагает историография, он в этих условиях склонялся к тому, чтобы в ближайшее время, видимо, до поздней весны, группировка под его командованием оставалась в Боснии, немного сдвигаясь из ее восточной части в центральную. Вместе с тем, особенно когда советские войска ушли из страны на рубеже 1944 – 1945 гг., генералом все больше овладевала идея, что затем необходимо, подготовившись, рассредоточить силы группировки, чтобы они вернулись на свои территории, прежде

всего в Сербию и Черногорию, где развернули бы сопротивление коммунистическому режиму. У Михайловича складывались иллюзорные представления, что народ там, в частности в Сербии, ждет четников для защиты от репрессивной власти и готов оказать им поддержку. Подобные представления в той или иной мере разделялись частью командного состава группировки⁷¹.

Однако другая часть командиров стала склоняться к мысли о том, чтобы пробиваться, наоборот, на запад – в расположенные по довоенной югославо-итальянской границе районы Истрии и Словенского Приморья. В этих районах со словенским населением, оставшихся после образования Югославии за ее пределами, к концу 1944 г. разместились при германском содействии ушедшие под ударами НОАЮ четнические силы из Далмации и Лики, во главе которых были Момчило Джуич и Добросав Евджевич, и лётичевский Сербский добровольческий корпус, переброшенный немцами при отступлении из Сербии. Лётичевцы и четники Джуича и Евджевича, сосредоточившись на новом месте при немецком покровительстве и снабжении, стали активно сотрудничать между собой на основе целей создания антикоммунистического сербского национального фронта. К ним в начале 1945 г. также при германском содействии присоединились и части Сербского ударного корпуса, покинувшие группировку Михайловича. Состоявшие из бывших недичевских войск, эти части в основном влились в Сербский добровольческий корпус. Согласно некоторым данным, о которых в историографии высказывались оценки как о сильно завышенных, перечисленные вооруженные формирования в общей сложности насчитывали до 35 тыс. человек. Их объединившиеся руководители, политически возглавленные Лётичем, призывали Михайловича вести всю находившуюся под его началом группировку на соединение с ними в Истрии и Словенском Приморье. Они строили планы, что, собравшись там вместе, сербские антикоммунистические силы все встанут под командование Михайловича. И когда настанет подходящий момент, скорее всего при поражении Германии и приходе западных союзников из Италии, эти сербские силы во взаимодействии со Словенским домобранством и другими антикоммунистическими словенскими группами провозгласят присоединение Истрии и Словенского Приморья к Словении. А последнюю объявят свободной федеральной единицей Королевства Югославия, и туда будет приглашен король Петр II, чтобы взять власть⁷².

Выбор того, по какому из названных выше вариантов действовать, приобрел в конце февраля – марте 1945 г. драматический оборот. Возглавляемые Джуришичем командиры черногорских четников и находившийся с ними Национальный комитет Черногории, Боки и Старого Раса потребовали от Михайловича вести всю руководимую им группировку в Истрию и Словенское Приморье, а прибывшая оттуда к генералу делегация склоняла его к тому же. После длительных споров и то ли некоторых колебаний, то ли тактического маневрирования Михайлович в итоге это отверг. Он ограничился тем, что послал в Истрию и Словенское Приморье специально сформированную им выездную часть своего штаба во главе с генералом Миодрагом Дамяновичем, до октября 1944 г. заведовавшим кабинетом Недича. Дамянович должен был командовать всеми упомянутыми выше формированиями, размещенными там: как четниками, так и Сербским добровольческим корпусом. Неудовлетворенные таким решением и считавшие его ошибочным, черногорские силы Джуришича вместе с некоторыми другими соединениями четников из Боснии, Герцеговины, частично из Сербии и с рядом присоединившихся к ним военных и политических руководителей равногорского движения, включая Драгишу Васича, во второй половине марта отделились от группировки Михайловича и двинулись на запад самостоятельно. Это был весьма значительный раскол⁷³.

На пути ушедших лежали районы НГХ, в которых были сосредоточены крупные воинские контингенты усташского режима. Чтобы там пройти, Джуришич попытался договориться с властями НГХ через находившегося под их покровительством черногорского сепаратиста Секулу Дрлевича. Тот с небольшой группой сообщников еще в середине 1944 г. провозгласил в Загребе создание Черногорского государственного вече как органа, добивающегося самостоятельности Черногории в рамках гитлеровского порядка в Европе. Вначале Павелич рассчитывал использовать это образование, во многом фиктивное, для достижения своих целей по поводу Черногории, в том числе для противодействия замыслам Недича о каком-то ее объединении с Сербией. А в условиях начала весны 1945 г., когда прежние цели уже потеряли актуальность, власти НГХ были заинтересованы в том, чтобы через Дрлевича привлечь вооруженные соединения черногорцев на свою сторону и таким образом получить дополнительные военные возможности для усташского режима, который напрягал силы в борьбе как против НОАЮ, так и против Михайловича. Пользуясь этой заинтересованностью НГХ и, разумеется, самого Дрлевича, Джуришич для вида вступил с ним в соглашение, по которому черногорские четники вставали под верховное руководство Дрлевича. Но при попытке Джуришича, вопреки соглашению, продолжать вести свои формирования по собственному маршруту на запад вызванные Дрлевичем войска НГХ предприняли в начале, а затем снова к концу апреля 1945 г. серьезные операции против группировки Джуришича, окружая ее. В результате часть ее была уничтожена в боях; часть, в основном только из черногорцев, а также сербов из Герцеговины, предпочла, сохраняя себе жизнь и сдавшись, быть преобразованной в т.н. Черногорскую народную армию под главенством Дрлевича, которая стала затем действовать в составе сил НГХ; наконец, еще значительное количество сдавшихся, среди которых находились сам Джуришич, масса четнических офицеров, включая ряд пошедших с Джуришичем особенно известных высших командиров, видные деятели равногорского движения, в том числе уже упомянутый Васич, часть членов Национального комитета Черногории, Боки и Старого Раса были убиты усташами⁷⁴.

Уходом всех тех, кто двинулся под руководством Джуришича, оставшаяся группировка под командованием Михайловича оказалась ощутимо ослаблена. Между тем ее положение серьезно ухудшалось с происходившим германским отступлением из Восточной Боснии, которое резко ускорилось в начале апреля. До того тактика Михайловича строилась в немалой мере с расчетом, что, пока немцы находились там, борьба с ними и союзными им войсками НГХ была основной для сил НОАЮ/ЮА, оперировавших на указанной территории. А соответственно, эти силы не были в состоянии особенно сосредоточиться на действиях против четников. С уходом немцев группировка Михайловича оказывалась в новой ситуации: теперь возникала опасная перспектива, что соединения ЮА, тем более в условиях, когда война уже явно подходила к завершению, смогут непосредственно сконцентрироваться для нанесения решающих ударов по четникам. В такой обстановке четнический руководитель начинает в первой половине апреля перемещения группировки, меняя направления, но в итоге выбирает путь через труднопроходимые районы Боснии на восток, к Дрине, с целью попасть в Сербию. Однако добраться туда не удалось. Понеся по дороге серьезные потери, очень поредевшие силы Михайловича были, в конце концов, окружены в первой половине мая 1945 г. войсками ЮА в горном районе и к середине мая разгромлены. Самому Михайловичу с несколькими людьми из его окружения удалось избежать пленения, и он стал скрываться, пока в марте 1946 г. его не арестовали⁷⁵.

Тем временем, нараставшим поражением нацистской Германии и вынужденным отступлением немецких войск в Югославии все дальше на северо-запад, к довоенным югославским границам с Италией и Австрией, был предопределен и крах двух последних прогитлеровских режимов на югославской территории – НГХ во главе с Павеличем и администрации Рупника в Словении.

Еще за полтора с лишним года до этого некоторая часть усташской верхушки, видя, особенно после капитуляции Италии, куда поворачивает ход войны, стала предпринимать усилия, направленные на то, чтобы спасти НГХ в случае возможного разгрома «третьего рейха». Планировались постепенное смягчение режима, ослабление и даже в определенной степени ликвидация его репрессивно-террористического характера, в том числе в отношении сербского населения, придание государственному порядку относительно либеральной окраски, удаление из руководства НГХ наиболее одиозных фигур и замена усташской однопартийности коалиционным правлением с участием, возможно даже на самых ведущих постах, представителей ХКП. Имелось в виду, что такой измененный политический режим, вступив в переговоры с западными союзниками, имел бы шансы быть признан ими как партнер, что создавало бы возможность в подходящий момент разорвать с гитлеровской Германией и перейти на сторону антигитлеровской коалиции. Предполагалось, что в этом случае вооруженные силы НГХ будут в состоянии противостоять вероятным попыткам германского военного вмешательства, а затем получат поддержку путем высадки англо-американских войск. Тот весьма узкий круг высокопоставленных деятелей НГХ, в котором постепенно вынашивались подобные планы, возглавлялся одним из наиболее известных усташских руководителей и идеологов Младеном Лорковичем, долгое время министром иностранных дел, а с октября 1943 г. министром внутренних дел. Его ближайшим соратником стал видный усташский деятель Анте Вокич, с октября 1943 г. министр транспорта, а самое важное – с конца января 1944 г. министр вооруженных сил НГХ.

Они действовали в определенной мере с ведома Павелича, заинтересованного, со своей стороны, в том, чтобы в случае поражения Германии получить возможность договоренности с западными союзниками и, таким образом, сохранения НГХ во главе с ним самим. Однако Павелич, если и был готов, то лишь на весьма ограниченные, во многом скорее косметические меры смягчения режима, нежели на такую либерализацию, которая бы вела к существенному изменению характера государственного устройства, а тем более угрожала бы собственной власти «поглавника». Но руководители ХКП из ближайшего окружения Владко Мачека, с которыми еще летом 1943 г. вступил в переговоры Лоркович, а вслед за капитуляцией Италии разговаривал даже сам Павелич, не были согласны только на видимость перемен. Эти деятели ХКП, в отсутствие находившегося под арестом Мачека возглавлявшиеся заместителем председателя партии Аугустом Кошутичем и фактически выполнявшим функции партийного секретаря Иваном (Иванко) Фаролфи, следовали линии Мачека: не компрометировать себя участием в коалиции с усташами под руководством Павелича. Их цель заключалась в том, чтобы были проведены демократические реформы и усташаи на деле отстранены от власти, которая перешла бы к ХКП. Для Павелича такой оборот дела был, естественно, неприемлем. Между тем Лоркович и, вероятно, Вокич, первоначально имевшие в виду более чем ограниченные перемены, под влиянием развития событий постепенно сдвигались на позицию, что сохранение хорватской государственной самостоятельности важнее судьбы Павелича и радикального усташства. Из имеющихся данных не совсем ясно, к какого рода дейс-

твиям в отношении «поглавника» Лоркович и Вокич в итоге готовились и когда именно собирались к ним приступить. Но, судя по некоторым сведениям, они, видимо, стали не полностью информировать Павелича о своих переговорах с руководителями ХКП. И в итоге склонились, прежде всего Лоркович, к необходимости отстранения «поглавника» от власти, то ли путем уговоров, то ли насильно, и передачи управления НГХ Мачеку.

Однако Павелич, опираясь в первую очередь на наиболее радикальные усташские круги, особенно в спецслужбах, непосредственно проводившие репрессивно-террористическую политику, предпринял 30 августа 1944 г. решительный шаг по пресечению ставшей опасной для него деятельности Лорковича и Вокича. Собрав специальное заседание правительства НГХ, он обвинил их в заговоре, подготовке путча, предательства. Оба были лишены всех постов, чинов и арестованы. Одновременно был арестован ряд других функционеров режима и домобранских офицеров, причастных к планам т.н. «путча Лорковича – Вокича». Арестам подвергся также значительный круг деятелей ХКП, прежде всего те, кто непосредственно вел переговоры с Лорковичем и его командой, за исключением Кошутича, который, спасаясь, бежал к партизанам. Впоследствии, в основном уже к концу существования НГХ, большинство сидевших по этому делу было выпущено, но некоторых убили, как правило, тайно. В частности, при все еще невыясненных обстоятельствах – по всей видимости, в конце апреля или в начале мая 1945 г. – были убиты усташами находившиеся в заключении Лоркович и Вокич, равно как Фаролфи и его коллега по руководству ХКП Людевит Томашич⁷⁶.

Крах акции, готовившейся Лорковичем и Вокичем, был, в сущности, предопределен, поскольку оба они, будучи частью усташской верхушки и тесно связаны с Павеличем, пытались совместить несовместимое: произвести фактически переворот, но во взаимодействии с самим же «поглавником» и, по возможности, полюбовно с ним. Однако даже если бы акция оказалась успешной, замысел, что она позволит сохранить НГХ, вряд ли был осуществим. Если иметь в виду международную ситуацию, то потому, что «большая тройка» выступала за восстановление Югославии. Западные союзники, на которых был расчет Лорковича и Вокича, в своей практической политике следовали, вместе с СССР, именно этой линии, исключавшей существование НГХ⁷⁷. Если же иметь в виду внутреннее положение на югославском пространстве, и в частности непосредственно в самом Независимом государстве Хорватия, то попытка сохранения НГХ неизбежно натолкнулась бы на решительное противодействие обоих антиоккупационных движений: и народно-освободительного, и равногорского. А потому едва ли могла закончиться удачей.

Что же касалось того реального НГХ, которое с провалом акции Лорковича – Вокича так и осталось неизменным усташским режимом, по-прежнему, если даже ни еще теснее привязанным к нацистской Германии, то его судьба была решена. Его вооруженные силы, находившиеся под общим германским командованием и насчитывавшие в начале 1945 г. чуть ли ни до 150 тыс. человек, вели бои вместе с немецкими войсками и вместе с ними отступали⁷⁸. Когда на рубеже апреля – мая 1945 г. потерпел окончательное поражение «третий рейх», который затем капитулировал, наступил и конец НГХ.

Последние дни режима были отмечены метаниями его руководства, оказавшегося в тупике. В конце апреля усташская верхушка все еще носилась с планами концентрации военных сил для решительной обороны Загреба и северо-запада Хорватии от наступления ЮА, а также от удара, который, как опасались, могла бы нанести с севера, из Венгрии, Красная Армия. Даже 3 мая Павелич публично заявлял о готовности к «героической борьбе» за сохранение НГХ⁷⁹. Вместе с тем «поглавник» в тот же день утвердил подготовленное тайное

обращение от имени правительства НГХ к командующему войсками западных союзников на Средиземноморье британскому фельдмаршалу Гарольду Александру. Обращение было подписано утром 4 мая всеми членами правительства во главе с премьером Николой Мандичем (имя Павелича в обращении не фигурировало) и тут же отправлено самолетом в ставку Александра в Италии. В обращении декларировались связь и солидарность НГХ с Англией и США, утверждалось, что борьба НГХ направлена лишь на защиту хорватской национальной независимости от сербской и большевистской опасности, от поглощения Югославией. И содержался призыв помочь присылкой англо-американских войск сохранению НГХ, которое будет существовать как демократическое национальное государство⁸⁰. Видимо, чтобы подкрепить это обращение доказательством «демократичности» НГХ, «поглавник» 3 мая отменил существовавшие расовые различия между гражданами НГХ и аннулировал все прежние расовые законы⁸¹. А почти вслед за отсылкой обращения Александру, не дожидаясь ответа на него (который в итоге дан не был), Павелич распорядился об эвакуации из Загреба и вообще из Хорватии. Вместе с находившимися на северо-западе Хорватии германскими войсками, которые устремились через Словению в направлении Австрии, чтобы сдать не силам ЮА, а армиям западных союзников, 6 мая в том же направлении двинулись многотысячные колонны еще сохранившейся части вооруженных сил НГХ вместе с Павеличем, правительством и множеством должностных лиц режима. С ними уходило, главным образом из Загреба, и довольно значительное количество гражданского населения⁸².

Как и усташский режим, если даже ни в еще большей мере, администрация Люблянской провинции во главе с генералом Рупником, подконтрольная гитлеровцам, до самого конца по-прежнему придерживалась линии на неразрывную связь с нацистской Германией. То ли потому, что генерал, несмотря ни на что, долго продолжал сохранять свою упорно им высказывавшуюся веру в победу «третьего рейха»⁸³, то ли из-за того, что не видел для себя иного выхода. Когда же в апреле 1945 г. Рупник, согласно имеющейся в историографии оценке, уже больше не верил в немецкую победу, он занял позицию, что возможно лишь одно решение: совместное противостояние всех антикоммунистических военных формирований на словенских землях коммунистическим силам. В качестве участников такого противостояния генерал рассчитывал прежде всего на Словенское домобранство, насчитывавшее до полутора десятков тысяч человек, вместе с домобранцами из северной части Словении, главным образом Верхней Крайны, включенной оккупантами непосредственно в «третий рейх». А также на крупные сербские воинские контингенты, с конца 1944 г. разместившиеся, как уже упоминалось, в сопредельных с Люблянской провинцией районах Истрии и Словенского Приморья: четнические соединения из Далмации и Лики и вступивший в тесное сотрудничество с ними Сербский добровольческий корпус, пополнившийся затем бывшими частями Сербского ударного корпуса. В первой половине апреля 1945 г. было в этом смысле достигнуто соглашение между Рупником и объединенным руководством сербских сил, которое политически возглавлял Лётич до своей гибели в автокатастрофе 23 апреля, а в военном отношении – присланный Михайловичем генерал Дамянович. Относительно плана действий, имевшегося у Рупника, в современной словенской историографии содержатся сведения, что намечалось самостоятельно держать после ухода немцев решительную оборону словенских земель, особенно центральной части Словении с Любляной и приморской территории, от их перехода под контроль ЮА. Но на случай, если не удастся долго удерживать такую оборону, предусматривался очень постепенный, с боями, отход с позиции на позицию через Верхнюю Крайну в ее северо-западный угол, к довоенной границе с

Австрией, чтобы там в течение некоторого времени успешно защищаться и в итоге создать предпосылки для переговоров о наиболее благоприятных условиях капитуляции. Для подготовки реализации этого плана Рупник к концу апреля 1945 г. добился от германских военных властей согласия на то, чтобы от них командование Словенским домобранством и домобранцами Верхней Крайны перешло к нему и чтобы сама Верхняя Крайна была административно присоединена к Люблянской провинции⁸⁴.

Однако, помимо Рупника и вопреки ему, в Словении, прежде всего в Люблянской провинции, действовала другая сила, тоже стремившаяся воспрепятствовать установлению коммунистического правления. Это был нелегальный Национальный совет Словении (НСС), о создании которого как антиоккупационной организации еще в конце октября 1944 г. договорились продолжавшие в условиях оккупации негласную активность группы деятелей основных политических партий, выступавших на словенской политической сцене в довоенной Югославии: Словенской народной партии (клерикалы), словенской ветви Югославской национальной партии (либералы) и словенской ветви Социалистической партии Югославии. С января 1945 г. НСС, установивший связь с некоторыми словенскими политиками-эмигрантами на Западе и с Михайловичем, начал подготовку к тому, чтобы в момент, когда война подойдет к концу, взять власть. Программой целью было создание объединенной Словении, т.е. включая этнически и исторически словенские земли, остававшиеся за довоенными югославскими границами, и восстановление Югославии, но как федерации, в которой Словения была бы одним из членов. В качестве вооруженной силы, необходимой для взятия власти, планировалось образовать Словенскую национальную армию на основе уже существовавших антикоммунистических военных группировок. Важнейшими из них считались все то же Словенское домобранство, которое предполагалось оторвать от немцев, и словенские отряды четников, с первых месяцев 1944 г. воссозданные и вновь до определенной степени активизировавшиеся в Люблянской провинции. Расчеты на четников стали особенно возрастать, когда, помимо их совсем немногочисленных словенских отрядов, в районах Истрии и Словенского Приморья сконцентрировались названные выше крупные контингенты сербских четников и лётичевцев, объединившиеся под совместным командованием. Это командование, параллельно с переговорами и договоренностями, которые были у него с Рупником, вело также переговоры и согласовывало позиции с НСС. Между сербами и НСС обсуждались упоминавшиеся уже выше проекты присоединения Истрии и Словенского Приморья к Словении, ее провозглашения свободной федеральной единицей Королевства Югославия и приглашения Петру II прибыть туда. Одновременно НСС, в противовес Рупнику, усиленно контактировал с командирами Словенского домобранства, склоняя их к переходу на сторону НСС и включению подчиненных им воинских частей в планируемую Словенскую национальную армию. В итоге договоренность с этими командирами была достигнута⁸⁵.

Между тем в конце апреля 1945 г. вследствие стремительного прорыва ЮА с юго-востока в Истрию и Словенское Приморье основная часть находившихся там сербских сил и действовавших с ними вместе словенских четников оказалась с востока отрезанной от Люблянской провинции. В результате эта группировка, руководимая генералом Дамяновичем, спасаясь от угрозы разгрома и пленения «красными», ринулась на запад, навстречу продвигавшимся по Северной Италии к Триесту англо-американским войскам и сдалась им в плен. В числе сдавшихся был и командир словенских четников генерал Иван Презель, которого НСС перед тем наметил в качестве командующего Словенской национальной армией⁸⁶.

Теперь НСС мог рассчитывать лишь на Словенское домобранство. Но оно было, как уже говорилось, передано немцами в подчинение Рупника, а договорившиеся перейти на сторону НСС домобранские командиры, хотя и отказывались выполнять приказы Рупника, однако не были готовы прибегнуть к силовым действиям против его администрации и поддерживавших ее немцев. В итоге, вместо первоначально обсуждавшейся в НСС возможности того, чтобы Словенская национальная армия, когда она будет сформирована, предприняла некую акцию по захвату власти у оккупационно-квислинговского режима и тем самым выступила бы перед западными союзниками в роли силы Сопротивления, было сделано совсем иное. В последние пять дней апреля НСС, фактически выйдя из подполья, вступил в переговоры с Рупником и даже германскими представителями, пытаясь убедить их отдать власть. Рупник и немцы отказывались. Лишь 3 мая, в обстановке уже фактически наступившего краха «третьего рейха» и под давлением как командиров Словенского домобранства, так и люблянского архиепископа Грегория Рожмана, Рупник подал в отставку. Официально она была удовлетворена 5 мая немецкими оккупационными властями, которые одновременно заявили о передаче «компетенции гражданского управления» в руки НСС⁸⁷.

Еще до этого, 3 мая, НСС созвал в Любляне заседание «временного словенского национального представительства» (или Словенского союза). Его участники (делегаты) были персонально приглашены по списку, который составлялся в самом НСС главным образом из деятелей представленных в нем партий, причем преимущество отдавалось словенским депутатам предвоенной югославской скупщины. На заседании было провозглашено создание национального государства Словения в качестве составной части федеративного Королевства Югославия во главе с династией Карагеоргиевичей. Было декларировано также образование Словенской национальной армии, в которую включались домобранские войска. Она объявлялась частью королевской Югославской армии на родине, т.е. использовалось то название, которым обозначались силы, находившиеся под командованием Михайловича. На заседании были приняты обращения к королю Петру II, к британскому премьеру Черчиллю и к новому президенту США Гарри Трумэну. Петра приглашали прибыть на «свободную словенскую территорию». А Черчилля и Трумэна просили о вмешательстве западных союзников в ситуацию в Словении, чтобы «предотвратить дальнейшее кровопролитие». Об этих решениях и обращениях руководители НСС тут же сообщили по радиосвязи Дамяновичу и Презелю в штаб их группировки в Италии, сдавшей западным союзникам. НСС просил генералов, чтобы те передали сообщения командованию англо-американских войск. Существуют противоречивые сведения о том, были ли получены упомянутые сообщения западными союзниками, от которых, во всяком случае, никакой видимой реакции не последовало⁸⁸.

Однако ни все это, ни произошедшая 5 мая передача власти в руки НСС немцами и Рупником уже фактически не имели значения. Ибо в последующие два-три дня, ввиду успешного наступления ЮА и начавшегося отхода германских войск из Словении в Австрию, стали вслед за немцами или вместе с ними уходить туда же войска Словенского домобранства, переименованного в Словенскую национальную армию. С ними также шли все еще находившиеся в словенских районах некоторые части словенских и сербских четников и Сербского добровольческого корпуса, оказавшиеся отрезанными от группировки Дамяновича. Все эти военные формирования отступали, ведя сами или совместно с германскими войсками бои против атакующих их сил ЮА. Параллельно эвакуировались как функционеры только что упраздненной администрации Рупника,

включая его самого, так и деятели НСС и представленных в нем политических групп. Одновременно двинулась и часть гражданского населения, боявшаяся «красных»⁸⁹.

Вся эта масса и шедшее вслед за ней многократно большее число уходивших через Словению из Хорватии скопились в конце первой – начале второй декад мая 1945 г. в северо-западном углу Югославии, на довоенной югославо-австрийской границе. Те из них, кто не успел перейти через границу, а остался на югославской территории или оказался в том австрийском районе, который на короткое время заняли тогда войска ЮА, этими войсками окружались и захватывались в плен либо уничтожались. Но очень значительной части удалось уйти в приграничный район Австрии, уже занятый британскими войсками. Там к середине мая сосредоточились в окрестностях Бляйбурга («Бляйбургское поле») и Ветриня («Ветриньское поле») многие десятки тысяч человек, а по некоторым данным – от ста до двухсот тысяч и больше. В основном это были военные формирования НГХ и бывшего Словенского домобранства, а также некоторая часть Сербского добровольческого корпуса, сербских и словенских четников. С ними были и остатки черногорских четников из «армии» Дрлевича, которые уже в Австрии перебили командиров-сторонников Дрлевича, убили его самого и организовали самостоятельное воинское соединение. Все они предпочитали сдаться англичанам. Несколько тысяч человек составляли гражданские беженцы. Преобладающую часть тех, кто там сосредоточился, главным образом участников перечисленных выше воинских формирований, особенно военнослужащих вооруженных сил НГХ, Сербского добровольческого корпуса и бывшей «армии» Дрлевича, которых британские военные власти считали вражескими войсками, сражавшимися на стороне немцев, англичане принудили вернуться на югославскую территорию, передав их силам ЮА. В Югославии многие тысячи, если ни десятки тысяч из них были, в большинстве случаев без суда, сразу же тайно казнены в массовом порядке. Десятки тысяч других погибли, когда под конвоем они преодолевали долгий путь к местам заключения (лагерям), расположенным в различных районах Югославии⁹⁰.

Лишь довольно небольшой части тех, кто оказался в районе Бляйбурга и Ветриня, удалось остаться на Западе, легально или скрывшись. Из группировки же Дамяновича, сдавшей в Италии, почти все были оставлены на Западе. Тогда же либо в первые послевоенные годы британские, а частично и американские власти передали установленному в Югославии режиму в качестве военных преступников Славко Кватерника, премьер-министра НГХ Мандича и ряд министров, других руководящих усташских деятелей. Но Павеличу, перешедшему на нелегальное положение, удалось скрыться в Австрии, затем в Италии, а позже тайно перебраться в Латинскую Америку. Западными союзниками были также переданы югославским властям Рупник, Недич и некоторые его министры, командующий Сербским добровольческим корпусом генерал Коста Мушицки. Советская сторона передавала югославскому режиму и ряд захваченных ею участников четнических формирований. Наряду с этим, как западными союзниками, так и Советским Союзом в качестве военных преступников были переданы югославским властям некоторые генералы, офицеры, дипломаты, высокопоставленные чиновники оккупационных органов Германии и других государств «оси», действовавшие в Югославии в 1941–1945 гг.

К середине мая 1945 г. закончились военные действия на югославской территории. Она стала полностью освобожденной от войск разгромленной нацистской Германии. Была восстановлена государственная независимость Югославии. Одновременно завершилась и гражданская война. Победителем явилось движение во главе с КПЮ, которое

смогло развернуть массовое активное вооруженное Сопротивление и выступить в качестве силы освобождения Югославии от оккупантов и прогитлеровских режимов. В стране была фактически установлена коммунистическая власть.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941–1945. Drugo prepravljeno i dopunjeno izdanje. Knj. 2: Od Drugog zasedanja AVNOJ-a do konačne pobeде. Beograd, 1965. S. 250–252.*

2 Отношения России (СССР) с Югославией 1941–1945 гг: Документы и материалы. М., 1998 (далее ОРЮ). № 347. С. 279–280 (письмо Тито Сталину); Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1371. Л. 10–11 (докладная записка Корнеева Сталину).

3 ОРЮ. № 347. С. 279; РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1371. Л. 7–8.

4 ОРЮ. № 401. С. 311–312; см. также: Там же. № 311. С. 248–249; № 316. С. 254–255; № 317. С. 259–260; № 319–321. С. 262–264; № 326. С. 268; № 328. С. 269–270; № 333–335. С. 272–274; № 341. С. 276; № 344. С. 277; № 368. С. 291–292; Русский архив. Т. 14–3 (2): Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах, 1944–1945: Документы и материалы. М., 2000. Разд. «Югославия». Док. № 8. С. 192–194; *Счетчиков Г.С. Полеты в Югославию // Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М., 1960.*

5 ОРЮ. № 600. С. 458–459.

6 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1371. Л. 8–9; ОРЮ. № 304. С. 244; № 306–307. С. 245, 246; № 313. С. 249–250; № 316. С. 255–256; № 339. С. 275; № 352. С. 284, и др.

7 *Anić N., Joksimović S., Gutić M. Narodnooslobodilačka vojska Jugoslavije: Pregled razvoja oružanih snaga narodnooslobodilačkog pokreta 1941–1945. Beograd, 1982. S. 487; Strugar V. Jugoslavija 1941–1945. Beograd, 1969. S. 311–312; Стругар В. Югославия в огне войны, 1941–1945 / Авториз. пер. с сербскохорв. М., 1985. С. 286; Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918–1988. Knj. 2: Narodnooslobodilački rat i revolucija 1941–1945. Beograd, 1988. S. 316, 436–437, etc. Кроме помощи вооружением, боеприпасами, другими военными материалами и подготовки военных специалистов, существенное значение также имела как западная, так и советская медицинская помощь по лечению большого числа раненых. В англо-американские госпитали в Италии было доставлено в общей сложности около 40 тыс. раненых бойцов партизанских сил, а СССР развернул в Югославии 11 госпиталей с медперсоналом.*

8 См., в частности: *Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941–1945. Knj. 2. S. 253–259, 262–271; Пајовић Р. Контрреволюција у Црној Гори: четнички и федералистички покрет 1941–1945. Цетиње, 1977. С. 488–492; Николић К. Историја равногорског покрета 1941–1945. Београд, 1999. Књ. 2. С. 249–255.*

9 Картина этой борьбы с разных позиций изображалась, с одной стороны, в официозной югославской историографии, а с другой – в работах ряда современных сербских историков, напр.: *Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941–1945. Knj. 2. S. 259–262, 272–295 etc.; Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 255–264, и др.*

10 См., напр.: *Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 1. С. 415–417; Пајовић Р. Указ. соч. С. 454–458, 460–461.*

11 *Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 1. С. 417.*

12 *Пајовић Р. Указ. соч. С. 462–465; Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 220.*

13 *Пајовић Р. Указ. соч. С. 471–482 и след.*

14 Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 231–233.

15 Там же. С. 232.

16 См., например: Там же. С. 237–239.

17 См.: Там же. С. 267–270; *Tomasevich J. War and Revolution in Yugoslavia, 1941–1945: The Chetniks*. Stanford (Cal.), 1975. P. 344; Колаборација у Србији 1941–1945: Зборник грађе / приред. Ж. Јовановић. Београд, 2001. Док. 125. С. 240–241.

18 Например: Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 269; *Димитријевић Б., Николић К. Бенерал Михаиловић – биографија*. Београд, 2004. С. 420.

19 См.: *Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavje* (далее – ZDP NOR). Т. XIV. Књ. 4: *Dokumenti jedinica, komandi i ustanova četničkog pokreta Draže Mihailovića*. August 1944 – maj 1945. Beograd, 1985. Prilog II. Dok. Br. 1–5. S. 1067–1086; Колаборација у Србији 1941–1945. Док. 124. С. 238–240.

20 *Tomasevich J.* Op. cit. P. 344–346; Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 270–271.

21 ZDP NOR. Т. XIV. Књ. 4. Dok. Br. 61. S. 211; Колаборација у Србији. Док. 141. С. 265; Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 272–273. В противоположность этим данным, в историографии и мемуаристике имеют место другие сведения: например, что корпус был сформирован не в начале сентября 1944 г., а месяцем позже, или что его реальная численность была многократно меньшей, а три его дивизии лишь предполагалось создать, и из них конкретно планировалась организация лишь двух (*Мартиновић-Бајица П.* Милан Недич. Београд, 2003. С. 366–371, 464; *Tomasevich J.* Op. cit. P. 421, 428). Если верить версии об оформлении корпуса как части сил Михайловича не в начале сентября, а в начале октября, выходит, что это произошло только уже после того, как правительство Недича накануне падения гитлеровской оккупации Сербии бежало с немецкой помощью из Белграда в Вену.

22 См., напр.: Колаборација у Србији 1941–1945. Док. 123. С. 237.

23 Различные описания акции Лукачевича см.: *Pajović R. Formiranje četničke nezavisne grupe nacionalnog otpora: Pokušaj Vojislava Lukačevića da se otcijepi od Draže Mihailovića // Jugoslovenski istorijski časopis*. 1964. Br. 4; *Пажовић Р.* Указ. соч. С. 501–504, 525–526; Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 275–277. Несколько британских артиллерийских батарей со штатом обслуживания и воинским контингентом их охраны были высажены в Дубровнике для поддержки операций, проводившихся партизанскими силами главным образом в Герцеговине и Боснии против крупных соединений германских войск, продвигавшихся по Югославии из Греции и Албании.

24 Об этой миссии см.: *Tomasevich J.* Op. cit. P. 376–383; *Павловић В.* Од монархије до републике: САД и Југославија (1941–1945). Београд, 1998. С. 224–245; Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 3. С. 243–246. Отправка миссии была в основном обусловлена ведомственными интересами разведки США.

Кроме того, с начала августа и по декабрь 1944 г. при Михайловиче находилась небольшая американская миссия, которая продолжала эвакуацию спасенных четниками военнослужащих ВВС западных союзников, чьи самолеты были в разное время сбиты над Югославией (*Павловић В.* Указ. соч. С. 219–224).

25 ZDP NOR. Т. XIV. Књ. 4. Dok. Br. 60. S. 208; Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 3. С. 243–244.

26 Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 277–278.

27 См., например: Николић К. Страх и нада у Србији 1941–1944 године: свакодневни живот под окупацијом. Београд, 2002. С. 255–258 и др.

- 28 Описание этого с разных позиций см.: *Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941–1945*. Knj. 2. S. 280–281; *Николић К.* Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 280–282.
- 29 Колаборација у Србији 1941–1945. Док. 144. С. 269.
- 30 *Николић К.* Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 286–289.
- 31 Там же. С. 284.
- 32 Балканский узел, или Россия и «югославский фактор» в контексте политики великих держав на Балканах в XX веке. М., 2005. С. 205.
- 33 Документы о визите Тито в Москву и переговорах, которые с ним велись там, все еще недоступны для исследования. О переговорах опубликованы лишь некоторые мемуарные свидетельства и выборочные данные в различных официозных изданиях, выходявших в СССР и Югославии. См.: *Броз Тито Ј.* [Дела. Књ.] II. Изградња нове Југославије. Књ. I. Београд, 1947. С. 114–115 (перев. на русск. яз.: Броз Тито И. Избр. речи и статьи. М., 1987. С. 126); *Дедијер В.* Јосип Броз Тито: Прилози за биографију. Београд, 1953. С. 412–415; Белградская операция / под общ. ред. С.С. Бирюзова, Р. Хамовича. М., 1964. С. 84–85; *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М., 1974. С. 195, 196, 203–204, 206, 208, 213–214. Во всех этих публикациях московские переговоры изображались всякий раз в зависимости от той политической конъюнктуры, которой в момент издания следовали советский или югославский режимы. О переговорах в Крайове см., в частности: Русский архив. Т. 14–3 (2). Разд. «Югославия». Док. № 39. С. 226–227.
- 34 О решениях по поводу помощи в вооружении и оснащении НОАЮ, в подготовке кадров для нее и о выполнении этих решений см., напр.: Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 1: 1944–1948. Документы / отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 1999. Док. № 13. С. 91–94; ОРЮ. № 395. С. 307; № 402. С. 312; № 478. С. 364–365; № 487. С. 372; № 595. С. 452–454.
- 35 Българија – непризнатијат противник на Третија райх / съст. В. Тошкова и др. София, 1995. № 26. С. 40; *Dokumenti o spoljnoj politici Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije 1941–1945* (далее DSP SFRJ, 1941–1945). Т. II. Beograd, 1989. Dok. 162. S. 268.
- 36 *Димитров Г.* Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 440–441.
- 37 Българија – непризнатијат противник на Третија райх. № 44. С. 60; № 45. С. 61; Русский архив. Т. 14–3 (2). Разд. «Болгария». Док. № 23. С. 107; Док. № 25. С. 108; Док. № 34. С. 119–120; Разд. «Югославия». Док. № 39. С. 226–227.
- 38 ОРЮ. № 407. С. 317–318; № 408. С. 318; № 411. С. 319–320.
- 39 Документи за борбата на македонскиот народ за самостојност и за национална држава / уред. Х. Андонов-Полјански. Скопје, 1981. Т. 2.: Од крајот на Првата светска војна до создавањето на национална држава. Док. 268–288. С. 555–620.
- 40 Об этом имеется обширная военная историография, в том числе прежняя советская и югославская, в значительной части испытывавшая влияние той или иной политико-идеологической конъюнктуры. Из наиболее известных работ укажем, например: Белградская операция. С. 86–277; *Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941–1945*. Knj. 2. S. 298–328, 350–379. Картина, созданная упомянутой литературой, в определенной мере лежит в основе некоторых общих очерков, имеющих в современной российской военной историографии, напр.: Балканский узел. С. 202–226. Действия советских войск отражены в ряде сборников документов: Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во второй мировой войне: Документы и материалы. М., 1985; ОРЮ; Русский архив. Т. 14–3 (2).
- 41 См., напр.: *Николић К.* Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 284–285.
- 42 *Tomasevich J.* Op. cit. P. 391–392; *Пилетић В.* Судбина српског официра. Крагујевац, 2002. С. 107–123 и след.
- 43 *Николић К.* Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 293–297.

44 Русский архив. Т. 14–3 (2). Разд. «Югославия». Док. № 32. С. 219, 220; см. также: Док. № 33. С. 331.

45 Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 297–299, 303–305.

46 Белградская операция. С. 60, 278. Подобные данные были восприняты не только советской, но и нынешней российской военной историографией. См., напр.: Балканский узел. С. 255.

47 Велика антифашистичка народноослободилачка скупштина Србије, 9–12 новембар 1944: Стенографске белешке. Београд, 1945.

48 DSP SFRJ, 1941–1945. Т. II. Док. 155. С. 260; Док. 160. С. 265; Док. 167. С. 273–275; Док. 173. С. 284–285; Tito – Churchill: strogo tajno / izabrao i uredio D. Biber. Београд; Загреб, 1981. С. 312, 314–315.

49 Tito – Churchill. С. 306–307, 311.

50 DSP SFRJ, 1941–1945. Т. II. Док. 156. С. 260–261; Док. 165. С. 271; Tito – Churchill. С. 305–306.

51 Советские и британские документы переговоров по этому вопросу см.: Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. Док. № 161. С. 420, 422, 423, 425, 426; Док. № 162. С. 429–435; Tito – Churchill. С. 342–346; България – непризнатият противник на Третия райх. № 68. С. 83–86; № 73. С. 89–96; № 75. С. 98. См. также: Churchill W.S. The Second World War. Vol. VI. London, 1954. P. 198.

52 Tito – Churchill. С. 338.

53 Об обсуждении и подписании соглашения и его дополнений см.: Zapisnici NKOJ-a i Privremene vlade DFJ: 1943–1945 / prired. B. Petranović, Lj. Marković. Београд, 1991. I deo: Zapisnici. Док. 16–17. С. 52–59; Tito – Churchill. С. 355–357, 359, 363, 368, 397.

54 Белградское соглашение Тито – Шубашича и дополнения к нему см.: Zapisnici NKOJ-a i Privremene vlade DFJ. II deo: Prilozi. Док. 82. С. 455–456; Док. 95. С. 501; Tito – Churchill. С. 396–397.

55 Впечатления Шубашича от визита в Москву: Tito – Churchill. С. 387, 394, 401–402; Павловић В. Указ. соч. С. 388; Глигоријевић Б. Краљ Петар II Карађорђевић у вртлогу британске политике или како је укинута монархија у Југославији. Београд, 2005. С. 185. Об общей позиции Шубашича в связи с заключением соглашения см., напр.: Tito – Churchill. С. 401; Павловић В. Указ. соч. С. 389–392; Radelić Z. Hrvatska seljačka stranka 1941–1950. Загреб, 1996. С. 36–37; Глигоријевић Б. Указ. соч. С. 170.

56 Tito – Churchill. С. 360, 372, 413; Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers (далее FRUS): The Conferences at Malta and Yalta, 1945. Wash., 1955. P. 255–256, 260, 261–262; FRUS. 1945. Vol. V. Wash., 1967. P. 1174, 1180–1181.

57 О позиции Петра II см., в частности: Jugoslovenske vlade u izbeglištvu 1943–1945: Dokumenti / prired. B. Petranović. Београд; Загреб, 1981. Док. 300. С. 414–419; Док. 301. С. 419–420; Глигоријевић Б. Указ. соч. С. 174–175, 178–181, 186–189.

58 Tito – Churchill. С. 369, 372, 412–413, 416, 422–423, 428–429, 433, 434–435; DSP SFRJ, 1941–1945. Т. II. Док. 200. С. 316; Док. 202. С. 317–318; Док. 212. С. 330; Док. 215. С. 334–339. См. также: Глигоријевић Б. Указ. соч. С. 175–176, 181–184, 187–188, 189–190, 198, 199, и др.

59 О позиции югославского коммунистического руководства см., напр.: Izvori za istoriju SKJ. Serija A. Т. II. Dokumenti centralnih organa KPJ: NOR i revolucija (1941–1945) (далее – DCO KPJ). Knj. 22 (1. januar – 4. mart 1945). Београд, 1996. Док. 37. С. 125–126; Tito – Churchill. С. 393, 420–421, 432, 434–435, 436; переписку между Сталиным и Черчиллем по поводу Белградского соглашения Тито – Шубашича см.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Изд. 2-е. М., 1976 (далее – Переписка...). Т. 1: Переписка с

У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). Док. № 353. С. 324; Док. № 371–372. С. 338–339; Док. № 387. С. 351; Док. № 389–390. С. 352–353; Док. № 392–393. С. 353–354; Док. № 396. С. 355–356; Док. № 399–401. С. 357–358.

60 The New York Times. 24 I 1945; Documents on American Foreign Relations. Vol. VII. Princeton, 1947. P. 908; Павловић В. Указ. соч. С. 397–399, 401–402, 403–404, 405–414.

61 Jugoslovenske vlade u izbeglištvu 1943–1945. Dok. 304–306. S. 422–424; Tito – Churchill. S. 434, 435, 441, 442, 444–445, 451–452, 467–469, 486–487, 490; Zapisnici NKOJ-a i Privremene vlade DFJ. I deo: Zapisnici. Dok. 22. S. 73–76; II deo: Prilozi. Dok. 120. S. 545; Dok. 121. S. 547; См. также: Глигорјевић Б. Указ. соч. С. 211–213, 216, 219, и др.

62 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. IV: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979 (далее – Крымская конференция). Док. № 13. С. 156–157; Док. № 14. С. 165, 172; Tito – Churchill. S. 447, 448.

63 См.: Глигорјевић Б. Указ. соч. С. 205, 208; Kosanović S. Jugoslavija bila je osuđena na smrt: Smisao Moskovskog sporazuma / pripremio za štampu i uvodne napomene napisao B. Krizman. Zagreb; Beograd, 1984. S. 287; Tito – Churchill. S. 443–444.

64 Крымская конференция. Док. № 14. С. 165; Док. № 15. С. 176–177; Док. № 19. С. 214, 219; Док. № 25. С. 270; Tito – Churchill. S. 446–447, 448, 450–451.

65 Николић К. Владе Краљевине Југославије у Другом светском рату. 1941–1945. Београд, 2008. Документа. С. 268; Zapisnici NKOJ-a i Privremene vlade DFJ. I deo: Zapisnici. Dok. 23. S. 77–79; Dok. 24. S. 80–81; II deo: Prilozi. Dok. 123. S. 550; Dok. 124. S. 551; Dok. 127. S. 555–556.

66 Характерный пример: когда в начале апреля 1945 г. Тито во главе югославской правительственной делегации отправился в СССР для подписания договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве двух стран, Шубашича, включенного в состав делегации, уведомили о предстоящем визите, по его свидетельству, лишь почти перед самой поездкой. См.: Tito – Churchill. S. 504–505.

67 О принятии декларации см.: Zapisnici NKOJ-a i Privremene vlade DFJ. I deo: Zapisnici. Dok. 25. S. 82–83; текст декларации: Политика. 10 III 1945 (несколько сокращенный перевод на русский язык: ОРЮ. С. 605–608. Примеч. 1081).

68 О визите делегации во главе с Тито в Москву и заключении договора см.: ОРЮ. № 563–573. С. 427–437.

69 Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 298–299; Пајовић Р. Указ. соч. С. 515–517, 518–520, 524–525.

70 О положении четнической группировки см.: Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 312–317, 319–323, 324–327; Пајовић Р. Указ. соч. С. 528; об амнистии см.: Zapisnici NKOJ-a i Privremene vlade DFJ. I deo: Zapisnici. Dok. 18. S. 62; II deo: Prilozi. Dok. 84–86. S. 461–465.

71 См.: Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 307, 310, 318–319, 327, 331; Димитријевић Б., Николић К. Указ. соч. С. 458, 459–460, 464; Пајовић Р. Указ. соч. С. 528–529.

72 Tomasevich J. Op. cit. P. 435, 442, 444–445; Jelić-Butić F. Četnici u Hrvatskoj. Zagreb, 1986. S. 237–241; Мартиновић-Бајица П. Указ. соч. С. 352, 353, 374; Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 329–330.

73 Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 328–333, 335–336; Пајовић Р. Указ. соч. С. 528–536; Мартиновић-Бајица П. Указ. соч. С. 353; Mlakar B. Slovensko domobranstvo 1943–1945: Ustanovitev, organizacija, idejno ozadje. Ljubljana, 2003. S. 462.

74 См.: Пајовић Р. Указ. соч. С. 537–548; Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 336–338.

75 Николић К. Историја равногорског покрета. Књ. 2. С. 339–346; Димитријевић Б., Николић К. Указ. соч. С. 459, 467–474.

76 Различные описания и интерпретации «путча Лорковича – Вокича» в югославской и постюгославской хорватской историографии см.: *Jelić-Butić F. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945*. Zagreb, 1977. S. 278–294; *Kisić Kolanović N. Mladen Lorković: Ministar urotnik*. Zagreb, 1998. S. 63–105, 321–378, 383–384; *Matković H. Povijest Nezavisne Države Hrvatske. Drugo, dopunjeno izdanje*. Zagreb, 2002. S. 203–204, 220–226.

77 В частности, как на конференциях трех министров иностранных дел в Москве (19–30 октября 1943 г.) и глав правительств в Тегеране (28 ноября – 1 декабря 1943 г.), так и в повседневных межсоюзнических контактах обсуждение югославских дел неизменно велось на той общей основе, что с освобождением от оккупации Югославия будет существовать как одно государство. В позициях США и Англии никак не отражались ни имевшие место до этого частичные сомнения Рузвельта в возможности восстановления югославского государства ввиду острейших межэтнических конфликтов, прежде всего хорвато-сербского, ни прежние британские калькуляции о том, не растащить ли отдельные югославские территории по разным из замышлявшихся федераций / конфедераций в Центральной Европе и на Балканах.

78 См., напр.: *Barić N. Ustroj kopnene vojske domobranstva Nezavisne Države Hrvatske, 1941–1945*. Zagreb, 2003. S. 357–413; *Jelić-Butić F. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska*. S. 297.

79 *Krizman B. Pavelić u bjekstvu*. Zagreb, 1986. S. 10.

80 *Matković H.* Op. cit. S. 237–238, 296–304.

81 *Ibid.* S. 295.

82 Описание происходившего см. в: *Krizman B.* Op. cit. S. 10–64.

83 О подобных высказываниях см., напр.: *Mlakar B.* Op. cit. S. 452. Согласно некоторым свидетельствам, не имеющим, однако, подтверждения, Рупник чуть ли ни до конца верил в то, что в последний момент нацисты предъявят последний козырь – новое оружие и повернут к себе военное счастье (*Arnež J. SLS: Slovenska ljudska stranka, 1941–1945*. Ljubljana – Washington, 2002. S. 228).

84 *Mlakar B.* Op. cit. S. 466–468.

85 *Ibid.* S. 449–466, 469; *Arnež J.* Op. cit. S. 224–227.

86 *Tomasevich J.* Op. cit. P. 451; *Mlakar B.* Op. cit. S. 466, 473.

87 Различные описания этих событий см. в: *Mlakar B.* Op. cit. S. 469–476, 481; *Arnež J.* Op. cit. S. 227–228, 232–236.

88 *Mlakar B.* Op. cit. S. 476–479, 481–482; *Arnež J.* Op. cit. S. 229–232, 238–239.

89 *Mlakar B.* Op. cit. S. 481, 483–487; *Vodušek Starič J. Prevezem oblasti 1944–1946*. Ljubljana, 1992. S. 225–227; *Arnež J.* Op. cit. S. 236–238.

90 См., напр.: *Matković H.* Op. cit. S. 238–241; *Krizman B.* Op. cit. S. 79–118; *Bleiburška tragedija hrvatskoga naroda*. 3 izd. / na temelju španjolskog izdanja priredio V. Nikolić. Zagreb, 1993; *Spomenica povodom 50-te obljetnice Bleiburga i Križnog puta, 1945–1995* / glav. ured. M. Valentić. Zagreb, 1995; *Пајовућ П.* Указ. соч. С. 548–549; *Mlakar B.* Op. cit. S. 489–526; *Arnež J.* Op. cit. S. 239–252 etc.; *Švent R. Maj 1945 – nekateri so izbrali drugačno 'svobodo' // Prispjevki za novejšo zgodovino*. 1997. Št. 2: *Ferenčev zbornik; Vodušek Starič J. Prevezem oblasti*. S. 227–250; *Eadem. Kako se čistila Jugoslavija? // Gordogan*. 2004. Br. 4–5. В историографии и публицистике дискутируется вопрос о моральной, правовой, историко-политической оценке этих событий, об ответственности за массовые казни и расправы, ведутся споры о численности погибших. См., в частности: *Geiger V. Osvrt na važniju literaturu o Bleiburgu 1945 // Časopis za suvremenu povijest*. 2003. Br. 1.

ЧАСТЬ IV

ВТОРАЯ ЮГОСЛАВИЯ

ГЛАВА 1

ПО СОВЕТСКОМУ ОБРАЗЦУ: ПЕРВЫЕ ГОДЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

Контрасты внутриполитического развития. Из военного водоворота Югославия вышла с огромными, по меркам численности ее населения, людскими потерями. По данным, принятым в качестве более достоверных в современной историографии, эти потери составили несколько больше миллиона человек¹. Согласно мнению, весьма распространенному в той же историографии, чуть ли ни преобладающая их часть пришлось на жертвы внутриюгославских кровопролитных межнациональных/межконфессиональных и политических конфликтов: массового геноцида и ожесточенной гражданской войны². Неудивительно, что после столь трагических четырех лет в стране, восстановившей целостность и государственную независимость, был глубокий внутренний раскол, характерный как для всего югославского общества, так и для большинства из его этнических и традиционно-региональных составляющих.

На одном полюсе, главным образом той частью населения, что участвовала в движении, руководимом КПЮ, либо оказывала ему так или иначе поддержку, установленная коммунистическая власть воспринималась как своя и поддерживалась с той либо иной степенью энтузиазма. На другом полюсе, преимущественно в той части общества, которая в прошедшие четыре года была тесно связана со стоявшими на прооккупационной или антиоккупационной стороне активными противниками движения, возглавлявшегося компартией, новая власть рассматривалась как враждебная. Наконец, еще одна часть населения занимала своего рода промежуточную позицию, в различной мере колеблясь между этими двумя полюсами. Она в основном состояла из тех, кто относился к новой власти с большей или меньшей степенью сомнения, недоверия либо страха, но преимущественно был все-таки готов, как минимум, некоторым образом примириться с ней, а как максимум, лояльно сотрудничать. В обмен на такую готовность эти слои хотели получить от власти хоть какие-то гарантии своей безопасности, защиты имущества, создания условий для выживания, а если возможно, то и улучшения жизни.

В какой пропорции соотносились численно друг с другом названные три части населения, определить – даже приблизительно – весьма трудно. И не только потому, что в условиях стремительно и драматично развивавшихся событий соотношение могло достаточно быстро меняться в ту или иную сторону, причем в разных концах страны и в разных этнических средах более чем неодинаково. Но в еще большей мере потому, что ясных и надежных документальных данных, которые бы объективно свидетельствовали об этом, в распоряжении исследователей почти или вовсе нет. Их нет даже применительно ко многим, если ни к подавляющему большинству, из югославских регионов, не говоря уж обо всей Югославии. Ведь никаких адекватных замеров общественного мнения в тех условиях не было и быть не могло. А оценки, дававшиеся в то время самими участниками событий, как индивидуальные, так и исходившие от общественно-поли-

тических субъектов либо властных структур, были весьма приблизительными, часто очень выборочными и, что не менее важно, пристрастными или просто зависевшими от уровня понимания происходившего. К тому же, если речь идет об оценках, высказывавшихся публично, то их достоверность и вовсе сомнительна, так как их озвучиванием преследовались сплошь и рядом чисто пропагандистские, политические цели – и со стороны власти, и со стороны ее оппонентов.

Правящий режим в публичной пропаганде утверждал, что на его стороне – подавляющее большинство народа³. Но в своих тщательно скрытых от публики внутренних документах и во время сугубо секретных обсуждений складывавшегося положения сама же власть, вплоть до ее фактически главного органа – Политбюро ЦК КПЮ, оценивала собственные позиции куда как скромнее. Нередко говорилось о более чем значительной, а иногда даже о преобладающей части населения, настроенной не в пользу режима либо прямо враждебной ему в ряде регионов, например, в Хорватии, в собственно Сербии, а особенно в Косово и Метохии. При этом указывалось, что подобная ситуация складывается в большой мере за счет крестьянства, наиболее многочисленного в Югославии. Однако, в некоторых случаях, в частности по поводу такого ключевого региона, как Сербия, высказывания разных членов Политбюро могли заметно различаться между собой. Более того, отличались друг от друга и оценки, дававшиеся в разных случаях одними и теми же членами руководства КПЮ, например, Эдвардом Карделем⁴. Это лишний раз свидетельствует о более чем проблематичной достоверности даже тех секретных оценок, из которых коммунистическая власть исходила в своих собственных, тщательно скрывавшихся выкладках.

Противники власти, в свою очередь, нередко считали или, по крайней мере, утверждали, что подавляющее большинство – как раз против нее, во всяком случае, в ряде наиболее крупных регионов или в основных этносах. А она держится только за счет насильственного подавления народа, террором в отношении него⁵. Методы силового подавления и террора в отношении тех, кто стоял на позиции враждебности коммунистическому режиму, а тем более противодействия его утверждению, действительно использовались новой государственностью активно, и размеры их применения были весьма значительными.

Однако особенностью здесь являлось то, что основные подобного рода действия, наибольшие по масштабам и радикализму применения силы, пришлось преимущественно еще на период происходившего осенью 1944 – весной 1945 г. самого установления режима. Это фактически был заключительный этап гражданской войны, протекавший в рамках окончательного изгнания оккупантов из Югославии. Одновременно со своими действиями против германских войск, НОАЮ/ЮА нанесла полное поражение всем внутриюгославским военным формированиям, противостоявшим ей, будь то прооккупационным (вооруженные силы НГХ и коллаборационистских администраций в других регионах) или антиоккупационным (четники). Личный состав этих формирований, помимо понятных потерь, которые он неизбежно нес в ходе самих боев, кроме того, даже сдавшись в плен, помимо отправки в места заключения подвергался спецслужбами и войсками новой Югославии намеренному, массовому уничтожению. Тем самым уже в самом начале установления новой власти ликвидировался слой ее наиболее активных противников.

Тогда же югославский коммунистический режим применил военную силу против албанского вооруженного сопротивления в Косово и Метохии. Почти всем албанским населением, составлявшим абсолютно подавляющее большинство местных жителей,

установленная там к концу 1944 г. власть новой Югославии рассматривалась как национально чуждая, сплошь и рядом идентифицировалась в сознании как сербское господство, принявшее югославско-коммунистическое обличье. Как констатировалось в Политбюро ЦК КПЮ, албанцы Космета «против нас фронтально»⁶. С конца 1944 – начала 1945 г. албанское сопротивление вылилось в довольно массовое восстание населения, из которого формировались значительные вооруженные отряды. Восстание с большими усилиями подавлялось весьма крупными контингентами НОАЮ/ЮА, с этой целью направленными в феврале 1945 г. в Косово и Метохию. Тогда же Тито ввел там военное управление, продолжавшееся много месяцев⁷.

Вместе с тем установление коммунистического режима сопровождалось на территории, переходившей под его контроль, развертыванием репрессий в отношении не только вооруженных противников, но и довольно большой части гражданского населения.

Режим провозглашал, что репрессивные меры направлены против лиц, являвшихся сообщниками и пособниками оккупантов. И в немалой мере так происходило на самом деле. Под удар попадали те, кто были функционерами усташского режима, прооккупационных администраций, работниками их карательных органов, многие другие лица, вставшие на сторону захватчиков, содействовавшие оккупационному и квислинговскому порядку, его усилиям, направленным против антиоккупационной борьбы⁸. Но понятие коллаборационизма толковалось новой властью очень расширительно. К югославским немцам, являвшимся до войны чуть ли ни самым большим нацменьшинством, вообще применили принцип коллективной национальной ответственности и подвергли репрессиям всех подряд⁹. Аналогичным образом хотели сначала поступить и в отношении венгерского нацменьшинства, но, правда, быстро от этого отказались¹⁰. Однако, помимо тех нацменьшинств, которые массово сотрудничали с оккупантами, расширительное толкование коллаборационизма применялось также в отношении прочего населения, принадлежавшего и к основным югославским этносам.

Под понятие коллаборационизма попадали все, кто служил в любом существовавшем при оккупантах или прогитлеровских режимах ведомстве либо учреждении, даже занимавшемся повседневными нуждами населения: будь то в коммунальном хозяйстве, продовольственном снабжении, общественном транспорте, здравоохранении, образовании и культуре, социальной и других подобных сферах. Под коллаборационизм подводилась также всякая предпринимательская деятельность, осуществлявшаяся с разрешения оккупантов либо квислинговских администраций, а тем более направленная, помимо прочего, на выполнение каких бы то ни было контрактов с ними и подчинявшимися им ведомствами, учреждениями, предприятиями. Это давало возможность под флагом наказания за коллаборационизм сделать объектом репрессий основные слои чиновничества, предпринимателей, значительную часть интеллигенции, т.е. тех, кого коммунистический режим рассматривал как «классовых противников».

Круг попадавших под репрессии сильно расширялся и ввиду того, что коллаборационистским было объявлено четническое движение Михайловича. Все не только сражавшиеся в его вооруженных формированиях, но и активисты среди населения, оказывавшие во время войны какую-либо поддержку четникам, участвовавшие в равногорской агитации, могли быть привлечены к ответственности. Более того, к пособничеству оккупантам также приравнивалось высказанное публично в период войны хоть в чем-либо негативное отношение к народно-освободительному движению и КПЮ, и теперь, если нужно, под этим предлогом можно было репрессировать вообще любого оппонента коммунистов и возглавляемого ими движения.

Практиковавшиеся репрессивные меры имели довольно широкую градацию: смертная казнь, тюремное заключение либо принудительные работы на те или иные сроки, поражение в гражданских правах, конфискация собственности, выселение, увольнение с государственной службы и – для интеллигенции и чиновничества – запрет на профессиональную деятельность. По мере того, как в ходе освобождения югославской территории от германских войск новая власть в течение осени 1944 – весны 1945 г. распространяла свой контроль последовательно, один за другим, на тот или иной регион Югославии, почти в каждом из них на первых порах проводилось какое-то, нередко весьма значительное количество бессудных, тайных казней. Частично такая практика продолжалась и позже, но в основном репрессии вслед за первой волной стали вводиться в русло действовавшего официально судопроизводства.

Важную роль играли военные суды, чьи приговоры были наиболее суровыми. Помимо них, с ноября 1944 г. в Сербии, а затем и в других частях страны по мере утверждения там нового режима стали создаваться специальные суды по делам лиц, которым инкриминировались «преступления против национальной чести». Через них проходила значительная часть обвиненных в коллаборационизме. В «судах национальной чести» отсутствовала обычная судебная процедура, в том числе право на профессиональную юридическую защиту; они формировались властью из ее приверженцев, в основном не имевших никаких юридических знаний. Приговор, выносившийся ускоренным образом «от имени народа», обжалованию не подлежал и вступал в силу немедленно. В большинстве регионов эта система просуществовала до середины 1945 г., когда была упразднена. В Хорватии и Словении, где новая власть окончательно утвердилась лишь при завершении войны, а соответственно, «суды национальной чести» стали действовать только с поздней весны – начала лета 1945 г., они функционировали дольше.

Затем в дело вступила созданная уже к тому времени система обычных судов. В них внешне соблюдались юридические процедуры, но о судебной независимости не было и речи, и они выполняли ту же роль карательного инструмента в отношении любых политических оппонентов власти. Впрочем, значительное число тех, кого власть считала нужным репрессировать как своих реальных, потенциальных, а то и мнимых политических противников, подчас содержалось подолгу в заключении без судебных решений¹¹.

Не имея до сих пор необходимых источников, историография пока не располагает более или менее точными документальными данными об общих размерах репрессий. Тем более не располагает она фактическими данными о том, какая доля преследований была вызвана действительным коллаборационизмом тех, кому он инкриминировался, а какая доля была обусловлена в основном или даже исключительно стремлением новой власти устранить своих политических оппонентов, подавить и утратить несогласных, упрочить собственные позиции. Однако те сведения, которые известны, дают основание для распространения в современной историографии оценок, что речь шла, по меньшей мере, о десятках тысяч репрессированных, если ни о существенно большем числе, и что в чрезвычайно значительной части это вызывалось преимущественно второй из названных выше причин.

Из того документального материала, все еще во многих случаях весьма неполного, фрагментарного, к которому историки смогли получить доступ во многом лишь в посткоммунистический/постюгославский период, следует, что использование силового по-

давления и разного рода репрессивных мер играло, несомненно, огромную роль в утверждении и последующем удержании фактической власти КПЮ. Однако историческая документация свидетельствует и о том, что это был отнюдь не единственный фактор успехов компартии, достаточной прочности ее позиций, способности быть правящей и реализовать свои политические цели. Не менее важным фактором являлось то, что КПЮ опиралась на поддержку весьма широких масс, которых она увлекала за собой, довольно умело организовывала, направляла их энергию в нужное ей русло.

Хотя, как уже говорилось в начале этой главы, историография не располагает прямыми конкретными данными, чтобы определить, в какой именно численной пропорции соотносились друг с другом та часть населения, которая поддерживала новый режим, та часть, которая относилась к нему враждебно, и та часть, которая так или иначе колебалась между названными двумя полюсами, тем не менее имеющийся фактический материал, само развитие тогдашних событий склоняет в пользу вывода, что массовая база движения, руководимого компартией, была, во всяком случае, достаточно значительной, чтобы, используя и рычаги власти, включая репрессивные, обеспечить преобладание над его активными противниками.

Показательно, что, по крайней мере, после того, как на рубеже 1944–1945 гг. советские войска ушли с югославской территории в Венгрию, НОАЮ/ЮА, ведя операции собственными силами, показала свое превосходство над всеми противостоявшими ей внутриюгославскими военными формированиями. Являясь тогда еще очень крупными, они тем не менее не были в состоянии успешно сопротивляться ей сами, без германского участия и прикрытия. И потому для них отступление немецких войск из Югославии стало крахом. Эти достижения в мобилизации масс под своим руководством, достигнутые в ходе войны, КПЮ активно использовала и с переходом к послевоенному развитию.

Огромное расширение влияния КПЮ к моменту завершения войны, выразилось, помимо прочего, в многократном росте самой партии и Союза коммунистической молодежи Югославии (СКМЮ), членство в котором в военных условиях, по сути, мало чем отличалось от членства в партийных рядах. Согласно официальным данным, обнародованным в послевоенное время, в КПЮ, к началу оккупации насчитывавшую примерно 12 тыс. человек, в ходе войны вступило 180 тыс. новых членов, в 15 раз больше первоначального состава. И когда война завершилась, партия насчитывала больше 141 тыс. человек (около 50 тыс. коммунистов погибло в военные годы)¹². Причем, судя по имеющимся сведениям, только с января по май 1945 г., т.е. вслед за освобождением восточной части Югославии и во время решающих боев в центральной и западных частях страны, КПЮ увеличилась чуть ли ни на 75 тыс. членов¹³. Это свидетельствует о том росте влияния партии, который происходил в ходе установления новой власти.

Многократно вырос и СКМЮ: если в 1941 г. в нем, по данным партийной статистики, было примерно 30 тыс. членов, то в январе 1945 г. свыше 145 тыс. человек (к тому времени погибло 50–60 тыс. его членов). К ноябрю 1945 г. СКМЮ насчитывал уже 300 тыс., а вместе с организованным вокруг него активом в рамках созданного еще в конце 1942 г. Объединенного союза антифашистской молодежи Югославии (ОСАМЮ) – 1374 тыс. человек¹⁴. Молодежь, значительная часть которой пошла за левыми и патристическими лозунгами коммунистов, являлась одним из важнейших источников поддержки и силы КПЮ, которая и сама была чрезвычайно молодой по возрастному составу своих членов.

По мере установления своего контроля на территории, окончательно освобождавшейся от оккупантов и прогитлеровских режимов, компартия как путем энергичной агитационной работы, так и с помощью административного ресурса стремилась всемерно развивать организованное политическое движение. Подобное движение было призвано служить опорой новой государственности и практическим механизмом вовлечения максимально широких слоев народа в реализацию политики коммунистического руководства. Для этого использовались различные формы массового общественно-политического объединения.

Одни из них, прежде всего ОСАМЮ и численно тоже быстро увеличивавшийся Антифашистский фронт женщин (АФЖ), созданный в 1942 г. и полностью также руководимый компартией, уже существовали до того. И их эффективность была с успехом опробована в период партизанской борьбы. Теперь усилия КПЮ и СКМЮ направлялись на то, чтобы лучше приспособить ОСАМЮ и АФЖ к новым условиям, когда эти объединения молодежи и женщин стали действовать не только как легальные, но и как, по сути, часть установленной системы власти. Важной задачей было распространение их деятельности повсеместно на всю Югославию и привлечение в них как можно большего числа людей из, соответственно, молодежной и женской среды¹⁵.

Вместе с тем создавались другие формы массового объединения, в период партизанской борьбы либо вовсе отсутствовавшие, либо существовавшие лишь частично.

Из учреждавшихся заново наиболее значительными были так называемые Единые профсоюзы рабочих и служащих, которые с начала 1945 г. стали на уже окончательно освобожденной территории образовываться по инструкции ЦК КПЮ и работать под контролем компартии. Благодаря фактически монопольному положению КПЮ в реальном руководстве властью, возглавлявшиеся ею профсоюзы стали единственными, разрешенными в новой Югославии. Уже к маю 1945 г. в Сербии, где к организации профсоюзов приступили раньше, чем на остальной югославской территории, в них состояло свыше 200 тыс. человек. А во всей Югославии профсоюзы в начале 1946 г. насчитывали около 700 тыс. членов¹⁶.

Из форм массового общественно-политического объединения, существовавших прежде лишь частично, наибольшее значение имело образование всеохватывающей сети комитетов так называемого Народно-освободительного фронта. В предыдущей части книги уже говорилось, что народно-освободительные комитеты, создававшиеся во время войны движением под руководством КПЮ, играли двоякую роль. С одной стороны, они осуществляли функцию, по сути, политических ячеек этого движения, действовавших на местах, а с другой стороны, становились локальными носителями повстанческой власти в районах, которые в ходе борьбы оказывались в большей или меньшей степени под партизанским контролем. Когда были учреждены АВНОЮ как общегославское образование и аналогичные ему органы основных регионов («земель») Югославии, они – соответственно, на своих уровнях – тоже фактически совмещали в себе обе названные выше функции: и носителей власти, и звеньев политического движения.

Однако после провозглашенного на II сессии АВНОЮ конституирования новой государственности, когда была подчеркнута декларирована роль АВНОЮ и всей увенчанной им системы повстанческих органов как структуры власти, югославское коммунистическое руководство стало склоняться к тому, чтобы создать, параллельно ей, еще и отдельную организационную структуру, которая придавала бы народно-освободительному движению вид общественно-политического объединения. Такое объединение должно

было фигурировать в качестве народно-освободительного фронта. Первоначально это было особенно связано с замыслом использовать подобную форму как важное тактическое средство, которое бы способствовало привлечению на сторону народно-освободительного движения как можно более значительной части Хорватской крестьянской партии (ХКП). Принимая во внимание все еще сохранявшийся в хорватских массах, прежде всего крестьянских, престиж ХКП, задача такого привлечения выдвигалась как важнейшая с точки зрения развития ситуации в Хорватии в пользу сил во главе с КПЮ. Имелось также в виду тактически использовать создание народно-освободительного фронта и в Сербии, где в то время, как уже говорилось, существовавшее народно-освободительное движение было весьма слабым.

В итоге весной 1944 г. руководство КПЮ дало сначала в отношении Хорватии, а затем и всех других регионов Югославии установку на то, чтобы учредить Народно-освободительный фронт (НОФ) в виде общественно-политической организации. Он затем стал в ряде регионов называться Единым народно-освободительным фронтом (ЕНОФ), а в Словении по-прежнему употреблялось уже традиционное название Освободительный фронт (ОФ). Наряду с существовавшими органами власти новой Югославии, что включало и сеть народно-освободительных комитетов, упомянутой установкой руководства КПЮ предусматривалось повсеместно сформировать отдельную сеть комитетов НОФ/ЕНОФ/ОФ¹⁷.

Поскольку раньше всего эту линию решили применить в Хорватии, уже 18 мая 1944 г. на конференции, инициированной тамошним коммунистическим руководством, было провозглашено организационное оформление НОФ Хорватии. В обнародованном сообщении о конференции заявлялось, что в состав НОФ входят две партии – Коммунистическая партия Хорватии и ХКП, две массовые общественные организации – Объединенный союз антифашистской молодежи и АФЖ, а также образованный в январе 1944 г. Сербский клуб членов ЗАВНОХ и «патриоты вне партий». В сообщении подчеркивалось, что все партии, организации и группы в составе НОФ Хорватии являются равноправными и «совместно борются за национальное освобождение и лучшее будущее нашей родины»¹⁸. Тем самым преследовалась цель создать впечатление, будто НОФ является неким объединением разных сил, чуть ли ни их коалицией, а ХКП в составе НОФ представляет из себя полноправного члена этой коалиции, обладающего в том числе равенством и с компартией. На самом деле и молодежная, и женская организации были целиком в руках коммунистов. Таковым же являлся Сербский клуб членов ЗАВНОХ¹⁹. А что касалось выступавшего в составе НОФ так называемого «исполкома ХКП», созданного еще в середине ноября 1943 г. на территории, контролировавшейся тогда партизанами, то он, вопреки стремлениям его основателя, видного деятеля ХКП Божидара Маговаца, фактически явился камуфляжным образованием в интересах тактической игры коммунистов. В большой своей части «исполком ХКП» состоял из людей, которые следовали политике компартии, а многие даже негласно вступили в КПЮ. Те же из деятелей этого исполкома, кто хотел реального существования ХКП как своего рода партнера компартии в народно-освободительном движении и НОФ, были уже вскоре после оформления НОФ лишены своих функций и даже арестованы партизанской службой безопасности. Эту судьбу разделил затем и сам Маговац²⁰.

В Словении, где ОФ и без того существовал, дело по его оформлению в новом качестве фактически свелось лишь к усилиям по созданию сети его комитетов, отдельной от тех уже действовавших комитетов, которые являлись органами новой власти. Учредитель-

ные конференции НОФ/ЕНОФ были проведены в июле 1944 г. в Боснии и Герцеговине и в Черногории. Но там в составе этой новосозданной структуры фигурировали тогда, в отличие от Хорватии, лишь компартия, ОСАМЮ, АФЖ и отдельные «патриоты», а о других партиях, кроме КПЮ, в качестве участников речи не шло. То же затем имело место и на учредительных конференциях НОФ/ЕНОФ в Сербии и Македонии, состоявшихся только в ноябре 1944 г., уже после прекращения оккупации этих частей Югославии и окончательного установления новой власти на их территории²¹.

И там, где Фронт, фигурировавший под одним или другим названием, создавался либо оформлялся как общественно-политическая структура раньше, и там, где это происходило позже, образование сети его низовых комитетов становилось действительно повсеместным лишь с освобождением от оккупационного и квислинговского порядка и утверждением коммунистического правления. Теперь сеть комитетов приобрела поистине всеохватывающий характер. Их организовывали во всех населенных пунктах, а в более крупных – чуть ли ни поквартально. Для КПЮ и руководимой ею новой власти, инициировавших данный процесс и направлявших его, упомянутая сеть служила инструментом, который в наибольшей мере позволял охватывать массы целенаправленным агитационно-пропагандистским воздействием, вовлекать эти массы в важные для режима политические, экономические, культурные акции, контролировать настроения широких слоев населения. В информации о положении в Югославии, составленной Карделем в начале февраля 1945 г. и направленной в ЦК ВКП (б), особо подчеркивалась роль НОФ как политической основы власти, как важнейшего механизма, через который КПЮ укрепляет свои позиции и проводит свою линию²².

Функционирование всей этой системы, организационно и идеологически вовлекавшей в политику правящего режима широкие слои населения через деятельность НОФ и других названных выше общественно-политических объединений, руководимых компартией, выглядело в представлениях коммунистов воплощением народного характера власти. Действительно, весьма значительная часть народа следовала за КПЮ и поддерживала режим. Однако при новом политическом порядке массам отводилась, в сущности, роль исполнителя идей, планов, воли власти. Активность, инициатива, проявление устремлений населения и тех либо иных его групп даже просто допускались – не говоря уж о том, чтобы поощряться, – лишь в случае, если они шли в русле политики самого режима. В противном же случае они не только отвергались, но и подавлялись как «антинародные» и «реакционные», в том числе с применением любых репрессивных средств. Так что коммунисты, считавшие и публично позиционировавшие себя «выразителями интересов народа», на самом деле относились к нему лишь как к объекту, но никоим образом как к субъекту политики. И все массовые общественно-политические организации, в которых КПЮ стремилась объединить широкие слои населения, в действительности рассматривались ею не как самостоятельные движения самого населения или каких-то его частей, а, по сути, как всего лишь приводные ремни компартии и руководимой ею власти в создаваемом механизме управления народом.

Это было не какой-то особенностью КПЮ и коммунистического режима, установленного в Югославии, а в той или иной степени чертой, присущей тогда всему коммунистическому движению и системе власти, на которую оно было естественно ориентировано: эталоном системы выступала советская государственная модель. Характерно, как член Политбюро ЦК КПЮ и член НКЮЮ Андрия Хебранг, приехав в январе 1945 г. в Москву, в своем докладе о положении в Югославии, сделанном в Отделе международ-

ной информации ЦК ВКП (б), определял главное достижение КПЮ. Оно, подчеркивал Хебранг, заключалось в том, что осуществленными под руководством партии переменами созданы возможности превратить – при наличии необходимых международных условий – образованную в стране новую власть в советскую и начать строительство социализма²³.

Под «превращением» власти в советскую Хебранг, как видно из смысла его доклада, подразумевал на самом деле просто наступление такого момента, когда внешнеполитические условия, в которых находилась новая Югославия, позволят открыто заявить о подлинном, уже реально аналогичном советскому характере режима, устанавливавшегося под руководством компартии, и «классово-социалистических» целях начатых общественных перемен. В верхах КПЮ было общепризнанным, что возглавляемая ими власть является, по существу, советской. В частности, эта оценка давалась в уже упомянутой информации Карделя, направленной в начале февраля 1945 г. в ЦК ВКП (б), и высказывалась Милованом Джиласом при встрече со Сталиным во время визита югославской правительственной делегации во главе с Тито в Москву в апреле 1945 г.²⁴

Однако довольно долго, по крайней мере до 1946 г., компартия и руководимый ею режим продолжали тактически воздерживаться от публичного выдвижения прямых коммунистических (по тогдашней терминологии – социалистических) лозунгов и задач. В открытых политических заявлениях, в средствах массовой информации, в рассчитанной на широкие слои населения агитации, которая усиленно велась через НОФ и другие упомянутые выше массовые общественные организации, по-прежнему провозглашались, как правило, цели создания «подлинно демократического строя», «народовластия», установления «социальной справедливости».

Наряду с тем, что преследование и подавление любых политических оппонентов режима обосновывалось обвинениями их в «национальном предательстве», коллаборационизме, «антинародной деятельности», подобными же аргументами обосновывалась ставшая разворачиваться с конца 1944 – начала 1945 г. масштабная экспроприация в экономике. Ее проведение фактически означало широкую национализацию. Юридическое основание для этого было создано рядом законодательных актов, принятых Президиумом АВНОЮ: постановлением от 21 ноября 1944 г. о переходе в государственную собственность имущества врага и его пособников и о государственном управлении имуществом отсутствующих лиц, законом об изъятии военной прибыли от 24 мая 1945 г. и законом о конфискации от 9 июня 1945 г.²⁵ Под их действие подводилась преобладающая часть собственности югославских предпринимателей, а вся иностранная собственность подпадала под категорию имущества либо врага, либо отсутствующих лиц. Согласно данным, официально приводившимся впоследствии, уже в первый год послевоенного существования Югославии государственный сектор экономики охватил 82 % промышленности, решающие звенья банковской системы, подавляющую часть оптовой торговли²⁶.

Таким образом, и создание коммунистического режима, и образование значительного государственного сектора в народном хозяйстве, сосредоточившегося в руках власти, осуществлялись под флагом национально-демократических мер, а не под лозунгами классово-социалистических перемен. Публично лишь до некоторой степени и в каких-то определенных случаях указывалось на действительный смысл происходившего, когда по тем или иным причинам, в частности для политической мобилизации сторонников режима, его пропаганда считала нужным заявить, что установленная власть по

своей «социальной, классовой сущности» является властью «плебейских масс, во главе с рабочим классом», и что она должна опираться только на совершенно иную, противоположную «капиталистической», социальную структуру в экономике страны²⁷.

В носившей же более закрытый характер пропаганде среди членов КПЮ, СКМЮ и близкого к ним беспартийного политического актива, нередко достаточно широкого, куда прямее разъяснялись и обосновывались смысл и реальная направленность проводившихся мер как неотъемлемой части курса на создание системы, подобной советскому устройству, на «построение социализма». Политику осуществления коммунистических целей под видом перемен национально-демократического характера Йосип Броз Тито, выступая 12 мая 1945 г. на проводившемся сугубо закрыто I съезде Коммунистической партии Сербии, объяснял в духе употребительных тогда в коммунистическом движении идеологических схем «марксизма-ленинизма», в частности так называемой теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Он заявил, что в условиях, возникших в ходе только что завершившейся войны, «как раз не так ясно оформлены этапы буржуазно-демократической и пролетарской революции», одно не отделено от другого. И сослался на свой разговор со Сталиным, который сказал ему, что такое положение «никак не противоречит учению ленинизма»²⁸.

Как известно, на завершающем этапе войны и вслед за ее окончанием Сталин при непубличных встречах с рядом восточноевропейских коммунистических деятелей неоднократно высказывался в пользу того, чтобы движение «народных демократий» по социалистическому пути шло, по крайней мере какое-то время, в несветских, «демократических» формах. По сути, это была установка на тактико-камуфляжное маневрирование, вызванное необходимостью в тех условиях учитывать как позицию западных союзников, так и реальные внутривнутриполитические возможности компартий в каждой из стран Восточной Европы. В одних странах такое маневрирование оказалось в итоге более длительным («растянутая советизация»), продолжившись до 1947, а в некоторых случаях до 1948 г., в других «народных демократиях» – гораздо более коротким и, самое главное, чисто внешним. В Югославии имело место как раз последнее: происходила фактически быстрая и масштабная («форсированная») советизация, лишь несколько камуфлировавшаяся²⁹.

Если форсированный характер советизации был обусловлен сильно выраженным радикализмом КПЮ, в частности ее руководства, и теми значительными позициями, которые партия и возглавлявшееся ею движение завоевали в ходе вооруженной борьбы, то к камуфлированию коммунистический режим оказывался принужденным преимущественно из-за необходимости соблюдать хотя бы некоторую видимость компромисса, выраженного введением в действие Белградского соглашения Тито – Шубашича и ялтинского решения «большой тройки». Необходимость определенного соблюдения условий Белградского соглашения и ялтинского решения ставила перед режимом и другие внутривнутриполитические проблемы.

Одной из главных было то, что хотя включение в объединенное правительство ДФЮ всего лишь трех человек, не принадлежавших к лагерю народно-освободительного движения, фактически ничего не меняло в характере власти, однако Белградским соглашением и ялтинским решением имелось также в виду допустить к участию в политической жизни Югославии довоенные партии и их деятелей. Возможный политический плюрализм рассматривался руководством КПЮ как весьма нежелательный и потенциально опасный для фактически монопольного коммунистического правления.

На протяжении предшествовавших военных лет в тех редких случаях, когда компартия для создания и расширения массовой базы руководимого ею движения на некоторое время шла на какое-то сотрудничество с теми или иными политическими группами, она, однако, в итоге проявляла рано или поздно неготовность к партнерским отношениям с ними. Это происходило по-разному. Либо КПЮ их, в конечном счете, подминала и фактически поглощала, как случилось с ее партнерами по ОФ Словении. Либо, когда партнеры не хотели полностью подчиниться, КПЮ уничтожала их не только политически, но и подвергала преследованиям и репрессиям, как было сделано летом 1944 г. с активистами ХКП, которых возглавлял Маговац. Немного позже судьбу последних разделил и заместитель председателя ХКП Аугуст Кошутич. Еще весной 1944 г. во время опосредованных контактов с движением, возглавлявшимся компартией, он выдвинул предложения о возможных основах сотрудничества между движением и ХКП. А после его бегства от репрессий Павелича на партизанскую территорию там велись уже прямые его переговоры с руководящими коммунистическими деятелями. Но позиция Кошутича, выступавшего за партнерство сторон, была неприемлема для коммунистов, стремившихся к ликвидации ХКП как реальной политической силы. К тому же они воспринимали прежних лидеров ХКП как агентов западных союзников, конкретно Кошутича – как британского агента. Дело кончилось тем, что в начале октября 1944 г. он был партизанами арестован и оставался в заключении даже после окончания войны³⁰. Таков был основной багаж опыта взаимоотношений КПЮ с другими политическими группами из числа тех, вопрос о каком-то сотрудничестве с которыми вставал так или иначе в ходе войны.

В значительной мере тот же опыт стал применяться и в новых условиях, связанных с необходимостью хотя бы формального осуществления Белградского соглашения и решения Крымской конференции.

Начало было положено еще в период, когда шла борьба за введение Белградского соглашения в действие. Уже тогда, в конце 1944 – начале 1945 г., вопрос о том, какую политику проводить в отношении прежних партий, стал весьма актуальным для руководства КПЮ после освобождения Сербии от оккупации. Ибо перед войной Сербия являлась центром ряда партий, весьма заметных на югославской политической сцене до краха Югославии в апреле 1941 г. И в том числе тех, которые, напомним, выступали по отношению к довоенному режиму как Объединенная оппозиция, позиционировавшая себя в качестве демократической. Так что наряду с необходимостью считаться с важной для новой Югославии предстоявшей перспективой реализации соглашения Тито – Шубашича, коммунистической верхушке приходилось учитывать и сложности, связанные с традиционным существованием ряда партий в Сербии. Тем более что там серьезно давало о себе знать настороженное либо недоброжелательное отношение к новой власти со стороны значительной части населения. Все это толкало руководство КПЮ к тому, чтобы некоторым прежним сербским партиям, равно как общегославским партиям с центром в Сербии, было разрешено возобновление легальной активности. Такое решение, ставшее осуществляться с рубежа 1944–1945 гг., имело целью удовлетворить западных союзников и Шубашича, а вместе с тем улучшить в Сербии имидж установленного режима.

Но одновременно лидеры КПЮ стремились не допустить реального ослабления, а тем более подрыва коммунистического единовластия. И использовали то обстоятельство, что в обстановке коммунистической победы в гражданской войне и репрессивной

политики победителей не только те, кто выступали прямыми противниками нового режима, но и те, кто занимали позицию слишком настойчивого оппонирования его решениям, оказывались практически лишены возможности даже рассчитывать на возобновление легальной политической активности. С помощью рычагов власти создавались условия, когда доступ к легальной деятельности получали на первых порах, до образования правительства Тито – Шубашича, фактически только те партии и политические группы (точнее – какой-то круг известных деятелей той или иной из них), которые декларировали свою солидарность с ЕНОФ Сербии и в итоге соглашались присоединиться к нему. В основном это были партии и группы более левого или леволиберального толка, большинство которых до войны обладало довольно ограниченным влиянием³¹.

Такая выборочная практика облегчалась тем, что никакой официальной процедуры разрешения деятельности партий намеренно не вводилось: Тито решил воздержаться от какого-либо законодательного акта на сей счет, по крайней мере, до окончания войны³². Это открывало простор для произвольных решений «по усмотрению». КПЮ диктовала, чтобы партии и группы в качестве условия их присоединения к ЕНОФ отказывались от создания своих низовых организаций, работающих непосредственно в массах, а ограничивали свою активность лишь участием в деятельности комитетов ЕНОФ, совместных с другими партиями-участницами. Описывая эту систему в информации, посланной в ЦК ВКП (б), Кардель с удовлетворением подчеркивал, что в результате политические партии, вступившие в ЕНОФ, «теряют постепенно свои собственные организации», а масса сторонников этих партий, следуя за ними, «растворяется» в единых комитетах Фронта, которыми на самом деле руководит КПЮ³³.

В сущности, это в немалой степени повторяло приемы, до того применявшиеся в Хорватии по отношению к ХКП. В упомянутой информации, направленной в Москву, Кардель в качестве «одного из наибольших успехов» КПЮ прямо указывал на опыт образования в составе НОФ фактически камуфляжного «исполкома ХКП» и важнейшим достоинством подобной комбинации называл то, что исполком «не создает отдельных низовых организаций ХКП», а работает только в общих рамках Фронта³⁴. Другим достоинством данной комбинации был для Карделя подставной характер части членов исполкома, являвшихся на самом деле негласными членами КПЮ³⁵. Такой прием тоже использовался, по мере возможности, в Сербии, а также в некоторых других частях Югославии.

Опасение некоторых сложностей в проведении подобной тактики возникло у коммунистов в связи с образованием 7 марта 1945 г. объединенного правительства Тито – Шубашича. Ибо формирование правительства фактически ставило в повестку дня вопрос о возобновлении легальной активности и тех партий или партийных групп, во главе которых стояли – или претендовали на это – эмигрантские политики. Во всяком случае, имелись в виду партии, чьи несколько лидеров, находившиеся до того в эмиграции, оказались в составе правительства.

Однако один из этих лидеров, Сава Косанович, возглавлявший Независимую демократическую партию, в основном ориентированную на пречанских сербов, еще в эмиграции солидаризировался с народно-освободительным движением, а по возвращении в Югославию примкнул вместе с рядом других деятелей этой партии к НОФ/ЕНОФ, хотя коммунисты относились к нему с недоверием³⁶. Шубашич и Шутей, являвшиеся членами руководства прежней ХКП, вообще не предпринимали никаких шагов по поводу своей партии вплоть до завершения войны в мае 1945 г., когда только и произошло окон-

чательное освобождение Хорватии от германских войск и усташского режима. Больше всего руководство новой Югославии опасалось Милана Грола, который был лидером влиятельной до войны сербской Демократической партии. Ему как вероятному предводителю «реакции» в Сербии Тито без обиняков заявил о запрете активистам Демократической партии проводить собрания в деревнях. Имелся в виду период до завершения войны. Грол был вынужден согласиться³⁷. За всеми его действиями, направленными на организацию своих сторонников на местах, внимательно следила госбезопасность. В руководстве КПЮ намеревались использовать военную цензуру для контроля над прессой, которую бы стала выпускать Демократическая партия³⁸.

Но ни она, оставшаяся вне ЕНОФ, ни партии, присоединившиеся к Фронту (кроме камуфляжного «исполкома ХКП»), еще долго не имели – а некоторые так никогда и не получили – своих печатных органов. Все средства массовой информации, в том числе пресса, издававшаяся от имени НОФ/ЕНОФ/ОФ, профсоюзов, ОСАМЮ, АФЖ, полностью находились в руках КПЮ и возглавляемого ею режима.

На пути к оформлению «народной республики». Тактику обманно-камуфляжных комбинаций в сочетании с дозировано жестким, вплоть до репрессий, давлением на своих оппонентов, а при необходимости – на некоторых попутчиков или союзников коммунистический режим продолжил и с окончанием войны, когда было нужно соблюсти условия, предусмотренные для нового, послевоенного этапа реализации Белградского соглашения Тито – Шубашича и решения Крымской конференции.

Напомним, что, согласно упомянутым условиям, не позднее, чем через три месяца после окончательного освобождения Югославии, следовало назначить выборы в Учредительную скупщину. А до того увеличить состав АВНОЮ, чтобы в нем было представлено не только движение, руководимое КПЮ, и в образованной таким образом Временной скупщине принять законы, которыми бы конкретно устанавливались югославская политическая система и порядок выборов в Учредительную скупщину.

Грол, Шубашич, Шутей рассчитывали, хотя каждый по-своему, что с завершением войны правящая коммунистическая верхушка будет вынуждена начать с их – как все-таки партнеров – участием выработку и согласование соответствующих решений. И связывали с этим перспективу определенного расширения собственных политических возможностей, движения режима в сторону какой-то либерализации. Возлагались надежды и на содействие западных союзников в виде необходимого нажима на Тито. Однако, вопреки подобным ожиданиям, прошел месяц, другой, а от руководства режимом никаких предложений ни об увеличении состава АВНОЮ, ни о законодательстве, предназначенном для принятия Временной скупщиной, не поступало, никаких переговоров или согласований на сей счет не начиналось³⁹. Более того, с 28 апреля по 25 июля 1945 г., почти три месяца, Тито не созывал заседаний правительства⁴⁰. И таким образом меньшинство правительства, находившееся вне коммунистического лагеря, было фактически отстранено от рассмотрения актуальных политических вопросов на правительственном уровне.

Подобное положение было вызвано стремлением коммунистических лидеров к тому, чтобы выполнение названных выше предписаний соглашения Тито – Шубашича и ялтинского решения было как можно более номинальным, а по существу не нарушало основ созданного в Югославии режима. Поэтому Тито и его окружение вовсе не хотели,

чтобы способы увеличения состава АВНОЮ и проекты законов, предназначенные для внесения во Временную скупщину, намечались и вырабатывались совместно или по согласованию с меньшинством правительства. Наоборот, был запущен в действие план совершенно закрытой подготовки проектов, которые затем планировалось вынести на обсуждение правительства, ставя меньшинство перед совершившимся фактом.

Причем, насколько можно судить по предпринятым затем практическим действиям коммунистической власти, вынесение предложений на рассмотрение правительства оттягивалось до почти последнего момента перед созывом III сессии АВНОЮ, на которой этот орган путем его пополнения новыми членами предстояло преобразовать во Временную скупщину. Возможно, расчет был на то, что в спешке удастся воздействовать на меньшинство и вынудить его к согласию с тем, чтобы представленные проекты были тут же внесены во Временную скупщину от имени правительства.

Важнейшее значение во всей комбинации придавалось проблеме увеличения состава АВНОЮ. Еще в марте 1945 г. его Президиумом был создан комитет АВНОЮ по вопросу пополнения, почти сплошь составленный из коммунистических деятелей. Никого, в ком режим мог бы хоть сколько-то сомневаться, в комитет не включили⁴¹. А непосредственные предложения для комитета разрабатывались под руководством Карделя в специально созданном Министерстве по делам Учредительной скупщины, которое в качестве министра Кардель же и возглавлял⁴².

В упомянутых структурах скрытно от посторонних глаз велись калькуляции, как пополнить АВНОЮ таким образом, чтобы внешне это выглядело выполнением ялтинского решения «большой тройки» и обязательства, содержащегося в программной декларации объединенного правительства от 9 марта 1945 г., но в реальности служило бы исключительно задаче сохранения и упрочения существующей власти. Поскольку ялтинским решением предусматривалось, что АВНОЮ должно быть пополнено теми депутатами последней довоенной скупщины, избранной в 1938 г., «которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с врагом», калькуляции были направлены на то, чтобы объявить подавляющее большинство бывших депутатов пособниками оккупантов. А для пополнения отобрать лишь незначительное число: тех, кто был более или менее приемлем для режима. С этой целью использовались сведения, поступавшие от органов госбезопасности – так называемого Отдела защиты народа (ОЗНА)⁴³, являвшегося одним из важнейших орудий политики коммунистической власти.

Несомненно, некоторое количество бывших депутатов в самом деле действовало во время войны на стороне оккупантов или различных прогитлеровских администраций. Однако, как уже говорилось, критерии определения коллаборационизма, использовавшиеся коммунистической властью, были столь широки, что давали возможность подвести под обвинение в этом почти любого, кто оказывался власти неугодным. К тому же к скупщине, избранной в 1938 г., при премьерстве Милана Стоядиновича, у коммунистов было особо отрицательное отношение⁴⁴.

Впрочем, состав той скупщины многие, придерживавшиеся отнюдь не радикальных, а скорее довольно либеральных взглядов, считали никоим образом не отражавшим взгляды избирателей. А к возглавлявшемуся Стоядиновичем правительственному большинству той скупщины относились вообще как к получившему депутатские мандаты вследствие жульнического законодательства, полицейского произвола и избирательных махинаций. Недаром когда к концу июля 1945 г. на созванном, наконец, заседании правительства ДФЮ стал рассматриваться вопрос о пополнении АВНОЮ, Шубашич и

Косанович заявили, что в АВНОЮ вообще не следует включать депутатов, которые на выборах 1938 г. попали в скупщину по избирательному списку премьер-министра Стоядиновича. А нужно для пополнения использовать только тех, кто был в 1938 г. избран от оппозиции⁴⁵. Такая позиция, конечно, облегчала коммунистам достижение их цели отсечь от включения в АВНОЮ как можно больше бывших депутатов.

Но вернемся к калькуляциям, произведенным под руководством Карделя. В их итоге свыше половины депутатов довоенной скупщины были обозначены как коллаборационисты и тем самым исключены из кандидатов на пополнение АВНОЮ. Из еще более чем одной пятой депутатов, которые, согласно тем же данным, к этому времени умерли или покинули Югославию, всех покинувших страну тоже отнесли к категории не подлежащих включению в АВНОЮ. То же распространили и на еще почти полсотни депутатов, сведения о которых, как утверждал Кардель, отсутствовали. Так что, подводил он итог, в качестве кандидатов на пополнение АВНОЮ могут рассматриваться лишь 53 бывших депутата⁴⁶. Это было всего около 15 % их общего числа.

Ни в югославской историографии, которая существовала в условиях коммунистического контроля, ни в постюгославской, от такого контроля уже свободной, не ставился и, соответственно, не обсуждался вопрос о том, насколько обоснованы были данные, в суммарном виде изложенные Карделем. Поэтому остается неясным, в какой мере данные, фигурировавшие в итоговых материалах Карделя, соответствовали действительности, а в какой мере были следствием манипуляций, направленных на то, чтобы обеспечить состав Временной скупщины, нужный власти. А то, что манипуляции имели место, свидетельствуют сами эти итоговые материалы. Исследуя их в архиве, историки отмечали, что даже список из упомянутых 53 бывших депутатов, отобранных в качестве кандидатов на пополнение АВНОЮ, был полон пометами о том, кого из них с точки зрения поддержки политики, проводившейся коммунистическим режимом, можно считать «надежными», «колеблющимися» или «противниками»⁴⁷. Так что именно эти критерии были для коммунистической верхушки главными при определении пригодности или непригодности бывших депутатов для включения в АВНОЮ. В итоге такого отбора число пригодных сократилось затем вообще до 36⁴⁸. Это была только примерно 1/10 бывших депутатов.

Теми же критериями Кардель руководствовался, определяя, насколько численность АВНОЮ может быть увеличена за счет представителей политических партий, а также отдельных видных деятелей. Такого рода пополнение АВНОЮ («представителями прогрессивных политических демократических групп») предусматривалось, напомним, программной декларацией правительства Тито – Шубашича.

Теперь использование подобного способа было призвано, с одной стороны, как бы компенсировать в глазах западных союзников факт недопущения в АВНОЮ подавляющей части довоенных парламентариев. И сделать вид, будто власть любыми путями стремится к многопартийности Временной скупщины, в которую предстояло преобразовать АВНОЮ. По крайней мере к середине июля 1945 г., если ни раньше, югославское коммунистическое руководство уже пришло к выводу, что, принимая во внимание обязательства по соглашению Тито – Шубашича и необходимость в этой связи соблюдать определенный декорум перед Лондоном и Вашингтоном, придется официально разрешить оформление партий и даже создание их организаций на местах⁴⁹.

С другой же стороны, коль скоро эта новая тактика по вопросу о других партиях оказывалась неизбежной, верхушка коммунистического режима стремилась к тому, чтобы

среди деятелей разных партий ввести в состав АВНОЮ под видом таковых еще ряд лиц, которые на самом деле были твердыми сторонниками КПЮ либо вообще вступили негласно в нее. Прикидывая, сколько народа и от каких партий или групп можно было бы включить в АВНОЮ, Кардель тут же делал выкладки о допустимой численности такой кооптации с точки зрения того, чтобы во Временной скупщине было обеспечено прочное и подавляющее преобладание КПЮ и ее твердых сторонников над ее оппонентами и теми, кто к оппонентам был бы способен так или иначе примкнуть. С учетом всего этого он и формулировал свои выводы, которые легли в основу окончательного проекта пополнения АВНОЮ⁵⁰.

Одновременно в повседневной политической практике все еще продолжали, однако, сохраняться препятствия со стороны властей развертыванию деятельности Демократической партии, как и восстановлению легальности других партий и групп, рассматривавшихся правящим режимом в качестве явных или потенциальных его оппонентов. Препятствия касались, в частности, и восстановления прежней ХКП, в котором были заинтересованы Шубашич и Шутей. Коммунисты очень опасались влияния традиционного руководства этой партии на значительные хорватские массы, особенно крестьянство. И с тревогой реагировали на всякое замеченное проявление активности со стороны, как они выражались, «мачековцев»⁵¹.

Ситуация с ХКП была весьма непростой. Сравнительно небольшая часть ее довоенных функционеров и активистов, во время власти Павелича перешедшая к усташам, разделила судьбу последних при крахе НГХ. Другую, не очень значительную часть, которая присоединилась к движению, руководимому КПЮ, представлял и возглавлял упоминавшийся выше «исполком ХКП», созданный на партизанской территории в 1943 г., а в 1944 г. оформившийся как одна из структур ЕНОФ Хорватии. В этом качестве «исполком» продолжал выступать и после окончания войны, фигурируя как якобы руководство ХКП, которая находится в составе ЕНОФ. В конце июня 1945 г. «исполком» декларировал, что возглавляемая им партия возвращает себе название, которое носила при Степане Радиче в 1919–1925 гг.: Хорватская республиканская крестьянская партия (ХРКП)⁵². Как уже говорилось, «исполком» был на самом деле камуфляжным образованием в интересах тактической игры компартии, особенно после того, как летом 1944 г. фактический основатель этого органа Божидар Маговац и те, кто придерживался примерно сходной с ним линии на возрождение ХКП в качестве более или менее равноправного партнера КПЮ, были отстранены от деятельности и затем арестованы.

Кроме «исполкома», целиком выполнявшего функцию проводника политики компартии, ХРКП не имела реальной партийной структуры, никаких ее организаций на местах не существовало. Что же касалось той, по оценке некоторых современных историков, основной части прежней ХКП, которая была склонна традиционно следовать за довоенным руководством, она с окончанием войны продолжала не только как во время усташского правления, но, возможно, даже в еще большей мере пребывать в состоянии серьезной дезориентации. Ибо при эвакуации 6 мая 1945 г. властей НГХ из Загреба почти все из оставшихся в живых руководящих деятелей партии, большинство которых было непосредственно перед тем выпущено усташским режимом из заключения, тоже эвакуировались (председатель ХКП Владко Мачек при прямом содействии Павелича – в Австрию). И затем остались в качестве эмигрантов на Западе. Их решение о бегстве было следствием опасений, что с занятием Загреба войсками ЮА и установлением ком-

мунистического контроля во всей Хорватии они могут подвергнуться репрессиям как политические противники КПЮ⁵³.

Эти опасения Мачека и его соратников были не напрасны. В момент, когда ЮА вошла в Загреб, коммунистическое руководство Хорватии распорядилось, чтобы к Мачеку, если его там застанут, приставили «охрану» и позволили передвижение лишь в ее сопровождении. А ряд других руководящих деятелей ХКП просто было велено немедленно арестовать, причем это распоряжение касалось и тех, кто только что сидел в усташской тюрьме. Оно персонально относилось даже к Фаролфи и Томашичу, по поводу которых еще не было известно, что они убиты усташами⁵⁴. Вслед за тем коммунистические власти стали производить аресты значительного числа функционеров и активистов ХКП, ориентированных на руководство во главе с Мачеком. Для коммунистов Мачек и его сторонники являлись врагами, английскими агентами и одновременно сообщниками усташей.

Бегство Мачека и его ближайших сотрудников из Югославии вместе с усташами лишь подтверждало в глазах режима Тито подобную оценку. И усиливало враждебное отношение к лидеру ХКП и его сторонникам. Сами же сторонники Мачека в условиях, когда он со своим окружением эмигрировали на Запад, где находился и генеральный секретарь партии Юрай Крневич, а заместитель Мачека Кошутич продолжал содержаться новыми югославскими властями в «предварительном заключении» (оно длилось до конца 1946 г.), оказывались в итоге без всякого руководства.

Шубашич и Шутей пока еще продолжалась война были, в сущности, лишены связи с Хорватией и тем более с Мачеком. В середине мая 1945 г., сразу по окончании войны, Шутей, наконец, смог отправиться в Загреб и встретиться там с рядом бывших депутатов от ХКП довоенной югославской скупщины. Но это никак не влияло на положение прежних функционеров и активистов ХКП, находившихся под угрозой коммунистических репрессий. После отъезда Шутея в Белград чуть ли ни половину встречавшихся с ним арестовали⁵⁵. Позже уже сам Шубашич, в конце апреля – июне отсутствовавший в Югославии (он был на Учредительной конференции ООН в Сан-Франциско), по возвращении поставил перед коммунистической верхушкой вопрос о своем намерении созвать руководящий актив довоенной ХКП. И поехать в Париж к находившемуся там Мачеку, чтобы обсудить с лидером партии сложившуюся ситуацию и согласовать дальнейшие действия. Но коммунистическое руководство ответило Шубашичу, что он должен это обсудить с представителем ХРКП⁵⁶. Режим, в сущности, стремился втянуть Шубашича и деятелей из его окружения в переговоры с «исполкомом» ХРКП и толкнуть их на путь фактического присоединения к данной камуфляжной структуре. А если этого не удастся достигнуть, режим мог рассчитывать на получение таким путем, по крайней мере, способа тянуть время, препятствуя восстановлению довоенной ХКП.

Ввиду всего происходившего Шубашич частично изменил свою прежнюю позицию относительно западного давления на Тито. Перед тем, будучи в США, он в контактах с представителями американской администрации в мае 1945 г. придерживался точки зрения, что такой нажим может вызвать обратный эффект ужесточения линии коммунистических властей. Шубашич тогда выражал надежду, что со временем, в условиях улучшения экономического положения и политической стабилизации возникнет возможность постепенной демократизации⁵⁷. С началом же июля он в беседах с британскими и американскими дипломатами в Белграде стал выражать серьезное недовольство и тревогу по поводу внутривнутриполитического положения и просить помощи западных союзников.

То же самое еще активнее делал Грол, начавший, в отличие от Шубашича, эти усилия раньше, уже с весны. Оба они указывали западным представителям на то, что нет прогресса в легализации партий, и на все еще тогда продолжавшееся отсутствие конкретных предложений властей по поводу увеличения состава АВНОЮ и законов, которыми затем должна была заняться будущая Временная скупщина. И оба выражали западным дипломатам свое настойчивое пожелание, чтобы Англия и США оказали давление, которое бы заставило коммунистический режим выполнить соглашение Тито – Шубашича. В этой связи Грол и Шубашич особо подчеркивали необходимость того, чтобы вопрос о невыполнении соглашения был решительно поставлен британскими и американскими участниками на конференции глав правительств СССР, Англии и США в Потсдаме, начавшейся 17 июля и продолжавшейся до 2 августа 1945 г.⁵⁸

Наряду с этим, Грол сообщал западным представителям о том, что предупредил Тито: если между большинством и меньшинством в правительстве не будет достигнуто быстрое соглашение относительно, во-первых, расширения АВНОЮ, во-вторых, законов об основах политической жизни и, в-третьих, вообще характера режима, то неминуем его, Грола, уход из правительства. Более того, Грол говорил, что обсуждает не только с Шубашичем и Шутеем, но и с Косановичем и даже с входившим в состав правительства Яшей Продановичем, лидером Югославской республиканской партии, сотрудничавшей в ЕНОФ Сербии, возможность коллективной отставки. В результате у американских и британских дипломатов в Белграде создавалось впечатление о вероятности надвигающегося правительственного кризиса, который бы являлся и наглядным свидетельством кризиса с выполнением соглашения Тито – Шубашича. Об этом дипломаты информировали свои правительства⁵⁹. Но одновременно они сообщали и о том, что Шубашич, в данной связи ключевая фигура как подписывавший соглашение с Тито, проявлял гораздо более колеблющуюся позицию, не был готов к отставке. Ибо считал, что вне правительства вовсе не сможет влиять на режим⁶⁰.

У западных участников «большой тройки», которым предстояло собраться в Потсдаме вместе со Сталиным, уже до того имелась определенная степень озабоченности положением в Югославии. Наибольшей она была у британского премьер-министра Уинстона Черчилля, являвшегося инициатором соглашения Тито – Шубашича. Еще на ранней стадии подготовки Потсдамской конференции, в конце мая 1945 г., Черчилль, передавая американской стороне перечень тем, которые он считал нужным обсудить на конференции, указал и на положение Югославии, находящейся, как он писал, «под господством коммунистов». Британский план поставить в Потсдаме югославский вопрос, в том числе проблему выполнения соглашения Тито – Шубашича, о чем Лондон позже информировал и Москву, разделялся в госдепартаменте США⁶¹.

На самой конференции английская делегация выдвинула обвинение в том, что установленный в Югославии режим не выполняет соглашение Тито – Шубашича. В протоколах, которые самостоятельно вела каждая из делегаций, обсуждение британской позиции, состоявшееся на третий день встречи в Потсдаме, отражено с некоторыми различиями, но в главном зафиксировано примерно одно и то же. Черчилль аргументировал британские претензии тем, что АВНОЮ не расширено, закон о выборах не принят, не восстановлено нормальное судопроизводство, «администрация Тито» установила режим, строго контролируемый компартией и поддерживаемый с помощью «политической полиции», с контролируемой печатью, «как в некоторых фашистских странах». Англичане предлагали, чтобы «большая тройка» потребовала от югославских властей

выполнить в ближайшее время условия соглашения Тито – Шубашича. Президент США Гарри Трумэн в принципе согласился с этой британской позицией. Но И.В. Сталин возразил, что советские сведения о положении в Югославии совсем иные и что Тито целиком выполняет ялтинские решения. Обсуждение поставленного англичанами вопроса руководитель СССР обусловил участием в таком обсуждении и представителей югославского правительства. Как можно понять из протоколов, англичанам это не улыбалось, и Черчилль сослался на затруднительность югославского участия ввиду несогласия между Тито и Шубашичем. На что Сталин ответил, что можно пригласить в Потсдам обоих. Черчилль в итоге согласился. Однако Трумэн заявил, что приехал для обсуждения мировых проблем, а не для разбирательства жалоб с вызовом тех или иных деятелей из разных стран. В связи с отказом Трумэна и с тем, что это противоречило условию Сталина, югославский вопрос был пока снят с рассмотрения⁶².

Документы, имеющиеся в распоряжении историков, оставляют не вполне ясным, почему Трумэн, вопреки тому, что был согласен с претензиями Черчилля по поводу Югославии, и вопреки линии, намеченной до конференции госдепартаментом США, отрицательно отнесся к обсуждению британского предложения, фактически подыграв тем самым Сталину. Сам Трумэн в мемуарах, появившихся через десять лет после Потсдама, повторил сказанное им на конференции: в его цели не входило рассмотрение ситуации в отдельных европейских странах⁶³. Но как уже давно заметил известный американский историк Герберт Фейс, объяснение выглядит странно, ибо в отношении других стран тот же Трумэн на той же встрече в Потсдаме выступал за обсуждение во многом сходного положения. В этой связи логично предположение Фейса, что Трумэн был готов к рассмотрению и решению югославского вопроса, но без участия Тито и Шубашича. А поскольку советская позиция делала как раз их приглашение непременным условием, предпочел, чтобы вопрос был вообще снят⁶⁴.

Но независимо от того, какими на самом деле соображениями руководствовался Трумэн, главным было то, что вследствие его позиции попытка поставить югославский вопрос, предпринятая Черчиллем, окончилась неудачей. Советская сторона проинформировала об этом Тито и стала вместе с ним готовить контрмеры против возможной повторной британской попытки поднять в Потсдаме тот же вопрос. В частности, у Тито был запрошен материал о неудовлетворительном, с югославской точки зрения, положении в Триесте и прилегающих районах Истрии и Словенского Приморья, которые отошли под военный контроль западных союзников, но на которые претендовала Югославия⁶⁵. 25 июля 1945 г. югославское правительство направило «большой тройке» письмо с обвинениями по адресу западной военной администрации в упомянутой области. И когда к концу конференции уже новое, лейбористское правительство Англии⁶⁶ действительно вернулось к проблеме невыполнения соглашения Тито – Шубашича, советская сторона выдвинула на обсуждение вопрос о ситуации в Триесте и на окружающей территории, сославшись на это письмо. Рассмотрение в Потсдаме югославских обвинений, а также выдвинутого одновременно советской делегацией вопроса о положении в Греции, занятой британскими войсками, было нежелательно англичанам. И они предложили снять с обсуждения все упомянутые предложения: как свое, так и советские. Сталин тут же согласился⁶⁷. Таким образом, надежды меньшинства в югославском правительстве и британских властей, что удастся использовать Потсдамскую конференцию для давления на Тито, остались неосуществленными.

Тем временем коммунистическое руководство Югославии предпринимало усилия, призванные, по возможности, нейтрализовать оппонентов или колеблющихся в составе прави-

тельства, укрепить внутривластные позиции режима, улучшить его имидж. Одним из направлений этих усилий явились принятые в конце июня – июле 1945 г. решения упразднить суды национальной чести в Сербии с Воеводиной, Черногории и Македонии, объявить новую амнистию, прекратить многочисленные расстрелы взятых в плен участников коллаборационистских воинских формирований, в частности военнослужащих домобранских войск НГХ, в какой-то мере улучшить их содержание в лагерях⁶⁸.

Другим направлением стали политические маневры, связанные с подготовкой I съезда Народного фронта Югославии (НФЮ), решение о проведении которого было принято Политбюро ЦК КПЮ 11 июня⁶⁹. Съезд, первоначально намеченный на середину июля, но затем отложенный на начало августа 1945 г., должен был декларировать общегославское объединение организаций НОФ/ЕНОФ/ОФ, до того формально существовавших лишь в рамках каждой по отдельности из федеральных частей в составе ДФЮ. Намереваясь использовать съезд как манифестационно-пропагандистскую акцию, направленную на мобилизацию сил под руководством КПЮ, коммунистическая верхушка стремилась к тому, чтобы большинство довоенных партий, вопрос о легализации которых волей-неволей встал в повестку дня, оказалось вовлеченным в НФЮ.

Расчет был прост: в составе НФЮ будет легче контролировать эти партии, навязывать им и той части народа, которая была бы склонна следовать за ними, позицию в большей или меньшей степени поддержки правящего режима либо, по крайней мере, его принятия, пусть даже вынужденного, и примирения с ним. Поэтому в июле – начале августа коммунистическое руководство усиленно старалось договориться об участии в съезде не только с деятелями тех партий и групп, которые уже раньше присоединились к НОФ/ЕНОФ, главным образом в Сербии, а отчасти в Боснии и Герцеговине и в Черногории, но и с некоторыми политиками, до того к организациям Фронта не примыкавшими. В частности, по понятным причинам, особая заинтересованность в этом смысле была проявлена в отношении Шубашича. Он в ответ на сделанное предложение колебался. Сначала пытался обусловить участие в НФЮ получением разрешения на легализацию прежней ХКП и на ведение переговоров с Мачеком. Затем, не получив разрешения, отказался, но еще раздумывал, не примкнуть ли к НФЮ, надеясь, что Фронт, хотя бы со временем, станет в какой-то мере коалицией⁷⁰.

На таком фоне Тито, наконец, созвал 25 июля заседание правительства, где были представлены на рассмотрение выработанные под руководством Карделя предложения о пополнении АВНОЮ и проекты основных законов о политической системе и порядке выборов в Учредительную скупщину. То и другое вызвало различные возражения меньшинства, в первую очередь Грола, которого до некоторой степени поддерживал Шубашич. В результате дискуссии на заседаниях правительства 25 июля и 4 августа, а в промежутке между ними – в специальной комиссии, составленной из представителей большинства и меньшинства, были внесены некоторые поправки, учитывавшие мнение меньшинства. Но они носили скорее косметический характер. В конечном счете, меньшинство, само отнюдь не единое и к тому же не получившее ожидаемой поддержки из Потсдама, оказалось вынужденным согласиться на то, чтобы от имени правительства были внесены в АВНОЮ предложения, в абсолютно преобладающей мере соответствовавшие проектам коммунистического руководства⁷¹.

Боле того, в сложившейся обстановке Шубашич в итоге предпочел все-таки принять участие в I съезде НФЮ, состоявшемся 5–7 августа 1945 г., и даже вошел в рабочий президиум съезда, а затем в «избранный» исполком НФЮ⁷². Тем самым он, помимо прочего,

хотел, очевидно, укрепить возможности ХКП и перспективы ее легализации. Тем более принимая во внимание ту крайне негативную реакцию, которую со стороны правящего режима вызвало опубликованное в конце июля на Западе первое публичное заявление, сделанное в эмиграции Мачеком. В этом заявлении председатель ХКП квалифицировал установленную в Югославии власть как коммунистическую диктатуру, навязанную вопреки воле народа, и позиционировал себя как прямой противник Тито⁷³. В попытке вывести ХКП из-под удара Шубашич даже стал вести переговоры с руководством ХРКП о возможности объединения, надеясь стать лидером объединенной партии. Но от него требовали простого вступления тех, кто считал себя олицетворением ХКП, в состав ХРКП. Переговоры, тянувшиеся до сентября, закончились безрезультатно⁷⁴.

I съезд НФЮ, принявший программу и устав Фронта и избравший Тито его председателем, продемонстрировал успех режима в политическом маневрировании. На съезде оказались представлены почти все, за исключением Демократической партии Грола, партии и политические группы, получившие возможность выступать легально. В некоторых случаях коммунисты и их сторонники применили также испытанный метод камуфляжных организаций, подобных ХРКП, но на сей раз действовавших под именем сербских традиционных партий. Это были группы их прежних активистов, перешедших, в сущности, на позиции КПЮ либо негласно вступивших в нее. В числе подобных партий-клонов в рамках НФЮ фигурировала, в частности, и «Демократическая партия», оспаривавшая право выступать в качестве таковой у партии Грола⁷⁵.

Власти удалось имитировать легализацию многопартийной системы, но при этом через НФЮ поставить почти все партии под свой не просто полицейский, а тактически более выгодный политический контроль. И вместе с тем пропагандистски выигрышно выставить КПЮ перед массами в качестве руководящей силы, которую таковой признает и вокруг которой объединяется подавляющее большинство прочих, традиционных, партий. Однако вид коалиции был придан НФЮ лишь частично. Одновременно его уставом и программой подчеркивалось, что он является единым «общенародным движением», членами которого являлись, наряду с партиями, профсоюзы, ОСАМЮ, АФЖ и другие подконтрольные режиму «общественные организации», а также те, кто вступал в НФЮ в качестве его индивидуальных участников⁷⁶.

Вслед за съездом НФЮ началась 7 августа III сессия АВНОЮ, которая 10 августа, приняла постановление о своем пополнении в соответствии с предложением, внесенным от имени правительства, и о создании таким образом Временной народной скупщины. В ней, как и было задумано коммунистическим руководством, подавляющее большинство принадлежало сторонникам режима. Более того, ввиду позиции Шубашича те представители ХКП, которые были включены в состав скупщины, не выступали в ней против большинства. В качестве оппозиционной выступала лишь небольшая фракция Демократической партии во главе с Гролом, у которой было всего чуть больше 2,5 % мест в скупщине. Причем в ряде случаев, в частности при принятии экономических законов, например, об аграрной реформе или о национализации рудных богатств, эта группа тоже голосовала с большинством. Более того, она была вынуждена занять позицию большинства, отвергнувшего сделанное 8 августа заявление короля Петра II о том, что он отзывает полномочия регентов и возвращает себе прерогативы власти монарха.

Оппозиция в основном выступала против того, чтобы в принимавшихся законах, определявших политические условия в стране и порядок выборов в Учредительную скупщину, содержались положения, дававшие возможность широкого применения реп-

рессивных мер, в том числе лишения избирательных прав, в отношении тех, кто был неугоден власти. Однако Временная народная скупщина, завершившая свою работу 26 августа, неизменно отвергала оппозиционные поправки и проекты⁷⁷. Еще в ходе работы скупщины, 18 августа, Грол подал в отставку с поста вице-премьера⁷⁸. Но это не вызвало особых затруднений для власти, ибо Шубашич остался в правительстве. А вместе с Шубашичем остался и Шутей. Принятые же Временной народной скупщиной законы целиком соответствовали тому, что было нужно правящему режиму.

В соответствии с этим законодательством, 1 сентября были назначены выборы в Учредительную скупщину, которые состоялись 11 ноября 1945 г. Избирательная кампания проходила при абсолютном доминировании НФЮ, а на деле – всецело руководившей им КПЮ, в руках которой была реальная власть и фактически все средства массовой информации. Партии, находившиеся в составе НФЮ, должны были выступать не самостоятельно, а лишь в рамках общих кандидатских списков Фронта, опять-таки определявшихся в конечном счете коммунистами. О своем самостоятельном участии в выборах заявила лишь оппозиция, состоявшая практически только из Демократической партии Грола и еще некоторых примкнувших к ней прежних политических фигур в Сербии. Шубашич продолжал колебаться, но ему даже не удалось организационно оформить ХКП. Его политика соглашательства с режимом вызвала резкое неприятие со стороны бывших деятелей и активистов ХКП, которых он в начале сентября собирал в Загребе и большинство которых перед этим подвергалось репрессиям властей. А через несколько дней Шубашич фактически был подвергнут домашнему аресту, что не позволило ему выехать за границу, где он надеялся встретиться с Мачеком и получить от того полномочия на руководство ХКП. У Шубашича произошел инсульт, и он оказался на время выключенным из политической активности. Грол пытался договориться с ХКП о совместном участии в выборах в качестве объединенной оппозиции. Но из этого ничего не вышло, в значительной мере потому, что большинство деятелей ХКП ориентировалось на позицию Мачека и по-прежнему находившегося в заключении Кошутича, которые не считали правильным участие в выборах при тех политических условиях, которые существовали в стране. Сам Грол во второй половине сентября пришел к такому же выводу. Этому способствовала обстановка разжигания властями массовой пропагандистской кампании против оппозиции и лично Грола как реакционеров, врагов народа, защитников коллаборационистов, что сопровождалось даже нападениями на активистов оппозиции, на распространителей еженедельника «Демократия», несколько номеров которого Гролу удалось выпустить. В итоге в конце сентября оппозиция объявила, что в создавшихся условиях отказывается от участия в выборах, и призвала к тому же избирателей⁷⁹. А чуть позже, в начале октября Шубашич, осознавший положение, в котором он оказался, подал в отставку. С ним вместе из правительства вышел и Шутей⁸⁰.

Отставка Шубашича побудила администрацию США предпринять попытку отложить выборы в Югославии и организовать процедуру выработки нового соглашения между ним и Тито. Соответствующее предложение Вашингтон направил 17 октября Лондону и Москве. Целью было, если возможно, помешать полному подавлению коммунистической властью ее оппонентов. Однако в полученном 21 октября советском ответе американское предложение отвергалось со ссылкой на то, что все внутриюгославские вопросы целиком находятся в компетенции самого правительства Югославии⁸¹. Категоричность советского ответа опиралась, помимо прочего, на то обстоятельство, что с

образованием Временной народной скупщины, принятием ею законов о выборах в Учредительную скупщину и самим назначением выборов Белградское соглашение Тито – Шубашича и решение Крымской конференции были с формальной точки зрения по большей мере выполнены. Аналогичной была и советская реакция на американскую и на сей раз также британскую ноты от 6 ноября 1945 г., в которых вновь содержалось требование отсрочки югославских выборов ввиду сложившейся неудовлетворительной обстановки для их проведения⁸². Возражения советской стороны, которая принимала ялтинское решение вместе с США и Англией, делали западные демарши бесполезными даже юридически. А по существу Вашингтон и Лондон едва ли что могли сделать.

На выборах, состоявшихся 11 ноября 1945 г., отдельно проводилось голосование в каждую из двух палат, из которых должна была состоять Учредительная скупщина: в Союзную скупщину, куда избирались депутаты из всей страны, и в Скупщину народов, куда избирались депутаты от каждой из федеральных частей ДФЮ. Согласно официальным результатам, всего в выборах приняли участие свыше 88 % избирателей. Из них за НФЮ проголосовало примерно 90 %. Остальные голосовали в «урну без списка», т.е. фактически против НФЮ⁸³.

Пока что в историографии не известны документальные данные, которые бы позволяли судить о том, в какой мере официальные результаты отражали действительные итоги выборов, а в какой мере могли являться следствием фальсификации со стороны властей и полных энтузиазма коммунистических и прокоммунистических активистов. Не известно и то, насколько эти результаты могли отражать реальные размеры той массовой поддержки, которой к тому моменту обладал правящий режим, а насколько сыграло роль давление на избирателей, меры устрашения как средство принуждения и к участию в голосовании, и к голосованию за НФЮ. Но в современных исследованиях констатируется наличие самих фактов и фальсификаций, и давления⁸⁴.

Да и официальные данные об итогах выборов свидетельствуют об этом. Например, согласно им, наибольший процент как участия в выборах, так и голосования за НФЮ был в Косове и Метохии: 96–97 %. Такие цифры можно объяснить только нажимом и/или фальсификацией в условиях фактически сохранявшегося военного положения. Вместе с тем официальные сведения отчасти отражали некоторые реалии. Так, даже по этим сведениям, в собственно Сербии не пошедшие на выборы или проголосовавшие в «урну без списка» в общей сложности составляли до трети избирателей. В действительности это число могло быть и значительно больше.

Так или иначе, но режим сумел добиться результата, дававшего ему основание для утверждения о своей легитимности. И очевидно, что массовую опору, хотя, быть может, не столь впечатляющую, он в общегославском масштабе имел.

Учредительная скупщина собралась в Белграде 29 ноября 1945 г. и в тот же день единогласно приняла декларацию о ликвидации монархии и провозглашении Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ). Два месяца спустя, 31 января 1946 г., Учредительная скупщина единогласно утвердила конституцию ФНРЮ. Она была составлена по образцу тогдашней конституции СССР (так называемой «сталинской конституции» 1936 г.), но адаптированной к югославским условиям. Шесть федеральных частей Югославии – Сербия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Черногория, Македония – объявлялись народными республиками в составе ФНРЮ. За многонациональной Воеводиной, где имелось, в частности, очень крупное венгерское нацменьшинство, закреплялся статус автономного края, а за Косово и Метохией, где подавляю-

щее большинство населения составляли албанцы, – статус автономной области: в обоих случаях – в составе Сербии. Существующая власть трактовалась как власть трудящихся. Провозглашалась ведущая роль государственной собственности, фигурировавшей как общенародная, декларировалась поддержка развития кооперативного сектора экономики. Ограниченное частное предпринимательство допускалось лишь в рамках общего народнохозяйственного планирования под контролем государства⁸⁵.

По советским канонам. С избранием Учредительной скупщины и принятием ею решения о государственном устройстве Югославии окончательно завершился тот формально-переходный период, который был предусмотрен соглашением Тито – Шубашича и ялтинским решением. Теперь коммунистический режим, реально уже установленный раньше, мог более явно и интенсивно продолжить преобразования, обусловленные устремлениями КПЮ. Как отмечено выше, эти устремления соответствовали тогдашним советским, т.е. сталинским, канонам. Причиной являлось соединение доктринальных представлений югославских коммунистов, воспринимавших советский путь преимущественно как эталонный, с их собственной практикой острой общественной поляризации в ходе ожесточенной гражданской войны. Складывавшийся из этих элементов опыт КПЮ был перенесен и на послевоенное время, выражаясь в тяготении к ускоренному осуществлению коммунистических целей, к достижению их с применением радикально-тоталитарных методов.

В политической сфере период, следовавший за провозглашением ФНРЮ и принятием конституции, характеризовался курсом на дальнейшее упрочение коммунистического контроля, ужесточение сложившейся системы власти и управления обществом. Энергичные усилия были здесь направлены на последовательную ликвидацию тех крайне ограниченных и более чем относительных, а во многом и вовсе декоративных проявлений многопартийности, которые до того частично допускались из тактических соображений.

Фактически уже в конце 1945 – начале 1946 г., после отказа от участия в выборах, в условиях мощного пропагандистского и, по сути, репрессивного давления со стороны режима, довольно быстро сходит с политической сцены сербская оппозиция и ее более или менее организованное ядро в лице Демократической партии во главе с Гролом. Согласно некоторым данным историографии, в декабре 1945 г. Грол все еще вынашивал планы сохранения оппозиции и даже ее расширения путем создания так называемого Крестьянско-демократического блока, который бы объединил сербскую оппозицию с ХКП и какой-то частью прежней Словенской народной партии. Но в тогдашней обстановке реализовать подобные замыслы оказалось невозможно⁸⁶. Вскоре после этого организованная деятельность Демократической партии и политическая активность самого Грола прекратились. Позже некоторые фигуры из оппозиции были арестованы и осуждены за якобы преступления⁸⁷. Но другие, в том числе Грол, в обмен на их политическую пассивность не были репрессированы.

Вместе с тем так и не смогла вновь организационно оформиться и легализоваться ХКП. Ни вне НФЮ, т.е. в качестве оппозиционной партии, ни в качестве партии, которая бы вступила в НФЮ, как по-прежнему продолжали размышлять Шубашич и некоторые деятели вокруг него, а позже, к концу 1946 г., и Маговац, освобожденный в начале июня 1945 г. из-под ареста. Невозможность возрождения ХКП и ее выступления на югославской политической сцене была обусловлена, с одной стороны, непреодолимыми такти-

ческими разногласиями между теми, кто в большей или меньшей степени группировался вокруг Шубашича и Шутея, и теми, кто разделял позицию Кошутича и в конечном счете – Мачека, отвергавших легализацию и политическую активизацию партии в условиях репрессивного коммунистического всевластия. С другой стороны, сам правящий режим после ухода Шубашича и Шутея из правительства, а тем более в ситуации, наступившей после выборов в Учредительную скупщину, решительно не был заинтересован в легальном оформлении ХКП. С этих позиций власти внимательно следили за деятелями так и не оформленной партии, то арестовывая, то выпуская тех или иных из них⁸⁸.

На основе изучения материалов югославской госбезопасности, в историографии существует версия, согласно которой освобождение Кошутича из заключения в сентябре 1946 г. было связано с расчетом властей на то, что он, будучи противником активизации и легализации ХКП, воспрепятствует планам Шутея и ряда деятелей, связанных с Шубашичем, по восстановлению партии и ее участию в назначенных на ноябрь того же года выборах в Сабор Хорватии⁸⁹. В 1947 г. и позже арестам и судебным приговорам на длительные сроки заключения было подвергнуто большинство сторонников этих планов, как, впрочем, и многие другие заметные активисты ХКП. Но Шубашича и Шутея не тронули⁹⁰.

Что касалось партий, оформившихся внутри НФЮ или присоединившихся к нему, то коммунистическое руководство Югославии исходило из необходимости все большего ограничения их деятельности, а в перспективе – ликвидации. Об этом, в частности, 19 января 1946 г. информировал ЦК ВКП (б), по поручению Тито и Карделя, постоянный представитель ЦК КПЮ, находившийся в первые послевоенные годы в Москве. Причем раньше всего и в наибольшей степени меры ограничения планировалось обратить против тех лидеров партий в составе НФЮ, которые, как считала югославская коммунистическая верхушка, проявляли колебания в следовании линии КПЮ и потому стали «проводниками реакции». «Главными» среди них назывались Драголюб Йованович, руководивший Народно-крестьянской партией (НКП), и Яша Проданович, стоявший во главе Югославской республиканской демократической партии (ЮРДП)⁹¹.

Обе партии, сравнительно небольшие и пользовавшиеся довольно ограниченным влиянием, действовали в Сербии, хотя ЮРДП имела некоторое число сторонников и за ее пределами. Ориентация обеих, хотя и с определенными различиями, была достаточно левой. Однако коммунистический радикализм, произвольность принимавшихся решений и особенно репрессивно-диктаторские методы нередко вызывали возражения среди части активистов НКП и ЮРДП. Возражения, в частности, во многом проявились в конце 1945 – начале 1946 г.

Во-первых, они касались того, как КПЮ и находившиеся в ее руках органы власти провели выборы в Учредительную скупщину и как после выборов вели себя на местах по отношению ко многим активистам НКП и ЮРДП. Здесь основные и наиболее острые претензии были у Йовановича, недовольного значительно меньшим, чем он рассчитывал, числом голосов и депутатских мандатов, доставшихся НКП. Он расценивал такой результат как следствие действий коммунистов против его партии и даже жаловался на это советскому послу в Белграде⁹². Проданович, чья партия весьма тесно сотрудничала с КПЮ, намного осторожнее, но все-таки публично, в газете ЮРДП «Република», выразил в середине декабря 1945 г. протест против «оскорблений и угроз», которым активисты ЮРДП подвергались на местах со стороны коммунистов⁹³.

Во-вторых, различные возражения были высказаны частично и более чем умеренно Продановичем, а куда шире и резче Йовановичем при обсуждении проекта конс-

титущии ФНРЮ в Учредительной скупщине. Лидер НКП заявил, что в стране имеет место тенденция к установлению государственного руководства со стороны КПЮ, как в СССР, т.е. фактически к советизации, и к чрезмерному огосударствлению экономики. Йованович крайне критически отзывался обо всем этом. И в духе своих давних взглядов заявлял, что для Югославии необходимы многопартийная система, подлинное равноправие между рабочим классом, политическим представителем которого он считал КПЮ, и крестьянством, защитником и выразителем интересов которого, по его мнению, была НКП⁹⁴.

Коммунистические руководители и их последователи, принадлежавшие к различным партиям НФЮ, реагировали на замечания Продановича тактически сдержанно. Но заявления Йовановича приравнивались в Учредительной скупщине к пропаганде «врагов Югославии и народной власти»⁹⁵. Столь же, если ни еще более резко, но сугубо секретно высказывания лидера НКП характеризовались в донесениях, которые советское посольство в Белград посылало в декабре 1945 – январе 1946 г. в Москву. Из донесений видно, что причиной особо ожесточенной реакции посольства являлись допущенные, как говорилось, Йовановичем сравнения опасности однопартийной системы в Югославии с положением не только в СССР, но и с фашистскими режимами. А стало быть, как считали в посольстве, он позволил себе отождествить советское с фашистским⁹⁶.

В итоге, хотя не только Проданович, но и Йованович проголосовали вместе со всеми другими депутатами Учредительной скупщины за принятие конституции, югославское коммунистическое руководство и советское посольство расценивали позицию лидера НКП как особенно враждебную. Тем паче, что одновременно Йованович стал предпринимать попытки объединения представителей ряда других партий внутри НФЮ и создания в Учредительной скупщине своего рода блока депутатов, главным образом от «крестьянских партий». Уже в середине декабря 1945 г. посол СССР в информационном письме Молотову сообщил, что КПЮ «принимает меры», чтобы помешать этим попыткам, и более того – чтобы расколоть НКП и исключить из нее самого Йовановича⁹⁷.

Несмотря на сильное недовольство Продановичем, руководство Югославии тем не менее включило его в качестве одного из двух вице-премьеров в состав нового правительства Тито, сформированного 1 февраля 1946 г., после принятия конституции. Проявляя в целом лояльность в отношении режима, он в качестве репрезентативной фигуры оставался на этом посту до самой смерти (весной 1948 г.). Йовановича же, которого, по крайней мере, вплоть до конца ноября 1945 г. тоже намечали в состав нового правительства⁹⁸, в сложившихся затем обстоятельствах туда не взяли. А стали осуществлять упомянутый выше план его устранения с политической сцены. Тем более что Йованович продолжал критиковать, в том числе с трибуны югославской скупщины⁹⁹, политику властей и некоторые из принимавшихся законов. И не прекращал, особенно в течение 1946 г., попытки создания частично оппозиционного «крестьянского блока» внутри НФЮ, прежде всего из ряда депутатов Народной скупщины от ХРКП и Земледельческой партии¹⁰⁰.

В итоге правящий режим организовал в период с лета 1946 г. до весны 1947 г. исключение Йовановича из руководящих органов и даже из членов НФЮ и его собственной партии – НКП, увольнение из профессоров Белградского университета, лишение его депутатства в скупщинах Сербии и затем Югославии. После чего он был арестован по обвинению в антигосударственной деятельности¹⁰¹. Если верить мемуарам Джиласа, еще в июле 1946 г., после одного из острых выступлений Йовановича в югославской скупщине при обсуждении закона о кооперативах, Тито в узком кругу коммунистической верхуш-

ки сказал, что Йовановича нужно арестовать. На замечание, что ему трудно предъявить обвинение на законных основаниях, Тито ответил, что если такой вины нет, ее следует «создать», т.е. сфабриковать¹⁰². А в начале апреля 1947 г., когда советский посол обратил внимание Тито на очередное оппозиционное выступление Йовановича, глава югославского режима высказал стереотипную для тогдашних коммунистических убеждений уверенность, что это инспирировано англичанами и американцами, и заверил посла, что Йованович будет арестован¹⁰³. На суде осенью 1947 г. Йованович был осужден на девять лет заключения¹⁰⁴.

Устраняя либо принуждая к послушанию тех своих союзников или попутчиков, которые отклонялись от заданного курса, и опираясь на более прочных или более послушных последователей в рядах НФЮ, коммунистическое руководство во второй половине 1940-х годов еще в течение некоторого времени использовало фигурировавшие внутри Фронта партии главным образом с тактической целью камуфляжа и влияния на какие-то группы населения. В ряде случаев в коммунистических верхах опасались совсем и сразу отказаться от такой практики даже тогда, когда их союзник не обладал на самом деле влиянием на массы, как, к примеру, было констатировано в начале 1947 г. в отношении ХРКП¹⁰⁵.

Но постепенно использование упомянутых партий все больше прекращалось. И как раз 1947 г. был в этом смысле до известной степени рубежным. Тем более что, скажем, в той же ХРКП среди некоторых ее деятелей стали возникать случаи недовольства курсом и «отпадения» от партии или изгнания из нее¹⁰⁶. С 1947 г., когда было открыто провозглашен курс КПЮ на «строительство социализма», существование других партий внутри НФЮ не только окончательно становилось чисто символическим, но и быстро сходило на нет. Никаких решений об их роспуске не принималось, просто их функционирование, а точнее функционирование их камуфляжных структур переставало поддерживаться, и они исчезали с политическо-пропагандистской сцены. Хотя своеобразные следы некоторых из них в течение еще нескольких лет оставались в виде продолжавших выходить их прежних газет. Например, газета «Республика», прежний орган ЮРДП, издавалась до 1956 г., а прежний орган ХРКП газета «Слободни дом» выходил даже до 1963 г.¹⁰⁷ Но ни этих, ни других партий уже давно не было.

Наряду с ликвидацией всяких остатков квазимногопартийности, составной частью усилий власти, направленных на жесткую унификацию в политической сфере, явились меры по всемерному ограничению роли такого влиятельного общественного института, как церковь, и по ее фактическому подчинению правящему режиму. Это касалось, в сущности, всех церковных образований мультиконфессиональной Югославии, но прежде всего – трех ведущих церквей, к которым принадлежало наибольшее число верующих в стране: православной, католической, мусульманской.

Такой курс, помимо своей обусловленности стремлением власти к монопольному политическому господству, чрезвычайно усиливался той взаимной враждебностью, которая еще со времени войны сложилась между движением, руководимым КПЮ, и церковными иерархиями упомянутых ведущих конфессий. В основе враждебности лежали две главные причины. Первая заключалась в прямом столкновении коммунистического радикально-агрессивного атеизма и столь же яростно противостоявшего ему антиатеизма, как и вообще антикоммунизма церкви. Хотя это столкновение лежало в доктринальной плоскости, оно воплощалось в конкретной общественной практике, в направленности пропагандистской активности каждой из сторон друг против друга, изначально определяя позиции коммунистов и церкви как идеологическо-социальных антиподов. Второй причиной враждеб-

ности, тесно связанной и переплетавшейся с первой, являлась противоположность непосредственных политических ориентаций, которые в условиях захвата и раздела Югославии государствами «оси» были избраны КПЮ и руководимым ею движением, с одной стороны, и каждой из упомянутых ведущих церквей – с другой.

Наиболее рельефно такая противоположность проявилась между упомянутым движением и католической церковью. Как уже говорилось, в НГХ католическая иерархия во главе с загребским архиепископом Алойзие Степинацем расценила режим, установленный усташами под патронатом нацистской Германии и фашистской Италии, как хорватское национальное государство, солидаризировалась с ним и встала на путь его поддержки. От подобной позиции католическая церковь в Хорватии и в Боснии и Герцеговине не считала возможным отказаться даже при возникшем затем несогласии Степинаца и некоторой части его окружения с самыми варварско-преступными чертами усташской политики, не говоря уже о тех активных усташских сторонниках из рядов католического духовенства, которые прямо принимали участие в проведении такой политики. Естественно, для КПЮ и шедших за нею это выглядело как проусташская позиция. Тем более что к движению, руководимому КПЮ, присоединение католических священников было буквально единичным и происходило вопреки церковным иерархам. Даже в конце марта 1945 г., когда уже стали более чем очевидными быстро приближавшиеся общее поражение Германии, и в частности ее поражение на югославской территории, а вместе с этим победа новой Югославии, в публичном обращении, выпущенном от имени католического епископата в Хорватии и в Боснии и Герцеговине, НГХ продолжало трактоваться как хорватское национальное государство. А основной пафос обращения был направлен на обличение действий новой Югославии и руководивших ею коммунистов¹⁰⁸. И в начале мая 1945 г., в последние дни перед окончательным крахом усташского режима, Степинац, если верить некоторым данным, все еще выступал участником несбыточных планов по спасению НГХ, неоправданно рассчитанных на содействие западных союзников¹⁰⁹.

В Словении, главным образом в Люблянской провинции, католическая иерархия во главе с люблянским архиепископом Григорием Рожманом во время оккупации тесно сотрудничала как с итальянскими, а затем, хотя и несколько меньше, с германскими властями, так и с коллаборационистскими административными и военными структурами. Это обосновывалось стремлением облегчить положение народа в обстановке оккупации и не допустить победы ОФ, руководимого коммунистами, борьбу с которыми церковная иерархия всемерно поддерживала. Число священников, сотрудничавших в ОФ и перешедших к партизанам, было здесь больше, чем в НГХ, и в ряде случаев им даже давалось разрешение Рожмана. Но фактически эта часть духовенства разошлась с церковным руководством¹¹⁰.

Мусульманские церковные структуры также в основном заняли позицию сотрудничества с оккупантами и прооккупационными администрациями. В Косово и Метохии это было обусловлено главным образом тем, что присоединение края к квислинговскому режиму Албании расценивалось местным албанским населением как возвращение в национальное лоно. А в Боснии и Герцеговине, где жила основная масса югославских мусульман, исламская религиозная верхушка приветствовала создание НГХ, элита которого включала и мусульманских деятелей и провозглашала мусульман хорватами исламской веры¹¹¹. Поддержка НГХ исламской церковной иерархией продолжалась и дальше. Вместе с тем некоторые группы мусульманских деятелей, включая и представи-

телей религиозных кругов, стали затем стремиться к определенному дистанцированию от усташских акций геноцида в отношении сербов. Но при этом предпринимались усилия, направленные то на создание с немецкой либо итальянской помощью особых, не подчиненных НГХ, мусульманских воинских формирований, которые бы обеспечивали безопасность мусульманского населения, то вообще на получение Боснии и Герцеговиной – или ее частью с преимущественно мусульманским населением – автономного статуса под эгидой Германии. Сторонники автономии пытались склонить к этому гитлеровские власти, однако, безрезультатно¹¹². Позже, когда заметная часть мусульман стала присоединяться к движению, руководимому КПЮ, в его рядах оказалось некоторое число исламских священнослужителей.

Наиболее многочисленное в Югославии православное население в большинстве принадлежало к Сербской православной церкви (СПЦ). Основная часть ее иерархов занимала негативную позицию в отношении оккупации и раздела Югославии гитлеровской Германией и ее союзниками. Патриарх Гаврило Дожич был заточен германскими властями в одном из монастырей в Сербии, откуда при немецком отступлении в 1944 г. был увезен в концлагерь Дахау. Но в период оккупации церковная иерархия и духовенство в определенной мере сотрудничали с режимом Недича в Сербии, с коллаборационистскими структурами в Черногории, а преимущественно поддерживали четников Михайловича. В преобладающей своей части СПЦ относилась более чем настороженно либо просто враждебно к движению, которое возглавляла КПЮ, хотя в нем участвовало значительно больше православных священнослужителей, чем духовных лиц других конфессий.

С освобождением Сербии от оккупации верхи СПЦ были против порядка, устанавливавшегося новой властью, занимали промонархическую позицию и были готовы к борьбе в защиту сербских национальных интересов, угрозой которым, по мнению церковной иерархии, исходила от коммунистического режима¹¹³. Патриарх Гаврило, освобожденный из Дахау, не был склонен возвращаться в Югославию и до ноября 1946 г. оставался на Западе, будучи в непосредственном контакте с королем Петром II и сербскими эмигрантскими политиками¹¹⁴.

С установлением коммунистической власти обвинения в коллаборационизме стали ею довольно широко использоваться как основание для разного рода репрессий, вплоть до самых жестоких, в отношении служителей тех или иных конфессий. Как и вообще по поводу репрессий в Югославии тех лет, в историографии существуют весьма неодинаковые, даже противоположные, мнения о том, в какой степени репрессивные меры, захватывавшие церковную среду, являлись карой за коллаборационизм, а в какой – инструментом политико-идеологического наступления на церковь и религию. В постюгославской историографии распространены взгляды, что, во всяком случае, нередко политико-идеологические соображения играли преобладающую роль в принятии конкретных решений.

Наиболее острые коллизии возникли в связи с католической церковью, особенно в Хорватии и на всей территории бывшего НГХ. Здесь значительные репрессии коснулись не только духовенства низшего и среднего звена, но и высших иерархов вплоть до архиепископа Степинаца. Уже 17 мая 1945 г., на десятый день занятия Загреба войсками ЮА, архиепископ был «втихую» арестован и оказался под следствием¹¹⁵. В этих условиях Тито, приехавший в Загреб, на встрече 2 июня с остававшимися на свободе представителями католического руководства, по сути, добивался, чтобы католическая церковь в Хорватии заняла позицию лояльности и даже поддержки установленной власти и со-

образовывала свою линию поведения в большей мере с политикой новой Югославии, нежели с Ватиканом. О том же шла речь во время состоявшейся через день беседы Тито со срочно выпущенным накануне из-под ареста Степинацем. Но последний, выражая желание определенного умиротворения и сосуществования с властью, твердо стоял, однако на позиции, что регулирование отношений католической церкви с государством должно стать предметом специального соглашения Югославии с Ватиканом¹¹⁶. Это было в корне противоположно тому, чего хотел Тито.

В итоге репрессивные меры режима в отношении католического духовенства, основывавшиеся на обвинениях в коллаборационизме и преступлениях периода войны, продолжались. А церковная иерархия во главе со Степинацем, со своей стороны, протестовала не только против репрессий, касавшихся священнослужителей, верующих и вообще населения, но и против таких проводившихся властями преобразований светско-гражданского характера, как отделение церкви от государства и школы от церкви. Не говоря уже о протесте против того, что принятым Временной народной скупщиной в августе 1945 г. Законом об аграрной реформе и колонизации, помимо прочего, экспроприировались земельные угодья всех, и в том числе католических, церквей, монастырей, религиозных обществ.

Все эти весьма разнородные по своему реальному общественному содержанию протесты были слиты воедино в так называемом «пастырском письме» к верующим, которое католический епископат принял 20 сентября 1945 г. и которое получило широкое распространение и публичный резонанс. В «пастырском письме» решительно осуждался «безбожный материализм» как основа действий власти и ему в качестве единственно справедливого противопоставлялся порядок, основанный на принципах христианства¹¹⁷. Ставя проблему подобным образом и одновременно требуя вернуть прежнее религиозное образование в школе и церковный брак как официальный, католический епископат в качестве противовеса установлению коммунистической монополии выдвигал, в сущности, собственную, клерикальную, претензию на сохранение своего рода монополии или, по крайней мере, преобладания религии и церкви в некоторых важных сферах государственного и общественного устройства.

Продолжавшееся противостояние католической иерархии и правящего режима привело в сентябре 1946 г. к новому аресту Степинаца и затем к проведению в сентябре – октябре судебного процесса, в котором загребскому архиепископу инкриминировалась не только позиция в годы войны, но прежде всего якобы активная связь с так называемыми крижарами – небольшими вооруженными группами противников власти, в значительной мере из остатков усташей, в течение некоторого послевоенного времени оперировавшими в отдельных местах Хорватии и Боснии и Герцеговины. В историографии существуют разные мнения об обоснованности этих обвинений, в том числе имеются современные исследования, свидетельствующие, что многое было сфабриковано и инсценировано органами госбезопасности¹¹⁸.

Во всяком случае, Степинац был приговорен к 16 годам заключения. Судебный процесс, сопровождавшийся широчайшей пропагандистской кампанией, организованной режимом, явно имел политическую цель устрашающего давления на верхушку церкви и ее компрометации. Такую же, хотя скорее преимущественно пропагандистскую цель имело заочное включение люблянского архиепископа Рожмана, успевшего в мае 1945 г. эмигрировать на Запад, в число обвиняемых и осужденных на судебном процессе против Рупника и ряда других в августе 1946 г.¹¹⁹

Несколько менее драматично, хотя и весьма напряженно, складывались отношения между режимом и руководящими кругами СПЦ. Особенностью этих отношений было то, что они оказывались связаны с отношениями между СПЦ и Русской православной церковью (РПЦ), руководство которой во внешнеполитическом плане играло фактически роль инструмента Кремля. В частности, через представителя РПЦ удалось склонить патриарха Гаврило Дожича вернуться в ноябре 1946 г. в Югославию. Гаврило стал проводить линию, которая колебалась между стремлением как-то наладить сотрудничество с властью и попытками противостоять ее мерам, которые церковная иерархия оценивала негативно. Соответственно колебалось и отношение к нему югославских верхов. Они, со своей стороны, направляли усилия на организацию той части православного духовенства, которая поддерживала режим. Результатом явилось создание объединения этой части священников, и оно использовалось как инструмент политики власти в отношении церкви. Важным средством воздействия на СПЦ тоже были репрессии, возможно, в меньших масштабах, чем в случае с католической церковью¹²⁰.

Существенным фактором и одновременно показателем укрепления коммунистической власти стало успешное подавление ею разрозненного вооруженного подполья, состоявшего из небольших групп, которые скрывались в ряде горных и лесных местностей, главным образом в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Косово и Метохии, отчасти в Сербии. Это были уже упоминавшиеся крижары, а также рассеявшиеся остатки четников, албанские боевики, некоторые другие. В основном с упомянутыми группами было покончено в 1945–1947 гг., хотя в отдельных местах их окончательная ликвидация продолжалась даже до конца 1940-х – начала 1950-х годов¹²¹.

Важными политическими событиями стали пленение в марте 1946 г. Дражи Михайловича, скрывавшегося в подполье, и затем состоявшийся 10 июня – 15 июля 1946 г. суд над ним. Суд, сопровождавшийся широкой пропагандистской кампанией, был в значительной своей части инсценирован и использован режимом для максимально возможной дискредитации потерпевшего поражение этнического движения, прежней сербской политической элиты и бывшего югославского эмигрантского правительства, большинство деятелей которого осталось на Западе. Михайлович, как и некоторые из других, обвинявшихся вместе с ним, был приговорен к смертной казни и расстрелян¹²².

Наряду с упрочением своего политического положения, монополии власти и с действиями по установлению своего идеологического преобладания, а в перспективе – контроля в обществе, коммунистический режим, опираясь на поддерживавшую его значительную часть масс, направлял активные усилия на проведение радикальных преобразований по советскому образцу в экономической, социальной, культурной сферах.

Продолжая начатый, как говорилось выше, с осени 1944 – весны 1945 г. процесс сосредоточения ведущих экономических позиций в руках государства, 5 декабря 1946 г. был принят Закон о национализации частных промышленных и хозяйственных предприятий. В основном он оформлял уже реально существовавшее положение, созданное проводившимися до того мерами (переход к государству или под его управление собственности врага, его пособников, отсутствующих лиц, изъятие военной прибыли, конфискация), означавшими фактическую национализацию. Теперь национализация была узаконена и объявлена открыто, а частично и расширена. Общим итогом была полная ликвидация частного сектора в той наиболее важной части промышленности, которая, в соответствии с тогдашней советской моделью, была отнесена к категории общегосударственного значения и к категории значения отдельных республик ФНРЮ. Согласно при-

водившимся чуть позже официальным данным, полностью государственными стали также 70 % так называемой местной, в основном мелкой, промышленности, вся сфера финансов, транспорт, оптовая торговля¹²³. Еще в конце весны – летом 1946 г. были приняты законы об общегосударственном хозяйственном плане и государственных органах планирования, о государственных хозяйственных предприятиях. Ими вводилась система планирования и организации управления в государственном секторе экономики, во многом подобная той, которая действовала в СССР¹²⁴.

В августе 1945 г. был принят Закон об аграрной реформе и колонизации. Согласно ему конфисковывалась земля у частных владельцев свыше установленного максимума (45 га общей площади или 35 га обрабатываемой земли) и земельная собственность церкви, банков, предприятий, акционерных обществ вместе с постройками, инвентарем, техникой, оборудованием. Из конфискованной земли вместе с землей, экспроприированной у немцев и «врагов народа», а также некоторой частью существовавшей государственной земли был образован земельный фонд, около половины которого пошло на наделение безземельного и малоземельного крестьянства, бывших партизан, бойцов НОАЮ и некоторых других категорий ветеранов, сирот, жертв, как формулировалось, «фашистского террора». А другая половина становилась государственной собственностью, и на ней создавались государственные сельскохозяйственные имения, напомилавшие совхозы в СССР, и первые крестьянские трудовые кооперативы, образование которых правящий режим стимулировал и поощрял. Существенной частью аграрной реформы была колонизация, т.е. переселение беднейших крестьян из малоземельных, в основном горных регионов в другие части Югославии, где имелось значительное количество экспроприированной земли, которой могли быть наделены переселенцы-колонисты. Областью наибольшей колонизации стала Воеводина, где находились большие массивы плодородной земли, оставшейся от выселенных немцев¹²⁵.

Индивидуальные крестьянские хозяйства, абсолютно преобладавшие в деревне, тоже охватывались системой государственного контроля и планирования. Составлялись планы сева и обязательного использования обрабатываемых площадей. Важнейшую роль играло введение обязательной продажи крестьянскими хозяйствами преобладающей части урожая государственным закупочным органам. Размеры, сроки, цены и другие условия закупок устанавливала сама власть. В первые послевоенные годы обязательства, налагавшиеся на крестьян, как правило, нарастали. В ряде случаев имели место попытки крестьянского противодействия, но неисполнение административно предписанных условий обязательной продажи каралось строгими мерами, вплоть до тюремного заключения и принудительных работ. При этом проводилась «классовая» политика давления на более состоятельные крестьянские хозяйства, меры против «кулаков»¹²⁶.

В социальной и культурной сферах проводившимися преобразованиями также создавалась модель, в преобладающей мере аналогичная советскому образцу. Все основные учреждения и структуры воспитания и образования, здравоохранения, культурно-просветительского и художественно-культурного профиля, науки, издательской деятельности, средств массовой информации перешли в руки государства либо общественных организаций, находившихся, по сути, под управлением правящего режима и являвшихся его неотъемлемой частью.

При этом усилия режима были, с одной стороны, направлены на как можно большую доступность имевшихся тогда социальных услуг, образования, достижений культуры и

научного знания широким массам, тем, кого относили к категории «трудящиеся». Для них, по мере возможности, максимально расширялась система бесплатного здравоохранения, среднего и высшего образования, дошкольных учреждений, реализовывался в промышленной сфере ряд мер охраны труда и социального обеспечения. Совместными усилиями органов власти и подразделений НФЮ, ОСАМЮ, АФЖ организовывалась массовая деятельность по ликвидации неграмотности среди части взрослого населения, по внедрению в быт, прежде всего в деревне, особенно в более отсталых районах, санитарно-гигиенических и других цивилизационных навыков, по проведению медицинских обследований и противозидемических кампаний, по развитию художественной самодеятельности, спорта, библиотечному и кинообслуживанию и т.п. Проводилась большая пропагандистская работа в пользу реализации законодательно декларируемого равноправия женщин, в пользу женской эмансипации.

С другой стороны, вся эта деятельность велась под знаком интенсивной широкой пропаганды в пользу правящего режима. А что еще важнее, в систему образования, в сферу культуры, в средства массовой информации одновременно, используя господствующее положение КПЮ, усиленно внедрялась с прямым применением административных рычагов коммунистическая, так называемая марксистско-ленинская идеология в качестве единственно правильной и обязательной. С тем, чтобы в качестве таковой она через эти каналы внедрялась уже в массовое сознание. Так стала создаваться система, которая наряду с подъемом образовательного и культурного уровня масс была призвана одновременно служить инструментом их мощной индоктринации. Само приобщение народа к образованию и культуре оказывалось, таким образом, однобоко ограничено канонами тогдашнего идеологического схематизма советского образца, которому следовала КПЮ. Впоследствии это явление получило в историографии обозначение «агит-пропкультура»¹²⁷.

Политика в сфере культуры было тесно связана с проводившейся политикой в области межнациональных отношений. В соответствии с декларируемым равенством республик в составе ФНРЮ, а тем самым основных югославянских этносов, и с правами национальных меньшинств, стали развиваться образование, издательское дело, средства массовой информации на языках не только основных этносов, но и нацменьшинств. Что касалось основных этносов, то особенно заметным стало провозглашение в Македонии официальным языком – македонского, прежде не признававшегося, и последующее утверждение в 1945 г. основных норм его графики, а также орфографии и грамматических форм¹²⁸.

Что же касалось функционирования югославской государственно-политической системы, то записанные в конституции ФНРЮ права шести республик являлись в значительной степени номинальными. Фактически тогдашняя Югославия стала весьма жестко централизованным государством, где все важнейшие решения, в том числе и относительно тех или иных республик, определялись югославским коммунистическим руководством во главе с Тито. Федеративная форма была во многом декларативной. Республики в то время были в большой мере административными единицами, через которые верхушка КПЮ, осуществлявшая власть, проводила свою линию¹²⁹.

Сама партия, как и руководимый ею режим, строились фактически по иерархическому принципу жесткой подчиненности нижестоящих вышестоящим и назначенчества сверху. Центральную, нередко все более самодовлеющую роль в этой властной вертикали играл Тито, державший в своих руках все основные рычаги власти. Уже в ходе войны

стал складываться в КПЮ и руководимом ею движении культ Тито. В послевоенные годы этот культ усиленно поддерживался и все больше раскручивался пропагандой режима, стимулировался самим Тито и его окружением¹³⁰.

Установление и упрочение системы коммунистической власти и проведение революционных перемен во всех сферах жизни общества происходило параллельно с усилиями по восстановлению хозяйства, в огромной мере разрушенного войной. Опираясь в большой степени на энтузиазм поддерживавшей его части населения, особенно молодежи, правящему режиму удалось за два послевоенных года преодолеть наиболее тяжелые последствия военных разрушений. Это дало югославскому руководству основание для выдвижения амбициозной программы «строительства основ социализма». Она была конкретизирована в первом пятилетнем плане, принятом в апреле 1947 г. и составленном по образцу советских пятилеток. План ставил во главу угла проведение обширной индустриализации по сталинской модели. Начавшееся его осуществление было рассчитано как на максимальную мобилизацию внутренних ресурсов Югославии, так и в большой степени на помощь Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Согласно официальным данным, опубликованным правительством ДФЮ в 1945 г., непосредственные людские потери Югославии в результате войны составляли примерно 1700 тыс. человек. Лишь впоследствии выяснилось, что эти данные были фактически искажением действительности. Ибо на самом деле упомянутая цифра включала в себя произведенные весьма приблизительно предварительные расчеты не только количества реально погибших, но и численности общих демографических потерь, т.е. последующего уменьшения рождаемости за счет гибели потенциальных родителей. Позднее разные демографы публиковали зачастую весьма неодинаковые выкладки непосредственных людских потерь Югославии за период 1941–1945 гг. Нередко эти выкладки были политически мотивированы. А более реальные цифры во время коммунистического правления скрывались властями. См., например: *Žerjavić V. Demografski i ratni gubici Hrvatske u Drugom svjetskom ratu i poraću // Časopis za suvremenu povijest. 1995. Br. 3. S. 544–554; Павловић М. Срби у Југославији 1945–1974: Прегледни чланак // Историја 20. века. 2008. Бр. 2: Срби и Југославија 1918–1991. С. 182–183 (Нап. 1).*

2 Напр.: *Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999. S. 188.*

3 Затем этот тезис надолго стал при коммунистическом правлении не переменным в югославской историографии, которая развивалась как историография победителей.

4 См.: *Izvori za istoriju SKJ. Beograd, 1996. Serija A. T. II. Dokumenti centralnih organa KPJ: NOR i revolucija (1941–1945) (далее – DCO KPJ). Knj. 23 (5. mart –15. maj 1945). Dok. 35. S. 90–91; Dok. 78. S. 222; Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske 1945–1952 / prired. B. Vojnović. Zagreb, 2005. Sv. 1: 1945–1948. Dok. 24. S. 110; Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 777. Л. 121, 122, 138.*

5 Например, Юрай Шутей и некоторые его коллеги из прежних функционеров Хорватской крестьянской партии считали так по поводу хорватов. *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers (далее FRUS). 1945. Wash., 1967. Vol. V. P. 1268; Vodušek Starič J. Prevzem oblasti 1944–1946. Ljubljana, 1992. S. 325.*

6 DCO KPJ. Knj. 23. Dok. 78. S. 222.

7 Некоторые фактические данные об этих событиях см., напр.: *Баковић С.* Сукоби на Косову (друго допуњено издање). Београд, 1986. С. 201–222; *Петрановић Б.* Југославија на размеђу (1945–1950). Подгорица, 1998. С. 148–149. В этих и ряде других публикаций югославских, а отчасти и некоторых постюгославских сербских историков и публицистов упомянутые албанские вооруженные формирования в Косове и Метохии и их выступления характеризовались как антикоммунистические или даже «контрреволюционные». Но в реальности речь шла об отрядах и выступлениях, которые были прежде всего антиюгославскими, и конфликт развивался как межэтнический.

8 В том числе в первые послевоенные годы были казнены оказавшиеся в руках югославских властей члены правительства НГХ и руководящего слоя усташского движения, члены правительства Милана Недича (сам Недич погиб во время следствия: согласно официальному сообщению, покончил с собой), Леон Рупник.

9 Из более чем полумиллионного немецкого меньшинства примерно три четверти еще перед вступлением осенью 1944 г. советских войск в Югославию организованно эвакуировались с помощью гитлеровских властей в Германию и включенную в третий рейх Австрию. Почти сразу после освобождения основной части Сербии от оккупации, в самом конце октября 1944 г., новая югославская власть решила изгнать из страны еще остававшееся немецкое население, как только это станет возможным с победой над Германией. Пока же у него конфисковывали собственность, его выселяли в создававшиеся с данной целью лагеря, принудительно организовывали трудоспособных (с 16 до 60 лет) в «рабочие батальоны» для использования «на разных работах». В середине декабря 1944 г. последовало также решение советского руководства о том, что «на освобожденной Красной армией территории Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии» всех трудоспособных немцев, мужчин с 17 до 45 лет и женщин с 18 до 30 лет, как германских подданных, так и подданных упомянутых стран, следует «мобилизовать и интернировать с направлением для работы в СССР». Это предусматривалось «оформить через правительственные органы соответствующих стран», из которых немцы должны были быть отправлены. Те, кто подлежали мобилизации и интернированию, предназначались для использования в качестве рабочей силы в советской угольной промышленности и черной металлургии. О том, как шла их отправка в Советский Союз, в том числе из Югославии, глава НКВД СССР Л.П. Берия систематически докладывал И.В. Сталину и В.М. Молотову. Всех югославских немцев, которые тем или иным образом оказались за пределами Югославии, правительство Тито отказывалось впускать обратно в страну, даже тогда, когда это хотели потом сделать советские власти. Наоборот, вслед за окончанием войны югославское правительство настойчиво обращалось к правительству СССР, чтобы то активно поддержало в Союзном контрольном совете в Берлине направленную туда просьбу Югославии разрешить ей выселить все еще остававшиеся в стране около 110 тыс. югославских немцев в Германию. Такого разрешения, однако, не удавалось получить из-за предусмотренного на Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.) руководителями СССР, США и Великобритании переселения в Германию большой массы немецкого населения из Польши, Чехословакии и Венгрии. Лишь в 1950-е годы, после того как правительство Югославии освободило югославских немцев из лагерей, где они содержались, подавляющее большинство их выехало в Австрию и Германию. См.: *Zapisnici NKOЈ-a i Privremene vlade DFJ: 1943–1945 / prired. B. Petranović, Lj. Marković.* Beograd, 1991. I deo: *Zapisnici.* Dok. 16. S. 54 (см. также: S. 179. Nap. 191); Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: Документы. Т. 1: 1944–1948 / отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 1999. Док. № 27,

33; Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 144. Оп. 5. П. 5. Д. 2. Л. 76; Д. 4. Л. 125, 172–175; Оп. 6. П. 8. Д. 1. Л. 110; П. 9. Д. 5. Л. 3–12, 78–81; *Петрановић Б.* Југославија на размеђу. С. 312–313; *Geiger V.* Volksdeutsche – Fatum der kollektiven Schuld // Review of Croatian History. 2005. No. 1.

10 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 750. Л. 82–83.

11 О репрессивной политике коммунистической власти см., в частности: *Vodušek Starič J.* Op. cit. S. 159, 188–190, 194, 261–279; *Repe B.* Politična represija v socialistični Sloveniji // Prispjevki za novejšo zgodovino. 2004. Št. 1. S. 83–89; Partizanska i komunistička represija i zločini u Hrvatskoj 1944–1946.: Dokumenti / prired. Z. Dizdar, V. Geiger, M. Pojić, M. Rupić. Slavonski Brod, 2005; *Cvetković S.* Između srpa i čekića: Represija u Srbiji 1944–1953. Beograd, 2006. S. 171–292.

12 V конгрес Комунистичке партије Југославије. 21–28 јула 1948: Стенографске белешке. Београд, 1949. С. 154–155, 162.

13 В январе 1945 г. КПЮ насчитывала чуть больше 91 тыс. человек, и до того времени военные потери партии составляли около 25 тыс. членов. DCO KPJ. Knj. 22 (1. januar – 4. mart 1945). Beograd, 1996. Dok. 97. S. 280.

14 DCO KPJ. Knj. 22. Dok. 97. S. 280; Zapisnici sa sednica Politbira Centralnog komiteta KPJ (11. jun 1945 – 7. jul 1948) / prired. B. Petranović. Beograd, 1995. II deo. Dok. 10. S. 92–93, 97.

15 О линии развития ОСАМЮ и АФЖ, определявшейся руководством КПЮ, см., в частности: Zapisnici sa sednica Politbira Centralnog komiteta KPJ. II deo. Dok. 10. S. 91–95, 97; III deo. Dok. 8. S. 305–308. По советскому образцу была также создана пионерская организация, которой старались охватить наибольшее число детей школьного возраста. К ноябрю 1945 г. она насчитывала до 900 тыс. членов (Ibid. II deo. S. 92, 97).

16 См., напр.: DCO KPJ. Knj. 21 (2. novembar – 31. decembar 1944). Beograd, 1987. Dok. 93. S. 384; Zapisnici Politbira Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske 1945–1952. Sv. 1. Dok. 6. S. 45; *Drnovšek D.* Zapisniki politbira CK KPS/ZKS 1945–1954 [Viri. Št. 15]. Ljubljana, 2000. Dok. 3. S. 32; Dok. 4. S. 34; Оснивачки конгрес КП Србије (8–12. мај 1945) / приред. за штампу М. Борковић, В. Глишић. Београд, 1972. С. 171; *Petranović B.* Politička i ekonomska osnova narodne vlasti u Jugoslaviji za vreme obnove. Beograd, 1969. S. 107–126.

17 DCO KPJ. Knj. 15: 1. januar – 9. februar 1944. Beograd, 1986. Dok. 53. S. 325; Knj. 17 (7. april – 1. jun 1944). Beograd, 1986. Dok. 89. S. 347; *Živković D.* Narodni front Jugoslavije 1935–1945. Beograd, 1978. S. 150–151, 315, 317.

18 *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988: Tematska zbirka dokumenata. Drugo izmenjeno i dopunjeno izdanje. Beograd, 1988. S. 743–744. О подготовке и проведении конференции см., в частности: *Živković D.* Op. cit. S. 318–324.

19 По данным современной историографии, Сербский клуб чуть ли ни целиком состоял из членов компартии. См.: *Kisić Kolanović N.* Andrija Hebrang: Iluzije i otrežnjenja. Zagreb, 1996. S. 125.

20 См.: *Radelić Z.* Božidar Magovac: S Radićem između Mačeka i Hebranga. Zagreb, 1999. S. 185–194. На II сессии АВНОЮ Маговац был даже включен в состав НКОЮ в качестве одного из заместителей председателя, но затем ввиду несогласия с линией коммунистов на ликвидацию ХКП как сколько-нибудь самостоятельного политического фактора стал рассматриваться коммунистическим руководством в качестве врага.

21 *Živković D.* Op. cit. S. 337–340, 348–349, 361–362, 379–381.

22 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 777. Л. 140–141 (русский перевод соответствующей части этого документа см.: Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. № 35. С. 134–135).

- 23 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 750. Л. 78–79.
- 24 Там же. Д. 777. Л. 142 (русский перевод: Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. № 35. С. 136); *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 84.
- 25 Службени лист Демократске Федеративне Југославије. 1945. Бр. 2, 36, 40. См. также: *Nešović S., Petranović B.* AVNOJ i revolucija: Tematska zbirka dokumenata 1941–1945. Beograd, 1983. S. 681–686.
- 26 V конгрес Комунистичке партије Југославије. С. 189, 190.
- 27 См., напр.: *Кардель Е.* Пут нове Југославије: Чланци и говори из народноослободилачке борбе 1941–1945. Београд; Загреб, 1946. С. 114–118; *Беговић В.* Развој индустрије Југославије и њена улога у нашој привреди // Тридесет дана. 1945. Бр. 1.
- 28 Оснивачки конгрес КП Србије. С. 212. Это повторил затем Кардель на заседании Политбюро ЦК КП Словении 21 июня 1945 г. См.: *Drnovšek D.* Zapisniki politbiroja SK KPS/ZKS 1945–1954. Dok. 3. S. 32.
- 29 Подробнее об упомянутых установках Сталина, типах советизации восточноевропейских «народных демократий» и дискуссиях, ведущихся по этому поводу в историографии, см.: *Гибанский Л.Я.* Форсирование советской блоковой политики // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сборник статей / отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003; *Он же.* Исследования политики СССР в Восточной Европе в конце второй мировой войны и в первые послевоенные годы // Вопросы истории. 2004. № 6.
- 30 См.: *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 742; DCO KPJ. Knj. 18 (2.jun–3. avgust 1944). Beograd, 1986. Dok. 67. S. 350; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 750. Л. 81; *Radelić Z.* Hrvatska seljačka stranka, 1941–1950. Zagreb, 1996. S. 33–34.
- 31 Различные стороны процесса возобновления легальной деятельности партий и политических групп в Сербии и их присоединения к ЕНОФ освещались как в югославской, так и в постюгославской историографии в неодинаковой мере и подчас характеризовались по-разному. В частности, см.: *Petranović B.* Politička i ekonomska osnova... S. 90–92, 146; *Petranović B.* Југославија на размеђу. С. 66, 71–72, 75–77, 80–84, 93–94, 105–109 и др.; *Vodušek Starič J.* Op. cit. S. 164–167; *Павловић М.* За Тита или за краља: Избори за Уставотворну скупштину 11. новембра 1945. Београд, 2007. С. 101–107, 212–215. См. также: *Đilas M.* Vlast i pobuna. Beograd, 1991. S. 11–12.
- 32 DCO KPJ. Knj. 22. Dok. 197. S. 522.
- 33 Ibid.; Knj. 23. Dok. 35. S. 92; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 777. Л. 138 (не совсем точный перевод на русский язык: Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. № 35. С. 135).
- 34 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 777. Л. 139.
- 35 Там же. Положение скрытых коммунистов в этом «исполкоме ХКП» стало ко времени написания информации Карделя (5 февраля 1945 г.) еще более доминирующим после того, как из него летом – осенью 1944 г. были устранены Маговац со своими сторонниками.
- 36 DCO KPJ. Knj. 22. Dok. 197. S. 522; Knj. 23. Dok. 17. S. 56; *Павловић М.* За Тита или за краља. С. 106–107.
- 37 DCO KPJ. Knj. 22. Dok. 197. S. 522.
- 38 *Павловић М.* За Тита или за краља. С. 111–113; DCO KPJ. Knj. 22. Dok. 197. S. 522.
- 39 Об этом упомянутые политики говорили западным дипломатам в Белграде. См., напр.: FRUS: The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945 (далее СВ). Wash., 1960. Vol. I. Doc. No. 553. P. 828; Doc. No. 554. P. 829; Doc. No. 557. P. 839–840.
- 40 См.: Zapisnici NKOJ-a i Privremene vlade DFJ. I deo: Zapisnici. Dok. 30, 31.
- 41 О создании и составе комитета см.: Законодавни рад Претседништва Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије и Претседништва Привремене народне скупшти-

не ДФЈ (19 новембра – 27 октобра 1945): По стенографским белешкама и другим изворима. Београд[, 1951]. С. 80.

42 *Petranović B.* Političke i pravne prilike za vreme Privremene vlade DFJ. Beograd, 1964. S. 139–142; *Павловић М.* За Тита или за краља. С. 85–88.

43 *Павловић М.* За Тита или за краља. С. 86.

44 В частности, в предложениях о пополнении АВНОЮ, которые Кардель позже, 6 августа 1945 г., послал от имени правительства Президиуму АВНОЮ, подчеркивалось, что скупщина избиралась в 1938 г. в крайне недемократических условиях. См.: Законодавни рад Претседништва Антифашистичког већа... С. 555.

45 Zapisnici NKOJ-a i Privremene vlade DFJ. I deo: Zapisnici. Dok. 31. S. 96, 97, 100.

46 *Petranović B.* Političke i pravne prilike ... S. 140; *Павловић М.* За Тита или за краља. С. 86.

47 *Petranović B.* Političke i pravne prilike ... S. 140; *Павловић М.* За Тита или за краља. С. 86–87.

48 Законодавни рад Претседништва Антифашистичког већа... С. 557.

49 Об этой новой установке коммунистического руководства сообщил тот же Кардель на созванном 14 июля общегославском совещании функционеров КПЮ, решение о проведении которого Политбюро ЦК КПЮ приняло еще месяцем раньше. См.: *Nežović S., Petranović B.* AVNOJ i revolucija. S. 791; Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ. II deo. Dok. 2. S. 68.

50 *Petranović B.* Političke i pravne prilike ... S. 140–142; *Павловић М.* За Тита или за краља. С. 87–88.

51 См., напр.: Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske 1945–1952. Sv. 1. Dok. 11. S. 61; Dok. 13. S. 69.

52 *Radelić Z.* Hrvatska seljačka stranka. S. 145.

53 *Maček V.* In the Struggle for Freedom. New York, 1957. P. 258–259. О бегстве Мачека из Загреба и Югославии см. также: *Krizman B. Pavelić u bjekstvu.* Zagreb, 1986. S. 37–46; *Perić I.* Vladko Maček: politički portret. Zagreb, 2003. S. 266.

54 Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske 1945–1952. Sv. 1. Dok. 10. S. 57.

55 *Radelić Z.* Hrvatska seljačka stranka. S. 45.

56 Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske 1945–1952. Sv. 1. Dok. 14. S. 71; *Radelić Z.* Hrvatska seljačka stranka. S. 49.

57 FRUS: 1945. Vol. V. P. 1234–1235; *Павловић В.* Од монархије до републике: САД и Југославија (1941–1945). Београд, 1998. С. 494, 496.

58 См., напр.: FRUS: CB. Vol. I. Doc. No. 553. P. 828–829; Doc. No. 554. P. 829–830; Doc. No. 557. P. 840.

59 Ibid. Doc. No. 554. P. 829; Vol. II. Doc. No. 1203. P. 1209, 1210.

60 Ibid. Vol. I. Doc. No. 557. P. 840; Vol. II. Doc. No. 1203. P. 1210; Doc. No. 1204. P. 1211–1212.

61 *Churchill W.S.* The Second World War. Vol. VI. London, 1954. P. 504; FRUS: CB. Vol. I. Doc. No. 145. P. 158–159; Doc. No. 152. P. 168–169; Doc. No. 551. P. 826–828; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. М., 1980. Т. VI: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.) (далее Берлинская (Потсдамская) конференция). Док. № 31. Приложение. С. 305.

62 Берлинская (Потсдамская) конференция). Док. № 8. С. 87–89; Док. № 42. С. 324–325; FRUS: CB. Vol. II. Third Plenary Meeting. P. 127–128; Doc. No. 1202. P. 1209.

- 63 Truman H.S. Memoirs. New York, 1955. Vol. I. P. 360.
- 64 Feis H. Between War and Peace: The Potsdam Conference. Princeton, 1960. P. 286.
- 65 Архив Југославије (далее АЈ). Ф. 836: Kancelarija Matšala Jugoslavije. КМЈ I-3-b/613; КМЈ I-3-b/602. Л. 1. О возникшей коллизии по поводу Триеста и окружающей территории, которые после Первой мировой войны стали принадлежать Италии, но которые в апреле – мае 1945 г. стали занимать войска ЮА, будет еще речь впереди.
- 66 В результате победы лейбористской партии на парламентских выборах, было 26 июля 1945 г. сформировано новое правительство, премьер-министр которого Клемент Эттли возглавил британскую делегацию в Потсдаме вместо Черчилля.
- 67 Берлинская (Потсдамская) конференция). Док. № 26. С. 264; Док. № 131. С. 426–427; Док. № 143. С. 438; FRUS: CB. Vol. II. Eleventh Plenary Meeting. P. 525; Doc. No. 1211. P. 1221–1222; Doc. No. 1423. P. 1592.
- 68 См., напр.: Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ. II deo. Dok. 3. S. 69; Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske 1945–1952. Sv. 1. Dok. 12. S. 62–65; Dok. 14. S. 70.
- 69 Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ. II deo. Dok. 1. S. 66.
- 70 FRUS: CB. Vol. I. Doc. No. 554. P. 829; Doc. No. 557. P. 839–840; Vol. II. Doc. No. 1201. P. 1207–1208.
- 71 О заседаниях правительства и частично о работе комиссии см.: Zapisnici NKOJ-a i Privremene vlade DFJ. I deo: Zapisnici. Dok. 31. S. 96–100; Dok. 32. S. 102–105; FRUS: CB. Vol. II. Doc. No. 1203. P. 1209–1210; Doc. No. 1204. P. 1210–1211.
- 72 Борба. 1945. 6, 8 VIII.
- 73 Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 4459 (ТАСС) Оп. 27/1. Д. 4860. Л. 103.
- 74 О переговорах см.: Radelić Z. Hrvatska seljačka stranka. S. 49–50.
- 75 См., напр.: Петрановић Б. Југославија на размеђу. С. 77–78; Цветковић С. Оп. cit. S. 316–317.
- 76 Программу и устав НФЮ см.: Борба, 7, 8 авг. 1945 (см. также: Петрановић Б., Зећевић М. Југославија 1918–1988. S. 771–775).
- 77 См.: Треће заседање Антифашистичког већа народног ослобођења Југославије и заседање Привремене народне скупштине. 7–26 август 1945. Стенографске белешке. Београд, б.г.
- 78 Zapisnici NKOJ-a i Privremene vlade DFJ. II deo: Prilozi. Dok. 146. S. 607–610.
- 79 См.: Павловић М. За Тита или за краља. С. 222–255, 273–290; Radelić Z. Hrvatska seljačka stranka. S. 54–64, 77–80, 83–88.
- 80 Zapisnici NKOJ-a i Privremene vlade DFJ. II deo: Prilozi. Dok. 149. S. 622; Dok. 150. S. 623.
- 81 FRUS: 1945. Vol. V. P. 1270–1272, 1274–1275.
- 82 Ibid. P. 1286–1288.
- 83 Официальные итоги выборов опубликованы в: Службени лист Демократске Федеративне Југославије. 1945. Бр. 92. Голосование проводилось резиновыми шариками. На избирательном участке у каждого кандидата имелась урна для голосования за него. Устройство урн должно было оставлять неизвестным, в какую из них брошен шарик. «Урну без списка» властям пришлось ввести, прежде всего учитывая критику со стороны Запада, после того, как оппозиция отказалась участвовать в выборах.
- 84 Напр.: Vodušek-Staričj. Оп. cit. S. 364–365; Цветковић С. Оп. cit. S. 318–321, 325–329; Павловић М. За Тита или за краља. С. 361–365.
- 85 См.: Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии / перев. с сербск. М., 1956. С. 9–44, 105–107.

86 *Radelić Z.* Hrvatska seljačka stranka. S. 100–101.

87 См., в частности: *Cvetković S.* Op. cit. S. 345–348, 357–359.

88 *Radelić Z.* Hrvatska seljačka stranka. S. 94–115; *Idem.* Božidar Magovac. S. 206–212. См. также: *Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ.* II deo. Dok. 25. S. 187.

89 *Radelić Z.* Hrvatska seljačka stranka. S. 105–107. На заседании Политбюро ЦК Компартии Хорватии 17 января 1947 г. политсекретарь ЦК и глава республиканского правительства Хорватии Владимир Бакарич, указав на активность Шутея и соответствующего круга деятелей, сказал, что «Кошутич еще не нашел свой путь и вертится между нами и ними». *Zapisnici Politbiroa Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske 1945–1952.* Sv. 1. Dok. 64. S. 307.

90 *Radelić Z.* Hrvatska seljačka stranka. S. 117–122; *Idem.* Božidar Magovac. S. 213–215; *Cvetković S.* Op. cit. S. 341.

91 Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. № 91. С. 270, 271.

92 Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1948 гг. / отв. ред. Г.П. Мурашко. М.; Новосибирск, 1997. Т. I: 1944–1948 гг. Док. № 109. С. 296–297; Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. № 83. С. 249; *Cvetković S.* Op. cit. S. 328; *Павловић М.* За Тита или за краља. С. 362–364.

93 ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 4864. Л. 165.

94 Уставотворни одбори Савезне скупштине и Скупштине народа: Стенографске белешке. 10 децембар 1945 – 4 јануар 1946. [Београд,] б.г. С. 20–40, 67–69, 502, 509–510 (см. также: *Nešović S., Petranović B.* AVNOJ i revolucija. S. 862–869).

95 Уставотворни одбори... С. 45–47, 58–67, 70–80, 99–101, 169–177, 508, 512 (см. также: *Nešović S., Petranović B.* AVNOJ i revolucija. S. 870–882).

96 Восточная Европа в документах российских архивов. Т. I. Док. № 121. С. 332–334; Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. № 83. С. 249, 250–252 (примеч. 4).

97 Восточная Европа в документах российских архивов. Т. I. Док. № 121. С. 334–335.

98 Там же. Док. № 117. С. 315–316.

99 Приняв конституцию, Учредительная скупщина продолжила в том же составе работу, но уже в качестве просто Народной скупщины ФНРЮ.

100 За этим по-прежнему пристально наблюдали не только югославское руководство, но и советская сторона, включая Министерство госбезопасности СССР. См.: Восточная Европа в документах российских архивов. Т. I. Док. № 157. С. 469–470; Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. Док. № 103. С. 310.

101 См., напр.: *Cvetković S.* Op. cit. S. 336–337.

102 *Dilas M.* Op. cit. S. 36–37.

103 Восточная Европа в документах российских архивов. Т. I. Док. № 203. С. 598.

104 *Cvetković S.* Op. cit. S. 337–338; *Radelić Z.* Hrvatska seljačka stranka. S. 104.

105 *Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ.* II deo. Dok. 25. S. 187, 188.

106 См., напр.: *Radelić Z.* Hrvatska seljačka stranka. S. 165–190.

107 *Cvetković S.* Op. cit. S. 321–322.

108 Это послание католического епископата на территории НГХ и фактически противоположные его интерпретации см., напр.: *Петрановић Б.* Југославија на размеђу. С. 128–130; *Krišto J.* Sukob simbola: Politika, vjere i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 2001. S. 387–390.

109 *Krišto J.* Op. cit. S. 405.

110 См., напр.: *Juhant J.* Cerkev in revolucija OF // Slovenski upor: Osvobodilna fronta slovenskega naroda pred pol stoletja. Ljubljana, 1991; *Godeša B.* Kdor ni z nami, je proti nam: Slovenski

izobraženci med okupatorji, Osvobodilno fronto in protirevolucionarnim taborom. Ljubljana, 1995. S. 88–92, 202–204, 212–236, 310–312, 354–355; *Mlakar B.* Slovensko domobranstvo 1943–1945: Ustanovitev, organizacija, idejno ozadje. Ljubljana, 2003. S. 90–93, 107, 223, 304–305, 315–316, 411, 439, 448, 472–475, 478.

111 *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Beograd, 1988. Knj. 2: Narodnooslobodilački rat i revolucija 1941–1945. S. 45.

112 Ibid. S. 45–47; *Hurem R.* Pokušaj nekih građanskih muslimanskih političara da Bosnu i Hercegovinu izdvoje iz okvira Nezavisne Države Hrvatske // Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine. God. XVI (1965).

113 См., напр.: DCO KPJ. Knj. 21. Dok. 17. S. 117–118; Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: Документы российских архивов / отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 2009. Т. 1: 1944–1948. Док. № 26. С. 97; *Cvetković S.* Op. cit. S. 521.

114 Власть и церковь в Восточной Европе. Т. 1. Док. № 92. С. 380; Док. № 95. С. 419; *Глигоричевић Б.* Краљ Петар II Карађорђевић у вртлогу британске политике или како је укинута монархија у Југославији. Београд, 2005. С. 250–251.

115 *Krišto J.* Op. cit. S. 407–408.

116 См.: *Ероз Тумо Ј.* [Дела. Књ.] II. Изградња нове Југославије. Књ. I. Београд, 1947. С. 27–29; *Krišto J.* Op. cit. S. 408–410.

117 См.: *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 776.

118 Напр.: *Radelić Z.* Križari: Gerila u Hrvatskoj 1945–1950. Zagreb, 2002. S. 132–137.

119 См.: *Dolinar F. M.* Sodni proces proti ljubljanskemu škofu dr. Gregoriju Rožmanu od 21. do 30. avgusta 1946 // *Zgodovinski časopis.* 1996. Št. 1–3. Рожмана приговорили к 18 годам заключения.

120 В частности, см.: Власть и церковь в Восточной Европе. Т. 1. Док. № 89, 92, 94–96, 125, 129, 134, 137, 149, 171; *Cvetković S.* Op. cit. S. 521–528.

121 См., напр.: *Radelić Z.* Križari: Gerila u Hrvatskoj 1945–1950; *Cvetković S.* Op. cit. S. 402–407.

122 См.: Издајник и ратни злочинац Дража Михаиловић пред судом: Стенографске белешке и документа са суђења Драгољубу-Дражи Михаиловићу. Београд, 1946; *Зечевић М.* Документа са суђења равногорском покрету. 10. јуни – 15. јули 1946. године. Београд, 2001. Књ. 1–3; *Димитријевић Б., Николић К.* Генерал Михаиловић – биографија. Београд, 2004. С. 475–510.

123 Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. С. 351–358; V конгрес Комунистичке партије Југославије. С. 564.

124 Службени лист Федеративне Народне Републике Југославије. 1946. Бр. 45, 62. О системе управления экономикой см., в частности: *Petranović B.* Politička i ekonomska osnova... S. 250–255; *Petranović B.* Југославија на размеђу. С. 409–419.

125 См.: Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии. С. 339–350; *Petranović B.* Југославија на размеђу. С. 387–398.

126 Напр.: *Petranović B.* Југославија на размеђу. С. 423–445; *Павловић В.* Српско село 1945–1952: откуп. Београд, 1997. С. 51–100.

127 О преобразованиях в социальной и культурной сферах см., в частности: *Petranović B.* Politička i ekonomska osnova... S. 370–394; *Idem.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Knj. 3: Socijalistička Jugoslavija 1945–1988. S. 120–161; *Petranović B.* Југославија на размеђу. С. 225–264; *Dimić Lj.* Agitprop kultura: agitpropovska faza kulturne politike u Srbiji 1945–1952. Beograd, 1988; *Gabrič A.* Slovenska agitpropovska kulturna politika 1945–1952 // *Borec.* Let. XLIII (1991). Št. 7–9.

128 Документи за борбата на македонскиот народ за самостојност и за национална држава. Т. 2: Од крајот на првата светска војна до создавањето на национална држава / уред. Х. Андонов-Полјански. Скопје, 1981. Док. 278, 296.

129 См., напр.: *Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918–1988. Knj. 3. S. 67–77.*

130 О складывании культа Тито см., в частности: *Николић К. Тито говори што народ мисли: Култ Јосипа Броза Тита 1944–1949. Београд, 2006.*

ГЛАВА 2

ИЗ ДРУЗЕЙ – ВО ВРАГИ: КОНФЛИКТ С КРЕМЛЕМ (1948–1949)

Возникновение и скрытая фаза конфликта. Взаимоотношения, начавшие в ходе войны складываться между руководимой коммунистами новой Югославией и Советским Союзом, явились первым практическим воплощением той модели отношений, которая стала затем формироваться между СССР и другими образовывавшимися в Центральной и Юго-Восточной Европе коммунистическими режимами, в рамках всего создававшегося «социалистического лагеря». Модель эта включала в себя три основополагающих компонента.

Одним из них были принципиальное единство социально-политических целей режима, существовавшего в СССР, и коммунистических партий, пришедших к власти в восточноевропейских странах, общность их основных представлений о путях и средствах достижения этих целей. Это единство выросло из доктринально-политических основ мирового коммунистического движения, утвердившихся со времен Коминтерна.

Вместе с тем в отношениях между компартиями восточноевропейских стран, равно как утверждавшимися там коммунистическими режимами, и Советским Союзом присутствовал и другой компонент – частичное несовпадение некоторых специфических устремлений, интересов каждой из сторон, их представлений, оценок по тем или иным конкретным вопросам. Однако этот компонент модели «социалистического лагеря» был, как правило, крайне ограничен в своих проявлениях. Единство целей, общность основных представлений абсолютно преобладали над частичными несовпадениями.

Такое преобладание было тем большим, что третьим, чрезвычайно важным компонентом складывавшейся модели «лагеря» были иерархичность отношений внутри него, положение в нем Советского Союза как руководящего центра. Это было, с одной стороны, продолжением традиционных идеологических и организационно-политических принципов мирового коммунистического движения, сложившихся опять-таки еще в Коминтерне. С другой стороны, эта традиция, в большей или меньшей степени воспринимавшаяся восточноевропейскими компартиями как естественная, очень усиливалась той реальной важнейшей ролью, которую играл СССР в установлении и поддержке коммунистических режимов в Центральной и Юго-Восточной Европе, в прямом патронировании им.

Для отношений между СССР и новой Югославией было характерно особенно сильное проявление первого из названных компонентов. И не только единства социально-политических целей, но и чрезвычайной общности представлений о путях, средствах, формах их достижения. Ибо КПЮ была среди восточноевропейских компартий одной из самых радикальных, в наибольшей мере тяготеющей к тогдашнему советскому образцу. Тому был ряд причин, связанных со специфическими традициями истории КПЮ, и прежде всего с ее политической практикой периода войны, когда организо-

ванная КПЮ массовая вооруженная борьба против оккупантов стала одновременно крупномасштабной гражданской войной с большинством других югославских организованных военно-политических сил. Опыт столь радикального пути, по которому югославские коммунисты пришли к власти, к тому же опыт успешный, когда они раньше компартий большинства других восточноевропейских стран установили свою абсолютную монополию в управлении государством и обществом, крайне радикализировал всю политическую линию КПЮ в первые послевоенные годы, придал ей наиболее выраженные «сталинистские» черты, что проявилось и во внутренней, и во внешней политике.

В Москве высоко оценивали внешнюю и внутреннюю политику югославского коммунистического режима, его достижения в «революционных преобразованиях», выделяли Югославию как страну, шедшую в этом отношении впереди других восточноевропейских «народных демократий». Показательны, в частности, характеристики в отношении Югославии, содержащиеся в секретных информационно-аналитических записках, которые были составлены в Отделе внешней политики ЦК ВКП (б) при подготовке к запланированному И.В. Сталиным созданию так называемого Информационного бюро коммунистических партий (Информбюро, Коминформ) из представителей ВКП (б), компартий всех, кроме Албании, восточноевропейских стран «народной демократии» и двух крупнейших западноевропейских компартий – итальянской и французской. В этих документах, появившихся на рубеже лета–осени 1947 г. и выражавших тогдашнюю советскую оценку положения и политики всех существовавших в то время зарубежных коммунистических партий, особо пристальное внимание уделялось компартиям и руководимым ими режимам восточноевропейских стран советского блока. И по сравнению с остальными Югославия получила в этом ряду наивысший балл.

В записках указывалось, что «среди стран новой народной демократии Югославия занимает бесспорно ведущее место» и «дальше других народно-демократических стран ушла вперед по пути демократического развития», как именовалось в советском лексиконе установление коммунистических режимов. Самым превосходным образом характеризовались роль и успехи КПЮ в вооруженной борьбе, развернутой в годы войны, и послевоенные достижения партии в установлении и упрочении коммунистической монополии власти, в создании соответствующей социально-экономической модели¹. Подчеркивалось, что Югославия стала первой из восточноевропейских стран, где были заложены основы нового строя путем создания еще в ходе войны «народных комитетов». Говорилось, что для других стран эта практика «в значительной мере явилась примером в разрешении вопроса о народной власти в период ожесточенной борьбы с фашизмом и реакцией»².

Какие-либо критические замечания о линии, проводившейся КПЮ в военные годы, в записках отсутствовали, а это означало – в Москве не придавали столь существенного значения тому обстоятельству, что во время войны радикализм руководства КПЮ в ряде случаев не соответствовал тогдашним советским интересам отношений с западными союзниками и вызывал возражения Кремля. Точно так же отсутствовали и критические замечания о послевоенной внутривнутриполитической линии югославского руководства. Частичный упрек высказывался лишь по поводу некоторых аспектов внутривнутрипартийного режима в самой КПЮ: «в ее организациях отсутствует полнокровная партийная работа»; ЦК, очень ограниченный по составу, «регулярных заседаний не

проводит» и «все принципиальные вопросы по руководству страной решаются в узком кругу (Тито, Кардель, Ранкович и Джилас)»; после войны прошло много времени, а так и не проведен съезд КПЮ»³. Но замечание об отсутствии «полнокровной работы» в организациях КПЮ не сопровождалось в записках даже намеком на то положение, что само существование этих организаций и членство в партии продолжали и после войны оставаться вообще законспирированными. Кратко упоминавшийся факт, что КПЮ, будучи правящей партией, не выступает, однако, публично с какими-либо решениями по управлению страной, а это делается от имени организаций Народного фронта, трактовался лишь как «своеобразная тактическая линия» КПЮ и никакой критике не подвергался⁴.

В целом высоко оценивалась в записках и югославская внешняя политика, особенно твердая позиция Белграда в противостоянии с Западом⁵. Особо подчеркивалось, что «все выступления руководящих деятелей новой Югославии» «свидетельствуют о тесной дружбе и глубокой благодарности Советскому Союзу» и что на международной арене югославы «неуклонно поддерживают все предложения советских представителей и отстаивают их точку зрения»⁶. Показательно, что при этом ничего не говорилось об имевших место сложностях в советско-югославском экономическом сотрудничестве, особенно по вопросу создания совместных акционерных обществ в различных отраслях югославской экономики, прежде всего для разработки полезных ископаемых, которое предусматривалось межправительственным соглашением, заключенным 8 июня 1946 г. Югославы настаивали, чтобы в качестве их вноса при организации обществ засчитывалась оценка стоимости недр, а советский партнер возражал⁷. На заседании Политбюро ЦК КПЮ в сентябре 1946 г. выражалось недовольство советской позицией, которая даже сравнивалась некоторыми участниками заседания с политикой «капиталистических стран», разрабатывавших до войны природные ресурсы Югославии. Об этом узнал посол СССР в Белграде⁸. Однако Сталин в итоге предпочел не обострять отношения с ближайшим союзником: 19 апреля 1947 г. в беседе с приехавшим в Москву Эдвардом Карделем он предложил вообще отказаться от создания совместных обществ, а помочь в индустриализации Югославии путем поставок в кредит оборудования и материалов, предоставления проектной и технической документации и направления специалистов для строительства предприятий⁹. Соответствующее соглашение было подписано 25 июля 1947 г.¹⁰

Все же в записках отмечалось, что по отдельным внешнеполитическим вопросам «некоторые деятели югославской компартии иногда проявляют национальную узость, не считаясь с интересами других стран и братских компартий». Речь шла, во-первых, о том, что югославское правительство «в течение длительного времени занимало неправильную позицию по вопросу о Триесте, игнорируя общие интересы демократических сил в борьбе с англо-американцами по этому вопросу». А во-вторых, говорилось о существовании «некоторых тенденций у руководителей компартии в переоценке своих достижений и стремления поставить югославскую компартию в положение своеобразной «руководящей» партии на Балканах»¹¹.

Первый из этих пунктов имел в виду то обстоятельство, что югославское руководство, энергично претендовавшее на Триест и прилегающую область, до того принадлежавшие Италии, высказывало неудовлетворенность, когда СССР, поддерживавший югославские требования, но соотносивший возможности противостояния Западу в триестском воп-

росе с более крупными советскими целями на мировой арене, шел на компромиссы, нежелательные с югославской точки зрения*.

Как видно из позиции, выраженной при составлении в ЦК ВКП (б) упомянутых выше записок в конце августа 1947 г., в Москве не забывали о «неправильных» поползновениях Белграда отстаивать свои специфические цели вопреки интересам внешней политики, проводившейся Кремлем. Но конкретно в этой связи указывалось лишь на «недопустимо резкую» критику югославской печати в адрес Итальянской коммунистической партии (ИКП) и лично ее лидера Пальмиро Тольятти за их линию в триестском вопросе, не удовлетворявшую Белград¹².

Второй пункт замечаний по поводу югославских внешнеполитических действий – о стремлении поставить КПЮ «в положение своеобразной „руководящей“ партии на Балканах»** – содержал указание на два момента. Одним из них были резкие югославские демарши в конце 1946 г., в том числе и публично в прессе, в отношении болгарского руководства в связи с тем, что в опубликованном проекте конституции Болгарии не упоминалось о македонцах как национальном меньшинстве¹³. Позиция Белграда была связана с его стремлением к тому, чтобы болгарская часть Македонии была присоединена к югославской части, имевшей статус республики в составе федеративной Югославии. Другой момент, отмеченный в советской записке, касался стремления Белграда к объединению Албании с Югославией. В этой связи в записке делался в качестве основного вывод о югославском противодействии развитию советско-албанских контактов:

* Уже упоминавшееся в предыдущих главах стремление к тому, чтобы принадлежавшая до войны Италии территория со значительным словенским и хорватским населением была присоединена к Югославии, югославское коммунистическое руководство попыталось явочным порядком осуществить в конце апреля – начале мая 1945 г. военным путем. Но столкнулось с противодействием западных союзников, тоже ставших занимать своими войсками часть этой территории. В итоге разразившегося триестского кризиса спорная область, включавшая и Триест, была разделена на две зоны: в одной был установлен западный военный контроль, в другой – югославский. Вопрос об окончательном разграничении между Югославией и Италией стал предметом дипломатического противоборства между СССР и западными державами с конца весны 1945 г. до начала 1947 г., в том числе в межсоюзническом Совете министров иностранных дел и на Парижской мирной конференции 1946 г. В итоге югославские требования были удовлетворены, но не в полном объеме. См., в частности: *Gibianskii L. The Trieste Issue and the Soviet Union in the 1940s // Vojna in mir na Primorskem: od kapitulacije Italije leta 1943 do Londonskega memoranduma leta 1954 / zbrali in uredili J. Pirjevec, G. Bajc, B. Klabjan. Koper, 2005.*

** Еще с конца 1942 г., а особенно с 1943 г. югославское коммунистическое руководство стало вынашивать идею создания на Балканах будущего федеративного объединения государств, где к власти придут компартии. При этом будущий югославский коммунистический режим оно видело как центр такого федеративного объединения. Центральное место здесь заняли планы объединения с Югославией Албании и Болгарии. С 1944-1945 гг., когда в Албании и Болгарии были установлены режимы «народной демократии», югославская политика была направлена на их фактическое включение в Югославию. Идея такой расширенной федерации активно обсуждалась между Белградом, Тираной и Софией при участии Москвы. См.: *Гибианский Л.Я. Идея балканского объединения и планы ее осуществления в 40-е годы XX века // Вопросы истории. 2001. № 11/12.*

«Руководители югославской компартии очень ревниво относятся к тому, что Албания стремится иметь непосредственные связи с Советским Союзом. По их мнению, Албания должна иметь связи с Советским Союзом только через югославское правительство»¹⁴.

Последнее непосредственно затрагивало советскую роль в «социалистическом лагере». Югославская позиция вытекала из того патронирующего положения, которое КПЮ занимала по отношению к КП Албании со времени войны и которое затем превратилось в патронирование югославского коммунистического режима над албанским. Советское руководство было еще в период войны осведомлено о таком положении и относилось к этому позитивно¹⁵. Сразу после войны связи между Москвой и Тираной также осуществлялись через югославов, в частности советские поставки вооружения¹⁶. На встрече с Тито в мае 1946 г. Сталин высказался за сохранение этого порядка. Одновременно он не возражал и против югославского стремления к включению Албании в федеративную Югославию, но предостерег от преждевременности такого шага до решения вопроса о Триесте¹⁷. Однако затем, особенно после визитов руководящих деятелей Албании в Москву в мае–июле 1947 г., стали устанавливаться и непосредственные советско-албанские связи, в частности в экономике, включая направление в Албанию советских хозяйственных специалистов. Это вызывало беспокойство югославов как нарушение их преимущественных позиций в Албании¹⁸. Из записок, составлявшихся в Отделе внешней политики ЦК ВКП (б) в конце августа 1947 г., видно, что югославские амбиции в Албании и особенно стремление держать связи Албании с СССР в своих руках оценивались Москвой отрицательно.

Однако из тех же документов видно, что упомянутые замечания по отдельным аспектам югославской внешнеполитической позиции отнюдь не определяли общую советскую оценку положения в Югославии и политики югославского руководства, а наоборот, в целом эта оценка была чрезвычайно высокой. И сама критика в адрес Белграда была очень умеренной в сравнении с куда более жесткими характеристиками ряда других восточноевропейских компартий¹⁹. Но если сравнительный анализ сделанных в записках оценок свидетельствует об отсутствии какого-либо особенно критического отношения к политике Белграда, то одно замечание по адресу югославского руководства было особым. Оно касалось вопроса, о котором не было и речи применительно к остальным странам советского блока: стремления одного из восточноевропейских коммунистических режимов играть руководящую роль по отношению к некоторым другим компартиям и «народным демократиям». Такое стремление противоречило отстаивавшейся Кремлем иерархической модели «лагеря» с одним центром в Москве.

В советских верхах были очень чувствительны ко всему, в чем усматривали опасность нарушения этой иерархии. Как раз накануне того, как были составлены названные выше записки, Сталин остро отреагировал на появившееся вопреки советскому запрету заявление правительств Болгарии и Югославии от 1 августа 1947 г. о том, что они подготовили и согласовали, т.е. фактически парафировали, договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Москва, которую Тито через посла СССР, а коммунистический руководитель Болгарии Георгий Димитров телеграммой Сталину уведомили в начале июля о намерении подписать договор²⁰, считала необходимым подождать с этим до мирного договора с Болгарией. И хотя мирный договор был подписан в феврале 1947 г., он еще не был ратифицирован. Поэтому Сталин 5 июля ответил Димитрову, что подписание болгаро-югославского договора следует отложить до вступления мирного договора в силу²¹.

Однако Димитров, считавший, что болгаро-югославский договор можно подписать, не дожидаясь ратификации мирного договора, и Тито, согласившийся с ним²², сочли тем

не менее возможным парафировать договор и объявить об этом. Такой шаг означал нарушение указания Сталина. 12 августа он в идентичных посланиях, адресованных Тито и Димитрову, резко осудил их акцию²³.

Этого оказалось достаточно, чтобы те дисциплинированно приняли критику и действовали дальше в вопросе о болгарско-югославском договоре в соответствии со сталинскими директивами²⁴. Тем самым инцидент, сохранявшийся всеми тремя сторонами в тайне, был как будто исчерпан. Во всяком случае, в упомянутых выше записках, составленных в Отделе внешней политики ЦК ВКП (б) в августе 1947 г., он не фигурировал.

Что же касалось тех критических замечаний по поводу Югославии, которые содержались в записках, то до начала 1948 г. был только один случай продолжения такой критики, когда, имея в виду претензии Белграда к Москве в связи с триестским вопросом, в одном из проектов доклада А.А. Жданова, готовившегося для учредительного совещания Коминформа, говорилось о югославских «ошибках слева». Однако при доработке доклада это было вычеркнуто и в окончательный его вариант, зачитанный на совещании, не вошло²⁵.

Позиция югославских делегатов на самом совещании в Шклярской Порембе (Польша), где был учрежден Коминформ, характеризовалась в сообщениях делегатов от ВКП (б), членов Политбюро А.А. Жданова и Г.М. Маленкова Сталину самым положительным образом²⁶. Очень позитивно югославская политика оценивалась и после совещания – как в публичной советской пропаганде, в частности в установочных статьях в журнале «Большевик» в конце 1947 г.²⁷, так и в записках, составленных в отделе внешней политики ЦК ВКП (б) в октябре 1947 г. и в январе 1948 г.²⁸ Причем в этих записках, в отличие от той, что была написана в августе 1947 г., вообще отсутствовала критика.

Исследованные до сих пор архивные документы не содержат и данных о какой-либо видимой реакции Москвы на донесения советского посольства в Белграде, в которых югославская сторона обвинялась в «местном национализме», «национальной ограниченности». Подобные донесения, в которых в качестве доказательства говорилось о переоценке югославами значения и опыта собственной вооруженной борьбы 1941–1945 гг. и недооценке советского военного опыта, роли СССР в освобождении Югославии от оккупации, поступали от посольства и раньше²⁹. Но осенью 1947 – в январе 1948 г. данного рода информация заметно ужесточилась. В частности такие обвинения посол А.И. Лаврентьев выдвинул в отношении самого Тито в связи с его докладом на II съезде Народного фронта Югославии 27 сентября 1947 г.³⁰ Эта линия была продолжена в донесениях, которые Лаврентьев и советский военный атташе в Белграде генерал-майор Г.С. Сидорович направили в первой декаде января 1948 г. в Москву по поводу ряда выступлений Тито и ведущих югославских военных деятелей в конце декабря 1947 г. На сей раз в оценках, исходивших от посольства, говорилось даже о непонимании югославами «существа марксизма-ленинизма», отсутствии четкой идейно-политической ориентации, а действительно имевший место «вождизм» Тито противопоставлялся Лаврентьевым «законной» харизме Сталина³¹.

Мы уже имели случай ставить вопрос о том, чем были вызваны столь резкие сообщения Лаврентьева и Сидоровича и являлись ли они результатом их собственной инициативы или поощрялись, а то и прямо инспирировались кем-то в Москве³². Но изученные до сих пор архивные материалы не содержат на сей счет никаких данных. Из материалов видно лишь, что после получения в Москве шифровки Лаврентьева по поводу доклада, сделанного Тито на съезде Народного фронта, заведующий Отделом балканских стран МИД СССР А.А. Лаврищев 8 октября в докладной записке Молотову указал на тенден-

циозный характер утверждения посла, их несоответствие реальному содержанию того, что сказал Тито³³.

Между тем югославская обеспокоенность установлением непосредственных советско-албанских связей, возраставшая после визита в Москву в июле 1947 г. главы компартии (КПА) и правительства Албании Энвера Ходжи и следующего за ним по рангу в албанском руководстве Кочи Дзодзе, серьезно усиливалась сведениями о том, что влиятельный член Политбюро ЦК КПА, министр экономики Н. Спиру, обвиненный Белградом в ноябре 1947 г. в саботаже экономического сотрудничества с Югославией, поддерживал особые контакты с советскими представителями в Тиране. И хотя Спиру, не дожидаясь рассмотрения обвинений против него в Политбюро ЦК КПА, покончил с собой, югославы в начале декабря через посла в Москве В. Поповича подняли этот вопрос перед советским руководством. Они пытались получить согласие на отзыв советских специалистов из Албании и на меры по усилению там преимущественной роли Югославии³⁴.

В ответ Сталин предложил югославам прислать в Москву Джиласа или другого «ответственного товарища», «наиболее осведомленного о положении в Албании»³⁵. В середине января 1948 г. Джиласу на встрече со Сталиным, Молотовым и Ждановым было выражено советское согласие на то, чтобы развитие Албании было полностью связано с Югославией, вплоть до объединения, а деятельность советских военных и экономических советников в Албании согласовывалась с югославами. Но, как и на встрече с Тито в мае 1946 г., Сталин заявил о необходимости не спешить с формальным объединением Албании с Югославией, а подождать подходящего момента³⁶. Изученные пока архивные документы не дают ответа на вопрос, отражало ли это в обоих случаях его действительные намерения или было тактической игрой с югославами.

Но 19 января, получив из Москвы сообщение Джиласа о советской позиции, Тито направил Ходже предложение предоставить в южной Албании базу для ввода югославской дивизии, сославшись на сведения об опасности греческого вторжения в Албанию при поддержке «англо-американцев». Ходжа ответил положительно³⁷. Согласно Джиласу, на самом деле Тито хотел вводом войск упрочить позиции Югославии в Албании³⁸. Так или нет, но Тито принял решение без консультации с Москвой и не уведомил ее о своем обращении к Ходже.

Из документов, опубликованных в послесоветские годы, известно, что Москва, узнав об этом, резко осудила такое поведение югославского руководства и заявила о «серьезных разногласиях» с ним «в понимании отношений между нашими странами». Тито в духе иерархической дисциплины признал «ошибку» и отказался от ввода войск в Албанию, но Кремль не удовлетворился и потребовал приезда «ответственных представителей югославского правительства» в Москву для обсуждения «разногласий»³⁹.

Острота советской реакции серьезно усилилась, очевидно, после одновременного заявления Димитрова журналистам 17 января 1948 г. о будущей федерации восточно-европейских стран, которое тоже не было санкционировано Москвой. Хотя в ответ на резкую советскую критику Димитров сразу выразил публично согласие с ней⁴⁰ и поспешил специально заверить советское руководство и лично Сталина в своем полном послушании⁴¹, это не удовлетворило Кремль⁴². И болгары были тоже вызваны в Москву одновременно с югославами.

10 февраля 1948 г на совещании у Сталина (присутствовали также Молотов, Жданов, Маленков, секретарь ЦК ВКП (б) М.А. Суслов, а также замминистра иностранных дел В.А. Зорин) с болгарской и югославской делегациями, которые возглавлялись, соответственно, Димитровым и Карделем, последовала жесткая проработка советским

руководством болгар и югославов за несанкционированные Москвой объявление о болгаро-югославском договоре в августе 1947 г., заявление Димитрова о федерации в Восточной Европе и за попытку ввода югославской дивизии в Албанию. Критика этих действий аргументировалась их ошибочностью с точки зрения напряженных отношений с Западом, но основной пафос критики состоял в недопустимости такого рода шагов без ведома Кремля. Югославская и болгарская делегации признали в целом «ошибки»⁴³. Результатом совещания стало подписание 11 февраля, по советскому предложению, протоколов с обязательством о консультациях по международным вопросам между СССР и Югославией и между СССР и Болгарией⁴⁴.

На этом совещании Сталин решительно подтвердил запрет на размещение югославских войск в Албании. Он прозрачно намекнул на свое подозрение, что «югославы боятся русских в Албании и из-за этого торопятся ввести туда войска». С одной стороны, вновь предостерегая против поспешности в вопросе объединения Албании с Югославией, а с другой – резко раскритиковав высказанную Димитровым идею о будущей федерации всех восточноевропейских стран, Сталин неожиданно высказался о возможности создания в этом регионе трех федераций – польско-чехословацкой, румыно-венгерской и югославо-болгаро-албанской. Но относительно первых двух он не упоминал никаких сроков и в качестве ближайшей задачи назвал лишь образование третьей. Причем настаивал, чтобы безотлагательно начинать с федерирования Югославии и Болгарии, к которым затем присоединилась бы и Албания. Практически этот замысел оказывался противовесом, во-первых, идее Димитрова об общей восточноевропейской федерации, во-вторых, столь желательному для Белграда объединению Албании с Югославией. Последнее не только опять откладывалось на потом, но и вообще заменялось: Югославия вместо фактического поглощения Албании сама оказывалась лишь одним из трех членов предлагаемой Сталиным федерации.

На заседании Политбюро ЦК КПЮ 19 февраля, где отчитывалась вернувшаяся из Москвы югославская делегация, было решено не соглашаться на федерацию с Болгарией. Это было подтверждено на расширенном заседании политбюро 1 марта, где формулировался вывод, что из-за особого советского влияния в Болгарии федерация с ней может стать средством нежелательного контроля и над Югославией. На том же заседании был подтвержден курс на дальнейшее отстаивание преимущественных позиций Югославии в Албании⁴⁵. В конце февраля – начале марта под воздействием Белграда албанское руководство, не знавшее о московской встрече 10 февраля, поставило перед СССР опять вопрос о необходимости ввода югославских войск в Албанию из-за греческой опасности, а югославы стали склонять Тирану, чтобы та выступила и с предложением об объединении Албании с Югославией⁴⁶.

Кроме того на состоявшейся 21 февраля в Белграде встрече Тито, Карделя и Джиласа с генеральным секретарем компартии Греции Н. Захариадисом и членом Политбюро, секретарем ЦК КПГ Я. Иоаннидисом югославы, хотя и известили собеседников о мнении Сталина в пользу прекращения партизанской борьбы в Греции, тем не менее вопреки ему согласились, как свидетельствует запись беседы, на уговоры со стороны руководителей КПГ о необходимости продолжить партизанское движение и оказание ему помощи из Югославии⁴⁷. Разумеется, согласие было вызвано тем, что это совпадало с позицией самого югославского руководства.

Таким образом, Белград, до того, как правило, подчинявшийся иерархии отношений внутри «социалистического лагеря», на сей раз, исходя из своих конкретных интересов,

стал действовать вопреки советским указаниям. Это сочеталось со сделанным на расширенном заседании Политбюро ЦК КПЮ 1 марта более общим выводом о том, что СССР не хочет считаться с интересами Югославии, как и других «народных демократий», стремится навязать им свои устремления, оказывает давление. В качестве примера такого давления расценивалось в частности то, что с конца января – начала февраля 1948 г. советской стороной, вопреки первоначальным обещаниям, стало тормозиться решение вопросов о новых советских поставках вооружений для югославской армии и о дальнейшем развитии торгово-экономического сотрудничества. На заседании было решено ориентироваться в развитии экономики и укреплении армии на собственные силы⁴⁸.

Член Политбюро ЦК КПЮ, министр финансов Сретен Жуйович, и прежде не раз сообщавший послу СССР о происходившем на заседаниях политбюро⁴⁹, подробно информировал Лаврентьева о заседании 1 марта (на заседании 19 февраля он не был), а тот сразу же послал донесение в Москву⁵⁰. Для Кремля югославская позиция представляла собой недопустимый вызов советскому господству в «социалистическом лагере». В шифровке, направленной 7 марта Лаврентьеву, Молотов поручал передать Жуйовичу благодарность ЦК ВКП (б) за разоблачение, как формулировалось в телеграмме, «многих друзей Советского Союза из югославского ЦК»⁵¹.

В югославской историографии и мемуаристике 1950–1980-х годов дело рисовалось так, что уже сразу после совещания 10 февраля 1948 г. его югославские участники почувствовали резкую отчужденность, если не враждебность, с советской стороны, а Молотов при подписании 11 февраля советско-югославского протокола о взаимных консультациях был нарочито груб с Карделем, так что тот даже не мог побеседовать с ним⁵². Таким изображением создавалось впечатление, что в советских верхах еще тогда запрограммировали конфликт с Белградом. Но из архивных документов выясняется, что, наоборот, 11 февраля между Карделем и Молотовым была беседа, во время которой, помимо вопросов экономического и военного сотрудничества, югославский представитель сообщил о желании Тито приехать в марте или апреле в Москву, чтобы устранить недоразумения, возникшие в связи с Албанией. 13 февраля, встретившись с Карделем вновь (об этом югославы вообще не упоминали), Молотов сказал о положительном отношении Сталина к приезду Тито, а также о том, что рассмотрение вопросов военно-экономического сотрудничества, в которых были заинтересованы югославы, будет продолжено⁵³.

Обращает на себя внимание и другое. 23 февраля в Белграде, беседуя с Лаврентьевым, Джилас выразил недоумение, почему в СССР не издан доклад Тито на II съезде Народного фронта Югославии. И спросил, не вызвано ли это советским несогласием с некоторыми положениями доклада⁵⁴? Возможно, югославы что-то узнали о донесении советского посла по поводу этого доклада. Получив телеграмму Лаврентьева о вопросе, который был задан Джиласом, Отдел балканских стран МИД СССР с санкции заместителя министра Зорина, участника совещания 10 февраля, обратился в начале марта в Госполитиздат с предложением срочно включить упомянутый доклад Тито в сборник его статей и речей, который тогда готовился в переводе на русский язык к печати⁵⁵. Все это должно свидетельствовать, скорее, о том, что Москва, стремившаяся добиться от Белграда подчинения своим требованиям, не была тем не менее запрограммирована на конфликт с Тито.

Но поступившая от Лаврентьева информация Жуйовича резко меняла ситуацию. А 9 марта Лаврентьев телеграфировал в Москву о новом «криминале»: вопреки существ-

вовавшей до того практике, в Экономическом совете Югославии отказались давать советскому торгпреду служебные данные об экономике страны⁵⁶. Согласно последующим югославским объяснениям, торгпреду не отказали, а лишь адресовали выше – в ЦК КПЮ или правительство⁵⁷. В сообщении посла об этом не упоминалось, а делался вывод, что отказ «отражает изменения» в отношении югославских руководителей к СССР⁵⁸.

Лаврентьева вызвали в Москву⁵⁹, где 12 марта он докладывал на заседании у Сталина, в котором участвовало почти все Политбюро ЦК ВКП(б)⁶⁰. Состав участников свидетельствовал о чрезвычайном значении, которое придавал Кремль возникшей ситуации. Судя по упомянутой выше телеграмме Молотова Лаврентьеву 7 марта, к тому времени советское руководство уже склонилось к жестко негативной оценке позиции Белграда. Очевидно, в прямой связи с этим было и резкое усиление критики в материалах Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) по поводу югославской линии в Албании. Если посланная отделом Сталину и его ближайшему окружению 15 января 1948 г. записка, излагавшая сведения, полученные от направленного перед тем в Албанию референта отдела П.И. Манчха, была подчеркнута информативна и лишена явно выраженных оценок, то отправленная вверх 10 марта новая записка со сходной информацией того же Манчха уже крайне отрицательно характеризовала югославскую политику⁶¹.

Однако, как видно, на заседании у Сталина 12 марта было решено пока воздержаться от резких шагов в отношении руководства Югославии. Показателем такого решения была адресованная Тито телеграмма Молотова от 13 марта, в которой давался ответ на выраженные Карделем и Тито Лаврентьеву в конце февраля – начале марта претензии, касавшиеся в основном упомянутого выше торможения советской стороной решения вопросов военного и экономического сотрудничества, а также двусмысленных высказываний советского поверенного в делах в Албании о Тито⁶². В телеграмме опровергались беспокоившие югославов сведения о высказываниях советского дипломата в Тиране и выражалась как будто готовность СССР приступить к решению экономических и военных вопросов⁶³.

Получив телеграмму, Тито написал датированное 18 марта письмо Молотову, в котором предложил как можно скорее продолжить переговоры по вопросам экономического и военного сотрудничества⁶⁴. Однако то ли телеграмма Молотова от 13 марта была всего лишь краткой тактической паузой перед советским ударом, то ли за эти дни в Кремле решили больше не ждать, но Тито еще не успел отправить свое письмо, как советское посольство вручило ему новую телеграмму Молотова, датированную 18 марта. В ней говорилось, что югославский отказ предоставить советским представителям запрашиваемую ими информацию об экономике Югославии правительство СССР рассматривает «как акт недоверия к советским работникам в Югославии и как проявление недружелюбия в отношении СССР», а потому немедленно отзывает всех советских гражданских специалистов, работавших в Югославии. Одновременно Тито был уведомлен и о немедленном отзыве из Югославии всех советских военных советников и инструкторов⁶⁵.

В тот же день, 18 марта, Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) представил Суслову подготовленную по заданию руководства обширную записку «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики». В ней югославские лидеры обвинялись в том, что при определении практических задач и перспектив развития они «игнорируют марксистско-ленинскую теорию и не пользуются ею как руководством к действию»; проявляют «неправильное, недоброжелательное отношение» к СССР и ВКП(б) – «испытанному и признанному руководителю

всех прогрессивных антиимпериалистических сил мира»; недооценивают трудности строительства социализма в Югославии, в частности возможности роста кулачества, из-за чего допускают «оппортунизм в политике по отношению к кулаку»; проводят, «по существу, ликвидаторскую политику» в организационном построении КПЮ, «растворение партии в Народном фронте»; «опьяненные успехами в деле укрепления народно-демократического государства и создания предпосылок для социалистического строительства, ... переоценивают свои достижения и допускают элементы авантюризма в оценке своих дальнейших перспектив и в проведении внешней политики, претендуя на руководящую роль на Балканах и в придунайских странах»⁶⁶.

Частично в этих обвинениях использовалось то, что содержалось в упоминавшихся выше донесениях Лаврентьева и Сидоровича, частично – крайне ужесточались критические замечания, извлеченные из августовской записки 1947 г. Но в целом утверждения об «антимарксистских установках», особенно во внутренней политике югославского руководства, содержащиеся в записке от 18 марта, решительно противоречили прежним оценкам, которые были даны как в записке от августа 1947 г., так и в отмечавшихся нами записках, составленных в октябре 1947 г. и в январе 1948 г. О подавляющем большинстве обвинений не было раньше и речи. А то, что в записке от 18 марта инкриминировалось югославскому руководству как «растворение партии в Народном фронте», объяснялось, как мы помним, в августовской записке 1947 г. лишь «своеобразной тактической линией» и никакой критике не подвергалось. Наряду с отзывом из Югославии гражданских и военных специалистов, подготовка записки от 18 марта свидетельствовала о принятом в Кремле решении прибегнуть к радикальным мерам для пресечения белградской «крамолы», в том числе употребив испытанный прием – сфабрикованные политико-идеологические обвинения.

Заготовка, сделанная в записке от 18 марта, была пущена в ход не сразу – в Кремле ждали реакции Белграда на отзыв советских специалистов. В ответе на телеграмму Молотова относительно отзыва, написанном 20 марта, Тито не проявил никаких признаков покаяния, а отвел обвинения в недружелюбии к СССР и, как равный с Москвой, высказался за устранение всего, что мешает дружественным отношениям между двумя странами⁶⁷. Хотя 25 марта Кардель просил Лаврентьева об оставлении в Югославии хотя бы части гражданских специалистов⁶⁸, из ответа Тито, полученного Молотовым 24 марта от югославского посла в СССР Поповича, было очевидно, что первый советский удар не заставил югославское руководство сдаться, признав себя виновным. А только последнее, как видно из беседы Молотова с Поповичем, устраивало Кремль⁶⁹.

И тогда был нанесен следующий удар: 27 марта на имя Тито и ЦК КПЮ было направлено письмо, составленное на основе записки от 18 марта и подписанное от имени ЦК ВКП(б) Сталиным и Молотовым. В нем югославскому руководству инкриминировались антисоветская линия, оппортунистические ошибки, ревизия важнейших положений марксизма-ленинизма⁷⁰. В сущности, Белграду объявлялась, хотя пока и скрытно от внешнего мира, острая политико-идеологическая борьба. Характерно, что, когда 31 марта в Кремле рассматривался вопрос о присуждении Сталинских премий, Сталин счел невозможным отметить премией книгу стихов известного поэта Николая Тихонова, занимавшего привилегированное положение, только из-за ее югославской тематики⁷¹.

Белград, поставленный перед выбором между полной сдачей на милость или немилость кремлевского властителя и решительной защитой своих позиций, отверг обвинения и сам предъявил советской стороне счет за действия, направленные против Югославии. Это было сделано в ответном письме Сталину и Молотову от 13 апреля, которое

подписали от имени ЦК КПЮ Тито и Кардель и которое утвердил пленум ЦК КПЮ, состоявшийся 12–13 апреля⁷². Результатом стало дальнейшее усиление враждебности Москвы. 23 апреля через Лаврентьева правительство Югославии было уведомлено о разрыве советской стороной двустороннего протокола о консультациях от 11 февраля 1948 г. В качестве формального повода было использовано то обстоятельство, что месяцем раньше в ответ на публичное выступление США, Англии и Франции за пересмотр мирного договора с Италией в отношении Триеста югославское правительство заявило о своей позиции по этому вопросу, не проконсультировавшись предварительно с Москвой⁷³. Хотя югославы пошли на то, чтобы частично согласиться с изъясном в своих действиях в этом случае, тем не менее их обращения к СССР с предложением не разрывать протокол остались безрезультатными⁷⁴.

24 апреля было оформлено решение Политбюро ЦК ВКП(б), предписывавшее задержать отправку в Югославию технического имущества, которое предназначалось в качестве взноса СССР в совместные акционерные советско-югославские авиационное и парходное общества, и отменить посылку советских специалистов для работы по строительству судоремонтного завода парходного общества⁷⁵. Параллельно шло еще большее ужесточение политико-идеологических обвинений: это было сделано в письмах за подписями Сталина и Молотова в адрес ЦК КПЮ от 4 и 22 мая. Югославским руководителям приписывался уже отход от марксизма-ленинизма, переход к национализму, их позиция зачислялась в один ряд со взглядами Бернштейна, меньшевиков, Бухарина, делались сравнения с Троцким⁷⁶.

В этой секретной переписке советская сторона ни словом не упоминала, однако, о претензиях к югославскому руководству по части балканской политики Белграда, т.е. об основных непосредственных причинах, вызвавших кризис в советско-югославских отношениях. А общие политико-идеологические обвинения в оппортунизме и отходе от марксизма-ленинизма не соответствовали реалиям ни внутренней, ни внешней политики коммунистического режима Югославии. Действительности отвечало лишь то, что говорилось в советских письмах об антидемократических порядках внутри КПЮ и о полусекретном характере ее деятельности. Но заботой Кремля была, конечно, отнюдь не демократия в КПЮ, и это обвинение призвано было лишь подкрепить общую атаку на югославское руководство.

В Москве, начиная эту атаку, рассчитывали, помимо прочего, на перспективу использования, во-первых, советского влияния в самой КПЮ, в том числе и среди ее видных деятелей, во-вторых, – давления с помощью Коминформа.

Первое было, в частности, связано с позицией упоминавшегося выше Жуйовича, поддерживавшего негласную связь с посольством СССР в Белграде и обсуждавшего с советскими дипломатами возможности шагов, направленных против линии Тито и его ближайшего окружения⁷⁷. Но открытое выступление, на которое решился Жуйович на пленуме ЦК КПЮ 12–13 апреля, не дало никаких результатов, он остался в одиночестве и был исключен из ЦК⁷⁸. Позже его исключили из партии и 7 мая арестовали. Вопрос об аресте Жуйовича, а также другого видного деятеля КПЮ А. Хебранга, которого Тито обвинил заодно с Жуйовичем (судя по ряду данных, безосновательно), стал в июне 1948 г. накануне второго совещания Коминформа, предметом особенно острой переписки между советским и югославским руководством⁷⁹. Однако до совещания Коминформа никаких других выступлений внутри КПЮ против позиции югославской верхушки во главе с Тито организовать не удалось.

Что же касалось Коминформа, то он был задействован сразу: свое первое письмо от 27 марта советская сторона, не уведомляя об этом Белград, тут же разослала лидерам восточноевропейских компартий, входивших в Коминформ⁸⁰. Они должны были последовать за Москвой и присоединиться к осуждению югославы. А этим, с одной стороны, усиливалось политическое давление на югославское руководство, с другой – возникал серьезный дополнительный инструмент воздействия на самих коммунистических деятелей остальных стран Восточной Европы, положение в которых также тревожило Кремль.

Почти параллельно с подготовкой записки о КПЮ от 18 марта в Отделе внешней политики ЦК ВКП (б) готовились по заданию во многом аналогичные материалы относительно компартий Польши (ППР), Чехословакии (КПЧ), а также Венгрии (КПВ). 5 апреля Суслову были представлены записки «Об антимарксистских идеологических установках руководства ППР»⁸¹ и «О некоторых ошибках коммунистической партии Чехословакии»⁸². Они писались в марте: один из вариантов записки о ППР, предшествовавший окончательному, датирован 24 марта⁸³. В марте же в отделе была составлена и записка «О националистических ошибках руководства Венгерской компартии и буржуазном влиянии в венгерской коммунистической печати»⁸⁴.

Но обвинениям в отношении руководителей ППР, КПЧ и КПВ не был дан тогда дальнейший ход. Очевидно, заготовки были сделаны прежде всего на случай, если те вдруг не захотят присоединиться к атаке на Белград. А такого рода подозрения в их адрес не были абсолютно беспочвенными. Из архивных документов видно, что, получив копии советского письма югославам от 27 марта, большинство лидеров восточноевропейских компартий-членов Коминформа не торопились реагировать на него так, как нужно было Кремлю.

Политбюро ЦК Болгарской рабочей партии (коммунисты), хотя и приняло 6 апреля решение о солидарности с советской позицией, не сочло, однако, необходимым посылать его в Москву, а вместо этого лидер БРП (к) Димитров, который должен был полторы недели спустя отправиться во главе правительственной делегации с официальным визитом в Чехословакию и в связи с этим проезжать через Югославию, выразил желание задержаться на обратном пути в Белграде для переговоров⁸⁵. Руководители же польской, румынской и чехословацкой партий сначала вообще не считали нужным принимать решения по поводу советского письма. Объясняя немного позже такое поведение, например, председатель ЦК КПЧ К. Готвальд в беседе с референтом Отдела внешней политики ЦК ВКП (б) А.И. Антиповым 17 апреля 1948 г. оправдывался тем, что руководство КПЧ сразу же целиком поддержало советскую точку зрения, но не думало, что по такому случаю требуется какое-то специальное решение⁸⁶.

Из пяти восточноевропейских партий-участниц Коминформа, лидерам которых советское руководство разослало копии письма от 27 марта, лишь венгры сразу же отреагировали так, как хотела Москва. Хотя до того, как разразился советско-югославский конфликт, верхушка КПВ особенно восхваляла югославский опыт и часто ездила в Белград за консультациями⁸⁷, Политбюро партии, получив советское письмо, развернулось на 180 градусов. Уже 8 апреля руководство венгерских коммунистов приняло решение с резким осуждением югославы и поспешило отправить его в ЦК ВКП (б), специально указав, что советская сторона может сообщить его другим компартиям, получившим копии упомянутого письма. Венгерский документ был немедленно переслан из ЦК ВКП (б) не только в Белград, являвшийся главной целью давления, но и другим компартиям, о которых шла речь⁸⁸.

Только получив подобное напоминание, те последовали венгерскому примеру. Готвальд, как только 17 апреля копия решения венгров была ему вручена упомянутым выше Антиповым, тут же заявил, что в ближайшие дни президиум ЦК КПЧ обсудит этот вопрос. Так и было сделано 19 апреля, когда было принято решение, направленное в Москву 23 апреля⁸⁹. 18 апреля Димитров направил в ЦК ВКП (б) резолюцию болгарского Политбюро от 6 апреля, на следующий день, 19 апреля, Гомулка послал решение, принятое Политбюро ЦК ППР, а 22 апреля постановление по поводу советских претензий к югославскому руководству было принято на заседании членов Политбюро ЦК Румынской рабочей партии (РРП) и отправлено в Москву. Во всех упомянутых документах выражалось осуждение лидеров КПЮ и заявлялось о поддержке советской позиции. Москва пересылала эти резолюции в ЦК КПЮ⁹⁰.

Обеспечив подключение восточноевропейских членов Коминформа, советское руководство в письме от 4 мая за подписями Сталина и Молотова, адресованном в ЦК КПЮ, заявило, что предлагает вопрос о «советско-югославских разногласиях» рассмотреть «на ближайшем заседании Информбюро». Но 17 мая в ответном письме, подписанном Тито и Карделем, югославы, еще прежде предлагавшие прислать представителей ЦК ВКП (б) в Белград для рассмотрения возникшего конфликта на месте, сообщили об отказе обсуждать проблему на заседании Коминформа, поскольку другие партии-члены Информбюро уже заранее заняли антиюгославскую позицию лишь на основании советских обвинений⁹¹.

Тем не менее 18 мая на имя Тито было отправлено новое письмо, на сей раз за подписью Суслова, с предложением ЦК ВКП (б) «созвать в первой половине июня, примерно 8–10 июня, Информбюро девяти компартий для обсуждения вопроса о положении в компартии Югославии». Проведение заседания намечалось «в одной из южных областей Украины». Такие же письма, текст которых был составлен Ждановым, Москва разослала руководителям других партий Коминформа⁹². К тому времени согласие с советскими обвинениями лидеров КПЮ выразили и западноевропейские члены Коминформа: соответствующие решения были приняты в конце апреля – первой половине мая руководящими органами компартий Франции и Италии⁹³.

20 мая Тито в ответе Суслову подтвердил отказ КПЮ от обсуждения возникшего конфликта Коминформом. Но в письме от 22 мая за подписями Сталина и Молотова ЦК КПЮ был уведомлен о том, что «ЦК ВКП (б) настаивает на обсуждении вопроса о положении в югославской компартии на ближайшем заседании Информбюро», которое переносится «на вторую половину июня». Подчеркивалось, что обсуждение должно быть «вне зависимости от того, явятся или не явятся представители ЦК КПЮ», а «отказ от явки на Информбюро означает, что ЦК КПЮ стал на путь откола от единого социалистического фронта народных демократий с Советским Союзом», на путь «измены делу международной солидарности трудящихся»⁹⁴.

Руководители всех других партий Коминформа согласились с советским предложением⁹⁵. Упомянутая не раз в историографии попытка польского коммунистического лидера Владислава Гомулки «посредничать» между Москвой и Белградом, предпринятая в конце мая, на самом деле свелась к тому, что он обратился 25 мая к ЦК КПЮ, доказывая необходимость югославского участия в предстоявшем совещании Коминформа. При этом Гомулка предварительно, 7 мая, обратился к Жданову, стремясь выяснить, считает ли советская сторона целесообразной такую попытку, а затем и информировал ЦК ВКП (б) о своей переписке с Белградом. Тито отверг позицию Гомулки⁹⁶.

В историографии упоминалось и о попытке посредничества руководителя восточногерманских коммунистов Вильгельма Пика. В архиве лишь сохранилось письмо, которое он послал Тито 8 июня. В нем предлагалось встретиться в Софии, где Пик намеревался быть 17–18 июня во время 66-летия Димитрова. В письме говорилось, что Пик «охотно бы побеседовал» с Тито, но не было ни слова о возможных темах бесед⁹⁷. Тито в Софию не поехал.

Еще раньше, 6 мая, Политбюро ЦК БРП(к) решило, чтобы Димитров «обратился с личным письмом к Тито и подчеркнул ему опасность пути, по которому пошло руководство югославской компартии»⁹⁸. А 16 мая глава РРП Георге Георгиу-Деж в беседе с югославским послом Радоней Голубовичем говорил, что если югославы не примут участия в совещании Коминформа, это приведет к дальнейшим осложнениям между КПЮ и другими компартиями и будет «на пользу врагу». Он советовал югославскому руководству признать хотя бы часть «ошибок» и послать делегацию во главе с Тито в Москву, чтобы в прямых переговорах с ЦК ВКП(б) урегулировать отношения и прекратить конфликт⁹⁹. В имеющихся документах нет сведений, действовал ли Георгиу-Деж на свой страх и риск или по договоренности с Кремлем. Согласно некоторым донесениям, поступавшим в Белград от югославского посольства и военного атташе в Москве и от представителя ЦК КПЮ, который в первые послевоенные годы был аккредитован при ЦК ВКП(б), с советской стороны в конце мая – начале июня делались туманные намеки, что урегулирование конфликта возможно при хотя бы частичном признании Белградом некоторых «ошибок»¹⁰⁰.

Но югославское руководство не считало возможным пойти по такому пути. 21 мая в беседе с заместителем заведующего Отделом внешней политики ЦК ВКП(б) В.В. Мошетовым, который привез упомянутое выше письмо за подписью Суслова от 18 мая, Тито сказал, что югославы могли бы обсудить вопрос о некоторых возможных ошибках с советскими представителями конфиденциально, но поскольку Москва сделала этот вопрос достоянием других компартий – членов Коминформа, всякое обсуждение становится неприемлемым. Как доложил Мошетов Суслову, Тито предложил вообще оставить всю возникшую проблему открытой, не предпринимая никаких дальнейших шагов, а вернуться к этому вновь тогда, когда все «немного уляжется»¹⁰¹.

Возможно, сведения, сообщенные Мошетовым, явились фактором, повлиявшим на то, что советское руководство почти месяц спустя после упомянутого выше запроса Гомулки Жданову относительно целесообразности встречи представителей ППР с югославами высказалось по этому поводу отрицательно. Во всяком случае в шифротелеграмме, посланной Гомулке Ждановым 3 июня, выражалось мнение, что польская попытка встретиться с югославским руководством, чтобы убедить последнее отказаться от решения не участвовать в совещании Коминформа, не увенчается успехом в силу «антипартийной позиции» югославов¹⁰². Это было достаточно ясной директивой Кремля о нежелательности дальнейших попыток уговорить Белград послать представителей КПЮ на предстоявшее совещание Коминформа.

К тому времени в Москве уже полным ходом шла работа над документами совещания. В частности, еще со второй половины апреля и затем в течение мая 1948 г. по указанию советского руководства, в том числе по личному поручению Молотова, тщательно просматривалась архивная документация Коминтерна, связанная с деятельностью Тито и в целом КПЮ в 1930-е годы. Со многих материалов снимались копии и направлялись в Отдел внешней политики ЦК ВКП(б)¹⁰³. Как видно, усиленно искался компромат на Тито и других югославских деятелей. Некоторые сведения, значительно препарирован-

ные, были затем использованы при написании доклада Жданова, с которым он должен был выступить на совещании Коминформа¹⁰⁴.

По крайней мере к началу июня в аппарате ЦК ВКП(б) под руководством Жданова был подготовлен проект резолюции Информбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии», а к середине июня – проект доклада под тем же названием, представленные Сталину и дорабатывавшиеся по его указаниям¹⁰⁵. В этих проектах достаточно четко была обозначена линия на разрыв и прямую борьбу с югославским руководством. Решением политбюро ЦК ВКП(б) от 11 июня было отменено даже такое весьма далекое от текущей политики мероприятие в сфере советско-югославских контактов, как поездка в Югославию делегации советских архитекторов¹⁰⁶.

Судя по всему, окончательные решения по поводу характера и результатов предстоявшего совещания Коминформа были приняты в Кремле 16 июня: вечером этого дня состоялось заседание «девятки» (Сталин плюс восемь наиболее влиятельных членов Политбюро) с участием Суслова¹⁰⁷. Тем же числом датировано постановление Политбюро делегировать на совещание Информбюро в качестве представителей ЦК ВКП(б) Жданова, Маленкова и Суслова¹⁰⁸. К тому времени Москва уже достаточно проверила готовность лидеров других партий Коминформа твердо следовать за ней в «югославском деле». В частности, наглядная проверка такого рода была произведена за неделю до совещания Коминформа, когда состоялась его своеобразная репетиция: заседание коллегии редакторов газеты Информбюро «За прочный мир, за народную демократию!» Оно было проведено в Белграде, который пока еще оставался местом пребывания Информбюро и редакции газеты.

На заседании, созванном 12 июня, редакторы от всех компартий, входивших в Информбюро, высказались в духе осуждения югославов. В принятой резолюции коллегии редакторов, текст которой исходил от советской стороны, заявлялось, что «антисоветская и антимарксистская политика ЦК КПЮ достойна того, чтобы она подверглась не косвенной, а прямой критике». Редакторы были уведомлены, что предложенная резолюция сформулирована Сталиным¹⁰⁹.

ОТКРЫТОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ. Совещание Информбюро компартий, посвященное «югославскому вопросу» проходило недалеко от Бухареста 19–23 июня 1948 г. Югославское руководство не прислало на него своих представителей, аргументируя это предвзятостью выдвинутых против Белграда обвинений. Разумеется, советская сторона, наоборот, расценила югославский отказ как лишнее свидетельство обоснованности этих обвинений¹¹⁰. Впрочем, в Москве при подготовке совещания Коминформа как раз рассчитывали, что югославская сторона откажется от участия¹¹¹. И значит, были нацелены на неминуемое открытое оформление раскола.

С докладом «О положении в Коммунистической партии Югославии» выступил Жданов. В докладе содержались в основном те обвинения, которые содержались в советских письмах, направленных руководству КПЮ¹¹². В кулуарах делегация ВКП(б) распространяла версию, что в югославском руководстве имеются агенты западных спецслужб (хотя в выступлениях на совещании и в его решениях об этом речи не шло). Из участников совещания эту версию особенно подхватили Пальмиро Тольятти и один из ведущих болгарских коммунистических деятелей Трайчо Костов¹¹³. В итоге все делегации на совещании заявили о своем согласии с советскими обвинениями в адрес югославского

коммунистического руководства и поддержали соответствующую резолюцию совещания, предложенную от ВКП(б)¹¹⁴.

В резолюции, опубликованной 29 июня 1948 г., руководство КПЮ обвинялось в том, что оно «за последнее время проводит в основных вопросах внешней и внутренней политики неправильную линию, представляющую отход от марксизма-ленинизма», противопоставило себя ВКП(б) и другим компартиям, входящим в Информбюро, встало «на путь откола от единого социалистического фронта против империализма, на путь измены делу международной солидарности трудящихся и перехода на позиции национализма». В резолюции утверждалось, что «ЦК КПЮ ставит себя и Югославскую компартию вне семьи братских компартий, вне единого коммунистического фронта и, следовательно, вне рядов Информбюро». В качестве основного практического вывода в резолюции перед «здоровыми силами КПЮ» выдвигалась задача «заставить своих нынешних руководителей открыто и честно признать свои ошибки и исправить их, порвать с национализмом, вернуться к интернационализму и всемерно укреплять единый социалистический фронт против империализма, или, если нынешние руководители КПЮ окажутся неспособными на это, – сменить их и выдвинуть новое интернационалистское руководство КПЮ»¹¹⁵. Это был открытый призыв к свержению Тито и его ближайшего окружения.

С обнародованием 29 июня 1948 г. резолюции Информбюро о положении в КПЮ конфликт с Белградом, до того момента развивавшийся тайно от мира, вступил в новую фазу, став публичным. И в тот же день, когда было предано гласности решение второго совещания Коминформа, югославская сторона решительно отвергла все выдвинутые против нее обвинения, квалифицировав их как необоснованные и клеветнические. Специально посвященное этому заявлению немедленно созданного пленума ЦК КПЮ было тоже публичным¹¹⁶. Под тем же знаком открытого отпора коминформовской – а по существу, советской – атаке прошел в июле 1948 г. V съезд КПЮ, подтвердивший данную позицию в качестве политического курса югославского режима¹¹⁷.

В этом происходившем теперь на глазах всего мира лобовом столкновении средства массовой информации СССР, восточноевропейских «народных демократий», пресса коммунистических партий разных стран развернули широкую пропагандистскую кампанию против югославского руководства, которая превратилась в подлинную политико-идеологическую войну, чьим главным дирижером был Кремль. Набирая все большие обороты, она велась с применением всего привычного в таких случаях ее устроителям арсенала идеологической казуистики, беззастенчивых искажений, фальсификаций, прямых вымыслов. Однако на начальном этапе, особенно до сентября 1948 г., эта кампания по своей тональности и характеру обвинений в адрес коммунистических лидеров Югославии в основном не выходила за рамки определений, обозначенных в резолюции второго совещания Коминформа.

Когда вскоре после опубликования резолюции и югославского ответа на нее К. Готвальд через посла СССР в Праге М.А. Силина предложил советской стороне существенное расширение базы обвинений в адрес югославских руководителей путем публикации материалов, которые бы компрометировали их политику в области отношений с Советским Союзом, Сталин в ответном послании 14 июля 1948 г. заявил, что Москва пока против такого шага и не считает нужным «добавлять что-либо к резолюции Коминформа». Аргументируя подобную позицию, он ссылаясь прежде всего на то, что на данном – первом – этапе советской целью было только «изолировать югославских руководителей в глазах других компартий и разоблачить их жульнические махинации»,

а эта цель уже успешно достигнута. Предлагаемая же Готвальдом мера едва ли будет действенной внутри Югославии, в частности на предстоявшем тогда V съезде КПЮ, ибо у «группы Тито» пока достаточно репрессивных рычагов контроля для получения большинства на съезде, и потому все равно «нужно время» и «терпение» для того, чтобы дожидаться, когда «в дальнейшем пойдет постепенное отпадение партийно-марксистских групп югославской компартии от Тито и его группы». Кроме того Сталин указывал на нежелание «вступать в дискуссию с югославскими политическими акробатами». Копии ответа Готвальду были разосланы Москвой лидерам других компартий, входивших в Информбюро¹¹⁸.

Архивные документы, которые до сих пор удалось исследовать, не содержат данных, которые позволяли бы с определенностью судить о том, насколько аргументы, приведенные Сталиным, отражали действительные мотивы такой тактики Кремля. Не исключено, что на самом деле причиной было просто опасение Москвы, как бы переход от общих обвинений по адресу Белграда в антисоветизме к публичному обсуждению деталей советско-югославских отношений не ударил рикошетом по советской стороне, излишне обнажая то, что происходило за кулисами «социалистического лагеря». Характерно, что и позже, на протяжении всего ставшего открытым конфликта с Югославией Москва, несмотря на всю безудержную эскалацию враждебности (вплоть до планировавшегося покушения на Тито¹¹⁹), неуклонно воздерживалась от обнародования каких-либо подробностей, фактических сведений по поводу отношений, которые были у нее с югославским коммунистическим режимом до разрыва¹²⁰. Возможно, замечание Сталина о «югославских политических акробатах» было не случайным и отражало боязнь того, что в случае публичной дискуссии югославы станут приводить факты, разглашения которых Кремль отнюдь не хотел. Так ли это было или иначе, но очевидно, что на первых порах в советских верхах предпочитали не выходить за рамки сформулированного в резолюции второго совещания Коминформа.

Что касалось югославской стороны, то, решительно отвергая все обвинения в свой адрес, она вступила через свои средства массовой информации в ожесточенное противостояние советско-коминформовской пропагандистской кампании. Однако на первых порах югославы старались полемизировать главным образом с официальными заявлениями и средствами массовой информации восточноевропейских «народных демократий» и западных компартий, пытаясь по возможности меньше задевать непосредственно советскую сторону¹²¹. Вместе с тем югославское руководство первоначально всячески подчеркивало свою неизменную полную приверженность общей теоретико-идеологической платформе и политическому курсу мирового коммунистического движения и социалистических стран, особенно опыту социализма в СССР¹²².

Дело отнюдь не ограничивалось лишь декларациями о такой приверженности. Во внутривосточной сфере югославские идейно-теоретические установки и практическая деятельность правящего режима почти до конца 1949 г. не отличались от общепринятых тогда в коммунистическом движении и «социалистическом лагере». В частности, на пленуме ЦК КПЮ в январе 1949 г. был взят курс на усиленную коллективизацию в деревне¹²³. На международной арене Югославия по крайней мере до конца 1948 г., а частично и в начальные месяцы 1949 г. еще продолжала выступать вместе с СССР и другими социалистическими странами, в том числе в ООН, на различных международных переговорах. Такой позицией Белграда активно пользовалась советская дипломатия¹²⁴.

Однако, продолжая выступать на международной арене вместе с его бывшими союзниками по «социалистическому лагерю», югославский коммунистический режим

принял внутри собственной страны решительные меры подавления тех, кто выступал или подозревался как сторонник резолюции Коминформа. Их лишали должностей, исключали из партии, арестовывали. По данным, в свое время официально опубликованным в Югославии коммунистическими властями, всего в период советско-югославского конфликта за резолюцию Коминформа высказалось в той или иной форме свыше 55 тыс. коммунистов (КПЮ насчитывала тогда почти 520 тыс. членов). Свыше 16 тыс. были репрессированы: арестованы, сосланы¹²⁵.

Можно предположить, что реальное число репрессированных было существенно больше, особенно учитывая тот факт, что среди высказывавшихся в пользу решений Информбюро были отнюдь не только члены КПЮ. Вместе с тем в своем отпоре советско-коминформовской политической атаке югославские коммунистические власти получили, несомненно, очень значительную поддержку в рядах КПЮ и среди населения Югославии. Так что если у Кремля на первых порах имелись на самом деле какие-либо расчеты на организацию сколько-нибудь заметного антититовского движения внутри Югославии, то очень скоро стало очевидным, что никаких перспектив в этом смысле не просматривается.

Между тем пропагандистская война, которой руководила Москва, вступила в новый этап с сентября 1948 г., когда в «Правде» была опубликована большая статья «Куда ведет национализм группы Тито в Югославии». В ней говорилось, что югославское руководство сомкнулось в единый фронт с империалистами, развернуло террор против своей партии и «вырождается в клику политических убийц»¹²⁶. Статья имела подпись «Щека», что, очевидно, должно было означать, что она исходит от ЦК ВКП (б). Архивные документы, которыми мы располагали, не содержат данных, которые бы объясняли непосредственные причины ее появления. Но обозначенное ею ужесточение политико-пропагандистской кампании против Белграда характеризовалось переходом к гораздо более резким обвинениям в адрес югославского руководства, использованием бранного лексикона, постепенно все больше выходившего за рамки элементарных приличий, а затем и подобного же рода карикатур¹²⁷. Югославские лидеры во главе с Тито становились шаг за шагом чуть ли ни главной мишенью всей советско-коминформовской пропаганды.

В действие была введена и антититовская югославская эмиграция в СССР и восточноевропейских странах, состоявшая отчасти из работников югославских дипломатических и иных представительств, студентов, стажеров, слушателей военных учебных заведений, находившихся на работе или учебе за границей и отказавшихся вернуться в Югославию, а также некоторого количества людей, нелегально бежавших из Югославии. Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 3 апреля 1949 г. предусматривалось издание газет югославских политэмигрантов в СССР и странах «народной демократии». Для этого отпускались материальные средства, предпринимались организационные меры. В странах Восточной Европы эта работа должна была вестись с участием секретариата Коминформа¹²⁸. Осуществление постановления дало мощный импульс организации эмигрантских групп.

Все это сопровождалось начавшимся свертыванием экономических и других отношений СССР и всего «социалистического лагеря» с Югославией. При подписании в конце 1948 г. советско-югославского протокола о взаимных поставках товаров на 1949 г. советская сторона сократила товарооборот в 8 раз по сравнению с 1948 г.¹²⁹ Созданный в январе 1949 г. под эгидой Москвы Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), объединивший СССР и восточноевропейские страны советского блока, сразу же превратился в инстру-

мент разрыва прежних экономических связей государств Восточной Европы с Югославией «в связи с переходом югославских вождей в лагерь империализма»¹³⁰. Хотя подобное предложение выдвинула чехословацкая сторона, можно, зная обычную советскую тактику в подобного рода случаях, с большой долей вероятности предположить, что на самом деле оно было инспирировано Кремлем. Во всяком случае, на первой регулярной сессии СЭВа 26–28 апреля 1949 г. предложение о конкретном рассмотрении вопроса о Югославии было внесено уже непосредственно советской стороной (Молотовым)¹³¹.

В результате сессия приняла решение о том, чтобы члены СЭВа «в кратчайший срок» прекратили предоставление кредитов Югославии и поставки в счет ранее заключенных кредитных соглашений, оказание Югославии технической помощи, использование транзита через Югославию, ограничили торговлю с ней лишь закупками у нее некоторых видов стратегического сырья. Выполнение этого решения ставилось под контроль: страны-члены СЭВа должны были отчитаться на следующей его сессии¹³². Она состоялась 25–27 августа 1949 г. и на ней были заслушаны отчеты каждой из стран о принятых мерах. Обобщая представленные данные, сессия констатировала, что решение по этому вопросу, принятое предыдущей сессией СЭВа, выполняется¹³³. Итогом таких целенаправленных действий было почти полное прекращение экономических связей между государствами советского блока и Югославией, 50 % внешнеторгового оборота которой приходилось до разрыва именно на эти страны.

По мере нарастания антиюгославских мер Белград, со своей стороны, постепенно переходил ко все более жесткому противостоянию советскому блоку и коминформовской кампании. Эта линия, обозначенная, в частности, на состоявшихся в январе 1949 г. пленуме ЦК КПЮ и II съезде компартии Сербии, включала в себя прежде всего становившийся все резче пропагандистский и дипломатический отпор, усиление контроля внутри страны, в том числе путем ужесточившихся репрессий в отношении реальных или подозреваемых противников режима из числа сторонников советской-коминформовской позиции, нараставшие военные меры по укреплению границ с социалистическими соседями. В марте 1949 г. югославская сторона поставила вопрос о необходимости ликвидации совместных с СССР пароходного и авиационного акционерных обществ, деятельность которых, по ее утверждению, не отвечала экономическим интересам Югославии. После обмена резкими нотами общества в итоге прекратили существование¹³⁴.

Шаг за шагом началась и переориентация югославской внешней политики в сторону постепенного отхода от того конфронтационного курса, который в первые послевоенные годы проводился вместе со всем «социалистическим лагерем» в отношениях с Западом. Однако, предпринимая эти меры противостояния давлению советского блока, югославское руководство было особо озабочено тем, чтобы не оказаться на международной арене в роли сообщника западных держав, выступающего в одном лагере с ними против СССР и других социалистических стран. Данную проблему специально обсуждало, в частности, Политбюро ЦК КПЮ в августе–сентябре 1949 г., планируя дальнейшие дипломатические и оборонные усилия перед лицом угрозы со стороны советского блока¹³⁵.

Но в глазах Москвы само югославское противодействие советско-коминформовскому давлению было непозволительным криминалом. Приобретая все больший накал, борьба против непокорного югославского руководства стала одним из главных приоритетов в советской политике. В этой борьбе с самого начала важнейшая роль отводилась Коминформу. Через него Москва контролировала и одновременно всячески активизировала, организовывала, координировала участие восточноевропейских стран, а также

двух крупнейших западноевропейских компартий – Италии и Франции в антиюгославских усилиях. Характерно, что первое же заседание только что созданного Секретариата Информбюро, состоявшееся 5 июля 1948 г., было использовано прежде всего для мер по реализации решений второго совещания Коминформа по югославскому вопросу. Созданная в августе 1948 г. канцелярия Секретариата Информбюро, уделяла особое внимание сбору информации и анализу данных об антиюгославской деятельности компартий. Эта сфера работы с самого начала была определена как одна из основных задач аппарата Коминформа¹³⁶.

Особой его задачей стала координация радиопропаганды на языках народов Югославии, развернутой, помимо советского иновещания, с территории восточноевропейских социалистических стран, прежде всего сопредельных с Югославией. При аппарате Коминформа готовились радиопередачи, которые велись от имени югославской анти-титовской эмиграции через специальный радиоцентр в Бухаресте. Коминформ контролировал и координировал также деятельность югославских эмигрантских организаций, созданных в государствах Восточной Европы, и – как предусматривалось упомянутым выше постановлением политбюро ЦК ВКП (б) от 3 апреля 1949 г. – издание их газет. В сфере его внимания были и вопросы установления нелегальных связей с оппозиционными элементами в Югославии, заброски туда людей, пропагандистских материалов для подпольного распространения, получения оттуда нужной информации, попыток содействия организации просоветского движения внутри страны¹³⁷.

В начале мая 1949 г. коминформовский аппарат был нацелен на подготовку материалов и предложений в связи с запланированным на июнь рассмотрением на заседании Секретариата Информбюро вопроса «о мерах по активизации борьбы» против «клики Тито»¹³⁸. Готовился, в частности, проект соответствующей резолюции Секретариата с критикой восточноевропейских и западных компартий-членов Коминформа за недостаточную работу в этом направлении, «недооценку» ее значения¹³⁹.

После того, как обсуждение данного вопроса в Секретариате не состоялось, а было заменено его включением в повестку дня намеченного нового совещания Информбюро, 5 августа 1949 г., по указанию Сулова, ему направили проект доклада о «борьбе коммунистических и рабочих партий против клики Тито – Ранковича», подготовленный аппаратом Коминформа и редакцией коминформовской газеты «За прочный мир, за народную демократию!» Стала готовиться и соответствующая резолюция Информбюро¹⁴⁰.

Перед самым совещанием Коминформа, состоявшимся 16–19 ноября 1949 г., формулировка о «борьбе против клики Тито» была заменена другой: «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». Подобное изменение сочеталось с эволюцией, которую претерпел доклад, готовившийся с лета 1949 г. Если в его первоначальных вариантах югославская позиция характеризовалась в основном как измена коммунистическому движению и социалистическому лагерю на базе «троцкистского перерождения» «клики Тито» и ее перехода на позиции «буржуазного национализма», то в итоге был выдвинут в качестве главного тезис о том, что Тито и его окружение являются просто «агентами империалистических разведок», завербованными еще раньше и маскировавшимися, пока их не разоблачили. А в качестве основания для подобной постановки вопроса были использованы результаты состоявшегося в Будапеште в сентябре 1949 г. инсценированного судебного процесса над одним из бывших венгерских коммунистических лидеров Ласло Райком и группой видных коммунистических функционеров, обвиненных вместе с ним. Именно на этом суде Тито и другие югославские руководители были объявлены

старыми полицейскими провокаторами и агентами разведок «империалистических» государств.

Это отражало происходившую осенью 1949 г. дальнейшую эскалацию антиюгославской кампании, проводимой Москвой. Возможно, здесь играло роль то острое столкновение по югославскому вопросу, которое развернулось в этот момент на четвертой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в связи с избранием Югославии в Совет Безопасности. Советская сторона приложила максимум усилий, чтобы на вакантное место непостоянного члена Совета Безопасности, представляющего регион Восточной Европы, была избрана Чехословакия, а не Югославия, предложившая свою кандидатуру вопреки советскому желанию и получившая в этом поддержку Запада. В итоге 20 октября была избрана именно Югославия. При этом югославская делегация, поддержанная большинством Генеральной Ассамблеи ООН, обвинила СССР в недопустимой дискриминации и враждебных действиях в отношении Югославии, в попытке перенести конфликт на деятельность ООН, навязать международному сообществу свою блоковую антиюгославскую линию¹⁴¹.

Тем самым советско-югославский конфликт, до того развивавшийся в рамках отношений между социалистическими странами, внутри коммунистического движения, был непосредственно вынесен за эти рамки, прямо превращен в вопрос мировой политики, конфронтации между СССР и странами советского блока, с одной стороны, и Западом, с другой. Причем Кремль проиграл это первое столкновение по югославскому вопросу на мировой арене. Такой оборот событий, вероятно, еще больше подхлестывал дальнейшие антиюгославские действия советских правителей. Еще 28 сентября, вслед за окончанием судебного фарса по делу Райка, Москва, ссылаясь на материалы этого процесса, объявила о разрыве советско-югославского договора 1945 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи¹⁴². А 25 октября, почти сразу после скандала в ООН, СССР, ссылаясь на те же материалы «дела Райка», объявил персоной нон грата югославского посла¹⁴³. Договоры о дружбе с Югославией разорвали и все восточноевропейские социалистические страны.

Однако если степень остроты в постановке югославского вопроса на третьем совещании Коминформа могла в известной мере усиливаться событиями, происходившими накануне совещания, то ведь само решение вновь заняться на совещании Информбюро югославскими делами было принято советским руководством, как уже говорилось, задолго до этого, в первой половине июня 1949 г. И стало быть, оно вызывалось иными, более глубокими причинами. Рассмотрение югославского вопроса на новом совещании Коминформа отражало те напряженные усилия, которые и до осени 1949 г. предпринимало советское руководство по всемерному наращиванию «холодной войны» против непокорного югославского режима. Прецедент Югославии, позволившей себе не подчиниться советскому диктату, был крайне опасен в глазах Кремля, стремившегося к укреплению иерархической дисциплины в советском блоке и международном коммунистическом движении. Нагнетание антититовской истерии использовалось и как средство превентивного пресечения какого-либо несогласия с Москвой среди руководителей компартий и стран «народной демократии». А сама идея обвинить югославское руководство в том, что в его составе имеются агенты западных спецслужб, возникла тоже не осенью 1949 г., а, как говорилось выше, была выдвинута советской делегацией еще на втором совещании Коминформа.

В итоге к концу 1949 г. возникло новое положение Югославии по отношению к противостоявшим блокам биполярного мира. Сложилась невиданная до той поры и казав-

шаяся парадоксальной ситуация, когда страна с коммунистическим правлением фактически оказалась как бы по другую сторону баррикад холодной войны: остальные коммунистические режимы во главе с СССР, вчерашние союзники Югославии по советскому блоку, выступили по отношению к ней как враги. Она стала рассматриваться ими в качестве одного чуть ли ни из главных противников в холодной войне, превратилась в объект ожесточенной пропагандистской атаки, экономической блокады, а вслед за тем перед ней стала вставать и перспектива угрозы подрывных и даже силовых действий с их стороны, вплоть до возможной угрозы вторжения. Вместе с тем в ее вынужденном противостоянии давлению и опасности со стороны советского блока она исподволь оказывалась в ситуации, когда ее прежние противники из западного лагеря объективно играли роль фактора, способствующего сдерживанию угрозы, которая стала исходить от бывших коммунистических союзников югославского режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 575. Оп. 1 Д. 3. Л. 103–104; Д. 41. Л. 1–15, 18–19.
- 2 Там же. Д. 41. Л. 9.
- 3 Там же. Л. 20–21.
- 4 Там же. Л. 19.
- 5 Там же. Л. 15–18.
- 6 Там же. Л. 15.
- 7 Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 16. Л. 75, 109–110.
- 8 Там же. Л. 75–76; Ф. 06. Оп. 9. П. 81. Д. 1284. Л. 7; Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPRJ (11. jun 1945 – 7. jul 1948) / priredio V. Petranović. Beograd, 1995. S. 176.
- 9 Архив Министарства иностраних послова. Политичка архива (далее – АМИП-ПА). 1947 god. F-IV. Str. Pov. 1234; Архив Југославије (далее АЈ). Ф. 836: Kancelarija Maršala Jugoslavije (далее – КМЈ). I-3-b/639. L. 2–3.
- 10 Известия. 1947. 29 июля; Борба. 1947. 30 јул.
- 11 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 41. Л. 22.
- 12 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 41. Л. 22. Руководство ИКП во главе с Тольятти вынуждено было считаться с широко распространившимися в Италии настроениями против присоединения Триеста к Югославии (Димитров Г. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 465; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 42. Л. 10; Д. 716. Л. 45–46, 89–92).
- 13 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 41. Л. 22–23.
- 14 Там же. Л. 23.
- 15 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 599. Л. 54, 57; Д. 178. Л. 1; Д. 31. Л. 5.
- 16 См. например: Новые документы о Великой Отечественной войне // Коммунист. 1975. № 7. С. 52.
- 17 Гибианский Л.Я., Мурин Ю.Г. Последний визит Й. Броза Тито к И.В. Сталину // Исторический архив. 1993. № 2. С. 23, 26.
- 18 АЈ. Ф. 836: КМЈ. I-3-b/651. L. 1–5; АМИП-ПА. 1947 god. F-IV. Str. Pov. 1765; РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 99. Л. 2.
- 19 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 32. Л. 26–28; Д. 39. Л. 21–29; Д. 14. Л. 42.

20 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 82. Д. 1285. Л. 75.

21 Централен държавен архив – София (далее ЦДА). Ф. 146 б. Оп. 6. А.е. 539. Л. 9. Речь шла о мирном договоре государств антигитлеровской коалиции с Болгарией как с бывшим союзником Германии во время войны.

22 АЖ. Ф. 836: КМЖ. I-2/17. Л. 7; ЦДА. Ф. 146 б. Оп. 4. А.е. 54. Л. 12. Оп. 6. А.е. 1064. Л. 1.

23 АЖ. Ф. 836: КМЖ. I-2/17. Л. 70.

24 См. *Гибианский Л.Я.* Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 1940-е годы // *Холодная война: новые подходы, новые документы* / Отв. ред. М.М. Наринский. М., 1995. С. 107.

25 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 159. Л. 131–132.

26 Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949: Документы и материалы / ред. Г.М. Адибеков, А. Ди Бьяджо, Л.Я. Гибианский, Ф. Гори, С. Понс. М., 1998. С. 322–323.

27 *Миров Я.* Компартии Европы в борьбе за мир, демократию и независимость народов // *Большевик*. 1947. № 21; *Мошетов В., Лесаков В.* О демократических преобразованиях в странах новой демократии // *Большевик*. 1947. № 22.

28 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 44. Л. 160–163; Д. 53. Л. 296–299.

29 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 81. Д. 1284. Л. 4–7.

30 Там же. Ф. 0144. Оп. 31. П. 124. Д. 29. Л. 7.

31 Подробнее см. *Бухаркин И.В., Гибианский Л.Я.* Первые шаги конфликта // *Рабочий класс и современный мир*. 1990. № 2. С. 162–163.

32 *Гибианский Л.Я.* Вызов в Москву // *Политически е исследования*. 1991. № 1. С. 195–196, 200.

33 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 31. П. 124. Д. 29. Л. 7–9.

34 РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 99. Л. 1–5, 8; АЖ. Ф. 836: КМЖ, I-3-b/651. Л. 1–5; АМИП-ПА. 1947 god. F-IV. Str. Pov. 1765.

35 АЖ. Ф. 836: КМЖ. I-3-b/651. Л. 6.

36 Ibid. L. 10–11; *Đilas M.* Razgovori sa Staljinom. Beograd, 1990. S. 93–95; *Idem.* Vlast i pobuna. Beograd, 1991. S. 127–128.

37 АЖ. Ф. 507. ЦК СКЖ. IX. 1/I-154. Л. 1–2; АЖ. Ф. 836: КМЖ. I-3-b/651. Л. 24.

38 *Đilas M.* Vlast i pobuna. S. 125.

39 Подробнее см.: *Гибианский Л.Я.* От „нерушимой дружбы“ к беспощадной борьбе: модель „социалистического лагеря“ и советско-югославский конфликт 1948 г. // У истоков „социалистического содружества“: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. / отв. ред. Л.Я. Гибианский. М., 1995. С. 192–194.

40 Работническо дело. 29. I; 3. II. 1948.

41 ЦДА. Ф. 146 б. Оп. 2. А.е. 1766. Л. 4–6; *Исусов М.* Сталин и България. София, 1991. С. 71.

42 ЦДА. Ф. 146 б. Оп. 5. А.е. 325. Л. 3.

43 О ходе этой встречи см.: *Гибианский Л.Я., Волков В.К.* На пороге первого раскола в «социалистическом лагере»: Переговоры руководящих деятелей СССР, Болгарии и Югославии. 1948 год // *Исторический архив*. 1997. № 4.

44 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 1. Д. 2. Л. 43; Советско-болгарские отношения 1944–1948 гг.: Документы и материалы. М., 1969. С. 405–406. Протоколы не подлежали оглашению, т.е. были тайными.

45 Zapisnici sa sednica... S. 234, 238–240, 242–244.

46 АЖ. Ф. 507. ЦК СКЖ. IX. 1/I-135, 1/I-163, 1/I-164, 1/I-166, 1/I-169; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 472. Л. 78–79, 84–86; АЖ. Ф. 836: КМЖ. I-3-b/35. Л. 1, 3.

47 АЖ. Ф. 836: КМЖ. I-2/35. В письме, отправленном в ЦК ВКП (б) 15 июня 1948 г., когда он узнал о советско-югославском конфликте, Захариадис, стараясь оправдаться в глазах совет-

ского руководства, утверждал, будто во время упомянутой встречи в Белграде (он ошибочно относил ее к марту 1948 г.) Тито сам предложил дальнейшее оказание помощи партизанской борьбе в Греции несмотря на позицию Сталина (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1160. Л. 61).

48 *Zapisnici sa sednica...* S. 237–247.

49 См., например, АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 30. П. 118. Д. 15. Л. 112–113; Д. 16. Л. 75–76.

50 Изјава Сретена Жујовића редакцији «Борбе» // *Борба*, 25. XI. 1950.

51 *Гибанский Л.Я.* Секретная советско-югославская переписка 1948 года // *Вопросы истории*. 1992. № 4–5. С. 135. Посол выполнил поручение (Изјава Сретена Жујовића...).

52 *Дедијер В.* Јосип Броз Тито: Прилози за биографију. Београд, 1953. С. 504–505; *Kardelj E.* *Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije 1944–1957. Sećanja.* Београд; Лjubljana, 1980. С. 119.

53 АЈ. Ф. 836: КМЈ. I-3-b/651. Л. 47; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 1. Д. 2. Л. 41–42, 51–52.

54 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 32. П. 128. Д. 8. Л. 107.

55 Там же. П. 129. Д. 18. Л. 7–8.

56 *Бухаркин И.В.* Конфликт, которого не должно было быть (из истории советско-югославских отношений) // *Вестник Министерства иностранных дел СССР*. 1990. № 6. С. 60.

57 Писма ЦК КПЈ и писма ЦК СКП (б). Београд, 1948. С. 17; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 1. Д. 2. Л. 102–103.

58 *Бухаркин И.В.* Указ. соч. С. 60.

59 АВП РФ. Ф. 202. Оп. 5. П. 110. Д. 1. Л. 17.

60 Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. // *Исторический архив*. 1996. № 5–6. С. 29.

61 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1160. Л. 1–4.

62 В беседе с Лаврентьевым 27 февраля Кардель выразил «крайнее удивление» тем, что, как сообщил югославский посланник из Тираны, советский временный поверенный А.Н. Гагарин на приеме 23 февраля поднял тост за Тито с оговоркой: «Если он работает на укрепление сил и единства демократического блока» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 79. Д. 1106. Л. 50). А недовольство торможением экономического и военного сотрудничества выразил Тито в беседе с Лаврентьевым 10 марта, отметив, что «такое отношение к Югославии нас обижает», и высказав предположение, что в СССР недовольны Югославией (Там же. Л. 59–61).

63 *Гибанский Л.Я.* Секретная советско-югославская переписка... // *Вопросы истории*. 1992. № 4–5. С. 124.

64 Там же. С. 124–125; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 1. Д. 2. Л. 100–101 об.

65 *Гибанский Л.Я.* Секретная советско-югославская переписка... // *Вопросы истории*. 1992. № 4–5. С. 125–126.

66 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1163. Л. 9–24.

67 *Гибанский Л.Я.* Секретная советско-югославская переписка... // *Вопросы истории*. 1992. № 4–5. С. 125–126; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 1. Д. 2. Л. 102–103.

68 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 32. П. 128. Д. 8. Л. 144.

69 Там же. Ф. 06. Оп. 10. П. 1. Д. 2. Л. 98–99; *Гибанский Л.Я.* Секретная советско-югославская переписка... // *Вопросы истории*. 1992. № 4–5. С. 132–133.

70 *Гибанский Л.Я.* Секретная советско-югославская переписка... // *Вопросы истории*. 1992. № 4–5. С. 127–129.

71 *Симонов К.* Глазами человека моего поколения (Размышления о И.В. Сталине) // *Знамя*. 1988. № 4. С. 63–64.

72 *Гибанский Л.Я.* Секретная советско-югославская переписка... // *Вопросы истории*. 1992. № 6–7. С. 158–164.

73 Бухаркин И.В. Указ. соч. С. 60–61; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 79. Д. 1106. Л. 123. Считая, что заявление США, Англии и Франции от 20 марта в пользу передачи Свободной территории Триест Италии направлено на то, чтобы на предстоявших парламентских выборах в Италии повысить шансы политических сил, противостоявших коммунистам и ориентировавшихся на союз стран Запада, правительство Югославии 22 марта, помимо ноты протеста трем западным державам, выдвинуло в целях поддержки ИКП предложение о прямых югославо-итальянских переговорах относительно Триеста на основах, выработанных во время встречи Тито с Тольятти в ноябре 1946 г. (Dokumenti o spoljnoj politici Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. 1948. Beograd, 1989. S. 68–71, 595). 21 марта МИД Югославии сообщил посольству СССР о готовящемся шаге, но посольство (не исключено, что намеренно) расценило это лишь как информацию, а не запрос о мнении советского правительства. В итоге югославы предприняли свое выступление 22 марта, не имея никакого советского ответа (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 79. Д. 1106. Л. 65–68, 71–72; АМИП-ПА. F-IX. 1948 god. Str. Pov. 353).

74 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 79. Д. 1106. Л. 127–128; Гибианский Л.Я. Секретная советско-югославская переписка... // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 172; № 10. С. 153–154, 155–156.

75 Это решение, обозначенное в повестке дня Политбюро как «Вопрос т. Меркулова» (В.Н. Меркулов – начальник Совзаграницмушества), было для сохранения еще большей секретности доверено лишь «особой папке». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1070. Л. 26.

76 Гибианский Л.Я. Секретная советско-югославская переписка... // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 141–152, 154–155.

77 См.: Изјава Сретена Жујовића...; Гибианский Л.Я. Секретная советско-югославская переписка... // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 170.

78 АЖ. Ф. 507: ЦК СКЖ, П/1.

79 Эта часть переписки была целиком приведена Ждановым в докладе на втором совещании Коминформа: см. Совещания Коминформа. С. 413–415.

80 Письмо было разослано 31 марта. См., например: Archiwum Akt Nowych (Варшава) (далее ААН). Zesp. KC PZPR. 2507. K. 12.

81 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1161. Л. 2–19; другой экземпляр: Ф. 575. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–18.

82 Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1162. Л. 44–73; другой экземпляр: Ф. 575. Оп. 1. Д. 39. Л. 164–193.

83 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 375. Л. 143.

84 Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1165. Л. 64–68.

85 АЖ. Ф. 836: КМЖ. I-3-b/142. Л. 1–2; АЖ. Ф. 507: ЦК СКЖ. IX. 15/I-107. Л. 1, 3.

86 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1162. Л. 122.

87 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1165. Л. 80.

88 АЖ. Ф. 507: ЦК СКЖ. IX. 1-I/20. Л. 2; ААН. Zesp. KC PZPR. 2507. K. 17–20.

89 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1162. Л. 123; АЖ. Ф. 836: КМЖ. I-3-b/184.

90 АЖ. Ф. 836: КМЖ. I-3-b/142; I-3-b/184; I-3-b/513; I-3-b/548. В условиях, когда болгарское руководство присоединилось к советским обвинениям, Тито отказался от намечавшейся встречи с Димитровым (ЦДА. Ф. 146 б. Оп. 4. А.е. 645. Л. 37).

91 Гибианский Л.Я. Секретная советско-югославская переписка... // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 151–152.

92 Там же. С. 152; РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 103. Л. 1–3.

93 Совещания Коминформа. С. 425–426, 437.

94 Гибианский Л.Я. Секретная советско-югославская переписка... // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 152–153, 154–155.

95 Венгры пытались даже бежать «вперед паровоза». В беседе с М.А. Суловым 20 мая член политбюро ЦК КП Венгрии Й.Реваи сообщил, что венгерский ЦК «готов взять на себя инициативу по созыву очередного совещания Информбюро для обсуждения на нем вопроса о взаимоотношениях КПЮ с ВКП (б), если ЦК ВКП (б) найдет это целесообразным». Но Сулов ответил, что уже имеется предложение самого ЦК ВКП (б) о созыве совещания, которое направлено, в числе руководителей других компартий, и в адрес лидера КПВ М. Ракоши (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1165. Л. 96).

96 АЖ. Ф. 836: КМЖ. I-3-b/514. Л. 1, 5, 6; ААН. Zesp. KC PPR. 295/VII-73. К. 12–13а, 16–17; Zesp. KC PZPR. 2507. К. 65, 72–75; 2609. К. 80.

97 АЖ. Ф. 836: КМЖ. I-3-b/443.

98 ЦДА. Ф. 1 б. Оп. 6. А.е. 482. Л. 1.

99 АЖ. Ф. 836: КМЖ. I-3-b/549. Л. 2–3.

100 АЖ. Ф. 507: ЦК СКЖ. IX. 1-1/24. Л. 23–26.

101 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Л. 1163. Л. 69, 72–73; Ф. 77. Оп. 4. Д. 58. Л. 137, 138, 140–142.

102 ААН. Zesp. KC PZPR. 2609. К. 82.

103 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Л. 1163. Л. 52–68; Ф. 575. Оп. 1. Д. 411. Л. 1–146.

104 Там же. Ф. 77. Оп. 3. Д. 105. Л. 49–50; ср. Ф. 495. Оп. 277. Д. 21. Л. 329а–329з, 330–337.

105 Там же. Ф. 77. Оп. 3. Д. 104. Л. 1–26; Д. 105. Л. 1–18, 32–72.

106 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1071. Л. 13.

107 Посетители кремлевского кабинета... С. 38.

108 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1071. Л. 15.

109 Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 52. Л. 16, 18–24; ААН. Zesp. KC PPR. 295/VII-73. К. 8–8а.

110 Совещания Коминформа. С. 402–403.

111 Там же. С. 488.

112 Там же. С. 407–417.

113 Там же. С. 483, 485, 488.

114 Там же. С. 418–448.

115 Там же. С. 455–461.

116 Борба. 1948. 30 VI. В этом же номере «Борбы», центрального печатного органа КПЮ, был опубликован и текст резолюции Информбюро по югославскому вопросу.

117 См.: V конгрес Комунистичке партије Југославије. 21–28 јула 1948: Стенографске белешке. Београд, 1949.

118 См. например: ААН. Zesp. KC PZPR. 2507. К. 76; *Pons S. The Twilight of the Cominform // The Cominform: Minutes of the Three Conferences 1947/1948/1949. Fondazione Feltrinelli: Annali, Anno XXX. Milano, 1994. P. 503; Kaplan K. Report on the Murder of the General Secretary. Columbus (Ohio), 1990. P. 4.*

119 См.: *Судоплатов П. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 390–394, 506.*

120 Это правило было – и только отчасти – нарушено лишь в двух случаях, носивших, однако, специфический характер. Одним являлся выпуск в Москве издательством «Правда» брошюры на сербско-хорватском языке с текстами трех до того времени секретных писем советского руководства югославским лидерам – от 27 марта, 4 и 22 мая 1948 г. (экземпляры брошюры см. в РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1163. Л. 196–300), в которых излагались некоторые эпизоды советско-югославских отношений. Но эта брошюра, напечатанная летом 1948 г., предназначалась для индивидуального распространения посольством и другими советскими представительствами в Югославии (см. Там же. Д. 493. Л. 29–33) и никогда не

фигурировала официально среди советских изданий. Другим случаем были три советские ноты югославскому правительству в июле – августе 1949 г., опубликованные тогда же, с изложением некоторых аспектов советско-югославских контактов 1947–1948 гг. относительно территориальных претензий Югославии к Австрии (см.: Внешняя политика Советского Союза. 1949 год: Документы и материалы. М., 1953. С. 116–117, 125–134, 144–159). Но появление самих этих нот и их публикация представляли собой шаг, предпринятый в условиях, когда в ходе резкой полемики и взаимных обвинений между Москвой и Белградом по австрийскому вопросу югославская сторона в своей печати уже стала приводить детали прежних советско-югославских переговоров по данному поводу (см.: О контрреволюционной и клеветнической кампании против социалистичке Југославије. Књ. I. Београд, 1949. С. 288–290).

121 См., например, публичные выступления югославских руководителей и материалы югославской печати этого периода, вошедшие затем в специальный пропагандистский сборник: О неистинитим и неправедним оптужбама против КПЈ (Изабрани материјали). Београд, 1948.

122 Эта линия была, в частности, рельефно выражена на V съезде КПЮ. См.: V конгрес...

123 Sednice Centralnog komiteta KPJ (1948–1952) / priredili B. Petranović, R. Končar, R. Radonjić. Beograd, 1985. S. 6–92, 271–279.

124 См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 10. П. 79. Д. 1106. Л. 165–168, 169–170; АМИП-ПА. 1948 god. F-IX. Str. Pov. 1643, 1654, 1658; Внешняя политика Советского Союза. 1948 год: Документы и материалы. Ч. I. М., 1950. С. 238–248; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1072. Л. 44.

125 Sednice Centralnog komiteta... S. 719; Povijest Saveza komunista Jugoslavije. Beograd, 1985. S. 355, 364.

126 Правда. 1948. 8 IX.

127 См., в частности: *Лубурџић Л.* Врући мир хладног рата: Хладни рат и сукоб Стаљин – Тито у карикатурама совјетске, информбировске и политемигрантске штампе. Подгорица, 1994.

128 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1075. Л. 27.

129 Внешняя политика Советского Союза. 1948 год. М., 1951. Ч. II. С. 139.

130 ЦДА. Ф. 1 б. Оп. 5. А.е. 30. Л. 32; *Kaplan K.* Československo v RVHP. 1949–1956. Praha, 1995. S. 223.

131 Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 561. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 7.

132 Там же. Д. 2. Л. 10. См. также: Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 6 (64). С. 63. Постановление правилось Молотовым (РГАЭ. Ф. 561. Оп. 1. Д. 1. Л. 21).

133 РГАЭ. Ф. 561. Оп. 1. Д. 1. Л. 36–46.

134 АВП РФ. Ф. 202. Оп. 6. П. 112. Д. 1. Л. 20–25; Д. 3. Л. 153–159, 180–181. Вопрос о реакции на югославский демарш специально рассматривался советским руководством.

135 См.: АЖ. Ф. 507: ЦК СКЈ. III/42; III/43.

136 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 51. Л. 69.

137 См. например: Там же. Д. 83. Л. 143, 154; Д. 115; Д. 116. Л. 1–19, 87–193; Д. 117. Л. 1–45.

138 Там же. Д. 83. Л. 148; Д. 84. Л. 128.

139 Там же. Д. 117. Л. 278–284.

140 Там же. Д. 76. Л. 146–168, 178–209; Д. 77. Л. 1–37; Д. 116. Л. 20–43; Д. 117. Л. 216–277, 285–292.

141 Подробнее см., например: *Jovanović J.* Jugoslavija u Organizaciji ujedinjenih nacija (1945–1953). Beograd, 1985. S. 85–88.

142 Внешняя политика Советского Союза. 1949 год: Документы и материалы. М., 1953. С. 164.

143 Там же. С. 174.

ГЛАВА 3

ЮГОСЛАВИЯ В 50-Е ГОДЫ:

В ПОИСКАХ «АУТЕНТИЧНОГО»

МАРКСИЗМА

Провал советской модели. Полный разрыв с советским блоком и сохранявшаяся враждебность с государствами Запада, катастрофические провалы в экономике, прежде всего в сельском хозяйстве, поставили югославское коммунистическое руководство перед угрозой краха его правления, сдачи властных позиций и возвращения страны к недавней кровавой анархии. Амбициозные планы экономического развития, рассчитывавшие на выполнение которых было возможно только при помощи Советского Союза и промышленно развитых стран народной демократии (прежде всего Чехословакии), а также колоссального напряжения собственных сил, в условиях блокады со стороны стран советского блока, бывшие и до этого иллюзорными, стали нереальными. Все крупные промышленные объекты, намеченные к возведению первым пятилетним планом, были заморожены.

Тем не менее, столкнувшись с последствиями экономической блокады со стороны социалистических стран после резолюций Информбюро, лидеры Югославии не отказались от выполнения пятилетнего плана, поставленных задач индустриализации страны. Его завершение означало для них продолжение социалистического строительства и, к тому же, превратилось в своего рода опровержение пропагандистских выпадов Информбюро о том, что Югославия самостоятельно не выживет.

Сославшись на создавшееся тяжелейшее положение, Народная скупщина ФНРЮ продлила выполнение пятилетнего хозяйственного плана на один год (1947–1952). Вместе с тем критическая ситуация, в которой оказалась ФНРЮ, ярко обнажила слабости и инвестиционные излишества первого пятилетнего плана: строительство «широким фронтом» без экономических расчетов, требовавшее неограниченных инвестиций. Второй пленум ЦК Союза коммунистов югославыян (СКЮ) (январь 1949 г.) поставил перед народным хозяйством страны более реальные плановые задачи. Дальнейшее строительство было решено направить исключительно на завершение ключевых объектов, предусмотренных пятилетним планом¹. По причинам военной безопасности (руководство ФНРЮ не исключало вооруженной интервенции, как с Востока, так и с Запада), были изменены места строительства ряда промышленных предприятий, часть из которых перенесена в горные районы страны.

В то же время, несмотря на возрастающее давление со стороны коммунистического Востока, югославское руководство не хотело идти на уступки и ведущим западным демократиям, остававшимся для него «империалистическим» Западом. На заседании Политбюро ЦК СКЮ 13 февраля 1950 г. было принято решение «о необходимости всеми средствами бороться против экономического давления с Запада, не останавливаясь даже перед необходимостью ревизии плана и снижения инвестиций»². Задачу несколько облегчало то, что экономическая помощь, которую ФНРЮ начала получать из промыш-

ленно развитых стран западного мира в 1949–1950 гг. в виде поставок продовольствия и долгосрочных кредитов, составляла не более 4 % ее ВВП.

Экономические тяготы страны привели к новому «затягиванию поясов». Одной из форм мобилизации внутренних финансовых средств стала подписка на народные займы. Первый такой заем, в размере 3,5 млрд. динаров, правительство ФНРЮ объявило 3 июня 1948 года под лозунгами: «Правда должна победить» и «Мы докажем своим трудом, что Югославия строит социализм». Второй заем в размере 3 млрд. динаров был объявлен в 1950 г. Помимо сбора значительных финансовых средств, объявление подписки на займы имело и политико-экономическую подоплеку: миллионы граждан, согласившиеся участвовать в них, демонстрировали тем самым поддержку руководству КПЮ, согласие с установившейся в стране однопартийной диктатурой. К тому же аккумуляция дополнительных средств за счет фактического выведения их из повседневного обращения содействовала сдерживанию инфляции.

Выполнение годовых заданий пятилетнего плана происходило прежде всего благодаря усилиям и серьезным жертвам населения. Власти широко использовали труд молодежных трудовых бригад. Это позволило завершить строительство крупных производственных объектов в добывающих отраслях, лесном хозяйстве, строительстве (металлургический комбинат в Никшиче, заводы по производству медного проката в Севойне, по производству кабеля в Светозарево, паровых котлов и гидравлического оборудования в Загребе, текстильной фабрики в Нови-Пазаре и др.). О масштабах народного участия дает представление строительство железнодорожной ветки Добой – Баня-Лука, на котором в 1951 г. было занято 86 тыс. членов молодежных ударных строительных бригад. Всего же в строительстве других 543 объектов приняло участие почти миллион юношей и девушек. Трудовое соревнование на производстве превратилось в постоянный метод действий в промышленности и на стройках по всей стране, особенно на шахтах и лесной промышленности. Кампания по перевыполнению плановых заданий использовалась руководством КПЮ повсеместно как моральный и политический импульс для дальнейшей мобилизации населения, усиления контроля над ним как на производстве, так и в повседневной жизни.

Впрочем, жесточайшая эксплуатация человеческого потенциала лишь в самой незначительной мере могла возместить нехватку инвестиций, сырья и недостаточный технологический уровень производства. В самом югославском руководстве со временем приходили к осознанию неприемлемости подобного решения проблем. 27 июня 1952 г. на заседании ЦК КПЮ указывалось на то, что девушки-комсомолки «выполняют такие задания, которые недопустимы» и в результате «будут потеряны тысячи и тысячи матерей детородного возраста. В качестве примера приводилась Славония, где в октябре комсомолки работали в воде выше колен³.

Вопреки огромным усилиям и самопожертвованию граждан, которых удалось мобилизовать на выполнение производственных целей, плановые показатели во многих отраслях так и не были достигнуты, прежде всего, из-за изначально нереальных плановых заданий, недостатка промышленных машин и оборудования, снижения импорта сырья, что соответственно, имело последствием недостаточное использование и существовавших промышленных мощностей (на которые был расчет при планировании пятилетки). Тем не менее, результаты предпринятых КПЮ усилий были очевидны. В результате колоссального перенапряжения общества с 1950 до 1952 г. в Югославии был построен ряд крупных заводов, фабрик, гидроэлектростанций и иных объектов, которые задали вектор ее

дальнейшего индустриального развития. Успехи широко пропагандировались. К примеру, открытие современного дорожного сообщения части пути Белград–Загреб, длина которого составляла 400 км, было преподнесено как победа избранного курса.

В целом же экономика Югославии продолжала серьезно отставать в развитии. Это было заметно не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Примитивная техника мелких крестьянских хозяйств была не в состоянии обеспечить большие урожаи. Снабжение продуктами питания армии и городского населения, численность которого в результате индустриализации значительно возросла, требовали, чтобы Югославия импортировала зерно. Административная система заготовок и плановая жатва еще больше уменьшали и без того скудные урожаи. Несмотря на это, югославское руководство по-прежнему искало выход из сложившейся ситуации в традиционных мерах преобразования села по примеру СССР.

Второй пленум ЦК КПЮ (28–30 января 1949 г.) принял решение о быстрой коллективизации села посредством создания коллективных трудовых задруг (КТЗ) – югославских колхозов. Данное решение имело под собой уверенность в том, что создание колхозов приведет к повышению производства, улучшению положения самих сельскохозяйственных производителей при росте их поставок для промышленности, армии и городского (прежде всего рабочего – основы диктатуры КПЮ) населения. В резолюции пленума «Об основных задачах КПЮ в области социалистического преобразования села и улучшения сельхозпроизводства» указывалось, что, «как самое успешное средство для социалистического преобразования села и улучшения нашего сельского хозяйства, проявили себя КТЗ», которые «представляют самую подходящую форму объединения частных интересов трудового крестьянина с общим интересом социалистического сотрудничества». Согласно этой резолюции, было «необходимо и возможно подойти к созданию коллективных трудовых задруг с большей смелостью и более быстрым темпом» с тем, чтобы «при этом не сметь потерять из вида, что создание КТЗ должно и в дальнейшем быть исключительно на основе добровольной и сознательной решимости самого трудового крестьянства»⁴.

Вместе с тем заявления Коминформа о преобладании в Югославии на селе кулачества, подстегнули в руководстве КПЮ желание опровергнуть эти заявления за счет проведения жесткой политики на селе. После пленума ЦК КПЮ началось резкое увеличение числа членов в существовавших задругах и создание новых. Этот процесс перерос в подлинную кампанию, в рамках которой уже не обращали внимания ни на принцип добровольности, ни на хозяйственную рентабельность. Часть крестьянства входило в трудовые задруги по принуждению органов власти или под давлением ближайших родственников-коммунистов, членов местных комитетов, офицерского корпуса ЮНА или солдат, уже отслуживших в армии.

Впрочем, для части сельского населения вступление в колхозы имело вместе с тем и некоторый положительный эффект. Оно означало освобождение от серьезного налогового бремени и от обязательств, которые частные хозяева несли во время заготовительной кампании. Особенно выигрывали от новых хозяйственных форм на селе безземельные и бедные крестьяне. Становясь членами коллективных хозяйств, они в значительной мере поднимали свой жизненный уровень, уравнивая его с зажиточными хозяевами, которые также становились равноправными с ними членами общих хозяйств.

Резкие темпы коллективизации привели к негативной реакции сельских жителей. Несмотря на весьма жесткие действия властей по коллективизации частных хозяйств

и яркие лозунги о необходимости увеличивать урожаи и надои, сельскохозяйственное производство молодой республики под руководством КПЮ не восстанавливалось в довоенных масштабах королевской Югославии, а убой скота – в ответ на репрессивные методы коллективизации, был массовым. Несмотря на то, что проводившаяся политика КПЮ на селе свела возможности политически организованного сопротивления крестьянства к минимуму, а разгром за несколько лет до этого крестьянских партий лишили селян возможностей организованного выражения недовольства своим положением, режим чувствовал себя беспокойно и не был удовлетворен состоянием дел в деревне. Страна фактически оказалась на пороге голодных бунтов.

Напуганные проявлениями насилия и так называемыми выборочными наказаниями, крестьяне отвечали доступными им ответными мерами, которые на жаргоне активистов КПЮ назывались «саботажем»: прятали зерно, не выполняли предписания об обязательных посевах, засеивали меньшие площади, выпускали скотину в лес (в горы) или просто ее резали. Некоторые даже отдавали свои участки государству. Происходили и отдельные попытки крестьян физически помешать лицам, ответственным за откуп зерна. Впрочем, среди вступивших в колхозы «добровольно», значительная часть считала эту линию своего поведения единственной возможностью избежать давления, которое государство на них оказывало откупом, налогом и другими мерами.

Если во многих сферах экономики период конца 1940-х – начала 1950-х годов отмечался поиском новых форм хозяйствования, то для сельского хозяйства и крестьян эти годы были самыми тяжелыми. Обязанности по продаже продукции, несмотря на снижение производства большинства продовольственных товаров, были значительно увеличены, а административное и насильственное создание трудовых задруг было в самом разгаре. Самое большое давление чувствовали на себе крестьяне в хлеботорных областях – Воеводине, Славонии, некоторых частях Сербии и Боснии, где норма продразверстки была самой высокой, а действия по созданию сельских трудовых задруг самыми жесткими и последовательными. Вместе с тем и в так называемых «пассивных» краях крестьянам было не многим легче, ибо зачастую они были на грани голода.

1950 год был отмечен крестьянскими беспорядками во многих частях страны. Тревожные события тщательно замалчивались официальными властями, но сообщения о них, тем не менее, доходили до дипломатических миссий и разведслужб Запада. Как правило, мятежи не сопровождалась политическими требованиями. Бунтовщики направляли свой гнев на местных руководителей или тех, кто понуждал их к выполнению необходимых обязанностей.

Наиболее драматичные события, связанные с недовольством крестьян, произошли в начале мая 1950 г. на территории Боснии и Герцеговины в Цазинском и Кладушском срезам (уезд/район. – А.Е.), а также на территории Хорватии в Слунском срезе. Они получили название Цазинского бунта. В этих районах недовольство среднего и мелкого крестьянства, вызванное тяжелым положением, вылилось в волнения. В результате несколько сотен бунтовщиков, во главе которых оказались так называемые первоборцы – участники коммунистического партизанского движения против оккупантов с 1941 г. – разграбили склады с зерном, разобрали по домам колхозное имущество и даже заняли местное отделение милиции. Одновременно в Кладушском срезе, где в волнениях участвовали несколько десятков человек, были разгромлены склады с оружием. Наиболее организованно действовали бунтовщики в Слунском срезе, где несколько групп, полу-

чивших поддержку от повстанцев из Цазина, весьма скоординировано собрали оружие, сожгли архив местного народного комитета, прервали телефонную связь. Однако после неудачного вооруженного нападения на одно из местных отделений милиции повстанцы разошлись по домам.

Репрессии в отношении бунтовщиков со стороны довольно быстро пришедших в себя местных властей были жестокими. Каратели арестовали почти восемьсот участников событий. Перед военным судом предстало 288 крестьян. Смертная казнь была вынесена семнадцати повстанцам, остальные получили тюремные сроки длительностью от 10 до 17 лет. 436 чел. были наказаны лишением свободы на срок от трех месяцев до двух лет принудительных работ⁵.

Среди крестьянских волнений в Сербии наибольшую известность получил так называемый «марш» смедеревских селян на Белград в июле 1950 г., как и в Боснии, вызванный недовольством действиями местного руководства. Около 600 крестьян организовано прошли пешком от Смедерева до Белграда с тем, чтобы подать жалобу главе правительства Сербии на «бюрократический волюнтаризм» местных руководителей. Крестьянам пообещали, что «причины их недовольства будут устранены», после чего они разошлись по домам. Однако уже в январе 1951 г. в районе Смедерева были арестованы 25 местных руководителей, обвиненных в сочувствии Информбюро. В феврале были арестованы около 40 участников марша на Белград, из которых 23 осуждены на закрытом заседании суда⁶.

В 1950 г. помимо марша смедеревцев и Цазинского бунта крестьянские волнения проходили и в других частях Югославии. В частности, столкновения крестьян и властей произошли в южной Македонии в селах вдоль дороги Радовише – Штип.

Несмотря на то, что сопротивление мерам государственной политики на селе носило локальный характер, КПЮ не могла не понимать, что аграрная политика дестабилизировала политическую ситуацию. Как пишет исследователь аграрных перемен в ФНРЮ В. Гудац-Додич, «хотя проведенная по советскому образцу коллективизация сельского хозяйства в рамках Югославии никогда не была проведена полностью, ее разрушительные результаты и открывшиеся возможности помощи Запада продовольствием, зерном и кредитами привели к отказу от дальнейшей коллективизации»⁷.

Результаты провальной политики на селе сказывались еще долго. В период с 1951 по 1955 г. ФНРЮ ежегодно импортировала 80 тыс. вагонов зерна. На каждого ее жителя приходилось в среднем 50 кг зерна, которое было ввезено. При этом все городское население потребляло хлеб, мука для которого была изготовлена из импортного зерна⁸.

Опубликование 30 марта 1953 г. Распоряжения об имущественных отношениях и реорганизации сельских трудовых задруг стало юридической основой для их расформирования и отказа от использования колхозной модели. Основным принципом Распоряжения стало обеспечение полной свободы вступления в трудовые задруги и выхода из них. Членам существовавших трудовых задруг было разрешено их покинуть уже в 1953 г. В документе было предусмотрено регулирование отношений между трудовыми задругами и их членами договором. Допускалось, что каждая задруга могла разработать свои собственные правила. Народным комитетам были даны большие права по подготовке как к реорганизации трудовых задруг, так и к их расформированию и решению вытекающих из этого проблем.

Спасая лицо, югославские руководители отмечали, что полезным результатом прежней линии в отношении трудовых задруг, было понимание, что колхозы могут созда-

ваться только экономическими, а не принудительными мерами. При этом признание за крестьянами права выхода из задруги должно быть реальным, а не пустой формальностью. В будущем задруги должны были организовываться спонтанно, без давления со стороны. Гарантию от обновления действия «реакционных сил» на селе власти видели в сохранении таких мер давления на частный сектор («инструментов классовой политики») как определение цен, налогов и выдача кредитов⁹.

Несмотря на исправление «ошибок», дальнейшее развитие ситуации на селе не пошло по рельсам, задуманным югославским руководством. Число задруг после распоряжения в марте 1953 г. неуклонно снижалось: в 1953 г. их было 1258, в 1954 г. 1236 (по другим данным – 900), в 1955 г. – 896, в 1956 г. – 706. В 1958 г. их число снизилось до 384, а к 1960 г. – до 147¹⁰.

22 мая 1953 г. Союзное вече и Вече народов Народной скупщины ФНРЮ приняли Закон о сельскохозяйственном земельном фонде общенародной собственности и выделении земли сельскохозяйственным организациям. Официальным обоснованием его принятия стал тезис о необходимости реализации принципа, по которому земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает. Утверждалось, что он нужен для защиты трудового крестьянина от эксплуатации, развития сельского хозяйства в соответствии с социалистическими общественными отношениями, а также и обеспечения права собственности крестьян на землю, которую они обрабатывают своим трудом. Главным в законе было то, что ранее установленный земельный максимум в 35 га для сельских хозяйств был снижен до 10 га. В отдельных случаях допускалось владение 15 га, когда несколько родственных семей создавали семейную задругу в тех районах страны, где имелись подобные традиции. При плохом качестве земель допускались и большие площади. Закон затронул значительное число хозяйств. Он предусматривал создание земельного фонда, в который вошли земли, находившиеся в общенародной собственности, а также сельскохозяйственные земли крестьян, превышающие 10 га. В целом по стране в фонд общенародной собственности было передано 275 900 га «излишков» земли от 66 459 хозяйств¹¹.

Помимо земельного максимума в направлении ограничения частнособственнических тенденций в сельском хозяйстве, в стране действовал и ряд других мер разностороннего ущемления интересов сельского населения. Югославское руководство никогда не забывало о численном превосходстве крестьянства в населении страны и заключенной в этом обстоятельстве огромной скрытой политической силе. Поэтому руководство КПЮ и страны не позволяло никакой политической артикуляции крестьянских интересов вне рамок компартии. Однако это не означало, что коммунистический режим не имел политической поддержки части крестьянства, все еще сохранявшейся со времен Второй мировой войны.

Непосредственное вмешательство государства в частную собственность крестьян, которое после неудач коллективизации появилось в форме нового земельного максимума (15 га), привело к созданию атмосферы неуверенности на селе, неизвестности и страха владельцев земли в отношении собственности на землю. Опыт предыдущего десятилетия не внушал крестьянам уверенности в том, что государство окончательно отказалось от административного вмешательства в их жизнь и труд. Атмосфера нестабильности, созданная на селе, вынудила лидеров КПЮ и ФНРЮ неоднократно подчеркивать, что земельного передела в стране больше не будет.

В 1952–1953 гг. югославское руководство пришло к выводу о необходимости отказа от использования административных мер и поощрения свободного объединения произ-

водителей сельхозпродукции. Помимо неблагоприятных политических и экономических последствий коллективизации на этот новый курс оказало существенное влияние то, что в начале 1950-х годов страна развивалась в условиях чрезвычайной ситуации: блокады со стороны советского лагеря на Востоке и ограниченной поддержки со стороны Запада, кульминации холодной войны – военных действий в Корее. В результате этого и в самой Югославии затраты на оборону были повышены до 24 % национального дохода, в то время как на инвестиционные цели развития выделялось всего лишь треть национального дохода. Общую ситуацию ухудшили также две катастрофические засухи. В итоге темпы развития страны в 1950–1953 гг. были ниже, чем в 1947–1948 гг.

Представление о сложности ситуации, в которой оказались югославские лидеры, дает запись заседания политбюро ЦК КПЮ 4 декабря 1950 г. На нем Тито заметил, что «после нападения Китая на Корею в Западной Европе положение капитулянтское» и не исключил возможность того, что «русские через вассалов попытаются что-то сделать». Он попытался «выстроить план на случай войны», указав на необходимость отказа от концентрации управления в одном месте и разобраться с состоянием бомбоубежищ. Оказалось (со слов Ранковича), что они не строятся на новых предприятиях и в жилых зданиях, причем даже там, где планировалось. К. Попович указал на необходимость предусмотреть меры по подготовке к гражданской обороне и лекций об атомной бомбе. На заседании говорилось о недостаточно развитом дорожном сообщении и нехватке мостов. Среди принятых решений было указание «укрепить разведслужбу», начать работу над убежищами. Помимо этого принято решение увеличить инвестиции на строительство дорог (взять их из жилищного фонда), а также предложено упорядочить работу комиссии по подготовке к войне. Помимо этого было принято решение «изучить возможности получения оружия и предпринять в этом направлении конкретные меры»¹². Приведенный пример показывает, что большинство из мер югославского руководства были похожи скорее на «чрезвычайщину», чем на продуманный курс преобразований.

В условиях по существу экономической блокады с Востока, и ограниченной поддержки Запада для югославских лидеров стало очевидным, что сохранение прежних методов хозяйствования приведет к скорой неизбежной национальной катастрофе. Задачи выживания режима поставили югославское руководство перед необходимостью преодоления традиционной дилеммы – возвращение к методам хозяйствования, принятым в капиталистическом мире в последние 150–200 лет, или продолжение движения по модели тоталитарной командной коммунистической экономики. Первый вариант перечеркивал идеи, которые сначала пропагандировала, а затем – навязывала югославским народам и обществу КПЮ. Подобный возврат делал бессмысленной и репрессивную политику красного террора, проводившуюся после 1944 г. К тому же устраненные коммунистами буржуазия и политическая элита, оказавшиеся к тому времени на Западе, владели методами капиталистического хозяйствования намного лучше, пользуясь при этом поддержкой ведущих западных государств. Вместе с тем резкая антисталинская критика, начавшаяся после второй резолюции Информбюро (ноябрь 1949 г.) вынуждала победившую коммунистическую элиту, сплотившуюся вокруг Й. Броза Тито, к необходимости отыскать и предложить стране некий третий альтернативный путь развития.

Общее направление нового курса было задано Тито на заседании Политбюро ЦК КПЮ, состоявшемся 30 августа 1949 г. во время обсуждения занятой правительством ФНРЮ позиции в отношении угроз со стороны СССР. Югославский лидер, подводя его

итоги, заметил, что вынесение спора с Москвой перед ООН было бы преждевременно и «не следует соглашаться на предложения англо-американцев принять от них оружие». Именно тогда он заметил: «Мы не можем допустить, чтобы империалисты использовали для себя наш спор с СССР. Мы идем своим революционным путем»¹³.

ПЕРЕХОД К САМОУПРАВЛЕНИЮ. Разработка собственного специфического пути социалистического строительства занимала умы целой группы югославских руководителей того времени – Б. Кидрича, Э. Карделя, М. Джиласа, М. Пияде, В. Бакарича и других, сверявших свои поиски с мнением Й. Броза Тито. В основу исканий был поставлен известный тезис К. Маркса об отмирании государства и самоорганизации общества на основах самоуправления и непосредственной демократии. В процессе теоретических поисков и стремления объяснить причины нападков на Югославию сталинского Советского Союза югославские лидеры стали размышлять об основах советского строя. Острые критики было направлено на сталинскую систему. Однако со временем югославские лидеры обнаружили серьезные расхождения основоположников марксизма и с ленинской моделью государства. Тем не менее, дальше критики «сталинских искажений» и необходимости возврата к ленинскому пониманию марксизма они не пошли.

Последовавшие за этим шаги по созданию системы организации экономики и общественно-политического устройства, распространявшегося в условиях тоталитарного режима на организацию всей жизни общества в соответствии с принципами теоретиков марксизма последней трети XIX ст., получили название так называемого подлинного (аутентичного) социализма, именуемого для краткости и ясности «югославским самоуправлением». Эти действия руководства КПЮ, имевших в начале 1950-х годов тотальный контроль над страной, стали первой попыткой реформирования «реального социализма» сталинского образца и отличительной чертой югославского эксперимента, который с этого времени в течение нескольких десятилетий привлекал к себе внимание интеллектуальных сил всего мира.

Создание югославской концепции самоуправления стало результатом общих усилий всего руководства КПЮ и ФНРЮ, но особая роль в этом принадлежала Б. Кидричу, Э. Карделю и Й. Броз Тито. Нетрадиционными подходами к строительству социалистической жизни выделялся председатель Плановой комиссии ФНРЮ Б. Кидрич, сыгравший пионерскую роль в этом направлении. Конфликт с Москвой 1948 г. послужил серьезным импульсом к его углубленным поискам. Как вспоминал С. Вукманович-Темпо, именно Кидрич разработал и предложил ЦК КПЮ систему управления, при которой трудовые коллективы сами бы принимали решения об определении доли прибыли, идущей, во-первых, на накопление, и, во-вторых, на формирование заработка членов коллектива предприятия. «Все мы поддержали его положения, – вспоминал С. Вукманович-Темпо, – и на этом дискуссия о новой хозяйственной системе была практически завершена. Осталось только разработать необходимые условия, которые помогли бы провести ее в жизнь»¹⁴.

Уже в конце 1948 г. Б. Кидрич подготовил, а в первом номере издания «Коммунист» за 1949 г. опубликовал текст под названием «Характер товарно-денежных отношений в ФНРЮ». Он посвятил его обоснованию тезиса о том, что «план становится основным законом общественного развития, но естественные законы процессов труда становятся во все большей степени основными законами планирования». При этом под «естествен-

ными законами процесса труда» в социалистическом обществе, точнее, при его строительстве, Б. Кидрич имел в виду экономические законы, и среди них – закон стоимости в первую очередь, так как «оценка общественного труда и вознаграждение за него в социалистических производственных отношениях возможны единственно через стоимостной расчет общественного труда в его денежной форме»¹⁵.

Кидрич развил свою позицию на Втором пленуме ЦК КПЮ в январе 1949 г. В выступлении «Злободневные вопросы нашей хозяйственной политики», поясняя свои взгляды на роль государственного планирования и товарно-денежных отношений в социалистическом обществе в новых условиях, он заявил: «Время требует от нас оставить известные чрезвычайные хозяйственные меры и методы работы, которые были неизбежными сразу после войны и в первые годы строительства социализма, и перейти к более нормальному развитию»¹⁶. Резкой критике при этом были подвергнуты те руководители (по его словам, «к сожалению, абсолютное большинство»), которые «альфой и омегой планового хозяйства, вершиной социалистического планового хозяйства» считают так называемое «распределительное планирование». Планирование, заметил Кидрич, можно вообще довести до полного абсурда, если не иметь в виду «непосредственное влияние потребления, то есть *рынка*, на непосредственное производство». Социализм как первая стадия коммунизма, подчеркивал он, имеет ту особенность, что распределение по труду в нем имеет форму распределения «через деньги». А поскольку это так, «в процессе строительства социализма практически не существует возможности удовлетворения всех человеческих потребностей без какого бы то ни было уважения неумолимых экономических законов, среди которых находится и закон равновесия денежных и товарных потоков».

Й. Броз Тито довольно быстро оценил значимость новой идеи. 26 июня 1950 г. в выступлении в Народной скупщине ФНРЮ он уже говорил о политическом значении создания рабочих советов на предприятиях. (Через два года, в ноябре 1952 г., курс на передачу «управления предприятиями в руки рабочих» был закреплен в резолюции VI съезда КПЮ)¹⁷.

В ноябре 1950 г. увидела свет работа, завершившая размышления Б. Кидрича о преобразовании социалистической экономической и общественной системы – «Тезисы об экономике переходного периода в нашей стране». В ней он сформулировал и почти афористическим языком выразил основы теории «преобразования государственного социализма в свободную ассоциацию непосредственных производителей». К этому времени Б. Кидрич практически завершил теоретическую критику «государственного бюрократического социализма», который, по его словам, должен представлять собой лишь краткий шаг на пути социалистического строительства, потому что в противном случае, если этот этап продолжится, он «скрывает в себе ряд крупных опасностей для дальнейшей судьбы революции и социализма».

Свои взгляды Кидрич активно отстаивал на заседаниях политбюро, пленумах ЦК КПЮ, а также тех директивных органов, где был задействован как глава Плановой комиссии ФНРЮ. Однако осенью 1952 г. он тяжело заболел, а в апреле 1953 г. скончался. Уже во время его болезни и на последующие десятилетия роль главного теоретика концепции самоуправления перешла к Э. Карделю. Его первым серьезным выступлением по этой проблеме стал доклад о Конституционном Законе 1953 г. на заседании Народной скупщины ФНРЮ 12 января 1953 г. Вслед за этим Кардель выступил 10 ноября 1953 г. с докладом «О некоторых проблемах социалистического общественного управления».

Выступления ведущих югославских руководителей развивали и оттачивали формулировки, обосновывавшие новую общественную систему в стране. Вместе с этим и сама практическая жизнь в стране двигалась в направлении перемен, отхода от сталинской модели общественного развития. В середине 1949 г. и в начале 1950 г. все чаще говорилось о децентрализации управления. Уже в 1949 г. произошла частичная децентрализация в финансовой сфере. Новая форма финансирования скорректировала инвестиционную политику, которая стала лучше учитывать потребности хозяйства и предполагала более эффективный контроль за вложенными средствами. Одной из вех на пути перемен стал принятый в мае 1949 г. закон о народных комитетах. Он закрепил «регулирующие и контрольные» функции народных комитетов, которые в результате этого стали в еще большей мере руководящими органами. Организационные изменения произошли и в партийном аппарате. В феврале–марте 1950 г. была проведена реорганизация органов госуправления. 27 июня 1950 г. принят закон об управлении хозяйственными предприятиями, который помимо всего прочего был направлен на то, чтобы показать, что процесс отмирания государства больше не следует откладывать.

Лозунги о передаче земли крестьянам и фабрик рабочим были напрямую противопоставлены «бюрократической заразе» – одному из самых главных врагов социализма. В речи, прочитанной по поводу принятия Основного закона об управлении государственными хозяйственными предприятиями, Й. Броз Тито указал на три актуальных вопроса югославского социализма – «отмирание государства», которое должно начаться немедленно; обуздание процесса сращения партийного и государственного аппарата и превращения партии в аппарат насилия; трансформация государственной собственности в общественную¹⁸.

Введение так называемого рабочего самоуправления (в 1950 г. был принят Закон об управлении государственными хозяйственными предприятиями со стороны трудовых коллективов, в обиходе – «закон о передаче фабрик в управление трудящимся») подразумевало, что управление предприятиями и участие в распределении дохода переходило теперь трудовым коллективам и производителям. Жесткое планирование было заменено определением и утверждением «основных пропорций», управляющие и руководящие функции государственных органов в значительной мере снижены. В то же время процесс децентрализации, децентрализации и демократизации неизбежно инициировал перенос дел союзных органов на республиканские, а республиканских на более низкие органы управления.

Частью «большого поворота» стало и осуждение «деформаций» и иных искривлений в правовой системе ФНРЮ, которые произошли в 1948–1951 гг. На IV пленуме ЦК СКЮ были подвергнуты критике деятельность судов и управления государственной безопасности (УДБ), которая оказалась «над властью и законом»¹⁹.

Процесс децентрализации охватил все составные части югославской федерации. Во время периода абсолютной власти государства позиция руководства КПЮ заключалась в том, что все самые важные предприятия находились в компетенции союзного правительства (хотя фактически все решения принимались партийной верхушкой), а стремление отдельных республик поставить под свой контроль как можно большую часть экономики называлась антигосударственной тенденцией. Теперь же, со второй половины 1949 г. ситуация стала меняться. Б. Кидрич в сентябре 1949 г. предостерегал от нарастания сверх всякой меры «бюрократизма в государственном аппарате» и потребовал радикальной децентрализации государственного управления («передать республикам

все, что возможно»). Тем не менее, в начале 1950 г. он же подчеркнул, что децентрализацию не следует понимать как «некое укрепление республиканского суверенитета». В июне 1950 г. на заседании Экономического совета Кидрич указал на опасность замыкания бюрократического централизма в республиках. Все это было необходимо преодолеть при помощи самоуправления, приближения управления хозяйством к непосредственным производителям.

Тем временем в ходе начавшейся децентрализации республики получали все больше и больше рычагов влияния в экономической и общественной жизни. Уже в конце 1949 г. в их компетенцию перешли все предприятия по производству текстиля, кожи и обуви, а несколько месяцев позднее, в апреле 1951 г., – все ключевые отрасли хозяйства (черная металлургия, цветная металлургия, машиностроение, нефтяная промышленность). При этом численность работников союзного аппарата была снижена на 40–60 %. Опасность республиканского эгоизма в полной мере еще не осознавалась. В то время югославским коммунистам казалось, что развитие самоуправления и сохранение ведущих позиций рабочего класса лучше всего объединяют югославское государство и снимают с «повестки дня» национальный вопрос²⁰.

VI съезд югославских коммунистов. В рамках начатого процесса ограничения роли государства и децентрализации управления общественными делами с объективной необходимостью встал вопрос о новых методах работы коммунистического руководства. Другими словами, после введения системы рабочего самоуправления на первый план должна была выйти дискуссия о месте КПЮ (разумеется, прежде всего значительного слоя партийных чиновников) и ее руководящей роли в условиях начатого процесса обобществления («отмирания») отдельных функций государства.

Уже в 1950 г. происходили постепенные изменения в формах работы КПЮ. Акцент делался на отделении ее от властных функций, все больше говорилось о стремлении действовать методами политической и идейной борьбы; усилении работы общественно-политических организаций и радикальном снижении численности профессионального аппарата КПЮ. В выступлениях руководителей партии и страны звучали призывы к коммунистам быть впереди всех в сознательности, воспитывать массы примером, добровольным трудом, силой убеждения. Говорилось о необходимости того, чтобы теоретические установки КПЮ развивались на основе борьбы мнений и ее члены могли свободно высказываться о позициях и поведении каждого партийного функционера²¹.

На Четвертом пленуме ЦК КПЮ, состоявшемся 3–4 июня 1951 г. эти идеи были закреплены принятием Резолюции о теоретической работе КПЮ, в которой было записано, что все члены партии имеют право свободно, устно или в партийной и другой печати, вести дискуссию о взглядах отдельных членов КПЮ, высказанных ими в публичной форме, без учета того, какие посты эти люди занимают²². После пленума была проведена реорганизация отдела ЦК КПЮ по агитационно-пропагандистской работе. Одновременно в армии были отменены должности комиссаров.

Как было принято считать в югославском обществоведении, закладывая основы новых социальных отношений, основанных на общественной собственности на средства производства под управлением непосредственных производителей, КПЮ постепенно оставляла применявшийся до этого административный стиль партийной работы, заменяя его методом идейной борьбы и политической работы.

Все эти процессы, развивавшиеся достаточно последовательно уже с начала 1950-х годов, получили оформление на VI съезде КПЮ, состоявшемся в Загребе 2–7 ноября 1952 г. В выступлениях руководителей и в прениях делегатов жесточайшей критике подвергся сталинский ревизионизм и догматизм. Введение рабочего самоуправления делегаты оценили как рубеж в развитии социалистических общественных отношений. Общественное развитие, выраженное в рабочих советах, в изменившемся положении предприятий, в изменении роли КПЮ в обществе, – означало новую концепцию строительства социализма. Подчеркивалось, что эта концепция пробивает себе путь в условиях сильного внешнего давления и при сопротивлении сил внутренней бюрократической контрреволюции.

На съезде тезис о необходимости реформы всей системы управления были применены и к компартии Югославии, переименованной по аналогии с одноименным обществом К. Маркса в Союз коммунистов Югославии. В резолюции съезда указывалось: «Союз коммунистов не является и не может быть в своей работе непосредственным оперативным руководителем и приказчиком ни в государственной, ни в общественной жизни, но своей политической и идейной деятельностью, прежде всего за счет убеждения, действует во всех организациях, органах и учреждениях, агитируя за принятие его курса и позиций, или позиций отдельных его членов»²³.

Таким образом, VI съезд объявил об изменении роли и характера самой партии, т.е. о перемещении центра тяжести ее деятельности с административно-хозяйственной работы на преимущественно политическое и идейное влияние в обществе. Наряду с этим была подчеркнута и «усиленная ответственность» партии. В выступлениях на съезде и его итоговых документах была четко очерчена непосредственная ответственность членов КПЮ в борьбе с тенденциями, которые угрожали, по мнению его участников, самим основам социализма в Югославии.

На съезде критиковались и проявления закрытости партии, сектантства и бюрократизма руководителей, особенно партийного аппарата. Устав СКЮ подтвердил основы открытости работы организаций и руководства СКЮ, закрытые собрания были предусмотрены только в случае внутривнутрипартийных вопросов. Устав предусматривал и то, что членство в СКЮ не влечет за собой никаких общественных или материальных привилегий. Была усилена самостоятельность первичных организаций (они могли теперь сами принимать решения о приеме новых членов) и партийных руководителей низового звена. Были отменены кандидатский стаж для вступления в СКЮ и понятие «кандидат в члены ЦК СКЮ», а также первичные организации в государственных органах, с тем, чтобы их члены имели связь с территориальными партийными организациями.

Тем не менее, все эти изменения не затронули сути установившейся в Югославии системы, остававшейся однопартийной диктатурой. В этом смысле для Тито существовал только один путь развития. В его выступлении на съезде было отмечено, что «многопартийная система означает несколько партий и программ развития общества»; наличие нескольких партий ведет к реставрации капитализма и «организованному разрушению завоеваний революции». Наряду с этим в международных отношениях и отношениях между «социалистическими странами» допускалась возможность различных путей построения социализма.

При всей своей поистине революционной работе по изменениям в партии и обществе, съезд не был последователен ни в подготовке принимаемых решений, ни в их воплощении, что свидетельствовало об имевшихся уже в то время скрытых разногла-

сиях в самом узком руководстве партии и страны. Так, на съезде не нашло поддержки предложение Джиласа о подготовке новой программы партии и создании для этого специальной комиссии.

С принятием на VI съезде югославских коммунистов смелого политического решения о существенном изменении роли, содержания и методов работы компартии, с перенесением основной работы «в массы» начался тяжелый и длительный процесс преобразования СКЮ, который имел весьма противоречивый характер.

В контексте изменений роли СКЮ в стране (еще до их закрепления в решениях VI съезда) происходили и изменения роли других югославских общественных организаций. Все эти организации, исполнявшие функции «приводных ремней» партии, постепенно приобретали новые задачи. Их деятельность больше не сводилась к участию в тотальном контроле над обществом и народом. Так, в конце октября 1950 г. III съезд Антифашистского фронта женщин прошел под знаком мобилизации женских организаций в решении проблем работающих женщин. Тем самым основная тяжесть деятельности этих организаций была перенесена на заботу о материнстве и права работающих женщин, и, вместе с тем, на более активное вовлечение их в общественные дела. На IV съезде Антифашистского фронта женщин, состоявшемся в сентябре 1953 г. эта организация изменила название на Союз женских обществ Югославии и заявила, что своей задачей считает занятие конкретными проблемами, связанным с положением женщин в обществе, развитием домашнего хозяйства, организацией защиты детей и их воспитанием.

Изменения происходили и в деятельности организации Народной молодежи Югославии (НМЮ). Она сменила свой профессиональный аппарат управленцев после решений своего ЦК в декабре 1950 г. В число ее задач были введены забота об идейно-политическом и культурном развитии молодежи, о ее свободном времени и занятиях спортом. Отличительной особенностью нового Устава НМЮ, принятом на V съезде в марте 1953 г., было отсутствие в нем положения о непосредственном подчинении Союзу коммунистов. В то же время молодежная организация продолжала использоваться югославским руководством для мобилизации юношей и девушек для участия в больших стройках.

Вектор перемен, сформулированный на VI съезде СКЮ, в самой значительной мере оказал влияние на решения IV съезда Народного фронта Югославии (22–25 февраля 1953 г.). Участники форума изменили название организации на Социалистический союз трудового народа Югославии (ССТНЮ). Изменение названия было мотивировано, в том числе, потребностями ее деятельности по установлению сотрудничества с социалистическими силами и движениями на международной арене. Съезд принял Декларацию о целях и задачах организации и Устав. ССТНЮ понимался как политическая трибуна, которая делает возможным на основе свободной дискуссии, критики и борьбы мнений искать решения отдельных проблем социалистического развития при участии самого широкого круга трудящихся, включая и верующих.

Реорганизация власти. Новые принципы организации югославского общества, родившиеся и развитые во время конфликта со странами коммунистического блока во главе с И.В. Сталиным, нашли отражение в Конституционном законе 1953 г. Разработка этого документа была начата еще в декабре 1951 г., и он прошел длительное обсуждение в партийных органах. Причем эксперты-правоведы, занимавшиеся разработкой Кон-

ституционного закона, работали по директивам политбюро ЦК КПЮ, где за конституционную реформу отвечали Э. Кардель и М. Пияде²⁴.

Проект появился в условиях, когда во всех неудачах в хозяйственном развитии Югославии обвинялась бюрократия, а государственная и партийная верхушка была озлоблена «разгромом бюрократизма», понимавшихся как наследие, связанное с копированием опыта сталинского СССР. По сравнению с Конституцией 1946 г. проект Конституционного закона предусматривал существование двухпалатной Народной скупщины.

Союзное вече составляли два вида депутатов – срезские и городские, избранные на непосредственных выборах (1 депутат от 60 000 жителей) и депутаты, которых выбрали республики (по 12 чел.), автономный край Воеводина (7 депутатов) и автономная Косовско-метохийская область (4 депутата). Вторая палата – Вече производителей – заменила Вече народа, переставшее существовать как отдельная палата. Вече производителей составляли делегаты «рабочих советов и других хозяйственных организаций», «соразмерно своему вкладу в общественное сообщество, выраженное в общественном производстве»²⁵. По замыслу руководства СКЮ, Вече производителей должно было выражать диктатуру пролетариата и обеспечивать руководящую роль рабочего класса в распоряжении «излишками труда». Проект Конституционного закона предусматривал, что республиканские скупщины, а также скупщины Воеводины и Косово и Метохии, также будут формировать свои Веча производителей.

Союзные и республиканские органы государственного управления, по проекту Конституционного закона, получали административный характер и переводились под непосредственное политическое руководство и контроль союзного и республиканских президиумов. Функцию министра стали выполнять государственные секретари и председатели совета в республиках. Союзный Президиум и президиумы республик как высшие органы Народной скупщины, коллективные рабочие органы и органы политического руководства государственным управлением были ответственны за общее развитие ситуации в государстве²⁶.

В ходе выдвижения проекта этого документа Э. Кардель сделал акцент на то, что его принятие обеспечит государственное единство и в то же время полное равноправие народов Югославии. По его мнению, это должно было произойти вследствие учета реальных национальных и экономических интересов, не имевших «ничего общего с конфузными теориями о слиянии югославских народов в одну югославскую нацию». Ключевая позиция его выступления состояла в том, что «старая и пресловутая теория так называемого интегрального югославизма была и останется в будущем настолько реакционной, насколько и неосуществимой», что «югославское социалистическое сообщество не создается на базе неких национальных теорий и теорий о слиянии языка или национальных культур». Кардель настаивал на том, что югославское сообщество «зиждется на совместном общественном интересе всех трудящихся, несмотря на их национальную принадлежность и поэтому крепче любого другого возможного сообщества... Это тот новый фактор, который создает социалистическое сообщество нового типа, в которой язык и национальная культура становятся второстепенным фактором, который никому не будет мешать чувствовать себя точно так, как и другие трудящиеся, на каком бы языке они ни говорили». Кардель, выражая свой взгляд на Югославию, сделал вывод: югославская федерация «не является больше федерацией старого типа», она – «не только объединение наций и их государств», но прежде всего «носитель определенных общественных функций единого социалистического сообщества югославских трудящихся»²⁷.

Данные положения нашли выражение в Конституционном законе, принятом в январе 1953 г. В соответствии с ним ФНРЮ определялась как «социалистическое демократическое союзное государство суверенных и равноправных народов». Вся власть, по Конституционному закону, принадлежала «трудовому народу». Основу общественного и политического устройства страны составляла общественная собственность на средства производства, а также самоуправление производителей в экономике и самоуправление трудового народа в общине, городе и срезе. В компетенции союзного государства и ее органов были: защита независимости и государственной территориальной целостности, организация вооруженных сил и оборона страны, защита общественного и политического порядка, устройство и поддержание международных отношений; обеспечение единства социалистического общественного порядка и юридической системы, единства экономической системы и планового развития народной экономики как единого целого; обеспечение самоуправления, демократических свобод, прав человека и социалистической законности.

Исполнение союзных законов, согласно Конституционному закону 1953 г., было в компетенции республиканских органов власти, в то время как союзные органы исполняли союзные законы и другие исполнительные акты только «в области утвержденных Конституцией исключительных прав и обязанностей федерации (международные отношения, народная оборона, защита общественного и политического порядка). Конституционный закон утверждал главенство союзных законов над республиканскими в случае их расхождения. В то же время республики имели право поднимать перед Народной скупщиной вопрос соответствия союзного или республиканского закона конституции страны.

Конституционный закон и высшие республиканские правовые акты, которые из него вытекали, не были полностью конституциями. Все же, эти правовые акты определили рамки для перехода к новой политической системе, основу которой составляли: рабочие советы как форма самоуправления в экономике и общественных службах, община как выражение политического самоуправления, самоуправляющиеся органы вне классической государственной структуры (просвещение, наука, культура, народное здравоохранение)²⁸.

Принятый в 1953 г.²⁹ избирательный закон достраивал задуманные в начале 1950-х годов перемены, определяя довольно сложную, но хорошо продуманную процедуру выборов народных депутатов – «политических представителей трудового народа ФНРЮ» в двухпалатный парламент. Одна из ее палат – Союзное вече – формировалась как путем прямых выборов (по избирательным округам), так и делегированием туда представителей республиканских, краевых или областных представительных органов. В другую палату – Вече производителей – выборы проходили по двум «производственным группам» (промышленно-торгово-ремесленной и сельскохозяйственной).

Избирательный закон 1953 г. допускал процедуру соревнования кандидатов, делегируемых республиканскими (краевыми/областными) представительными органами: каждый член веча мог предложить одного кандидата, а каждые пять членов этого веча могли предложить столько кандидатов, сколько избирается депутатов (ст. 134). Особо оговаривалось, что «после выдвижения кандидатур председатель веча объявляет фамилии всех выдвинутых кандидатов», а также «фамилии всех выдвинутых кандидатов вносятся в избирательные бюллетени в порядке их выдвижения» (ст. 135), а «избранными считаются те кандидаты, которые получили большинство голосов всех членов пред-

ставительного органа» (ст. 137). Конечно, всеми этими мелкими демократическими уступками, внесенными их разработчиками и принятые законодателями, очень сложно было воспользоваться в условиях однопартийной тоталитарной системы.

Дело Джиласа. Негативное отношение к общественно-экономической системе Советского Союза сформировалось в югославской общественной мысли на поздних стадиях советско-югославского конфликта 1948 г. Отказ югославского руководства от развития страны по советской модели в начале 1950-х годов потребовал рационального объяснения причин конфликтных отношений с советским блоком, которые стали находить в искажении советским руководством (прежде всего Сталиным) марксистско-ленинского учения, приведшем к серьезным деформациям в развитии СССР.

Наиболее последовательный и обстоятельный разбор советской системы был сделан М. Джиласом в нескольких статьях и лекциях, объединенных в 1950 г. в брошюре «Современные темы». Автор, занимавший одно из высших мест в партийно-государственной верхушке, курировавший всю агитационно-пропагандистскую работу, доказывал, что в СССР сложился государственный капитализм, управляемый «иерархически дифференцированной кастой бюрократов» и призывал к продолжению «творческого применения марксизма-ленинизма в югославских условиях»³⁰. Во время VI съезда КПЮ/СКЮ (ноябрь 1952 г.) позиция Джиласа получила широкую поддержку во многих выступлениях, а в резолюции форума отмечалось, что «Советский Союз играет роль новой агрессивной империалистической силы, претендующей на мировую гегемонию»³¹.

Летом 1952 г. в югославской публицистике развернулась дискуссия относительно формы правления в Советском Союзе. Поводом стала статья Джиласа «Класс или каста», опубликованная 5 апреля 1952 г. В ней ставился вопрос: появился ли в Советском Союзе новый класс (или каста) как бюрократический слой, который управляет государством и тормозит дальнейшее развитие общества. Статья вызвала различную реакцию, разные мнения и полемику между теми, кто одобрял тезис Джиласа, и тем, кто его не разделял³².

Постановка этой и других проблем в печати способствовала тому, что имя Джиласа становилось все более популярным. Шаг за шагом он превращался во все более весомую политическую фигуру в югославском руководстве, выделяясь из других политических деятелей в окружении Тито. Тому, что его популярность в масштабах Югославии становилась почти равной первому лицу, в большой мере способствовала сама сфера его деятельности – пропаганда, идеология, участие в международной деятельности. В частности, именно он был одним из самых активных сторонников политики борьбы с бюрократизмом, резко и ярко высказываясь об этом в СМИ, именно он стал автором нового названия коммунистической партии, переименованной на ее VI съезде в Союз коммунистов Югославии. Аплодисменты, которыми встретили делегаты съезда краткое выступление Джиласа, произнесенное по случаю годовщины Октября, в котором советские вожди осуждались за предательство заветов революции, были громче и сильнее, чем самому Тито³³.

Вместе с тем, уже в 1952 г. некоторые идеи Джиласа наталкивались на холодный прием в высшем югославском руководстве, что вынуждало этого амбициозного и эмоционального политика, хотя и со ссылкой на состоявшееся обсуждение на политбюро, обращаться к партийным форумам напрямую. Его призыв к пленуму ЦК в мае 1952 г. о

необходимости подготовки новой программы партии³⁴ не нашел последователей. Повторное возвращение Джиласа к проблеме новой программы на партийном съезде в ноябре³⁵, также не нашло отражения в итоговых документах форума. Не исключено, что его стремление поставить в повестку дня вопрос о новой программе (входившее, впрочем, в круг его партийных обязанностей) воспринимались в окружении Тито не только как несвоевременное, но и как желание возглавить комиссию по ее разработке, что превращало его в партийного теоретика, своего рода «властителя дум» в стране. В доступных к изучению документах нет еще определенного ответа на вопрос о первых разногласиях в югославской верхушке. Тем не менее, комиссия по подготовке новой программы партии была создана значительно позднее, лишь в феврале 1957 г., после того как ее главный инициатор оказался в тюремных стенах того режима, в становлении и укреплении которого он сыграл далеко не последнюю роль.

К лету 1953 г. Тито считал необходимым снизить темп преобразований в стране, заданный событиями конца 1940-х годов. Руководству Югославии предстояло отладить политическую систему, которая путем проб и ошибок, импровизаций и под влиянием текущей ситуации создавалась последние несколько лет. Осенью 1953 г. новая система должна была пройти проверку во время кампании по выборам в союзную Скупщину. Сдерживавшее влияние на темп реформ оказали и события в ГДР, где прокатилась волна народного возмущения против коммунистического режима, подавить которую власти смогли лишь при помощи советских танков.

На Втором пленуме ЦК СКЮ (16–17 июня 1953 г.), впервые за всю послевоенную историю проведенного не в Белграде, а в резиденции Тито на острове Бриони, Джиласу показалось, что вместо того, чтобы усиливать избранный курс, Тито намерен прекратить борьбу против бюрократизма. В ходе пленума Тито, посадив Джиласа в президиуме слева от себя, вынудил его продемонстрировать согласие с югославским лидером, показать, что в руководстве партии нет раскола³⁶. Однако Джилас проявил последовательность. В его выступлениях летом 1953 г. продолжали звучать призывы к дальнейшей деbüroкратизации общества, а главная опасность виделась ему в локальных, местных интересах, противостоявших интересам общегославским³⁷. В частных беседах с друзьями, также членами высшего руководства партии и страны, Джилас высказывал мнение о том, что не только «сталинский», но и «ленинский» тип партии – явление устаревшее. Он допускал, что в СКЮ «появятся группы, которые не занимают одинаковые позиции по отдельным вопросам». Он также не видел ничего страшного и в свободе фракций внутри партии: «Если все коммунисты сохраняют курс на социализм, то нет причин опасаться фракции, что может только двигать вперед»³⁸.

Популярность М. Джиласа выросла в тревожные октябрьские дни 1953 г., когда Белград и Загреб потрясли многочисленные антизападные демонстрации, связанные с притязаниями Италии на территории вокруг Триеста. Джиласа видели среди участников этих демонстраций, состоявших прежде всего из рабочих и молодежи. Газеты обошли фотографии, где он сидел на плечах студентов, готовых защищать страну от Италии и ее союзников – членов блока НАТО³⁹.

Состоявшиеся в конце ноября 1953 г. выборы в Народную скупщину вызвали определенную спекулятивную волну на Западе. Так, в «Нью-Йорк Таймс» от 24 ноября 1953 г. была опубликована статья, в которой утверждалось, что Джилас опередил Тито на выборах в парламент⁴⁰. На первом заседании Народной скупщины нового созыва в декабре 1953 г. по представлению самого Тито Джилас был избран ее председателем.

Отличительной особенностью политической жизни Югославии осени 1953 г. стала серия из написанных Джиласом девятнадцати статей («Новые содержания», «Югославия», «Новые формы», «Небольшие избранные темы», «Важность решений», «Законность», «За все», «Без вывода», «Имеется ли цель», «Идеал», «Общее и особенное», «Конкретное», «Ответ», «Субъективные силы», «Объективные силы», «Классовая борьба», «Новые идеи», «Союз или партия» и «Революция»), опубликованных с 11 октября 1953 по 7 января 1954 г. в ежедневном официозе югославского руководства – газете «Борьба»⁴¹. В них Джилас подверг критике создавшееся положение в Югославии и попытался предложить пути и способы дальнейших действий.

Начав с подробной критики бюрократизма⁴², Джилас поднял в последующих материалах многие вопросы современного развития. Автор, увидев своего рода сходство между СССР и ФНРЮ в роли партии, государства и общества, построил на этом и критику югославской действительности, которая, по его мнению, как и советская, являла главенство политического руководства над обществом и государством. Эмоционально, но туманно и обобщенно в этих статьях затрагивались проблемы демократии, партии, революции, объективных сил, преданных идеалов, отчужденности, классовой борьбы и пр. Джилас выступал в них за «ослабление монополизма политического движения над жизнью общества», определяя это как «требование времени» в социализме⁴³.

Опубликованные материалы, позволившие «Борьбе» в это время опередить по тиражам и известности традиционно самую популярную газету страны – белградскую «Политику», разделили политическую элиту ФНРЮ, вызвали споры и критику со стороны прежде всего военного поколения членов партии, которые укрепились во властных структурах еще в 1944–1945 гг. Многим показалось, что автор статей даже подводит своих читателей к необходимости борьбы с коммунистической партноменклатурой, поставив под сомнение правомерность ее главенствующей роли в обществе.

Впрочем, дискуссионная форма написания статьей и стиль обращения к читателям позволили Джиласу воспринимать выраженные в его адрес опасения как одну из целей публикации. К этому времени он сам сгруппировал негативные отклики читателей в свой адрес, разделив обвинения на четыре группы. Одни называли его «философом без связи с действительностью», другие – «пишущим для заграницы», третьи – автором, который «начал удаляться от диамата и истмата и марксизма-ленинизма», а четвертые даже указывали, что «вокруг статьей собирается реакция и использует их против „наших“ людей и установок». Действительно, в завуалированной порой форме, Джилас ставил в своих статьях самые разнообразные вопросы. Попытка, к примеру, затронуть вопрос о том, «всегда ли интерес какой-либо партии или группы, или вождя, является и должен всегда быть одинаковым с интересами народа, общества» и «когда происходит или может произойти, хотя бы в наших условиях, расхождение или столкновение между ними»⁴⁴, ставил в тупик тех, кто привык не задумываться над формулировками, продолжая по инерции жить по прежним нормам.

В начале 1954 г. в специально основанном для дискуссионных выступлений журнале «Новая мысль» появилась статья Джиласа «Анатомия морали», в которой язвительно высмеивались быт и нравы высшей партноменклатуры. Одновременно продолжали выходить его статьи в «Борьбе». Джилас продолжил их написание и публикацию, хотя в конце 1953 г. получил достоверное сообщение о том, что Тито весьма недоволен тем, что он делает. В последней из статей, озаглавленной «Революция», в весьма неконкретной форме противопоставлялись партия югославских коммунистов времен Второй мировой

войны (в терминологии тех лет – «национально-освободительной борьбы и революции») и современный СКЮ. В прошлом, писал он, «партия была формой объективного процесса, формой сознательной и организованной, даже и решающей по своей сознательности и организованности для дальнейшего развития. Но если это было так, и она была такой, этим она не получила пропуск в вечность, чтобы только ей и в той же форме быть и в дальнейшем полным выразителем воли и действий масс»⁴⁵.

10 января 1954 г. исполком ЦК СКЮ сделал официальное заявление, указав, что статьи Джиласа, в особенности «Анатомия морали», являются плодом его собственных размышлений и «в своей основе противоречат мнению всех остальных членов Исполнительного комитета, духу решений VI съезда... Он печатал их, не обсуждая предварительно со своими товарищами по Исполнительному комитету те идеи, которые в них собирался опубликовать, несмотря и вопреки тому, что некоторые товарищи во время публикации первых статей из этой серии указывали ему не только на теоретическую и политическую ошибочность его предположений, но и на очевидный вред, которые такие статьи могли нанести идейному единству и развитию Союза коммунистов, строительству социалистической демократии»⁴⁶. После этого в «Борьбе» появились материалы с критическим разбором идей Джиласа.

Взгляды и поведение Джиласа стало предметом специально созданного (проведенного без его участия) заседание исполкома ЦК СКЮ 12 января 1954 г.⁴⁷ Как свидетельствует запись, Тито был взбудоражен позицией Джиласа еще до выхода из печати памфлета «Анатомия одной морали». К действиям Джиласа он применил определения «антипартийный и контрреволюционный выпад», «мелкобуржуазный анархизм» и высказался за применения к нему мер, которые на законных основаниях позволяют «разобраться» с ним и «с теми, кто его поддерживает», так как вокруг него, как знаменосца, «собрались мелкобуржуазные интеллектуалы, студенты». Заявив об «огромной ответственности перед рабочим классом», Тито указал на «невозможность поступить либерально» («рабочий класс это не одобрит»), посчитав необходимым «совершить политическую ликвидацию» Джиласа. Его теоретические и политические подходы – «конфузия, но нужно отнестись к ним совершенно серьезно»⁴⁸.

При обсуждении оказалось, что взгляды и действия Джиласа не имеют сторонников в окружении Тито. Э. Кардель напомнил, что в личных разговорах с ним Джилас, защищая необходимость дальнейшей борьбы с бюрократизмом, заявлял, что в стране формируется социалистическое левое движение и даже не исключал возможности существования социалистической партии. Впрочем, в дальнейшем, он заявил, что «поторопился с выводами». Оценивая действия Джиласа в последние месяцы, В. Бакарич заметил, что у него были «подпевалы, которые организовано на него работали». «Не может быть никаких компромиссов, – продолжил лидер хорватских коммунистов. До „Новой мысли“ я думал, что с ним можно разговаривать политически, после этой статьи – это невозможно». В едином критическом хоре не затерялся и А. Ранкович, напомнивший, что «Дж[илас] после VI съезда перестал заниматься практической работой, теми делами, за которые отвечал в правительстве и по партийной линии. Сидел дома ... систематически работал над привлечением людей к своим идеям ... Он нас заставил замолчать, поставив партию и страну в неудобное положение». Кардель был определеннее в формулировках: «Речь идет не о демократии, но о том, нужен ли С[оюз] К[оммунистов] как организованная сознательная социалистическая сила». Кардель призвал разоблачить представление о Джиласе как «поборнике демократии». По его словам, Джилас, злоупотребляя по-

ложением, «фактически мешает [развитию] демократии», делая все, чтобы «замедлить ее дальнейшее развитие»⁴⁹.

На состоявшемся через несколько дней пленуме ЦК югославских коммунистов взгляды Джиласа подверглись резкой критике в речах подавляющего числа выступавших, а он сам исключен из состава ЦК. Весь пленум транслировался по радио, его материалы были опубликованы в СМИ. В скором времени Джилас подал в отставку с поста председателя парламента, а весной 1954 г. вышел из рядов СКЮ.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 К вопросу о необходимости завершения строительства ключевых объектов высшее югославское руководство вернулось осенью 1951 г. когда было принято решение «направить все силы» на выполнение этой задачи. (См.: Arhiv Jugoslavije (далее AJ). F.507. III/59. Zapisnik sednice Politbiro СК КРЈ od 30 IX.1951).

2 AJ. F.507. III/48. Zapisnik sednice Politbiro, 13.II.1950.

3 Sednice Centralnog Komiteta КРЈ 1948–1952. Beograd, 1985. S. 664–665.

4 Sednice Centralnog Komiteta КРЈ 1948–1952. Beograd, 1985. S. 275. Пленум также принял резолюции «О текущих задачах в области экономики» и «О текущих организационных и агитационно-пропагандистских задачах». Пленум избрал Й. Броз Тито, В. Влаховича, С. Вукмановича, И. Гошняка, М. Джиласа, В. Зековича, О. Карабегович, Э. Карделя, Б. Нешковича, К. Попиводу, А. Ранковича, Дж. Салая, П. Стамболича и В. Томшича в состав Организационного бюро ЦК КПЮ.

5 *Гудац-Додић В.* Аграрна политика ФРНЈ и селаштво у Србији 1949–1953. Београд, 1999. С. 266–267. Более подробно см.: *Кржишник-Букић В.* Цазинска буна 1950. Сарајево, 1991 С. 136–196. Всего в Цазине было проведено 8 военно-судебных процессов, на которых вынесено около 300 приговоров, в том числе 18 смертных (в Цазинской крайне к смерти осуждено 16, а в Слуньском срезе – 2 участника событий). В итоге из 18 приговоренных было расстреляно шестеро, а остальным приговор был изменен. В ходе следствия несколько человек, не смогли перенести суровые условия содержания в тюрьме и умерли до вынесения приговора (*Кржишник-Букић В.* Цазинска буна 1950. Сарајево, 1991 С. 428). Однако этим репрессии против бунтовщиков не ограничились. Пострадали и члены семей участников волнений – прежде всего осужденных. Около сотни семей (до 600 чел.) были вынуждены оставить свои дома и перебраться в Србачки срез (Там же. С. 383, 410).

6 *Гудац-Додић В.* Аграрна политика ФРНЈ и селаштво у Србији 1949–1953. Београд, 1999. С. 264–265.

7 Там же. С. 161.

8 *Павловић М.* Српско село. 1945–1952. Откуп. Београд, 1997. С. 178.

9 *Гудац-Додић В.* Аграрна политика ФРНЈ и селаштво у Србији 1949–1953. Београд, 1999. С. 162–163.

10 Там же. С. 166.

11 См.: Там же. С. 224.

12 AJ. Fond 507. III /53.

13 AJ. Fond 507. III/47.

14 *Vukmanović-Tempo S.* Revolucija koja teče. Memoari. Knjiga druga. Beograd, 1971. S. 153–154, 156–157.

- 15 Кузнецhevский В.Д. Эволюция югославской концепции социализма. М., 1990. С. 24.
- 16 Там же. С. 22.
- 17 Подробнее см.: Там же. 27.
- 18 *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918/1988. Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 1019–1023.
- 19 Sednice Centralnog komiteta KPJ, 1948–1952. S. 508–588.
- 20 *Димит Љ.* Историја српске државности. Нови Сад, 2001. Књига III. Србија у Југославији. С. 355.
- 21 Историја Савеза комуниста Југославије. Београд, 1985. С. 383.
- 22 Sednice Centralnog komiteta KPJ (1948–1952). Beograd, 1985. S. 639–641.
- 23 Борба. 1952. 8 XI.
- 24 Во време заседаниј Политбюро, состоявшемся 8 апреля 1952 г. на котором был принят предварительный проект Конституционного закона о высших союзных и республиканских органах власти ФНРЮ М. Пияде находился в Париже (См.: АЖ. F.507. III/59. Zapisnik sednice Politbiro СК KPJ од 8 IV.1952).
- 25 В Вече производителей от промышленности и горного дела избирались 154 депутата (участие в общественном производстве – 52,2 %), от сельского хозяйства – 74 депутата (24,6 %), от лесного хозяйства – 7 чел. (2,3 %), от строительства – 22 депутата (7,7 %), от транспорта – 23 чел. (7,8 %), от торговли – 11 депутатов (3,6 %), ремесленникам было выделено 9 местю (2,8 %) (АЖ. ЦК СКЈ. П/9. прилог 1. Материјали V пленума ЦК КПЈ од 2.5.1952).
- 26 Там же.
- 27 *Димит Љ.* Историја... С. 358.
- 28 *Димит Љ.* Историја... С. 361.
- 29 Службени лист ФНРЈ 1953. № 35.
- 30 *Бжилас М.* Савремене теме. Београд, 1950. С. 18–20, 45].
- 31 Борба комуниста Југославије за социјалистичку демократију. VI конгрес КПЈ (Савеза комуниста Југославије). Београд, 1952. С. 276.
- 32 *Kalezić V.* Ђilas. Milenik i otpadnik komunizma: kontroverze pisca i ideologa. Beograd, 1989. S. 62–63.
- 33 *Ѓilas M.* Vlast i pobuna. Beograd, 1991. S. 241.
- 34 Sednice Centralnog komiteta KPJ, 1948–1952. S. 646–647.
- 35 Борба комуниста Југославије за социјалистичку демократију VI конгрес СКЈ (Савеза комуниста Југославије). [Београд, 1952] С. 167.
- 36 *Ѓilas M.* Vlast i pobuna. S. 262–263.
- 37 Наша револуција је једна од врло ретких која је остала верна самој себи тиме што осигурава непрестано развијање демократије. Говор Милована Ѓиласа у Бијелом пољу 12 јула.// Борба. 14 VII 1953. Среди подзаголовков его выступления редакция газеты выделили тезис о том, что «Бюрократизм сегодня особенно сильно выражается в местничестве». Вслед за Ѓжиласом один из руководителей коммунистов Словении Михай Маринко заявил, что «развитие демократических отношений ставит перед коммунистами значительно более сложные задачи». См. Развитак демократских односа поставља пред комунисте много теже задатке. рекао је друг Миха Маринко комунистима Љубљане (Љубљана, 8 август) // Борба. 9 VIII 1953 С. 1.
- 38 *Vukmanović-Tempo S.* Revolucija koja teče. Memoari. Knjiga druda. Beograd, 1971. S. 183.
- 39 *Dedijer V.* Veliki buntovnik S. 415–416.
- 40 *Dedijer V.* Veliki buntovnik S. 417.

41 В номере за 20 декабря редакция «Борбы» назвала серию материалов Джиласа статьями «о субъективных и объективных возможностях социалистической демократии». В статье ««Ответ», опубликованной Джиласом 24 декабря, он назвал свои статьи «серией антибюрократических заметок».

42 Подробнее см.: *Dedijer V. Veliki buntovnik...* S. 399–401.

43 *Kovacević B., Đilas. Heroj-antiheroj. Iskazi za istoriju. Podgorica, 2006. S. 38–39.*

44 Борба. 1953. 20 XII. С. 3.

45 Борба. 1954. 7 I. С. 3.

46 Борба. 1954. 11 I. С. 3.

47 АЈ. Ф. 507. III/61a Sednica Izvršnog komiteta СК SKJ.

48 Там же.

49 Там же.

ГЛАВА 4

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ.

СМЕНА СОЮЗНИКОВ И ПОСТАНОВКА НОВЫХ ЗАДАЧ

Поиски западной помощи. Вторая резолюция Информбюро, принятая в ноябре 1949 г., и процессы над «титоистами» в Болгарии и Венгрии, как и массированная антиюгославская кампания в мировом коммунистическом движении свидетельствовали о начале новой, и весьма опасной для Белграда, стадии конфликта. Вероятно, Сталин рассчитывал, что Тито и его соратники в результате предпринятых акций устрашения придут в Кремль-Каноссу, где их ждал бы показательный процесс, либо «высочайшее» помилование.

Осень 1949 г. стала для Югославии очередным рубежом в определении перспектив внешней политики. Возвращение в «лагерь» уже исключалось, а надеждой на спасение было восстановление отношений с западными странами и, возможно, частичное взаимодействие с европейскими оборонительными структурами. Откровенное обличение СССР как вдохновителя пропагандистской войны против Югославии, характеристика политики ВКП(б), содержащая формулировку «опасный ревизионистский отход от марксизма-ленинизма» в речах и интервью Тито того периода, обращение к державам Запада с просьбой выразить негативное отношение к возможной советской агрессии, как и разъяснение югославской общественности мотивов в пользу избрания ФНРЮ в Совет Безопасности ООН (членство в СБ могло предотвратить такое нападение) – все это говорило о ломке старых стереотипов и формировании новых внешнеполитических установок в югославском руководстве, несмотря на сохраняющуюся в пропагандистских целях антизападную риторику¹.

С усилением коминформовского давления на Белград во второй половине 1949 г. западные державы сообщили югославам о своей озабоченности безопасностью Югославии и готовности донести это до сведения СССР и европейской общественности. Однако югославское руководство отказалось от предложенного США, Британией и Францией демарша в СБ ООН или в Москве, опасаясь обвинений со стороны Кремля в полном альянсе с «западным империализмом».

Инициативу проявила британская дипломатия, и в конце августа Э. Бевин в одном из внутриведомственных документов подчеркнул, что, если Британия и США не предпримут каких-либо действий на вербальном уровне, то русские могут прибегнуть к оружию. Вскоре в британской прессе, в газете «Таймс» от 29 августа, появилась заметка, отражавшая мнение правительства. Британское посольство в Вашингтоне также получило инструкции обратиться в госдепартамент с просьбой сделать заявление в связи с угрозой ФНРЮ. В ответ на это 31 августа госсекретарь США Д. Ачесон сообщил на пресс-конференции, что Соединенные Штаты внимательно следят за передвижением советских войск в Венгрии и Румынии, особенно после резкой антиюгославской ноты Москвы².

Прагматический подход Соединенных Штатов к советско-югославскому конфликту, в позиции которых в тот период также происходил поворот от «внимательного наблю-

дения» к «заинтересованной поддержке», оказывал все большее влияние и на политику их союзников – Великобритании и Франции. Если до осени 1949 г. в дипломатических кругах Лондона и Парижа господствовало мнение о возможности возвращения Тито в советскую орбиту, поскольку он, что постоянно подчеркивалось, остается коммунистом, то теперь, отчасти под влиянием американских дипломатов, формировалась новая концепция. В ней делалось различие между глобальным коммунизмом, несущим с собой угрозу свободному миру, и коммунистическим режимом, играющим роль проводника советского империализма. Югославия к тому времени убедительно доказывала, что этой последней функции она уже не выполняет.

Позиция Англии определялась также и тем, что у власти находились лейбористы, среди которых доминировали идеи мягкого, ненасильственного вовлечения Белграда в содружество цивилизованных стран. Политическая поддержка и экономическая помощь не должны были обуславливаться какими-либо жесткими требованиями. На этом, в частности, настаивал британский посол в ФНРЮ Ч. Пик³.

Можно сказать, что в тот период английская и американская позиции достаточно сблизились и «пассивность и невмешательство» Лондона, характерные для его раннего восприятия советско-югославского конфликта, не противоречили, а дополняли выросшую из «внимательного ожидания» «заинтересованную поддержку» Вашингтона. Париж стоял несколько особняком, однако разделял многие положения югославской политики своих партнеров.

Позиция Рима в вопросе о конфликте Москвы и Белграда определялась состоянием итало-югославских отношений, на которые негативное влияние оказывал территориальный спор из-за Триеста. После англо-американского решения от 20 марта 1948 г. о передаче зоны «А» Свободной территории Триест Италии произошло обострение ее отношений с балканским соседом, но начало советско-югославского конфликта пробудило в итальянских правящих кругах надежды на благоприятный исход триестского спора.

Изменение на рубеже 1940–1950-х годов политики США и Британии по отношению к Югославии повлияло и на их подход к триестской проблеме: в столицах этих стран теперь склонялись к сбалансированному учету интересов, как Италии, так и Югославии, что не всегда устраивало итальянцев, рассчитывавших на приоритетное внимание союзников. Рим, вместе с тем, разделял общие установки западных держав о необходимости осторожной поддержки Тито и уже с конца 1949 г. стал по совету американцев оказывать в небольших размерах экономическую помощь Белграду, фактически передавая часть продовольствия, получаемого из США для собственных нужд. Также постепенно возобновлялись нормальные торговые связи между двумя странами⁴.

Со своей стороны, югославы проявили готовность к прямым контактам с итальянцами для решения главной проблемы двусторонних отношений, но позднее стали пользоваться нерешенностью вопроса о Триесте в качестве инструмента во внутренней политике с целью консолидации югославского общества, а также в отношениях с Западом в период создания Балканского пакта. Аппарат КПЮ активно использовал эту проблему в контексте пропагандистского лозунга об антиимпериалистической борьбе Югославии на два фронта – как против Востока, так и Запада.

Разрыв Советским Союзом и странами «народной демократии» отношений с Югославией и общее сближение Белграда с Западом оказали влияние и на характер югославо-греческих отношений. 13 октября 1949 г., вернувшись к проблемам греко-албанских и греко-югославских отношений, возобновила работу специальная Балканская комис-

сия ООН. Югославская делегация в новых условиях дала понять, что не собирается затруднять ее работу, учитывая также и договоренность на этот счет, достигнутую ранее между США и ФНРЮ в связи с избранием последней в Совет Безопасности. В кулуарах ООН югославы говорили, что СССР предал партизан в Греции, а США и Британия одержали моральную победу над Москвой⁵.

В то же время югославская делегация подчеркивала, что окончательное решение греческого вопроса зависит от позиции Албании и Болгарии, которые вместе с СССР продолжали настаивать на программе, выдвинутой еще весной 1949 г., и несмотря на изменение ситуации, включавшей требование всеобщей амнистии политических заключенных и проведения свободных выборов. Потерпевшие в августе военное поражение греческие коммунисты заявили 17 октября, что ДАГ временно сложила оружие, но не оставила борьбу за «демократическую Грецию»⁶. В обращении к греческому народу ВДПГ подчеркнуло, что решение прекратить кровопролитие было принято после того, как реакционные силы поставили задачу «при помощи изменника Тито уничтожить в Греции все прогрессивное». «Тито всадил нож в спину ДАГ», – говорилось в этом документе⁷.

В ходе переговоров, состоявшихся в январе 1950 г. в Кремле между Сталиным, Молотовым, Маленковым с советской стороны, Ходжей и Шеху – с албанской, Захариадисом и Парцалидисом – с греческой, были рассмотрены причины поражения греческих коммунистов. В ответ на реплику Захариадиса: если бы в 1946 г. они знали, что Тито станет изменником, то «не начинали бы борьбу против греческих монархо-фашистов», Сталин возразил, сказав о необходимости бороться за свободу народа и в окружении. «Впрочем надо учесть, что вы не были в окружении, – продолжил он, – ведь рядом с вами, с севера, находились Албания и Болгария, ваша справедливая борьба пользовалась всеобщей поддержкой. Мы так думаем»⁸.

Неудача греческих коммунистов, пытавшихся вооруженным путем захватить власть в стране, стала и первым провалом советской стратегии поэтапного коммунистического завоевания Европы, после которого Кремль в последующие годы воздерживался от открытой поддержки вооруженных прокоммунистических движений. Активность была перенесена в страны третьего мира с нарушенной экономической, социальной и политической стабильностью. Горечь поражения в Греции усиливалась для советского руководства и потерей Югославии, отказавшейся подчиниться сталинскому диктату.

Доктрина Трумэна осенью 1949 г. продолжала действовать, и для американской дипломатии одной из центральных задач оставалось обеспечение безопасности Греции с севера, что в новых условиях связывалось с установлением нормальных отношений с ФНРЮ. Эти планы были частью более широкой стратегической концепции, предполагавшей создание оборонительного союза в регионе. Первые югославо-греческие контакты состоялись в марте 1949 г. и носили секретный характер. Однако греческая сторона вскоре сообщила через средства массовой информации о нормализации в ближайшее время взаимных отношений, вызвав этим шагом в Белграде раздражение, поскольку там опасались обвинений Москвы⁹. Осенью того же года в Нью-Йорке на 4-й сессии ГА ООН американцы советовали югославской делегации начать переговоры с греческой стороной. Югославы ответили, что не могут так поступить по политическим причинам – из-за внутривнутриполитического курса правительства Цалдариса, но в случае появления в Афинах демократической власти они готовы будут к установлению добрососедских отношений¹⁰.

Более того, югославская сторона в конце года подняла вопрос о положении эгейских македонцев в Греции, подвергавшихся, как ей было известно, гонениям. Британская дипломатия расценила данное заявление как попытку Тито выступить в роли защитника всей македонской народности для того, чтобы снять обвинения болгарской пропаганды¹¹. Греки же обвинили югославов в том, что они продолжают удерживать на своей территории греческих детей, незаконно репатриированных в период гражданской войны в их стране. Речь шла о детях бойцов ДАГ и коммунистов, которых вывозили тогда не только в Югославию, но и в Чехословакию, Болгарию и СССР по примеру аналогичной акции в годы гражданской войны в Испании. Вместе с тем, Афины стремились к улучшению двусторонних отношений, понимая, что это позволит решить и существующие взаимные проблемы. Посол Греции в Британии Мелас просил в конце 1949 г. британский МИД разрешить английскому послу в Белграде выступить в роли посредника между двумя балканскими странами. 20 января 1950 г. греческое правительство выразило желание улучшить отношения с Югославией, а также установить дипломатические связи с Болгарией и Албанией¹².

Греческо-югославские отношения вступили в новый этап после смены в Греции кабинета Цалдариса и прихода к власти правительства Пипинелиса. Давление западной дипломатии на Афины и Белград имело успех, и 11 апреля 1950 г. состоялась конфиденциальная встреча Тито с одним из вероятных кандидатов на пост премьер-министра греческого правительства Пластирасом, результатом которой стало предложение о повышении ранга дипломатических представительств¹³. Однако македонская проблема, вновь поднятая югославской стороной, тормозила нормализацию отношений. Начало Корейской войны и значительные усилия британской дипломатии, оказавшей давление на руководство ФНРЮ, способствовали прогрессу переговоров. В ноябре 1950 г. югославские власти вернули Греции часть греческих детей, а греки объявили о предстоящем обмене послами между двумя странами¹⁴.

Начало Корейской войны летом 1950 г. внесло заметные коррективы во внешнеполитические установки югославского руководства. Уже с осени ФНРЮ практически отказывается, вплоть до смерти Сталина в 1953 г., от тактики «борьбы на два фронта» и в условиях растущей угрозы своей безопасности переходит к сотрудничеству с США и их союзниками, в частности в вопросах обслуживания стратегических интересов западных держав в регионе Восточного Средиземноморья. Характерно, что еще в известном американском плане «Дропшот» (январь 1949 г.) Югославия фигурировала как страна, единственная из коммунистических, которая может занять нейтральную позицию в случае конфликта между Востоком и Западом.

Северокорейская агрессия с китайско-советской поддержкой рассматривалась в Белграде и столицах западных стран как возможный вариант развития событий и на Балканах. По сообщениям, которые получал французский генштаб весной 1950 г. из венгерских военных кругов, на территории Венгрии велась подготовка к вторжению в ФНРЮ с примерными сроками: осень 1950 – весна 1951 г. В 1957 г. маршал Г.К. Жуков подтвердил в беседе с Тито, что Советский Союз вместе с Венгрией и Румынией планировал совершить нападение на Югославию в 1951 г., причем к двум последним должна была отойти значительная часть югославской территории.

Существовали в действительности подобные планы или нет, станет известно с открытием части российских архивов, содержащих материалы по этим проблемам. Не исключено, что Сталин хотел убрать «клику Тито» руками его соседей, но также возмож-

но и другое – военные демонстрации на границах ФНРЮ должны были стимулировать «информбюровские» силы внутри страны (по терминологии резолюций Информбюро – «здоровые силы») на антититовский переворот, либо националистические, сепаратистские выступления в республиках Югославии.

В СССР и странах «народной демократии» политика по отношению к ФНРЮ, определяемая партийной верхушкой, все более ужесточалась. В пропаганде использовались штампы второй резолюции Информбюро и югославское руководство называлось «фашистско-гестаповской бандой Тито». К борьбе с ней активно привлекалась югославская политическая эмиграция, а в начале 1950 г. первый секретарь Венгерской партии трудящихся (ВПТ) М. Ракоши поставил перед советским руководством вопрос о создании единого центра югославской эмиграции, а также формировании нелегальной компартии в Югославии и необходимости «приступить к организации партизанской борьбы»¹⁵.

Корейская война изменила также и военно-стратегическую концепцию США, которая с 1947 г. строилась на постулате Дж. Кеннана о необходимости сдерживания СССР в жизненно важных для Запада геополитических регионах. Теперь же Америка начинает законодательно оформлять свое право на защиту любого государства, подвергшегося коммунистической агрессии в любом районе мира, либо испытывающего угрозу такого вторжения. Югославия, даже не отказывавшись от коммунистической перспективы, с учетом ее чрезвычайно выгодного геостратегического положения и возможного нейтралитета в эвентуальном конфликте Восток–Запад, вполне «вписывалась» в новую американскую стратегию. Это послужило импульсом для госдепартамента, который стал готовить администрацию и конгресс к принятию решения о широкомасштабной помощи ФНРЮ.

В 1950 г. сельское хозяйство Югославии испытало серьезные трудности в связи с поразившей ряд районов тяжелой засухой. Государство вынуждено было пойти на принудительные закупки зерна у крестьянства. Как указывает в своих мемуарах С. Вукманович-Темпо, бывший тогда министром в югославском правительстве, руководство ФНРЮ стояло в тот период перед дилеммой: либо отказаться от планов индустриализации и уменьшить напряженную ситуацию в снабжении, вызываемую избытком городского населения, либо искать экономическую помощь в других странах, готовых ее предоставить. «Мы выбрали второй путь и обратились к США», – пишет он¹⁶.

Решение югославских властей об обращении за помощью к США и другим западным странам явилось результатом сложного и противоречивого процесса оценки сложившейся ситуации. В конце 1940-х годов были нормализованы торговые отношения со многими государствами Западной Европы, однако существовала определенная сдержанность в вопросе о перспективах более широкого сотрудничества с Западом, главным образом по идеологическим причинам – поступаться принципами было весьма нелегко. Руководством Югославии взвешивались все аргументы «за» и «против». К середине 1950 г., возможно и под влиянием начавшейся Корейской войны, было принято однозначное решение – Й. Броз Тито и его ближайшие соратники выступили за получение иностранной помощи и займов¹⁷.

Между тем экономические отношения Югославии с США, Англией и другими западными странами медленно, но уверенно стали улучшаться и 1 марта 1950 г. экспортно-импортный банк США объявил о предоставлении второго займа ФНРЮ на сумму 20 млн долл., а в августе – третьего на 15 млн, что вместе с первым (в 1949 г.) составило, менее чем за год, сумму в 55 млн долл.¹⁸. В то же время, согласно взаимной югославо-

американской договоренности, США все еще оставались как бы на втором плане в общем сценарии сближения Югославии с Западом, а югославское руководство в выступлениях перед общественностью настойчиво повторяло, что ФНРЮ требует равноправного сотрудничества и не намерена поступаться своими принципами¹⁹. Двойственность политической линии Белграда, в которой с трудом определялись идеологическая и прагматическая части, при этом нередко переплетавшиеся, проявлялась в стремлении развивать отношения с государствами, стоявшими в какой-то степени на периферии центрального конфликта. Большое значение придавалось экономическим связям с традиционным партнером – Британией. В прессе высоко оценивался по меркам того времени торговый договор, подписанный 25 декабря 1949 г.²⁰ В январе и сентябре 1950 г. в ФНРЮ побывали с визитами делегации лейбористской партии Англии²¹.

Югославское правительство устанавливало экономические связи и с другими некоммунистическими странами. Так, нормализовались отношения с Турцией в области торговли: в январе 1950 г. было заключено торговое соглашение на сумму 6,5 млн долл. В феврале Й. Броз Тито принимал помощника министра финансов Канады, находившегося в Югославии на переговорах об урегулировании взаимных финансовых претензий. После начала Корейской войны Западная Германия при поддержке США подписала с ФНРЮ крупный коммерческий договор объемом 147 млн марок, по условиям которого югославская сторона получала заем на пять лет в 126 млн марок²².

Югославия обратилась к США за помощью, необходимой для преодоления последствий засухи осенью 1950 г., однако предварительное обсуждение этого вопроса состоялось еще в июле, во время встречи Тито с американским послом Дж. Алленом в Блэде²³. В конце сентября югославский посол В. Попович передал в Вашингтоне просьбу своего правительства о продовольственной помощи²⁴. Вскоре начались переговоры об условиях ее предоставления, и 13 октября Тито сообщил Дж. Аллену о том, что руководство ФНРЮ намерено обратиться к американской администрации с письменной просьбой²⁵. Э. Кардель, находившийся в это время в США, посетил накануне Д. Ачесона и получил от него заверения в том, что Белый дом готов оказать помощь Югославии²⁶. Через месяц между двумя странами было заключено соглашение о поставках ФНРЮ предварительно, до одобрения конгрессом, 100 тыс. тонн муки из американских фондов в ФРГ и Италии. В эти же дни английское правительство объявило о предоставлении Белграду на кредитной основе продовольствия и товаров на сумму в 3 млн фунтов стерлингов.

В конце октября документ о необходимости американской помощи ФНРЮ, подготовленный в госдепартаменте, был представлен на рассмотрение в Совет национальной безопасности. Участвуя здесь в его обсуждении, госсекретарь Д. Ачесон подчеркнул, что «Тито не должен быть оставлен в ситуации, когда советское давление приведет Югославию к гибели, поставив ее в один ряд с сателлитами». В его аргументации прозвучали два мотива, которые, по мнению госдепартамента, затрагивали жизненные интересы Америки в регионе, требуя ее участия в судьбе ФНРЮ. Во-первых, независимость югославского государства должна была оказывать деструктивное воздействие на систему социалистических стран, размывая ее идеологическую приверженность монолитному единству с СССР. Во-вторых – и это был стратегический аспект проблемы для американцев – независимый от Москвы Белград должен был способствовать уменьшению «коммунистического давления на Австрию, Италию, Грецию и Турцию». В перспективе, как отмечал Ачесон, можно было рассчитывать на либерализацию югославских по-

литических структур, что также, в случае успеха подобной трансформации, оказало бы воздействие на коммунистический мир.

Тогда же документ госдепартамента (теперь в виде меморандума) о продовольственной помощи Югославии был разослан в различные комитеты конгресса. Чтобы получить у законодателей одобрение инициативы администрации, авторы меморандума подчеркивали, что помощь необходима Белграду и для поддержания сильной, боеспособной югославской армии, готовой для отражения агрессии на Балканах, а также способствующей сохранению здесь мира и безопасности²⁷.

24 ноября, за несколько дней до начала работы конгресса, президент США Г. Трумэн направил руководителям некоторых комитетов письмо с изложением аргументации Белого дома относительно помощи Югославии. В качестве основного мотива президент назвал важность геостратегического положения этой страны с точки зрения безопасности государств, входящих в НАТО, а также самих Соединенных Штатов. Американская помощь, по его мнению, укрепила бы позиции Югославии и содействовала бы стабилизации положения в Восточном Средиземноморском регионе²⁸. Госдепартамент направил в конгресс помощника госсекретаря по европейским делам Дж. Перкинса, который в докладе 29 ноября 1950 г. повторил тезисы о заинтересованности США в том, чтобы советско-югославский конфликт не был улажен, поскольку это позволит им, а также Греции, Италии и Турции добиться успеха в решении ряда внешнеполитических проблем. Кроме того, содействие Белграду в повышении его способности защищать себя было бы, как отмечалось в выступлении, важным вкладом в обеспечение безопасности Североатлантического региона²⁹.

29 декабря 1950 г. конгресс одобрил Закон «О чрезвычайной помощи Югославии», а 6 января 1951 г. в Белграде было подписано соглашение об условиях его выполнения. ФНРЮ получала по этому закону 38 млн долл. По условиям соглашения США в пропагандистских целях потребовали от югославской стороны сообщить народу через прессу, радио и другие каналы о деталях американской программы помощи.

Программа продовольственной, а в действительности и финансово-экономической помощи Югославии превзошла одобренные конгрессом цифры и составила в общей сложности, с учетом неофициальных каналов, сумму, запрошенную югославской стороной. С 1 ноября 1950 по сентябрь 1951 г. США выплатили по вышеупомянутому закону о чрезвычайной помощи, включая расходы на технические нужды, 70 млн 639 тыс. долл. Частные лица и фонды также предоставили помощь. Так одно из филантропических обществ США сообщило в январе 1951 г., что в течение шести следующих месяцев оно поставит в Югославию продовольствие на сумму 35 млн долл.³⁰

Несмотря на то, что принятие закона не сопровождалось постановкой условий политического характера, американская администрация сочла возможным сделать ряд замечаний, представлявших попытку скорректировать политику Белграда в области прав человека. Незадолго до завершения американско-югославских переговоров о продовольственной помощи посол США Дж. Аллен в беседе с Й. Броз Тито напомнил, что, хотя и принято решение правительства о предоставлении помощи, предстоит процедура его одобрения конгрессом, где открыто критикуются нарушения гражданских и религиозных свобод в Югославии³¹.

Одновременно американская дипломатия попыталась через С. Сульцбергера, тесно сотрудничавшего с госдепартаментом, воздействовать на югославское руководство с целью добиться освобождения из заключения хорватского архиепископа А. Степина-

ца³². Накануне обсуждения закона о помощи в конгрессе Дж. Аллен прямо потребовал освобождения Степинаца либо, как предлагал госдепартамент, немедленного его перевода в монастырь в качестве предварительного условия для благоприятного решения вопроса о помощи³³. Тито, касаясь этого вопроса, указывал, что со стороны Ватикана и некоторых католических кругов США предпринимались усилия «не дать нам ничего без условий, например, без освобождения Степинаца, но мы отвергли эти условия». «Степинаца мы освободили потому, что хотели выбить пропагандистское орудие из рук Ватикана», – подчеркнул он³⁴.

После одобрения закона конгрессом в телеграмме, посланной госдепартаментом 26 января 1951 г. в югославское посольство в Вашингтоне, вновь указывалось, что предоставление помощи Югославии «не должно рассматриваться как одобрение мер, принимаемых правительством ФНРЮ с целью подавления или уничтожения религиозных, политических или экономических свобод в стране»³⁵.

С началом Корейской войны усиливается вовлеченность в югославские дела Британии и Франции. Так, в октябре 1950 г. Бевин вместе с председателем Торговой палаты Вильсоном пытались убедить кабинет министров в необходимости предоставления Белграду еще одного кредита, чтобы предотвратить коллапс югославского режима из-за нехватки продовольствия³⁶. На Кэ д'Орсе с осени 1950 г. также предпринимали попытки кардинально изменить политику правительства в отношении Югославии. В октябре МИД рекомендовал оказать продовольственную помощь ФНРЮ в связи с засухой. Французские дипломаты считали, что у Четвертой республики больше возможностей в установлении доверительных отношений с Югославией, поскольку Париж, в отличие от Лондона и Вашингтона, не пытается оказывать на нее давление. В начале 1951 г. французский посол в Белграде П. Бодэ в беседе с югославским руководством выразил мнение, что Франция должна стать связующим звеном между новой Югославией и Западом, а заместитель директора восточноевропейского департамента МИД в мае этого же года заявил, что страна должна внести реальный, а не на словах, вклад в западную экономическую помощь ФНРЮ³⁷.

Весной 1951 г. США решили привлечь к проводимой ими программе экономической помощи Англию и Францию, что должно было продемонстрировать солидарность союзников в рамках НАТО, единство их взгляда на политику в отношении Югославии. В дополнение к двусторонним экономическим связям было решено оказать трехстороннюю финансово-экономическую помощь. Контакты по проблемам, связанным с предоставлением такой помощи, начались сразу же после подписания соглашения от 6 января 1951 г. между США и ФНРЮ.

В начале 1950-х годов в югославском руководстве стал формироваться определенный подход к отношениям с США и другими западными державами, в основе которого лежал расчет на частичное использование геостратегического положения Югославии, а также тех надежд, которые американская администрация питала в отношении дестабилизации советского блока. Это давало югославской стороне возможность рассчитывать на предъявление максимальных требований. Так, на переговорах с западными державами в начале 1951 г. югославы представили на обсуждение сумму в 450 млн долл., что не вызвало возражений американских и британских экспертов, согласившихся, что долгосрочный заем такого объема способен вывести экономику из стагнации³⁸.

Почти одновременно с переговорами об экономической помощи ФНРЮ происходили контакты по вопросу о поставке отдельных видов оружия. Впервые эта проблема об-

суждалась еще в мае 1950 г. на встрече в Лондоне Э. Бевина, Д. Ачесона и их французского коллеги М. Шумана, когда американский госсекретарь поставил вопрос о совместной экономической помощи трех стран Белграду³⁹. Параллельно возможность предоставления Югославии вооружений рассматривалась в Совете национальной безопасности США. Вашингтон известил о намерениях трех стран также и канадское правительство. В ходе дискуссии французская сторона сообщила, что готова поставить легкое вооружение, но лишь после выяснения намерений Югославии относительно его использования. В случае югославского запроса о военной помощи предполагалось направить в страну секретную англо-американскую военную миссию для выяснения потребностей югославской армии⁴⁰.

Повторно вопрос обсуждался накануне принятия закона о чрезвычайной помощи ФНРЮ в ноябре 1950 г., когда речь шла об экспорте с Запада сырья для оборонных нужд⁴¹. Однако югославское правительство не решилось сделать в то время запрос о поставках вооружений. Официальное сообщение о намерении закупить оружие появилось только 11 апреля 1951 г. В заявлении заместителя министра иностранных дел В. Влаховича указывалось, что в связи с напряженной обстановкой на Балканах Югославия ищет возможности его приобретения по торговым каналам⁴². Оно было сделано незадолго до визита министра обороны ФНРЮ К. Поповича в США, где на переговорах с представителями американской администрации рассматривались все аспекты данной проблемы⁴³.

Югославская сторона стремилась подчеркнуть, что она не опасается агрессии извне, но желает модернизировать свою армию. Тогда США предпринимали попытки заключить с ФНРЮ какое-либо соглашение, чтобы иметь основание для военных поставок. Но в Белграде считали, что это ущемляло бы суверенитет страны. Этим и объясняется желание югославов получить требуемое по торговым каналам, хотя бы на первом этапе. 10 апреля Франция сообщила, что после консультаций с США и Англией, она, согласно новому торговому договору, вскоре вступающему в силу, предоставит ФНРЮ военное снаряжение⁴⁴. Между тем, несмотря на уже отмеченную двойственность югославской политики и кажущуюся противоречивость заявлений белградских лидеров, ситуация вокруг Югославии оставалась достаточно напряженной. Начало войны в Корее югославское руководство расценило как часть мирового межблокового конфликта, но признало, что война подготовлена русскими, которые пытаются внедриться там, где встречают слабое сопротивление. Э. Кардель, оценивая советские действия на заседании политбюро ЦК КПЮ 28 июля 1950 г., подчеркнул, что страна (Югославия. – А.А.) должна занимать нейтральную позицию, но в то же время быть начеку, поскольку «неизвестно, готовы или нет русские, развязать третью мировую войну»⁴⁵.

Обстоятельства объективно подталкивали Белград к более тесному военно-политическому сотрудничеству с Западом, даже если часть руководства продолжала видеть в США и их союзниках империалистических монстров, готовых проглотить «социалистические завоевания югославского народа» и установить в стране капиталистические порядки. Сам Тито также вынужден был постоянно прибегать к пропагандистскому жонглированию в зависимости от ситуации. В советской прессе в 1950 г. целенаправленно распространялась провокационная информация о том, что США, Англия и Франция готовятся к агрессии против стран «народной демократии» через Югославию⁴⁶. В такой обстановке движение Югославии и Запада навстречу друг другу ускорялось. Уже в феврале 1951 г. американская разведка прогнозировала, что в случае глобального конфликта Восток – Запад Югославия не пропустит советские войска через свою территорию⁴⁷.

Осенью американские военные аналитики рекомендовали заключить с Югославией соглашение об обороне «Люблянского прохода» (на границе с Италией), а в середине 1952 г. Белград согласился выполнять эту задачу силами трех армейских корпусов. Никакого соглашения Югославия при этом не подписывала, поскольку в таком случае предполагался бы обмен военной информацией с Италией, к чему обе стороны, еще не решившие триестскую проблему, не были готовы⁴⁸. Подобное стратегическое координирование стало возможным лишь вследствие совпадения в тот период целей и задач как политики западных держав, опасавшихся возможной советской агрессии, вслед за Кореей, так и Югославии. При этом тогда уже очевидная готовность Белграда защищать свои восточные границы при любом развитии событий становилась предметом обсуждения в Вашингтоне, где полагали, что югославы должны быть за это вознаграждены, ибо вносят свой вклад в западную оборону.

15 мая 1951 г. в Вашингтоне начались югославо-американские переговоры о поставках современного оружия. Согласно принятой к этому времени практике, США поставляли его союзникам и другим странам, рассматриваемым ими в качестве таковых, на основе Закона «О взаимном обеспечении безопасности». Руководство ФНРЮ по многим причинам, в том числе отмеченным выше, не хотело связывать страну каким-либо соглашением, основанным на данном документе, чем и объяснялось стремление Югославии получить крупный заем на Западе: это позволило бы осуществить коммерческую закупку оружия. Но западные партнеры, в первую очередь США, пытались реализовать свои планы на проходивших в Лондоне переговорах, не торопились удовлетворить югославские финансовые требования. Все это вынуждало югославов согласиться на заключение договора с американцами на базе вышеназванного закона.

18 июня министр обороны К. Попович, находившийся в Вашингтоне, сообщил, что он обсуждал проблему с госсекретарем Д. Ачесоном и представителями Пентагона. Через десять дней, 28 июня, официальный югославский запрос о военной помощи был передан Д. Ачесону югославским послом В. Поповичем⁴⁹. В течение лета и осени происходили контакты между военными ведомствами двух стран. Обсуждались детали предстоящего соглашения и объемы военных поставок. В конце августа, прибывший в Югославию проездом из Ирана, А. Гарриман провел переговоры с Й. Броз Тито и членами политбюро – Э. Карделем, Б. Кидричем и А. Ранковичем. С американской стороны на встрече присутствовал посол США Дж. Аллен и военный атташе. Американцы поставили вопрос об организации, в условиях возрастающего югославского сотрудничества с США и их союзниками, военной миссии в Югославии. Тито заявил, что югославская армия нуждается только в модифицированном вооружении⁵⁰.

4 августа в Америку отправилась военная делегация ФНРЮ из 15 человек во главе с генерал-майорами М. Шимоня и П. Килибарда; ее принял Дж. Маршалл, тогда министр обороны США. В ходе состоявшихся переговоров была составлена программа на 1952 г. Много времени американцы потратили на объяснение югославам необходимости заключения двусторонних договоров в качестве легальной основы взаимоотношений, что включало и создание постоянной военной миссии в стране-получателе военно-технической помощи. В октябре в Югославию прибыли американские военные во главе с генералом Коллинзом. Во время встречи с югославским руководством рассматривались условия выполнения будущего договора. Югославская сторона пыталась выяснить возможность получения тяжелых типов вооружений⁵¹.

14 ноября 1951 г. в Белграде было подписано соглашение между ФНРЮ и США о военной помощи. Как уведолил конгресс президент Трумэн, американцы делали это на основа-

нии Закона «О взаимной помощи в обороне» от 1949 г. и Закона «О взаимном обеспечении безопасности» от 1951 г.⁵² Соглашение, скрепленное подписями Й. Броз Тито и американского посла Дж. Аллена, было заключено сроком на один год с условием продления на основе дополнительных переговоров⁵³. В первый год Югославия получила военно-техническую помощь на сумму 60 млн долл. Югославская сторона, тем не менее, стремилась дистанцироваться от предлагаемого Законом «О взаимном обеспечении безопасности» обязательства (как это понимали югославы) приходиться друг другу на помощь в случае агрессии со стороны. Поэтому Белград, предугадывая намерения Вашингтона, заявил, что соглашение от 14 ноября не следует рассматривать как договоренность о взаимной помощи двух стран, но лишь как американскую военную помощь ФНРЮ⁵⁴.

Таким образом, дискуссия между госдепартаментом, ответственным за проведение политики в отношении Югославии, и Пентагоном по вопросу о военной помощи, возникшая еще в 1949 г., завершилась. Определяющим фактором в решении о предоставлении помощи явилась более внимательная американская геостратегическая оценка позиции Югославии, вызванная теми изменениями, которые произошли во внешней политике США после начала войны в Корее, когда трактовка «национальной безопасности» страны приобрела глобальный характер.

Развитие американо-югославских отношений, перешедших в 1952 г. в новую фазу, было отмечено заключением 8 января долгосрочного экономического соглашения. В соответствии с ним США брали на себя обязательство в течение следующих трех лет (до 30 июня 1955 г.) оказывать помощь Югославии в рамках принятых законов и с одобрения правительства. Ряд обязательств должна была выполнить югославская сторона, в частности способствовать развитию промышленного и сельскохозяйственного производства на «здоровой экономической основе» и сообщать американской стороне о разрабатываемых проектах. Среди мер, какие правительство ФНРЮ обязалось предпринять для стабилизации национальной экономики, были мероприятия по укреплению курса югославской валюты, общего финансового положения страны⁵⁵.

Согласно планам на экономическую переориентацию Югославии в договор был внесен пункт, по которому она должна была развивать связи в сфере экономики с другими странами, получающими от США помощь по Закону «Об экономическом сотрудничестве» от 1948 г. (план Маршалла), увеличивать с ними товарный обмен, уменьшая барьеры, препятствующие этой торговле. По договору предусматривалось создание специальной группы американского персонала при американском посольстве в Югославии, участвующей в его реализации⁵⁶.

В 1952–1953 гг. торгово-экономические отношения Белграда с Западом достигли высокого уровня. Были заключены коммерческие и финансовые соглашения с ведущими западными державами, со многими – на длительные сроки. Американская администрация, исходя из интересов своей политики и используя влияние в западном мире, способствовала расширению экономической помощи Югославии со стороны союзников США по НАТО, других западноевропейских стран, Организации Объединенных Наций и ее специализированных органов, Международного банка реконструкции и развития, американских банков, а также поощряла инвестиции частных компаний в югославскую экономику.

Политическая поддержка ФНРЮ со стороны Соединенных Штатов, в частности с трибуны ООН, становилась все заметнее, даже, несмотря на то, что Югославия продолжала голосовать по ряду вопросов, сохраняя «классовые принципы», вместе с советским блоком. Американская дипломатия поддерживала, согласно ранее достигнутой догово-

ренности с Белградом, его тактику в отношении Москвы – демонстрацию независимости, но также спокойно сносила и другие «коммунистические выходки» нового партнера, понимая, что Тито не может изменить своим убеждениям, как и его окружение, среди которого были и более жесткие ортодоксы. В частных беседах с югославским руководителем американцы все чаще получали заверения в том, что линия Белграда на сотрудничество с Западом является стабильной и долгосрочной.

В марте 1952 г. Тито в беседе с представителем организации американских евреев-ветеранов войны Гинзбургом, проходившей секретно, сказал, что реальной помощью Югославии Западу в случае войны станет защита того сектора, какой будет наиболее важным для западного стратегического плана. Между тем, через несколько дней, встречаясь со студентами-членами Союза молодежи Югославии, Тито говорил о необходимости очищения от чуждых влияний, что в американской прессе было расценено как попытка возврата Белграда к сталинизму⁵⁷. Достаточно органичная для своего времени югославская концепция строительства социализма с западной помощью, устраивавшая американских политиков, рассчитывавших, вместе с тем, на постепенную либерализацию белградского режима, стороннему западному наблюдателю казалась, лишенной нравственной основы, марксистской уловкой.

В октябре 1951 г. на заседании политбюро ЦК КПЮ была одобрена югославская линия на очередной осенней сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где Белград предполагал обнародовать данные об агрессивной политике СССР и стран «народной демократии» по отношению к ФНРЮ. В ноябре Э. Кардель в обширном докладе с трибуны этой международной организации констатировал угрожающий его стране и миру на Балканах характер политики Советского Союза⁵⁸. 29 ноября, в день национального праздника новой Югославии, глава американской делегации в ООН И. Купер сделал заявление о том, что американское правительство озабочено уже более трех лет оказываемым на Белград давлением со стороны государств коминформовского блока. Он подчеркнул, что это является угрозой миру на Балканах. Незадолго до его выступления на сессии, в кулуарах Организации Объединенных Наций о ситуации вокруг Югославии и на ее границах подробно рассказывал М. Джилас. Вскоре в ООН, при американской поддержке, прошла югославская резолюция, осудившая политику СССР и сателлитов в отношении ФНРЮ⁵⁹.

Балканский пакт и «Триестский узел». Экономическая и военная помощь США и их союзников становилась все более весомым фактором в экономике Югославии, одновременно превращаясь в инструмент, который американская администрация активно использовала для оказания давления на ФНРЮ в нужном для нее направлении, а именно: с целью как можно более полного, с учетом советской угрозы Восточному Средиземноморью, включения Белграда в западные военно-политические структуры,

За фасадом проблемы западной помощи стояли не менее важные для США и их союзников вопросы стратегического взаимодействия югославской армии с натовскими структурами в регионе. Подготовка к переговорам на эту тему проходила летом-осенью 1952 г., и во время визита в Белград членов трехсторонней западной комиссии по военной помощи Югославии югославам было обещано двести танков, артиллерия для вооружения войск, дислоцированных в «Люблянских воротах», а также ускорены поставки реактивной авиации. Удовлетворенный Тито сказал, что можно будет приступить к переговорам с тремя западными державами по вопросам стратегического планирования⁶⁰.

К этому времени в Вашингтоне и Лондоне уже активно шла разработка планов по созданию в регионе оборонительного союза, одним из членов которого могла бы стать Югославия. Перед западной дипломатией стояла задача снять существовавшие разногласия между ней и ее соседями Грецией и Турцией и начать переговоры по оформлению трехстороннего пакта, косвенно связанного с НАТО. Все это предполагалось обсуждать в контексте совместного оборонительного планирования на Балканах.

Первые шаги в направлении югославо-греческого сближения Америка предприняла после заявления Тито 10 июля 1949 г. о закрытии границы для греческих партизан. Госсекретарь Д. Ачесон, через посла в Белграде К. Кеннона, сообщил югославам о том, что правительство США надеется на возобновление добрососедских отношений с Грецией, «традиционно дружественной страной»⁶¹. Акцент на традиционные связи двух стран был сделан и в ходе американо-югославского обсуждения проблемы восстановления железнодорожного сообщения ФНРЮ с Грецией, в частности с Салониками, где югославы, еще по довоенному договору, имели право на пользование портом. США в результате получили бы удобный путь для транспортировки в Югославию грузов – их объем должен был увеличиваться по мере расширения ее экономических контактов с Западом.

Между тем основным препятствием для нормализации югославо-греческих отношений, как пытались представить в Белграде, было неприятие, вплоть до весны 1950 г., греческого правительства, которое в Югославии считалось реакционным. Югославы при этом выступали в защиту эгейских македонцев, подвергавшихся в Греции репрессиям после поражения коммунистов в гражданской войне. Оставалась нерешенной и проблема возвращения в Грецию детей, отправленных коммунистами в Югославию в период военных действий, а также военнопленных, захваченных в разное время партизанами и находившихся на ее территории.

В марте 1950 г. в Грецию прибыл с визитом посол США в Югославии Дж. Аллен, сменивший незадолго до этого К. Кеннона. Он попытался выяснить перспективы нормализации греко-югославских отношений, устранения существующих в них проблем, а по возвращении в Белград обсудил греческие предложения с югославскими дипломатами. Заместитель министра иностранных дел ФНРЮ С. Прица сказал послу, что темпы восстановления связей будут зависеть от «прогрессивной направленности» нового греческого правительства, а уже 11 апреля состоялась встреча Тито с одним из возможных кандидатов на пост премьер-министра Н. Пластирасом, который вскоре после прошедших в стране выборов сформировал новый кабинет⁶². Приход к власти левоцентристского правительства (генерал Пластирас возглавлял партию ЭПЭК) дал некоторый толчок улучшению югославо-греческих отношений. Белград предложил обменяться посланниками.

Поворотным моментом в отношениях Югославии с Западом, а вслед за этим и в югославо-греческих, стало начало Корейской войны, поставившей перед США и всем западным миром новые задачи. Президент Трумэн на встрече с сотрудниками Совета национальной безопасности 28 июня 1950 г. просил заново проанализировать все аспекты американской политики относительно государств, расположенных по периметру Советского Союза. В ходе этой беседы затрагивался вопрос о помощи Югославии в случае возможной агрессии.

В позиции ФНРЮ по вопросу о Греции происходят подвижки, в частности, 23 августа ответственный чиновник югославского МИД Л. Матес сообщил американскому послу Дж. Аллену о готовности югославской стороны к улучшению югославо-греческих отношений и подчеркнул, что Белград, до времени, снимает вопрос о македонцах⁶³. Активно

содействовали сближению в тот период британские дипломаты и общественные деятели, подчеркивавшие необходимость преодоления разногласий перед лицом общей для обеих стран опасности агрессии со стороны советского блока.

Осенью 1950 г. в Вашингтоне велась работа по подготовке законодательной базы для принятия программ экономической, а затем и военной помощи ФНРЮ. В таком контексте госдепартаменту было легче убедить югославов снять оставшиеся в отношениях с Грецией нерешенные вопросы. В конце октября новый греческий премьер С. Венизелос (лидер Либеральной партии, кабинет которого до весны 1950 г. в Белграде считали недостаточно «прогрессивным») сообщил американцам, что сохраняется проблема возвращения на родину из Югославии 80 пленных греков. Уже 8 ноября ФНРЮ возвратила 57 человек из предъявленного списка, и спустя неделю греческое правительство объявило о готовности восстановить дипломатические отношения в полном объеме. В декабре стороны обменялись представителями в ранге посланников⁶⁴, а в Афинах было решено открыть порт в Салониках для поставок продовольствия в Югославию из США, согласно Закону «О чрезвычайной помощи»⁶⁵.

Сближение ФНРЮ с Западом, стимулированное Корейской войной, проходило на фоне постоянной дискуссии в американских правящих кругах о возможной агрессии со стороны СССР и его сателлитов против Югославии. Обсуждались разведанные и многочисленные слухи, говорящие о подготовке в Москве нападения, назначенного на различные сроки и впоследствии отмененного⁶⁶. События в Корее, по мнению американского руководства, открывшие новый этап во внешней политике Советского Союза, общая оценка его возможных действий на мировой арене сводилась к констатации того, что он в ближайшее время не планирует большой войны, но будет в возрастающей степени проводить агрессивную политику в ключевых периферических точках, которую Запад должен будет либо принимать, либо противопоставлять ей силу. Министры иностранных дел США и Великобритании Д. Ачесон и Э. Бевин, обсуждавшие эту проблему в Лондоне в середине 1950 г., отмечали также, что СССР весьма слабый в экономическом плане, но обладающий значительным экспансионистским потенциалом противник⁶⁷.

Югославы, со своей стороны, рассматривая советскую угрозу всерьез, действовали, исходя из своей амбивалентной тактики непровоцирования Москвы. В Вашингтоне они выступали с алармистскими заявлениями, рассчитывая на получение военной материальной помощи и дополнительные гарантии безопасности. Однако в публичных выступлениях, интервью и беседах югославские руководители подходили к этой проблеме достаточно взвешенно, стремясь не раздражать Сталина, не зная, правда, о том, что вся информация о секретных югославо-западных контактах поступала к нему вплоть до апреля 1951 г., когда заподозренному в шпионаже Д. Маклину-«Гомеру» перестали выдавать в британском посольстве секретные документы.

Й. Броз Тито, встречавшийся в октябре 1950 г. с американскими конгрессменами, назвал три причины, из-за которых, как он полагал, СССР не нападет на ФНРЮ. Во-первых, этого Москве не простит та часть мировой общественности, которая, как считают в Кремле, могла бы ее поддерживать. Во-вторых, Югославия имеет сильную армию, и она может сражаться долгие месяцы, пока будет мобилизовано мировое общественное мнение и не начнет поступать помощь. И, в третьих, советское нападение будет означать начало третьей мировой войны, которой «Советы не хотят»⁶⁸.

Данные Совета национальной безопасности и ЦРУ, сообщавшие осенью 1950 г. об угрозе странам Северного яруса от Афганистана до Греции и передвижениях войск са-

теллитов СССР на Балканах, вновь оживили в США, но в первую очередь в Афинах и Анкаре, идею военно-политического объединения этих балканских стран с Западом. Если судить по американским документам, то наиболее активную роль в тот период играла Турция, которая готова была к созданию Средиземноморского блока, но только после своего принятия в НАТО. Планы американцев, испытывавших давление со стороны скандинавов (Дании и Норвегии), не желавших расширения обязательств этого союза на новых членов, находившихся на европейской периферии, были несколько другими.

В Средиземноморский пакт могли бы войти США, Великобритания, Франция, Италия, Греция и Турция. Для двух последних это был бы временный субститут, связывавший их с организацией Североатлантического договора. В госдепартаменте, вместе с тем, указывали, что турецкая сторона будет расценивать такой вариант до известной степени как дискриминационный, свидетельствующий о нежелании Запада сотрудничать с Турцией во всех других сферах, кроме военной⁶⁹. В качестве участника Средиземноморского союза Югославия еще не фигурировала, поскольку, как отмечал С. Сульцбергер, в Вашингтоне тогда не было единого мнения относительно участия Белграда в том или ином блоке. Если госдепартамент отдавал приоритет региональному союзу, считая, что он будет предпочтительнее для ФНРЮ по идеологическим причинам, то военное министерство, принимая во внимание «вес» этой балканской страны в стратегическом балансе региона, было заинтересовано в прямом ее участии в НАТО⁷⁰.

Внутри югославского руководства также сталкивались различные точки зрения. В мемуарах Э. Кардель говорил о процессе выработки решения по этому вопросу. Он писал, что в ходе дискуссии некоторые члены политбюро высказывали мнение о возможном участии страны в НАТО, но большинство выступило в пользу регионального объединения⁷¹. На состоявшемся в начале декабря 1950 г. заседании политбюро Тито констатировал серьезность ситуации в мире и «просто капитулянтские» настроения в Западной Европе в связи с нападением Китая на Корею. Он не исключил, что русские могут что-то предпринять, и указал на важную задачу нормализации отношений с Грецией и Италией, «не привязываясь к мелочам». Рекомендации политбюро укрепить разведывательную службу, начать работы по созданию укрепленных районов в горах, увеличить инвестиции в строительство дорог говорили о том, что Югославия готовилась к обороне от возможной агрессии с Востока⁷².

Западные наблюдатели в Белграде, в частности посол Франции П. Бодэ, отправивший в октябре 1950 г. в Париж телеграмму с заметками на эту тему, отмечали, что внутри югославского руководства существуют две группы с несколько разными подходами к проблеме отношений с Западом. Посол считал, что руководство ФНРЮ едино во мнении о разрыве с Москвой, но одна его часть выступает за опору на собственные силы и подчеркивает опасность для существующего режима в слишком тесном сотрудничестве со странами Запада, в то время как другая, наоборот, считает, что за минимальные уступки можно получить от США, у которых нет агрессивных намерений по отношению к Югославии, изрядную помощь. Сложную экономическую ситуацию в стране, как полагают сторонники данного взгляда на проблему, невозможно решить без западной поддержки. Эта группа, по словам посла, была представлена в правительстве теми, кто отвечает за экономику, промышленность и оборону. Тито, не высказываясь определенно за ту или иную группу, делит свои симпатии со второй, показывая, время от времени, в каком направлении идут его мысли⁷³.

Другие материалы, в том числе и публичные выступления Тито того периода, подтверждают версию французского посла. Тщательно просчитанный прагматизм югос-

лавского руководителя, использовавшего американскую заинтересованность в разрыве Белграда с Москвой для укрепления безопасности своей страны и продолжения строительства социализма, но уже с югославской спецификой. Это находило поддержку в компартии и у значительной части общества. Зондаж морально-политического состояния югославянских народов, предпринятый английскими и американскими дипломатами в начале 1951 г., говорил о популярности Тито у югославов, даже среди антикоммунистов. Отмечалось, что его спокойствие и твердость в кризисной ситуации способствовали укреплению единства нации и уменьшению национальных и идеологических различий «перед лицом общего врага»⁷⁴.

Анализ ситуации в Югославии, проведенный госдепартаментом и британским МИД, и их оценка способности ее армии оказывать сопротивление внешней агрессии должны были дать политикам и специалистам по военному планированию дополнительный материал для выявления сильных и слабых сторон вероятного партнера Греции и Турции, и, конечно, западных держав, по формируемому региональному блоку. Югославская армия насчитывала в то время 32 дивизии численностью 400 тыс. человек, к которым, после частичной мобилизации, проведенной в декабре 1950 г., как о том оповестил госдепартамент МИД ФНРЮ, было добавлено еще 200 тыс. резервистов. Британский посол Ч. Пик отмечал в своем докладе в Лондон, что это позволит югославам защищаться в течение нескольких месяцев, учитывая, что три четверти территории их страны занимают горы⁷⁵.

Посол США Дж. Аллен на запрос госдепартамента о ситуации в наиболее угрожаемых районах Югославии сообщал о высоком моральном духе населения в Македонии, Воеводине и других приграничных районах. «Югославы не боятся нападения стран Информбюро и никогда не примут московской доминации», – отмечал посол. В его сообщении говорилось об уменьшении религиозной враждебности между сербами и хорватами. Касаясь Македонии, он подчеркивал особую удовлетворенность македонцев тем, что они получили республику и культурную автономию. Болгарская же пропаганда, преследующая цель подорвать преданность македонцев ФНРЮ обещаниями об объединении Македонии и ее суверенитете, как подчеркивал Аллен, не имела успеха⁷⁶.

Окончательное решение о членстве Греции и Турции в НАТО, как и начавшиеся программы экономической и военной помощи Югославии, побуждали западных дипломатов и военных ускорить разработку планов интеграции ФНРЮ в военно-политические структуры Запада. Процесс развивался параллельно в двух направлениях: США и Британия поощряли Грецию и Турцию выступать с собственными инициативами по сближению с Югославией, а сами весной-летом 1951 г. договорились предложить Тито начать переговоры о совместном стратегическом планировании. Британцы рекомендовали также привлечь и Францию, как это уже планировалось в связи с оказанием трехсторонней экономической и военной помощи. Форин Оффис, кроме того, просил своего посла в Вашингтоне посоветовать госдепартаменту стараться любой ценой избежать в переговорах с югославским руководством темы прямого включения Югославии в НАТО⁷⁷. Это позволяет предположить, что в Белграде тогда уже окончательно сложилось негативное отношение к участию в Североатлантическом блоке.

Еще в марте 1951 г. М. Джилас в беседе с С. Сульцбергером, который в то время курсировал между Афинами, Белградом и Анкарой, сообщил от имени Тито, что югославская сторона готова к переговорам с Грецией по вопросам взаимной обороны, и просил передать это королю и главе правительства. Американский журналист вручил послание начальнику греческого генштаба генералу Григорулопу, а не «болтливому», как он пишет в своих

мемуарах, премьеру Венизелосу⁷⁸. Одновременно югославское руководство, следуя своей тактической линии, за несколько дней до встречи Джиласа с Сульцбергером, в интервью заместителя министра иностранных дел ФНРЮ Л. Матеса одной турецкой газете подчеркнуло, что пока рано говорить о греко-турецко-югославском договоре, поскольку мир невозможно обеспечить региональными союзами. Матес предлагал поэтапное решение вопроса, рассмотрев сначала возможность заключения экономических и культурных соглашений. Такую концепцию создания трехстороннего союза, акцент на его гуманитарных, а затем оборонительных аспектах, югославская сторона сохраняла на протяжении последующих лет, вплоть до подписания соглашения в Бледе в 1954 г.⁷⁹

В конце января 1952 г. Тито в беседе с послом США Дж. Алленом дал согласие на переговоры о совместном стратегическом планировании, но просил, чтобы они проходили в обстановке абсолютной секретности. Американцы хотели до начала переговоров максимально четко определить позиции Белграда и Рима в «триестском вопросе» с тем, чтобы затем всю проблематику совместного стратегического взаимодействия рассматривать в контексте региональных планов и задач НАТО⁸⁰. Зимой того же года в Югославии находился Ф. Мосли, сотрудник госдепартамента, сообщивший Тито об американской заинтересованности в скорейшей нормализации отношений между Югославией и Италией. В переданном им Тито письме Ачесона отмечалось, что Соединенные Штаты, не желая навязывать свое мнение, вместе с тем считают, что при определении будущей границы в районе Свободной территории Триест (СТТ) обеим странам следует жестко придерживаться этнического принципа. В то же время США хотели бы подчеркнуть, что и Рим, и Белград не располагают суверенитетом над зонами «А» и «Б» СТТ, но осуществляют только военное управление, в связи с чем им не следует считать потерей суверенных территорий возможное взаимное оставление тех или иных частей названных зон.

Очевидно, что такое существенное замечание, изложенное в письме Ачесона, должно было обратить внимание югославской стороны на эту международно-правовую ошибку, которая постоянно, в виде требования восстановления суверенитета над югославскими территориями, выдвигалась ФНРЮ на переговорах с итальянцами и, особенно, во внешнеполитической пропаганде. В письме госсекретарь подчеркивал, что Белграду необходимо договариваться с итальянцами как можно скорее, поскольку правительство А. де Гаспери – это лучшее из того, что может быть, но если придут правые или коммунисты-«информбюровцы», то ситуация для него кардинально изменится, и Югославия столкнется с новыми требованиями по Триесту.

Чтобы заставить Тито и его окружение ускорить переговорный процесс с Римом, Ачесон вынужден был прибегнуть к угрозам, напомнив, что если затягивать с решением «триестского вопроса», то конгресс США может отвергнуть предложение Трумэна о военной и экономической помощи Югославии либо внести в законопроект какую-нибудь оговорку. Он также напомнил, что в конгрессе проитальянское лобби обладает значительным влиянием. Посол Дж. Аллен, участвовавший в обсуждении письма Ачесона, попросил Тито передать американцам югославский план раздела СТТ, и если он окажется справедливым с этнической точки зрения, то США готовы оказать давление на итальянцев с целью его принятия.

Тито в ответ сообщил, что понимает мотивы Ачесона и напомнил, что в Париже уже идут секретные переговоры с итальянцами, на которых замечен определенный прогресс. Он также сказал, что если не будет выработан приемлемый для Югославии план раздела территорий, то она предложит вариант передачи СТТ под контроль ООН со статусом самоуправляемой территории при сменяющихся друг друга итальянских и югославских

губернаторах. Говоря о возможных территориальных уступках Италии, Тито подчеркнул, что, несмотря на предельно возможное их количество (речь шла о передаче пунктов Копер и, возможно, Пиран в зоне «Б» в обмен на исправление границы в зоне «А» в пользу ФНРЮ), югославская сторона готова пойти на компромисс, чтобы не позволить «русским вмешиваться в этот вопрос»⁸¹.

Москва периодически как держава, подписавшая мирный договор с Италией, пыталась контролировать ситуацию вокруг Триеста, сопровождая это «корректирующими» нотами. Весной 1950 г. СССР в одной из таких нот обвинил западные державы в затягивании вопроса о назначении губернатора СТТ и попытках создать военно-морскую базу в Триесте. США и Британия в ответной ноте отвергли советский анализ обстановки, складывавшейся в этом районе Восточного Средиземноморья⁸². Конфликт с Югославией также оказывал влияние на позицию Кремля в триестской проблеме. Опираясь на коммунистическую партию Свободной Территории Триест, связанную с компартией Италии, он активно противодействовал всем инициативам «шайки Тито», направленным на урегулирование проблемы.

Попытки США решить триестскую проблему в контексте задач, связанных с созданием Балканского пакта и последующим подключением к нему Италии, все чаще в те годы наталкивались на стремление Рима и Белграда извлечь из этого максимальную выгоду, что замедляло переговоры, нередко приводило к конфликтным ситуациям. В марте 1952 г. англо-американская администрация в зоне «А» разрешила итальянцам, после спровоцированных ирредентистскими кругами беспорядков в Триесте, взять на себя часть функций по управлению этой зоной. В югославской ноте это было оценено как привязывание указанной территории к Италии⁸³.

Подготовка к стратегическим переговорам с Югославией шла одновременно с усилиями американской дипломатии в Анкаре, Афинах, Белграде и Риме, направленными на расширение контактов четырех сторон через обсуждение, в первую очередь, вопросов взаимной обороны, взаимодействия с региональным командованием НАТО, и создание пакта. Эти проблемы, с разной степенью интенсивности, обсуждались турецкой и греческой сторонами в Анкаре в феврале 1952 г. во время визита Венизелоса и на состоявшейся там же встрече греческого премьер-министра с югославским послом в Турции. Греки и турки подчеркнули необходимость дальнейшего углубления отношений с Югославией, в том числе и в сфере обороны, имея в виду возможное нападение СССР.

Между тем, югославская сторона не только дала понять Америке, что не желает вступать в НАТО, но не хотела бы видеть в числе возможных участников Балканского пакта и Италию. Западные державы, наоборот, приступая к обсуждению оборонных проблем в Восточном Средиземноморье, собирались информировать об их ходе только Италию, но не двух других предполагаемых членов НАТО – Грецию и Турцию. Мотивы США и Британии, отдававших приоритет итальянцам, возможно, объяснялись расчетами воспользоваться сделанным жестом при урегулировании триестской проблемы.

В середине июля в столице ФНРЮ состоялись предварительные переговоры американских военных с главой республики. Посол США Дж. Аллен, участвовавший во встрече помощника секретаря по обороне Ф. Нэша с Тито, сообщал в госдепартамент, что югославский руководитель отрицательно отнесся к идее стратегических переговоров непосредственно с НАТО, но согласился на них при условии участия Британии и Франции. Он также добавил, что Югославия хотела бы, чтобы в связи с этим рассматривалось и участие Греции и Турции⁸⁴.

Югославская сторона, предлагая Западу рассмотреть возможность привлечения Греции и Турции к стратегическим переговорам, летом активизировала свою политику по отношению к последним, преследуя собственные цели, которые заключались в создании определенного противовеса, как рассчитывали в Белграде, западной и итальянской политике в регионе. Укрепив связи с Афинами и Анкарой, Белград повысил бы статус Югославии на предстоящих переговорах с тремя западными державами, а также при решении вопроса о Триесте. Вместе с тем, югославское руководство все еще сталкивалось с внутрипартийной оппозицией, противившейся развитию отношений с Грецией и Турцией, превращению их в югославо-греческо-турецкую Антанту.

Дж. Аллен в телеграмме в госдепартамент рекомендовал предоставить свободу действий этим балканским странам и не беспокоиться по поводу отсутствия той или иной информации о характере их взаимодействия. Как он подчеркивал, согласно полученным им достоверным сведениям, югославы озабочены проблемой прямых стратегических переговоров с великими державами, но не боятся переговоров с греками и турками, считая их равными себе. «Неравноправность югославо-советских отношений все еще свежа в югославском сознании», – писал Дж. Аллен⁸⁵.

Д. Ачесон, отвечая на телеграмму Дж. Аллена, указывал, что США вовсе не против трехстороннего сближения, но только, как подчеркивалось в ранее (7 мая) посланной депеше в Анкару, просили бы официальных лиц Турции и Греции (телеграмма была продублирована в Афины) отложить презентацию предложений о югославо-греческо-турецких оборонительных планах натовскому сообществу, проведя предварительно полные консультации на данную тему с Вашингтоном. Это было вызвано тем, что госдепартамент опасался встретить в НАТО сопротивление инициативе таких трехсторонних переговоров⁸⁶.

Очевидно, что разъяснения американских дипломатов руководству внешнеполитических ведомств Греции и Турции относительно контактов с Югославией, сняли некоторые вопросы и «процесс пошел», приобретя форму непрерывной череды взаимных визитов дипломатов и военных трех стран. В сентябре югославская военная делегация, возглавлявшаяся генералом П. Якшичем, посетила Афины и Анкару. В Белграде в конце ноября побывала делегация греческих военных, а 20 декабря прибыли представители военного министерства Турции. Характерно, что визиты греческой и турецкой делегаций состоялись уже после стратегических переговоров Югославии с западными державами. Программы всех визитов и проходившие переговоры в той или иной степени согласовывались и обсуждались с дипломатами США.

Переговоры о совместном стратегическом планировании начались 16 ноября 1952 г. С югославской стороны их возглавил начальник генштаба генерал П. Дапчевич, а с западной – генерал Т. Хэнди. Югославы показали американцам и их союзникам около десяти карт с дислокацией войск стран-сателлитов, насчитывавших от 700 до 900 тыс. солдат и офицеров. 71-я «информбюровская» дивизия была расположена в два эшелона вдоль югославских границ. Дапчевич показал западным коллегам карты и с указанием возможных направлений атаки с Востока на Югославию, Европу и Ближний Восток. Члены объединенной делегации трех западных держав задавали югославам вопросы относительно способности их вооруженных сил оборонять ФНРЮ на главных стратегических направлениях.

После двух дней переговоров западная делегация оценила югославскую позицию следующим образом. Югославы, как они считали, рассчитывают на сокрытие значительной части информации, в том числе и относящейся к оборонительным планам, что объясняется, во-первых, ожиданием от Запада гарантий нераспространения предостав-

ляемой информации по каналам НАТО (Тито просил об этом генерала Хэнди накануне переговоров, упомянув особенно Италию), и, во-вторых, «балканским характером» югославов – только услуга за услугу (*quid pro quo*). 18 ноября Кардель получил от трех западных послов такие гарантии, и обмен информацией продолжился. Один из югославских участников переговоров, генерал М. Шимоня упомянул уже 80 дивизий, готовых к обороне Балкан: 50 – югославских, 20 – греческих и 10 – турецких.

По оценкам западной дипломатии первый раунд переговоров, несмотря на ряд возникших проблем, прошел успешно. Лондон считал, что если бы не Италия и триестская проблема, то переговоры следовало бы поднимать на уровень НАТО. Руководитель западной делегации Т. Хэнди, который, по мнению Дж. Аллена, провел переговоры блестяще, называл среди оставшихся вопросов следующие: готова ли будет Югославия в случае войны допустить западные войска на свою территорию, можно ли будет изменить позицию Белграда, который пока планирует только объявление всеобщей мобилизации на момент начала войны, но не автоматическое в нее вступление. Он также подчеркивал, что оперативная поддержка и помощь югославской армии в районе «Люблянских ворот» была бы эффективнее, если бы она была вооружена западным оружием⁸⁷.

На заседании политбюро ЦК Союза коммунистов Югославии (СКЮ) 27 ноября 1952 г. прошедшие переговоры получили негативную оценку. В выступлении Тито подчеркивалось, что, несмотря на его просьбы (он обращался к французским и британским участникам переговоров) рассматривать ФНРЮ как равноправного партнера, Запад вел «себя по отношению к нам как к зависимой стране». «Они хотели знать наши планы и ничего взамен!», – утверждал он. Как считал югославский руководитель, переговоры следовало продолжить, но также на политическом, а не только военном уровне. Тито возражал против вступления в НАТО (очевидно, противоположная точка зрения продолжала существовать в высшем партийном эшелоне!), но полагал, что нужно вести переговоры с Грецией и Турцией. Эту тему продолжил Кардель, предложивший выяснить политические позиции греков и турок, подумать о каких-то договорах, которые служили бы основой для военных переговоров «Это не заставило бы нас принимать обязательства перед НАТО», – сказал он. Касаясь отношений Югославии с Западом, Кардель высказал соображение, что важно использовать различия не только между западными державами, но и внутри правящих кругов США⁸⁸.

Решение о «субстанциональном» прорыве в отношениях с Грецией югославское руководство приняло еще до заседания политбюро ЦК. Греческий посланник в Белграде Капитанидес сообщил об этом Дж. Аллену 24 ноября, сославшись на свой разговор с югославами несколькими днями раньше. В эти дни в Югославию прибыла греческая военная делегация во главе с генералом Иоанну, и Дж. Аллен в телеграмме госдепартаменту отметил, что он приветствует прогресс в греко-югославских отношениях и считает возможным их оформление особыми взаимными обязательствами⁸⁹.

Позиция югославского руководства, изменившаяся после переговоров с западными державами, получила адекватную оценку в госдепартаменте. В Вашингтоне дали зеленый свет скорейшим югославо-греческим и турецко-югославским переговорам по военным проблемам, но при условии, как подчеркивал Д. Ачесон в своей телеграмме в Париж 5 декабря, учета интересов США, Британии и Франции, не реализованных во время стратегических переговоров Хэнди–Дапчевич в Белграде, и обязательного информирования Запада и НАТО о динамике этих «балканских» консультаций. «Мы предпочли, – отмечал Ачесон, – дать возможность грекам и югославам выбрать свой собственный тип и темп отношений»⁹⁰.

27 декабря 1952 г. прибывшая в Афины югославская военная делегация начала дискуссии со своими греческими коллегами. Как сообщал в госдепартамент посол США в Греции Дж. Перифой, югославы хотели бы заключить трехстороннее соглашение о взаимопомощи с отработкой детальных планов на случай агрессии против каждого из участников, включающих возможность оперативных действий греческих войск на территории Югославии, и наоборот (югославо-турецкие военные переговоры, на которых обсуждались эти планы, прошли несколькими днями раньше). Югославы также предложили провести следующую встречу на высоком уровне с тем, чтобы принять окончательное решение по обсуждаемым проблемам. По словам посла, греки были несколько удивлены таким напором югославов, еще в сентябре занимавших выжидательную позицию. Одним из объяснений такой метаморфозы могло бы быть, полагали греки, желание югославов укрепить свои позиции по отношению к Италии. На греческую делегацию произвело впечатление единодушие, с которым югославы говорили об «итальянских имперских амбициях»⁹¹.

Аллен, комментируя из Белграда телеграмму Дж. Перифоя из Афин, соглашался с тем, что стремление югославов укрепить свои позиции в отношении Италии является одной из причин «изменения югославской позиции», но главным считал логику развития событий, особенно после переговоров Хэнди–Дапчевич. Согласно мнению специалистов посольства США в Белграде, с того момента, как конфликт с Коминформом стал окончательно необратимым, логической целью внешней политики Тито было добиться военного союза с Западом. Если раньше перед Югославией стояли идеологические табу, отделявшие ее от стран НАТО, как и территориальный спор с Италией из-за Триеста, то теперь, как считали в посольстве, внутренние и внешние обстоятельства складываются благоприятно для Тито, и он готов пойти на заключение регионального союза с обязательствами военно-политического характера⁹².

Такое настроение югославского руководства положительно воспринимали в Афинах и Анкаре, о чем в госдепартамент докладывали американские послы, считавшие, что США не должны сдерживать участников переговоров, но использовать готовность Белграда к углубленному военному сотрудничеству с балканскими странами, входящими в НАТО, в интересах западной оборонной концепции в регионе.

На VI съезде КПЮ–СКЮ осенью 1952 г. Тито, касаясь проблемы сотрудничества с Грецией и Турцией, подчеркнул, что «могут говорить кто что хочет, но мы, со своей стороны, предпримем все для того, чтобы сотрудничество с этими странами в отношении совместной обороны от агрессии было как можно более продуктивным и эффективным, поскольку это в интересах нашей безопасности и мирного развития»⁹³.

В конце января 1953 г. в Югославии находился министр иностранных дел Турции Ф. Кепрулю, которому Тито предложил заключить трехстороннее соглашение о дружбе, вместе с Грецией. С точки зрения главы ФНРЮ, такой договор отвечал бы югославскому общественному мнению и произвел полезный психологический и пропагандистский эффект в отношении СССР. Кепрулю сообщил о готовности Турции подписать соглашение, если его условия не будут противоречить турецким обязательствам по НАТО. Он также выразил надежду, что подобное соглашение, возможно, будет служить промежуточной ступенью для эвентуального членства Югославии в пакте. (Тито оставил это без комментария.) Турецкий министр затронул вопрос о возможном в будущем присоединении Италии к договору. Тито после небольшой заминки сказал о возможном в дальнейшем согласовании этого момента, но, по его мнению, корень итальяно-югославского недоверия находился в латентном итальянском стремлении к югославским территориям вдоль побережья Далмации⁹⁴.

В феврале, накануне подписания трехстороннего договора, состоялся визит министра иностранных дел Греции С. Стефанопулоса в Югославию, в ходе которого стороны договорились провести в Анкаре 17–20 февраля встречу военных делегаций трех стран, а 20 февраля – политическую конференцию министров иностранных дел. Давление госдепартамента на участников формируемого пакта продолжалось до последнего момента. Американцы хотели избежать соглашения, по которому Турция и Греция обязаны были бы автоматически прийти на помощь Югославии в случае нападения, но стремились ограничить обязательства сторон в экстренных случаях консультациями.

Доступные исследователям документы не позволяют выявить все мотивы американской стороны, которыми она руководствовалась в данной ситуации. Известно, вместе с тем, что в этот же период госдепартамент изучал возможность проведения двусторонних итало-югославских переговоров на тему взаимного оборонительного планирования, что определялось логикой натовской стратегии в регионе – конфликт Италии и Югославии из-за Триеста не позволял замкнуть цепь западной обороны в Восточном Средиземноморье. Можно предположить, что итальянцы оказывали давление на Вашингтон с тем, чтобы он редуцировал уровень Балканского пакта до договора о дружбе, поскольку считали, что югославы могут воспользоваться статьями пакта о взаимопомощи, если таковые были бы в него включены, в случае перехода триестского конфликта в вооруженную фазу. Не исключено, что и в Белграде, который на военных переговорах с Афинами и Анкарой обсуждал вопросы взаимодействия при возможном нападении со стороны Советского Союза и Болгарии, имели в виду также и Италию. В пользу такой версии говорит тот факт, что югославы продолжили переговоры с греками и турками о военном сотрудничестве и после нормализации отношений с СССР и его сателлитами вплоть до подписания Лондонского меморандума по Триесту в 1954 г., когда интерес Белграда к пакту стал резко снижаться.

28 февраля 1953 г. в Анкаре был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Югославией, Грецией и Турцией, ставший первым шагом к оформлению Балканского пакта. В его статьях предусматривались ежегодные встречи министров иностранных дел для обсуждения международной ситуации и вопросов трехстороннего сотрудничества. В договоре отсутствовал параграф, где бы содержались обязательства сторон об оказании взаимной помощи в случае внешней агрессии, но говорилось о консультациях представителей генеральных штабов стран-участниц с целью вынесения рекомендаций для своих правительств по проблемам обороны. Региональный статус союза трех стран был подчеркнут внесением в договор статьи, в которой оговаривалось, что данное соглашение не влияет на права и обязанности Греции и Турции, вытекающие из их участия в НАТО⁹⁵.

Накануне подписания договора, когда министры иностранных дел обсуждали окончательный текст проекта, С. Стефанопулос сообщил американскому послу Дж. Перифою о своей беседе с К. Поповичем, югославским министром иностранных дел. По словам Стефанопулоса, Попович был огорчен результатом полемики вокруг проекта и заявил, что Великие державы не понимают в полной мере значения этой части мира, как и необходимости организации обороны здесь на конкретной и прочной основе. Как указывал в своей телеграмме госдепартаменту американский посол, греки и турки, несомненно, дали понять Поповичу, что они вынуждены были пересмотреть «критические параграфы» договора под давлением США и Британии. Дж. Аллен сообщил 23 февраля в госдепартамент о своем заверении югославов в том, что снятие военных положений из проекта договора было рекомендовано по причинам временного характера, «из-за чувстви-

тельности некоторых членов НАТО», но не вследствие отказа Вашингтона от принципов военного сотрудничества на Балканах⁹⁶.

Таким образом, югославской стороне не удалось в полной мере реализовать свою концепцию трехстороннего пакта, которая преследовала цель обеспечить Югославии опосредованное прикрытие НАТО в случае агрессии с Востока, благоприятные условия урегулирования триестского спора и, что, вероятно, также входило в расчеты Белграда, дополнительные поставки военной техники как одному из участников обороны Запада в регионе. Поставленные задачи сохранили актуальность в последующий период, но потеряли отчасти остроту из-за начавшейся после смерти Сталина нормализации отношений с СССР и завершения войны в Корее. В свою очередь, американские и британские дипломатические круги рассматривали создание союза на Балканах как успех западных усилий по выводу Югославии из советской орбиты и постепенной интеграции ее в демократические структуры капиталистического мира.

Приход к власти в Соединенных Штатах Америки в 1953 г. республиканского кабинета Эйзенхауэра – Даллеса не привел к изменению американской политики в отношении ФНРЮ. Режим Тито в Вашингтоне продолжали считать тоталитарным, но главным было то, что он оставался вне советской орбиты, служа привлекательным примером для сателлитов Москвы. Модифицированная при Даллесе доктрина «сдерживания», получившая название «освобождение», отводила Югославии особую роль. Опасения американцев относительно возможности потери Белградом своего значения для западного мира после начала нормализации и сближения с Кремлем в значительной части не оправдались благодаря отработанной американской дипломатией тактике общения с югославами и гибкой политике югославской руководящей элиты, уже сполна вкусившей от западного финансового и экономического пирога⁹⁷ и научившейся успешно совмещать идеологические амбиции и прагматические императивы.

В марте 1953 г. состоялся визит Й. Броз Тито в Великобританию. Накануне его приезда в Лондон в Форин Оффис обсуждали различные аспекты новой британской политики по отношению к Югославии. Как считали англичане, Тито необходимо было дать понять, что с его режимом Запад спланирует не какие-то сентиментальные идеи дружбы, но необходимость сообща противостоять общему врагу, что и должно их всех объединять. Один из высокопоставленных чиновников Форин Оффис отмечал, что югославский лидер хотел бы получать все преимущества от дружбы с Западом, «не отказываясь от своих тоталитарных привычек и практики». Он предлагал использовать в связи с этим «педагогические» приемы во время визита Тито в Лондон, преподать ему, насколько это будет возможно, урок европейской демократии⁹⁸.

В ходе встреч Черчилля и Тито затрагивались вопросы трехсторонних военных переговоров, Триеста, ситуации в СССР после смерти Сталина. Касаясь недавно заключенного Балканского пакта, посол США в Британии В. Эдрич сообщал в госдепартамент, что, англичане, одобряя его создание, в то же время во всех подробностях объясняли югославам необходимость поддерживать добрые отношения с Италией как в военном отношении, так и в вопросе территориального урегулирования, для того, чтобы сделать этот договор эффективным. И британцы, и югославы сошлись в том, что у них нет желания добиваться принятия Югославии в настоящее время в НАТО⁹⁹.

Дж. Даллес был известен как последовательный противник коммунизма и активный сторонник и проводник идеи создания блоков вдоль южных границ СССР. Возможно, что эти установки нового государственного секретаря оказали воздействие и на ситуа-

цию вокруг военных переговоров участников Анкарского соглашения, договоренность о продолжении которых была достигнута еще в феврале 1953 г. На сессии НАТО в апреле Даллес убеждал греков в необходимости завершить как можно скорее военные переговоры с турками и югославами, создав прочную основу стратегического взаимодействия, которую не смогло бы разрушить «советское мирное наступление»¹⁰⁰. В мае–июне американский госсекретарь посетил Турцию, а затем Грецию, где эти вопросы также обсуждались, но уже в контексте замысла создания Ближневосточной оборонительной организации (MEDO), реализованного в 1955 г. в Багдадском пакте¹⁰¹.

Возможность опосредованного сотрудничества с Белградом рассматривалась в натовских кругах накануне июльской встречи в Афинах министров иностранных дел Греции, Турции и Югославии. Предполагалось вновь обсудить проблему взаимодействия трех армий в «зоне совместной оборонной ответственности» (речь шла о планах совместной защиты Фракии и тактики в районе Проливов)¹⁰².

Совещание министров проходило с 7 по 11 июля 1953 г. и выявило определенные разногласия между союзниками, несмотря на решение создать постоянный секретариат Анкарского договора и выраженное стремление укреплять сотрудничество трех стран. Один из оппонентов проюгославского курса американской дипломатии, посол США в Италии Клэр Б. Люс, попыталась проанализировать ситуацию, сложившуюся на переговорах. В телеграмме госдепартаменту она писала о провале усилий трех министров создать общий военный штаб, что неизбежно должно было затруднить совместное военное планирование, как это предусматривалось предшествующими штабными переговорами. Пытаясь драматизировать события, Люс указывала на озабоченность этим фактом главнокомандующего объединенными силами НАТО в Южной Европе (штаб которого находился в Италии), а также подчеркивала, что главные виновники происшедшего – югославы, возмущившиеся отказом турок в ходе совещания принять политическое обязательство рассматривать нападение на одного из членов блока как военные действия против всех участников союза. Как сообщала Люс далее, позиция Югославии в этом вопросе прямо противоречила инструкциям адмирала Р. Карни грекам и туркам относительно того, чтобы переговоры велись исключительно на национальном военном уровне, не вовлекая в этот процесс НАТО и не расширяя зону его ответственности. По мнению посла, такой подход Белграда к проблеме должен привлечь к себе внимание в свете предстоящих в Вашингтоне четырехсторонних переговоров по военным вопросам¹⁰³.

Таким образом, спустя полгода позиции сторон не изменились: югославы хотели получить политические гарантии до распределения ролей на «оперативном пространстве», а американцы не хотели расширения обязательств НАТО, запрещая грекам и туркам, оказавшимся в неоднозначной ситуации, действовать вопреки указаниям своих западных патронов. Переговоры начинали принимать затяжной характер, что было вызвано, как отмечал Л. Матес, имевший к ним непосредственное отношение, необходимостью найти приемлемую для всех сторон формулу, которая бы четко разграничила взаимные обязательства ФНРЮ и двух других ее партнеров по пакту и их обязательства по отношению к Югославии от имеющихся у Греции и Турции натовских обязательств¹⁰⁴.

На четырехсторонних переговорах в Вашингтоне 24–28 августа была предложена на рассмотрение стратегическая концепция обороны Югославии во взаимодействии с силами западных держав, объединенными силами НАТО в регионе и югославскими союзниками по Балканскому пакту. В ней предусматривалось, что, в случае агрессии, в северо-западной части Югославии оборона сосредоточится в горных массивах на севере и востоке, с пос-

ледующим отходом на оборонительные рубежи в районе Любляны. В задачу сил, обороняющих центральную часть Югославии, входила защита подходов к Адриатике от войск стран-сателлитов и предотвращение возможности их соединения с албанской армией. В юго-восточной Югославии следовало держать активную оборону как можно севернее и восточнее с тем, чтобы защитить долину Струмы и блокировать стратегический коридор вдоль Вардара – Моравы. В задачу югославской армии входило также остановить вторжение со стороны Албании, но все последующие действия в отношении этой страны Белград должен был согласовывать с Западом, который, как и раньше, продолжал выступать вместе с СССР гарантом албанской независимости. Американцы подтвердили свою готовность поддерживать в боеспособном состоянии девять югославских пехотных дивизий, расположенных в наиболее уязвимой точке западной обороны – «Люблянских воротах». Однако неизвестно, как был реализован этот план, поскольку в дальнейшем, после 1954 г., ФНРЮ сократила объем консультаций с западными державами по вопросам взаимного оборонного планирования, хотя и не отказалась от них¹⁰⁵.

Как и предполагали в американских правительственных кругах, Москва попыталась воспрепятствовать процессу расширения военного сотрудничества Югославии с Западом и балканскими «капиталистическими» соседями. Во время переговоров трех стран в июле 1953 г. в Афинах в «Правде» появился комментарий этой встречи, в котором говорилось о том, что Балканский пакт не имеет смысла, так как СССР никому не угрожает. Автор комментария предрекал распад блока из-за внутренних противоречий между его участниками – греко-турецкими (в связи с проблемой Кипра) и греко-югославскими (из-за Эгейской Македонии)¹⁰⁶.

Возможно, постоянные опасения американцев относительно «потери» Югославии в результате ее сближения с советским блоком оказывали влияние на характер взаимоотношений Вашингтона и Белграда. Югославское руководство, ощущая снижение опасности со стороны Востока, затягивало переговоры с западными державами, отстаивая свои позиции, а США и их союзники пытались в некоторых случаях оказывать давление на югославов, стремясь к скорейшему заключению соглашения по вопросам военной координации с Западом и связанной с этим триестской проблемы. На переговорах в Вашингтоне также был затронут вопрос о Триесте, и американцы обещали югославской стороне его урегулировать.

8 октября 1953 г. США и Великобритания через своих послов напомнили Тито, что во время встречи с Иденом 22 сентября 1952 г. он согласился на вариант раздела зон между Италией и Югославией и сейчас правительства США и Великобритании решили окончательно завершить спор вокруг Триеста и передать зону «А» под административное управление Италии, что должно, по их мнению, снизить напряжение между Римом и Белградом и сделать возможным более широкое сотрудничество между ними. В инструкции, посланной 6 октября в американское посольство в Югославии госдепартаментом за подписью Дж. Даллеса, отмечалось, что, передавая Тито это устное послание, следует подчеркнуть окончательный характер данного решения – *de facto*.

В одном из пунктов этого документа говорилось, что если первой реакцией Тито будет заявление об аннексии зоны «Б», то следует отметить, что западные правительства не выразят протеста, как и в том случае, если Италия решится на первую часть плана. При этом следовало напомнить Тито, что такое решение не требует каких-то военных действий, но только административных. Посольству также рекомендовалось подчеркнуть (если югославы решат аннексировать зону «Б»), что ФНРЮ должна дать гарантии

относительно прав меньшинств и гражданских прав в зоне «Б», согласно параграфу 4 Временного статуса Свободной территории Триест, так же, как это должно будет сделано и итальянской стороной, как только ее «вклад» в западную оборону станет таким, что за столом переговоров Италия и Югославия встретятся почти как союзники – члены одного политического блока¹⁰⁷.

Тито отреагировал на акцию западных держав спокойно, но сообщил, что, по его мнению, такое решение не подходит Югославии, ибо ставит Италию в особое положение и не снимает триестскую проблему с повестки дня, поскольку является временным и поощряет Рим претендовать и на другие югославские территории. Он выразил сомнение в способности западных держав предотвратить ревизионистские устремления итальянского правительства в будущем¹⁰⁸.

В Югославии заявление западных держав от 8 октября вызвало бурную реакцию. В Белграде, при поддержке властей, прошли многотысячные демонстрации протеста под лозунгами: «Зона „А“ и зона „Б“ будут обе нашими», «Не знала Америка, что Тито из челика (стали. – А.А.)»*. Были разгромлены Информационные центры США и Великобритании. Как считает югославский историк Д. Бекич, именно в эти дни в руководстве ФНРЮ, ощутившем глубокую неприязнь югославам к Западу, стала окончательно оформляться идея поиска «нейтралистского» пути для югославской внешней политики, установления равной дистанции между двумя блоками¹⁰⁹.

В самом Триесте также вспыхнули волнения и прошли забастовки. Промосковская компартия СТТ выступила против раздела по зонам, настаивая на введении временной единой администрации для обеих зон, отмечая в своей резолюции, что сложившаяся невыносимая для жителей СТТ ситуация – результат безответственной атлантической политики правительства де Гаспери и «белградской шайки, которая предала югославские народы и отвергла мирный договор» (с Италией)¹¹⁰.

Москва в ноте от 12 октября 1953 г. заявила США и Британии протест в связи с их сепаратным решением передать зону «А» Италии, что расценивалось как грубое нарушение условий мирного договора с Италией, относившихся к созданию Свободной территории Триест. США в те дни, опасаясь вооруженного конфликта, подтянули к Адриатике часть кораблей 6-го флота, а СССР привел в состояние повышенной боеготовности отдельные воинские части на своих западных границах¹¹¹.

Резкая реакция Белграда на октябрьское заявление западных держав, решивших одним ударом разрубить триестский «узел», вызвала ответные действия американцев, прекративших поставки Белграду военной техники и материалов в наказание за столь бурные проявления югославами патриотизма и ксенофобии¹¹². Однако Запад продолжил поиски выхода из кризиса, и 13 ноября югославам и итальянцам предложено было провести пятистороннюю конференцию по Триесту, на что Белград и Рим, с некоторыми оговорками, дали согласие. В итоге, именно на этой конференции, спустя год, и был принят окончательный документ.

Во время встречи Тито с американским послом Дж. Риддлебергером (работал в Югославии с 16 ноября 1953 г. по 11 января 1958 г.) в начале декабря некоторые пункты позиции ФНРЮ по триестской проблеме были сообщены американцам. Тито, в предварительном порядке, сказал о готовности отказаться от претензий на сам город Триест, что должно было дать югославам возможность на конференции вести речь о том, какая

* челик (серб.) – сталь.

часть зоны «А» отойдет к Югославии. Предполагалось, что зона «Б» практически вся будет югославской. На этой же встрече с послом США Тито сообщил о намерении отвести войска от границы. 5 декабря в Риме Пелла передал югославскому послу Грегоричу, что итальянцы также отводят свои войска из приграничных районов¹¹³.

В начале 1954 г. идея конференции пяти по Триесту (три западные державы плюс Италия и Югославия) трансформировалась в новую формулу – перманентное совещание трех стран – США, Великобритании и Югославии, которое должно подробно обсудить все югославские предложения по проблеме с тем, чтобы затем представить «утраченный» вариант на рассмотрение итальянцев. Схема была приведена в действие в феврале в Лондоне, где за четыре месяца дискуссий искомый проект в общих деталях был принят, и началась следующая фаза – переговоры с итальянцами. В. Велебит, посол ФНРЮ в Британии, в одном из интервью еще в 1952 г. сказал, что ему, руководителю югославской делегации, были даны инструкции – требовать всю Свободную территорию Триеста¹¹⁴.

Октябрьский кризис 1953 г. показал американцам, что югославское руководство готово отвечать на западное давление военными демонстрациями, толпами манифестантов и встречными угрозами¹¹⁵. Во время событий этого октября Тито предупредил западные державы, что в случае осуществления их планов по Триесту Югославия пересмотрит свою позицию в отношении Балканского пакта¹¹⁶.

Американской дипломатии приходилось, как и раньше, взвешивать и просеивать все заявления и действия югославов, отделяя в них реальное от пропагандистского. В действительности пропаганды в политике Белграда по отношению к Западу было очень много: угрозы «затянуть пояса» и пр., в условиях почти полной зависимости от экономической помощи США и их политической поддержки, выглядели неубедительно. Все же обе стороны вынуждены были корректировать свою линию по отношению друг к другу.

Югославы продолжили военные переговоры в рамках Анкарского договора – с 10 по 20 ноября в Белграде прошли встречи представителей генеральных штабов трех стран, а до их начала, 7 ноября, был создан постоянный секретариат Анкарского договора. Октябрьский кризис укрепил убеждение югославов в том, что военно-политическое сотрудничество с Грецией и Турцией позволит смягчить возможные последствия конфликта с Италией в будущем, а в случае осложнения обстановки, повысит безопасность страны¹¹⁷.

На военных переговорах в Белграде было достигнуто согласие об условиях реагирования каждой стороны в зоне «общих интересов», а именно: на югославской границе с Болгарией, в центральной и восточной частях греческой (Эгейской) Македонии и греческой и турецкой Фракии¹¹⁸. Стороны были готовы, как уверяли греки американцев, к подписанию соглашения, которое завершило бы процесс создания военно-политической структуры Балканского пакта. Однако США и Британия предприняли попытки убедить Афины и Анкару отложить окончательное оформление блока, ссылаясь на необходимость урегулирования триестской проблемы.

Еще 6 октября 1953 г. в инструкции госдепартамента посольству в Белграде говорилось о необходимости сообщить Тито о том, что военные отношения США с Югославией дошли до такой точки, когда «дальнейший прогресс в их планировании и программировании требует стабилизации ситуации вокруг Триеста»¹¹⁹. В ноябре Дж. Даллес в беседе с Сульцбергером сказал, что как только «триестский вопрос» получит решение, будут предприняты все усилия, чтобы добиться полного присоединения Италии к существующему договору между Грецией, Турцией и Югославией, как и максимального сотрудничества между Римом и Белградом. Даллес подчеркнул, что так будет установ-

лено, политически и в военном отношении, подлинное связующее звено между регионом Восточного Средиземноморья и остальной частью НАТО¹²⁰.

В стратегическом плане было очевидно, что для натовского командования и американских военных гораздо важнее итало-югославское оперативное взаимодействие в районе «Люблянских ворот», закрывающих путь к центру Европы, чем греко-турецко-югославское в Проливах, на фракийском берегу. Второе теряло значительную часть смысла без первого. Особый интерес США и НАТО к обороне Северной Италии давал югославам возможность выдвигать максимальные требования на переговорах по Триесту и успешно маневрировать вокруг проблемы расширения Балканского пакта и придания ему военно-политической направленности.

Белград, исходя из своих установок в отношении триестского вопроса и Балканского пакта, стремился к скорейшему завершению переговоров по военной проблематике с Грецией и Турцией. В конце января 1954 г. на заседании Скупщины было сказано, что Югославия рассматривает дальнейшее развитие дружеских отношений с этими странами как одну из важнейших задач своей внешней политики¹²¹. В годовщину подписания Анкарского соглашения Белград сообщил о готовности заключить военный договор с Афинами и Анкарой¹²². Между тем США все еще не давали разрешения на заключительную акцию, ожидая исхода переговоров по Триесту в Лондоне.

Греки, опасаясь, что нормализация советско-югославских отношений сможет нарушить балканские стратегические планы, просили американцев пересмотреть свою позицию. Маршал Папагос подчеркивал в разговоре с американским послом Кенноном, что сотрудничество с Югославией является важным фактором для безопасности Греции. Американское посольство в Афинах также склонялось к необходимости пересмотра точки зрения США на ситуацию и в телеграмме от 13 февраля выражало надежду, что госдепартамент «придумает формулу, которая позволит странам Анкарского договора формализовать свои военные обязательства». Через три дня госдепартамент ответил, что все будет зависеть от прогресса на лондонских переговорах по Триесту. Касаясь беспокоившего греков вопроса нормализации, авторы телеграммы подчеркнули, что по всем признакам Тито отчетливо представляет, что его будущее неразрывно связано с Западом¹²³.

В начале апреля югославская делегация во главе с Й. Броз Тито, что было неожиданным для Запада, отправилась в Турцию. Визит проходил в период, когда югославы, зная о том, что американцы запретили грекам заключать соглашение с Белградом, ставили задачу убедить турецкое правительство в необходимости, вопреки давлению США, завершить оформление союза. Через месяц Тито в интервью Сульцбергеру заявил, что ни югославская, ни турецкая стороны не видят причин для отсрочки подписания военных приложений к пакту¹²⁴. Одновременно турецкое правительство попыталось заверить итальянское, что никакого соглашения не будет подписано до окончательного решения триестской проблемы, а греки убеждали итальянцев, что союз носит исключительно оборонительный характер¹²⁵.

Незадолго до завершения переговоров в Лондоне по Триесту США и Британия сообщили руководству трех балканских стран, что они не против заключения окончательного соглашения между ними, но, опасаясь резкой реакции со стороны Италии, рекомендуют не делать в ближайшее время никаких публичных заявлений и двигаться к намеченной цели в «замедленном» темпе, с учетом прогресса на втором этапе дискуссий по Триесту¹²⁶. 31 мая первая фаза секретных лондонских переговоров была завершена, и началась вторая, когда итальянской стороне был представлен вариант решения пробле-

мы, одобренный ФНРЮ. Белград согласился на передачу территории зоны «А» с Триестом Италии, с небольшим участком в свою пользу, в обмен на сегмент из отходящей к Югославии зоны «Б». США и Англия обязались также дополнительно предоставить югославам 25,6 млн долларов для покрытия дефицита платежного баланса¹²⁷.

В начале июня в Афинах проходили переговоры по проблемам Балканского пакта, а в конце месяца там же начала работу трехсторонняя конференция, в задачу которой входило согласование текста дополнительного соглашения, превращавшего Анкарский договор о дружбе и сотрудничестве в военно-политический союз¹²⁸. Спустя месяц, проблема Балканского пакта уже обсуждалась в НАТО, и итальянцы подчеркнули, что этот пакт является важным для безопасности их страны, имея в виду югославскую границу и географическое расположение других государств – партнеров по альянсу. Греки и турки выразили итальянцам признательность за их позицию¹²⁹.

В Договоре о союзе, политическом сотрудничестве и взаимной помощи, подписанном 9 августа 1954 г. в Блде между Грецией, Турцией и Югославией, стороны брали на себя обязательства оказывать друг другу помощь в случае агрессии против одного из членов пакта, а также содействовать усилению оборонных возможностей каждого участника. Для реализации этих задач было решено создать Постоянный совет Балканского пакта, в который входили бы министры иностранных дел, а также, в зависимости от характера рассматриваемых проблем, и другие члены правительств стран-участниц. Совет предполагалось созывать два раза в год, а в перерывах его функции должен был выполнять Постоянный секретариат союза. Постоянный совет заменял существовавшую ранее, по условиям Анкарского договора, конференцию министров иностранных дел¹³⁰.

Завершение сложного проекта по созданию Балканского пакта ставило перед американской администрацией задачу подключения к нему Италии. Но это можно было сделано только после окончания переговоров по Триесту, на которых итальянцы пытались добиться уступок по некоторым второстепенным аспектам проблемы. Вашингтон также рассчитывал связать решение триестского спора с вопросом о размещении военных баз на территории Италии. Между тем итальянские поправки на заключительном этапе переговоров вызвали возражения югославской стороны. Д. Эйзенхауэр, требуя от госдепартамента скорейшего решения проблемы, отмечал, что ее блокируют югославы¹³¹. Последние вопросы были сняты во время сентябрьского визита в Рим и Белград опытного американского дипломата Р. Мэрфи, который вручил главам обеих стран письма от американского президента. Югославам Мэрфи передал сообщение о готовности американского правительства поставить ФНРЮ дополнительно 400 тыс. тонн зерна¹³².

5 октября 1954 г. в Лондоне был подписан Меморандум о согласии между США, Великобританией, Италией и Югославией по Триесту. Соглашение предусматривало завершение функционирования англо-американской и югославской военных администраций в зонах «А» и «Б» СТТ и передачу этих районов под управление Италии и Югославии. Зона «А» с городом Триест переходила к Италии (около 200 кв. км с населением 290 тыс. чел.), а несколько увеличенная зона «Б» с населением 70 тыс. и площадью около 520 кв. км – к Югославии. Италия взяла обязательство сохранить свободный порт в Триесте и обеспечить либеральный приграничный режим. На переходящих территориях стороны обязались гарантировать права национальных меньшинств¹³³.

После подписания соглашения по Триесту американцы пытались поощрить итало-югославский диалог, сфокусировав его на проблеме военно-стратегического сотрудничества. Премьер-министр Италии М. Шельба в своем выступлении в начале ноября при-

звал Белград к более тесному взаимодействию в вопросах взаимной обороны. Накануне сессии министров иностранных дел стран Балканского пакта в феврале 1955 г. американская дипломатия попыталась поставить на обсуждение вопрос об участии Италии в этом союзе¹³⁴.

Балканский пакт, представлявший уникальную для тех лет комбинацию из коммунистической Югославии и двух ее капиталистических соседей, был создан, если иметь в виду и подготовительный этап, в период, когда воспринятая через призму угрозы основным ценностям западной цивилизации корейская авантюра СССР и его азиатских сателлитов ускорила процесс блокообразования на европейской периферии. Это было время, когда Греция, Турция и Югославия, ощущая реальную угрозу, исходящую от Советского Союза, стремились заручиться гарантиями своей безопасности со стороны НАТО и западных союзников. Созданный под патронатом США и Британии и тесно связанный с натовскими военными структурами, Балканский пакт предоставил Греции и Турции дополнительные возможности в обеспечении их безопасности, а ФНРЮ позволил еще и преодолеть внешнеполитическую изоляцию.

Важным моментом для всех участников, – а для Югославии, вероятно, особенно – явилось то обстоятельство, что США, поддерживая этот «филиал» НАТО в Восточном Средиземноморье, оказывали огромную финансовую и военную помощь всем участникам союза, фактически субсидируя значительную часть оборонного бюджета этих стран. Для Белграда это была также возможность получения новейших типов вооружений, что, насколько позволяют судить доступные источники, рассматривалось в качестве приоритетного момента в его отношениях с Америкой и ее союзниками.

Можно указать и на геополитический аспект недолгого функционирования Балканского пакта: в годы Корейской войны он служил на Балканах дополнительной сдерживающей силой по отношению к возможным ревизионистским импульсам со стороны Венгрии, Румынии и особенно Болгарии, как бы цементируя послевоенное status quo в регионе. Можно предположить, что эвентуальный успех советско-китайской агрессии в Корее мог подвигнуть Сталина на поиски слабых мест на балканском направлении, используя старые территориальные амбиции своих сателлитов.

Изменение ситуации в Европе после смерти Сталина, некоторое снижение напряженности усилили центробежные тенденции внутри пакта, что не было воспринято в Вашингтоне как провал стратегии США в регионе. Греция и Турция оставались в НАТО, а Югославия при Тито, как показывали многочисленные дипломатические «замеры», даже двигаясь в сторону политики неприсоединения, все равно являлась западным стратегическим барьером на Балканах.

Политика «неприсоединения» и основные этапы ее развития. Новая идеология внешней политики. Разрыв с Москвой заставил югославское руководство приступить к постепенной разработке новой внешнеполитической стратегии для страны. На первом этапе это была временная, вынужденная, скорее тактическая, установка, которая позволила бы Югославии выжить во враждебном окружении.

В 1948–1949 гг. ставилась задача снять напряжение в отношениях с США и их союзниками, возникшее в основном по причине захвата коммунистами власти в стране, проведения ими антидемократической внутренней политики, а также избыточной, интернациональной и «имперской» активности Югославии на Балканах в послевоенные

годы. Запад ставил вопрос о необходимости прекращения поддержки греческих партизан, компромиссном решении проблемы Триеста с Италией, отказе от экспансии в Албании и пересмотре планов создания «большой» Югославии, включающей в себя всю Македонию, как болгарскую, так и греческую, с использованием в качестве инструмента Балканской федерации. Американцы и их союзники требовали от Белграда выполнения этих условий для восстановления нормальных межгосударственных отношений и предоставления Югославии экономической помощи.

Запад, оценивший советско-югославский конфликт как возможность для дезинтеграции советского блока, заявил о готовности поддержать Югославию, вначале с указанными выше условиями, но вслед затем стал предъявлять новые, подчас довольно жесткие, требования к внешнеполитическому курсу этой страны, рассчитывая привязать ее к своим военно-политическим структурам. Добиться от югославов такой быстрой трансформации было сложно в виду политико-идеологических различий.

Правящая югославская политическая элита послевоенного периода во главе с Тито была национально ориентирована, и ее целью было построение идеального коммунистического общества в первую очередь в собственной стране, а лишь затем во всем мире. Коммунисты у руля власти были убежденными последователями марксистской доктрины во всей ее полноте, но пока еще в ее ленинско-сталинском варианте. Можно предположить, что некоторые из них могли с симпатией относиться к западным социал-демократическим идеям и критически оценивали большевистскую модель советского социализма. Нельзя исключать, что какая-то часть партийной верхушки, возможно и сам Тито, были знакомы с троцкистской критикой 1930-х годов сталинской внутренней политики и критически ее воспринимали. Отдельной проблемой было восприятие югославской партийной верхушкой советской действительности того времени. Их идеализированные представления не совпадали с реальной картиной функционирования общества, взаимодействием его различных слоев и групп, жизнью и бытом простого народа, отношением к нему власти, вызывая, если судить по литературе, отчетливо негативную реакцию. Возможно, что этот фактор также мог оказать определенное влияние на процесс отчуждения от Москвы. Многие в СССР казались европейски ориентированным югославам, выросшим в Австро-Венгрии и королевской Югославии, откровенно азиатским.

Совокупность этих факторов явилась основой, которая определила возможность медленной эволюции внутренней и внешней политики страны, но без резкой смены социалистических ориентиров. Белград к концу 1940-х годов стал испытывать сильнейшее политико-идеологическое и, что не менее важно, экономическое давление со стороны Кремля, но, несмотря на это, югославское руководство продолжало постоянно в своей пропаганде заявлять о солидарности с интернациональными целями мирового коммунизма, международными позициями Советского Союза, осуждало американский империализм¹³⁵.

Постепенный процесс поиска собственной, в чем-то альтернативной советской, модели социалистического развития, в которой свое место должны были занять и новые принципы внешней политики отражал специфику первого этапа становления югославского социализма, в котором главной задачей была легитимация собственных теорий его реализации. Эти явления стали набирать силу в начале 1950-х годов, по мере усиления конфликта с Востоком и расширения контактов с Западом. Так, уже на 3-м пленуме ЦК КПЮ в конце декабря 1949 г. была принята новая «теоретическая» формула, согласно

которой сотрудничество с Западом, если оно способствует сохранению социалистической Югославии, не означало предательства марксистских принципов¹³⁶.

Внешняя политика социалистической Югославии, известная с начала 1960-х годов как политика «неприсоединения» прошла несколько этапов. Сама идея развития недавно освободившихся от колониальной зависимости афро-азиатских стран в пространстве между двумя мировыми блоками, «неприсоединения» к ним, оформилась в Индии. В 1946–1947 гг. Дж. Неру неоднократно высказывался по проблеме внешней политики своей страны. Квинтэссенцией его представлений о том, на какой основе она должна строиться, можно считать такое определение: «Индия хочет остаться независимой и свободной от ... блоков и сотрудничать на равноправной основе со всеми странами»¹³⁷. Почти теми же словами определяли югославскую политику руководители ФНРЮ в середине 1950-х годов.

В 1947 и 1949 гг. на проходивших в Дели международных афро-азиатских конференциях было признано необходимым и естественным стремление этих государств к формированию общего движения, отражающего их интересы в условиях биполярного разделения мира тех лет. На 5-ой сессии Генеральной ассамблеи ООН в 1949 г. постоянный представитель Индии в ООН, выполняя поручение своего правительства, основанного на решениях, принятых на данных конференциях, собрал группу африканских и азиатских государств, которая стала вскоре функционировать на постоянной основе.

Югославское руководство после конфликта с СССР стало пересматривать прежнее отношение к ООН, считая, что, несмотря на известную слабость, она вносит значительный вклад в дело сохранения мира на планете¹³⁸. Вскоре делегация ФНРЮ в ООН расширила контакты с представителями ведущих стран Азии и Африки, а с начала 1950-х годов стала выступать вместе с ними в рамках одной группы с общими инициативами в области международной политики. В тот период ее основные усилия были направлены на достижение мирного урегулирования войны в Корее. Работа этой группы была отражением, по словам премьер-министром Индии Дж. Неру, политики «позитивного нейтралитета».

Югославское партийное руководство, тогда же приступило к разработке новой внешнеполитической доктрины, опираясь на получаемую аналитическую информацию от своих дипломатов, работавших в этих странах. Антиколониальные принципы и установки государств Азии и Африки стали рассматриваться в качестве пригодного и возможного для идеологической адаптации материала в процессе формирования собственной концепции, призванной, в первую очередь, способствовать выходу из международной изоляции, а со временем стать и теоретическим фундаментом новой внешней политики страны. Югославский посол в Индии И. Джержда был одним из тех, кто, вместе с министром иностранных дел Э. Карделем в начале 1950-х годов, первым выступил с предложением о реализации этого проекта¹³⁹.

Сменивший его на этом посту И. Вильфан продолжил работу по укреплению связей с Индией, Бирмой и Индонезией. В Индии, как и в других странах, где компартии присоединились к резолюции Информбюро и осудили КПЮ, югославы начали устанавливать контакты с местными социалистами, которые положительно воспринимали отход Югославии от советской теории и рекомендовали своему правительству расширять контакты с Белградом. Происходило это, как отмечал югославский посол, под значительным влиянием американцев, которые подталкивали социалистов «к популяризации югославского случая» и нередко оказывались подлинными инициаторами отдельных

шагов социалистов в этих вопросах¹⁴⁰. В свою очередь, для социалистов Югославия становилась важным инструментом в борьбе с индийской компартией.

Возможно, что назначение Вильфана было неким знаком, демонстрацией готовности югославского руководства к ведению открытого диалога с азиатскими странами и, что не исключено, под определенным патронатом Америки. Влияние США в Индии усилилось после воспринятого как угроза захвата Китаем Тибета, что и вызвало естественное сближение индийцев с американцами. В этих событиях югославы возможно видели известную типологическую близость с ситуацией вокруг своей страны, которая испытывала враждебность со стороны СССР. Так, по сообщению югославского посла в Вашингтоне В. Поповича, его индийские коллеги-дипломаты рассматривали с одобрением приезд в Дели нового югославского посла, подчеркивая, что это также было положительно встречено в правительственных кругах их страны. Попович полагал, что данное обстоятельство создает благоприятные условия для укрепления и расширения югославского влияния в Индии. Он также указывал на благосклонное восприятие этого события в вашингтонской прессе¹⁴¹.

В октябре 1952 г. Вильфан отправил в Белград записку с анализом внешней политики Индии. В ней он отмечал определенную трансформацию внешнеполитического курса этой страны, связанную в значительной степени с тем, что индийское руководство все больше склонялось к выводу о неизбежности третьей мировой войны. Посол указывал на сближение с «коминформовским блоком» в оценках общих вопросов мировой политики, что, как он считал, было скорее дистанцированием от Запада, чем идентификацией с позицией СССР и Китая. Как считал Вильфан, это было связано с тем, что Индия хотела бы остаться в случае начала войны в положении нейтрального государства. Он цитировал выступление заместителя премьер-министра страны Радхакришнана в парламенте, в котором содержались призывы к западным державам отказаться от фанатичной, по его словам, идеи раздробления СССР, но попытаться достичь взаимопонимания между всеми членами международного сообщества¹⁴².

Очевидно, что югославский дипломат постарался обратить внимание своего руководства на ряд элементов во внешней политике Индии, которые могли бы быть учтены и при формулировании нового югославского курса. Индийские дипломаты, со своей стороны, объясняя желание лучше узнать Югославию, указывали на важность для их страны ее социалистического опыта, поскольку Индия также ориентировалась в своей внутренней политике на социалистические идеи¹⁴³.

В югославских планах «завоевания» Азии кроме Индии фигурировали и другие страны. Так, по мнению югославского посла, важным было усиление югославских позиций в Бирме, где происходил процесс внутренней консолидации, и столица которой Рангун должна была стать центром региональной организации азиатских социалистов. Он указывал также на географическое положение этой страны, ее соседство с Индией, Китаем, Вьетнамом, Индонезией и другими странами, что, как считал посол, усиливало все возможные влияния в этой точке¹⁴⁴. Он полагал, что именно эта страна, а не Индия, должна стать для Югославии опорным центром в Юго-Восточной Азии, отмечая попутно в своей телеграмме, что от бирманского правительства «мы получали, гораздо большую помощь, чем от нынешнего индийского». Кроме того, как указывал посол, и в рейтинге публикаций в бирманской прессе Югославия занимала пятое место после США, Англии, СССР и Китая¹⁴⁵. Вероятно, он видел в этом обстоятельстве перспективу эффективного проведения югославской внешней политики в регионе, где имелись

условия для объединения ряда стран, ориентированных на внеблоковую политику, к которому могла бы присоединиться и Югославия.

Бирма была близка югославам еще и потому, что в это время ее власти вели активную борьбу с коммунистическими повстанцами, или, как писал в серии писем Вильфан с очевидным одобрением, подавляли восстание местных коминформовцев¹⁴⁶. Помимо этого основные характеристики революционного развития государства и постколониальной бирманской экономики, требовавшей иностранной помощи и заемных средств, в чем-то совпадали с подобными параметрами в СФРЮ, что, несомненно, должно было привлекать Белград. Данная внутривосточная специфика страны определяла, как считал югославский посол, и ее независимую внешнюю политику строгого нейтралитета и добрых отношений с Индией и Китаем, которая учитывала также и британские интересы в регионе¹⁴⁷. Югославы, как казалось, искали вдали от Балкан типологически близкие режимы, с которыми позднее они могли бы совместно разработать и общую внешнеполитическую доктрину.

Контакты с азиатскими странами становились все более частыми. В 1953 г. в Конференции азиатских социалистов в Рангуне принял участие известный югославский дипломат, представитель ФНРЮ в ООН, А. Беблер, который на обратном пути встречался в Дели с Дж. Неру¹⁴⁸. В том же году между двумя странами были установлены прямые дипломатические отношения, и югославским послом в Бирму был назначен Д. Видич. В 1954 г. велась подготовка к визиту Тито в эту страну. В марте этого года в Югославии находился министр иностранных дел Бирмы С. Нкун Нкио, а в мае в Рангун отправился М. Попович, председатель Исполнительного комитета Социалистического союза трудового народа Югославии¹⁴⁹.

Постепенно готовилась почва к непосредственным контактам Тито с руководителями других ведущих государств Юго-Восточной Азии. В то же время, как упоминалось, 1953–1954 годы стали временем сближения с Грецией и Турцией и подписанием Балканского пакта, который Белград попытался уже тогда интерпретировать как документ, где были отражены основные принципы югославской внеблоковой политики, устанавливавший новые добрососедские отношения в регионе, несмотря на принадлежность двух стран, входящих в пакт, к НАТО. Это были годы, когда была прервана международная изоляция Югославии и Тито совершил первые визиты в Грецию и Турцию, а весной 1953 г. в Лондон.

Летом 1954 г. в Югославию был приглашен король Эфиопии Хайле Силасие, который рассматривался югославским руководством как выдающийся организатор борьбы своего народа с итальянским фашизмом¹⁵⁰. В 1954 г. югославская дипломатия сумела подготовить визит Тито в Индию и Бирму, который был необходим югославам накануне встречи с советским руководством летом следующего года. В Белграде теперь могли бы сказать Хрущеву, что их страна практически определила свою внешнеполитическую линию, и попытки вернуть Югославию в социалистический лагерь бесполезны.

Почти двухмесячное путешествие Тито в Азию имело большое значение для становления югославской внешней политики. Проплывая по Суэцкому каналу югославский лидер встретился в Каире с президентом Египта Г. Насером, в Индии вел переговоры с Дж. Неру, а в Бирме с У Ну. В дискуссиях о путях развития третьего мира в условиях биполярности, вырабатывались подходы к определению будущего совместного курса. Тогда это имело название «миролюбивое сосуществование». Лишь после встречи Тито с Неру и Насером в 1956 г. и договоренности о проведении в 1961 году встречи неприсоединившихся стран в Белграде югославская политика, оказавшись в контексте единого

балканского и афро-азиатского замысла, стала приобретать отчетливые формы, чтобы вскоре получить название «неприсоединение».

Избрание Югославии временным членом Совета Безопасности ООН в 1949 г. позволило югославским дипломатам установить первые контакты с коллегами из новых государств Азии и Африки, которые носили «внутриведомственный» характер и были связаны с обсуждением тех или иных вопросов, связанных с работой этой международной организации в сложных условиях того периода. Начало войны в Корее и опасения югославского руководства относительно безопасности государства заставили его не только вступить в переговоры с Западом, но и начать постепенную работу со странами «третьего мира». Пытаясь идеологически отождествить свои внешнеполитические цели с целями и задачами этих государств, югославы пытаются с трибуны ООН заявить о своем несогласии с разделением мира на блоки. Об этом на 5-ой ежегодной сессии в сентябре 1950 г. сказал министр иностранных дел Югославии Э. Кардель.¹⁵¹

Югославское руководство, двигаясь в сторону внеблокового пространства, помимо попыток найти удобную нишу для себя как коммунистической диктатуры, серьезно опасалось, что СССР и США смогут договориться о решении каких-то своих проблем в регионе за счет Югославии и тогда она окажется один на один с Москвой с весьма тревожной перспективой. Отсюда и преувеличенная надежда на помощь ООН в случае развития серьезных событий на Балканах подобных тем, которые происходили на Корейском полуострове.

Задаче выхода из международной изоляции и обеспечения безопасности страны должно было служить и установление тесных отношений со становившейся идеологически близкой с начала 1950-х годов европейской социал-демократией, в первую очередь с германской, а также скандинавской, французской и бельгийской. Активное участие в установлении связей с немецкими социал-демократами принимал В. Дедиер, глава внешнеполитического комитета Скупщины, который 12 марта 1952 г. встречался с председателем СПГ Э. Олленхауером, а также югославский посол в Бонне М. Ивекович, служивший посредником в контактах между руководством югославской компартии и германской социалистической партии. В феврале 1953 г. социалистические и социал-демократические партии со всего мира были приглашены на 4-ый съезд Народного фронта Югославии. Э. Кардель, выступая на съезде, призвал социалистов принять Югославию такой какая она есть, а В. Дедиер, уже в духе неприсоединения, убеждал отказаться от поддержки сверхдержав¹⁵².

Новым фактором в формировании югославской политики стало изменение советской позиции по отношению к Югославии после смерти Сталина. Белград продолжал пропагандистскую линию на обличение негативных сторон блоковой политики США и СССР, но теперь появился существенный элемент, связанный с нормализацией советско-югославских отношений и стремлением Москвы вновь вернуть Югославию в лоно советского блока. Белград в ходе контактов с советской стороной с весны 1953 г. постепенно пришел к выводу, что лавирование между двух блоков, каждый из которых хотел бы удержать Югославию в своей сфере влияния можно выгодно использовать в собственных интересах.

Последующие шаги югославы в направлении нормализации были своего рода попыткой определить баланс отношений между Востоком и Западом. Белград хотел бы восстановить с СССР и странами «народной демократии» примерно такой же, как с западными государствами объем политических и экономических связей, чтобы всегда

иметь, согласно своей теории, поле для маневра. Однако достижение идеологического консенсуса, «восстановление единства», как его понимали в Кремле, ни в теории, ни в практике, по той же причине, было невозможно. Платой Белграда своим партнерам, как с той, так и с другой стороны могла бы стать определенная прозрачность югославской политики, готовность всегда объяснять мотивы внешнеполитических действий, что позволило бы, по мысли югославского руководства, избегать конфликтов в отношениях с ними. Однако эта транспарентность не означала полной откровенности, но должна была быть строго дозированной, тонко и умело управляемой, в балканском стиле.

Примером подобной тактики явилось предоставление заместителем госсекретаря по иностранным делам ФНРЮ С. Прицей советскому послу Валькову информации о результатах переговоров югославов с послами США, Великобритании и Франции, которые прошли в Белграде 24–27 июня 1955 г. и договоренность о чем была достигнута еще ранее. Перечень поднятых югославской стороной вопросов и подход к их обсуждению должны были показать Москве формирующийся внеблоковый характер внешнеполитического курса Югославии. По словам Прицы, югославское правительство в ходе встречи с западными дипломатами указало на «необходимость решать все спорные вопросы путем переговоров, а также подчеркнуло, что ФНРЮ не одобряет политики сколачивания блоков, и готова участвовать во всех мероприятиях, способствующих укреплению дела мира». Как отметил югославский дипломат, его правительство заявило, что «если Югославия в тяжелое для нее время выступала против участия и сотрудничества с группировками типа НАТО, то теперь вовсе нет причин для такого сотрудничества»¹⁵³.

Накануне визита советских руководителей в ФНРЮ, запланированного на конец мая 1955 г., западных дипломатов в Белграде беспокоил вопрос о возможности реализации СССР планов по нейтрализации Югославии и включению ее в некий, пока «виртуальный» блок нейтральных стран, простирающийся от Финляндии, через эвентуально нейтральную Германию и Австрию до Балкан. Тито в беседе с французским послом Куле 23 мая 1955 г., отвечая на его вопросы, вызванные также и недавним заявлением В.Молотова о необходимости создания в Европе по примеру Австрии пояса нейтральных государств, сказал, что Югославия не Австрия и ее внешняя политика не может следовать австрийской¹⁵⁴.

Представление о том, что одной из главных задач советской делегации в ходе визита в Белград, если вариант убедить югославов вернуться в социалистический лагерь окажется невыполнимым, будет намерение добиться нейтрализации Югославии, было доминирующим на Западе¹⁵⁵. Возможно, что этому способствовала информация о проекте нового советско-югославского договора, вероятно подброшенная в западные СМИ разведслужбами. Его положения формулировались таким образом, что напоминали компиляцию из советско-югославского межгосударственного договора 1945 г., договора о правовом оформлении Организации стран Варшавского договора 1955 г., а также принципов, на которых был создан в 1953–54 гг. Балканский пакт. Позже, заключенные в этом проекте тенденции, характеризовались в дипломатических кругах как попытка «финляндизации» Югославии¹⁵⁶.

Политика Югославии в 1954–1956 гг. прошла через серьезные испытания. Югославскому руководству в этот период предстояло твердо выдерживать курс на внеблоковое существование, курс к этому времени большинством одобренный, но еще не принятый и не понятый, ни Москвой, ни Вашингтоном, и главное, не закрепленный еще документально на каких-либо международных форумах стран с подобной ориентацией при

участии Югославии. Этим обстоятельством объясняется тактика перманентных встреч, совещаний и конференций югославов с советскими и западными дипломатами разных уровней накануне визита советской делегации в Югославию в мае–июне 1955 г. Западным державам они обещали, что нормализация отношений с СССР не приведет к их возвращению в социалистический лагерь и отказу от продолжения сотрудничества с ними. Московским «товарищам» югославские коммунисты говорили о своем твердом намерении сохранять равную дистанцию между двумя блоками, развивая взаимовыгодные отношения, как с Западом, так и с Востоком.

Не случайно, что именно в те годы, когда Белград «центрировал» свой курс в отношениях с русскими и американцами, пока полемически, а не конституционально, ортодоксы в КПСС, говорили, что Югославия уже стала капиталистической страной, тесно связанной с США и НАТО и заслужила соответствующего к ней отношения. В то же время консерваторы в Вашингтоне уверяли всех, что они всегда напоминали властям, что Тито троянский конь мирового коммунизма и ему нельзя верить. В этих обстоятельствах югославы должны были как можно скорее показать и Москве и Вашингтону, что их политика не только наполненная прагматическими комбинациями инструментально-тактическая линия, а сознательно избранная долгосрочная стратегия, теоретически сформулированная ведущими государствами третьего мира – Индией, Бирмой, Индонезией и Египтом, с ними и Югославией, и воплотившаяся в их совместной практической политике под названием «миролюбивое сосуществование» или «неприсоединение».

Сразу же после июньских переговоров 1956 г. в Москве, Тито встречается 18–19 июля в своей резиденции на Бриони с Неру и Насером. Они продолжили обсуждение проблем мировой политики в контексте задач, стоявших перед формирующимся движением неприсоединения, а также, возможно, вопросов по его консолидации и созданию некоего руководящего центра. Переговоры проходили трудно, поскольку югославы не могли согласовать с Неру и Насером итоговое коммюнике встречи. Неру вообще сначала отказывался от идеи такого документа, говоря, что в мире сейчас происходит инфляция деклараций¹⁵⁷.

Вероятно, индийская сторона еще не была готова к принятию какого-либо конкретного документа, фиксировавшего четкие организационные намерения всех сторон и пошла на подписание совместного заявления руководителей трех стран (Брионской декларации), в которой в общей форме излагались позиции трех лидеров по международным проблемам, подчеркивалась необходимость прекращения ядерных испытаний, а также была сформулирована единая точка зрения относительно положения в Алжире. Югославия в это время начала активно поддерживать антиколониальную борьбу алжирского народа, что привело к осложнению отношений с Францией, но поднимало престиж в глазах руководителей стран третьего мира. Стороны подчеркнули концептуальную преемственность этой встречи с оценками ситуации в мире, сделанными на конференции афро-азиатских стран в Бандунге¹⁵⁸. Югославская сторона, не участвовавшая в форуме, подтвердила в этом документе свою приверженность десяти принципам, принятым на конференции в бирманской столице, которыми следовало руководствоваться в международных отношениях, чем обозначила еще раз причастность европейской Югославии к движению, возникшему в Азии.

Встреча на Бриони стала для югославов попыткой привлечь афро-азиатских лидеров на балканское, европейское пространство и доказать им, что Югославия является не только социалистической страной вне советского блока, но и опытным партнером в строительстве нового здания мировой политики. Вероятно, Тито не рассчитывал, что

ему с первого раза удастся убедить Неру и Насера в необходимости соединить азиатский и африканский центры неприсоединения с одной из европейских социалистических стран, настойчиво стремившейся не только стать ее членом, но и претендовавшую на лидерство в нем. Важным аспектом в югославской стратегии этого периода становится экономика: Белград рассчитывал, что ему удастся сбалансировать свои торговые отношения с западными странами, продавая в аграрные афро-азиатские страны изделия своей промышленности, в том числе военной. Вырученные таким образом валютные средства могли идти на закупки высокотехнологичного оборудования на Западе и расчеты по займам. Однако в основном клиринговый принцип обмена с бедными странами, как показали уже 1960-е годы, не позволил югославам реализовать их амбициозные, но по сути визионистские, иллюзорные планы¹⁵⁹.

Что касается позиции египтян на июльских переговорах в Югославии, то Насер, спустя две недели после их завершения, объявил о национализации Суэцкого канала, чем вызвал военный кризис в отношениях с западными державами, хотя в Югославии о своих намерениях он не сказал ни слова¹⁶⁰. Встреча Тито с Насером годом раньше, 5 февраля 1955 г. на обратном пути из Индии, показала значительный интерес египетского лидера к югославскому революционному опыту, проводимым в стране социальными реформам, строительству вооруженных сил, внешней политике. Информировав Насера о своей поездке, Тито смог убедиться в совпадении их взглядов на вопросы деколонизации, мировой и внеблоковой политики¹⁶¹.

Таким образом, можно говорить о том, что середина 1950-х годов стала важным этапом в становлении движения неприсоединения. Активная роль Тито, который в эти годы многократно встречался с лидерами «третьего мира», стремясь оформить организационно сторонников межблоковой политики, оказывалась плодотворной. Контакты между руководителями крупнейших стран становились регулярными и в движение постепенно вовлекались новые участники, заявлявшие о своей поддержке принципов межблокового, миролюбивого существования. Формировалось ядро, состоящее из ведущих афро-азиатских стран и Югославии, которое, как представляется, под воздействием личных усилий Тито, смогло в начале 1960-х годов приступить к организационному оформлению неприсоединения, к подготовке конференции всех стран, готовых отождествить свою внешнеполитическую линию с новым мировым феноменом.

Тито еще раз, предстояло, в 1958–1959 гг. отправиться в длительное турне по странам Азии и Африки, рекрутируя новых членов сообщества и договариваясь об условиях объединения. Решающим событием в процессе консолидации была 15-я сессия ГА ООН осенью 1960 г., на которой лидеры Югославии, Ганы, Индонезии, Египта и Индии выступили с инициативой принятия антиколониальной резолюции. Югославия в этот период вновь вступила в полосу охлаждения отношений с Москвой и их стабилизации с Западом. Уверенное движение в сторону политики неприсоединения должно было показать и тем и другим, что окончательный выбор сделан.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Броз Тито Й. Говори и чланци. Загреб, 1959. Т. 4. С. 295, 365.

2 FRUS, 1949. Washington, 1976. Vol. V. P. 939–941.

3 Tripković D. Prilike u Jugoslavije I Velika Britanija. 1945–1948. Beograd. 1990. S. 272.

4 Jugoslovenski pregled. 1958. № 11. S. 417; FRUS. 1949. Washington, 1976. Vol. IV. P. 522–523; FRUS. 1950. Washington, 1977. Vol. VIII. P. 1312.

5 *Howard H.N.* Greece and its Balkan Neighbours (1948–1949)/ The United Nations attempts at Conciliation // *Balkan Studies*. 1966. Vol.7. № 1. P. 21–22.

6 Ibid.

7 Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 4425. Оп. 24. Д. 646. Л. 72.

8 *Ходжа Э.* Со Сталиным. Воспоминания. Тирана, 1984. С. 207–211.

9 *Heuser B.* Western «Containment» Policies in the Cold War. The Yugoslav Case, 1948–1953. London; New York, 1989. P. 91.

10 Sednice Centralnog Komiteta KPJ (1948–1952). Beograd, 1985. S. 477.

11 *Heuser B.* Op. cit. P. 92.

12 *Howard H.N.* Op. cit. P. 26. В Югославию в тот период было переправлено около 11 тыс. детей, которые были размещены в семьях по всей стране. Греческое правительство обвиняло КПГ и НОФ в том, что они используют детей в качестве объекта идеологической индоктринации. В то же время, Захариадис к концу гражданской войны требовал возвращения всех детей в Грецию, с тем, чтобы самые взрослые из них, уже способные держать оружие в руках, включились в борьбу. Их судьба была еще несколько лет предметом переговоров между Белградом и Афинами (см. *Ristović M.* Jugoslavija i građanski rat u Grčkoj (1945–1950) // *Balkan posle Drugog svetskog rata*. Beograd, 1996. S. 76).

13 *Heuser B.* Op. cit. P. 94.

14 *Pirjavec J.* Tito-Stalin Split and the End of the Civil War in Greece // *Studies in the History of the Greek Civil War 1945–1949*. Copenhagen, 1987. S. 313–316.

15 Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. М., 1998. Т. II 1949–1953 гг. С. 297–299.

16 *Vukmanović- Tempo S.* Revolucija koja teče. Memoari. Beograd. 1971. Knj. 2. S. 127–129; Борба. 1950. 17. VIII.

17 *Vukmanović – Tempo S.* Op. cit. Knj. 2. P. 129.

18 Survey of International Affairs. 1949–1950. London; New York. 1953. P. 279.

19 В речи в Титово-Ужице югославский руководитель подчеркнул, что Югославия строит социализм и «никаких концессий во внешней политике быть не может». «Мы ни в каком лагере, ни в каком блоке», – отметил Тито. (Борба. 1950. 19. II).

20 Там же. 1950. 1 и 9 I.

21 Там же. 24. IX.

22 The New York Times. 1950. 3. VII.

23 Documents on American Foreign Relations (далее DAFR). 1950. Washington, 1951. Vol. XII. P. 623.

24 Борба. 1950. 14. X.

25 FRUS. 1950. Washington, 1980. Vol. IV. P. 1474; The New York Times. 1950. 10. XI.

26 *Larson D.* United States Foreign Policy toward Yugoslavia. 1943–1963. Washington, 1979. P. 218–220.

27 DAFR. 1950. Vol. XII. P. 624.

28 Keesing's Contemporary Archives (далее – Keesing's) 1950–1952. London, 1953. P. 11166.

29 DAFR. 1951. Princeton. Vol. XIII. P. 568–569.

30 Keesing's 1950–1952. P. 11282.

31 *McVicker Ch.* Titoism – Pattern for International Communism. New York, 1957. P. 24.

32 *Sulzberger C. L.* A Long Row of Candles. Memories and Diaries (1934–1954). New York, 1969. P. 583.

33 Ibid. P. 593.

- 34 Броз Тито И. Указ.соч. Зарпеб, 1959. Т. 7. С. 22.
- 35 DAFR. 1951. Vol. XIII. P. 567.
- 36 Heuser B. Op. cit. P. 187.
- 37 Ibid. P. 188–189.
- 38 Survey of International Affairs. 1951. London; New York, 1954. P. 242.
- 39 FRUS. 1950. Washington, 1980. Vol. IV. P. 1415.
- 40 Ibid. P. 1418–1419.
- 41 Ibid. P. 1480–1487.
- 42 Survey...1951. P. 246.
- 43 Ibid.
- 44 Ibid. P. 247; The New York Times. 1951. 9. IV.
- 45 Bekić D. Jugoslavija u hladnom ratu: odnosi s velikim silama 1949–1955. Zagreb. 1988. P. 164.
- 46 Ibid. S. 202–203.
- 47 Heuser B. Op. cit. P. 156.
- 48 Ibid. P. 157.
- 49 Survey...1951. P. 249–250.
- 50 Bekić D. Op. cit. S. 303.
- 51 Ibid. S. 300; Survey... 1951. P. 249–250.
- 52 Survey...1951. P. 251.
- 53 Sporazum izmeđ u vlade FNRJ i vlade SAD u vojnoj pomoći od 14 novembra 1951 godine // Међunarodni ugovori FNRJ. Beograd. 1952.
- 54 Petranović B., Štrbac C., Stojanović S. Jugoslavija u међunarodnom radničkom pokretu. Beograd, 1973. S. 153; Bekić D. Op. cit. P. 417–418.
- 55 Sporazum o privrednoj saradnji između FNRJ i SAD // Међunarodni ugovori FNRJ. S. 6.
- 56 Ibid.
- 57 Bekić D. Op.cit. S. 354.
- 58 Ibid. S. 307.
- 59 Filas M. Rise and Fall. London, 1985. P. 28.
- 60 Bekić D. P. 417–418.
- 61 FRUS. 1949. Washington, 1976. Vol. VI. P. 369.
- 62 Heuser B. Op. cit. P. 94.
- 63 FRUS. 1950. Vol. P.1440.
- 64 FRUS. 1950. Vol. IV. P. 1492–1493.
- 65 Survey...1949–1950.London.1953. P. 272.
- 66 Heuser B. Op. cit. P. 128–129.
- 67 Ibid. P. 132; FRUS. 1950. Washington, 1977. Vol. I. P. 377, 385.
- 68 FRUS. 1950. Vol. P.1479.
- 69 Heuser B. Op. cit. P. 51–152; FRUS. 1951. Washington, 1981. Vol. III. Pt. 1. P. 661–662.
- 70 Sulzberger C. Op. cit. P. 626, 644–645.
- 71 Kardelj E. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije. 1944–1957. Sećanja. Ljubljana.1980. S. 144–145.
- 72 Bekić D. Op. cit. S. 193–194. В донесениях из советского посольства в Лондоне летом 1950 года отмечалась возросшая активность США и Британии на Балканах, указывалось на их намерение «сколотить военный союз» таких стран как Югославия, Италия, Греция и Турция, который даст возможность подключить Югославию к НАТО. Подчеркивалось, что «на пути создания такого союза стоят противоречия между этими странами по вопросам Триеста, Ал-

бании и Эгейской Македонии в Греции». Сближение «титовцев и англо-американских империалистов», интерпретировалось советскими дипломатами как угроза Советскому Союзу. Так, в справке из посольства делался вывод о том, что предоставление США и Британией гарантий Югославии фактически включало ее в западный военный союз, а начало поставок «титовской армии» вооружений превращает Югославию в «базу агрессии против СССР и стран народной демократии» (АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 35. Д. 41. П. 146. Л. 99).

73 *Bekić D.* S. 227.

74 *Ibid.* S. 256–257.

75 *Ibid.* S. 258–259.

76 *Ibid.*

77 *Ibid.* S. 363–364.

78 *Sulzberger C.* Op. cit. P. 623–625.

79 *Броз Тумо Ђ.* Указ.соч. Т. 7. С. 191.

80 *Bekić D.* Op. cit. S. 365.

81 *Ibid.* S. 365–366.

82 FRUS. 1950. Washington, 1977. Vol. III. P. 1318–1320.

83 The U.S. in World Affairs. 1953. New York. 1955. P. 205.

84 FRUS. 1952–1954. Washington, 1988. Vol. VIII. P. 1298.

85 *Ibid.* P. 594.

86 *Ibid.* P. 595.

87 *Bekić D.* Op. cit. S. 439–443; FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 1320–1322.

88 *Bekić D.* Op. cit. S. 444–445

89 FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 597.

90 *Ibid.* P. 598–600.

91 *Ibid.* P. 600–602.

92 *Ibid.* P. 603.

93 Борба комуниста Југославије за социјалистичку демократију. VI Конгрес КПЈ (Саве-за комуниста Југославије). Београд, 1953. С. 34.

94 FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 613.

95 Ugovor o prijateljstvu i saradnji između Federativne Narodne Republike Jugoslavije, Kraljevine Grčke i Republike Turske od 28 feb.1953 // Међународне уговори FNRJ. Београд, 1956.

96 FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 625–626.

97 Югославия, по предварительной смете, в 1953 г. только от США должна была получить от 400 до 500 млн долл. в виде помощи и займов (См.: *Heuser B.* Op. cit. P. 164).

98 *Heuser B.* Op. cit. P. 198.

99 FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 1346–1347.

100 *Sulzberger C.* Op. cit. P. 867.

101 The New York Times. 1953. 28 V; FRUS. 1952–1954. Wash. 1986. Vol. IX. Pt. 2. P. 137, 144.

102 The New York Times. 1953. 19 IV; *Sulzberger C.* Op. cit. P. 860.

103 FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 633.

104 *Mates L.* Међународни односи социјалистичке Југославије. Београд, 1976. С. 256.

105 *Heuser B.* Op. cit. P. 175, 204.

106 Правда. 1953. 16 VII.

107 The U.S. in World Affairs. 1953. P. 207.

108 *Ibid.* P. 298.

109 *Bekić D.* Op. cit. S. 557.

- 110 РГАСПИ. Ф. 676. Оп. 1. Д. 275. Л. 117–119.
- 111 Правда. 1953. 13 X.
- 112 Heuser B. Op. cit. P. 203.
- 113 FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 313–314.
- 114 Ibid. P. 343–344.
- 115 Ibid. P. 365–366.
- 116 Vukmanović-Tempo S. Op.cit. Knj. II. S. 179.
- 117 Броз Тумо Ђ. Указ.соч. Т. 8. С. 324.
- 118 Gavranov V., Stojković M. Međunarodni odnosi I spoljna politika Jugoslavije. Beograd, 1972. S. 217.
- 119 FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. 634–635.
- 120 Sulzberger S. Op. cit. P. 1006.
- 121 Броз Тумо Ђ. Указ.соч. Т. 9. С. 80.
- 122 The New York Times. 1954. 28 II.
- 123 FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 639–641. В контексте начавшейся нормализации югославская сторона пыталась обосновать перед Москвой свое участие в Балканском пакте рядом аргументов. Югославский посол в Москве Д. Видич в беседе с заведующим 4-м Европейским отделом МИД М. Зимяниным в ответ на замечание советского дипломата о том, что вряд ли Балканский пакт может содействовать нормализации и улучшению отношений между СССР и Югославией, указал на три важных, с его точки зрения, момента. Он отметил, что, во-первых, Югославия заключила этот договор задолго до заявления Маленкова о нормализации отношений с Югославией (на сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г.). Во-вторых, вступление Югославии в этот блок было вызвано существовавшей тогда политической обстановкой, другого выхода у нее не было. И, в-третьих, что было особо подчеркнуто, пока Югославия находится в этом союзе, Балканский пакт никогда не сможет быть использован в агрессивных целях против СССР и стран народной демократии (См. АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 37. Д. 6. П. 150. Л. 12–14.).
- 124 Sulzberger S. Op. cit. P. 1006.
- 125 Jatrides J. Balkan Triangle. Birth and Decline of an Alliance across Ideological Boundaries. Hugue-Mouton, 1968. P. 133.
- 126 FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 643–646.
- 127 Ibid. P. 434–439.
- 128 Борба. 1954. 1, 2, 5, 28 VI.
- 129 FRUS. 1952–1954. Vol. VIII. P. 671–673.
- 130 Ugovor o saveze, političkoj saradnji i uzajamnoj pomoći između FNRJ, Kraljevine Grčke i Republike Turske // Međunarodne ugovori FNRJ. Beograd. 1956.
- 131 Eisenhower D. The White House Years. New York, 1963. Vol. 1. 1953–1956. P. 417–419.
- 132 Murphy R. Diplomat among Warriors. New York, 1965. P. 472.
- 133 Jugoslovenski pregled. 1958. № 11. S. 468.
- 134 The New York Times. 1954. 5 XI; 1955. 28 I.
- 135 Э. Кардель осенью 1948 г., выступая на очередной сессии ООН придерживался обычной антизападной пропагандистской риторики, не сказав ни слова о начавшемся конфликте с СССР и странами советского блока. Однако осенью 1949 г., 26 сентября, он остро критиковал советскую политику давления на Югославию (*E. Kardelj. Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije. Sećanja.* Beograd. 1980. S. 142).
- 136 Rajak S. In Search of a Life outside the two Blocs: Yugoslavia's Road to Non-Alignment // Velike sile i male drzave u hladnom ratu. 1945–1955. Slučaj Jugoslavije. Beograd. 2005. S. 87; Алимов Ю. Неприсоединение: история, теория проблемы. М., 1990. С. 59.

- 137 Там же.
- 138 Борба. 1948. 30 XII. Интервью Э. Карделя газете.
- 139 *Dedijer V. Novi prilozi za biografiju I. Broz-Tito*. Beograd, 1984. Т. 3. S. 554.
- 140 *Diplomatski arhiv Saveznog ministarstva za inostrane poslove* (далее DASMIP). *Politička arhiva (PA)*, 1952, Indija, f-34, 412414).
- 141 DASMIP. PA. 1952, Indija, f-35, 42546.
- 142 *Ibid.* 1952, Indija, f-34, 413769. S. 1–2. Индийская делегация в ООН выступила осенью 1952 г. с предложением к Великим державам начать переговоры с целью преодоления международной напряженности (*Ibid.* F-34, 413091).
- 143 DASMIP. PA. 1952. Indija, f-34, 43654.
- 144 *Ibid.* 1952, f-14, 46117.
- 145 *Ibid.* 1952, f-14, pov. Br. 417650.
- 146 *Ibid.* 1952, f-14, 412401.
- 147 *Ibid.* 1952, f-14, 412419.
- 148 *Bebler A. Kako sam hitao. Sećanja*. Beograd, 1982. S. 298.
- 149 *Bogetić D. Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961*. Beograd., 2006. S. 175. Богетич пишет, что уже во второй половине 1950-х годов Бирма, несоразмерно с ее экономическим потенциалом и политическим влиянием в Азии, становится одним из главных югославских союзников в деле практического утверждения «концепции миролюбивого сосуществования и институционализации сотрудничества внеблоковых государств». С. 174.
- 150 *Mates L. Međunarodni odnosi socijalističke Jugoslavije*. Beograd, 1976. S. 127.
- 151 *Ibid.* S. 216
- 152 *Rajak S. Op. cit.* S. 91.
- 153 АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 39. Д. 7. П. 157. Л. 120–122.
- 154 *Bogetić D. Jugoslavija I Zapad. 1952–1955*. Beograd, 2000. S. 203.
- 155 *Ibid.* S. 203–204. Югославский посол в США Л. Матес встречался 24 мая с Дж. Даллесом и убеждал его, что основные ориентиры югославской независимой политики, как и отношения с США не изменятся после переговоров с русскими в Белграде.
- 156 *Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах*. М., 2008. С. 407.
- 157 *Bogetić D. Nova strategija... Op. cit.* S. 160.
- 158 *Gavranov V., Stojković M. Međunarodni odnosi i spoljna politika Jugoslavije*. Beograd, 1972. S. 385.
- 159 *Bogetić D. Nova strategija... Op. cit.* S. 154–155; *Животић А. Југославија и Суецка криза 1956–1957*. С. 67–68.
- 160 *Bogetić O. Nova strategija... Op. cit.* S. 161
- 161 *Животић А. Указ.соч.* С. 70–71. С Г. Насером Тито встречался в Египте (28.12. 1955–6.01. 1956 г.) после визита в Эфиопию (10–24.12.1955 г.).

ГЛАВА 5

НОРМАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ С СССР (МАРТ 1953 г. – НАЧАЛО 1960-х ГОДОВ)

Трудное движение навстречу. Весной 1953 г. в Югославии с неподдельным интересом регистрировали малейшие изменения в советской действительности. Смерть И.В. Сталина, с деятельностью которого были связаны самые негативные переживания последних лет – brutальная идеологическая полемика, ожидание вторжения с территорий стран, входивших в советский лагерь, крах надежд на легкое послевоенное восстановление, трудности и лишения, репрессии против сторонников Москвы – подводила черту под недавним прошлым. Ее в равной мере с облегчением восприняли и в руководстве страны, и в народе.

9 марта в Белграде получили телеграмму из посольства ФНРЮ в Москве, в которой сообщалось о складывающемся «впечатлении, что новое советское руководство тяготеет наследием Сталина»¹. В донесениях из посольства и аналитических справках внешнеполитических служб ФНРЮ (разведка была с ними тесно интегрирована) давались развернутые характеристики действий постсталинского руководства. Особое внимание привлекали такие его крупные шаги, как пересмотр «дела врачей», массовая амнистия, кадровые перестановки в центральном аппарате и в республиках, структурные реформы в органах власти, внешнеполитические меры и т.п. Действия «коллективного руководства» Советского Союза воспринимались как «следствие реалистичной оценки положения, которое может быть исправлено только... ослаблением оков, наложенных на народ в период сталинской деспотии». Предполагалось, что оно «... желает отмежеваться от тех самых непопулярных методов, повседневно применявшихся во время правления Сталина».

Вместе с тем указывалось на поверхностный, «фасадный» характер изменений, происходящих «только там, где дело идет о методе, о тактике», и предсказывалась неизбежность глубинных перемен, ибо «потребности, желания и стремления сохранить суть бюрократического антисоциалистического общественного строя СССР» находятся в противоречии с «объективными возможностями режима ... предотвратить противодействие экономических и общественных факторов, возникающих постоянно из переполняющих строй противоречий»². При характеристике событий в СССР в основном применялись термины «деспотия Сталина», «советская бюрократия». Термин «сталинизм» употреблялся только в тех документах, создатели которых были знакомы с новейшими работами ведущих западных советологов (Дж. Кеннана, И. Дейчера и др.) и нередко, так как материалы шли с пометкой «для внутреннего пользования», заимствовали из них идеи или даже целые абзацы, не затрудняя себя соответствующей ссылкой.

6 июня 1953 г. министр иностранных дел СССР В.М. Молотов принял временного поверенного в делах ФНРЮ Д. Джурича и передал просьбу советского правительства к руководству Югославии принять нового советского посла Валькова. Согласно отчету Джурича, Молотов использовал выражение «советское правительство полагает, что пришло время

направить своего посла в Югославию». Министр также выразил надежду, что «стороны обменяются послами», то есть Югославия последует советскому примеру³.

14 июня 1953 г. Тито сделал пространное публичное заявление о нормализации отношений с СССР, в котором он развернул весь веер югославских претензий к действиям советского руководства, имевшим, по его мнению, касательство к двухсторонним отношениям⁴. Это выступление прервало период замалчивания и уклончивых комментариев к происходившим изменениям в Советском Союзе и его внешнеполитическим шагам и стало программным для дальнейших действий югославской дипломатии на советском направлении. Заявив о готовности принять предложение об обмене послами, Тито образно описал состояние двусторонних контактов: «Действительно, в Советском Союзе уже немного нам улыбнулись. Но и после этого они продолжают хмуриться». Югославия, по словам Тито, всегда хотела установить с СССР «нормальные дипломатические отношения», но «обмен послами еще не означает нормализации». Советским руководителям «будет тяжело исправить все то, что они нам причинили, и есть много того, что они к сегодняшнему дню не поправили, хотя могли». Общий его вывод был следующим: «После того, что они сделали с нами за последние четыре года, мы с трудом сможем в будущем верить им на сто процентов»⁵.

Необходимость официальной оценки высшим руководством Югославии заговора в Президиуме ЦК КПСС против Л. Берии 26 июня 1953 г. заставила югославских экспертов глубже оценить ход событий в Советском Союзе с марта по июнь 1953 г. Авторы соответствующей записки называли период с марта до конца июня той фазой в политической эволюции СССР после Сталина, когда «сторонники реформы внутри страны и примирительного отношения к загранице были сильнее», а «закоренелые сторонники сталинизма и противники ослабления международной напряженности были вынуждены оставлять одну позицию за другой». По мнению авторов, Берия «в последний период своей деятельности представлял удивительный парадокс полулиберального шефа полиции в тоталитарном государстве». При этом они выразили сомнение в представленной советским руководством трактовке его устранения, проведенного по схеме «классического водоворота» сталинских чисток 1930-х годов: «Обвинения против Берии были полны абсурдных и демонических преувеличений, стремившихся убедить, что человек, которому была доверена внутренняя безопасность России во время Второй мировой войны – агент иностранного империализма».

Впрочем, многочисленные изменения в Советском Союзе в первые месяцы после смерти Сталина в Белграде не связывали исключительно с деятельностью Берии, считая, что и после 26 июня там «не исчезли те силы, которые принудили правящую группу к проведению реформ» и «никакие дворцовые интриги, никакие удары или контрудары, ни даже кровавые чистки не могут устранить эти основные факторы, продолжающие действовать вопреки инерции сталинизма ... настроения общественности и требования общества рано или поздно вновь откроют дорогу к реформам» и очередные реформаторы будут удачнее, чем их предшественники «в либеральной атаке 1953 г.»⁶

19 июля 1953 г. в выступлении Э. Карделя, одного из наиболее влиятельного после Тито руководителя ФНРЮ, была дана официальная оценка событий в советском лагере. Намеренно упустив тот факт, что Берия возглавил НКВД только в самом конце 1938 г. Кардель связал вместе сталинский режим, Берию и усиление с марта 1953 г. МВД СССР. «В царстве сталинского бюрократического деспотизма... социалистические силы становятся все активнее и начинают ломать стену государственного капиталистического деспотизма», – констатировал он, назвав устранение Берии «падением НКВД – столпа тирании Сталина».

Оговорив, что вне зависимости от «целей, которые преследуют Маленков и люди его группы, до какого предела они пойдут и будут ли вынуждены перейти к разрушению сталинской системы», Кардель назвал «позитивным уже то, что новые люди не могут укрепиться во главе государства иначе, чем в результате подрыва НКВД – опоры сталинского деспотизма». Варианты дальнейшего развития событий, согласно Карделю, зависели от выбора новым советским руководством опоры для своих действий: «Или новое НКВД и военная клика, или трудящиеся массы. В первом случае кризис системы будет только углубляться и обостряться, во втором – неизбежны уступки трудящимся и большая демократизация»⁷.

Тезис о возможности демократизации советской тоталитарной системы получил дальнейшее распространение в югославском руководстве в конце 1953 г. после подготовки в аппарате ЦК СКЮ реферата книги западного советолога И. Дейчера «Россия после Сталина», где приводились три вероятных варианта развития СССР: возвращение к сталинистской форме диктатуры; установление военного режима; «демократическая регенерация», определяемая автором как «постепенная эволюция режима к социалистической демократии через отказ от практики правления, при которой все полномочия и вся полнота принятия решений находятся в руках одного вождя». В работе делался вывод, что развитие событий пойдет по среднему пути, «где-то между военной диктатурой и демократической эволюцией»⁸. На протяжении всех последующих лет именно этой стратегической оценки, не указывая на ее авторство, и придерживались югославские руководители при обсуждении действий Москвы.

Начальный этап нормализации советско-югославских отношений после смерти Сталина завершился первой встречей посла Валькова с лидером Югославии, состоявшейся в резиденции Тито на Бриони 30 июля 1953 г. Встреча, продлившаяся 35 минут, не ограничилась простой передачей верительных писем, а как и предполагалось в Москве, переросла в беседу, ход которой показал, что Тито намерен продолжить выдвижение условий советской стороне, только после выполнения которых можно было наращивать двусторонние связи⁹. Югославский лидер выбрал безошибочный тон всех дальнейших контактов с Кремлем. Прибытие югославского посла в Москву 22 сентября 1953 г. явилось «полным возобновлением отношений» между СССР и ФНРЮ, но не знаменовало собой качественного скачка в их развитии.

Решение о «политическом устранении» Джиласа – наиболее последовательного и яркого критика сталинского Советского Союза во время конфликта конца 1940-х годов и его публичное осуждение на пленуме ЦК СКЮ (16–17 января 1954 г.), транслировавшееся по радио в прямом эфире и опубликованное без купюр в СМИ, привели к первому серьезному (хотя и полуопосредованному) контакту между руководителями двух партий и стран. Значение «случая Джиласа» для дальнейшего развития советско-югославских отношений обе стороны решили выяснить по дипломатическим каналам. Подходящий момент представился во время встречи посла Югославии Д. Видича с министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым 21 января 1954 г.

Видич с оговоркой («лично от себя»), но применяя местоимение «мы», означавшее в том контексте югославское руководство или ЦК СКЮ, заметил, что «нам не нравились идеи Джиласа и тот путь развития, который он предлагал для Югославии. Именно по этой причине его идеи были недвусмысленно и решительно осуждены». Молотов не задал собеседнику вопрос о том, нравилась ли ЦК СКЮ критика Джиласом советского устройства, и, вместо более глубокого выяснения взглядов югославской стороны на

возможность ее отказа от жестких формулировок в отношении советской системы, свел окончание беседы к скрытой пикировке¹⁰.

Беседа 21 января Молотова и Видича, став во многом этапной во взаимоотношениях двух стран, тем не менее, не привела к скоротечным серьезным подвижкам в деле дальнейшей нормализации отношений между двумя странами. На следующий день, 22 января, встречаясь с советским послом в Белграде, заместитель главы внешнеполитического ведомства ФНРЮ отклонил ряд советских предложений по улучшению отношений, внесенных за последние месяцы советским посольством на рассмотрение югославской стороны. В основе данной позиции лежали не только недоверие Белграда к Москве, но и более прозаические причины, которые во многом объяснил аналитический материал «Основные тезисы по поводу внутренней и внешней политики СССР», подготовленный сотрудниками посольства ФНРЮ в Москве в первые недели 1954 г. и заверченный как раз 21 января во многом под влиянием встречи Видича с Молотовым¹¹.

В выводах этого важного документа указывалось, что «нормализация создает для СССР более благоприятные условия для повседневной дипломатическо-агентурной работы в Югославии, чем Югославии в СССР». Именно этим было истолковано советское стремление к расширению связей (культурных, спортивных, экономических и т.д.). «Ограничения, накладываемые с нашей стороны, – полагали авторы, – всегда будут сопровождаться их протестами и заявлениями по поводу нашего нежелания искренне сотрудничать и нормализовать отношения. С учетом неизменных конечных целей советской внешней политики, развитие связей должно быть соразмерено степени наших потребностей в отношениях с Западом и не нарушать наших жизненных интересов. На данном этапе для СССР расширение связей является потребностью ведения ими политики подрыва доверия к Югославии со стороны стран Запада и партнеров по Балканскому пакту, ее «верности союзникам» и т.п., особенно в расчете на существующие различия в общественных системах между ФНРЮ и остальными странами»¹².

Неизменность югославской позиции была подтверждена Тито на пленуме ЦК СКЮ в марте 1954 г., где он использовал для характеристики СССР все определения времен конфликта и VI съезда СКЮ¹³. Эта часть его речи без какой-либо редакции появилась в югославской печати¹⁴. Несмотря на это, советское руководство после обсуждения вопроса о необходимости дальнейшей нормализации отношений с Югославией в ходе затянувшихся дискуссий на заседаниях Президиума ЦК КПСС в мае–июне 1954 г. направило в адрес ЦК СКЮ 22 июня 1954 г. письмо, в котором предложило югославской стороне урегулировать отношения между КПСС и СКЮ, объяснив конфликт 1948 г. действиями Джиласа и Берии¹⁵.

Сохраняя верность принятой еще весной 1953 г. тактике ожидания конкретных действий со стороны Кремля, югославская сторона не спешила с ответом. 19 июля 1954 г. на расширенном заседании Исполкома ЦК СКЮ в Белграде Тито, с почти трехнедельной задержкой, оповестил собравшихся о полученном послании Хрущева от имени ЦК КПСС. В ходе обсуждения было выдвинуто два варианта действий: урегулировать межгосударственные отношения, но «ни в коем случае не признавать, что они (советские руководители. – А.Е.) марксисты и социалисты», и более гибкий вариант Карделя, считавшего необходимым продолжить критику «бюрократической государственно-капиталистической системы», но «пойти на нормализацию межгосударственных отношений, не отказываясь от сотрудничества с КПСС, ибо мы сотрудничаем с разными социалистическими партиями». Выслушав предложения, Тито уклонился от конкретизации

и лишь заметил, что «в СССР существуют скрытые социалистические силы. Процесс заметен, и в нем следует играть некоторую роль»¹⁶. И после этого югославы не спешили с ответом. Э. Кардель лишь устно сообщил советскому послу о том, что югославы опасаются, как бы о переписке не узнали, так как это осложнит урегулирование территориальных проблем с Италией¹⁷.

Лишь 11 августа 1954 г. ответ для Москвы был готов. В нем проявилось стремление югославского руководства навязать понимание теоретических корней конфликта 1948 г. как неизбежного порождения советской системы. В Белграде пытались уйти от персональных оценок, указав, что причины разрыва не заключались в действиях отдельных лиц, к примеру Джиласа, «роль которого в нашем руководстве никогда не была решающей». Ссылка в послании на материалы последних съездов югославских коммунистов, с одной стороны, подтверждала их приверженность социалистическому выбору, а с другой – показывала, что причины конфликта, по мнению авторов письма, заключались во внутреннем устройстве Советского Союза и его внешней политике. Общим примирительным тоном авторы письма оставили адресатам надежду на дальнейшее обсуждение темы, ибо в этот момент для югославской стороны главным было не признание Москвой ответственности Сталина за конфликт, но ее согласие с социалистическим характером режима в Югославии.

По всей вероятности, строки письма от 22 июня о том, что отношения между КПСС и СКЮ должны развиваться на основе «принципов марксизма-ленинизма и принципов невмешательства во внутренние дела», явились достаточно привлекательной приманкой, которую забросил югославам Хрущев. Поэтому в тексте ответа появились слова о том, что руководство Югославии «принципиально не против контакта между ЦК КПСС и ЦК СКЮ, так как СКЮ никак не отвергает сотрудничество с теми организациями и движениями, которые хотят бороться за мир и взаимодействие между народами, а тем более не отвергает сотрудничество с социалистическими движениями и партиями»¹⁸. Данное высказывание было свидетельством существенного изменения в отношении югославского руководства к советскому режиму, несмотря на то, что КПСС не была названа коммунистической партией.

Вскоре после того, как Москва прекратила откровенную враждебную пропаганду против Югославии, продемонстрировав это соответствующими посланиями ЦК КПСС в адрес ЦК СКЮ, югославское руководство направило в Москву письмо с предложением о встрече на высшем уровне. Предварительно содержание было подробно обсуждено на специально созванном с этой целью пленуме ЦК СКЮ 23 ноября 1954 г.¹⁹

В тексте самого послания не было указано, с кем желает вести переговоры югославская сторона в ходе встречи на высшем уровне. В доступных к настоящему времени документах нет указаний на то, что сделано это было намеренно. Тем не менее, представив советскому «коллективному руководству» выбрать того, кто все же является главным, его авторы усилили вражду между Маленковым и Хрущевым, позволив последнему внести ясность в понимание ситуации в советском руководстве. В силу того, что югославские лидеры не считали необходимым нормализовать отношения между партиями, а стремились развивать межгосударственные отношения, в протоколе заседания, оформленном по результатам обсуждения югославско-советских отношений, указывалось, что в Белграде ожидают встречи на высшем уровне с Г.М. Маленковым. Саму встречу было намечено провести в начале 1955 г. после возвращения Й. Броз Тито из длительного азиатского турне²⁰.

Паузу, связанную с подготовкой ответа ЦК КПСС для ЦК СКЮ и выяснением того, кто все же является первым лицом в Советском Союзе, заполнили переговоры о подписании торгового соглашения между двумя странами. Для этого в Москву прибыла делегация во главе с членом Президиума ЦК СКЮ М. Тодоровичем. Пребыванием высокопоставленного югославского коммуниста в Москве воспользовалась советская сторона, организовав в посольстве Югославии первую неофициальную встречу с представителем ее высшего руководства. Для участия в ней прибыли все члены Президиума ЦК КПСС. Атмосферу встречи весьма подробно описывают две телеграммы, направленные из посольства в Белграде и переправленные оттуда в Индию в адрес Тито²¹.

В ходе беседы дискуссия от общих концепций постепенно свелась к характеристике деятельности Сталина, когда в ответ на слова о том, что Югославия не приемлет социализма сталинского типа, Хрущев вскочил и, как показалось участникам встречи, почти прокричал: «Нет понятия „сталинизм“. Сталин был ленинец! Мы, все здесь присутствующие, были его соратниками и учениками. Он жил и умер как коммунист! Мы с ним вместе выстоим или пропадем!»²²

В Югославии внимательно следили за происходившими в СССР перестановками в советских верхах в первые месяцы 1955 г., связанными со смещением с поста председателя правительства Маленкова и отмечали все нюансы положения Молотова. Считая, что многолетний соратник Сталина является противником нормализации отношений между Москвой и Белградом, югославы оценили полемику в «Правде» по югославскому вопросу признаком ослабления его позиций.

Возобновившаяся весной 1955 г. переписка между ЦК КПСС и ЦК СКЮ привела к достижению договоренности о визите советской делегации в ФНРЮ. Визит делегации СССР, названный правительственным, но который совершал первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев, с самого начала был полон драматизма и двусмысленностей. Он стал победой, триумфом твердости курса югославского руководства и лично Й. Броз Тито в конфликте со И.В. Сталиным, но вместе с тем он явился и демонстрацией решительности Хрущева изменить положение вещей, созданное этим конфликтом.

Уже в первые минуты пребывания на югославской земле лидер советских коммунистов громко зачитал согласованные на Президиуме ЦК КПСС фразы о желании возобновления сотрудничества между Белградом и Москвой, вспомнил о первых послевоенных годах, когда «сложились самые лучшие отношения между народами Советского Союза и Югославии, между нашими государствами и партиями», впервые дал публичную оценку конфликту 1948 г.: «Мы искренне сожалеем о том, что произошло, и решительно отмечаем все наслоения этого периода». Введение в текст расплывчатого понятия «наслоения» дало возможность советской стороне вернуться к версии о «провокационной роли Берии, Абакумова и других», изложенной в первом письме ЦК КПСС от 22 июня 1954 г.

«Мы обстоятельно изучили материалы, – продолжил Хрущев, – на которых основывались тяжкие обвинения и оскорбления, выдвинутые тогда против руководителей Югославии. Факты показывают, что эти материалы были сфабрикованы врагами народа, презренными агентами империализма, обманным путем пробравшимися в ряды нашей партии». Выразив «глубокую убежденность, что период, когда отношения были омрачены, остался позади», советский лидер заявил о готовности «сделать все необходимое, чтобы устранить все препятствия, мешающие полной нормализации отношений между нашими государствами, укреплению дружественных отношений между народами». Говоря «о достигнутых определенных успехах в нормализации», он выра-

зил уверенность в том, что предстоящие переговоры приведут «к развитию и укреплению» политического, экономического и культурного сотрудничества. Была названа и цель приезда делегации, имеющей полномочия от Президиума Верховного Совета и ЦК КПСС, – «по-братски обсудить все назревшие вопросы».

Вопреки договоренности, достигнутой еще после обмена первыми письмами в 1954 г., Хрущев, читая подготовленную речь, назвал прибывшую делегацию «представителями КПСС», считающими «желательным установление взаимного доверия между нашими партиями». Далее он еще усилил «партийную составляющую» визита, заявив о готовности «сделать все возможное для установления взаимопонимания между КПСС и СКЮ на основе учения марксизма-ленинизма». Выступая сначала в роли государственного деятеля, Хрущев за время чтения речи вошел в образ лидера мирового коммунистического движения. Он завершил ее несколькими штампованными лозунгами, в том числе о «братской дружбе и тесном сотрудничестве народов Советского Союза и Югославии».

Поведение Тито по окончании выступления лидера советских коммунистов было столь же театральным и не менее эффективным. «Все хорошо понимают по-русски. Перевода не требуется», – остановив переводчика, бросил окружающим югославский лидер и «величественным жестом» пригласил гостей к автомашинам¹⁰. Об ответном слове никто и не вспомнил. Свою версию восприятия Тито выступления Хрущева дал и некогда официальный биограф югославского лидера В. Дедиер: «Во время речи Хрущева, Тито никак себя не проявил. Выражение его лица оставалось ледяным. По сути, он был неудовлетворен тем, что сказал Хрущев. В особенности его позицией относительно причин конфликта. Когда Хрущев завершил выступление, его ожидал неприятный сюрприз: Тито остался холоден и вообще ему не ответил»²³.

Разъяснение смысла публичного выступления главы советской делегации требовалось прежде всего представителям ФНРЮ за рубежом. В депешах внешнеполитического ведомства Югославии, направленных в зарубежные миссии утром следующего дня, указывалось, что сказанное Хрущевым не было согласовано с югославской стороной и является позицией советского правительства, за которую «мы ответственности не несем, и она лишь осложнит успешное проведение переговоров в Белграде». В Госсекретариате по иностранным делам считали, что это заявление и по сути, и по форме изложения выявило «амбиции, которые основываются на нереальной оценке нашей позиции». «Этот подход, как и любая пропаганда подобного рода, – отмечалось в депеше, – будет иметь плохие последствия для них, так как факты выявят его лживость». Установка Белграда была однозначна: «Сегодня, еще больше чем когда-либо, смешно говорить о всемогуществе русских и нашей слабости. Именно сейчас видно, что наша страна, оказавшаяся в начале столкновения в значительно более слабом положении, вышла победительницей из борьбы, продолжавшейся семь лет». Телеграмма излучала уверенность в том, что «в странах восточного блока и компартиях западных стран выступление Хрущева будет иметь огромный, неблагоприятный для руководителей СССР отклик»²⁴.

Откровенный обмен мнениями во время встреч 27–28 мая во многом помог обеим сторонам терпимее отнестись к позициям друг друга и их интерпретациям. При разъяснении действий югославского руководства в вопросах внешней и внутренней политики в последние годы советскую делегацию подкупило высказывание Тито о собственной революционной деятельности и идеалах, которые он не продаст за деньги, прозвучавшее в ответ на недавние обвинения в продаже Югославии Западу. «Меня и дьявол не

заставил бы идти к другой системе... Я считаю себя составной частью идеи марксизма-ленинизма», – подчеркнул югославский лидер²⁵.

Тема Сталина и сталинизма стала камнем преткновения между сторонами во время состоявшихся в ходе визита советской делегации официальных переговоров и встреч, а также неофициальных контактов. Хрущев то продолжал играть роль «сталинского сокола», произнося гневные речи в защиту Сталина в Любляне и Загребе, то (как, например, во второй день переговоров в Белграде) неожиданно соглашался с тезисом о его ошибках вследствие болезни²⁶. И это оставило югославскую сторону в недоумении. Уже в Москве в устном отчете о визите на заседании Президиума ЦК КПСС 6 июня 1955 г. Хрущев уверял коллег в непреклонности жесткой позиции делегации: «И о Сталине сказали (Сталина не допустим ронять)»²⁷.

Подписание 2 июня 1955 г. заключительной Советско-югославской декларации, получившей впоследствии название – Белградская, поставило отношения между двумя государствами на новые основы – на принципы мирного сосуществования. Важным пунктом декларации стало признание различных путей социалистического строительства, то есть фактически права югославского руководства на организацию общественной жизни не по советской модели.

С июня 1955 г. советская сторона развила бурную деятельность по налаживанию разносторонних контактов между двумя государствами и общественными организациями. Рассчитывая склонить Тито к восстановлению официальных контактов между партиями, советское правительство выразило готовность оказать ФНРЮ экономическую помощь посредством предоставления займов и товарных кредитов. Президиум ЦК КПСС, «признавая целесообразным, чтобы отношения не были обременены какими-либо не урегулированными между нашими странами финансовыми вопросами», принял решение отказаться от уплаты Югославией ее задолженности, возникшей до 1948–1949 гг. по товарным кредитам, поставкам вооружений, военно-техническому имуществу и т.д.²⁸ Однако расчеты на то, что после этого можно будет получить согласие Белграда на восстановление связей между СКЮ и КПСС, не оправдались.

Безмерное упорство Н.С. Хрущева в защите авторитета И.В. Сталина насторожило югославское руководство, которое было последовательно в проведении заявленного Й. Броз Тито 19 июля 1954 г. курса на поддержку антисталинских сил в СССР. Высказывания высшего руководства ФНРЮ и СКЮ, как на публике, так и на закрытых заседаниях ЦК СКЮ и в конфиденциальных встречах с представителями Запада, были выдержаны в едином ключе. В частности, даже в отчете госсекретаря США Дж. Ф. Даллеса президенту США Д. Эйзенхауэру 7 ноября 1955 г. о встрече с Тито было отражено мнение югославского лидера о том, что Булганин и Хрущев, в отличие от Сталина, стараются проводить новую и более приемлемую политику, но «в Советском Союзе сохраняется вязкая сталинистская среда, состоящая из тех, кто заражен в молодости сталинизмом», что сохраняет «опасность их победы и возобновления жесткой политики»²⁹.

События XX съезда КПСС (14–25 февраля 1956 г.) в значительной мере способствовали дальнейшему развитию двусторонних связей, облегчив югославскому руководству, в конечном итоге, принятие положительного решения по поводу восстановления связей между СКЮ и КПСС. Однако до этого ЦК СКЮ воздержался от направления своих представителей для участия в работе советского коммунистического форума. Тито ограничился направлением обращения к XX съезду КПСС, сделанному 11 февраля 1956 г. Хотя оно и начиналось со слов «Дорогие товарищи!», однако не имело давно ожидавшегося

Хрущевым продолжения: в последующих абзацах не было желаемых слов об интернационализме, совместной борьбе за социализм и т.п. Вместо всего этого подтверждалась неизменность позиции югославской стороны о постепенной нормализации связей между КПСС и СКЮ: «Мы можем быть удовлетворены постепенным и непрерывным улучшением наших отношений. Именно такой, постепенный, путь и является самым здоровым для восстановления прочного доверия и взаимного сотрудничества, но в то же время он дает возможность устранять в повседневных практических действиях все то, что могло бы воспрепятствовать укреплению доверия между нами»³⁰.

В Югославии весьма положительно восприняли отчетный доклад Н.С. Хрущева, зачитанный им в начале съезда. Его внешнеполитическая часть, содержащая много новых оценок, далеких от жестких схем прежних съездов, была близка югославам. Уже в первые дни работы форума посол ФНРЮ в Москве Д. Видич восторженно отзывался об инновациях доклада, который «в целом представляет триумф марксизма-ленинизма и классический образец развития теории революционной борьбы». Особо были выделены изложение «принципиальных вопросов современного международного развития». В частности, касаясь вопроса о мирном сосуществовании двух систем, Видич заявил, что ясность изложения в докладе принципа невмешательства во внутренние дела других стран и утверждение о том, что установление нового общественного строя в той или иной стране является внутренним делом народов этих стран, – «представляет серьезный удар по врагам социализма».

Высоко оценивалось и «утверждение о том, что фатальной неизбежности войны нет», а также трактовка вопроса о «формах перехода различных стран к социализму». «Положения, изложенные в докладе по этому вопросу, – сказал Д. Видич, – имеют особо важное значение не только как подтверждение творческого развития теории, но и как сильнейшее средство, способствующее консолидации всех сил и партий, борющихся против капитализма»³¹. Видич предложил издать доклад ЦК КПСС отдельной брошюрой. Его общий вывод стал желанной наградой для докладчика: «Отныне снимаются принципиальные разногласия по вопросам теории, имевшие место между КПСС и СКЮ. Приезд т. Тито в Москву, – сказал Д. Видич, – положит начало прочному взаимодействию между нашими партиями»³².

С текстом второго, секретного доклада Хрущева, прочитанного на закрытом заседании XX съезда и в доверительном порядке распространявшемся в марте в виде брошюры, в Белграде познакомилась в числе первых. Это придало эволюции югославских взглядов на СССР новый импульс. 15 марта 1956 г. во вступительном слове перед чтением «секретного доклада» участникам пленума ЦК СКЮ Броз Тито определил общую позицию в оценке развития политических процессов в СССР: не следует из ложной скромности отречься от «своей позитивной роли... в прелюдии к тому, что сейчас там происходит... Мы можем смело утверждать, что Югославия сыграла решающую роль в разрушении старой системы». Вместе с тем Тито указал на тенденцию замалчивания в докладе этой роли Югославии, посчитав, что в Москве «желают нашу роль оспорить»³³.

Как свидетельствует протокольная запись заседания Исполкома ЦК СКЮ от 2 апреля 1956 г., Тито последовательно повторил свой подход, подводя итог последних двух лет: «В отношениях с СССР мы не ошиблись в нашей ориентации на то, чтобы с самого начала помогать антисталинистским силам, которые пошли на соглашение с нами». Напомнив о «некоторой настороженности», появившейся после визита советской делегации в мае – июне 1955 г. (не называя ее причин, но имея в виду, очевидно, резкие вы-

сказывания Хрущева в защиту Сталина), Тито посчитал, что после XX съезда ситуация изменилась. «Нам совершенно ясно, что дело не в маневре и тактике со стороны русских, а в их внутривластной потребности. Необходимо оказать поддержку группе Хрущева, – заметил он. Они находятся в сложном положении и внутри страны сталкиваются с сопротивлением бюрократии». Ввиду этого Тито подчеркнул, что сдержанная политика Югославии в отношении СССР на руку «бюрократическим сталинистским силам в СССР»³⁴.

Непосредственным следствием этого взгляда стало подтверждение решения о визите Тито в Советский Союз и восстановление официальных отношений между СКЮ и КПСС в июне 1956 г., закрепленное Московской декларацией, победной для Хрущева по форме, но с сохранением всех оговорок, выгодных югославской стороне, по сути. Впрочем, советская сторона и не скрывала от югославов того, что не удовлетворена содержанием документа, но спорить в настоящее время не намерена. Эти слова югославам передал Микоян по поручению президиума ЦК КПСС.

Данную советскую позицию Москва в самом скором времени развернула в специальном письме о переговорах, разосланном братским партиям, и вскоре оказавшемся в распоряжении югославского руководства. Строки об опровержении высказывания Булганина о Тито как о ленинце и др. вызвали недовольство югославов, но не помешали обмену неофициальными визитами Н.С. Хрущева и Й. Броз Тито осенью этого года. Откровенный обмен мнениями на протяжении нескольких недель, сначала в Югославии, а затем – в Крыму, казалось, помог двум лидерам лучше узнать друг друга и заложить основы дальнейшего взаимодействия.

Зигзаги сотрудничества. Несмотря на нормализацию отношений, Хрущеву так и не удалось заручиться согласием югославского лидера на возвращение ФНРЮ в социалистический лагерь, а СКЮ – в ряды мирового коммунистического движения во главе с КПСС. Тито без особого раздражения отнесся к навязчивым уговорам Хрущева по этому поводу, делавшему вид, что он как бы не слышит отказа собеседника. Самое большее, на что, по словам Хрущева (из последующего за встречами отчета), был согласен Тито – это признание нахождения ФНРЮ в рамках социалистического мира и соответственно югославских границ как его рубежей³⁵.

Серьезно раздражение Москвы вызывали пропагандистские усилия Белграда в странах советского блока, в том числе и аккуратная поддержка тех сил в коммунистическом руководстве и интеллигенции, которые проявляли интерес к опыту югославского внутреннего развития и независимого внешнеполитического курса.

События, разыгравшиеся в странах Восточной Европы весной – летом 1956 г. были для Белграда долгожданными. Перед югославским руководством открывалась перспектива преобразования всей советской империи в Восточной Европе в соответствии с принципами, которые оно защищало с конца 1940-х годов, что давало бы ей главенствующую идеологическую и политическую роль среди социалистических стран, прежде всего в Юго-Восточной Европе.

Развитие событий позволяло рассчитывать на то, что послевоенные мечты югославского руководства могут быть реализованы в полной, и при этом в гораздо большей мере. Основания для этого были: к лету 1956 г. поляки и венгры взахлеб обсуждали необходимость введения рабочих советов, а также и другие аспекты, напоминавшие югослав-

скую систему. Взглядов, схожих с югославскими коммунистами, придерживался лидер итальянской компартии П. Тольятти, еще в предвоенные годы заслуживший авторитет в коммунистических кругах своей работой в Коминтерне. Тольятти впервые открыто высказался о том, что пороки советской системы связаны с ее «бюрократическим переждением», а не просто «культом личности Сталина».

Реакция югославского руководства на события в Венгрии осенью 1956 г. была противоречивой. Моральная победа Белграда после перезахоронения Ласло Райка, в результате процесса над которым в 1949 г. титовская Югославия была заклеена во «второй» антиюгославской резолюции Коминформа, а отношения с советским блоком многократно осложнились, была очевидной. Визит венгерской делегации во главе с Э. Гере в октябре 1956 г. перед самым началом венгерской революции подчеркнул значение одержанной моральной победы над Сталиным и его подручными в соседних странах.

Вместе с тем неконтролируемое развитие событий в соседней стране не могло не беспокоить югославское руководство. В ФНРЮ, прежде всего в Сербии, не были рады возрождению исторической памяти крайнего национализма, согласно которому в границах Венгрии должны быть территории соседних стран, где проживает венгерское население. Как писал член ЦК СКЮ, молодой писатель-коммунист Д. Чосич, а вслед за ним руководство внешнеполитического ведомства ФНРЮ, в символике повстанцев (гербе и знамени Кошута) употребляются реки Сава и Драва³⁶. К тому же югославское руководство настораживала и перспектива возвращения в Венгрии многопартийной системы.

Неудивительно, что на просьбу Москвы о встрече для рассмотрения ситуации в Венгрии, Тито немедленно согласился. Тайные переговоры двух делегаций (от КПСС – Н. Хрущев и Г. Маленков и от СКЮ – Й. Броз Тито, Э. Кардель, А. Ранкович и посол ФНРЮ в СССР В. Мичунович) на о.Бриони в ночь со 2 на 3 ноября 1956 г. убедили югославов, что в Москве приняли решение о военном вмешательстве в Венгрии. Понимая, что решение об интервенции в Москве уже принято, югославские лидеры настаивали на необходимости политической подготовки военного вмешательства в виде создания рабочих советов, но смогли убедить Хрущева только в том, что новое венгерское правительство целесообразнее возглавить Я. Кадару. Попытки югославской стороны поддержать тех политических лидеров и активистов общественного мнения, которые симпатизировали Югославии, успеха не имели³⁷. Возможно, они были даже контрпродуктивны, так как произнесение имен этих лиц перед лидером ЦК КПСС, значительно осложнило их положение после второго советского вторжения.

Отношения между Белградом и Москвой резко осложнились сразу же после повторного ввода советских войск в Будапешт. Поводом и причиной стал вопрос о судьбе Имре Надя – председателя правительства Венгрии, который с группой сторонников укрылся в посольстве ФНРЮ в Будапеште. Москва не пошла навстречу просьбам Белграда разрешить переезд этой группе в Югославию. Обмен письмами между Хрущевым и Тито 7 и 8 ноября не смог разрешить проблему. Захват советскими офицерами Надя после того, как он покинул посольство, поставило Белград в сложное положение. В скором времени после этого различия в советском и югославском подходах к венгерским событиям распространились на весь спектр советско-югославских контактов.

Масло в огонь разногласий между Белградом и Москвой подлила публикация в югославской газете «Борьба» выступления Тито 11 ноября 1956 г. на партактиве в Пуле, где он охарактеризовал первую советскую интервенцию в Венгрию, случившуюся 23 октября, как «необязательную по вызвавшим ее событиям и ужасную по последствиям». В то

же время югославский лидер оправдал вторую советскую интервенцию, назвав ее меньшим злом в сравнении с тем сценарием развития событий, который она предотвратила. Основным посылом выступления было объяснение причин событий в Венгрии торможением процессов, начатых XX съездом КПСС и сохранением основ сталинистской системы в СССР и остальных соцстранах региона.

Наиболее жесткой была оценка Тито советской системы. Он подчеркнул: «Новые советские руководители, осудив на XX съезде поступки Сталина и его действия, «ошибочно представили все как вопрос культа личности, а не как вопрос системы», в то время как «культ личности в действительности есть продукт системы». «Они не повели борьбу против этой системы, или, если ее вели, делали это больше молчаливо, говоря, что в целом все было хорошо, но Сталин в последнее время, когда постарел, начал понемногу сходить с ума и совершать различные ошибки».

Словно возвращаясь к полемике конфликта 1948–1953 гг. и взглядам М. Джиласа, Тито напомнил, что «корни – в бюрократическом аппарате, в способе руководства и так называемом единоначалии, игнорировании роли и стремлений трудящихся масс, в разных Эневер Ходжах, Шеху и других руководителях некоторых западных и восточных партий, которые сопротивляются демократизации и решениям XX съезда и которые во многом способствовали тому, чтобы сталинская система укрепилась, а сегодня работают над тем, чтобы она вновь ожила и взяла верх. Здесь лежат корни, и это следует исправлять»³⁸. Публикация данной речи в югославской печати вызвала жесткую реакцию Н.С. Хрущева, высказанную послу ФНРЮ В. Мичуновичу, и резкие оценки в советских партийных СМИ³⁹.

Раздражение Москвы по поводу этой публикации, а также действия советских спецслужб по переправке 22 ноября Имре Надя и его ближайших сторонников в Румынию вопреки договоренностям с руководством ФНРЮ, стали источником новых осложнений в советско-югославских отношениях. Москва обвинила Белград в умышленном создании затруднений правительству Кадара, в неспособности отмежеваться от попыток реакции использовать югославский пример в интересах борьбы против социализма.

В письме от 3 декабря Тито признавал, что отношения двух партий в последнее время «прилично ухудшились» и предлагал начать основательный анализ взаимных отношений с тем, чтобы приступить «к устранению негативных элементов», последствия которых могут нанести ущерб двум странам и «социализму в мире вообще». Большую часть письма Тито посвятил оправданию своих тезисов в выступлении в Пуле, особенно в отношении причин, хода и последствий «венгерской трагедии». В частности, в письме предпринималась попытка объяснить, что определение «система» относилось не ко всему советскому общественному устройству, но только «к известным негативным методам, которые в сталинский период получили форму системы». В последних строках письма Тито предложил советскому руководству: «Давайте, подумайте об этих вещах без всякой боязни для престижа, оцените просто по-коммунистически, что полезно, а что вредно и отбросьте то, что наносит вред»⁴⁰.

Неизменность своей позиции югославы подтвердили уж через несколько дней, когда обострили полемику, перенеся ее сначала в стены Союзной скупщины, а затем – в печать. 7 декабря 1956 г. Э. Кардель, выступая перед депутатским корпусом, назвал «революционную борьбу» в Венгрии «первым крупным примером насильственного сведения счетов с теми преградами для дальнейшего развития социализма, которые являются продуктом окрепшей бюрократической политической системы», вызывающей в обществе «бессознательное стихийное возмущение».

Альтернативой этой системе Кардель считал противостоявшие кадаровской власти рабочие советы – выросшую на венгерской почве единственную реальную, по его мнению, «социалистическую силу, которая, вероятно, очень скоро избавилась бы от чуждых антисоциалистических влияний, если бы взяла на себя главную ответственность за власть на предприятиях». Силовые действия СССР по свержению правительства И. Надя, на его взгляд, могли бы быть оправданы лишь, если бы привели к изменению политической системы, тормозящей социалистическое развитие, в противном же случае история осудит акт военного вмешательства», – заметил он. Дальнейшее же присутствие советских войск в Венгрии югославские лидеры считали фактором, неблагоприятно влиявшим на урегулирование конфликта в стране.

Программная речь Карделя, распространенная югославской делегацией в ООН, вызвала критику со стороны СССР, хотя и довольно сдержанную. Таким образом, ни в Белграде, ни в Москве ни в коей мере не хотели создавать даже видимость возвращения к ситуации конца 1940-х годов. В закрытой переписке между лидерами двух партий и беседах с советским послом Н.П. Фирибиным руководители Югославии давали понять, что рассчитывают на сохранение выгодного для них экономического сотрудничества. С советской стороны они получали заверения в том, что возврат к прошлому невозможен и будут приложены усилия для устранения возникших «наслоений». Впрочем, эти утверждения противоречили реалиям, выразившимся в отказе Москвы под благовидным предлогом выполнять договоренности о финансово-экономическом сотрудничестве, достигнутые в 1956 г.

Отсрочка в предоставлении Югославии выгодных кредитов и отказ от обещанной помощи в строительстве алюминиевого завода воспринимались в Белграде как форма изолированного советского давления. В меру своих возможностей югославская сторона отвечала ассиметрично, но весьма эффективно. Так, югославы отказались демонстрировать в кинотеатрах документальный фильм о поездке Й. Броз Тито в СССР в июне 1956 г., снятый советскими кинематографистами.

В целом готовность приложить усилия для преодоления разногласий проявлялась в Белграде постоянно. В переписке с ЦК КПСС Тито и его окружение, заявляя свое право на проведение самостоятельной, внеблоковой политики, вместе с тем всячески разведали подозрения Москвы относительно своего стремления к лидерству в коммунистическом движении, отрицали попытки навязать остальным собственный путь строительства социализма. Взаимная критика, подчас довольно острая, звучавшая в двусторонней переписке между ЦК двух компартий, и выходявшая порой на страницы прессы, тем не менее не воспрепятствовала действительным усилиям руководства обеих стран по поддержанию постоянного диалога. 1–2 августа 1957 г. две делегации встретились в дружеской обстановке в Бухаресте.

Впрочем, основания для напряженности сохранялись, что показывал один из анализов югославами советской прессы. В Белграде видели, что после встречи «советская печать пишет чаще, больше, позитивнее о некоторых внутренних достижениях Югославии. Это освещение ограничивается экономическими успехами, в то время проблемы общественной действительности, социалистического опыта (политика на селе, общественное самоуправление, рабочее самоуправление) замалчиваются»⁴¹.

Поэтому неудивительно, что то краткое «сближение» продлилось недолго и было прервано на взлете – после весьма успешного визита в ФНРЮ министра обороны Г.К. Жукова, которому хозяевами был оказан самый теплый прием. Во время встречи 13 октяб-

ря на о. Бриони руководитель Югославии выразил надежду на то, что советский маршал «будет толкователем дружеских чувств югославских народов к народам СССР»⁴². Фразы из тоста Жукова в Любляне о том, что «работящий и талантливый югославский народ под руководством Союза коммунистов во главе с товарищем Тито, несомненно, достиг больших успехов во всех областях своей новой жизни, особенно в экономке и культуре» и что «нет никаких сомнений в том, что югославский народ полон решимости достичь еще больших успехов в строительстве социализма», были растиражированы в югославской печати⁴³.

По всей вероятности, Жуков не скрывал от хозяев высокие оценки, которые он давал внутреннему развитию Югославии в своих телеграммах на имя Н.С. Хрущева⁴⁴. Вместе с тем теплый прием советского маршала в ФНРЮ вызвал раздражение и ревность первого секретаря ЦК КПСС. Одним из результатов этого было весьма скромное освещение поездки Жукова в советской печати, что, в свою очередь, вызывало раздражение министра. Коллизия закончилась снятием прославленного полководца со всех постов.

Странно мотивированное смещение маршала Жукова сразу же после его возвращения из поездки на Балканы не могли не добавить осложнений в двусторонних связях. Еще больше отношения осложнились, когда в ходе подготовки к празднованию 40-летнего юбилея Октябрьской революции руководство КПСС распространило проект резолюции о единстве коммунистического движения, который должны были подписать лидеры всех компартий. В нем «ревизионизм под предлогом национальных особенностей» был назван главной современной угрозой коммунистическому движению, «пролетарскому интернационализму» и лидирующей роли Советского Союза. В Белграде посчитали, и не без оснований, что эти формулировки направлены в том числе и против югославского руководства.

Ситуация была обсуждена 29 октября 1957 г. высшим руководством СКЮ⁴⁵ на заседании, специально посвященном обсуждению вопроса об участии государственно-партийной делегации в праздновании 40-летия Октябрьской революции. Советское поведение Тито назвал нарушением договоренности в Румынии, где, по его словам, делегации договорились принять самый общий документ, в котором бы только говорилось о принципах отношений между социалистическими странами. Особое беспокойство вызывало у Тито то, что на предложение Белграда вообще не принимать этот документ Москва просто не ответила. Югославский лидер считал, что советская сторона не выполняет и другие договоренности, достигнутые в Румынии. В качестве примера он привел вышедшую только что в Москву брошюру Энвера Ходжи, где искажается история Югославии и ее народа, или то, что в тезисах ЦК КПСС к 40-летию Октября искажается место Югославии во Второй мировой войне.

Югославское руководство изменило состав своей делегации, приняв решение о замене Тито на посту руководителя делегации СКЮ, сославшись на его болезнь. На совещании в Москве СКЮ была представлена Э. Карделем, А. Ранковичем и В. Влаховичем, отказавшимися подписать Декларацию. Реакция Хрущева получила широкую огласку в югославской прессе. В результате, отношения между Белградом и Москвой вновь вернулись к взрывоопасному состоянию.

Особенности идеологической работы СКЮ среди своих членов и населения Югославии в целом проявились и в этом случае. Текст Декларации, принятой в Москве на совещании коммунистических и рабочих партий социалистических стран (14–16 ноября 1957 г.), не стали скрывать, а опубликовали его целиком в печатном органе ЦК СКЮ

«Коммунист». Другие СМИ печатали пространные выдержки из этого документа и критические статьи, разъясняющие позицию югославского руководства. После обсуждения ситуации на специально созванном для этого пленуме ЦК СКЮ позиция руководства, объяснявшая причины, по которым было принято решение отказаться от участия в совещании коммунистических и рабочих партий социалистических стран и не подписывать Декларацию совещания, была доведена до низовых организаций СКЮ в специальном письме ЦК СКЮ от 7 декабря 1957 г.

Отраженные в этом письме взгляды на долгие годы стали основой для формирования внешнеполитических установок официального Белграда при проведении курса в отношении советского лагеря. Положения письма ЦК СКЮ оспаривали ряд позиций и оценок московской Декларации. В частности, его авторы отмечали, что «социализм сегодня не концентрируется в государственных границах социалистических стран, а значительно шире, являя собой единый процесс движения общества к новым социалистическим общественным отношениям». Югославы по-прежнему не признавали «руководящей роли Советского Союза», считая тем не менее, что СССР «как самая большая и самая сильная социалистическая страна имеет самые большие обязательства и самую большую ответственность». При этом подчеркивалось, что «это не означает, что СССР и КПСС являются арбитром по идейным, организационным и другим вопросам борьбы за развитие и укрепление социализма в мире. Сегодня, когда социализм становится практикой сотен и сотен миллионов людей, существует наименьшая возможность для руководства борьбой за социализм по-старому, с помощью директив из одного центра». Идеологические вопросы, вопросы дальнейшего развития и применения марксизма-ленинизма каждая партия должна решать самостоятельно, используя собственный опыт и опыт всего международного развития социализма.

Отдельный пункт письма был посвящен осуждению в Декларации «ревизионизма». В письме было указано, что вопрос борьбы с ним поставлен так, что, с одной стороны, это «не способствует правильному пониманию проблемы, в то время как с другой стороны – означает косвенное осуждение позиций и практики СКЮ и некоторых других коммунистических партий». Особо оговаривалось, что в СССР «не подвергается критике действительная ревизия марксизма-ленинизма, которую совершили Сталин и разные догматики». «Подписание такой Декларации – отмечалось в письме, – означало бы согласие со всем тем вредным пониманием и часто злонамеренным толкованием югославской действительности»⁴⁶.

Впрочем, охлаждение отношений с Москвой не стало поводом для югославского руководства, чтобы отложить серьезное обсуждение необходимости отказа от американской военной помощи.

Новый виток обострения отношений случился весной 1958 г. после публикации проекта новой программы СКЮ, которую должен был принять VIII съезд СКЮ. Однако проект этого документа был встречен подробной и ожесточенной критикой Москвы, обвинившей югославских коммунистов в ревизионизме. В знак протеста против содержания проекта программы и в качестве способа давления на Белград, Москва отказалась направлять на съезд специальную делегацию КПСС, несмотря на то, что ее состав был уже определен и официально объявлен. Вслед за КПСС подобные решения приняли и другие компартии, включая и КП Китая. В Письме ЦК КПСС в адрес ЦК СКЮ от 5 апреля 1958 г. об этом было официально оповещено югославское руководство. В переданном послании проект программы СКЮ был назван антисоветским, противостоящим

марксизму-ленинизму, настроенным апологетически в отношении капитализма и империализма, сознательно ориентированным на дезорганизацию и разрушение единства международного рабочего движения⁴⁷.

В ответном письме Тито предостерег Хрущева, что отказ советской делегации от участия в работе съезда СКЮ вызовет «и у коммунистов Югославии, и народа не только удивление, но и большое неудовольствие и огорчение». Обвинения с советской стороны были отвергнуты как необоснованные и опасные с точки зрения дальнейшего развития отношений между двумя странами, так как это – оживление политического содержания времен сталинизма. Хотя Тито и признал, что в проекте «отдельные формулировки неточны, иногда неясны, и этим создается возможность для односторонней или неверной интерпретации». Поэтому предполагаются «изменения или удаления отдельных формулировок, как например, о гегемонии и некоторых других, которые у вас вызвали замечания»⁴⁸.

Вслед за этим в письме от 15 апреля Тито детально оповестил советское руководство о поправках и дополнениях в проекте, которые были сделаны в соответствии с советскими замечаниям. Впрочем, уступки в Москве посчитали недостаточными, а гибкость Белграда подтолкнула Хрущева к ужесточению подходов: он отказался принять югославского посла В. Мичуновича, имевшего инструкции передать письмо с сообщением о внесенных исправлениях⁴⁹.

В Москве посчитали, что лидеры СКЮ внесли лишь несколько незначительных изменений, не затрагивавших сути советских требований. В свою очередь югославская сторона отказалась от советского совета перенести сроки проведения съезда для внесения в программу серьезных поправок. В дальнейшем Москва перенесла полемику с закрытой переписки между лидерами на уровень публичной дискуссии в прессе. Таким образом, в середине апреля был начат «второй югославско-советский конфликт», который задал тон межгосударственным отношениям Югославии и стран социалистического лагеря на предстоящие годы.

За несколько дней до начала югославского съезда в теоретическом журнале ЦК КПСС «Коммунист» был опубликован подробный критический материал «О Проекте программы СКЮ». Жесткий разбор текста был на грани вмешательства во внутренние дела другой компартии. Несмотря на то, что последний абзац статьи оговаривал, что критика не должна быть препятствием для дальнейшего развития отношений Югославии и СССР, появление этой статьи накануне съезда накалило ситуацию. Одновременно появилось и сообщение о том, что на съезде СКЮ не будут представлены делегации партий стран советского лагеря.

В итоге компартии союзных СССР режимов были представлены на VIII съезде в Любляне (22–26 апреля 1958 г.) послами в статусе наблюдателей. В выступлениях Тито «О задачах СКЮ в связи с международной ситуацией» и Ранковича об «Организационно-политических задачах СКЮ» ключевыми положениями было доведение до участников форума причин нового советско-югославского конфликта.

В выступлении Тито были аккуратно обойдены острые углы в советской политике на югославском направлении за последние годы, связанные со стремлением Москвы вернуть Югославию в социалистический лагерь. Острие критики было направлено на Сталина и советскую политику тех лет. «Твердая политика Сталина», по его словам, была основной причиной «создания Атлантического пакта», «укрепления позиций западных стран с Америкой на главе» и «ослабления позиции Советского Союза в мире. Давление на Югославию в 1948 г. серьезно пошатнуло авторитет первой страны социализма в мире и серьезно расшатало международное рабочее движение»⁵⁰.

Выступление на съезде Ранковича было лишено экивоков Тито. Он остро отозвался о кампании восточноевропейских стран против Югославии. Отвечая на обвинения советских лидеров в том, что Югославия сидит на двух стульях, лавируя между Востоком и Западом, Ранкович напомнил о сотрудничестве СССР с гитлеровской Германией и соответствующем пакте, подписанном в сентябре 1939 г. между нацистским Берлином и сталинской Москвой. «Ни коммунисты Югославии, ни народы Югославии, которые следовали за ними, не сидели на двух стульях, не продавались фашизму и не мирились с ним... Наша партия и наши народы ни растаптывали, не продавали свои революционные принципы».

Воодушевленные делегаты съезда громко аплодировали и скандировали «Герой Тито!» Тито – Партия!». Дипломатические представители стран социалистического лагеря вслед за послом СССР вышли из зала, а в это время Ранкович напоминал, что югославские коммунисты не стали продаваться Западу и в 1948 г., «когда зазвенело оружие на югославской границах». Между тем, указывал он, СССР и его союзники «вместо того, чтобы извлечь опыт из прошлого, вновь начинают точить старое заржавелое оружие Коминформа»⁵¹.

Вслед за этим, за день до намечавшегося визита формального главы СССР председателя Президиума Верховного Совета К.В. Ворошилова в Югославию, Хрущев направил Тито письмо, в котором сообщалось, что «в свете того, что произошло на VII съезде СКЮ» визит не может быть реализован. «После выпадов, совершенных в выступлениях официальных лиц на VII съезде против Советского Союза и КПСС, наша партия и весь советский народ не поняли бы такую поездку». Хрущев советовал найти некую «взаимоприемлемую форму ... с тем, чтобы враги социализма не могли бы использовать в своих целях отказ от визита»⁵². Помимо этого на 12 страницах Хрущев изложил осуждающие оценки СКЮ, программа которой, по его словам, «наполнена духом вражды в отношении Советского Союза», подготовлена с целью оправдания действий империалистов и идет «на пользу противников мира и безопасности народов». Он также обвинил СКЮ в том, что он уравнивал миролюбивую политику КПСС и его союзников с империалистами⁵³.

Эти события стали отправной точкой очередного периода публичной полемики, которая была самой жесткой со времени подписания Московской и Белградской деклараций 1955–1956 гг. Критика югославского «ревизионизма», впрочем, не достигавшая накала конца 1940-х годов, поднялась к своей высшей точке весной–летом 1958 г. Среди стран коммунистического блока наибольшую активность и жесткость проявляли лидеры КПК, но и советское руководство не отставало от китайских идеологических собратьев. Все критические материалы публиковались в «Правде» целиком. Вслед за этим, идеологический конфликт был перенесен в область межгосударственных отношений. Правительство СССР в ноте от 27 мая 1958 г. отложило выполнение инвестиционного договора 1956 г., приостановив 285 млн долл. кредита на строительство предприятий югославской промышленности. Впрочем, в ноте это оговаривалось недостатком средств для строительства собственных предприятий химической промышленности⁵⁴.

В выступлении на конгрессе БКП в Софии 3 июня 1958 г. Хрущев назвал Тито «трянским конем» и заявил, что резолюция Коминформа в июне 1948 г. «О положении в КПЮ» содержала справедливую критику деятельности этой партии в ряде принципиальных вопросов. Более того, «резолюция была в основе правильной и отвечала интересам революционного движения». С сарказмом он добавил, что «социализм не может быть построен на американской пшенице». Получение милостыни от империалистических государств – «вопрос, который везде волнует коммунистов». «Почему империалистичес-

тические руководители, стремясь стереть с лица земли социалистические государства и удушить коммунистическое движение, в то же время финансируют социалистическую страну и дают ей льготные кредиты и бесплатные подарки?» – вопрошал советский руководитель.

Ответ Белграда напомнил возвращение к полемике 1948 г. По крайней мере, на это указал Тито в письме Хрущеву от 14 июня 1958 г., перенося ответственность за это на Москву⁵⁵. Параллельно часть ответа ЦК СКЮ была озвучена и в публичной форме в выступлении Тито на митинге в Истрии 15 июня. Его Тито посвятил исключительно нараставшему советско-югославскому спору. Он строго разделил повод и причину идеологического столкновения. Поводом было названо проведение VII съезда СКЮ и принятие новой программы СКЮ, но «главная причина в том, что мы отказались подписать Декларацию двенадцати партий» и отказались «войти в так называемый социалистический лагерь». При обсуждении американской помощи Югославии Тито вспомнил и согласие Сталина в 1921–1922 гг. получать ее от американцев для спасения населения Советской России от голода. Прозвучала и едкая формулировка в адрес нового вождя: «Товарищ Хрущев часто повторяет, что социализм нельзя строить на американской пшенице. Я думаю, что это может делать тот, кто знает [как это делать], а тот, кто не знает, не может строить социализм и на собственной пшенице. Товарищ Хрущев в своей речи говорит, что мы живем от милостыни, которую получаем от „империалистических стран“ в форме неконкурентных товаров». Ответ был едким, с намеком на весьма скудное даже по югославским меркам советское обеспечение: «Американская пшеница ничуть не хуже советской, которую мы не получаем, в то время как американскую мы получаем. То же самое и в отношении других товаров»⁵⁶.

Новым импульсом к ухудшению отношений между СССР и ФНРЮ стало сообщение 17 июня 1958 г. о приведении смертного приговора И. Надю, П. Малетеру и двум другим участникам венгерской революции 1956-го г. Остроту ситуации придавало то, что все обвинения, звучавшие в адрес Нады в прошлом, совпадали с обвинениями в адрес югославского руководства, произносимыми Москвой с осени 1957 г.

Положение спасли события на Ближнем Востоке, связанные с десантными операциями ВМФ США в Ливане и британскими операциями в Иордании. СССР и ФНРЮ выступили тогда единым фронтом в ООН, к тому же признав произошедший в Ираке государственный переворот. В благодарность за солидарную позицию Хрущев даже приглашал Тито принять участие в охоте на Украине вместе с Гомулкой и Кадаром⁵⁷. В скором времени своего рода посредническая роль президента Египта Насера в ходе его визита в Югославию привели к нейтрализации конфликта между Хрущевым и Тито.

Однако с этого времени практически прекращается любое официальное сотрудничество между СКЮ и КПСС за исключением периодических контактов послов с руководителями. Борьба с югославским «ревизионизмом», начатая КПСС, вступила в новую стадию. Известный сербский писатель Д. Чосич (в то время член ЦК СКЮ) охарактеризовал положение следующим образом: «Начинается второй этап нападков и борьбы по уничтожению „ревизионистской“ Югославии. Борьба будет тяжелее, чем со Сталиным. И будет дольше продолжаться. И будет намного более непредсказуема. Сталин представлял из себя личность последовательную. Человек или монстр, все равно, он вел дела в открытую, и удары наносил открыто. Хрущев – самая неморальная политическая фигура этого времени. Человек без принципов, самый большой „тактик“, лицемер, свирепая деревенщина». И дальше: «Я серьезно обеспокоен за нашу свободу и будущее.

Внешнее давление и угрозы помешают нашему экономическому развитию и совсем замедлят развитие социалистической демократии»⁵⁸.

В дальнейшем югославское руководство постоянно обвинялось в ревизионизме на страницах многочисленных выходивших в СССР теоретических изданиях⁵⁹. Вследствие этого в Югославии с подозрением относились ко всем инициативам и знакам благожелательности Москвы. В частности, Тито отказался от встречи с Хрущевым, приглашение на которую он получил через отбывавшего в ФНРЮ югославского посла В. Мичуновича в октябре 1958 г. Впрочем, уже в это время югославское руководство вновь вернулось к риторике весны 1953 г. Это продемонстрировало и выступление Тито 12 октября 1958 г., когда он вновь заговорил о возможности «лучших отношений»: «Мы знаем, что такое положение не допустимо и не может долго длиться. Однажды будут установлены лучшие отношения. Мы желаем, чтобы это случилось как можно раньше»⁶⁰.

Летом 1959 г. советская пропагандистская кампания против Югославии также постепенно затихла. С 6 июня по 14 июля в Москве было проведено заседание Совместной комиссии Югославии и СССР, а 6 июля были начаты югославо-советские переговоры о предоставлении ФНРЮ кредитов. Тем не менее, критика югославского пути к социализму нашла отражение в итоговом документе московского Совещания компартий 1960 г., а также постоянно звучала в некоторых выступлениях советских лидеров как на съездах зарубежных компартий, так и на внутрипартийных форумах в самом СССР.

В целом, открытые для изучения исследователей в последние десятилетия новые документы за период 1950-х годов опровергают рассуждение знатока истории Югославии второй половины XX в. Д. Русинова о том, что в расчетах на укрепление советско-югославских связей в 1950-е годы оба лидера переоценили интерес друг друга к их развитию⁶¹. Югославское руководство, отдавая должное заявлениям об общности целей двух режимов, весьма прагматично подходило к взаимодействию с СССР. Определив, что задачи «десталинизации» советского режима отвечают интересам Белграда, Тито и его соратники взяли курс на поддержку действий Хрущева в этом направлении. Вместе с тем, обеспечив собственный автономный статус как в действиях внутри собственной страны, так и в определении и реализации ее внешнеполитического курса, закрепленного в Московской и Белградской декларациях 1955–1956 гг., они всегда весьма жестко защищали свои позиции. Любые ограниченные уступки, которые делались югославским руководством Москве, имели под собой желание капитализировать их в целях получения преимуществ от сотрудничества с Советским Союзом в финансово-экономической сфере, а также для закрепления морального авторитета Й. Броз Тито и его окружения в собственной стране.

В решении ИК ЦК СКЮ по поводу Заявления 81 коммунистических и рабочих партий, опубликованном в начале декабря 1960 г. после их совещания, состоявшегося в ноябре 1960 г., указывалось, что в этом документе «еще раз совершено весьма грубое нападение на Союз коммунистов Югославии, нашу внешнюю и внутреннюю политику, социалистическую Югославию в целом». В решении также указывалось, что проявлявшаяся в эти месяцы сдержанность со стороны руководства СКЮ была неверно истолкована и кампания против Югославии в прошедшее время «продолжилась и заострилась не только в КНР и Албании, но и в Советском Союзе и некоторых других социалистических странах». С учетом всего этого югославское руководство приняло решение опубликовать доклад В. Влаховича на расширенном заседании ИК ЦК СКЮ 10 февраля 1961 г. с тем, чтобы познакомить местные организации СКЮ и их членов⁶².

Дружеские жесты в сторону Югославии со стороны Советского Союза, которые возобновил Хрущев в начале 1960-х годов, также не остались незамеченными в Белграде. Югославское руководство, считавшее многие формулировки московских совещаний коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 годов неприемлемыми, обрадовалось возможности их смягчения или даже устранения (все последующие годы оно добивалось их замены). Обострение советско-китайского идеологического конфликта, выразившееся в том числе и в уходе делегации КПК во главе с Чжоу Энлаем с заседаний XXII съезда КПСС, сблизил советское и югославское руководства. Разрыв СССР с прокитайски настроенной Албанией также делал его естественным союзником ФНРЮ. К тому же поднятая Хрущевым во время XXII съезда КПСС так называемая вторая волна десталинизации не могла не вызвать симпатий у Тито и его окружения.

Выступление Хрущева в болгарском городе Варна в 1962 г., когда советский лидер настаивал на улучшении отношений Болгарии и Румынии с ФНРЮ, содействовало очередному югославско-советскому сближению. Визит председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева в Югославию и его тесные контакты с Тито в его резиденции в сентябре 1962 г. способствовали упрочению двусторонних отношений. Состоявшийся в декабре того же года визит Тито в СССР (последний его визит до этого был осенью 1956 г.) стал важной вехой в отношениях Белграда и Москвы. Выступление президента ФНРЮ и главы СКЮ с официальной речью на заседании Верховного Совета СССР стало триумфом югославского руководства, зачеркнув на официальном уровне прежние обвинения Белграда в ревизионизме.

Хрущев, который также выступил на заседании, поддержал право Югославии называться социалистическим государством, которое, по его словам, кое-кто ставил под сомнение. Он также отметил, что между КПСС и СКЮ остаются некоторые идеологические разногласия, но это не является препятствием для братского сотрудничества как по государственной, так и по партийной линиям. Очередные обещания более широких и тесных экономических отношений между двумя странами как всегда вызвали в Белграде большой энтузиазм, сопряженный вместе с тем с опасениями непредсказуемых последствий импульсивности советского руководителя.

Волнообразный характер советско-югославских отношений в 1950-е годы, связанный с особенностями их нормализации с марта 1953 до июня 1956 г., и прежде всего с различным пониманием этой «нормы» руководством двух стран оказывал немалое влияние и на общее состояние отношений в мире в те годы. Определенная цикличность стадий потепления и охлаждения во взаимоотношениях между Белградом и Москвой заложенная в самом процессе нормализации не раз повторялась.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Diplomatici arhiv Sekretarijata inostranih poslova (далее DASIP). Beograd. Politicki arhiv. 1953. SSSR-F84. D. 1/45300.

2 Там же. 1953. SSSR-F84. D. 9. 46644.

3 Telegram iz Moskve (Đurić)-SIP-u. broj 277. 6-IV-1953: Zabeleška Otpравника poslova FNRJ Dragoja Đurića o razgovoru sa Molotovom na dan 6 juna 1953 g. // Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953-1955. Podgorisa, 1999. S. 143, 145-146.

4 В советских документах эта речь Тито 14 июня называлась различно: «Выступление Тито в Бераме», «Выступление Тито в Пазине» (АВП РФ. Ф. Комитета информации. 1953. Оп. 1. П. 129. Д. 201. ЛЛ. 254; 287–290).

5 *Tito Broz J.* Говори и чланци. Београд, 1959. Књ. VIII. С. 133–138.

6 DASIP. 1953. SSSR–F84. D. 7. 418221.

7 Борба. Белград. 1953. 20 VII.

8 Arhiv Jugoslavije (Београд) (далее АЈ). F. 507. IX. 119/II–36.

9 Archiv ministerstva zahranichnih veci, Praha (далее АМЗВ). Fond Telegrama došle. Krab. 5.: č. 8752/53. Belehrad 10.8.1953. Holub 429.

10 Архив Президента РФ (далее АП РФ). Ф. 3. Оп. 66. Д. 965. Л. 109–110.

11 DASIP. PA. 1954. F. 85. D–3–4709. 21.I.1954. Osnovne teze o unutrašnjoj i spoljnoj politici SSSR-a (D.Vidić). Br. 20/54.

12 Ibid.

13 АЈ. F. 507. IX. II/12 L. 7, 161.

14 Борба. 1954. 31 III.

15 АЈ. F. 507. IX. III/62-a. 119/III-48.

16 АЈ. F. 507. IX. III/62-a.

17 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 966. Л. 111.

18 АЈ. F. 507. IX. 119/I–50.

19 АЈ. F. 507. II/13. Peti plenum Centralnog Komiteta Saveza Komunista Jugoslavije.

20 Там же.

21 АМІЈ. KPR. I-a. Telegrami. Br. 161; Br. 147.

22 *Osolnik B.* Med svetom in domovina. Spomini 1945–1981. Maribor, 1992. S. 122.

23 *Dedijer V.* Novi prilozi za biografiju Josipa Broz Tita. Београд, 1984. Т. 3. S. 565.

24 Archiv Slovenije (далее АS). F.1277. 1955. Sk. 34. St. 20. Kabinet druga Price – Svim šefovima diplomatskih predstavništva. 27 maj 1955. Str. pov. Br. 250.

25 Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a ... S. 463. Dok. 17.

26 Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953–1955. Tematska zbirka dokumenata. Podgorica, 1999. S. 460–461.

27 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 48.

28 КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х – первой половине 1960-х годов. Сб. документов. Салоники, 2003. С. 378–379.

29 Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Washington, 1989. Vol. XXVI. P. 698–699.

30 АЈ. Fond 507. 119/I-62.

31 АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 928. ЛЛ. 12–13. Н. Фирюбин. Запись беседы с югославским послом в Москве Д. Видичем 15 февраля 1956 г.

32 Там же. Л. 13.

33 АЈ. F. 507. IX. II/14.

34 АЈ. F. 507. IX. III/66.

35 Источник (Москва). 2003. № 6. С. 38–57.

36 *Босић Д.* Акција. Записи, Поводи, Одговори. 1955–1964. Београд, 1964. С. 28–29. *Marković P.* Jugoslavija i Madjarska kriza 1956. godine u svetlu britanskih izvora // Balkan posle drugog svetskog rata. Београд, 1996. S. 150.

37 АЈВТ. KPR. SSSR.1–3-a. Zabeleška o razgovorima druga Tita, A. Rankovića, E. Kardelja sa N.S. Hruščovom i M. Maljenkovom, u toku noći od 2/3 Novembra 1956 god.

- 38 Борба. 1956. 16 XI. С. 1–2.
- 39 *Mićunović V.* Moskovske godine 1956/1958. Zagreb, 1977. 183–190; Правда. 1956. 19.XI. С. 3; Правда. 1956. 23 XI. С. 3–4.
- 40 АЈ. F. 507. IX/ 119/I-83 Pismo J.B. Tita CK KPSS i N. Hruščovu. 3 XII 1956.
- 41 АЈВТ. KPR. I-3-a. ODINF DSIP-a. 9.X.1957. Pisanje štampe istocnoevropskih zemalja o Jugoslaviji posle sastanka u Rumuniji.
- 42 АМЈ. KPR. [1957. 13 X. Brdo kod Kranja].
- 43 Борба. 15.X.1957 С. 1.
- 44 Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.
- 45 АЈ. F.507. 30 oktobra 1957. Zapisnik sa sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane 29 oktobra 1957 godine u Beogradu.
- 46 *Petranović B., Zecević M.* Jugoslavija 1918/1988. Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 1214–1216; *Petranović B., Štrbac B.* C. Istorija Socijalističke Jugoslavije. S. 272–275; Pismo CK SKJ povodom Deklaracije 12 komunističkih partija organizacijama i članovima SKJ. 7 decembra 1957.
- 47 *Богетић Д.* Други Југословенско-совјетски сукоб 1958. С. 128–129.
- 48 АЈ. F.507. 507/IX. 119/1–148 Pismo Generalnog sekretara CK SKJ J.B. Tita prvom sekretaru CK KPSS N.S. Hruscovu, 12. april 1958.
- 49 *Mićunović V.* Moskovske godine. S. 430–431.
- 50 *Тито Броз Ј.* Говори... Књѝ XIII С. 175–176.
- 51 Борба. 1958. 24 IV.
- 52 АЈ. CK SKJ. 507. IX. 119/1–122 Pismo Pvog sekretata CK KPSS N.S. Hrusčova Generalom sekretaru CK SKJ J.B. Titu. 9 maj 1958.
- 53 См.: *Богетић С.* 134–135.
- 54 См.: *Богетић С.* 135.
- 55 АЈ. F. 507. IX. 119/1–128 Pismo Generalog sekretara CK SKJ J.B. Tita Pvom sekretaru CK KPSS N.S. Hruščevu 14. jun. 1958.
- 56 *Тито Броз Ј.* Говори и чланци. Загреб, 1960. Књѝ XIII. С. 314–318).
- 57 *Mićunović V.* Op. cit. S. 482.
- 58 Там же. С. 149–150.
- 59 См. *Богетић Д.* Указ. соч. С. 149–150.
- 60 *Тито Броз Ј.* Говори и чланци. Књѝ XIII. С. 365.
- 61 *Rusinov D.* Op. cit. P. 93–94.
- 62 *Petranović B., Zecević M.* Jugoslavija 1918/1988. Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 1216–1217. Odluka Izvršnog komiteta CK SKJ povodom izjave 81 komunističkih i radničkih partija. 10. februara 1961.

ГЛАВА 6

Последствия САМОУПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВЫБОРА

Торможение реформ. События на международной сцене середины – второй половины 1950-х годов и влияние международных факторов сказывалось на внутреннем развитии Югославии, оказывая на него комплексное и нередко определяющее влияние. Югославия, как небольшая по своим размерам страна, была подвержена воздействию и Запада, и Востока. В то же время амбиции Тито и его окружения были достаточно высокими. Руководство СКЮ и ФНРЮ стремилось к проведению собственного курса как в международных делах, так и внутри страны.

Сложившийся консенсус в политической элите относительно отказа в 1953–1954 гг. от форсированной либерализации сложившегося режима продолжал действовать и во второй половине десятилетия. Югославские лидеры по разным причинам хотели ограничить размах внутренних реформ в стране и упорядочить, а возможно, и отложить, выполнение тех из них, которые были заявлены ранее.

Для них было также очевидным, что Н.С. Хрущев и советское руководство в целом, несмотря на подписанные документы 1955–1956 гг., в которых признавались различные пути строительства социализма, не будут удовлетворены ни чем иным, но только окончательным возвращением Югославии в советский лагерь. Однако этот вариант был бы разрушителен для отношений ФНРЮ с Западом. Отношения с ним оказались крайне важны для экономического развития Югославии и ее способности выстоять перед очередным давлением Москвы. В то же время близость к Западу вела к неконтролируемому развитию либерализации, что в свою очередь, побуждало югославских лидеров стремиться к более жесткому контролю как над населением, так и над самим СКЮ с тем, чтобы оградить их от этого «разлагающего влияния».

Историки постюгославских государств, пишущие на темы истории титовской Югославии, имеют совершенно противоположные точки зрения на период второй половины 1950-х годов. По мнению хорватского историка Д. Биланджича, «уже в начале 1954 г. была остановлена общественная реформа, которая проводилась с 1949 г. Этим был завершен самый большой идеологический поворот в истории страны, после которого начался период, который без больших перемен будет продолжаться следующие десять лет»¹.

Последователи этого направления историографии полагают, что в ряде главных аспектов реформа была не только остановлена, но и происходило возвращение к прежним порядкам, прежде всего возвращение СКЮ на прежнее место в обществе и государстве, что означало ревизию основного тезиса VI съезда югославских коммунистов, согласно которому партия должна была заменить метод приказа на метод убеждения. Помимо этого югославское руководство стремилось ограничить действие закона стоимости в хозяйственной жизни страны. В выступлениях тех из лидеров партии, кто отвечал за

вопросы экономического развития, все чаще звучали высказывания в пользу поиска разумной грани между рынком и планом, силами саморегулирования и силами командования экономикой.

Лучше всего это показывает выступление М. Тодоровича в 1958 г. на заседании Промышленной палаты, когда он оспорил правомерность утверждений об универсальности рыночного саморегулирования. По его словам, не должно быть вульгарных толкований закона предложения и спроса, надежд на то, что в результате действия данного закона цены автоматически выравниваются в каждом сегменте рынка. Любая современная экономика – плановая: люди и планируют, и договариваются. И даже в самых либеральных экономиках действие закона предложения и спроса проявляется в виде самой общей закономерности, а человеческое вмешательство сохраняется, имеет определенные рамки и возможности².

Впрочем, политика коррекции или даже ревизии решений конца 1940-х – начала 1950-х годов, происходившая после смещения М. Джиласа не была последовательной. Югославское руководство сохранило идею самоуправления – как единственного возможного пути развития. Хотя само это понятие превратилось скорее в магическое заклинание, повторяемое на партийных форумах различного уровня, чем на практическую политику. В 1954–1955 г. в Конституционный закон были внесены изменения, дававшие больше прав Вечу республик за счет Веча производителей.

В арсенале партийно-государственных руководителей сохранялся и тезис о борьбе с бюрократизмом. В традиционный набор идеологического арсенала продолжали входить и тезисы о «сталинизме» и «государственном капитализме». Они, как правило, шли в ход при объяснении любых кризисных ситуаций в советском лагере. Югославские руководители употребляли их также и в дискуссиях по вопросам внутреннего развития страны, для защиты от возвращения к прежней модели развития. Идея рабочих советов также не была забыта, а оставалась ключевой в идеологии СКЮ. Сохранение полученной хозяйственной самостоятельности предприятий также явилось той основой, которая постоянно придавала легитимность новым инициативам в развитии самоуправления.

В то же время профессор Белградского университета Л. Димич характеризует вторую половину десятилетия 1950-х годов несколько иначе. За своего рода отправную точку направления развития процессов в стране в это десятилетие он взял тезис Тито о необходимости того, чтобы современное поколение граждан ФНРЮ еще при жизни могло воспользоваться плодами собственных усилий.

Действительно, фраза югославского лидера, произнесенная им в июле 1955 г. на митинге в Карловаце, что «одно поколение не должно нести на своих плеча все тяготы построения социализма и не пользоваться плодами своих усилий» была развита в последующем при планировании развития югославской экономики. Решения расширенного заседания Исполнительного комитета ЦК СКЮ от 28 сентября 1955 г. привели к снижению инвестиций в промышленный сектор, прекращению строительства ряда ключевых промышленных объектов, росту внимания к задаче подъема жизненного уровня населения. По мнению Димича, именно «этот экономический курс через несколько лет стал причиной рецессии, в результате которой появился республиканский национализм»³.

Как представляется, до определенной степени правы оба направления в современной постюгославской историографии. Еще в январе 1954 г. во время идеологической расправы над Джиласом Кардель высказался довольно определенно о том, что попытка того

ускорить естественный ход событий нанесла и нанесет больше вреда развитию демократии в стране, чем пользы. Вместе с тем, снятие напряженности в отношениях с Москвой, как и общая атмосфера разрядки, давали основание югославским лидерам надеяться на определенный период стабильного развития. Поэтому желание Тито «вознаградить» население страны за понесенные жертвы и серьезные лишения последнего десятилетия было разумным. Кроме того, в это же время начинался промышленный подъем на Западе, и именно качество жизни населения на Западе становилось во многом критерием и ориентиром для югославских правителей.

Действия Тито и его окружения по торможению дальнейших политических реформ во второй половине 1950-х годов, кроются, как полагает хорватский исследователь Д. Биланджич, в его убежденности в том, что при либерализации режима по принципу «цветения различных политических цветов» коммунистическая власть подверглась бы самым серьезным вызовам. По мнению Биланджича (возможно, сформированного уже под влиянием событий 1990-х годов), несмотря на победу коммунистов в 1944–1945 гг. в Югославии, тем не менее, сохранилось то соотношение сил, которое заключало в себе возможность нового конфликта. Силы партизан и тех, кто стоял за уставами и домобранами, до конца войны были примерно равным, а в Сербии роялисты и некоммунисты были даже сильнее коммунистов. И это соотношение, по всей вероятности, несмотря на жестокие репрессии в первые послевоенные годы, радикально не изменилось.

Этот тезис, естественно, нуждается в более глубокой проработке. Но в любом случае, Тито уже к концу десятилетия 1950-х стал говорить о воскрешении соотношения сил, схожего с предвоенным периодом. Поэтому, как считает Биланджич, Тито осознавал, что неконтролируемый выход на открытую сцену скрытых противоборствовавших сил мог бы привести к возобновлению кровавого сведения счетов времен войны.

Это же относится к тезису о том, что югославские лидеры продолжали опасаться Советского Союза. Они не исключали возможность того, что в случае беспорядков в Югославии СССР мог бы вмешаться военным образом в развитие событий. Страх от этого сценария укоренился в подсознании югославской политической элиты. Возрождению тезиса о том, что на помощь «здоровым элементам» в Югославии могут быстро прийти те советские силы, которых тогда находились в Венгрии, Румынии, Болгарии и (до 1955 г.) в Австрии, способствовали события 1956 г. в Венгрии. Именно поэтому Тито был постоянно готов к превентивным мерам для того, чтобы скрытые конфликтные процессы в стране не выходили из-под контроля. И это самым отрицательным образом сказывалось на процессах демократизации режима.

Как бы то ни было в середине 1950-х годов авторитарно-тоталитарный режим Тито и монополярная власть СКЮ смотрелись достаточно прочно. Белград сохранил корректные отношения с Западом, которые не нарушила нормализация связей с Москвой в 1953–1956 гг. В основе стабильности помимо прочего лежали и успехи в экономической области. Вторая половина 1950-х годов стала периодом высочайших темпов промышленного развития в истории социалистической Югославии, захватившее и начало 1960-х годов. За четыре года (с 1957 по 1960 гг.) ежегодные темпы роста производства были в промышленности – 14,1 %, а в сельском хозяйстве – 10,8 %. Таких темпов Югославия больше не видела. Число вновь занятых выросло на 7,6 % в год, а реальные доходы работающих – на 9,1 %.

Темпы развития промышленности Югославии в 1953–1957 гг.^{4–5}

Год	Промышленный рост (1952 г. 100 %)	Число занятых (чел.)
1952	100	1 млн 846 тыс.
1953	111	2 млн 50 тыс.
1954	126	2 млн 215 тыс.
1955	147	2 млн 216 тыс.
1956	162	2 млн 392 тыс.

Еще одной особенностью развития Югославии стал переход страны на пятилетние планы развития. Планом на 1957–1961 гг. было предусмотрено увеличение национального дохода на 54,5 % (рост 9 % в год). При этом предусматривалось, что промышленное производство должно вырасти на 70 % (11 % в год), а сельском хозяйстве – на 42 % (7,5 % в год). И действительно, с 1953 до 1961 г. Югославия наряду с Японией вошла в число стран с самыми высокими темпами промышленного развития в мире⁶.

Тито еще раз подтвердил прочность собственных позиций во главе партии и государств, а окружавшее его поколение партаппаратчиков среднего звена подтвердило свое место во властных структурах. Реформистские тенденции и даже самые незначительные проявления оппозиционных воззрений пресекались в корне. Избавившись в начале 1954 г. от Джиласа и его сторонников политическими средствами⁷, коммунистический режим на этом не успокоился. В январе 1955 г. был проведен закрытый судебный процесс над М. Джиласом и В. Дедиером, осужденных условно.

Основанием для создания уголовного дела стало интервью М. Джиласа американской «Нью-Йорк Таймс», где он в теоретическом ключе рассуждал о необходимости реформирования политической системы ФНРЮ. Американский репортер привел в сообщении высказывание Джиласа о том, что эта система «по своей сути очень близка сталинизму». Джилас считал необходимым «создать новую политическую формацию, которая должна быть демократической и социалистической, но никак не возвращением старых дискредитировавших себя югославских партий, которые никогда не были полностью демократическими, и которые скомпрометировали себя во время войны»⁸.

После этого Джилас почти полтора года оставался в тени. Очередную серию статей он опубликовал в западной (преимущественно американской прессе) во время продолжительного пребывания Тито в Советском Союзе в июне 1956 г. Во всех материалах главной мишенью высказываний Джиласа был Н.С. Хрущев, который, по мнению автора, не уступал самому Сталину. То обстоятельство, что автор не затрагивал югославские темы, позволило властям ФНРЮ ограничиться двумя разоблачительными материалами в центральных СМИ, выставившими автора как «пешку» в руках империалистов – его хозяев. Судебного расследования после этого не было.

Однако уже осенью 1956 г. Джилас повторно получил срок – три года и на этот раз заключен в тюрьму. Формальным основанием для осуждения стали его интервью 29 октября одному из западных информационных агентств с осуждением позиции югославского руководства, согласившегося с подавлением революционных волнений в Венгрии

и публикация его статьи в выходящем в Нью-Йорке журнале «New Leader»⁹, в которой Джилас предрекал неизбежность новой волны революций в коммунистических странах Восточной Европы. Он утверждал, что «опыт Югославии свидетельствует о том, что национал-коммунизм не способен переступить границы коммунистического строя и провести реформы, которые постепенно преобразовали бы этот строй в свободную демократию». «Национал-коммунизм способен только, порвав с Москвой, построить по существу такой же коммунистический строй, только методами и темпами более соответствующими нуждам своего народа»¹⁰.

Особое внимание уделил Джилас событиям в Венгрии, которые, по его мнению, «выдвинули на первое место ряд новых проблем: во-первых, вопрос о возможности дальнейшего развития национал-коммунизма; а во-вторых, проблему замены коммунизма новым строем, т.е. проблему права народа, до сих пор находившегося под коммунистической властью, избрать свой собственный некоммунистический путь развития». «Венгерская революция, – указывал Джилас, – проложила новый путь, по которому раньше или позже пойдут и другие коммунистические страны. Рана, которую венгерская революция нанесла коммунизму, уже никогда не затянется. Все зло и все слабости коммунизма – и в форме советского империализма и как система угнетения – сконцентрировались на теле Венгрии и были вырезаны из него руками венгерского народа, как злокачественный гнойник». Бывший коммунистический лидер считал, что «поражение венгерской революции не будет иметь немедленного решающего влияния на дальнейшие судьбы коммунизма и всего мира. Но мировой коммунизм вступает в период бурных событий и непреодолимых трудностей, а народы Восточной Европы – в полосу новых боев за свободу и независимость»¹¹.

Такие мысли не могли, естественно, оставить равнодушными идеологов югославского режима. Обличительный пафос этой статьи не остался незамеченным. Власти обвинили Джиласа в «клевете и искажении общеизвестных фактов, нанесении вреда репутации Югославии и существенным интересам ее народов, дезинформации мировой общественности и подпитывании клеветнической кампании против Югославии, с намерением вызвать этим вмешательство из-за рубежа в ее внутренние дела и ее внешнюю политику». Было заявлено, что он совершил «уголовное преступление, предусмотренное и наказуемое в соответствии со ст. 118. Ч. 1 Уголовного закона»¹².

Летом 1957 г. югославскому режиму был нанесен еще один серьезный удар – в США вышла в свет книга М. Джиласа «Новый класс». Рукопись была подготовлена автором в 1956 г., и ее первая часть заранее переправлена за границу, над второй – он работал до самого ареста, внося изменения под влиянием происходивших в то время событий в Польше и Венгрии. Книга оказала существенное влияние на делегитимизацию югославского режима, нанеся удар по светлому образу успешного социального развития, на котором, помимо военной победы над оккупантами в 1944–1945 гг., строилось нахождение у власти в Югославии сторонников коммунистической идеи, названных автором «новым классом»¹³.

В конце июля части из книги «Новый класс» были опубликованы в американском журнале «Life». Там же вышла рецензия западного советолога Э. Кранкшоу, который назвал ее «политическим динамитом, взрывающим теоретическое обоснование коммунизма», так как автор «неопровержимо показывает, как и почему коммунизм не работает и не может работать». Кранкшоу назвал книгу «самым потрясающим антикоммунистическим

тическим документом, когда-либо написанным», и вместе с тем «пророчеством единства мира»¹⁴. Идеи, высказанные Джиласом, на долгие годы были взяты на вооружение мировой антикоммунистической пропагандой. Книга «Новый класс» была переведена на многие языки¹⁵.

В конце 1957 г. коммунистический режим продолжил борьбу с инакомыслием. Аресты проводились в тайне. Лишь 31 января 1958 г. в прессу попало сообщение ТА-НЮГ о том, что «вследствие враждебной деятельности против ФРНЮ» судом обвиняются Богдан Крекич, Драгослав Странякович, Александр Павлович и Милан Жуйович. После судебного процесса, длившегося несколько дней, 4 февраля суд вынес постановление, согласно которому Крекич и Павлович признаны виновными «в том, что совместно с Драгославом Страняковичем с намерением насильственного и антиконституционного свержения власти трудового народа в нашей стране, слома национального единства и другой враждебной деятельности против ФРНЮ, организовали в начале 1957 г. группу, которая установила связь с враждебными эмигрантскими группами за рубежом». В документах также говорилось, что в апреле 1956 г. М. Жуйович взял у Страняковича программу группы с намерением доставить ее находившейся в эмиграции в Париже одной из четнических организаций. Павлович был осужден на восемь лет, Крекич – на семь, Жуйович – на четыре года, приговор Страняковичу был отложен вследствие его болезни.

Все осужденные имели некогда связи с движением Д. Михайловича, что позволило режиму обвинить их в попытке установить связь с четнической эмиграцией. Вместе с тем наблюдатели указывали, что Павлович и Крекич были социалистами, известными и в международном движении, а Жуйович и Странякович – республиканцами. Это давало основания полагать, что режим опасается возрождения ростков этих партий в стране. В ходе судебного заседания вскрылось, что рукопись, которую осужденные собирались передать в Париж, оказалась незаконченным трактатом, в котором Крекич критиковал режим Тито как диктаторский с позиций социалистической идеологии. То обстоятельство, что в отличие от книги «Новый класс» рукопись не была опубликована, но автор получил точно такой же срок, что и Джилас, позволило адвокату осужденных заявить, что «в Югославии сегодня наказывают только за попытку мыслить»¹⁶.

Вместе с тем демократическая эмигрантская оппозиция, объединенная в начале 1950-х годов известным сербским политиком межвоенного периода Слободаном Йовановичем в Югославский народный комитет, особой угрозы для руководства Югославии не представляла. Ее деятельность в основном ограничивалась изданием в Лондоне до смерти С. Йовановича (в ноябре 1958 г.) периодического издания «Порука», представлявшего собой площадку для интеллектуальной критики коммунистического режима и обмена мнениями с другими находившимися в эмиграции югославскими политиками по поводу событий и тенденций в титовской Югославии.

Столь же ограниченным было и влияние на югославских граждан издававшегося в Париже печатного органа либерального направления «Наше теме». Некоторую озабоченность вызывал у коммунистического режима социалист Живко Топалович, выступления, статьи и книги которого имели определенное влияние на мировое социалистическое движение, затрудняя контакты Белграда с Социалистическим интернационалом и входившими в него партиями. Остальные мелкие печатные издания в Канаде, США, Австралии не выходили за рамки националистически настроенной эмиграции, бешено

ревновавшей правительства приютивших их стран к успешному развитию отношений с титовской Югославией.

Как уже упоминалось, Й. Броз Тито провозгласил тезис о том, что «всего лишь одно поколение не должно нести на своих плеча все тяготы построения социализм и не пользоваться плодами своих усилий». Эта позиция дополнительно была «разработана» на расширенном заседании Исполнительного комитета (ИК) ЦК СКЮ 28 сентября 1955 г., обсуждавшем «экономическую ситуацию». На заседании было констатировано, что существовал «высокий уровень инвестиций, который был необходим до сегодняшнего дня для подъема базовых отраслей промышленности», но «недостаточно инвестировалось в перерабатывающую промышленность и сельское хозяйство». В результате подобная структура и объем инвестиций «неблагоприятно отразились на уровне жизни трудящихся и служащих, особенно в городах и промышленных центрах». В связи с этим югославское руководство приняло решение об устранении имевшихся диспропорций для обеспечения соразмерного роста производства и потребления товаров. Гораздо больше внимания было решено уделять достижению стабильности рынка и расширению товарного обмена с границей. Предусматривалась также большая помощь экономически слабо развитым областям.

В октябре 1956 г. во время встречи с румынской делегацией югославские руководители, прежде всего сам Тито, достаточно цинично разъяснили Г. Георгиу-Деж свои действия. «Социализм идейно представляет собой одно целое, хотя методы управления разные, – заметил Тито. – В развитии социализма массам следует ежедневно давать почувствовать, что они действительно имеют перспективы более счастливого будущего, что социализм – общественная система, которая создает человеку лучшую и более счастливую жизнь. ... Нельзя людям постоянно обещать, им нужно что-то дать. Уровень жизни и улучшение материального состояния людей очень важны. Бывают ситуации, когда массы могут очень крепко затянуть пояса, так как верят, что эти усилия увенчаются результатами. Но если они это делают постоянно, если постоянно затягивают пояса, но не видят улучшений, то однажды они могут отвернуться, разочаровавшись в такой системе».

«Мы в прошлые годы, – продолжил Тито, – предпринимали значительные усилия, чтобы построить как можно больше промышленных объектов, иметь как можно больше фабрик, но недостаточно обращали внимание на то, как устроена жизнь наших людей. Когда мы увидели, что люди начали ворчать, мы сказали себе: „Стоп“. Мы прекратили все инвестиции, направлявшиеся на строительство новых объектов ... и решили, что фабрики будем строить не так интенсивно и растянем сроки строительства, но дадим людям почувствовать некоторое улучшение. Тем самым положение людей несколько улучшилось, но еще и сегодня мы не удовлетворены. Мы должны идти дальше, чтобы народ еще больше почувствовал улучшение»¹⁷.

В то же время защищая курс на демократизацию в стране, Тито пояснил, что демократия в ФНРЮ «отличается на 180 % от западной демократии». «Посредством демократизации мы достигли того, что каждый наш гражданин чувствует себя сегодня участником всего, что с нашей страной происходит, он считает, что может везде принимать участие, – указал Тито. Мы достигли этого при помощи системы самоуправления. Управление фабриками есть экономическая основа подлинной социалистической демократии. Мы создали такое положение, при котором забастовка рабочих на наших фабриках – абсурд, ибо они сами управляют фабриками ... Забота о многих общественных

вопроса сброшена с плеч центра, правительства, Центрального комитета и перенесена на рабочих. Как они будут управлять, то они и получают».

При этом Тито сослался на мнение Э. Карделя: «Народ больше не считает, что мы виноваты в различных сложностях, но считает собственной задачей их исправить». Участвовавший во встрече С. Вукманович-Темпо привел следующий пример: «В том, что нет квартир, жители Белграда критикуют не нас, но местные власти за строительство выставочного центра и других ненужныхстроек». Тито подвел черту: «Поэтому нет никаких опасностей для общественной системы в целом, а существует всего лишь локальные опасности, и это не дает возможности врагам что-либо предпринять»¹⁸.

Данный курс был продолжен. На расширенном заседании ИК ЦК СКЮ 6 ноября 1956 г. было решено обеспечить в 1957 г. увеличение личного потребления и уделить особое внимание жизненному уровню рабочих и служащих. Это увеличение было намечено достичь постоянным подъемом производительности труда. Было предусмотрено довести общее потребление в соответствии с собственными экономическими возможностями и считать развитие сельского хозяйства приоритетной задачей¹⁹.

На планирование инвестиций оказали существенное влияние и события в соседней Венгрии. В решениях заседания было зафиксировано, что «с учетом развития международной ситуации» ИК ЦК СКЮ считает, что для укрепления народной обороны следует обеспечить финансирование в основном на уровне 1956 г.»²⁰ Югославское руководство уточнило свою позицию и по вопросу западной экономической помощи, считая нужным окончательное избавление от зависимости от Запада. «Необходимо в 1957 г. и в следующие годы, – отмечалось в решении, – снижать покрытие текущего дефицита иностранными средствами, используя эти средства прежде всего для укрепления производительных сил страны, и довести общее потребление в соответствии с собственными экономическими возможностями»²¹.

Если курс на повышение жизненного уровня югославских трудящихся рассматривался на различных форумах и широко преподносился в СМИ как забота о гражданах страны со стороны СКЮ, то обсуждения реального состояния экономики проходили в самом секретном режиме. О необходимости стабилизации экономики заговорили уже в феврале 1957 г., когда на заседании Исполнительного комитета ЦК СКЮ югославское руководство забило тревогу по поводу платежного баланса страны. По итогам сообщения С. Вукмановича-Темпо и состоявшегося обсуждения было решено не принимать окончательного решения. Вместе с тем ответственность была перенесена на правительство и другие экономические органы с тем, чтобы они «разработали конкретные меры для стабилизации экономики»²².

27 июня 1957 г. на секретном (как всегда) заседании высшего партийно-государственного руководства страны Тито заявил о том, что положение с платежным балансом и в экономике в целом не улучшилось. По итогам обсуждения было решено, что Исполком ЦК СКЮ в виде выводов сформулирует общий курс развития экономики и что в республиканских комитетах на основе этих заключений будут проведены дискуссии на расширенных пленумах Исполнительных комитетов ЦК республик»²³.

Январь 1958 г. начался с обращения президента Тито с новогодним поздравлением, в котором он оптимистично заявил, что «мы входим в него с самыми большими перспективами»²⁴. Однако уже в ближайшие недели югославское общество впервые в своей послевоенной истории столкнулось с забастовками. Это произошло в словенском город-

ке Трбовле, где шахтеры прекратили работу, выдвинув требование увеличения оплаты труда и повышения цены на добываемый уголь.

Шахтерская забастовка заметно дискредитировала усилия СКЮ по пропаганде успехов системы самоуправления на производстве. Стало ясно, что противоречия между работниками и работодателями никуда не делись. Забастовка серьезно встревожила Тито, который на протяжении многих лет привык все свои действия и решения совершать со ссылкой на рабочий класс.

В развитии сельского хозяйства Югославии во второй половине 1950-х годов наблюдались определенные сдвиги. После краха политики коллективизации перед югославскими лидерами во весь рост встала проблема реализации новой политики в отношении крестьянства. Тем не менее коммунистические идеологические схемы продолжали довлеть над умами югославских лидеров, ограничивая возможности решения производственных проблем. Югославские лидеры по-прежнему считали, что самое важное – остановить возможный процесс укрепления частного сектора и социального расслоения на селе. Принятый в этих целях в 1953 г. закон о земельном максимуме в 10 га служил именно этой цели.

Подход коммунистической власти к селу был выражен в выступлении Э. Карделя в 1955 г. В нем ясно было заявлено, что гарантом предотвращения роста буржуазии на селе является сохранение в руках государства всех транспортных средств. Наряду с этим был возобновлен подход первых послевоенных лет, согласно которому главная роль в социалистическом преобразовании сельского хозяйства принадлежит общим сельскохозяйственным задругам (ОСЗ), основной функцией которых было расширение общественного сектора за счет сотрудничества с крестьянами, расширение технологических нововведений в частном секторе, оказание специальных технических услуг индивидуальным сельхозпроизводителям, покупка сельскохозяйственных товаров, залог земельных участков и т.п. Этими и другими формами следовало на добровольной основе собирать крестьян и объединять их в отдельных видах работ с общественным сектором. Таким образом ОСЗ в селах превратились в экономический и общественно-политический центр с общественными домами, библиотеками и т.д.

Реализация идеи об ОСЗ как носителе модернизации сельского хозяйства не удалась, так как занятые в задругах стремились к получению собственного дохода. Эта тенденция, но и ряд других причин, а также общее направление развития экономики Югославии в значительной мере оказали влияние на снижение числа ОСЗ с 6006 в 1955 г. до 3228 в 1961 г. и 1712 в 1966 г.²⁵

В эти условиях и с целью блокировки частного сектора главную роль в социалистическом преобразовании села и развития сельского хозяйства руководство СКЮ стало отводить большим сельскохозяйственным хозяйствам, которые должны были развиваться по системе рабочего самоуправления точно так же, как промышленные предприятия²⁶. Новой политикой СКЮ в отношении села и сельского хозяйства хотели избежать «классовой дифференциации» на селе, типичной для капитализма, а также насильственной коллективизации, типичной для Советского Союза. Такой генеральный курс остался в основном неизменным и вошел в Конституцию 1974 г. и в Закон об объединенном труде 1976 г.

Тем не менее, в конце 1950-х годов общее состояние югославского сельского хозяйства все еще было более чем слабым. Его оснащенность, энерговооруженность и иные

характеристики, включая производительность, были отсталыми в Европе и даже более отсталыми, чем в королевской Югославии²⁷.

Сохранение давления на крестьянство ясно давало понять молодому поколению деревни, что «жизни на селе для них нет». Большая часть сельской молодежи считала, что их дом только «зал ожидания для перехода в рабочие или служащие». Сложившаяся ситуация привела к началу так называемого великого переселения, в ходе которого из сельского хозяйства в несельскохозяйственные секторы экономики переходило около 220 тыс. человек ежегодно (до 1971 г. сельское хозяйство потеряло около 5,5 млн человек). Потребительская лихорадка, дошедшая и до сельской местности на рубеже 50–60-х годов XX в., так и не удержала молодежь на селе.

Все же промышленный подъем, охвативший югославскую промышленность, затронул и сельскохозяйственное производство. В период с 1957 г. оно выросла более чем на 60 % по сравнению с последним десятилетием перед войной. Особенно большой скачок был совершен в 1957–1961 гг. За это время темпы роста в общественном секторе достигали 18,58 % ежегодно, что стало результатом больших инвестиций в сельскохозяйственные госимения. Такой «бум» в сельском производстве создал в начале 1960-х годов впечатление, что Югославия окончательно решила эту проблему, столь мучительную и тяжелую во всех социалистических странах. Однако с середины 1960-х годов наступило замедление роста, сопровождавшееся в отдельные годы стагнацией и рецессией. К тому же рост предыдущий затронул далеко не все югославские регионы. Как утверждает Д. Биланджич, «хотя Югославия в начале 1960-х годов вышла на нижнюю границу среднеразвитых стран, значительные территории в Боснии и Герцеговине, Черногории, Македонии и Косове с точки зрения форм производства и повседневной жизни почти целиком жили в доиндустриальном периоде, можно сказать, как в средневековье²⁸.

Новая программа СКЮ. Происходившая в 1957 г. подготовка нового пятилетнего плана совпала с подготовкой очередного, VII съезда СКЮ. Его главным событием должно было стать принятие новой программы СКЮ. Еще при ее разработке югославскому руководству стало ясно, что неминуем новый виток полемики с Москвой и давления со стороны КПСС²⁹. В одной из установочных речей по поводу программы СКЮ Тито говорил о необходимости «обосновать политику национальной независимости не только с позиций национального интереса, но и с позиции развития и победы социализма в мировом масштабе». Югославский лидер назвал также «глупостью» обвинения СКЮ в «титоизме». «Это очень вредно. Мы – марксисты, а никакие не титоисты, – подчеркнул он³⁰.

Уже в предварительном наброске новой программы была поставлена задача найти среднюю линию между советской системой и демократией западного образца. Положения программы должны были «разбить теорию Сталина о роли партии..., рассчитаться со сталинской теорией партийности» и в то же время продолжить «критику многопартийной системы как формы демократии». Целью развития должен был стать «коммунизм без государства и партии»³¹.

Съезд открылся 22 апреля 1958 г. в Любляне. Как уже отмечалось, отношения с Москвой вновь были натянутыми, в том числе вследствие знакомства с разосланным проектом новой программы СКЮ. Однако прозвучавшая со стороны стран восточного блока критика ничуть не смутила руководство СКЮ и ФНРЮ.

Согласно принятой у коммунистов традиции, первая часть длиннейшей речи Тито на съезде была посвящена ситуации в мире и отношениям Югославии с зарубежными странами. В отличие от прошлого съезда, когда СССР представлял главную угрозу миру, Тито оценил ситуацию «столкновением диаметрально противоположных интересов главных членов антигитлеровской коалиции: западных держав и Советского Союза». Югославский руководитель особо оговорил, что «существующие противоречия были после войны обострены борьбой против коммунизма, которую сегодня ведут весьма мощные реакционные круги ведущих мировых стран. Из коммунизма создается пугало, которое должно напугать не только собственные, но и другие народы, а коммунистическими называются не только все передовые движения, но и народы, которые стремятся к независимости»³².

На этот раз Тито уделил также особое внимание событиям в странах третьего мира, прежде всего среди афро-азиатских государств и отношениям ФНРЮ с неприсоединившимися государствами. Столь серьезное внимание этой проблеме было призвано отразить то значение, которое придавали в Белграде движению неприсоединения, а также усилиям югославского лидера стать в международных делах деятелем с мировым авторитетом.

Говоря об отношениях с социалистическим блоком, Тито, казалось, игнорировал возобновленную с ноября 1957 г. полемику с Москвой в связи с проектом программы СКЮ. Он вновь подтвердил, что отношения с СССР и другими социалистическими государствами должны развиваться на принципах, заложенных в Белградской декларации. При этом Тито не упомянул о Московской декларации 1956 г., где говорилось и о принципах отношений между коммунистическими партиями двух стран.

Главным пунктом повестки дня съезда стало принятие новой партийной программы. Огромный документ, распространявшийся среди делегатов съезда, насчитывал свыше 230 машинописных страниц и готовился не один год. В нем нашли отражение основные подходы югославского руководства от «социально-экономических и политических отношений в современном мире» и исторического значения национально-освободительной борьбы в Югославии до принципов югославской общественной системы и роли СКЮ и остальных социально-политических организаций страны.

Программа СКЮ и доклад, которым Кардель ее представил, определяли партию и ее роль в основном в тех же терминах, что и на VI съезде. В документах были даже осторожные упоминания о возможном отмирании партии, которое будет «происходить параллельно с объективным процессом устранения социальных антагонизмов». Вслед за этим Кардель заявил, что «в настоящий период коммунисты ... должны иметь непосредственное влияние на определенные ключевые позиции во власти, от которых зависит стабильность политического порядка и которые обеспечивают даже более свободное развитие социализма».

Программа повторила традиционные югославские концепции об «отмирании государства», которое якобы началось в Югославии со времени создания рабочих советов в 1950 г. «В сфере экономических отношений, – отмечалось в ней, – этот процесс одновременно означает процесс преодоления остатков государственного капитализма». Социализм может быть достигнут, когда «все общественное сообщество станет сообществом производителей». Советские отклонения от этих принципов были подвергнуты критике, но в то же время осторожно упомянуты и улучшения, произошедшие после смерти Сталина в социалистическом лагере.

Программа обратила внимание и на национальный вопрос. После повторения известных тезисов о «равенстве и праве на самоопределение всех югославских народов», она добавила новое, а именно то, что будущее национальных отношений лежит в развитии социалистических отношений и «социалистического, югославского сознания». Таким образом, социалистическое сознание стоит выше отдельного этнического сознания и приводит в конечном итоге к «югославскому сознанию». Хотя об этом и говорилось очень осторожно, с элементами специфики и без какого-либо стремления к созданию «югославской нации». Концепция «югославского сознания», «югославской культуры» неизбежно вела к появлению новых более специфических вопросов, к примеру, о языках, на которых должна писаться «югославская литература».

И все же программа и съезд СКЮ не внесли существенных изменений в партийную и политическую жизнь страны. Не был изменен и состав нового Исполкома, который был избран новым ЦК, состоявшим из 135 человек. К членам ИК ЦК СКЮ был добавлен только один новый член – Велько Влахович. С этого времени Исполком состоял из четырех сербов, четырех хорватов (в том числе и Броз Тито), трех словенцев, трех черногорцев и одного македонца. Тито был переизбран на пост генерального секретаря (продолжая совмещать большинство высших постов), а Кардель и Ранкович – избраны секретарями ЦК. При этом Ранкович должен был заняться «организационно-политической работой», что означало также и контроль над управлением государственной безопасностью (УДБ). Поэтому дилемма о том, кто является вторым лицом в югославской партии и государстве, а возможно, и наследником Тито, сохранялась. Съезд вернул к жизни идеи, которые были рождены в стране в начале десятилетия. Вместе с тем сохранились и авторитарные тенденции, проявившиеся в 1953–1954 гг.

В конце 1950-х годов СКЮ вновь обратила свой взор на национальный вопрос и проблему устройства государства. Робкие попытки начала 1950-х годов воплотить в жизнь марксистскую идею о том, что «рабочие не имеют отечества», выраженная в создании в Скупщине СФРЮ веча производителей параллельно с понижением роли веча народов, были пресечены уже дополнениями к Конституционному закону 1953 г., произведенными в 1954 г.

Кардель писал в те годы, что бюрократический централизм способствует утверждению «старого шовинистического интегрального югославизма как тенденции отрицания существующих югославских народов». Появление этого пресловутого бюрократического централизма он по старому коммунистическому рецепту связывал с остатками «старого великосербского национализма», который в условиях великодержавной гегемонии получит якобы «югославскую форму»³³. Одновременно югославские коммунисты догматически утверждали, что национальный вопрос решен и национальное равноправие в Югославии обеспечено.

Таким образом, на рубеже 50-х и 60-х годов XX в. «бюрократизм» и «великодержавный гегемонизм» были провозглашены самой большой опасностью. Подобные партийные подходы создавали иллюзию, что «правлящие силы» окончательно принимают антидогматическую программу, поворачиваются лицом к Европе, начинают уважать экономические закономерности, отказываются от кадрового и институционального сращивания государства и партии, партийной диктатуры, бюрократического господства, начинают процесс демократизации общества, его модернизацию. Время показало, что это не так: партия по-прежнему безраздельно доминировала в

политике, а государство – в экономике. Достаточно сказать, что в тот период 3/4 всех инвестиций были государственными.

Оживление национализма. Введение зачатков рыночных механизмов в ходе реформистского поворота конца 1940-х годов с неизбежностью выразилось всплеском неконтролируемых процессов, причем не только в экономике. Усилились, в частности, и скрытые националистические тенденции. Власти пытались взять эти процессы под контроль. Признаком этого стало решение политбюро ЦК СКЮ об «усилении авторитета Веча народов путем направления туда членов политбюро и ряда других выдающихся личностей»³⁴.

На уровне обыденного сознания национальные чувства населения страны наиболее ярко проявлялись в ходе спортивных соревнований. В начале декабря 1951 г. после победы в футбольном матче загребского «Динамо» над белградской «Црвеной звездой» произошли «шовинистские» демонстрации с обеих сторон. Наблюдатели этих событий отмечали: «В Белграде столь яростна ненависть к хорватами, а в Загребе – к сербам словно оба народа находятся в начале войны, или в начале государственных беспорядков и так бы стреляли, резали или мучили друг друга как никогда в истории ... Мы все спим на вулкане, который легко, от самого небольшого потрясения начнет извергаться»³⁵. Лидер хорватских коммунистов В. Бакарич в одном интервью для печати откровенно признал, что «среди нас присутствует в сильной мере хорватско-сербская антипатия»³⁶.

В ходе обсуждения на пленуме ЦК КПЮ в 1952 г. доклада М. Пияде, рассказавшего о предлагаемых конституционных изменениях (реальным инициатором и разработчиком всей концепции был Э. Кардель), уже сам Тито говорил о национальном вопросе без принятого до этого пиетета: «Я верю, что вы много размышляли о том, какой прогресс создало у нас решение национального вопроса. Но разве мы ликвидировали все негативные национальные элементы, которые существовали? Нет. А верхи власти, самые высшие форумы, считают по-другому... Я за децентрализацию, но эта децентрализация должна иметь свою цель, не ради формы, а ради подлинных потребностей»³⁷.

В полной мере дискуссии и опасения проявились на том же пленуме при введении понятия палаты «Вече производителей». Именно тогда Б. Кидрич подчеркнул, что хотя она и выбирается демократическим способом, но означает реализацию понятия диктатуры пролетариата, как это понимал К. Маркс, т.е. как «обеспечение руководящей роли рабочего класса в распоряжении излишками труда». Однако Кидрич видел опасность в том, что вместо «диктатуры пролетариата» могла получиться «диктатура развитых республик», поскольку «большинство будут представлять словенские и хорватские рабочие, так как их общественной брутто-продукт самый большой»³⁸.

Впрочем, говоря о проблемах на закрытых собраниях, югославское руководство стремилось в публичных выступлениях придерживаться прежнего тезиса о решении национального вопроса еще в ходе социалистической революции, а возникавшие в этой сфере проблемы объясняли пережитками прошлого. Так, в интервью газете «Политика» 24 мая 1957 г. Тито сказал, что «было бы преувеличением говорить о каких-то значительных проявлениях шовинизма и национальной нетерпимости у нас, ибо этого нет. Имеются лишь отдельные случаи, которые вызываются теми, кто некогда разжигал

междоусобную братоубийственную войну между хорватами, сербами, словенцами, македонцами и другими нашими народами. В этом повинны и другие элементы, которых мы не перевоспитали и которые никогда не перевоспитаются. По наущениям со стороны эти люди довольно искусно пытаются вызвать раздор, посеять сомнения в святая святых того великого завоевания, которого мы добились в этой войне, в единстве народов Югославии в их едином социалистическом содружестве»³⁹. Результаты политики в национальном вопросе Тито пытался представить как успех, указывая на сближение, которое «идет по всем линиям. Оно особенно заметно и в рядах рабочего класса. Наши трудовые коллективы больше не ограничивают свой взгляд на вещи национальными рамками, а смотрят на них через призму общих интересов нашего общественного содружества»⁴⁰.

Подобные высказывания противоречили тому, что происходило на самом деле. В январе 1957 г. один из чехословацких дипломатов, побывавших в то время в «северных» республиках ФНРЮ, делился своими впечатлениями с советскими коллегами: «В Хорватии, особенно Словении, имеются определенные националистические настроения. Мы встречались с такими высказываниями, что скоро в Югославии останется только сербская и черногорская национальности. У людей, которые высказывают такие мысли, чувствовалась некоторая обида в связи с тем, что политику в Югославии направляют руководители – выходцы из Сербии и Черногории»⁴¹.

Известный сербский писатель и политический деятель Добрица Чосич, принимавший участие в работе комиссии, разрабатывавшей программу СКЮ, в 1958 г. записал в своем дневнике: «в Словении до критических, до очень критических размеров развит сепаратизм. Все подряд выражают презрение к ФНРЮ, Сербии, всем нациям... Это шовинизм огромных размеров. Они презирают сербский язык, убеждены, что имеют самую богатую культуру, ощущают себя под угрозой, обворованными и обманутыми. Так думают все – от официанта до Бориса Крайгера, от горничной до Йосипа Видмара»⁴².

Постоянное повторение тезиса о решении национальных проблем мало способствовало их реальному рассмотрению. Между тем, в середине 1950-х годов большинство проблем внутреннего развития начало рассматриваться как отношения между республиками и их экономическими и политическими элитами. Любой, даже самый незначительный хозяйственный вопрос решался под этим углом зрения. Примером могут служить дискуссии по распределению среди республик импортных сельскохозяйственных машин и искусственных удобрений, происходивших на заседаниях Сообщества деловых союзов по делам механизации и химизации сельского хозяйства, с протестами, лишением слова, отказами подчиниться, угрозами покинуть заседание и т.п.⁴³

Самую серьезную основу для конфликтов составляли механизмы сбора налогов и распределения инвестиций между республиками. Наиболее ярко это было видно на примере Сербии и Словении. Сербия, национальный доход которой в 1952 г. составлял 314,7 млрд. динаров, оставила для использования на собственные нужды 162,2 млрд. и передала в федеральный бюджет 152,2 млрд. Словения, численность населения которой была много меньшей Сербии, имея в 1952 г. национальный доход в размере 139,4 млрд. динаров, смогла оставить себе только 42,3 млрд. и передала в федеральный бюджет 97,1 млрд. В следующем 1953 г. Сербия внесла в национальный бюджет 86 % той части своего национального дохода, которую она могла удержать на собственные нужды; Словения же должна была внести – 214 %. В последующие годы эти пропорции не изменились. В

1957 г. Сербия удержала 36,6 % общей суммы налога с оборота, передаваемого в федеральный бюджет и представлявшего собой один из важнейших источников налоговых поступлений в Югославии, тогда как Словения – всего лишь 1,2 %. Наглядным образом можно показать эти различия на примере югославского бюджета за 1958 г. В том году он равнялся приблизительно 335 млрд. динаров. Словении, население которой составляло лишь 8,6 % страны, пришлось внести 125 млрд. динаров, или 37,2 % национально бюджета. Эти 125 млрд. динаров составили 45,6 % общей суммы национального дохода Словении. В то же время в 1956–1958 гг. Словении было выделено всего лишь 1 % планового импорта средств производства; остальные 99 % пошли в другие республики⁴⁴.

Таким образом словенцы несли на себе самое большое бремя. Такие перекосы породили, с одной стороны, потребительские настроения «южных» республик и территорий, включая даже Далмацию, а с другой – компенсацию «северным» республикам поставками дешевых источников сырья с юга⁴⁵. Это окончательно запутывало существовавшую экономическую картину.

Во второй половине 1950-х годов коммунистическая элита начала всерьез задумываться над межнациональными отношениями. В 1957 г. лидер словенских коммунистов и второе лицо в партийно-государственной элите ФНРЮ Э. Кардель вернулся к своим предвоенным размышлениям о национальных проблемах и опубликовал работу «Развитие словенского национального вопроса». В написанном специально для нового издания введении Кардель останавливался на особенностях бюрократического централизма, который, по его словам, способствует «утверждению старого шовинистического «интегрального югославизма» как тенденции отрицания существующих югославских народов» и подрывает «истинные братские отношения между самостоятельными народами Югославии». Кардель, по существу, вернулся к довоенным установкам Коминтерна по поводу «великосербского национализма», который в условиях великодержавной гегемонии получает «обманчивую югославскую форму»⁴⁶.

На состоявшемся 6 февраля 1958 г. расширенном заседании Исполнительного комитета ЦК СКЮ, где присутствовали главы республиканских партийных организаций и правительств, национальный вопрос был поднят Тито. «Местные интересы начали приобретать весьма беспокоящие размеры, – указал он. – Наши товарищи внизу, в республиках, и ниже – в срезях, очень легко попадают под влияние психоза, который создают самые негативные элементы в нашей общественной системе. Разные разговоры, преувеличения и враждебные лозунги, которые вбрасываются, не служат нашим руководителям внизу импульсом для мобилизации всех сил в партии и профсоюзах с тем, чтобы этому противостоять, встать против этого, но наоборот создают базу для возможного удара по союзному руководству».

Тито подчеркнул, что «эти местные интересы постепенно превращаются сегодня в шовинизм». «Не смейте закрывать глаза на действительность, – сказал он, – и думать, что шовинизма не существует. Он существует. И сегодня нередко в республиках высказываются против Белграда, как против некоего великосербского центра, хотя мы здесь находимся из всех республик. В Белграде сидят коммунисты, которые начали создавать движение и которые боролись против шовинизма и централизма; а сейчас все внезапно занялись поиском ошибок и перебрасыванием ответственности на Белград, как на центр. Я считаю, что вы, товарищи, которые руководите в республиках, должны немного больше думать об этих вещах и немного больше задуматься – к каким последствиям это может привести».

В развернувшейся после этого дискуссии Й. Веселинов требовал, чтобы государственную политику утверждал ЦК СКЮ, а республики и их руководства несли ответственность за ее реализацию. В. Бакарич требовал возвращения к прежним методам. А. Ранкович отметил негативные последствия демократизации. П. Стамболич обратил внимание, что в республиканских политических верхушках обсуждают «сколько, кто получил, где, что в какой республике построено и кто быстрее развивается», и требовал изменения такого поведения. С. Вукманович-Темпо, указывая на разногласия в экономическом руководстве и в правительстве, а также на разногласия между республиками, подчеркнул, что «невозможно поставить хотя бы один вопрос или предпринять что-либо в экономике, чтобы не затронуть национальную проблему». Л. Колишевский предостерег относительно антиюгославских настроений и различных видов шовинизма, один из которых – «местный патриотизм», который перерастает в шовинизм. «Этот вид шовинизма мы чувствуем в хозяйственном аппарате, в хозяйственных органах, в отношениях между предприятиями, палатами и т.д., и он нам создает множество сложностей»⁴⁷.

Это были первые признаки обострения национального вопроса внутри югославского руководства, которые стали нарастать, как снежный ком, в следующие десятилетия. Пока же, к концу 1950-х годов проблемы были решены достаточно успешно. Уже в 1960 г. был получен национальный доход, который согласно составленному пятилетнему плану на 1957–1961 гг. был предусмотрен только в 1961 г. Вместо планировавшегося годового темпа роста в 9 % он составил почти 12 %. В соответствии с данной динамикой происходил более высокий рост личного потребления, который превысил 10 % в год. Уже в 1960 г. часть затрат на питание в общей структуре потребления снизилась с 48,5 % до 43 %. Число легковых автомобилей в собственности граждан возросло почти в три раза, холодильников – в восемь раз и т.п. В сфере строительства жилого фонда была реализована программа, рассчитанная почти на 200 000 квартир⁴⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999. S. 383.

2 Борба. 1958. 2 II. Выступление М. Тодоровича на заседании правового комитета Союзной индустриальной палаты – председатель Комитета по экономике СИБ.

3 *Димић Љ.* Историја српске државности. Нови Сад, 2001. Књига III. Србија у Југославији. С. 364.

4 *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. S. 387.

5 Там же.

6 Там же.

7 Впрочем, в Москве имелись сведения о том, что после «дела» Джиласа в окружную тюрьму Белграда было доставлено много арестованных (см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 239. Л. 15).

8 Цит. по: Политика. 1954. 30 XII.

9 Статья была переведена на русский и опубликована в выходившем в Нью-Йорке (США) журнале «Социалистический вестник». 1956. № 12 (700) Декабрь. С. 231–234.

10 Там же. С. 231.

11 Там же. С. 234.

12 *Dilas M.* Tamnica i ideja. Beograd, 1989. S. 148.

13 Djilas denounces Communism. Smuggled book brands «New Class». 1957. // The Times (London). 1957. 27 VI. P. 6; Đilas o komunističkom sistemu // Poruka. London. Br. 45. Septembar. S. 6–9; O Đilasovoj knizi // Poruka (London). 1957. Br. 46. Novembar. S. 3–5.

14 Несколько позже эта статья Э. Кранкшоу была перепечатана как вкладка в английский вариант книги «Новый класс». См. Ву way of introduction. P. 1.8.

15 Переводы книги «Новый класс» на русском были опубликованы в 1958 г. в Нью-Йорке и Мюнхене.

16 Beogradsko sudjenje socijalistima // Poruka (London). 1958. Br. 48. Mart. S. 3–6.

17 AMIJ. KPR I-3-a. Brioni, 27 X. 1956. Jugoslovensko-Rumunski razgovori na Brionima.

18 Там же.

19 Подробнее см: Archiv Jugoslavije (далее AJ). F. 507. III/67 Zaključci proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ od 6 novembra 1956; Stenografske beleške proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ, održane 6 novembra 1956 u Ljubljani.

20 Там же.

21 Там же. С. 127.

22 AJ. F. 507. CK SKJ. III/69. Zapisnik sednice Izvršnog komiteta Centralnog komiteta SKJ od 27 II. 1957. Обсуждению состояния платежного баланса ФНРЮ было посвящено заседание ИК ЦК СКЮ в феврале 1957 г., в том числе в выступлении С. Вукмановича-Темпо.

23 AJ. F. 507. III/71. Beograd. 28 juna 1957. Zapisnik sa Proširene sednice Izvršnog komiteta Centralnog komiteta SKJ održane 27 juna 1957 godine u Beogradu.

24 Борба. 1958. 1, 2 и 3. I. С. 1 Новогодишна порука претседника Тита.

25 См.: *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. S. 388.

26 Цит по: *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. S. 389.

27 Там же. S. 389.

28 Там же. S. 390.

29 *Босић Д.* Пишчеви записи. (1951–1968) Београд, 2000. С. 118–123.

30 Там же. С. 120.

31 Там же. С. 121.

32 *Тито Броз Ј.* Говори и чланци. Загреб, 1960. Књига XIII. С. 173–174.

33 *Димић Љ.* Историја српске државности. Књига III. С. 365; *Кардељ Е.* Развој словеначког националног питања, Београд, 1973. с XXXVII.

34 AJ. F. 507. III/47. Zapisnik sednice Politbiroa Centralnog komiteta komunističke partije Jugoslavije, od 26.I.1950.

35 *Кочбек Е.* Dnevnik 1951–1952. Zagreb, 1986 S. 247. Цит. по *Pirjevec J.* Jugoslavija. Nastanek, razvoj ter raspad Kradjordjevićeve in Titove Jugoslavije. Koper, 1995. S. 241.

36 *Pirjevec J.* Указ. соч. S. 241.

37 Sednice Centralnog komiteta 1948–1952. S. 668–669.

38 Там же. С. 677–678.

39 *Броз Тито Ђ.* Избранные статьи и речи. М., 1987. С. 589.

40 *Броз Тито Ј.* Говори и чланци. Загреб, 1959. Т. 11. С. 332–335.

41 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 484 Л. 117 Советник Посольства СССР в ФНРЮ В. Брыкин. Запись беседы с советником Чехословацкого посольства в ФНРЮ Томеком. 30 января 1957 г.

42 *Босић Д.* Пишчеви записи (1951–1968). Београд, 2000. С. 472

43 См., например, отрывок из записи дискуссии на заседании данного союза. *Selinić Sl.* Suprotstavljeni interesi Jugoslovenskih republika oko uvoza i podele poljoprivrednih mašina

i sredstava 1957–1958 // Tokovi istorije. (Institut za noviju istoriju Srbije). Beograd, 2006. Br. 3. S. 171 сноска 15.

44 *Rusinov D.* Op. cit. P. 95.

45 *Pirjevec J.* Указ. соч. S. 241.

46 *Kardelj E.*, Razvoj slovenačkog nacionalnog pitanja. Beograd, 1973. S. XXXVII.

47 Там же. С. 92.

48 *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. S. 388

ГЛАВА 7

ЮГОСЛАВСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ В 1960-Е ГОДЫ.

БОРЬБА ДВУХ ТЕНДЕНЦИЙ

Централизация или дезинтеграция. 1950-е годы принесли народам Югославии не только некоторую стабильность, но и надежду на перемены к лучшему в экономике, социальной сфере, на бесконфликтную внешнюю политику. Новая концепция рабочего самоуправления постепенно распространялась на разные отрасли экономики – железнодорожный и городской транспорт, предприятия связи, коммунальную сферу. Рабочие советы образовывали не только на предприятиях, но и в социальной сфере, в просвещении, научных учреждениях. Попытка реорганизации государственного аппарата создавала иллюзию демократизации, борьбы с бюрократизмом, расширения прав коллективов трудящихся и республик.

Как пишет сербский историк Л. Перович, рыночные элементы в экономике, открытость миру, ввоз новых технологий, развитие туризма, возможность работы за рубежом, свобода передвижения, попытка демократизации партии, – все это создавало ощущение перемен¹.

Однако уже начало 1960-х годов выявило ряд серьезных трудностей. Экономическая реформа 1961 г., на которой настаивали Э. Кардель, М. Попович, С. Вукманович-Темпо, должна была решить ключевой вопрос распределения общественного дохода между хозяйствующими субъектами и государством. Рабочие коллективы использовали новые возможности и распределяли накопления в пользу заработной платы. В результате в стране наблюдался более высокий рост доходов рабочих по сравнению с производительностью труда. Критики системы самоуправления говорили, что страна идет к анархии и дезинтеграции общества.

Уже в первые годы шестого десятилетия XX в. стало очевидным, что экономическое развитие неблагоприятно, а некоторые даже характеризовали 1961–1962 гг. как время застоя². В самом конце 1959 г. в ЦК СКЮ подсчитали, что за три последних года слабо развитым регионам (Македония, Черногория, Косово-Метохийская область) государством было перечислено 82,8 млрд. динаров из Общего инвестиционного фонда и еще 100,4 млрд. динаров из других государственных фондов³.

Трудности проявлялись не только в экономике. Любые реформы в условиях однопартийной системы сдерживались жесткой партийной структурой, в которой все вопросы решало очень ограниченное число лиц. Лидер македонских коммунистов Крсте Црвенковски вспоминал, что в 1962 г. они критиковали работу ЦК, так как его Исполком не собирался уже 38 месяцев, а многие вопросы решали «тройки» или «двойки», состоявшие из приближенных к Й. Броз Тито людей⁴.

Страна ждала изменений в экономике, политической системе, партии. Но будущее Югославии виделось по-разному. Сербия стремилась сохранить Югославию относительно централизованной. Словения и Хорватия выступали за большую самостоятель-

ность республик как в экономической, так и во всех других сферах. Руководство страны колебалось. Й. Броз Тито всегда говорил о необходимости реформ, но боялся, что они затронут устои его власти и могут поколебать основы федерации. Поэтому в первой половине 1960-х годов он поддерживал и укреплял центральный аппарат.

В высшем руководстве страны и партии фактическим представителем Сербии был руководитель службы государственной безопасности А. Ранкович, а Словении – член узкого руководства партии Э. Кардель. Именно тогда начало проявляться противостояние двух идей, которые они олицетворяли, – прочной федерации с сильной центральной властью и мягкой федерации с сильными самостоятельными республиками. Хотя в Сербии практически не было тех, кто бы не поддерживал структурные реформы, словенские политики говорили о преобладании сербского унитаризма, противопоставляя его идеям самоуправления.

В начале 1960-х годов стали формироваться два взгляда на будущее страны. Одни отстаивали интегральное югославянство, другие хотели видеть свои республики сначала экономически более самостоятельными, затем экономически и политически самостоятельными, а через это – независимыми. И тогда же началось идеологическое противостояние между этими двумя тенденциями дальнейшего развития федерации. Им давались разные определения: югославянство и сепаратизм, или централизм и национализм. Явным лидером последних была Словения, первых – Сербия. Так, по словам Э. Карделя, уже в 1961–1962 гг. столкнулись догматические унитаристско-централистские силы с самоуправленческими. «Я думал, что мы уже проиграли историческую битву, что мы – свидетели поражения самоуправления. Тогда Тито встал на сторону Ранковича», – вспоминал он⁵. Известный сербский писатель и активный участник тех событий Д. Чосич, пишет о «тайной, кабинетной, кулуарной идеологической борьбе между националистами, сепаратистами и югославянскими федералистами-централистами, которая началась одновременно с формированием нового государства»⁶. Для многих, выступавших за упрочение федерации, этот процесс связывался, прежде всего, с укреплением идеи югославизма.

Позиция словенцев впервые проявилась при голосовании в Союзной скупщине в декабре 1961 г. по поводу плана экономического развития на следующий год. Трое депутатов-словенцев в Вече производителей при голосовании воздержались, а в Союзном вече один голосовал против, что было совершенно несвойственно для коммунистической Югославии. Это произвело большое впечатление на политические круги страны. А. Ранкович был уверен, что об этой акции посланники предварительно договорились с Любляной.

В первой половине 1960-х годов в словенских журналах появились статьи об острых общественных и конституционных вопросах, национальных разногласиях, словенской культурной политике и национальной экономике. Уже в это время обсуждалась проблема равноправного употребления словенского языка. Тито в декабре 1962 г. негативно отреагировал на «оппозицию в культуре», следствием чего стало закрытие словенского журнала «Перспективы» из-за предоставления места для «несоциалистической» полемики⁷.

Тенденции, усиливавшие республиканскую самостоятельность, проявились при разработке Конституции (1963) и материалов VIII съезда СКЮ (1964). Творцы Конституции исходили из того, что государство должно отмирать, поэтому надо отойти от монополии государства. Но особое внимание следует обратить на разработку теории само-

управления, которая, воплотившись в жизнь, стала тем зыбким фундаментом, который и подточил, разрушил здание федерации через несколько десятилетий.

Документы показывают, что этап подготовки Конституции выявил непонимание коммунистами языка самоуправленческой теории, которую разрабатывал Э. Кардель. В одном из материалов ЦК СКЮ отмечалось, что часть интеллигенции не понимает происходящего в обществе: «они еще не знают, что такое рабочее самоуправление и предприятие»⁸. Не все было понятно даже руководству. Й. Броз Тито говорил, что есть еще много неясностей, в которых следует разобраться. Особенно смущали появившиеся в проекте Конституции новые понятия – «общественное содружество», «освобожденный труд», «инструмент общественного самоуправления».

Из материала, подготовленного для членов Комиссии по подготовке новой Конституции, видно, что под прикрытием усложненной терминологии стояли вполне конкретные цели, выраженные в тезисе Э. Карделя о самостоятельности республик: «Нельзя забывать о том, что Югославия – федерация и что центральные общественные функции делятся между республиками и федерацией». И дальше государству предлагалось не вмешиваться в дела республик, чтобы избежать «деформации», а республикам и народам – перейти к добровольному сотрудничеству «по всем тем вопросам, где существует взаимный интерес»⁹. Фактически при реализации конституционной реформы Э. Кардель проводил в жизнь свою идею большей самостоятельности республик, ловко играя с текстом, терминами и понятиями, смысл которых далеко не всем был понятен.

Тенденции усиления самостоятельности республик многие не замечали. Среди тех, кто их осознал, был А. Ранкович. При работе над текстом Конституции при поддержке сербских кадров, которые верили в самоуправленческий социализм югославского характера, отстаивал идею прочной федерации с сильной центральной властью, самоуправленческого социализма с югославским лицом. Его первое концептуальное столкновение с Э. Карделем произошло, как вспоминал сам А. Ранкович, как раз при подготовке Конституции 1963 г. Разрешить этот спор мог только один человек. Й. Броз Тито сразу занял сторону А. Ранковича, который предложил обсудить спор на пленуме. А. Ранкович вспоминал: «Тогда Тито не был за конфедерацию... Кардель был словенским националистом и конфедералистом. Югославия ему была необходима, чтобы помочь осуществить словенские национальные цели. Тито это хорошо знал»¹⁰. Й. Броз Тито говорил А. Ранковичу еще в 1962 г. по возвращении из Москвы: «Я с Карделем больше не могу работать. Дезавуирует меня на каждом шагу. Со мной ни о чем не советуется... Давай созовем пленум ЦК. Из партии вон, или он, или я. Я сделаю доклад»¹¹. Но тогда А. Ранкович стал защищать Э. Карделя, стремясь сохранить единство партии.

Позже Э. Кардель высказался о своих взглядах на югославскую федерацию: Югославия – продукт эпохи империализма, проект великих держав, а не осуществление вековых стремлений ее народов, поэтому она не может быть долговечной; тезис КПЮ 1920–1930-х годов о том, что Югославия – искусственное образование, был точным и оправданным, отступление от этого тезиса в середине 1930-х годов связано с опасностью нацизма и решением Коминтерна; расклад международных сил во Второй мировой войне не давал нам другого решения; сейчас мы находимся в фазе создания конфедерации, мы попробуем сохранить Югославию на таких принципах, а если не получится, то распрощаемся с идеей Югославии, но для этого нужны большие изменения в мире¹².

Первыми, пожалуй, остро ощутили появившиеся разногласия писатели, деятели науки и искусства. В конце 1961 – начале 1962 г. Д. Чосич впервые открыто полемизировал

по национальному вопросу со словенцем Душаном Пирьевцем. Д. Чосич видел опасность националистических деформаций в республиках, говорил о социалистических общественных отношениях, интернационализме и югославянстве, видя в последнем свободный процесс сближения и объединения народов. Югославизм у него включал в себя «последовательный федерализм», вовсе не отрицавший национальной самостоятельности. Д. Пирьевец парировал, что при интеграции народы не должны терять свою индивидуальность, малые не должны раствориться в больших. В культуре не должно быть никаких югославских критериев, поэтому он выступает за национальное в культуре¹³. Чосича в начале дискуссии поддерживали Й. Броз Тито, А. Ранкович и руководство Сербии. Позже его обвинили в том, что своей позицией он «нанес огромный ущерб партии»¹⁴.

В январе 1962 г. состоялось заседание ИК ЦК СК Словении, где было выражено мнение, что полемика Чосич – Пирьевец отражает значительную степень свободы и открытости в обществе. Коммунистов проинформировали, что в обществе идут дискуссии о создании новой нации, нового народа – югославы, о существовании новой югославской культуры, и Д. Чосич защищает югославянство. На заседании отмечалось также, что Словении трудно привести примеры проявления национализма и шовинизма в республике, они есть только среди «несловенской среды», например, среди студентов Люблянского университета из других республик, численность которых составляет 16 % (требовали снисхождения из-за незнания языка, выражали недовольство отказом в приеме документов, если в других республиках такие факультеты есть, и др.). Однако значимее для собравшихся был вопрос разработки объективных критериев распределения национального дохода и инвестиционных фондов. В целом источник национальной нетерпимости словенцы предлагали искать в кредитной и экспортной политике и политике распределения сырья¹⁵.

Столкновение двух концепций проявилось на закрытом расширенном заседании ИК ЦК СКЮ 14–16 марта 1962 г. Й. Броз Тито начал заседание с констатации, что в стране – экономический и политический кризис, а также кризис Союза коммунистов, причины которого носят субъективный характер, кроются в ошибках ответственных людей и руководящих органов, разных уклонах, в отсутствии дисциплины. Коммунисты позволяют себе абсурдные заявления, дискуссии, которые скорее говорят о разобщенности, чем о демократии. Тито видел в этом влияние «мелкобуржуазной стихии», националистических и шовинистических кругов, преобладание частных интересов над общими.

Заседание длилось три дня. Для Тито это были трудные дни выбора. Он всех выслушал, сказал, что дискуссия выявила разные точки зрения и разные «концептики» развития. Упомянув выступление А. Ранковича, он подчеркнул, что «мы – за югославянство и должны на этом стоять». Тем самым Тито, казалось бы, сделал выбор, и он оказался не в пользу Э. Карделя: «Мы не позволим, чтобы национальный вопрос деформировался в одном негативном направлении, в направлении дезинтеграции нашего социалистического содружества. Так как это две вещи: децентрализация – это одно, а дезинтеграция – это разрушение социалистического содружества»¹⁶. Э. Карделя остро критиковали, и считалось, что его политическая карьера будет скоро завершена. Любопытно, что, согласно архивным документам, на всех заседаниях ИК ЦК СКЮ в 1961 и 1962 гг. в списке присутствующих порядок записи таков: Й. Броз Тито, Э. Кардель, А. Ранкович. А вот в феврале 1963 г. порядок изменился – Й. Броз Тито, А. Ранкович, Э. Кардель.

Почти во всех республиках поддержали решение заседания и линию Й. Броз Тито, направленную на укрепление единства страны. А. Ранкович сообщил о противоположной позиции ИК ЦК СК Словении, что косвенно ударяло и по Э. Карделю. А. Ранкович назвал эту позицию «молчаливым несогласием». По его оценке, все проблемы словенцы сводили к материальным взаимоотношениям республики и центра. Сами словенские коммунисты были не согласны с такой оценкой их партийных решений. М. Маринко подчеркнул, что «в Словении нигде нет дезинтеграционных тенденций, даже те, кто вне партии, твердо стоят на позициях югославского содружества»¹⁷.

Как пишут словенские историки, именно Э. Карделя тогда обвинили в кризисе в Югославии. Он впал в немилость и был отправлен в долгосрочный отпуск. Э. Кардель думал даже вернуться в Словению и заняться преподаванием марксизма в университете. Однако уже через два месяца он, по требованию словенского руководства, был возвращен в команду тех, кто работал над конституцией. Э. Кардель пошел на формальное согласование федеративной и самоуправленческой концепций, однако, как показывают документы, остался верен своим идеям.

Д. Чосич записал 1 апреля 1962 г. в дневнике слова Э. Карделя: «Югославянство, за которое ты выступаешь, неприемлемо для словенцев. У них тяжелый исторический опыт с любым югославянством... Для Словении Югославия приемлема только как политическая концепция. Ты читал Цанкара. Помнишь, что он говорит? Совсем точно, что мы, словенцы, ближе ко всем европейским культурам, чем к сербам, ближе к Вене и Парижу, чем к Белграду. Ближе к любой европейской культуре, чем к сербской и хорватской. Здесь не должно быть иллюзий о нашем единстве. А что касается интеграции, не существует и невозможна никакая югославская интеграция как отдельный вид и система интеграции. Югославская интеграция – только часть общей, мировой интеграции... Знают ли больше, чем трое интеллектуалов в Белграде словенский язык? Тогда что вы хотите? В чем тут югославские критерии? Существуют общечеловеческие критерии, не существует никаких отдельных югославских критериев в культуре. Вы, сербы, когда говорите о югославянстве, всегда думаете о своем государстве, в котором вы – ведущая нация»¹⁸. Из сказанного Э. Карделем Д. Чосич сделал вывод, что его концепция самоуправления – это концепция децентрализации Югославии, теоретическое осуществление национальной концепции создания словенского государства. «Он нас толкает к конфедерализму... он использовал свое положение, авторитет и способности, чтобы „мирным путем“, эволюцией осуществить исторические цели своего словенского народа»¹⁹.

Принятая в 1963 г. Конституция была достаточно противоречивым законом: с одной стороны, поднимался статус национальных меньшинств, которых стали называть народностями, а автономная область получила статус края, а с другой – принижалось значение нации в системе социалистического самоуправления. На первый план выдвигалась концепция общественно-политических содружеств. Суть ее заключалась в том, что каждому из содружеств (община, край, республика, федерация), являвшихся территориальными органами общественного самоуправления, доверялись функции власти, и в них предполагалось осуществить интеграцию самоуправления.

Новые общественно-экономические отношения задумали отразить в новой структуре Скупщины, которая должна была стать и верховным органом самоуправления, естественным продолжением и логическим завершением самоуправленческой пирамиды. Все изменения были направлены на то, чтобы усилить роль трудящихся в Со-

юзной скупщине: три палаты должны были выражать интересы трудящихся разных профессий, а еще одна – интересы самоуправления в целом, а также интересы общественно-политических организаций. Так, наряду с Союзным вече создали и четыре самоуправленческих веча: хозяйственное, культурно-просветительное, здравоохранения и социальной защиты, организационно-политическое (по 120 человек). Члены Союзного веча, избранные республиканскими скупщинами (по десять человек), а также скупщинами автономных краев (по пять человек), составляли Вече народов, собиравшееся только в тех случаях, когда на повестке дня находились вопросы, касающиеся прав народов республик и краев. В такой структуре парламента не осталось места, где бы югославские народы и народности могли согласовывать свои интересы на постоянной основе.

Конституция утвердила новое название государства – Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ). Конституция отделила должность председателя республики от функции председателя Союзного исполнительного веча. Председатель республики должен был избираться на четыре года, но не более двух раз. Это не распространялось на Й. Броз Тито. Он предложил ввести должность заместителя председателя республики, то есть своего заместителя. На эту должность был избран А. Ранкович. Э. Кардель стал председателем Скупщины СФРЮ.

По мнению словенских историков, Конституция 1963 г. включала в себя положения, которые отстаивали централисты. Самый главный представитель централизма А. Ранкович избран заместителем председателя государства, в партийной иерархии он остался главным «кадровиком», следовательно, Союз коммунистов фактически находился в его руках²⁰.

После известных событий Й. Броз Тито, хотя и вернул Э. Карделя к работе, сомневался в нем, поскольку тот слишком ориентирован на Запад, работал над текстом конституции 1963 г., которая открывала ворота сепаратизму под видом установления демократии и самоуправления. Однако вождь ценил Э. Карделя за его работоспособность, широту взглядов, зрелость, за теоретический склад ума и способность дальше разработать и осуществить систему самоуправления. Э. Карделю в свою очередь иногда удавалось внушить Тито мысль о необходимости открыть вопрос о межнациональных отношениях в Югославии и связать его с проблемой развития самоуправления и элементов рыночной экономики. Это были темы, поставленные на VIII съезде СКЮ, знаменательном тем, что на нем впервые после войны заговорили о национальном вопросе.

Стенограммы заседаний различных органов по подготовке документов съезда показывают, что единства точек зрения среди их разработчиков не было. А. Ранкович подтверждал, что при подготовке VIII съезда СКЮ расхождение между ним и Э. Карделем произошло по вопросу национальной политики. По словам сербского политика, он был удивлен, что вместо критики национализма в подготовленных документах увидел нападение на югославский государственный централизм. Сказал об этом Й. Броз Тито, но тот рассердился и два месяца с ним не разговаривал²¹.

Э. Кардель вынес свои идеи самоуправления и экономической самостоятельности республик непосредственно на VIII съезд СКЮ, который состоялся в декабре 1964 г. он ввел понятие «экономический аспект национальной политики», открыто изложил свою позицию, как бы полемизируя с А. Ранковичем. Он говорил о том, что он – за идейное единство и против централизации в федерации, напоминающей великодержавный гегемонизм. Национальный вопрос, по его словам, «можно решать только на основе самооп-

ределения – в виде национального государства или в виде добровольного государственного союза равноправных народов»²². Особенно Кардель критиковал тех, кто говорил о создании некоей новой «югославской нации», полагая, что каждая нация имеет свою историю, что все они – европейские народы, которые объединились на основе взаимных интересов, а не этнического родства.

После съезда он говорил, что в Югославии наметились три «политические ориентации»: Хорватия и Словения тяготели к большей самостоятельности своих республик; централистскую тенденцию поддерживали слаборавитые республики Босния и Герцеговина (БиГ), Черногория и Македония, которые от центра ждали большей помощи; гегемонистская, которую представляла Сербия. Э. Кардель предлагал республикам предоставить большую самостоятельность, а федерации оставить функцию «технического инструмента», с которым бы республики согласовывали свою политику.

Тито легко мог почувствовать различные политические тенденции, но подняться до высот разработки теории многоярусного, многовекторного, а потому терминологически запутанного, самоуправления не мог. И вряд ли был еще кто-то в стране, способный на это. Э. Кардель воспользовался ситуацией, и его теория самоуправления стала классическим образцом вербального мудрствования с четкой конечной целью, рассмотреть которую тогда, в начале 1960-х годов было трудно.

Как вспоминал А. Ранкович, Й. Броз Тито уже в 1964 г. «в национальной и государственной политике повернул к конфедерации»²³. По мнению же Э. Карделя, Тито изменил свою позицию, благодаря «политическому инстинкту», ощутив, что «бюрократическо-централистские силы окрепли и стали опасными». И уже в 1966 г. Тито напал на антисамоуправленческие силы и отвернулся от А. Ранковича²⁴. Интересно, что на первом заседании новоизбранного на съезде ЦК он зачитывал список предлагаемых членов Исполкома, указывая их национальность. Тогда о себе он впервые произнес: «Йосип Броз Тито, хорват». Коммунистов из Сербии, Черногории, Боснии это заявление ошеломило²⁵.

После VIII съезда национальные проблемы стали широко обсуждаться во всех республиках. И оказалось, что теперь в содержание национального вопроса республики вкладывают разный смысл.

Наиболее традиционно на него смотрели в Боснии и Герцеговине – как на вопрос отношений между народами. Напротив, руководство Словении понимало национальные отношения как отношения между развитыми и неразвитыми территориями, как отсутствие равноправия между югославскими республиками. В Хорватии все чаще стали говорить об особенностях исторического развития хорватской нации. Этому способствовало то, что директором Исторического института в Загребе стал Франьо Туджман. Сотрудниками института активно обсуждался национальный вопрос, говорилось о том, что идея югославской нации неприемлема для хорватов, что Хорватия ничего не получила от создания Югославии, что надо пересмотреть тезис о стремлении хорватов к объединению с югославянскими народами, так как большинство хорватов, особенно в северной части Хорватии, не хотела выходить из Австро-Венгрии и т.д.²⁶ Македонию больше интересовали ликвидация «рецидивов прошлого» и преодоление национальной ограниченности и закрытости, более быстрое развитие своей нации. Сербь традиционно больше говорили о югославизме, об укреплении братства и единства, о развитии республик и краев, чем о национальных отношениях внутри республики²⁷. Несмотря на то, что в республике раздавались голоса о необходимости упрочения атрибутов сербской

нации и защиты ее интересов, руководство Сербии мало уделяло этому внимания. Так, если в Хорватии и Словении использовали исключительно латиницу, то в Сербии – и кириллицу, и латиницу, и последний алфавит вытеснял исконное сербское письмо. В госучреждениях уже нельзя было найти пишущей машинки на кириллице. На латинице печаталось все больше школьных учебников²⁸.

Югославия из отсталой аграрной страны постепенно превращалась в среднеразвитое индустриально-аграрное государство. Однако к середине 1960-х годов экономика страны столкнулась с серьезными трудностями. Давали о себе знать последствия экстенсивной модели развития, неэффективных капиталовложений, допущенных структурных диспропорций. О необходимости общественно-экономической реформы стали говорить на всех уровнях государственной структуры. И она стала проводиться с июля 1965 г. с целью дальнейшего развития рыночных отношений и увеличения производственной и коммерческой самостоятельности предприятий, дальнейшего разгосударствления экономики, усиления эффективности хозяйствования. Союзная скупщина СФРЮ приняла около 30 законов, которые означали начало проведения экономической реформы: введен твердый курс динара, а затем проведена его деноминация, намечена новая валютная политика и конвертируемость динара; упорядочены цены на ряд товаров; уменьшены финансовые обязательства предприятий перед государством; введены меры по частичной компенсации увеличения стоимости жизни.

Результаты попытки стабилизации экономического положения в стране, эффективности хозяйствования, форсирования технического прогресса, материального стимулирования в работе предприятий и т.д. были неоднозначными²⁹. «Меры экономической реформы открыли ворота рынку. Предприятия сняты с государственных фондов, вынуждены бороться за выживание, реорганизовуются»³⁰. Но при этом наблюдалась нестабильность экономического роста, увеличение структурных диспропорций, усиление инфляции, рост цен, ухудшение материального положения трудящихся, усиление социальной дифференциации в обществе. Результаты реформы оказались все-таки обратными ожидаемым. Рост производства в общественном секторе начал уменьшаться – с 9,7 % в 1954–1965 гг. до 6 % в 1966–1970 гг.³¹. Одним из результатов реформы стало укрепление реальной власти дирекции на предприятиях (т.е. усиление технократии и бюрократизма), сведение к минимуму управленческих функций рабочих советов, возникновение реальной опасности превращения самоуправления в фикцию, в нереализованную возможность.

В феврале 1966 г. на III пленуме ЦК СКЮ в тезисах для дискуссии характер развития общества в это время определялся так: «Нестабильность рынка, быстрый рост цен, снижение эффективности инвестиций, „дублирование“ и недостаточное использование потенциалов, постоянный рост дефицита в текущем обмене и высокая задолженность за границе, медленный рост производительности труда, углубление диспропорций, неравномерный рост жизненного уровня и т.д. и вплоть до усиления националистических и других сепаратистских поступков»³².

К началу 1966 г. межнациональные отношения действительно обострились. Словения и Хорватия полагали, что они платят дань всей остальной неразвитой Югославии. Сербия в свою очередь считала, что стала заложницей низких внутренних цен на сырье, из-за чего ее национальный доход переливается в Словению и Хорватию. «Очевидно, что Югославия все больше поляризуется на силы, выступающие за унитарист-

ский или конфедеративный состав», – отмечал в своем дневнике хорватский историк Д.Биланджич. Были признаки того, что отношения ухудшались и на уровне республик. В Хорватии росли конфликты между хорватами и сербами. В свою очередь хорваты обращали внимание на засилье сербов на руководящих должностях, отмечая, что в Вуковаре из 13 руководителей общин девять – сербы, в Осиеке сербами были градоначальник, председатели профсоюзов, Социалистического союза трудового народа, комитета по экономике³³.

В июле 1966 г. на IV пленуме ЦК СКЮ был исключен из партии и снят с должности многолетний руководитель Службы государственной безопасности А. Ранкович. Он был обвинен во «вредительской деятельности» и превышении власти. Многие полагают, что с его сменой начинается новый период развития югославского общества, что все преграды для дальнейшего совершенствования политической и экономической системы на основе новых теоретических самоуправленческих разработок перестали существовать.

Победа республиканизма. Так называемое дело А. Ранковича, хотя и несло на себе отпечаток партийных интриг, стало поворотным событием в истории Югославии, которое до сих пор полностью не освещено в историографии. Долгие годы писать о деле А. Ранковича было практически невозможно, ведь существовала только одна официально-партийная версия. Однако в 1980-е годы в связи с глубоким кризисом, охватившим страну, начался пересмотр событий двадцатилетней давности. Одни называли А. Ранковича сербским националистом, убивавшим албанцев в Косове и понесшим заслуженное наказание, другие считали его сторонником югославянства без каких-либо элементов национализма, третьи видели в нем невинную жертву и человека, честно выполнявшего свой долг.

Владимир Бакарнич, многолетний секретарь и председатель ЦК хорватских коммунистов и член самого узкого руководства Югославии в шутку в кругу друзей говорил, что он – третий человек в стране, а второе место делят А. Ранкович и Э. Кардель³⁴. А. Ранкович держал в своих руках кадровую политику партии и полицию – два существенных инструмента партийного и государственного влияния. Он не был теоретиком, реформатором или модернизатором, но отстаивал «идеологию партизанского югославянства и прагматическую государственность югославского характера». А. Ранкович был противником любого национализма и сепаратизма, а карделевцы считали его «консервативным централистом и носителем великодержавности»³⁵.

Популярность А. Ранковича в стране была очень большой. Молодежь пела песню, в которой наряду с Тито прославляла и Марко (партийный псевдоним А. Ранковича с 1938 г.). Д. Чосич записал в своем дневнике 1 апреля 1962 г.: «Сегодня больше всего верим Александру Ранковичу. Если бы этот человек имел возможность выбирать соратников, способных людей независимо от партийного стажа и военных заслуг, то он бы, вероятно, быстрее всех и самым эффективным способом вывел партизанскую революцию из той грязной лужи, в которую попала»³⁶.

В ноябре 1965 г. Й. Броз Тито вызвал к себе Д. Чосича и сказал, что в партии сложились две фракции, которые разбивают единство СКЮ и Югославии. Во главе этих фракций стоят Э. Кардель и А. Ранкович, причем, Кардель – левой, а Ранкович – правой. Д. Чосич не поверил, что такие коммунисты могут создать фракции. Он стал уверять

Тито, что его дезинформировали. Но вождь был убежден, что они – люди, которые борются за власть, готовы идти к ней и по трупам, вплоть до путча. Тито решил в День армии, 22 декабря, сообщить народу о ситуации в партии. Д. Чосич думал: «Что будет с нашим государством, если Тито ликвидирует Ранковича и Карделя?» Но уже в январе 1966 г. А. Ранкович сообщил Д. Чосичу, что недоразумения с Тито разрешены и сотрудничество продолжается³⁷.

Однако, вероятно, именно тогда Й. Броз Тито, до которого доходили слухи, что многие считают его старым, начал опасаться роста влияния и популярности более молодого А. Ранковича. Однажды он даже спросил его, сколько ему лет?³⁸ Тито не могло понравиться, что в Москве на XXIII съезде КПСС в 1966 г. А. Ранкович был окружен особым вниманием как возможный преемник Тито, а В. Гомулка и Т. Живков пригласили его сразу после Советского Союза посетить Польшу и Болгарию³⁹. А. Ранкович записал в своем дневнике, что пока он был в Москве, а затем – в Польше, в Белграде говорили о его борьбе за власть, о желании стать наследником Тито. Все это, возможно, заставило последнего ускорить процесс разрыва со своим многолетним соратником.

16 июня 1966 г. было созвано незапланированное заседание Исполнительного комитета ЦК СКЮ, посвященное вскрывшимся фактам о прослушивании руководящих кадров СКЮ. В. Влахович позвал А. Ранковича на заседание ИК, но не сказал, чему оно будет посвящено. Й. Броз Тито доложил о выводах сформированной им технической комиссии, определившей, что Служба государственной безопасности прослушивает его, а также Э. Карделя и все югославское руководство. А. Ранкович записал в дневнике: «Я знал, что чист, что с чистой совестью могу смотреть всем в глаза. Но все равно, „мой случай“ инсценирован, и представление началось»⁴⁰. На состоявшемся заседании он ответил, что установка подслушивающих устройств без его ведома невозможна и, ощущая моральную ответственность за случившееся, попросился в отставку со всех партийных и государственных постов⁴¹. Комиссия, на которую сылался Тито, ни разу с А. Ранковичем не разговаривала. Тито по настоятельной просьбе генерала И. Гошняка встретился с А. Ранковичем на Бриони, но разговора не получилось.

Д. Чосич написал Тито письмо, в котором подчеркнул, что Ранкович после него – второй человек в стране («после Вас А. Ранковичу нет равных»). Он убеждал Тито, что Ранкович является его истинным и последовательным сторонником. Больше всего Чосич тревожился за Сербию: «С крахом А. Ранковича в Сербии начнется процесс моральной, политической, национальной дезинтеграции и раскола». Он просил найти другие методы и средства решения этой проблемы, чтобы не вносить раскол в партию и между народами⁴².

1 июля 1966 г. члены ЦК СКЮ улетели на Бриони, чтобы обсудить вопрос на пленуме. В повестке дня IV пленума стоял вопрос «Актуальные проблемы в связи с вредительской деятельностью некоторых органов безопасности и последствиями этой деятельности в развитии системы и деятельности Центрального Комитета». О такой повестке дня поставили в известность руководство СК всех республик, получили поддержку армии⁴³. С самого начала А. Ранкович ощутил бойкот со стороны прежних товарищей. Все от него отворачивались, никто не здоровался (кроме Д. Пуцара). Из-за этого у него поднялась температура, он стал задыхаться, позвал врача. Врач сказал, что «ослабло сердце». На самом деле это был инфаркт. В таком состоянии А. Ранкович слушал обвинения на пленуме в свой адрес. Во второй половине дня по радио началась выборочная трансляция речей с пленума, в которых сообщалось, что народ страдал от тирании А. Ранковича и

полицейской власти. Речь самого А. Ранковича, естественно, обнародована не была. К вечеру все закончилось. Й. Броз Тито, по словам Д. Чосича, был «очень счастлив, что так легко освободился от весомого соперника»⁴⁴.

В конечном итоге А. Ранковича назвали приверженцем великодержавного централизма и тормозом самоуправления. На пленуме его не обвиняли в насилии над албанцами. Эти обвинения появились позже, в октябре 1966 г. на пленуме Краевого комитета СК Косова⁴⁵. Потом Тито утверждал, что «видел, как в стране и партии создается культ личности Ранковича, чему следовало воспрепятствовать»⁴⁶. Через два года появились новые обвинения. На совместном IX заседании Президиума и ИК ЦК СК Югославии в июне 1968 г. Тито говорил, что именно А. Ранкович виноват в саботировании решений VIII съезда: «Известно, что Ранкович никогда, ни на одном заседании Исполнительного веча или Исполнительного комитета не сказал ни одного слова по вопросу нашей экономики, осуществления нашей реформы. Это не было только следствием незнания экономики. Мог бы и Ранкович что-то сказать». Это трактовалось как глубокое несогласие с общественной и экономической реформой. А. Ранкович, по мнению Й. Броз Тито, был виноват и в студенческих волнениях 1968 г.⁴⁷

В июле 1966 г. по стране прошли партийные собрания, одобрявшие решения IV пленума. Во всех республиках коммунисты отмежевались от А. Ранковича, а вместе с ним досталось и Сербии – осудили великосербские концепции и великодержавный централизм. На словах никто не сомневался в том, что А. Ранкович готовил заговор против Тито⁴⁸. Правда, как вспоминал Д. Чосич, ему остались преданы крестьяне, которые видели в нем «государственный символ Сербии»⁴⁹. Некоторые полагали, что ликвидировали человека, который представлял интересы Сербии и сербского народа. Армия осталась на стороне Тито. Страна обсуждала деятельность А. Ранковича еще несколько месяцев. В октябре 1966 г. состоялся V пленум ЦК СКЮ, на котором отмечалось, что «группа Ранкович – Стефанович полицейскими методами (слежка, прослушивание, дискредитация руководящих деятелей) через Службу государственной безопасности, через кадровую политику и другие виды деятельности, отравляла отношения между людьми, отравляла межнациональные отношения», разжигала великосербский шовинизм, осуществляла давление на людей⁵⁰. Под пунктом «Разное» на этом пленуме А. Ранковича исключили из партии⁵¹.

Тогда же на V пленуме были приняты решения о реорганизации руководящих органов СКЮ и формировании президиума ЦК СКЮ из 30–35 человек (чтобы предотвратить складывание культа личности одного человека), Исполнительного комитета и комиссий ЦК СКЮ. Вместо генерального секретаря устанавливалась должность председателя СКЮ⁵².

1 декабря 1966 г. правительство приняло секретное «Сообщение о противоправной деятельности группы Александра Ранковича и о злоупотреблении Службы государственной безопасности в политических целях». А. Ранковича обвинили в борьбе за власть с использованием средств, которые нарушают конституцию СФРЮ и законы страны. Группа действовала «на определенной политической платформе», которая противоположна началам конституционного устройства страны. Группа не верила в демократию и самоуправление и выступала за политику «жесткой руки». Согласно сообщению, «политическая платформа группы вошла в острое столкновение с конституционными началами о полном равноправии всех наций и народностей, которые живут на территории Югославии». Они действовали с великодержавных, централистских и

шовинистических позиций. Используя возможности Службы госбезопасности, пытались влиять на процессы общественного развития, на органы государственной власти, на кадровые решения, занимались политическими интригами, прослушивали рабочий кабинет и резиденцию президента страны и других высокопоставленных функционеров. Все это приравнялось к «политическому заговору», направленному на «захват власти антиконституционным путем». В документе предлагалось усилить контроль над Службой госбезопасности и уменьшить ее численность на 700 человек. Что касается самого А. Ранковича, то рекомендовалось «поступить великодушно»: уголовного дела не возбуждать, а применить меры общественного осуждения⁵³.

Сербский историк Л. Перович полагает, что свержение А. Ранковича разделило Сербию, особенно республиканскую компартию. Это был удар по всей системе государственной безопасности, «по традиции полицейского и военного государства и политики используемой силы». Сербия осталась без своего влиятельного человека в югославской партийной и политической иерархии, и это в тот момент, когда уже витал вопрос, что же будет после Тито. Особенно довольны результатами партийной акции были албанцы в Косове. Вели Дева, председатель краевого комитета СК, отмечал, что после IV пленума для края наступило «бурное развитие»⁵⁴.

Хорватский историк Д. Биланджич пишет, что «с падением А. Ранковича начинается новая фаза в борьбе за власть на союзном уровне. Эта борьба захватила и Тито, но чтобы удержаться у власти, он должен был лавировать. Боясь, что его как хорвата обвинят за удар по Сербии, он сделал ей непринципиальные уступки. В следующие несколько лет Сербия получила около 80 % союзных инвестиций. В высшем партийном органе Сербия получила три, а не одно место, как все республики. То есть два места были даны для ее двух краев, которые тем самым уравниены с республиками». Кроме того, сербы получили посты секретаря ЦК СКЮ (Миялко Тодорович), зампреда СФРЮ (Коча Попович) и председателя Союзной скупщины (Милентие Попович вместо Э. Карделя)⁵⁵.

Победа Э. Карделя в споре о будущем федерации означала для Словении зеленый свет в осуществлении своего видения места республик в многонациональной федерации. В Резолюции о деятельности ЦК СК Словении между VI и VII пленумами от 4 марта 1967 г. отмечалось, что государство уже начинает отмирать в сфере производства и хозяйственных отношений. Поэтому в Словении надо укреплять сознание о собственном государственном суверенитете⁵⁶. Осенью 1966 г. в Словении широко обсуждали проблему равноправия языков на территории СФРЮ. Конституционный суд Словении обратился в республиканскую скупщину с предложением потребовать от всех государственных органов и организаций использовать в Словении словенский язык⁵⁷. По инициативе словенских властей в приморских общинах Изола (200 тыс. сербскохорватских говорящих), Копер и Пиран перестали преподавать сербскохорватский язык⁵⁸.

В декабре 1966 г. в Конституционный суд Югославии обратилась Македония с тем же вопросом – о неуважении македонского языка и невыполнении конституционных положений о равноправии языков, поскольку органы федерации обращаются в республики на сербскохорватском языке, а такие учреждения, как банки, таможня, налоговые службы и бухгалтерия тоже ведут документацию только на этом языке⁵⁹. На VI пленуме ЦК СК Македонии (на закрытом заседании 27 сентября 1966 г.) был поставлен вопрос о службе македонцев в армии: не менее 30 % военных на территории республики и командующие военных областей должны быть македонцами. Македонцы признавались, что

не имеют достаточно квалифицированных военных кадров – генералов, но есть много полковников, которых можно произвести в генералы. Македонцы хотели расширить свое участие и в дипломатической службе, получить 9–10 мест руководителей дипломатическо-консульской службы⁶⁰. В Хорватии открыто говорили о необходимости признать хорватский язык, который ошибочно был объединен с сербским.

Существенные изменения в структуре федерации начались конституционными поправками 1967, 1968 и 1971 гг.⁶¹. Как считают словенские историки, период 1967–1971 гг. – это период федерализации федерации⁶². Реформы стали возможным после падения А. Ранковича, главного символа централизма, пишут они.

Первые шесть поправок были приняты в апреле 1967 г. Они касались скупщин республик и федерации, длительности мандата председателя республики. Следующие тринадцать дополнений были приняты в конце 1968 г.: вводились новые палаты парламента (вече республик и краев), определялись правила употребления языков и алфавитов (у сербскохорватского языка отнято право называться общегославским языком). Следующие поправки были приняты в марте 1969 г. и в октябре 1970 г. А в середине 1971 г. были сделаны еще двадцать три поправки по проблемам самоуправления. Как выражение большей самостоятельности республик и укрепления их положения в союзном государстве в конституции республика определялась теперь как «государство, основанное на суверенитете народа»⁶³. В союзное правительство, согласно поправкам, республики посылали определенное число человек.

В течение 1967 и 1968 г. усилилось давление на союзные органы с целью пересмотра конституционного статуса автономных краев. В феврале 1967 г. делегация краевого комитета СК Сербии по Косову и Метохии разговаривала через голову руководства СК Сербии с Й. Броз Тито и Э. Карделем. Албанцы просили, чтобы края были уравнены в правах с республиками. Э. Кардель поддержал косоваров весьма искусно, оставив впечатление взвешенности своей позиции⁶⁴. При этом историк Л. Димич советует не забывать, что Э. Кардель выражал точку зрения югославского политического руководства. Албанцы были воодушевлены этим разговором и начали новое давление на Сербию⁶⁵.

Уже в тот период в СКЮ начался постепенный процесс его федерализации, т.е. усиления самостоятельности республиканских партийных организаций. Как выражение этой тенденции съезды СК республик стали созываться до общегославского. Первым прошел VI съезд СК Словении в декабре 1968 г. На нем во время дискуссий коммунисты впервые выразили свое несогласие с той или иной позицией руководства. Словенские историки оценили его как самый полемичный партийный съезд после Второй мировой войны. В резолюцию съезда был вставлен тезис о стремлении республики к суверенности, очерчена словенская национальная программа. Организация словенских коммунистов разработала свой Устав. Центральный комитет значительно омолодился, замене подлежали и кадры более широкого руководства партии – секретари секретариатов, оперативных органов и т.д.⁶⁶

Схожие вопросы рассматривались и в Скупщине СФРЮ. Совместная комиссия всех веч и Рабочая группа по вопросам отношений федерация – республика и автономные края подготовили в апреле 1968 г. информацию о состоянии этих отношений. В материале констатировалось, что во время дискуссии в Комиссии и в Рабочей группе отмечалось, что на практике положения конституции о правах республик не применяются в должной мере, особенно в области народной обороны, международных отношений, а

союзное законодательство сужает роль республик и их возможности регулировать общественные отношения на собственной территории. В то же время законодательство в области экономики оставляет мало простора для интеграции самоуправленческих отношений и способствует закрытию республик в собственных границах⁶⁷.

Реформы политической системы затронули и армию. В феврале 1969 г. был принят новый Закон о народной обороне. Согласно закону, народная оборона теперь подразделялась на армию и систему территориальной обороны (ТО), создаваемую в каждой республике. При Генштабе создавалось специальное управление ТО, которое возглавлял один из помощников начальника Генштаба⁶⁸.

На словах сущность «радикальных изменений в общественно-экономической и политической системе» в конце 1960-х годов выражалась в совершенствовании и развитии самоуправления, что стало определенным фетишем для югославского общества в 1970-е годы. По словам К. Црвенковского, в одной партийной резолюции на 20 страницах слово «самоуправление» упоминалось 97 раз. «Это даже больше, чем упоминание Аллаха в Коране, – констатировал К. Црвенковский, – это скорее превращается в религию, теряет свое значение, теряет вес»⁶⁹.

1968-й год принес стране дальнейшую либерализацию и демократизацию и одновременно обозначил существенную активность ряда республик по получению большей самостоятельности. Одновременно в политической жизни страны произошли такие крупные события, как студенческие забастовки, волнения албанцев в Косове и Метохии, первые столкновения словенской элиты с федеральным центром по поводу распределения средств между республиками, массовые акции в Хорватии против союзной политики.

Студенческое движение. 3 июня 1968 г. в Белграде было беспокойно – с акциями протеста выступили студенты ряда факультетов Белградского университета. Студенческие волнения стали следствием неуспеха реформ, недовольства решениями брионского пленума, поведения албанцев в Косове.

Лаза Трпкович, один из активных участников студенческих волнений на электротехническом факультете, вспоминал, что у студентов накапливалось недоверие к партии еще с начала 1960-х годов. Речь Тито в Сплите в 1962 г. и письмо ЦК СКЮ в 1964 г. об обогащении коммунистов, замеченная тенденция социального расслоения в обществе, осуждение Д. Чосича также вызвали неодобрение студентов⁷⁰. Студенческая печать, публикации в СМИ показывали то напряжение, которое существовало у студентов, и довольно было только повода, чтобы оно переросло в бунт.

Безусловно, студенты были вдохновлены европейскими студенческими протестами. Однако, по мнению Л. Перович, волнения студентов в Белграде не были только рефлексией на студенческие движения в мире. Они имели собственную мотивацию. «Социальные различия и привилегии, трудности в обучении и получении работы, окостенелость политических структур, ограничения свободы волеизъявления и творчества – все это расходилось с тем, о чем молодые люди слышали в семье, учили в школе, читали в газетах, смотрели в фильмах. Их фрустрация была благоприятной почвой для новой левизны в философии». И она быстро переросла в непосредственную политическую акцию. Студенты боролись против «красной буржуазии», обуржуазившихся старых левых, за возможность получать образование и работу, за социальную правду, внешнюю и внут-

ренную свободу. В партии студенческие волнения вызывали различную реакцию: некоторые видели в «новых левых» свою молодость, другие – опасность для их власти, третьи – глубокий рефлекс ортодоксальных левых, который мешает важным изменениям, прежде всего переходу к рыночной экономике⁷¹.

Д. Чосич писал 3 июня, что студенческие демонстрации имеют огромную общественную и политическую важность, поскольку означают борьбу за демократию, социализм, против бюрократической олигархии. Если бы рабочие поддержали студентов, пишет он, то «пришел бы конец правлению бюрократической олигархии»⁷². Д. Чосич ощутил в студенческом движении взрыв национального достоинства, национального самосознания, национальной гордости и упрямства, стремление к свободе и демократии. «Легализовался приглушенный сербский национализм», выразилось недовольство существующим порядком, отмечал он⁷³.

Л. Трпкович вспоминал: «На следующий день после студенческих волнений в студенческом городке в Нови-Белграде, во вторник (4 июня), на электротехническом факультете собрались студенты. Многие предлагали выйти на улицы, и студенты склонялись к этому. Но я полагал, что на улицу выходить было нельзя, так как до нас доходили слухи, что в студентов готовились стрелять. На трибуну поднялся профессор, который преподавал гражданскую оборону, Войо Абрамович. Его очень уважали студенты. Своей пламенной речью он склонил студентов на свою сторону, и в конце сказал: „Мы не пойдем на улицу“. Его поддержали другие преподаватели. Создали Комитет действия, в который избрали и меня. Я сразу занялся техническими вопросами – вывесил на здание динамики, которые транслировали все речи студентов. Кроме того, выступления записывались и на магнитофон. На улице собирались прохожие и слушали студенческие речи. Проходящие автобусы останавливались, пассажиры тоже слушали. На здании вывесили плакаты с лозунгами типа „Долой бюрократию“. Фактически студенты были за социализм, но тот, о котором говорили, не выполняли. На следующий день в „Политике“ появилась заметка, что вывешивать динамики на внешней стороне зданий – это противозаконно. Студенты опустили носы. Но одной из девушек пришла в голову идея повесить на здании красное полотно с портретом Тито. Сразу собрали деньги, вечером около семи поехали в город покупать красную ткань. Купили около 150 метров. Девушки стали шить ее. Вывесили. На следующий день на факультет позвонили и сказали, что надо снять полотно. В ответ: „Что первым снять – портрет Тито?“. Трубку повесили. Полотно с лозунгами и портретом Тито провисело на стене факультета около месяца»⁷⁴. Л. Трпкович отмечал, что с другими факультетами они связи не устанавливали. Только слышали, что и там были волнения. Из других республик к ним никто не приезжал.

В других республиках студенты также проявили себя, но, скорее в виде выражения солидарности с белградскими студентами. Так, люблянские студенты собрались в столовой студенческого городка 6 июня обсудить «профсоюзную» проблематику. Поводом стало увеличение платы за общежитие и необходимость выселяться из комнат в некоторых блоках для потребностей туризма. На собрании присутствовало около 3 тыс. студентов со всех факультетов. Это собрание совпало по времени с белградскими событиями. Когда словенские студенты узнали о волнениях в Белграде, они расширили свои требования, например, выступили против обогащения руководящих кадров. Позже студенты технических факультетов вышли из этого движения, и его составляли только студенты-гуманитарии. В мае 1969 г. заработало студенческое радио⁷⁵.

Однако радикализация студенческого движения в Словении началась позже, в 1970 г., когда студенты стали остро реагировать на международные события – во Вьетнаме, Камбодже, протестовать против приезда Р. Никсона в Югославию, против дружественных отношений с греческим военным режимом, когда просили Тито обратить внимание на положение словенцев в Италии. Студенческие митинги иногда собирали до 8 тыс. человек. В конце 1970 г. руководство студенческим движением взяла на себя интеллектуальная элита, и оно политизировалось. Стали обсуждаться вопросы взаимоотношения с федерацией, югославской конституции, реформы университета. В апреле 1971 г. студенты вышли на улицу, перекрыли дорогу к Любляне. Социальный протест против условий жизни в общежитии перерос в уличный протест с радикальными лозунгами. Серьезной акцией стала также забастовка на философском факультете в мае 1971 г., которая началась как протест против наказаний студентов. Студентов поддерживали преподаватели и руководство университета. Звучали лозунги – за демократизацию, открытость при принятии решений по экономическим и политическим вопросам. Студенты даже хотели создать свою партию, но постепенно к 1974 г. студенческое движение в Словении пошло на убыль⁷⁶.

В Загребе волнения зарождались среди студентов медицинского факультета. Однако руководство СКХ решило упредить события. В. Бакарнич отчитывался в Белграде: «Мы успели организовать несколько митингов, на которых говорили наши люди. Студентов предупредили, чтобы не шли на демонстрации, иначе их будет ждать милиция. Самый большой митинг коммунисты организовали в среду, на нем совместно со студентами приняли компромиссную резолюцию, в которой „социалистические революционные демократические силы“ требовали „непосредственного освобождения рабочего класса“, поддержки студентов белградского университета по вопросу отношений с милицией». Кроме того, коммунисты разработали программу работы со студенчеством и начали ее обсуждать с руководством университета. В. Бакарнич был доволен: «Хотя 6 июня студенты все-таки собрались, но широкой акции не получилось. Мы смогли не дать им выйти на улицу»⁷⁷.

Коммунисты в Загребе смогли возглавить студенческий порыв, и под их руководством 9 июня 1968 г. были разработаны и приняты «Тезисы Второй всеуниверситетской конференции СК Загреба». В тезисах отмечалось, что общество характеризует стагнация в экономике и общественно-политических отношениях, поэтому СКХ разработал «ясную платформу» для деятельности партии по реализации реформы, но «силы, потерпевшие поражение на IV пленуме ЦК СКЮ, а также другие реакционные силы, используют любые возможные методы, чтобы тормозить проведение общественных и экономических реформ и дальнейшее экономическое развитие нашего социалистического самоуправленческого содружества». Решать студенческие проблемы предлагалось путем их демократического обсуждения на партийных форумах. Участие студентов в коммунистических мероприятиях было названо показателем их «политической зрелости»⁷⁸.

В Македонии студенты не только внимательно следили за развитием событий в Белграде, но и активизировались сами. В Скопье была отмечена большая активность в университете, но она выражалась в относительно мирных дискуссиях и дебатах на факультетах. Обсуждались общественные, университетские и студенческие проблемы. Чтобы не дать студенческому движению разрастись, коммунисты создали Комиссию для разработки платформы решения городской и университетской конференций СКМ. Македонские студенты в большинстве своем были против уличных демонстраций, но

осуждали вмешательство милиции в события в Белграде. Однако были и те, кто призывал выйти на улицу. Белградские студенты, как отмечается в партийных документах СКМ, установили контакт с македонскими студентами, передавали им листовки и другие материалы, ряд студентов из Скопья побывал в Белграде. Но жизнь в университете Скопья никак не прерывалась, экзамены везде прошли вовремя⁷⁹.

Во всех странах студенческие движения оканчивались по-разному. В Югославии Й. Броз Тито взял студентов под свою защиту. 8 июня 1968 г. он приехал в Белград, чтобы самому принять участие в решении студенческих волнений. В тот же день на совместном IX заседании президиума и ИК ЦК СК Югославии Тито говорил, что студенческие выступления не были спонтанными, а были заранее подготовлены и организованы. «Здесь есть разные элементы, от Мао Цзэдуна до Ранковича», – подчеркнул он. Тито, однако, порадовалось, что у студентов не было националистических и шовинистических лозунгов, «значит, наша молодежь национально здорова». По его словам, студенты правильно ставили вопрос о внутреннем устройстве университета и системе преподавания, но их демонстрации нанесли большой удар по престижу страны. Он сказал также, что видел, что советскому посольству студенты направили резолюцию с требованием сместить Тито и других руководителей, причем эту резолюцию не сами студенты написали. Он зачитал указанные в резолюции фамилии – Йосип Броз Тито, Эдвард Кардель, Крсте Црвенковски, Владимир Бакарич, Мика Шпиляк, Добривое Радосавлевич, Вели Дева, Мика Трипало, Симо Затезало, Вьекослав Холевац – и, исходя из этого, сделал вывод, что эта листовка – великосербская, информбюровская. Другой вывод Тито – надо было построже поступить с А. Ранковичем и его группой, сослав их куда-нибудь далеко. А то они теперь распространяют листовки даже по Лике и Кордуну и зовут сербов и других на восстание⁸⁰.

Тито полагал, что готовили студенческие демонстрации профессора университета – Л. Тадич, М. Корач, С. Стоянович. А драка в Новом Белграде – только повод. Там кроме студентов были и люди со стороны. В Загребе, Любляне и Сараеве «было несколько лучше, чем здесь, поскольку студентам сумели объяснить. А мы в Белграде не пошли к студентам, не боролись за студентов». Он предложил не наказывать, а идти на отделение студентов от чуждых элементов. «Студенты имеют оправданные требования. Я согласен с большинством их требований», – таков был вердикт вождя⁸¹.

Д. Биланджич записал в дневнике 4–9 июня 1968 г., что участвовал в усмирении студентов на факультете политических наук в Загребском университете. Студенты его освистали, когда он сказал, что за студентами в Белграде стоят великосербские силы (ему об этом сказал М. Трипало). Югославский государственно-партийный верх испугался студенческих выступлений, был готов применить танки, но Тито был против применения силы. Он похвалил студенческие акции, что было воспринято студентами как победа. Они прекратили демонстрации, танцуя коло и распевая песню «Товарищ Тито, мы тебе клянемся»⁸². Л. Трпкович вспоминал, как многие слушали речь Тито и аплодировали ему⁸³.

Косовский вопрос в 1968 г. Осенью 1968 г. напряженная и до этого ситуация в Косове окончательно вышла из-под контроля. Оценивая позже эти события, Комиссия по контролю за деятельностью Службы государственной безопасности при правительстве СФРЮ сообщала, что «имеющиеся данные указывают на существование широкой под-

польной деятельности ирредентистов на территории края»⁸⁴. Главная цель – предоставление Косову статуса республики, право на самоопределение и объединение Косова и части Македонии с Албанией. Методы деятельности – диверсантские, партизанские, малыми группами с возможностью одновременной акции.

В начале октября, непосредственно перед проведением демонстраций группа ирредентистов провела подпольное собрание в Метохии. Вторая встреча этой группы прошла 25 октября, на ней говорили непосредственно об организации демонстраций в Приштине, Косовска-Митровице, Джаковице, Гнилане, Урошеваце, Трепчи и Прешева. В Приштине демонстранты сначала собрались 28 ноября (в День флага – государственного праздника Албании) перед зданием философского факультета и двинулись в сторону центра, где встретили решительный отпор милиции. По дороге демонстранты били стекла, витрины и машины, выкрикивали лозунги «Требуем республику», «Долой колониальную политику в отношении Космета» (Космет – сокращение от Косова и Метохии) и др.⁸⁵ В первый же день пострадало 10 милиционеров, четыре пожарных, 27 граждан обратились за медицинской помощью, один демонстрант погиб. Организаторы демонстраций были арестованы, против 20 возбуждены уголовные дела.

В Тетове в Македонии тоже существовала нелегальная албанская националистическая группа, постоянно организовывавшая встречи и собрания, на которых говорили об албанском патриотизме, единстве всех албанцев, о воспитании албанцев в националистическом духе. В начале декабря албанцы Македонии получили письмо из Косова, в котором их просили организовать демонстрации в защиту своих национальных прав. Были составлены списки участников демонстраций, ходили по домам и уговаривали выйти на демонстрации. Тем, кто отказывался, угрожали или избивали. 22 декабря на улицы Тетова вышли около 200 человек, они разбили несколько витрин, выкрикивали лозунги «Долой Крсте Црвенковского», «Настало время гражданской войны», «Долой фашистскую милицию» и т.п. Были слышны выстрелы из пистолета. На здании общинного комитета СК Македонии вывесили албанский флаг, бросали камни в милиционеров, пытались ворваться в отделение внутренних дел⁸⁶. В связи с демонстрациями в Македонии было открыто 87 уголовных дел.

В декабре 1968 г. Й. Броз Тито так прокомментировал косовские события: «Что касается событий в Косове и Метохии, то я думаю, что события слишком драматизируют, что все не так, как некоторые представляют... Речь идет об одной группе, которая подговорила небольшую часть молодежи и студентов, которые разбили витрины, как это делают и на Западе или почти во всех странах. Мало у кого нет таких случаев. И что здесь драматизировать? Поэтому там ничего трагичного не случилось»⁸⁷.

По мнению историка Б. Петрановича, Тито просто был неправильно информирован о событиях в Косове⁸⁸. В январе 1969 г., выступая перед словенским партийным активом, он был более объективен, сказав, что причиной многих событий в Косове стала ошибочная политика в сфере образования, когда создавалась гуманитарная, а не техническая интеллигенция. «Часть так называемой гуманистической интеллигенции в Космете, между тем, ирредентистски настроена», поэтому сегодня Югославия ощущает последствия ошибочной ориентации в сфере образования в Крае⁸⁹. Тито полагал, что решать проблему в Косове надо через инвестиции, через экономическое развитие региона. Соотношение между сербскими и албанскими кадрами должно быть 3:1, хотя албанцев

в Крае и больше, чтобы задержать квалифицированные кадры, чтобы их места не занимали неквалифицированные албанцы⁹⁰.

Марко Никезич, председатель ЦК СК Сербии, в 1968 и 1969 г. часто в своих выступлениях возвращался к вопросу Косова, отмечал, что надо решать экономические вопросы в крае, ликвидировать отсталость и бедность. Он очень надеялся на проводимую политику равноправия и братства – албанцы должны получать те же права, что и все другие народы, убеждал, что надо противостоять давлению национализма. Никезич говорил о том, что эту проблему нельзя скрывать, надо говорить о ней открыто⁹¹.

Согласно поправкам к конституции 1968 г., Автономный край Косово и Метохия поменял название на Социалистический автономный край Косово. Организация автономных краев теперь прописывалась не конституцией Республики Сербии, а краевыми конституционными законами. Позже статус краев был еще более расширен поправками 1971 г., которые определяли, что «суверенные права начинают осуществляться в автономии». Это объяснялось созданием двухуровневой федерации: уравнивалось положение автономных краев в Сербии и Сербии в федерации⁹². Однако Косово требовало статуса республики.

Политический деятель из Македонии Стоян Андов пишет, что в ноябре 1968 г. события в Косове в официальных политических документах оценивались по-разному. В союзных документах их характеризовали как проявление экстремистского албанского национализма и сепаратизма, но указывали и на объективные причины, которые этому способствовали. Утверждалось, что тайные службы в Косове установили террор, создали атмосферу давления и устрашения. В Македонии соглашались, что это проявление экстремистского национализма, но вместо так называемых «объективных причин» говорили о «перетекании» национализма из Косова в Македонию, особенно в Тетово, о патернализме косовских албанцев над албанцами македонскими⁹³.

Фадиль Ходжа, член Президиума СФРЮ в 1980-е годы, бывший партизанский командир, которому Й. Броз Тито доверял, говорил С. Андову, что албанский народ имеет право объединиться в одно государство, и надо бороться за это объединение. Причем он был убежден, что импульсы для всеалбанского объединения поступают не из Албании, а из Косова. Так было, по его словам, и во времена Османской империи, во время Берлинского конгресса, в Первую балканскую войну. Именно Косово стало во главе отпора врагу и объединения, и с Косовом связаны значительные даты в истории албанского народа⁹⁴.

Среди тех, кто в партии занял особую позицию по вопросу межнациональных отношений, в частности, по Косову, был Д. Чосич. Еще в мае 1968 г. он подробно изложил свою позицию на XIV пленуме ЦК СК Сербии: «Мы не видим реальных размеров шовинистических настроений и националистического психоза в среде шиптаров (албанцев. – *Авт.*); неоправданно недооцениваются ирредентистские и сепаратистские настроения и стремления в известных слоях албанской национальности. Совершенно очевидно стремление реализовать самоуправленческие права национальности как права на создание государственности и косовского суверенитета... И в сербском народе могли бы вспыхнуть старая историческая цель и национальный идеал – объединение сербского народа в едином государстве. Чтобы предвидеть последствия этого процесса, не нужна никакая политическая прозорливость... Сербия и черногорцы не присвоили Косово и Метохию, не завоевали их у албанцев во время войны, то есть не являются оккупантами и завоевателями. Косово и Метохия являются старой и исконной

родиной сербского народа... Албанцы Косова и Метохии не должны забывать, что в Косове и Метохии веками вместе с ними живут сербы, что на той земле создана огромная часть средневековой сербской культуры и сложились народные освободительные мифы, что за освобождение и развитие Косова и Метохии сербский народ понес большие жертвы и дал огромные средства, чтобы здесь жили около трехсот тысяч сербов и черногорцев»⁹⁵.

Йован Марьянович, который поддерживал Д. Чосича, отмечал, что «в самом СКЮ что-то не в порядке в понимании отдельных националистических явлений». По его мнению, большую опасность для национальных отношений в многонациональной стране представляет бюрократический национализм (или республиканизм). Он приводил отрицательные примеры, которые вели к национальной напряженности – создание мусульманской нации, симпозиум о черногорской нации, требование службы в республиканской армии, требование национальных экономик⁹⁶.

Выступление Д. Чосича было оценено как националистическое, положения его доклада подверглись резкой критике как противоречившие программным установкам СКЮ и национальной политике. Сам Д. Чосич был провозглашен националистом, обманщиком, пораженцем, бюрократом, человеком без совести, пропащим политиком, предателем интересов партии и даже диверсантом. В «Резолюции ЦК СК Сербии о политических взглядах Йована Марьяновича и Добрицы Чосича» сербские коммунисты «энергично осудили клевету, направленную на коммунистов автономного края Косова и Метохии», отмежевались от подстрекательства национализма и нарушения единства СК. Против принятия резолюции был только один голос⁹⁷.

Как полагает историк Л. Перович, в партии не хотели обсуждать позицию Д. Чосича, поскольку большинство думали также как и он. Но массы сдерживались партийной дисциплиной, поэтому опасно было проделать в этом единстве брешь. Но и уничтожить писателя не хотели – он был символом эпохи, человеком из народа и выражал интересы народа⁹⁸.

В начале 1969 г. обстановка в автономном крае продолжала оставаться беспокойной. Служба государственной безопасности узнала, что готовятся демонстрации одновременно в Косове, Македонии и Санджаке, что албанцы-экстремисты готовы на саботаж, диверсии, другие террористические акции, что у них накоплено много оружия⁹⁹.

В середине 1969 г. демонстрации албанцев, которые несли албанские флаги и транспаранты с портретами Скандербега, наблюдались уже и в Черногории, в городе Ульцинь. Школьники во главе с несколькими преподавателями вели себя, как сообщалось в партийных документах, беспокойно, пели песни – сначала сербские, а потом и албанские. Представителям Службы госбезопасности демонстранты признались, что их на подобную «пробную» акцию склонили и научили лозунгам («Да здравствует Албания!») преподаватели школы им. Зейнел Хайдини из общины Глоговац из Косова, которые были на экскурсии в Ульцине¹⁰⁰.

Массовое движение в Хорватии. Победа Э. Карделя в споре о будущем федерации придавала уверенность некоторым республиканским лидерам в Словении, Хорватии. Они все меньше говорили о югославянстве, все больше о своих республиках. Даже партия не казалась больше монолитной. Одновременно начался процесс смены партийных кадров: старые партийцы уходили на заслуженный отдых, им на смену приходили мо-

лодые. Появилось ощущение свободы в самовыражении, в постановке ранее запретных тем, в выдвижении злободневных требований.

В конце 1960-х – начале 1970-х годов политическая активность хорватского общества переросла в явление, которое в историографии называют «массовое движение» или по-сербскохорватски – «маспок». Взрыв национального самосознания сопровождался активизацией различных, в том числе и политических, сил в стране. Более того, массовое движение развивалось не только при поддержке, но и при непосредственном участии руководящих кадров республики и потому приняло серьезные размеры.

Лидерство в движении принадлежало Матице хорватской, организации с давними культурными и научными традициями. Матица хорватская после 1945 г. официально считалась общественной организацией, которая занималась вопросами культуры. Под этим подразумевалось изучение хорватского исторического наследия, языка, сотрудничество с другими культурными и общественными организациями в стране и за рубежом, проведение лекций, круглых столов, научных конференций. В марте 1967 г. на одном из заседаний экспертного совета Матицы хорватской ученые решили обобщить свою позицию по вопросам хорватского языка. Была составлена «Декларация о положении и названии хорватского литературного языка», которую подписали восемнадцать ведущих хорватских научных институтов.

Авторы «Декларации» определили цель, стоявшую перед хорватским народом: «Иметь собственное национальное название языка, потому что это неотъемлемое право любого народа»¹⁰¹. Далее говорилось, что хорватский литературный язык вытесняется и ставится в неравноправное положение местного наречия. Причины сложившейся ситуации считались исключительно политическими. Идеи «Декларации» были поддержаны многими учеными, работниками культуры, сферы образования. На одном из заседаний ее одобрило Общество писателей Хорватии, в том числе, и один из самых уважаемых и влиятельных общественных деятелей писатель Мирослав Крлежа. Текст «Декларации» был распространен всеми хорватскими средствами массовой информации. Этими действиями Матица хорватская фактически в одностороннем порядке перечеркнула Новосадский договор о сербскохорватском языке 1954 г., который создавался при ее непосредственном участии. По словам одного из авторов «Декларации», тогдашнего секретаря Общества писателей Хорватии С. Михалича, «после политической смерти А. Ранковича началась настоящая оттепель, и мы сразу же начали говорить... о языке. Мы практически двадцать лет боролись за хорватский язык, то есть за свободу называть его хорватским языком и самим о нем заботиться»¹⁰².

Тема языка быстро приобрела политическое звучание. Результатом публикации «Декларации» для Матицы хорватской стало изменение ее роли и места в общественной, а позднее и политической жизни республики. Ее лидеры стремились занять посты в высших республиканских и союзных органах власти – в Саборе, Вече народов, городской скупщине, Культурно-просветительском вече, что создавало им еще больше возможностей для озвучивания и в дальнейшем воплощения в жизнь своих идей. «Декларация» стала своего рода «зеленым светом» для хорватского национального движения на этом этапе. Поддержка документа руководством республики стала сигналом для националистических сил о том, что можно предпринять и другие шаги в направлении пересмотра места Хорватии в Югославии и не только в области культуры.

Сотрудники Института истории рабочего движения после того, как его возглавил известный своими националистическими взглядами Ф. Туджман, стали инициатора-

ми пересмотра истории хорватского народа. На первый план выдвигались его вековое стремление к самостоятельности. Но, если раньше подобные обсуждения проходили в закрытом режиме и редко становились достоянием общественности, то теперь их содержание стало регулярно публиковаться на страницах газет и журналов Матицы хорватской. Институт активно использовал памятные даты из исторического прошлого республики, чтобы лишний раз напомнить обществу о хорватской самобытности.

В 1968–1969 гг. наблюдается подъем хорватского «массового движения», которое характеризуется приходом в руководство СКХ молодых партийных лидеров с новыми идеями и своими представлениями о будущем Хорватии. Еще во время обсуждения «Декларации» они продемонстрировали свои симпатии чаяниям хорватской интеллигенции, выступившей в защиту хорватской национальной самобытности, культурных традиций и права хорватского народа на свой литературный язык.

VI съезд СКХ (5–7 декабря 1968 г.) отличался, по словам хорватского историка Д. Биланджича, от всех предыдущих: в воздухе витала атмосфера движения против окостенелых структур, против союзной администрации, за укрепление автономии республик, за большее уважение национального фактора, за ликвидацию союзных фондов. И все это окутывалось фразеологией самоуправления, что являлось «„великолепной“ защитой от догматических и унитаристских сил»¹⁰³. Съезд, главным образом, закончил смену партийцев военного поколения, большинство членов ЦК составляли теперь люди в возрасте около 45 лет. На съезде главными фигурами были В. Бакарич и М. Трипало¹⁰⁴. Последнего избрали секретарем ИК ЦК СКХ.

Молодые хорватские лидеры (С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало, П. Пиркер), придя к власти в республике, озвучили идею «власть для народа». Они заявляли, что руководство должно стремиться действовать в интересах граждан, которые могут донести до власти свои чаяния через средства массовой информации и во время общественных мероприятий. Такие популистские заявления устраивали широкую общественность, националистические круги, а также союзное руководство во главе с Й. Броз Тито, которому были симпатичны молодые, уверенные в себе партийные кадры, способные, по его мнению, осуществить задуманные в стране реформы.

М. Трипало позднее вспоминал: «Это определенно было явление, которое зародилось после долгого бюрократического безразличия, стало причиной пробуждения масс, которые захотели участвовать не только в проведении, но и в выработке политики»¹⁰⁵. М. Врхунец, шесть лет проработавший с Й. Броз Тито, отмечал, что популярность хорватских политиков в республике превосходила популярность самого главы государства. Во время массовых мероприятий присутствовавшие скандировали вместе с именем Тито имена С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало. Они были уже не столько партийными, сколько национальными лидерами. Воодушевленные широкой поддержкой, хорватские руководители заговорили о массовости движения в Хорватии.

Молодые коммунисты выступили с серьезными экономическими инициативами, направленными на достижение Хорватией большей экономической самостоятельности. Среди них: реформирование банковской системы, децентрализация валютных фондов, передача экономической власти рабочим организациям, общинам и республикам. По их инициативе был поднят вопрос о «чистых доходах», то есть о желании самим распоряжаться доходами республики. По сути, хорватские предложения означали стремление к большей экономической самостоятельности в рамках Югославии. Эти действия хорватского руководства привели к конфликту Хорватии с союзными органами и вызвали

раздражение у остальных югославских республик. За экономическими требованиями последовали политические претензии к федерации.

Новые тенденции в политической жизни Хорватии нашли понимание и поддержку у деятелей Матицы хорватской, которые стремились усилить роль своей организации в политической жизни республики. Матица в 1968–1969 гг. серьезно расширила издательскую деятельность и через периодические издания осуществляла планомерную пропаганду своих идей. В период с 20 мая 1966 по 31 марта 1968 г. Матица хорватская издавала девять журналов, к осени 1971 г. их число возросло до 25. На страницах газет и журналов Матицы хорватской поднимались такие темы, как национальный вопрос, варианты создания национального государства, формирование национальной армии, реформа начальной школы, разделение учащихся по национальному признаку, развитие национальной культуры, проблема смешанных браков, экономическое угнетение Хорватии в Югославии. В средствах массовой информации Матица хорватская открыто пропагандировала национальную нетерпимость хорватов к другим народам Югославии и, прежде всего, к сербам. Власти Хорватии не только не принимали мер против подобных шагов, но и поощряли их, оказывая финансовую поддержку. На встрече с делегацией Матицы хорватской в ЦК СКХ в апреле 1969 г. М. Трипало обещал ей помощь в размере 300 млн динаров¹⁰⁶. Та, в свою очередь, в рамках научных и общественных форумов поддерживала политику молодых лидеров хорватских коммунистов и выступала с критикой их противников.

Матица хорватская как организация, представлявшая национальную культуру, тяготевшая к отстаиванию традиционных национальных интересов, в конце 1960-х годов стала тем центром, вокруг которого собирались силы, готовые бороться за национальные цели. Так Матица стала важным политическим центром наряду с ЦК СКХ и университетским движением. Постепенно критерием для принятия в Матицу хорватскую новых членов становились исключительно политическая активность и идейные взгляды. В Матицу вступали люди, не имевшие прямого отношения к культуре – политические и общественные деятели, в том числе из среды местных руководящих кадров, через которых организация могла оказывать влияние на различные политические и общественные структуры. В частности, Матица имела прочные позиции в Социалистическом союзе трудового народа, в организации ветеранов, в профсоюзах. Эти объединения Матица использовала для пропаганды своих идей и привлечения новых сторонников.

Организация начала основывать свои представительства за рубежом под названием «Общества друзей Матицы хорватской». В период с 1968 до конца 1971 г. были основаны около 30 таких обществ во всех ведущих европейских странах, США, Австралии. Инициаторами выступили известные представители хорватской политической эмиграции. Были налажены связи с такими организациями за границей, как «Хорватская академия Америки», «Американо-хорватский академический клуб», «Объединенные хорваты Америки» и с эмигрантскими кругами, группировавшимися вокруг мюнхенского журнала «Хрватска ревия».

Следующий этап «массового движения» (1970–1971) характеризовался переходом от обсуждений проблем развития республики к разработке и осуществлению конкретных программ действия. На X пленуме ЦК СКХ (январь 1970 г.) хорватские коммунисты сумели открыто поставить вопрос о правах Хорватии на большую экономическую, политическую и культурную самостоятельность. По инициативе С. Дабчевич-Кучар разгорелась серьезная дискуссия по вопросу будущего развития республики, ее роли

в федерации. Хорватский партийный лидер прямо заявила на пленуме о возможности «самостоятельного существования» Хорватии: «Мы сможем обрести свое социалистическое государство»¹⁰⁷. Тезис о государственности Хорватии включал в себя: экономическое развитие на уровне современных европейских государств; правовой порядок вместо партийно-политического государства; плюрализм мнений вместо полицейской конфронтации; европейская, а не балканская ориентация. Вопросы об отделении не поднимали, каждый раз шла оговорка, что суверенитет будет осуществляться в рамках Югославии¹⁰⁸.

Лидеры Хорватии сделали «массовое движение» частью стратегии Союза коммунистов Хорватии. Озвученное ими стремление к переменам больше походило на движение за усиление самостоятельности. На партийных форумах все чаще использовалось понятие «хорватская государственность», а работа над поправками к республиканской конституции приобрела форму подготовки к созданию максимально независимой республики.

На этом этапе Матица хорватская уже не скрывала своего стремления стать ведущей политической организацией Хорватии. Ее члены видели себя будущими лидерами Хорватии. Материалы периодических изданий Матицы стали носить открыто антиюгославский и антисербский характер. На страницах газет и журналов организации преобладала пропаганда националистических идей.

Политика СКХ и деятельность Матицы хорватской способствовали росту национализма, политической и межнациональной напряженности в республике. Следствием созданной в Хорватии атмосферы стала активизация сербских общественных и культурных организаций, выступавших в защиту сербского населения, чьи интересы хорватское «массовое движение» не только не учитывало, но и часто открыто преступало. Отношения хорватского и сербского населения в Хорватии стали портиться, росли недоверие, подозрение. Приходили сообщения о том, что на заводах начали пересчитывать хорватов и сербов. Из районов с сербским населением поступали жалобы на конкретные случаи национальной дискриминации. Соседи перестали разговаривать друг с другом. Хорватское руководство ставило под сомнение эти сообщения, объясняя их происками политических противников.

Однако М. Врхунец в воспоминаниях написал: «Информации было достаточно много и из разнообразных источников, поэтому Тито был достоверно и объективно информирован... Все службы и наш кабинет в том числе, были забиты письмами граждан. Согласно этим письмам, в сербских районах Хорватии рос страх от усташества, чьи преступления никто никогда не забывал»¹⁰⁹. «Маспоку» воспротивились коммунисты, ветераны войны, рабочие – и хорваты, и сербы, особенно в Славонии, Бании, Кордуне. На шествие Матицы хорватской в Подравска-Слатине ветераны войны ответили массовым митингом¹¹⁰. «Маспок» не поддерживали и хорватские офицеры в ЮНА¹¹¹.

После шквала критики в адрес Хорватии со стороны других республик в рядах хорватских коммунистов произошел окончательный раскол. В. Бакарич, представитель старшего поколения партийцев, перешел от предупреждений к требованию изменить националистический курс, осуществляемый молодыми коммунистами. Однако М. Трипало не уставал подчеркивать, что «время Бакарича прошло, не можем мы бороться, а он сидеть в тени и управлять через наши головы»¹¹². Но главное, что в это время, по утверждению М. Трипало, Тито «оказывает безрезервную поддержку акции ЦК СКХ против союзного правительства»¹¹³.

Следует, однако, подчеркнуть, что взаимоотношения между руководством СКХ и СКЮ были достаточно сложными. Все годы развития «массового движения» глава государства колебался в отношении событий в Хорватии. Он изначально явно симпатизировал новому хорватскому руководству и возлагал на него большие надежды. Широта взглядов молодых коммунистов, их решительность и напор выгодно отличались от осторожных и порой нерешительных действий представителей старшего поколения коммунистов. Лидеры СКХ смогли убедить Тито в том, что их деятельность осуществляется в русле реформ, начатых руководством страны, что их требования ограничены рамками демократических преобразований. Тито внимательно наблюдал за действиями хорватских руководителей, часто встречался с ними, пытался вникнуть в их замыслы.

Й. Броз Тито поддерживал реформаторство молодых коммунистов до тех пор, пока оно не угрожало его власти. Он фактически поддержал стремление хорватов и словенцев к большей самостоятельности, но в последний момент спохватился, осознав, что хорватские лидеры посягнули на единство страны, партии и армии. Существовавшие и ранее разногласия хорватских коммунистов старшего и молодого поколения в 1971 г. достигли уровня прямого противостояния, грозили перерасти республиканские рамки. Социологические опросы показывали падение популярности в Хорватии и самого Тито.

Раздражение главы государства выросло после того, как не были выполнены его требования о закрытии Матицы хорватской, ставшей в республике практически второй партией, о запрете ряда периодических изданий, об арестах студенческих лидеров. Молодые лидеры хорватских коммунистов не только не спешили выполнять указания Тито, но и позволяли перечить ему. Последней каплей переполнившей чашу терпения, стала информация о связи хорватского руководства с усташеской эмиграцией. После этого Тито занял твердую позицию, которая базировалась на убеждении, что события в Хорватии угрожают его личной власти и единству страны. Разворот Тито многих в Хорватии просто ошелолил.

28–30 апреля 1971 г. состоялось заседание президиума ЦК СКЮ с представителями всех республик и краев. Секретарь Исполнительного бюро ЦК СКЮ М. Трипало, встретившийся с главой государства накануне, отметил, что тот был очень раздражен и сообщил об осуществлении в стране контрреволюционной деятельности: «Ни у кого не должно остаться иллюзии в том, что он может в Югославии повторить вариант А. Дубчека в Чехословакии. В каждой республике найдется много тех, кто меня поддержит. Мы наведем порядок в стране при помощи армии»¹⁴.

Открывая заседание, Тито не скрывал своего беспокойства, заявив о том, что в СКЮ – кризис. «Я никогда не был так обеспокоен, как сейчас», – сказал он¹⁵. Однако заседание не шло намеченным курсом. С одной стороны, не получалось дружно осудить Хорватию, а Словения даже выразила понимание ее позиции. С другой, Хорватия фактически перестала воспринимать слова вождя как указания к действию. С третьей, обсуждение вылилось во взаимные обвинения представителей Сербии и Хорватии по поводу ущемления политических и экономических прав их республик в Югославии. И тогда вождь применил интересный прием. Неожиданно во время заседания он вышел, а вернувшись, сообщил, что ему позвонил Брежнев. Шокированному этим известием собранию Тито поведал: «Мы поприветствовали друг друга, и я спросил Брежнева, в чем дело? Он говорит: „Товарищ Тито, ходят разные слухи. Есть информация, что какие-то ваши войска движутся к Белграду, что ситуация критическая“. И т.д. Он так и сказал, что ситуация „очень важная“. Это означает – нехорошая. Я сказал: „Товарищ Брежнев, мы заседали

три дня, сейчас подходим к концу. Вся та информация, которую вы слышали, является дезинформацией. Это неправда. Это ложь. И войска никуда не движутся, и нам не надо войска использовать при решении внутренних вопросов“. Я хотел сказать, что и во внешней политике не надо, но не сказал. Я сказал ему, что наше обсуждение продуктивно, что мы работаем над укреплением нашей партии, так как у нас есть достаточно серьезные вопросы, которые нужно решить, а это может сделать только партия. Правильно, ответил он. Я сказал ему: „Будьте уверены, что у нас достаточно сил, чтобы все решить самим, без какой-либо помощи кого бы то ни было“»¹¹⁶.

Внешняя угроза, а именно так воспринимался звонок Брежнева, способствовала объединению и диктовала принятие незамедлительных мер по стабилизации ситуации. Звонок прозвучал слишком вовремя, и поэтому существует мнение, что он был инсценирован самим Тито. Так или иначе, но он добился своего. В Заключении 17 заседания Президиума СКЮ говорилось о единстве югославских коммунистов в оценке того, что национализм явился объединяющим фактором для всех антикоммунистических сил, что именно он подрывает доверие между народами и народностями Югославии и ведет к угрозе единства в СКЮ. Все республики должны были провести пленумы и осудить проявления национализма.

30 ноября 1971 г. Й. Броз Тито встретился с руководством СК Хорватии в Караджорджеве. Присутствовали члены Исполнительного комитета и представители общественно-политических организаций Хорватии, всего 20 человек. Встреча длилась 20 часов. Тито осудил Матицу хорватскую как центр контрреволюции¹¹⁷, а Исполнительный комитет СК Хорватии объявил находящимся в кризисе и расколотым на фракции и группы. Руководители Хорватии в ответ приводили старые аргументы. Тито не понравилось, что он не услышал самокритики. Вместо этого хорватские «руководящие товарищи» постоянно употребляли слово «унитаризм», который якобы опаснее национализма. Однако, по мнению Тито, надо было различать унитаризм как остаток догматизма и унитаризм как единство и неделимость Югославии¹¹⁸. На этой встрече Тито высказался и о идее суверенитета республики: «Это что еще за второй суверенитет? Нельзя сейчас создавать какой-то свой, отдельный, наподобие классического государства. А такие тенденции существуют. Есть только один югославский суверенитет, он состоит из суверенитетов всех республик»¹¹⁹.

1–2 декабря 1971 г. состоялось заседание президиума ЦК СКЮ. Тито рассказал о содержании своих разговоров с руководством Хорватии, просил рассмотреть ситуацию во всей Югославии. По его мнению, в Хорватии было сформировано национальное движение, а руководство республики не дало отпор контрреволюционным группам, которые стояли за спиной этого движения. Он подчеркнул, что источник волн национализма и шовинизма, который захлестнул Хорватию, находился в Матице хорватской. Наряду с национализмом Тито, как обычно, осудил и унитаризм, но высказался за единство Югославии как неделимого и целого государства. Представители СК Хорватии согласились с критикой, но причины роста национализма объяснили медленным решением общественно-экономических проблем¹²⁰.

Личное участие Тито в критике курса СКХ, выбранная тактика и жесткость формулировок все же заставили руководство Хорватии каяться. С. Дабчевич-Кучар призналась, что «были случаи подогревания политической температуры» со стороны руководства СКХ. Она оправдывалась, что, когда говорили о движении, то «имели в виду не создание другой организации, а готовность включить широкие массы народа в политику Союза

коммунистов Югославии и Союза коммунистов Хорватии», имели в виду «поддержку рабочего класса, крестьянства и большей части интеллигенции». Позицию руководства Хорватии она пыталась представить как современную и прогрессивную, подчеркивая, что в партии в то же время есть консервативная группа, которая стоит на антисамоуправленческих и антиюгославских позициях. К ним она добавила унитаристов, этатистов и сербских шовинистов, которые не были лишь реакцией на хорватский шовинизм. «И когда будем бороться против хорватского шовинизма, – уточнила она, – должны будем бороться и с этими силами, должны дать им бой»¹²¹.

Руководство СКХ колебалось и не хотело подавать в отставку, надеясь, что его поддержит рабочий класс. Поэтому к Загребу были подтянуты войска, полиция и спецслужбы, которым были выданы четкие инструкции на случай беспорядков. Генерал Д. Йованович через семнадцать лет после этих событий вспоминал, что Й. Броз Тито сообщил ему о намерении контрреволюционных сил с помощью студентов захватить власть. Генерал в ответ заверил, что все находится под контролем. С. Дабчевич-Кучар в воспоминаниях пишет: «Это было решающим для меня при подаче в отставку. Мы не хотели и не имели права быть причиной столкновений с тяжелыми последствиями»¹²². В итоге партийное руководство Хорватии, включая С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало, П. Пиркера, подали в отставку на пленуме ЦК СКХ 12–13 декабря 1971 г.

Но еще 7 декабря были арестованы все редакторы еженедельника «Хрватски тьедник», самого старого органа Матицы хорватской. 11 декабря 1971 г. произошла коллективная отставка Исполнительного комитета Матицы, 20 декабря в отставку отправлены члены ее Центрального комитета и Президиума. Деятельность Матицы хорватской была прекращена. Ее здание и архив были опечатаны полицией, позднее их передали Академии Наук.

Пик арестов и дальнейших судебных разбирательств пришелся на 1972 г. В марте прошли массовые аресты студенческих лидеров с формулировкой «за контрреволюционные действия против народа и государства». По официальным данным, в 1972 г. к суду были привлечены 947 рядовых членов партии и 69 коммунистов – членов ЦК. Так называемые политические меры были применены к 1052 членам партии: из Союза коммунистов исключены 741 человек; 31 руководителя перевели на другие должности; в отставку со своих должностей ушли 280 человек¹²³.

В августе 1972 г. республиканский Секретариат внутренних дел разослал в республики секретную Директиву президента страны и командующего по вопросам безопасности от 24 июля 1972 г. Она предполагала укрепление системы безопасности в условиях деятельности контрреволюционных сил и «специальной войны», направленной против Югославии и ее конституционной системы¹²⁴. Главе государства на короткое время удалось сплотить югославских коммунистов, однако в 1970-е годы начался новый виток разногласий между республиками и центральной властью.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА. Появившиеся в 1960-е годы первые признаки либерализации выражались в требованиях свободы печати, автономии университета, независимости судопроизводства, невмешательства партии в работу политических институтов. Но власти понимали, что всякая реформа в этой сфере для них губительна. По словам Л. Перович, у югославских коммунистических властей сочетались «критика Сталина и укрепление нашего варианта сталинизма»¹²⁵.

Все это было следствием кризиса модели, по которой Югославия развивалась после 1948 г., считает Л. Перович. Симптомы этого кризиса как раз и стали ощущаться в середине 1960-х годов. Реформа партии и федерации, экономической системы породили поляризацию сил в партии и в обществе. Появились две течения: 1) либеральное и 2) догматическое, консервативное. Первое стремилось к открытому обществу, рыночной экономике, модернизации, реформе партии, политическому плюрализму (свобода фракций), эластичной федерации, закреплённой правами и обязанностями республик и определёнными совместными функциями.

В противоположность этому другое течение склонялось к административной экономике, доминирующей роли твердо организованной и централизованной партии, централистской федерации, опирающейся на армию. Наиболее интенсивной борьба этих двух течений стала после IV пленума, студенческих событий 1968 г., а особенно после оккупации Чехословакии в 1968 г. и появления идей еврокоммунизма. После мирной «поколенческой» смены руководства в партии, которая произошла на XIX съезде СКЮ (1969), либеральное течение окрепло во всех республиках. Однако 1 декабря 1971 г. в Караджорджеве произошли резкие перемены. Тогда была применена сила в решении спорных вопросов, что не могло не остаться без последствий в молодом сложном обществе без демократических традиций. Усилилась роль главного политического арбитра. Все это оправдывалось целью защиты и сохранения Югославии¹²⁶.

Либерализм стал особенно ярким явлением в Сербии. Его лидером был Марко Никезич. До 1968 г. он занимал пост главы внешнеполитического ведомства – государственного секретаря по иностранным делам. В ноябре 1968 г. М. Никезич возглавил СК Сербии. Его избрание было неожиданным для членов партии (его кандидатуру предложил предыдущий глава сербских коммунистов П. Стамболич, который сам отказался выдвигаться). Многие полагали, что во главе СК Сербии должна быть сильная личность. Считалось, что «необходим авторитет, национальная фигура, а Марко Никезич таковым не был». В белградской печати о нем говорили как о «новом» человеке.

М. Никезич полагал, что говорить о необходимости изменений надо осторожно, постепенно, при согласии ведущих людей в партии и особенно Й. Броз Тито. «Я думал, – писал М. Никезич, – что он может пойти значительно дальше в допущении демократии как раз потому, что был неприкосновенным... Я хотел его видеть как человека, который возглавляет нашу эволюцию». М. Никезич писал также, что все, кто выступал за государственный социализм, считали его прозападным человеком за то, что он полагал, что «западные формулы – это общемировые формулы» и мечтал о европеизации страны. Он был убежден, что главная опасность для независимости Югославии исходила от Советского Союза и, по его мнению, так думали 90 % сотрудников Секретариата иностранных дел. Однако из-за исторической привязанности к России, ставить «западника» во главе Сербии было рискованным делом¹²⁷.

В начале 1970-х годов М. Никезич имел сторонников во всех республиках СФРЮ, для которых он был альтернативой государственному социализму, национализму, ресталинизации партии и рецентрализации государства. Он считал, что путь Сербии и Югославии должен вести к развитию современной экономики, демократизации общества, освобождению от старых кадров и от власти югославской политической верхушки. Главную опасность М. Никезич видел в реставрации бюрократического централизма, который грозил задушить демократию, и настаивал на том, что вместо сербской заботы о Югославии нужно, чтобы югославский верх не вмешивался в сербские дела. Б. Петранович

полагал, что под его руководством в Сербии сформировался другой вид, ненационалистической, оппозиции по сравнению с Хорватией¹²⁸. Л. Перович подтверждает, что «сербские либералы не были националистами»¹²⁹.

В сербской историографии последних лет появился тезис, что Тито расправился с сербскими либералами для того, чтобы уравновесить жесткую позицию в отношении «массового движения» в Хорватии. Однако сами сербские либералы такую позицию не разделяют. М. Джекич считает, что Тито «не был инициатором дискуссий около так называемого либерализма у нас. Это были мы сами. Я сам неоднократно принимал участие в этом»¹³⁰.

Л. Перович подчеркивает, что сербское партийное руководство «не осуждало» «маспок» и держалось на расстоянии от оценок хорватского движения. Поэтому «после осуждения партийного руководства в Хорватии... под удар должно было попасть и сербское партийное руководство», в том числе и из-за этой своей «позиции». «Сербское руководство, – пишет она, – квалифицированное как технократическое, либеральное, прозападное, что означало – антисамоуправленческое, прокапиталистическое, советскофобское, со своими взглядами (на рынок, реформу, демократию), объективно представляло преграду для формирования нового соотношения сил в Югославии»¹³¹.

Сербские либералы именно поэтому были осуждены как носители чуждой идеологии. «В столкновении 1971–1972 гг. потерпело поражение течение в Союзе коммунистов Сербии, которое определяли как советскофобское, антититовское, оппортунистическое, техноменеджерское, элитное. Говорилось, что оно было троянским конем классового врага в Союзе коммунистов Югославии. Позже все это сократилось и попало под определение либералы. Это было не случайно. Либерализм – известная ересь в международном коммунистическом движении: им всегда обозначали те течения, которые стремились не только к критике деформаций и изменению системы, но и к постепенной ревизии целей»¹³².

Лидер сербского либерализма М. Никезич подал в отставку в октябре 1972 г. Его осудили как носителя чуждой СКЮ идеологии. И он действительно, как считает Л. Перович, защищал идею, противоположную идее коммунизма, поскольку «либерализм отстаивал гражданское общество и приверженность ценностям западноевропейской цивилизации, либеральную экономику и власть права, прежде всего, а также антиценрализм и антинационализм»¹³³.

Словенский ученый Б. Репе, написавший книгу о либерализме в Словении, полагает, что либерализм – общегославское явление и что хронологически его существование можно обозначить как середина 1960-х – середина 1970-х годов. Он связывает либерализм с демократическими изменениями в обществе, оппозиционным движением, с идеологическими различиями, которые сильнее всего проявились в Словении, Хорватии и Сербии. Некоторые явления отмечались и в Македонии. Причем либерализм имел разную окраску. В Словении и Македонии он имел национальные оттенки, в Хорватии проявился как национализм¹³⁴.

Как пишут словенские историки, при всех различиях либерализм в югославских республиках объединял критический взгляд на способ управления в партии и государстве. Национализм в Хорватии был связан с тем, что «маспок» поддержала хорватская эмиграция, которой была близка усташская идеология. И поэтому с ноября 1971 г., начиная с выступлений студентов, «маспок» свернул с либерального пути¹³⁵.

Словенский либерализм выражался в критике существовавшей системы и выдвижении планов ее структурных изменений. Словенцы не возражали против социализма и ведущей роли СК, но требовали плюрализма. Самым радикальным требованием была реорганизация ССТНЮ с возможностью вхождения в него организаций с различными позициями, имеющими право критиковать проводившуюся политику. Это могло перерасти даже в двухпартийную политическую систему, а затем – в многопартийный плюрализм¹³⁶. Идея изменения межнациональных отношений (в Словении понимаемая как отношения между республиками и центром) тяготела к конфедерализму – экономической и финансовой самостоятельности республик, территориальной организации обороны с возможностью служить в собственной республике, языковому и другому равноправию в армии, непосредственным связям с республиками без центра как посредника, большей самостоятельности в международных отношениях.

Основной принцип словенских либералов – принцип народного (республиканского) суверенитета. Как таковая программа словенских либералов не существовала, ученые выводили ее из выступлений, речей и политических позиций приверженцев либерализма. Не существовало и какого-нибудь центра либерализма в Словении. Можно лишь назвать центром притяжения либералов Станета Кавчича, председателя словенского правительства в 1967–1972 гг. Теоретические основы либерализма можно было найти в журнале «Теория ин пракса». Существовали группы либералов в республиканской скупщине, в отдельных организациях Союза коммунистов Словении, в партийном комитете Любляны, в Люблянском университете, среди журналистов, а также экономистов, выступавших за реформы¹³⁷.

Словенские историки связывают процесс либерализации с 1968 г. и возможностью демократизации в обществе после падения А. Ранковича. Этот процесс, по их мнению, тесно связан с экономической реформой, со стремлением к большему суверенитету, хотя сам Союз коммунистов не хотел отречься от монополии на принятие решений. Это и определяло всю политику Словении до конца 1972 г. Изначально большинство требований касалось либерализации экономики, усиления роли рынка и введения плано-рыночных отношений. Но для этого надо было осуществить демократические изменения в политической системе. Чтобы увеличить роль республик, необходима была децентрализация политической власти¹³⁸.

С либералами начали расправляться весной 1971 г. В октябре 1972 С. Кавчича обвинили в связи с политической эмиграцией. Начались «идеологические чистки» на всех уровнях¹³⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Nikezić M. Srpska krhka vertikala. Beograd, 2003. С. 10.

2 Петрановић Б. Историја Југославије 1918–1988. Београд, 1988. Књ. 3. С. 348.

3 Arhiv Jugoslavije (Srbije i Crne Gore) (далее АЈ). F. 507. СК SKJ. V. K-XIV/20. С. 37.

4 Јован Филип. Подводни гребни на политиката: Разговори со Крсте Црвенковски. Скопје, 1993. С. 11.

5 Bilandžić D. Povijest izbliza: Memoarski zapisi 1945–2005. Zagreb, 2006. С. 81.

6 Ђосипић Д. Пишчеви записи (1951–1968). Београд, 2000. С. 216.

7 Slovenska novejša zgodovina: Od programa Zedinjenja Slovenija do mednarodnega priznanja Republike Slovenije 1848–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 2. S. 1033–1034, 1039, 1078–079.

- 8 AJ. F. 507. CK SKJ. V. K-XVI/5. S. 7.
- 9 AJ. F. 507. CK SKJ. III/87. Prilog 1. S. 10–11.
- 10 Цит. по: *Ђосић Д.* Пишчеви записи (1951–1968). С. 291.
- 11 Там же.
- 12 *Bilandžić D.* Povijest izbliza: Memoarski zapisi 1945–2005. Zagreb, 2006. S. 107.
- 13 AJ. F. 507, CK SKJ, V, K-XVI/5/ S. 122–124.
- 14 *Ђосић Д.* Пишчеви записи (1951–1968). Београд, 2000. С. 215.
- 15 Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. CK ZKS. Š. 15. Seje IKCK ZKS. A.E. Stenografski zapisnik seje IK CK ZKS; Š. 22. Predsednikova dejavnost. AE. Informacija.
- 16 Ibid. С. 362–363, 370.
- 17 Početak kraja SFRJ: Stenogram i drugi prateći dokumenti proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane 14–16 marta 1962 godine / Prired. dr Miodrag Zečević. Beograd, 1998. S. 276–277.
- 18 *Ђосић Д.* Пишчеви записи (1951–1968). С. 220–221.
- 19 Там же. С. 221–222.
- 20 Slovenska novejša zgodovina. Knj. 2. S. 1040–1041.
- 21 *Ђосић Д.* Пишчеви записи (1951–1968). С. 287.
- 22 Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. CK ZKS. Š. 193. Komisija za mednacionalne in medrepubliške odnose pri CK ZKS. A.E. Stenografske beleške Izlaganja druga E.Kardelja. S. 7, 23.
- 23 Цит. по: *Ђосић Д.* Пишчеви записи (1951–1968). С. 287.
- 24 *Bilandžić D.* Povijest izbliza: Memoarski zapisi 1945–2005. S. 82.
- 25 *Ђосић Д.* Пишчеви записи (1951–1968). С. 289
- 26 *Bilandžić D.* Povijest izbliza: Memoarski zapisi 1945–2005. Zagreb: Prometej, 2006. С. 39–40.
- 27 AJ. F. 507. CK SKJ. VIII. Ideološka komisija. II/2-b (212). S. 60, 65.
- 28 *Jović B.* Knjiga o Miloševiću. Beograd, 2001. S. 49–50.
- 29 Центральная Европа во второй половине XX века. М., 2002. Т. 2. От стабилизации к кризису 1966–1989. С. 490.
- 30 *Bilandžić D.* Povijest izbliza: Memoarski zapisi 1945–2005. S. 490–491.
- 31 *Петрановић Б.* Историја Југославије 1918–1988. Београд, 1988. Књ. 3. С. 382.
- 32 AJ. F. 507. CK SKJ, Plenarne sednice. II/27. S 1.
- 33 *Bilandžić D.* Povijest izbliza: Memoarski zapisi 1945–2005. S. 51.
- 34 Početak kraja SFRJ: Stenogram i drugi prateći dokumenti proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane 14–16 marta 1962 godine. S. 270.
- 35 *Ђосић Д.* Пишчеви записи (1951–1968). С. 216.
- 36 Там же. С. 220.
- 37 Там же. С. 238–239.
- 38 Там же. С. 292–293.
- 39 AJ. F. 507. CK SKJ. III/117. Prilog 2. S. 27.
- 40 *Ранковић А.* Дневничке забелешке. Београд, 2001. С. 37.
- 41 AJ. F. 507. CK SKJ, Plenarne sednice. II/28. Prilog 1. S. 3.
- 42 *Ђосић Д.* Пишчеви записи (1951–1968). С. 254, 256.
- 43 Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. CK ZKS. Š. 33. Seje IKCK ZKS. A.E. Zapisnik XX seje IK CK ZK Slovenije.
- 44 *Ђосић Д.* Пишчеви записи (1951–1968). С. 258, 295.
- 45 *Петрановић Б.* Историја Југославије 1918–1988. Књ. 3. С. 388.
- 46 AJ. F. 507, CK SKJ. Izvršni biro predsedništva SKJ. II/29 (2). S. 116.

- 47 Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. IK ZKS. Š. 60. IK A.E. Stenografske beleške sa IX zajedničke sednice Predsedništva i Izvršnog komiteta CK SKJ. S. 3.
- 48 Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. CK ZKS. Š. 33. Seje IKCK ZKS. A.E. Zapisnik XX seje IK CK ZK Slovenije.
- 49 Ђосић Д. Пишчеви записи (1951–1968). С. 263.
- 50 AJ. F. 507. CK SKJ. Izvršni biro predsedništva SKJ. II/29 (6). S. 47.
- 51 AJ. F. 507. CK SKJ. Izvršni biro predsedništva SKJ. II/29 (1). S. 1, 9.
- 52 AJ. F. 507. CK SKJ. Izvršni biro predsedništva SKJ. II/29 (3).
- 53 Arhiv Republike Slovenije. F. 1931. Republiški sekretariat za notranje zadeve SRS. Š. 1404. A.E. Izveštaj o protivustavnoj grupe oko Aleksandra Rankovića i o zloupotrebljavanju Službe državne bezbednosti u političke svrhe. S. 1–3, 8, 15–16.
- 54 Nikezić M. Srpska krhka vertikala. S. 17, 101.
- 55 Bilandžić D. Povijest izbliza: Memoarski zapisi 1945–2005. С. 52–53.
- 56 Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. CK ZKS. Š. 25. Idejno politične naloge ZKS in obravnana rezolucija. A.E. Predsedništvo. S. 5.
- 57 Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. CK ZKS. Š. 195. Komisija za mednacionalne in medrepubliške odnose pri CK ZKS. A.E. Informacija. Priloga 1.
- 58 Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. CK ZKS. Š. 226. Komisija za mednacionalne in medrepubliške odnose pri CK ZKS. A.E. CK SK Jugoslavije
- 59 Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. CK ZKS. Š. 195. Komisija za mednacionalne in medrepubliške odnose pri CK ZKS. A.E. Ustavnemu sodišću Jugoslavije.
- 60 Државен Архив на Република Македонија. Ф. 1.427. ЦК НА КПМ/СКМ. К. 136.22. С. 986–987.
- 61 Петрановић Б. Историја Југославије 1918–1988. Књ. 3. С. 401.
- 62 Slovenska novejša zgodovina. Књ. 2. S. 1052.
- 63 Ibid. S. 1054.
- 64 Димић Љ. Историја српске државности. Нови Сад, 2001. Књ. III. Србија у Југославији. С. 393–394.
- 65 Там же. С. 397.
- 66 Slovenska novejša zgodovina. Књ. 2. S. 1056.
- 67 Државен Архив на Република Македонија. Ф. 1.427. ЦК на КПМ/СКМ. К. 144.4. С. 56–75.
- 68 Bilandžić D. Povijest izbliza: Memoarski zapisi 1945–2005. С. 67.
- 69 Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. IK ZKS. Š. 60. IK A.E. Stenografske beleške sa IX zajedničke sednice Predsedništva i Izvršnog komiteta CK SKJ. S. 46.
- 70 Запись разговора с Л. Трпковичем, одним из организаторов студенческого волнения на электротехническом факультете, 7 мая 2007 г.
- 71 Nikezić M. Srpska krhka vertikala. S. 27.
- 72 Ђосић Д. Пишчеви записи (1951–1968). С. 333.
- 73 Там же. С. 335, 338.
- 74 Запись разговора с Л. Трпковичем...
- 75 Slovenska novejša zgodovina. Књ. 2. S. 1063.
- 76 Ibid. S. 1065, 1066.
- 77 Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. IK ZKS. Š. 60. IK A.E. Stenografske beleške sa IX zajedničke sednice Predsedništva i Izvršnog komiteta CK SKJ. S. 28, 30.
- 78 AJ. F. 507. CK SKJ. VIII. Ideološka komisija. II/2-b (218). S. 1, 4.
- 79 Државен Архив на Република Македонија. Ф. 1.427. ЦК на КПМ/СКМ. К. 139.5. С. 98–108.

- 80 Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. IK ZKS. Š. 60. IK A.E. Stenografske beleške sa IX zajedničke sednice Predsedništva i Izvršnog komiteta CK SKJ. S. 4, 7–8.
- 81 Ibid. S. 10.
- 82 *Bilandžić D.* Povijest izbliza: Memoarski zapisi 1945–2005. C. 66.
- 83 Запись разговора с Л. Трпковичем...
- 84 AJ. F. 130. SIV. Fas. 559. JO. 926. S. 1.
- 85 AJ. F. 130. SIV. Fas. 559. JO. 926. S. 2, 6–8.
- 86 Ibid. S. 10–12.
- 87 Цит. по: *Ђосић Д.* Пишчеви записи (1951–1968). С. 387.
- 88 *Петрановић Б.* Историја Југославије 1918–1988. Књ. 3. С. 389.
- 89 Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. Predsednikova dejavnost. Š. 17. Zapisnik razgovora predsednika Tita s predstavnikami SR Slovenije. S. 25.
- 90 Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. Predsednikova dejavnost. Š. 17. Zabeleška razgovora pri tov. Titu na Brdu. S. 2.
- 91 *Nikezić M.* Srpska krhka vertikala. S. 114, 122.
- 92 *Петрановић Б.* Историја Југославије 1918–1988. Књ. 3. С. 402.
- 93 Там же. С. 469–471.
- 94 Там же. С. 480.
- 95 Integralni govor Dobrice Ћosića na XIV sednici CK SK Srbije // Nedeljni telegraf. Beograd, 1998. 1 april. S. 28–31.
- 96 Arhiv Republike Slovenije. F. 1589. CK ZKS. Š. 278. Komisija za mednacionalne in medrepubliške odnose pri CK ZKS. A.E. 14. седница ЦК СК Србије. С. 94–95.
- 97 Ibid. S. 314–315; *Ђосић Д.* Пишчеви записи (1951–1968). С. 330.
- 98 *Nikezić M.* Srpska krhka vertikala. S. 20.
- 99 AJ. F. 130. SIV. Fas. 559. JO. 926. S. 13, 14.
- 100 AJ. F. 507. CK SKJ. IV; K. 17/19.
- 101 *Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N.* Geneza maspoka u Hrvatskoj. Beograd, 1990. S. 2.
- 102 *Jandrič B.* Pogledi na Deklaraciju o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika // Povjesni prilozi. 1999. № 18. S. 326.
- 103 *Bilandžić D.* Povijest izbliza: Memoarski zapisi 1945–2005. C. 68.
- 104 Мико Трипало происходил из очень богатой и уважаемой семьи, которая в свое время поддержала создание Королевства СХС. В 16 лет Мико присоединился к антифашистскому движению в Хорватии. Закончил юридический факультет в Загребе. Обладал шармом и харизмой. См.: *Nikezić M.* Srpska krhka vertikala. С. 15, сноска 33.
- 105 *Tripalo M.* Hrvatski nacionalni program – počeci pluralizma // Erasmus. 1996. № 15. S. 23.
- 106 *Bilandžić D.* Povijest izbliza: Memoarski zapisi 1945–2005. C. 78.
- 107 *Dabčević-Kučar S.* SKH u političkoj akciji. Zagreb, 1971. S. 42.
- 108 *Dabčević-Kučar S., Gotovac V., Budiša D.* Nakon četvrt stoljeća // Erasmus. 1996. № 15. S. 9.
- 109 *Vrhunec M.* Šest godina s Titom: (1967–1973): pogled s vrha i izbliza. Zagreb, 2001. S. 290.
- 110 *Петрановић Б.* Историја Југославије 1918–1988. Књ. 3. С. 407.
- 111 *Bilandžić D.* Povijest izbliza: Memoarski zapisi 1945–2005. C. 117.
- 112 Ibid. S. 72, 75–76.
- 113 Ibid. S. 66.
- 114 *Tripalo M.* Hrvatsko proljeće. Zagreb, 1990. S. 149
- 115 AJ. F. 507. CK SKJ. III/153. S. 5
- 116 AJ. F. 507. CK SKJ. III/153. S. 382

- 117 *Петрановић Б.* Историја Југославије 1918–1988. Књ. 3. С. 407.
- 118 Arhiv Republike Slovenije. F. 1277. Rodbinski fond Edvard Kardelj. Š. 4. Dosje IV. Autorizovane stenografske beleške sa 21 sednice Predsedništva SKJ. P. 2–9.
- 119 Sječa Hrvatske u Karađorđevu 1971: 21 sjednica. Autorizarani zapisnik. Glavni odgovorni urednik Pišković M. Zabreb: Meditor. 1994. S. 194.
- 120 *Петрановић Б.* Историја Југославије 1918–1988. Књ. 3. С. 408.
- 121 Arhiv Republike Slovenije. F. 1277. Rodbinski fond Edvard Kardelj. Š. 4. Dosje IV. Autorizovane stenografske beleške sa 21 sednice Predsedništva SKJ. P. 199–202.
- 122 *Dabčević-Kučar S.* Hteli smo Evropu dovesti u Hrvatsku // Prekinuta šutnja: ljudi iz 1971 g. Zagreb, 1990. S. 307.
- 123 *Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N.* Geneza maspoka u Hrvatskoj. S. 1046.
- 124 Arhiv Republike Slovenije. F. 1931. Republiški sekretariat za nutranje zadeve SRS. Š. 1404.
- 125 *Perović L.* Ljudi, događaji i knjige. Beograd, 2000. S. 10.
- 126 Ibid. S. 133–134.
- 127 *Nikezić M.* Srpska krhka vertikala. S. 12–13.
- 128 *Петрановић Б.* Историја Југославије 1918–1988. Књ. 3. С. 408.
- 129 *Perović L.* Ljudi, događaji i knjige. S. 14.
- 130 Цит. по: *Nikezić M.* Srpska krhka vertikala. S. 14, сноска 31.
- 131 Ibid. S. 44.
- 132 *Perović L.* Ljudi, događaji i knjige. S. 11.
- 133 *Nikezić M.* Srpska krhka vertikala. S. 10, 30–31.
- 134 *Repe B.* «Liberalizem» v Sloveniji // Borec. Ljubljana, 1992. № 9–10. S. 935.
- 135 Slovenska novejša zgodovina. Knj. 2. S. 1058.
- 136 *Repe B.* «Liberalizem» v Sloveniji. S. 937.
- 137 Ibid.
- 138 Slovenska novejša zgodovina. Knj. 2. S. 1057.
- 139 *Repe B.* «Liberalizem» v Sloveniji. S. 939–940.

ГЛАВА 8

«КАРДЕЛЕВСКАЯ ЮГОСЛАВИЯ» (1974–1990)

Последняя реконструкция. События конца 1960-х – начала 1970-х годов в Сербии, Хорватии, Словении и автономном крае Косово сложились в первый крупный внутренний кризис социалистической Югославии. Опираясь на армию, Й. Броз Тито «вычистил» республиканские партийные организации от всевозможных уклонов и вновь укрепил свою власть, но эти события произвели на него сильное впечатление. Он даже заявил, что не согласен с решениями «либерального» VI партийного съезда.

В соответствии с этими установками коммунистическое руководство страны в начале 1970-х годов развернуло курс на укрепление роли партии и государства, на чистку партийных рядов, усиление идеологического воздействия на массы и т.п. Официально новый партийный курс был сформулирован на 21-м заседании президиума СКЮ (декабрь 1971 г.); II конференции СКЮ (январь 1972 г.), принявшей так называемую Программу действий; в «Письме председателя СКЮ и Исполнительного бюро президиума СКЮ ко всем коммунистам» (сентябрь 1972 г.). В июне 1973 г. была опубликована «Платформа по подготовке позиций и решений X съезда СКЮ». Многие положения «Платформы» носили программный характер – о необходимости укрепления роли рабочего класса и его авангарда – СКЮ, о необходимости восстановления в партийном строительстве принципа демократического централизма, об уточнении роли государства в условиях самоуправления, об ошибочности фетишизации рынка и необходимости укрепления планирования¹. То есть пересмотру подвергались как раз те принципы, которые партия отстаивала после 1948 г. и которые как раз и отличали Югославию от стран «реального социализма».

Окончательно курс на усиление роли партии был закреплен на X съезде СКЮ (май 1974 г.). Тито решил именно так преодолеть кризисные моменты в развитии страны, заявив, что если что-то и должно быть в Югославии единым, то это – партия, которая должна укрепляться. Если раньше в пресловутом принципе демократического централизма подчеркивалась первая составная часть, то теперь акцент явно переместился на вторую. Был сделан вывод, что и государство в условиях социализма должно играть очень важную роль в управлении материальными процессами общественного развития.

Фактически речь шла о свертывании самоуправленческих начал, которые изначально были призваны стимулировать процесс отмирания государства. Разумеется, на словах от самоуправления не отказывались, оно уже стало визитной карточкой титовской Югославии. Но это понятие стали использовать на все случаи жизни. Так, самоуправление было названо даже специфической формой диктатуры пролетариата². Как пишет хорватский историк Д. Биланджич, в начале 1970-х годов был прерван процесс демократизации и вновь установлен режим «твердой руки» под лозунгом обновления «диктатуры пролетариата», а вся Югославия вновь оказалась под пятой партийной бюрократии³.

Д. Биланджич даже называет происходивший процесс «партийно-государственным переворотом», совершенным Й. Броз Тито, Э. Карделем и В. Бакаричем. Нам представляется, что это сильное преувеличение. Тито еще твердо контролировал положение дел в стране, точно дозировал все изменения в политике государства и правящей партии. В тот момент он прибегнул к известной смене курса, но не более того. Причем, это касалось отнюдь не всех сторон жизни югославского общества. Тот же Биланджич констатирует, что боязнь противников партийно-государственного переворота некоего неосталинского курса оказалась напрасной. Авторы переворота пошли по другому пути – предоставления республикам и краям большей государственной самостоятельности⁴.

И действительно, параллельно всем чисткам и усилению цензуры в стране подходила к концу конституционная реформа, начавшаяся еще в 1967–1971 годах, когда были приняты поправки к конституции, заметно расширившие права республик и автономных краев за счет соответственно федерации и Сербии. Эта реформа завершилась в феврале 1974 г. принятием четвертой и оказавшейся последней в истории социалистической Югославии конституции.

Конституция СФРЮ провозглашала превращение самоуправления во всеохватывающую систему «социалистического самоуправления» (ранее речь шла о рабочем, затем об общественном самоуправлении). Однако главной особенностью конституции 1974 г., благодаря которой она и стала знаменитой, было еще большее сужение политических и экономических функций федерации за счет увеличения полномочий республик и автономных краев. Конституция определила Югославию как «государственное содружество добровольно объединившихся народов и их социалистических республик, а также социалистических автономных краев Воеводины и Косова». Была подтверждена государственность республик и краев, которые должны были теперь сами выполнять многие функции федерации на основе взаимных соглашений. Республиканским органам отводилась главная роль при решении большинства экономических и кадровых вопросов. Без их согласия не мог быть принят никакой федеративный акт, касающийся внутреннего устройства страны. Общеюгославские вопросы решались только на основе консенсуса между республиками и краями.

Таким образом, югославское руководство, оказавшись перед выбором, вместо развития реальной демократии «перенесло центр тяжести с федерации на республики», «на развитие наций через республики, как через национальные государства». На самоуправленческом жаргоне это объяснялось правом рабочего класса каждой республики распоряжаться созданной им «прибавочной собственностью» или правом каждого народа распоряжаться плодами своего труда. Однако фактически «федерация стала кулисой, за которой (после 1980 г.) правила партийные лидеры республик, подобно тому, как в 1950 г. она была фасадом, за которым в реальности правило Политбюро Центрального комитета»⁵.

По конституции 1974 г. югославская федерация явно приобрела ряд черт конфедеративного устройства. Республики и края начали превращаться в самостоятельные, замкнутые общественно-экономические образования. Один из главных авторов конституции Эдвард Кардель в своем наукообразном стиле говорил, что Югославия – не классическая федерация, не конфедерация, а «самоуправленческое сообщество народов и народностей», основанное на общих интересах, утвержденных «самоуправленческим и демократическим конституционным согласием между республиками и краями»⁶.

В кругу же своих единомышленников он откровенно говорил, что надо попробовать с конфедерацией, а если и она не будет функционировать, то «на Югославию придется махнуть рукой»⁷.

Конституционная реформа, направленная на ослабление союзного централизма, привела фактически не к росту самоуправления, а к другому процессу – усилению государственного компонента республик как национальных государств и «защитниц» наций. Тито считал, что этот процесс может быть нейтрализован сильным единым СКЮ, который бы гарантировал политико-идеологическое единство Югославии. Однако и СКЮ между своими IX и X съездами потерял монолитность и был потрясен идейными и политическими междоусобицами, а его члены сползали к местным интересам и национализму⁸. Последним и объяснялась выглядевшая на первый взгляд противоречивой политика Тито в первой половине 1970-х годов, которая была направлена одновременно на развитие и на свертывание самоуправленческих начал.

В результате конституционных преобразований в самой тяжелой ситуации оказалась Сербия. Сербское руководство не могло решать вопросы в двух своих автономиях, которые фактически были напрямую подчинены федерации. Еще более абсурдным стало то, что Сербия не могла без согласия автономий ничего менять и на оставшейся территории Сербии без автономных краев. Изменения в конституции вызвали в Сербии глухое недовольство. Однако против них еще на стадии подготовки этого закона публично осмелилась выступить только группа профессоров юридического факультета Белградского университета, в частности, Коста Чавошки и Михайло Джурич. Последний был за это не только выгнан с работы, но и осужден.

К этому времени уже четко определилась главная особенность югославских реформ. Во время их осуществления всегда в одной связке шли экономика и национальные отношения. Относительная демократизация общественной жизни расчищала путь экономическому развитию. Но она же в сфере национальных отношений, понимаемая преимущественно как децентрализация страны и ослабление федеративных связей, приводила совсем к другим результатам. Вместо гармонизации национальных отношений децентрализация возрождала национализм во всех республиках и краях, во всех сферах общественной жизни, приводила к увеличению претензий между народами, проживавшими в Югославии, друг к другу.

В то же время официально признанных югославских наций становилось все больше. Именно к этому времени относится оформление в Югославии так называемой мусульманской нации. Этот вопрос имел в социалистической Югославии свою предысторию. По переписи 1948 г. боснийские славяне-мусульмане фигурировали как «мусульмане неопределившиеся», т.е. как лица затруднившиеся назвать свою национальность; в 1958 г. они записывались как «югославы неопределившиеся»; в 1961 г. как «мусульмане» (категория этнической принадлежности). Наконец, в ходе переписи 1971 г. боснийские мусульмане в графу «национальность» вписывали себя уже как «мусульмане в смысле народности»⁹. Это сразу же возродило старые австро-венгерские построения о существовании якобы еще в то время отдельной «боснийской нации», «боснийском языке». А главное – в Боснии и Герцеговине вдруг появилась «титовская нация», республика стала ассоциироваться преимущественно с боснийскими мусульманами (хотя они всегда составляли меньше половины ее населения). Вскоре в Боснии заметно оживилась деятельность мусульманских организаций, которая особенно усилилась в 1978–1979 г. после исламской революции в Иране¹⁰.

Одним из последствий реформ 1960-х годов, открывшим путь децентрализации и рыночным механизмам, было усложнение положения слаборазвитых республик и краев. До этого государство централизовано направляло основную часть инвестиций на их индустриализацию и другие нужды. И это приносило определенные плоды. За 1947–1965 годы объем промышленного производства Черногории увеличился в 21,7 раза, Боснии и Герцеговины – в 8 раз, Македонии – в 8,4 раза, Косова – в 5,6 раза (по Югославии в целом – в 6 раз).

Однако после 1965 г. инвестиционная политика резко изменилась. Теперь основные средства вкладывались прежде всего в развитие обрабатывающих отраслей промышленности, предприятия которых находились, главным образом, в Словении и Хорватии. Так, в 1971 г. инвестиции в основные средства производства составили в Хорватии 23,7 %, в Словении – 15,5 % (около 40 % на две республики) от общей суммы капиталовложений Югославии. В то же время в промышленность Македонии было вложено – 6,1 %, а Черногории – 3,6 % инвестиций. Определенную роль в таком раскладе сыграло и то, что в отличие от остававшихся под контролем государства цен на продукцию сырьевых отраслей (которые концентрировались в слаборазвитых республиках), цены на продукцию обрабатывающей промышленности складывались на рынке. Проблема занятости также наиболее остро ощущалась именно в слаборазвитых республиках. Попытки исправить ситуацию встречали сопротивление со стороны наиболее развитых республик, не желавших поступаться своими доходами¹¹.

На всем протяжении послевоенного развития отмечался разрыв между теоретическими положениями о путях преодоления межнациональных противоречий и практикой, которая невольно вела к их обострению. Положение об опережающих темпах роста экономики слаборазвитых республик и краев так и не было реализовано. «В условиях развития товарно-денежных отношений, ослабления регулирующей роли федерации и экономической самостоятельности республик, – пишет В. Каменецкий, – слаборазвитые регионы вряд ли могли рассчитывать на сколько-нибудь серьезную помощь государства»¹².

Между тем власти Югославии упорно продолжали проводить политику децентрализации, полагая, что именно так можно сгладить межнациональные противоречия. Титовская Югославия стала уходить в сторону от сверхцентрализованного советского федерализма, однако это отнюдь не уменьшило остроты национального вопроса.

Кроме нового слова в федеративных отношениях, югославский эксперимент был дополнен изобретением так называемых организаций объединенного труда и делегатской системы. Идеи для новой реформы Э. Кардель и другие югославские руководители по-прежнему черпали из марксистских постулатов об отмирании государства и ассоциации свободных производителей. Главной целью было покончить с так называемыми менеджерами и технократами, которые окрепли в годы экономических реформ и превратились в Югославии в реальную силу, способную потенциально составить конкуренцию политической бюрократии или срастись с нею. Критика «техноменеджерства» началась еще в 1969 г., окрепла во время кризисных событий в республиках и своего пика достигла в ходе подготовки платформы к X съезду СКЮ. Й. Броз Тито заявил, что «технократы» находятся на ключевых позициях, где распоряжаются материальными и финансовыми средствами и продуктами чужого труда. Он назвал их даже «классовым врагом»¹³.

Организации объединенного труда и делегатская система нашли воплощение как в новой конституции, так и в специальном законодательстве, в частности, в Законе

об объединенном труде 1976 г. Было заявлено, что самоуправление выходит за рамки предприятий (которым ранее в теории отдавалось предпочтение) и образует новые общественные отношения на основе объединенного труда. Его первичными ячейками провозглашались создаваемые рабочими коллективами «основные организации объединенного труда» (ОООТ), которые затем интегрировались в сложные организации объединенного труда (СООТ).

Основные организации объединенного труда создавались не только на предприятиях, но и в учреждениях торговли и в сфере обслуживания. Они могли быть достаточно разнообразными – от искусственно выделенных частей производственного процесса (производящих продукцию, имеющую самостоятельную рыночную ценность) до крупных производственных организмов, самостоятельно действующих на рынке. Объединения ОООТ в СООТ осуществлялись специальными самоуправленческими соглашениями, исходя из общих интересов и преимуществ, которые дает такая интеграция¹⁴.

ОООТ задумывались как место, где трудящиеся будут равноправно и непосредственно осуществлять свои самоуправленческие права. Как и раньше, это происходило на собраниях и референдумах, а также посредством органов управления – рабочих советов и их исполнительных органов. Однако сохранялась тенденция уменьшения влияния производителей на воспроизводство, которое в частности попадало во все большую зависимость от кредитной системы. «Собственником средств становился кредитор, а трудовая организация приобретала черты коллективного наемного работника»¹⁵. Можно сказать, что трудовые самоуправленческие организации в этой ситуации играли роль не большую, чем роль своего рода профсоюзов.

Представительные органы политической власти также должны были снизу доверху вырастать из органов самоуправления. ОООТ стали не только первичной производственной ячейкой, но и первичным звеном всей общественно-политической системы. Для этого вводилась многоступенчатая выборная система. ОООТ, наряду с местными и другими содружествами по интересам, избирали делегатов в вышестоящие органы – скупщины общин (городов, отдельных районов), автономных краев, республик и федерации.

Общинная скупщина состояла из трех палат: веча объединенного труда (делегаты от ОООТ и других трудовых коллективов), веча местных содружеств (делегаты от этих содружеств) и общественно-политического веча (делегаты от Союза коммунистов Югославии, Социалистического союза трудового народа, Союза социалистической молодежи и Союза профсоюзов). Краевые и республиканские скупщины имели аналогичную структуру и также состояли из трех палат: веча объединенного труда (делегаты от соответствующих веч общинных скупщин), веча общин (делегаты от общинных скупщин), общественно-политических веч (делегаты от общественно-политических организаций автономных краев и республик). В отличие от нижестоящих скупщин Скупщина СФРЮ вновь состояла из двух палат: Союзного веча (по 30 делегатов от каждой республики и по 20 – от автономного края из состава делегаций самоуправляемых организаций и содружеств и от общественно-политических организаций) и Веча республик и автономных краев (по 12 делегатов от каждой республики и по восемь – от автономного края, которые одновременно оставались делегатами, избравших их республиканских и краевых скупщин). Скупщина СФРЮ объявлялась верховным органом государственной власти и общественного самоуправления. Оба ее веча совместно должны были выбирать пред-

седателя Скупщины СФРЮ и его заместителей, председателя и членов Союзного исполнительного веча (правительства).

Таким образом, делегатская система (или принцип делегирования своих полномочий) была призвана распространить самоуправление на политическую сферу, преобразовать представительную демократию в непосредственную, в том числе и на макроуровне. Всего в Югославии избиралось около 80 тыс. делегаций, в том числе 22 тыс. в производственных организациях¹⁶.

Все эти преобразования получили достаточно высокую оценку у исследователей. В. Каменецкий считает, что закон об объединенном труде был по существу «попыткой создания новой хозяйственной системы, объединяющей на основах самоуправления все национальные экономики в единый хозяйственный механизм¹⁷. Д. Биланджич называет концепцию объединенного труда совместно с конституцией 1974 г. самой радикальной программой, нацеленной на правление рабочего класса, и самой развитой формой полного национального равноправия народов и народностей Югославии¹⁸.

На наш взгляд, такие оценки завышены. Новые теоретические построения были крайне запутанными, схоластическими, ни к какой непосредственной демократии не вели, зато серьезно затрудняли оперативное принятие экономических решений. Для реализации Закона об объединенном труде было выпущено огромное количество правовых актов. Любой вопрос требовал многочисленных согласований. Возникла так называемая договорная экономика, когда объективные законы рынка подменялись зачастую соглашениями между хозяйствующими субъектами.

Тот же Д. Биланджич признает, что концепция объединенного труда не уменьшила мощи технократов, хотя и добавила власти политической бюрократии. Последние стали вновь устанавливать союз с менеджерами и технократами, создавая единый правящий слой¹⁹.

Тем не менее, изменения в Югославии, действительно, произошли крупные. Это дало даже основание политологу сербского происхождения Д. Йовичу выделить период после 1974 г. как особый этап в истории страны – этап «карделевской Югославии», просуществовавшей от принятия последней конституции СФРЮ и до распада Союза коммунистов Югославии в январе 1990 г.

Человек № 2 в югославском руководстве, потенциальный наследник Тито Эдвард Кардель наиболее последовательно пытался реализовать идею Маркса об отмирании государства и его замене ассоциацией свободных производителей. Это объясняло, почему все силы вновь направлялись на децентрализацию и ослабление государства. Кроме того, Кардель опасался возможного усиления централизма после ухода Тито. Поэтому он создавал такую политическую структуру, которая бы сделала невозможным возвращение к старому – довоенной либерально-демократической и/или досамоуправленческой государственно-социалистической модели. Эти предыдущие модели объединяло только одно – централизм и сильное государство. Кардель добивался прямо противоположного – слабого, децентрализованного государства, государства, которое отмирает²⁰.

Государство у Карделя заменялось бесчисленными организациями объединенного труда, общественно-политическими организациями, институтами общенародной обороны и т.п. В его построениях были и свои противоречия. Добиваясь отмирания государства, он одновременно провозгласил государствами республики. Именно в них, по его словам, народы должны реализовывать свой суверенитет²¹.

Таким образом, кризисы, которые стали возникать в Югославии в конце 1960-х – начале 1970-х годов, ее руководство пыталась разрешить сразу несколькими способами. Во-первых, жестким подавлением всех несанкционированных выступлений и усилением цементирующей роли партии, а во-вторых, продолжением политики децентрализации, которая вела к ослаблению государства, в частности, завершением конституционной реформы, расширившей еще больше права республик и краев. Совместить одно с другим было трудно. Считалось, что именно партия не должна дать федерации расплзтись по «республиканским квартирам», однако в новых условиях партия также постепенно «федерализировалась». Федерацию скрепляли только сам Тито и Югославская народная армия – ЮНА²².

По словам сербского историка Л. Димича, «когда-то монолитная общественно-политическая жизнь уступила место „самоуправленческому феодализму“, а общегославской идеологии больше не существовало»²³. Еще труднее было совместить руководящую роль коммунистической партии с объективными законами рынка. И хотя открытое обострение межреспубликанских противоречий было приглушено в результате принятых федеральным руководством мер, эти противоречия «продолжали подспудно тлеть и с новой силой вышли наружу в конце 1980-х годов, предопределив скорый распад югославской федерации»²⁴.

Самоуправленческий застой. Со второй половины 1970-х годов преобразования в Югославии в основном закончились, ничего принципиально нового больше изобретено не было. Самоуправление превратилось в некий «фетиш», догму, которую нельзя было критиковать. Вернее, критика допускалась только в рамках так называемой самоуправленческой идеологии, все другие – считались враждебными²⁵. Импульсы прежних лет уже ослабли, а придать системе новое ускорение, найти новые резервы и возможности развития мешали идеологические шоры. Власть использовала старый идеологический багаж и все более оторванные от жизни схемы.

Одной из наглядных черт застоя была формализация несменяемости власти Й. Броз Тито, который еще в 1974 г. по решению X съезда СКЮ и согласно ст. 333 новой конституции СФРЮ стал пожизненным председателем и партии, и государства*. Тито все более чувствовал себя непогрешимым правителем, проводя больше времени за охотой, чем за решением государственных и партийных дел. Продолжались его официальные восхваления. В 1977 г. торжественно отмечалось 85-летие Тито и 40-летие его прихода к руководству КПЮ. Этот год официальной пропагандой был объявлен «годом юбилея Тито».

Сам юбиляр к тому времени все больше воспринимался не реальной земной властью, а иконой. К тому же он находился в полуизоляции, связь с внешним миром поддерживалась через его неформальное узкое окружение во главе со словенским партийным функционером Стане Доланцом и высокопоставленным генералом из Сербии Николой Любичичем. Ко всему прочему Тито фактически разошелся и со своей супругой Йованкой²⁶. Из старых соратников почти никого не осталось. Александр Ранкович и Милован Джилас, как известно, были в опале, и даже с Эдвардом Карделем дважды случались такие разногласия, что они по полгода не общались²⁷.

* Количество членов Президиума СФРЮ, согласно конституции 1974 г., было уменьшено с 23 до 9 человек: Тито + 8 (по одному представителю от 6 республик и 2 автономных краев).

Единственная попытка, что-то изменить, придать новый импульс развитию югославского общества – получившая широкую известность книга Э. Карделя «Направление развития политической системы социалистического самоуправления», вышедшая в 1977 г. ЦК СКЮ принял эту работу в качестве платформы при подготовке XI съезда партии. Кардель вводил понятие «плюрализма интересов» в социалистическом обществе. Однако трудно было говорить о каком-либо плюрализме в однопартийной политической системе. В любом случае идеи Карделя не получили никакого практического развития. Сам он вскоре заболел и умер в 1978 г.

Отметим также, что эти же годы – время так называемого «застоя» в Советском Союзе, да и в других странах «реального социализма». Пути развития восточноевропейских государств в общих чертах совпадали. И в целом надо сказать, что большие сомнения вызывает встречающееся часто в историографии представление о югославском самоуправлении как о каком-то совершенно необычном пути развития в рамках социализма или даже о некоем «третьем пути».

Начинали югославские коммунисты с преобразований, которые полностью копировали те, которые осуществлялись в СССР. По скорости и радикальности внедрения большевистского опыта власти Югославии даже опережали другие страны Восточной Европы. Затем, правда, случился поворот к самоуправлению, которое и стало отличительной чертой югославского эксперимента, по сути – первой попыткой реформирования в рамках «реального социализма». Здесь югославы были первопроходцами, хотя в отдаленном виде это напоминало уже полностью забытые идеи нэпа, апробированные в СССР в 1920-х годах.

В 1964–1965 г. в Югославии начали проводиться самые радикальные реформы в экономике за время всего самоуправленческого эксперимента. Но необходимо отметить, что это было и временем попыток преобразований в других социалистических странах Восточной Европы. В частности, именно тогда в СССР задумывалась реформа А.Н. Косыгина, а в Чехословакии чуть позже случилась Пражская весна – самая известная попытка доказать возможность существования «социализма с человеческим лицом». С этого момента развитие Югославии, несмотря на все своеобразие, опять шло синхронно с остальным европейским социалистическим лагерем. Развивалось по тем же законам и окончилось аналогично – застоєм и крахом.

В. Кузнецhevский объясняет остановку в югославских преобразованиях тем, что во второй половине 1970-х годов концепция самоуправления получила свое полное завершение. По его мнению, своего рода итогом стала книга Э. Карделя «Направление развития политической системы социалистического самоуправления»²⁸. Как уже упоминалось, на наш взгляд, последняя книга Карделя – не итог достигнутого уровня преобразований, итогом была конституция 1974 г. и Закон об объединенном труде, а неудавшаяся попытка развить и обогатить теорию, а затем и практику самоуправления. Но после смерти Карделя вносить серьезные изменения в концепцию самоуправления стало просто некому.

Во второй половине 1970-х годов теоретические построения вокруг самоуправления в работах югославских ученых также обрели некий законченный вид. В этих работах весь период после войны («вооруженной фазы социалистической революции») делился еще на два больших этапа: государственный социализм (или этатизм) и самоуправление. (Часто как отдельный этап или подэтап выделялся еще период перехода к самоуправлению – с 1948 по 1953 год). Самоуправленческий этап в свою очередь делился на

несколько подэтапов по мере распространения самоуправления на все новые стороны жизни югославского общества: рабочее самоуправление (1950–1963), общественное самоуправление (1963–1974 гг.) и социалистическое самоуправление (с 1974 г.)²⁹

Конечно, такое понимание самоуправления было чрезмерно расширительным. В реальной жизни ничего подобного не было, никакого «социалистического самоуправления» никогда не существовало. Один из немногих осмелившихся на критику С. Стоянчевич справедливо отметил, что югославскую ситуацию «характеризует децентрализованный и отчасти либерализованный этатизм, в котором самоуправление ограничено рабочим местом и неполитическими вопросами»³⁰.

Конституция 1974 г. завершила также в основном и формирование югославской федерации. Мелкие нововведения в этой сфере не меняли общей картины, а следующие крупные изменения были связаны уже с распадом «второй» Югославии. Развитие югославского федерализма тоже прошло ряд этапов. Четыре этапа приводит, например, в своей книге В. Каменецкий. На первом этапе (1943–1946) – от второй сессии АВНОЮ до первой послевоенной конституции – утверждается новая политическая система, основанная на принципе федерализма. На втором этапе (1946–1953), в годы этатизма, преобладали централизованные методы, и доминирующую роль играли органы федерации. Третий этап (1953–1965) охватывает годы от нормативного введения системы самоуправления до общественно-экономической реформы 1965 г. Конституция 1963 г. значительно расширила права республик, но федерация еще сохранила ключевые позиции. На четвертом этапе (1965–1974) обострение межнациональных отношений привело, в конце концов, к конституции 1974 г., которая уже на первое место поставила республики и края, а не федерацию³¹.

Меньше чем через год после начала функционирования конституции 1974 г. за ее изменение высказался Президиум Сербии. По его заданию группа специалистов в 1977 г. во главе с тремя сербскими партийными функционерами Дражей Марковичем, Петаром Стамболичем и его племянником Иваном Стамболичем подготовила даже предложения по ревизии конституции в сторону укрепления федерации, изданные для служебного пользования и получившие название «Голубой книги» из-за цвета обложки. Однако, в конце концов, партийное руководство Сербии, боясь очередных обвинений в «великосербстве», признало эти предложения недопустимыми. Тито, который всегда был главным арбитром при решении спорных вопросов, заявил, что менять конституцию не нужно³².

Не было ничего нового внесено и в любимое внешнеполитическое детище Тито – движение неприсоединения, хотя конференции этих стран регулярно проводились: III конференция в 1970 г., Замбия; IV конференция в 1976 г., Алжир; V конференция в 1977 г., Шри Ланка; VI конференция (последняя при Тито) в 1979, Куба. Вообще в 1970-е годы Тито много ездил по всему миру. «Его участие в мировых делах было даже более активным, чем в делах своей страны»³³.

Тем временем экономические трудности нарастали. Республики, получившие право без разрешения союзного правительства брать иностранные кредиты, не преминули этим воспользоваться. Внешний долг, составлявший в 1971 г. 1,2 млрд. долларов, вырос до 7,93 млрд. в 1976 г. и 9,54 млрд. долларов в 1977 г. До смерти Тито он вырос более чем на 18 млрд. долларов³⁴.

Всего Югославией в эти годы было потрачено около 45 млрд. долларов. Часть денег пошла на инвестиции. Более того, на страну обрушился инвестиционный вал, который

превысил все возможные экономические рамки. Власти самодовольно провозгласили Югославию «самой большой стройкой Европы». Но вечно так продолжаться не могло. Уже на рубеже 1970-х и 1980-х годов надо было начинать отдавать долги, а новых займов не стало.

К концу 1970-х годов возникла проблема убыточности предприятий, выросли запасы нереализованной продукции, усилились финансовые проблемы, возросла безработица. На 45 % выросла инфляция. При жизни Тито югославским руководителям еще как-то удавалось сдерживать нараставшие кризисные явления. Однако после его смерти многое изменилось. Начался новый и последний этап в развитии Югославии.

Три кризиса. Смерть Й. Броз Тито 4 мая 1980 г. не могла не оказать огромного влияния на судьбу Югославии. Не стало «вождя революции», «вождя народов и народностей Югославии», председателя СКЮ и президента СФРЮ. Его уход не только делил на две неравные части последний период функционирования Югославии по конституции 1974 г., но и означал завершение большого периода в истории послевоенной Югославии и начало другого, когда почти 15 лет страну волновал вопрос о направлении общественного развития³⁵.

Вместо Тито страной управляли два коллективных органа – Президиум СФРЮ и президиум ЦК СКЮ, избиравшие в порядке ротации своих руководителей сроком на один год. По некоторым данным, перед самой смертью Тито пытался отказаться от системы ротаций и переложить свои функции на Бранко Микулича – хорвата из Боснии и Герцеговины. Однако этому воспротивилось словенское партийное руководство³⁶.

Система ротаций не могла, естественно, придать стране стабильность. Провозглашенную новым югославским руководством цель: «И после Тито – Тито» реализовать было невозможно. Верховного и признаваемого всеми арбитра в сложнейших и противоречивых отношениях между республиками и краями, между югославскими народами больше не было.

В этот период существование Югославии отягощали сразу три одновременных крупных процесса: экономический кризис, политико-идеологический кризис, а также массовое сепаратистское движение албанского населения в сербском автономном крае Косово.

Экономический кризис, в который Югославия начала втягиваться со второй половины 1970-х годов, усилился в начале 1980-х, после смерти Тито. Его динамика впечатляла. Темпы роста общественного производства резко замедлились (с 7 % в 1979 г. до 2,3–0,7 % в 1980–1983 гг.), а затем с 1983 г. начали сокращаться. После продолжительного периода, когда жизненный уровень населения только рос, он начал падать – на 7,5 % в 1980 г. и на 30 % за последующие четыре года.

На страну обрушилась проблема огромной задолженности, которая усугубилась нефтяным кризисом на мировом рынке и увеличением цен на энергоносители (1979–1980). Энергетический кризис оказался для югославского руководства неожиданным, и государство оказалось в полной зависимости от поставщиков энергоносителей. И хотя только за ввоз нефти Югославия должна была платить более 7 млрд. долларов США, «инвестиционomanия» не прекратилась. Однако прежде всего на проблему задолженности влиял широкий фронт неконтролируемого заимствования со стороны республик³⁷.

К концу 1985 г. безработица составила 15 %, инфляция – 100 %, внешний долг приближался к 21 млрд. долларов США. Его обслуживание становилось для правительства

неразрешимой проблемой. Особенно сильно кризис бил по положению слаборазвитых республик и краев³⁸.

Ошибки в экономической политике, эгоизм республик, мировой энергетический кризис привели к тому, что вместо ожидаемого экономического бума самый большой в истории Югославии инвестиционный вал завершился экономическим кризисом³⁹.

Но главное, стало ясно, что система объединенного труда и основанная на ней «договорная экономика» функционируют неэффективно. Это заставляло задуматься над пересмотром всей системы координат «карделевской Югославии». Однако коллективное руководство Югославии оказалось неспособным что-то кардинально изменить или предложить нечто принципиально новое. Вместо радикальной реформы союзные руководители смогли предложить лишь «Долгосрочную программу экономической стабилизации».

Эта программа была подготовлена после двухлетних публичных дебатов, главным координатором которых был словенский представитель в Президиуме СФРЮ Сергей Крайгер. Документ, объемом в 15 000 страниц, получил статус официального документа XII съезда СКЮ (1982). Однако труд Крайгера был компромиссным и неконкретным, фактически эта была очередная «лекция, которую элита преподавала самой себе, без каких-либо последствий»⁴⁰. Программа Крайгера не только консервировала существовавшее положение, но и с самого начала не выполнялась. Так, инфляция в 1984 г. была около 60 %, вместо запланированных программой 15 %.

Как отмечает Д. Йович, это были годы стагнации, когда «о реформах много говорили, но одновременно делали все, чтобы ничего не менять». Югославская элита сохраняла верность карделевскому проекту. В результате среди субъективных причин экономического кризиса на первом месте была идеология, которая вела к децентрализации и фаворизировала дробление югославского рынка⁴¹.

В стране резко усилились позиции национальных бюрократий («этнократий»). Возникла концепция «национальной экономики» (призванная заменить «договорную»), согласно которой каждая республика все необходимое для себя производила сама. Более того, республики начали вводить специальные меры для защиты своих предприятий от конкуренции с другими югославскими предприятиями. Это привело к окончательному экономическому обособлению республик. Хрупкий общегославский рынок стал на глазах распадаться на шесть республиканских и два краевых. Центральное правительство все больше теряло контроль над экономическими процессами, а республики набирали все больше иностранных займов, которыми не могли эффективно распорядиться. Затянувшийся экономический кризис на глазах превращался в кризис функционирования всего югославского государства, прождал другие кризисы, в том числе и в области национальных отношений.

В конце концов, по словам российского историка В.К. Волкова, «национальные проблемы превратились в „ось“ политической жизни страны» и «наблюдались повсеместно», когда началась «прогрессирующая дестабилизация федерации, когда происходила своего рода цепная и управляемая реакция нарастания национальных противоречий»⁴².

Ситуация еще более осложнилась из-за нового обострения обстановки в автономном крае Косово – самом слабом звене и Сербии, и всей югославской федерации. Если в период с 1931 по 1961 г. сербы и черногорцы составляли около 27 % населения края, то к 1981 г. эта цифра уменьшилась до 13,2 %⁴³. Славянское население края под давлением албанцев продолжало и дальше покидать Косово, причем во все большем масштабе.

В то же время албанское население Косово также чувствовало себя ущемленным по сравнению с другими народами Югославии. По численности албанцы занимали уже третье место в стране после сербов и хорватов, однако не имели своей республики. По уровню же жизни они прочно занимали в Югославии последнее место, на 60 % нужды автономного края обеспечивались за счет сербского и югославского бюджетов. Рассадником албанского национализма в Косово стал университет в Приштине, открытый еще в 1970 г. на базе филиала философского факультета Белградского университета.

В марте 1981 г., меньше чем через год после смерти Тито, в Косово начались волнения студентов, а затем прошли демонстрации с требованием предоставления краю статуса республики (а значит, и «права на самоопределение вплоть до отделения»). Это было расценено в Белграде как первый шаг к объединению Косово с Албанией. Демонстрации были разогнаны с применением военной силы, но с тех пор успокоения в крае уже не наступало. Относительный порядок там мог держаться только благодаря военному присутствию федеральных сил.

Югославские руководители были всерьез обеспокоены. В апреле 1981 г., выступая на совместном заседании Президиума СФРЮ и Союзного совета по защите конституционного порядка, Л. Колишевский говорил: «Мы должны до конца осознавать ошибочность и крайнюю реакционность тезиса: чем слабее Сербия, тем сильнее Косово (или какая-либо другая наша республика). Так же как и тезис: чем меньше автономность Косово в составе Сербии, тем сильнее Сербия. Это можно сказать и о тезисе: слабая Сербия – сильная Югославия»⁴⁴.

Удивительно, но в то же время руководители страны продолжали повторять и старые заученные фразы. Приведем, например, цитату из статьи Д. Драгосаваца. В 1982 г. он писал: «Развитие социалистического самоуправления ограничивает возможности антагонистического противопоставления народов и народностей, республик и автономных краев как в пределах каждого из них в отдельности, так и в пределах федерации. Марксистский подход к общественно-экономическим вопросам позволяет более успешно преодолевать великодержавный бюрократизм, с одной стороны, и узкое национальное обособление, с другой»⁴⁵. Нет нужды подчеркивать, как далеко эти утверждения были от реальной жизни.

Сразу же после очередных косовских событий сербские власти снова попыталось поднять вопрос об изменениях в конституции 1974 г., вернуться к тем проблемам, которые затрагивались еще в «Голубой книге». Однако оппоненты Сербии в югославском руководстве из других республик любую подобную попытку трактовали как возвращение к централизму, этатизму и бюрократизму. Конфликт между сербами и албанцами в Косове вырастал в конфликт между теми, кто отстаивал конституцию 1974 г. («уставобранители») и теми, кто выступал за его изменение («уставореформаторы»). Первых было больше в Сербии, вторых – в Словении и Хорватии. Постепенно этот конфликт перерастал в конфликт между сербами, с одной стороны, и словенцами и хорватами, с другой.

Элементы национального все больше примешивались к идеологическим. Для югославского государства национальный вопрос всегда был острым. Но если раньше, в период между двумя мировыми войнами или во время так называемого «массового движения» (Хорватской весны), в нем доминировал хорватский вопрос, то с 1974 г., с принятием последней конституции СФРЮ на первое место вышел сербский вопрос. Изменения в этой конституции были другими республиками заблокированы. Отсутствие правового

способа решения проблемы не могло не вызвать постепенной радикализации сербских настроений.

В первой половине 1980-х годов в публицистике, в художественной и научной литературе поднялась волна критики существовавшего порядка. Критике подвергались уже не отдельные перегибы, а югославский самоуправленческий социализм в целом, представавший фактически как разновидность сталинизма. Стала появляться и критика самого Тито. Причем процесс демократизации захватил в основном Белград, в то время как Загреб выглядел оплотом догматизма⁴⁶.

При всех различиях «нормализация» в Хорватии напоминала известный процесс «нормализации» в Чехословакии после событий 1968 г. Как отмечает Г.Я. Ильина, «после жесткого разгона в 1971 г. национального движения время демонстраций и бурных дискуссий сменилось временем страха и безнадежности». Правда, и в Хорватии после смерти Тито «наступает некоторое ослабление идеологического давления»⁴⁷.

В Сербии же развивались процессы, сходные в чем-то с советской перестройкой. Катализатором деятельности сербских оппозиционных интеллектуалов стало запрещение книги «Шерстяные времена» Гойко Джого в апреле 1981 г. В стихах поэт замахнулся на самого Тито. Так, в стихотворении «Овидий в Томах» Джого писал: «Кто жил в его время/ Отмечал день его рождения/ Я не жил в его время/ Я призывал его конец»⁴⁸. В другом стихотворении «Гадюка на площади Республики» поэт фактически сравнил Тито со «старой крысой с Дединья»⁴⁹.

Арест Джого вызвал волну протестов сербской интеллигенции, коллективных писем в его защиту и «вечеров солидарности». Эти акции переросли в протест против экономического положения, политического и конституционного устройства, недостатка политических свобод, несвободных СМИ и т.п. В мае 1982 г. в Объединении сербских писателей был сформирован Комитет по защите художественного творчества. Этот комитет быстро превратился в символ демократического протеста против режима⁵⁰.

В сербской литературе освещались многие закрытые ранее темы. Так, во второй книге трилогии Антония Исаковича «Мгновения II» поднималась тема репрессий, в частности, речь шла о концентрационном лагере на Голи-Отоке (Голом Острове)*. В романах Данко Поповича «Книга о Милутине» и Вука Драшковича «Нож», в сборнике рассказов Йована Радуловича «Голубиная яма» и других произведениях затрагивались темы – этнического движения и геноцида сербов в Независимом государстве Хорватии⁵¹. Табу-темы появились и на страницах произведений литераторов из других республик. Среди первых из них – романы хорвата Степана Чуича «Орден» и словенца Бранко Хофмана «Ночь до утра». Тогда же свой знаменитый фильм «Папа в командировке», затрагивавший события 1948 г., снял известный кинорежиссер из Боснии Эмир Кустурица.

В критике режима и всего коммунистического прошлого и настоящего участвовали ученые-обществоведы, прежде всего из сотрудничавших ранее с известным общегославским журналом «Праксис», который выходил в свет с 1964 по 1975 г. Более активными и здесь были сербы: философы Любомир Тадич и Михайло Маркович, экономист Коста Михайлович, юристы Воислав Коштуница и Коста Чавошки. Двое последних были авторами работы «Партийный плюрализм или монизм», в которой оспаривалась легитимность прихода коммунистов к власти в Югославии и установление ими однопар-

* Впервые упоминание о Голом Острове было в известном романе сербского писателя Д. Михайловича «Когда цвели тыквы», опубликованном в 1968 г.

тийной системы. За свои взгляды ученые были изгнаны из Белградского университета, а Чавошки еще и осужден не пять месяцев. Особую роль сыграла в тот период и книга сербского историка Веселина Джуретича «Союзники и югославская военная драма», в которой четники первый раз в научной литературе были показаны как антифашистская сила. За эту книгу Джуретич был исключен из СКЮ⁵².

Постепенно рушились основные мифы социалистической Югославии. Партизаны уже не воспринимались как единственная антифашистская сила в годы войны, а сама Югославия – как государство, создавшее совершенно иной тип социализма. Признавалось, что революция в Югославии свершилась по большевистскому образцу и даже после 1948 г. с местными действительными или мнимыми сталинистами обращались сталинскими же методами. Чуть позже А. Исакович потребовал такого же пересмотра личности Тито, как это было после смерти Сталина или Мао, а Л. Тадич заявил, что, оспорив догму о непогрешимости своего бывшего верховного авторитета Сталина, Союз коммунистов Югославии сам от этих догм не отрешился, но только их национализировал⁵³.

Характерно, что на состоявшемся XII съезде СКЮ в июне 1982 г. этот вал критики еще не воспринимался всерьез и не нашел особого места в резолюциях партийного форума. Между тем, то, что острота критики и противостояния нарастала, показали похороны умершего в августе того же года А. Ранковича. На них собралось около 100 тыс. человек. Считалось, что Ранкович, как единственный серб в узком окружении Тито, был противником децентрализации государства и сторонником жесткой линии в отношении косовского национализма. Этот ореол невинно пострадавшего за сербские интересы и вывел людей на улицы.

Нельзя сказать, что власти совсем бездействовали. Они пытались остановить начавшиеся процессы, в том числе и привычными методами. В апреле 1984 г. были арестованы 28 сербских интеллектуалов. Шестерых из них позже судили. Но, как и в случае с Джого, практически всех вскоре выпустили. Иначе было в Сараево, где одновременно с сербскими арестами, начался суд над молодым ассистентом местного университета Воиславом Шешелем. В неопубликованной работе он предлагал ликвидацию пяти федеральных единиц – оба автономных края, Черногорию, Македонию и Боснию и Герцеговину. Большую часть Боснии и Герцеговины, Черногорию и Македонию следовало присоединить к Сербии⁵⁴.

Белградская интеллигенция выступала за соблюдение прав человека, не только в Сербии, но и по всей Югославии. Центром подобной активности стал Комитет по защите свободы мысли и высказываний во главе с Добрицей Чосичем. В Комитет отказались войти представители словенской и хорватской интеллигенции, хотя и были приглашены. Тем не менее, Комитет протестовал и против ареста Али Исетбеговича и других боснийских мусульман в Сараево, требовал освобождения находившихся в тюрьме Владо Готоваца и других участников «массового движения» в Хорватии. Комитет также выступал в защиту косовских албанцев, осужденных после событий 1981 г. За 1984–1989 гг. Комитет по защите свободы мысли и высказываний направил более 100 писем, протестуя против попрания в Югославии основных демократических прав⁵⁵.

Ситуация в Хорватии по-прежнему заметно отличалась от сербской. Ответным шагом на критику существовавшего строя в Сербии стала инициатива пассивного до этого хорватского партийного руководства во главе с главным идеологом ЦК СКХ Стипе Шуваром, которое пыталось доказать, что положение дел в Хорватии намного лучше, чем в Сербии, что хорватская интеллигенция отнюдь не выступает против режима.

Хорватскими коммунистами были инициированы несколько совещаний на актуальные темы. На совещании в мае 1984 г. в Загребе был подготовлен документ «О некоторых идейно-политических тенденциях в художественном творчестве, литературной, театральной и кинокритике и в публичных выступлениях части творческой интеллигенции, в которых выражены политически недопустимые вещи». Критике были подвергнуты более 100 деятелей литературы и культуры, в основном из Сербии. Совещание призывало коммунистов в масс-медиа и художественных произведениях противостоять валу антикоммунизма.

Материалы совещания просочились в прессу. Прозванные «Белой книгой» они вызвали всеобщее возмущение и особенно бурную реакцию в Сербии. Не только интеллигенция, но и республиканские партийные верхи посчитали книгу новым доказательством того, что Хорватия осталась националистической и коммунистической. Более того, сербское руководство обвинило Хорватию во вмешательстве в свои внутренние дела. Однако инициатор «Белой книги» Стипе Шувар снискал определенные симпатии и не только в Хорватии. Он даже стал рассматриваться кандидатом на роль общегославского лидера теми силами, которые желали консервации существовавшего положения в рамках конституции 1974 г. Но выдвигать общегославские задачи мешал основополагающий принцип «уставохранителей» – конфедерализм⁵⁶. Этому препятствовали и события во всей Восточной Европе, неумолимо приближавшие крах всей социалистической системы. Ничего не менять было уже невозможно.

О позиции хорватского руководства надо сказать особо. Еще три года после смерти Тито во главе республики находился один из его ближайших соратников и лидеров послевоенной Югославии Владимир Бакарич, который объединял в Хорватии высшие государственные и партийные посты. Он, как и многие югославские лидеры, считал главной опасностью для государства «великосербский национализм» и, в частности, резко протестовал против сербской политики в Косове.

В узком кругу своих наиболее близких соратников, Бакарич выступал за внутриюгославский союз Хорватии со Словенией и за подключение к этому союзу Боснии и Герцеговины. Он призывал отказаться от стереотипов межвоенного периода, когда Словения играла на хорватско-сербских противоречиях. Теперь, доказывая Бакаричу, она в полной мере осознает главным препятствием своего нормального общественного развития «примитивность, консерватизм и „балканский менталитет“ союзной администрации (под ней он понимал сербское руководство. – К.Н.). Но стратегической линией Хорватии при этом должно быть – непровоцирование Сербии, то есть контролирование своих «националистов». Эту роль следует предоставить другим республикам. Отсюда и так называемая хорватская политика молчания в тот период⁵⁷.

После смерти Бакарича к власти в Хорватии пришло первое послевоенное поколение руководителей, Среди них был и его главный фаворит – Стипе Шувар. Деятельный и амбициозный он принялся собирать вокруг себя сторонников, в том числе и в средствах массовой информации, а затем ринулся в идеологические битвы. Их характерным проявлением и стала «Белая книга». Фактически именно при Шуваре Хорватия начала отходить от предыдущей «политики молчания»⁵⁸.

Экономический и политико-идеологический кризисы все время отягощались событиями в Косове, где положение сербского населения постоянно ухудшалось. С целью обратить на себя внимание косовские сербы стали прибегать к коллективным петициям в вышестоящие органы власти⁵⁹ и организовывать марши протеста на Белград. Союзное

партийное руководство было вынуждено образовать рабочую группу во главе с представителем Словении в Президиуме ЦК СКЮ Миланом Кучаном. В апреле 1986 г. Иван Стамболич, первым из сербских политиков высшего ранга, посетил Косово. Он заявил, что протесты косовских сербов оправданы, но предостерег их от связи с теми, кто ими манипулирует»⁶⁰.

События в Косове в решающей степени влияли на то, что общегославский демократизм сербской оппозиционной интеллигенции постепенно все больше стал заменяться национальными идеями. Если раньше многие из оппозиционеров, включая того же Добрицу Чосича, считали югославскую федерацию лучшим решением сербского вопроса, то теперь она начинала трактоваться ими как прежде всего механизм для подавления всего сербского⁶¹.

В мае 1985 г. Сербская академия наук и искусств (САНИ) также образовала рабочую группу из 23 своих членов для подготовки документа – Меморандума об экономической и политической ситуации в Югославии. В сентябре 1986 г. отрывки из проекта этого документа попали в самую многотиражную югославскую газету – «Вечерне новости», а затем и во все другие СМИ. В Меморандуме описывались бушевавшие в стране экономический и политический кризисы, однако в контексте этого Сербская академия наук и искусств фактически обвинила коммунистическую власть в 45-летней антисербской деятельности и в создании антисербской коалиции в Югославии. Против этого Меморандума и самой САНИ была развязана официальная компания критики, а сербский лидер И. Стамболич назвал его даже «шовинистической инициативой» и «некрологом по Югославии». В результате Академия наук отложила празднование своего столетнего юбилея⁶².

Параллельно с Меморандумом САНИ в сербском политическом руководстве произошли изменения, оказавшие затем огромное влияние на судьбу всей Югославии: на сербский политический Олимп началось восхождение Слободана Милошевича. Причем решающую роль в этом процесс сыграл руководитель среднего поколения сербских коммунистов Иван Стамболич, который, делая собственную карьеру, как на буксире, тянул за собой Милошевича. Сначала, в 1984 г., когда И. Стамболич стал председателем ЦК СК Сербии, он освободил для Милошевича место в белградском партийном руководстве. Затем, через два года, став председателем Президиума Республики Сербии и предполагая, что в сложившейся обстановке государственный пост уже важнее, он приложил все силы для избрания именно Милошевича лидером сербских коммунистов.

Слободан Милошевич победил на выборах председателя ЦК СКС с минимальным преимуществом. Против него был даже дядя его жены, один из самых влиятельных сербских партийных функционеров предыдущего периода Дража Маркович. В знак протеста против избрания Милошевича Маркович ушел в отставку.

Разбирая программу Слободана Милошевича после его прихода к власти, Д. Йович отмечает четыре момента. Во-первых, Милошевич был самым откровенным критиком децентрализации в Сербии и Югославии. И, как и Тито, он особенно настаивал на единстве партии. Во-вторых, Милошевич был «уставореформатором», сторонником перемен, но они не должны были угрожать ни социализму, ни единству Югославии. В-третьих, согласно его убеждениям, партия должна была сконцентрироваться на выработке собственной позитивной программы, а не реагировать на критику оппозиции. При этом Милошевич важную роль отводил интеллигенции, особенно тесно сотрудничая с профессурой Белградского университета. Наконец, в сербскую политику он ввел

понятие «борьбы против анархии» и вернул понятие «оптимизма». Такой подход находился в прямом несоответствии с «культурой апокалипсиса», которая развивалась в те годы в Сербии и Югославии. Критика пессимизма касалась, разумеется, и Меморандума САНИ⁶³.

Непрекращавшиеся волнения косовских албанцев и поиск позитивной программы вынудили С. Милошевича в конце апреля 1987 г., по примеру своего предшественника И. Стамболича, посетить Косово. В городке Косово-Поле произошли стычки между албанскими милиционерами, охранявшими здание, в котором шло заседание краевого партийного руководства, и сербскими демонстрантами. Присутствовавший на заседании, Милошевич вышел к демонстрантам и при большом стечении народа произнес ставшие знаменитыми слова: «Никто не смеет вас бить». За многие годы сербский лидер впервые так открыто поддержал местное сербское население. Союз коммунистов Сербии во главе с Милошевичем в глазах многих сербов стал выглядеть главным защитником сербских интересов, прежде всего в Косове. В то же время следует отметить, что вопреки сложившемуся позже мнению, Милошевич в выступлении перед сербскими демонстрантами критиковал не только албанский, но и сербский национализм.

После этого он еще всю ночь выслушивал многочисленные жалобы косовских сербов на свое положение («ночь тяжелых слов»). Все эти события оказали на нового сербского лидера колоссальное влияние. И с этого момента он становится во главе массового национального движения сербов («пробуждение народа»).

Английский историк и политолог Р. Томас считает, что цели у этого движения были «явно националистическими», так как оно было направлено «на возвращение Сербией контроля над краями»⁶⁴. Такая трактовка представляется нам, по меньшей мере, натяжкой: стремление преодолеть анархию и установить элементарный порядок в своей республике – еще не есть национализм. Важно совсем другое – как это происходит, ущемляются ли при этом сознательно права каких-либо национальных групп и т.п.

Попутно Слободан Милошевич укреплял свою власть. На 8-м заседании ЦК СК Сербии в конце сентября 1987 г. он вынудил уйти со своего поста Драгишу Павловича, председателя Белградского городского комитета партии и одного из своих главных политических противников в сербских верхах. Поддержавший Павловича, председатель Президиума Республики Сербии Иван Стамболич также был вынужден уйти в отставку в декабре того же года. Свержение Павловича и Стамболича сделало Милошевича единоличным лидером Сербии. Но его амбиции шли гораздо дальше.

8-е заседание ЦК СКС многие исследователи считают поворотным моментом в новейшей сербской истории. Сторонники Милошевича полагают, что именно с этого момента в Сербии начался, наконец, процесс реформ. Его противники, напротив, трактуют это событие как начало многолетней трагедии сербского народа, открывшей путь к межэтническим войнам на территории Югославии.

В октябре 1988 – январе 1989 г. С. Милошевич с помощью в значительной степени инспирированных акций протеста против местной бюрократии («митингов протеста») смог заменить руководство в Воеводине, Косове и соседней Черногории на своих ставленников. В Воеводине, например, смена власти получила название «йогуртовой революции», так как демонстранты забрасывали здание краевого парламента именно этим продуктом. В марте 1989 г. в связи с арестом свергнутого до этого краевого лидера Азема Власи о самороспуске объявила скупщина Косова.

В конце марта 1989 г. новые краевые скупщины приняли поправки к конституциям Воеводины и Косово. 28 марта эти поправки уже к республиканской конституции приняла сербская скупщина. Автономные края Косово и Метохия (так теперь стал называться автономный край Косово), а также Воеводина теряли атрибуты государственности (полученные ими по конституции 1974 г.) и вновь становились лишь территориальными автономиями. Края теперь не могли использовать право вето в отношении конституционных изменений, были сужены полномочия их законодательных, исполнительных и судебных органов власти. В этом вопросе фактически произошел возврат к нормам федеральной конституции 1963 г.

В тот момент, когда в Белграде принимались поправки к конституции Сербии, в Косове произошли самые значительные волнения албанского населения после 1945 г. По официальным данным, в столкновениях погибли 22 демонстранта и два милиционера, были ранены 92 демонстранта и 121 милиционер. Сожжено также большое количество автомобилей, повреждены два вертолета и четыре бронетранспортера⁶⁵.

В 1990 г. поправки к конституции Сербии были закреплены в новой конституции республики. Сербия провозглашалась демократическим государством всех граждан, которые в ней проживают. После этого в Косове и Метохии еще больше усилился никогда не прекращавшийся там албанский сепаратизм, и сербские войска были вынуждены ввести в край дополнительные полицейские и воинские подразделения.

Инспирированные сверху акции протеста против местной бюрократии получили широкую поддержку снизу. Всего в этот период прошли сотни подобных акций по всей Сербии, на которых присутствовало около 5 млн человек. Эта так называемая антибюрократическая революция позволила С. Милошевичу иметь на своей стороне четыре из восьми голосов в коллективных органах управления Югославией и СКЮ. В мае 1989 г. Милошевич стал Председателем Президиума Сербии, то есть объединил в своих руках высшие государственный и партийный посты в Сербии.

Особый размах при Милошевиче получило празднование 600-летия Косовской битвы 28 июня 1989 г. На историческом месте собралось до 1 млн сербов, не только из Косова, но и приехавших из всех краев Югославии и из-за границы. Впервые за послевоенный период открыто отмечала Видовдан (день Св. Витта) Сербская православная церковь. В своем выступлении Милошевич, соединяя образы из сербской мифологии и социалистического периода, заявил, в частности, что «через шесть веков мы опять находимся в боях и накануне боев»⁶⁶.

На какое-то время Слободан Милошевич стал вождем нации. Стал развиваться даже его культ. Особенно он был популярен в сельской местности и провинции. Л. Димич считает, что в тот момент, когда тоталитарная модель, включающая идеологический утопизм и неограниченную власть партийной элиты с харизматическими вождями, стала терять свою мощь в Европе, она стала укрепляться в Сербии, до тех пор самой либеральной югославской республики⁶⁷.

И действительно, Милошевич произвел новую верхушечную реконструкцию власти, но она не затрагивала сути режима. Внешне демократическое движение в Сербии, которое базировалось на реальных национальных и региональных проблемах, тем не менее, удаляло республику от истинных демократических ценностей и необходимых преобразований.

Милошевич сумел создать единый национальный фронт внутри Сербии, объединить не только официальные силы, но и большую часть оппозиции. Он стал фактически и

властью, и оппозицией. Однако этот союз не был прочным. Если Милошевич предлагал, по сути, возвращение к Югославии к периоду до конституции 1994 г., то Чосич и многие оппозиционеры уже эволюционировали от позиции переустройства Югославии до идеи союза сербских земель. Как отмечает Д. Йович, замена в Сербии карделевского дискурса двумя другими в конце 1980-х годов (один из них персонифицировался с Милошевичем, а другой – с Чосичем) означал конец карделевской Югославии⁶⁸.

Направляемый Милошевичем националистический бум в Сербии наталкивался на рост национализма в северо-западных республиках – в Словении и Хорватии. Особенно это касалось Словении, где власти открыто поддержали албанских сепаратистов в Косове. Попытка Милошевича направить в конце 1989 г. в Люблян 100 тыс. сербов для проведения там «митинга истины» о положении дел в Косово была расценена словенским руководством как новое доказательство стремления сербов расширить свое влияние на всю Югославию. Служба безопасности Словении не допустила проведения митинга, что привело к бойкоту словенских товаров в Сербии.

Еще раз подчеркнем, что национализм бурно расцветал во всех югославских республиках без исключения. В этой связи представляется крайне односторонним часто встречающееся в историографии обвинение во всех югославских грехах одного Милошевича. Так, например, английский исследователь Р. Крэмpton пишет, что после прихода Милошевича к власти в Сербии в 1987 г. история Югославии по большей части представляла собой противодействие югославских республик и народов ему самому и его политике⁶⁹.

Однако, по справедливому утверждению того же Д. Йовича, в 1988–1990 гг., Словения являлась не менее важным фактором югославской политики, чем Сербия. Словения была самой гласной защитницей «уставобранительства» точно так же, как Сербия наиболее активно отстаивала «уставореформаторство». Словенский национализм был таким же сильным, как сербский. Как и в Сербии, словенское руководство постепенно становилось все более терпимым к своей оппозиции и, в конце концов, в республике образовался своего рода всесловенский блок. Как и в Сербии, словенские коммунисты смогли стать одновременно и властью, и оппозицией. К концу 1989 г. словенский партийный лидер Милан Кучан имел почти абсолютную поддержку словенцев, а Слободан Милошевич – сербов. Но их взгляды на будущее страны были диаметрально противоположными⁷⁰. Уже в это время руководство Словении посылало своих эмиссаров в Западную Европу. Их задачей был зондаж почвы на случай отделения республики от Югославии⁷¹.

Сербия по-прежнему настаивала на изменении конституции СФРЮ, а затем на этой основе – внесении изменений и в республиканские основные законы. Хотя, как упоминалось, она уже начала производить изменения в отношении своих автономных краев. Позиция Словении была противоположной: не трогать союзную конституцию до принятия новых, республиканских. Однако направленность возможных изменений в республиканских конституциях настолько расходилась, в частности, в тех же Сербии и Словении, что было ясно: достичь после этого консенсуса о союзной конституции – нереально.

В такой ситуации Любляна решила поставить своих оппонентов перед свершившимся фактом. В конце сентября 1989 г. в Словении были приняты поправки к республиканской конституции. В Сербии их посчитали грубым нарушением конституции СФРЮ и началом отделения от Югославии. Аналогичным было мнение и союзных государственных и партийных органов власти⁷². Однако в условиях общегославского хаоса это не имело никаких последствий.

В марте 1989 г. было сформировано новое союзное правительство. На пост премьер-министра (единственно оставшийся общегославский пост, который не замещался по очереди) был назначен известный экономист-практик из Хорватии Анте Маркович. Он заявил, что правительство может работать и без разваливавшейся компартии. Более того, распад партии, всегда вмешивавшейся в экономику, казалось, развязывал премьер-министру руки.

В конце 1989 г., когда инфляция достигла уже почти 3000 %, Маркович предложил пакет мер по оздоровлению экономики: превращение динара в конвертируемую внутри страны валюту, сбалансирование бюджета, свободное формирование цен, широкая приватизация. Речь, таким образом, шла уже не о «стабилизации», а о резком повороте в сторону рыночной экономики, то есть о «шоковой терапии». С разным успехом такая политика осуществлялась во всех восточноевропейских странах, которые переходили от социалистической административно-распределительной экономики к рынку. В Югославии первые результаты реформы оказались на удивление успешными. С 1 января 1990 г. курс динара был привязан к немецкой марке и держался твердо, инфляция упала до нулевого уровня; экспорт увеличился на 25 %, а импорт – на 40 %; внешний долг снизился с 21 до 16 млрд. долларов США. Трудно сказать, чем бы реформа закончилась: возможно, у Югославии появился последний шанс, альтернатива все более усиливавшемуся национализму. Однако времени для продолжения реформ у Марковича уже не было.

Появление многопартийности. Окончательно югославские республики разошлись на XIV чрезвычайном съезде СКЮ, начавшем работу в январе 1990 г. Словенская делегация после отклонения ее требования о реорганизации партии на конфедеративных принципах покинула съезд. Без словенцев не захотели продолжать работу депутаты от Хорватии и от Боснии и Герцеговины. На съезде был объявлен перерыв, который оказался бессрочным. Крах единой коммунистической партии не мог не иметь далеко идущих последствий. В политико-идеологическом плане югославские республики фактически больше ничего не связывало. Югославия осталась без своей идеологии – главного, что скрепляло ее на протяжении всего послевоенного развития. Начинаясь последний акт югославской драмы.

В конце 1989 г. под давлением событий в Восточной Европе и своего собственного кризиса югославские власти разрешили, наконец, выборы на многопартийной основе. Еще в период подготовки к последнему съезду СКЮ сначала в Словении, а затем и в других республиках начали образовываться новые партии. Особенно тяжело этот процесс шел в Сербии, власти которой до последнего момента боролись с введением многопартийности. С. Милошевич, его супруга Мира Маркович и новый идеолог режима Михайло Маркович развивали, в частности, идею о «демократическом беспартийном плюрализме». Якобы для Югославии это было бы предпочтительнее многопартийности⁷³. Но остановить неизбежное уже было невозможно.

Новым политическим партиям после полувековой коммунистической монополии предстояло участвовать в свободных выборах. Из общегославских партий наиболее известным был Союз реформаторских сил, руководимый премьер-министром Анте Марковичем. Однако в подавляющем большинстве новые партии образовывались на национальной основе, многие из них считали себя преемницами партий, существовавших в период между двумя мировыми войнами и даже раньше.

Так, в Сербии возникли Демократическая партия и Сербская радикальная партия, в Хорватии – Хорватская партия права и Хорватская крестьянская партия, в Македонии – Всемакедонская революционная организация – Демократическая партия македонского национального единства (ВМРО – ДПМНЕ). Занялись своей реорганизацией и республиканские коммунистические партии. В Словении и Хорватии компартии стали называться соответственно Союз коммунистов Словении – Партия демократического обновления и Союз коммунистов Хорватии – Партия демократических перемен. Эти партии уже фактически перешли на социал-демократические позиции. Позже в Словении первая часть названия партии была отброшена, а в Хорватии и формально партия была переименована в социал-демократическую. Союз коммунистов Македонии был также переименован в Социал-демократический союз. О трансформации в Социал-демократическую партию принял решение и Союз коммунистов Боснии и Герцеговины.

Иначе произошло в Сербии и Черногории. В Сербии после объединения республиканского Союза коммунистов с Социалистическим союзом трудового народа (организация выросшая из послевоенного Народного фронта и олицетворявшая «нерушимый блок коммунистов и беспартийных») была образована Социалистическая партия, оставшаяся во многом на прежних, лишь немного адаптированных к новым условиям позициях СК Сербии. А в Черногории вообще продолжал существовать республиканский Союз коммунистов.

Первые многопартийные выборы в Югославии проходили с весны по осень 1990 г. Выборы поставили новые преграды на пути реформ А. Марковича. Так, Словения, Хорватия и Сербия произвели несанкционированную эмиссию денег. Особенно отличилась последняя. Достаточно сказать, что в декабре 1990 г. Сербия самовольно эмитировала денежную сумму, равную приблизительно половине первичной эмиссии, предусмотренной на весь 1991 г. Накануне выборов Милошевичу требовалось любой ценой заплатить пенсии и пособия, но денежная система Югославии такими действиями окончательно разрушалась⁷⁴.

В Словении, где все партии, в том числе и Партия демократического обновления, апеллировали к словенским национальным интересам, победу на выборах одержал блок оппозиционных партий – Демократическая оппозиция Словении (ДЕМОС). Еще большая неудача ожидала бывших коммунистов на выборах в Хорватии, где большинство голосов получила откровенно националистическая партия – Хорватское демократическое содружество (ХДС), возглавляемое Франьо Туджманом.

В Сербии победу одержала Социалистическая партия Сербии (СПС), получившая три четверти мест в парламенте. Антикоммунистические и демократические силы не смогли составить ей конкуренцию. В Черногории, единственной из всех югославских республик, довольно убедительно победил республиканский Союз коммунистов (лишь через два года, в 1992 г., он изменил свое название и стал именоваться Демократической партией социалистов Черногории).

В Македонии борьба на выборах развернулась между тремя блоками партий – левым во главе с бывшими коммунистами, национально ориентированным во главе с ВМРО – ДПМНЕ и албанским во главе с Партией демократического процветания. Ни одна из партий не получила большинства голосов, поэтому было составлено первое коалиционное правительство из ВМРО – ДПМНЕ и реформированной компартии (Союза коммунистов Македонии – Партии демократических преобразований). Наконец, на первых

многopартийных выборах в Боснии и Герцеговине победила хрупкая коалиция национальных партий – мусульман (Партия демократического действия), сербов (Сербская демократическая партия) и хорватов (Хорватское демократическое содружество). Было сформировано коалиционное правительство. Председателем Президиума стал лидер боснийских мусульман Алия Изетбегович.

В повестке дня стоял вопрос об изменении федеративного устройства страны. При этом в руководстве республик столкнулись в основном две концепции: сохранение федерации или ее преобразование в конфедерацию. Первую концепцию выдвигали Сербия и Черногория, вторую – Словения и Хорватия. Промежуточное положение занимали Босния и Герцеговина и Македония. Впрочем, идея конфедеративного устройства (уже фактически существовавшего в стране) использовалась ее сторонниками главным образом лишь для того, чтобы замаскировать истинные цели – отделение от Югославии.

В борьбе за сохранение единого государства Сербия (не считая маленькой Черногории) все больше оставалась в одиночестве. Действие ее руководства объяснялось тем, что, если другие народы бывшей Югославии при распаде федерации образовывали свои национальные государства, то сербы наоборот оказывались разделенным народом. Треть сербов оставалась бы за рамками Республики Сербии. В таких условиях сербская позиция содержала несколько принципиальных положений и прежде всего: признание за хорватами и словенцами права на образование собственных национальных государств, включающих хорватские и словенские «этнические территории»; признание за сербским народом такого же права на образование национального государства, включающего территории с преобладающим сербским населением; отказ признать межреспубликанские административные границы в качестве будущих межгосударственных границ⁷⁵.

Таким образом, цели Сербии и северо-западных республик были противоположными. На компромисс никто идти не собирался. В какой-то степени свою роль сыграл и субъективный фактор. Лидеры трех ключевых для сохранения Югославии республик – Сербии, Боснии и Герцеговины, Хорватии – были очень разные, но в своей неуступчивости и национализме в чем-то походили друг на друга. Любопытную характеристику сербского и хорватского лидеров оставил тогдашний посол США в Югославии У.Циммерман. «В отличие от С. Милошевича, – пишет он, – которым руководило стремление к власти, Ф. Туджман был обуян хорватским национализмом. Его преданность Хорватии была самого примитивного типа»⁷⁶. Добавим, что глава боснийских мусульман А. Изетбегович был обуян фанатичным религиозным чувством, причем также самого примитивного типа. Своими упорными попытками создать унитарную исламскую Боснию он провоцировал гражданскую войну, в которой затем погибли десятки и десятки тысяч его соотечественников.

Национализм существовал во всех югославских республиках, был присущ всем народам и народностям Югославии. Однако в те годы он достиг почти запредельного уровня. Все республиканские СМИ соревновались в провоцировании национальной истерии. И во всех югославских республиках, как и везде в Восточной Европе, национализм стал средством борьбы с коммунизмом. Только Сербия оказалась исключением. Ее лидер С. Милошевич с помощью национализма попытался наоборот сохранить коммунизм у себя в республике⁷⁷. Это имело для сербов самые печальные последствия.

Начало распада*. Как упоминалось, руководство страной после смерти Тито осуществлял коллективный орган – Президиум СФРЮ. Он состоял из восьми человек – по одному представителю от каждой республики и автономных краев. Коллекциальность руководства заключалась в ежегодном избрании нового председателя Президиума по заранее определенной очередности, а его демократизм – в принципе консенсуса при принятии решений. Смена председателя Президиума происходила каждый год в мае.

С 15 мая 1989 г. во главе коллективного органа встал Янез Дрновшек. Представителя Словении в мае 1990 г. сменил представитель Сербии. Сербию в Президиуме представлял Борисав Йович, Хорватию – Стипе Шувар, Боснию и Герцеговину – Богич Богичевич, Черногорию – Ненад Бучин, Македонию – Васил Тупурковски, Воеводину – Драгутин Зеленович, Косово – Риза Сапунхия.

В 1991 г. этот пост должен был занять представитель Хорватии. К этому событию республика готовилась особо. Видимо посчитав С. Шувара личностью, не достаточно радевшей за хорватские дела, в августе 1990 г. руководство республики отозвало его из Президиума СФРЮ, а вместо него предложило более решительного Стипе Месича. Как отмечал позже сам Месич, он был направлен в Белград на высшую государственную должность с тем, чтобы посредством тогдашней югославской дипломатии установить связь с наиболее влиятельными силами на международной арене и убедить их, что дальнейшее существование югославской федерации бессмысленно. «Мне хотелось увлечь идеей распада Югославии тех, кто обладал сильным влиянием в Европе – Геншера и Папу. С Геншером я встречался даже три раза. Он помог мне получить аудиенцию у Папы. И тот, и другой согласились, что было бы лучше, если бы СФРЮ перестала существовать», – откровенно заявлял С. Месич⁷⁸.

Отношения между республиками влияли на отношения членов руководящего органа страны. Очень скоро их мнения стали не совпадать по всем вопросам. Б. Йович в дневнике записал, что члены Президиума, особенно из Хорватии и Словении, имели отличную от других позицию по вопросам реформ, будущего государства, взаимоотношений между республиками, введения чрезвычайного положения, поэтому согласование позиций шло с большим трудом. Когда же Янез Дрновшек стал председателем, то, по мнению Б. Йовича, он постоянно затруднял и даже бойкотировал работу коллективного руководства⁷⁹. Уже 30 января 1990 г. Б. Йович сделал неутешительный вывод: «Президиума как коллективного руководителя государства и верховного главнокомандующего больше нет. Никакое коллективное решение оно объективно не в состоянии принять»⁸⁰.

Руководство страны, в основном его сербские представители, чувствовало, что федерации грозит распад, и размышляло о том, как спасти единство государства. Арсенал средств был небогатым – совещания и обсуждения спорных вопросов, попытки выработать коллективные решения, издание антисепаратистских указов, обсуждение изменения конституции, разработка проектов будущего устройства страны. Йович пишет о стремлении наладить работу Президиума и о попытках пресечь военные столкновения. Так, он предлагал принять Закон об отделении, чтобы те республики, которые хотят выйти из состава федерации, могли сделать это мирным путем. Но такой закон даже не обсуждался. Процедура его принятия могла оказаться долгой. А все торопились использовать в своих целях хаос и разброд в руководстве страны и армии.

* Параграф написан Е.Ю. Гуськовой.

Чтобы предотвратить вооруженные стычки, в мае 1990 г. была предпринята попытка изъять оружие со складов территориальной обороны республик и поставить его под контроль армии. Словенский политик Я. Янша описывает в своей книге, что лишь часть оружия на грузовиках военные смогли вывезти. Большую его часть, организовав сопротивление, удалось оставить в республике. С гордостью он отмечает, что «результатом той акции стало вооружение 20 тыс. людей, которые были способны уже через три месяца после разоружения словенской территориальной обороны (ТО) при тесном сотрудничестве со специальными отрядами словенской полиции обезопасить Словению от любой вооруженной неожиданности»⁸¹.

9 января 1991 г. Президиум СФРЮ издал Указ о разоружении и расформировании всех незаконных военных формирований. В Хорватии и Словении это было воспринято как вмешательство во внутренние дела республик, поэтому его никто так и не выполнил⁸². Переговоры с Хорватией о расформировании нерегулярных частей не дали никаких результатов. С. Месич сообщил Б. Йовичу, что руководство Хорватии выдвигает ряд условий, после выполнения которых может идти речь «о демобилизации резервного состава милиции». Среди них – возвращение Югославской народной армии в казармы и признание за Хорватией права «навести порядок в Книне и других сербских общинах Хорватии»⁸³. В противном случае Хорватия грозила отозвать своих представителей из союзных органов, наложить арест на федеральное имущество в Хорватии, отозвать всех солдат и офицеров хорватской национальности из ЮНА, объявить о своей независимости, потребовать от Совета Безопасности ООН ввода миротворческих сил⁸⁴. Эта четкая программа говорила о продуманности действий хорватского руководства и нежелании идти на компромисс. Оно уже получило поддержку Запада, чувствовало себя все увереннее и открыто шло на конфронтацию.

Президиум СФРЮ, пытался работать в условиях, когда страна разваливалась. Словения и Хорватия вели серьезную подготовку к отделению, а члены высшего органа власти соблюдали регламент заседаний, пытались выработать коллективные решения и следовать точной букве закона. Однако представители Словении и Хорватии часто не приезжали на заседания Президиума, бойкотировали принятие решений. Республики отказывались отчислять средства союзным органам. Словения и Хорватия еще в 1990 г. скоординировали свои действия, а между М. Кучаном и Ф. Туджманом была даже организована «горячая телефонная линия»⁸⁵.

Действия словенских руководителей были решительными и продуманными. «Словенское политическое руководство во главе с Кучаном, – вспоминал член руководства Социал-демократической партии Хорватии Здравко Томац, – организовало чуть ли не фронт из известных и влиятельных антиюгославски настроенных личностей из Боснии и Герцеговины, Хорватии, Македонии и других краев, готовых бороться с Милошевичем и великосербской идеей. Если бы не было Кучана, история сегодня выглядела бы иначе»⁸⁶. Словения в это время также чувствовала поддержку Запада. Б. Йович в ноябре 1990 г. в дневнике процитировал американского госсекретаря Иглбергера: «США не повернутся к Словении спиной, если она решит отделиться», поскольку «они отдают предпочтение демократии в сравнении с единством Югославии»⁸⁷.

В это время в Хорватии, по словам Ф.Туджмана, с помощью ХДС началась чистка «антихорватских элементов» в органах внутренних дел, армии, правительстве, дипломатии, составлялись списки неблагонадежных людей. «Если дойдет до захвата власти, – говорил он, – в первые 48 часов, пока длится эйфория, обязательно надо свести счеты со

всеми, кто против Хорватии, тогда путь к демократии будет открыт. Списки таких лиц уже подготовлены»⁸⁸. Отношения между республиками ухудшились настолько, что их руководство старалось не общаться между собой. Одновременно прекратились контакты организаций и предприятий, началась информационная война.

В такой критической ситуации многие надеялись на армию. Однако позиция министра обороны В. Кадиевича была достаточно противоречивой: с одной стороны, он разрабатывал планы военного переворота, а с другой – был нерешительным, отстаивал мирные пути разрешения споров, опираясь исключительно на конституцию. К 12 марта 1991 г. Верховное командование ЮНА оценило положение в стране как начало гражданской войны и на заседании Президиума СФРЮ и Генерального штаба потребовало ввести чрезвычайное положение на всей территории страны, объявить мобилизацию, разоружить нелегальные вооруженные формирования, а спорные вопросы решать путем переговоров. Но Президиум в это время уже был неспособен принимать решения. Более того, предложения министра обороны вызвали негативную реакцию большинства его членов. Крайне жестко воспротивился этим мерам С. Месич. Он подчеркнул, что ситуация надуманна сербским руководством, что нет никаких предпосылок для введения чрезвычайного положения, особенно в Хорватии. Он пригрозил даже всеобщей мобилизацией в республике. Резко против был В. Тупурковски из Македонии. Не поддержал предложения В. Кадиевича и представитель Черногории.

И всё же в стране еще многим казалось, что ситуацию можно спасти. На заседании Президиума СФРЮ 25 декабря 1990 г. было решено приступить к открытому обсуждению отношений в югославской федерации и политического будущего страны. С 10 января по 28 февраля 1991 г. состоялись три заседания Президиума СФРЮ совместно с представителями всех республик, а параллельно в период с 18 января по 1 марта – 11 двусторонних встреч республиканских делегаций: Сербии и Черногории, БиГ и Хорватии, Сербии и БиГ, Хорватии и Черногории, Сербии и Словении, БиГ и Черногории, Хорватии и Сербии, БиГ и Словении, БиГ и Македонии, Словении и Македонии, Хорватии и Македонии. Результатом этих встреч, многочасовых дискуссий стало четкое разграничение позиций руководства республик, непреодолимое различие взглядов сторонников федерации (Сербия, Черногория) и конфедерации (Словения, Хорватия).

На смену согласованиям позиций республик с Центром пришел диалог республик без Центра. С 28 марта по 6 июня руководители республик провели шесть встреч в разных городах страны, обсуждая проблемы выхода из кризиса, взаимоотношений республик и Центра, пытаясь определить хотя бы общие контуры нового содружества югославских народов. За свою безрезультатность они были названы в печати «туристическим путешествием шестерки». Сербия продолжала отстаивать идею сохранения Югославии, готова была принять и уменьшенный вариант Югославии, но при условии, что все сербы будут жить в одном государстве. При непоколебимом желании Словении и Хорватии отделиться, в Югославии могли бы остаться Сербия, Черногория, Македония, Босния и Герцеговина. Но и Македония в феврале 1991 г. стала склоняться к проекту союза самостоятельных и суверенных государств. Весной 1991 г. федерацию поддерживали всего три республики – Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина. Последняя, вернее ее президент, занимала достаточно сдержанную и неопределенную позицию. По мнению А. Изетбеговича, для Югославии было в то время предпочтительней что-то среднее между федерацией и конфедерацией.

Самым сложным моментом переговоров явились противоречия между Сербией и Хорватией. Они были вызваны тем, что в районах компактного проживания сербов в Хорватии была провозглашена Сербская автономная область Краина, которая не хотела оставаться в составе Хорватии в случае ее отделения. Сербско-хорватский диалог продолжили парламенты двух республик. Скупщина Республики Сербии приняла «Декларацию о мирном разрешении югославского кризиса, против гражданской войны и насилия». Хорватия выступила с инициативой решить югославский кризис с помощью наблюдателей из европейских стран и США. Одновременно созданная ранее группа экспертов из всех югославских республик подготовила вариант концепции будущего содружества югославских народов, который также остался на бумаге.

Единственное, о чем удалось договориться шести руководителям, – провести референдумы в каждой республике, в ходе которых население выскажется за будущий статус Югославии: «Союз суверенных государств» или «Единое демократическое союзное государство».

В этих сложных условиях на встрече с председателями скупщин общин Сербии 16 марта президент Сербии С. Милошевич сказал, что видит всего два пути выхода из кризиса – мирный и с использованием силы. «Уважайте то, – сказал он, обращаясь к тем, кто хотел бы отделиться, – что мы как самый многочисленный народ и самая большая республика предлагаем мирный путь». Но он не отрицал, что Сербия может и драться за осуществление права сербского народа жить в одном государстве, хотя надеялся, что не найдется много желающих пойти по этому пути⁸⁹.

Президент Сербии ошибался. Словения и Хорватия стремились отделиться любым путем, не страшась и военного. Позже руководство этих республик вспоминало, что «никому в Югославии не было дело до конфедерации», а Словения и Хорватия лишь формально предлагали заменить федерацию конфедераций⁹⁰.

В мае 1991 г. подошел срок для утверждения нового председателя Президиума СФРЮ. Поскольку заявления представителя Хорватии С. Месича, претендовавшего на этот пост, говорили о том, что он не будет отстаивать единство Югославии, члены Президиума от Сербии, Черногории, Косова (представлял серб) и Воеводины были против его избрания. В результате во время голосования кандидатура С. Месича не набрала нужного количества голосов. Ситуация была драматичной: федерация впервые оставалась без руководителя и его заместителя только потому, что сербы прогнозировали окончательный развал страны под руководством представителя Хорватии. Но неизбрание С. Месича влекло за собой самые серьезные последствия – давало Хорватии возможность встать в позу обиженной. Так и произошло. В хорватских газетах писали о нарушении конституции СФРЮ, о пренебрежении правами республики. Как пишет сам С. Месич, его неизбрание «открыло простор для маневра молодой хорватской дипломатии. Хорватия... получила поддержку всего мира»⁹¹. По его мнению, весь мир узнал об агрессивности Сербии, а уважение к Хорватии возросло, что можно было видеть по тому, как, например, был встречен Ф. Туджман в Риме.

Несмотря на отклонение его кандидатуры, С. Месич заявил журналистам, что считает себя председателем Президиума СФРЮ, и даже попытался созвать заседание этого органа, разослав письма всем членам Президиума. Однако фактически его деятельность была приостановлена. Представители Словении и Хорватии начали бойкотировать заседания Президиума и условием своего участия в его работе ставили избрание С. Ме-

сича, утверждавшего, что через негативное отношение к нему выразилось отношение ко всем хорватам и Хорватии в целом. На федеральное руководство оказывалось огромное давление как внутри страны (оппозиция), так и за ее пределами. В стране на собраниях или митингах обвиняли Социалистическую партию Сербии в том, что она нарушает Конституцию и не хочет упрочить федеральное руководство. Представители международных организаций, министры иностранных дел ряда стран убеждали членов Президиума проголосовать за С. Месича, обещая, что тогда Хорватия и Словения будут действовать в соответствии с конституцией СФРЮ, а новый председатель не станет разрушать страну.

В такой ситуации, 30 июня 1991 г. члены Президиума согласились с избранием С. Месича на пост председателя Президиума Югославии. Но это произошло тогда, когда Словения и Хорватия уже провозгласили свое отделение (25 июня), когда безрезультатно окончились межреспубликанские переговоры о будущем Югославии, когда бездействовал союзный парламент после отзыва из него всех делегатов Словении и Хорватии. Вообще трудно было понять такое упорное стремление Хорватии сделать своего представителя последним руководителем страны. Сам С. Месич не скрывал, что представлял «исторические интересы хорватской нации» и видел свою задачу в том, чтобы «в рамках хорватской исторической программы засвидетельствовать разрушение СФРЮ, инициировать и осуществить процесс разъединения и одновременно создания союза суверенных государств на югославском пространстве»⁹².

В начале октября 1991 г. Президиум СФРЮ, собравшись в неполном составе (только от Сербии и ее краев и от Черногории), принял решение о работе в условиях непосредственной военной опасности, о необходимости взять на себя ряд функций скупщины СФРЮ вследствие ее бездеятельности, поставить под контроль Президиума Югославскую народную армию. Президиум СФРЮ с этого времени управлял страной, рассматривал вопросы о соблюдении договоренностей о прекращении огня, ход мирной конференции по Югославии, однако его решения перестали быть обязательными сначала для Словении и Хорватии, потом для представителей международных организаций, потом – для Боснии и Герцеговины и Македонии. С. Месич, который уже и не стремился руководить Президиумом, называл его состав «бандой четырех» и «белградским кланом». Его собственная роль, как он полагал, теперь сводилась к тому, чтобы убедить международное сообщество, что СФРЮ уже не существует⁹³.

5 декабря сабор Хорватии принял решение о прекращении деятельности Стипе Месича в качестве члена и председателя Президиума СФРЮ, считая это решение вступившим в силу с 8 октября 1991 г. С. Месич обратился к депутатам хорватского парламента со словами: «Югославии больше нет... Я выполнил свою задачу»⁹⁴.

Кризис всех ветвей власти, неспособность руководства субъектов Федерации идти на компромисс, перенос центра тяжести принятия решений из Центра в республики, невозможность союзных органов преодолеть центробежные тенденции, бескомпромиссное и бесперспективное столкновение двух концепций устройства государства открыли путь Словении и Хорватии к отделению. В Сербии и Черногории одни ждали от руководства и армии решительных действий, другие – мудрости и компромисса. С. Милошевич был настроен решительно и надеялся легко объединить все области с сербским населением в новой Югославии. Однако армия, воспитанная на отражении внешней опасности, не намерена была участвовать в столкновении между югославскими народами. В Македонии шаги в направлении самостоятельности были осторожными, исключавшими военные

действия. В Боснии и Герцеговине с тревогой наблюдали за противоречиями между федеральным Центром, с одной стороны, и Словенией и Хорватией, с другой.

Ученые и политики до сих пор спорят по вопросам степени влияния на распад федерации различных внутренних факторов, а также соотношения внутренних и внешних факторов, расшатывавших федерацию. По нашему мнению, распад многонационального государства югославянских народов имел в своей основе комплекс сложных причин – исторических, экономических, политических, идеологических, религиозных, национальных, внешнеполитических. Распад стал возможен из-за дестабилизации общества в результате политического, экономического и идеологического кризиса, паралича власти, обострения и неуправляемости межнациональных противоречий, а также благодаря поддержке сепционистских движений извне – международными организациями и отдельными странами. Если говорить упрощенно, то внутренние причины играли важную, а международный фактор – определяющую роль в развале Югославской федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Димић Љ.* Историја српске државности. Књ. 3. Србија у Југославији. Нови Сад, 2001. С. 398–400.

2 Идеино-политическое наступление Союза коммунистов Югославии. Белград, 1972. С. 68.

3 *Bilandžić D.* Hrvanska moderna povijest. Zagreb, 1999- S. 629.

4 *Ibid.* S. 671–672.

5 *Ђурковић С. М.* Срби међу европским народима. Београд, 2004. С. 292–293.

6 Цит. по: *Димић Љ.* Указ. соч. С. 442.

7 *Bilandžić D.* *Op. cit.* S. 629.

8 *Petranović B.; Zečević M.* Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1987. Drugi tom: 1943–1986. S. 542.

9 *Волков В.К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 232–233.

10 Центральнo-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. М., 2002. Т. 2. От стабилизации к кризису (1966–1989). С. 90.

11 *Каменецкий В.М.* Политическая система Югославии. М., 1991. С. 82–83; Центральнo-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. С. 492–493.

12 Там же. С. 85.

13 *Bilandžić D.* *Op. cit.* S. 676.

14 *Еременко В.Л. Горупич Д.* Первичная и сложная организация объединенного труда в экономике // Югославия. Актуальные проблемы общественного развития. Реферативный сборник. М., 1977. С. 119–120.

15 Там же. С. 122.

16 Центральнo-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. С. 499–500.

17 *Каменецкий В.М.* Указ. соч. С. 86.

18 *Bilandžić D.* *Op. cit.* S. 680.

19 *Ibid.* S. 684.

20 *Jović D.* Jugoslavija. Država koja je odumrla. Uspon, kriza i pad Kardeljeve Jugoslavije (1974–1990). Zagreb, 2003. S. 142–145.

21 *Ibid.*

- 22 *Bilandžič D.* Op. cit. S. 692.
- 23 *Димић Љ.* Указ. соч. С. 367.
- 24 Централно-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. С. 496–497.
- 25 О так называемых несамоуправленческих идеологиях в югославском обществе того времени см.: *Кузнецhevский В.Д.* Эволюция югославской концепции социализма. М., 1990. С. 140–156.
- 26 *Jović D.* Op. cit. S. 151–152.
- 27 *Šušvar M.* Vladimir Velebit. Svedok historije. Zagreb, 2001. S. 453, 469.
- 28 *Кузнецhevский В.Д.* Указ. соч. С. 31–32.
- 29 *Vranicki P.* Socijalistička alternativa. Zagreb. S. 100.
- 30 *Stojanović S.* Sadašnja jugoslovenska kriza i neophodnost političkih reformi // Sociološki pregled. 1986. G. 20. Br. 1/2. S. 83.
- 31 *Каменецкий В.М.* Указ. соч. С. 88–89.
- 32 *Димић Љ.* Указ. соч. С. 442–443.
- 33 *Bilandžič D.* Op. cit. S. 671.
- 34 Ibid. S. 685.
- 35 Ibid. S. 695.
- 36 *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом Веку 1492–1992. Београд, 2007. С. 535.
- 37 *Petranović B.; Zečević M.* Op. cit. S. 547.
- 38 Централно-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. С. 506–509.
- 39 *Bilandžič D.* Op. cit. S. 717.
- 40 *Jović D.* Op. cit. S. 245–249.
- 41 Ibid. S. 209, 224.
- 42 *Волков В.К.* Указ. соч. С. 229, 231.
- 43 Там же. С. 225.
- 44 См.: Косово и Метохија у великоалбанским плановима. 1878–2000. Београд., 2001. Прилози. С. 269.
- 45 *Драгосавац Д.* Национальное и классовое в югославских условиях // СМП. Белград. 1982. № 1. С. 3–4.
- 46 *Bilandžič D.* Op. cit. S. 715–716.
- 47 *Ильина Г.Я.* Хорватская литература // История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. В 2 т. М., 2001. Том второй. 1970–1980-е гг. С. 338–339.
- 48 Цит. по: *Кириллова О.Л.* Сербская литература // Там же. С. 327.
- 49 *Tomas R.* Srbija pod Miloševićem. Politika devetdesetih. Beograd. 2002. S. 59.
- 50 *Jović D.* Op. cit. S. 336–337.
- 51 Подробнее см.: *Кириллова О.Л.* Указ. соч. С. 297–320.
- 52 *Bilandžič D.* Op. cit. S. 698–700; *Tomas R.* Op. cit. S. 56–57.
- 53 *Bilandžič D.* Op. cit. S. 698–699.
- 54 *Jović D.* Op. cit. S. 338–339.
- 55 Ibid. S. 339.
- 56 Ibid. S. 348–351.
- 57 *Bilandžič D.* Op. cit. S. 743–744.
- 58 Ibid. S. 745–747.
- 59 См., например: Требования 2016 жителей Косово (1985) // Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. М., 2006. Т. 1 (1878–1997). С. 188–190.

- 60 *Jović D.* Op. cit. S. 358–359.
- 61 *Павловић С.К.* Србија из имена. Београд, 2004. С. 218, 227.
- 62 Там же. С. 229–230.
- 63 *Jović D.* Op. cit. S. 371–379.
- 64 *Tomas R.* Op. cit. S. 63.
- 65 Модерна српска држава. 1804–2004. Хронологија. Београд, 2004. С. 407.
- 66 *Павловић С.К.* Указ. соч. С. 237.
- 67 *Димић Љ.* Указ. соч. С. 450–451, 454.
- 68 *Jović D.* Op. cit. S. 159, 203–205.
- 69 *Кремтон Р Џ.* Балкан после другог светског рата. Београд, 2003. С. 215.
- 70 *Jović D.* Op. cit. S. 423, 430, 449, 485.
- 71 *Јовић Б.* Последњи дани СФРЈ: изводи из дневника. Београд, 1996. С. 10.
- 72 Там же. С. 25, 37, 54, 56, 64, 67.
- 73 Там же. С. 61–62.
- 74 *Динкич М.* Економика деструкције // Србија о себе. М., 2005. С. 348.
- 75 Централно-Восточна Европа во другој половини ХХ века. В 3 т. М., 2002. Т. 3. Трансформације 90-х годов. Ч. 1. С. 407.
- 76 Цит. по: *Гуськова Е.Ю.* Историја југословског кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 136.
- 77 *Батаковић Д., Протић М.Ст., Самарцић Н., Фотић А.* Нова историја српског народа. С. 375–376.
- 78 Ктo играл главне роле? // Србија. Белград, 1995. № 26. С. 31.
- 79 *Јовић Б.* Указ. соч. С. 45, 50–51, 100.
- 80 Там же. С. 97.
- 81 *Janša J.* Помаси: Nastajanje i obrana slovenske države. Zagreb: Mladinska knjiga, 1993. С. 41.
- 82 *Кадидевић В.* Моје виђење распада. Београд, 1993. С. 111; *Ogorec M.* Hrvatski domovinski rat 1991–1993. Opatija, 1994. С. 20.
- 83 *Sekulić M.* Jugoslaviju niko nije branio a vrhovna komanda je izdala. Beograd, 1997. С. 59.
- 84 Ibid.
- 85 Ктo играл главне роле... С. 32.
- 86 Там же.
- 87 *Јовић Б.* Указ. соч. С. 221.
- 88 Цит по: там же. С. 109.
- 89 Цит. по: *Antonić S., Jovanović M., Marinković D.* Srbija između populizma i demokratije: Politički procesi u Srbiji 1990–1993. Beograd, 1993. С. 22.
- 90 Ктo играл главне роле... С. 31.
- 91 *Mesić S.* Kako je srušena Jugoslavija: politički memoari. Zagreb, 1994. С. 17.
- 92 Ibid. С. V.
- 93 Ibid. С. 276.
- 94 Ibid. С. 319.

ЧАСТЬ V

РАСПАД ЮГОСЛАВИИ
(90-Е ГОДЫ XX В.)

ГЛАВА 1

ОТДЕЛЕНИЕ СЛОВЕНИИ

Словения была самой высокоразвитой в экономическом отношении республикой СФРЮ, на ее долю приходилось более 17 % производимого в стране общественного продукта, 19 % промышленного и 7 % сельскохозяйственного производства. Здесь производилось около 30 % всех югославских грузовиков, 50 % автобусов, почти 30 % холодильников, свыше 40 % телевизоров. Однако экономический кризис, охвативший страну, имел серьезные последствия и для Словении: около 800 предприятий находились на грани финансового краха, росло число безработных, ощущалась нехватка валютных средств, падал уровень жизни¹.

Кризис всех ветвей власти, общее состояние федеральных органов, близкое к полному параличу, сделали возможным быстрое осуществление давней идеи Словении об отделении от СФРЮ. Представители Словении проявляли самостоятельность во всех структурах – в СКЮ, Президиуме СФРЮ, Союзной Скупщине, правительстве, руководстве ЮНА. Лидеры Словении стремились сплотить народ вокруг идеи независимости республики. Подчеркивалось, что Словения всегда боролась за свою самобытность – и против Австро-Венгерской монархии, и против наполеоновских полчищ. Отмечалось, что в королевской Югославии Словения не чувствовала себя по-настоящему свободной, а при Тито пребывала «под властью Белграда», «висела на конце телефонного провода, идущего из ЦК СКЮ»². Лидеров Словении раздражало постоянное вмешательство федерального Центра, отождествлявшегося с Сербией, в республиканские дела, сербская позиция казалась им преисполненной великодержавными амбициями. Отношения осложнились после сербского бойкота словенских товаров в конце 1989 г. в ответ на запрет проведения в Любляне митинга сербов из Косова.

Словения в течение 1990 г. и в первой половине 1991 г. осуществила ряд акций, направленных на достижение большей самостоятельности – потребовала, чтобы словенские солдаты отбывали срок службы только в Словении, а частями, расположенными в Словении, командовали офицеры-словенцы; 8 марта 1990 г. из названия республики было изъято слово «социалистическая»; в июле того же года скупщина приняла решение о переподчинении отрядов территориальной обороны словенскому правительству; 2 июля 1990 г. парламент проголосовал за Декларацию о независимости.

Как отмечал в дневнике Б. Йович, еще в августе 1990 г. он предлагал разработать закон об отделении республик, но словенцы никак не реагировали на предложение Президиума СФРЮ. Б. Йович полагал, что «они твердо решили идти до конца даже ценой инцидента, столкновения и войны» и даже обсуждали этот вопрос в республиканском парламенте, разрабатывали «все варианты столкновения вплоть до ввоза оружия из-за границы и вооруженного отпора»³.

В октябре 1990 г. скупщина Словении объявила, что на территории республики не имеют законной силы 27 союзных законов, а впредь ни один закон без ее одоб-

рения применяться в республике не будет. Выступая в парламенте, председатель правительства Словении А. Петерле, отметил, что «республика вступила в ключевую и самую сложную фазу борьбы за самостоятельность», и подчеркнул необходимость «принять целый свод законов, которые необходимы самостоятельному, суверенному, независимому государству»⁴. Речь шла: а) о достижении как можно большей самостоятельности в сфере экономической деятельности, о создании своей кредитно-денежной и банковской системы, проведении самостоятельной налоговой политики, б) о переводе в ведение республиканских органов большинства вопросов, связанных с функционированием систем территориальной и народной обороны, в) о реализации комплекса мер, обеспечивающих полную самостоятельность в проведении внешней политики. Все это говорило об имеющемся четком плане. Реализуя этот план, Словения в одностороннем порядке сократила взносы в федеральный бюджет, отказалась выполнять Закон о фонде для слаборазвитых республик и ряд других законов.

С конца 1990 г. события развивались стремительно – республика готовила правовую базу, которая бы позволила ставить вопрос об отделении. 23 декабря 1990 г. в Словении был проведен плебисцит, на котором 88,5 % населения высказались за отделение от Югославии. Через несколько дней председатель Скупщины Ф. Бучар на совместном заседании палат официально провозгласил Словению самостоятельным государством. А 31 января 1991 г. была принята Декларация об отделении. 20 февраля 1991 г. Словения приняла поправку к Конституции, согласно которой республика становилась самостоятельным государством.

Словения настойчиво стремилась и к внешнеполитической независимости. В беседе с корреспондентом ТАСС Ю. Корниловым секретарь по иностранным делам Словении Д. Рупел отметил, что в республике уже реализуется план самостоятельного выхода на международную арену. В декабре 1990 г. в Союзный секретариат по иностранным делам (ССИД) было направлено официальное послание о необходимости усиления влияния республик на принятие внешнеполитических решений. В нем отмечалось также, что союзное руководство должно «рассматривать словенцев – сотрудников ССИД как официальных представителей словенской внешней политики и словенских национальных интересов»⁵. Д. Рупел убеждал, что «процесс международного признания Словении уже начался, и... будет продолжаться нарастающими темпами. Словения уже сегодня имеет своих официальных представителей в Будапеште, Вене, Риме. В Вашингтоне наши интересы представляет открытое в октябре 1990 г. Бюро по внешнеполитическим, экономическим и культурным связям Словении и США, в Москве аналогичные функции возложены на директора московского представительства нашей крупнейшей торгово-промышленной фирмы „Словениялес“, который вправе, когда это требуется, выступать от имени правительства республики»⁶.

Рассматривая различные варианты развития событий на пути к приобретению независимости, руководство Словении не отрицало и возможности военных действий. Во всяком случае, министр обороны Хорватии М. Шпегель пишет в предисловии к книге словенского министра обороны Я. Янши, что контакты между министрами обороны Хорватии и Словении были частыми, что они «вместе готовили оборону республик..., вместе анализировали опасность, которая может нам грозить»⁷. Между Хорватией и Словенией был даже подписан «договор о совместной подготовке к обороне». Менее известно, пишет М. Шпегель, что «я разрабатывал план совместной обороны Словении,

Хорватии и БиГ» в марте–апреле 1991 г.⁸ У военных министров двух республик были и одинаковые оценки югославской армии: они полагали, что ЮНА слаба и неспособна помешать республикам добиться самостоятельности.

Министр обороны Словении Я. Янша описывает, как из республиканской территориальной обороны создавались республиканские вооруженные силы. Подготовка к этому началась еще в 1990 г., когда скупщина Словении приняла конституционные поправки, согласно которым территориальная оборона (ТО) в чрезвычайных обстоятельства («в случае внутренних столкновений в Югославии») переходит в подчинение Президиума Республики. Во главе ТО были поставлены новые люди, осенью 1990 г. началась ее реорганизация. Надо было решить проблему с материальным оснащением ТО, вооружением. В сентябре 1990 г. Словения не послала в ЮНА новобранцев и не перечислила в бюджет налог на армию. Эти 300 млн динаров пошли на закупку оружия⁹. Затем были разработаны оперативные планы «на случай агрессии ЮНА». Реорганизации подверглись и служба республиканской безопасности, и милиция. В ЮНА среди высших офицеров были люди, информировавшие Словению обо всех самых важных решениях военного руководства.

Министр обороны Словении разработал «Возможные варианты отделения с военной точки зрения». Этот прогноз состоял в следующем:

«I вариант. Отделение по договору.

II вариант. Попытка насильственным путем помешать отделению:

вариант II.1. (простой вариант);

вариант II.2. (грубый вариант).

III вариант. Преимущественно одностороннее отделение:

вариант III.1. Оперативная подготовленность;

вариант III.2. Частичная мобилизация и пассивная помощь;

вариант III.3. Общая мобилизация и активная помощь;

вариант III.4. Комбинированный вариант.

После осуществления вариантов III.1, III.2, III.3 федерация отвечает употреблением силы»¹⁰.

Первый вариант, который предполагал мирное отделение в течение трех лет, был зачитан журналистам 20 мая, когда уже была закончена подготовка к одностороннему отделению. Поэтому ни в руководстве Словении, ни в руководстве Югославии он серьезно не обсуждался. Второй вариант предусматривал возможность опережающих действий ЮНА и ответных акций словенских властей. Третий вариант предполагал, что Словения сама определит день отделения, начнет активно брать власть в свои руки, а федерация на это ответит силой. Судя по документу, министр точно знал, что наиболее вероятным является третий вариант, поэтому расписал его по часам и минутам. План в деталях обсуждался на совещаниях разного уровня. Я. Янша пишет, что на практике пришлось применить комбинацию нескольких вариантов.

Таким образом, серьезная подготовка к отделению и возможному столкновению с армией Югославии шла полным ходом именно тогда, когда политическое руководство республики вело переговоры о будущем Югославии, предлагала конфедеративные варианты устройства содружества. На самом деле, ничто уже не могло удержать Словению от решительного шага – отделения от СФРЮ. Единственным гипотетическим препятствием была лишь возможная отрицательная реакция Запада. Поэтому военное и политическое руководство Словении в феврале 1991 г. активно занималось внешнеполитичес-

кой деятельностью по «прощупыванию» позиций отдельных стран и международных организаций, включая НАТО. Как отмечает Я. Янша, весной 1991 г. отделение Словении не поддерживали ни Америка, ни НАТО, ни ЕС. Однако, Германия и Австрия готовы были признать самостоятельность Словении и Хорватии. Поддерживал Словению и Ватикан. Именно он предупредил С. Месича, что в день провозглашения независимости Словения будет оккупирована ЮНА¹¹.

В этот день, 25 июня 1991 г., словенское руководство в соответствии с планом взяло под свой контроль границы республики и воздушное пространство, таможенные пункты, порты. Причем, эта акция произошла очень быстро (пока депутаты еще пили шампанское в здании Скупщины после торжественной церемонии провозглашения независимости) и рассматривалась как акт «передачи власти». На пограничных переходах с Италией, Австрией и Венгрией вся югославская атрибутика была заменена словенской. В ответ союзный парламент признал акт отделения односторонним и осудил его. 26 июня, как вспоминал один из помощников премьер-министра Югославии, у А. Марковича состоялся телефонный разговор со словенским коллегой Петерле. А. Маркович убеждал его в том, что Словения совершила агрессию против Югославии, которая является международно признанным субъектом, «а вы с помощью полиции и армии заняли таможи... Вы должны уйти, оставить объекты»¹². Они договорились о встрече в Белграде 27 июня. Но встреча не состоялась – словенский президент М. Кучан уже разослал руководителям государств и генеральному секретарю ООН телеграммы, в которых сообщал о провозглашении скупщиной Словении независимости и суверенитета.

В соответствии с решениями союзного правительства ЮНА получила приказ вернуть под свой контроль объекты, через которые осуществлялась международная связь, включая 35 контрольных пограничных переходов, аэродром Брник, порт Копер¹³. Для этих целей выделялось 1990 военнослужащих, из которых 400 служащих внутренних дел и 270 таможенников. Этим подразделениям ставилась задача строго ограниченного характера. Военные писали позже, что солдаты шли без достаточного количества патронов и без организации обеспечения безопасности колонны в пути следования и на границе. «За все послевоенное время ни одно подразделение не отправлялось таким образом подготовленным даже на учения», – писал М. Секулич¹⁴.

Руководство Словении было поставлено в известность о действиях армии, и союзное правительство просило о содействии. Однако, получив утром 26 июня решение союзного правительства, руководство Словении посчитало его «официальным объявлением войны»¹⁵. Президент Словении М. Кучан срочно послал письма руководителям входивших в федерацию республик – А. Изетбеговичу, М. Булатовичу, С. Милошевичу, К. Глигорову и Ф. Туджману: «Это акт агрессии и попытка длительной оккупации независимой Республики Словении»¹⁶.

В Хорватии военную операцию несколько обтекаемо называли «внутренней агрессией доминирующей страны против вассальной территории»¹⁷. В то же время президент Хорватии полностью поддержал М. Кучана в его оценке действий ЮНА¹⁸. Следует подчеркнуть, что Хорватия стремилась синхронизировать процесс своего отделения со Словенией, и даже основные даты объявления независимости в этих республиках совпали. Но когда Словения ждала военной и материальной помощи от Хорватии во время столкновений с ЮНА, она ее не получила. Министр обороны Словении Я. Янша писал в те недели о «близорукости хорватов». Он тщетно добивался от Загреба солидарных

действий со Словенией, указывая, что следующей жертвой ЮНА станет Хорватия, независимо от того, кто выйдет победителем из войны в Словении. Однако, «хотя Хорватия и координировала все предпринимаемые ею шаги по отделению со Словенией, но действовала так, будто в соседней республике не ведется никаких военных действий»¹⁹. Ф. Туджман даже не пообещал М. Кучану, что постарается не пропустить войска ЮНА через свою территорию²⁰. На словах Загреб поощрял сопротивление Словении, однако на заседании Президиума СФРЮ 15 июля единственным выступившим против вывода ЮНА из Словении был представитель Хорватии С. Месич. Хорватия опасалась, что в случае вывода войск из соседней республики они будут использованы в Хорватии для защиты сербов Краины.

В девять часов утра 27 июня 1991 г. подразделения ЮНА начали движение самым коротким маршрутом в сторону словенской границы. Чтобы успокоить мирное население, из самолетов разбрасывались листовки, в которых объяснялись цели движения войск – «взять под свой контроль государственные границы», так как под угрозой находится территориальная целостность Югославии²¹. ЮНА в Словении уже ждали. Еще накануне Я. Дрновшек сообщал С. Месичу, что «население готово к обороне своей независимости»²². Руководство Словении мобилизовало 35 тыс. добровольцев и резервистов территориальной обороны, отдало приказ строить на дорогах баррикады и препятствовать продвижению армии. Так и произошло. На регулярную армию начались нападения. Первое столкновение произошло у Орможа. Неожиданно военные столкнулись с ситуацией, когда все словенцы отнеслись к ним как к оккупантам.

Полковник Берислав Попов, 27 июня получивший задание двигаться в направлении Вараждин – Ормож – Горня-Радгона – государственная граница, вспоминает, что на границе со Словенией на мосту была возведена баррикада из строительных блоков. Пришлось вести переговоры со словенцами, которые не хотели разбирать завалы. Более того, они начали стрелять. Б. Попов приказал открыть ответный огонь, а затем был вынужден искать обходной путь. Никто из военных не знал, что в Словении началась война. Когда под утро колонна оказалась около села Вержай, их встретила «живая стена» из жителей села, которые не хотели пропускать армию. Были там и женщины, и дети, и старики. Выстрелы в воздух разогнали толпу, и колонна двинулась дальше, неоднократно попадая в засады, под перекрестный огонь. Танки отвечали выстрелами. То тут, то там завязывался настоящий бой. Словенцы особенно упорно защищали подходы к границе. Привлекалось и мирное население, которое бросало бутылки с зажигательной смесью. К 04.00 28 июня три отряда 32 механизированной бригады встали на границе. Они понесли большие потери – пятеро погибли, семнадцать ранено, пятеро попали в плен, уничтожено 22 единицы военной техники²³.

28 июня в 15.00 Югославская народная армия установила контроль над всеми пограничными пунктами, выполнив поставленную задачу. До 21.00 происходили столкновения, перестрелка, в ходе которых словенцы пытались отбить посты. В 21.00 договорились о прекращении огня. Но продолжались блокада казарм, нападения на караулы и военные объекты, провокации, аресты и нападения на югославских военных и членов их семей.

По оценке Словении, «эта война не является гражданской, то есть войной между отдельными слоями одного и того же народа. Это война между двумя народами при явных экспансионистских посягательствах на историческую территорию одного из заинтересованных государств... Речь идет не о борьбе за власть в рядах партии, а о подлинном конфликте между демократическим выбором, ориентированным на Европу, и устарев-

шей моделью, которая вела к войне», – говорил М. Кучан в интервью одной из западных газет²⁴. Так начала складываться концепция агрессора в югославском конфликте, виновного за развязывание военных действий. Словенский историк Й. Пирьевец называет события в Словении попыткой «блицкрига» ЮНА, приостановленного «неожиданным успехом яншевых чет»²⁵.

В руководстве Сербии тем временем размышляли о дальнейших действиях. Положение в стране оценивалось как трагичное. Б. Йович и С. Милошевич все больше склонялись к мысли, что единство Югославии отстоять не удастся. На закрытом заседании Совета по защите конституционного порядка 30 июня Б. Йович сказал, что, исходя из реальной ситуации, Словению следует «исключить» из Югославии и сосредоточиться на защите «будущей границы», то есть территорий в Хорватии, населенных сербами. Он назвал это «объявлением новой политики»²⁶.

Как вспоминали словенские журналисты, 2 июля был очень напряженный день. И. Бовчар назвал его даже «решающим днем»²⁷. Все ожидали эскалации военных действий, «третьего наступления» Югославской народной армии, нападения с воздуха. Вернувшись из Австрии, М. Кучан сообщил, что переговоры с министром иностранных дел Германии Г.-Д. Геншером прошли успешно. Геншер настаивал на прекращении огня, и руководство Словении начало переговоры с «представителями Югославии» хорватом С. Месичем и македонцем В. Тупурковски²⁸. В это время в Белграде около здания скупщины собрались солдатские матери и потребовали остановить войну в Словении и вернуть их детей домой. Напряжение спало только к ночи. 3 июля было заключено перемирие. 4 июля Президиум СФРЮ принял решение о возвращении к состоянию до 27 июня, потребовал деблокады казарм, возвращения всех пленных, прекращения стрельбы.

Словения приложила массу усилий для интернационализации конфликта. И ей это удалось. 5 июля была отчетливо выражена позиция Германии. Выступая по радио, Геншер заявил, что в случае нарушения условий прекращения огня со стороны ЮНА необходимо будет поставить вопрос о признании Европейским сообществом независимости Словении и Хорватии. При этом он подчеркнул, что следует принять на специальной встрече министров иностранных дел в Гааге решение о введении эмбарго на поставки оружия в Югославию, заморозить с этой страной сотрудничество в области финансов²⁹. Для прояснения обстановки и урегулирования конфликта в страну были посланы представители Европейского сообщества.

7 июля 1991 г. на острове Бриони они беседовали с членами Президиума СФРЮ во главе с С. Месичем, а также премьер-министром А. Марковичем, руководителями всех республик, кроме главы Сербии, не приглашенного на встречу. Сербию представлял Б. Йович. В ходе многочасовых переговоров представители Евросообщества неоднократно высказывали мысль о возможности отделения тех республик, которые хотят выйти из состава федерации. Было достигнуто соглашение и принята Декларация о мирном разрешении югославского кризиса. В Декларации еще признавалось единство СФРЮ и предлагалось начать 1 августа переговоры между словенской стороной и представителями СФРЮ. Тем самым Словения становилась субъектом переговорного процесса и за ней закреплялось право ставить вопрос об отделении. Контроль над словенской границей переходил к Словении, а над аэродромом – к союзным диспетчерам. Словения должна была деблокировать казармы, выпустить пленных и заложников, а также отвести все свои отряды. При этом Словения и Хорватия на три месяца откладывали реализацию Деклараций о независимости. Сразу после договоренностей ЮНА вернулась в казармы.

Печальным итогом этой «десятидневной войны», по данным югославских военных, было: у ЮНА 44 убитых, 184 раненых, у Словении – 3 убитых, 66 раненых³⁰. Словения опубликовала следующие данные: правительственные войска потеряли 39 человек убитыми и 163 ранеными, четыре милиционера погибли и 22 ранены, Словения потеряла четырех военных из отрядов ТО и пять гражданских лиц, ранено было 89 военных из ТО, 38 гражданских лиц³¹. Посол США в Югославии У. Циммерман приводит другие данные: Словения потеряла девять, а ЮНА – 37 человек³². Посол вспоминал свой разговор с Я. Яншей, который признавался, с каким наслаждением он осуществлял задуманную операцию, считая ее мщением армии. Он говорил: «Все произошло фантастично!». И добавлял: «ЮНА сама обучила наши силы территориальной обороны. Каждый год из Белграда присылали своих самых лучших инструкторов. Они точно знали, на что мы способны. Попасть в западню, о которой не только знали, но и сами способствовали ее установке – это верх высокомерия и безответственности»³³. Если ЮНА панически боялась Запада, пишет У. Циммерман, то словенцы с распростертыми объятиями встретили западных журналистов. Словенцы «им пересказывали эпическую борьбу своей маленькой республики против югославского колосса. Это был пример успешного использования пропаганды в истории Югославии»³⁴.

Разработанный Генштабом план вывода войск из Словении был осуществлен 29 июля 1991 г. Республику покинули все войска и техника.

Сравнивая события в Словении с последующими войнами в Хорватии и Боснии и Герцеговине, многие полагают, что Любляна неожиданно легко достигла своей независимости. Но тогда словенцам казалось, что они победили в трудной борьбе: первый опыт столкновения с государственной машиной требовал огромных усилий и специальной подготовки. А. Зулфикарпашич пишет, что Словения «удивила Югославскую армию и всю политическую структуру своей организованностью и подготовленностью к выходу из Югославии, а также своими связями с Европой». Армия тогда «еще боялась открыто выступать как орудие Сербии и как убийца народа». Поэтому Словения «не шла на полную конфронтацию с армией, давая ей возможность уйти, вывезти оружие, сохранить лицо, не быть до конца униженной»³⁵.

Подразделения ЮНА, вышедшие из казарм, не собирались вести войну или выступать в роли оккупантов. Армия, воспитанная на идеях отражения внешней опасности, не готова была воевать со своим народом. Целью акции было показать недопустимость одностороннего решения об отделении, отреагировать на «самоволие» словенцев и предупредить остальных о невозможности повторения словенского варианта.

Для Словении война стала катализатором ускорения ее международного признания. В начале июля Г.-Д. Геншер пообещал М. Кучану, что, независимо от исхода войны, Словения будет признана мировым сообществом, а в разговоре с С. Месичем немецкий министр уверенно заявил, что предпримет все необходимые шаги для признания Словении и Хорватии. «Геншер, – признает С. Месич, – действовал исключительно динамично», ему удалось проинформировать Англию, Евросообщество, Австрию и убедить их в «агрессии» ЮНА и необходимости признать независимость Словении и Хорватии³⁶. События в Словении имели кроме всего прочего еще одно важное последствие – именно после них начинается деморализация армии, распад ЮНА по национальному признаку, отъезд офицеров и солдат в свои республики³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Корнилов Ю. Словения: На пути выхода из федерации? // ТАСС: БПИ. М., 1991. 4 марта. С. 16.
- 2 Там же. С. 14.
- 3 *Јовић Б.* Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. Београд, 1995. С. 174.
- 4 Корнилов Ю. Указ. соч. С. 10.
- 5 Там же. С. 13.
- 6 Там же.
- 7 *Јанша Ј.* Помаси: Nastajanje i obrana slovenske države. Zagreb, 1993. S. III.
- 8 Ibid.
- 9 Ibid. S. 66.
- 10 Ibid. S. 91.
- 11 *Mesić S.* Kako je srušena Jugoslavija: politički memoari. Zagreb, 1994. S. 49.
- 12 *Tašić P.* Kako sam branio Antu Markovića. Skopje, 1993. S. 114
- 13 Согласно данным В. Кадиевича, единицы ЮНА за 48 часов заняли 133 из 137 объектов на границе, см.: *Кадиевић В.* Моје виђење распада. Београд, 1993. С. 117.
- 14 *Sekulić M.* Jugoslaviju niko nije branio a vrhovna komanda je izdala. Beograd, 1997. S. 123.
- 15 *Јанша Ј.* Оп. cit. S. 133.
- 16 *Mesić S.* Оп. cit. S. 49–50, сноска.
- 17 *Ogorec M.* Hrvatski domovinski rat 1991–1993. Opatija, 1994. S. 22.
- 18 *Mesić S.* Оп. cit. S. 50, сноска.
- 19 *Oschlies W.* Ex-Yugoslawien '95. Politisch – Porträts der sechs Nachfolgesaaten. Köln, 1995. S. 5.
- 20 *Јанша Ј.* Оп. cit. S. 133.
- 21 *Јовић Б.* Указ. соч. С. 49.
- 22 Там же. С. 48.
- 23 *Попов Б.* Започео сам рат // НИН. Београд, 1996. 23 фебр. № 2356. С. 52–53.
- 24 *Кучан М.* Интервју газете «Круаэвенман» // ТАСС: Серия СЕ. М., 1991. 9 окт. С. 7.
- 25 *Pirjevec J.* Jugoslavija 1918–1992. Koper, 1995. S. 426.
- 26 *Јовић Б.* Указ. соч. С. 344; *Silber L., Littl A.* Smrt Jugoslavije / Prevod sa engl. Beograd, 1996. S. 181.
- 27 *Slivnik D.* Sto osamosvojitvenih dni. Ljubljana, 1991. S. 178.
- 28 Ibid. S. 183.
- 29 *Вострухов Е.* Словении предъявлен ультиматум // Известия. М., 1991. 5 июля. С. 1.
- 30 Istina o oruženom sukobu u Sloveniji. Beograd, 1991. S. 87
- 31 Vojna za Slovenijo. Ljubljana, 1991. S. 129.
- 32 *Zimmerman W.* Izvori jedne katastrofe / Prevod sa engl. Zagreb, 1996. S. 174.
- 33 Ibid.
- 34 Ibid. S. 175.
- 35 *Zulfikarpašić A., Gotovac V., Tripalo M., Banac I.* Okovana Bosna. Zürich, 1995. S. 84.
- 36 *Mesić S.* Оп. cit. S. 74–76.
- 37 *Кадиевић В.* Указ. соч. С. 118.

ГЛАВА 2

НЕЗАВИСИМАЯ ХОРВАТИЯ

С НЕЗАВИСИМЫМИ СЕРБАМИ

«Парад суверенитетов». Начавшаяся в 1991 г. война в Хорватии потрясла Европу. Трактовка событий не отличалась разнообразием подходов и множественностью интерпретаций. Устоялся стереотип: причиной войны стала агрессия ЮНА и сербов против независимой демократической Хорватии с целью создать «Великую Сербию».

Понять истоки конфликта в Хорватии, Боснии и Герцеговине трудно, так как межнациональные столкновения имеют и историческую подоплеку, и вполне реальные современные причины. Но, пожалуй, одним из самых серьезных факторов стал неразрешенный вопрос о праве нации на самоопределение: кто имеет право на самоопределение, предполагающее и отделение – республика или народ? Если первое, то республики лишь уточняют свои границы и определяют условия сецессии. Если второе, то есть отдельный народ в рамках многонационального государства – то каков статус внутренних межреспубликанских границ и каким образом их изменять?

С распадом федерации и объявлением Хорватии об отделении от СФРЮ сразу возникла проблема сербского населения в Хорватии, которое заявило о своем праве на самоопределение и желании находиться в рамках оставшейся Югославии. Согласно данным Союзного статистического института, в Хорватии в 1991 г. из 4 760 344 человек населения сербы составляли 580 762 или 12,2 % населения. При этом сербское население компактно размещалось на 32 % территории Хорватии: в 11 общинах Хорватии сербское население составляло более 50 % населения, в 10 общинах – от 30 до 49 %, в 16 общинах – от 10 до 29 %. Часть сербов проживала в городах, где большинство населения составляли хорваты. Например, в общине Загреб сербов было около 9 %¹.

* * *

Сербы жили на этих территориях несколько столетий, после того, как в конце XVI – начале XVII в. произошло их переселение с турецких территорий на пустующие земли Австрийской империи. Эти территории, будучи пограничными между Австрией и Турцией стали хорошо организованным военным щитом первой против второй – так называемой Военной Границей (Война Краина). Переселявшиеся сербы получили определенные права и привилегии: право пользоваться землей, освобождались от всех повинностей и налогов, они не могли стать зависимыми от хорватских дворян кметами. Их единственной обязанностью было участие в обороне Вены и Пешта от притязаний Османской империи. В 1871 г. по указу австро-венгерского императора произошла демилитаризация Военной Границы. Сербско-Банатская Военная Граница включалась в

состав Венгрии, Хорватско-Славонская – в состав хорватской бановины. В 1881 г. число сербов в хорватской бановине достигло четверти всех ее жителей².

Вторая мировая война оставила в сердцах сербского населения Краины самый глубокий след. На территории Независимого государства Хорватии (НГХ) были уничтожены сотни тысяч сербов (только в концентрационном лагере Ясеновац погибли 800 тыс. человек, из них 25 тыс. – евреев и несколько тысяч цыган, остальные – сербы³). Хорватский министр Миле Будак сказал тогда на одном из банкетов в Госпиче: «Одну часть сербов мы уничтожим, другую выселим, остальных переведем в католическую веру и превратим в хорватов. Таким образом, скоро затеряются их следы, а то, что останется, будет лишь дурным воспоминанием о них»³. Загребский надбискуп Алоиз Степинац записал в дневнике 27 марта 1941 г.: «В конечном итоге хорваты и сербы – два мира, северный и южный, которые никогда не сблизятся, только лишь чудом Божиим. Схизма (церковный раскол, в данном случае имеется в виду православие. – Е.Г.) – самое большое проклятие Европы, даже большее, чем протестантизм»⁴.

В 1945 г. в составе Федеративной Народной Республики Югославии была создана Республика Хорватия. Вопрос об автономии Краины, которая после Второй мировой войны так и осталась в Хорватии, никогда серьезно не рассматривался, хотя в 1948 г. сербы составляли 14,5 % всего населения Хорватии⁵.

В социалистической Югославии идеи югославянства, братства и единства главенствовали над узконациональными чувствами. Совместная жизнь в хорватских городах и селах редко давала повод для ссор и национальных обид, и скорее, отражала ассимиляционные процессы. В 1970-е годы Хорватия вышла на одно из первых мест в СФРЮ по распространению этнически смешанных браков. Причем число таких браков постоянно росло. В 1956 г. 10,9 % заключенных браков были смешанными, а в 1972 г. эта цифра возросла до 17 %⁶.

Еще в «Декларации об основных правах народов и граждан Демократической Хорватии», принятой 9 мая 1944 г. в Топуско на заседании Антифашистского веча народного освобождения Хорватии, в ст. 1 было записано, что «хорватский и сербский народы в Хорватии полностью равноправны»⁷. В Конституции социалистической Хорватии было записано, что это республика хорватского и сербского народов, а на руководящие должности выдвигали обязательно и хорватов, и сербов. Следует, однако, заметить, что сербские земли в Хорватии, составлявшие четверть всей ее территории, экономически были слабо развитыми с более низким уровнем доходов населения.

В конце 1980-х годов в Хорватии усилилась националистическая пропаганда, появились первые признаки антисербских настроений в республике, росла напряженность. В июле 1989 г. в Книнской Краине во время праздника по поводу 600-летия Косовской битвы были поставлены и вопросы положения сербов в Хорватии: упоминалось право на собственную культуру, язык и употребление кириллицы. Праздник был прерван властями после того, как приглашенная на концерт певица начала петь народные сербские песни, что было расценено как проявление национализма. В августе 1989 г. сабор Хорватии принял закон о языке, в котором сербский язык как язык сербского народа в Хорватии не упоминался.

Уже на первом съезде (24–25 февраля 1990 г.) Хорватского демократического содружества (ХДС), где руководителем партии был избран Франьо Туджман, прозвучали его слова о том, что НГХ не было лишь фашистским образованием, а являлось выражением

* *Bulajić M. Ustaški logor smrti. Srpski mit? – Beograd, 1999. S. 19, 24.*

чаяний хорватского народа иметь свое самостоятельное государство⁸. Министр правосудия Хорватии в интервью газете «Слободна Далмация» на вопрос, что для него значит «духовное обновление» ответил: «При духовном обновлении ребенок с рождения, прежде чем научиться читать и писать, должен знать, кто является его врагом. А врагом его на этой нашей земле является серб»⁹. Ф. Туджман в феврале 1990 г. говорил, что «сербов в Хорватии надо провозгласить гражданами Хорватии и назвать их „православными хорватами“. Будет запрещено название „православный серб“. В Хорватии будет запрещена православная церковь, а для тех, кто не захочет переселиться в Сербию, церковь станет хорватской»¹⁰.

22 апреля – 6 мая 1990 г. в Хорватии состоялись выборы в органы власти на многопартийной основе. ХДС получила в парламенте 2/3 мест во всех трех палатах Сабора. Франьо Туджман был избран председателем Президиума Хорватии.

Фигура Туджмана является одной из центральных в югославском конфликте. Поэтому об этом человеке надо сказать несколько слов. Его биографию подробно излагает немецкий исследователь Хоппе¹¹. Ф. Туджман родился в 1922 г. в небольшом городке Велико-Трговиште северо-западнее Загреба и с отличием закончил в этом городе гимназию. Его отец был фермером и предпринимателем, одним из лидеров Хорватской крестьянской партии. В 1941 г. отец присоединился к партизанам, но по окончании войны выступил с критикой югославского режима и был убит весной 1946 г. Брат Стиепан участвовал в партизанском движении и погиб в 1943 г. Франьо также еще совсем молодым в 1941 г. вступил в компартию и присоединился к партизанам Тито. В конце 1945 г. Туджман стал представителем Хорватии в Генеральном штабе югославской армии. В 1955–1957 гг. он учился в Высшей военной академии в Белграде, некоторое время руководил отделом кадров Министерства обороны Хорватии. В 1960 г. Туджман становится самым молодым генералом армии, но уже в следующем году он порывает с военной карьерой и начинает заниматься военной историей¹².

В 1967 г. его исключили из партии за ультранационалистические взгляды и отправили на пенсию. В 1972 г. его судили за участие в националистическом движении и приговорили к двум годам лишения свободы. Второй раз Туджмана арестовали уже в начале 1980-х годов за участие в диссидентском движении. Он стал символом национального возрождения и сопротивления Белграду¹³.

Когда в Хорватии в 1990 г. начали формироваться политические партии, представители сербского народа создали 11 февраля в Войниче Югославскую самостоятельную демократическую партию (ЮСДП), а 17 февраля в Книне – Сербскую демократическую партию (СДП). На выборах в апреле 1990 г. СДП получила большинство голосов в трех сербских общинах и соответственно пять мест в парламенте. В остальных сербских общинах она поделила голоса с коммунистами.

Во главе сербского движения в Хорватии стоял один из основателей СДП Йован Рашкович, врач-психиатр, прекрасный оратор, антикоммунист по своим убеждениям. Он говорил, что партия ориентирована на Югославию и демократию, а национальные моменты, или, по его словам, «национальные ружья», предлагал заменить на «веру в человечность»¹⁴. С самого начала Й. Рашкович выступал за культурную автономию сербского народа в рамках Хорватии.

Первую половину 1990 г. можно характеризовать как манифестационный период, когда сербы обсуждали конституционные поправки и просили учесть их требования. Наибольшие протесты вызывали намерения властей свести сербов к статусу националь-

ного меньшинства в Хорватии, тогда как они считали себя равноправным с хорватами «государствообразующим» народом, что было записано во всех конституциях Хорватии. Со второй половины 1990 г. начинается организационное объединение общин с большинством сербского населения, борьба за права культурной автономии в рамках Хорватии.

Скупщина общины Книн 10 апреля 1990 г. на совместном заседании всех веч приняла решение заключить Договор об объединении сербских общин далматинской области, а также создать Объединение общин Северной Далмации и Лики. Сербов беспокоило, что руководство Хорватии, взяв курс на отделение от СФРЮ, категорически отрицало возможность предоставления культурной автономии сербам, проживавшим в республике, не шло ни на какие компромиссы, а лишь ужесточало антисербскую кампанию.

23 мая 1990 г. председателем скупщины общины Книн, центра сербских земель на западе Хорватии, был избран Милан Бабиц, зубной врач по профессии, член Главного комитета СДП, бывший коммунист, делегат на съезде Союза коммунистов Хорватии. Вокруг него сформировался круг национально настроенных сербов, которые начали работу по объединению сербских общин в Хорватии. Причем, делали это на основе конституции Хорватии, которая это формально позволяла.

20 июня Президиум Социалистической Республики Хорватии изменил название, изъяв из него слово «социалистическая», принял новые государственные символы. Символика в виде шахматного чередования белых и красных клеток («шаховница»), заменившая звезду, напомнила сербам усташескую символику времен Второй мировой войны.

27 июня 1990 г. после серьезной подготовительной работы, проведенных собраний, митингов и встреч в сербских общинах завершилось создание Содружества шести общин Лики и Северной Далмации и, соответственно, его скупщины. Цель объединения – создание единого экономического пространства, осуществление скоординированной региональной политики, подъем менее развитых общин. Было заявлено, что, «поскольку на территории Северной Далмации, Лики, Кордуна, Бании и части Славонии в большинстве своем живет сербский народ как исторический народ на части территории Республики Хорватии, представляющей территорию Войной Краины, то существуют причины историко-культурного характера, чтобы на этой территории республики создать современный регион, где могли бы быть отражены национальные и культурные особенности этой части Республики Хорватии»¹⁵. В короткое время к Содружеству сербских общин выразили желание присоединиться еще 11 общин.

В это же время проявила себя еще одна личность – будущий президент Республики Сербская Краина Милан Мартич. Он был старшим инспектором по экономическим преступлениям в книнской милиции и одним из тех, кто воспротивился в июле 1990 г. введению новой хорватской униформы и новых знаков отличия в подчиненном ему подразделении.

Параллельно шло объединение сербских общин Западной Славонии, Восточной Славонии, Барани и Западного Срема. На митингах народ говорил лишь о стабилизации и демократизации Хорватии, выражал опасение возрождения фашизма.

Среди руководителей сербского движения в Хорватии постепенно выявились две линии: более твердая, при опоре на Сербию и С. Милошевича (М. Бабиц) и умеренная, с наведением «мостов взаимопонимания» с руководством Хорватии (Й. Рашкович).

В конце июля 1990 г. к местечку с символическим названием Срб в Лике потянулись колонны народа из Далмации, Лики, Кордуна, Бании, Славонии, Барани и других областей. Было решено создать высший орган законодательной власти сербского народа

Краины и всех сербов Хорватии как вторую палату Хорватского Сабора, поскольку последний не учитывает интересы сербского народа. В присутствии 150 тыс. человек был сформирован Сербский Сабор как представительный орган сербского народа в Хорватии, а также исполнительный орган – Сербское национальное вече, была принята Декларация о суверенитете и автономии сербского народа. Требования сербов касались употребления кириллицы, сохранения сербских школ и соответствующих школьных программ, культурных и политических институтов, предприятий, печати и сербского радио и телевидения¹⁶. Председателем Сербского национального вече был избран Милан Бабич.

Сербское национальное вече приняло решение провести среди сербского населения референдум об автономии сербов в Хорватии. Хорватские власти объявили референдум незаконным и послали в сербские области Северной Далмации специальные полицейские подразделения, чтобы изъять оружие у резервного состава милиции и помешать проведению референдума. Ночью хорватские милиционеры напали на милицейский участок в Бенковцах. В ответ сербы воздвигли баррикады на дорогах. Этот день неповиновения практически стал днем «сербского восстания» в Книнской Краине. М. Бабич принял руководство на себя, возглавив Штаб по обороне Книна. Референдум состоялся в 28 общинах – полностью и в 23 общинах – частично. В 10 общинах хорватским властям удалось помешать волеизъявлению сербов. Всего за сербскую автономию высказалось 756 549 чел., против – 172, недействительных бюллетеней было 60¹⁷.

21 декабря 1990 г. в Книне была провозглашена Сербская автономная область Краина (САОК). На книнской крепости, возвышающейся над городом, был поднят сербский флаг. Согласно принятому Уставу, «Сербская автономная область Краина является видом территориальной автономии в составе Республики Хорватии... в рамках Федеративной Югославии»¹⁸.

В декабре того же года была принята и новая Конституция Хорватии, где сербское население было признано национальным меньшинством. В Конституции было записано, что на первых демократических выборах была подтверждена тысячелетняя государственная самобытность Хорватии и решимость добиться суверенитета. Провозглашено, что Хорватия становится национальным государством хорватского народа. О сербской автономии речи не было.

Приход к власти в республике правой националистической партии Хорватское демократическое содружество, принятие новой конституции Хорватии сыграли решающую роль в дальнейшей деятельности автономистов. Кроме того, мотивацией для сербского народа был лозунг, сформулированный С. Милошевичем – «Все сербы будут жить в одном государстве». Когда руководству Сербии стало ясно, что федерацию сохранить не удастся, то оно стало склоняться к мысли, что надо провести референдум о самоопределении народов и отделиться тем, кто выскажется за отделение, и остаться в едином государстве всем остальным. По этой схеме все сербы должны были оказаться в новой Югославии. Позиция, занятая руководством Сербии, поддерживала сербов в их борьбе. С. Милошевич подчеркивал, что разделение сербов на части в случае распада федерации – неприемлемо для Сербии. «Об этом даже не может идти речь», – говорил он твердо в октябре 1990 г.¹⁹ Позже, с изменением международной обстановки, руководство Сербии изменило планы по отношению к сербам в Хорватии, а затем полностью от них отказывалось.

Сербы предупреждали Загреб, что они будут предпринимать решительные меры только в том случае, если официальная Хорватия встанет на путь отделения. Когда 20

февраля 1991 г. правительство Хорватии представило Сабору Конституционный закон, который определял приоритет республиканских законов над союзными и принял Резолюцию об отделении от Югославии, Сербское национальное вече и Исполнительное вече САОК 28 февраля 1991 г. приняли Резолюцию об отделении от Республики Хорватии на основе результатов референдума. В ней не признавалось решение Хорватского Сабора, выдвигалось требование остаться в СФРЮ и провозглашалось, что на территории САОК будут действовать только союзные и краинские законы. 18 марта Скупщина общины Книн «в функции части Скупщины Сербской автономной области Краина» приняла решение об окончательном отделении от Республики Хорватии. 12 мая был проведен референдум о присоединении к Сербии. 16 мая Скупщина САОК приняла решение о присоединении Краины к Югославии.

В литературе ведется полемика по поводу того, были ли действия М. Бабича по объединению с Сербией инициированы Белградом и лично С. Милошевичем. Многие убеждены в этом. Но С. Радулович утверждает, что С. Милошевич ничего не знал о планах М. Бабича и был поставлен в крайне неудобную ситуацию. Ведь в марте 1991 г. на встрече в Караджорджеве руководителей Сербии и Хорватии С. Милошевичу стало ясно, что Ф. Туджман не пойдет ни на какие территориальные уступки сербам. Именно поэтому краинской делегации не было позволено выступить в Скупщине в Белграде.

Тогда позиция М. Бабича претерпела изменения. Он выступил за статус Краины как отдельной территории в составе Югославии. Руководство Хорватии считало события в Краине не межнациональным столкновением, а «нападением на легальную власть»²⁰. Начались усиленная подготовка отрядов полиции и создание хорватской армии. Сербы в свою очередь пытались предотвратить приезд хорватской полиции и окружили свои села баррикадами.

Сербское движение в Хорватии стало следствием развернувшейся в республике в 1991 г. националистической пропаганды и широких антисербских настроений. Движение за автономию в рамках Хорватии переросло в движение за присоединение к Югославии, с одной стороны, из-за политики Хорватии, направленной на полную самостоятельность республики, а с другой стороны – из-за поданных Белградом надежд на поддержку в борьбе за объединение всех сербов в одном государстве.

Официальный Загреб отнюдь не стремился удовлетворять требования сербов об автономии. Был выбран путь запугивания и наказания ослушавшихся, что еще больше накаляло обстановку. Сербы с болью восприняли изменение названия сербскохорватского языка на хорватский, отмену кириллического письма в служебной переписке, запрещение иметь свои радио- и телепередачи (хотя таковые имели словенцы, венгры, албанцы), газеты и журналы на кириллице, изъятие из школьных программ текстов по сербской истории, сербских писателей и поэтов, переименование улиц и площадей.

Еще хуже было тем сербам, которые оказались за пределами Краины. Все они были вынуждены подписывать специальные «листы лояльности» новой власти. Проверку на лояльность сербы проходили на предприятиях и по месту жительства. Их вызывали «на разговор» в профсоюзные организации, где им предлагалось подписать «письмо поддержки власти Хорватии». Те, кто отказывался подписать письмо, лишался работы, а значит, средств к существованию.

В Хорватии такое «внимательное» отношение к сербам объясняется в какой-то мере существовавшей убежденностью в их поголовной деятельности «в пользу агрессора»²¹. Своеобразная шпиономания захватила Хорватию. Термин «пятая колонна»

прочно вошел в политический словарь правящей хорватской элиты. Один из военных теоретиков Хорватии М. Огорец писал в своем исследовании: «В войне за Хорватию „пятая колонна“ выполняла свою задачу, главным образом, в больших городах, но особенно активна она была там, где велись боевые операции. Ее ряды пополнялись в основном из военных или милиционеров в отставке, гражданских лиц, находившихся на службе ЮНА, участников войны. Но самыми опасными были тайные агенты министерства внутренних дел и службы государственной безопасности. Наряду с этими лицами в „пятую колонну“ следует включить и представителей некоторых политических партий, таких как СДП и СК – Движение за Югославию... Они все были лицами исключительно сербской национальности». Автор считал, что все сербы были заражены «великосербским гегемонизмом»²².

После прихода ХДС к власти, начиная с мая 1990 г., из Министерства внутренних дел были уволены все сербы, многих арестовывали. Началась замена сербов на руководящих должностях предприятий, отделов милиции, газет и журналов, судов. Следом прокатилась волна увольнений и обычных работников²³. Под давлением сербы уезжали из городов и поселков: из Карловаца уехали 30 тыс. сербов, из Задара – 28 тыс., из Сисака – 30 тыс., Госпича – 5 тыс., Шибеника – 15 тыс., Винковаца – 10 тыс., Славонски-Брода – 10 тыс. Всего Хорватию за период с 1991 по 1995 гг. были вынуждены покинуть 350 тыс. сербов²⁴.

Одновременно хорватские газеты были наполнены сообщениями о хорватских беженцах из Славонии и Барани, которые стали жертвами «великосербской идеи». Эти земли назывались не иначе, как «оккупированные территории».

Уже в 1990 г. начались гонения на Сербскую православную церковь: хорваты нападали на священников, избивали их, вламывались в церкви во время службы, оскверняли могилы, подкладывали в храмах взрывные устройства. Всего в Хорватии с 1991 по 1993 г. были разграблены 94 православные церкви и четыре монастыря, разрушены 70 церквей и 96 церковных зданий, 10 кладбищ, одна патриаршая ризница, церковный музей, два церковных архива и две библиотеки²⁵. Руководитель Венского центра по расследованию нацистских преступлений Симон Визенталь в интервью миланской газете «Коррьере делла сера» в 1993 г. предупреждал, что в Хорватии возрождается фашизм. Он напомнил, что первыми беженцами югославского кризиса были 40 тыс. сербов из Хорватии, что там произошли первые инциденты с поджогом православной церкви и синагоги, осквернением еврейского кладбища²⁶.

19 декабря 1991 г. в Книне была торжественно провозглашена Республика Сербская Краина (РСК). Скупщины Западной и Восточной Славонии приняли решение войти в состав РСК. Согласно принятой Конституции, Республика Сербская Краина являлась «национальным государством сербского народа и всех граждан, которые в ней живут»²⁷. Новая республика состояла из трех территорий и 22 общин. Были определены государственные символы РСК – новый герб, флаг и гимн. Негибкая политика правительства Хорватии в отношении сербского населения, запугивание, ущемление его прав, неуступчивость в предоставлении автономии, страх перед преследованием оставили перед сербским народом лишь два пути: или с оружием в руках защищать право самим решать свою судьбу, или покинуть эту землю.

Страх сербского народа в Хорватии перед повторением геноцида времен Второй мировой войны хорватские ученые и политические деятели считали проявлением «великосербского империализма» и полностью отрицали существование каких-либо осно-

ваний для него²⁸. Поэтому восстановление единого для всей страны конституционного порядка считалось делом закономерным и естественным. Однако хорватские власти встретили серьезное сопротивление.

ХОРВАТСКАЯ ВОЙНА. Повсюду в сербских селах происходили столкновения с хорватской полицией, которая пыталась установить атрибуты новой власти. Сербское население организовывало ночные дежурства, патрулирование. В январе 1991 г. создается Управление внутренних дел Краины. Его секретарем был назначен Милан Мартич. В конце марта хорватская полиция, которая скорее напоминала вооруженные военные формирования, напала на Плитвицы, где натолкнулась на вооруженный отпор сербов. Некоторые исследователи именно 31 марта 1991 г. считают началом сербско-хорватской войны.

После столкновений с полицией и внутренними войсками сербы стали создавать отряды территориальной самообороны (ТО) в Краине. С весны 1991 г., а особенно после провозглашения Хорватией 25 июня 1991 г. независимости и отделения от СФРЮ противостояние хорватской полиции с защитниками сербских сел, борьба между властями республики и сторонниками непризнанной автономии переросла в кровопролитную войну.

Естественно встает вопрос, могла ли Хорватия избежать войны? По нашему убеждению, да. Предоставление сербам автономии, обещание строго соблюдать права человека, уважительное отношение к сербской культуре и религии, представление сербских интересов в парламенте смогли бы устранить страх, охвативший сербское население. Требования сербов менялись и со временем становились радикальнее в зависимости от непримиримости хорватских властей, которые войны не боялись. Об этом ясно сказал Ф. Туджман 24 мая 1991 г., выступая на площади Бана Елачица в Загребе: «Войны могло бы и не быть, если бы Хорватия этого не хотела. Но мы оценили, что только посредством войны можем добиться самостоятельности Хорватии. Поэтому мы проводили политику переговоров, а сами создавали свои вооруженные отряды. Если бы мы этого не сделали, то не достигли бы цели. Значит, войны можно было избежать, если бы мы не стремились осуществить свои цели, то есть создать наше самостоятельное государство»²⁹.

В начальном периоде военных столкновений на территории Хорватии можно выделить две фазы. Первая представляла собой борьбу между сербами Краины, которые пытались создать независимое территориальное образование и выйти из состава Хорватии, и хорватскими властями, стремившимися сохранить территориальную целостность республики и установить единую власть на всей ее территории. Она длилась с конца 1990 г. до августа 1991 г. Вторая фаза, временные границы которой можно обозначить как август 1991 – сентябрь 1992 г., характеризовалась участием Югославской народной армии в военных действиях на территории Хорватии.

В Хорватии, где к войне готовились, происходила концентрация власти в руках узкого руководства страны и партии Хорватского демократического содружества. Это позволило подчинить все силы республики единому центру, единой воле. Усилия многих структур были направлены на создание, подготовку, оснащение и высокую боеспособность собственной армии. При этом с самого начала упор был сделан на расширение сил полиции, которые к июлю 1991 г. выросли в несколько раз. А в Министерстве внутрен-

них дел было задумано создать специальные подразделения – Сбор народной гвардии* (как часть полиции специального назначения, состоявшей исключительно из профессионалов), которые были представлены общественности уже 28 мая 1991 г. на смотре на стадионе «Загреб». Одновременно формировалась система «Народной защиты» как система самообороны граждан Хорватии³⁰.

Причиной войны в Хорватии хорватские власти объявили «сербскую агрессию... попытку сербов установить свою власть на части территории Хорватии, создать Великую Сербию»³¹. В июле 1991 г. Хорватия объявила всеобщую мобилизацию. В ноябре общая численность хорватских вооруженных формирований достигла 110 тыс. человек³². Значительную часть вооруженных сил республики составили отряды Сбора народной гвардии, (около 70 тыс.), войска Министерства внутренних дел (около 30 тыс.), отряды территориальной обороны, а также военизированные формирования³³. В республику был разрешен въезд долгие годы ждавшим своего часа усташам. Их боевая подготовка велась в странах Латинской Америки, Австралии, Германии. Они были прекрасно вооружены. В страну ехали и наемники, среди которых – немцы, французы, англичане, румыны³⁴. В распоряжении властей имелись также вооруженные формирования некоторых партий – правящей ХДС, Партии права, которые в 1991 г. активно начинали этнические чистки в Славонии, устраивали провокации, делали грязную работу, когда в этом не могли участвовать официальные структуры.

Сербы в Хорватии безгранично верили, что их защитит армия, и потому постоянно просили руководство в Белграде оказать давление на Хорватию. М. Бабич критиковал пассивную позицию Белграда и начал создавать армию РСК. В этом краинских сербов поддерживали оппозиционные партии в Сербии. 20 августа 1991 г. правительство Краины** приняло решение о формировании единой системы территориальной обороны как «вооруженных силах Краины». Командующим ТО становится М. Бабич. Сербские силы в Хорватии были организованы исключительно по территориальному принципу, как сельские отряды самообороны. Не было подразделений, которые могли бы начать наступательные действия. Многие отряды были плохо вооружены, слабо связаны между собой, чувствовалось отсутствие единого командования. В Краину потянулись сербские добровольцы из Югославии. Некоторые партии из Сербии (Сербское движение обновления, Сербская радикальная партия и др.) создавали свои вооруженные отряды, которые направлялись помогать сербам в Хорватию. Эти отряды, собранные зачастую из случайных людей, отказывались подчиняться общему командованию, сотрудничать с ЮНА, их мораль оставляла желать лучшего, они не гнушались мародерства и т.п. «Пили сверх всякой меры, грабили бездушно, а их сообщения были полны лжи в большинстве случаев», – вспоминал сербский генерал С. Лисица³⁵.

Безусловно, весной 1991 г. на территории Хорватии и РСК сложилась крайне сложная политическая ситуация. Еще сохранялась признанная мировым сообществом СФРЮ. Провозгласили об одностороннем выходе из Федерации Словения и Хорватия. Объявили о выходе из Хорватии и присоединении к Югославии сербские земли Краины. Каждый из этих субъектов торопился самоорганизоваться политически, создать свою армию. Самой сложной оказалась проблема границ. Хорватия настаивала на при-

* По-хорватски – Збор Народне Гарде (ЗНГ). В народе их звали зенговцы.

** Первое правительство Краины было избрано 29 мая, премьер-министром стал М. Бабич, а министром внутренних дел – М. Мартич.

знании существующих республиканских границ, а Сербия допускала возможность их пересмотра в связи с тем, что сербское население Хорватии выразило желание остаться в Югославии. Позиции Сербии и Хорватии расходились по многим вопросам, а противоречия и расхождения во взглядах не удавалось разрешить мирным путем.

Еще в феврале 1991 г. хорватские силы заняли часть района Плитвицких озер, пытались прорвать заграждения и баррикады на дорогах, проникнуть вглубь сербской территории. До середины 1991 г. отрядами краинских сербов руководили штабы территориальной обороны и созданный 30 апреля 1991 г. Совет народной обороны. Однако это скорее напоминало ополченцев, которые по мере возникновения опасности вставали под ружье и защищали свое село. Были попытки договориться с руководством ЮНА, чтобы она возглавила борьбу в Краине, но это встретило серьезные политические препятствия. Например, 21 августа танковые отряды Книнского корпуса ЮНА подошли непосредственно к Задару, но получили из Белграда приказ отступить.

Постепенно югославская народная армия, особенно ее Книнский корпус, в котором служили Ратко Младич, Славко Лисица, получившие позже широкую известность, начала осознавать необходимость защиты сербского населения от хорватской полиции и вооруженных формирований³⁶. По мнению В. Кадиевича, книнская армейская группировка ЮНА активно помогала сербам Краины и хорошо справилась со своей задачей. «Она полностью освободила все сербские районы в радиусе своих действий, разделила Хорватию около Задара, деблокировала Синьский, Дрнишский и Задарский гарнизоны, помогла поморской области в деблокаде Шибеника, поставила под угрозу Сплит и очень помогла Лике»³⁷.

Хорватские источники первые боевые действия в Бании связывают с началом июля 1991 г. Тогда хорватская полиция ушла из этих мест, увидев, что сербским отрядам оказывалась поддержка ЮНА. В начале августа сербами был занят Топуско, другие населенные пункты. Но сами хорватские исследователи отмечают, что в операциях в Бании были задействованы незначительные силы югославской армии, большую роль сыграли пропаганда и агитация, которые активизировали «четников и сербских экстремистов», живущих в этих районах³⁸.

Территория Кордуна – центр Книнской Краины. Как отмечали хорватские военные, здесь не было крупных боевых действий, и из-за слабости местной хорватской власти сербы сумели держать всю территорию под контролем, или, по их выражению, «оккупировать территорию»³⁹. В Лике (Книн, Обровац, Бенковац, Грачац) столкновения начались в апреле в районе Киево. Здесь ЮНА была очень активна, боролась за Масленичкий мост, а в августе заняла стратегическое положение около Шибеника и Задара.

Военные действия, которые велись ЮНА в районе Дубровника, «обеспечили большое преимущество Хорватии в международных отношениях», отмечают хорватские источники. Хорватия на весь мир заявляла о разрушении города-музея, о его постоянном артобстреле. М. Огорец пишет, что первый раз старая часть Дубровника обстреливалась 23 октября 1991 г., а 25 октября югославская армия, подойдя непосредственно к стенам старой крепости, потребовала сдать город. После получения отказа, ЮНА начала артобстрел, который длился до середины ноября⁴⁰. Обстрел Дубровника вызвал реакцию в мире и во многом способствовал формированию негативного общественного мнения в отношении ЮНА и руководства Югославии. Однако следует подчеркнуть, что сведения о разрушениях старинного Дубровника были преувеличены. Д. Оуэн писал в 1994 г., что «прекрасные старинные строения... все еще существуют... Здесь я вам раскрою малень-

кий секрет. Дубровник вообще не пострадал. Почему журналисты мира своим сердитым зрителям, читателям и слушателям не объяснили, что хорватская армия, когда сербы двинулись по адриатическому берегу к Дубровнику, выбрала этот средневековый шедевр архитектуры в качестве артиллерийского опорного пункта для этого региона, а сербская армия вообще не намеревалась разрушать его, так как тогда все еще считала его частью своей родины, своей Югославии?»⁴¹.

Самые трагические для сербов события развернулись на территории Западной Славонии. По переписи 1981 г. в девяти общинах Западной Славонии существовал 251 населенный пункт с абсолютным и 32 с относительным сербским большинством. Эти цифры были бы еще больше, если бы многие сербы не записывались как «югославы». С первых месяцев 1991 г. началось систематическое насильственное изгнание сербов с их земель. До 15 августа 1992 г. были полностью этнически очищены от сербского населения 10 городов и 183 села, а частично – 87 сельских населенных пунктов⁴².

Территориальная оборона Западной Славонии была создана лишь к сентябрю 1991 г. и состояла из 7800 бойцов⁴³. В Западной Славонии в селах с большинством сербского населения народ был плохо вооружен, не получал помощи и поддержки из Сербии. Во время борьбы, которая длилась до конца 1991 г., отряды ЮНА были в небольшом количестве только в районе Пакраца. После сдачи казарм ЮНА в Вировитице и Беловаре, а также нападения на склады в Даруваре и Вараждине хорваты получили большое количество оружия и смогли дополнительно вооружиться, а военные ЮНА покинули территорию Западной Славонии. Хорватским войскам оказывали сопротивление только местные отряды ТО. Свою главную задачу отряды самообороны видели в том, чтобы вывести народ, провести его эвакуацию во избежание уничтожения.

Один из хорватских офицеров, анализируя войну в Хорватии, отмечал, что боевая активность в Западной Славонии началась только 16 августа 1991 г. «после нападения четников на хорватские позиции в районе Окучан». Уже 21 августа хорватские силы начали контрнаступление в районе Пакраца «и разбили крупные силы четников и сербских добровольцев», что вызвало «панику и ослабление боевого духа» в их рядах. Поскольку хорватские военные опасались поддержки сербского населения «юго-армией и экстремистами», они, как признают сами, начали операцию по «очистке» территории, населенной сербскими крестьянами⁴⁴.

1 ноября в православный день поминовения усопших хорватская армия начала наступление на сербские населенные пункты в треугольнике Беловар – Подравска-Слатина – Грубишно-Поле. Хорватские военные не скрывают, что контрнаступление сопровождалось «чистками территории от четников»⁴⁵. В общине Грубишно-Поле были полностью уничтожены 18 сербских сел. Люди бежали кто в Боснию, кто в горы.

Сразу после перемирия, подписанного в Женеве 23 ноября 1991 г., хорваты предприняли широкое наступление в Западной Славонии по всем линиям фронта. Мирное население и бойцы территориальной обороны, всего 70 тысяч человек, отступили к югу. Северная линия фронта переместилась к Пакрацу.

Корреспондент ИТАР-ТАСС так охарактеризовал в то время чувства, охватившие Белград: «Белград и Сербия в шоке. Республиканские власти, похоже, не знают, что предпринять. Ибо завтра пленарное заседание мирной конференции по Югославии в Гааге намерено потребовать от них подписания очередного текста плана ЕС о будущем устройстве Югославии, где сербские Краины остаются в составе Хорватии. Если этот

план Сербией не будет подписан, Европейские сообщества грозят введением жестких экономических санкций против этой республики»⁴⁶.

Хорваты особо упорно дрались за земли в Восточной Славонии. «На этом фронте, – подчеркивали хорватские военные, – разыгрались самые жестокие битвы, с самой большой динамикой и интенсивностью боевых действий обеих враждующих сторон. Здесь были и самые большие потери»⁴⁷.

Восточная Славония непосредственно граничит с Югославией. Ее богатство – плодородные равнинные земли с хорошими дорогами, линиями связи. Важной составляющей экономики этого края является река Дунай. Это густонаселенный край со смешанным составом населения. Села с преимущественно сербским населением перемежаются с селами с большинством хорватского населения.

Согласно хорватской точке зрения, «хорватские силы начали здесь подготовку к обороне значительно раньше, чем в других районах, так как ЮНА значительно раньше начала концентрировать здесь свои силы, а четники постоянно осуществляли вооруженные провокации». В борьбе против хорватской власти в Восточной Славонии участвовали: Югославская армия, «пятая колонна», «силы четников из сел с преимущественно сербским населением», диверсионно-террористические группы⁴⁸.

В начале апреля 1991 г. во всех сербских селах в районе Вуковара были сооружены баррикады. Хорватские полицейские контролировали все главные дороги, ограничивали передвижение по ним. В Восточной Славонии началось массовое вооружение хорватов. Оружие раздавали в Вуковаре, Винковцах, Осиеке. Напряжение росло. Измотанные постоянными дежурствами на дорогах, слухами о пролитой крови в столкновениях, сербские крестьяне постоянно ожидали нападения хорватской полиции. Сербы создали свой Штаб движения сопротивления. Крестьяне сами доставали или покупали оружие, не гнушались и охотничьими ружьями: только в Борово-Село в то время было 130 охотников. Оружие шло и из Сербии.

Определенным этапом развития хорватско-сербских столкновений в Восточной Славонии стали события в большом сербском селе Борово-Село. Они всколыхнули не только Восточную Славонию, дав сигнал сербам к самообороне, но и все остальные сербские земли. Как сообщали тогда газеты, 2 мая специальные отряды хорватского МВД и полицейские из Осиека и Винковцев вошли в село, убили на площади мирного жителя, который читал газету. Завязалась перестрелка, переросшая в кровопролитное столкновение, длившееся несколько часов. Характерно то, что вошедший в село отряд ЮНА встал между воюющими сторонами и сделал все, чтобы обеспечить свободный выход хорватских военных и полицейских из села.

В мае столкновения приобрели организованную форму. Хорваты вооружили не только членов ХДС, но и всех желающих, хорватская полиция активизировала деятельность во многих селах Восточной Славонии. Столкновения в Дале, Эрдуте, Осиеке, Крушеве, Вуковаре начались еще весной, но особенно жестокими они стали в конце лета. Нападением подвергались все сербские села, упорные бои шли за каждое из них. Слабо вооруженные сельчане практически вели войну против вооруженных единиц, за которыми стояло государство⁴⁹.

Позиция ЮНА в событиях 1991–1992 г. – пока неисследованная тема, хотя писали о ней много и главным образом критически. В 1991 г. югославскую армию критиковали словенцы и хорваты как оккупационное войско, которое действует на стороне сербов⁵⁰; средства массовой информации часто называли армию сербской или, во всяком случае,

воюющей на стороне Сербии. Сербы же подвергали армию критике за то, что она в хорватско-сербских столкновениях не встала на их сторону, не защитила свой народ.

Между тем, армия находилась в трудном положении в распадавшейся федерации: она пыталась придерживаться конституции (потому бросилась защищать границы СФРЮ), была верна идеям интернационализма, братства и единства, пыталась занять нейтральную позицию в межнациональном конфликте. Во время вооруженных столкновений армия брала на себя роль сдерживающего буфера между сербскими и хорватскими силами. Б. Йович, член Президиума СФРЮ, вспоминал, как уговаривал В. Кадиевича в январе 1991 г. отдать приказ армии защитить сербов в Хорватии. Министр обороны отверг все просьбы, боясь, что в этом случае армию назовут «сербской»⁵¹.

Исполнение приказа не стрелять уносило десятки жизней молодых солдат. При этом огромная армейская машина с трудом могла измениться в короткие сроки. Страна распадалась, уже создавались армии Словении, Хорватии, Македонии на национальной основе, а собственно сербской армии не было. В 1991 г. из ЮНА уходили солдаты и офицеры – хорваты, словенцы, македонцы, мусульмане; армия же продолжала оставаться югославской. Никто не ставил армии четких задач, цели ее деятельности при объявлении мобилизации осенью 1991 г. определены не были. Поэтому в армии царил хаос, неразбериха, путаница.

Уже 6 мая 1991 г., после событий в Борово-Село, Главный штаб ЮНА выразил желание обеспечить стране мир. 9 мая Президиум СФРЮ после бурных дискуссий, продолжавшихся несколько дней и ночей, призвал к миру на основе конституции, принял решение о дополнительной мобилизации резервного состава милиции с целью изъятия оружия у населения, об ограничении передвижения в зонах столкновения, о начале переговоров между сербами и хорватами, поручил ЮНА сделать все возможное, чтобы восстановить мир в Хорватии.

В ответ на это в конце июля Ф. Туджман призвал свой народ восстать против Югославской народной армии. ЮНА была провозглашена «оккупационным войском, которое угнетает и убивает хорватский народ, а помогает четникам и бунтовщикам». Конечной целью хорватского руководства был вывод войск Югославии с территории Хорватии.

Для выполнения этой задачи, с одной стороны, офицеры и солдаты ЮНА, служившие в Хорватии, а также их семьи подвергались шантажу, прямым нападениям, физическому уничтожению, моральному унижению. Была разработана тактика одновременной блокады армейских гарнизонов, военных объектов, казарм по всей Югославии. Приказ об этом был отдан 14 сентября 1991 г. По словам хорватских военных, тактика применялась разная: от военной хитрости до длительных переговоров, от отключения воды, света, прекращение подвоза продовольствия, лишения связи с окружающим миром до вооруженных нападений, обстрелов, поджогов⁵².

В результате некоторые гарнизоны, такие как Чаковец, Риека, Пула, передали хорватским властям все объекты ЮНА, включая военную технику и вооружение, без особого противодействия, другие, такие как Карловац, Вуковар, Осиек, Задар и др. оказали жестокое сопротивление⁵³. Хорватам в середине сентября удалось занять большинство военных гарнизонов и складов на территории Хорватии. Сдалась казарма в Госпиче, военные были убиты. Пали гарнизоны в Вировитицах (200 человек), Славонски-Броде, Плоче, без борьбы сдался гарнизон в Джакове, из последних сил держались казармы в Вараждине и Беловаре. Блокированы были казармы в Загребе и других городах. В се-

редине сентября пало большинство объектов гарнизона Вараждин. В руки хорватской армии попало много оружия⁵⁴.

Повторим, что пассивность ЮНА вызывала недоумение у сербов, которые полагали, что армии, которая уже на 90 % стала сербской, пора встать на защиту своего народа. У руководства Югославии была другая дилемма: с одной стороны, надо было бы помочь сербам в Краине, но Сербия не находилась в состоянии войны с Хорватией; с другой стороны, Сербия не имела еще своей армии, хотя военное министерство осенью 1991 г. было создано. Однако попытка назначенного министром обороны Сербии в сентябре 1991 г. генерала Томислава Симовича создать сербскую армию не увенчалась успехом. Его деятельность была встречена в штыки в ЮНА, СПС, в оппозиционных партиях.

В этой неразберихе в Сербии осенью 1991 г. с большими трудностями шла мобилизация резервистов и призывников в армию. На первый призыв откликнулись лишь 25 %⁵⁵. Некоторые призывники вообще не хотели воевать, другие отказывались идти в армию со «звездочкой» на пилотке, третьи добровольно оставляли позиции. Не хватало оружия, техники, обмундирования, поскольку многие казармы, находившиеся на территории Хорватии, находились в окружении.

По словам шефа кабинета Министра обороны Сербии Д. Гаич-Глишич, в начале декабря 1991 г. ситуация на фронтах в Хорватии становилась все серьезнее. Позиции оставляли последние солдаты ЮНА, на мобилизацию никто не отвечал. Ушедшие с фронта рассказывали о дезорганизации армии, плохом вооружении, отсутствии координации между военными подразделениями, некомпетентном командовании. Большинство ощутило свою ненужность⁵⁶.

Тем не менее, почти все территории с большинством сербского населения в Хорватии вошли в состав Краины, сопротивлялся лишь Вуковар в Восточной Славонии. Министр обороны ЮНА В. Кадиевич писал, что освобождение сербских земель в Восточной Славонии входило в стратегический план, разработанный Генеральным штабом. Задача, по его мнению была выполнена, но с большой потерей времени из-за недостатка пехоты. Затем армия была готова двинуться на Загреб, но Хорватия поспешила принять план размещения голубых касок на своей территории⁵⁷.

ЮНА начала наступление на Вуковар с целью деблокады армейских казарм в 20-х числах августа 1991 г. Были привлечены огромные силы, намного превосходившие силы хорватов. По хорватским источникам, город обороняли от 1300 до 2000 человек, а численность наступавшей армии составляла 35–40 тыс. Сербов полагали, что город защищали 6–8 тыс. хорватских бойцов. С 25 августа город находился в окружении и обстреливался из тяжелой артиллерии. Жители спасались в бомбоубежищах. ЮНА смогла войти в город только 16 ноября⁵⁸. Югославские военные исследователи не отрицают, что в ходе Вуковарской операции «и непосредственно после освобождения Вуковара имели место проявления реваншизма членов нерегулярных сербских формирований по отношению к хорватам в Вуковаре»⁵⁹. В целом долго сопротивлявшийся и сильно разрушенный Вуковар в глазах всего мира стал символом хорватского сопротивления, «хорватским Сталинградом».

Вуковар сыграл огромную роль в становлении независимости Хорватии. Он в течение нескольких месяцев сдерживал войска ЮНА, которые могли бы начать наступление на Загреб, дал возможность Хорватии сконцентрировать свои силы, собрать и вооружить войска. Кроме того, теряя город, Ф. Туджман получал важный аргумент в разговоре о признании Хорватии.

Руководство Югославии было уверено, что с падением Вуковара падет и Хорватия. Но Белград получил совершенно разрушенный город, а Хорватия смогла выстоять. Весь мир поддержал Хорватию и осудил Югославию.

В ноябре 1991 г. руководство Югославии задумалось о дальнейшей судьбе сербско-хорватских отношений. С. Милошевич и Б. Йович пришли к выводу, что, если сербы в Хорватии удерживают большинство своих территорий, то надо попросить ООН защитить их. Письмо в Совет Безопасности (СБ) на имя его председателя было послано 9 ноября 1991 г. В письме отмечалось, что гражданская война в Хорватии приняла огромные размеры и может перекинуться на всю Югославию. Политика хорватских властей по отношению к сербам вызывала у Президиума СФРЮ глубокую тревогу, и поэтому этот вопрос предлагалось включить в повестку дня СБ. Президиум СФРЮ просил СБ направить в Хорватию миротворческие силы, разместив их между территорией с большинством сербского населения и остальной хорватской территорией. «Тем самым миротворческие силы ООН создали бы буферную зону и развели враждующие стороны до тех пор, пока югославский кризис не будет разрешен мирным справедливым способом на основе международного права при участии ООН»⁶⁰.

В декабре 1991 г. спецпредставитель Генерального секретаря ООН Сайрус Вэнс разработал план миротворческих операций в Югославии, который включал в себя наиболее общие принципы использования «голубых касок» на территории Хорватии. Прежде всего, миротворческая операция должна была иметь временный мандат, сначала на шесть месяцев, и только для того, чтобы создать «условия для мира и обеспечить безопасность, необходимую для переговоров о всеохватывающем решении югославского кризиса»⁶¹. Присутствие миротворцев не должно предопределять исхода переговоров. С планом должны были согласиться все субъекты конфликта и обеспечить миротворцам необходимую помощь. Страны-члены ООН посылали в Югославию своих миротворцев добровольно, верховное командование осуществлял Генеральный секретарь ООН, а не правительства соответствующих стран. Непосредственно в Югославии миротворческой операцией должно было руководить гражданское лицо, лично ответственное перед Генеральным секретарем ООН. В Хорватии Сайрус Вэнс предлагал определить демилитаризованные «районы под защитой ООН» (РООН), на которых население будет защищено от нападения. Прежде всего, это должны быть территории с большинством сербского населения, где шли ожесточенные бои. Сайрус Вэнс определил три таких территории – Восточную Славонию, Западную Славонию и Краину⁶².

Этот план был одобрен ООН. Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали начал готовить миротворческую миссию, названную «Силы ООН по охране» (СООНО). Первый мандат был выдан миссии сроком на 12 месяцев. Все последующие резолюции СБ ООН расширяли и уточняли полномочия и функции «голубых касок».

В конце января – начале февраля 1992 г. Президиум СФРЮ принял мирный план ООН о направлении в Хорватию миротворческих сил. В специальном заявлении С. Милошевича подчеркивалось, что в результате реализации плана будет обеспечена «полная защита территории Сербской Краины... В Сербской Краине граждане смогут почувствовать себя в безопасности и свободно решать свою будущую судьбу»⁶³. С. Милошевич сумел добиться также одобрения плана ООН со стороны краинских сербов. На приход «голубых касок» согласилась и хорватская сторона.

До их размещения на территории Хорватии столкновения между сербами и хорватами продолжались. В ночь на 8 марта 1992 г. Хорватия начала обстрел Барани. Как со-

общалось в документах ООН, 21 июня хорватская армия атаковала позиции сербских сил территориальной обороны вблизи Дрниша к югу от южного сектора и продвинулась вперед на несколько километров. «Это привело к ответному артиллерийскому обстрелу сербскими силами города Шибеника и к контрудару хорватских сил 22 июня, подвергших артиллерийскому обстрелу Книн в пределах южного сектора. Наступление хорватской армии, которое, по оценкам СООНО, осуществлялось силами двух бригад хорошо спланированным образом, является уже вторым по счету за последний месяц в этом районе. Обе операции были предприняты в нарушение достигнутого 2 января 1992 г. в Сараеве соглашения, регламентирующего пути обеспечения прекращения огня»⁶⁴.

В результате вооруженных действий на территории Восточной Славонии, тысячи хорватских жителей оставляли свои дома и уходили в другие области Хорватии. Иногда они уезжали сами, гонимые страхом неизвестности и грядущей опасности, а иногда – под давлением сербов. Как сообщал Б. Бутрос-Гали в докладе от 24 апреля 1992 г., миротворцы «20 апреля в восточном секторе СООНО были свидетелями высылки 107 хорватов из Вуковара, 100 – из Тени и 21 – из Маранци, при этом всех высылаемых обязывали подписывать заявление о том, что их отъезд носит добровольный характер»⁶⁵. СООНО одновременно сообщали, что в западном секторе сербское меньшинство подвергается преследованиям со стороны «относящихся к хорватам отдельных лиц и групп»: продолжают поджоги и/или взрывы населенных сербами домов в этом секторе. Улики свидетельствовали о причастности к этому хорватской армии и полиции⁶⁶.

* * *

С весны 1992 по весну 1995 г. Республика Сербская Краина была под защитой «голубых касок». Миротворцы разделили земли, контролируемые сербами, на четыре условных сектора: «Юг» – «Север» (Баня, Кордун, Лика и Северная Далмация), «Запад» (Западная Славония) и «Восток» (Восточная Славония, Бараня, Западный Срем). Батальоны миротворцев расположились вдоль границы РСК и Хорватии и создали условия для стабилизации положения и ведения переговоров.

Однако хорватскую армию не смущало присутствие миротворцев на территории Хорватии, и она предприняла ряд военных операций по захвату территорий РСК, стратегически важных для Хорватии. В июне 1992 г. хорватские силы начали наступление на плато Милевачки южнее Дрниша, вошли в защищенную зону СООНО и убили 48 сербских солдат. «Голубые каски» не реагировали, не пришел на помощь и Белград. А последовавшее требование СБ ООН вывести хорватские войска из зон, находящихся под защитой ООН, так и не было реализовано.

22 января 1993 г хорватская армия совершила широкомасштабную интервенцию в секторе «Юг» вблизи моста в Масленице. В нападении на сербские позиции участвовали пехота, артиллерия, танки, ракетные установки. В письме вице-премьера правительства Союзной Республики Югославии (СРЮ) Р. Контича командующему СООНО отмечалось, что «в последнее время главный штаб СООНО неоднократно предупреждали о том, что Хорватия готовит нападение на РСК»⁶⁷. Однако со стороны «голубых касок» никакого противодействия нападению хорватов не последовало. Наступление было остановлено после десяти дней упорных боев. Погибли 450 сербов, 15 тысяч мирных жителей ушли с этой территории в сторону Бенковаца и Книна.

Хорватия напала на РСК и в самом начале осуществления плана Вэнса-Оуэна, когда С. Милошевич и Д. Чосич подтвердили, что не имеют территориальных претензий к Хорватии. Правительственная хорватская армия заняла территорию в несколько десятков квадратных километров. СБ ООН в резолюции № 802 (25 января 1993 г.) осудил действия Хорватии и потребовал немедленного прекращения хорватскими вооруженными силами боевых действий, а также вывода хорватских вооруженных сил из этих районов. 6 апреля представитель хорватского правительства и представитель сербских властей подписали соглашение, которое предусматривало прекращение боевых действий, отход хорватских вооруженных сил на линии противостояния, существовавшие до начала боевых действий 22 января. Мост в Масленице, аэропорт в Земунике и Перучская плотина должны были отойти под полный контроль СООНО. Но хорватская сторона не выполнила договора.

Власти Югославии пытались наладить функционирование сербского государства в Хорватии – деятельность органов внутренних дел, судопроизводства, обучение кадров, выдачу паспортов и других документов. Поэтому уже в феврале 1992 г., как вспоминает Б. Йович, руководство страны пошло на выделение, правда минимальных, средств из бюджета федерации по системе дотаций на нужды Краины, наметило приоритетные задачи по разработке законодательства республики, опиравшегося на Конституцию СФРЮ, решило помочь с инструкторами для организации органов внутренних дел. Все это должно было удалить Краину от Хорватии, а также зафиксировать в СООНО «существующую» высокую внутреннюю организацию РСК⁶⁸.

С начала 1994 г. на Книн оказывалось давление с целью начать переговоры об экономическом сотрудничестве с Загребом. Переговоры должны были пройти несколько фаз и завершиться обсуждением политических вопросов. 29 марта 1994 г. в российском посольстве в Загребе между Краиной и Загребом был подписан договор о перемирии, а в начале декабря 1994 г. договор о нормализации экономических отношений. Речь шла об открытии автодороги, нефтепровода, о нормализации снабжения водой и электричеством. Предусматривалось продолжить переговоры о возвращении беженцев, о выплате пенсий, открытии железнодорожного сообщения.

В январе 1995 г. Книну был предложен план политического урегулирования отношений с Хорватией, так называемый план «Загреб-4», согласно которому Книнская область должна была получить некоторую автономию, а Западная и Восточная Славонии – полностью «интегрироваться» в Хорватию. Но этот план не устроил ни краинских сербов, ни Хорватию, которая занималась подготовкой решения вопроса реинтеграции Краины военным путем.

УКРЕПЛЕНИЕ ХОРВАТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. 19 мая 1991 г. Хорватия провела референдум, желая выяснить настроения граждан по обсуждавшимся в федерации проблемам. Жители республики отвечали на два вопроса: «Вы за то, чтобы Республика Хорватия как суверенное самостоятельное государство, которое гарантирует культурную автономию и все гражданские права сербам и представителям других национальностей в Хорватии, может вступить в союз суверенных государств с другими республиками?» и «Вы за то, чтобы Хорватия осталась в Югославии как едином союзном государстве?». На первый вопрос положительно ответили 93,24 % избирателей, а на второй почти столько же ответили отрицательно⁶⁹. На основе результатов референдума Сабор Республи-

ки Хорватии провозгласил 26 июня 1991 г. «Конституционное решение о суверенитете и самостоятельности Республики Хорватии», но оно было отложено на три месяца по предложению представителей ЕС. 8 августа 1991 г. парламент принял «Решение о прекращении государственно-правовых связей Хорватии с СФРЮ». 15 января Хорватию признали все страны ЕС, а 22 мая она была принята в ООН.

В конце 1991 г. Ф. Туджман объявил, что грядет «новая эпоха в истории Хорватии», приоритетами республики стали «европейская интеграция и сотрудничество в мире», создание демократического государства⁷⁰.

Формирование политической системы в Хорватии происходило в сложных условиях военного и послевоенного времени.

В августе 1992 г. в Хорватии прошли досрочные выборы в парламент и президента страны. За пост президента боролись восемь кандидатов, а за места в парламенте – 26 политических партий. Президентом страны вновь стал Ф. Туджман. Большинство обеих палат парламента составили члены Хорватского демократического содружества, получив две трети мест (85 из 138). Кроме того, в Саборе были представлены семь политических партий, среди которых – Хорватский социально-либеральный союз (14 мест в двух палатах), Социал-демократическая партия (бывший Союз коммунистов Хорватии, позже ставший Партией демократических перемен Хорватии, в конце 1991 г. стал называться Социал-демократической партией – Партией демократических перемен Хорватии) (11 мест), Хорватская народная партия (шесть мест), Хорватская партия права (пять мест). Сербь Краины в выборах не участвовали, но остальные сербы Хорватии в парламенте были представлены 13 депутатами. Председателем парламента стал С. Месич. 7 февраля 1993 г. в стране прошли выборы в местные и региональные органы власти, на которых ХДС не получила большинства во многих регионах.

В августе 1993 г. руководители 17 оппозиционных партий, собравшись в Загребе, призвали президента расширить демократию и увеличить в структурах власти представительство других партий. Однако Ф. Туджман ответил, что с демократией в Хорватии все в порядке⁷¹. Используя военную обстановку, ХДС удалось укрепить свое влияние в широких слоях общества и стать монопольной государственной партией, единственной политической силой, располагающей в стране полной свободой действий. Пестуемый Туджманом вождизм, произвол и свойственная всей верхушке ХДС коррупция нанесли тяжелый удар начавшемуся в Хорватии процессу демократизации. От принятия решений были отстранены даже правительство и парламент. Все вопросы решал узкий круг людей, близких президенту. Таким образом, несмотря на существование в стране многопартийной системы, страной фактически правила одна партия – Хорватское демократическое содружество (ХДС), организационная система которой проникала во все сферы общества: экономику, идеологию, культуру, армию, науку, образование.

Авторитарный характер существовавшего в стране режима, по словам немецкого исследователя Г. Хоппе, привел к возрождению органов тайной полиции. Помимо Службы по охране конституции в преследовании «сербских агентов», надзоре за хорватскими политиками, в прослушивании, спекуляциях, отмывании грязных денег соперничали между собой еще пять ведомств, подчиненных президенту, министерствам внутренних дел и обороны. Одно из важнейших – президентский Комитет национальной безопасности, который несколько лет возглавлял сын Ф. Туджмана⁷².

Весной 1994 г. ряд политических партий Хорватии выступили с открытой критикой Ф. Туджмана за недемократическое принятие решений, авторитаризм и даже предло-

жили президенту покинуть высокий пост. В высказываниях отдельных депутатов Сабора звучал анализ недостатков внутренней и внешней политики. В правящей партии наметился раскол: от ХДС отделилась небольшая часть парламентариев (18 человек) во главе с С. Месичем, председателем верхней палаты Хорватского сабора, и Й. Маноличем, председателем нижней палаты, которые создали новую партию Хорватские независимые демократы. Эти события положили начало парламентскому кризису в Хорватии, активизации оппозиции, ее бойкоту работы парламента, обсуждению в средствах массовой информации внешней и внутренней политики государства. Начавшиеся в июне 1994 г. переговоры ХДС и оппозиции закончились компромиссом, связанным с привлечением на государственные посты представителей оппозиции, обещаниями правящей партии соблюдать демократические нормы деятельности парламента.

На парламентских выборах 1995 г. ХДС удалось удержать более половины депутатских мест в парламенте, но правящая партия не смогла как прежде получить большинства в две трети голосов депутатов. Имелся и ряд неблагоприятных для ХДС тенденций: от участия в выборах воздержались более трети хорватских граждан, ХДС не поддержали в Загребе и ряде других крупных городов. Второй по числу мест в парламенте неожиданно стала Социал-демократическая партия И. Рачана. А вот выборы в городскую скупщину Загреба ХДС проиграла, поскольку оппозиция получила 60 % мест.

Экономика страны возрождалась трудно. По оценкам специалистов загребского Института развития и международных отношений, в начале 1990-х годов ситуация в экономике была сложной: промышленное производство уменьшилось в сопоставимых ценах в 1991 г. на 29 %, в 1992 г. на 15 и в 1993 – на 6 %. Постоянно рос уровень безработицы, в 1993 г. он составил 18 %. В связи с ведением войны устойчиво увеличивались государственные расходы, поступления в бюджет от налогов падали из-за быстро снижающейся хозяйственной активности. Поэтому правительство повышало налоги и цены, пыталось сократить государственные расходы⁷³.

Большой проблемой для республики стали беженцы. Из Хорватии (по данным 1992 г.) на территорию Югославии ушли 169 475 человек из 70 населенных пунктов, а в Хорватии сконцентрировались беженцы-хорваты из Сербии и Боснии⁷⁴.

В стране росла социальная напряженность. Низкий уровень заработной платы, а также ее постоянная невыплата, рост безработицы, тысячи беженцев, растущая инфляция, высокие налоги «на войну» и «на беженцев» создавали атмосферу неуверенности в завтрашнем дне. Начиная с 1992 г., более 150 тыс. военнослужащих были демобилизованы. Они пополнили армию безработных. В 1995 г. только в Загребе 28 % демобилизованных военнослужащих не могли найти работу. По некоторым сведениям, в 1994 г. около 1 тыс. уволенных в запас покончили жизнь самоубийством⁷⁵.

В октябре 1993 г. правительство, возглавляемое Н. Валентичем, приняло стабилизационную программу, рассчитанную на две фазы. Первая, предусматривавшая максимальное уменьшение темпов роста инфляции и стабилизацию цен, была выполнена в исключительно короткие сроки. В 1994 г. удалось практически полностью ликвидировать инфляцию, стабилизировать курс национальной денежной единицы – куны. Цены на большинство товаров и услуг были отпущены и стали формироваться свободно. Был отмечен рост валового внутреннего продукта. Значительно возросли доходы от основного сектора экономики – туризма, составив в 1994 г. 1,3 млрд. долл., хотя это была лишь половина довоенного уровня. К 1993 г. инвестиции в хорватскую экономику осуществляли 2200 зарубежных фирм, в том числе 15 % из Германии и Италии и около

10 % из Австрии⁷⁶. Однако в тот период еще не были преодолены многие экономические трудности. Размер внешнего долга составлял к началу 1994 г. 2,6 млрд. долл. Дефицит платежного баланса республики в 1994 г достиг 1,7 млрд. долларов⁷⁷. Вторая фаза, которая планировалась на 1995 г., предполагала рост производства в условиях оздоровления народного хозяйства на основе структурных изменений в экономике. Однако в 1995 г. наблюдалось замедление экономического роста Хорватии, упали ключевые показатели развития народного хозяйства. Хорватии удалось достичь стабильности развития на макроэкономическом уровне лишь в 1996–1998 гг.

Внешняя политика Хорватии формировалась в условиях непосредственной вовлеченности в конфликт. Она налаживала сотрудничество с ближайшими соседями – Германией, Австрией, Венгрией. С Албанией в конце 1994 г. был подписан договор о сотрудничестве в военной области.

Принятие Хорватии в Совет Европы постоянно откладывалось, что напрямую было связано с нарушением прав человека в республике. Еще в начале 1993 г. Европейский гражданский форум, неправительственная организация со штаб-квартирой в Базеле, распространила в Женеве доклад «Права человека в Хорватии», в котором высказывались рекомендации ЕС воздержаться от проявления доверия к хорватской демократии до тех пор, пока в Хорватии нарушаются права человека. В докладе сообщались области, где отмечались следующие факты: не предоставлялось гражданство и не признавалась национальность отдельных групп людей, осуществлялась дискриминация в зависимости от этнической принадлежности, имели место пытки, издевательства и нападения на лиц нехорватской национальности, ограничивалась свобода средств массовой информации и т.д.⁷⁸

12 февраля 1993 г. Европейский парламент проголосовал против включения Хорватии в программу предоставления на льготных условиях экономической помощи. Это означало, что Хорватия лишалась и возможности использовать помощь «Группы 24», в которую входят наиболее развитые страны мира⁷⁹. Совет министров на уровне шэфов дипломатии на майской встрече 1996 г. в Брюсселе высказался против приема Хорватии в Совет Европы. Вопрос был отложен до полного выполнения Загребом требований Европы⁸⁰.

ОПЕРАЦИИ «Блеск» и «Буря». В мае – августе 1995 г. хорватская армия провела две молниеносных военных операции – «Блеск» и «Буря» – по присоединению территории Краины к Хорватии, которые сопровождались полной «очисткой» территории от сербов. Потерпела крушение миротворческая концепция и строившаяся несколько лет система охраняемых ООН районов. В результате мир лицезрел исход 250 тыс. сербских мирных жителей, которых по дороге расстреливали хорватские военные.

Как упоминалось, ООН с 1992 г. проводила в Хорватии на территории Республики Сербской Краины, разделенной на четыре условных сектора – «Юг», «Север», «Запад» и «Восток» – миротворческую операцию. Однако сектор «Запад» или Западная Славония были большей частью к этому времени уже «очищены» от сербов. Лишь самая южная часть Западной Славонии, по которой проходила стратегически важная автодорога Белград – Загреб, находилась под контролем сербов и под защитой «голубых касок».

Три года хорватская армия вооружалась, модернизировалась, обучалась. Запрет на поставки оружия для Хорватии фактически не существовал. Силы хорватской армии

оценивались в средствах массовой информации по-разному: от 100 до 240 тыс. человек. Для ликвидации оставшейся сербской части Западной Славонии хорватскими властями была разработана специальная операция под кодовым названием «Блеск». Численность войск, участвовавших в этой операции, насчитывала, по оценкам хорватских специалистов, 12 тыс. человек⁸¹.

Началу операции предшествовал конфликт на недавно открытой автодороге Белград – Загреб. Российский корреспондент ИТАР-ТАСС И. Иванов сообщал с места событий: «Фактически операция началась еще в 20-х числах апреля с нескольких, на вид рядовых инцидентов. Сначала хорватская полиция запретила проход по автомагистрали Белград – Загреб бензовозов, следовавших из СРЮ в Республику Сербская Краина. Затем вечером 28-го в потасовке на бензоколонке около Нова-Градишка погибает один серб. В отместку краинские сербы следующей ночью открывают огонь по хорватским автомобилям, а власти РСК закрывают магистраль... на 40-километровом участке, проходившем по их территории в Западной Славонии»⁸². Закрытие автодороги по приказу президента Республики Сербская Краина М. Мартича послужило Хорватии поводом для предъявления сербам ультиматума. Переговоры, в которых помимо сербов и хорватов участвовали представители ООН, прошли успешно, сербы пообещали открыть дорогу 1 мая в 6 утра⁸³.

Однако уже в 5:30 утра 1 мая хорватская армия начала артиллерийскую подготовку. Огонь был направлен на военный склад в сербской части Пакраца, а затем на другие позиции сербского 18-го Западнославонского корпуса. Предварительно были оповещены хорватским командованием и ушли со своих позиций иорданские, непальские и аргентинские солдаты миротворческой миссии. «Как только начались боевые действия, – писал И. Иванов, – почти 3-тысячный контингент миротворческих сил ООН, бросив на произвол судьбы 30-тысячное население Западной Славонии, пропустил сквозь свои порядки хорватские войска»⁸⁴. В 6:15 хорваты начали наступление по двум направлениям: из Новске и Нова-Градишки силами двух элитных гвардейских бригад, специальными подразделениями МВД (общей численностью 3500 чел.) при поддержке 20 танков. Целью было отсечь Западную Славонию от реки Сава, за которой находится Республика Сербская в БиГ, овладеть ключевыми коммуникациями, разделить, а затем по частям уничтожить 18-й корпус сербской армии. Хорваты утверждали, что речь идет об «ограниченной политической акции» для обеспечения безопасности движения по шоссе⁸⁵.

В 10:45 хорваты уже входили в Ясеновац и заняли ключевые высоты юго-западнее Пакраца, почти не встречая сопротивление. Пехоту и танки поддерживала авиация. По сообщениям СООНО, хорватские военно-воздушные силы нарушили пространство «бесполетных зон», контролируемое авиацией НАТО⁸⁶. Два МИГ-21 пытались разрушить мост через реку Сава, но это не удалось. Сербы сбили два вертолета, один самолет. К вечеру из 40 км дороги, находившейся в руках сербов, хорватам, которые наступали с двух сторон, осталось занять лишь десять. Они находились в четырех километрах от города Окучани⁸⁷. Чтобы привлечь внимание миротворцев к происходящему в Славонии, сербы захватили 120 заложников из числа сотрудников СООНО, но вскоре их отпустили.

Судя по всему, сербы были застигнуты врасплох, однако успели с потерями отойти в горы, вывели свое тяжелое вооружение со склада недалеко от автодороги. Но они не смогли противостоять натиску хорватской армии. 15 тыс. сербского населения Западной Славонии остались без защиты. Тысячи сербов бросились бежать в сторону двух мостов через реку Сава – около Ясеноваца и Стара-Градишка. Здесь их ждал огонь хорватской армии⁸⁸.

Не имея возможности остановить хорватскую армию, сербы пытались по-своему пригрозить руководству Хорватии. В понедельник вечером сербская артиллерия обстреляла Сисак, Карловац, пригороды Дубровника, 2 мая две ракеты упали на Загреб. Но это не остановило хорватскую армию. Уже к концу дня сопротивление было локализовано в окрестностях Пакраца. Вечером 2 мая хорватское правительство заявило, что акция полиции и армии «по открытию автомобильной и железной дорог, которые находились под контролем сербов, завершена»⁸⁹.

Если в 1991 г. сербское население было полностью изгнано из 280 сел Западной Славонии, то 1 и 2 мая 1995 г. очищены остальные 65 сел⁹⁰. По сообщениям представителей СООНО, до 5 мая хорватские власти не позволяли представителям международных и гуманитарных организаций посетить Окучани и Пакрац, другие места боев, захваченные города и села. Специальному представителю генсека ООН Я. Акаши, намеревавшемуся прилететь в Дрвар для организации эвакуации сербских беженцев, въезд тоже был запрещен⁹¹.

3 мая Ф. Туджман праздновал великую победу над «сербочетниками» и их «югокоммунистическими» помощниками. В интервью агентству «Рейтер» он выразил уверенность, что «Белград и хорватские сербы после успешного хорватского наступления наконец-то поймут, что переговоры с Хорватией – единственный путь для них». Агентство оценивало, что самоуверенность президента основывается на мягкой реакции Белграда на хорватское наступление в Западной Славонии⁹².

Мировое сообщество знало о произошедшем в Хорватии. Российская Федерация настояла на срочном проведении 4 мая заседания Совета Безопасности ООН. Члены СБ были оповещены о событиях в Западной Славонии. Но резолюции не последовало. СБ принял лишь сообщение председательствующего, в котором осуждались военные действия, приведшие к человеческим жертвам и изгнанию сербского населения⁹³. Представитель Хорватии в ООН М. Нобило отверг все обвинения в адрес своей республики и объяснил членам СБ, что Хорватия задействовала лишь ограниченные полицейские силы для обеспечения безопасности автодороги Загреб – Белград⁹⁴.

17 мая Совет Безопасности ООН принял Резолюцию № 994, в которой призывал сербскую и хорватскую сторону сотрудничать с миротворческими силами и отвести свои войска от линии разделения. В документе заявлялось о необходимости полного уважения суверенитета и территориальной целостности Хорватии, подчеркивалась необходимость уважать права сербского населения. О жертвах среди мирного населения не упоминалось, а стороны призывались к примирению и доверию, к уважению договора о прекращении огня, а также к экономическому сотрудничеству⁹⁵.

Руководство РСК долго обсуждало причины падения Краины. Но было ясно, что оно находится в состоянии полного психологического шока, неспособно трезво проанализировать ситуацию, сконцентрировать силы и противостоять в будущем новым операциям хорватской армии. Вместо этого начались отставки и увольнения, взаимные обвинения. Поиск возможного выхода из сложившейся ситуации привел часть руководства к выводу о необходимости срочного объединения с Республикой Сербской в Боснии и Герцеговине. Этому воспротивилась Восточная Славония и создала 25 мая Координационный комитет общин Восточной Славонии, Барани и Западного Срема, председателем которого был избран Горан Хаджич. Восточная Славония больше тяготела к соседней Сербии.

Молчаливое одобрение мировым сообществом хорватских действий позволило Хорватии провести в августе 1995 г. новое наступление на территории РСК. Операция под кодовым названием «Буря» была стремительной и хорошо организованной.

28 июля 10-тысячные объединенные силы хорватской армии и Хорватского вече обороны (армия хорватского государственного образования Герцег-Босна в БиГ) ворвались в Грахово и Гламоч, города на западе Боснии и Герцеговины. Тем самым был перерезан путь из Баня-Луки в Книн. Дорога на Книн для правительственных войск была свободна.

В самый разгар напряженности 26 июля в Топуско (Кордун) состоялось внеочередное заседание Скупщины РСК, которое отчетливо показало внутривластическую нестабильность в органах власти Краины. На Скупщине выбиралось шестое по счету правительство РСК во главе с М. Бабичем. Новые люди пришли на посты министров внутренних дел и обороны. Верховный совет обороны РСК провозгласил поздно вечером 27 июля военное положение на всей территории РСК, а МВД ввел комендантский час. 28 июля состоялось первое заседание правительства нового состава. На нем была дана поддержка всем мирным усилиям международных организаций, чтобы найти политическое решение кризиса, была сформирована делегация для мирных переговоров с хорватской делегацией в Женеве, которые были назначены на 8 августа. Одновременно правительство предложило всем гражданским службам подчинить свою деятельность нуждам министерства обороны. Узнав о взятии хорватами Грахова, Скупщина РСК решила после обеда вернуться в Книн.

28 июля Ясуши Акаши приехал в Книн, где была принята предложенная им программа мирного урегулирования напряженности. Он передал обещание Ф. Туджмана участвовать в политических и военных переговорах с Книном, но на условиях политической реинтеграции сербов. Фактически сербам и СООНО выдвигался ультиматум, ответа на который никто не ждал. М. Бабич, находясь в Белграде, выступил с заявлением, что РСК готова принять несколько скорректированный план «Загреб-4» и призвал Хорватию к отводу войск. По некоторым данным, М. Мартич разговаривал с С. Милошевичем и получил от него обещание помощи, если хорваты нападут на Книн⁹⁶.

Ф. Туджман, уже чувствуя близкую победу, отказался вести какие-либо дальнейшие переговоры с сербами⁹⁷. Хорватия продолжала наращивать численность своих войск вокруг секторов «Север» и «Юг»⁹⁸. Во всех крупных городах Хорватии была проведена мобилизация. 1 августа хорватская сторона не приехала на условленную при посредничестве СООНО встречу командующих РСК и Хорватии. Тем временем 1 августа сербы в Хорватии и Боснии созвали совещание объединенного Верховного совета обороны в Дрваре. На заседании было принято обращение ко всем сербам, включая правительство Союзной Республики Югославии, с просьбой оказать помощь в обороне сербской территории. Времени на остановку хорватского наступления фактически не было.

В последние дни перед нападением на Книн ощущалось сильное напряжение среди мирного населения. Кто мог, уезжал в Сербию, росли очереди на автобус, подскочили цены на билеты.

4 августа хорватская армия начала многочасовой обстрел сербских территорий. За артподготовкой последовало широкомасштабное наступление на Республику Сербская Краина по всей линии фронта, составляющей 630 км. 100-тысячной профессиональной хорватской армии противостояла 30-тысячная армия РСК⁹⁹. Особой целью Хорватии был Книн. За полчаса массивной артподготовки на город упало более

трехсот снарядов. Затем на Книн из двух направлений – от Госпица и Оточаца – пошли танки и пехота.

Хорватская армия сметала все на своем пути, захватила значительное число наблюдательных пунктов ООН. В ходе атак хорваты убили двух чехов, одного датчанина, ранили около двух десятков человек из состава «голубых касок». Всего потери ООН, по официальным данным, составили 18 человек¹⁰⁰.

Ф. Туджман обратился к сербам с призывом сложить оружие, пообещав амнистию всем, кто прекратит сопротивление. «Возможности добиться мирного решения проблемы исчерпаны, – заявил он. Мы были вынуждены принять решение о наступлении, чтобы положить конец продолжавшемуся четыре года расчленению государства и обеспечить возвращение к своим домам беженцев». Загреб пытался успокоить мир, заявляя, что это – не война, а реинтеграция хорватских территорий. Несмотря на то, что хорватская армия вошла в Краину, почти не встречая сопротивления, ее солдаты жгли и уничтожали все на своем пути. «Сегодняшняя Краина – это спаленная и опустошенная земля, попавшая в руки вандалов», – писал бельгийский журналист, которому удалось в дни наступления попасть на захваченные сербские территории¹⁰¹. В тот же день, 4 августа, СБ ООН обратился к Хорватии и РСК с призывом прекратить военную активность и принять мирный план ООН.

В армии РСК царила полная растерянность. Командующий генерал М. Мркшич даже не отдал приказ о нанесении ударов по важным целям в Хорватии, как это было ранее, чтобы заставить хорватов пойти на уступки. Книн не поддержала и Восточная Славония. Их наступление на Осиек и Винковцы могло бы отвлечь хорватские силы от Книна, как анализировали позже сербские военные. Не последовало обещанной помощи от Республики Сербской в Боснии и Сербии, хотя правительство РСК во главе с М. Бабичем за два дня до наступления уехало в Белград. 5 августа в два часа дня армейское руководство РСК покинуло Книн. Это было сигналом и для армии, и для всего населения.

Причины, по которым армия РСК не оказала сопротивления, остаются непонятными. Сербы удерживали лишь два маленьких района в бывшем секторе «Север», вблизи населенных пунктов Топуско – Двор – Войнич. Была также попытка обороняться на направлениях Дрниша, Бенковаца, Теслинграда, и здесь погибло много людей. Загреб, вероятно, во избежание дальнейших потерь, предлагал всем сдавшимся в плен солдатам переходить в Боснию. С собой разрешено было брать только пистолеты. Поэтому часть армии сохранилась и влилась в ряды армии генерала Младича. По некоторым данным, в БиГ ушли 8–9 тысяч военных из Краины¹⁰².

Министр обороны Хорватии Гойко Шушак объявил, что 7 августа в 6 вечера операция по ликвидации РСК успешно завершилась. Хорватия праздновала победу. Потери с хорватской стороны – 118 убитыми, 620 ранеными. Позже Ф. Туджман уточнил: число погибших – 150, раненых – более тысячи¹⁰³. К сожалению, точной цифры сербских потерь в результате хорватской военной операции пока нет. По сербским данным, погибли 1900 человек, по хорватским – 700. Красный Крест насчитал всего 4–5 тыс. живых¹⁰⁴. В целом в результате хорватского наступления на Краину количество сербов в Хорватии сократилось на 90,7 %¹⁰⁵.

Белград по всем дипломатическим каналам осудил агрессию Хорватии, организовал прием беженцев на свою территорию. При этом 12 тыс. человек были отправлены в Косово, 60 тыс. пытались найти приют в Воеводине. Остальные 180 тыс. осели непосредс-

твенно в Сербии. 25 тыс. находились в коллективных лагерях для беженцев. Несмотря на запрет властей, в Белграде у родственников разместились около 60 тыс. беженцев.

Приток беженцев создал в Югославии крайне напряженную гуманитарную обстановку. Возник сложный вопрос об их статусе. Им не давали югославское гражданство, не принимали на работу, не обеспечивали социальной защитой. Практически проблема решалась на уровне солидарности населения, доброй воли родственников, возможностей слабomощных гуманитарных организаций. Но переговоры об их возвращении в Хорватию не велись¹⁰⁶. Напряженной стала и политическая обстановка: по Сербии прокатилась волна митингов с осуждением властей за предательство сербских интересов и самоустранение во время хорватской агрессии.

Итак, мир стал свидетелем новой трагедии. Действия Загреба осудили Москва, Белград и Я. Акаши. Посредник ЕС К. Бильдт заявил, что Ф. Туджман повинен в изгнании сербов и в военных преступлениях¹⁰⁷. «От министров Хорватии я слышал, – заявил К. Бильдт, – что они планируют вытеснить из Сербской Краины 99 процентов сербов». После этого заявления К. Бильдт был объявлен в Хорватии персоной нон грата. 10 августа СБ ООН принял резолюцию 1009, призывавшую Загреб прекратить военные действия, продолжить мирные переговоры и позволить гуманитарным организациям приехать в РСК¹⁰⁸.

Но в целом международные организации, как и ведущие державы, остались равнодушными к событиям в РСК. Англия и Франция выразили «озабоченность» происшедшим в Хорватии, но это больше походило на молчаливое одобрение. США и Германия увидели в последних событиях на Балканах новые перспективы политического урегулирования кризиса. В интервью американскому радио президент США Б. Клинтон выразил надежду на то, что хорватское молниеносное наступление на Краину проложит дорогу к скорейшему дипломатическому урегулированию балканского конфликта¹⁰⁹.

Однако роль США в блицкриге Хорватии – не так проста. Если сравнить просочившиеся в печать данные, то становится очевидным участие Америки в уничтожении сербской Краины в Хорватии. По словам министра иностранных дел Хорватии М. Гранича, США консультировали Хорватию по проведению обеих операций¹¹⁰. Напомним, что еще в ноябре 1994 г. Хорватия и США заключили договор о военном сотрудничестве. А американский госсекретарь Кристофер в интервью Эй-Би-Си всю вину за хорватскую агрессию цинично возложил на сербов, которые начали наступление на Бихач. Хорваты, якобы, лишь ответили на это наступление¹¹¹.

Германия также не осудила агрессию, лишь выразила желание, чтобы военные действия не расширялись и не переросли в балканскую войну. А по загребскому радио прозвучало откровенное приветствие представителя немецкого посольства в Загребе К. Эндера: «Германия разделяет радость военного успеха с вами и выражает вам похвалу за эту войну. Должен сказать, что даже аналитики, которые знают больше меня, не могли предвидеть такую быструю и величественную акцию»¹¹².

ООН видела свою задачу лишь в обеспечении безопасности беженцев и в выводе «голубых касок» из занятых хорватами районов. Уже 10 августа об этом было принято решение. Всего подлежали эвакуации 12 400 человек. Небольшое количество «голубых касок» оставалось лишь в секторе «Восток», где были дислоцированы русский и бельгийский батальоны.

Россия направила в ООН три протеста с осуждением хорватской агрессии, впервые за четыре года войны оказала существенную гуманитарную помощь. Кроме того, президент

России выдвинул инициативу провести в Москве встречу С. Милошевича и Ф. Туджмана с целью «договориться, как подписать документ о прекращении военных действий»¹¹³. Заявление было сделано тогда, когда Книн уже был взят и хорватские МИГи приступили к расстрелу колонн беженцев. Ф. Туджман приехать в Россию отказался. Официальная версия отказа – необъективная позиция России в отношении событий в Краине, стягивание Югославией бронетехники к хорватской границе и неприглашение в Москву лидера боснийских мусульман А. Изетбеговича. Но было понятно, что президенту Хорватии не было никакого политического резона приезжать на переговоры в Россию, когда его так активно поддерживали США и Германия. Последние, в свою очередь, также не советовали Туджману ехать в Москву.

28 декабря 1995 г. Совет Безопасности ООН рассмотрел вопрос о преступлениях хорватских войск в Краине на основе доклада генсека ООН о злодеяниях против сербов в Хорватии во время летней агрессии¹¹⁴. Россия при поддержке некоторых членов СБ выступила с предложением о принятии специальной Резолюции с осуждением Хорватии. Но обсуждение закончилось безрезультатно, так как этому воспротивилась Германия. В результате лишь было констатировано, что Хорватия не прислушивалась к резолюциям СБ ООН¹¹⁵.

Республика Сербская Краина формально перестала существовать. В ноябре была принята резолюция СБ ООН 1023, которая определяла судьбу оставшейся вне границ Хорватии области – Восточной Славонии. Совет Безопасности одобрил подписанный 12 ноября в присутствии представителей ООН договор о постепенной мирной реинтеграции этого района в Хорватию в течение нескольких лет¹¹⁶. Согласно договоренностям, был сформирован Совет Области Славонии, Барани и Западного Срема, определены поэтапные мероприятия переходного периода.

Война в Хорватии унесла жизни тысячи людей. Стирались с лица земли города и села, опустошались некогда плодородные земли. По неофициальным данным, в боях на территории Хорватии погибли более 30 тыс. человек, а беженцев насчитывается около полумиллиона. Война принесла огромное разорение Хорватии, экономике был нанесен колоссальный ущерб. По предварительным подсчетам, только прямые убытки составили свыше 30 млрд. долл.¹¹⁷

Война в Хорватии до сих пор по-разному оценивается бывшими противниками. И если в Хорватии 4 августа – национальный праздник «День Победы в Отечественной войне», то в Сербии – день скорби по погибшим.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Nacionalni sastav stanovništva, 1991 // Jugosl. pregled. Beograd, 1992. G. 36. Br. 1. S. 6, 17

2 На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997. С. 226.

3 Псуњски. Хрвати у светлости историјске истине. Београд, 1992. С. 146.

4 *Целебић М.* Корни мржње и геноцида над србима // Вечерње новости. Београд, 1991. 1 јун – 30 јун. С. 25.

5 Срби у Хрватској: Насељавање, број и територијални размештај. Београд, 1993. С. 77.

6 *Мартынова М.Ю.* Этнические аспекты современного балканского кризиса: Дис. на соиск. д-ра истор. наук. М., 1996. С. 90.

- 7 *Дакић М.* Српска Крајина: Историјски темељи и настанак. Книн, 1994. С. П–10.
- 8 *Целебић М.* Корни мржње и геноцида над србима. С. 25.
- 9 *Мишетић В.* Sviće hrvatska zora // Slobodna Dalmacija. Split, 1992. 16 nov. S. 10.
- 10 *Јовић Б.* Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. Београд, 1995. С. 109.
- 11 *Норре Н. У.* Die neue politische Elite Kroatiens. Koln, 1997 (7). S 41.
- 12 Ibid. S. 10.
- 13 Ibid. S. 11.
- 14 *Радуловић С.* Судбина Крајине. Београд, 1996. С. 16.
- 15 *Образложење уз Нацрт одлуке о оснивању и конституисању Заједнице општина Сјеверне Далмације и Like.* Рукопис. 2 с.
- 16 Декларација о суверености и аутономији српског народа // Политика. Београд, 1990. 26 јул. С. 7.
- 17 *Извештај о проведјенју изјашњавања Српског народа у Republicи Hrvatsкој о српској аутономији.* 30.09.1990. Рукопис. 2 с.
- 18 *Дакић М.* Српска Крајина: Историјски темељи и настанак. С. 52.
- 19 *Радуловић С.* Судбина Крајине. С. 28.
- 20 Там же. С. 23, сноска.
- 21 *Огорец М.* Hrvatski domovinski rat 1991–1993. Опатија, 1994. S. 177.
- 22 Ibid. S. 177–178.
- 23 Ibid. S. 35–48.
- 24 *Тудјманова Хрватска наставља политику фашистичке NDH (1941–1945) // Bilten vesti.* Москва, 1995. 8 avg. S. 2.
- 25 *Милеуснић С.* Духовни геноцид 1991–1993. Београд, 1994. С. 151
- 26 *Визентал С.* Интервју... // ИТАР-ТАСС. Сериа «СЕ». М., 1993. 5 апр. С. 29.
- 27 Устав Републике Српске Крајине. Книн, 1991. С. 3
- 28 *Огорец М.* Hrvatski domovinski rat 1991–1993. S. 14.
- 29 *Јовановић А.С.* Рат срба и хрвата 1991–Београд, 1994. С. 7.
- 30 *Огорец М.* Hrvatski domovinski rat 1991–1993. S. 116.
- 31 *Croatia between war and independence.* Zagreb, 1991. S. 71.
- 32 *Сообщение // ТАСС. Сериа «СЕ». М., 1991. 10 дек. С. 11.; По словам Ф.Туджмана – 200 тысяч чел. См.: Интервју президента Хорватији // ИТАР-ТАСС: Сериа «СЕ». М. 1992. 17 апр. С. 21–22.*
- 33 *Јовић Б.* Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. С. 242.
- 34 *Павловић Р.* Ко су страни плаћеници у хрватској војсци // Политика. Београд, 1992. 15 фебр. С. 11.
- 35 *Лисица С.* Командант по потреби. Сомбор, 1995. С. 82.
- 36 Там же. С. 33; *Извештај о провадјенју изјашњавања Српског народа у Republicи Hrvatsкој о српској аутономији.* 30.09.1990. Рукопис. 2 с.
- 37 *Кадиевич В.* Моје виђење распада. Београд, 1993. С. 139.
- 38 *Огорец М.* Hrvatski domovinski rat 1991–1993. S. 83–84
- 39 Ibid. S. 90.
- 40 *Целебић М.* Корни мржње и геноцида над србима. С. 25.
- 41 *Оуэн Д.* Непонимание кризиса на Балканах // Сербия. Белград, 1994. № 12. С. 37–38.
- 42 *Сообщение Сербског Сабора об изгнанији сербског народа и етническој чистке Западној Славонији со стороны властей Републики Хорватији.* Белград, [199]. Рукопис. С. 2, 4–5

- 43 Чињенице о Западној Славонији. Пакрац, 1992. С. 23.
- 44 *Ogorec M.* Hrvatski domovinski rat 1991–1993. S. 73, 76.
- 45 *Ibid.* S. 76.
- 46 Информација // ТАСС. Сериа «СЕ». М., 1991. 6 нояб. С. 5.
- 47 *Ogorec M.* Hrvatski domovinski rat 1991–1993. S. 58.
- 48 *Ibid.* S. 60–61.
- 49 *Јовановић А.С.* Рат срба и хрвата 1991. С. 9.
- 50 *Ogorec M.* Hrvatski domovinski rat 1991–1993. S. 21.
- 51 *Јовић Б.* Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. С. 259.
- 52 *Ogorec M.* Hrvatski domovinski rat 1991–1993. S. 118.
- 53 *Ibid.* S. 117.
- 54 *Попов Б.* Започео сам рат // НИН: Нед. информ. нов. Београд, 1996. 1 марта. № 2357. С. 57.
- 55 *Јовић Б.* Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. С. 385.
- 56 *Гајић-Глишић Д.* Српска војска: Из кабинета министра војног. Београд, 1992. С. 202.
- 57 *Кадидевић В.* Моје виђење распада. С. 137.
- 58 *Вилић Д, Тодоровић Б.* Разбијање Југославије 1990–1992. Београд, 1995. С. 386.
- 59 Там же.
- 60 *Јовић Б.* Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. С. 409–410.
- 61 Документ ООН. S/23280.
- 62 Там же.
- 63 *Milošević S.* Izjava predsednika Republike Srbije od 31.12.1991 u vezi sa realizacijom mirovnog plana UN // TANJUG. Beograd, 1991. 31 dec.
- 64 Документ ООН. S/24188. С. 3.
- 65 То же. S/23844. С. 5.
- 66 То же. S/24100. С. 4.
- 67 То же. S/25777. С. 12
- 68 *Јовић Б.* Последњи дани СФРЈ: Изводи из дневника. С. 437.
- 69 Stvaranje hrvatske države i Domovinski rat / Radelić Z., Marijan D., Barić N i dr. Zagreb, 2006. S. 85–86.
- 70 *Ibid.* S. 330.
- 71 Франьо Туджман отвергае всякую критику // ИТАР-ТАСС: Сериа «СЕ». М., 1993. 19 авг. С. 21.
- 72 *Норре Н. У.* Die neue politische Elite Kroatiens. S. 33–35.
- 73 Социально-экономическое положение и экономические реформы в европейских пост-социалистических странах // Вестник научной информации. М., 1995. № 10. С. 153.
- 74 У Србији – 169 475 избеглица // Вечерње новости. Београд, 1992. 17 март. С. 14.; Crta još nije podvučena // Borba. Beograd, 1992. 23 mart. S. 11.
- 75 Хорватские ветераны // ИТАР-ТАСС: Пульс планеты. М., 1996. 28 марта. С. 8.
- 76 Австрийский эксперт об экономике Хорватии // ИТАР-ТАСС: Сериа «СЕ». М., 1993. 26 мая. С. 28.
- 77 Социально-экономическое положение и экономические реформы в европейских пост-социалистических странах. С. 155.
- 78 Нарушения прав человека и жесткая информационная цензура в стране // ИТАР-ТАСС: Сериа «СЕ». М., 1993. 14 февр. С. 17.
- 79 Европейский парламент отказал стране в экономической помощи // ИТАР-ТАСС: Сериа «СЕ». М., 1993. 21 февр. С. 24.

- 80 Европа neће Хрватску // Политика. Београд, 1996. 7 јун. С. 7.
- 81 Цит. по: *Фадеев Е.* Хорватски блицкриг // Правда. 6 мај. С. 3.
- 82 *Иванов И.* Југославски кризис: Последствия агресије Хорватије у Западну Славонију // ИТАР-ТАСС. Компас. М., 1995. 25 мај, № 35. С. 4.
- 83 Хронологија // Аргумент. Београд, 1995. 5 мај. С. 3.
- 84 *Иванов И.* Југославски кризис: Последствия агресије Хорватије у Западну Славонију. С. 4
- 85 Документ СООНО; Хронологија // Аргумент. Београд, 1995. 5 мај. С. 3.
- 86 Документ ООН. S /1995/444. С. 10.
- 87 *Иванов И.* Југославски кризис: Последствия агресије Хорватије у Западну Славонију. С. 5
- 88 SRNA. Sarajevo, 1995. 6 мај; Информација о ратним злочинима припадника хрватске војске над српским цивилним становништвом Западне Славоније на путу Окучани – Стара Градишка 1–2 маја 1995 године. Београд: Комитет за прикупљање података о извршеним злочинима против човечности и међународног права, 1995. 14 с. Рукопис.
- 89 *Rad Zapadne Slavonije // Vreme.* Beograd, 1995. 8 мај. G.6, N 237. S. 8–18.
- 90 Информација о ратним злочинима припадника хрватске војске над српским цивилним становништвом Западне Славоније. С. 14. Рукопис.
- 91 Документ СООНО.
- 92 SRNA. Sarajevo, 1995. 2 мај.
- 93 Документ СООНО. S /PRST/1995/26.
- 94 Документ ООН. S /1995/349; S /1995/358.
- 95 То же. S /1995/994.
- 96 *Цвијановић Ж.* Ратна срећа и остало // Јавност. Београд, 1995. 5 авг. С. 5.
- 97 Документ ООН. S /1995/444. С. 6–7.
- 98 Там же. С. 2.
- 99 *Цвијановић Ж.* Ратна срећа и остало. С. 5.
- 100 Документ ООН. S /1995/444. С. 3
- 101 Bilten Vesti. Moskva, 1995. 22 avg.
- 102 Документ СООНО.
- 103 Истражује се број жртава хрватске агресије // Политика. Београд, 1995. 12 мај. С. 7.
- 104 Информација о ратним злочинима припадника хрватске војске над српским цивилним становништвом Западне Славоније. С. 14. Рукопис.
- 105 *Лилич З.* Перспективе мира и сарадничества // Србија. Белград, 1996. № 29. С. 7.
- 106 По неким данима, у новембру 1995 г. изражали жељу вратити се у Хрватију околу 13 хиљада серба.
- 107 Memorandum o etničkom čišćenju i genocidu protiv srpskog naroda u Hrvatskoj i Krajini // Jugosl. pregled. Beograd, 1995. G. 39, N 3. S. 93.
- 108 Документ ООН. S /1995/1009/
- 109 Bilten Vesti. Moskva, 1995. 10 avg.
- 110 Idem. 8 avg.
- 111 Idem. 15 avg.
- 112 Idem. 16 avg.
- 113 *Иванов И.* Балкани: Перспективе урегуловања после агресије Хорватије // ИТАР-ТАСС. Компас. М., 1995. 17 авг., № 59. С. 3–11.
- 114 Документи ООН. A/50/727; S/1995/730.

115 Злочини без казне // Борба. Београд, 1996. 1/2 јан. С. 2.

116 Документ ООН. S /1995/1023.

117 *Кондрашов А.* Обострение внутривполитических проблем в Хорватии // ТАСС. Ком-пас. М., 1992. 20 янв. № 11. С. 7–14.

ГЛАВА 3

Босния и Герцеговина:

ТРАГЕДИЯ ТРЕХ НАРОДОВ

Сползание к войне. Босния и Герцеговина (БиГ) являлась единственной республикой СФРЮ, созданной не по этническому, а по географическому принципу. Из трех современных этнических групп в БиГ до турецкого завоевания существовали две – сербская и хорватская. Мусульманская группа возникла во время турецкого владычества в результате постепенной исламизации славянского населения. Но вплоть до Второй мировой войны сербское население составляло стабильное большинство.

Во время Второй мировой войны на этой территории, входившей в состав Независимого государства Хорватии, шли ожесточенные бои, в которых погибло 179 тыс. человек (из них 72 % составляли сербы, 16,5 % – мусульмане и 4,4 % – хорваты). Кроме того, хорватскими усташами были уничтожены сотни тысяч сербского, еврейского и цыганского населения. Спасая свои жизни, БиГ покинули до 200 тыс. сербов¹.

Прежде всего, из-за усташеского геноцида сербское население Боснии и Герцеговины сильно сократилось. По переписи 1981 г. мусульмане уже составляли относительное большинство населения – 39,52 %, а сербы – 32,3 %². За следующие 10 лет численность мусульман в БиГ еще больше увеличилась, а сербов – уменьшилась.

По последней мирной переписи 1991 г. мусульман в БиГ было 1 905 829 человек (43,7 %), сербов – 1 369 258 (31,4 %), хорватов – 755 892 (17,3 %). Из 106 общин Боснии и Герцеговины мусульмане составляли более 50 % населения в 35 общинах, в основном в центральной Боснии, а сербы – в 32 в западных и восточных районах. Хорваты составляли большинство на юге республики и в некоторых центральных общинах. Около 240 тыс. жителей республики (5,5 %) самоопределились как «югославы», большинство из которых являлись сербами или детьми из смешанных браков. В то же время по занимаемой территории сербы опережали другие боснийские народы. Они представляли абсолютное большинство населения на 53,3 % территории республики³.

Термин «мусульмане» для определения этнической принадлежности исламизированных славян на территории БиГ употреблялся, начиная с переписи 1961 г. С 1971 г. мусульмане стали синонимом народности. Для понимания терминологии приведем такой пример. В анкетах жители БиГ писали: «Вероисповедание – атеист, национальность – мусульманин». Мусульманское население в социалистический период и в Югославии в целом, и в республике чувствовало себя достаточно комфортно. За время после Второй мировой войны в стране было построено 700 мечетей, что значительно больше, чем за весь период османского господства⁴. На боснийской земле мирно уживались три религии: православие, ислам и католицизм. В 1991 г. 27 % браков в БиГ были смешанными⁵.

Многонациональная Босния и Герцеговина считалась самой толерантной республикой Югославии. Никто не верил в возможность межнациональных столкновений на ее территории. И во время переговоров руководителей республик СФРЮ о судьбе федера-

ции БиГ долго не определяла своей позиции. Тем не менее, события развивались здесь самым трагическим образом.

Расклад сил перед войной хорошо иллюстрируют первые многопартийные выборы в БиГ, состоявшиеся 18 ноября 1990 г. На них большинство (86 мест) в парламенте получила мусульманская Партия демократического действия (ПДД), затем с небольшим отрывом (72 места) следовали Сербская демократическая партия (СДП) и местное Хорватское демократическое содружество (ХДС) – 44 места⁶. Результаты выборов продемонстрировали, что в Боснии и Герцеговине еще за полтора года до начала войны разделение по национальному признаку уже четко обозначилось.

После выборов было сформировано коалиционное руководство, в котором были представлены все три национальные партии. Председателем Президиума БиГ был избран А. Изетбегович, лидер ПДД. Правительство возглавил – хорват Ю. Пеливан, парламент – серб М. Краишник.

В скупшине и правительстве сотрудничества партий не получилось. Как вспоминал М. Краишник, разделение депутатов по национальному признаку проявилось уже на первом заседании нового парламента. Тогда же начала складываться мусульманско-хорватская коалиция в скупшине⁷. В феврале 1991 г. эта коалиция, состоявшая из ПДД и ХДС, предложила парламенту на обсуждение Декларацию о суверенитете БиГ. В ответ на реальную попытку выхода Боснии из Югославии, сербы начали объединять общины с большинством сербского населения.

К осени 1991 г. в БиГ обстановка накалилась. Возвращались добровольцы-хорваты с хорватского фронта, появились первые похоронки, ухудшалась экономическая ситуация, возникли трудности с продовольствием, бензином. Затруднена была связь с другими республиками. Мосты на Саве были разрушены. Босния и Герцеговина из-за войны в Хорватии постепенно оказалась в полной экономической блокаде. Закрыты были все гражданские аэропорты, отрезан арендуемый республикой порт на Адриатике, разразился энергетический кризис. Премьер-министр БиГ Ю. Пеливан говорил в сентябре 1991 г., что военные столкновения в Хорватии угрожают перебраться на Боснию, что стало ощущаться разделение по национальному признаку в правительстве, скупшине, министерствах. Он признал, что в БиГ «уже существуют незаконные формирования, которые провоцируют вооруженные столкновения»⁸.

12 октября собралась Скупщина Боснии и Герцеговины, на которой в бурных дебатах обсуждался вопрос, пойдет ли республика путем независимости или останется в Югославии. В скупшине был зачитан проект Меморандума, подготовленного ПДД, о котором не знали другие парламентские партии. В нем югославское руководство обвинялось в развале федерации и провозглашалась независимость БиГ. Сербский и хорватский народы определялись в Меморандуме как национальные меньшинства. Обсуждение документа затянулось. Но, когда депутаты-сербы вышли из зала, оставшиеся парламентарии проголосовали за предложенный Меморандум и приняли Платформу о положении республики и будущем устройстве югославского содружества.

После принятия Меморандума процесс автономизации сербских областей получил дополнительный импульс. Была созвана скупщина сербского народа в БиГ, чтобы «демократическим способом решить вопрос о собственной национальной судьбе, о своем положении в общем государстве»⁹. 9 ноября 1991 г. в сербских общинах состоялся плебисцит, на котором население отвечало на вопрос: «Согласны ли Вы с решением скупщины сербского народа в Боснии и Герцеговине от 24 октября 1991 г., что сербский народ остается в сов-

местном государстве Югославии с Сербией, Черногорией, САО Краиной, САО Славонией, Бараней и Западным Сремом и с другими, кто за это выскажется?» 92 % пришедших на участки высказались за создание обновленного югославского государства.

Руководство Боснии и Герцеговины признало сербский плебисцит незаконным и настаивало на независимой и унитарной стране. Однако в ноябре хорваты Боснии и Герцеговины также заявили о необходимости создания своего образования – Хорватского содружества Герцег-Босна. Это углубило процесс территориального размежевания в Боснии и Герцеговине, и вызвало негативную реакцию боснийских мусульман.

9 января 1992 г. Скупщина сербского народа провозгласила образование Республики Сербской Боснии (РС) и Герцеговины как федеративной единицы СФРЮ. 24 марта 1992 г. были сформированы ее правительство, скупщина, президиум. 27 марта 1992 г. в торжественной обстановке была принята Конституция Республики Сербской. Сербь, руководимые Сербской демократической партией, решительно выступили за сохранение Югославии, но на случай неосуществимости этой цели, выработали минимальное требование: «Если теряем Югославию, то не отказываемся от собственного государства». Они настаивали на своем праве на самоопределение, считая совместную жизнь с хорватами и мусульманами возможной только на условиях полного равенства. Для этого они предлагали трансформировать Боснию и Герцеговину в конфедеративную республику трех равноправных народов.

25 января 1992 г. Скупщина БиГ приняла решение провести референдум о суверенитете и независимости республики. Сербская фракция парламента была против этого решения и покинула зал заседаний. В референдуме 1 марта участвовали 63,4 % избирателей (2 073 932 человек), из них 62,68 % проголосовали за суверенную Боснию¹⁰. На одной из многочисленных пресс-конференций заместитель председателя правительства БиГ Р. Махмутчехаич заявил без тени смущения: «Я надеюсь, что результаты референдума удовлетворят требования европейского сообщества для признания суверенитета нашего государства». А. Изетбегович высказался в том же духе: референдум необходим, поскольку его выдвигало Европейское сообщество как условие для международного признания государства Босния и Герцеговина¹¹.

1 марта Босния и Герцеговина объявила свою независимость. Власти устроили в честь такого события торжественный коктейль. Руководство БиГ обратилось в Европейское сообщество с просьбой признать ее государственную независимость.

* * *

Столкновений в Сараеве еще не было, но напряжение достигло такого накала, что любой, даже незначительный повод мог взорвать ситуацию. В воскресенье 1 марта, в день проведения референдума, на сербской свадьбе в центре города перед православной церковью мусульманами был убит отец жениха и ранен священник. Уже ночью в Сараеве и окрестностях было воздвигнуто около 20 баррикад. Утром дети не пошли в школу, ни один автобус не вышел на линию, на вокзал не прибыл ни один поезд. Люди не могли попасть на работу, в больницы, отвезти детей в детские сады. По городу прокатились митинги в поддержку мира, но было уже поздно.

Первыми полувоенными вооруженными группами в БиГ были мусульманские «Зеленые береты», которые составляли добровольцы. Затем мусульмане создали «Патриоти-

ческую лигу» (ПЛ), которая имела девять региональных и 103 районных штаба, насчитывала 98 тыс. бойцов. И только после этого началось формирование крупных военных образований – «Ханджар дивизии» в Биелине, дивизий «Хусине» в Цазине, «Смаил-ага Ченгич» в Сараеве, «Кемал-паша Атакович» в Брезово-Поле, «Црвени фес» в Босанско-Новом, «Гарда» в Зворнике, «Дрина» в Братунаце.

М. Бисич, тогдашний помощник министра обороны в мусульманском правительстве Боснии, вспоминал: «Где-то в апреле 1991 г. я беседовал с людьми, которые понимали, что война в БиГ неизбежна. Все мы были одного мнения о том, что необходимо организовать защиту республики. Когда я вступил в контакт с Суле (псевдоним С. Вранья), мы разослали инструкцию по созданию организации и работе на местах. Опирались, в основном, на людей из Партии демократического действия, ездили по районам и искали единомышленников. В мае 1991 г. Суле и люди из Сараева назвали организацию „Патриотической лигой“. С сентября 1991 г. отмечалось массовое вступление в „Патриотическую лигу“ бывших офицеров Югославской народной армии. Все это делалось конспиративно и по рекомендациям надежных людей. С приходом офицеров ЮНА расширился Главный штаб «Патриотической лиги». Почти во всех общинах БиГ были созданы штабы ПЛ»¹². В декабре 1991 г. шла работа по формированию боевых частей, составлялись списки бойцов, раздалось оружие, эмиссары направлялись в села. А. Изетбегович вспоминал, что уже к апрелю 1992 г. в Сараеве действовали отряды «Патриотической лиги», «Зеленых беретов», спецподразделения полиции и «многие другие спонтанно возникшие группы сопротивления»¹³.

Сербы также готовились взяться за оружие. Еще зимой 1991 г. Р. Караджич в разговоре с членом Президиума СФРЮ Б. Йовичем говорил, что сербы в Боснии и Герцеговине совсем не имеют оружия, боятся резни и гражданской войны¹⁴. Осенью 1991 г. сербы начали задумываться о создании военных отрядов. Однако возникли проблемы в связи с отсутствием квалифицированных офицерских кадров, обучением солдат. Представители сербского населения БиГ обратились к министру обороны Сербии Т. Симовичу с просьбой о помощи. На совещании, которое состоялось 20 ноября 1991 г., министр не мог обещать большой поддержки, так как правительство предполагало, что «Сербия не будет вмешиваться». «К сожалению, все военные склады находились там, где большинство составляли мусульмане, и почти на всех складах работали мусульмане или хорваты, большинство военных объектов и учебные центры опять же были там, как и вся военная промышленность», – отмечала шеф кабинета военного министра Сербии¹⁵. Исходя из этого, министр предложил боснийским сербам «планировать акции по насильственному захвату материально-технических средств со складов», вести обучение бойцов в системе территориальной обороны, готовить эвакуационные пункты, и в целом рассчитывать на свои силы¹⁶.

Хорваты в БиГ надеялись на то, что им не придется воевать. Они хотели путем переговоров добиться объединения с Хорватией, которая во всем их поддерживала, в том числе оружием и собственной военной мощью.

Уже в начале марта начались стычки на национальной почве в разных местах Боснии. Они не носили системного характера, возникали то тут, то там, лишь предвосхищая начало военных действий. 3 марта произошли вооруженные столкновения в Босански-Броде, что привело к разделу города по национальному признаку. Сербы объявили о формировании сербской общины Босански-Брод, а хорваты ответили торжественным открытием моста через Саву, по которому в город вошли из Хорватии отряды ЗНГ. При этом ЮНА выполнила поставленное ей условие и отошла от города на 25 км, чем вы-

звала определенную панику в рядах сербов. В газетах сообщалось, что 108-я дивизия из Хорватии перешла на территорию БиГ в районе Брода, чтобы установить контроль над территорией, где живут хорваты, что вызвало волну беженцев-сербов в Баня-Луку¹⁷. Делегация Президиума БиГ в составе Фихрета Абдича, Биляны Плавшич и Франьо Бораса 29 марта приехала в Босански-Брод, чтобы попытаться урегулировать ситуацию.

Однако война все-таки разразилась. Оценки ее характера, причин и поводов, естественно, разными сторонами были неодинаковыми. Мусульманское правительство считало войну югославской, а затем сербской «агрессией против Боснии и Герцеговины», которая началась еще осенью 1991 г. после нападения на село Равно¹⁸. Командующий миротворцами генерал Л. Маккензи вспоминал в одном из своих интервью, что А. Изетбегович настаивал на том, что «речь идет об агрессии, срежиссированной из Белграда... Я сразу ему отвечал, что с точки зрения ООН это не агрессия, а гражданская война, так как нет доказательств вмешательства Сербии»¹⁹.

Как полагал М. Крайшник, «непосредственным поводом для войны было то, что мусульмане в тогдашнем Президиуме в коалиции с хорватами провозгласили мобилизацию... Они пренебрегли конституцией, интересами сербского народа, провозгласили отделение. Это голосование, провозглашение и навязывание воли было вторым поводом. Третий повод заключается в том, что в то время все инициативы мусульманского руководства режиссировались послом [США] Циммерманом»²⁰.

На улицах Сараева уже открыто появлялись вооруженные отряды, сформированные по национальному признаку, многие молодые люди ходили по городу в масках. «Патриотической лиге» противостояли сербские отряды из участников войны в Хорватии, из сербской радикально настроенной молодежи. Постепенно разделялись по национальному признаку не только улицы, кварталы, но и органы управления. Одним из первых разделилось на три части (мусульманскую, хорватскую и сербскую) Министерство внутренних дел.

В такой сложнейшей обстановке Совет министров Европейского сообщества 6 апреля обратился к государствам-членам этой организации с рекомендацией признать независимость БиГ. Генерал Л. Маккензи, находившийся тогда в Сараеве, вспоминал: «Начали кружить слухи, что Европейское сообщество признает независимость БиГ... Хотя мы не дипломаты, но все, кто в военной форме, были уверены, что как только провозгласят независимость, вокруг нас начнется борьба. Не было надежды на то, что сербы признают результаты референдума, который сами полтора месяца назад бойкотировали»²¹. В этот же день Президиум БиГ провозгласил в республике чрезвычайное положение, а 8-го ввел состояние непосредственной военной угрозы. 7 апреля 1992 г. Боснию признали США, Европейское сообщество, Хорватия. В начале мая БиГ становится членом СБСЕ, начинает принимать участие в других международных организациях, таких как Организация «Исламская конференция» и Движение неприсоединения²². 22 мая 1992 г. БиГ стала членом ООН.

Сегодня, по прошествии времени, многие политические участники тех событий считают ошибкой признание Боснии и Герцеговины. К. Бильдт вспоминал, что «признание обусловило распространение конфликта на всю Боснию, которого так опасались»²³.

Начало боснийской войны. Сербы понимали, как осложнилось их положение с признанием Боснии. Поэтому в этот же злополучный день 7 апреля Скупщина сербского

народа БиГ в Бая-Луке провозгласила независимость Республики Сербской Боснии и Герцеговины, а также постулировала ее право вступить в содружество с другими субъектами Югославии. Б. Плавшич и Н. Колевич объявили о своей отставке с постов членов Президиума БиГ. Скупщину БиГ покинули все депутаты-сербы, министры-сербы ушли из правительства, обвинив председателя Президиума БиГ в том, что он открыл новый фронт в югославском кризисе, придав религиозный смысл межнациональным противостояниям. Чиновники-сербы оставили свои должности во всех структурах власти и ушли в Республику Сербскую. В конце апреля 1992 г. в БиГ уже действовали два центра власти – в Пале (сербский) и в Сараеве (мусульманский).

А. Изетбегович, используя хорватский опыт, издал директиву Главному штабу территориальной обороны БиГ о всеобщем нападении на казармы ЮНА. За югославскими военными началась охота. Л. Маккензи записал в своем дневнике 10 апреля: «Мы получали сообщения о нападениях на военных ЮНА по всей Боснии. Президиум правительственных сил требовал, чтобы ЮНА передала им оружие, тогда им будет обеспечен безопасный проход. Казармы ЮНА, в которых находились солдаты, были блокированы»²⁴. 27 апреля Президиум БиГ, собравшись в неполном составе, потребовал от Югославии вывода ЮНА с территории республики.

22 апреля мусульмане открыли артиллерийскую стрельбу по сербскому пригороду Сараева – Илидже: вели прицельный огонь по военному госпиталю, казармам, нападали на военных. Мусульмане делали все, чтобы помешать солдатам ЮНА уйти без потерь, а когда колонна военных по договоренности сторон начала выход из города, по ней был открыт огонь, погибли солдаты.

Одновременно министр иностранных дел БиГ Харис Силайджич с трибуны ООН упрекал Сербию в подстрекательстве событий в Боснии. США, а вслед за ними и другие страны и международные организации, обвинили Сербию в разжигании конфликта в этой республике. 23 апреля министры иностранных дел Германии и Голландии Г.-Д. Геншер и Ван ден Брук потребовали созвать заседание Совета Безопасности ООН и рассмотреть вопрос об ответственности Сербии за ситуацию в Боснии и Герцеговине. Сайрус Вэнс, назначенный специальным посланником Генерального Секретаря ООН в Югославии, также заявил, что ключ к решению проблем БиГ находится в руках Югославской народной армии²⁵.

Совещание СБСЕ, проходившее в Хельсинки, поставило Югославии ультиматум – до 29 апреля вывести все войска из БиГ. СРЮ приняла решение в 15-дневный срок вывести свои войска. Уже 18 мая в Сараеве был подписан договор об эвакуации ЮНА. Заметим, что хорватские подразделения, помогавшие боснийским хорватам, из БиГ выведены не были.

Тем временем в республике ширились военные столкновения. По некоторым данным, только за первые две недели войны в БиГ погибли 200 человек, 1600 были ранены и 1100 пропали без вести²⁶. Р. Караджич вспоминал, что «первые 45 дней, когда у нас не было ни армии, ни объединенного командования армии и полиции, мы переживали хаос. Все ненавидели всех, все воевали против всех. Это было продолжение Второй мировой войны, люди вспоминали, что с ними сделала та или иная семья, и они боялись, что это повторится, и говорили: давайте убьем их прежде, чем они убьют нас. Люди не забывали, кто убивал их отцов, дедов, матерей. Все опасались мести и начинали первыми»²⁷.

Началась борьба за национальные, этнически «чистые» территории. Появились первые беженцы. Каждая из противоборствующих сторон надеялась создать и защитить свое собственное государство.

Когда Югославия начала выводить армию из БиГ, руководство РС обратилось к офицерам и солдатам, рожденным в Боснии, остаться в республике и перейти на службу в Войско Республики Сербской (ВРС), которое начало формироваться в мае 1992 г. Эти военнослужащие и стали основой новой армии. Решением Скупщины боснийских сербов ее командующим был назначен генерал-подполковник Р. Младич.

В Боснию потянулись добровольцы. Многие из них вернулись из Хорватии с оружием. Появились нерегулярные военизированные формирования. Одни были случайными образованиями, другие – отрядами националистических политических партий, но никто не подчинялся никому. Сербская радикальная партия начала создавать отряды четников. В нее записывались добровольцы и из других партий, люди с разными убеждениями. В. Шешель вспоминал: «Мы никогда не получали приказов, это всегда была просьба. Просит нас Милошевич, Радмило Богданович, просит нас генерал Домазетович или кто-нибудь другой – надо столько-то и столько-то добровольцев. И мы их столько и собираем»²⁸. На стороне сербов воевали русские добровольцы, но их количество было незначительным, по некоторым данным, не более 200 человек за все время конфликта.

12 апреля сербская сторона на мирной конференции предложила А. Изетбеговичу переговоры о полном прекращении огня, всех террористических действий в БиГ, особенно в Сараеве, об отказе от всех политических решений, принятых после 4 апреля. При участии международных посредников 13 апреля было подписано соглашение о прекращении огня, которое мусульманская сторона не выполняла. Одностороннее соблюдение соглашения о прекращении огня сербской стороной результата не дало.

21 апреля началась кровавая война в Мостаре. Сначала – против югославской армии, потом мусульмане, сербы и хорваты воевали между собой.

Уже к 21 апреля 1992 г. число беженцев и перемещенных лиц в Боснии, по сообщениям ООН, достигло 230 тыс. человек и каждый день увеличивалось на 30 тыс.²⁹. 10 мая «Медицинский кризисный штаб» БиГ сообщил, что за 44 дня войны в БиГ по неполным данным погибли 1320 человек, ранены 6700, пропали без вести 1900, число беженцев вне республики составило 350 тыс.³⁰. Президиум БиГ потребовал зарубежную военную помощь (в частности, у Турции), объявив армию Югославии агрессором в БиГ.

Босния вызывала большое сочувствие у мусульманских государств. Тегеран утверждал, что «правительства исламских стран должны предпринять меры, чтобы предотвратить геноцид мусульман в Европе», и грозил, что мусульмане смогут ответить по всему миру. 16 июля иранский меджлис «осудил геноцид над мусульманами в БиГ, проводимый сербами-христианами» и назвал эти события «катастрофическим развитием событий в европейской республике, населенной мусульманами»³¹. Иран обещал А. Изетбеговичу всестороннюю помощь продовольствием, нефтью, оружием и добровольцами. Шла эта помощь через Загреб (на определенных для него условиях).

27 мая прогремел взрыв в очереди за хлебом в центре Сараева, где погибло много людей. Кто стоял за этим взрывом, до сих пор не ясно, однако Совет Безопасности, обвинив во всем Белград, принял резолюции о введении санкций против СРЮ, о расширении мандата СООНО на БиГ.

Хорваты Боснии и Герцеговины также начали «ограждать» хорватские территории. Вспыхнула война между хорватами и мусульманами. На помощь местным хорватам пришла хорватская армия из Хорватии. По неофициальным данным, численность войск, прибывших в 1992 г. в БиГ из Хорватии, составляла 40 тыс. человек. Матэ Бобан,

лидер боснийских хорватов, заявил, что хорваты контролируют почти всю территорию, на которой живут, и что она составляет 30 % территории БиГ. 3 июля 1992 г. было провозглашено создание Хорватского содружества Герцег-Босна (ХСГБ), что фактически узаконило существовавшее положение вещей, при котором западная Герцеговина уже давно вела себя как «Южная Хорватия»: в школах учились по хорватским программам, солдаты воевали под хорватскими символами, в употреблении был хорватский динар и действовали хорватские законы. Все это было узаконено специальными постановлениями Президиума ХСГБ.

Столицей Герцег-Боснии стал город Мостар, который после двух месяцев жестоких боев с сербскими войсками полностью перешел под контроль хорватов. Начатые в мае 1993 г. новые бои, на этот раз с мусульманскими силами, привели к тому, что «хорваты полностью овладели городом, в котором раньше проживало столько же сербских и мусульманских жителей, сколько и хорватских»³².

28 августа 1993 г. парламент боснийских хорватов преобразовал ХСГБ в Хорватскую Республику Герцег-Босна. Республика, сформировала парламент из 58 делегатов и информационное агентство, отозвала своих представителей из органов государственной власти Боснии и Герцеговины. Герцег-Босна имела свой флаг, герб, президента, резиденция которого находилась в здании хладокомбината в городе Груде. Разрушенный старый мост через Неретву в Мостаре надолго стал символом межнациональной нетерпимости. Однако возможность самостоятельного существования Герцег-Босны всегда вызывала сомнения – экономически это образование не могло существовать без поддержки Хорватии. Армия Герцег-Босны, которая называлась Хорватское вече обороны (ХВО), не только находилась на полном обеспечении Хорватии, но и являлась фактически ее составной частью.

Особая тема для военной Боснии и Герцеговины – Сараево. В мировых СМИ этот город стал символом страдания и мужества, варварства и всеобщей международной опеки. В то же время внутренняя жизнь города всегда была скрыта от посторонних глаз. Известно было лишь, что город находился под постоянным обстрелом сербской артиллерии, что в нем – невыносимые условия жизни, что народ выживал только за счет гуманитарных поставок международных организаций. Между тем, в последнее время появилось несколько книг воспоминаний тех, кто пережил блокаду города, кто знал его жизнь не понаслышке.

Фактически жители Сараева находились под двойным «обручем страданий»: город находился в блокаде, окруженный сербской армией, люди страдали без воды и электричества, продуктов питания; ежедневно город обстреливался сербской артиллерией, вызывая ужас и ненависть жителей города, независимо от их национальности. В самом городе к этому прибавлялись муки сербского и хорватского населения, на которых обрушилась репрессивная машина официальных и неофициальных городских властей. Градоначальник Сараева Мурис Купусович не отрицал, что «положение сербов в Сараеве специфическое», объясняя его частично «плохим опытом», а частично «возложением на сербов общей ответственности», «отождествлением сербов и четников»³³.

О тяжелом положении всех жителей блокадного города пишут в воспоминаниях все, кто пережил те трудные месяцы «сараевского плена»³⁴. Но они показывают также невыносимые страдания сербов, когда бесчинства бандитов поощрялись правительством,

а гуманитарные организации не могли изменить картину происходящего. До войны в городе жили около 200 тыс. сербов. К 1994 г. в центральной мусульманской части города осталось около 30 тыс. сербов. Их безнаказанно убивали, мучили в застенках частных тюрем, держали в туннелях, посылали на передовую линию фронта под пули как живой щит. Член Президиума БиГ Б. Плавшич писала в СООНО в июле 1992 г., что 35–50 тыс. сербов Сараева не получают гуманитарную помощь³⁵, что в административном здании «Югокомерц» около ветеринарного факультета в Сараеве создана тюрьма для сербов, где их после допросов и истязаний убивают, а тела бросают в реку³⁶. Бежавший из Сараева академик М. Экмечич также рассказывал в воспоминаниях о жестоком обращении с сербами в городе³⁷.

В тяжелом положении находились и хорваты, которые покидали город при первой возможности. Председатель Хорватского национального вече в Сараеве Иво Комшич осудил мусульманские власти за отношение к хорватам, которых увольняли с работы и оставляли без социальной помощи, подтвердив, что массовый отъезд хорватов из города уже нельзя остановить³⁸. По сообщениям католического архиепископа Сараева кардинала Винко Пулича, до начала войны в сараевском округе насчитывалось 528 тыс. католиков. К 1995 г. их осталось лишь 200 тыс. Более 20 тыс. погибли, а сотни тыс. человек были вынуждены покинуть город, спасаясь от боевых действий³⁹.

После войны власти БиГ не могли долго замалчивать преступления против мирного населения города. В 1997 г. сараевская независимая газета «Дани» начала публиковать первые судебные досье (имена убийц, списки жертв) о страданиях сараевских сербов во время войны, об истязаниях солдатами 10-й горной бригады Мушана Топаловича-Щаце⁴⁰. Большинство сербов в Сараеве погибли или пропали в 1993–1994 гг. Газета «Освобождение» писала: «Вся мусульманская ложь и долгое сокрытие истины от международной общественности о жестоких преступлениях над сараевскими сербами стыдливо появляется на свет и перестает быть табу-темой, которую годами замалчивали»⁴¹.

Руководство РС не хотело отдавать город мусульманам, аргументируя это тем, что его население до войны на треть было сербским. Отсюда и многочисленные предложения о разделе Сараева на две части и о предоставлении сербам в столице всех прав. Но город и так был фактически разделен. Девять общин (не центральной части столицы) с преимущественно сербским населением, контролировались сербами и входили в состав Республики Сербской. Эта часть города называлась «Сербское Сараево», где жили, по данным сербских властей, 120 тыс. человек⁴². Удерживать контроль над частью Сараева было для боснийских сербов принципиально важно, Сараево являлось для них символом государственности. Даже в Конституции РС было записано, что столицей Республики Сербской является Сараево.

Таким образом, блокада и обстрел Сараева объяснялись несколькими причинами: за сербами ряд районов Сараева, склонить мусульман к разделу огромного промышленного потенциала города, заставить мировое сообщество официально разделить город между сербами и мусульманами; приостановить истребление сербского населения. Однако такая позиция принесла боснийским сербам большой вред. Обстрелы Сараева продолжались с весны 1992 г. по февраль 1994 г. и нанесли огромный урон городу. Эта акция подорвала престиж сербской армии, дала повод международному сообществу говорить о сербской агрессии, о неуправляемости сербской армии и неминувости ответственности.

Созданная Республика Сербская ставила перед собой задачи упрочения государственности, его правового оформления, объединения с другими сербскими землями. Однако в годы войны приоритетом было не столько совершенствование государственных институтов, сколько выживание государства. Поэтому политические процессы, развитие многопартийной системы отошли на второй план, хотя уже в 1993 г. в РС было зарегистрировано около 20 политических партий. Демократия соблюдалась лишь через функционирование Скупщины и постоянно проводимые в республике референдумы по всем жизненно важным вопросам.

В трудных военных условиях 12 мая 1992 г. Скупщина боснийских сербов приняла программу стратегических целей Республики Сербской: 1) государственное разграничение с двумя другими народами Боснии и Герцеговины; 2) создание коридора между Семберией и Боснийской Краиной*; 3) создание коридоров в долине реки Дрина, снятие границы по Дрине между двумя сербскими государствами; 4) разделение Сараева на две части – мусульманскую и сербскую, 5) выход РС к морю⁴³.

Эти задачи стали приоритетными для руководства РС и осуществлялись постепенно разными методами – дипломатическими, военными, политическими и экономическими. Имея в 1994 г. уже достаточно четко очерченную границу, РС боролась за международное признание.

Мусульманская Республика Босния и Герцеговина за короткий срок существования прошла несколько этапов, связанных с изменением ее государственно-правового статуса. С 18 ноября 1990 г. в рамках СФРЮ было сформировано новое руководство республики на основе многопартийных выборов. С весны 1992 г. БиГ встала на путь отделения от СФРЮ и была признана мировым сообществом. Но и после этого власть мусульманского руководства Республики Боснии и Герцеговины не распространялась на всю территорию республики и даже на всю мусульманскую общину. После этого мусульманское государство просуществовало фактически до 18 марта 1994 г., когда была создана Мусульманско-хорватская федерация.

Как вспоминал министр иностранных дел БиГ М. Шачирбегович, в первое время государство создавалось и действовало по принципу импровизации как результат общей ситуации в БиГ⁴⁴. Один из оппонентов А. Изетбеговича Ф. Абдич, входивший в Президиум БиГ, писал, что фактически государство не функционировало, не были созданы министерства, существовали лишь министры, а страной руководил диктатор⁴⁵.

Ф. Абдич выступал против национализма А. Изетбеговича. Его же обвиняли в борьбе против ислама, в предательстве идеалов мусульманского народа. Особенно остро противоречия этих политиков проявились в ноябре 1991 г. на конгрессе США, где Ф. Абдич подверг серьезной критике все подготовленные Изетбеговичем материалы, включая и его доклад. Он выходил на трибуну 12 раз, стремясь переломить националистический настрой съезда⁴⁶.

Усилиями Ф. Абдича к осени 1993 г. в мусульманском руководстве обозначилась сильная сепаратистская линия. Этот умеренный политик и весьма успешный бизнесмен, пользовавшийся большой поддержкой населения, создал в своей родной Цазинской краине – области на крайнем северо-западе Боснии, собственную автономию. Автономный край Западная Босния был провозглашен 27 сентября 1993 г. после референдума, на

* Коридор между западной и восточной частями Республики Сербской.

котором автономии поддержали 75 % жителей Цазинской краины. Президентом этой области стал сам Ф. Абдич. В Декларации, принятой по этому поводу, отмечалось, что Автономный край признает создание Федерации Боснии и Герцеговины и хочет стать одним из кантонов федерации (кантоном Западная Босния), обладающим специальным статусом. Ф. Абдич предлагал заключить специальное соглашение с федерацией о едином экономическом пространстве и «социальной инфраструктуре», о совместном представительстве в органах власти, о взаимной корректной информации в СМИ⁴⁷. В октябре 1993 г он подписал договор о сотрудничестве с сербами и хорватами. 26 июля 1994 г. была провозглашена Республика Западная Босния (РЗБ) со столицей в городе Велика-Кладуша. Этот город удалось уберечь от разорения и военных действий. В день провозглашения республики было объявлено, что Западная Босния – это «победа мира над войной, стабильность в этом регионе, стремление к мирной жизни и сосуществованию с соседями»⁴⁸.

Однако небольшая территория новообразования и незначительное по численности население не позволяли создать сильную армию, которая могла бы отстоять автономию. А необходимость такая существовала – подавление сепаратизма Ф. Абдича было одной из приоритетных задач центрального мусульманского правительства. На границе с автономией был размещен один из самых сильных корпусов мусульманской армии – 5-й, которым командовали сначала капитан Рамиз Дрекович, а затем полковник (позже – генерал) Атиф Дудакович. Численность 5-го корпуса составляла 15 тыс. бойцов.

Правительственные войска пытались военным путем ликвидировать РЗБ уже в октябре 1993 г. Им противостояла только легковооруженная полиция, позже было создано народное ополчение. Столкновения между войсками Ф. Абдича и 5-м корпусом были постоянными. Защитники РЗБ имели на вооружении три танка, девять пушек и несколько минометов. Крестьяне обороняли свои села и были самыми упорными защитниками. Ф. Абдич несколько раз обращался в международные организации и штаб СООНО с просьбой защитить Западную Боснию. Но руководители «голубых касок» считали конфликт внутренним делом суверенного государства и дальше предложений о переговорах в деле урегулирования не продвигались. Более того, войска СООНО, сконцентрированные на границе, ограничили доступ гуманитарной помощи или любых других грузов в Западную Боснию, а 5-й корпус снабжали с воздуха, сбрасывая грузы с вертолетов. По этому поводу Ф. Абдич направил «протест» СООНО 11 августа 1994 г.⁴⁹ К середине августа он потерял уже четвертую часть удерживаемой территории. Западная Босния прекратила свое существование 21 августа 1994 г. 5-й корпус БиГ занял Великую Кладушу. 30 тыс. мусульман, некогда верных Ф. Абдичу, спасали свои жизни на территории соседней Республики Сербской Краины.

Главнокомандующим армии БиГ считался А. Изетбегович. Главный штаб возглавлял полковник Сефер Халилович, а затем Расим Делич. 20 июня 1992 г. Президиум Боснии провозгласил военное положение, всеобщую мобилизацию вследствие «агрессии на БиГ ЮНА, Сербии, Черногории, и экстремистской Сербской демократической партии»⁵⁰.

На мусульманской стороне, как утверждалось в печати, сражались свыше 2 тыс. моджахедов из Малайзии, Пакистана, Алжира, Ливии и других исламских стран⁵¹. По некоторым данным, численность наемников в армии БиГ достигала 20 тыс. человек⁵². По подсчетам СООНО, численность наемников достигала 20 % численного состава правительственной армии⁵³. Эти данные подтверждал и Ф. Абдич. Моджахеды отличались особой жестокостью, наводили страх на население. Под знаменем ислама они осуществ-

вляли террор среди населения и наносили огромный ущерб репутации боснийских мусульман, «стремились уничтожить мусульманскую традицию в Боснии», насадить «религию, которая... никогда не была характерна для мусульман в Боснии»⁵⁴.

Оружие шло мусульманам главным образом через Хорватию. Д. Оуэн пишет в своей книге, что, эмбарго на поставку оружия, введенное 25 сентября 1991 г. резолюцией СБ ООН № 747, внешне соблюдалось для БиГ, но никогда для Хорватии. Западные страны, а особенно США, закрывали глаза на то, что Хорватия получала оружие через Словению и Венгрию, воздушным и морским путем. В свою очередь Хорватия соглашалась получать оружие и для мусульман в Боснии, но брала из каждой партии себе до 50 %, а иногда и больше, требовала и денежного возмещения. Отрезанная от всего мира, Босния и Герцеговина соглашалась на это⁵⁵.

Несмотря на значительные военные успехи в 1992–1994 г., сербская армия больше походила на добровольческие отряды, которые формировались по территориальному принципу и воевали недалеко от своих сел. Солдаты возвращались из окопов в родные дома, помогали по хозяйству и снова уходили воевать. Только к концу 1994 г. во время боев с 5-м корпусом армии БиГ около Бихача появлялось «маневренное войско», не привязанное к определенной территории. Так постепенно осуществлялась основная цель руководства сербской армии – создать профессиональную армию⁵⁶.

Каждая сторона имела свою мотивацию войны. По словам Х. Силайджича, в Боснии речь шла не о наступлении, а «о борьбе против агрессии. Наше сопротивление не может характеризоваться как наступление»⁵⁷. Генерал Р. Младич охарактеризовал эту войну для сербов как «гражданскую, национально-освободительную», а для мусульман – религиозную. По его мнению, хорваты вообще не имели цели в этой войне, их просто «использовала» Германия в своих собственных интересах⁵⁸.

В 1992 г. военными средствами началось разграничение, которого не сумели достичь путем переговоров, произошел фактический раздел территории между тремя народами. В одном из докладов Б. Бутроса-Гали точно подмечена ситуация: «Для населения в Боснии и Герцеговине с точки зрения мест проживания характерна исключительно высокая степень перемешанности. Поэтому на базе этнических или конфессиональных критериев не представляется реальным создать три территориально обособленных государства. Любой план создания таких государств неизбежно приводил бы к тому, что на территории каждого из них проживало бы очень большое число лиц, принадлежащих к другим этноконфессиональным группам, либо к тому, что они состояли бы из определенного количества отдельных анклавов каждой этноконфессиональной группы. При таком плане обеспечить однородность и обоснованную конфигурацию границ можно было лишь за счет насильственного перемещения населения»⁵⁹.

Уже к маю 1992 г. военные действия развернулись во многих районах Боснии и Герцеговины. Ситуация осложнялась тем, что в военных действиях принимали участие три стороны. Основная цель военных действий, по мнению наблюдателей ООН, заключалась в создании этнически чистых районов «в контексте переговоров о „кантонизации“ республики»⁶⁰. Генеральный секретарь ООН выражал опасение, что сербы и хорваты поделят БиГ между собой, и мусульманам отойдет лишь незначительная часть территории.

На Западе были уверены, что ко времени вступления Р. Младича в должность командующего сербской армией в Боснии, «сербские боевики, пользуясь своим подавляющим военным превосходством, уже развернули широкую кампанию „этнических чисток“, за-

ставляя сотни тысяч мусульман бросить свои дома»⁶¹. Известный кинорежиссер Э. Кустурица в воспоминаниях упоминает этнические чистки, проводимые сербами в Фоче и Приедоре.

Р. Младич в свою очередь вспоминал, что «в марте 1992 г. хорваты начали войну и террор против гражданского сербского населения от плато Купрес до Добоя. Они начали проводить политику геноцида против сербов в Модриче и Дервенте, в долине реки Неретва вплоть до Мостара. В июне и июле мусульмане сожгли свыше 100 деревень вдоль реки Дрина»⁶². После отхода ЮНА хорваты при поддержке мусульманских сил стремительно наступали в долине Неретвы, занимали и сжигали сербские деревни, уничтожали церкви, монастыри. Полностью были разрушены монастыри Житомислич, Пребиловцы, православные церкви в Коничком крае, Мостаре, во всех православных селах по обеим сторонам Неретвы»⁶³.

Журналистка Л. Булатович, долгие годы исследовавшая проблему сербских жертв в БиГ, писала, что «сразу после начала войны мусульмане произвели нападения и опустошили около 100 сербских сел в районе Сребреницы и Братунаца. Результатом этих действий стали убитые сербы, сожженные дома и беженцы. Только Красный Крест Сербии зарегистрировал 12 800 сербских беженцев из этого района, что составляло 45 % от общего числа сербского населения [этого района]. Все нападения на сербское население были хорошо подготовлены, проводились по плану, и при этом было задействовано большое число вооруженных людей. Смертельная опасность угрожала сербам и в самом городе Сребреница, откуда сербы бежали 9 мая 1992 г., два дня спустя после получения сообщений о массовом уничтожении сербов в селе Блечево»⁶⁴.

Боевые действия, откровенные запугивания и страх привели к массовому перемещению гражданского населения. Согласно оценкам ООН, уже к 8 мая 1992 г. «было перемещено, по меньшей мере, 520 000 человек (более 12 % населения республики)»⁶⁵. В пресс-релизе, распространенном в феврале 1993 г. Международным комитетом Красного Креста (МККК), говорилось, что с июля по декабрь 1992 г. МККК зарегистрировал 10 800 заключенных в 52 лагерях, контролируемых конфликтующими сторонами в Боснии и Герцеговине. При посредничестве МККК сербы освободили 5040 узников, хорваты – 357 и мусульмане – 137. В феврале 1993 г. в 25 лагерях содержалось 2692 человека, из них 1061 – у мусульман, 1203 – у сербов и 428 – у хорватов»⁶⁶.

В июне 1992 г. началась борьба за северный посавинский коридор. Сербы пробили его 27 июня и соединили западную и восточную части Республики Сербской.

Мировое сообщество, пытаясь урегулировать ситуацию в БиГ, большие надежды возлагало на соглашения о прекращении огня, которые должны были стать основой дальнейших мирных переговоров. Первым таким соглашением стала договоренность от 12 апреля 1992 г., которая, однако, не соблюдалась. 1 июня усилиями сил СООНО было заключено новое соглашение, которое было нарушено уже спустя несколько часов после подписания. Как сообщал Б. Бутрос-Гали 15 июня, силы территориальной обороны Боснии и Герцеговины пытались использовать артиллерию, доставшуюся им после вывода ЮНА из казарм в Сараеве, «для расширения пределов контролируемой ими территории», в то время как «боснийские сербские силы продолжали использовать свою собственную артиллерию для обстрела города Сараево»⁶⁷.

Сербская сторона не раз выступала с предложением о прекращении огня, соблюдении мирных договоренностей, однако они не находили отклика, прежде всего, у мусульманской стороны. Например, 11 июня Р. Караджич объявил об одностороннем прекращении

огня с 15 июня, однако «А. Изетбегович отверг эту меру, охарактеризовав ее как „попытку ввести в заблуждение Организацию Объединенных Наций и мировое общественное мнение“»⁶⁸. И все же, под давлением представителей ООН А. Изетбегович согласился подписать соглашение о прекращении огня с 15 июня. Но и оно соблюдалось крайне непродолжительное время. В июне сербы передали аэропорт Сараева под контроль миротворческих сил ООН. Над аэропортом был поднят флаг ООН, он был открыт для доставки гуманитарной помощи. Однако ежедневные перестрелки в районе аэропорта продолжались, периодически он закрывался и после переговоров вновь открывался.

Летом 1992 г. мусульмане удерживали только 11 % территорий, под контролем хорватов их было даже несколько больше, поскольку им помогала хорватская армия. Остальное было в руках сербов⁶⁹.

17 декабря Скупщина РС заявила, что «сербский народ в ходе гражданской войны, которая ему была навязана, осуществил свое законное стремление к собственному суверенному государству». Под контролем сербов находились города Баня-Лука, Приедор, Босански-Нови, Сански-Мост, Пнрявор, Котор-Варош, Босанска-Градишка, Дубица, Добой, Биелина, Зворник, Власеница, Соколац, Вишеград, Рогатица, Гацко, Билеча, Требине, Яйце. К концу года сербы держали под контролем более 60 % территории Боснии и Герцеговины. Поэтому *Скупщина РС приняла Декларацию об окончании войны*, провозгласив, что «этническо-религиозная война в бывшей Боснии и Герцеговине для Республики Сербской окончена» и границы будут защищаться «политическими средствами»⁷⁰.

В 1993 г. характер военных действий изменился. Сербы не вели наступательных операций, но теперь мусульмане пытались отвоевать часть территорий. В середине января они начали наступление в районе Братунаца. Особенно активным было наступление на городок Скелани. Мусульмане окружили несколько сербских деревень, вырезали гражданское сербское население, а затем открыли артиллерийско-минометный огонь по гидроэлектростанции «Перучац», находившейся на территории СРЮ. Боевые действия проходили недалеко от югославской границы и тысячи беженцев устремились в СРЮ, спасаясь от мусульманских боевиков. За неполный месяц мусульманского наступления сербы в обороне потеряли 1260 человек убитыми. «Мы всегда в десять-пятнадцать раз больше теряем людей в обороне, чем в наступлении, – говорил в то время Р. Караджич. Мы не имеем на это право. Мы будем защищаться теперь активно, а не пассивно»⁷¹.

Еще осенью 1992 г. значительно ухудшились отношения между хорватами и мусульманами. В конце октября в центральной Боснии хорваты начали очищать город Прозор от мусульман, грабили мусульманские магазины, сжигали дома, убивали людей. Д. Оуэн вспоминал, что, увидев снятый фильм о хорватских зверствах, он сразу осудил их и потребовал ввести санкции. Однако «незамедлительно последовали протесты обиженной хорватской невинности. Молчал о событиях в Прозоре и Запад»⁷². 11 ноября хорватская армия возобновила силами 16 бригад военные действия в Восточной Герцеговине на направлениях Мостар – Невесине и Дубровник – Требине. Как писал Д. Чосич Б. Бутросу-Гали, «злодеяния, которые при этом совершаются над невинным и безоружным гражданским населением сербской национальности, относятся к разряду геноцида и криминала»⁷³.

Хорватская община с помощью регулярных войск и ополченцев непосредственно из Хорватии установила контроль над районами на севере и юге республики. Согласно данным, опубликованным в «Политике», на территории Боснии и Герцеговины в конце января 1993 г. воевали 14 бригад ХВО (24 000 человек) и около 18 500 солдат регулярной

армии Хорватии. Эти войска, расположенные в Герцеговине, Центральной и Северной Боснии, поддерживались с территории Хорватии еще 10 бригадами⁷⁴. В январе 1993 г. командующий Хорватского веча обороны издал приказ, согласно которому, все армейские подразделения армии БиГ в провинциях, которые по женеvским картам (План Вэнса – Оуэна) должны отойти хорватам, переходят под единое командование ХВО Герцег-Босны.

Несмотря на подписанный Ф. Туджманом и А. Изетбеговичем в Загребе 21 июля 1992 г. договор о дружбе и сотрудничестве, в начале 1993 г. начинаются столкновения в Центральной Боснии в районе Горни-Вакуфа, Нови-Травника, на подступах к Бугойно. Столкновения, прежде всего, начались на территориях, которые, согласно женеvским договоренностям, были определены как мусульманско-хорватские. Каждая из общин перед вступлением в силу соглашений о территориальном разделе республики стремилась установить свой контроль над как можно большей частью территории. 19 января хорватское радио сообщало, что большая часть Мостара находится под контролем ХВО. Мусульманские отряды оказывали сопротивление, нападали на хорватские села. Боснийское правительство назвало Хорватию агрессором и решило обратиться в Совет Безопасности.

Главнокомандующий вооруженными силами мусульман С. Халилович в интервью испанской газете «Паис» признал, что у мусульманской армии «есть проблемы» с хорватскими союзниками, которые уже перехватили 50 % оружия, предназначенного мусульманским формированиям. Аналогичным образом к хорватам попадала значительная часть международной гуманитарной помощи. «Они отняли у нас и нефть, которую нам бесплатно посылают Турция и Иран», – заявил военачальник. Он утверждал, что «хорваты стремятся создать свое государство в Боснии и Герцеговине, а затем присоединить его к Великой Хорватии и потому прибегают к политике этнических чисток»⁷⁵. В конце января хорваты и мусульмане договорились о прекращении огня и остановке боевых действий, но эти договоренности не соблюдались.

Специальная миссия Совета Безопасности ООН, побывавшая в Боснии и Герцеговине, назвала военные действия сторон «цепной реакцией», когда «убийства гражданских лиц мусульманами рассматривались сербами в качестве оправдания для их наступления». Убийство хорватами мусульманской семьи в Ахиничах (у членов отряда на руках были нашивки со свастикой) вызвало яростную реакцию мусульман, которые в отместку подожгли несколько хорватских домов⁷⁶. По мнению генерал-лейтенанта Л.Э. Вальгрена (командующего СООНО), «все стороны совершают злодеяния различного характера, но территорию захватывают только сербы»⁷⁷. Такое заявление противоречило наблюдениям сопредседателей Международной конференции по бывшей Югославии*, которые как раз во время столкновений между мусульманами и хорватами отмечали, что «и те, и другие пытались захватить как можно больше территории»⁷⁸.

В Сребренице, городе, где до войны проживали около 10 тыс. человек, скопились, по данным международных организаций, десятки тысяч беженцев-мусульман из окрестных деревень. В городе складывалась тяжелая обстановка. Гуманитарные организации сравнивали Сребреницу «с открытой тюрьмой», где много раненых и нет врачей, отключено водоснабжение и электричество, ширятся эпидемии⁷⁹.

* ООН и ЕС организовывали переговоры между конфликтовавшими сторонами в рамках Международной (Женеvской) конференции по бывшей Югославии (МКБЮ).

Еще в марте сербы, окружив город, заставили мусульман капитулировать и пойти на подписание соглашения о разоружении и демилитаризации Сребреницы под надзором СООНО. Переговоры велись с участием командующего СООНО. 17 апреля генералы Р. Младич и С. Халилович подписали соглашение, предусматривавшее прекращение огня и всех боевых действий в районе Сребреницы, развертывание роты СООНО в городе к 11 утра 18 апреля, открытие воздушного коридора между Тузлой и Сребреницей для эвакуации раненых и больных.

В тот же день, не зная о готовившемся соглашении, СБ ООН рассматривал вопрос о ситуации в Сребренице. Он принял резолюцию 819, которая обязывала сербов прекратить боевые действия и отойти от защищенной СООНО зоны. И хотя ситуация в Сребренице начала стабилизироваться, прекратился обстрел города, в него вошли миротворцы⁸⁰, Миссия СБ сделала вывод, что «договоренность по Сребренице не может являться моделью и должна побудить Совет Безопасности к действиям, направленным на то, чтобы предотвратить падение других анклавов и территорий, таких, как Горажде, Жепа и Тузла»⁸¹.

Командование РС согласилось на эвакуацию мирного населения из города и доставку гуманитарной помощи, требуя взамен содействия в эвакуации из мусульманской Тузлы 15 тыс. сербов, которые погибали от ужасных условий и преследований со стороны местных властей. В результате из Сребреницы конвой ООН вывез 5 тыс. мусульман, а из Тузлы – 80 сербов, причем исключительно граждан Югославии. В дальнейшем местные власти воспротивились выезду гражданских лиц из Тузлы, мотивируя это тем, что эвакуация якобы является одной из форм «этнической чистки»⁸².

В апреле продолжались ожесточенные столкновения мусульман и хорватов, которые намного превысили интенсивность сербско-мусульманского противоборства. Усиление взаимной неприязни было вызвано желанием силой закрепить границы будущих провинций, предложенных планом Вэнса – Оуэна*. Сопредседатели МКБЮ стремились заключить договор между мусульманской и хорватской сторонами. Одним из первых шагов было подписание 24 апреля 1993 г. в Загребе Алией Изетбеговичем и Матэ Бобаном соглашения о прекращении огня и приостановлении всех военных действий во всех районах Боснии и Герцеговины. Соглашение было подписано в момент жесточайших военных столкновений между хорватами и мусульманами.

В документе явно обозначилось стремление объединить силы на борьбу против общего врага. В нем подчеркивалось: «Стороны, подписавшие настоящее совместное заявление, подтверждают, что столкновения между подразделениями ХВО и Армии Боснии и Герцеговины в Республике Боснии и Герцеговине идут вразрез с политикой представителей обоих народов и что продолжение подобных столкновений серьезно отразится на ... успехе в борьбе с агрессором, который стремится разделить государство, захватить его территорию и присоединить оккупированные территории к „Великой Сербии“»⁸³.

С этой целью было решено создать объединенное командование обеими армиями в составе представителей двух штабов. Соглашение пришлось на время активного обсуждения плана Вэнса – Оуэна и должно было оказать давление на сербскую сторону. Но уже в мае в БиГ между мусульманами и хорватами вновь вспыхнули ожесточенные стол-

* План Вэнса – Оуэна получил название по именам двух сопредседателей координационного комитета МКБЮ – специального посланника Генерального секретаря ООН Сайруса Вэнса и посредника от ЕС Дэвида Оуэна.

кновения. Радио Ватикана сообщало о «тяжких зверствах мусульман над хорватскими женщинами и детьми» в городах Кониц, Бусовача, Равно и в районе Травника⁸⁴.

Летом 1993 г. Б. Бутрос-Гали в специальном сообщении подчеркивал, что военные столкновения в БиГ переместились из плоскости сербско-мусульманской конфронтации в плоскость мусульманско-хорватского противостояния. Для него было очевидным, что сотрудничество мусульман и хорватов больше невозможно⁸⁵. В июне мусульманские войска начали наступление в Центральной Боснии на город Травник. Более тысячи хорватских беженцев, женщин, стариков и детей, спасаясь от уничтожения, нашли прибежище в окружающих горах, обращаясь за помощью даже к сербам. Около тысячи хорватских военных сдались сербам и были отпущены⁸⁶.

Р. Младич вспоминал, что «в 1993 г. во время войны между хорватскими и мусульманскими силами, когда хорватское население Центральной Боснии оказалось под угрозой уничтожения, сербский народ и его армия оказали помощь хорватам. Мы приняли их на своей территории, а впоследствии все эти хорваты, включая и хорватские вооруженные формирования с их оружием, были пропущены на территорию Герцег-Босны, а также в Хорватию. В окрестностях Вереша мы приняли более 30 000 хорватских беженцев и около 700 хорватских солдат и офицеров. В районе Жепче – 12 500 беженцев и 903 военнослужащих, в районе Бугойно – 6000 беженцев и 604 солдата и офицера». Однако, продолжает Р. Младич, спустя несколько месяцев после их перемещения через Купрес в Ливно (на хорватскую территорию), хорваты «напали на нас именно с этих позиций с целью захвата нашей территории. К сожалению, им удалось занять город Купрес и часть Купрешского плоскогорья. Подобным образом мы помогли и мусульманам в 1993 г. пережить трагедию в Мостаре. Благодаря нашей помощи им удалось уцелеть в ходе этих событий»⁸⁷.

А. Изетбегович в интервью газете «Монд» решительно отстаивал свои позиции: «Это не наступление, а операция по защите боснийской территории. Вооруженные формирования Хорватского веча обороны, практически вышедшие из подчинения своего командования, нарушают договоры о прекращении огня. Они задерживают конвои с гуманитарной помощью, и поэтому наша армия, естественно, дала им отпор. ХВО создало тревожную атмосферу среди хорватского населения, которое бежало, став жертвой пропаганды в средствах массовой информации... Речь идет не о боях между мусульманами и хорватами. Повторяю, что это столкновения между боснийской армией и ХВО, по большей части обусловленные личными, субъективными интересами... Зачем Матэ Бобан начал воевать в Мостаре и Центральной Боснии? Затем, что он не желает единой Боснии, о которой говорится в плане Вэнса – Оуэна... Наверное, он хотел присоединить Герцег-Босну к соседней Хорватии»⁸⁸.

В июле 1993 г. боснийское правительство повело наступление против хорватов в центральной Боснии – на Киселяк, где скопилось много беженцев из хорватских сел, ранее занятых мусульманами. В Киселяке оказались и беженцы из Травника, среди которых были мусульмане-добровольцы ХВО, женатые на хорватках. Занятие Киселяка означало для мусульман овладение всей центральной Боснией и создание этнически чистой мусульманской территории, ведь до этого армия БиГ уже овладела Бугойно, Фойничей, Горни-Вакуфом.

На помощь хорватам прибыли части регулярной армии Хорватии. Реванш состоялся в Мостаре. Несмотря на заключенные с мусульманами соглашения, хорваты начали этническую чистку в городе. Представители ООН сообщили, что хорваты вывезли из

города за несколько июльских ночей сотни мусульманских семей. Мужчин помещали в лагеря для военнопленных в районе аэродрома⁸⁹. На юге хорваты при поддержке хорватской армии наращивали силы в районе Прозора, готовя контрнаступление на мусульманскую армию⁹⁰. В августе 1993 г. А. Изетбегович писал председателю Совета Безопасности, что в результате наступления хорватских войск «нарушения прав человека ... в отношении боснийских мусульман достигли масштабов подлинной человеческой катастрофы»; он приводил список 16 концентрационных лагерей, в которых содержатся пленные мусульмане⁹¹.

К концу сентября накал боев несколько снизился. Командиры мусульманских и хорватских войск пришли к хрупкому перемирию в районе Мостара, в центральной Боснии. Сербско-хорватский и сербско-мусульманский фронты постепенно превращались в охраняемую границу. Однако затишье на фронтах продлилось лишь около месяца. Уже в ноябре мусульмане, использовав передышку для укрепления своих сил, начали боевые действия в районе Горни-Вакуфа и Вареша в центральной Боснии. Ожесточенные бои шли на стыках национальных анклавов.

Создание Федерации Боснии и Герцеговины. Решительный перелом в соотношении сил в БиГ наступил после того, как США заставили мусульман и хорватов пойти на перемирие, а затем на создание федерации. С начала марта 1994 г. в Вашингтоне и Вене шли переговоры об условиях объединения в одно государство сторон, которые жестоко воевали друг с другом. Причиной создания федерации было стремление Запада объединить мусульман и хорватов в борьбе против сербов.

А. Изетбегович откровенно заявил газете «Вашингтон пост»: «Мусульмане смотрят на договор с хорватами как на тактический ход, который мог бы им помочь вести войну с сербами с еще большим успехом. Улучшенная военная организация и постоянный поток оружия, вопреки эмбарго, придали нам храбрости»⁹². Хотя для боснийских мусульман создание федерации означало конец мечтам о создании централизованного исламского государства в Боснии и Герцеговине, в тех условиях еще важнее было налаживание поставок оружия правительственной армии через Хорватию. Герцег-Босна, а точнее, Хорватия с трудом пошли на этот шаг, но угроза введения санкций из-за присутствия частей хорватской армии на территории Боснии и Герцеговины возымела действие. Руководство Герцег-Босны обусловило свое вхождение в федерацию ее возможной конфедерацией с Хорватией. Это позволяло легализовать присутствие хорватских войск в соседнем государстве. Общественное мнение Хорватии разделилось – многие были против мира с мусульманами, за борьбу до победы, за отстаивание территорий с большинством хорватского населения и присоединение их к Хорватии⁹³. Газеты писали, что «хорваты в Вене подписали капитуляцию перед мусульманами»⁹⁴.

18 марта 1994 г. в Вашингтоне в присутствии президента США Б. Клинтона прошла торжественная церемония подписания договора о создании Мусульманско-хорватской федерации на территории БиГ. Официальное название нового государственного образования – Федерация Боснии и Герцеговины (ФБиГ). В подписанном документе отмечалось: «Сегодня мы подтверждаем предложенную конституцию Федерации Боснии и Герцеговины, а также предварительный договор о будущем экономическом и военном сотрудничестве между Федерацией и Республикой Хорватией. Эти договоры означают нашу совместную решимость достичь мира в Боснии и Герцеговине и во всем нашем

регионе... Боснийская и хорватская делегации подтверждают свою решимость предложить данный проект Конституции учредительной Скупшине, как основу для федерации, которая будет гарантировать полное национальное равноправие, демократические отношения, самый высокий уровень соблюдения свобод и прав человека»⁹⁵.

Результатами первых договоренностей было создание совместной делегации на переговорах с сербами, просьба к ЕС об организации международного управления в Мостаре. Согласно предложенной Конституции, «бошняки (так стали официально именовать боснийских мусульман) и хорваты», используя свои суверенные права, «преобразуют внутренние территории с большинством бошняцкого или хорватского населения в Республике Боснии и Герцеговине в Федерацию, которая состоит из федеральных единиц с едиными правами и ответственностью»⁹⁶.

Нонсенсом было то, что внутри *de jure* суверенного государства на части его территории создавалась федерация с неопределенными отношениями с теми территориями, которые не хотели входить в Федерацию. Создание нового государственного образования на территории унитарного государства являлось началом «тихого» разделения БиГ на части под патронатом США. Следующей фазой урегулирования в БиГ должны были быть переговоры о присоединении к Федерации Республики Сербской.

Боснийские сербы спокойно восприняли создание Федерации. В РС были даже убеждены, что Европа и Америка создали Федерацию, чтобы помешать проникновению ислама в Европу. Министр иностранных дел РС А. Буха пытался найти выгоду для РС в сложившейся ситуации: «Мы исходили из факта, что вашингтонскими бумагами создано новое государство на территории бывшей БиГ. Тем самым и формально-юридически перестала существовать фикция, называемая Республикой Босния и Герцеговина. Если же мы будем вынуждены остаться в союзе с тем новым государством, то только как суверенное независимое государство на основе договора об Унии»⁹⁷.

После трудных пятидневных переговоров в Вене мусульмане и хорваты наконец 11 мая 1994 г. договорились, что их федерация охватит 58 % территории БиГ и будет состоять из восьми кантонов. И хотя мусульмане и хорваты контролировали в то время лишь 30 % территорий, они рассчитывали расширить свои территории до обозначенных пределов, благодаря помощи международных организаций или «другими средствами»⁹⁸. Договором не определялись границы будущей федерации, не разъяснялись причины и последствия мусульманско-хорватских столкновений.

С начала подписания договора многие считали его ни чем иным, как браком по принуждению и результатом американской политики силы. Фактически, договор оставлял много проблем открытыми, а взаимодействия субъектов неясными. Чей статус выше – Республики Боснии и Герцеговины или Федерации? Почему мусульман и хорватов на переговорах теперь будет представлять Федерация, то есть часть Республики Босния и Герцеговина, а не она сама? Если переговорный процесс продолжит команда Федерации, то почему ее возглавляет президент Боснии и Герцеговины, а не федерации? Если возможны конфедеративные отношения с Хорватией, то чей международный статус выше: конфедерации или Федерации? Возможно ли создание самостоятельной территории в БиГ с большинством сербского населения? И так далее, так далее.

Мусульмане полагали, что наибольшая опасность для них состоит в том, что новое образование построено на отрицании прежней конституции БиГ. Хорваты опасались, что кантоны начнут образовывать не по национальному признаку, что присоединение к Хорватии не осуществится. Они выступали за создание чисто хорватских кантонов, так

как «не хотели нового братства и единства»⁹⁹. Представители миротворческих сил навивно полагали, что важно заставить функционировать экономику федерации, что надо начать вкладывать деньги в эти территории, тогда и сербам захочется присоединиться к ней¹⁰⁰⁵.

США с самого начала хотели, чтобы федерацию возглавлял хорват. 30 мая в мусульманской части Сараева состоялась учредительная скупщина ФБиГ, на которой были избраны президент Федерации (хорват Крешимир Зубак), его заместитель (мусульманин Эюп Ганич) и премьер-министр (мусульманин Харис Силайджич). Их полномочия распространялись лишь на переходный полугодовой период. Закончиться этот период должен был проведением демократических выборов в органы власти федерации.

В начале мая 1994 г. президенты Хорватии и БиГ обменялись письмами, упрекая друг друга в невыполнении соглашения, и предлагали провести официальные встречи для урегулирования нерешенных вопросов. 14 июня Ф. Туджман посетил с официальным визитом Сараево и открыл посольство Хорватии в БиГ. В разговоре с А. Изетбеговичем он обсуждал совместное заявление, которое включало четыре пункта: либерализация проезда через Хорватию жителей БиГ, а также транзита товаров, возвращение беженцев, восстановление дорог, железнодорожных путей, телекоммуникационных связей, особенно на линии Тузла – Мостар – Сараево – Зеница – Тузла, обеспечение специального доступа к порту Плоче на адриатическом побережье для мусульманского правительства и боснийских представителей.

Мусульмане остались недовольны посещением президента Хорватии. Сараевская печать оценила визит как «провокацию и усиление герцеговинской (т.е. хорватской) струи». Ф. Туджману ставили в особую вину то, что на пресс-конференции на сараевском аэродроме, говоря о Западной Герцеговине, он употребил термин «Южная Хорватия»¹⁰¹.

Далее подписания формальных актов дело функционирования Федерации не продвигалось. Вся последующая история Мусульманско-хорватской федерации – это история совмещения несовместимого, преодоления и одной, и другой сторонами тех условий договора, которые они считали невыгодными для себя, борьбы за лидерство при желании отстоять свою национальную обособленность. Член Президентского совета Хорватской республики Герцег-Босны Милэ Акмаджич говорил, что будущую ФБиГ на просторах бывшей БиГ «из-за торопливости нельзя будет построить в атмосфере любви». Некоторый вид союза может образоваться только в том случае, если кто-то третий нападет на будущую Федерацию¹⁰².

В Федерации не решались вопросы кадров, определения границ кантонов и разработки соответствующих карт, формирования совместной армии. Иногда мусульманские военные пытались силой начать объединение армий, но встречали серьезное сопротивление хорватов, которое приводило даже к перестрелке¹⁰³. По мнению самих военных (июль 1994 г.), «армии федерации не существует. Есть самостоятельные Армия БиГ и Хорватское вече обороны»¹⁰⁴. Через месяц после подписания договора командующий Армией БиГ Р. Делич обвинил ХВО в том, что хорватские солдаты оставляют позиции, уходят с линии фронта¹⁰⁵.

В тюрьмах оставались пленные обеих сторон, в выступлениях лидеров то и дело проскальзывали сомнения в правильности раздела республики, в нарушении договоренностей, в правомерности кантонального устройства¹⁰⁶. А хорватский представитель в Президиуме БиГ С. Ключич заявил немецкому информационному агентству, что хорватский президент не намерен выполнять условия договора. «Туджман изменил свою

позицию под огромным нажимом США, но он продолжает и дальше выступать за разделение Боснии», – подчеркнул С. Ключич¹⁰⁷. Ф. Туджман и А. Изетбегович обменивались «открытыми письмами», призывая друг друга к выполнению подписанных соглашений. Серьезные разногласия проявились и в переговорах о статусе Мостара.

Мусульманский журнал «Лилян» писал в августе, что «федерация хорватов и хорватов хорошо функционирует только на бумаге. А на деле все обстоит совсем иначе. Нет свободы передвижения, отсутствует возможность вернуться в свои дома там, где власть принадлежит ХВО»¹⁰⁸. А. Изетбегович даже обратился через журналистов к Ф. Туджману и Б. Клинтону с вопросом, серьезно ли они подумали, когда решили подписать договор о федерации¹⁰⁹. Противоположную точку зрения отстаивало руководство Западной Боснии: «Все чаще происходят инциденты и провокации в ущерб армии ХВО. В этих планах решающая роль принадлежит экстремистским силам в рядах руководства Партии демократического действия, а также военного руководства армии Боснии и Герцеговины»¹¹⁰. А президент ФБиГ К. Зубак обратил внимание на то, что мусульмане считают свою республику иерархически выше федерации, что приводит к ущемлению прав хорватов¹¹¹. Наученные горьким историческим опытом, подчеркивал Дарио Кордич, председатель ХДС в БиГ, хорваты хотят твердо знать, «что в кантонах, федерации, конфедерации принадлежит им, а что – мусульманам»¹¹².

1 сентября 1994 г. в Мостар прибыла первая группа международных полицейских, которая должна была вместе с местной полицией навести порядок в городе, где царила атмосфера неприязни, постоянных стычек и провокаций. И мусульмане, и хорваты открывали в городе огонь, не пропускали на свою территорию ни людей, ни технику. По мнению многих наблюдателей, ФБиГ должна была взорваться, прежде всего, в Мостаре.

Вопрос о функционировании Федерации всегда вызывал сомнения у исследователей и был весьма труден для политиков. Выступая на Генеральной ассамблее ООН 1 октября 1994 г., А. Изетбегович ни словом не обмолвился о Федерации, которая формально уже полгода существовала в БиГ. Руководители Федерации не стали политически значимыми фигурами. На переговорном процессе Боснию и Герцеговину, а вернее боснийских мусульман, по-прежнему представлял А. Изетбегович, а хорватов – Ф. Туджман. Не были выполнены договоренности о проведении выборов в местные органы власти, организации хозяйства, репатриации сотен тысяч беженцев и насильственных переселенцев. В январе 1995 г. Вена даже настаивала на создании международной комиссии Евросоюза по преодолению препятствий в функционировании ФБиГ.

Между мусульманами и хорватами продолжались стычки на многих фронтах, не прекращался и поток беженцев. Спасаясь от мусульманского террора, только в сентябре 1994 г. более 1000 хорватских беженцев оставили район Зеницы¹¹³. Эти и многие другие факты разногласий в федерации настраивали хорватов против этого искусственного объединения. Согласно опросу загребского «Глобуса», 47,2 % хорватов Хорватии выступали против конфедерации с БиГ¹¹⁴. В свою очередь командующий седьмого корпуса мусульманской армии М. Алагич обвинил хорватов в нападении на мусульманские позиции около Бугойно и в отказе участвовать в совместных боевых действиях против сербов. «Все наши договоры с хорватской стороной заканчивались неудачно, и если так будет и дальше, то мы не сможем начать занимать территории, которые находятся под сербским контролем, так как за нашей спиной будут находиться враждебно настроенные силы ХВО», – подчеркивал он¹¹⁵. Сараевские газеты обвиняли хорватов в том, что

они спят, пока мусульмане воюют, и пытаются любыми способами избежать боевых действий¹¹⁶.

И все же создание Федерации БиГ значительно изменило стратегическую ситуацию. Ясуши Акаши писал в Нью-Йорк, что в связи с поддержкой ХВО правительственных сил, «военная ситуация в Боснии и Герцеговине в основном стабилизировалась, благодаря достижению баланса сил в наиболее напряженных районах»¹¹⁷. Мусульманская армия была намерена использовать обстановку для активизации военных действий против сербов. СООНО сообщали в марте 1994 г., что мусульманская армия, закрепив перемирие с ХВО, активизировала свое наступление в следующих направлениях: Бугойно – Горни-Вакуф, Жепче – Завидовичи – Маглай, Добой – Градачац. Напряжение возрастало также на направлениях Горажде – Сребреница, Олово.

Особенно осложнилась ситуация вокруг Горажде. Этот город, объявленный защищенной зоной, стал местом концентрации мусульманских войск. Продолжала производить вооружение фабрика «Победа», снабжавшая мусульман боеприпасами. Для мусульман жизненно важной была задача соединения анклавов Сребреница, Горажде и Жепча с центральной Боснией, а также с Санджаком в Сербии. Отражение непрерывных атак мусульман в направлении Санджака требовало постоянного присутствия значительного количества сербских войск, которые были важны на других участках.

Но для сербов это направление было также стратегическим. «Это для них было стратегическим, жизненно важным вопросом, – вспоминал Д. Оуэн свой разговор с председателем Скупщины РС. Крайшник был неумолим, и складывалось впечатление, что он не расходился с Младичем по этому вопросу»¹¹⁸. 28 марта сербы начали обстрел Сребреницы. В городе сложилась сложная гуманитарная обстановка. Атаки не прекратились даже тогда, когда по сербским позициям ударила авиация НАТО. Лишь 19 апреля под давлением мировой общественности и угрозы новых ударов с воздуха, сербы сели за стол переговоров.

Активное участие в переговорах приняли представители СООНО и лично Я. Акаши. 19 апреля 1994 г. сербы с представителями СООНО подписали Меморандум, в котором в одностороннем порядке объявили о прекращении огня. В рамках предложенного перемирия сербская сторона обязывалась прекратить военные действия в радиусе трех километров от центра города¹¹⁹. Это соглашение было дополнено резолюцией СБ ООН от 21 апреля, в которой сербам был предъявлен ультиматум – вывести войска из трехкилометровой зоны от центра города, а все тяжелое вооружение из двадцатикилометровой зоны поставить под контроль ООН¹²⁰. Последовал ультиматум и от НАТО. Согласно донесениям наблюдателей СООНО, сербы выполнили свои обязательства: тяжелое вооружение было выведено из всех 32 пунктов обследованной зоны. В официальных посреднических кругах окончание кризиса около Горажде назвали «успехом натовского ультиматума».

В апреле 1994 г. началось «весеннее» наступление мусульман, которое стало возможным, благодаря Вашингтонскому договору между мусульманами и хорватами и освобождению части войск с хорватского фронта. Сербы оказались в неприятной ситуации – против них стояли хорватские войска, которые до недавнего времени занимали нейтральную позицию, а иногда выступали совместно с сербами. Мусульманские силы концентрировались на двух приоритетных направлениях – на Добой и Брчко. Командующий мусульманской армией Расим Делич обещал дать решающий бой сербам в районе Посавинского коридора¹²¹. Планировалась и деблокада Сараева. СООНО сообщали в

конце мая, что мусульмане были инициаторами шести, а сербы – трех (незначительных) наступательных операций.

1 октября командующий СООНО в БиГ генерал Майкл Роуз подтвердил, что мусульманские силы начали новое наступление на сербские позиции на южных склонах горы Игман, где находились подразделения «голубых касок», на Белашницу и Трескавицу, возобновили артиллерийские обстрелы Озрена. 6 октября, беспрепятственно пройдя сквозь демилитаризованную зону, охраняемую французским батальоном, мусульманские подразделения напали на сербов и убили 16 бойцов и четыре медсестры. 13 октября мусульманские войска вновь нанесли удар по сербам из этой зоны. Как полагали специалисты, главной целью мусульман было пересечь дорогу Лукавица – Трново, по которой сербским войскам доставлялось продовольствие, топливо и боеприпасы. Представители СООНО предприняли операцию по выдворению 650 мусульманских солдат с Игмана, но оставшиеся 500 контролировали зону в 250 квадратных километров, продолжая обстрелы дорог, транспорта, жилых домов¹²².

Нарушения мусульманскими войсками демилитаризованной зоны на Игмане и Белашнице, а также игнорирование «голубыми касками» нарушений со стороны мусульман вызвали резкие протесты сербской стороны. Командование СООНО признавало законность требований сербов, однако давления на мусульман оказано не было. Сербь сначала придерживались одностороннего прекращения огня, пытаясь урегулировать напряженность политическими средствами, в частности, предлагая провести встречу командующих всех воюющих сторон, но затем прибегли к традиционной методике «давления» на СООНО: ограничивали, «дозировали» доставку гуманитарной помощи в Сараево, обстреливая основную дорогу, по которой проходили колонны автомобилей ООН, задержали доставку топлива, угнали пять грузовиков с медикаментами, блокировали аэродром. Премьер-министр БиГ Х. Силайджич в одном из интервью подчеркнул: мусульмане ожидают, «что НАТО будет действовать в соответствии со своими обязательствами»¹²³.

Генерал Р. Младич в одном из интервью так описывает события второй половины 1994 г.: «Напомню Вам, что мы этим летом в Женеве предлагали прекратить военные действия на год, чтобы создать условия для активизации политического диалога. Однако мусульмане, которых возглавляет Изетбегович, с этим предложением не согласились. После этого мы предложили прекратить огонь на шесть месяцев, затем на четыре месяца. В конце концов, мы договорились заключить перемирие на один месяц. Но мусульмане это перемирие нарушили. Спустя двадцать дней после подписания документа о перемирии они начали военные операции в районе Сараева. По всей вероятности они рассчитывали захваченную в ходе этого наступления территорию превратить в „зону безопасности“, а оставшуюся территорию – то есть Республику Сербскую – в зону, в которой могут действовать силы НАТО. Помимо этого армия Изетбеговича возлагала большие надежды на поддержку авиации НАТО»¹²⁴.

В начале ноября 1994 г. 7-й мусульманский корпус развернул наступление на Купрес, который находился в руках сербов с весны 1992 г. Хорватские войска наступали на город с юга – из Томиславграда и Ливно. Купрес – важный со стратегической точки зрения город, находящийся на пересечении транспортных коммуникаций между Герцеговиной, западной и центральной Боснией. По планам Контактной группы Купрес должен был отойти к ФБиГ (по переписи 1991 г. в Купресе жили 51 % сербов, 39 % хорватов и 7 % мусульман). Именно в это время сербы стремились найти взаимопонимание с хорватами,

подлить масла в огонь мусульманско-хорватских противоречий. Они практически без боя сдали город хорватам. Журналисты тогда часто не могли найти объяснения поворотам в мусульманско-хорватско-сербских отношениях, полагая, что «ситуация в Боснии носит иррациональный, недоступный для понимания нормальных людей характер»¹²⁵. Они допускали, что на предыдущих сербско-хорватских секретных переговорах сербы обещали Купрес хорватам как компенсацию за территории в Посавины недалеко от коридора между западной и восточной частями территории РС.

В ходе эскалации боевых действий в Боснии и Герцеговине войска, верные боснийскому мусульманскому правительству, одержали самые крупные военные победы в этой войне. В районе Бихача мусульмане заняли 250 кв. км территории, которая была под контролем сербов. Военные действия продолжались и в районе Чемерской планины севернее Сараева (которую сербы заняли в августе), и на линии разграничения западнее от Бугойна (мусульмане пробивались к Дони-Вакуфу), на подступах к городу Босанска-Крупа¹²⁶.

После того, как летом 1994 г. сербы отказались подписывать мирный план Контактной группы*, международные организации фактически изолировали руководство Республики Сербской, организовали его международный бойкот, который был нарушен лишь в декабре 1994 г., когда при посредничестве бывшего президента США Дж. Картера был подписан договор о четырехмесячном (с 1 января по 1 мая 1995 г.) перемирии между противоборствовавшими сторонами в Боснии и Герцеговине.

Мусульманская сторона пошла на подписание перемирия, по словам президента БиГ, чтобы реорганизовать армию и дать ей отдохнуть. Мусульмане использовали это перемирие также для серьезной дипломатической и военной подготовки. Э. Ганич в марте 1995 г. был с визитом в Америке, Х. Силайджич – в Китае и Пакистане, И. Любиянкич** – в Греции, А. Изетбегович – в Германии. «Мы хотели, – отмечал А. Изетбегович, – посмотреть, какова позиция международного сообщества в отношении БиГ и попытаться повлиять на нее». Среди средств воздействия на Запад президент Боснии и Герцеговины называл «две палки», с помощью которых они «могут заставить международное сообщество что-либо предпринять». Первой «палкой» он называл «отказ от продления перемирия после 30 апреля», а второй считал требование снятия эмбарго на поставки оружия в БиГ. Дипломатия БиГ заручилась обещанием материальной помощи от США, ЕС, «Клуба поддержки федерации» в сумме 300 млн долл¹²⁷.

А. Изетбегович говорил в то время, что «если сербская сторона не примет мирный план Контактной группы», то мусульманская сторона «не пойдет на продолжение перемирия. Никогда, поскольку это было бы началом постоянной оккупации большей части нашей земли». Руководство БиГ видело шанс быстрой победы в «максимальной поли-

* Контактная группа по урегулированию в Боснии и Герцеговине (КГ) была создана по инициативе американского руководства из представителей США, Германии, Великобритании, Франции и России. Эта группа должна была содействовать установлению контактов (отсюда и название) между противоборствовавшими сторонами, облегчать им поиск мирного урегулирования. Каждая из пяти стран делегировала в группу по одному своему представителю. Первое заседание КГ на уровне министров иностранных дел состоялось 13 мая 1994 г. в Женеве.

** Ирфан Любиянкич – один из основателей ПДД, в 1995 г. председатель Главного комитета ПДД, погиб в июне 1995 г.

тической и военной изоляции Караджича» и в хороших отношениях с хорватами. Мусульмане и хорваты пришли к соглашению о формировании единого военного командования на территории БиГ, разработали план синхронного открытия широкого фронта против армий РС и РСК. Кроме того, была проведена дополнительная мобилизация всех мужчин от 16 до 65 лет¹²⁸.

Армия РС находилась в тот момент в трудном положении. Она пострадала от авиаударов НАТО, все ее тяжелое вооружение находилось под контролем «голубых касок». После отказа от плана Контактной группы произошел разрыв связей с СРЮ, которая установила блокаду с РС. Ситуация усугублялась начавшимися еще в предшествующий год идеологическими разногласиями в руководстве РС, противоречиями между гражданской и военной ветвями власти, а также сложными взаимоотношениями двух центров – Пале и Баня-Луки. В конечном итоге все эти противоречия выстроились по линии С. Милошевич – Р. Караджич. Белград стремился к ослаблению Р. Караджича и его авторитета в Боснии и Герцеговине, поддерживая всех, кто был против него. Открытые симпатии руководства РС (читай – Пале) к этническому движению времен Второй мировой войны также противопоставляли его Белграду, не желавшему отступить от партизанских традиций. Антикоммунистически настроенному руководству РС трудно было найти общий язык с наследниками Союза коммунистов в Сербии.

Армия боснийских сербов, большинство офицеров которой происходило из ЮНА, не всегда одобряла монархические и этнические наклонности политической элиты РС. В феврале 1995 г. политическая напряженность готова была перерасти в кризис. Девять оппозиционных партий РС, среди которых заметное место занимали Социалистическая партия РС и Союз коммунистов – Движение за Югославию, потребовали проведения многопартийных парламентских выборов с тем, чтобы «создать законные органы власти, которые бы смогли ответственно и более удачно решать насущные проблемы своего народа, в первую очередь – окончания войны и установления мира»¹²⁹. В официальном сообщении оппозиции напоминалось, что Скупщина РС была сформирована из состава депутатов-сербов парламента Боснии и Герцеговины три года назад в момент ее распада и начала войны. Президент же был избран не на прямых выборах, а Скупщиной. Однако гражданские власти республики были против проведения выборов в условиях войны.

На юбилейном 50-м заседании Скупщины РС в Сански-Мосте в апреле 1995 г. армия подверглась серьезным обвинениям со стороны некоторых политических и партийных деятелей. Отчет и предложения Главного штаба были встречены в штыки. Армию обвинили во вмешательстве в политические вопросы, в некомпетентности, самодовольстве, в «коммунизме» и даже в подготовке военного переворота. Вопросы укрепления армии, ее социальной защиты, обеспечения всем необходимым так и не были решены. В печати развернулись дискуссии о негативных явлениях в армии и вне ее – о спекуляции, дезертирстве, социальном расслоении, падении мотивации к продолжению войны. По мнению же военных, радио и телевидение повернулись к ним спиной и занялись фактически антиармейской пропагандой¹³⁰.

НАТО в роли «миротворца». В начале 1995 г., как сообщала ООН, именно правительственные силы БиГ развязали военные действия в большинстве безопасных районов и вокруг них (Сараево, Тузла, Бихач). Они использовали защищенные ООН зоны для концентрации своей армии, исключением не было и Сараево. Реакцией сербов

были ответные действия, как отмечалось в отчетах, «часто в несоизмерных масштабах». При этом «запрограммированные» против сербов миротворцы, согласно мандату «на сдерживание нападений на безопасные районы...», реагировали на действия сербов независимо от того, являются ли они реакцией на наступление, предпринятое другой стороной»¹³¹. Правительство БиГ нарушило также соглашения о прекращении снайперской стрельбы и о горе Игман, использовало СООНО в качестве щита для наступательных и провокационных действий, все больше вводило ограничения на передвижение сил миротворцев. Сербь со своей стороны использовали такой рычаг давления на мусульман, как Сараево. Они закрыли дороги в аэропорт, возобновили обстрел города, обстреляли дорогу через гору Игман, ужесточили свой контроль за доступом в районы, удерживаемые мусульманскими войсками, прекратили снабжение города питьевой водой, электроэнергией и газом.

Уже в феврале мусульманское правительство нарушило перемирие в районе города Круп-на-Уни, прорвав сербские позиции и нанеся существенные потери сербским войскам, а во второй половине марта ожесточенные сражения начались на трех фронтах – в районах Тузлы, Травника и в Посавинском коридоре. Продолжая нарушать перемирие, мусульманские подразделения атаковали 22 марта сербские позиции, действуя из зоны под защитой ООН в Горажде. «Тотальная война – единственная альтернатива неукладу международных мирных планов для бывшей Боснии и Герцеговины», – говорил премьер-министр мусульманского правительства Харис Силайджич¹³².

Весеннее наступление 1995 г. мусульманская армия тщательно планировала. Проводились учения, закупалось оружие, передислоцировались войска согласно намеченному плану наступления. При действующем международном эмбарго на поставки оружия американские самолеты типа С-130 («Геркулес») доставляли на аэродром Тузлы вооружение и полевую технику из мусульманских стран и Западной Европы. В городах Веш, Високо, Горажде срочным порядком возводились взлетно-посадочные полосы для тяжелых самолетов. Американские и немецкие инструкторы обучали солдат, помогали в разработке тактических планов. Хорватское и мусульманское командование отработывали планы совместного участия против сербов в Боснии и Хорватии. В частности, один из пунктов плана предполагал активизацию военных действий на границе РС, с тем, чтобы облегчить хорватским войскам нанесение молниеносного удара по территории РСК.

27 марта Р. Караджич направил письмо Генеральному секретарю ООН, президентам США, Франции, Великобритании и России, в котором просил их, используя свой авторитет, остановить мусульманское наступление на Республику Сербскую.

В результате стремительного наступления правительственные войска захватили стратегически важную горную вершину Трескавица в 30 км к югу от Сараева и несколько близлежащих деревень. Сербам все труднее было удерживать линию фронта: не хватало оружия и живой силы. Хорваты помогали мусульманам пробить кольцо вокруг Сараева, наступая с запада, от Киселяка. По словам генерала ХВО В. Лучича, на сараевском фронте сражались 30 тыс. мусульманских и шесть тыс. хорватских солдат против 12–15 тыс. сербских¹³³.

В конце июня 1995 г. французская газета «Монд» опубликовала материал своего сараевского корреспондента о боснийской армии. Он писал, что боснийская армия повзрослела и возмужала, произошло военное укрепление федерации, несмотря на ее политическую слабость. Во многом организационному становлению армии способствовали

американские советники – отставные генералы Джон Гэлвин (в 1994 г.) и Джон Сьюэл (в 1995 г.), которые помогли созданию объединенного штаба. Мир боснийцев с хорватами позволил доставлять через Хорватию военное снаряжение, армия поняла необходимость штабной работы и строевой подготовки в сотрудничестве с ХВО. Наступления стали вестись исключительно грамотно, солдаты обрели профессиональные навыки¹³⁴.

Во второй половине 1995 г., по словам Б. Бутроса-Гали, в Боснии и Герцеговине «отмечался беспрецедентный уровень военной активности, включая наступления, предпринимавшиеся всеми сторонами и приведшие к крупным потокам беженцев и перемещенных лиц»¹³⁵. Очевидной была решимость сторон добиться военного решения конфликта после истечения срока соглашения о прекращении военных действий, заключенных в декабре 1994 г. 6 июля 1995 г. сербы начали крупномасштабное наступление на Сребреницу.

Операция, которую осуществила армия РС, была связана, прежде всего, с обеспечением безопасности сербского населения. Была поставлена цель потеснить мусульманские войска в город и не дать им возможность осуществлять вылазки в сербские районы¹³⁶. 25 июля сербы заняли Жепу. Собравшиеся 21 июля в Лондоне члены Контактной группы, представители НАТО и войск СООНО предупредили сербов, что им «будет дан решительный отпор, включая нанесение ударов авиацией НАТО»¹³⁷.

2 августа 1995 г. президент РС Р. Караджич принял решение о переименовании Главного штаба Армии РС в Генеральный штаб, который передавался в подчинение верховному главнокомандующему (президенту) в условиях военного времени или непосредственно военной опасности. Р. Младич фактически был смещен с должности, и ему была предложена новая – специального советника Верховного главнокомандующего по координации совместной обороны РСК и РС. В армии такое решение было воспринято как предательство интересов республики, стремление дискредитировать армию и посорить ее с народом. Сам Р. Младич отказался уйти с должности командующего.

В августе–сентябре 1995 г. НАТО провела операцию по уничтожению сербских военных объектов, центров связи, систем ПВО. Были уничтожены телекоммуникационные системы радио и телевидения, резервуары воды, сельскохозяйственные фермы, больницы, дома для беженцев, мосты, высоковольтные линии передач и др. Бомбардировка авиации НАТО внесла решающий вклад в изменение соотношения сил в войне и сопровождалась успешным наступлением мусульманско-хорватских сил в западной части страны. Ситуация на фронтах начала меняться с молниеносной быстротой. Лишенные связи, сербские военные подразделения были дезориентированы и двоевластием – «двойным» командованием в отдельных подразделениях в результате попыток заменить военное руководство, которое официально считалось смещенным.

За неделю, начиная с 10 сентября, мусульмане заняли большую часть Озренского выступа, а хорваты продвинулись на значительное расстояние в юго-западной части страны, захватив и районы, в которых традиционно проживали сербы. Были заняты Яйце, Мркониц-Град, Рибник, Шипово¹³⁸. По убеждению западных аналитиков, именно авиаудары заставили сербов сесть за стол переговоров. 12 октября было подписано соглашение о прекращении огня, но бои еще велись в районе Приедора. Толпы сербских беженцев, покинув город, двинулись в сторону Баня-Луки. Мусульманские и хорватские войска продолжали обстреливать из артиллерийских орудий и минометов сербские боевые порядки и гражданские объекты южнее Баня-Луки. Мусульманская армия захватила Сански-Мост.

Однако фактически война в Боснии и Герцеговине была закончена. Она принесла стране огромные разорения и жертвы среди гражданского населения. За годы войны погибли 100 тыс. человек, из которых 90 % – мирные жители. От 2,5 до 3 млн человек покинули свои жилища: 800 тыс. сербов из Западной Герцеговины, Центральной и Западной Боснии, 800 тыс. мусульман из Восточной Герцеговины, Краины и Восточной Боснии, около 500 тыс. хорватов из Центральной Боснии¹³⁹.

Окончательный итог войне был подведен после переговоров в Дейтоне в штате Огайо на базе военно-воздушных сил США. Они проходили с 1 по 21 ноября 1995 г. Хорватскую делегацию возглавлял Ф. Туджман, делегацию Боснии и Герцеговины – А. Изетбегович. В состав югославской делегации во главе с С. Милошевичем (имевшим право решающего голоса) входили представители Республики Сербской – М. Краишник, Н. Колевич, А. Буха.

Пакет договоренностей можно подразделить на три составные части: карты разделения Боснии и Герцеговины, военные аспекты урегулирования, которые были призваны обеспечить развод конфликтующих сторон, прекращение враждебных действий и размещение войск НАТО в БиГ, а также гражданские вопросы государственного строительства, восстановления экономики, решения гуманитарных вопросов.

21 ноября были подписаны документы, вошедшие в историю как Дейтонские соглашения по БиГ. Они включают в себя 20 отдельных документов, 19 из которых являются приложениями к небольшому документу обобщающего характера под названием «Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине».

Согласно ст. I «Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине», Республика Босния и Герцеговина, Республика Хорватия и Союзная Республика Югославия («Стороны») отныне «строят свои отношения в соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций, а также Хельсинкского Заключительного акта и других документов Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе».

Стороны берут на себя обязательства полностью соблюдать подписанные соглашения, содействовать их выполнению. Союзная Республика Югославия и Республика Босния и Герцеговина признали друг друга в качестве суверенных независимых государств в рамках своих международных границ».

Военные аспекты мирного урегулирования являлись приоритетной темой переговоров и в соответствующем Соглашении Стороны обязались прекратить боевые действия и скорее восстановить нормальные условия жизни в Боснии и Герцеговине. На первом месте в Соглашении было согласие Сторон с посылкой в регион «сроком примерно на один год сил для оказания помощи в осуществлении территориальных и других связанных с военными аспектами положений соглашения»¹⁴⁰.

Гражданские вопросы урегулирования занимали достаточно большой блок документов. Основным была предложенная сторонам Конституция, которая решала будущее Боснии и Герцеговины достаточно оригинальным способом. Создавалось единое государство, не федерация, не конфедерация, но состоящее из двух частей, названных странным словом «образования». Текст Конституции стороны не могли обсуждать, а должны были принять как окончательное решение.

Предлагавшаяся Конституция изменяла структуру государства. Определялось, что Босния и Герцеговина состоит из двух образований – Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской. Неопределенными были многие отношения как между этими частями, так и в государстве. Так, в едином государстве, никто не должен «препятство-

вать полной свободе передвижения людей, товаров, услуг и капитала на всей территории Боснии и Герцеговины. Ни одно из образований не должно устанавливать контроль на границе между образованиями¹⁴¹. Но, например, паспорта гражданам образования выдают отдельно.

К компетенции Боснии и Герцеговины были отнесены: внешняя политика, политика в области внешней торговли, таможенная политика, денежно-кредитная политика, финансирование институтов и международных обязательств Боснии и Герцеговины, политика в области иммиграции, беженцев и убежища, обеспечение соблюдения уголовного законодательства на международном уровне и на уровне образований, включая отношения с Интерполом, создание и эксплуатация общих и международных средств связи, регулирование транспортного сообщения между образованиями, управление движением воздушного транспорта.

Конституция определяла создание следующих институтов власти: парламента, названного Парламентской ассамблеей и состоящего из двух палат – Палаты народов и Палаты представителей, Президиума Боснии и Герцеговины, Совета министров, Постоянного комитета по военным вопросам «для координации деятельности вооруженных сил в Боснии и Герцеговине», Конституционного суда. Во всех этих органах, кроме последнего, мусульмане и хорваты представлены двумя третями, а сербы – одной третью.

20 декабря 1995 г. произошла официальная передача функций СООНО войскам НАТО в БиГ. С декабря 1995 г. контингент миротворцев в Боснии и Герцеговине стал называться Миссией ООН в Боснии и Герцеговине (МООНБГ). В рамках этой операции СБ учредил 21 декабря Специальные международные полицейские силы ООН и гражданский офис ООН сроком на один год с возможным продлением мандата, призванные способствовать осуществлению Дейтонского соглашения¹⁴².

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Валев Э.Б. Югославский клубок // География. М., 1996. Февраль. № 7. С. 9.
- 2 Ралич П. Кто есть кто в Боснии и Герцеговине. Белград, 1992. С. 3.
- 3 Там же. С. 4.
- 4 Бибикова О.П. Ислам в Боснии // Независимая газета. М., 1996. 7 февр. С. 5.
- 5 Мартынова М.Ю. Этнические аспекты современного балканского кризиса: Дис. на соиск. степ. д-ра истор. наук. М., 1996. С. 40.
- 6 Риян Л. Босния: «Мультиэтнический» миф // Сербия. Белград, 1996. № 28. С. 54.
- 7 Krajišnik M. Intervju: O radu Skupštine bivše BiH // Oslobođenje. Sarajevo, 1995. 6 jan. S. 10.
- 8 Rat се преноси на Босну // Борба. Београд, 1991. 12 септ. С. 6.
- 9 Конституисана Скупштина српског народа у БиХ // Politika. Београд, 1991. 26 окт. С. 1.
- 10 Kovačević S., Dajić P. Hronologija jugoslovenske krize 1942–1993. Beograd, 1994. S. 52; Strogo kontrolisana iznenađenja // Borba. Beograd, 1994. 25 avg. S. 13.
- 11 Bulatović Lj. General Mladić. Beograd, 1996. S. 48–49.
- 12 Цит по: Bulatović L. General Mladić. S. 61.
- 13 Izetbegović A. Govori, pisma, intervju' 95.' Sarajevo, 1996.' S. 54.
- 14 Jović B. Posledni dani SFRJ: Izvodi iz dnevnika. Beograd, 1995. S. 274.
- 15 Gajić-Glišić D. Srpska vojska: Iz kabineta ministra vojnog. Beograd, 1992. С. 260.
- 16 Там же. С. 262–264.

- 17 *Marić M.* JNA nije nikoga ugrozila // *Borba*. Beograd, 1992. 28/29 mart. S. 3.
- 18 *Habuš E.* Ljiljani polomili PAM // *Oslobođenje*. Sarajevo, 1994. 15/24 apr. S. 11.
- 19 *Staničić S.* Luis Mekenzi, general COOHO koji je morao da ode // *Politika*. Beograd, 1993. 27 apr. S. 21.
- 20 *Крајишник М.* Интервју...//Интервју. Београд, 1994. 19 авг. № 342. С. 15.
- 21 *Sarajevski dnevnik generala Mekenzija* // *Javnost*. Sarajevo, 1994. 29 okt. № 190. S. 34
- 22 *Salihbegović A.* Drugo priznanje Bosne // *Ljiljan*. Sarajevo; Ljubljana, 1994. 15 juni. S. 7.
- 23 *Бильдт К.* Стала ли Боснија уроком за Европу?: Выводы для европейской внешней политики // *Intern. politik. M.*, 1997. № 7. С. 8.
- 24 *Sarajevski dnevnik generala Mekenzija*. S. 35.
- 25 *Kovačević S., Dajić P.* Hronologija jugoslovenske krize 1942–1993. Beograd. S. 60.
- 26 *Ibid.* S. 61.
- 27 *Караджич Р.* Интервју // *Московские новости*. 1993. 5 сент. № 36. С. 11А.
- 28 Документ ООН. S/1994/465. С. 46.
- 29 То же. S/23836. С. 5.
- 30 *Kovačević S., Dajić P.* Hronologija jugoslovenske krize 1942–1993. S. 68.
- 31 *Bodansky Y., Forrest V.S.* Iran's European springboard? Task force on terrorism & unconventional warfare. 20 p.
- 32 *Бодсон Ж.* Нови светски поредак и Југославија. Београд, 1996. С. 171–172.
- 33 Очување вишенационалне БиН // *Borba*. Beograd, 1994. 15 avg. S. 2.
- 34 *Којовић В.* Крвава кошуља сарајевска. Београд, 1995. 235 с.; *Вучковић Р.* Збогом, Сарајево. Београд, 1994. 299 с.; *Рат у Босни: Како је почело.* Бања Лука, 1993. 163 с.
- 35 From Biljana Plavšić to UNPROFOR, 18 July, 1992 // Документ СООНО. Рукопись.
- 36 From Biljana Plavšić to UNPROFOR, 11 July, 1992 // Документ СООНО. Рукопись.
- 37 Југославија в огне: Документи, факти, коментарији (1990–1992). М, 1992. С. 152–153.
- 38 СРНА. Сарајево, 1994. 9 март.
- 39 Архиепископ Сарајево призвао способствовати достиженију мира в бывшей Югославии // ИТАР-ТАСС. Серия „СЕ“. М., 1995. 16 мая. С. 3–4.
- 40 Objavljeni prvi sudski dosije o stradanju sarajevskih srba // *Politika*. Beograd, 1997. 16 nov. S. 16.
- 41 *Jović-Slavuj S.* Stradanje sarajevskih Srba // *Oslobođenje*. Sarajevo, 1997. 29/30 nov. S. 19.
- 42 Лична карта српског Сарајева // *Ослобођење*. Сарајево, 1995. 6 јан. С. 99.
- 43 Парламентарни живот у Републици Српској // *Ослобођење*. Сарајево, 1995. 6 јан. С. 20.
- 44 *Šaćirbegović M.* Intervju... // *Svijet*. Ljubljana, 1996. 15 febr. N 3. S. 18.
- 45 *Abdić F.* Prava istina o Bosni i Hercegovini // *Zapadna Bosna*. Zagreb, 1994. 22 jul. S. 17.
- 46 *Ibid.*
- 47 Документ СООНО.
- 48 Bilten vesti. Moskva, 1995. 26 jul. С. 3.
- 49 Документ СООНО.
- 50 *Kovačević S., Dajić P.* Hronologija jugoslovenske krize 1942–1993. S. 84.
- 51 *Карнов М.* «Аллах акбар» // *Независимая газета*. М., 1994. 23 февр. С. 4.
- 52 *Marković M.* Mudžahetdina – ima, ima! // *Javnost*. Sarajevo, 1994. 5 mart. № 156. S. 12.
- 53 From De Lapresle to Annan, 7 Sept, 1994. Документ СООНО. Рукопись.
- 54 Bilten vesti. Moskva, 1993. 16 dec. S. 3.
- 55 *Oven D.* Balkanska odiseja. Beograd, 1996. S. 71.
- 56 Nukleus manevarske vojske // *Javnost*. Sarajevo, 1994. 24 dec. № 193. S. 14–17.
- 57 *Silajdžić H.* Intervju... // *Oslobođenje*. Sarajevo, 1994. 6/23 jun. S. 3.

- 58 Nukleus manevarske vojske // Javnost. Sarajevo, 1994. 24 dec. № 193. S. 16.
- 59 Документ ООН. S/24795. С. 13.
- 60 То же. S/23900. С. 3.
- 61 *Байндер Д.* Ратко Младич – командир боснийских сербов // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. М., 1994. 15 сент. № 142. С. 52–53.
- 62 Там же. С. 52.
- 63 Голгота српског Мостара // Православље [б.м.], 1994. Септ. 4 с.
- 64 *Bulatović Lj.* General Mladić. Beograd, 1996. S. 241.
- 65 Документ ООН. S/23900. С. 3.
- 66 Международный комитет Красного Креста: Итоги 1992 г. // ИТАР-ТАСС. Серия «СЕ». М., 1993. 21 февр. С. 30–31.
- 67 Uslovi za pregovaranje // Dnevnik. Novi Sad. 1992. 5 mart. S. 2.
- 68 Документ ООН. S/24100. С. 2.
- 69 *Oven D.* Balkanska odiseja. S. 75.
- 70 Deklaracija o zavrtetku rata // СРНА. Београд, 1992. 17 дец.
- 71 Конференција за штампу председника РС // Политика. Београд, 1993. 23 фебр. С. 8.
- 72 *Oven D.* Balkanska odiseja. S. 86.
- 73 Писмо Ђосића Бутросу Галију // Политика. Београд, 1992. 12 нов. С. 1.
- 74 Присуство војске Републике Хрватске на територији Босне и Херцеговине // Политика. Београд, 1993. 20 фебр. С. 8.
- 75 Там же.
- 76 Документ ООН. S/25700. С. 1, 4.
- 77 Там же. С. 1.
- 78 Документ ООН. S/26066. С. 2.
- 79 То же. S/25700. С. 2.
- 80 По сообщениям Верховного комиссара ООН по делам беженцев, когда в Сребреницу вошли миротворцы, мусульманские власти не разрешили эвакуацию из города женщин и детей, поскольку полагали, что сербы не будут наступать на город, если там будут находиться женщины и дети, т.е. фактически оставляли их в заложниках (То же. S/25519).
- 81 Документ ООН. S/25700. С. 2.
- 82 *Кондрашов А.* Об обстановке в Сребренице и вокруг нее // ИТАР-ТАСС. Серия «СЕ». М., 1993. 7 апр. С. 9.
- 83 Документ ООН. S/25659.
- 84 Радио Ватикана о боснийских мусульманах // ИТАР-ТАСС. Серия «СЕ». М., 1993. 14 мая. С. 12.
- 85 *Kovačević S., Dajić P.* Hronologija jugoslovenske krize 1942–1993. S. 213.
- 86 Nukleus manevarske vojske // Javnost. Sarajevo, 1994. 24 dec. № 193. S. 17.
- 87 *Bulatović Lj.* General Mladić. Beograd, 1996. S. 210.
- 88 *Изетбегович А.* Интервью газете «Монд» // ИТАР-ТАСС. Серия «СЕ». М., 1993. 21 июня. С. 18–19.
- 89 *Риян Л.* Босния: «Мультиэтнический» миф. С. 54–58.
- 90 Документ ООН. S/26260. С. 2.
- 91 То же. S/26342.
- 92 *Фадеев Е.* А мира в Боснии все нет // Правда. 1994. 27 мая. С. 3.
- 93 СРНА. Сарајево, 1994. 16 апр.
- 94 СРНА. Сарајево, 1994. 16 мај.

- 95 Документ СООНО.
- 96 Ustav Federacije Bosne i Hercegovine // Ljiljan. Sarajevo; Ljubljana, 1994. 30 mart. S. 20.
- 97 Буха А. Интервју...// Javnost. Сарајево; Београд. 1994. 2 септ. № 182. С. 11–13.
- 98 Ракић Ж. Окончани преговори у Бечу // Политика. Београд, 1994.12 мај. С. 1, 7.
- 99 СРНА. Сарајево, 1994. 1 окт.
- 100 Документ СООНО.
- 101 СРНА. Сарајево, 1994. 16 јун.
- 102 То же. 18 мај.
- 103 То же. 17 апр.
- 104 Roso A. Intervju...// Posavski glasnik. Orašje, 1994. 14 srpanj. S. 4.
- 105 СРНА. Сарајево, 1994. 14 апр.
- 106 Niski udarci Federaciji BiH // Slobodna Dalmacija. Split, 1994. 11 travanj. S. 40.
- 107 Кљуић С. Туђман неће испунити вашингтонски договор // Политика. Београд, 1994. 14 апр. С. 4.
- 108 Ratkušić E. Hoćemo u Stolac, nećemo u Evropu // Ljiljan. Sarajevo; Ljubljana, 1994. 17 avg. S. 17.
- 109 Документ СООНО.
- 110 Hodžić Š. Izetbegović je izjavio: Armija BiH spržit će i Herceg-Bosna! // Zapadna Bosna. Zagreb, 1994. 26 kolovoz. S. 6.
- 111 СРНА. Сарајево, 1994. 4 септ.
- 112 Кордић Д. Зашто Изетбеговић у Њујорку није споменуо федерацију // Там же. 1994. 3 окт. С. 7.
- 113 СРНА. Сарајево, 1994. 22 септ.
- 114 Globusovo istraživanje // Globus. Zagreb, 1994. 23 rujan. S. 8.
- 115 СРНА. Сарајево, 1994. 25 септ.
- 116 Resulović I. 100 dana Federacije // Sarajevo TIMES. Sarajevo, 1994. Sept./Rujan. N 2. S. 4.
- 117 From Akashi to Annan, 31 May, 1994. // Документ СООНО. Рукопись.
- 118 Oven D. Balkanska odiseja. S. 304.
- 119 Memorandum of understanding on the temporary arrangements for the town of Gorazde. 19 April 1994. Документ СООНО. Рукопись.
- 120 Документ ООН.S/1994/465.
- 121 Сысоев Г. Мусульмане провоцируют сербов в Боснии, надеясь поставить их под удар НАТО // Известия. М., 1994. 6 мая. С. 3.
- 122 Иванов И. Мусульманские войска вновь напали на боснийских сербов в демилитаризованной зоне на Игмане // ИТАР-ТАСС. Серия «СЕ». М., 1993. 26 окт. С. 8.
- 123 Цит. по: Рейтер о положении в Боснии // ИТАР-ТАСС. Серия «СЕ». М., 1994. 21 окт. С. 8.
- 124 Bulatović Lj. General Mladić. S. 209.
- 125 Кондрашов А. Что стоит за эскалацией боевых действий в Боснии? // ИТАР-ТАСС. Серия «СЕ». М., 1994. 8 нов. С. 5.
- 126 СРНА. Сарајево, 1994. 6 нов.
- 127 Izetbegović A. Govori, pisma, intervju' 95. S. 36–40.
- 128 Ibid. S. 35, 42, 50
- 129 Иванов И. Оппозиционные партии Сербской Республики потребовали проведения парламентских выборов // ИТАР-ТАСС. Серия «СЕ». М., 1995. 13 февр. С. 6.
- 130 Milutinović M. Vojska Republike Srpske između politike i rata. Sremska Mitrovica, 1997. S. 173, 198.
- 131 Документ ООН. S/1995/444. С. 12, 14.

132 СРНА. Сарајево, 1995. 22 март.

133 Bilten vesti. Moskva, 1995. 21 jun. S. 5.

134 «Монд» о «Боснийской» армии // ИТАР-ТАСС. Вести Европы. М., 1994. 29 июня. С. 3–5.

135 Документ ООН. S/1995/444. С. 4

136 Сегодня Сребреница стала синонимом геноцида мусульманского населения, якобы совершенного сербскими военными около села Пилица в июле 1995 г. Манипуляция числом жертв началась еще тогда, в 1995 г., и в СМИ то и дело появлялись цифры от 8 до 27 тыс. убитых мусульман. При этом о числе жертв всегда говорилось как о предположительных цифрах, поскольку прямых доказательств не было. И никто не проводил глубокое исследование этой трагедии. Мусульманскую версию жертв никто не старается проверить, все принимают ее как аксиому. Однако данные о числе жертв не подтверждаются фактами, картина случившегося в июле 1995 г. остается неясной, сведения – противоречивыми, а многие обвинения – надуманными. Двигаясь в сторону города, сербская армия прошла через 43 мусульманских села, и в них не было совершено ни одного убийства. Международная группа ученых провела и опубликовала ряд новых исследований – анализ судебно-медицинских заключений экспертов Гаагского Трибунала, демографический анализ населения Сребреницы, проверила списки захоронения мусульман на территории мемориального центра в Сребренице, проанализировала признательные показания единственного свидетеля, участвовавшего в расстреле, по его словам, 1200 человек. Ученые разных стран – юристы, историки, патологоанатомы, демографы и исследователи других специальностей анализируют существующие данные, выявляют противоречия в официальной версии, применяют новую методику исследований числа жертв, все события ставят в исторический контекст, открывают новые аспекты событий, меняющие общую картину случившегося. Еще живы свидетели и участники тех событий, начали говорить голландские миротворцы, существуют неопубликованные дневники участников-мусульман, появляются исследования ученых, в том числе и на Западе. Это позволяет по иному трактовать проблему Сребреницы, начать пересмотр официальной версии. Выводы ученых единодушны: речь идет о подтасовке данных и использовании случая Сребреницы в политических целях. См.: Деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии: содержание, результаты, эффективность. Материалы Международной научной конференции (МОСКВА, 22–23 апреля 2009 г.). М.: Институт славяноведения (в 2010 г. работа подготовлена к печати).

137 Документ ООН. S/1995/444. С. 4.

138 Genocid against the serbian population in the municipalities of Mrkonjic Grad, Ribnik and Sipovo in September and October 1995. Belgrade, 1996. 57 s. Рукопись.

139 С.И. Привремени биланс рата // НИИ: Нед. информ. нов. Београд, 1995. 15 дец. № 2346. С. 19.

140 Документы ООН. А/50/790; S/1995/999. С. 7.

141 То же. S/1995/999. С. 54.

142 Деятельность Организации Объединенных Наций по поддержанию мира. М., 1997. С. 69–71.

ГЛАВА 4

ТРЕТЬЯ ЮГОСЛАВИЯ И КОСОВСКИЙ ВОПРОС

СЕРБСКО-ЧЕРНОГОРСКАЯ ЮГОСЛАВИЯ. После безуспешных переговоров с руководителями всех югославских республик, стремившихся к самостоятельности, Сербия и Черногория решили реализовать свое право «не выходить» из Югославии. 27 апреля 1992 г. на заседании Скупщины СФРЮ, Народной Скупщины Республики Сербии и Скупщины Республики Черногории в соответствии с волеизъявлением своих граждан* остаться в совместном государстве и представители этих двух республик провозгласили продолжение государственного, международного, правового и политического статуса СФРЮ в новом совместном государстве – Союзная Республика Югославия (СРЮ). СРЮ объявила о признании всех югославских республик, провозгласивших независимость, об отсутствии территориальных претензий к бывшим республикам СФРЮ, об исполнении всех обязательств в отношении территории Краины, находившейся под защитой войск ООН.

В новой (третьей) Югославии осталось 39,9 % территории бывшей СФРЮ. В составе Республики Сербии находились два автономных края – Воеводина, а также Косово и Метохия. Население Югославии в 1992 г. составляло 10,5 млн человек, из них в Сербии – 9,79 млн, а в Черногории – 616,5 тыс., в Воеводине – 2 млн, в Косове и Метохии – 1,7 млн человек¹. По переписи 1991 г. в Сербии 65 % населения исповедовали православную веру, 5 % – католическую, 2,2 % – ислам, 0,9 % – протестантскую².

В Сербии сербы составляли в 1991 г. 65,9 % населения, черногорцы – 1,4, хорваты – 1,1, албанцы – 17,1, мусульмане – 2,5, венгры – 3,5 %³. Территориально Сербия разделена на 185 общин и четыре города (Крагуевац, Ниш, Нови-Сад, Приштина). Белград представляет собой особую самостоятельную территориальную единицу.

В Черногории по переписи 1991 г. из 650-тысячного населения черногорцы составляли 61,84 %, мусульмане – 14,62, сербы – 9,29, албанцы – 6,64, хорваты – 1,02 %. Около 150 тыс. черногорцев жили в Сербии. Экономически активное население составляло 33 % от общего населения⁴.

27 апреля 1992 г. была принята Конституция СРЮ, которая предполагала суверенитет, равноправие и самостоятельность Сербии и Черногории в составе демократического государства с единым экономическим пространством. СРЮ брала на себя обязательства выполнять все международные договоры прежней Югославии и готова была вести переговоры с бывшими союзными республиками не только о разделе имущества и государственного долга, но и об обновлении хозяйственных, транспортных, энергетических и других связей.

* В Черногории в референдуме, состоявшемся 1 марта 1992 г., участвовали 66,04 % имевших право голоса граждан республики. «За» вхождение в Югославию проголосовало 95,94 % человек (по данным правительства Черногории).

Первоначально правопреемственность Югославии бывшей СФРЮ почти не вызывала сомнений. Генеральный Секретарь ООН Б. Бутрос-Гали на пресс-конференции в Нью-Йорке 19 марта заявил, что нет никаких препятствий тому, чтобы новая Югославия сохранила прежнее имя и осталась членом ООН. Однако появились и другие точки зрения.

Лорд Каррингтон, первый сопредседатель Международной конференции по бывшей Югославии от ЕС, обратился к Арбитражной комиссии с просьбой помочь в разрешении сложных правовых вопросов. Сербия, например, полагала, что республики, провозгласившие суверенитет, *вышли* из состава СФРЮ, в то время как сами эти республики настаивали на факте *дезинтеграции* Югославии и, соответственно, на прекращении ее существования. Отсюда проистекало требование равноправия всех республик в наследовании прав СФРЮ. Арбитражная комиссия пришла к выводу, что требования республик законны с точки зрения международного права, что федеральные органы больше не отвечают критериям федерального государства, что «СФРЮ находится в процессе распада» со всеми вытекающими отсюда международно-правовыми последствиями⁵. Поэтому, если некоторые республики захотят жить вместе, это будет означать создание нового объединения, нового государства. А в случае разногласий следует обращаться в Международный суд ООН.

В мае 1992 г. над Югославией начали сгущаться тучи в связи с событиями в Боснии и Герцеговине. Письмо Б. Бутроса-Гали, демарш Совета Безопасности ООН и резолюция 752, составленные примерно в одно и то же время (15–21 мая), требовали от Югославии прекращения вмешательства в дела БиГ и вывода оттуда Югославской народной армии (ЮНА). Президиум и правительство Югославии в ответном письме от 26 мая сообщили, что с 19 мая ни одного югославского военного в Боснии и Герцеговине нет, а югославо-боснийская граница уже 30 дней закрыта для военных формирований, что Югославия готова к полному сотрудничеству с ООН⁶.

Тем не менее, 30 мая 1992 г. Совет Безопасности ООН проголосовал за введение санкций против Югославии, приняв резолюцию 757. В ответ президиум СРЮ направил Генеральному секретарю ООН телеграмму с просьбой срочно созвать Международную конференцию по Югославии, на которой Югославия пошла бы на ряд уступок, включая и распределение миротворческих сил на границе между СРЮ и БиГ. Но все последующие обращения к Генеральному секретарю ООН не смогли изменить ситуацию. Министр иностранных дел СРЮ В. Йованович писал в те дни: «Мы воспринимаем санкции как несправедливую и бесполезную меру конфронтационного характера, которую предпринимают в тот момент, когда для этого не было никаких оснований»⁷.

Югославам пришлось ощутить действие санкций буквально на следующий день. Многие страны заявили о начале их выполнения и потребовали закрытия в своих столицах югославских посольств и консульств. Международная футбольная федерация запретила спортсменам из Югославии участвовать в международных соревнованиях. Уже 2 июня США прервали воздушное сообщение с СРЮ и заморозили банковские счета Югославии в американских банках, прекратили научно-техническое и культурное сотрудничество, а ЕС заявило о совместных действиях в торговом эмбарго против Югославии. 7 июня закрылась сербско-румынская граница для провоза товаров, многие страны ввели режим виз для граждан Югославии.

Одной из причин введения санкций было желание западных стран изменить политический режим в Югославии, оказать давление на С. Милошевича. Однако для внут-

риполитического развития страны введение санкций имело обратный эффект. Страна должна была сплотиться, чтобы противостоять санкциям, отбросить разногласия, объединиться ради самосохранения. Возобладала идея ответственности внешних сил за ухудшение положение в стране. Если в марте 1992 г. 42 % избирателей полагала, что С. Милошевич несет ответственность за обострение ситуации, то в октябре эта цифра снизилась до 30 % и с 31 до 35,7 % увеличилось число тех, кто верил в международный заговор против Югославии⁸.

Создание новой федерации предполагало строительство новых структур власти. Было объявлено о проведении в конце мая 1992 г. выборов в Вече граждан Союзной скупщины, в скупщины автономных краев и местные органы власти. Созданный в мае оппозиционный блок – Демократическое движение Сербии (ДЕПОС) – требовал отложить выборы, созвать конституционное собрание, собрать «круглый стол» всех политических партий, разоружить все незаконные формирования, провозгласить амнистию тем, кто отказался воевать. Но руководство Югославии торопилось сформировать органы власти, чтобы сохранить контроль над страной. На следующий день после введения санкций в Югославии состоялись выборы. Ведущие оппозиционные силы Сербии и Черногории их бойкотировали, обвиняя СПС в поспешности, в неравноправном положении партий, в неправомерности принятия конституции.

На избирательные участки пришли лишь 56 % избирателей. Голосовавшие в Сербии большинство голосов отдали правящей Социалистической партии Сербии (СПС) С. Милошевича (43,44 % голосов, 73 места в Вече граждан) и Сербской радикальной партии (СРП) В. Шешеля (30,44 %, 33 места); в Черногории – Демократической партии социалистов (ДПС), 69,13 % голосов⁹. После выборов политическая атмосфера в столице продолжала оставаться напряженной. В Белграде до начала июля проходили митинги против политики руководства, которое, по мнению митингующих, довело страну до санкций.

Политическая элита искала в этой ситуации человека, который бы мог предложить стране выход из создавшейся сложной внутренней и международной ситуации. Выбор пал на известного писателя, Добрицу Чосича. Избранием Д. Чосича С. Милошевич преследовал две цели: с одной стороны, с его помощью он хотел пробить информационную, политическую и дипломатическую блокаду, а с другой, снизить внутреннее напряжение, вызванное нападками оппозиции на его режим. Избрание нового президента страны, с именем которого связывали демократические перемены, возможность диалога оппозиции и власти способствовали окончанию протеста. Студентам было обещано выполнить их требования, а оппозиции – обсудить актуальные проблемы страны на «круглом столе».

На должность премьер-министра был приглашен американский предприниматель сербского происхождения Милан Панич. Появление на политической сцене Д. Чосича и М. Панича должно было принести стране облегчение. Действительно, дипломатические двери им открывались значительно быстрее, чем предыдущему руководству. В частности, Д. Чосич начал активно работать с представителями МКБЮ Д. Оуэном и Т. Столтенбергом (который сменил С. Вэнса на посту сопредседателя координационного совета МТБЮ от ООН) по выработке новых предложений мирного урегулирования в БиГ.

М. Панич с американской напористостью взялся за решение проблем, плохо понимая местную специфику. Им двигал неоправданный оптимизм и желание любым путем добиться успеха. По сути, он был ориентирован на бывшую Югославию, надеялся на

восстановление федерации и предлагал, например, мусульманам совместные действия в этом направлении¹⁰. Он начал миротворческую деятельность энергично: за 35 дней посетил 16 стран, поехал на переговоры к А. Изетбеговичу в Сараево, где символически передал мусульманам сербский танк, начал десятидневное турне по США, Великобритании, Испании, Швейцарии и Венгрии. М. Панич появлялся и там, где его не звали, разговаривал с теми, кто его не приглашал. Во время визитов в Болгарию, Румынию и Македонию он развивал идею создания Балканской унии. Затем выступил с заявлениями о готовности признать все бывшие республики СФРЮ.

Популярность Д. Чосича в стране и за ее пределами росла. Но росла и критика политики нового руководства внутри страны. Радикалы обвинили М. Панича в превышении полномочий, а Д. Чосича – в отсутствии твердости, в «прогибании» перед Западом, в «антинациональной политике»¹¹.

Все эти события накладывались на сложную внутреннюю ситуацию в Сербии, которая оказалась в международной изоляции, в состоянии между войной и миром. Резко упал уровень жизни. Расслоение общества приобрело уродливые формы: при огромном большинстве очень бедных слоев населения появилась небольшая группа тех, кто обогатился на войне.

Политический пейзаж не сформированной до конца политической системы Югославии выглядел следующим образом. Правящей партией оставалась Социалистическая партия Сербии и блок левых партий под названием Югославская объединенная левица (ЮЛ), в которую вошли 24 партии и движения левой ориентации. Левое движение, судя по результатам всех выборов, имело большую поддержку в обществе. Этому способствовали ряд факторов – традиции; сохранение лишь слегка реформированных коммунистических партийных структур; оставшаяся от СКЮ экономическая база, деятельность многопартийной системы в условиях авторитаризма и постоянного кризиса. По мнению лидера Демократической партии (ДП) З. Джинджича, существовал парадокс: «сегодня никто не думает, что власть хорошая, но половина народа полагает, что она должна остаться»¹².

Среди других партий в Скупшине основную роль играли четыре – Демократическая партия, одна из первых оппозиционных партий, руководителями которой были профессор социологии Д. Мичунович, а позже Зоран Джинджич; Демократическая партия Сербии (ДПС) созданная весной 1992 г. ученым правоведом Воиславом Коштуницей, ушедшим из руководства Демократической партии из-за разногласий по вопросу единства оппозиционного движения и национальному вопросу; Сербское движение обновления (СДО) во главе с писателем Вуком Драшковичем; Сербская радикальная партия (СРП) во главе с известным диссидентом, юристом Воиславом Шешелем.

20 декабря 1992 г. состоялись внеочередные выборы президентов республик, в скупшину СРЮ, республиканские скупщины и местные органы власти. В выборах в Сербии участвовали 28 партий, пять коалиций и три группы граждан, большинство избирателей отдали свои голоса социалистам и радикалам. В Сербии президентом стал С. Милошевич (56 % голосов), в Черногории – М. Булатович от Демократической партии социалистов Черногории (ДПСЧ). В парламенте Сербии социалисты получили 101 мандат из 250, а радикалы – 72. Демократическая партия социалистов Черногории получила 17 мандатов, 13 мандатов – другие черногорские партии. В Вече граждан союзной скупщины СПС завоевала 47 депутатских мандатов из 138, а радикалы – 34. Оппозиционный ДЕПОС имел 20 мест¹³.

Через несколько дней, 29 декабря, правящее большинство скупщины СРЮ проголосовало за отстранение от должности премьер-министра Милана Панича. Через пять месяцев, 1 июня 1993 г., от должности был отстранен и Добрица Чосич. Новым президентом страны был избран кандидат от СПС Зоран Лилич, но фактическим лидером третьей сербско-черногорской Югославии по-прежнему оставался сербский президент С. Милошевич. Он участвовал во всех международных переговорах, принимал иностранных дипломатов и посредников по урегулированию кризиса и даже подписывал документы от имени Югославии.

20 октября 1993 г. С. Милошевич по предложению правительства распустил республиканскую скупщину. В выборах в декабре 1993 г. участвовали 38 политических партий, семь коалиций и 37 групп граждан. СПС уверенно лидировала на выборах и даже упрочила свое положение, получив в парламенте 123 места (на 22 больше, чем в 1992 г.). 45 мест имел ДЕПОС, 39 – радикалы, 29 – Демократическая партия, 7 – Демократическая партия Сербии¹⁴. Оппозиция получила на 22 места, а радикалы – на 34 места меньше, чем в 1992 г. Задача, поставленная С. Милошевичем на выборах, была выполнена.

Почему народ голосовал за СПС? Сами социалисты отвечали, что их козырями являются организация, лидер и опыт. Оппозиция добавляла: телевидение. Западные дипломаты выделяли твердость и устойчивость С. Милошевича¹⁵. СПС продолжала оставаться самой популярной политической силой в стране. Согласно опросу общественного мнения, в январе 1996 г. за нее проголосовали бы 37 % пришедших на избирательные участки, в апреле – 35,5 %. Рейтинг остальных партий не доходили и до 9-процентного рубежа¹⁶.

После 1993 г. оппозиционная активность в Сербии значительно снизилась. Связано это было и с уверенной победой социалистов, и с увеличением трудностей в экономической жизни, и с усилением давления на Югославию представителей мирового сообщества. Оппозиция не была едина ни в парламенте, ни вне его. Попытки ее объединения успеха не имели. Все это создавало в стране условия для усиления авторитаризма, единоличного принятия решений узким кругом из руководителей республик и страны.

В это время обострилась ситуация в Боснии. Югославии предстояло принять важное решение, поскольку мир ждал от нее давления на «упрямых» сербов за Дриной, не соглашавшихся с предлагаемыми вариантами мирного плана. От этого зависело решение вопроса о снятии антисербских санкций. По крайней мере, так казалось С. Милошевичу, который постепенно склонялся к уступкам международными организациями. В конце июля 1994 г. он принял решение осудить боснийских сербов за отказ принять план Контактной группы и даже разорвать с РС политические и экономические отношения, допустив международных наблюдателей на границу между СРЮ и Республикой Сербской. С этого времени С. Милошевич полностью поддерживал все усилия международных организаций по мирному урегулированию кризиса. Он не вмешался, когда хорватская армия 4 августа 1995 г. напала на Краину, и он же, несмотря на протесты представителей боснийских сербов, поставил от имени всех сербов подпись под Дейтонскими соглашениями.

Среди проблем, которые пришлось решать Югославии в 1996 г. признание СРЮ, возвращение в международные организации, ликвидация последствий санкций, восстановление экономического потенциала, решение проблем беженцев, выполнение условий,

которые продолжали выдвигать Югославии международные организации, налаживание отношений с бывшими республиками СФРЮ.

8 апреля 1996 г. сербский и македонский министры иностранных дел поставили подписи под Коммюнике о подписании Соглашения о нормализации отношений и развитии сотрудничества между Союзной Республикой Югославией и Республикой Македонией. 23 августа С. Милошевич и Ф. Туджман подписали Договор о нормализации отношений между СРЮ и Хорватией. 3 октября Совместную декларацию о взаимном признании СРЮ и БиГ сербский лидер подписал с А. Изетбеговичем. Стороны обязались развивать сотрудничество и установить дипломатические отношения на уровне послов. Югославия в одностороннем порядке признала Словению, но официальная Любляна не спешила с полной нормализацией отношений с Югославией вследствие нерешенных имущественных вопросов¹⁷.

В течение 1992 г. продолжалось формирование многопартийной системы и в Черногории. Всего в середине этого года в республике было зарегистрировано 34 политические организации, из них 22 – в Подгорице¹⁸. Среди политических партий Черногории самую заметную и активную роль продолжала играть правящая Демократическая партия социалистов Черногории (ДПСЧ) – наследница Союза коммунистов Черногории. Она продолжала оставаться самой популярной партией республики, как и ее лидер Момир Булатович, избранный президентом Черногории. Среди других партий наиболее заметными были – Либеральный союз Черногории (ЛСЧ), Народная партия (НП).

Результаты выборов в черногорский парламент в декабре 1992 г. не изменили общей картины распределения голосов избирателей. Наибольшую поддержку вновь получила ДПСЧ (46 из 85 мест, 43,8 % голосов избирателей). В парламент прошли также НП (14 мест), ЛСЧ (13), Сербская радикальная партия Черногории¹⁹ и Социал-демократическая партия Черногории²⁰.

В республике в 1994 г. находились около 75 тыс. беженцев (или 12 % населения). Для маленькой Черногории это было большим испытанием. Она принимала не только сербов, но и мусульман. 90 % беженцев прибыли в Черногорию из Боснии и Герцеговины. Треть из них – сербы, треть – мусульмане и треть – черногорцы²¹.

1584 дня под санкциями. Санкции вводились в Югославии поэтапно. 5 июля 1991 г. на встрече министров иностранных дел Европейского сообщества в Гааге министр иностранных дел Германии Г.-Д. Геншер предложил ввести эмбарго на поставки оружия в Югославию и заморозить финансовую помощь. 25 сентября 1991 г. СБ ООН приняла резолюцию № 713 о запрещении ввоза оружия в Югославию. 2 декабря 1991 г. Совет министров ЕС принимает решение о введении экономических санкций против Сербии и Черногории.

Упомянутая ранее резолюция Совета Безопасности ООН 757 от 30 мая 1992 г. запрещала странам-членам ООН любые торговые операции с СРЮ, использование югославских кораблей и самолетов, деловые контакты с СРЮ, все финансовые транзакции с юридическими и физическими лицами из СРЮ. Замораживались югославские валютные фонды за границей, вводились ограничения на перелет и посадки югославских самолетов, сокращалась численность состава югославских дипломатических корпусов,

запрещалось участие югославских представителей в спортивных мероприятиях за границей, приостанавливалось научно-техническое и культурное сотрудничество. Единственное исключение было сделано для ввоза в СРЮ продовольствия, медикаментов и самых основных средств существования.

Резолюция 787 СБ ООН от 16 ноября 1992 г. еще больше ужесточала санкции. Запрещался международный транзит важнейших видов сырья и продуктов (сырой нефти и нефтепродуктов, угля, оборудования для энергетики, железа, стали и других металлов, химикатов, пневматики, транспортных средств). Однако была предоставлена возможность осуществления международного транзита вышеперечисленных видов сырья и продуктов производства через СРЮ, если это действительно неизбежно или при наличии особого разрешения Комитета по санкциям. Одновременно были ужесточены меры контроля за судами в югославских портах на Дунае и в Адриатике.

В апреле 1993 г., согласно резолюции 820 СБ ООН, полностью запрещался перевоз товаров Дунаем, замораживались югославские счета в иностранных банках. Для связи с внешним миром Югославии были оставлены только телефон, железнодорожная и почтовая связь (при этом посылки не принимались, а для писем существовал ряд ограничений), во многих странах запрещалось распространение сербских газет и журналов.

Последствиями санкций стал глубокий кризис экономики Югославии, а ее население было поставлено на грань выживания. Прямой ущерб от санкций только за год их применения оценивался в 10 млрд. долл., за три года – 45,117 млрд. долл.²². По национальному доходу на душу населения Югославия стремительно приближалась к уровню слаборазвитых стран Азии и Африки. Из-за отсутствия сырья, запчастей, рынков сбыта, прекращения капложений окончательно встали или перешли на минимальный режим работы тысячи предприятий, более 900 тыс. рабочих были отправлены в вынужденные отпуска. Число безработных в январе 1994 г. составило 760 тыс. человек²³. В 1992–1993 г. из страны уехали 370 ученых и специалистов высокой квалификации (из них 40 % моложе 40 лет и 40 % – доктора и кандидаты наук)²⁴.

Особенно трудными были 1992 г. и начало 1993 г. Темпы роста инфляции считались уже на минуты: в 1992 г. они составили 19 810,2 %²⁵. До конца 1993 г. инфляция составила 1 млн %. В декабре того года цены по сравнению с ноябрем увеличились в 1790 раз (в Черногории – в 2395), на сельхозпродукты – в 3586 раз. А если сравнить цены в Югославии в 1993 и 1992 г., то они выросли в 1 165 459 065 633 (один миллиард сто шестьдесят пять млрд.)²⁶ К январю 1994 г. инфляция составила 313 млн %. В результате средняя зарплата опустилась ниже шести долларов. Было введено нормированное распределение продуктов, предметов первой необходимости. Село оказалось фактически изолированным от города, так как не было бензина, чтобы привезти товары на рынок²⁷.

Кроме того, согласно данным Верховного Комиссариата ООН по делам беженцев, к концу 1993 г. из 15 млн беженцев в мире около 2,5 млн приходилось на республики бывшей СФРЮ. Причем за период 1991–1993 гг. число беженцев, находящихся на территории Сербии и Черногории возросло на 800 000 человек²⁸. По данным ООН, в Югославии в марте 1998 г. было зарегистрировано 700 тыс. беженцев. Учитывая, что многие беженцы не были зарегистрированы, это число было значительно выше²⁹.

Табл. 1. Общее число беженцев и перемещенных лиц в 1994 году³⁰

откуда	в СЕРБИИ		в ЧЕРНОГОРИИ	
	число	%	число	%
из БиГ	180000	46,6	42256	89,6
из Хорватии	175000	44,3	4865	10,4
из Словении	37000	9,3	–	–
из Македонии	3000	0,8	–	–

В период наибольшего притока беженцев, они составляли 6 % от общей численности населения Сербии, а в Черногории этот показатель был в 2 раза выше. Однако размещение беженцев по отдельным населенным пунктам Сербии и Черногории было крайне неравномерным, особенно в моменты их наиболее активного переселения. Так, в ноябре 1992 года беженцы составляли в Сомборе, Апатине, Сремска-Митровице 11 % населения, в Мали-Зворнике – 46 % населения. В Черногории больше всего беженцев находилось в Плужанах, Херцег-Нови и Подгорице³¹.

В 1994 г. национальный состав беженцев и перемещенных лиц выглядел следующим образом.

Табл. 2. Национальный состав беженцев и перемещенных лиц³²

	В Сербии		В Черногории	
	число	%	число	%
В целом	395000	100,0	45121	100,0
Сербы	304000	77,0	14136	30,0
Черногорцы	–	–	14137	30,0
Хорваты	10000	2,6	–	–
Мусульмане	36000	9,0	14136	30,0
Остальные (югославы, евреи, венгры, цыгане, болгары, албанцы)	45000	11,4	4712	10,0

Всего Югославия находилась под санкциями 1584 дня. Снимали санкции постепенно, выставляя все новые и новые условия.

23 сентября 1994 г. резолюцией 943 СБ ООН санкции частично приостанавливались «на начальный период сроком на 100 дней», если будет подтверждено, что власти СРЮ «эффективно выполняют свое решение закрыть границу между Союзной Республикой Югославией (Сербия и Черногория) и Республикой Боснией и Герцеговиной»³³. 12 января, удовлетворенный эффективностью закрытия границы, Совет Безопасности резолюцией № 970 продлил частичное приостановление санкций еще на 100 дней. 5 июля 1995 г., после выполнения требования «прервать международные линии электросвязи между Союзной Республикой Югославией (Сербия и Черногория) и районами Республики Боснии и Герцеговины под контролем сил боснийских сербов», приостановление санкций продлили до 18 сентября 1995 г.³⁴

Резолюция 1022 СБ ООН от 22 ноября 1995 г. приостанавливала санкции на неопределенное время, оговаривая это одним условием: СРЮ должна подписать Мирное согла-

шение «в день, установленный Контактной группой для этой цели»³⁵. 1 октября 1996 г. Совет Безопасности отменил санкции, правда, опять не до конца. Замороженными остались счета в иностранных банках до тех пор, пока бывшие республики не договорятся между собой о распределении средств и долгов.

После отмены санкций политические партии готовились к выборам в союзный парламент и местные органы власти. Шансов, однако, у оппозиции было мало: она многие месяцы не могла объединиться, мешали амбиции, различия в программах и целях, отсутствие явного лидера.

Выборы в союзную Скупшину проходили 3 ноября 1996 г. Накануне оппозиция в лице трех крупных и одной мелкой партии объединилась в блок под символическим названием «Вместе» (ДП, ДПС, СДО, Гражданский Союз Сербии). Тем не менее, результаты выборов оказались неутешительными для коалиции: она завоевала только 22 места из 138 в Вече граждан. Объединение левых сил, куда вошли Социалистическая партия Сербии, ЮЛ и небольшая партия Новая демократия, имели поддержку значительно большего числа голосов (64 места), но не получили, однако, абсолютного большинства.

В то же время оппозиция неожиданно для властей одержала убедительную победу во втором круге выборов в местные органы власти в ряде крупных городов и общин – Белграде, Нише, Крагуеваце, Нови-Саде, Чачаке, Ужице и других. Хотя для устоев правящей элиты Сербии политическая окраска власти в общинах и городах принципиального значения не имела, ибо реальная власть находилась в республиканской и союзной скупщинах, было сделано все, чтобы по формальным причинам отменить результаты выборов во многих избирательных участках. В знак протеста оппозиция вывела народ на улицы – шумные митинги и демонстрации длились несколько месяцев.

Изнурительное политическое противостояние было наполнено ожиданием компромисса. Первый шаг ждали от властей. Побывавшая в Белграде делегация ОБСЕ рекомендовала политическим структурам Сербии признать результаты выборов в тех округах, где победила оппозиция. К этому подталкивала С. Милошевича и Россия. В итоге 11 февраля скупщина Сербии одобрила законопроект, подтверждавший победу оппозиции на муниципальных выборах в 14 городах, включая Белград.

Осенью 1997 г. Сербия и Черногория снова выбирали депутатов республиканских скупщин и президентов. Оппозиционные партии Сербии, включая ДП, ДПС, Гражданский союз, бойкотировали выборы. Тем не менее, выборы состоялись – к избирательным урнам пришли 57,5 % избирателей. В парламент прошли коалиция СПС – ЮЛ – Новая демократия (110 мест), Сербская радикальная партия (82 места) и Сербское движение обновления (45 мест). Президентом Сербии стал кандидат СПС Милан Милутинович, а в Черногории после упорной борьбы с Момиром Булатовичем победу одержал премьер-министр этой республики Мило Джуканович.

После Дейтонских соглашений и снятия санкций Югославия имела всего два года передышки.

Косовский кризис. Скупщина Сербии в марте 1989 г. приняла поправки к Конституции Сербии, а в сентябре 1990 г. новую конституцию, которая была встречена «в штыки» в Косове, поскольку понижала уровень автономии края. Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали отмечал: «По словам правительства, реформа была вызвана тем, что Сербия была серьезно парализована широкой независимостью, которой обладали

края. Многие законодательные и судебные функции краевых органов были переданы в республику». Автономные края сохранили полномочия в отношении краевого бюджета, вопросов культуры, образования, здравоохранения, использования языков и других вопросов. В ответ на эти изменения, как отмечалось в документах ООН, «большое число государственных служащих из числа албанцев в Косове подали в отставку, а другие были уволены и заменены лицами из других частей Сербии. Как утверждают, таким образом, до 100 000 человек были сняты со своих должностей в государственных и краевых административных органах, школах и государственных предприятиях»³⁶.

Изменения в статусе Косова вызвали в крае широкую волну демонстраций и стычек с полицией. В январе 1990 г. в демонстрациях участвовали уже около 40 тыс. албанцев. С этого времени выступления албанцев стали приобретать массовый характер. Введенные в край воинские подразделения и полиция силой пытались удержать порядок. Были жертвы и со стороны демонстрантов, и со стороны полиции. А в Белграде тысячи студентов скандировали: «Не отдадим Косово». Словения была возмущена поведением Белграда и отозвала из Косова своих полицейских, которых встречали дома как героев. Это было время, когда распад федерации стал очевидным, когда республики Словения и Хорватия встали на путь отделения, подкрепляя свои шаги юридическими актами – решениями республиканских парламентов, принятием деклараций, волеизъявлениями граждан на референдуме.

По их стопам пошло и Косово. 2 июля 1990 г., в тот же день, когда Словения приняла Декларацию о государственном суверенитете Республики Словения, албанские делегаты Скупщины Косова проголосовали за «Конституционную декларацию», которая провозглашала край республикой. В ответ Скупщина Сербии распустила Скупщину Косова, обосновывая это решение царившими в крае беззаконием и нарушением порядка. Тогда 7 сентября делегаты распущенной Скупщины в обстановке полной секретности приняли новую Конституцию края, вновь провозгласившую Косово республикой. Этот акт был расценен в Сербии как антиконституционный и подрывающий ее территориальную целостность.

Однако все меры сербского руководства по политической и экономической стабилизации положения в крае оказались неэффективными. Раскол между Сербией и Косовом только увеличивался. Более того, конфликт перерос сначала республиканские, а потом и государственные границы, став международной проблемой.

В крае развернулась кампания гражданского неповиновения и началась массовая бессрочная забастовка. Распущенный парламент на тайном заседании решил создавать «параллельные структуры власти» – подпольные парламент и правительство. Албанские учителя отказались следовать новой школьной программе и выразили желание учить детей по албанским программам и на албанском языке. В ответ власти отказались финансировать албаноязычное обучение. Тогда албанские дети перестали ходить в государственные школы, а занятия проводились в других местах. В то время, как с государственной службы было уволено большое количество учителей и профессоров – албанцев, в условиях подполья продолжил работу албанский университет. Нелегальная система образования охватывала 400 тыс. детей и 15 тыс. студентов, которые обучались на 13 факультетах университета и в семи высших учебных заведениях³⁷.

В результате весь край разделился на два параллельных общества – албанское и сербское. Каждое имело свою власть, свою экономику, свое просвещение и культуру. В экономике несомненно, доминировали албанцы, которые создавали частные фирмы,

владели большим капиталом. В политических структурах преобладали сербы, поскольку албанцы бойкотировали выборы и отказывались от любых административных должностей.

В 1990 г., когда начала формироваться многопартийная система, в крае возникли албанские политические партии, выступавшие с программами поддержки равноправного положения албанцев в Сербии – Демократический союз Косова (ДСК), Партия демократической акции, Демократическая мусульманская партия реформ. Позже возникли Албанская демохристианская партия, Крестьянская партия Косова, Парламентская партия Косова, Социал-демократическая партия Косова. Демократический союз Косова стал самой влиятельной политической партией края, а авторитет его лидера, писателя и диссидента Ибрагима Руговы был неоспоримым. Он звал своих сограждан на организацию «мирного отпора сербской оккупации», опасаясь последствий серьезных столкновений³⁸. Позже, в 1994 г. жители края провозгласили ДСК «лидером национального движения за независимость Косова»³⁹.

В выборах 1990 г. на территории Косова участвовали только сербские партии. На участки пришли всего 18,61 % избирателей, преимущественно сербы. Албанцы выборы бойкотировали. Почти все голоса были отданы Социалистической партии Сербии, получившей 30 из 34 мест в парламенте⁴⁰.

В сентябре 1991 г. косовские албанцы провели референдум о независимости края и единодушно высказались за создание независимой республики, а 24 мая 1992 г. в крае состоялись выборы президента и парламента. Хотя руководство Сербии объявило эти подпольные акции незаконными, оно не слишком мешало их проведению. Косовские албанцы отдали свои голоса И. Ругове (95–100 %) как президенту «Республики Косова» и его партии – Демократическому союзу Косова (78 %) ⁴¹.

Это еще больше дестабилизировало обстановку в крае. «Продолжающаяся нестабильность, – отмечал Б. Бутрос-Гали, – оказала пагубное влияние как на местное албанское население, так и на сербское меньшинство в крае»⁴². Ситуацию он оценил как тупиковую, поскольку обе стороны придерживались диаметрально противоположных взглядов на статус и будущее края.

Развал страны, последовавшие события в Хорватии и Боснии и Герцеговине отодвинули решение проблем Косова на неопределенный срок. Руководство Сербии удерживало ситуацию под контролем только силой. Как сообщали албанцы, полиция постоянно забирает их на так называемые «информационные разговоры», проводит обыски в албанских селах, арестовывает мужчин и подвергает их допросам, а иногда избивает, держит под контролем все дороги, регулирует общественную жизнь, средства массовой информации⁴³. Один из албанских лидеров Ш. Маличи отмечал в 1994 г., что албанцы старались не отвечать на полицейские репрессии, и потому «албанское движение уже четыре года практически топчется на месте». Однако пауза была потрачена на политическую консолидацию, на усиление позиций Демократического союза Косова и его лидера. Наступавшее время Ш. Маличи назвал «временем Руговы»⁴⁴.

Действительно, «терпеливый и хитрый», как его характеризовал Ш. Маличи, И. Ругова в это время много сделал для того, чтобы привлечь внимание Запада к проблемам Косова. Он просил разместить в крае военные силы ООН и НАТО, а позже стремился убедить Запад в необходимости «гражданского протектората» над Косовом⁴⁵. Во время поездки в США в 1993 г. И. Ругова получил заверения Вашингтона, что снятие санкций с Югославии будет обусловлено решением проблем края. В Косово зачистили иностран-

ные гости. Интересными являются выводы представителей Великобритании, Франции и Португалии, которые побывали в крае в мае 1994 г. По их оценкам, 38 % населения ожидали решения проблем от своего политического руководства, 20 % – от США и 11 % – от ЕС. 65 % были уверены, что получают военную поддержку в своей борьбе против Сербии. Делегация опасалась усиления «радикализма и даже экстремизма» в Демократическом союзе Косова, хотя его руководители не отрицали возможность начать переговоры с Белградом⁴⁶.

Уже в мае 1994 г. Международная конференция по бывшей Югославии настаивала на диалоге между властями Сербии и руководством косовских албанцев по вопросу статуса края. С. Милошевич ответил, «что не видит никаких преград для осуществления политической и культурной автономии для Косова и албанцев». Приштина восприняла это высказывание с недоверием, напомнив, что некоторые политические лидеры Сербии хотели бы «всеми средствами разрушить параллельную систему образования и здравоохранения, которую создали албанцы в Косове»⁴⁷. На переговоры обе стороны шли с трудом, поскольку настаивали на определенных условиях. Албанцы требовали «срочно остановить унижения, репрессии и изгнание албанцев, открытия школ и предприятий для албанцев». Сербия хотела, чтобы албанцы признали Сербию «своим государством»⁴⁸. Лишь 1 сентября 1996 г. С. Милошевич и И. Ругова подписали Меморандум о взаимопонимании, касавшийся системы образования в Косове.

Весной 1996 г., после окончания войн в Хорватии и БиГ, напряженность в крае резко обострилась. Убийство сербом албанского юноши вызвало ответные акции албанских боевиков – нападения на полицейских, расстрел посетителей кафе, убийство патрульных. Власти провели массовые аресты. Международная общественность обвинила сербские власти в нарушении прав человека, в физическом насилии и даже пытках арестованных. Комиссия по правам человека ООН подготовила проект резолюции «Положение в области прав человека в Косове», в котором отмечалось, что к албанцам в Югославии применяются пытки, убийства, этнические чистки и геноцид⁴⁹. На Балканы вылетела представитель ООН, поскольку «была информирована о сотнях таких случаев». Однако Б. Бутрос-Гали в своей записке от 12 ноября 1996 г. отметил, что специальный докладчик Комиссии по правам человека Элизабет Рен «не смогла подтвердить эту информацию»⁵⁰.

Как писал бывший руководитель коммунистической молодежи, а затем оппозиционный деятель Косова Азем Власи, в 1997 г. закончился период моделирования концепции будущего политического статуса Косова, концентрации политических сил, разработки политической инфраструктуры, интернационализации проблем края, полного единения албанцев на общей политической платформе. «Косовский кризис выходит на новый виток, вступает в период большего обострения, – прогнозировал он. Назревает серьезный поворот, перестроение политических сил для встречи с будущими событиями, дыхание которых уже ощущается»⁵¹.

А. Власи заявил, что поскольку ситуация в крае не улучшилась по сравнению с 1989 г., албанцы больше не верят в эффективность мирных переговоров с сербскими властями, а поддерживают Освободительную армию Косова, деятельность которой предвещает серьезные перемены. «Сербский режим ошибся в оценках, полагая, что албанцев можно сломить силой... У албанцев остались непоколебимыми желание, стремление и готовность к борьбе за независимость... Косова от Сербии»⁵². Он сообщил, что еще мало кто знает об Освободительной армии Косова (ОАК), но ее появле-

ние говорит о создании радикального крыла албанского национального движения в виде военной организации.

Действительно, радикализация сепаратистского движения в Косове и Метохии началась в 1998 г. В нем можно было отметить три течения. Первое – политическое, которое действовало через Демократический союз Косова во главе с И. Руговой. Выступая за независимость Косова, он не отрицал возможности переговоров с руководством Сербии. Второе – было связано с деятельностью «правительства в подполье» и именем Буяра Букоши. Штаб-квартира правительства находилась в городе Ульм (Германия). Б. Букоши имел большое влияние на албанцев, находившихся за пределами Косова. Через его руки проходили деньги, которые направлялись в Косово из-за границы. Третье – экстремистское, действовавшее террористическими методами в рамках Освободительной армии Косова.

ОАК, создававшаяся из радикально настроенных албанцев, проходивших обучение на территории Албании, имела политическое и военное руководство. Цели военной организации заключались в том, чтобы создать и расширить «свободную территорию», где не действует сербская власть, добиться признания своей борьбы как национально-освободительной и при поддержке международного сообщества отделиться от Югославии. Политическое крыло ОАК представлял бывший председатель Комитета защиты прав косовских албанцев Адем Демачи, возглавивший в декабре 1996 г. Парламентскую партию Косова. Он получил мощную поддержку своим планам и действиям со стороны Тираны. Диссидент со стажем, проведенный в тюрьмах СФРЮ более 25 лет, А. Демачи являлся одним из самых непримиримых критиков ненасильственной политики И. Руговы.

Уже осенью 1998 г. в косовском руководстве стал заметен раскол, обозначивший тенденцию усиления жесткой линии, готовой к военным действиям. От И. Руговы отвернулся его заместитель по партии Хидает Хисени, создавший «Новый демократический союз Косова». ОАК стала открыто поддерживать «Независимая уния» студентов, которая отозвала своего представителя из переговорной делегации И. Руговы. Из Демократического союза Косова в партию А. Демачи потянулись те, кто поддерживал более радикальную линию. Постепенно все более заметную роль начал играть премьер-министр непризнанной республики Б. Букоши, обладавший достаточным влиянием на широкие массы косовских албанцев. Он откровенно заявил, что выступает «за войну, а не за переговоры, которые означают капитуляцию албанцев».

Именно боевики ОАК спровоцировали возобновление конфликта в крае в начале 1998 г. Среди использовавшихся методов – убийства и выселение сербов; блокада сербских сел; захват мирных жителей в заложники; нападения на посты милиции и армейские патрули. Большинство дорог в крае стали небезопасны для передвижения – они контролировались албанскими военизированными патрулями. Албанцы, которые не поддерживали экстремистов, были запуганы и также подвергались насилию.

Ответные меры полиции были суровыми и вызвали новую волну сопротивления. Югославские пограничники пытались остановить лавину проникавших на территорию Косова и Метохии террористических групп, а также оружия, нелегально доставляемого из Албании. Только за четыре дня апреля 1998 г. пограничники обнаружили семь террористических групп, часть которых состояла из нескольких сотен человек, а за 10 дней они задержали «посылки» с 250 автоматами, четырьмя пушками, 20 пулеметами, пятью минометами, 200 минами, 5,5 тыс. гранат и 200 тыс. снарядов⁵³. Столкновения вооруженных албанских групп с полицией уже весной 1998 г. напоминали боевые действия.

ОАК пыталась расширить зону своего влияния, а армейские правительственные подразделения и полиция активно разрушали их опорные базы, склады оружия и теснили боевиков к границе с Албанией. К октябрю 1998 г. Косово было почти свободно от вооруженных формирований.

АГРЕССИЯ НАТО. В 1997-м году к решению «проблемы Косова» активно подключилось мировое сообщество. В начале декабря 1997 г. косовская тема неожиданно возникла на заседании Совета по выполнению Дейтонских соглашений по Боснии и Герцеговине в Германии. Это вызвало негативную реакцию югославской делегации, заявившей, что, с одной стороны, проблема Косова не являлась предметом обсуждения в Дейтоне, а с другой, она является внутренним делом Югославии, поэтому не может рассматриваться данной организацией. Югославская делегация в знак протеста против продолжавшегося обсуждения темы Косова покинула Бонн.

Затем и Контактная группа собралась для специального рассмотрения проблемы сербского автономного края. США, как всегда, заняли самую жесткую позицию – они предложили применить к Белграду суровые меры, вплоть до повторного введения экономических санкций и военной интервенции. В «Сообщении о Косове», подписанном членами Контактной группы, события в крае названы «насилием», «убийством», подчеркивалось, что власти Белграда «не могут противостоять международным стандартам и не ожидать серьезных последствий».

Заявку на участие в урегулировании в Косове сделала и НАТО. Североатлантический блок в августе 1997 г. предупредил югославского президента о возможности вооруженного вмешательства в конфликт с целью предотвращения дальнейшего кровопролития. Как наиболее вероятный сценарий силовой акции в Косове рассматривались удары с воздуха по сербским позициям по примеру Боснии и Герцеговины. В то же время НАТО стремилась стать самостоятельным фактором урегулирования региональных конфликтов, не зависеть от Совета Безопасности ООН, как это было в Боснии и Герцеговине.

31 марта 1998 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1160, которая, основываясь на предложениях Контактной группы, запрещала «продажу или поставку в Союзную Республику Югославию, включая Косово, их гражданами или с их территории, или с использованием судов, плавающих под их флагом, и самолетов, вооружений и относящегося к ним военного имущества всех типов, такого, как оружие и боеприпасы, военнотранспортные средства и техника и запасные части»⁵⁴.

Напряжение росло. Вмешательство международных организаций во внутренние дела Югославии, их необъективность в оценке ситуации были очевидными. И руководство страны решило провести референдум, который состоялся 24 апреля. На нем 94,73 % населения высказались против международного посредничества в урегулировании косовского кризиса. В ответ римская встреча Контактной группы в конце апреля усилила экономические санкции в отношении Белграда в виде замораживания зарубежных авуаров правительств Сербии и Югославии и запрета на новые иностранные инвестиции. Правительство Югославии считало эти меры необоснованными и контрпродуктивными, подчеркнув, что «югославская армия в соответствии с ее конституционной и правовой ролью выполняет свой долг по защите нерушимости государственных границ и приграничного района и по предотвращению проникновения террористических группировок и ввоза партий оружия»⁵⁵.

Но голос Югославии никто не слышал. Мировое общественное мнение складывалось явно не в пользу сербов. Экраны телевизоров во всем мире переполняли снимки беженцев из Косова, которых размещали в Македонии, Албании, увозили в Италию, Австрию, Германию и даже Америку. Западные СМИ прекрасно использовали ситуацию, играя на чувствах жалости и сострадания. Но не было снято ни одного репортажа о сербах, которые бежали в Сербию, спасаясь от албанского террора в Косове.

Международный трибунал для бывшей Югославии* создал в 1998 г. следственную группу для расследования событий в Косове и проверки «утверждений о преступлениях, о которых сообщили беженцы, покинувшие Косово»⁵⁶. Секретариат Международного трибунала начал предпринимать масштабные усилия по развертыванию значительного числа следователей в регионе. Евросоюз 8 июня вновь запретил инвестиции в Сербию, а в конце июня принял решение о запрете югославских рейсов в свои страны. 12 июня Контактная группа выдвинула Белграду ряд новых требований, главными из которых были допуск международных наблюдателей в край, прекращение всех действий сил безопасности в Косове, вывод оттуда югославского спецназа⁵⁷.

В сентябре 1998 г. это требование было продублировано Советом Безопасности ООН, который принял резолюцию 1199, обязывавшую сербов прекратить огонь, вывести подразделения сил безопасности, «используемых для проведения репрессий в отношении гражданского населения», создать условия «для осуществления эффективного и постоянного международного наблюдения в Косове»⁵⁸, а также начать мирные переговоры с албанской стороной.

В ответ правительство и Скупщина Сербии приняли документ о ситуации в крае, в котором было выражено желание к сотрудничеству и с международными организациями, и с албанской делегацией, а также предлагался ряд мер по решению проблемы политическими средствами в рамках границ СРЮ. Но уже на следующий день после появления резолюции СБ ООН генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана заявил, что Советом альянса принято решение о переходе к очередной фазе подготовки к возможным силовым действиям в Косове⁵⁹. 13 октября Совет НАТО отдал приказ о об ускоренной подготовке к военной операции и выдвинул Белграду ультиматум.

Угрозы бомбовых ударов с воздуха по территории Сербии выполнили роль дамочка меча, спасаясь от которого С. Милошевич пошел на подписание договора со специальным посланником США Ричардом Холбруком о принятии всех требований международного сообщества и обязательствах Югославии «завершить переговоры по вопросу о рамках политического урегулирования к 2 ноября 1998 года»⁶⁰. 16 октября 1998 г. в Белграде министр иностранных дел СРЮ и действующий председатель ОБСЕ в Европе подписали соглашение, предусматривавшее отвод сербских сил из Края, размещение там 2000 наблюдателей ОБСЕ, дислокацию «сил интервенции в соседних странах в случае возникновения проблем». Кроме того, начальник Генерального штаба СРЮ и главнокомандующий войсками НАТО в Европе подписали соглашение об учреждении Миссии по воздушному контролю над территорией Косова⁶¹. Эти соглашения были закреплены резолюцией 1203 СБ ООН⁶².

В январе Контактная группа разработала десять принципов, которые должны были лечь в основу мирных переговоров между сербами и косовскими албанцами. Но НАТО

* Международный трибунал по расследованию преступлений, совершенных в бывшей Югославии (МТБЮ), был создан в Гааге в 1993 г. по решению Совета Безопасности ООН.

готовилась нанести удар по Югославии, поэтому вопрос о переговорах становился неактуальным. Нужен был лишь повод. Западные СМИ стали раздувать убийство группы албанцев в Рачаке на юге края. Руководитель Контрольной миссии ОБСЕ в Косове и Метохии американец Уильям Уокер запретил работу следственной группы окружного суда города Приштины на месте предполагаемого преступления, а сам собрал в Рачаке иностранных и албанских журналистов и сделал заявление, обвинив армию СРЮ в «преступлении против человечности», «в злодейском убийстве 45 гражданских лиц», которое он сам якобы видел⁶³. Прибывшие на место белорусские эксперты после исследования места преступления пришли к выводу, что тела убитых людей были привезены из другого места. Затем экспертизу провели финские специалисты. По их мнению, большинство убитых – военные, переодетые затем в гражданскую одежду. На пальцах многих из них были обнаружены следы пороха, пулевые отверстия были найдены на телах, но не на одежде⁶⁴. Однако их доклад даже не был опубликован.

Правительство СРЮ объявило У. Уокера персоной нон грата и обязало его покинуть территорию Югославии в течение 48 часов⁶⁵. На обращения югославского руководства в Совет Безопасности ООН об ответственности албанцев за эскалацию террористической деятельности, за нападения на полицейские патрули, похищения военных и мирных жителей никто не отреагировал. Министр иностранных дел СРЮ писал, в частности, в СБ ООН, что с 13 октября 1998 по 14 января 1999 г. албанскими сепаратистами было совершено в общей сложности 599 террористических нападений и провокаций, 186 из которых были направлены против гражданских лиц, а 413 – против сотрудников Министерства внутренних дел. В ходе этих нападений 53 человека были убиты, 112 – получили ранения, 43 человека – похищены⁶⁶.

В феврале 1999 г. в замке Рамбуэ под Парижем с 6 по 23 февраля длился первый раунд переговоров между косовской и югославской делегациями. Делегацию косовских албанцев из 16 человек составляли представители Освободительной армии Косова, умеренного Демократического союза Косова во главе с И. Руговой, а также радикалов во главе с Р. Чосья. Возглавлял делегацию решительный командир боевиков Хашим Тачи. «Политический представитель ОАК» А. Демачи отказался участвовать в переговорах, так как был противником любого соглашения с сербами. В сербскую делегацию из 14 человек входили ученые-правоведы, а также представители турецкой, албанской, цыганской и других национальностей из Косова.

Мирная конференция в Рамбуэ должна была обсуждать разработанные Контактной группой принципы решения косовской проблемы, включая «элементы широкой автономии Косова». Переговоры проходили в неблагоприятных для сербов условиях – размещенный на границе с Косовом контингент войск НАТО был значительно увеличен, сербские военные были выведены с территории края, Освободительная армия Косова вновь заняла большую часть Косова.

В замке Рамбуэ делегациям для обсуждения были предложены только отдельные части «Временного договора о мире и самоуправлении в Косове и Метохии» – «Рамочный документ» и три приложения из девяти, которые уточняли проблемы конституции Косова, выборов в органы самоуправления и судебной системы. Лишь через неделю делегации получили еще одно приложение, касавшееся экономических вопросов. Хотя текст документов не совпадал с текстом из десяти пунктов, согласованным в Контактной группе, делегации продолжили работу и обсудили многие вопросы. Все дополнения делегации СРЮ касались лишь положений, сохранявших территориальную целостность Сербии и Югославии.

Лишь в день окончания переговоров делегациям предоставили весь документ целиком. Оказалось, что 69 % текста сербы ранее не видели. В частности, два приложения (2 и 7) предварительно в Контактной группе не рассматривались и являлись предложениями отдельных ее членов об автоматическом вводе войск НАТО после подписания договора и организации полицейских сил. В сопроводительном письме отмечалось, что «это окончательное предложение включает в себя положения, высказанные на встрече в Рамбуйе», однако подчеркивалось, что «Россия не присоединяется к приложениям 2 и 7»⁶⁷. И действительно, представитель России поставил свою подпись под документом с примечанием: «Кроме глав 2 и 7».

По окончании первой фазы переговоров стороны сделали заявления. Югославская делегация отметила, что, несмотря на достигнутый в Рамбуйе прогресс, переговоры следует продолжить и точно определить элементы автономии Косова, зафиксировать их и подтвердить территориальную целостность Сербии и Югославии. В заявлении делегации косовских албанцев подчеркивалось, что она подпишет договор, если через три года албанскому народу в Косове позволят провести референдум о независимости. Представители США отвергли возможность продолжения переговоров, уточнив, что предложенный текст должен быть подписан в первый день начала второго раунда переговоров. Фактически Югославия получила ультиматум: если подпишет договор – на территорию края войдут войска НАТО, а если не подпишет – будет нести ответственность за провал переговоров, что предполагало наказание бомбовыми ударами.

Тупиковость ситуации и отсутствие единства взглядов у организаторов конференции потребовали паузы. С 25 февраля по 15 марта стороны уточняли свои позиции, изучали текст договора, встречались с посредниками, проводили многочисленные встречи и согласования. После консультаций с американскими представителями делегация косовских албанцев стала склоняться к подписанию всего пакета соглашения. Но одновременно свои ряды укрепляла ОАК, назначив 7 марта 1999 г. нового командующего. Им стал Сулейман Селеми по прозвищу Султан. Он категорически отверг «частичное соглашение», выступив за достижение полной независимости и против разоружения своих формирований⁶⁸.

Власти Югославии заручились поддержкой большинства населения страны, выступавшего против подписания договора в Рамбуйе. Ультиматумы и угрозы, перспектива потерять Косово имели результат обратный ожидаемому – С. Милошевич не только не потерял поддержку населения, но и укрепил свои позиции. В стране сложилось беспрецедентное единство мнений всех структур власти, всех политических сил, включая оппозиционные партии, что нельзя подписывать договор, который может привести к потере части территории.

Второй раунд переговоров начался в Париже 15 марта. Предложение югославской делегации о подписании политической части договора и о продолжении переговоров по поводу объема и характера международного присутствия в Косове для выполнения соглашения приняты не были. Югославия подготовила также «Соглашение о самоуправлении в Космете», которое было подписано представителями всех национальных общин Косова. Он мог бы стать основой дальнейших переговоров. Однако и эти усилия Белграда остались без внимания. Делегации так и не встретились для продолжения переговоров. Сербы отказались подписывать ультимативный договор. Но организаторы переговоров разрешили албанцам подписать договор в одностороннем порядке. Пред-

ставитель России отказался заверять своей подписью этот документ, поскольку военные приложения к нему не обсуждались в Контактной группе⁶⁹.

Не подписанное одной из сторон, соглашение не должно было иметь юридической силы, однако в дальнейшем на это соглашение ссылались и требовали от Югославии его выполнения. «Установления в Косове мира... на базе договоренностей, достигнутых в Рамбуйе», потребовал, в частности, 3 апреля 1999 г. министр иностранных дел Франции Ю. Ведрин. Министры иностранных дел «большой восьмерки» заключили, что политический процесс должен проходить «с полным учетом соглашений, подготовленных в Рамбуйе. На Рамбуйе ссылалась и резолюция 1244 СБ ООН, принятая уже после агрессии НАТО⁷⁰.

Тем временем США и НАТО начали готовиться к наказанию Югославии как «виновника срыва переговоров». Министр иностранных дел Югославии Ж. Йованович писал 17 марта председателю Совета Безопасности ООН о том, что страны НАТО наращивают вооружение на Балканах в непосредственной близости от Югославии, в Македонии численность войск скоро достигнет 30 тыс., что уже доставлены 60 танков, 250 бронетранспортеров, несколько десятков боевых вертолетов, значительное количество артиллерийской техники, в Албании создаются иностранные военные базы, что угрозы НАТО в адрес Югославии продолжают, не предпринимаются меры для перекрытия каналов финансирования, вооружения и обучения ОАК⁷¹.

21 марта 1999 г. Совет НАТО дал С. Милошевичу несколько часов на размышление и подписание соглашения, после чего пообещал нанести удар с воздуха. Президент Югославии написал ответ на послание сопредседателей встречи в Рамбуйе, министров иностранных дел Франции и Великобритании: «Что касается ваших угроз в отношении военного вмешательства НАТО, то вашим народам должно быть за них стыдно, поскольку вы готовитесь применить силу против небольшого европейского государства только потому, что оно защищает свою территорию от сепаратизма, защищает своих граждан от терроризма и свое историческое достояние от головорезов... Вы не имеете права угрожать другим странам и гражданам других стран»⁷².

После отказа СРЮ подписать соглашение в Рамбуйе, альянс попытался заставить Белград пойти на размещение войск НАТО в Косове, вновь угрожая нанести бомбовые удары. Возможно, это была единственная цель и формальная причина для начала агрессии. НАТО обратилась к Югославии «с просьбой о размещении войск НАТО для осуществления политического соглашения о самоуправлении в Косове и Метохии». Скупщина Республики Сербии на своем заседании, состоявшемся 23 марта 1999 г., приняла постановление, в котором было лаконично сказано, что Сербия «не соглашается на присутствие иностранных войск в Косове и Метохии», и объявляет состояние непосредственной угрозы войны из-за опасности агрессии на СРЮ⁷³.

Видимых преград для начала операции НАТО не было. С Россией, которая настойчиво выступала за мирный путь решения проблем, казалось, тоже был найден вполне приемлемый вариант. Начало бомбовых ударов премьер-министр России Е. Примаков должен был встретить в США, на переговорах совместной комиссии «Примаков – Гор». Там его попытались бы убедить в правильности предпринятых военных действий. Однако Москва в лице премьер-министра в этот раз проявила характер. 23 марта, подлетая к Америке, премьер-министр России соединился с Альбертом Гором по телефону. Е.М. Примаков так описал их разговор и свое последующее решение: «Вице-президент Гор на прямо поставленный мною вопрос не мог дать гарантии, что удар не будет осу-

ществлен хотя бы во время моего пребывания в США. Вызвав командира корабля, я сказал: возвращаемся. „Как, не будем садиться в Вашингтоне, ведь до посадки три с половиной часа?“ „Нет, в США садиться не будем. Если не хватит горючего до Москвы, совершим промежуточную посадку“. Самолет развернулся над Атлантическим океаном»⁷⁴.

24 марта, нарушив суверенитет независимой Югославии, поправ нормы международного права, НАТО обрушила на Югославию бомбовые удары. В тот же день Россия потребовала «созвать в срочном порядке заседание Совета Безопасности для рассмотрения чрезвычайной ситуации, вызванной односторонними военными действиями НАТО против Союзной республики Югославии»⁷⁵.

По словам Е.М. Примакова, «это было настоящим потрясением для России. Все российские политические силы без исключения выступили против развязанной НАТО войны»⁷⁶. Президент России Б.Н. Ельцин расценил действия НАТО как «удар по всему международному сообществу», назвал действия альянса агрессией, военной авантюрой⁷⁷. По всем городам России прошли митинги протеста⁷⁸. Происходившее в России несколько насторожили страны альянса, но не смогло остановить начавшуюся агрессию. Скорее, Запад стал рассматривать варианты влияния на Россию, чем варианты урегулирования.

Агрессия длилась 78 дней. Экономический потенциал 19 самых развитых стран мира, участвовавших в этой акции, превышал югославский в 679 раз. Атакам подвергалась вся территория Югославии. В налетах принимали участие 1200 самолетов, в том числе 850 боевых, совершивших с территории Италии, ФРГ, Великобритании, Турции, Франции, Венгрии, а также с континентальной части США, по натовским данным, 35 тыс., а по российским данным, около 25 тыс. авиавылетов. Действия авиации поддерживала военно-морская группировка в составе трех авианосцев, шести ударных подводных лодок, двух крейсеров, семи эсминцев, 13 фрегатов. В Средиземном море находились четыре крупных десантных корабля с 10 тыс. морских пехотинцев на борту. Авиация НАТО нанесла 2300 воздушных ударов по 995 объектам. По территории Югославии выпущено более 3000 крылатых ракет, сброшено около 25 тыс. (по некоторым данным – 79 тыс.) тонн взрывчатки⁷⁹.

Параллельно в отношении Югославии ряд международных организаций усиливали санкции. В конце апреля Совет Европейского союза принял решение в одностороннем порядке запретить поставки нефти и нефтепродуктов в СРЮ и призвал другие страны также применять подобные меры. С началом агрессии НАТО объявила запрет полетов гражданской авиации в воздушном пространстве СРЮ, Боснии и Герцеговины, Македонии, Хорватии⁸⁰. 6 мая Совет Европейского союза принятием Совместной позиции и Постановления ввел «дополнительные ограничивающие меры против Союзной Республики Югославии», которыми в одностороннем порядке вводились запреты и ограничения, напрямую угрожавшие правам человека и свободам, имуществу, экономическим и другим интересам СРЮ и ее граждан, а также других стран и их интересам⁸¹. США объявили о замораживании имущества Югославии на своей территории, призывали к тому, чтобы не допустить прием Югославии в международные финансовые организации.

В агрессии против Югославии НАТО использовало запрещенные военные средства и оружие, такие как кассетные бомбы и небогащенный уран. Стране был причинен огромный материальный ущерб. Уничтожены целые жилые кварталы, в том числе школы, больницы. Под прицелом НАТО оказались хозяйственные и производственные объекты, транспортная инфраструктура. Погибли около 2000 гражданских лиц, около 7 тыс.

получили ранения, 30 % из них – дети. Материальный ущерб Югославии составил более 200 млрд долл.

По данным югославской армии, она потеряла 161 чел. убитыми, 299 человек были ранены. Потери в технике были незначительными, если учесть, какая сила обрушилась на Югославию: 13 танков, шесть бронетранспортеров, восемь артиллерийских орудий, 19 зенитных установок, один радар⁸². По другим данным, сербы потеряли 26 танков, 40 самолетов, 18 % комплексов ПВО, погибли около 500 военнослужащих⁸³. Но в любом случае, основной жертвой стало гражданское население. Югославская армия сохранила свой боевой потенциал.

Бомбовые удары вызвали лавину беженцев из Косова. В 1998 г. во время военных столкновений между боевиками и Югославской армией территорию края покинули 170 тыс. человек, главным образом, женщины и дети. С началом агрессии НАТО, после 24 марта, по данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, 790 тыс. этнических албанцев, 100 тыс. сербов, а также цыгане, адыгейцы, мусульмане стали беженцами. Большая часть косовских албанцев уходила в Македонию и Албанию. Но часть из них нашла убежище в Сербии и Черногории⁸⁴.

Агрессия США и НАТО против Югославии вызвала перемещение внутри страны более миллиона людей, оставивших свои дома либо потому, что их разрушили в результате бомбардировок, либо из-за опасений за свою жизнь. Из Косова и Метохии в Серию и Черногорию бежали около 250 тыс. человек. Среди них были и беженцы из Хорватии и Боснии, которым только-только удалось наладить жизнь в этом крае. Всего в СРЮ находилось более 600 тыс. беженцев из Боснии-Герцеговины и Хорватии, которые нуждались в гуманитарной помощи⁸⁵.

НАТО и США, отказавшись от переговорного процесса, продолжали настаивать на выполнении С. Милошевичем ультиматума, который предполагал вывод югославской армии из края, ввод туда войск альянса и возвращение беженцев.

С начала натовских бомбардировок территории Югославии Россия активно включилась в процесс политического и дипломатического урегулирования кризиса. 26 марта по требованию России состоялось официальное заседание Совета Безопасности. На нем, как отмечалось в сообщении МИД, ряд членов СБ проявили «натовскую солидарность», поэтому проект России и Индии, осуждавший грубое нарушение Устава ООН и агрессию НАТО, не прошел. Но министр иностранных дел РФ И. Иванов был удовлетворен и тем, что удалось продемонстрировать единство таких стран, как Россия, Китай и Индия, показать, что «незаконную военную авантюру отвергло более половины населения планеты»⁸⁶.

С началом ракетно-бомбовых ударов по территории Югославии казалось, что Россия заняла активную позицию, но выдержать последовательный и твердый курс так и не смогла. 14 апреля президент России назначил своим представителем по урегулированию ситуации вокруг СРЮ бывшего премьер-министра В.С. Черномырдина. И именно под давлением В.С. Черномырдина С. Милошевич в начале июня пошел на сдачу позиций. Он согласился с «Принципами для содействия урегулирования кризиса в Косове (план мирного урегулирования)». План был выработан в Бонне на встрече заместителя госсекретаря США С. Тэлбота, президента Финляндии М. Ахтисаари, представлявшего Европейский союз, и В.С. Черномырдина. Этот план включал в себя десять принципов, которые начинались с обвинений Югославии, требовали «немедленного и поддающегося проверке прекращения насилия и репрессий в Косове»⁸⁷.

Таким образом, Югославия обвинялась в репрессиях, а действия НАТО приобретали законную силу. Из Косова Югославия должна была в ускоренном режиме вывести всех военных и полицейских. В крае разворачивались международные силы безопасности и силы гражданского присутствия. Предполагалось создание временной администрации для Косова и предоставление ему «существенной автономии в рамках СРЮ». 3 июня Скупщина Сербии проголосовала за документ, вынужденная рассматривать его как план мира, который подтверждает территориальную целостность и суверенитет Югославии. В тот же день министр обороны Великобритании Дж. Робертсон заявил, что «резолюции парламента недостаточно, чтобы убедить косовских беженцев вернуться в места своего постоянного проживания»⁸⁸. НАТО праздновала победу и продолжала наносить бомбовые удары по территории Югославии.

9 июня между представителями НАТО и СРЮ было подписано военно-техническое соглашение о процедурах и режиме вывода из Косова сил безопасности СРЮ. Правительства Югославии и Республики Сербии согласились с тем, что Международное присутствие по безопасности в Косове (КФОР) будет расположено на территории Косова для содействия безопасности всего населения края. Договор установил «воздушную зону безопасности» шириной 25 км вне границ/территории Косова. Определена была и «наземная зона безопасности» шириной 5 км вне границ/территории Косова, заходящая внутрь «остатка территории СРЮ». Военные силы СРЮ должны были за 11 дней выйти с территории края. Лишь после этого, 19 июня, НАТО приостановила «воздушные операции», а 20 июня приняла решение об их окончательном прекращении⁸⁹.

10 июня Совет Безопасности ООН проголосовал за резолюцию 1244, которая постановила, что политическое урегулирование косовского кризиса будет основываться на договоренностях министров иностранных дел «большой восьмерки» от 6 мая 1999 г., на документе, предложенном Ахтисаари – Черномырдиным, а будущий статус Косова определяться, «принимая во внимание соглашения в Рамбуйе»⁹⁰. Совет Безопасности подтвердил свою приверженность суверенитету и территориальной целостности Союзной Республики Югославии, необходимости создания реального самоуправления для Косова. Резолюция потребовала, чтобы СРЮ немедленно прекратила насилие и репрессии в Косово, начала вывод войск по ускоренному графику.

Параллельно в Косове должно было разворачиваться международное гражданское присутствие и присутствие по безопасности с необходимым персоналом и снаряжением. Резолюция требовала, чтобы «ОАК и другие вооруженные группы косовских албанцев немедленно прекратили все наступательные действия и выполнили требования в отношении демилитаризации, устанавливаемые руководителем международного присутствия по безопасности»⁹¹. Резолюция подтверждала, что позже согласованному числу югославского и сербского военного и полицейского персонала будет разрешено вернуться в Косово для выполнения определенных функций.

Ни один из документов не гарантировал возобновление деятельности союзных органов на территории Косова. Предполагалось, что в крае будет создана временная администрация как часть «международного гражданского присутствия, под управлением которой население Косова сможет иметь существенную автономию в рамках Союзной Республики Югославии». Временная администрация «будет обеспечивать руководство в течение переходного периода, одновременно обеспечивая и контролируя создание временных демократических органов самоуправления в целях создания условий для налаживания мирной и нормальной жизни для всех жителей Косова»⁹². Рамки переходного периода никто не определил.

Вывод югославской армии из Косова, который осуществлялся под контролем НАТО, не принес мира на его территорию. Возвращение в край Освободительной армии Косова, последовавший с молчаливого согласия альянса, вызвал поток сербских беженцев. Боевики, не желавшие разоружаться, начали преследование сербов, вновь напомнили свою главную цель – отделение от Югославии. Резолюцию 1244 вспоминали все реже, а нарушали все чаще.

Ситуация в Косове и Метохии характеризовалась повседневным террором, преступлениями, массовыми нарушениями прав человека и этнической чисткой неалбанского населения. Только за год присутствия миротворцев в Косове было совершено 5000 терактов, более чем 1000 человек убиты и более 960 похищены, разрушены более 85 средневековых религиозных объектов и памятников истории и культуры, 350 тыс. жителей края покинули свои родные очаги, государственную границу СРЮ пересекли и прибыли в край более 250 тыс. иностранцев, преимущественно граждан Албании и Македонии. «Миротворческая» миссия ООН и НАТО по налаживанию многоэтнической, многоконфессиональной и многокультурной жизни в Косове и Метохии не увенчалась успехом. Миссия ООН в Косове ни на шаг не продвинулась в построении свободного демократического общества. 17 марта 2004 г. стал трагическим днем для всей Сербии. В Косове и Метохии албанцы с оружием в руках поднялись против оставшегося в Крае сербского населения. На глазах многочисленных международных сил они уничтожали православные храмы, поджигали сербские дома, убивали людей. Итог – более 30 погибших, около 850 раненых, более 3500 изгнанных из своих домов, почти 340 сожженных сербских домов, 25 уничтоженных православных монастырей и храмов. Даже НАТО в лице командующего южной группой войск Грегори Джонсона охарактеризовала массовое насилие как этническую чистку сербов. Фактически присутствие натовцев в Косове способствовало созданию на территории края самостоятельной и не зависимой от Белграда политической и экономической систем, подготовило провозглашение независимости Косова в феврале 2008 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Югославия // ТАСС: Европа. Т. 1. М., 1994. С. 40/1.

2 Документ ООН. S/RES/757 (1992). С. 1.

3 Demografske odlike stanovništva SR Jugoslavije po nacionalnosti // Jugoslovenski pregled. Beograd, 1993. G. 37, № 4. S. 12.

4 Информация правительства Черногории. Рукопись.

5 Rezolucije Saveta Bezbednosti o krizi u bivšoj Jugoslaviji i drugi dokumenti. Beograd, 1994. S. 104.

6 Интегрални текст писма Председништва Југославије Бутросу Галију // Политика. Београд, 1992. 27 мај. С. 4.

7 Јовановић В. Не верујемо у дугорочност санкција // Политика. Београд, 1992. 2 јун. С. 2.

8 Branković S. O fenomenu podrške neuspešnoj vlasti // Srpska politička misao. Beograd, 1994. Бр. 1–4. С. 204.

9 Kovačević S., Dajić P. Hronologija jugoslovenske krize. Beograd, 1994. S. 75; Информация правительства Черногории.

10 Zaboravljeni sporazum o Bosni // Naša Borba. Beograd, 1996. 4 mart. S. XIV.

- 11 *Kovačević S., Dajić P.* Hronologija jugoslovenske krize. S. 103.
- 12 *Петровић Р.* Српска опозиција у очима њених политичара // Политика. Београд, 1994. 11 мај. С. 10.
- 13 *Кондрашов А.* Југославија после изборова // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. М., 1993. 27 јанв. № 16. С. 5, 6; Информација правителства Черногорији.
- 14 *Milosavljević B., Jovanović M.* Privremeni izbori za narodne poslanike Narodne skupštine Republike Srbije u decembru 1993 // Jugoslovenski pregled. Beograd, 1994. G. 38, № 1. S. 76.
- 15 *Хисени Х.* Интервју... // Интервју. Београд, 1994. 5 авг. Бр. 341. С. 26–31
- 16 *Стојић Љ.* Приклањање власти // НИН. Београд, 1996. 10 мај. № 2367. С. 14.
- 17 *Экономическое сотрудничество на Балканах // Сербия.* Белград, 1998, N 49/50. С. 60.
- 18 Spisak registrovanih političkih organizacija u Republici Crnoj Gori. Документација информационе службе президента Черногорији.
- 19 *Branković S.* O fenomenu podrške neuspešnoj vlasti. Бр. 1–4. S. 197–215.
- 20 Информација правителства Черногорији.
- 21 Spisak registrovanih političkih organizacija u Republici Crnoj Gori. Документација информационе службе президента Черногорији.
- 22 *Кондрашов А.* Југославија под санкцијама // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. М., 1993. 14 јула. № 117. С. 23.; Bilten vesti. Moskva, 1994. 18 јан. S. 3; *Волф Г.* За осамнаест година живићемо као 1990 // Политика. Београд, 1994. 23 март. С. 13.
- 23 Bilten vesti. Moskva, 1994. 18 јан. S. 3.
- 24 *Волф Г.* За осамнаест година живићемо као 1990. 23 март. С. 13.
- 25 *Kovačević S., Dajić P.* Hronologija jugoslovenske krize. S. 147.
- 26 Bilten vesti. Moskva, 1993. 30 dec. S. 1.
- 27 *Богуновић Б.* Тако је говорио Иглбергер // ТАНЈУГ – пола века. Београд: ТАНЈУГ, 1993. С. 14, 21.
- 28 Документ ООН. А/50/163. Пятидесетая сессия ГА, пункт 107, 109 и 112 предварительной повестки дня «Социальное развитие, включая вопросы, относящиеся к мировой социальной ситуации, молодежи, стариков, увечных и семей. Продвижение женщин. Обеспечение и защита прав детей». С. 107.
- 29 Документ ООН. Е/CN.4/1998/138.
- 30 Документ ООН. А/50/163. Пятидесетая сессия ГА, пункт 107, 109 и 112 предварительной повестки дня. С. 107, 111.
- 31 Там же. С. 110.
- 32 Там же. С. 112.
- 33 Международные организации и кризис на Балканах. Документы / Сост. и отв. редактор Е.Ю. Гуськова. М., 2000. Т. 2. С. 471.
- 34 Там же. С. 483, 488.
- 35 Там же. С. 86.
- 36 Документ ООН. А/51/665; S/1996/931.
- 37 *Радовановић И.* Факултет у гаражи, пракса у Истамбулу // Наша борба. Београд, 1995. 24 нов. С. 12; Школство на Космету // НИН. Београд, 1994. 30 септ. Бр. 2283. С. 26.
- 38 *Šaropnja-Hadžić M.* Čovek s evropskom šalom // Naša borba. Beograd, 1994. 13/14 dec. S. VII.
- 39 *Budžovi I.* Intervju... // Borba. Beograd, 1994. 17 avg. S. 14.
- 40 Od izbornih rituala do slobodnih izbora. Beograd, 1991. S. 295–298.
- 41 *Kovačević S., Dajić P.* Hronologija jugoslovenske krize 1942–1993. S. 71.
- 42 Документ ООН. А/51/665; S/1996/931

- 43 Represija nad albancima na Kosovu. Dokumenti // Naša borba. Beograd, 1994. 24 dec. S. 7.
- 44 Šaponja-Hadžić M. Čovek s evropskom šalom . S. VII.
- 45 Малићу Ш. Време Ругове // НИИ. Београд, 1994. 12 авг. Бр. 2276. С. 24.
- 46 British, French and Portuguese Delegation. Report of the visit. Рукопись.
- 47 Ibrahim Rugova povodom Holbrukove izjave i navodnoj Miloševićевој «ponudi» // Borba. Beograd, 1994. 10 maj. S. 12–13.
- 48 Bariaktarević R. Trougao sa dva tupa ugla // Borba. Beograd, 1994. 25/26 jun. S. IX.
- 49 Документ ООН. E / CN.4 / Sub.2 / 1996 / L.4.
- 50 То же. A/51/665; S/1996/931.
- 51 Vlasi A. Nojev refleks srpske vlasti // Naša borba. Beograd, 1997. 13/14 dec. S. II / III.
- 52 Ibid.
- 53 Симеуновић Д. Распрострањена појава // Војска. Београд, 1998. 7/14 мај. Бр. 23. С. 10.; Мијалковски М. Насилје терориста неће проћи // Там же. С. 20–21.
- 54 Документ ООН. S/RES/1160 (1998).
- 55 То же. A / 53 /115, S/ 1998 / 365.
- 56 То же. A / 54 /187, S/ 1999 / 846.
- 57 Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999. С. 348–349.
- 58 Документ ООН. S/RES/1199 (1998).
- 59 Југославија на пороге 2000 года: Документи, факти, сведетелства, мненја. М.: РИА «Новости», 1999. С. 44.
- 60 Документ ООН. S/RES/1203 (1998).
- 61 Sporazum u rezoluciju SB // Blic. Beograd, 1998. 16 okt. S. 3.
- 62 Документ ООН. S/RES/1203 (1998).
- 63 То же. S/1999/51; Документ ООН. S/1999/56.
- 64 Југославија на пороге 2000 года. С. 49.
- 65 Документ ООН. S/1999/56.
- 66 То же. S/1999/24; То же. S/1999/51; То же. S/1999/56.
- 67 Izveštaj delegacije vlade Republikr Srbije o razgovorima vođenim na sastancima u Rambujeu i Parizu radi utvrđivanja sporazuma o suštinskoј samoupravi na Kosovu i Metohiji // Politika. Beograd, 1999. 24 mart. S. 1.
- 68 Паклин Н. Делят шкуру неубитого медведя // Российская газета. М., 1999. 11 марта. С. 7.
- 69 Југославија на пороге 2000 года. С. 56.
- 70 Там же. С. 177, 191, 192.
- 71 Документ ООН. S/1999/292.
- 72 То же. S/1999/314.
- 73 То же. S/1999/317.
- 74 Примаков Е.М. Годы в большой политике. С. 358.
- 75 Документ ООН. S/1999/320.
- 76 Примаков Е.М. Годы в большой политике. С. 357.
- 77 Југославија на пороге 2000 года. С. 68, 74–75.
- 78 Митинги, протести, сожжение американских флагов: Реакция российской провинции на агрессию НАТО // Независимая газета. М., 1999. 27 марта. С. 4.
- 79 Југославија на пороге 2000 года. С. 144; Преступления НАТО в Југославији. Документальные свидетельства. М. Белград, 1999. Т. 1. 24 марта – 24 апреля 1999. С. X1; Документ ООН. E/1999/98; Шурыгин В. Урок агрессору // Завтра. М., 2000. № 19 (336). С. 4; ИТАР-ТАСС, 1999. 16 июня // www.tass.ru.

- 80 Документ ООН. S/1999/344.
- 81 Информационный бюллетень Посольства Союзной Республики Югославии. М., 1999. 16 мая. № 79.
- 82 *Pavković N. Izvršeni svi zadaci* // *Borba*. Beograd, 1999. 13 jun.
- 83 *Шурыгин В. Урок агрессору* // *Завтра*. М., 2000. № 19 (336). С. 4.
- 84 Югославия на пороге 2000 года. С. 144.
- 85 ИТАР-ТАСС, 1999. 29 мая // www.tass.ru.
- 86 Югославия на пороге 2000 года. С. 85.
- 87 Документ ООН. S/1999/649.
- 88 ИТАР-ТАСС, 1999. 3 июня // www.tass.ru.
- 89 Документы ООН. S/1999/663; S/1999/702.
- 90 То же. S/RES/1244 (1999).
- 91 Там же.
- 92 Там же.

ГЛАВА 5

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЮГОСЛАВСКОГО КРИЗИСА

События, связанные с распадом федеративного югославского государства вошли в историю под названием современного югославского кризиса. И в нем можно выделить несколько тесно переплетенных, но все-таки самостоятельных процессов.

Первый и центральный процесс – это сам распад многонационального государства. De facto распад Югославии произошел 25 июня 1991 г., когда парламенты Словении и Хорватии провозгласили независимость и приняли решения о выходе из состава единого государства. De jure же Социалистическая Федеративная Республика Югославия прекратила существовать спустя полгода, в январе 1992 г., когда независимость Словении и Хорватии признали страны Европейского сообщества. В начале апреля 1992 г. международное признание получила Босния и Герцеговина.

Раздел государства без предварительных договоренностей таил в себе неминуемую угрозу войны. Это понимали все – и желающие покинуть федерацию югославские республики, и мировое сообщество, поспешившее признать и тем самым форсировать распад СФРЮ.

Как известно, судьба Югославии зависела прежде всего от отношений, которые складывались между Сербией, Хорватией и находящейся между ними Боснией и Герцеговиной. И именно по оси Белград – Сараево – Загреб возникло основное противостояние, вылившееся в череду войн, которые распространялись с северо-запада на юго-восток распадавшейся Югославии, втягивая в свою орбиту все новые югославские республики и народы.

Попутно заметим, что использование иногда в историографии термина «балканский кризис» как синонима югославского кризиса или даже как более точного наименования драматических событий на пространстве бывшей Югославии в конце XX в., представляется неверным. Кризис так и не вышел за пределы бывшей Югославии, и строго говоря, не стал региональным. А именно его региональным, общебалканским характером оправдывалось вмешательство в дела Югославии международного сообщества.

Первый этап военной фазы югославского кризиса состоял из десятидневной вооруженной борьбы в Словении, так называемая «десятидневная война» (июль 1991 г.) и двух межэтнических войн – хорватской (1991–1995 гг.) и боснийской (1992–1995 гг.). Этот этап закончился Дейтонскими мирными соглашениями.

Ко второму этапу, когда на первый план выдвинулись сербско-албанские противоречия, относится 78-дневная натовская агрессия против Союзной Республики Югославия в 1999 г. Сюда же можно отнести и события в Македонии, произошедшие уже в начале XXI в., в 2001 г., когда в результате усиления албанского сепаратизма в вооруженный конфликт на несколько месяцев погрузилось и это государство.

Второй процесс, протекавший на территории бывшей СФРЮ, был порожден интернационализацией югославского кризиса, т.е. вмешательством в него извне. Поспешное

признание западными странами новых государств (первыми это сделали Германия и Ватикан), явное покровительство одним участникам конфликта в ущерб другим, применение двойных стандартов и широкого арсенала давления – от санкций до военной силы – во многом не только спровоцировали десятилетие войн на постюгославском пространстве, но и придали им столь затяжной и ожесточенный характер. Можно со всей определенностью сказать, что к процессу распада Югославии вмешательством извне был добавлен и процесс развала этого государства.

Первое, о чем необходимо сказать в этой связи. Балканы всегда были скорее объектом, нежели субъектом международных отношений. На протяжении всей своей истории Балканы были разменной картой в политике великих держав. Так было во времена Османской и Австрийской империй, так происходило во времена двух мировых войн, так произошло и в конце XX в. И говорить о какой-либо врожденной агрессивности балканцев – было бы несправедливо, это означало бы «сваливать с больной головы на здоровую». Столь же несправедливо видеть в Балканах лишь зону сплошной нестабильности, делать из них своего рода пугало для Европы. Объясняется это или невежеством, почти полным незнанием Балкан или целенаправленной дезинформацией.

К примеру, многие жители западного мира, запутавшись в лабиринтах балканской истории, вообще пришли к выводу, что понять ее западному человеку невозможно. Не случайно подлинным бестселлером, выходящим массовыми тиражами, стала в США и Западной Европе книга журналиста Р. Каплана «Балканские привидения: путешествие сквозь историю»¹. Каплан нарисовал жуткую картину балканской истории, где действуют дикие, кровожадные люди.

Любопытно, что такое высокомерное отношение к балканцам, прежде всего к сербам, было характерно и для самых высокопоставленных представителей западных посредников в югославском кризисе. Так, один из архитекторов Дейтонских договоренностей Р. Холбрук и его подчиненные, бывая неоднократно в Боснии, по-видимому, ощущали себя ковбоями на Диком Западе, а территории, контролируемые сербами, называли между собой «землями индейцев»². Сказывается давно отмеченное устойчивое представление Запада о себе, как носителе цивилизующей миссии, имманентно присущая Западу «презумпция цивилизационного превосходства»³.

Не добавили ясности в понимание югославского кризиса и вышедшие на Западе мемуары многих действующих лиц югославской трагедии: Р. Холбрука, Д. Оуэна, У. Циммермана, К. Билдта и др. По образному замечанию сербского журналиста С. Релича, в них проводилась мысль, что события в Югославии и, в частности, в Боснии – «обычная балканская резня, в которой мы выступали как дикари, не знающие, как положить ей конец, до тех пор, пока, пусть и с помощью Божьей, где-то за семью морями не был найден Дик Холбрук – исполин, удар которого ладонью о [переговорный] стол был такой силы, что все наши предводители затряслись от страха – и подписали мир»⁴.

Много было, конечно, и пропаганды, достигшей в годы кризиса масштабов настоящей «информационной войны», которая, наверное, впервые в истории стала столь заметным фактором, в чем-то даже более существенным, чем война обычная – на поле брани. Жертвой этой войны опять же стали прежде всего сербы, превратившиеся под пером и объективом журналистов со всего мира чуть ли не во второе пришествие нацистов на европейском континенте.

Назначенный в то время послом России в Ватикане бывший пресс-секретарь президента Ельцина В.В. Костиков был поражен невиданной информационной волной

по нагнетанию страхов среди местного населения: «Западная и американская печать, используя известные пропагандистские приемы, обращения к письмам „простых тружеников“ и, в частности, жителей американской глубинки, все настойчивее проводят аналогии между сербами и нацистами. То, что сербы – это этническая категория, а нацизм – идеологическая, никого не волнует... Главное подготовить общественное мнение к масштабному военному вмешательству на Балканах под предлогом спасения Европы от нацистской чумы»⁵. По образному выражению Бисмарка, «никогда так много не врут, как после охоты и перед войной». Югославский кризис был характерен тем, что много врали и перед войной, и во время войны, и после войны.

И здесь возникает главный вопрос: что же все-таки двигало НАТО во главе с США, когда она, нарушив международное право, предприняла вооруженное вмешательство в югославский конфликт – сначала в Боснии, а затем в Сербии в связи с косовскими событиями? Было ли это бескорыстной борьбой за возвращение стабильности этому региону, за расширение так называемой «зоны демократии» в Европе, имел ли место альтруизм, обусловленный чисто гуманитарными соображениями? Или, возможно, происходили более глубинные процессы?

Югославский кризис совпал с огромным геополитическим сдвигом на европейском континенте – окончанием Холодной войны, прекращением блокового противостояния, крахом европейского коммунизма. Югославия не только потеряла свою ценность в качестве буфера между двумя блоками, но и стала обузой, не вписывавшейся в ту конфигурацию новой системы европейской и международной безопасности, которая замышлялась в США и на Западе в целом.

Как известно, Россия, будучи одним из полюсов прежнего биполярного мира, выступала за создание всеобъемлющей системы безопасности на основе общеевропейской организации – ОБСЕ. Однако успеха не имела. После некоторого колебания США считали, что являются единственным победителем в Холодной войне и имеют право на передел мира, исходя из логики «победитель получает все». Где-то такой передел в виде расширения НАТО на Восток происходил путем добровольного присоединения к блоку стран бывшего восточного блока; где-то, как в бывшей Югославии, – с использованием военной силы.

Именно формированием новой модели международной безопасности было вызвано прямое вмешательство Запада в югославский кризис. И именно это принципиально отличает его от всех других конфликтов в Европе последнего времени – например, северо-ирландского или кипрского. Ведь смена модели системы международной безопасности – событие эпохальное.

Российский историк В.К. Волков писал, что «балканский кризис ускорил те процессы, которые неизбежно должны были произойти в системе международных отношений. Их суть состоит в замене одной конкретно-исторической модели этой системы (Ялтинско-Потсдамской) на иную, которая пока не получила своего названия. Это сдвиг поистине тектонического масштаба... За последние четыре столетия подобная смена происходит пятый раз (после Тридцатилетней войны в Европе и Вестфальского мира 1648 г.; эпохи Наполеоновских войн и Венского конгресса 1815 г.; Первой мировой войны и системы Версальских договоров 1919–1920 гг.; Второй мировой войны и Ялтинско-Потсдамского урегулирования 1945 г.)»⁶.

Итак, в XX в. поочередно существовали три из пяти названных моделей системы международной безопасности. Причем при замене одной на другую важнейшую роль

играли Балканы. И даже в годы Холодной войны роль Балкан (и в частности Югославии) «определялась не столько их внутренними проблемами, сколько идеологическим и политическим противостоянием, характерным для двухполюсного мира». И сегодня «в двусторонних российско-американских отношениях в Европе Балканы явно претендуют на второе место после вопроса о расширении НАТО на Восток. Общее между этими двумя проблемами в том, что обе они связаны с перспективами безопасности в Европе»⁷.

Именно во время и сразу после югославского кризиса в центре новой системы безопасности явочным путем оказалась НАТО. Другими словами вмешательство западных держав в югославский кризис можно назвать процессом натоизации Балкан. И, как бы к нему не относиться, еще раз подчеркнем, что исторически в нем нет ничего исключительного. Достаточно посмотреть на Балканы нескольких последних десятилетий.

Так, 40-е годы XX в. были связаны с процессом фашизации балканских государств. Эта политика, инициатором которой была гитлеровская Германия, затронула Венгрию, Румынию, Болгарию, осуществлялись попытки ее распространения на Югославию. Разумеется, как это обычно и бывает, такая политика прикрывалась разговорами о «новом порядке», о «заинтересованности в сохранении мира на юго-востоке Европы» и т.п. Не претендуя на аналогию, заметим все же, что процесс натоизации Балкан тоже прикрывался рассуждениями о «новом мировом порядке», об укреплении стабильности в Юго-Восточной Европе, об утверждении там демократических ценностей и т.п. Между фашизацией и натоизацией Балкан пролегал полувековой период советизации Балкан и всей Восточной Европы. И этот процесс также сопровождался соответствующим идеологическим обеспечением.

Кстати, сравнивая современные Балканы с периодом советизации, со знаменитой брежневской доктриной «ограниченного суверенитета» можно сказать, что сегодня в разных балканских странах существует сочетание ограниченного суверенитета и даже протектората, как в Боснии или Косове и Метохии. Но, повторим, разными способами проводится одна политика – натоизация.

Любопытно отметить, что самый сильный отпор всем трем отмеченным нами процессам на Балканах – фашизации, советизации и натоизации – оказывала одна и та же страна – Югославия, прежде всего ее сербское население. Вспомним, что в конце марта 1941 г. правительство Югославии подписало соглашение о присоединении к Тройственному союзу, и это вызвало в Белграде массовые демонстрации под лозунгом «Лучше война, чем пакт», а затем и государственный переворот. Да и во время Второй мировой войны на территории Югославии действовало самое сильное движение сопротивления (в Сербии целых два – партизаны и четники) из всех оккупированных стран. Вспомним и 1948 г., когда конфликт между Й. Броз Тито и И.В. Сталиным привел к выходу Югославии из так называемого социалистического лагеря. И, наконец, яркое доказательство всему сказанному дает современный югославский кризис.

Выяснение этого феномена – почему «крепким орешком» для всех сил, стремившихся к доминированию на Балканах, оказывались именно сербы – требует специального исследования. Но одна из причин этого состоит в том, что сербы привыкли занимать на Балканах центральное место, играть ведущую роль. Это небольшой народ с менталитетом большого.

В какой-то степени из общего развития балканских стран в последние несколько десятилетий выбивается Греция. Однако и там можно разглядеть сходные процессы: период оккупации – фашизации (его слабым и более поздним отголоском можно, наверное, назвать семилетний режим «черных полковников» в 1967–1974 гг.); попытка советизации, проявившаяся в гражданской войне 1946–1949 годов; наконец, вступление в НАТО первой из балканских стран еще в 1952 г. И все же, несмотря на полувекое развития в рамках Североатлантического альянса, Греция типологически остается балканской страной, и нет никаких признаков того, что в обозримом будущем будет как-то иначе. Это убедительно подтвердила и отличная от стран Запада реакция в Греции на те же события 1990-х годов в бывшей Югославии.

Сравнивая современные события на Балканах с 40-ми годами прошлого века, можно сказать, что именно «балканские проблемы стали тем пробным камнем в советско-германских отношениях, который показывал истинные намерения нацистского руководства. Региональный характер событий лишь камуфлировал стратегический масштаб противоречий двух держав... Кремль в итоге оказался неспособным что-либо противопоставить тому драматическому развитию событий, которое привело к полному подчинению Балкан фашистской „осью“, а затем и к нападению на Советский Союз»⁸.

Вновь не претендуя на аналогию, заметим, что югославский кризис, несмотря на весь словесный камуфляж, также выявил истинные стратегические цели Североатлантического альянса на Балканах. И, кстати, НАТО также долго не сталкивалась с противодействием российской дипломатии, действия которой объяснялись не только объективной слабостью России в тот период, но и непониманием сути происходившего, того, что, несмотря на все заверения, одна из важных целей США в югославском кризисе – вытеснение России с Балкан

Любопытно, что российское общественное мнение среагировало гораздо точнее и быстрее. Было просто невероятно, что события в Югославии нашли столь горячий отклик, что называется, в «простом народе». Как очень точно, говоря о середине 1990-х годов, подметил российский политолог И.Ф. Максимычев «боснийский кризис выявил немаловажное влияние общественного мнения России на ее внешнюю политику. Никто не ожидал подобного эмоционального подъема в задавленной внутренними бедами и неразумной экономической политикой стране по не затрагивающему непосредственно ее материальных интересов поводу. Широчайшая поддержка сербов ... продемонстрировала, что общественное мнение в России живо и что с ним приходится считаться»⁹.

Иллюзии ушли в прошлое. Пришло понимание.

В целом критическое отношение к западному вмешательству в ход югославского кризиса доминирует в российской научной литературе. Схожее представление бытует в сербской историографии. Например, историк М. Кович пишет, что «внутренние раздоры были только вирусом, из которых развилась болезнь, но смерть Югославии наступила только тогда, когда исключительно ради собственных интересов в конфликт вмешались великие державы и соседние государства»¹⁰. Об этом пишут и некоторые западные исследователи. Так, английская исследовательница, политолог и журналист Н. Белофф в книге «Югославия – война, которую можно было избежать» писала, что, «если бы не было вмешательства извне, то конфликта в Югославии можно было бы избежать, а Югославское государство в том или ином виде – сохранить»¹¹. Наверное, это не совсем так. Но верным представляется то, что своекорыстное вмешательство Запада

в дела Югославии, применение так называемых «двойных стандартов» только затягивало конфликт, приводило к новым жертвам.

Точнее, на наш взгляд, высказался бывший французский генерал, специалист по геополитике П.-М. Галлуа. Он считает, что хотя начальные условия для кризиса создала сама Югославия, но кризис спровоцировала Германия, а затем его углубили США с надеждой извлечь максимум пользы из поддержки боснийских мусульман¹². А затем и косовских албанцев.

Наконец, у югославского кризиса есть еще третья составляющая – спровоцированный им и, в частности, западным вмешательством рост албанской экспансии. В настоящий момент албанцы, без сомнения, самый активный, быстро растущий и стремящийся к консолидации в границах единого территориального пространства балканский этнос. Учитывая то, что, кроме собственно Албании, албанцы проживают в Сербии, Черногории, Македонии и Греции, это чревато новыми потрясениями и новыми переделами. И они уже начались после одностороннего провозглашения независимости Косова и признанием ее рядом стран. Порох в балканском погребе еще не выгорел до дна. За экспансией албанцев просматриваются и более опасные для судеб мира процессы, она хорошо вписывается в так называемую «южную дугу нестабильности», которая как раз на Балканах вторгается в Европу¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Kaplan R.* Balkan ghosts: a journey through history. N.Y., 1994.

2 *Holbruk R.* Put u Dejton. Od Sarajeva do Dejtona i posle. Beograd, 1998. S. 1–16.

3 Подробнее см.: *Шемякин А.Л.* Введение // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. Т. 1. Письма, статьи, мемуары. С. 9; *Он же.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // Там же. С. 629.

4 *Рельић С.* Била једном једна сила // НИН. Београд, 2000. Бр. 2607–14 децембра. С. 46–48.

5 *Костиков В.* Когда святые маршируют // Сегодня, 1995, 10 августа.

6 *Волков В.К.* Балканы в системе геополитических интересов России // *Волков В.К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000. С. 322.

7 *Он же.* Балканская западня и проблема столкновения цивилизаций // Там же. С. 343, 355.

8 *Он же.* Балканские проблемы в отношениях Советского Союза и Германии в 1940 году // Там же. С. 25, 28, 54.

9 *Максимычев И.* Бесцеремонность силы и стыд бессилия // Комсомольская правда, 1995, 4 октября.

10 *Ковић М.* Улога Руса на дугом српском путу ка бољем животу // НИН. Београд, 2009. Бр. 3068 – 15 октобра. С. 62.

11 *Beloff N.* Jugoslavija – jedan rat koji se mogao izbеći. Beograd, 1999. S. 11–12.

12 *Галлоа П.-М.* Крв петрола: Босна: геополитички есеј. Београд, 1996. С. 174–175.

13 См., например: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. 1993. № 1.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Югославский эксперимент, как несколько расширительно можно назвать не только попытки создания самоуправленческого социализма, но и весь период существования общего государства югославыян, закончился полным крахом. Вслед за окончанием срока, который был отпущен на общую для югославянских народов историю, заканчивался и XX век. Бывшие югославские республики прожили последние годы истекавшего века по-разному. Общим было лишь то, что их пути окончательно разошлись.

Словения и даже, частично, Хорватия уже преодолели последствия югославского кризиса и вступили в фазу стабильности. В то же время подобного нельзя сказать про Боснию и Герцеговину, Сербию, Черногорию, Македонию. В этих государствах еще возможны кризисные рецидивы. Недаром режимы в Боснии и Герцеговине и самопровозглашенном Косове до сих пор покоятся на иностранном военном и гражданском присутствии.

Словения. Еще на первых парламентских выборах в независимой Словении в декабре 1992 г. относительное большинство голосов получила Либерально-демократическая партия. Ее лидер Янез Дрновшек возглавил коалиционное левоцентристское правительство. В прошлом финансист и дипломат, он показал себя мастером компромиссов при создании различных партийных коалиций. С небольшим перерывом в 2000 г., когда у власти находилась правоцентристская коалиция, Я. Дрновшек и президент страны М. Кучан сохраняли за собой главные государственные посты на протяжении всего первого десятилетия независимости Словении (Милан Кучан был единственным республиканским лидером, встретившим распад Югославии в этом качестве и сохранившим его до начала XXI в.).

Словения была наиболее развитой из всех республик СФРЮ. Таковой она и осталась после ее распада. После обретения независимости Словения добилась самых больших успехов среди всех постюгославских и даже постсоциалистических европейских государств. Особенностью проводимых в стране реформ в годы правления словенских левоцентристских кабинетов являлась их постепенность. Правительство сознательно придерживалось именно такой стратегии, чтобы избежать социальной напряженности в обществе. И это им полностью удавалось: все социальные конфликты в Словении имели отраслевой или локальный характер, ни один из крупных профсоюзных центров за все это время не организовывал общегосударственные акции протеста.

В марте 2004 г. Всемирный банк признал Словению первой на бывшем постсоциалистическом пространстве Восточной Европы развитой страной. В том же 2004 г. Словения первой из республик бывшей Югославии вступила в НАТО и Европейский союз.

Хорватия. В годы войны в Хорватии сложился режим личной власти Ф. Туджмана, а правящее Хорватское демократическое содружество полностью слилось с органами государственного управления. Такое положение сохранялось и в первые послевоенные годы. В 1997 г. Ф. Туджман, ставший харизматическим лидером, в третий раз (повторно в независимой Хорватии) был избран президентом страны. Применявшиеся им авторитарные методы правления, ярко выраженный национализм не прибавляли Хорватии авторитета на международной арене, вызвали постепенно недовольство в обществе и самой правящей партии. Еще в 1994 г. в Хорватском демократическом содружестве произошел первый раскол.

Одновременно интеграционные процессы наблюдались в лагере оппозиции. В 1998 г. было заключено коалиционное соглашение между Социал-демократической партией Хорватии и Хорватской социально-либеральной партией, к которому присоединились и некоторые региональные партии. Целью коалиции была победа на парламентских выборах осенью 1999 г. Но в связи с тяжелой болезнью президента Ф. Туджмана они были перенесены на январь 2000 г.

Заметные изменения в политической жизни Хорватии начались уже после смерти Ф. Туджмана в декабре 1999 г. Кончина бессменного лидера оказалась для ХДС тяжелым ударом, его поддержка избирателями существенно сократилась. На парламентских выборах 2000 г. победила оппозиционная коалиция, обойдя ХДС почти на 17 %. Его возглавил лидер социал-демократов Ивица Рачан. Президентские выборы выиграл Стипе Месич, в свое время последний президент СФРЮ и до 1994 г. один из лидеров Хорватского демократического содружества. К моменту выборов он возглавлял небольшую Хорватскую народную партию.

Основное внимание коалиционное правительство обратило на проведение необходимых реформ в экономике, чтобы окончательно придать ей рыночный характер, а также в политике. Целью политических преобразований стала замена президентской системы правления парламентской. Парламентом были подготовлены и приняты в ноябре 2000 г. многочисленные поправки к конституции 1990 г., существенно ограничивавшие права президента в пользу Сабора.

Позже Хорватское демократическое содружество вновь пришло к власти, но к тому времени эта партия претерпела заметную эволюцию и отошла от прежних радикальных позиций в национальном вопросе.

Движение в направлении парламентской республики и развития демократических институтов положительно сказалось на инвестиционном климате Хорватии и привело к повышению интереса западных компаний к инвестициям в ее экономику. Страна вступила в период экономического роста, постепенно повышается благосостояние граждан. Заметно вырос и международный авторитет Хорватии.

Босния и Герцеговина. Учитывая широкомасштабное внешнее военное и политическое присутствие, Босния и Герцеговина после подписания Дейтонских договоренностей превратилась фактически в международный протекторат. И этот протекторат не был нейтральным по отношению к двум составным частям БиГ. Курс западных держав в этой стране был явно направлен на сокращение прав и полномочий Республики Сербской.

Еще не просохли чернила над Дейтонскими соглашениями, как раздалась требования их пересмотра и создания фактически унитарной Боснии и Герцеговины. В 1999 г. Посавинский коридор был выведен из-под управления властей РС и передан под международный надзор. Задача постепенной ревизии Дейтонских соглашений решалась поочередно всеми

Высокими представителями ООН. Дейтонские договоренности не наделяли этого представителя чрезмерными властными полномочиями. Однако уже в 1997 г. началось их последовательное увеличение. В результате Высокий представитель ООН превратился почти в диктатора, способного, в частности, смещать со своих постов выбранных лидеров.

Первые послевоенные парламентские выборы в Боснии и Герцеговине состоялись в сентябре 1996 г. с участием 39 партий. Попытка Запада поддержать «умеренные силы» провалилась. Национальные общины Боснии отдали свои голоса тем партиям и лидерам, которые возглавляли их во время войны. В Федерации БиГ победили правящая мусульманская Партия демократического действия и Хорватское демократическое содружество, а в Республике Сербской – Сербская демократическая партия. Поддержка населением Боснии и Герцеговины партий, придерживавшихся однозначно национальных программ, сохранялась и в дальнейшем. Ее не изменил даже добровольный уход в отставку в середине 2000 г. по состоянию здоровья А. Изетбеговича. Вскоре он умер.

В 2002 г. в Боснии и Герцеговине фактически была проведена конституционная реформа. В ее результате Республика Сербская перестала быть только сербским образованием, теперь она считается «образованием сербов, боснийцев, хорватов и других народов». Населению РС запретили проведение референдумов, в том числе и по вопросу о самоопределении. У президента РС и спикера парламента появились заместители – босниец и хорват, в правительстве РС было зарезервировано 5 мест для боснийцев и 3 места для хорватов. Той же цели ограничения автономных прав РС послужили военная и полицейская реформы. Под угрозой ликвидации Республики Сербской лидеров боснийских сербов заставили согласиться на общую с Федерацией БиГ армию. Частично аналогичный процесс затронул полицейские подразделения.

Благодаря международной программе реконструкции БиГ получила в 1996–2000 гг. кредиты на сумму более 5 млрд долларов. Эти средства существенно облегчили процесс восстановления экономики. Удалось стабилизировать национальную финансовую систему, ввести собственную валюту и обеспечить ее конвертируемость, реструктуризировать внешний долг. Принятие закона о приватизации положило начало реструктуризации промышленности. Однако последствия межэтнического конфликта до сих пор продолжают оказывать негативное влияние на развитие Боснии и Герцеговины, доведенный уровень развития экономики не достигнут. Во многом это объясняется тем, что на территории этой республики находилась значительная часть военной промышленности СФРЮ, спрос на продукцию которой сейчас не велик. Конверсия предприятий оборонного профиля требует значительных инвестиций, которых в государстве нет.

Главной проблемой остается неясность перспектив этого государства – останется ли оно дуалистическим, состоящим из двух равноправных частей, или продолжится инспирируемый извне курс на фактическую ликвидацию полномочий Республики Сербской. Однако такой курс может привести и к обратному: развалу общего государства.

Македония. Еще в феврале 1992 г. руководители Македонии и доживавшая последние недели СФРЮ подписали договор о выводе с территории республики частей Югославской народной армии. Тем самым Македонии удалось избежать военных столкновений при распаде федеративного государства.

Состоявшиеся осенью 1994 г. парламентские выборы принесли абсолютное большинство мандатов в законодательном собрании правящему блоку «Союз за Македонию»,

ведущую роль в котором играл Социал-демократический союз Македонии (СДСМ). Коалиционное правительство составили представители «Союза за Македонию» и Партии демократического процветания албанцев. Премьер-министром остался лидер социал-демократов Бранко Црвенковский, занимавший этот пост с 1992 г.

На президентских выборах в 1999 г. президентом Македонии был избран кандидат от оппозиционной ВМРО–ДПМНЕ Борис Трайковский, которого поддержала также оппозиционная Демократическая партия албанцев. Премьер-министром Македонии стал основатель ВМРО–ДПМНЕ Любчо Георгиевский.

Таким образом, в 1990-е годы в Македонии попеременно правили то СДСМ, то ВМРО–ДПМНЕ. Правительственную коалицию с ними составляла также попеременно одна из двух ведущих «албанских партий».

В начале 2001 г. Македония перестала быть единственным «оазисом стабильности» на пространстве бывшей Югославии. На северо-западе страны начались столкновения между албанцами и правительственными войсками. Албанскими сепаратистами, часть которых проникла в Македонию из Косова, была сформирована так называемая Объединенная народная армия. «Повстанцы» выступали за албанскую автономию в Македонии и даже за объединение всех населенных албанцами территорий Балкан (Албания, Косово, Западная Македония, Северная Греция).

Пытаясь справиться с ростом терроризма и сепаратизма, македонское руководство в мае 2001 г. пошло на создание «правительства политического единства», в которое впервые вошли представители всех основных партий, в частности, ВМРО–ДПМНЕ, Социал-демократического союза Македонии и албанских Демократической партии и Партии демократического процветания. Албанцы согласились войти в правительство под нажимом США и Великобритании, а также представителя ОБСЕ в Македонии. Во главе «правительства политического единства» остался прежний премьер-министр Л. Георгиевский.

Однако этот политический маневр не удовлетворил сепаратистов, военные действия продолжались. Президент страны Б. Трайковский под сильнейшим давлением Запада пошел на переговоры с албанцами. 13 августа 2001 г. в курортном городе Охрид лидеры основных политических партий Македонии, включая и албанские, а также президент страны Б. Трайковский в присутствии международных посредников (США, НАТО, ЕС, ОБСЕ) подписали рамочный договор о политическом разрешении кризиса.

Согласно этому документу, из конституции Македонии устранялось упоминание о македонцах как титульной нации. Особое внимание в соглашении уделялось албанскому языку: он получал статус официального языка во всех общинах, где проживает 20 и более процентов этнических албанцев. Значительно увеличивалось представительство албанцев в органах судебной и государственной власти, в том числе в полиции. Албанские сепаратисты, в случае добровольного разоружения, попадали под амнистию.

Для реализации Охридских договоренностей было изменено административно-территориальное деление страны, приведшее к укрупнению местных общин. В результате этого на севере и западе Македонии образовались связанные между собой территории с преобладающим албанским населением.

Македонско-албанские межэтнические отношения остаются главной проблемой Македонии. Второй важнейшей проблемой является экономика. Македония остается одним из беднейших государств Европы с высоким уровнем безработицы и явно недостаточным объемом зарубежных инвестиций. Более трети населения живет за чертой бедности. Экономика страны косвенно пострадала от санкций, введенных междуна-

родным сообществом против Югославии, и непосредственно – от закрытия Грецией порта Салоники для македонских судов и греческими экономическими санкциями в 1992–1995 гг. Санкции стали следствием протестов Греции, настаивавшей на том, что использование названия «Македония» равнозначно территориальным претензиям к ней соседнего государства, поскольку существует одноименная греческая провинция. В результате до сих пор официальным названием этой страны, под которым она была принята в ООН, остается – Бывшая Югославская Республика Македония (БЮРМ).

СЕРБИЯ И ЧЕРНОГОРИЯ. В июле 2000 г. парламент Союзной Республики Югославии принял ряд поправок в конституцию государства, в частности, изменил порядок выборов президента. Теперь вместо депутатов парламента его должны были избирать в ходе всеобщих, прямых выборов. Кроме того, 40 депутатов верхней палаты скупщины (Вече республик) также должны были избираться прямым голосованием (до этого парламента Сербии и Черногории направляли туда по 20 депутатов). Этими изменениями парламента фактически открыл С. Милошевичу путь к переизбраниям на пост президента Югославии (еще дважды, каждый раз – на четыре года) и резко ослабил электоральные позиции 650-тысячной Черногории по сравнению с 8-миллионной Сербией.

Новые президентские и парламентаские выборы в Югославии состоялись 24 сентября. Главным конкурентом Сербской социалистической партии С. Милошевича была новая коалиция – Демократическая оппозиция Сербии (ДОС), выдвинувшая своим кандидатом в президенты СРЮ лидера Демократической партии Сербии Воислава Коштуницу. ДОС состояла из 18 партий различной направленности, но в нее не вошла некогда самая большая оппозиционная партия – Сербское движение обновления В. Драшковица. Всего за 138 мест в нижней и 40 – в верхней палатах парламента боролись представители 21 партии. В знак протеста против изменения конституции выборы бойкотировали власти Черногории.

Итоги выборов оказались сенсационными. Демократическая оппозиция Сербия получила преимущество в 600 тыс. голосов при избрании депутатов в верхнюю палату скупщины (Вече республик) и почти в 500 тыс. при голосовании в нижнюю палату (Вече граждан), обогнав блок, состоявший из Социалистической партии, ЮЛ и двух оппозиционных черногорских партий – Социалистической народной и Народной. Еще уверенней выступил ДОС на президентских выборах. В. Коштуница победил уже в первом туре, набрав 50,24 % голосов при 37,15 % голосов у С. Милошевича. Правда, эти данные были подтверждены позже, а до этого Центризбирком заявлял о необходимости второго тура, так как В. Коштуница получил якобы только 48,96 % голосов, то есть меньше необходимых 50 % + 1 голос. Против фальсификации результатов выборов в Белграде и других городах начались массовые волнения, закончившиеся захватом здания парламента, отстранением С. Милошевича от власти (5 октября) и инаугурацией четвертого президента третьей или сербско-черногорской Югославии В. Коштуницы (7 октября).

В конце декабря 2000 г. состоялись выборы в парламента Сербии. Они принесли безоговорочную победу объединенной оппозиции. ДОС получила свыше 64 % голосов избирателей, а премьер-министром Сербии был назначен председатель входящей в ДОС Демократической партии Зоран Джинджич. Власть в Сербии окончательно сменилась.

Таким образом, «бархатная революция» в Сербии после первых многопартийных выборов оказалась растянута на десять лет и завершилась только в октябре 2000 г., когда к власти в Белграде пришла, наконец, демократическая оппозиция. В отличие от

других стран Восточной Европы, «бархатная революция» в Сербии представляла собой длительный процесс. Он протекал от первых многопартийных выборов, через развал некогда общего государства, попыток поддержать самопровозглашенные сербские государственные образования в соседних республиках, санкции и агрессию НАТО, через массовые демонстрации оппозиции и до событий 5 октября 2000 г.

В то же время «октябрьская революция» в Сербии имела двойственную природу. Только, с одной стороны, она была последней в ряду «бархатных революций», которые начались еще в 1989 г. С другой – она открывала череду новых революций на постсоциалистическом пространстве Европы. Это – так называемые «цветные» или «электоральные революции» начала XXI в. Ведь точно по сербскому сценарию произошли затем «революция роз» в Грузии и «оранжевая революция» на Украине. В какой-то степени созвучны им были и события, приведшие к смене власти в Киргизии.

Общее между двумя типами революций – протестное выступление масс на основе соединения демократии и национализма. Особенность же революций начала XXI в. состоит в том, что они проходят во время выборов. В конце прошлого века именно многопартийные выборы были главным завоеванием оппозиции и механизмом смены власти во многих восточноевропейских странах. Попытка пересмотреть или даже ликвидировать это завоевание часто оказывается последней каплей, переполняющей чашу терпения.

При желании можно найти еще довольно много отличий между первым и вторым изданиями «трансформационных революций». И все они проявились еще 5 октября 2000 г. в Белграде. Это, например, и выход на авансцену событий молодого поколения, абсолютно аполитичного в 1989 г. В частности, в Сербии отличилась молодежная организация «Отпор». Это и несравненно большая помощь новым оппозиционерам со стороны Запада, для которого революции 1989 г. были в определенной степени неожиданными. Теперь же все изменилось. Революции происходят на западные деньги и по жестким западным лекалам. Отсюда и поразительное сходство революционных сценариев в Сербии, Грузии или на Украине.

В то же время эти революции обусловлены внутренними причинами. «Цветные революции» начала XXI в. призваны, во-первых, доделать то, что не было доделано «бархатными» революциями 1989 г. Именно поэтому они и происходят в относительно менее развитых государствах – на Балканах и постсоветском пространстве. Во-вторых, «цветные революции» нацелены на разрешение противоречий, которые появились уже в период постсоциалистической трансформации. И если для центральноевропейских Польши, Чехии, Словакии и Венгрии для проведения постсоциалистической трансформации хватило, по-видимому, одного революционного импульса, то для Сербии и некоторых постсоветских государств понадобились новые революционные потрясения.

4 февраля 2003 г. Союзная Республика Югославия, функционировавшая почти 11 лет и прочно связанная с именем С. Милошевича, перестала существовать. Ушло в историю и само название «Югославия». На месте СРЮ возникло государственное сообщество Сербия и Черногория. Наконец, 21 мая 2006 г. на референдуме, предусмотренном еще в конституционной хартии государственного сообщества, большинство жителей Черногории (55,5 % или на 0,5 % больше требуемого) выступили за полную независимость своей республики. 3 июня парламент Черногории провозгласил ее независимым государством. Не стало государственного сообщества Сербия и Черногория, разъединились две последние из оставшихся вместе бывших югославских республик, вновь прервалась общая история сербов и черногорцев.

17 февраля 2008 г. о своей независимости в одностороннем порядке объявило албанское руководство Косова.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**
Абакумов В.С. 666
Абдич Фихрет 809, 814, 815
Абрамович Войо 715
Авакумович Йован 27, 33
Акаши Ясуши 796, 797, 799, 826
Акмаджич Милэ 824
Аксаков И.С. 27
Алагич А. 825
Алаупович Т. 172
Александр Гарольд 513
Александр см. Карагеоргиевич Александр
Александр II 40
Александр III 18
Алексеев М.В. 189
Аллен Дж. 622, 623, 624, 626, 627, 629, 633, 634, 635, 636, 638
Алфиревич А. 101
Король Альберт 34
Амфитеатров А.В. 74, 75
Андов Стоян 719
Андрес Иван 367
Антипов А.И. 579, 580
Антич Милан 236–238, 242, 320
Анцела И. 96
Армстронг Чарльз 460
Арнаутович Шериф 161, 171
Артамонов В.А. 36
Атанацкович Йован 19, 33
Аттемс А. 129
Ахтисаари Марти 858, 859
Ачесон Д. 622, 625, 626, 629, 630, 633, 635
Ачимович Милан 386, 387, 388, 389, 401
- Б**
Бабич М. 118
Бабич Милан 778, 779, 780, 783, 797, 798
Бакарнич Владимир 736, 749
Бадольо Пьетро 445
Бакарнич Владимир 564, 602, 613, 698, 709, 716, 717, 722
Балугджич Живоин 34
Банич С. 207
Банянин Йован 164
Барац Фран 203, 205, 207, 208
Бауэр Анте 122, 207
Бачич Й. 126
Баямонти Анте 105
Библер Алеш 650
Бевин Эрнст 484, 617, 624, 625, 630
Бейли Уильям 480
Бек 66
Беланович Савва 107
Белич Александр 179
Белофф Н. 869
Бенеш Эдуард 436
Берия Л.П. 559, 662, 665
Бернштейн Эдуард 578
Бертолли 189
Бецич Иван 243
Биланджич Д. 685, 692, 709, 712, 717, 735, 736, 740
Бильдт Карл 799, 809
Билдт 866
Бинички Фран 101
Бироли Пирцио 393
Бисич Муниб 808
Биянкини Й. 204
Богетич Драган 659
Богичевич Богич 757
Богомоллов А.Е. 436
Болотов 56
Бодэ П. 624, 631
Бобан Матэ 811, 820, 821
Бовчар Игор 772
Богданович Радмило 811
Борас Франьо 809
Бранкович Вук 44, 45
Бранковичи 30
Брежнев Л.И. 680, 725, 726
Бречич М. 204
Бриан Аристид 189, 199

- Броз Тито Йосип 298, 299, 303, 304, 339, 413–422, 424, 427–429, 438, 440, 441, 445, 449, 450, 452–455, 457, 458, 459, 461–464, 466, 468, 472–477, 479, 484, 487–490, 494–498, 500–506, 519–521, 527, 533–537, 539, 541–551, 553, 554, 557, 558, 566, 569, 571–578, 580, 581, 583–585, 587, 591, 592, 617–634, 636, 637, 639–644, 647, 650, 653, 654, 655, 659, 601, 602, 603, 606, 610, 611, 612, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 676, 677, 678, 679, 680, 685, 686, 689, 692, 694–697, 701, 702, 703, 706, 707, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 722, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 735, 736, 737, 738, 741, 743, 744, 746, 748, 749, 750, 757, 767, 777, 868
- Броквилль 34
 Брук Ван ден 810
 Букоши Буяр 851
 Будац Миле 359, 280, 286, 289
 Будзилович А.И. 17
 Будисавлевич Срджан 205, 206
 Булат Г. 109
 Булатович Лиляна 817
 Булатович Момир 770, 842, 844, 847
 Булганин Н.А. 668
 Бунтич Дидак 207
 Буриан И. 162, 164
 Буткович И. 100, 101
 Бутрос-Гали Бутрос 789, 790, 816, 817, 818, 840, 847, 849, 850
 Буха Алекса 823, 832
 Бухарин Н.И. 578
 Бучар Франце 768
 Бучин Ненад 757
 Бьянкини Анте 198
 Бьянкини Юрай 108, 204
- В**алентич Никица 793
 Вальгрэн Л.Э. 819
 Вальков В.А. 652, 661
 Вальтер см. Броз Тито Йосип
 Ванцаш Й. 169
 Васильевич Алимпие 26
 Васич Драгиша 20, 294, 410, 471, 509, 510
 Вебер Альфред 33
 Вебер Макс
 Вейнберг Е
 Вейсман Александр 20
 Ведрин Юбер 856
 Велебит Владимир 489, 643
 Велимирович Пера 18
- Вельмар-Янкович Владимир 33
 Вензелос С. 630, 633, 634
 Варешанин Мариан 131
 Верстовшек К. 204
 Веселин М.М. 182
 Веселин Самуэль 172
 Веснич Миленко 199, 221, 226
 Видич Д. 658
 Видич Д. 663, 664, 669
 Визенталь Симон 781
 Видмар Й. 696
 Вильсон Вудро 154, 201, 624
 Вильсон Генри 459, 460, 477
 Вильфан Йоже 648, 650
 Виноградов В.Н. 190
 Витте С.Ю. 18
 Вишняков Я.В. 36
 Власи Азем 850, 751
 Власов П.М. 65
 Влахович Велько 625, 674, 710
 Войнович Коста 87, 104
 Вокич Анте 511, 512, 522
 Волков В.К. 745, 867
 Вольпи Дж. 56
 Вошняк Богумил 148, 153, 191
 Вране С. (Суле) 808
 Врбанич Фран 87
 Врхунец Марко 722, 724
 Вуич Миша 16, 18
 Вукичевич Велимир 238
 Вукманович-Темпо Светозар 621, 602, 690, 698, 701
 Вукосавлевич Сретен 479
 Вуксанович Любо 448
 Вучкович Воислав 36
 Вышинский А.Я. 325, 328, 340, 342, 435, 437
 Вэнс Сайрус 789, 810, 820, 821, 841
- Г**абсбург Карл I 153, 200
 Габсбурги 39, 152
 Гаврило см. Дожиц Гаврило
 Гаврилович Милан 319, 324, 325, 328, 329, 340, 341, 435, 436
 Гагаринов А.Н. 591
 Гаич-Глишич Добрила 788
 Галич Л. 207
 Ганич Эюп 824, 828
 Гарашанин Илия 175
 Гартвиг Н.Г. 37, 46, 177
 Гаспери А.де 633, 642
 Геллнер Эрнст 43
 Геншер Ганс-Дитрих 772, 810, 844, 757

- Генчич Джордже 19
Георгиевский Любчо 874
Георгиу-Деж Георге 581, 689
Гинзбург 628
Гирс А.А. 72, 192
Гирса В. 286
Гитлер Адольф 307–309, 317–319, 322, 323, 325–330, 336, 338–342, 353, 357, 359, 377, 378, 398, 427, 434, 447, 451, 467, 480, 488, 490, 493
Глигориевич Бранислав 46, 221, 237, 257, 258, 259
Глигоров Кирило 770
Гогенварт Карл 151
Гогенцоллерн 125, 135
Голиков Ф.И. 347
Голубович Радоня 581
Голуховский Агенор 38
Гомулка Владислав 580, 581, 678, 710
Гор Альберт 856
Горкич Милан 298, 299
Гостинчар Й. 204
Готвальд Клемент 579, 580, 583, 584
Готовац Владимир 748
Гошняк Иван 710
Гранич Матэ 799
Грджич В. 163, 172
Грджич Ш. 172
Грегорин Густав 153
Грегориш 643
Грегориш А. 204
Грей Эдуард 184, 187
Григоропулос 632
Грол Милан 241, 249, 476, 505, 506, 537, 542, 544–546, 548
Груберович В. 163
Груев Дамян (Даме) Йованов 73
Гршкович Н 202
Губастов К.А. 31, 58
Гудац-Додич В. 599
Гулькевич К.Н. 193
Гэлвин Джон 831
- Д**
Дабчевич-Кучар Савка 722, 723, 726, 727
Давидович Любомир 220, 225, 236–238, 243, 248, 249–251, 253, 257, 271
Даллес Дж. Ф. 668
Дамянович Миодраг 509, 513–516
Дангич Ездимир 424, 425
Дапчевич Пеко 635, 636
Дева Вели 712, 717
Дедиер В. 651, 686
- Дейчер И. 661, 663
Делич Расим 815, 824, 826
Демачи Адем 851, 854
Деметровиш Юрай 257
Демсар Ф. 204
Дермота Антон 145
Десница У. 118
Дешанель 202
Джабич 161, 162
Джамония Дж. 172
Джекич Мико 729
Джерджа Иосип 648
Джикич Осман 163
Джилас Милован 299, 416, 420, 442, 464, 533, 550, 569, 573–575, 602, 607, 610, 611, 612, 613, 614, 628, 632, 633, 663, 665, 672, 684, 686, 687, 741
Джинджич Зоран 842, 875
Джого Гойко 747
Джонсон Грегори 860
Джорджевич Владан 13, 27, 45
Джорджевич Димитрие 27
Джуиш Момчило 509
Джуриш Милан 37, 44, 45
Джуканович Блажо 426, 452
Джуканович Мило 847
Джуретич Веселин 748
Джуришиш Павле 426, 443, 490, 491, 507–510
Джуриш Д. 661
Джуриш Михайло 737
Дзодзе Кочи 573
Дилл Джон 339
Димитриевиш-Апис Драгутин 19, 30, 35
Димитриевиш Л. 163
Димитриевиш М. 115
Димитров Георгий 299, 339, 427, 428, 429, 438, 441, 457, 462–464, 497, 571–574, 579–581, 592
Димич Любодраг 684, 713, 237, 241, 741, 752
Димович Д. 172
Добривоевиш И. 269
Добрила Юрай 109, 110
Дожич Гаврило 265, 270, 553, 555
Доланц Стане 741
Домазетовиш Любомир 811
Доновен Уильям 328
Драгосавац Д. 746
Драшкович Вук 842, 747, 875
Драшкович И. 87, 91
Дрекович Рамиз 815
Дринкович Мате 227, 132, 206, 208, 228, 245, 258, 274

- Дрлевич Секула 510, 516
 Дрляча П. 160
 Дрновшек Янез 757, 871
 Дубчек Александр 725
 Дудакович Атиф 815
 Дулибич А. 204
 Думба Константин 21, 37, 38
 Дюверже М. 25
- Е**вджевич Добросав 509
 Евтич Боголюб 273, 276
 Еглич Бонавентура Антон 97, 210
 Едловский Йосип 153
 Елаич В. 172
 Елаич Йосип бан 92, 782
 Ельцин Б.Н. 857, 866
 Енко Август 151
 Ефтанович Г. 160, 161, 163, 169, 172
- Ж**акула С. 172
 Жданов А.А. 572, 573, 580–582, 592
 Жераич Богдан 131
 Живков Тодор 710
 Живкович Петар 266, 267, 270, 272–275, 293, 300
 Жерьяв Грегор 144
 Жоффер Жозеф 189
 Жуйович Йован 29
 Жуйович Младен 410, 688
 Жуйович Сретен 575, 578
 Жуков Г.К. 673
 Жупанич Нико 153, 183, 191
 Жутич Никола 261
- З**агорац Степан 122
 Занетти А. 110
 Затезало Симо 717
 Захариадис Никос 574, 590, 619
 Зеленович Драгутин 757
 Зимянин М. 658
 Зиновьев А.А. 869
 Зорин В.А. 573, 575
 Зубак Крешимир 824, 825
 Зулфикарпашич Адил 773
- И**ванов И. 795
 Иванов И.С. 858
 Иванишевич Фран 98
 Иванчевич Душан 246
 Ивекович Младен 651
 Иден Антони 339, 458, 460, 463, 500, 501, 641
 Изетбегович Алия 748, 756, 759, 770, 800, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 814, 815, 818, 819, 820, 821, 822, 824, 825, 827, 828, 832, 842, 844, 873
 Илешич Фран 151
 Илич Боголюб 339, 340, 350, 368
 Ильина Г.Я. 747
 Иоаннидис (Ионнидис), Яннис 574
 Иоанну 636
 Исакович Антоний 747, 748
- Й**ованович Алекса 15, 16
 Йованович Владислав 840
 Йованович Драголюб 285, 286, 300, 549–551
 Йованович Драгослав 727
 Йованович Живадин 856
 Йованович Йован 179, 181
 Йованович Л. 160
 Йованович Люба 245
 Йованович Надежда 255
 Йованович Слободан 15, 37, 179, 202, 227, 257, 272, 294, 336, 338, 410, 474, 475, 476, 688
 Йованович-Стоимирович Милан 14, 284
 Йованович-Чупа Люба 36
 Йович Борисав 757, 758, 767, 772, 787, 789, 791, 808
 Йович Д. 740, 745, 750, 753
- К**авчич Станет 730
 Кадар Я. 678
 Кадиевич Велько 784, 787, 788, 759
 Кадорна Луиджи 184
 Каллай Бенъмин 159, 160, 161, 162
 Казимирович Васа 20
 Калафатович Данила 352, 369, 375
 Каменецкий В. 738, 743
 Капетанович Мехмед-бег 160
 Капитанидес 636
 Каплан Р. 866
 Караджич Радован 808, 810, 817, 818, 829, 830
 Карагеоргиевич Александр 34, 36, 46, 186, 187, 199, 200, 201, 208, 209, 220, 223, 226, 230, 232, 235–239, 241, 242, 244, 247–251, 260, 262, 265, 266, 268–277, 279, 282–284, 289, 297
 Карагеоргиевич Елена Петровна 40
 Карагеоргиевич Павел 275–278, 283–286, 292, 296, 302, 307–312, 314, 315, 319–322, 324–332, 334, 336–338, 343, 369
 Карагеоргиевич Петр II 22, 31, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 62, 68, 135, 203, 208, 209, 209275, 331, 332, 373, 374, 410, 434, 435, 455, 459,

- 461, 462, 470, 474, 476, 479, 494, 495, 496,
502–505, 507, 509, 515, 520, 545, 553
- Карагеоргиевичи 19, 22, 35, 40, 68, 69, 122,
205, 208, 146, 150, 154, 177, 212, 225, 285,
315, 410, 470, 515
- Кардель Эдвард 299, 416, 420, 421, 503, 506,
526, 532, 533, 536, 538–540, 544, 549, 561,
562, 569, 573–578, 580, 591, 622, 625, 626,
628, 631, 636, 648, 651, 658, 659, 602, 603,
608, 613, 662, 663, 665, 671, 672, 673, 674,
693, 694, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707,
709, 710, 712, 713, 717, 720, 736, 738, 740,
741, 742
- Карл I Габсбург 171, 205
- Карлотти 191
- Каррингтон лорд 840
- Карни Р. 640
- Картер Дж. 828
- Касапинович С 115
- Катич Димитрие 28
- Кацлерович Гриша 20
- Кватерник Эуген 87, 88
- Кватерник Славко 358, 359, 365, 367, 372,
374, 375, 516
- Кеннард 255, 261, 269, 270
- Кидрич Б. 602, 603, 695
- Кемфеля Джуро 365
- Кеннан Дж. 621, 661
- Кеннон К. 629, 644
- Кёпрюлю Ф. 637
- Кидрич Борис 626
- Килибарда П. 626
- Клеменчич Ловро 151
- Клинтон Билл 799, 822, 825
- Клун Карел 142
- Клюич Стиепан 824, 825
- Клаич Михо 104, 109
- Ключевский В.О. 46
- Кничанин Елена 29
- Князь Лазар 46
- Кович М. 869
- Колевич Никола 810, 832
- Колишевский Л. 746
- Коллинз 626
- Комшич Иво 813
- Конрад фон Гетцендорф 121, 122, 134
- Контич Радое 790
- Корач Миладин 717
- Корач Витомир 96
- Кордич Дарио 825
- Корнилов Ю. 768
- Корнеев Н.В. 463, 473, 476, 487
- Корошец Антон 152, 153, 154, 171, 200, 204,
205, 206, 208, 221, 229, 230, 238, 255, 266,
273–277, 326
- Косанович Сава 479, 536, 539, 542
- Косич Петар 320
- Костиков В. 866
- Костич Джордже 34
- Костов Трайчо 582
- Кочич Петар 160, 163, 165, 169
- Коштуница Воислав 875
- Коштутич Аугуст 280, 288, 336, 364, 365, 374,
511, 512, 535, 541, 546, 549, 564
- Кошут Ференц 117
- Краишник Момчило 806, 809, 826, 832
- Крайгер Б. 696
- Крайгер Сергей 745
- Крайнович В. 118
- Крамарж Карел 147
- Кранкшоу Э. 687
- Красница Х. 172
- Красоевич Джордже 204
- Крек Миха 361, 367
- Крек Янез Евангелист 142, 143, 146, 148, 151,
152, 153, 204
- Крекич Б. 688
- Криппс Стаффорд 328
- Кристан Этбин 144, 145, 150
- Кришто Юре 96
- Крстель И. 208
- Крстич Иван 113
- Крлежа Мирослав 721
- Крневич Урай 280, 288, 364, 367, 375,
479, 541
- Крстич Никола 27, 33
- Круль Урош 164, 266
- Крупенский А.Н. 196, 197
- Кршняви Исидор 122
- Крэмpton Р. 753
- Кустурица Эмир 747
- Куэн-Хедервари Карой 85, 86, 87, 90, 91, 92,
93, 127, 128, 130
- Кузнечевский В. 742
- Кузьмичева Л.В. 40, 46
- Кулаковский П.А. 27, 47
- Куленович Джафер 367, 368
- Куленович Осман 368
- Куловец Фран 326, 361, 367
- Кумичич Эвген 92
- Купер И. 628
- Купусович Мурис 812
- Куропаткин А.Н. 21
- Кустурица Эмир 817

- Кучан Милан 770, 771, 772, 773, 750, 753, 758, 871
 Куянджич К. 160
 Кэмпбелл Р. 286
- Лаврентьев А.И.** 572, 575–578, 591
 Лаврищев А.А. 572
 Лагиня Матко 111, 112, 134, 204
 Лазаревич Лука 34
 Ламздорф В.Н. 16, 17, 21
 Ларц Е. 204
 Лебедев В.З. 329, 339, 341, 350
 Лев XIII 101
 Летица Е. 172
 Лётич Димитрий 300–302, 304, 322, 388, 491, 509, 513
 Лилич Зоран 843
 Лисица Славко 783, 784
 Ллойд Джордж Дэвид 187, 189, 193, 201
 Лобачев П.А. 57
 Лозич Миодраг 463
 Лончар Драготин 145
 Лоркович Иван 206, 208
 Лоркович Младен 511, 512, 522
 Лукачевич Воислав 494, 518
 Луневица Никодие 17, 20
 Луневица Никола 20
 Лучич В. 830
 Любиянкич Ирфан 828
 Любичич Никола 741
 Люггер Карл 124
 Люс Клэр Бут 640
- Маговац Божидар** 432, 531, 535, 540, 548, 560, 561
 Мажуранич Желимир 266
 Мажуранич Иван 85, 89
 Майкич К. 172
 Майков Ап.А. 47
 Майский И.М. 436
 Маканц Милан 87
 Макдауэлл Роберт 495
 Макензи Август 188
 Макензи Луис 809
 Маклин Д. 630
 Максимович Н. 115
 Максимов П.В. 61, 62, 67
 Максимович Божидар 252, 266, 273
 Максимиычев И.Ф. 869
 Маленков Г.М. 572, 582, 658, 665, 666, 670
 Малетер П. 678
 Маличи Шкельзен 849
- Мандич Анте 196
 Мандич Матко 111, 134
 Мандич Никола 164, 165, 513, 516
 Манолич Йосип 793
 Маньянич 101
 Маринкович Воислав 236, 266, 270, 272–274
 Маркович Антэ 770, 772
 Мансуров П.Б. 15, 16
 Манчха П.И. 576
 Мао Цзедун 717, 748
 Маркович Анте 754, 755
 Маркович Дража 750
 Маракович Л. 101
 Маркович Б. 203, 205
 Маркович Божидар 249
 Маркович Евреем 29
 Маркович Илка 29
 Маркович Лазар 176, 227, 228, 241, 248, 249, 252, 255, 293
 Маркович Мира 754
 Маркович Михайло 747, 754
 Маркс К. 695
 Мартич Милан 778, 782, 783, 795, 797
 Марушич Драго 479
 Марцелич Йосип 97
 Маршалл Дж. 626
 Масарик Томаш Гарриг 145, 92
 Матас Анте 104
 Матес Лео 633, 640, 659
 Марьянович Йован 720
 Махмутчехаич Русмир 807
 Махнич Антон 142, 153, 97, 100, 101, 102, 112, 125, 126, 127, 128
 Мачек Владимир 269, 275–287, 289, 291–296, 300, 302, 303, 308, 309, 326, 328, 331, 333–337, 349, 357, 358, 360, 361, 364–367, 372–375, 395, 421, 431, 432, 471, 476, 511, 512, 540, 541, 544–546, 549, 562
 Машин Александр 19, 22, 33, 34
 Машков В.Ф. 74, 79
 Медакович Богдан 118, 164, 207
 Медушевский А.Н. 25
 Мерецков К.А. 325
 Меркулов В.Н. 592
 Месич Стипе 770, 771, 772, 773, 792, 793, 757, 758, 759, 760, 761, 872
 Мешич Адем-ага 162, 171
 Мештрович Иван 131, 136, 191
 Микулич Бранко 744
 Миладинович Ж. 118
 Милаш Никодим 107
 Милетич Светозар 106, 114, 115

- Миличевич Милан 15
 Миличевич-Луњевица Анна 20
 Милованович Милован 39
 Милованович-Печанац Коста 390, 391, 409, 439
 Милосавлевич Светислав 238, 239, 269, 270
 Милошевич Слободан 770, 772, 778, 779, 780, 789, 791, 797, 800, 811, 829, 830, 832, 840, 841, 842, 843, 844, 847, 850, 853, 855, 856, 858, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 758, 760, 761, 875, 876
 Милутинович Иван 442
 Милутинович Милан 847
 Миралем Дервиш-бег 168, 169, 171
 Миркович Боривое 332, 333, 348
 Митрополит Михаил 13
 Михайлович Антун 207, 208
 Михайлович Драголюб (Дража) 405–412, 414, 415, 417–421, 424–426, 428–430, 433, 434, 437–439, 445, 449, 450, 452, 454, 458–463, 465–477, 479, 480, 482, 484, 487, 489–496, 499, 507–510, 513–515, 518, 553, 555, 688
 Михайлович Дража (писатель) 743
 Михайлович Коста
 Михайлович Любо 201
 Михалич Славко 721
 Мичунович В. 671, 672, 676, 679
 Мичунович Драголюб 842
 Мишич Петар 34
 Миошкович Л. 57, 58
 Молотов В.М. 316, 318, 324, 329, 339–341, 347, 350, 436, 463, 464, 476, 501, 505, 559, 572, 573, 575–578, 580, 581, 586, 594, 619, 652, 661, 663, 664
 Младич Ратко 784, 798, 811, 816, 817, 820, 821, 826, 827, 831
 Мольевич Стеван 294, 410, 411, 439, 469, 471, 527
 Мосли Ф. 633
 Мошетов В.В. 581
 Мразович Матия 27
 Мркшич Милѐ 798
 Муссолини Бенито 311–315, 317, 319, 321, 322, 325, 328, 338, 355, 357, 359, 381–383, 392, 393, 398, 425, 434, 445, 446, 451, 481
 Мушицки Коста 516
 Мэрфи Р. 645
- Наггл** Ф. 125
 Надь И. 671, 672, 678
 Нанчич Л. 115
 Нарделли Николай 129
 Насер Г. 653, 654, 659, 678
- Настич Джордже 122
 Натлачен Марко 361, 362, 363, 367, 373, 381, 382
 Недич Милан 292, 301, 302, 309, 320–322, 387–392, 400, 416, 418–421, 424, 425, 428, 430, 438, 448, 459, 487, 489–493, 499, 509, 510, 516, 518, 553, 559
 Ненадович 34, 72
 Неру Дж. 648, 650, 653
 Никезич Марко 719, 728, 729
 Никола Черногорский 18, ОН ЖЕ Петрович Негош Никола
 Николай I 40
 Николай II 16, 17, 18, 21, 67, 78, 185, 189, 200
 Никсон Ричард 716
 Нинчич Момчило 208, 337, 338, 368
 Нкун Нкио С. 650
 Нобило Марио 796
 Новакович Стоян 17, 24, 27
 Новиков Н.В. 463
 Нойбахер Герман 490, 491, 492, 493, 507
 Нотович Ф.И. 189
- Обренович** Милан 242
 Обилич Милош 44
 Обрадович Досифей 176
 Обренович (Машин) Драга 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21
 Обренович Александр 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 33, 34
 Обренович Милан 13, 14, 15, 17, 18, 19, 24, 27, 28
 Обренович Милош 14
 Обренович Наталья 15, 17
 Обреновичи 15, 18, 20, 22, 26, 30, 31, 33, 37
 Огорец Маринко 781
 Олленхауэр Э. 651
 Оуэн Дэвид 784, 816, 818, 820, 821, 826, 841, 866
- Павел** см. Карагеоргиевич Павел
 Павелич Анте 204, 206, 208, 209, 210, 300, 314, 355, 357, 359, 371, 394, 397, 398, 421, 424, 431, 432, 445–447, 451, 475, 480, 488, 510–513, 516, 535, 540
 Павелич М. 101
 Павлинович Миховил 104, 105, 106, 107, 108
 Павлович А. 688
 Павлович Драгиша 751
 Павлович Милован 20, 21
 Панич Милан 841, 842, 843
 Папагос 644
 Парцалидис 619
 Пачу Лаза 40, 175

- Пашич Никола 24, 25, 26, 30, 31, 32, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 72, 135, 175, 177, 178, 179, 181, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 195, 196, 198, 199, 200, 201, 202, 211, 222, 223, 226–229, 231, 232, 236–238, 241–244, 247–249, 251, 252, 254, 255, 257–259, 261, 276, 277, 289
 Пелагич Васа 96
 Перифой Дж. 637, 638
 Пеливан Юрай 806
 Пелла Дж. 643
 Перич Й. 204
 Пернар Иван 247
 Перович Иво 275
 Перович Латинка 25, 30, 701, 712, 720, 727, 728, 729
 Петерле Алойз 768, 770
 Петр II см. Карагеоргиевич Петр II
 Петранович Бранко 258, 400, 440, 718, 728
 Петрович Авраам 43
 Петрович Велько 46
 Петрович-Негош Даниил 63, 67
 Петрович-Негош Николай 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 209
 Петровици-Негоши 62, 64, 68, 209, 392, 393
 Печанац см. Милованович-Печанац Коста
 Пешель Б. 246
 Пешич Петар 326
 Пеячевич Ладислав 85
 Пеячевич Теодор 116
 Пиарон де Мондезир 189
 Пий X 101
 Пик Вильгельм 581
 Пик Ч. 618
 Пилар Иво 164
 Пилетич Владимир 499
 Пиркер Пера 722, 727
 Пирочанац Милан 22, 24
 Пирьевец Душан 704
 Пирьевец Йоже 772
 Пияде М. 602, 608, 695
 Пипинелис П. 620
 Плавщик Биляна 809, 810, 813
 Пламенац Йован 64
 Планиншчак Иван 131
 Пластирас Н. 629
 Погачник Йосип 204, 208
 Погачник Ловро 204
 Подгорник Франц 143, 144
 Полит-Десанчич М. 115
 Попов Берислав 771
 Попович Владимир 577, 622, 626
 Попович Дамнян 15, 34, 36
 Попович Данко 747
 Попович Жарко 325
 Попович Коча 601, 625, 626, 712
 Попович Крсто 426
 Попович М. 650, 701
 Попович Никола 199, 201
 Попович-Обрадович Ольга 26
 Посилович Юрай 97
 Поточняк Франко 191, 193
 Презель Иван 514, 515
 Прибичевич Адам 122
 Прибичевич Валериан 122, 205
 Прибичевич Милан 258
 Прибичевич Светозар 118, 122, 205, 206, 208, 220, 223–226, 229, 230, 233, 236–239, 241–244, 250, 256–260, 262, 271
 Примаков Е.М. 856, 857
 Принцип Гаврило 152, 170, 178
 Прица Сердан 629, 652
 Продан Иво 106, 108, 132, 204
 Проданович Яша 240, 241, 542, 549, 550
 Протич Милан 31
 Протич Стоян 22, 36, 175, 221, 223, 225–227, 231, 233, 244, 257
 Пуанкаре Раймон 34, 199
 Пуглиеси Антун 118
 Пулич Винко 813
 Пурич Божидар 460, 463, 474, 475, 484
 Путник Радомир 182
 Пуцар Джура 710
Р
 Равнихар Владимир 144, 204
 Радич Антун 94, 95
 Радич Степан 94, 95, 118, 119, 128, 132, 133, 208, 540
 Радичи 95, 118
 Радович В. 160
 Радонич Йован 179
 Радосавлевич Радивое 717
 Радулович Йован 747
 Радулович Р. 163
 Радулович Срджан 780
 Радхакришнан 649
 Райк Ласло 587, 588, 671
 Райффайзен Фридрих 110
 Ракоци С. 121
 Ракоши Матъяш 593, 621
 Радич Павел 252
 Радич Степан 222, 230, 237–240, 243, 244–249, 252–260, 262, 269, 275, 277, 280–282, 284, 286, 287

- Рамберг Х. 85
Ранкович Александр 299, 420, 569, 587, 626, 601, 613, 671, 674, 676, 698, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 709, 710, 711, 712, 713, 717, 721, 730, 741, 748
Раух Павел 122, 123, 127, 130
Рачан Ивица 793, 872
Рачич Драгослав 492
Рачки Франьо 86, 87
Рашич Михайло 200
Рашкович Йован 777, 778
Реваи Йозеф 593
Релич С. 866
Репе Божо 729
Рибар Иван 249, 300, 430, 455
Рибар Иво-Лола 300
Рибар О. 204
Ригер Франтишек 45
Риддлебергер Дж. 642
Риббентроп Йоахим 319, 324–327, 330, 338, 378, 490
Ристич В. 172
Ристич Йован 13, 26
Риттиг Светозар 203, 207
Риттих П.А. 72
Робертсон Дж. 859
Ровинский П.А. 28, 44, 61, 67
Рожич Ф. 207
Рожман Григорий 515, 552, 554, 565
Романов Иоанн Константинович 40
Романов Константин Константинович 40
Романова Александра Федоровна 17, 18
Романова Анастасия Николаевна 18
Романова Милица Николаевна 18
Романовы 18, 40
Ротшильд Д. 245
Роуз Майкл 827
Ругова Ибрагим 849, 850, 851, 854
Рузвельт Франклин 328, 437, 478, 505, 522
Рупел Димитрий 768
Рэн Элизабет 850
Рупник Леон 382, 448, 452, 511, 513–516, 522, 554, 559
Савич Драгутин 340
Сазонов С.Д. 178, 185, 188, 190, 196, 197
Саландра Антонио 180, 190
Самарджич Радован 28
Сан-Джулиано Антонио 181
Секулич Милисав 770
Сапунхия Риза 757
Селеми Сулейман (Султан) 855
Сетон-Уотсон Р. 255
Сидорович Г.С. 572, 577
Силайджич Харис 810, 816, 824, 827, 828
Силин М.А. 583
Симич Божин 329, 340, 341, 342, 347
Симич Станое 463
Симович Душан 210, 331–343, 348–350, 352, 358, 360, 364, 367–371, 375, 381, 437
Симович Томислав 788, 808
Скерлец Никола 132, 133
Скерлич Йован 176
Скоко Саво 183
Смодлака Йосип 117, 204, 208, 229
Смолян Бариша 367
Соколович Мехмет-паша 171
Солана Хавьер 853
Сонино 189
Спалайкович Мирослав 181, 189, 196
Спахо Мехмед 171, 277
Спинчич Векослав 111, 112, 134, 204, 204
Спиру Нако 573
Сречкович Панта 26
Сршкич Милан 163, 266, 274, 284
Сталин И.В. 328, 339–343, 458, 462–464, 487, 488, 496, 499–501, 503–505, 520, 533, 534, 542, 543, 559, 561, 568, 569, 571–578, 580, 582–584, 591, 661, 662, 663, 665, 666, 668, 670, 672, 675, 676, 727, 748, 868
Станишич Байо 426, 452, 617, 619, 620, 630, 639, 646, 651
Стамболич Иван 743, 750, 751
Стамболич Петр. 698, 728, 743
Станковић. Д. 253
Станкович Раденко 275
Станоевич Аца 271, 275
Старчевич Анте 87, 88, 89, 91, 92, 93, 102, 105, 106, 122, 129, 203, 206, 207, 168
Старчевич Миле 92, 122, 123, 129, 132, 172, 150
Степанович С. 172
Степинац Алойзие 397, 552–554, 627
Стефанович Светислав 711
Стивенсон Ральф 459, 461, 476
Стефанопулос С. 638
Стойков Тодор 276, 278, 280
Стоканович П. 169
Столтенберг Толбэт 841
Стоядинович Милан 241, 242, 252, 253, 276–278, 283, 284, 286
Стоянович Стоянович Л. 231
Стоянович Коста 33
Стоянович Светозар 717
Стоядинович Милан 292, 293, 386, 388, 538, 539

- Странякович Д. 688
 Стратимирович Джордже 115
 Судоплатов П.А. 332, 333
 Сулейман Великий 171
 Сулейманпашич Рифатбег 168
 Сульцбергер С. 631, 632, 633, 644
 Сунарич Йосип 172
 Супило Франо 108, 117, 118, 121, 136, 191, 192, 193, 196, 197, 203
 Суслов М.А. 573, 576, 579–582, 587, 593
 Сысоев И.Н. 21
 Сьюэл Джон 831
- Таафе** Эдуард 90, 141
 Тавчар Иван 143
 Тадич Любомир 717, 747, 748
 Татарчев Христо Николов 73
 Таушанович Коста 27
 Терзич Велимир 371, 464
 Тимошенко С.К. 325
 Тисса К. 90, 114, 132, 133
 Тито см. Броз Тито Йосип
 Тихонов Н.С. 577
 Тодорович Велимир 20
 Тодорович М. 666, 684
 Тодорович Миялко 712
 Тодорович Пера 26
 Тольятти П. 671
 Тольятти Пальмиро 570, 582, 589, 592
 Томанович Л. 62, 106
 Томас Р. 751
 Томац Здравко 758
 Томашич Людевит 512, 541
 Томашич Никола 127, 128
 Томислав II 398
 Томич Яша 115, 220
 Топалович Живко 467–472, 483, 484, 688
 Топалович-Цаце Мушан 813
 Торбар Йосип 367
 Трайковский Борис 874
 Тревельян Джордж 184
 Трешич-Павлович А. 204
 Тресич-Павичич Анте 231
 Трогрлич Степан 113
 Троцкий Л.Д. 32, 40, 178, 578
 Трипало Мико 717, 722, 723, 724, 725, 727
 Трифунович Мирослав 491
 Трпкович Лазар 714, 715, 717
 Трубецкой Г.Н. 72, 186, 187, 188, 190, 192, 195, 199, 119, 124, 136, 191, 197, 202, 203, 205, 208, 210, 228, 229, 245, 246, 249, 262, 275, 282
- Трумэн Гарри 515, 543, 619, 623, 626, 629, 633
 Туджман Стиепан 777
 Туджман Франьо 707, 721, 770, 776, 777, 780, 782, 787, 788, 792, 796, 797, 798, 799, 800, 819, 824, 825, 832, 844, 755, 756, 758, 760, 872
 Тума Хенрик 152
 Тупурковски Васил 772, 757, 759
 Тэлботт Струоб 858
- Узунович** Никола 237, 238, 255, 266, 274, 275, 276
 Уевич Тин 131
 Уикхем-Стид Генри 184, 200
 Ункельхезер Д. 131
 У Ну 650
 Уокер Уильям 854
 Уоррен Кристофер 799
- Фабиянчич** Франц 151
 Фаролфи Иван (Иванко) 511, 512, 541
 Федотова В.Г. 29
 Фейс Герберт 543
 Фердинанд II 84
 Фирдус Алибег 162
 Фирюбин Н.П. 673
 Фолнегович Фран 91, 92, 93
 Франгеш О. 274
 Франк Йосип 91, 92, 93, 95, 108, 121, 122, 128, 129, 135, 150, 153, 165, 166, 170, 166, 171, 358
 Франц-Иосиф I Габсбург 19, 87, 92, 121, 159, 200
 Франц Фердинанд 119, 120, 121, 123, 125, 129, 130, 149, 152, 170
 Фридьонг Хайнрих (Генрих) 123, 124
- Хайдини** Зейнел 720
 Хайле Силасие 650
 Хебранг Андрия 532, 533, 578
 Херцог Иван 228
 Хаджич Горан 796
 Халилович Сефер 815, 819, 820
 Хильми-паша 75, 76
 Хисени Хидает 851
 Ходжа Фадиль 719
 Ходжа Энвер 573, 672
 Холбрук Ричард 853, 866
 Холевац Вьекослав 717
 Хоппе Ганс-Йоахим 777, 792
 Хорват Александр 135
 Хорват Йосип 228, 245, 259
 Хофман Бранко 747
 Хрибар Иван 143, 148

Хрушев Н.С. 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670,
671, 672, 674, 676, 677, 678, 679, 680, 686

Хусейнагич Сайфутдин 171

Хэлл Кордел 458

Цалдарис 619, 620

Цанкар Изидор 479

Цанкар Иван 152, 705

Царь Душан 46

Цветкович Драгиша 278, 279, 285, 291–296,
300, 302, 303, 308, 309, 320–322, 324–328,
330, 331, 333–335, 337, 338, 349, 369, 471

Цвийич Йован 179

Циммерман Уоррен 773, 809, 756, 866

Цинцар-Маркович Александр 320, 323–325,
327, 329, 330

Цинцар-Маркович Димитрие 18, 19, 20

Цинцар-Маркович Мария 20

Црвенковский Бранко 874

Црвенковски Крстэ 714, 717

Цувай Славко 130, 131

Чавошки Коста 737, 748

Чарыков Н.В. 16, 17, 18, 20, 21

Чаушевич 171, 172

Чемалович Смаил-ага 163

Чемберлен Джозеф 23

Черина Владимир 131

Черномырдин В.С. 858, 859

Черчилль Уинстон 437, 459, 460, 461, 462,
467, 474, 476–479, 485, 494, 500, 501, 503–
505, 515, 520, 542, 543, 563

Чиано Галеаццо 284, 314, 322, 330, 338, 378

Чимич Эрнест 258

Чингрия М. 204

Чингрия Перо 109, 117, 119, 124

Чирков Г.В. 193, 195, 197, 198, 201

Чичерин Г.В. 244

Чжоу Энлай 680

Чурчин Милан 228, 229

Чосич Добрица 671, 678, 696, 702, 703, 704,
705, 709, 710, 711, 715, 719, 720, 791, 748,
750, 753, 818, 841, 842, 843

Чосья Реджеп 854

Чуич Степан 747

Шарич Иван 168, 169

Шврлюга Станко 266

Шевгич К. 207

Шельба М. 644

Шеху М. 672

Шечербегович Мохаммед 814

Шешель Воислав 748, 811, 841, 842

Шиллинг М.Ф. 191

Шимоня М. 626, 636

Шимрак Янко 207, 208

Шола Атанасие 208

Шола В. 160, 163, 172

Шпигель Мартин 768

Шпиляк Мика 717

Штадлер Йосип 97, 129, 158, 171, 161, 164,
165, 168

Штейн Е.Ф. 198

Штрандтман В.Н. 177, 178, 185, 187

Штроссмайер Йосип Юрай 86, 87, 97, 102,
104, 106, 107

Шубашич Иван 282, 291, 336, 359, 364, 367,
474–477, 479, 494, 500–506, 520, 521,
534–549

Шувар Стипе 748, 749, 757

Шульц Герман 110

Шутей Юрай 367, 479, 506, 536, 537, 540–542,
546, 549, 558, 564

Шушак Гойко 798

Шуштершич Иван 129, 130, 143, 149, 151,
152, 153, 204

Щеглов А.Н. 65

Щербина Г.С. 75

Эдуард VII 34, 78

Эйзенхауэр Д. 668

Экмечич Милорад 20, 42, 43, 813

Эндер К. 799

Эренталь Э. 121, 123

Эттли Клемент 484, 563

Юзбашич Д. 159

Юкич Илья 349

Юкич Лука 131

Яклич Ф. 204

Якшич П. 635

Янкович Ф. 204

Янушич Юрислав 130

Янша Янез 758, 768, 769, 770, 773

Научное издание

Югославия в XX веке: Очерки политической истории

Издательство «Индрик»

Редактор Л. А. Абакова
Оригинал-макет А. Ш. Мамяшев

По вопросу приобретения книг
издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 70×100/16. Печать офсетная.
55,5 п. л. Тираж 800 экз. Заказ №
Отпечатано с оригинал-макета

